
3 1761 07347472 8

СЕМЕЙСТВО БАКУНИНЫХЪ.

I.

А. А. Корниловъ.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ
МИХАИЛА БАКУНИНА.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РОМАНТИЗМА.

МОСКВА.
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1915.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб.
МОСКВА—1915.

Михаилъ Александровичъ
Бакунинъ
въ 1838 г.

Настоящая работа составляетъ первый томъ монографіи, задуманной мною еще въ 1904 г., подъ общимъ заглавіемъ «Семейство Бакуниныхъ». Томъ этотъ составился изъ ряда статей, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», за 1909, 1911, 1912 и 1913 годы.

Въ основу этой работы положены изслѣдованныя мною данныя архива Бакуниныхъ, доступъ къ которому я получилъ благодаря любезному разрѣшенію Натальи Семеновны Бакуниной и покойнаго Александра Александровича Бакунина, пережившаго всѣхъ своихъ братьевъ и скончавшагося въ Премухинѣ въ 1908 г. на 87-мъ году жизни [1]).

Архивъ этотъ былъ составленъ и приведенъ въ порядокъ главнымъ образомъ Натальей Семеновной Бакуниной, подъ руководствомъ ея покойнаго мужа Павла Александровича, скончавшагося въ Крыму въ имѣніи «Горная Щель» подъ Ялтой въ 1900 году. Съ П. А. судьба столкнула меня, по счастливой для меня случайности, еще въ 1882 г. въ домѣ А. В. Вышеславцева, близкаго друга моего покойнаго отца. Я былъ тогда совсѣмъ юнымъ студентомъ, вовсе не собиравшимся заниматься историческими изслѣдованіями судебъ русскаго общества и совершенно не представлявшимъ себѣ той выдающейся роли, которую сыграло въ судьбахъ русскаго общества семейство Бакуниныхъ; но я и сейчасъ живо помню то глубокое впечатлѣніе, которое произвела на меня тогда мимолетная встрѣча съ этимъ оригинальнымъ человѣкомъ, уже вступившимъ въ седьмой десятокъ своей жизни, но еще совершенно бодрымъ, жизнерадостнымъ и полнымъ силъ. Въ немъ меня тогда осо-

---

[1]) Некрологъ его помѣщенъ мною въ „Рѣчи“ за 1908 г. № 225.

бенно поразило то своеобразное отношеніе къ явленіямъ и вопросамъ окружающей жизни, которое я не могъ не замѣтить сквозь шутливо ласковый тонъ, съ какимъ Павелъ Александровичъ относился къ случайно встрѣчавшимся съ нимъ молодымъ людямъ. Я сразу почувствовалъ тогда въ немъ человѣка совершенно иной духовной формаціи, нежели лица, среди которыхъ мнѣ приходилось жить и развиваться. Его принадлежность къ эпохѣ сороковыхъ годовъ, типическія черты которой онъ сохранилъ до смерти, я не могъ тогда, благодаря своей неопытности, распознать и правильно оцѣнить, но я сразу же почувствовалъ, что этотъ, непохожій на обыкновенныхъ людей человѣкъ, несомнѣнно опирается на какія-то прочныя и устойчивыя духовыя основы, дающія ему ту особую импонирующую своеобразность и независимость, которыя сказывались и въ его разговорѣ, и во всемъ его обликѣ.

Затѣмъ мнѣ не приводилось встрѣчать Павла Александровича до конца девяностыхъ годовъ. Въ 1892 году мнѣ посчастливилось познакомиться съ его братомъ Александромъ Александровичемъ въ Москвѣ на юбилеѣ извѣстнаго общественнаго дѣятеля Алексѣя Андріановича Головачова, при чемъ я слышалъ вдохновенную рѣчь, съ которой Александъ Александровичъ тогда выступилъ и которая произвела такое сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже плакали. Затѣмъ я неоднократно встрѣчалъ А. А. въ домѣ И. И. Петрункевича и успѣлъ довольно близко съ нимъ познакомиться, уже сознательно цѣня въ немъ и выдающагося носителя общественныхъ идеаловъ, которымъ я самъ поклонялся, и живого представителя столь интересной эпохи, какъ сороковые годы, сохранившаго въ себѣ столь же ярко и рѣзко всѣ основныя черты этой приснопамятной эпохи русской жизни, какъ и братъ его Павелъ Александровичъ. Самъ принадлежа къ совершенно иной формаціи русской интеллегенціи, воспитанный на совершенно иныхъ идеяхъ и въ совершенно иныхъ условіяхъ жизни, будучи членомъ одного изъ идейныхъ кружковъ молодого поколѣнія восьмидесятыхъ годовъ, я, какъ и другіе мои товарищи по кружку, знавшіе А. А. Бакунина, Дм. Ив. Шаховской,

В. И. Вернадскій, братья Ольденбурги, съ величайшимъ интересомъ, и разумѣется огромною пользою для себя, наслаждался тогда драгоцѣннымъ общеніемъ съ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ того общества, старшими членами и руководителями котораго были когда-то Станкевичъ, Бѣлинскій, Михаилъ Бакунинъ и Герценъ и изъ котораго вышелъ потомъ Тургеневъ. Изъ непосредственнаго общенія съ А. А. Бакунинымъ и черезъ посредство такого представителя послѣдующаго поколѣнія, какъ Ив. Ил. Петрункевичъ, мы почерпнули тогда много новыхъ элементовъ для окончательнаго сформированія своего міросозерцанія и своихъ собственныхъ общественныхъ взглядовъ и идеаловъ...

Затѣмъ я уѣхалъ изъ Москвы и лишь въ 1898 году встрѣтился въ Крыму уже съ обоими братьями Бакуниными сразу въ имѣніи Павла Александровича «Горной Щели» и здѣсь же познакомился и съ женой Павла Александровича Наталіей Семеновной, отъ которой я тогда же узналъ о существованіи архива, при чемъ Н. С. дала мнѣ тогда списать изъ сокровищъ этого архива одно большое письмо Бѣлинскаго къ Михаилу Бакунину (отъ 13—17 августа 1838 года).

Н. С. Бакунина, урожденная Корсакова, вступила въ семью Бакуниныхъ въ 1861 г., выйдя замужъ за Павла Александровича. Прежде чѣмъ узнать своего будущаго мужа, она познакомилась въ концѣ 50-хъ гг. съ его сестрой Варварой Александровной Дьяковой, съ которой она сошлась на почвѣ общихъ религіозныхъ интересовъ и идеаловъ. И на почвѣ тѣхъ же возвышенныхъ интересовъ произошло ея знакомство и сближеніе и съ ея будущимъ мужемъ. Она въ это время была уже не молоденькой дѣвушкой, — въ 1859 г. ей уже исполнилось тридцать лѣтъ, а Павлу Александровичу было въ это время уже почти 40. Сближеніе, начавшееся на почвѣ религіозно-нравственныхъ интересовъ, закончилось бракомъ, и въ 1861 г. Наталья Семеновна вошла въ бакунинскую семью, глубоко раздѣляя всѣ тѣ высшіе духовные стремленія и интересы, въ которыхъ воспитались и жили члены этой семьи съ конца 30-хъ годовъ. Такимъ образомъ, выйдя за П. А. замужъ, Наталья

Семеновна не по фамиліи только сдѣлалась Бакуниной. Какъ разъ въ это время въ семьѣ произошелъ рядъ событій, близкое участіе въ которыхъ еще глубже сроднило Наталью Семеновну съ семействомъ, въ которое она вступила. Въ концѣ 1861 г. бѣжалъ изъ Сибири черезъ Японію и Америку въ Лондонъ Михаилъ Бакунинъ, и нужно было помочь его женѣ перебраться туда же: а въ 1862 г. братья Павла Александровича, Николай и Алексѣй Александровичи, были посажены въ Петропавловскую крѣпость въ числѣ 13 мировыхъ посредниковъ, участвовавшихъ въ извѣстной тверской исторіи, разразившейся на дворянскомъ собраніи 1861—62 года. Наталья Семеновна взяла на себя ближайшимъ образомъ и хлопоты по отправкѣ жены къ Михаилу Бакунину, и попеченіе о посаженныхъ въ крѣпость братьяхъ, и это окончательно сроднило ее съ семьей ея мужа. Затѣмъ подошла земская реформа, вернулся изъ-за границы Александръ Александровичъ, принимавшій въ 50-хъ и 60-хъ гг. участіе въ Гарибальдійскихъ походахъ въ Италіи, и братья Бакунины дѣятельно принялись за организацію мирового суда и только что открытыхъ земскихъ учрежденій въ Тверской губерніи, и въ ихъ новой общественной дѣятельности приняла самое душевное участіе и Наталья Семеновна.

Въ 1865 г. Наталья Семеновна ѣздила съ мужемъ за границу и здѣсь лично познакомилась и сблизилась съ его старшимъ братомъ Михаиломъ Александровичемъ, и хотя жизненные пути и общественные взгляды обоихъ братьевъ сильно разошлись въ это время, это не мѣшало прожить имъ въ тѣсномъ общеніи нѣсколько мѣсяцевъ.

Естественно, что сроднившись до такой степени съ семьей своего мужа, Наталья Семеновна интересовалась не только настоящимъ и будущимъ этой семьи, но тѣсно прилѣпилась и къ тому прошлому, живыя нити съ которымъ не были порваны и заключались въ свято хранившейся перепискѣ былыхъ временъ. Главной хранительницей этой переписки и вообще всѣхъ семейныхъ традицій до своей смерти (въ 1871 г.) являлась сестра Бакуниныхъ Татьяна Александровна, которой какъ видно изъ предлагаемаго тома, принадлежала крупная и весьма

дѣятельная роль не только въ храненіи, но и въ самомъ образованіи этихъ традицій. Когда же Татьяна Александровна скончалась, то забота о дальнѣйшемъ храненіи семейныхъ реликвій какъ-то сама собой сосредоточилась въ рукахъ Натальи Семеновны, которая и занялась въ это время, подъ руководствомъ мужа, приведеніемъ богатаго семейнаго архива въ порядокъ.

Это приведеніе въ порядокъ заключалось въ расположеніи писемъ по годамъ, при чемъ они были разложены и сшиты въ хронологическомъ порядкѣ въ довольно толстые томики, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ 200 — 300 почтовыхъ листковъ, мелко исписанныхъ, иногда даже крестъ на крестъ, часто на иностранныхъ языкахъ, и такихъ томиковъ за нѣкоторые годы образовалось два и даже иногда три.

Въ составъ архива входятъ отдѣльныя бумаги и письма даже и XVIII вѣка: но ихъ немного. Въ значительно большемъ числѣ сохранились письма, начиная съ 1810 г., т.-е. со времени женитьбы Александра Михайловича Бакунина— отца Михаила Бакунина и его братьевъ. Но и тутъ письма сохранились далеко не за всѣ года, а часть ихъ — и притомъ, вѣроятно, наиболѣе значительная и интересная—была несомнѣнно истреблена въ 1826 году, въ виду тревогъ и переполоха, произведенныхъ послѣдовавшими послѣ 14 декабря 1825 г. арестами въ кругу лицъ, близкихъ къ семейству Бакуниныхъ. Въ этомъ движеніи были сильно замѣшаны близкіе родственники Бакуниныхъ Муравьевы, и самъ Александръ Михайловичъ Бакунинъ несомнѣнно былъ прикосновененъ къ образованію Союза Благоденствія. Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что сохранились въ архивѣ письма декабриста Александра Николаевича Муравьева отъ 1812 — 14 г.г. Отъ конца 20-хъ и начала 30-хъ г.г. главнымъ образомъ сохранилась переписка А. М. и В. А. Бакуниныхъ съ дѣтьми. Начиная же съ середины 30-хъ г.г. и до конца пятидесятыхъ письма сохранялись систематически, при чемъ сохранилась переписка членовъ семьи Бакуниныхъ не только между собой, но и съ ихъ ближайшими друзьями: членами извѣстнаго кружка Н. В. Станкевича и членами близкой къ Бакунинымъ семьи Беeръ.

Особенно тщательно хранились письма Михаила Бакунина за время съ начала 30-хъ и до середины 40-хъ годовъ. Въ архивѣ были также письма Бѣлинскаго къ Бакунину и многія письма Станкевича. Но первыя изъ нихъ переданы были на храненіе въ архивъ историческаго музея Александра III въ Москвѣ, гдѣ они хранятся и въ настоящее время; а вторыя въ семью Николая Владиміровича Станкевича, и въ настоящее время они принадлежатъ его родному племяннику А. И. Станкевичу. Съ писемъ Бѣлинскаго сняты были точныя копіи, которыми пользовался въ свое время извѣстный историкъ нашей общественности и литературы А. Н. Пыпинъ, а послѣ него ими пользовался для своей работы «Любовь у идеалистовъ 30-хъ г.г.» П. Н. Милюковъ. Въ настоящее время эти письма изданы въ 3-хъ томахъ Е. А. Ляцкимъ подъ общимъ заглавіемъ: «Бѣлинскій. Письма» (Спб. 1914). Переписка Н. В. Станкевича была издана впервые еще въ 1857 г. П. В. Анненковымъ вмѣстѣ съ его біографическимъ очеркомъ, но въ то изданіе письма были включены далеко не всѣ и изданныя письма были, по условіямъ того времени, напечатаны въ очень неполномъ видѣ: достаточно сказать, что изъ нихъ была совершенно исключена даже самая фамилія Бакунина. Теперь эти письма издаются полностью Алексѣемъ Ивановичемъ Станкевичемъ, благодаря любезности котораго я и могъ воспользоваться ими въ корректурныхъ гранкахъ, для настоящей своей монографіи.

Свою работу надъ архивомъ Бакуниныхъ я началъ, какъ сказано выше, въ 1904 г. А. А. Бакунинъ, гостившій въ Горной Щели, когда я приступалъ, съ разрѣшенія Н. С. Бакуниной, къ ознакомленію съ архивомъ, сперва былъ очень удивленъ, узнавъ отъ меня, что я хочу не только извлечь изъ архива матеріалы для біографіи его брата Михаила, но и вообще дать описаніе жизни его семьи, какъ она совершалась, начиная съ 30-хъ г.г. и даже ранѣе, въ ихъ родовомъ гнѣздѣ. Онъ усумнился прежде всего, чтобы это могло интересовать широкую публику: «вѣдь изъ всѣхъ насъ человѣкомъ выдающимся и достопримѣчательнымъ, сыгравшимъ извѣстную истори-

скую роль, былъ одинъ только Михаилъ Александровичъ,— сказалъ мнѣ тогда А. А. Бакунинъ — какой же интересъ для публики можетъ заключаться въ изображеніи различныхъ эпизодовъ, относящихся къ остальнымъ членамъ семьи?» Но когда я подробнѣе разсказалъ ему свой планъ и указалъ на то, что исторія ихъ семейной жизни отъ декабристовъ и до внѣдренія въ русскую жизнь земскихъ учрежденій включительно,—не говоря ужъ о томъ, что съ Премухинымъ связана жизнь такихъ представителей русской общественной мысли, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій,—несомнѣнно можетъ дать картину развитія русской общественной жизни чуть не за цѣлое столѣтіе, Александръ Александровичъ согласился со мной, что такая задача не лишена крупнаго интереса и что, при сколько-нибудь удачномъ ея выполненіи, можетъ выйти книга, небезынтересная даже и для большого круга читателей. Впослѣдствіи же, когда я дѣлился съ А. А. свѣдѣніями, добытыми мною изъ архива и относящимися къ событіямъ, имъ самимъ пережитымъ или касавшимся его близкихъ, Александръ Александровичъ много помогалъ мнѣ различными своими собственными воспоминаніями, пробуждавшимися въ немъ по мѣрѣ того, какъ я сообщалъ ему добытые мною матеріалы и факты: понятно, что эти воспоминанія и живые разсказы Александра Александровича во многомъ освѣщали и дополняли данныя архива. Такъ началъ я свою работу въ архивѣ въ его присутствіи и при его драгоцѣнномъ для меня участіи въ 1904 году. Съ неменьшимъ участіемъ относилась къ моей работѣ и Наталья Семеновна, для которой я сдѣлался, благодаря своему погруженію въ родное ей прошлое, почти современникомъ, съ которымъ она охотно дѣлилась и своими личными воспоминаніями.

Къ сожалѣнію въ 1904 г. занятія мои въ архивѣ не были продолжительны: ходъ тогдашнихъ событій современной общественной жизни вскорѣ отвлекъ меня отъ бакунинскаго архива. Увлекшись дѣлами и интересами современной жизни, я могъ въ теченіе послѣдующихъ 3—4 лѣтъ лишь урывками возвращаться къ бакунинскому архиву. За эти годы я далъ лишь небольшой очеркъ, посвященный дѣтству и годамъ уче-

нія Михаила Бакунина, помѣщенный въ № 7 журнала «Былое» за 1907 годъ.

Въ 1909 г. я приступилъ вплотную къ разработкѣ данныхъ архива, перевезеннаго въ 1907 г. въ Тверскую губернію, и результаты своихъ работъ сталъ печатать въ видѣ статей, обработанныхъ по заранѣе составленному плану, въ «Русской Мысли» (№№ 5, 6 и 10 за 1909 г.). Но осенью того же 1909 года я вновь былъ оторванъ отъ этого дѣла другими работами на цѣлыхъ два года—до лѣта 1911 года. И только съ іюня этого года я могъ опять вернуться къ своей архивной работѣ, которую и продолжалъ въ 1912 и 1913 гг. Результаты этой работы я печаталъ въ «Русской Мысли» за 1912 и 1913 годы.

Въ настоящее время, закончивъ первую часть своей монографіи, обнимающую время съ 1810 по 1840 гг. и относящуюся главнымъ образомъ къ дѣтству и молодымъ годамъ Михаила Бакунина, я рѣшилъ издать ее въ собранномъ и отчасти переработанномъ видѣ, какъ первый томъ задуманной мною хроники.

Михаилъ Бакунинъ является безспорно центральной фигурой этого тома, почему я и рѣшился озаглавить его: «Молодые годы Михаила Бакунина»; но томъ этотъ все же не является исключительно частью его біографіи. Онъ составляетъ часть той хроники, которая, по выработанному мною плану, должна дать картину жизни всего оригинальнаго семейства Бакуниныхъ въ живомъ взаимодѣйствіи членовъ этого семейства съ окружавшимъ ихъ обществомъ. Поэтому въ первыхъ главахъ этого тома отведено значительное мѣсто весьма своеобразной личности отца Михаила Бакунина—Александра Михайловича, который родился и выросъ въ XVIII вѣкѣ и кончилъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ этого вѣка курсъ Падуанскаго университета, потомъ въ началѣ XIX вѣка былъ другомъ и отчасти даже наставникомъ родственниковъ его жены молодыхъ Муравьевыхъ, основателей «Союза благоденствія», и затѣмъ погрузился всецѣло въ свою семейную жизнь, стремясь создать въ нѣдрахъ ея особый, совершенно оригинальный культурный очагъ. И дѣйствительно онъ успѣлъ создать уголокъ высоко-культур-

ной жизни, въ которомъ сходились впослѣдствіи представители молодого поколѣнія тридцатыхъ годовъ, оставившіе яркій идейный слѣдъ въ исторіи русскаго общества.

Затѣмъ, рядомъ съ Михаиломъ Бакунинымъ выведены, по даннымъ превосходно сохранившейся переписки, его сестры и показанъ и ихъ высокій и оригинальный душевный міръ, и ихъ взаимоотношенія съ членами извѣстнаго кружка Н. В. Станкевича, къ которому принадлежалъ ихъ братъ. Въ матеріалахъ архива я нашелъ рядъ цѣнныхъ данныхъ для обрисовки эпизодовъ, которые даютъ довольно яркое представленіе о русскомъ романтизмѣ тридцатыхъ годовъ,—не въ романахъ и повѣстяхъ, а въ самой жизни.

Наконецъ, еще болѣе значительная часть этого тома посвящена—на ряду съ выясненіемъ хода внутренняго развитія Михаила Бакунина,—подробному изображенію его отношеній съ другими выдающимися членами того философскаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ съ 1835 по 1840 годъ. Въ этомъ отношеніи переписка, составившая содержаніе значительной части этого тома, вмѣстѣ съ вышедшимъ недавно полнымъ собраніемъ писемъ Бѣлинскаго и приготовляемыми къ изданію письмами Станкевича, даетъ, какъ мнѣ кажется, достаточно полную картину внутренней жизни всего кружка Станкевича.

Настоящій томъ заканчивается какъ разъ смертью Станкевича, отъѣздомъ Бакунина за границу и переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ, гдѣ начался совершенно новый періодъ жизни и дѣятельности послѣдняго. Такимъ образомъ содержаніе этого тома даетъ довольно законченный очеркъ интимныхъ и идейныхъ отношеній членовъ этого замѣчательнаго кружка.

Содержаніе слѣдующихъ двухъ томовъ задуманной мною монографіи рисуется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Второй томъ я хотѣлъ бы посвятить эпохѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ до Крымской войны включительно. Въ него, слѣдовательно, должны войти бурные годы жизни и дѣятельности Михаила Бакунина за границей,—начиная съ вступленія его въ 1840 году въ берлинскій университетъ и вплоть до выдачи его русскому правительству Австріей и послѣдовавшаго затѣмъ за-

ключенія его сперва въ Петропавловскую крѣпость (съ 1851 до 1854 гг.), а потомъ въ Шлиссельбургскую (съ 1854 по 1857 г.), а также исторія жизни и дѣятельности прочихъ членовъ Бакунинской семьи въ сороковые и пятидесятые годы, до 1856 г. включительно. Третій томъ, по моему плану, долженъ обнимать эпоху реформъ въ Россіи (съ 1856 по 1875 гг.),— въ главныхъ дѣлахъ которой братья Бакунины принимали выдающееся участіе,—а также и послѣдній періодъ жизни Михаила Бакунина, начиная съ освобожденія его изъ Шлиссельбурга (въ 1857 г.) и до послѣднихъ годовъ его лихорадочной политической дѣятельности, обратившейся въ концѣ-концовъ, какъ извѣстно, въ страстную проповѣдь анархизма въ различныхъ странахъ. Содержаніе этого третьяго тома должно быть закончено смертью Михаила Бакунина (въ 1876 году).

Времени появленія этихъ двухъ томовъ, проектированныхъ мною лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, я, разумѣется, не могу опредѣлить даже и приблизительно, но полагаю, что отдѣльное изданіе въ свѣтъ нынѣ выпускаемаго тома оправдывается достаточной законченностью его содержанія.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь свою искреннюю признательность тѣмъ лицамъ, которыя оказали мнѣ то или иное содѣйствіе при выполненіи моей работы. Въ этомъ отношеніи, сверхъ драгоцѣнной помощи, оказанной мнѣ покойнымъ А. А. Бакунинымъ и душевноуважаемой Н. С. Бакуниной, я съ благодарностью вспоминаю то живое участіе къ моей работѣ, которое оказали Анастасія Сергѣевна и Иванъ Ильичъ Петрункевичи, Елизавета Ильинишна и Михаилъ Ивановичъ Петрункевичи, Михаилъ Алексѣевичъ и Софья Марковна Бакунины, Елизавета Александровна Бакунина, Алексѣй Ивановичъ Станкевичъ и Александръ Алексѣевичъ Бейэръ.

17 октября, 1914 года. **А. К.**

МОЛОДЫЕ ГОДЫ
Михаила Бакунина.

ГЛАВА I.

Родъ Бакуниныхъ.—М. В. Бакунинъ.—Покупка Премухина.—М. М. Бакунинъ и его дочери.—И. М. Бакунинъ и сестры.—А. М. Бакунинъ.— Его воспитаніе.—Вліяніе великой революціи на его взгляды.—Его служба за границей и въ Россіи.—Отставка.—Жизнь въ деревнѣ и отношеніе къ крестьянамъ и крѣпостному праву.—Служба предводителемъ дворянства.—Женитьба.—Муравьевы и Полторацкіе.

Семейство Бакуниныхъ, изъ котораго вышелъ извѣстный всему міру «апостолъ разрушенія» Михаилъ Александровичъ Бакунинъ и его младшіе братья, принявшіе живое и плодотворное участіе въ нашемъ общественномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ и въ позднѣйшей созидательной земской работѣ, принадлежитъ къ числу старыхъ дворянскихъ родовъ. Оно находится въ родственныхъ связяхъ со многими другими извѣстными семьями (Муравьевыми, Мордвиновыми, Полторацкими, Львовыми, Воейковыми, Корсаковыми и др.). Однако въ исторіи нашей до XIX вѣка семейство это не играло особенной роли и свѣдѣній о какихъ-либо историческихъ подвигахъ и заслугахъ его членовъ въ болѣе старое время не сохранилось. Въ семейныхъ преданіяхъ сохранились малодостовѣрныя и неясныя легенды о происхожденіи Бакуниныхъ отъ извѣстнаго польскаго короля Стефана Баторія или о родственныхъ связяхъ съ нимъ, но никакихъ документальныхъ данныхъ, намекающихъ на что-либо подобное, повидимому, не существуетъ. Первый документально извѣстный предокъ этого рода Никифоръ Евдокимовъ былъ въ 1658 г. дьякомъ и числился въ 1677 г. московскимъ дворяниномъ. Правнукъ его, Михаилъ Ивановичъ, былъ комендантомъ въ Царицынѣ при Петрѣ Великомъ. Сынъ Михаила, Василій, умершій въ 1766 г., служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ составилъ «Описаніе калмыцкихъ народовъ, особенно таргоутскаго», хранящееся въ ру-

копіи въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. У него было три сына: два одноименныхъ — Петръ Васильевичъ-большой и Петръ Васильевичъ-меньшой и третій Михаилъ Васильевичъ, отъ котораго и произошло семейство Бакуниныхъ, описываемое въ настоящей хроникѣ.

Отъ Петра Васильевича-меньшого также осталось потомство, отдѣльные представители котораго занимали болѣе или менѣе выдающіяся мѣста на государственной службѣ, что послужило поводомъ къ шутливой характеристикѣ этихъ двухъ отраслей рода Бакуниныхъ, данной имъ въ разговорѣ съ тверскимъ губернаторомъ Сомовымъ извѣстнымъ дѣятелемъ тверского земства Павломъ Александровичемъ Бакунинымъ. На вопросъ Сомова, состоитъ ли П. А. въ родствѣ съ бывшимъ тверскимъ губернаторомъ А. П. Бакунинымъ Павелъ Александровичъ отвѣчалъ смѣясь, что родъ Бакуниныхъ распался на двѣ отрасли и что одна изъ нихъ, происшедшая отъ Петра, «*пошла по администраціи*», а другая, происшедшая отъ Михаила Васильевича, къ которой принадлежалъ самъ Павелъ Александровичъ съ братьями, — «*пошла по революціи*». Собесѣдникъ его былъ нѣсколько смущенъ такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, но отвѣтъ этотъ въ общемъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности, если, конечно, слово «революція» понимать въ довольно широкомъ смыслѣ.

Оба Петра Васильевичи Бакунины, жившіе и дѣйствовавшіе при Екатеринѣ, были членами коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но младшій изъ нихъ (ум. въ 1786 г.) игралъ, повидимому, гораздо болѣе замѣтную роль, нежели старшій. Онъ принадлежалъ сперва къ интимному кружку гр. Никиты Ивановича Панина, и пользовался полнымъ довѣріемъ послѣдняго; но затѣмъ оказался переметчикомъ. Сохранилось извѣстіе, что онъ передалъ Екатеринѣ списокъ лицъ, намѣревавшихся въ моментъ достиженія совершеннолѣтія наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ потребовать провозглашенія его императоромъ. Впослѣдствіи этотъ П. В. Бакунинъ пользовался большимъ вліяніемъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Одно время онъ занималъ также должность президента Россійской академіи. Изъ сыновей его Модестъ оставилъ сочиненіе «Къ новому раздѣлу и обрабатыванію полей» (СПБ. 1800 г.); сынъ же этого Модеста Михаилъ отличился впослѣдствіи тѣмъ, что, командуя

одной изъ батарей, вызванныхъ императоромъ Николаемъ на дворцовую площадь въ памятный день 14 декабря 1825 г., первый стрѣлялъ по декабристамъ. Другой сынъ Петра Васильевича Павелъ былъ въ началѣ XIX в. директоромъ академіи наукъ, а внукъ его Александръ былъ губернаторомъ въ Твери при Николаѣ Павловичѣ и оставилъ по себѣ не особенно хорошую память.

Михаилъ Васильевичъ Бакунинъ, отъ котораго произошли тѣ Бакунины, которые пошли—по выраженію П. А. Бакунина—«по революціи», самъ отнюдь не былъ революціонеромъ. Въ царствованіе Екатерины онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и вице-президентомъ камеръ-коллегіи, а затѣмъ вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ имѣніи Премухинѣ, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи, купленномъ имъ у Шишковыхъ въ концѣ XVIII вѣка [1]). Это былъ богатый и властный баринъ. Въ семейныхъ преданіяхъ о немъ сохранилось нѣсколько анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о его необыкновенной физической силѣ, смѣлости и необузданномъ нравѣ. Одинъ изъ этихъ анекдотовъ повѣствуетъ о томъ, какъ онъ при помощи простой подворотни обратилъ въ бѣгство разбойниковъ, напавшихъ на его домъ. Другой разсказываетъ о томъ, какъ онъ въ припадкѣ гнѣва на кучера, сказавшаго ему какую-то дерзость, схватилъ и бросилъ его въ рѣку, по берегу которой онъ въ это время проѣзжалъ въ экипажѣ [2]). Въ селѣ Премухинѣ Михаилъ Васильевичъ и устроилъ свое родовое гнѣздо въ обширномъ помѣщичьемъ домѣ съ огромнымъ паркомъ на берегу живописной рѣки Осуги [3]). Жена Михаила Василье-

---

1) Изъ одного офиц. письма А. М. Бакунина къ посреднику полюбовнаго размежеванія Ф. А. Шишкову отъ 5 января 1843 года видно, что Премухино „досталось“, какъ онъ выражался, матери его Любови Петровнѣ Бакуниной отъ преміеръ-маіора Семена Никифоровича Шишкова—вѣроятно отца извѣстнаго адмирала и министра народнаго просвѣщенія—въ 1779 году 8 апрѣля по купчей, съ которой копію А. М. Бакунинъ прилагалъ при письмѣ. Изъ того же письма видно, что куплены были доли какого-то общаго наслѣдства, при чемъ другія доли этого наслѣдства достались сестрамъ А. М. Бакунина, а нѣкоторыя постороннимъ лицамъ: г.г. Обольяниновымъ, Балкашинымъ, Жеребцовымъ и др.

2) Эти анекдоты сообщены мнѣ покойнымъ Александромъ Александровичемъ Бакунинымъ.

3) Рѣка *Осуга* впадаетъ въ *Тверцу*, извѣстный притокъ Волги. Александръ Михайловичъ Бакунинъ (отецъ Михаила и его братьевъ) въ концѣ двадцатыхъ

вича, Любовь Петровна (рожд. кн. Мышецкая), уже послѣ его смерти, построила здѣсь красивую каменную церковь, еще болѣе украсившую этотъ уютный и живописный уголокъ.

У Михаила Васильевича и Любови Петровны были три сына и пять дочерей: Михаилъ, Иванъ, Александръ, Татьяна, Прасковья, Пелагея, Варвара и Анна.

Старшій сынъ Михаилъ Михайловичъ, женатый на дочери адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова, въ молодости служилъ въ военной службѣ и дослужился до генеральскаго чина, былъ

или въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ написалъ длинную поэму подъ заглавіемъ „Осуга". Поэма эта содержитъ въ себѣ много цѣннаго автобіографическаго матеріала, и потому намъ придется неоднократно на нее ссылаться. Она начинается слѣдующими строфами:

Красуйся тихая Осуга,
Душа Премухинскихъ полей
И неизмѣнная подруга,
Кормилица моихъ дѣтей!
Ученые тебя забыли,
Проселкомъ путь таится твой,
Ты городской не знаешь пыли,
Боишься стуку мостовой,
И съ книжнымъ свѣтомъ незнакома...
Пловцы тебя не тяготятъ...
Но счастливъ тотъ, кто счастливъ дома,
А не урокомъ напрокатъ!

Далѣе картинно и подробно описывается мѣстность, въ которой Осуга беретъ начало (на Алаунской возвышенности), попутно сообщаются разныя преданія объ этихъ мѣстахъ, сохранившіяся въ народѣ; описывается, какъ ручей, составившійся изъ двухъ маленькихъ животворныхъ ключей, исчезаетъ въ болотистомъ, дремучемъ лѣсу, а потомъ появляется вновь и

... черезъ пни, черезъ колоды,
Сквозь лоно кочекъ и запрудъ
Находитъ путь ручей свободы
И берега его цвѣтутъ:
Родныя дѣти русской флоры
Черемха, розанъ лѣсовой
Въ цвѣтные вязи и узоры
Переплелися надъ водой;
По скату ландышъ и любицы
И соловьи весною тутъ,
А лѣтомъ красныя дѣвицы
Въ густомъ малинникѣ поютъ...

впослѣдствіи губернаторомъ въ Петербургѣ, а затѣмъ сенаторомъ. Въ 1816 г. въ званіи сенатора онъ оставилъ свой губернаторскій постъ и черезъ два года послѣ этого попалъ подъ судъ по обвиненію въ неправильномъ расходованіи суммъ подчиненнаго ему приказа общественнаго призрѣнія. Дѣло это тянулось многіе годы и было прекращено за силою манифестовъ уже при Николаѣ, при чемъ Михаилъ Михайловичъ былъ однако-жъ уволенъ въ отставку и разоренный процессомъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и жилъ съ семьей до конца жизни (до 1847 г.) частнымъ человѣкомъ. Его жена Варвара Ивановна была писательница, составившая между прочимъ описаніе персидскаго похода 1796 г., въ которомъ участвовалъ ея мужъ, а затѣмъ и «двѣнадцатаго года». Ихъ старшая дочь Авдотья Михайловна (одаренная несомнѣнно художественнымъ талантомъ) [1]), плѣнила сердце Адама Мицкевича, когда знаменитый польскій поэтъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка служилъ противъ воли въ Москвѣ, будучи высланъ по высочайшему повелѣнію изъ Вильны. Авдотья Михайловна также не осталась равнодушна къ поэту; но романъ этотъ не увѣнчался бракомъ, такъ какъ и женихъ и невѣста оказались слишкомъ рѣшительными приверженцами каждый своей народности и своей вѣры. У Авдотьи Михайловны, по свидѣтельству ея родныхъ, до самой смерти—а она умерла въ глубокой старости—хранилась переписка ея съ Мицкевичемъ; но она никогда никому не показывала этихъ писемъ и завѣщала ихъ сжечь послѣ ея смерти, что и было свято исполнено ея сестрой Екатериной Михайловной. Приверженность къ русскому быту и православной вѣрѣ, помѣшавшая Авдотьѣ Михайловнѣ Бакуниной выйти замужъ за поляка и ревностнаго католика Мицкевича, не мѣшала однако же ей быть сторонницей освободительнаго движенія того времени. По свидѣтельству ея двоюроднаго брата, А. А. Бакунина, Авдотья Михайловна до конца жизни сохранила симпатіи къ декабристамъ и не могла простить дальнему родственнику своему, Михаилу Модестовичу Бакунину, того, что онъ первый выстрѣлилъ по декабристамъ [2]).

---

[1]) Въ Премухинѣ и теперь есть прекрасный портретъ Авдотьи Михайловны, писанный ею самой.

[2]) Срав. *бар. М. А. Корфа*: „Восшествіе на престолъ императора Николая I“, изд. 3-е, стр. 171.

Вторая дочь Михаила Михайловича Бакунина — Екатерина Михайловна—также была весьма незауряднымъ для своего времени человѣкомъ. Въ 1855 году она вступила одной изъ первыхъ въ отрядъ сестеръ милосердія, образованный тогда великой княгиней Еленой Павловной, и съ честью работала въ Севастополѣ во время осады подъ руководствомъ Н. И. Пирогова. Въ концѣ осады Екатерина Михайловна была поставлена во главу этой общины, бывшей несомнѣнно однимъ изъ проявленій новой, только что пробуждавшейся тогда жизни русскаго общества, всколыхнувшагося подъ вліяніемъ неудачной Крымской войны [1]).

Третья дочь Михаила Михайловича, Прасковья Михайловна, была причастна къ литературѣ. Въ сороковыхъ годахъ она сотрудничала въ «Москвитянинѣ» Погодина.

Обѣ младшія дочери М. М. Бакунина упоминаются неоднократно въ письмахъ Станкевича къ Невѣрову [2])

Второй сынъ Михаила Васильевича, Иванъ, былъ военный. Онъ погибъ на Кавказѣ въ двадцатыхъ годахъ и похороненъ въ Баку [3]). По семейнымъ преданіямъ, онъ былъ мистикъ и янсенистъ, передавшій въ значительной мѣрѣ свои вѣрованія сестрамъ своимъ, изъ которыхъ двѣ или три не вышли замужъ и жили съ матерью сперва въ Премухинѣ, а потомъ въ сосѣднемъ сельцѣ Козицынѣ.

---

[1]) Записки *Е. М. Бакуниной* въ *Вѣстникъ Европы* за 1898 г. №№ 3, 4, 5 и 6: тамъ же ея біографія или, точнѣе говоря, воспоминанія о ней земскаго врача г. Синицына (№ 7).

[2]) См. новое изданіе переписки *Н. В. Станкевича*, сдѣланное его племянникомъ *А. И. Станкевичемъ*. М. 1914 г.

[3]) Въ премухинскимъ паркѣ есть родникъ, посвященный имени Ивана Михайловича Бакунина, и къ нему относятся слѣдующія строки въ вышеупомянутой поэмѣ А. М. Бакунина:

Тутъ имя брата сохранилось,
А брата нѣтъ уже давно!
И за Кавказскими горами
На берегу чужой рѣки
Съ своими палъ онъ егерями,
Сразивъ несмѣтные полки.
И гробъ его въ Баку залогомъ
Пріяла чуждая страна
Обѣта, даннаго ей (?) Богомъ,
Что будетъ русскою она.

Александръ Михайловичъ Бакунинъ былъ третьимъ сыномъ Михаила Васильевича. Родился А. М. въ концѣ 60-хъ г.г. XVIII вѣка. Онъ былъ слабый ребенокъ и въ девятилѣтнемъ возрастѣ отправленъ былъ на воспитаніе за границу, въ Италію, гдѣ и кончилъ впослѣдствіи курсъ въ Падуанскомъ университетѣ по философскому факультету, получивъ званіе доктора философіи за диссертацію о глистахъ на латинскомъ языкѣ, печатный экземпляръ которой долго хранился въ премухинской библіотекѣ. По окончаніи курса въ Падуанскомъ университетѣ Александръ Михайловичъ поступилъ на службу, за границей же, по министерству иностранныхъ дѣлъ, и служилъ при нашихъ посольствахъ въ разныхъ государствахъ Италіи; и «годы, проведенные въ Италіи, и въ самой старости остались,— по свидѣтельству одной изъ его дочерей, Татьяны Александровны,—его любимѣйшимъ, живѣйшимъ воспоминаніемъ» [1]).

По свидѣтельству самого А. М. Бакунина (въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу, въ концѣ 1843 г.) онъ вступилъ въ службу «въ очень молодыхъ лѣтахъ» «актуаріусомъ», потомъ служилъ «переводчикомъ» при императорскихъ миссіяхъ во Флоренціи и въ Туринѣ и тамъ «произведенъ былъ именнымъ указомъ императрицы Екатерины Алексѣевны изъ переводчиковъ въ коллежскіе ассесоры». Въ концѣ царствованія Екатерины онъ вышелъ по желанію своихъ родителей въ отставку (съ чиномъ надворнаго совѣтника) и возвратился въ Россію. По преданіямъ, сохранившимся въ семьѣ, онъ былъ въ Парижѣ во время французской революціи и даже присутствовалъ при взятіи Бастиліи. Г. Кропотовъ, біографъ гр. М. Н. Муравьева, разсказываетъ со словъ С. Н. Муравьева (двоюроднаго брата жены А. М. Бакунина), что Бакунинъ былъ свидѣтелемъ кровавой революціи не въ Парижѣ, а въ Неаполѣ, и что это зрѣлище произвело

---

[1]) Въ архивѣ Бакуниныхъ сохранилась неоконченная рукопись 1843 г. предпринятыхъ Т. А. Бакуниной семейныхъ мемуаровъ. Къ сожалѣнію, рукопись эта, написанная прекраснымъ языкомъ, прервана была на первыхъ же листахъ.

Въ архивѣ сохранился также дипломъ, выданный А. М. Бакунину Туринской академіей на латинскомъ языкѣ на званіе ея члена, и два письма извѣстнаго дипломата гр. Арк. Моркова къ отцу и матери Бакунина отъ 1788 и 1789 г.г. съ обѣщаніемъ отправить молодого Бакунина курьеромъ съ бумагами изъ Турина въ Петербургъ.

на него неизгладимое впечатлѣніе [1]). По семейнымъ преданіямъ, въ началѣ революціи А. М. былъ увлеченъ идеями вѣка, но затѣмъ революціонный терроръ оттолкнулъ его отъ дѣла революціи, и онъ возвратился въ Россію глубокимъ консерваторомъ. Его консервативный образъ мыслей подтверждается многими мѣстами его поэмы «Осуга», на которыхъ мы остановимся подробнѣе ниже; ненависть же его къ революціи выразилась достаточно ярко въ слѣдующихъ строфахъ этой поэмы:

Давно ужъ сказано поэтомъ,
Что музыка глаголъ небесъ,
И я не сомнѣваюсь въ этомъ,
Но какъ-то насъ морочитъ бѣсъ:
Какой-то сычъ зловѣщій стонетъ
„Les droits de l'homme" и наподхватъ
Съ нимъ журналистика трезвонитъ
Философическій набатъ.
Отъ этой музыки вскружила
Шальныя головы хандра
И чернь озляся завопила
Ослинымъ хоромъ: „ça ira!"
Я на яву все это видѣлъ
Въ странѣ драчливыхъ пѣтуховъ
И съ той поры возненавидѣлъ
Музыку тигровъ иословъ [2])...

Со вступленіемъ на престолъ Павла I, Александръ Михайловичъ былъ «пожалованъ» въ коллежскіе совѣтники и вновь опредѣленъ на службу совѣтникомъ гатчинскаго городового правле-

---

[1]) *Д. А. Кропотовъ*: „Жизнь гр. М. Н. Муравьева". Спб., 1874 г., стр. 208. Семейныя преданія объ А. М. Бакунинѣ мнѣ сообщены его сыномъ А. А. Бакунинымъ.

[2]) Любопытно сопоставить съ этимъ то впечатлѣніе, которое революція сдѣлала на молодого гр. Строганова (Павла Александровича), который въ это время также находился въ Парижѣ со своимъ воспитателемъ Роммомъ и не только участвовалъ въ праздникѣ федераціи (14 іюля 1790 г.), но и вступилъ въ члены якобинскаго клуба подъ именемъ Павла Очера и даже былъ въ немъ библіотекаремъ. (См. „Гр. П. А. Строгановъ". Историческое изслѣдованіе вел. кн. Николая Михайловича, т. I, стр. 61 и слѣд.). Правда, молодой Строгановъ по требованію отца уѣхалъ изъ Парижа до наступленія террора; но гувернеръ его Роммъ окончилъ, какъ извѣстно, жизнь на эшафотѣ. Самъ Строгановъ, по возвращеніи въ Россію, былъ отправленъ Екатериною на жительство въ помѣстье отца (Братцево), гдѣ пробылъ до конца ея царствованія. Все это не помѣшало ему остаться убѣжденнымъ коституціоналистомъ и выступить однимъ изъ иниціаторовъ политическихъ реформъ при Александрѣ I,

нія [1]). Повидимому, ему предстояла выгодная, а можетъ быть и блестящая карьера; но, вслѣдствіе тяжелой болѣзни отца, мать его, которую онъ глубоко чтилъ, стала настойчиво требовать, чтобы онъ опять оставилъ службу и поселился въ деревнѣ, принявъ на себя веденіе хозяйства.

Александръ Михайловичъ подчинился требованію матери и поселился въ Премухинѣ съ больнымъ отцомъ, который вскорѣ и умеръ, съ матерью и незамужними сестрами, проводившими свой вѣкъ въ молитвахъ, постахъ и чтеніи священныхъ книгъ. Въ этой обстановкѣ онъ прожилъ довольно долго,—не менѣе десяти лѣтъ,—сосредоточивъ всѣ свои интересы на хозяйствѣ и управленіи крѣпостными крестьянами. Къ этому времени относится, между прочимъ, любопытный фактъ, разсказъ о которомъ сохранился въ семьѣ Бакуниныхъ. Движимый, вѣроятно, идеями, привезенными съ запада, А. М. Бакунинъ написалъ для своихъ крѣпостныхъ крестьянъ особую «конституцію», которую и попытался ввести въ жизнь. Въ чемъ заключалась эта «конституція» намъ неизвѣстно; но извѣстно, что крестьяне ея не приняли и даже возмутились противъ нея, какъ противъ новшества, вѣроятно, весьма мало считавшагося съ укладомъ ихъ быта. «Просвѣщенному» новатору пришлось отказаться отъ предпринятой имъ реформы и предоставить своимъ «подданнымъ» жить по старинѣ.

Можно предположить съ большою вѣроятностью, что «конституція» эта во всякомъ случаѣ не отличалась особеннымъ либерализмомъ. По крайней мѣрѣ взгляды А. М. Бакунина на крѣпостное право, нашедшіе себѣ довольно яркое отраженіе въ его поэмѣ, отнюдь не отличаются чрезмѣрнымъ либерализмомъ

...Среди воздѣланныхъ полянъ—

писалъ тамъ Александръ Михайловичъ—

Я вижу мирное селенье
Трудолюбивыхъ поселянъ.
Не знаю почему рабами
Ихъ наши умники зовутъ!
Они посильными трудами
Оброкъ урочный отдаютъ.
И свой удѣлъ за то имѣя—
Поля, покосы, скотъ и домъ—

---

[1]) Вышеуказанное письмо къ Бенкендорфу.

Такіе же, какъ и владѣя,
Хозяева въ быту своемъ.
Раздѣломъ дней наполовину
Полусвободный селянинъ,
Три дня давая господину,
Другіе три—свой господинъ.
На сей незыблемой основѣ
Покоится святая Русь.
И въ ненавистномъ рабства словѣ
Взаимный кроется союзъ.
Что проку въ вольности бездомныхъ
Поденщиковъ въ чужихъ краяхъ,
Кочующихъ рабовъ подъемныхъ
Неволи злой—въ чужихъ домахъ?
Одинъ работникъ изнеможетъ,
И по міру пошла семья,
Хозяинъ и помочь не можетъ.
— Арендная его земля.
У насъ же волей и неволей
Помѣщикъ—опекунъ сиротъ,
И кормитъ ихъ родное поле,
Родная печь тепло даетъ!

Нарисовавъ эту идиллическую картину крѣпостного права въ Россіи, авторъ, повидимому, и самъ смутился черезчуръ прямолинейнымъ ея оптимизмомъ и потому въ слѣдующей строфѣ дѣлаетъ себѣ возраженіе:

Но сына воленъ я и дочку
Полугосподскую отнять
И только что не въ одиночку
Людей на свозъ, какъ скотъ продать.

Но и на это у него находится успокоительное соображеніе:

Зимою солнышко не грѣетъ,
Но лѣто красное сулитъ.
И просвѣщенье *тихо* зрѣетъ,
Но чистымъ свѣтомъ озаритъ
Готовый вспыхнуть духъ илота
И превратитъ его въ дары [1])...

---

[1]) Къ этой строфѣ сохранился варіантъ:
На все пора! Законъ созрѣетъ
И духъ враждебный истребитъ,
Гнѣздящійся въ душѣ илота.
Придутъ же лѣтнія жары:
Стоячая вода болота
Тлетворные родитъ пары... и т. д.

Стоячая вода болота
Тлетворные родитъ пары,
А дайте ей исходъ желанный,
Обезопасивъ берега,—
И зла исчезнетъ мракъ туманный
И рощи, нивы и луга,
Поля увидите и жатвы,
Гдѣ волки собирались выть.
Проклятья превратятся въ клятвы
Благотворителей любить [1].
Не той желаю я свободы,
Которая, какъ злой удавъ,
Влечетъ къ погибели народы,
Ехиднымъ взоромъ обаявъ,
— А той, которая даруетъ
Сословью каждому свой бытъ
И пользою людей связуетъ,
А не веревкою крутитъ.
Мятежной бури злая вьюга
Раздоровъ сѣетъ сѣмена,
Но въ правѣ ли пенять Осуга,
Зачѣмъ не Волгою она?

---

[1]) Очень можетъ быть, что полемическій тонъ этихъ стиховъ былъ направленъ противъ извѣстнаго стихотворенія Пушкина „Деревня“ (1819 г.) и именно противъ слѣдующихъ его строфъ:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стону,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Здѣсь *рабство* тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Кто хочетъ лишняго простора,
Тому родимый край не милъ,
И никогда злой духъ раздора
Воды Осужской не мутилъ.

Въ 1805 г. Александръ Михайловичъ былъ выбранъ сперва въ уѣздные предводители дворянства Новоторжскаго уѣзда, а затѣмъ и въ губернскіе предводители дворянства Тверской губерніи. Въ этой должности онъ пробылъ три года — до 1808. Къ сожалѣнію, не осталось никакихъ слѣдовъ этой его дѣятельности, и намъ неизвѣстно, почему служба его по выборамъ не продолжалась долѣе [1]).

Въ 1810 году, уже сорока лѣтъ отъ роду, А. М. Бакунинъ влюбился въ блестящую молодую дѣвушку Варвару Александровну Муравьеву, пріѣзжавшую на лѣто съ матерью и отчимомъ Павломъ Марковичемъ Полторацкимъ въ ихъ имѣніе Новоторжскаго же уѣзда, Баховкино. Варвара Александровна была модница и свѣтская львица, получила обычное свѣтское воспитаніе того времени и вращалась въ кругу своихъ родственниковъ Муравьевыхъ и Мордвиновыхъ и родственниковъ своего отчима Полторацкихъ. Она была дочерью бригадира артиллеріи Александра Ѳедоровича Муравьева, и по отцу ей приходились троюродными братьями бывшіе впослѣдствіи основателями и вожаками тайныхъ обществъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ Никита Михайловичъ Муравьевъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ. Муравьевы же Александръ и Михаилъ Николаевичи и другіе ихъ братья, сыновья извѣстнаго основателя заведенія для колонновожатыхъ Николая Николаевича Муравьева, по отцу приходились Варварѣ Александровнѣ дальними родственниками, но они были ей двоюродными братьями по матери, такъ какъ мать ея, рожденная Мордвинова, и мать Александра и Миха-

---

[1]) Въ цитированномъ уже выше письмѣ А. М. Бакунина къ гр. Бенкендорфу 1843 г. объ этой службѣ его сказано: „въ царствованіе императора Александра Павловича въ 1805, 1806 и 1807 годахъ служилъ я по выборамъ дворянства новоторжскимъ уѣзднымъ и тверскимъ губернскимъ предводителемъ и надѣюсь, что служба моя была небезполезна“. Письмо это было написано имъ по случаю розысковъ III отдѣленія о сынѣ его Михаилѣ, впервые обратившемъ тогда на себя вниманіе правительства своими связями съ германскими революціонерами сороковыхъ годовъ.

ила Муравьевыхъ были родныя сестры—дочери извѣстнаго въ свое время инженеръ-генерала М. Н. Мордвинова [1]).

Николай Назаровичъ Муравьевъ, отецъ Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, по отцу приходился Варварѣ Александровнѣ также очень дальнимъ родственникомъ, но онъ женился на ея двоюродной сестрѣ по матери, Ек. Ник. Мордвиновой, и съ нимъ у Бакуниныхъ также поддерживались впослѣдствіи близкія родственныя и дружескія отношенія [2]).

Изъ всѣхъ этихъ Муравьевыхъ ближе всѣхъ къ Варварѣ Александровнѣ были Александръ и Михаилъ Николаевичи и по семейнымъ преданіямъ первый изъ нихъ (впослѣдствіи основатель Союза Спасенія) былъ къ ней въ ранней молодости неравнодушенъ, но принужденъ былъ подавить свое чувство, такъ какъ жениться на Варварѣ Александровнѣ онъ не могъ, въ виду близости ихъ родства. Впослѣдствіи у него сохранились близкія и теплыя отношенія съ ней и съ ея мужемъ [3]).

Что касается семьи отчима Варвары Александровны, Павла Марковича Полторацкаго, то это была также семья весьма просвѣщенная и игравшая въ образованномъ обществѣ того времени не послѣднюю роль. Братъ Павла Марковича, Александръ Марковичъ, женатый на родной сестрѣ Александра Михайловича Бакунина, Татьянѣ Михайловнѣ, былъ попечителемъ тверской гимназіи и учредителемъ особаго пансіона при ней [4]).

---

[1]) О немъ срав. у *Кропотова* „Жизнь гр. М. Н. Муравьева", стр. 14. См. въ приложеніяхъ въ концѣ книги генеалогическую таблицу Муравьевыхъ.

[2]) О Николаѣ Назаровичѣ Муравьевѣ и его семьѣ см. у *Инок. Плат. Барсукова* „гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій", т. I, стр. 6 и слѣд. и въ книгѣ *Л. Н. Майкова* „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія", стр. 19, а также въ сочиненіяхъ *К. Н. Батюшкова*, т. III, стр. 64 и слѣд. Въ премухинскомъ архивѣ сохранилось довольно много писемъ Николая Назаровича и Екатерины Николаевны Муравьевыхъ къ Варварѣ Александровнѣ и Александру Михайловичу Бакунинымъ.

[3]) Портретъ А. Н. Муравьева молодымъ офицеромъ (снятый до 1818 г.) и теперь находится въ Премухинѣ.

[4]) Одинъ изъ братьевъ Павла Марковича Полторацкаго, извѣстный помѣщикъ-агрономъ конца XVIII и начала XIX вѣка, прославившійся своими попытками завести образцовое хозяйство въ имѣніи Авчурино Калужской губерніи—Дмитрій Марковичъ Полторацкій. Другой братъ Павла Марковича Константинъ Марковичъ Полторацкій—генералъ-маіоръ, о которомъ намъ придется упоминать ниже, будучи молодымъ офицеромъ Семеновскаго полка командовалъ въ памятную ночь 11 марта 1801 г., когда совершено было убій-

Сестра же ихъ Елизавета Марковна была замужемъ за извѣстнымъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта и директоромъ публичной библіотеки Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, въ домѣ котораго при живомъ участіи Елизаветы Марковны возникъ первый литературно-художественный салонъ начала прошлаго вѣка, въ которомъ сходились всѣ лучшіе представители тогдашней литературы и искусства [1]).

Влюбившись въ Варвару Александровну Муравьеву, Александръ Михайловичъ сперва не надѣялся на взаимность со стороны свѣтской восемнадцатилѣтней львицы, окруженной блестящей молодежью, и, мучимый страстью, собрался уже стрѣляться; но его спасла сестра его Татьяна Михайловна Полторацкая. Узнавъ о состояніи, до котораго дошелъ ея братъ, она поѣхала къ Полторацкимъ и уговорила Варвару Александровну принять предложеніе А. М. Бакунина, а родныхъ ея выдать ее за него замужъ.

Бракъ оказался вполнѣ счастливымъ, и отъ этого брака произошла многочисленная семья, отдѣльные члены которой оставили замѣтный слѣдъ въ исторіи русскаго общества, а одинъ изъ нихъ сыгралъ, какъ извѣстно, крупную роль въ исторіи освободительнаго движенія XIX вѣка не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

ство императора Павла, карауломъ въ Михайловскомъ замкѣ. Съ сыномъ Павла Марковича Алексѣемъ былъ друженъ Пушкинъ. (Срав. *Кропотова*, н. с., стр. 15).

[1]) Въ статьѣ гр. *С. С. Уварова* „Литературныя воспоминанія“ (статья, подписанная буквами *А. В.*, *Современникъ* за 1851 г., т. XXVII, стр. 39) о Елиз. Марк. Олениной сказано: „Дому Оленина служила украшеніемъ его супруга Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ, она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ“... Срав. у *Л. Н. Майкова* „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія“, стр. 38 и 39 и у *М. И. Богдановича* „Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время“, томъ III, стр. 65.

ГЛАВА II.

Выѣзды въ свѣтъ.—Дворъ вел. кн. Екатерины Павловны въ Твери.—Карамзинъ.—Отказъ отъ служебной карьеры.—Появленіе дѣтей и отказъ отъ свѣтской жизни.—Сношенія съ Муравьевыми.—Участіе А. М. Бакунина въ борьбѣ Муравьевыхъ съ Пестелемъ и въ преобразованіи „Союза Спасенія" въ „Союзъ Благоденствія".—Политическіе взгляды А. М. Бакунина.—Его отношеніе къ Екатеринѣ.—Его патріотизмъ.—Отличіе его взглядовъ отъ взглядовъ современныхъ ему обскурантовъ и реакціонеровъ.

Женившись, Александръ Михайловичъ возобновилъ ради молодой жены свои свѣтскія связи и на зиму сталъ ѣздить съ женою въ Тверь, гдѣ въ это время былъ дворъ великой княгини Екатерины Павловны и ея перваго мужа, принца Георгія Ольденбургскаго. Екатерина Павловна, сестра императора Александра Павловича, пользовавшаяся особой его благосклонностью, вышла за принца Ольденбургскаго въ 1809 г. послѣ неудачнаго сватовства Наполеона [1]).

Дворъ великой княгини не отличался особенной пышностью: но она, подобно сестрѣ ея Маріи Павловнѣ, великой герцогинѣ Веймарской, была женщина просвѣщенная и питала нѣкоторую склонность къ поэзіи и наукамъ. И хотя въ Твери не было своего Гёте, но зато при тверскомъ дворѣ частенько гащивалъ Н. М. Карамзинъ, бывшій въ то время самымъ крупнымъ и

[1]) О вел. княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и ея роли въ эпоху наполеоновскихъ войнъ см. книгу вел. князя Николая Михайловича „Переписка императора Александра I съ сестрой вел. кн. Екатериной Павловной". Спб. 1910. Срав. *И. Н. Божерянова* „Великая княгиня Екатерина Павловна" Спб. 1888; а также „Воспоминанія о королевѣ Виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ", изданныя въ Штутгардтѣ въ 1868 г. пасторомъ *Вольфомъ* и переведенныя съ нѣмецкаго подъ редакціей г. *Тимоѳеева* пепиньерками В. О. благородныхъ дѣвицъ, (Спб., 1872 г.), стр. 63 и слѣдующія. Срав. „Письма вел. кн. Екатерины Павловны", изд. Тверского музея, 1888 г.; а также „Воспоминанія Ѳедора Петровича Лубяновскаго. 1777—1834" М. 1872.

самымъ популярнымъ представителемъ литературы и науки въ Россіи. Извѣстно, что Екатерина Павловна очень хлопотала о сближеніи Карамзина съ Александромъ, и именно здѣсь впервые Карамзинъ читалъ ему первые главы своей исторіи; здѣсь же онъ велъ съ императоромъ Александромъ свои знаменитые политическіе споры о самодержавіи и конституціи, при чемъ Карамзинъ выступалъ защитникомъ самодержавія, а Александръ отстаивалъ благодѣтельность конституціонныхъ началъ, и здѣсь же явилась у Карамзина мысль, поощряемая великой княгиней, изложить свои политическіе взгляды въ особой запискѣ, послѣдствіемъ чего и явилась извѣстная записка «о древней и новой Россіи», которая здѣсь же была вручена императору Александру въ 1811 году [1]).

Умъ и европейская образованность А. М. Бакунина здѣсь были также оцѣнены по достоинству, и даже рядомъ съ Карамзинымъ ему, повидимому, не только не приходилось отодвигаться на задній планъ, но — какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ дневника, который онъ велъ въ 1810—1811 годахъ и большую часть котораго, къ сожалѣнію, уничтожилъ — онъ не безъ успѣха иногда состязался съ Карамзинымъ въ спорахъ на литературныя и историческія темы, когда дѣло касалось европейской исторіи и литературы [2]).

Великая княгиня, пользуясь большимъ довѣріемъ и дружбою Александра, участвовала, повидимому, иногда въ обсужденіи нѣкоторыхъ кандидатуръ на важныя должности. Такъ, у императора Александра въ 1810 году явилась мысль, какъ кажется, не безъ вліянія Екатерины Павловны, назначить

---

[1]) *М. П. Погодинъ*: „Николай Михайловичъ Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“. М., 1866 г., т. II, стр. 58 и слѣд. Срав. *А. Н. Пыпина*: „Общественное движеніе при Александрѣ I“, стр. 215 и слѣд. и *М. И. Богдановича*: „Исторія царствованія императора Александра I“, т. III, стр. 72 и слѣд., а также особую замѣтку о двухъ запискахъ Карамзина, составленную *Д. Н. Блудовымъ* по повелѣнію имп. Николая I и приложенную къ біографіи Блудова, написанной *Е. П. Ковалевскимъ*: „Гр. Блудовъ и его время“, стр. 244—246.

[2]) Впослѣдствіи Александръ Михайловичъ и самъ не мало занимался русской исторіей. Въ архивѣ сохранилось довольно много тетрадей, исписанныхъ его рукой и посвященныхъ изложенію лѣтописи Нестора, а также изложенію событій древней русской исторіи отчасти на русскомъ, отчасти на французскомъ языкѣ.

Карамзина министромъ народного просвѣщенія, а затѣмъ, когда этотъ планъ былъ оставленъ въ виду возраженій Сперанскаго, то Карамзину дѣлалось предложеніе занять мѣсто попечителя московскаго университета [1]). Въ это же время, по словамъ біографа М. Н. Муравьева, и А. М. Бакунину предложено было черезъ великую княгиню мѣсто попечителя казанскаго университета, отъ котораго онъ однако же отказался [2]). Тогда же, какъ видно изъ его дневника, ему предложена была должность гофмейстера великокняжескаго двора, но и отъ этой должности онъ отказался.

Выѣзды въ свѣтъ были вскорѣ прерваны рожденіемъ первой дочери Бакуниныхъ Любови Александровны (въ сентябрѣ 1811 г.), вслѣдъ за которой менѣе чѣмъ черезъ годъ (13 августа 1812 г.) родилась вторая — Варвара Александровна.

Мирная жизнь маленькаго тверского двора въ 1812 году была нарушена нашествіемъ Наполеона на Россію. Великая княгиня уѣхала съ семьей въ Ярославль, и хотя затѣмъ вернулась въ Тверь, послѣ отступленія Наполеона изъ Москвы, но здѣсь мужъ ея, принцъ Ольденбургскій, посѣщая въ госпиталѣ раненыхъ, доставленныхъ изъ арміи, заразился тифомъ и умеръ въ декабрѣ 1812 г., послѣ чего великая княгиня навсегда оставила Тверь, а черезъ нѣсколько лѣтъ и Россію, выйдя вторично замужъ за наслѣднаго принца, впослѣдствіи короля, Вюртембергскаго [3]).

Бакунины же послѣ 1812 года, благодаря частому рожденію дѣтей, совершенно замкнулись въ свою семейную жизнь и, поселившись въ Премухинѣ, отдали себя всецѣло воспитанію

---

[1]) Срав. *М. П. Погодина*: „Николай Михайловичъ Карамзинъ", т. II, стр. 60.

[2]) *Кропотовъ*: „Жизнь гр. М. Н. Муравьева", стр. 207—208. Кропотовъ, получивши свои свѣдѣнія объ А. М. Бакунинѣ черезъ С. Н. Муравьева, утверждаетъ, что Бакунинъ, отказавшись отъ мѣста попечителя казанскаго университета, принялъ скромное званіе попечителя тверской гимназіи; но это послѣднее онъ принялъ, какъ видно изъ собственныхъ его показаній въ письмѣ къ Бенкендорфу, гораздо позднѣе, — въ царствованіе Николая Павловича. Въ документахъ премухинскаго архива, въ которомъ вообще сохранилось немного матеріаловъ для этой эпохи, мы не нашли никакихъ указаній относительно кандидатуры А. М. Бакунина въ попечители казанскаго университета.

[3]) Срав. „Воспоминанія о королевѣ Вюртембергской Екатеринѣ Павловнѣ", перев. съ нѣмецк., подъ редакціей *К. Тимоѳеева,* Спб., 1872 г., стр. 77 и слѣд., а также біографію, составл. Божеряновымъ.

дѣтей и сельскому хозяйству. Впрочемъ, связей своихъ съ обществомъ они не утратили, и когда армія наша вернулась въ Россію въ 1815—1816 годахъ, послѣ продолжительныхъ войнъ съ Наполеономъ, то у Бакуниныхъ возобновились прежнія дружескія отношенія съ родственниками Варвары Александровны — Муравьевыми [1]).

Здѣсь мы подходимъ къ наиболѣе интересному, но, къ сожалѣнію, невполнѣ выясненному пункту біографіи Александра Михайловича Бакунина — къ его участію въ составленіи или по крайней мѣрѣ въ обсужденіи устава Союза Благоденствія. Въ семейныхъ преданіяхъ объ этомъ сохранились лишь весьма смутныя воспоминанія, въ семейномъ архивѣ нѣтъ никакихъ указаній на это, вѣроятно, потому что переписка съ Муравьевыми была уничтожена послѣ событій 1825 года. Единственный документальный памятникъ сношеній того времени съ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ сохранился въ премухинской библіотекѣ — въ видѣ книги *Вейсса* «Principes philosophiques, politiques et moraux», принадлежавшей, какъ видно по надписи на корешкѣ, Мих. Ник. Муравьеву и подаренной имъ Александру Михайловичу Бакунину. На первой страницѣ этой книги рукой Муравьева написано: «Любезному братцу Александру Михайловичу Бакунину», а на второй: «Александру Михайловичу Бакунину отъ многолюбящаго его брата Михайлы Муравьева. 23 января 1816 г., Санктъ-Петербургъ».

Книга Вейсса [2]) была у декабристовъ, какъ извѣстно изъ ихъ показаній и воспоминаній, одною изъ настольныхъ книгъ, хотя слѣдуетъ имѣть въ виду, что по содержанію своему она отнюдь не принадлежала къ разряду тѣхъ, которыя могли бы особенно возбуждать революціонное настроеніе [3]). Самъ Вейссъ,

---

[1]) Въ архивѣ сохранилось нѣсколько писемъ Александра Николаевича Муравьева къ В. А. и А. М. Бакунинымъ изъ Москвы послѣ выступленія изъ нея Наполеона, а затѣмъ изъ-за границы, писанныхъ во время походовъ 1813 и 1814 гг. Письма слѣдующихъ годовъ не сохранились. Они были, вѣроятно, уничтожены во время переполоха, наступившаго послѣ 14 декабря 1825 года.

[2]) *Le colonel de Weiss* (1757—1797 г. ?). Срав. статью *Н. П. Павлова-Сильванскаго*: „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ" въ *Быломъ* 1907 г., № 7, стр. 112 (примѣчаніе); а также книгу *В. И. Семевскаго* „Политическія и общественныя идеи декабристовъ". Спб. 1909.

[3]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, судя по упомянутой выше статьѣ, этого въ виду не имѣлъ.

хотя и допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ право народа на сопротивленіе противъ чрезмѣрнаго попранія гражданскихъ и человѣческихъ правъ, былъ въ политикѣ взглядовъ очень умѣренныхъ и признавалъ между прочимъ принципъ, что разнымъ государствамъ, въ зависимости отъ ихъ размѣра и отъ разныхъ культурныхъ условій, соотвѣтствуютъ различные образы правленія и государственнаго устройства, и не отрицалъ безусловно ни монархіи, ни аристократіи [1]). Во всякомъ случаѣ и для А. М. Бакунина и для М. Н. Муравьева весьма характерно, что послѣдній подарилъ первому въ знакъ дружбы въ 1816 году не какую-либо другую книгу, а именно Вейсса. Въ біографіи Муравьева, написанной г. Кропотовымъ, есть прямое указаніе относительно той вліятельной роли, которую А. М. Бакунинъ, повидимому, игралъ въ дѣлѣ развитія и направленія внутренней борьбы между двумя крайними партіями въ *Союзѣ*

---

[1]) См. стр. 317 въ главѣ „Comparaison des gouvernements". Въ главѣ „о свободѣ" *Вейссъ* между прочимъ говоритъ: „Le vulgaire, et plus particulièrement la jeunesse, s'imagine que la liberté consiste à faire sans contrainte tout ce que les passions nous dictent. L'orgueil se revolte sous un joug dont il méconnait la necessité: il ne pense pas que s'il etait moins asservi, les autres ne le seraient pas davantage, et que ce même frein, qu'il porte avec tous, est aussi le défenseur de sa vie, de son repos, et des douceurs sociales", p. 341 (цитирую по 14 изданію 1838 г.). Эти строки очень напоминаютъ вышеприведенный отрывокъ изъ поэмы А. М. Бакунина „Осуга":

Не той желаю я свободы,
Которая, какъ злой удавъ,
Влечетъ къ погибели народы,
Ехиднымъ взоромъ обаявъ,
А той, которая даруетъ
Сословью каждому свой бытъ
И пользою людей связуетъ,
А не веревкою крутитъ...

Въ другомъ мѣстѣ *Вейссъ* (стр. 343) говоритъ: „Un peuple doit légèrement sentir le frein: trop abandonné à lui même, il ressemble à ces enfants gâtés, ou à ces femmes fantasques, qui livrées à leurs caprices et sans raison suffisante se diriger elles-mêmes, vont, viennent, retournent, veulent et ne veulent pas, s'aigrissent par leurs propres contradictions, sentent à chaque pas le besoin de lumières, de dépendance, et font de leur tourment celui de tout ce qui les environne".

Можно указать много мѣстъ въ этой книгѣ, въ общемъ довольно либеральной, которыя однако вполнѣ соотвѣтствовали консервативнымъ убѣжденіямъ А. М. Бакунина. (Такова напримѣръ глава „Le citoyen", стр. 398—403).

Спасенія, основанномъ Александромъ Муравьевымъ, и въ дѣлѣ составленія устава *Союза Благоденствія* [1]). Указаніе это основано на разсказѣ младшаго брата М. Н. Муравьева, Сергѣя, который, безъ сомнѣнія, получилъ всѣ эти свѣдѣнія отъ самого брата своего Михаила. Оспаривать ихъ достовѣрность нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что роль, которая приписывается при этомъ А. М. Бакунину, вполнѣ согласуется съ его взглядами. Сынъ же его А. А. Бакунинъ (скончавшійся въ 1908 г.) на вопросъ мой относительно достовѣрности этого разсказа сообщилъ мнѣ, что онъ помнитъ со словъ самого Александра Михайловича, что А. М. дѣйствительно писалъ когда-то М. Н. Муравьеву длинное письмо, въ которомъ доказывалъ безнадежность политическихъ революцій у насъ въ Россіи. Въ виду важности этого обстоятельства и малой распространенности устарѣлой книги г. Кропотова я позволю себѣ привести здѣсь разсказъ С. Н. Муравьева и содержаніе упомянутаго письма А. М Бакунина въ томъ видѣ, какъ оно изложено у г. Кропотова.

М. Н. Муравьевъ, принятый въ Союзъ Спасенія братомъ своимъ Александромъ, относился съ самаго начала весьма несочувственно и къ карбонарскому уставу этого союза, выработанному Пестелемъ, и къ тому революціонному направленію, которое Пестель внушалъ членамъ этого тайнаго общества. Біографъ Муравьева полагаетъ даже, что онъ, вѣроятно, ознакомившись съ уставомъ, не соотвѣтствующимъ его взглядамъ, просто вышелъ бы изъ этого общества, если бы его не смущала мысль о необходимости спасти брата Александра, за судьбу котораго онъ имѣлъ полное основаніе опасаться въ виду направленія, даннаго Союзу Спасенія Пестелемъ. Къ этому присоединилось, быть можетъ, честолюбивое желаніе вытѣснить вліяніе Пестеля и повернуть дѣло по-своему, что вообще вполнѣ соотвѣтствуетъ самолюбивому и властному характеру Муравьева, который съ ранней юности привыкъ играть вліятельную роль сперва въ обществѣ математиковъ, которое онъ образовалъ въ Москвѣ при содѣйствіи своего отца еще въ 1811 году, а затѣмъ и въ извѣстномъ заведеніи для колонно-

---

[1]) Мнѣ приходилось уже указывать на это обстоятельство въ статьѣ о ***Ник. Ив. Тургеневѣ***. См. мою книгу „Очерки общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“. Спб., 1905 г., стр. 65.

Александръ Николаевичъ
Муравьевъ,
основатель Союза Спасенія.

вожатыхъ, которое было въ значительной мѣрѣ продолженіемъ того же общества математиковъ [1]).

Рѣшивъ вступить въ борьбу съ вліяніемъ Пестеля, Муравьевъ, по разсказу его брата, предположилъ достигнуть своей цѣли при помощи слѣдующаго тактическаго плана: такъ какъ вся сущность дѣла заключалась, по его мнѣнію, въ ложномъ направленіи общества, происходившемъ изъ устава Пестеля, то, очевидно, прежде всего необходимо было сломить это препятствіе. Для совершенія такой операціи представлялось только одно средство — общее согласіе членовъ союза признать уставъ Пестеля негоднымъ и вмѣсто него составить другой, который бы лучше опредѣлилъ цѣль общества, обязанности членовъ и порядокъ дѣятельности. Тогда — полагалъ Муравьевъ — можно будетъ написать какой угодно уставъ, даже и такой, что само правительство не затруднится его утвердить. По невозможности распущенія или закрытія Союза Спасенія, Муравьевы полагали дать незамѣтно новое направленіе его дѣятельности, «болѣе разумное и плодотворное, чѣмъ безсильныя потуги (по выраженію г. Кропотова) къ зарожденію политическихъ реформъ». Такое измѣненіе, конечно, могло быть совершено лишь съ большою осторожностью. «При возбужденной однажды въ обществѣ жаждѣ къ политической дѣятельности такъ или иначе слѣдовало ее утолить. Отказъ въ удовлетвореніи этой потребности не упразднялъ ея, а только направлялъ членовъ къ Пестелю, источнику всего зла. Муравьевы, — говоритъ г. Кропотовъ, — очень хорошо понимали это затрудненіе, и, чтобы спасти своихъ друзей отъ гибельнаго столкновенія съ дѣйствительностью, они придумали дать пищу этой неугомонной дѣятельности, очень похожую на политическую, почти столь же кипучую, разнообразную, требующую знаній и гражданскаго мужества, но болѣе полезную и честную и не представлявшую опасностей, сопряженныхъ съ ремесломъ заговорщика или спеціалиста по части революціи» [2]). «Этотъ политическій суррогатъ» представлялся М. Н. Муравееву въ видѣ устава Tugendbund'а, по образцу котораго и выработанъ былъ имъ и его друзьями уставъ Союза Благоденствія.

---

1) *Кропотовъ*, н. с., стр. 52 и слѣд.

2) *Кропотовъ*, н. с., стр. 205 и слѣд.

Сергѣй Муравьевъ разсказываетъ, что весь планъ похода противъ Пестеля былъ выработанъ въ кабинетѣ А. М. Бакунина, къ которому, по его словамъ, Михайло Муравьевъ «питалъ неограниченное довѣріе и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни обращался за совѣтами» [1]).

По разсказу С. Н. Муравьева, братъ его Михайло посылалъ рукопись устава Союза Спасенія къ А. М. Бакунину, прося его дать свое мнѣніе объ этомъ уставѣ. Въ отвѣтѣ своемъ Бакунинъ, сдѣлавъ обстоятельный разборъ устава, въ заключеніе выразилъ взглядъ свой вообще на дѣятельность тайныхъ обществъ и на истинное призваніе русскаго дворянства. «Бывъ довольно хорошо знакомъ съ потребностями Россіи, Бакунинъ, — пишетъ со словъ Сергѣя Муравьева г. Кропотовъ, — по политическимъ своимъ воззрѣніямъ былъ строгій консерваторъ и монархистъ, на опытѣ извѣдавшій кровавыя неудобства перехода верховной власти въ руки людей, не обладающихъ другими качествами, кромѣ свободомыслія». Въ либеральныхъ стремленіяхъ императора Александра, въ дарованіи полякамъ конституціи и въ обѣщаніи распространить ее на западныя губерніи Бакунинъ видѣлъ, по словамъ С. Муравьева, временное, ошибочное направленіе правительства, увлеченнаго поклоненіемъ западнымъ идеямъ. «Осуждая увлеченія тогдашнихъ молодыхъ людей, бредившихъ конституціями, онъ по этому поводу высказалъ Муравьеву, что необходимость измѣненія образа правленія существуетъ только въ воображеніи весьма небольшого кружка молодежи, не давшей себѣ труда взвѣсить всѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, которыя, по его мнѣнію, неминуемо произойдутъ отъ малѣйшаго ослабленія верховной власти въ странѣ, раскинутой на необъятное пространство и не имѣющей, кромѣ самодержавія, никакой органической связи между своими частями. Только благодаря этой власти Россія, хотя медленно, но безостановочно, подвигается къ сплоченію посредствомъ законовъ, вѣры и языка разрозненныхъ народностей въ одно здоровое политическое тѣло. Успѣшный

---

[1]) Тамъ же, стр. 208. Что *Муравьевы* бывали въ это время въ Премухинѣ, объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и нынѣ огромный дубъ, ими посаженный передъ премухинскимъ домомъ, по преданію, въ это, именно, время. Тамъ же сохранились три старыхъ ели, посаженныя ими и носящія названія трехъ братьевъ.

ходъ этой великой внутренней работы невозможенъ безъ пособія той правительственной силы, которая создается только единствомъ власти. Усиленіе, а не умаленіе власти можетъ обезпечить развитіе народнаго благосостоянія въ нашемъ небогатомъ и рѣдко населенномъ государствѣ»...

...«Всенародное участіе въ управленіи страною есть, — по мнѣнію Бакунина, — мечта, навѣянная намъ микроскопическими республиками древней Греціи. Но всѣмъ извѣстно, долго ли онѣ просуществовали»?...

...«Въ странахъ теплыхъ, богатыхъ и густо населенныхъ, обилующихъ множествомъ образованныхъ и праздныхъ людей, ограниченныя монархіи еще могутъ существовать безъ особаго неудобства; но при нашихъ пространствахъ, суровомъ климатѣ и въ виду неустанной Европейской вражды, мы не можемъ переносить аттрибуты верховной власти въ руки другого сословія, не только не приготовленнаго къ политической жизни, но, по своему младенчеству, и не научившагося еще уваженію къ законамъ, если только законъ не подкрѣпленъ механической силой. Поэтому самодержавіе представляется у насъ не столько необходимымъ или нужнымъ для интересовъ династическихъ, сколько потребностью для народа и безопасности государственной».

Указавъ далѣе на разницу въ происхожденіи политическаго строя въ Россіи и на Западѣ и на примѣры упадка тѣхъ славянскихъ государствъ, въ которыхъ ослаблялось единство верховной власти, Бакунинъ приходилъ къ тому практическому выводу, что у насъ «для всякаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка существуетъ одинъ путь — посильное поддержаніе власти и существующихъ законовъ. Какъ бы ни была плоха по временамъ эта власть, но до послѣдней капли крови слѣдуетъ за нее стоять и умирать. Не путемъ анархіи, насилій и заговоровъ противъ правительства мы можемъ достигнуть благоденствія, по мнѣнію А. М. Бакунина, но распространяя въ народѣ любовь къ труду, трезвости, порядку, чистоплотности и честности; ознакомляя его съ ремеслами и искусствами и развивая просвѣщеніе, мы получимъ возможность исторгнуть его изъ нищеты, и съ тѣмъ вмѣстѣ создать дорогія учрежденія, существующія на Западѣ вслѣдствіе громаднаго перевѣса общественнаго богатства».

На эти предметы Бакунинъ и предлагалъ, по словамъ С. Н. Муравьева, направить дѣятельность членовъ Союза Спасенія.

М. Н. Муравьевъ, по словамъ его біографа, вполнѣ проникся этими взглядами и принялъ ихъ за основаніе при составленіи устава Союза Благоденствія [1]).

Мы не можемъ провѣрить по документамъ, насколько приведенное изложеніе точно передаетъ содержаніе письма А. М. Бакунина къ М. Н. Муравьеву, но я не сомнѣваюсь, что въ общемъ оно во всякомъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ направленію и взглядамъ Бакунина. Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣста въ этомъ изложеніи очень напоминаютъ соображенія извѣстной записки Карамзина «о древней и новой Россіи». Едва ли, однако же, можно предположить, что Бакунинъ могъ ее видѣть въ 1811 г. Изъ немногихъ строкъ въ дневникѣ А. М. Бакунина, посвященныхъ Карамзину, никакъ нельзя заключить, чтобы между нимъ и Карамзинымъ была какая-нибудь близость; записку же свою, предназначенную для государя, Карамзинъ въ 1811 году могъ, конечно, показать только близкому человѣку. Скорѣе слѣдуетъ предположить, что сходство нѣкоторыхъ мѣстъ письма Бакунина и записки Карамзина объясняется тѣмъ, что въ нихъ отразились сужденія, общія приверженцамъ такъ наз. просвѣщеннаго абсолютизма того времени [2]).

---

[1]) *Кропотовъ*, н. с., стр. 208—211.

[2]) Въ поэмѣ „Осуга", въ которой приводится длинный рядъ характеристикъ современныхъ Бакунину писателей и журналовъ, читавшихся въ Премухинѣ, Карамзину посвящены лишь слѣдующіе четыре стиха:

Карамзину дивиться должно—
Въ ошибкахъ онъ не виноватъ,
И на курьерскихъ невозможно
Ухабовъ ночью миновать.

Очевидно, стихи эти относятся къ Исторіи Государства Россійскаго, и по нимъ нельзя заключить, чтобы А. М. Бакунину извѣстна была въ то время записка о древней и новой Россіи. Записка эта, какъ извѣстно, была вручена Александру I въ Твери въ мартѣ 1811 года великой княгиней Екатериной Павловной и затѣмъ лежала подъ спудомъ, неизвѣстная публикѣ до 1836 года, когда она была случайно найдена въ бумагахъ Аракчеева послѣ его смерти. Срав. *Погодина* „Н. М. Карамзинъ", т. II, стр. 69. По словамъ *Блудова*, самъ Карамзинъ не оставилъ у себя даже копіи этой записки, не желая, чтобы она могла кому-либо сдѣлаться извѣстной кромѣ императора Александра и великой княгини (*Е. П. Ковалевскій*, н. с., стр. 244).

Въ основу устава Союза Благоденствія положенъ былъ уставъ Tugendbund'а въ переводѣ, сдѣланномъ Мих. Муравьевымъ и Петромъ Колошинымъ, и нельзя не видѣть, что заключеніе бакунинскаго письма, какъ оно приведено у Кропотова, довольно близко соотвѣтствуетъ этому конечному результату сношеній Муравьева съ Бакунинымъ. По крайней мѣрѣ, двѣ первыхъ отрасли дѣятельности Союза Благоденствія (филантропія и просвѣщеніе) вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ практическимъ задачамъ, которыя указывалъ патріотически настроенной молодежи въ концѣ вышеприведеннаго письма А. М. Бакунинъ [1]).

Общему тону и выводу бакунинскаго письма вполнѣ соотвѣтствовали и тѣ мѣста екатерининскаго наказа, которыя были включены въ § 4 книги I устава, гдѣ было сказано: «Союзъ надѣется на доброжелательство правительства, основываясь особенно на слѣдующихъ изреченіяхъ Наказа въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Екатерины вторыя: «если умы ихъ (т.-е. гражданъ) недовольно пріуготовлены къ нимъ (къ законамъ), то возьмите на себя трудъ ихъ пріуготовить, и вы тѣмъ уже много сдѣлаете», и въ другомъ мѣстѣ: «весьма дурная политика та, которая исправляетъ законами то, что должно исправить нравами» [2]).

А. М. Бакунинъ къ Екатеринѣ относился съ особымъ почтеніемъ; въ премухинской гостиной и теперь еще виситъ на самомъ видномъ мѣстѣ большой портретъ Екатерины, и въ поэмѣ своей Бакунинъ упоминаетъ объ этомъ портретѣ въ слѣдующихъ горячихъ строфахъ:

А въ комнатѣ гостиной рядомъ
Царицы-Матушки портретъ,—
Кто не почтетъ усерднымъ взглядомъ,
Въ томъ капли крови русской нѣтъ;
Не перепиской съ Вольтеромъ,
Но позволяя думать вслухъ,
Она величія примѣромъ
Возвысила народный духъ!

Сопоставляя разсказъ Сергѣя Муравьева и изложеніе письма Александра Михайловича Бакунина къ Михаилу Николаевичу

---

[1]) Срав. „Законоположеніе Союза Благоденствія“, напечатанное въ книгѣ *А. Н. Пыпина* „Общественное движеніе при Александрѣ I“, стр. 593 и слѣд.
[2]) ***Пыпинъ***, н. с., стр. 506. Приложеніе.

Муравьеву съ фактическими данными объ отношенiи Муравьевыхъ къ Бакунину, съ семейными преданiями, сообщенными мнѣ Александромъ Александровичемъ Бакунинымъ, политическими сужденiями и взглядами А. М. Бакунина, нашедшими столь яркое отраженiе въ его поэмѣ, я полагаю, что не остается никакихъ основанiй сомнѣваться въ вѣрности вышеприведеннаго разсказа Сергѣя Николаевича Муравьева и въ правильности передачи содержанiя вышеупомянутаго письма А. М. Бакунина. Сопоставленiе всѣхъ этихъ данныхъ во всякомъ случаѣ указываетъ на значительность той роли, которую А. М. Бакунину довелось сыграть въ дѣлѣ преобразованiя Союза Спасенiя въ Союзъ Благоденствiя.

Чтобы представить себѣ еще яснѣе политическое мiровоззрѣнiе А. М. Бакунина, впрочемъ, довольно полно обрисовывающееся изъ приведенныхъ данныхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ А. М. Бакунинѣ, несмотря на его заграничное воспитанiе и долгое пребыванiе за границей, была очень сильна патрiотическая жилка и непосредственная привязанность ко всему русскому. Въ поэмѣ его эта черта его характера чувствуется во многихъ мѣстахъ. Вотъ какъ описываетъ онъ впечатлѣнiе, произведенное на него пѣсней русскихъ матросовъ, во время пребыванiя его въ Ливорно:

Въ заморскомъ городѣ богатомъ
Однажды я на берегу,
Любуясь солнечнымъ закатомъ,
Прогуливалъ мою тоску.
За колыбелью [1]) и тюрьмою [2])
Героя („маленькiй капралъ"!)
Оно садилось, и съ волною
Послѣднiй лучъ его игралъ,
И Амфитриты погружалось
Въ объятьяхъ солнце отдохнуть,
И море тихо волновалось,
Вздымая пламенную грудь...
Крылатые летали челны,
Струя горѣла за кормой,
И, на берегъ взбѣгая, волны
Ложились бѣлой бахромой...
Вдругъ катеръ, выбѣжавъ изъ порта

---

[1]) Т.-е. за островомъ Корсикой.
[2]) Т.-е. за о. Эльбой.

На веслахъ, поднялъ паруса,
И громкіе питомцевъ Норта
Съ рожкомъ слилися голоса,..
Нѣтъ! Никакой бы, сочетая
Съ талантомъ душу, виртуозъ
Души моей такъ не потресъ,
Какъ эта музыка родная!

И тутъ же онъ прибавляетъ:

Разлука только что сугубитъ
Любовь къ родимой сторонѣ!
А кто отечества не любитъ,
Тотъ умеръ заживо, по мнѣ.
Что мнѣ до вашего климата,
До музыкантовъ и картинъ—
Бѣдна ли мать моя, богата—
Я не торгашъ, а просто сынъ!

Съ годами консервативное настроеніе Александра Михайловича, быть можетъ, усиливалось и вмѣстѣ росло отрицательное отношеніе его къ передовой литературѣ и въ особенности журналистикѣ, что рѣзко отразилось въ его поэмѣ, писанной на рубежѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, и, какъ увидимъ ниже, въ его позднѣйшихъ отношеніяхъ къ старшему сыну Михаилу и пріятелямъ его, молодымъ журналистамъ и философамъ тридцатыхъ годовъ. Тѣмъ не менѣе было бы очень неправильно представлять себѣ А. М. Бакунина въ видѣ обыкновеннаго россійскаго консерватора тридцатыхъ годовъ, типичнаго крѣпостника-самодура, пропитаннаго помѣщичьими или чиновничьими предразсудками, грубаго и высокомѣрнаго съ подчиненными, раболѣпнаго въ отношеніи властей предержащихъ. Отъ доморощенныхъ консерваторовъ этого рода Александръ Михайловичъ отличался прежде всего совершенно незаурядною по тому времени образованностью и вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ взглядомъ на окружающую дѣйствительность и на свое къ ней отношеніе. При всемъ консерватизмѣ его политическаго образа мыслей, онъ не былъ ни обскурантомъ, ни реакціонеромъ и, какъ мы уже видѣли, умѣлъ цѣнить въ Екатеринѣ не внѣшній блескъ ея царствованія, а то, что она позволяла «думать вслухъ». Онъ не только понималъ, что

„Стоячая вода болота
Тлетворные родитъ пары“,

но и признавалъ необходимымъ дать ей

„...исходъ желанный,
Обезопасивъ берега“.

Таковы были политическіе взгляды этого оригинальнаго человѣка.

Признавая необходимость самодержавной власти въ Россіи, самъ Бакунинъ нисколько не стремился ни къ власти, ни къ придворной службѣ, очевидно цѣня болѣе всего независимость и внутреннее благообразіе своего домашняго очага. Мы видѣли выше, что онъ не принялъ въ 1810 г. довольно высокаго поста попечителя Казанскаго округа и отклонилъ предложенное ему назначеніе въ гофмейстеры двора великой княгини Екатерины Павловны, несмотря на самое лучшее отношеніе и къ ней, и къ ея мужу.

ГЛАВА III.

Образованіе Премухинскаго гнѣзда и отношеніе къ нему А. М. Бакунина.— Описаніе премухинскаго дома и образа жизни Бакуниныхъ.—Воспитаніе дѣтей.—Отношеніе ихъ къ Премухину.—Художественныя и артистическія склонности А. М. Бакунина.—Его стихи.— Воспитаніе дочерей.—Ихъ образованность и талантливость.

Несклонный къ политической дѣятельности и борьбѣ, равнодушный къ почестямъ и блеску придворной и свѣтской жизни, Александръ Михайловичъ Бакунинъ употребилъ всѣ силы своего недюжиннаго ума и всѣ средства полученнаго имъ незауряднаго образованія на созданіе своего собственнаго семейнаго гнѣзда, своего собственнаго Премухинскаго міра. Однако сосредоточеніе всѣхъ своихъ силъ на созданіи этого гнѣзда не было въ немъ проявленіемъ обыкновенной пошлой эгоистической домовитости. Стремленіе это было бы неправильно объяснить простымъ индифферентизмомъ къ общественнымъ дѣламъ и желаніемъ обезпечить лишь собственное свое благополучіе. Здѣсь ярко сказывалась и проявлялась художественная, творческая потребность его духовной природы. Онъ стремился не просто къ обоснованію матеріальнаго благосостоянія своего или своей семьи, а именно къ созданію своеобразнаго міра, образца культурной и общественной ячейки по сознательно продуманному идеалу, можетъ быть, довольно неопредѣленному и недостаточно жизненному, въ зависимости отъ того, что въ основу его положены были трудно согласуемые и даже противорѣчивые другъ другу элементы, но во всякомъ случаѣ не похожему на окружавшіе его образцы современной ему обыденной жизни. Въ этомъ сказывались столько же художественные эстетическіе задатки его богатой и сильной природы, сколько и разносторонній жизненный опытъ, въ основу котораго было положено европейское образованіе въ духѣ просвѣ-

щенія XVIII вѣка и на ряду съ этимъ сильное національное чувство. Немудрено поэтому, что отношеніе его къ своему Премухинскому міру сильно напоминало отношеніе художника къ своему художественному произведенію. Ниже мы увидимъ, что это отношеніе къ Премухину естественно перешло и къ дѣтямъ и сообщалось невольно и тѣмъ изъ постороннихъ посѣтителей Премухина, которые способны были, какъ Лажечниковъ, Станкевичъ или Бѣлинскій, оцѣнить и прочувствовать достоинство художественнаго произведенія. Несоотвѣтствіе же и противорѣчивость элементовъ, положенныхъ въ основу этого оригинальнаго произведенія, роковымъ образомъ привело впослѣдствіи къ почти трагическому развитію внутренней драмы самого его автора.

Вотъ какъ описываетъ свое гнѣздо, расположенное на берегахъ живописной Осуги, самъ А. М. Бакунинъ:

Въ саду на скатистой вершинѣ
Ея холмистыхъ береговъ
Господскія палаты нынѣ
Кряхтятъ подъ тяжестью годовъ [1]).
Но я кирпичными плечами
Двухъ флигелей на новый ладъ
Скрѣпилъ ихъ и съ лица столбами
Принарядилъ кой-какъ фасадъ.
Святая церковь—флигель южный,
Гдѣ Богъ меня благословилъ
Принять обѣтъ любви супружной
И счастьемъ дни мои скрѣпилъ.
На сѣверъ кухня съ погребами,
Въ которыхъ часто нѣтъ вина,
И кладовая со шкафами,
Гдѣ всякой всячины казна.
И домъ большой, но безпаркетный,
Нѣтъ дорогихъ у насъ ковровъ,
Ни прочей рухляди завѣтной,
Ни даже *карточныхъ столовъ*.
Въ углу столовой боевые—
Мои ровесники—часы,
Въ другомъ завѣтный плющъ большіе
И длинные пустилъ усы.
Сиротка жаворонокъ, ласкаясь
И заводя со мною рѣчь,

[1]) Напомнимъ читателю, что описаніе это относится къ концу двадцатыхъ или къ началу тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, а „палаты“ эти сохранились и до настоящаго времени въ почти неизмѣнномъ видѣ.

Хлопочетъ, прыгаетъ, стараясь
Мое вниманіе привлечь;
Два соловья, какъ два поэта,
Смѣняясь, день и ночь поютъ—
И красное зимою лѣто
Нашло въ Премухинѣ пріютъ.
Не драгоцѣнная посуда
Убранство трапезы моей,—
Простыя три-четыре блюда
И взоры свѣтлые дѣтей.
Кто съ милою женой въ совѣтѣ
И добрыми дѣтьми живетъ,
Тотъ вѣруетъ теплу на свѣтѣ
И Богъ ему тепло даетъ!
Тепло ему.—Старикъ, мужаясь,
Какъ на родной землѣ Антей,
Счастливъ и бодрствуетъ, склоняясь
Въ объятья матери своей.
Въ диванной комнатѣ на диво
Большое зеркало стоитъ,
Безъ словъ оно краснорѣчиво
И молча правду говоритъ.
Намеднясь какъ ошеломило:
Старинушка, не позабудь,
Что за три четверти пробило
И собираться надо въ путь! [1])
Божественный уставъ не можетъ
Природы быть закономъ зла—
Не дальній путь меня тревожитъ,
Разлука только тяжела!
А въ комнатѣ гостиной рядомъ
Царицы-матушки портретъ,
Кто не почтетъ усерднымъ взглядомъ,
Въ томъ капли крови русской нѣтъ.
Не перепиской съ Вольтеромъ,
Но позволяя думать вслухъ
Она величія примѣромъ
Возвысила народный духъ.
Диванъ и кресла выписные
Въ шпалерну ткань облечены
И только въ праздники большіе
Съ нея [2]) снимаются чехлы.

---

[1]) Когда писалась эта поэма, автору ея было лѣтъ шестьдесятъ, но онъ послѣ того прожилъ еще не менѣе двадцати пяти лѣтъ.

[2]) Очевидно съ мебели.

Когда вечернею порою
Сберется вмѣстѣ вся семья,
Пчелиному подобясь рою,
То я счастливѣе царя.
Меня семейство окружаетъ,
Царя—придворный маскарадъ,
И пчелка съ медомъ прилетаетъ,
А трутни царскій медъ ѣдятъ!
Кто съ книгою, кто съ рукодѣльемъ
Бесѣдуютъ вокругъ стола,
Мѣшаючи дѣла съ бездѣльемъ,
Чтобъ не сойти отъ дѣлъ съ ума.

Дальше слѣдуетъ длинный рядъ краткихъ характеристикъ писателей, которыхъ сообща читаютъ въ Премухинѣ, при чемъ большую роль играютъ, рядомъ съ тогдашними писателями двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, писатели Екатерининскаго вѣка: тутъ же характерныя полемическія и сатирическія выходки противъ тогдашнихъ журналистовъ и критиковъ. Затѣмъ описываются домашнія игры и развлеченія, среди которыхъ большую роль играютъ музыка и пѣніе. Съ величайшею любовью и иногда весьма поэтически описываетъ Бакунинъ окружающую природу, живописную излучистую Осугу и всѣ уголки огромнаго парка, насаженнаго его отцомъ, матерью и имъ самимъ.

Хотя Александръ Михайловичъ женился поздно (на 43-мъ году), однако бракъ его былъ очень счастливый, и онъ успѣлъ создать огромную патріархальную семью. Почти не проходило года безъ прибавленія семейства, и черезъ 14 лѣтъ брачной жизни у Бакуниныхъ было уже одиннадцать человѣкъ дѣтей. (Старшая изъ нихъ была дочь Любовь Александровна (род. 10/IX 1811 года); за нею слѣдовала Варвара (13/VIII 1812); затѣмъ Михаилъ (18/V 1814); затѣмъ опять двѣ дочери: Татьяна (10/VIII 1815) и Александра (8/VIII 1816). За ними идутъ пять сыновей подъ рядъ: Николай (29/V 1818), Илья (19/VIII 1819), Павелъ (21/VIII 1820), Александръ (10/XI 1821) и Алексѣй (25/III 1823) и, наконецъ, еще дочь Софія (4/IX 1824). Всѣ эти дѣти остались въ живыхъ за исключеніемъ послѣдней—Сонечки, которая умерла въ двухлѣтнемъ возрастѣ во время эпидеміи дизентеріи, свирѣпствовавшей въ Премухинѣ въ 1826 году. Къ воспитанію дѣтей родители относились самымъ серьезнымъ образомъ, и самъ отецъ близко интересовался ходомъ ихъ развитія.

Что касается Варвары Александровны, то она, подъ вліяніемъ премухинской обстановки и частаго рожденія дѣтей, очень скоро превратилась изъ свѣтской львицы и модницы въ степенную мать и хозяйку. Она принимала дѣятельное участіе въ воспитаніи дѣтей, сама давала имъ начальные уроки музыки и провѣряла другіе ихъ уроки и въ то же время завѣдывала всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ [1]).

Чрезвычайно интересную и яркую картину премухинскаго образа жизни того времени мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Михаила Александровича къ отцу (отъ 15 декабря 1837 г.), въ которомъ онъ по поводу возникшихъ тогда семейныхъ не-

---

[1]) Въ „Осугѣ“ этой ея дѣятельности посвящено много строфъ:

Изъ спальни дверь въ уединенный
Хозяйки доброй кабинетъ,
Дѣламъ и дѣтямъ посвященный,—
А постороннимъ ходу нѣтъ!
Кто за приказомъ, кто съ отчетомъ,
Кто денегъ требуетъ у ней—
И нѣтъ конца ея заботамъ,
А надобно учить дѣтей...

Нѣсколько дальше:

Люблю я это фортепьяно,
Ты, поздно вечеромъ ложась
И по утру вставая рано,
Себѣ найти умѣла часъ,
А днемъ учила, повторяя
За дочками сто разъ и сто,
Какъ меледу перебирая:
Do, re, mi, fa, sol, la, si, do!
Терпѣньемъ лѣнь одолѣвая,
Ты душу имъ свою дала,
И, въ хорѣ пѣвчемъ напѣвая,
Ихъ капельмейстеромъ была...

Вотъ еще строфа:

Но двери съ шумомъ отворились,
Затрясся полъ и потолокъ,
И трое къ маменькѣ явились
Сказать, что знаютъ свой урокъ.

Въ архивѣ сохранилось довольно много писемъ къ Варварѣ Александровнѣ кузины ея Ек. Ник. Муравьевой (матери гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго), изъ которыхъ видно, что дѣти составляли тогда главный интересъ ихъ жизни, и наблюденіямъ о ихъ развитіи посвящалась значительная часть этой переписки.

доразумѣній и непріятностей бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое. Мы не разъ еще будемъ обращаться къ этому замѣчательному письму, а теперь позволимъ себѣ привести изъ него довольно обширную выписку.

«Самымъ счастливымъ временемъ нашей премухинской жизни,—вспоминаетъ молодой 23-хлѣтній Михаилъ Бакунинъ,—были для насъ наши дѣтскіе годы; во мнѣ остались еще живы всѣ впечатлѣнія моего дѣтства; что посѣяно въ дѣтствѣ, то можетъ быть потрясено, но ничѣмъ, никакими силами искоренено, разрушено быть не можетъ; а любовь моя къ вамъ, любезный батюшка, любовь полная, неограниченная, началась моимъ дѣтствомъ; вы были для насъ всѣхъ чѣмъ-то великимъ, выходящимъ изъ ряду обыкновенныхъ людей. Мы не понимали и не могли понимать васъ, но чувствовали васъ. Слово ваше было для насъ долго, очень долго безусловнымъ доказательствомъ истины. Вы были для насъ безусловнымъ и несокрушимымъ авторитетомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вы слились съ самыми лучшими воспоминаніями нашего дѣтства. Вы рѣдко бранили и, кажется, ни разу не наказывали насъ, но мысль, что вы узнаете объ какомъ-нибудь нашемъ поступкѣ, мысль, что вы разсердитесь на насъ, приводила насъ въ ужасъ. Я помню, съ какою любовью, съ какою снисходительностью и съ какимъ горячимъ вниманіемъ вы слушали нашу дѣтскую болтовню. Я помню, какъ мы были счастливы, когда мы приносили къ вамъ пойманную нами бабочку или найденный и до сихъ поръ невиданный нами цвѣтокъ. Я никогда не забуду этихъ вечернихъ прогулокъ на пильный заводъ или въ Костюшино, гдѣ вы намъ разсказывали какой-нибудь историческій анекдотъ или сказку, гдѣ вы заставляли насъ отыскивать рѣдкое у насъ растеніе... И какъ гордъ и какъ счастливъ былъ тотъ, кому удавалось отыскать его... Помню еще одинъ лунный вечеръ: небо было чисто и усѣяно звѣздами, мы шли въ Мытницкую рощу и вы разсказывали намъ исторію солнца, мѣсяца, тучъ, грома, молніи и т. д. Помню одинъ лѣтній день, въ который я хорошо учился и вы были довольны мною, и вы помогли мнѣ устроить мостъ къ нашему маленькому острову... Помню, какъ одинъ разъ, гоняясь за бабочками, въ отсутствіе маменьки, мы позабыли, что наступило время обѣда и что вы ждете насъ, какъ мы испугались, когда мы объ этомъ вспом-

нили и нашли васъ сидящаго за столомъ и уже обѣдавшаго. Вы намъ не сказали ни слова, встали прежде насъ и мы были этимъ такъ испуганы, мы не знали, что дѣлать; послѣ же обѣда, отдохнувши, вы позвали насъ гулять и говорили съ нами, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и мы были такъ изумлены тогда вашею добротою, такъ счастливы и такъ веселы... Наконецъ, я помню эти зимніе вечера, въ которые мы всегда читали «Robinson Crousoe», и это было для насъ такимъ великимъ, такимъ неограниченнымъ наслажденіемъ. Потомъ наступалъ великій постъ, и мы вмѣстѣ съ вами говѣли и страстная недѣля имѣла для насъ что-то неизъяснимое, торжественное... Эта святая торжественность, нарисованная на вашемъ лицѣ, эти черныя ризы, эта мрачная и грустная служба, позднія всенощныя... Послѣ всенощной мы приходили въ гостиную, которая не была еще освѣщена. Варенька садилась за фортепьяно и брала аккорды, вы говорили намъ о страданіяхъ, о Божественной святости Спасителя... Потомъ, когда подавали свѣчи, мы вмѣстѣ читали Евангеліе... Наступала среда и мы вмѣстѣ исповѣдывались и послѣ исповѣди собирались вечеромъ къ ужину и было такъ тихо, такъ свято, такъ торжественно... Мы не понимали тогда, но чувствовали, что совершается что-то великое... Вы, маменька, сестры, всѣ мы были въ одной комнатѣ; тутъ не было никого посторонняго, никто не разрушалъ своимъ неумѣстнымъ присутствіемъ этой святой гармоніи... Потомъ въ четвергъ мы пріобщались, потомъ мытье образовъ, двѣнадцать евангеліевъ, страстная пятница и плащаница, крашенье и дѣланье мраморныхъ яицъ; субботняя заутреня, гдѣ мы всѣ вмѣстѣ ходили къ плащаницѣ; потомъ заутреня свѣтлаго воскресенія, ожиданіе восхода солнца, возвращеніе весны—о все это слилось, неразрывно слилось съ нашею жизнью!..—Эти происшествія кажутся ничтожными, но они глубоко вошли въ душу, они оставили въ насъ неизгладимыя воспоминанія...

«Да, батюшка, воспоминанія о васъ и любовь къ вамъ, премухинскій домъ, садъ и окружности, любовь и природа и наслажденіе природою и дѣтство наше—все это составляетъ наше неотъемлемое сокровище и чуть ли не лучшую эпоху жизни нашего семейства...»

Такъ писалъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, уже

взрослый, послѣ ряда пережитыхъ семейныхъ бурь и недоразумѣній, поколебавшихъ этотъ гармоническій и патріархальный міръ, въ которомъ онъ и его братья и сестры выросли и воспитались. Изъ этого описанія, ярко возсоздающаго передъ нами картину рѣдкой домашней идилліи въ помѣщичьей усадьбѣ двадцатыхъ годовъ, мы видимъ, что на ряду съ нѣкоторыми, чрезвычайно, впрочемъ, смягченными, чертами стариннаго Домостроя въ основаніе всего уклада и въ особенности воспитанія дѣтей положены были черты западно-европейскаго гуманизма XVIII вѣка, на которомъ воспитывался самъ Александръ Михайловичъ Бакунинъ. Въ его отношеніяхъ къ дѣтямъ ясно чувствуется человѣкъ, отдавшій дань поклоненія педагогическимъ идеямъ Руссо, такъ идиллически изложеннымъ въ знаменитомъ «Эмилѣ». Идеи Руссо, хотя бы и комбинированныя съ признаніемъ обрядовъ и догмы установленной религіи, были очень далеки отъ затхлой и мрачной атмосферы, царившей въ это и въ предшествующее время въ другихъ благочестивыхъ русскихъ семействахъ, но они создавали въ Премухинѣ ту атмосферу гармоніи и патріархальности, которая невольно чувствовалась всѣми посѣтителями этого мирнаго и обаятельнаго уголка,—даже въ то время, когда гармонія эта была уже значительно подорвана распрями, возникшими между старымъ и молодымъ поколѣніемъ [1]).

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что А. М. Бакунинъ, самъ испытавшій уже взрослымъ всю тяжесть родительскаго деспотизма со стороны своей глубоко-чтимой имъ матери, послѣ ея смерти далъ себѣ слово во всю свою жизнь избѣгать въ своихъ собственныхъ отношеніяхъ къ дѣтямъ даже самаго благожелательнаго деспотизма. Свое рѣшеніе онъ тогда же записалъ собственноручно въ назиданіе себѣ самому. Бумага эта недавно найдена въ Премухинѣ и пріобщена къ прочимъ документамъ архива. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь этотъ поучительный документъ полностью:

4 часа пополуночи, 22 октября 1814.

Вотъ уже двѣ недѣли слишкомъ какъ матушка скончалась! Жила семьдесятъ пять лѣтъ и довольно счастливо—по крайней мѣрѣ отъ нея зависѣло быть по возможности нашей счастливою. Слишкомъ сорокъ лѣтъ была замужемъ; батюшка ее любилъ, уважалъ и нечего безъ воли ея не дѣлалъ; она его любила страстно, и любовь ея даже и по кончинѣ его ни мало не измѣнилась—я увѣренъ, что мысль о возвращеніи къ нему усладила послѣднее ея издыханіе. Двѣ печали имѣла она въ жизни своей: смерть брата Ивана Михайловича за осьмнадцать и кончина батюшки за одиннадцать лѣтъ ея кон-

Тѣ чувства къ премухинскому гнѣзду, о которыхъ говоритъ въ своемъ письмѣ Михаилъ Бакунинъ, были присущи всѣмъ членамъ бакунинской семьи. Въ одномъ письмѣ Татьяны Александровны Бакуниной къ подругѣ ея (А. А. Беeръ), писанномъ въ ноябрѣ 1834 года, сохранилось трогательное описаніе прощанія съ Премухинымъ всей семьи передъ отъѣздомъ на зиму въ Тверь. По этому описанію можно подумать, что имъ

чины. Прочія неминуемыя въ жизни сей печали, изгладясь молодостью, разсѣянностью и временемъ, не могли препятствовать ея благоденствію. Она и батюшка были любимы и уважаемы. Состояніе имѣли они сначала малое, но жили весело, впослѣдствіи состояніе улучшилось, а радости убыло. Ужели есть свыше опредѣленіе доживать остальные дни наши въ скукѣ, чтобы смерть намъ не страшна казалась? Или мы уже сами виною мрачности, обыкновенно смущающей старость? Ослабѣваютъ силы, а нѣкоторыя страсти въ самомъ изнеможеніи нашемъ усиливаются. Что препятствовало матушкѣ быть (по возможности человѣческой совершенно—слова эти потомъ зачеркнуты. А. К.) счастливою? Любима и почитаема дѣтьми своими,—воля ея была ихъ волею—но она такъ страстно любила ихъ, что, сама того не примѣчая, хотѣла, чтобъ они жили единственно для нея. Прилѣпясь, особливо по кончинѣ батюшкиной къ набожности, требовала, чтобъ и мы находили то же утѣшеніе, такую-же необходимость въ длинныхъ молитвахъ, въ слушаніи всѣхъ церковныхъ службъ и проч. Дорожа здоровьемъ нашимъ, жила въ безпрестанномъ страхѣ, не разсуждала, что чистый воздухъ и пріятное препровожденіе времени были бы и для здоровья нашего всего нужнѣе. Малѣйшее противорѣчіе или несогласіе съ ея мнѣніями сильно ее огорчало, отчего наконецъ вся искренность взаимно исчезла. Исключительное же требованіе на всю любовь и привязанность нашу мало по малу ихъ ослабило, и домъ нашъ сдѣлался наконецъ не только для постороннихъ, но и для насъ самихъ домомъ скуки и неволи.

Опасаясь таковой же участи въ старости, предположилъ я себѣ слѣдующія къ непремѣнному наблюденію правила:

1. Пріобрѣтать ласковымъ, дружескимъ и снисходительнымъ обращеніемъ искренность и любовь дѣтей моихъ.

2. Не оскорбляться ихъ несогласіемъ не только съ моими прихотями, но и со мнѣніями, и когда нужно вывесть ихъ изъ заблужденія, убѣждать ихъ въ истинѣ совѣтами, примѣрами, разсудкомъ, а не отеческою властью.

3. Отнюдь не требовать, чтобы они меня исключительно любили, но радоваться новымъ связямъ ихъ, лишь бы непорочны были, какъ залогамъ будущаго ихъ и по смерти моей благополучія.

4. Стараться, чтобы они праздными никогда не были и жили по возможности нашей весело и пріятно.

5. Какъ скоро достигнутъ совершеннаго возраста, сдѣлать ихъ соучастниками нашего имущества. Бабушка Катерина Александровна, выговоривъ себѣ пристойное содержаніе, отдала во владѣніе дѣтямъ своимъ назначенныя имъ части. Варинька моя (т.-е. жена его Варвара Александровна. А. К.) такъ

приходилось разставаться навсегда съ роднымъ своимъ домомъ, а между тѣмъ они уѣзжали оттуда только на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ—впервые всей семьей. Александръ Михайловичъ сочинилъ по этому случаю стихи, которые они пѣли хоромъ на мотивъ швейцарской пѣсни «Es kommt die Zeit». Вотъ эти стихи:

Насталъ ужъ часъ, готовы кони!
Село Премухино, прости!
Въ городъ скучный, въ городъ душный
Ѣхать мы теперь должны...
Другіе будутъ тамъ законы,
Свобода сельская, прости!
    Домъ, гдѣ жили наши дѣды,
    Домъ Премухинскій, прости!
    Домъ печальный, какъ опальный,
    Оставаться будешь ты,
    Домъ, гдѣ жили наши дѣды,
    Домъ Премухинскій прости!
Садъ, руками насажденный
Отца и матери, прости!
Ты священный, незабвенный
Будешь намъ залогъ любви!
Ключъ, котораго мы пили
Воду чистую, прости!
    И ты, намъ милая, родная
    Осуга свѣтлая, прости!
    — И купались и плескались

молода, что могу и ее причесть къ дѣтямъ своимъ. Она, какъ старшая дочь, пусть и управляетъ моимъ семействомъ.

6. Не требовать, чтобы дѣти мои волею или неволею богомольничали, а внушать имъ, что религія единственное основаніе всѣхъ добродѣтелей и всего нашего благополучія.

Мнѣ кажется, что наблюденіемъ сихъ правилъ возможно скрасить сумерки жизни нашей, а тихій вечеръ не многимъ утру уступаетъ. Но для сего потребно, чтобы тучи не омрачали совѣсти нашей. Ничто кажется не тяготило матушкиной совѣсти. Она иногда сама понапрасну огорчалась, иногда насъ огорчала. Конечно не добро дѣлала, но намѣренія ея были добрыя. Она имѣла страсти, но ими же въ жизни своей была и наказана. Она имѣла истинныя добродѣтели, была и здѣсь довольно счастлива, но въ вѣчности, освободясь отъ страстей, которыя земное ея счастье возмущали, счастливѣе еще будетъ.

Люди умѣютъ прощать,—Богъ ли не проститъ? А матушка, много пострадавъ первые четыре дни своей болѣзни, безропотно, не умерла, казалось, въ исходѣ пятаго дня, а съ твердымъ на Него упованіемъ заснула.

А. Бакунинъ.

Какъ выдержалъ эти правила А. М. Бакунинъ въ своей жизни, видно будетъ изъ послѣдующаго.

Въ свѣтлыхъ мы твоихъ струяхъ—
Осуга тихая, родная,
Подруга вѣрная, прости!
Храмъ, гдѣ Сони нашей милой
Прахъ покоится въ землѣ—
— Ты святая, намъ родная,
Бога тамъ за насъ моли!—
Храмъ, гдѣ Сони нашей милой
Прахъ покоится, прости!
Зовутъ, зовутъ, готовы кони!
Село Премухино, прости!
Край священный, незабвенный,
Край намъ милый, край родимый,
Надолго мы тебя покинемъ,
Святая родина, прости!

Какъ только стихи эти были сочинены, тотчасъ Варвара Александровна младшая сѣла за фортепьяно, и всѣ—и сестры и братья—собрались хоромъ ихъ пѣть въ гостиной. «Но только начали второй куплетъ—пишетъ Татьяна Александровна—слезы прерываютъ Любенькинъ голосъ, всѣ слѣдуютъ ея примѣру, никто не могъ кончить!»

Это письмо хорошо рисуетъ отношеніе юныхъ членовъ Бакунинской семьи къ своему Премухинскому гнѣзду.

Самъ Александръ Михайловичъ занимался съ дѣтьми естественною исторіею и сообщалъ имъ разныя свѣдѣнія изъ физики, космографіи, географіи и исторіи. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, преподававшихся гувернантками, одно время ихъ обучали еще итальянскому языку, о чемъ сохранились положительныя указанія въ лѣтописи премухинской жизни, а можетъ быть и англійскому. По крайней мѣрѣ въ «Осугѣ» находимъ слѣдующія строки, которыя даютъ основаніе предположить это:

Покоевъ нѣту въ домѣ праздныхъ,
А длинный дѣтскихъ комнатъ рядъ,
Гдѣ на *пяти языкахъ* разныхъ,
Учась взаимно, говорятъ.

Музыкѣ учили: дѣвочекъ на фортепьяно, Мишеля на скрипкѣ. Съ 1822 года въ Премухинѣ велась краткая запись всѣхъ достопримѣчательныхъ событій, по которой можно прослѣдить пріѣздъ учителей и учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ.

Музыка и поэзія, какъ уже видно отчасти изъ предыдущаго, занимали въ премухинской жизни весьма почетное мѣсто. Самъ

Александръ Михайловичъ легко и складно писалъ стихи, какъ это видно изъ многократно цитированной поэмы его [1]). Дочери его также не лишены были дара легко и изящно выражать свои мысли и на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ, въ особенности на французскомъ, на которомъ по обычаю того времени велась большая часть переписки съ родными и друзьями.

Кромѣ того онѣ хорошо знали изящную литературу, читая знаменитыя произведенія европейскихъ писателей въ подлинникѣ, отлично играли на фортепіано, на арфѣ и на мандолинѣ

---

[1]) Приводимъ здѣсь еще одинъ образчикъ его поэтическихъ упражненій, насмѣшливо названный имъ *Сантиментальная элегія.* Можно думать, что она была сочинена въ пику молодымъ философамъ-идеалистамъ тридцатыхъ годовъ.

Приди хандра, мой геній мощный,
Восторгъ изношенной души,
И тьмы чернѣе полунощной
Плачевную мнѣ пѣснь внуши!
   Летучи мыши соберитесь,
   Умолкни филинъ и сова,
   Могильны камни встрепенитесь—
   Послушайте мои слова!
Безъ спросу моего природа
Меня на свѣтъ произвела.
Гдѣ-жъ мнимая моя свобода,
Гдѣ произвольныя дѣла?
   Какъ флюгеръ вѣтровъ дуновеньемъ
   Вкругъ оси вертится своей,
   Невольно я влекусь волненьемъ
   Не мною созданныхъ страстей.
Младенчество—была неволя,
Вступленье въ кругъ людской—ярмо,
И старецъ, уѣзжая съ поля,
Уноситъ рабское клеймо,—
   Клеймо напраснаго боренья,
   Обезображенный провалъ
   Ужаснаго землетрясенья,
   Разбитой радости фіалъ.
И что за радости—мечтанья?
Во тьмѣ кромѣшной—свѣтлый мигъ,
Чтобъ смертный ужасы страданья
Больнѣе своего постигъ.
   За что же требовать отвѣта?
   Кто позоветъ его на судъ?
   Могу ли я, лишенный свѣта,
   Найти предписанный мнѣ путь,
Котораго я нить теряю,
Невольно ощупью тащась,
То лбомъ о камни ударяя,
То попадая прямо въ грязь.

и умѣли цѣнить хорошую музыку. Было въ ходу и рисованье, талантъ къ которому впослѣдствіи особенно проявился у Александра Александровича Бакунина. Воспитаніе всѣхъ дочерей было и начато и закончено дома въ Премухинѣ; но по своей образованности и по умственному развитію онѣ, несомнѣнно, далеко превосходили дѣвицъ того времени, получавшихъ образованіе въ институтахъ. Легкость, съ которой онѣ воспринимали впослѣдствіи философскія поученія Мишеля и его друзей, и сужденія, которыя онѣ высказывали въ многочисленныхъ и обширныхъ письмахъ, посвященныхъ нерѣдко весьма отвлеченнымъ предметамъ, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что уровень познаній, полученныхъ ими въ Премухинѣ отъ отца и приглашенныхъ учителей, былъ во всякомъ случаѣ не ниже того, какой давала и даетъ у насъ теперь средняя школа. Мальчики подготовлялись дома лишь до извѣстнаго возраста. Старшіе изъ нихъ, Михаилъ и Николай, были отправлены по достиженіи 14-тилѣтняго возраста—первый въ 1828 году, второй въ 1833 — въ Петербургъ въ артиллерійское училище; остальные четверо: Илья, Павелъ, Александръ и Алексѣй учились совмѣстно и всѣ вмѣстѣ опредѣлены были въ 1835 г. въ тверскую губернскую гимназію въ IV классъ. Старшему изъ нихъ—Ильѣ—въ это время исполнилось уже 16, а младшему—Алексѣю—было едва 12 лѣтъ. Илья не кончилъ гимназіи и въ слѣдующемъ 1836 году поступилъ юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ, а остальные трое по окончаніи гимназіи вступили въ Московскій университетъ въ 1839 году.

И весь запачканный и гадкій,
Бултыхъ въ могилу, наконецъ,
Гдѣ если нѣтъ надежды сладкой,
То нѣтъ и страждущихъ сердецъ!
Пѣвецъ умолкъ. Летучи мыши
Свилися трепетнымъ вѣнкомъ.
И филинъ съ колокольной крыши
Захлопалъ радостно крыломъ.

Если принять во вниманіе, что А. М. былъ старше Пушкина болѣе чѣмъ на поколѣніе (на 30 лѣтъ слишкомъ), что онъ былъ сверстникомъ Карамзина, и что образцами стихотворныхъ произведеній въ русской литературѣ ему служили въ то время, когда воспитывался его вкусъ, Ломоносовъ, Державинъ и Херасковъ, то нельзя не признать, что онъ владѣлъ искусствомъ стихосложенія отнюдь не хуже другихъ стихотворцевъ, его современниковъ.

ГЛАВА IV.

Отъѣздъ Михаила Бакунина въ Петербургъ. — Кругъ петербургскихъ родныхъ.—Прасковья Михайловна Нилова.—Артиллерійское училище и непріязненныя впечатлѣнія о немъ М. А. Бакунина.—Ученіе и чтеніе М. Бакунина въ училищѣ.— Вредное вліяніе школы.—Долги и векселя.—Дѣтскій романъ Мишеля. — Покаянное письмо Мишеля къ отцу и его стремленіе къ возрожденію.—Поѣздка въ Премухино.—Письмо Мишеля къ сестрамъ.—Мысли его о назначеніи человѣка.—Увлеченіе его Муравьевыми. — Семья Николая Назаровича Муравьева.—Серг. Ник. Муравьевъ.—Письмо Ник. Наз. Муравьева къ М. А. Бакунину.

Михаилъ Александровичъ, будучи старшимъ изъ братьевъ, первый оставилъ отчій домъ. Онъ былъ отправленъ въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ съ дядей его матери К. М. Полторацкимъ въ ноябрѣ 1828 года. Сохранилось характерное письмецо, которымъ онъ самъ извѣщалъ объ этомъ событіи своихъ тетушекъ (сестеръ отца), жившихъ въ Козицынѣ. Вотъ это письмо, помѣченное 27 ноября 1828 года.

«Мы съ папенькой выѣхали изъ Премухина 25 числа въ 11 часовъ. Вы сами, я думаю, знаете, какъ оставлять домъ, въ которомъ родился, къ которому уже привыкъ и въ которомъ оставляешь мать, отца и сестеръ и братьевъ и всѣхъ родныхъ. Софья Борисовна и Константинъ Марковичъ [1]) очень добры до меня. Je tacherai de tout mon possible de me rendre digne de leurs bontés. Прощайте, милыя тетеньки, поклонитесь отъ меня Клеопатрѣ Алексѣевнѣ, Настасьѣ Ивановнѣ, Марьѣ Феклистьевнѣ и всѣмъ вашимъ дѣвушкамъ и людямъ. Le siége de Silisterie est recommencée. Прощайте, милыя тетеньки. Пишите мнѣ иногда, пожалуйста.

Преданный вамъ племянникъ».

Въ цитированномъ уже выше письмѣ къ отцу отъ 15 декабря 1837 г. Михаилъ Александровичъ такъ вспоминаетъ объ этомъ времени: «Мнѣ было 14 лѣтъ, когда я поѣхалъ въ Пе-

---

1) Полторацкіе. См. о К. М. Полторацкомъ въ примѣчаніи на стр. 13.

тербургъ. Изъ родного премухинскаго міра я вдругъ попалъ въ новый совершенно мнѣ чуждый міръ. Когда было рѣшено, что я поѣду въ Петербургъ съ К. М. Полторацкимъ, я былъ радъ, потому что я былъ ребенокъ, а ребенокъ обыкновенно радуется всякой новизнѣ. Разставаясь съ вами, съ маменькою, съ сестрами, я даже не былъ огорченъ или былъ весьма мало огорченъ, потому что я наслаждался безсознательно чудною премухинскою жизнью, наслаждался безсознательно любовью окружающихъ меня; я не понималъ смысла разлуки, я не испытывалъ еще разницы родного и чужого круга. Но когда прелесть новости кончилась, когда я привыкъ къ своему новому положенію, когда все пошло обыкновеннымъ порядкомъ,— тогда только почувствовалъ я, что я уже не въ Премухинѣ».

«Да, батюшка, бывали минуты (и эти минуты были очень часты), когда мнѣ становилось холодно, видя себя окруженнымъ людьми мнѣ совершенно чуждыми, когда я не находилъ возлѣ себя ни одного изъ тѣхъ родныхъ и милыхъ образовъ людей, которыхъ я любилъ, самъ не зная, что я ихъ любилъ. Премухино сдѣлалось для меня съ тѣхъ поръ Меккою, къ которой стремились всѣ мои желанія, всѣ мои движенія, всѣ мои помышленія въ лучшія минуты петербургской жизни. И теперь еще, когда я вспоминаю святые и теплые годы моего дѣтства, и теперь еще я чувствую, что я люблю сильнѣе и болѣе и васъ и матушку... и сестеръ, съ которыми я связанъ узами истинной и горячей дружбы... Да, мысль о Премухинѣ освящала меня, письма ваши и сестеръ согрѣвали меня и я уже чувствовалъ, что я васъ сильно люблю, что вы для меня дороже всего въ жизни...»

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ концѣ 1828 года, Мишель не сразу поступилъ въ артиллерійское училище, а готовился сперва къ вступительному экзамену подъ наблюденіемъ Петра Андреевича Нилова, у котораго онъ и поселился.

П. А. Ниловъ, богатый баринъ, тамбовскій помѣщикъ, одно время бывшій тамъ губернаторомъ, былъ женатъ на родной сестрѣ Александра Михайловича, Прасковьѣ Михайловнѣ Бакуниной, и, повидимому, пользовался особымъ уваженіемъ въ Премухинѣ [1]). Ниловы были не только богатые и хлѣбосоль-

[1]) Отправляя Мишеля въ Петербургъ, А. М. Бакунинъ далъ ему особый листокъ, на которомъ онъ выписалъ ему имена всѣхъ своихъ друзей и род-

ные, но и просвѣщенные люди. Они были на дружеской ногѣ съ Державиными, Олениными и Муравьевыми еще въ началѣ XIX вѣка, при жизни Г. Р. Державина и Мих. Никитича Муравьева. Л. Н. Майковъ въ своей біографіи Батюшкова причисляетъ Прасковью Михайловну Нилову къ числу женщинъ, имѣвшихъ въ началѣ прошлаго вѣка благотворное вліяніе на развитіе русской изящной литературы. До выхода замужъ (въ 1799 г.) она жила нѣкоторое время въ домѣ Державина, вторая жена котораго, Д. А. Державина, приходилась ей двоюродной сестрой [1]). Майковъ приводитъ и стихотвореніе, которое посвятилъ ей тогда старикъ Державинъ:

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ [2])!

К. Н. Батюшковъ въ юности питалъ къ ней почтительное и нѣжное чувство, которое имъ было выражено, какъ утверждаетъ Л. Н. Майковъ, нѣсколько лѣтъ спустя во французскомъ стихотвореніи:

J'aimai Thèmire,
Comme on respire—
Pour exister.

Онъ съ восхищеніемъ вспоминалъ впослѣдствіи вечера, проведенные въ домѣ Ниловыхъ.

«Прасковья Михайловна—по свидѣтельству современниковъ—была прекрасна и наружностью и своими душевными качествами: при необыкновенной добротѣ, при открытомъ и благородномъ характерѣ, она обладала большимъ умомъ и разнообразными талантами; она писала стихи, прекрасно пѣла и играла на арфѣ; разговоръ ея былъ живъ, занимателенъ и остроуменъ [3]).

ныхъ въ Петербургѣ, и имена П. А. Нилова и Николая Назаровича Муравьева стояли на первомъ мѣстѣ.

[1]) Мать Дарьи Алексѣевны Державиной Дьякова, урожденная княжна Мышецкая, была родная сестра Любови Петровны Бакуниной.

[2]) Ср. т. II, стр. 184 перваго акад. изд. сочин. Державина. Стихи, начинавшіеся приведенной строфой, были написаны „на любовное исканіе П. А. Нилова“.

[3]) *Л. Н. Майковъ*: „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія“, стр. 22—24. Впослѣдствіи Прасковья Михайловна была директриссою Маріинскаго института для благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ, основаннаго при ея участіи въ концѣ 30-хъ гг.

Самъ Петръ Андреевичъ Ниловъ, судя по воспоминаніямъ М. А. Бакунина (въ цитированномъ письмѣ 1837 г.), былъ однако же человѣкъ старыхъ правилъ: онъ заставлялъ четырнадцатилѣтняго Мишеля, въ видахъ наставленія его на путь истины, читать вслухъ Четьи-Минеи, «приказывая вѣрить всѣмъ чудесамъ ея»[1]).

Объ училищѣ, въ которое Михаилъ Бакунинъ былъ опредѣленъ по выдержаніи экзамена поздней осенью 1829 г., у него сохранились весьма неприглядныя воспоминанія [2]).

---

[1]) Отецъ П. А. Нилова, А. М. Ниловъ, былъ старый пріятель Державина; мать его, Елизавета Корнильевна, урожденная Бороздина, въ свое время была извѣстна своими переводами съ иностранныхъ языковъ (*Майковъ*, н. с., стр. 22).

[2]) Въ бакунинскомъ архивѣ сохранилось слѣдующее письмо *П. А. Нилова* къ А. М. Бакунину *отъ 22 генваря 1830 г.*

„Въ послѣднемъ передъ симъ письмѣ моемъ увѣдомлялъ я тебя, любезный братъ Александръ Михайловичъ, что Мишенька, какъ новопоступившій юнкеръ и слишкомъ новъ въ фрунтовой образованности, въ прошедшую субботу отпущенъ не будетъ, что въ самомъ дѣлѣ и было; но, какъ сегодня, по случаю дня рожденія ихъ начальника вел. кн. Михаила Павловича, ученія у нихъ нѣтъ, воспользовавшись онымъ, выпросилъ я у полковника ихъ М. М. Кованька позволеніе прислать вчера за Мишей *карету*. Онъ былъ столько снисходителенъ и позволилъ. Черезъ это самое Миша, пріѣхавъ такимъ образомъ въ закрытомъ экипажѣ, избавленъ былъ отъ всякой встрѣчи, могущей, по неопытности его, сдѣлать ему непріятность. Сегодня въ 7 часовъ вечера онъ такимъ же образомъ возвратится; а въ будущую субботу, если онъ по фронту и опрятности окажется достойнымъ (ибо по ученію и прочему поведенію начальники имъ будутъ довольны), то пошлетъ за нимъ Константинъ Марковичъ Полторацкій. Хотя Мишенька писалъ къ вамъ вчера черезъ Княжевича, но я заставлю его приписать къ вамъ и сегодня; самъ же, мысленно васъ и дѣтокъ вашихъ обнимая, прошу вѣрить дружбѣ вамъ душевно преданнаго брата П. Нилова.

Приписка М. А. Бакунина.

Воспользываюсь этимъ случаемъ, милый папенька и маменька, чтобы вамъ писать еще разъ. Въ письмѣ, которое я написалъ вамъ съ Дмитріемъ Максимовичемъ, я вамъ описалъ мои занятія. (Къ сожалѣнію этого письма я не нашелъ въ архивѣ. А. К.). Теперь мнѣ остается васъ познакомить съ моими начальниками. Великій князь первый начальникъ и основатель училища, послѣ его графъ Опперманъ, инженеръ-генералъ, послѣ генералъ Перинъ, полковникъ Михаилъ Михайловичъ Кованько, подполковникъ Фрейманъ и капитанъ Николай Павловичъ Черницкій, начальникъ моего отдѣленія. Я уже вамъ писалъ, что К. М. Полторацкій былъ у меня; будущую субботу онъ меня къ себѣ возьметъ. Прощайте, милый папенька, цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія и остаюсь покорнѣйшій вашъ сынъ Михаилъ Бакунинъ“.

«Здѣсь,—писалъ онъ,—начинается новая эра моей жизни. До сихъ поръ душа и воображеніе мои были чисты и дѣвственны, они ничѣмъ еще не были замараны; въ артиллерійскомъ же училищѣ я вдругъ узналъ всю черную, грязную и мерзкую сторону жизни. И если даже я не впалъ въ пороки, которыхъ я былъ частый свидѣтель, то, по крайней мѣрѣ, привыкъ къ нимъ до такой степени, что они не только не приводили меня въ омерзеніе, но даже не удивляли меня. Самъ же я привыкъ лгать, потому что искусная ложь въ нашемъ юнкерскомъ обществѣ не только не считалась порокомъ, но единогласно одобрялась. Во мнѣ не было прежде сознательнаго религіознаго чувства, но было религіозное чувство, тѣсно связанное съ премухинской жизнью; Петръ Андреевичъ (Ниловъ) совершенно безвольно подкопалъ его, обременивъ его сказками Четьи-Минеи, а въ артиллерійскомъ училищѣ оно совершенно во мнѣ исчезло, потому что въ мое время во всѣхъ моихъ товарищахъ было самое холодное равнодушіе ко всему святому, великому и благородному. Во мнѣ совершенно заснула всякая духовность, я лгалъ, выпрашивалъ у Княжевича денегъ подъ благовидными, выдуманными мною предлогами... Въ это время одинъ изъ юнкеровъ заставилъ меня сдѣлать два векселя, я самъ сдѣлалъ нѣсколько долговъ... Въ продолженіе трехъ лѣтъ моего юнкерства я почти ничего не дѣлалъ и работалъ только въ послѣдній мѣсяцъ года, чтобы выдержать экзаменъ...»

Этотъ отзывъ самого Михаила Александровича о годахъ его ученія нельзя впрочемъ принять безоговорочно. По необыкновенной способности своей увлекаться онъ и здѣсь, повидимому, увлекается воспоминаніями о мрачныхъ сторонахъ училищной жизни. Начиная съ 1830 г., сохранилось нѣсколько писемъ его, изъ которыхъ видно, что въ училищѣ, особенно во время экзаменовъ, ему приходилось заниматься довольно много и что нѣкоторые предметы преподавались въ училищѣ довольно серьезно. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что впослѣдствіи Михаилъ Александровичъ всегда считался хорошимъ математикомъ, что едва ли могло бы быть, если бы онъ не занимался довольно серьезно математикой въ училищѣ.

Въ одномъ изъ писемъ къ роднымъ (въ началѣ 1832 г.) Мишель сообщалъ, между прочимъ, что онъ очень занятъ сочиненіемъ, заданнымъ ему преподавателемъ французскаго языка

на тему: «De l'influence des moeurs sur la litterature et de la réaction de la litterature sur les moeurs». «Je dois finir cette composition pour les Paques parceque je la fais pour notre chef, le général Сухазанетъ, qui a voulu savoir comment on sait la langue française á l'école; quand je l'aurais finie, je reprendrai la lecture du Lycée de Laharpe, dont je fais un petit extrait. Les mathématiques prennent aussi beaucoup de temps; en général les occupations ne nous manquent pas» [1]).

Въ письмѣ отъ 17 января 1833 года передъ производствомъ въ офицеры, которое послѣдовало въ концѣ января, Михаилъ Александровичъ писалъ домой, что экзамены были очень строги и что онъ выдержалъ ихъ очень счастливо лишь благодаря тому, что не спалъ ночи напролетъ и 3—4 недѣли передъ экзаменами не ходилъ даже въ отпускъ къ теткѣ по праздникамъ.

Въ то время онъ былъ большимъ патріотомъ. Въ письмѣ къ родителямъ отъ 20 сентября 1831 г., писанномъ по-французски, онъ приводитъ только что напечатанные тогда стихи Пушкина «Клеветникамъ Россіи» со слѣдующими любопытными комментаріями: «Ces vers sont charmants, n'est ce pas, chers parents, pleins de feu, de vrai patriotisme, c'est comme cela qu'un russe doit sentir! Pouchkine les a intitulè auparavant: стихи на рѣчь, говоренную генераломъ Лафайетомъ», mais la censure a changé et a mis: «Клеветникамъ Россіи». Ce vieux Lafayette est un grand bavard, un génie destructeur, aprés avoir été un des principaux personnages dans la révolution aux Etats Unis et dans les deux révolutions françaises, il voudrait ébranler les Russes. Mais non, les Russes ne sont pas des Français,—ils aiment leur patrie, ils adorent leur souverain, sa volonté est une loi pour eux, il ne se trouverait pas un seul parmi eux qui hésite a sacrifier ses intérêts les plus chers sa vie même pour son bien-être et pour celui de sa patrie».

---

[1]) „О вліяніи нравовъ на литературу и обратномъ вліяніи литературы на нравы". „Я долженъ кончить это сочиненіе къ Пасхѣ, потому что я его пишу для начальника училища, генерала Сухазанета, который желаетъ знать, насколько владѣютъ въ училищѣ французскимъ языкомъ. Когда я его кончу, то вновь примусь за чтеніе „Lycée de la Harpe", изъ котораго я дѣлаю себѣ выписки. Математика беретъ также много времени. Вообще въ занятіяхъ у насъ нѣтъ недостатка".

[2]) „Эти стихи прелестны, не правда ли, дорогіе родители? Они полны огня и истиннаго патріотизма, вотъ каковы должны быть чувства русскаго! Пушкинъ ихъ озаглавилъ сначала: „Стихи на рѣчь, говоренную генераломъ Ла-

Кромѣ занятій уроками, какъ видно изъ писемъ Михаила Александровича, онъ много читалъ въ училищѣ. Кромѣ *Lycée de la Harpe*, который онъ читалъ съ выписками и конспектомъ въ 1831—1832 г. [1]), изъ письма къ сестрамъ отъ 2 марта 1830 г. видно, что онъ передъ тѣмъ прочелъ цѣлый рядъ тогдашнихъ русскихъ романовъ: Булгарина, Загоскина и Масальскаго.

Въ январѣ 1833 г. Михаилъ Александровичъ былъ произведенъ въ офицеры. Производство юнкеровъ артиллерійскаго училища въ офицеры въ то время не означало совершеннаго окончанія школы. Съ производствомъ въ офицеры Михаилъ Александровичъ былъ переведенъ изъ юнкерскихъ въ офицерскіе классы артиллерійскаго училища. Эти офицерскіе классы соотвѣтствовали теперешней артиллерійской академіи. Однако съ производствомъ въ офицеры онъ пріобрѣталъ бо́льшія права

файетомъ", но цензура измѣнила этотъ заголовокъ и поставила: „Клеветникамъ Россіи". Этотъ старикъ Лафайетъ большой болтунъ и геній-разрушитель: бывъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей революціи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ двухъ французскихъ революціяхъ, онъ хотѣлъ бы поколебать и русскихъ! Но нѣтъ! русскіе—не французы, они любятъ свое отечество и обожаютъ своего государя, его воля для нихъ—законъ, и между ними не найдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже жизнью для его блага и для блага родины".

[1]) „Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne" par L. F. La Harpe. Изд. 1818 г. (которымъ, вѣроятно, и пользовался Бакунинъ), въ 16 томахъ. Это курсъ, въ основу котораго положены были публичныя лекціи, читанныя Лагарпомъ въ 1795—1797 годахъ въ парижскомъ лицеѣ, въ духѣ контръ-революціонномъ (послѣ пораженія якобинцевъ въ 1794 г. и до переворота 18 фруктидора). Въ первыхъ четырехъ томахъ этого курса изложена исторія древней литературы грековъ и римлянъ въ трехъ большихъ отдѣлахъ: поэзія, ораторское искусство и философія. Въ остальныхъ 12 томахъ изложена исторія, главнымъ образомъ, французской литературы и философіи, причемъ разсмотрѣны и тѣ изъ классическихъ произведеній нѣмецкой, итальянской и англійской литературъ, которыя были переведены на французскій языкъ. Послѣдніе два тома, изданные въ свѣтъ послѣ смерти Лагарпа († 1800 г.), содержатъ въ себѣ неоконченный очеркъ исторіи философіи XVIII вѣка, причемъ авторъ относится весьма критически и къ французской революціи и къ ея интеллектуальнымъ виновникамъ, энциклопедистамъ и матеріалистамъ, особенно рѣзко нападая на Дидеро и Гельвеціуса. Противопоставляетъ онъ имъ, однако же, не догму священнаго писанія, а философію Локка и Кондильяка, системы которыхъ и излагаетъ, причемъ къ первому изъ нихъ относится съ безусловной похвалой, а второго слегка критикуетъ, но въ общемъ ставитъ также весьма высоко. Изложеніе курса Лагарпа вполнѣ доступное и даже изящное.

и значительную степень свободы. Мишель переѣхалъ изъ училища на частную квартиру и поселился у тетки своей, Прасковьи Михайловны Ниловой. Онъ сразу почувствовалъ себя человѣкомъ. Освобожденіе отъ училищной дисциплины и отъ училищной обстановки подѣйствовало на него въ высшей степени благотворно. Въ цитированномъ письмѣ къ отцу онъ вспоминаетъ это время, какъ время духовнаго и нравственнаго пробужденія. Просвѣтлѣнію его души способствовало еще одно обстоятельство. Это была первая, въ сущности совершенно дѣтская любовь, однако же, сильно всколыхнувшая впечатлительную душу Мишеля. Вотъ какъ онъ описываетъ это время [1]):

«Наконецъ, я былъ выпущенъ въ офицеры 18-ти лѣтъ. Тутъ начинается другая эпоха моей жизни. Изъ стѣсненнаго строгою военною дисциплиною состоянія, изъ совершеннаго отчужденія отъ свѣта, я вдругъ получилъ личную свободу, вдругъ очутился въ свѣтѣ. Я не берусь вамъ описать чувство, которое меня волновало при этой рѣзкой перемѣнѣ; скажу вамъ только, что я сталъ дышать свободнѣе, что я тутъ же почувствовалъ себя благороднѣе, что во мнѣ въ первый разъ послѣ столь долгаго времени совершеннаго паденія отозвалось опять движеніе духовной жизни. Сначала я увлекался новымъ для меня міромъ, я радовался... тому, что я могъ идти во всякое время, куда я хочу... Кромѣ классовъ я почти не видался со своими товарищами; я разорвалъ съ ними почти всѣ отношенія. Присутствіе ихъ напоминало мнѣ всю пошлость и подлость моего прежняго состоянія. Въ это время я вообразилъ себя влюбленнымъ въ Марію Алексѣевну Воейкову. Это чувство, хотя и призрачное, хотя и совершенно дѣтское, было первымъ рѣшительнымъ пробужденіемъ моей духовности. Оно возобновило меня, очиствъ душу мою отъ ржавчины, покрывшей ее во время моего пребыванія въ артиллерійскомъ училищѣ. Жизнь сильная, благородная жизнь заиграла во мнѣ. Я, до тѣхъ поръ лѣнившійся, до тѣхъ поръ не заботившійся о своей будущности, я рѣшился работать надъ собою, передѣлать себя»...

Въ семейномъ архивѣ сохранились отъ того времени письма Мишеля къ сестрамъ, въ которыхъ онъ даетъ своему чувству

---

[1]) Все въ томъ же письмѣ къ отцу отъ 20 декабря 1837 г.

полную волю и описываетъ свой трогательный дѣтскій романъ съ полной откровенностью и необыкновенно подробно. О пріятномъ знакомствѣ съ кузиной Воейковой, которую онъ встрѣтилъ у родственниковъ своихъ Львовыхъ (семья извѣстнаго композитора Львова), Мишель упоминаетъ впервые въ письмѣ къ сестрамъ отъ 2 февраля 1833 г. Онъ былъ тогда только что произведенъ въ офицеры. Черезъ мѣсяцъ, 5 марта, онъ уже пишетъ сестрѣ Варенькѣ огромное письмо (по-французски), въ которомъ даетъ подробное описаніе своего романа. Въ самомъ началѣ письма онъ предупреждаетъ, что будетъ говорить объ одной лишь особѣ: «de la personne, qui remplit tout mon coeur, et dont la douce image ne me quitte jamais; je vous parlerai de ma cousine Marie Woyeykoff, de cette adorable Marie, dont je vous ai tant dit et dont je ne peut pas ne pas vous parler en vous entretenant de moi,—tellement son image est attachée à tous mes moments, á tous mes loisirs, á toutes mes occupations, á toutes mes actions».

«Aujourd'hui elle est partie, Pétérsbourg jadis si tumultueux est devenu desert... Et moi j'ai du rester! Que n'aurai-je-pas donné pour pouvoir la suivre! Elle est partie, et me voila seul, je n'irai plus chaque aprés diner la voir, lui parler, lui faire la lecture, comme je l'ai fait jusqu'ici... Non, elle est loin de moi!..

«Au moins, chére Warinka, pour me consoler, je vous parlerai d'elle, je vous decrirai comment j'ai passé le temps depuis que je suis officier, je vous parlerai surtout de quelques soirées délicieuses que je n'oublierai jamais; je vous ferai part de quelques paroles enchanteresses, que sa jolie bouche prononçait avec un sourire si delicieux» [1]).

---

[1]) „Объ особѣ, которая наполняетъ собою все мое сердце и милый образъ который не покидаетъ меня никогда. Я буду вамъ говорить о моей кузинѣ Мари Воейковой, объ этой обожаемой Мари, о которой я вамъ столько разъ говорилъ и о которой я не могу не говорить, бесѣдуя съ вами о себѣ—до такой степени ея образъ привязанъ ко всякой минутѣ моей жизни, ко всякому моему досугу, ко всякому моему занятію, ко всякому моему дѣйствію".

„Сегодня она уѣхала, и Петербургъ, еще недавно такой шумный, сдѣлался пустыней... А я долженъ былъ остаться! Чего не отдалъ бы я, чтобы имѣть возможность слѣдовать за нею! Она уѣхала, и вотъ я одинъ! я не буду уже каждое послѣ обѣда видѣть ее, говорить съ нею, читать ей вслухъ, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ... Нѣтъ, она далеко отъ меня!

„По крайней мѣрѣ, милая Варенька, чтобы утѣшиться, я буду вамъ гово-

Далѣе онъ описываетъ, какъ онъ познакомился съ тринадцатилѣтней Мари Воейковой въ первый годъ своего пребыванія въ Петербургѣ, какъ они вмѣстѣ читали и проводили время у Львовыхъ, какъ затѣмъ она уѣхала изъ Петербурга, а у него осталось о ней пріятное воспоминаніе, и какъ онъ иногда мечталъ въ училищѣ, что она вернется и онъ увидитъ ее опять уже взрослою и похорошѣвшею. Ожиданія его оправдались. Черезъ три года (въ 1832 г.) Мари пріѣхала опять прелестной 16-лѣтней дѣвушкой. Она была рада, что Мишель ее не забылъ, и высказала это, а Мишель пришелъ отъ этого въ совершенный восторгъ.

«Dans peu de temps,— пишетъ онъ Варенькѣ, — nous refimes connaissance et nous redevenons de grands amis. Ce n'etait plus cette charmante enfant de 13 ans, c'etait deja une jeune personne accomplie, bonne, spirituelle, instruite, jolie, enfin tout á fait charmante. Вѣра Николаевна (мать Мари Воейковой) demeurait chez sa soeur Прасковья Ник. Бороздина, qui loge tout prés de nous, et tous les samedies et les dimanches je voyais Marie. La veille du nouvel an nous l'avons passée chez ma tante Дарья Алексѣевна (Державина) et nous l'avons passée delicieusemment» [1])...

Далѣе слѣдуетъ описаніе совершенно дѣтскаго романа на 24 страничкахъ мелкаго французскаго письма. Самые ничтожные факты пріобрѣтаютъ тутъ въ глазахъ влюбленнаго Мишеля громаднѣйшее значеніе. Среди обычныхъ забавъ и святочныхъ гаданій они вели соотвѣтствующіе разговоры: «nous avons defini l'amour, l'exhaltation, le sentiment et la sensibilité, que nous distinguions fort bien de la sensiblerie et de mille autres choses [2])...

рить о ней, я опишу вамъ, какъ я проводилъ время, съ тѣхъ поръ, какъ я произведенъ въ офицеры. Я разскажу вамъ особенно о тѣхъ восхитительныхъ вечерахъ, которые я не забуду никогда; я вамъ передамъ очаровательныя слова, которыя ея хорошенькій ротикъ произносилъ съ такою прелестной улыбкой".

[1]) „Черезъ короткое время мы возобновили знакомство и снова сдѣлались большими друзьями. Теперь это не было болѣе то прелестное тринадцатилѣтнее дитя, это была уже молодая особа, взрослая, добрая, умная, образованная, хорошенькая, словомъ, совершенно очаровательная. Вѣра Николаевна жила у своей сестры Праск. Ник. Бороздиной, которая живетъ совсѣмъ близко отъ насъ, и каждую субботу и воскресенье я видѣлъ Мари. Канунъ Новаго года мы провели у моей тетки Дарьи Алексѣевны и провели его восхитительно"...

[2]) „Мы опредѣляли, что такое любовь, экзальтація, чувство и чувствительность, которую мы прекрасно отличали отъ сентиментальности и отъ множества другихъ вещей"...

Въ училищѣ онъ въ это время предавался мечтамъ и строилъ «испанскіе замки». Дѣло пошло еще дальше послѣ производства въ офицеры (въ январѣ 1833 г.). Мишель сталъ видѣться съ кузиной каждое послѣ обѣда. Она вышивала, онъ ей читалъ вслухъ и становился все влюбленнѣе. О своихъ чувствахъ онъ не говорилъ. но пріобрѣлъ расположеніе Мари, какъ и другихъ кузинъ — Львовыхъ. своею откровенностью и сдѣлался ихъ конфидентомъ. Однажды у Львовыхъ былъ званный вечеръ. Кузина Львова требовала, чтобы Мишель былъ на этомъ вечерѣ. но Мари Воейкова была нездорова, и Мишель остался съ нею. Львовы на него посердились. но за то онъ выслушалъ ласковыя слова отъ Мари, которыя привели его «на верхъ счастья». Мари Воейкова поняла Мишеля безъ словъ и. повидимому, раздѣляла его чувство или, по крайней мѣрѣ, радовалась ему. Мишель же каждый простой споръ о томъ, что даетъ больше человѣку — рисованіе или музыка и т. п. — считалъ чуть не событіемъ...

Онъ описываетъ въ томъ же письмѣ пустоту молодыхъ людей. посѣщавшихъ Львовыхъ, а о женщинахъ говоритъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе кокетки, и признается. что съ горестью увидалъ. что и Мари не прочь пококетничать немного. Мишель напалъ на нее за это, а это нападеніе еще болѣе сблизило ихъ. На первой недѣлѣ поста Мари говѣла, и Мишелю пришлось сократить свои посѣщенія; но и тутъ ему повезло. Тетушки заставили его читать имъ соотвѣтствующія книги (Массильона) и это чтеніе показалось ему пріятнымъ, такъ какъ Мари слушала также. Для тетушки Дарьи Алексѣевны Державиной ему пришлось достать «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ» Андрея Муравьева—и это доставило ему удовольствіе... [1]). Онъ чувствуетъ въ себѣ искренній порывъ благочестія. ходитъ въ церковь и молится съ увлеченіемъ и о Мари Воейковой, и о своихъ домашнихъ. Онъ съ умиленіемъ описываетъ. какъ Мари причащалась въ бѣломъ платьѣ, послѣ чего поѣхала съ матерью въ Царское. гдѣ воспитывались братья ея лицеисты. Она ѣхала въ возкѣ (въ то время еще не было

---

[1]) Д. А. Державина отличалась, какъ это извѣстно, своимъ ханжествомъ. Она была одна изъ почитательницъ извѣстнаго Фотія, пожалуй, послѣ гр. А. А. Орловой-Чесменской наиболѣе пламенная. Срав. объ этомъ въ біографіи Фотія, составл. г. Миропольскимъ въ „Вѣст. Евр.“ за 1876 г.

желѣзной дороги), а Мишель бѣжалъ около по дорогѣ, пока хватило силъ... Всю слѣдующую недѣлю они провели вмѣстѣ. Были въ концертѣ. Затѣмъ Воейковы опять ѣздили въ Царское. Мишель почти не спалъ ночь, чтобы нанять имъ лошадей и во время ихъ проводить. Онъ забрался къ нимъ въ 5-мъ часу утра, когда они еще спали, и терпѣливо ждалъ ихъ пробужденія... Затѣмъ былъ музыкальный вечеръ у Львовыхъ, и Мишель подробно описываетъ впечатлѣнія свои отъ этого вечера и особенно отъ игры самого Львова (композитора). Затѣмъ m-me Воейкова уѣхала въ Москву, а Мари кузины и кузены отвоевали еще на нѣсколько дней, причемъ Мишель упрашивалъ тетку согласиться на это, конечно, усерднѣе всѣхъ... Наконецъ насталъ часъ разлуки. Передъ разставаніемъ Мишелю подаренъ былъ сувениръ, и онъ отважился на прощанье поцѣловать въ первый разъ у дамы своего сердца ручку. Въ письмѣ онъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ съ энтузіазмомъ. Мари обѣщала ему давать о себѣ извѣстія черезъ кузину Танечку Полторацкую. Мишель, конечно, опять бѣжалъ за возкомъ черезъ весь городъ до изнеможенія. «Adieu, Michel, me cria-t-elle, ne m'oubliez pas», et sa voix se perdit dans l'air et son image disparut de mes yeux et Pétérsbourg me devint desert» [1])...

Письмо оканчивается мечтою Мишеля о томъ, что сестры его подружатся съ Мари Воейковой, когда пріѣдутъ будущей осенью въ Петербургъ...

На этомъ романъ и кончился. И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ образъ Мари Воейковой былъ вытѣсненъ изъ сердца молодого офицера другими женскими образами. Но въ психикѣ Мишеля романъ этотъ произвелъ благотворный для него кризисъ. Впрочемъ, были и не совсѣмъ пріятныя для молодого офицера послѣдствія. Тетушка Д. А. Державина, замѣтивъ настойчивыя ухаживанія Мишеля за кузиной, нашла его поведеніе неприличнымъ и сказала объ этомъ Прасковьѣ Михайловнѣ. Прасковья Михайловна потребовала отъ Мишеля, чтобы онъ не выходилъ изъ дому безъ ея позволенія. Это требованіе не могло, конечно, не оскорбить молодого человѣка. Отсюда началась ссора съ теткою, которую Мишель очень любилъ и ува-

---

[1]) „Прощайте, Мишель,—кричала мнѣ она,—не забывайте меня", и ея голосъ замеръ въ воздухѣ и образъ ея исчезъ изъ моихъ глазъ, и Петербургъ сдѣлался для меня пустыней„...

жалъ. Эта ссора обострилась еще болѣе, когда до тетушки дошли слухи о сдѣланныхъ Мишелемъ долгахъ въ училищѣ и о выданныхъ имъ векселяхъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Мишель рѣшился выѣхать изъ дома Прасковьи Михайловны, что облегчалось для него тѣмъ, что какъ разъ въ это время войска выступали въ лагерь и онъ могъ переѣхать туда.

Внутреннее его состояніе послѣ отъѣзда Мари Воейковой было, по его воспоминаніямъ (въ письмѣ къ отцу), очень тяжелымъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но въ лагерѣ съ нимъ вновь произошелъ благотворный кризисъ, который онъ описываетъ въ письмѣ къ отцу довольно подробно: «Я никогда не позабуду—пишетъ онъ—одной ночи, проведенной мною въ лагеряхъ. Все вокругъ меня спало, все было тихо; луна освѣщала все дальнее пространство, покрытое лагеремъ. Я съ однимъ изъ товарищей своихъ, съ которымъ мы занимали одну палатку, сталъ читать стихи покойнаго Веневитинова и письма его къ какой-то графинѣ [1]). Эта чудная ночь, это небо, покрытое звѣздами, трепетный и таинственный блескъ луны и стихи этого высокаго, благороднаго поэта потрясли меня совершенно. Все это наполняло меня какимъ-то грустнымъ, какимъ то томительнымъ блаженствомъ. О, я былъ чистъ и святъ въ эту минуту, я былъ весь проникнутъ чувствомъ безконечности и любовью пламенной, могущественной любовью ко всему прекрасному Божьему міру, ко всѣмъ людямъ, а особенно въ вамъ батюшка, къ маменькѣ, къ сестрамъ. Душа моя порывалась къ вамъ, она жаждала видѣть васъ, говорить съ вами, открыться вамъ, показать вамъ всѣ свѣтлыя и черныя стороны свои, перелить въ васъ всѣ тѣ вѣрованія, всѣ тѣ надежды, которыми она вдругъ ожила. О, батюшка, я былъ безконечно блаженъ тогда, я чувствовалъ въ себѣ всемогущія силы для того, чтобы жить, для того, чтобы достойно носить великое званіе человѣка. Въ первый разъ послѣ моего вступленія въ училище я почувствовалъ сильную потребность открыться вамъ и написалъ вамъ письмо, въ которомъ я вамъ признался во всѣхъ порокахъ, которыми я былъ загрязненъ. Мысль о Пре-

---

[1]) „Письмо къ гр. N. N. о философіи" (къ кн. А. И. Трубецкой). См. соч. ***Веневитинова***, изд. Смирдина. Спб., 1855 г., стр. 121. Срав. „Жизнь и труды М. П. Погодина", состав. ***Н. П. Барсуковымъ***, часть I и II, а также ***Пятковскаго*** „О жизни и сочиненіяхъ Веневитинова", стр. 113.

мухинѣ опять воскресла во мнѣ: она представлялась мнѣ живѣе, чѣмъ когда-нибудь. Побывать въ Премухинѣ, увидѣть васъ, маменьку, сестеръ казалось мнѣ высшимъ блаженствомъ»...

Покаянное письмо, о которомъ Михаилъ Александровичъ здѣсь упоминаетъ, было написано 12 іюля 1833 г. Оно сохранилось въ семейномъ архивѣ. Мишель въ немъ кается во всѣхъ своихъ проступкахъ и промахахъ и описываетъ тутъ и ссору съ теткой, и сдѣланные имъ долги. Первый вексель онъ далъ, оказывается, училищному маркитанту-разносчику по просьбѣ одного изъ товарищей еще въ первый годъ пребыванія своего въ училищѣ на сумму 2.500 руб. (конечно, на ассигнаціи); но такъ какъ товаровъ у разносчика этого онъ забралъ всего рублей на 500 или 550, то впослѣдствіи онъ отдѣлался отъ этого векселя при помощи родственника своего А. Н. Мордвинова, предложивъ разносчику взять за вексель въ расчетъ 600 руб. Кромѣ этого онъ сдѣлалъ, однако же, еще рублей 300 мелкихъ долговъ и, когда пришло время уплаты, далъ вексель другому разносчику на 1,000 руб., а когда тотъ черезъ короткое время сталъ требовать уплаты по векселю, то Мишель переписалъ этотъ вексель уже на 1.300 рублей. Такимъ образомъ вся сумма его долговъ составляла по его расчету 1.900 рублей. Сообщая объ этомъ, Мишель не проситъ родителей платить его долги, а разсчитываетъ уплатить ихъ самъ изъ жалованья и изъ тѣхъ денегъ, которыя ему присылались изъ дому. Жалованья онъ получалъ 500 руб. въ годъ и квартирныхъ 200 на ассигнаціи. Повидимому искренній тонъ письма тронулъ отца, хотя изъ долговъ Мишеля были въ то время уплачены изъ родительскихъ средствъ только тѣ 600 руб., въ уплату которыхъ вмѣшался, вѣроятно, по просьбѣ П. М. Ниловой, А. Н. Мордвиновъ, управлявшій тогда канцеляріей III отдѣленія; остальныя же 1,300 такъ и остались неуплаченными [1]).

---

[1]) Въ архивѣ А. М. Бакунина сохранилась переписка, изъ которой видно, что десять лѣтъ спустя послѣ того, въ 1843 г., когда М. А. Бакунину свободный возвратъ въ Россію изъ-за границы, гдѣ онъ находился въ то время, сталъ уже невозможенъ, съ А. М. заимодавцы или ихъ правопреемники требовали уплаты денегъ по этому векселю черезъ земскій судъ; но А. М. платить по этому векселю отказался, хотя платилъ въ то же время другіе долги Мишеля, сдѣланные имъ тогда за границей.

Желаніе Мишеля побывать въ Премухинѣ осуществилось не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма—въ августѣ 1833 года. Должно быть, по окончаніи лагернаго сбора онъ получилъ отпускъ. Онъ вспоминаетъ объ этомъ въ цитированномъ письмѣ къ отцу съ глубокимъ чувствомъ: «Желаніе это сбылось; я получилъ отпускъ и, послѣ почти пятилѣтней разлуки, 19-ти лѣтъ я снова очутился въ Премухинѣ. Я не знаю, что со мною дѣлалось, когда я сталъ подъѣзжать къ Мытницамъ, когда я увидѣлъ премухинскій домъ, когда я вошелъ въ залу и увидѣлъ всѣхъ васъ, сидящихъ за обѣдомъ... когда я обнялъ маменьку и сестеръ, когда я подошелъ къ вамъ и вы обняли меня и стали разглядывать меня и стали говорить со мною дрожащимъ голосомъ... О! подобныя ощущенія чувствуются, а не описываются!... Въ первые дни послѣ моего пріѣзда блаженство мое походило на сумасшествіе. Потомъ мы переговорили съ вами и съ маменькой о прошедшемъ; вы были такъ добры, такъ снисходительны, вы съ такою любовью говорили мнѣ о томъ, что вы всю жизнь свою посвятили дѣтямъ, что въ насъ все счастье ваше... Маменька плакала и обнимала меня... О, тогда я былъ совершенно счастливъ; на душѣ было такъ легко, такъ весело»...

Осенью 1833 г., по возвращеніи въ Петербургъ, Михаилъ Александровичъ изъ сферы свѣтскаго и шумнаго общества своихъ родныхъ Ниловыхъ и Львовыхъ попадаетъ въ сферу вліянія Николая Назаровича Муравьева, человѣка очень умнаго и оригинальнаго (отца будущаго знаменитаго генералъ-губернатора восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго). Въ то же время Михаилъ Бакунинъ близко сходится съ младшимъ братомъ Михайлы и Александра Муравьевыхъ, Сергѣемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Въ это время Николаю Назаровичу было подъ 60 лѣтъ; незадолго передъ тѣмъ онъ вышелъ въ отставку (въ 1832 г.) и со страстью занимался сельскимъ хозяйствомъ въ купленномъ имъ подъ Петербургомъ на Шлиссельбургскомъ трактѣ имѣніи Покровскомъ, а досуги свои посвящалъ своеобразнымъ литературнымъ упражненіямъ, которыя издавалъ въ видѣ особаго непеpіодическаго сборника, подъ названіемъ «Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія» [1]).

---

[1]) Вышло всего 14 частей этого оригинальнаго сборника.

Н. Н. Муравьевъ прошелъ довольно разнообразную карьеру: сперва морякъ, дослужившійся къ 28-лѣтнему возрасту до чина капитана 1-го ранга, затѣмъ онъ перешелъ въ 1803 г. въ министерство народнаго просвѣщенія и былъ правителемъ канцеляріи у дальняго своего родственника, извѣстнаго Михаила Никитича Муравьева, когда тотъ былъ попечителемъ Московскаго университета; потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Новгородской губерніи, гдѣ ему вскорѣ предложено было мѣсто вице-губернатора, а затѣмъ губернатора, которымъ онъ состоялъ съ 1815 по 1819 г., находясь въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Аракчеевымъ и оставаясь при этомъ, по свидѣтельству современниковъ, вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Въ началѣ царствованія Николая онъ состоитъ въ званіи сенатора и статсъ-секретаря главноуправляющимъ собственной Его Величества канцеляріи; но съ 1832 г., несмотря на хорошее расположеніе къ нему Николая, выходитъ въ отставку (съ пенсіей въ 15 тыс. рублей ассигнаціями) и поселяется въ с. Покровскомъ подъ Петербургомъ со своей второй женой и шестью дочерьми [1]).

Оба старшіе его сына были въ это время въ отставкѣ, но жили не съ отцомъ, а управляли его имѣніями—будущій гр. Амурскій въ Виленской губерніи въ высочайше пожалованной его отцу «арендѣ» Стоклишкахъ, а второй, Валеріанъ Николаевичъ, въ родовомъ имѣніи Новгородской губерніи.

Александръ Михайловичъ Бакунинъ, еще въ 1828 г., отправляя Мишеля въ Петербургъ, указывалъ ему на Николая Назаровича, какъ на одного изъ лучшихъ своихъ друзей; но, повидимому, въ первые годы пребыванія молодого Бакунина въ училищѣ онъ мало пользовался этимъ знакомствомъ, вращаясь главнымъ образомъ въ кругу Ниловыхъ и Львовыхъ, а осенью 1833 года вдругъ зачастилъ въ Покровское, видимо увлекшись и личностью старика Муравьева и въ особенности его старшими дочерьми.

---

[1]) Ник. Наз. былъ женатъ дважды: первый разъ на Ек. Ник. Мордвиновой († 1819 г.), второй разъ (въ 1833 г.) на Елиз. Ант. Моллеръ. Всего у него было 17 чел. дѣтей; но въ живыхъ остались отъ перваго брака 3 сына и 3 дочери и отъ второго—3 дочери. Старшій его сынъ былъ гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, второй—Вал. Ник.—отецъ б. министра юстиціи Н. В. Муравьева. Срав. *Ин. Пл. Барсукова*: „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій", ч. I., стр. 7 и слѣд.

Въ замѣчательномъ письмѣ къ сестрамъ отъ 26 января 1834 г. онъ сообщаетъ, что за истекшій мѣсяцъ пережилъ «интеллектуальную революцію», и изъ письма можно по нѣкоторымъ даннымъ заключить, что «революція» эта произошла въ немъ, по крайней мѣрѣ отчасти, въ связи съ частымъ его общеніемъ съ Муравьевыми.

Предоставимъ говорить ему самому [1]):

«Я взвѣсилъ—пишетъ онъ—мои склонности, мои чувства, мои вкусы и, кажется, рѣшилъ окончательно относительно моего будущаго, моего образа жизни. Я никогда не чувствовалъ большого расположенія къ жизни въ большомъ свѣтѣ; я чувствовалъ себя тамъ глупымъ, неловкимъ... Я думалъ однако же, что это лишь недостатокъ привычки и ложная робость, происходящая отъ недостатка привычки. Я сдѣлалъ послѣднее усиліе. Рѣшившись преодолѣть себя, я пустился въ большой свѣтъ, окунулся въ него, и что же я въ немъ нашелъ?—Ужасную пустоту. Развлеченія, удовольствія, которыя восхищаютъ другихъ, мнѣ показались ничтожными. Танцы, балы—эти апогеи развлеченій нашей молодежи, эти идеалы ихъ воображенія, мнѣ до смерти наскучили; но и сразу я почувствовалъ себя тамъ такъ не ко двору (si déplacé), такимъ ничтожнымъ... Я долженъ былъ отказаться отъ этого и я сдѣлалъ это съ радостью, съ энтузіазмомъ, я далъ себѣ слово никогда туда не возвращаться. Приходилось искать чего-нибудь другого, что бы могло наполнить пустоту, которая меня поглощала. Я замкнулся въ самомъ себѣ и старался изучить себя. Человѣку присущи два рода способностей: физическія и интеллектуальныя. Сила, приводящая ихъ въ дѣйствіе, есть потребность. Поэтому и потребности могутъ быть раздѣлены на физическія и моральныя. Пока физическія потребности занимаютъ человѣка, онъ не думаетъ ни о чемъ другомъ; ему незнакома скука (l'ennui). Но разъ физическія потребности удовлетворены, скука, этотъ ужасный продуктъ праздности, заставляетъ его почувствовать и приводитъ въ дѣйствіе его интеллектуальныя способности. Интеллектуальныя способности—это тотъ драгоцѣнный даръ, который отличаетъ насъ отъ другихъ животныхъ, а мы ихъ не знаемъ, и мы ищемъ своихъ удовольствій въ развитіи способностей фи-

[1]) Письмо это по обыкновенію писано по-французски, и я привожу здѣсь его содержаніе въ переводѣ.

зическихъ! Вотъ, дорогіе друзья, часть тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя меня волновали это время, и вотъ къ чему я пришелъ. Я, наконецъ, принялъ рѣшеніе и, какъ только я его принялъ, сладостная теплота влилась въ мое сердце. Я бросился въ науку, я бросился въ нее со страстью, и я чувствую себя выросшимъ въ собственныхъ глазахъ. До сихъ поръ я жилъ только внѣшнею жизнью, теперь я хочу создать себѣ внутреннее существованіе (je veux me former un être intérieur). Ранѣе я хотѣлъ учиться лишь для того, чтобы стать образованнымъ человѣкомъ, безъ всякой другой цѣли, теперь я учусь со страстью, потому что только въ познаніи природы я вижу счастье на землѣ: толците и отверзится вамъ — сказано въ Евангеліи—и мы, бѣдные люди, мы думали выполнить смыслъ этихъ словъ, ударяя головой въ полъ, мы думали угодить Предвѣчному молитвами безъ конца! благотворительностью! Мы не хотѣли познать всей возвышенности (sublimité) этихъ словъ. Нѣтъ, не такъ надо стучаться! Собака, когда голодна, проситъ также. Если мы должны ей подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ, по этому узкому толкованію Евангелія, для чего намъ тогда даны наши умственныя способности? Неужели въ насмѣшку? Неужели для того, чтобы оставить ихъ спать? Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Для того, чтобы мы искали счастья въ возвышенномъ природы (dans le sublime de la nature). Не прекрасна ли эта цѣль? Не низость ли съ нашей стороны не желать ее понять? Не въ этомъ ли и рай, обѣщанный намъ Евангеліемъ? Вотъ мои мысли, дорогіе друзья. Онѣ вамъ покажутся странными, вы, можетъ быть, меня не поймете; но въ этомъ я не виноватъ. я еще недостаточно въ нихъ разобрался, но я принялъ рѣшеніе».

Далѣе онъ обѣщаетъ сестрамъ лучше растолковать имъ свою философію при личномъ свиданіи, если оно состоится. Эта мысль его воодушевляетъ, и онъ въ горячихъ словахъ выражаетъ свою любовь къ сестрамъ и къ родителямъ и свое страстное желаніе быть ими понятымъ.

«Да, дорогіе друзья,—пишетъ онъ,—есть истинное счастье на землѣ! Это не внѣшнее счастье, продуктъ обстоятельствъ и находящееся въ зависимости отъ перваго встрѣчнаго, нѣтъ это внутреннее счастье, основанное на чистотѣ и невинности сердца, основанное на полной преданности счастью тѣхъ, кого любишь, основанное, наконецъ, на упражненіи своихъ интеллектуаль-

ныхъ силъ для углубленія въ тайны природы, чтобы направить свои стремленія къ возвышенной цѣли, которая передъ нами!»

«Съ нетерпѣніемъ буду ждать—прибавляетъ онъ—вашихъ отвѣтовъ. Поймете ли вы меня? Или сочтете меня сумасшедшимъ?»

Такъ писалъ девятнадцатилѣтній Бакунинъ, не читавшій еще въ то время ни Канта, ни Фихте, ни Шеллинга, и если и имѣвшій какія-либо представленія о философіи и философскихъ системахъ, то лишь тѣ, какія онъ могъ почерпнуть изъ чтенія Lycée de La Harpe, да философскихъ набросковъ и отрывковъ въ сочиненіяхъ Веневитинова.

Далѣе онъ пишетъ по-русски: «Такъ, милые друзья, вы меня не узнаете! Я совсѣмъ перемѣнился и не думаю, чтобы къ худшему. Много я потерялъ времени; теперь буду всѣми силами стараться возвратить его. Я большое обратилъ вниманіе на изученіе русскаго языка. По совѣту *Сергѣя*, читавши, передаю на бумагу мысли, рожденныя во мнѣ чтеніемъ, и передаю по-русски. Русская исторія, русская статистика будутъ составлять большую часть моихъ занятій. Писать, говорить по-русски, знать отечественную исторію, знать однимъ словомъ Святую Русь—нужно русскому».

Сергѣй, о которомъ М. А. Бакунинъ здѣсь упоминаетъ, есть тотъ самый С. Н. Муравьевъ, который сообщилъ Кропотову свѣдѣнія объ участіи А. М. Бакунина въ перестройкѣ Союза Спасенія въ Союзъ Благоденствія. Сергѣй Муравьевъ приходился Николаю Назаровичу очень отдаленнымъ родственникомъ по отцу, но былъ близкимъ родственникомъ первой жены Николая Назаровича по матери, и по матери же былъ двоюроднымъ дядей Михаила Александровича Бакунина. По возрасту однако же онъ былъ значительно моложе старшихъ своихъ братьевъ Александра, Николая и Михаила (Александра на цѣлыхъ 17 лѣтъ) и ближе подходилъ къ Мих. Алекс. Бакунину, старше котораго онъ былъ всего на пять лѣтъ. Кропотовъ сообщаетъ о немъ, что онъ по службѣ былъ неудачникъ и что одна изъ причинъ этого была «его склонность къ кабинетнымъ занятіямъ науками». М. И. Глинка упоминаетъ въ своихъ запискахъ о пристрастіи С. Н. Муравьева къ философіи [1]).

---

[1]) *Кропотовъ*, н. с., стр. 30. Изъ переписки В. А. Бакуниной-младшей съ А. А. Бееръ, сохранившейся въ семейномъ архивѣ Бееровъ и сообщенной мнѣ племянникомъ послѣдней А. А. Беером, видно, что Варвара Александ-

Далѣе (переходя опять на французскій языкъ) М. А. Бакунинъ сообщаетъ въ томъ же письмѣ къ сестрамъ цѣлый рядъ подробностей о семьѣ Николая Назаровича. Оказывается, что онъ ѣздитъ въ подгородное имѣніе Муравьевыхъ почти ежедневно и что привлекаютъ его туда главнымъ образомъ кузины—дочери Николая Назаровича,—которыхъ онъ очень расхваливаетъ въ своемъ письмѣ, увѣряя однако же, что онъ не влюбленъ ни въ одну изъ нихъ [1]). Въ письмѣ сказано, что онъ пріѣзжаетъ въ Покровское обыкновенно къ обѣду и время до обѣда и послѣ обѣда до чая проводитъ въ обществѣ дядюшки, котораго онъ характеризуетъ, какъ человѣка очень образованнаго и любезнаго. «Послѣ чаю, — пишетъ Михаилъ Александровичъ,—дядя идетъ заниматься, а я остаюсь съ кузинами. Мы говоримъ о литературѣ, объ исторіи, о наукахъ, о философіи, онѣ играютъ на фортепьяно. Мы говоримъ о васъ, о вашемъ времяпрепровожденіи. Я имъ приношу книги; въ послѣдній разъ я далъ имъ исторію революціи въ Греціи».

Что касается Мари Воейковой, то Бакунинъ признается сестрамъ, что она потеряла въ его глазахъ отъ сравненія съ Муравьевыми.

Памятникомъ тогдашнихъ отношеній юнаго Михаила Бакунина съ Н. Н. Муравьевымъ и его семьей осталось небольшое дружеское письмецо Николая Назаровича къ Михаилу Александровичу отъ 22 октября 1835 г., когда послѣдній уже отдѣлался отъ военной службы и жилъ временно у отца въ Премухинѣ. Изъ письма этого видно, что они вообще обмѣнивались письмами въ это время, но, къ сожалѣнію, писемъ этихъ не сохранилось.

«Если я замѣшкалъ отвѣчать на второе письмо твое, любезный другъ Михайло Александровичъ,—пишетъ Н. Н. Мура-

---

ровна въ ранней юности была немножко увлечена этимъ своимъ дядюшкой С. Н. Муравьевымъ во время пребыванія его въ Премухинѣ въ 1829 году.

[1]) Описавъ въ общихъ чертахъ наружность трехъ кузинъ, онъ замѣчаетъ „я не говорю о частностяхъ, я не умѣю ихъ замѣчать и пишу вамъ лишь объ общемъ. Pour les qualités du coeur et de l'âme je n'ai pas voulu vous parler en particulier, car je ne puis en juger que généralement: tendres filles, adorent leur père, dont la moindre pensée est une loi pour elles; très douces et tres spirituelles en même temps: remplies des talents et l'instruction; adorent la nature, détestent le monde, mais y figurent, quand elles se voyent obligées, d'une manière délicieuse“.

вьевъ.—то не спѣши меня обвинять; но съ должнымъ снисхожденіемъ припиши это моимъ шестидесяти годамъ и всему тому, что можетъ имъ принадлежать, такъ какъ и мы, старики, должны снисходительно видѣть принадлежности молодыхъ.

Я эту пору сильно былъ занятъ и своимъ покровскимъ хозяйствомъ, и изданіемъ въ свѣтъ своей 11-й части «забавъ отдохновенія» и изданіемъ въ свѣтъ 12-й части своего семейства, т.-е. выдачею въ замужество моей старшей дочери за Ф. Ф. Моллера, котораго, полагаю, ты знаешь. Онъ теперь командуетъ полкомъ императора Франца I и имѣетъ постоянную квартиру въ Ямбургѣ. Прошу тебя, любезный другъ, за меня поцѣловать ручку твоей любезной матушкѣ, обнять твоего любезнаго батюшку и ихъ объ этомъ извѣстить съ моимъ искреннимъ имъ почтеніемъ.

«Очень радуюсь, что грустная година испытанія твоей молодости кончилась! (Это относится къ выходу Михаила Бакунина въ отставку, о чемъ рѣчь впереди. А. К.) Теперь ты среди твоего милаго семейства отдыхаешь, чтобы запастись силами и бодростью для новаго пути, въ которомъ лучшаго себѣ руководителя ожидай отъ своего опыта и русскаго благоразумія.

«Знакомцы твои, мои два старшіе сына (т.-е. будущій гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій и Валеріанъ Николаевичъ) при своихъ дѣлахъ: одинъ хозяйничаетъ въ моей арендѣ въ Виленской губерніи, другой въ моихъ Новгородскихъ помѣстьяхъ. Я самъ, какъ и прежде, безвыѣздно въ своемъ Покровскомъ. Истекшее лѣто въ немъ было отмѣнно скучное своею необыкновенною засухою и непрестанными холодами: все страдало, все погибало. Но обработка его земель, его садовъ шла въ своемъ порядкѣ и постоянно и успѣшно. 11-я часть моихъ «забавъ отдохновенія» заключаетъ въ себѣ особую объ этомъ статью. Мнѣ суждено находить наслажденіе въ трудѣ для потомства, такъ какъ каждому суждено свое. Надобно только постигнуть, что суждено, и въ *данной* дорогѣ направить свои чувства. Этого желая тебѣ и отъ сердца, и отъ опыта своего, напрежъ обнимаю тебя, любезнаго друга, и остаюсь всегда твоимъ Н. Муравьевымъ».

Письмо это характеризуетъ съ любопытной стороны и его автора и тѣ отношенія, которыя образовались между нимъ и двадцатилѣтнимъ Михаиломъ Бакунинымъ.

ГЛАВА V.

Дочери А. М. Бакунина. — Глубокая религіозность Варвары Александровны. — Вліяніе семейной патріархальной обстановки. — Письма Михаила и Варвары съ воспоминаніями о первыхъ семейныхъ недоразумѣніяхъ на этой почвѣ. — Вліяніе янсенизма и религіозная экзальтація.—Религіозные взгляды Александра Михайловича. — Его взглядъ на назначеніе женщины. — Вліяніе Варвары на младшихъ сестеръ. — Дружба съ Беерами.

Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы охарактеризовали ту обстановку, въ которой воспитывалось и росло женское подрастающее поколѣніе въ Премухинѣ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Атмосфера гармоніи и патріархальности, такъ ярко описанная въ приведенномъ письмѣ Михаила Бакунина, настраивала съ дѣтства чуткія души его сестеръ на религіозный ладъ. Изъ нихъ уже въ раннемъ дѣтствѣ, по свидѣтельству Мишеля, особенной религіозностью отличалась вторая изъ двухъ старшихъ его сестеръ, Варвара, несомнѣнно наиболѣе сильная и даровитая изъ всѣхъ представительницъ женской половины Премухинской семьи.

«Дѣтство сестры Вареньки, — писалъ Мишель въ 1837 г., — въ самомъ дѣлѣ замѣчательное: глубокое религіозное чувство началось въ ней съ самаго младенчества. Она нѣсколько разъ говаривала мнѣ, что, бывши еще совершеннымъ ребенкомъ, она уже любила Бога и любила его пламеннымъ, безпредѣльнымъ чувствомъ безсознательной любви. Недаромъ бабушка Любовь Петровна сказала про нее, что она ангелъ Божій. И въ самомъ дѣлѣ, не странное ли это явленіе и не доказательство ли это богато одаренной природы, что она, бывши ребенкомъ, была безпрестанно въ присутствіи Бога, вездѣ видѣла его; играя въ куклы, ей казалось, что онъ смотритъ на нее съ любовью, что онъ видитъ сердце ея и радуется, видя сердце ея чистымъ и исполненнымъ любви къ нему. Не было ли это

особенною благодатью Божьею, что она блаженствовала этою мыслью, что она во снѣ видѣла Спасителя, который, подошедши къ ней, сказалъ ей: «Если ты всегда такъ же будешь любить меня, то я не оставлю тебя».

Однако это свѣтлое и наивно-безмятежное состояніе дѣтской души нарушено было довольно рано, — какъ только начались уроки Закона Божія и связанное съ ними возникновеніе въ умѣ ребенка первой работы критической мысли.

«Вышедши изъ дѣтства, Варенька — читаемъ мы въ томъ же письмѣ Михаила Александровича — стала мало-по-малу терять эту небесную гармонію. Ее вмѣстѣ со мною и съ сестрами стали учить катехизису. Иванъ Алексѣевичъ [1]) добрый человѣкъ, но онъ, разумѣется, не могъ внушить намъ религіознаго чувства, не могъ внушить намъ любви, безъ которой въ жизни нѣтъ никакого смысла. Онъ разсказывалъ намъ чудеса и фантастическія исторіи изъ четьи-минеи. Это забавляло насъ, но нисколько не было полезно. Но Варинькина душа была слишкомъ пламенна, имѣла слишкомъ сильную потребность въ любви для того, чтобы удовлетвориться религіозною внѣшностью безъ всякаго содержанія. Ее стали мучить сомнѣнія».

Далѣе Михаилъ Александровичъ вспоминаетъ, что сестра его, мучимая сомнѣніями, обращалась къ отцу за ихъ разрѣшеніемъ. Но Александръ Михайловичъ, воспитанный въ идеяхъ гуманизма и философіи XVIII вѣка и принявшій, позднѣе, какъ одну изъ основъ своего домашняго быта, главнымъ образомъ, лишь внѣшнюю сторону положительной религіи, не могъ разрѣшить этихъ сомнѣній и даже не признавалъ законности тѣхъ запросовъ, съ которыми обращалась къ нему дочь. Онъ отвѣчалъ ей, что должна вѣрить не разсуждая. «Какъ будто — съ горечью восклицаетъ Мишель — она хотѣла разсуждать! Она хотѣла вѣрить и любить и сама не знала, чему вѣрить и что любить. Она удивлялась, видя, что вокругъ нея все спокойно, тогда, когда она сама мучилась. Она не могла понять общаго равнодушія къ религіознымъ предметамъ, почти совершенно ограниченнымъ формою и лишеннымъ всякаго содержанія». Позднѣе Михаилъ Александровичъ, самъ увлекаясь религіозными проблемами, пытался дать

[1]) По воспоминаніямъ А. А. Бакунина, это былъ премухинскій священникъ.

своимъ сестрамъ отвѣты на всѣ подобные запросы; но въ то время самъ онъ находился въ училищѣ въ Петербургѣ и надъ такими вопросами не задумывался, а Варвара Александровна ухватилась за попавшіяся ей въ руки сочиненія «St. François de Sale» какъ за послѣднюю соломинку.

Ни Михаилъ Александровичъ, ни Варвара Александровна не сообщаютъ въ своихъ письмахъ, откуда именно попалъ «St. François de Sale» въ Премухино. Есть основаніе предположить, что Варенька получила его отъ тетушки Варвары Михайловны [1]). Мишель разсказываетъ въ письмѣ къ отцу, что Варенька «увидѣла въ немъ (т.-е. во Францискѣ) нераздѣльную и пламенную любовь къ Богу и совершенно преда-

[1]) Варвара Михайловна Бакунина, вмѣстѣ съ сестрами своими Прасковьей Михайловной (Пиловой) и Пелагеей Михайловной, въ молодыхъ годахъ жила (въ концѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка) въ домѣ Г. Р. Державина, второй женѣ котораго, Дарьѣ Алексѣевнѣ, Бакунины (дѣти Михаила Васильевича и Любови Петровны) приходились по матери двоюродными сестрами. Въ то время Варвара Михайловна была молоденькой свѣтской дѣвушкой, повидимому, весьма привлекательной, и Державинъ посвятилъ ей два стихотворенія — одно въ 1798 году подъ заглавіемъ „Портретъ Варюши", гдѣ онъ называетъ ее „милая заря весенняя" (1-е академическое изданіе 1864 года, т. II, стр. 178), а другое въ 1799 году подъ заглавіемъ „Варюша", которое начинается такими строфами:

Какъ Варюша ты прекрасна!
Если не изъ сердца страстна,
А изъ дружбы лишь одной
Я, писавши образъ твой,
Написалъ тебя зарею:
То моложе если-бъ былъ,
Я бы съ пламенной душою
Въ тебѣ солнце находилъ.

Кончается же оно слѣдующимъ заключеніемъ:

А что-бъ нравиться прекрасной
И плѣнить тебя кто могъ,
Нуженъ мальчикъ нѣжный, страстный,
Взглядъ любви — крылатый Богъ,

т.-е. амуръ (т. II, стр. 351). Но Варвара Михайловна, такъ же какъ и другая ея сестра Пелагея Михайловна (ей посвящено Державинымъ стихотвореніе „На разлуку", т. II, стр. 395), предпочли „крылатому богу" затворническую жизнь въ постахъ и молитвахъ, проникнутую янсенистскими, мистическими вѣрованіями. Варвара Михайловна умерла въ сельцѣ Козицынѣ Новоторжскаго уѣзда въ 1834 г.

лась ему; но, съ другой стороны, она испугалась многихъ требованій римско-католическаго ученія, выполненіе которыхъ требовало совершеннаго отверженія отъ всего того, что составляетъ блаженство этой жизни, и въ ней началась ужасная борьба между ея чистыми наклонностями и между тѣмъ, что она полагала христіанскимъ долгомъ. Она полагала себя обязанною оставить всѣхъ тѣхъ, кого она любила, оставить музыку, которую она всегда такъ страшно любила, для того, чтобы совершенно отдаться Богу. Борьба эта мучила ее; она стала поститься свыше своихъ силъ; Танюша и Саша (двѣ младшія сестры, которыя были моложе ея одна на три, другая на четыре года) раздѣляли всѣ ея подвиги... Наконецъ, мученія ея усились до такой степени, что она чуть-чуть не зарѣзалась»...

Въ премухинскомъ архивѣ сохранилось другое письмо, писанное самой Варварой Александровной къ Михаилу Александровичу также въ 1837 г., въ которомъ она тоже вспоминаетъ этотъ мучительный періодъ своей ранней юности.

«... Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ минуло 13 лѣтъ, — пишетъ она брату, — я не помню ни одного дня, незапечатлѣннаго борьбою, страданіемъ... Когда жизнь только что распускается для радости, для вѣры, для чистой свѣтлой любви, я уже была жертвою сомнѣній, отчаянія, ужасной холодной безнадежности. Мнѣ и теперь еще страшно объ этомъ думать. Я помню разъ — мнѣ было пятнадцать лѣтъ [1]) — со стиснутыми зубами, покрытая холоднымъ потомъ, каталась я по полу, чтобы заглушить внутренній страшный вопль, отъ котораго волосы поднимались у меня дыбомъ. Мнѣ все казалось, какъ будто кричатъ во мнѣ: «Бога нѣтъ! нѣтъ! Ты сойдешь съ ума! Кому ты молишься?! Никто тебя не слышитъ! Ты сойдешь съ ума»!... Холодный потъ катился градомъ по моему лицу; я старалась думать о чемъ-нибудь другомъ и не могла. Я чувствовала, какъ всѣ мысли у меня запутывались: хотѣла молиться — и говорила глупости... Меня бранили, я не смѣла говорить о томъ, что происходило во мнѣ. Мнѣ было за нихъ всѣхъ страшно... Одно я помню: мнѣ хотѣлось броситься кому-нибудь на шею и за-

---

[1]) Въ то время, когда писалось это письмо, въ 1837 г., Варварѣ Александровнѣ было 24 года.

Любовь Александровна
Бакунина.
(1811—1838.)

Варвара Александровна
Бакунина
(по мужу Дьякова). (1812—1856.)

Татьяна Александровна
Бакунина.
(1815—1872.)

Александра Александровна
Бакунина
(по мужу Вульфъ). (1816—1882.)

плакать — тогда мнѣ было бы легче! Но всѣ меня отталкивали, называли сумасбродною дѣвченкою.. Съ Танюшей я не смѣла говорить, чтобы не ввести и ее въ такое положеніе. Я бѣгала изъ комнаты въ комнату, старалась вслушаться въ обыкновенные разговоры, но все это наводило еще больше на меня ужасъ. Они ѣдятъ, пьютъ, смѣются, говорятъ всякій вздоръ. Неужели имъ въ самомъ дѣлѣ смѣшно, весело? Отчего же мнѣ одной такъ страшно? Зачѣмъ я одна страдаю, зачѣмъ я одна должна за нихъ всѣхъ думать? И тогда мнѣ становилось ихъ такъ жалко, что я нѣсколько часовъ сряду плакала. Это облегчало меня, но ненадолго: холодное отчаяніе опять налегало мнѣ на душу, я опять въ ужасѣ бѣгала по саду или по своей комнатѣ, пока не усыпала отъ утомленія. И такъ шли день за днемъ»...

«Тетенька Варвара Михайловна, Julie [1]) и m-r Feigerl [2]) первые согрѣли меня своею любовью. Но я и съ ними не смѣла говорить откровенно. Я боялась, что и они оттолкнутъ меня, если все это узнаютъ. Суровое обхожденіе со мною папеньки напугало меня. Я считала себя какимъ-то отверженнымъ твореніемъ. Лучше всѣхъ мнѣ было съ тетенькой. Я не говорила съ ней, но всегда съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ждала, когда мы поѣдемъ въ Козицыно. И когда ужасъ находилъ на меня и буря начинала сильнѣе ревѣть въ груди, я садилась потихоньку немного поодаль ея (и) не спускала съ нея глазъ. Ея ангельскій покойный видъ, ея взглядъ, исполненный любви и вѣры, укрощали порывы отчаянія, которыя рвали мою душу. Мнѣ становилось свѣтло, когда я на нее смотрѣла. Иногда я потихоньку цѣловала ея платье и мнѣ казалось, что мои губы касались до чего-то святого, и оно вкрадывалось въ мое сердце. М. Feigerl и Julie не могли произвести на меня этого дѣйствія. Въ тетенькѣ я видѣла существо какой-то высшей природы; въ нихъ же — людей, такихъ какъ и я. Я ихъ любила, но не могла имъ вѣрить, я какъ будто боялась разрушить ихъ

---

[1]) Julie Nindel, гувернантка, весьма преданная семейству Бакуниныхъ.

[2]) Учитель музыки, уроки котораго особенно любила Варвара Александровна; повидимому, одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ музыкантовъ-идеалистовъ, которыхъ въ Москвѣ было довольно много въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Онъ появился въ домѣ Бакуниныхъ въ 1834 году, уже послѣ смерти Варвары Михайловны.

счастливое заблужденіе. Они казались мнѣ какими-то свѣтлыми призраками. Они не хохотали, не говорили глупостей, какъ всѣ другіе; но въ нихъ еще не было этой убѣдительной силы истины. Я любила ихъ, я улыбалась имъ, но молчала о своихъ страданіяхъ, о своихъ сомнѣніяхъ, чувствуя, что они не могли бы изъяснить мнѣ ихъ»...

«Были и святыя, высокія минуты, но все-таки минуты... И потомъ цѣлые мѣсяцы страданій. На семнадцатомъ году я сдѣлалась больна и съ тѣхъ поръ до твоего пріѣзда не проходило минуты, чтобъ я не страдала какъ морально, такъ и физически. Это ли обѣщало мое свѣтлое дѣтство? О, если бы ты зналъ, какая свѣжая, сильная жизнь кипѣла въ моемъ сердцѣ, какъ оно билось навстрѣчу всему высокому, прекрасному... И что же послѣ всего этого»!

И дѣйствительно, мрачная драма, разыгравшаяся съ такой силой въ дѣтской душѣ несчастной Вареньки посреди премухинскаго рая, является на первый взглядъ чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, безсмысленнымъ и необъяснимымъ. Конечно, читая вышеприведенныя письма Варвары и Мишеля, слѣдуетъ имѣть въ виду, что письма эти писались въ состояніи приподнятомъ и раздраженномъ, людьми въ высшей степени склонными къ увлеченію [1]). Мы можемъ привести изъ письма той же Варвары Александровны къ тому же брату ея Михаилу, писаннаго годомъ раньше (въ концѣ 1835 г.), прямое свидѣтельство самой Варвары Александровны о томъ, что она ясно сознавала и тогда и впослѣдствіи, несмотря на всѣ нападки, которымъ подвергалась она за ея религіозную экзальтацію, что родители ея и въ особенности отецъ несомнѣнно не только любили своихъ дѣтей, но и дѣйствительно отдавали имъ всю свою жизнь.

Самъ Александръ Михайловичъ въ своей «Осугѣ», писанной какъ разъ въ то время, когда въ Варенькиной душѣ развивалась вышеописанная драма, съ нѣжностью упоминая о дочеряхъ, говоритъ, что

---

[1]) Слѣдуетъ однако жъ замѣтить, что это позднѣйшее воспоминаніе о пережитыхъ мученіяхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ подробнымъ отчетамъ, которые В. А. давала о своемъ настроеніи подругѣ своей А. А. Бееръ, въ письмахъ, которыя она къ ней писала въ 1828 и 1829 годахъ и которыя сохранились полностью въ семейномъ архивѣ Бееръ.

..."всѣ четыре—стыдъ сознаться—
Такъ нужны сердцу моему,
Что я безъ ужаса разстаться
Подумать съ ними не могу!

Въ болѣе позднихъ письмахъ Мишель, тогда уже дурно относившійся къ матери, пишетъ, однако же, сестрамъ, что отца своего онъ во всякомъ случаѣ считаетъ «святымъ человѣкомъ», и такое отношеніе къ отцу, несмотря на рядъ очень рѣзкихъ размолвокъ, о которыхъ рѣчь впереди, онъ сохранилъ на всю жизнь [1]). Ниже мы увидимъ, что то же впечатлѣніе величаваго благодушія и какой-то особенной святости Александръ Михайловичъ въ своей семейной сферѣ производилъ и на постороннихъ лицъ, близко соприкасавшихся съ премухинскимъ міромъ въ 30-хъ и 40-хъ гг., какъ, напримѣръ, Бѣлинскій или Лажечниковъ и другіе [2]).

Но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, какъ бы мы его ни смягчали и какъ бы ни ограничивали значеніе вышеприведенныхъ показаній, взятыхъ изъ писемъ Мишеля и Варвары 1837 г. Какъ же объяснить себѣ этотъ фактъ и какъ согласить его съ тѣмъ представленіемъ о личности Александра Михайловича, которое мы выносимъ изъ всей совокупности данныхъ о его жизни?

Прежде всего мы, кажется, можемъ съ большой вѣроятностью предположить, что Александръ Михайловичъ въ сущности не зналъ, что̀ происходитъ въ душѣ его дочери и во всякомъ случаѣ не представлялъ себѣ въ истинномъ видѣ тѣхъ мученій, которыя она переживала въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. До него доходили лишь внѣшнія проявленія ея религіозныхъ стремленій и исканій, и то, конечно, въ самомъ смягченномъ и умѣренномъ видѣ. Эти стремленія онъ объяснялъ себѣ наклонностью къ экзальтаціи, которую слѣдовало по возможности уничтожить. Въ немъ самомъ его религіозныя представленія, сами по себѣ неглубокія и не особенно продуманныя и ясныя,

---

1) Объ этомъ, между прочимъ, упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ одинъ изъ позднихъ его пріятелей и послѣдователей анархистъ Земфиръ Ралли. См. „Минувшіе годы“ за 1908 г., № 10, стр. 143.

2) Срав. характеристику премухинской семьи Лажечниковымъ въ его „Замѣткѣ для біографіи Бѣлинскаго“, цитированной *А. Н. Пыпинымъ* въ „Жизни и перепискѣ Бѣлинскаго“, т. I, стр. 129 (перваго изданія).

сочетались, однако же, вполнѣ гармонически съ его общимъ поэтическимъ взглядомъ на міръ, съ его истинно художественной любовью къ природѣ. Вотъ нѣсколько строфъ изъ его поэмы, которыя характеризуютъ довольно ярко его религіозное міровоззрѣніе:

Природа вѣчно созидаетъ
И жизни шествуетъ путемъ.
Вода, засохнувъ, исчезаетъ,
Но возвращается дождемъ.
И разрушая, образуя,
Смерть измѣняетъ только видъ,
И жизни частныя связуетъ
Въ безсмертную живую нить.
Но если въ бытіи отдѣльномъ
И существуетъ только я,
То въ океанѣ безпредѣльномъ
Исчезнетъ капелька моя.
Но капля водъ не исчезаетъ,
А путь иной ей только данъ
И единство соединяетъ
Всѣ капли въ купный океанъ.
Отдѣльный лучъ не погасаетъ,
Соединяся съ другимъ,
И звуковъ хоръ не убиваетъ
Согласнымъ пѣніемъ своимъ.
Износится земное платье,
Но душу далъ живую Богъ,—
А безъ того имѣть понятье
Я-бъ о безсмертіи не могъ—
Неугасимая затмиться
Не можетъ искра Божества,
А въ безтѣлесности сокрыться
Отъ тусклыхъ взоровъ вещества.
И что есть смерть?—Освобожденье
Отъ тяжкихъ дряхлости обидъ
И полное зерна созрѣнье—
Мякина только отлетитъ.
Премудрости небесной дщери
Надежда, Вѣра и Любовь
Отверзутъ райскія намъ двери—
Святая насъ омыла кровь!
А время жизни—испытанье
И верхъ его—разлуки часъ,
Но сладкое потомъ свиданье
Соединитъ навѣки насъ!

Въ такомъ поэтическомъ сплетеніи обрывковъ картезіанскихъ и спинозистскихъ идей съ наивными вѣрованіями обыденнаго христіанства Александръ Михайловичъ находилъ безъ особеннаго труда успокоеніе отъ мимолетныхъ тревожныхъ мыслей и сомнѣній, отъ которыхъ онъ всегда стремился отдѣлаться.

Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы онъ такъ мечтаетъ о будущей загробной жизни:

Душистый тополь осѣняетъ
Лужайку, чистая вода
Журча на камень упадаетъ
Изъ-подъ ракитнаго куста...
И сей то ключикъ мнѣ покорно
Прошу особо посвятить
И приходить къ нему въ день черный
Совѣта бѣлаго просить.
Не грознымъ будетъ васъ явленьемъ
Загробныхъ странъ пугать пришлецъ;
Но тайнымъ сердца вдохновеньемъ
Бесѣдовать съ дѣтьми отецъ...

Александръ Михайловичъ, какъ мы видѣли изъ письма Мишеля, старался внушить своимъ дѣтямъ въ раннемъ ихъ дѣтствѣ истины православной вѣры такъ, какъ онѣ устанавливаются правилами церкви. Онъ говѣлъ вмѣстѣ съ ними, читалъ съ ними Евангеліе и охотно толковалъ имъ значеніе земной жизни Спасителя и искупленія Имъ рода человѣческаго, какъ тому учитъ церковь. Но когда Варенька, мучимая своими сомнѣніями, пыталась прибѣгнуть къ отцу за помощью для ихъ разрѣшенія, онъ отвѣчалъ ей, по словамъ Мишеля, что надо вѣрить, не разсуждая; къ проявленіямъ же ея религіозной экзальтаціи отнесся прямо враждебно. Вѣроятно, онъ опасался именно болѣзненнаго развитія въ ней этой экзальтаціи и думалъ, что разсужденія о предметахъ вѣры будутъ служить для нея только новою пищею. Онъ опасался, повидимому, что этотъ путь, при порывистости и страстности Варенькиной природы, можетъ привести ее логически къ монастырю, къ полному отказу отъ свѣтской, мірской жизни, чему онъ, разумѣется, не могъ сочувствовать съ точки зрѣнія своего жизненнаго идеала и примѣръ чему онъ видѣлъ въ трехъ своихъ сестрахъ, отказавшихся отъ замужества и свѣтской

жизни и запершихся на всю жизнь въ Козицынѣ, гдѣ онѣ проводили свои дни въ постѣ и молитвахъ.

Взглядъ Александра Михайловича на назначеніе женщины довольно опредѣленно выраженъ былъ въ его поэмѣ. Замѣчая, что сыновьямъ его можетъ предстоять «кругъ служенія обширный», онъ говоритъ о дочеряхъ:

А женщинѣ—домашній бытъ.
Она его, какъ ангелъ мирный,
Подъ кровомъ крылъ своихъ хранитъ;
Святую радость водворяетъ
И домъ ея, какъ небеса,
Въ согласный хоръ соединяетъ
Единодушны голоса.
Ей для того таланты нужны,
Чтобъ дома ихъ укоренить,
И всѣ часы, отъ дѣлъ досужны,
Безъ картъ играя, проводить [1]*).*

Поэтому, давая дочерямъ своимъ прекрасное по тому времени образованіе, онъ особенно обращалъ вниманіе на сферу изящнаго, широко знакомя ихъ съ иностранными языками и съ изящною литературой всего міра, съ пѣніемъ и музыкой, въ которыхъ именно Варвара Александровна, самая даровитая изъ его дочерей, достигла такихъ успѣховъ, что, вѣроятно, легко могла бы сдѣлаться выдающейся артисткой. Но къ этому Александра Михайловича побуждало отнюдь не стремленіе сдѣлать изъ дочерей блестящихъ свѣтскихъ женщинъ, а именно желаніе вооружить ихъ всѣми средствами, способствующими украшенію домашней жизни.

Такъ глубокіе религіозные запросы Варвары Александровны и остались неудовлетворенными до самаго возвращенія домой Михаила Бакунина, т.-е. до 1835 г. Изъ окружающихъ ее родныхъ и близкихъ въ то время никто не могъ ей въ этомъ серьезно помочь. Мать ея, Варвара Александровна старшая, жила совершенно идеями мужа и никакихъ собственныхъ сколько-нибудь самостоятельныхъ и глубокихъ религіозныхъ воззрѣній, повидимому, не имѣла. Кромѣ того, она изъ всѣхъ своихъ дѣтей съ особенною нѣжностью относилась лишь къ

---

[1]) Та же мысль выражена въ его завѣщаніи, составленномъ въ 1827 г, Завѣщаніе это мы прилагаемъ въ концѣ книги,

старшей дочери, кроткой и хрупкой Любашѣ; Варенькѣ же, а въ особенности ея внутренней жизни, она, повидимому, не удѣляла достаточно вниманія.

Старшая сестра Варвары, Любовь Александровна, была, какъ я только что сказалъ, кроткое, нѣжное и хрупкое созданіе, въ высшей степени граціозное и изящное, но гораздо болѣе блѣдное и менѣе одаренное, нежели сама Варвара Александровна. Хотя она была старше Варвары годомъ, но при ней производила впечатлѣніе младшей, а не старшей сестры. Другія двѣ сестры были значительно моложе и сами находились подъ вліяніемъ Варвары, которая, какъ мы видѣли, даже опасалась передать имъ свое настроеніе, хотя въ концѣ-концовъ и не могла уберечь ихъ отъ этого, какъ это видно изъ письма Михаила Бакунина и собственныхъ ея писемъ къ А. А. Беэръ.

Изъ родныхъ и сосѣдей молодыя дѣвушки сблизились болѣе всего съ двумя сестрами Беэръ, и это сближеніе имѣло для нихъ и для всей семьи Бакуниныхъ немаловажныя послѣдствія, съ которыми и намъ придется неоднократно считаться. Семья Беэръ, или какъ тогда говорили Беэровыхъ, находилась въ давнихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Бакуниными, и въ премухинской лѣтописи «Беэровы» упоминаются неоднократно, начиная еще съ начала 20-хъ гг.

Беэры были собственно орловскіе помѣщики, и въ Орловской губерніи у нихъ было ихъ родовое имѣніе Шашкино по сосѣдству съ Елагиными, столь извѣстными въ исторіи русской литературы [1]). По сосѣдству же съ Премухинымъ у нихъ было лишь небольшое имѣньице Попово, куда они, однако же, иногда пріѣзжали лѣтомъ. Еще чаще они видались съ Бакуниными въ Москвѣ, когда послѣдніе пріѣзжали туда иногда зимой или осенью къ брату Александра Михайловича Михаилу Михайловичу.

Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ семья Беэровъ состояла изъ матери, повидимому, довольно взбалмошной и деспотической дамы, двухъ дочерей Натальи и Александры, съ которыми и сдружились Бакунины, и двухъ братьевъ, старшаго Алексѣя, офицера, не лишеннаго нѣкотораго интереса къ литературѣ,

---

[1]) Въ свѣдѣніяхъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, изданныхъ редакціонными комиссіями, имѣніе это ошибочно названо Ивашкино вмѣсто Шашкино. Срав. т. II, Орловск. губ. стр. 68,

но вообще человѣка не особенно передового, и младшаго Константина, гораздо болѣе одухотвореннаго и идейнаго, по своему настроенію гораздо ближе подходившаго къ младшему поколѣнію Бакуниныхъ [1]).

Зиму Беeры обыкновенно проводили въ Москвѣ, и здѣсь у нихъ собиралась московская интеллигентная молодежь того времени, въ томъ числѣ и извѣстный кружокъ молодыхъ студентовъ, группировавшихся около Николая Станкевича.

[1]) Станкевичъ, бывшій короткимъ пріятелемъ Алексѣя Беера, повидимому съ дѣтскихъ лѣтъ, сочинилъ на него довольно злую эпиграмму, которую мнѣ сообщилъ покойный А. А. Бакунинъ:

Вился хмель на сырой землѣ,
Росъ хохолъ на большой головѣ.
Ты большая голова,
Ты круглая голова,
Ты скажи мнѣ голова,
Что за мысли у тебя?
Отвѣчала голова:
Я большая голова,
Я круглая голова,
Нѣту мыслей у меня!

Но въ сущности эта эпиграмма вовсе не выражала мнѣнія Станкевича о Беерѣ, а была просто товарищеской шуткой. Изъ писемъ Станкевича къ Беерамъ и къ Невѣрову видно, что онъ очень дружески относился къ Алексѣю Бееру. См. переписку Станкевича въ новомъ изданіи 1914 года, passim. Въ одномъ письмѣ къ Михаилу Бакунину и Я. М. Невѣровъ, старшій другъ Станкевича, также отзывается объ Алексѣѣ Беерѣ очень дружественно. Въ Бакунинскомъ архивѣ сохранилось между прочимъ письмо Алексѣя Беера (отъ 8 нобяря 1835 г.), съ довольно обстоятельнымъ разборомъ „Ледяного дома“ Лажечникова.

ГЛАВА VI.

История Любови Александровны Бакуниной.—Ея романъ съ Алексѣемъ Павловичемъ Полторацкимъ и сватовство къ ней бар. Ренне.—Отношеніе Александра Михайловича.—Ренне—женихъ.—Отношеніе Михаила Александровича и вліяніе его на настроеніе Любови Александровны.—Отношеніе сестеръ.—Борьба съ родительскимъ деспотизмомъ.—Отказъ барону Ренне.—Другіе женихи.—Разрушеніе патріархальныхъ отношеній и нарушеніе премухинской гармоніи.—Неожиданный выходъ замужъ Варвары Александровны за Н. Н. Дьякова.

Старшая дочь А. М. Бакунина Любовь Александровна была, какъ мы уже сказали, по характеру и дарованіямъ своимъ человѣкомъ гораздо менѣе выдающимся, нежели Варвара. Письма ея, сохранившіяся въ архивѣ, гораздо менѣе ярки и болѣе шаблонны, нежели письма Варвары и третьей сестры Татьяны. По письмамъ этимъ даже трудно было бы представить себѣ, чѣмъ собственно она возбуждала къ себѣ такое вниманіе и восхищеніе людей самыхъ разнообразныхъ характеровъ, вкусовъ и общественныхъ положеній. Во внѣшности ея также не было ничего блестящаго или яркаго: она, какъ и остальныя сестры, не была красавицей. Но ей несомнѣнно было въ высшей степени присуще какое-то особое обаяніе, свидѣтельствовавшее объ особой душевной красотѣ ея, объ изяществѣ ея духовной природы.

«Сколько святости, прекраснаго душевнаго развитія имѣетъ Любовь Бакунина!»—писалъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ Станкевичъ, въ то время, когда для него уже ясно было, что въ его сердцѣ не было настоящей любви къ этой обаятельной дѣвушкѣ [1]. — «Безкорыстно любуешься этими дѣвушками,—писалъ онъ же послѣ одной изъ первыхъ встрѣчъ съ нею,—какъ прекрасными созданіями Божіими, смотришь,

---

[1]) *Н. В. Станкевичъ*: „Переписка его и біографія, написанная *П. В. Анненковымъ*". М., 1857 г., переписка, стр. 263.

слушаешь, хочешь схватить и навсегда при себѣ удержать эти ангельскія лица, чтобы глядѣть на нихъ, когда тяжело на душѣ... еще хочешь... не другого какого-нибудь чувства... хочешь уваженія отъ нихъ, чтобы онѣ не смѣшивали тебя съ толпою ничтожныхъ людей...» [1]).

Бѣлинскій въ одномъ письмѣ послѣ смерти Любови Александровны писалъ, что отличительными ея чертами были спокойствіе и грація. И въ немъ отъ личности Любови Александровны осталось впечатлѣніе чего-то въ высшей степени святого и благоуханнаго [2]).

Братья и сестры, относившіеся послѣ смерти Любови Александровны къ памяти ея съ благоговѣніемъ, при жизни относились къ ней особенно бережно, какъ къ существу нѣжному и хрупкому, но въ сущности между ними и ею было гораздо менѣе настоящей интимной близости, нежели между остальными сестрами и братьями. Родители, въ особенности мать, любили ее, повидимому, болѣе, нежели остальныхъ дѣтей, и у матери, которая не была такъ ровна въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, какъ отецъ, эта особая нѣжность къ старшей дочери проявлялась особенно явно.

Любовь Александровна, какъ старшая, очень рано попала на положеніе взрослой и уже 16-ти лѣтъ стала выѣзжать въ свѣтъ. Такъ уже въ 1828 г. она участвуетъ въ Торжкѣ въ какомъ-то большомъ маскарадѣ. Впрочемъ, эти выѣзды не были слишкомъ часты и во всякомъ случаѣ не вскружили ей головы и не сдѣлали ее суетной и тщеславной, такъ же какъ и то обстоятельство, что она рано попала на положеніе взрослой, не развило въ ней самостоятельности характера, которая присуща была Варварѣ.

Когда Любови Александровнѣ исполнилось уже двадцать лѣтъ, то Александръ Михайловичъ къ ужасу своему замѣтилъ, что одинъ изъ братьевъ его жены, Алексѣй Павловичъ Полторацкій, явно не равнодушенъ къ своей молодой племянницѣ. По сохранившимся даннымъ нельзя судить, были ли у Александра

---

[1]) Тамъ же, стр. 126.

[2]) Письма *В. Г. Бѣлинскаго* 1838 г. теперь изданы подъ ред. *Е. А. Ляцкаго* по копіямъ, снятымъ съ нихъ покойнымъ *А. Н. Пыпинымъ*. Однако это письмо Бѣлинскаго (отъ 14 августа 1838 г.) издано безъ конца. Этотъ конецъ мы даемъ въ приложеніи къ настоящему тому.

Михайловича сколько-нибудь основательные поводы думать, что Любенька отвѣчаетъ своему дядюшкѣ взаимностью. Мишель въ позднѣйшихъ письмахъ къ отцу утверждалъ, что она, кромѣ самой чистой дружбы, никакихъ другихъ чувствъ къ Алексѣю Павловичу не питала. Но отецъ, повидимому, думалъ, что такая взаимность можетъ возникнуть, и мысль эта настолько его ужаснула, что онъ готовъ былъ сдѣлать что угодно, чтобы предотвратить несчастіе, которое, какъ ему казалось, грозило его семьѣ. Бракъ между дядею и племянницею по нашимъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ недопустимъ безусловно. Поэтому возможность любви между молодыми людьми сдѣлалась для Александра Михайловича своего рода кошмаромъ.

Ища выхода изъ опасности, въ реальности которой онъ, очевидно, былъ убѣжденъ, онъ ухватился за мысль выдать дочь за какого-нибудь другого подходящаго молодого человѣка. Такимъ подходящимъ, по мнѣнію Александра Михайловича, женихомъ для его дочери оказался посватавшійся къ ней офицеръ одного изъ расположенныхъ поблизости кавалерійскихъ полковъ, баронъ Ренне, имѣвшій репутацію вполнѣ порядочнаго человѣка—и въ началѣ, повидимому, и самой Любови Александровнѣ не внушавшій отвращенія. Александръ Михайловичъ уговорилъ дочь принять предложеніе барона Ренне, и 26 мая 1833 г. Любовь Александровна стала его невѣстою. Въ архивѣ сохранилось письмо Мишеля отъ 17 іюля того же года, въ которомъ онъ поздравляетъ родныхъ съ этимъ событіемъ и подтверждаетъ, что и онъ слышалъ о Ренне, съ которымъ Бакунины познакомились еще въ 1831 году, самые лучшіе отзывы. Но затѣмъ, пріѣхавъ въ Премухино на побывку, Мишель скоро замѣтилъ, что Любенька не только не любитъ Ренне, но страдаетъ и мучается отъ необходимости выдти за него замужъ. Увидавъ это и узнавъ отъ сестеръ, что Любенька приняла предложеніе Ренне по настоянію отца, Мишель возсталъ противъ этого и вмѣстѣ съ сестрами несомнѣнно помогъ Любенькѣ уяснить себѣ самой, что она не любитъ Ренне и никогда не полюбитъ. Послѣдовала борьба, и въ ней Александръ Михайловичъ проявилъ настойчивость и упрямство, которыя можно объяснить только преслѣдовавшей его маніей. Въ концѣ-концовъ, послѣ ряда тяжелыхъ сценъ, совершенно измучившихъ бѣдную дѣвушку, окончательно воз-

ненавидѣвшую своего жениха, она взяла свое слово назадъ, и Рѣнне въ декабрѣ 1833 г. уѣхалъ изъ Премухина навсегда [1]) Александръ Михайловичъ, котораго не покидала овладѣвшая имъ манія, пытался подыскать другихъ жениховъ Любенькѣ, но всѣ его попытки кончились неудачею, хотя въ женихахъ, сватавшихся къ ней, недостатка и не было.

Этотъ тяжелый и странный романъ длился почти весь 1833 годъ и потрясъ до основанія всѣ внутреннія отношенія гармоническаго до тѣхъ поръ премухинскаго міра. Михаилъ Александровичъ, который выступилъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно главнымъ застрѣльщикомъ и организаторомъ, не только поставилъ на ноги въ этой первой борьбѣ съ родителями всѣхъ своихъ сестеръ, но привлекъ на свою сторону и тетушку Прасковью Михайловну Нилову, которая, выслушавъ горячій и краснорѣчивый разсказъ Мишеля о всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла, опредѣленно высказала свое мнѣніе, что Любаша не должна выходить за Рѣнне. Александру Михайловичу пришлось уступить передъ дружнымъ сопротивленіемъ всей семьи, и авторитетъ его, до тѣхъ поръ непререкаемый, долженъ былъ, конечно, поколебаться; вмѣстѣ съ тѣмъ нарушились прежнія патріархальныя отношенія между родителями и дѣтьми. Черезъ четыре года послѣ всѣхъ этихъ событій, въ концѣ 1837 г., Михаилъ Бакунинъ такъ характеризовалъ сущность происшедшаго въ 1833 г. переворота [2]):

«Да, батюшка, переломъ въ премухинской жизни совершился во время Рѣнне и долженъ былъ тогда совершиться; противоположность прошедшаго и настоящаго была тогда слишкомъ рѣзка для того, чтобы сестры и я не почувствовали ее.

---

[1]) Въ архивѣ сохранилось большое письмо М. А. Бакунина къ Любови Александровнѣ отъ конца 1833 года, въ которомъ онъ съ чрезвычайною убѣжденностью доказываетъ ей необходимость отказать барону Рѣнне, такъ какъ она его, какъ видно изъ ея собственныхъ писемъ, вовсе не любитъ, а не отказываетъ ему только изъ опасенія огорчить родителей, въ глазахъ которыхъ отказъ барону Рѣнне послѣ обрученія съ нимъ является скандаломъ.

Письма Любови Александровны Мишель отправилъ къ отцу въ подлинникѣ и самъ написалъ ему длинное письмо, въ которомъ горячо убѣждалъ не настаивать на бракѣ дочери съ противнымъ ей человѣкомъ. Александръ Михайловичъ получилъ это письмо Мишеля въ то время, когда Любенька рѣшилась уже отказать барону Рѣнне.

[2]) Въ неоднократно цитированномъ письмѣ отъ 15 декабря 1837 года.

Вы и маменька, которые были до тѣхъ поръ постоянными предметами ихъ обожанія—да, обожанія, потому что кромѣ религіи онѣ ничего не видѣли выше васъ,—вы, которые до тѣхъ поръ только тогда и были веселы и довольны, когда онѣ были веселы и довольны, вы, полагавшіе свое счастье въ ихъ счастьи, вы, сливавшіе до тѣхъ поръ свою жизнь съ ихъ жизнью,—вы вдругъ отдѣлились отъ нихъ, вы вдругъ разрушили эту чудную гармонію, которой удивлялись, молились, можно сказать, всѣ знакомые съ Премухинымъ. Да, Премухино не для обоихъ насъ, но для всѣхъ покрылось вдругъ трауромъ! И отчего же это?—Оттого, что вы вдругъ потребовали отъ одной изъ дочерей своихъ жертвы ужасной, которая чуть не убила ее, которая можетъ быть навсегда убила ея здоровье. Скажите, батюшка, не должно ли это было потрясти насъ, не должно ли было это переворотить всѣ отношенія съ вами? Мы, которые видѣли въ васъ до тѣхъ поръ олицетвореніе любви къ дѣтямъ, мы не понимали, не могли понять и до сихъ поръ не понимаемъ причины, побудившей васъ мучить Любашу...»

Эту причину мы выше указали, но Михаилъ Бакунинъ совершенно отрицалъ ея основательность и раціональность и рѣзко отстаивалъ свободу дѣвушки самой выбирать себѣ мужа по сердцу и ставилъ эту свободу въ связь со святостью и чистотой брака съ точки зрѣнія ученія христіанской церкви.

Этотъ несчастный романъ Любови Александровны Бакуниной съ барономъ Ренне и непрекращавшіяся въ 1834 году попытки Александра Михайловича пріисканія ей другихъ жениховъ неожиданно кончились выходомъ замужъ второй дочери Бакуниныхъ, Варвары.

Въ 1837 году Мишель утверждалъ даже, что будто бы Варвара Александровна потому измѣнила свое прежнее намѣреніе вовсе не выходить замужъ и рѣшилась вдругъ выдти за Дьякова, котораго едва ли любила и котораго знала довольно поверхностно, что ей представилось, въ виду постоянныхъ нападокъ Александра Михайловича на Любашу, что для успокоенія его нужно, чтобы одна изъ дочерей вышла замужъ. Натянутость и неправдоподобность этого объясненія бросается въ глаза. И само оно объясняется на нашъ взглядъ только тѣмъ, что во время писанія письма 1837 г. (не отосланнаго къ отцу) Мишель опять находился въ періодѣ страстной борьбы съ ро-

дителями и съ мужемъ Варвары Александровны за ея освобожденіе, а въ такія минуты его свидѣтельскія показанія слѣдуетъ понимать весьма осторожно.

Знакомство съ Дьяковымъ началось гораздо раньше. Онъ былъ уланъ, тверской помѣщикъ и, кажется, даже приходился Бакунинымъ сродни черезъ бабушку Любовь Петровну. Человѣкъ онъ былъ, повидимому, хорошій и благородный, хотя и не особенно развитой. Въ Премухинской лѣтописи имя его въ 1834 г. упоминается неоднократно, и самъ Мишель въ письмахъ домой изъ Петербурга передаетъ ему дружественные поклоны. Лѣтомъ 1834 г. Любовь и Варвара Александровны были съ матерью въ Москвѣ и останавливались тамъ у Беровъ, причемъ во время пребыванія ихъ тамъ около нихъ все время толклась масса молодежи, о чемъ упоминается въ одномъ изъ писемъ Варвары Александровны 1834 г. Среди этой молодежи были Станкевичъ, Ефремовъ и Дьяковъ. Осенью вся семья Бакуниныхъ переѣхала на зиму въ Тверь, и тутъ-то Дьяковъ, имѣніе котораго было не далеко отъ Твери, и сдѣлалъ Варварѣ Александровнѣ предложеніе. Предложеніе это было принято, и Александръ Михайловичъ самъ увѣдомилъ объ этомъ Мишеля, уже служившаго тогда въ западномъ краѣ, въ письмѣ отъ 17 декабря 1834 года, написанномъ въ очень ласковомъ тонѣ.

Изъ позднѣйшей переписки между Варварой Александровной Дьяковой и Михаиломъ Александровичемъ, на которой намъ придется въ свое время остановиться, видно, что Варвара Александровна вышла замужъ за человѣка, котораго она дѣйствительно по настоящему не любила. Едва-ли, однако же, можно думать, что она рѣшилась на это съ цѣлью успокоить отца и отвлечь его такимъ образомъ отъ Любаши. Гораздо вѣроятнѣе это объяснить просто тѣмъ, что цѣлый рядъ лѣтъ мучительныхъ сомнѣній и пережитыхъ на почвѣ этихъ сомнѣній столкновеній съ родителями, завершившихся послѣднимъ годомъ борьбы съ ними изъ-за Любаши, настолько разрушили въ глазахъ Варвары Александровны связь ея съ родителями и вмѣстѣ съ тѣмъ создали въ ней такое настроеніе безнадежности, что она сама рѣшила воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы уйти изъ родительскаго дома. По тому времени самымъ удобнымъ и нормальнымъ способомъ освобожденія изъ-подъ родительской власти былъ именно выходъ замужъ.

Вотъ почему и въ глазахъ Варвары способъ этотъ могъ представляться наиболѣе удобнымъ. Дьякова она не любила, но она, несомнѣнно, относилась къ нему хорошо, онъ пользовался симпатіей и уваженіемъ окружающихъ и, можно думать, обѣщалъ своей будущей женѣ не стѣснять ея въ ея душевныхъ стремленіяхъ и вѣрованіяхъ. Можетъ быть, она имѣла при этомъ въ виду также и то, что домъ ея впослѣдствіи можетъ служить прибѣжищемъ сестрамъ въ случаѣ возникновенія новыхъ недоразумѣній и новой борьбы съ родительскимъ деспотизмомъ, который проявился столь неожиданно въ отношеніи Любови Александровны.

Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что эта первая борьба съ родителями, хотя и поколебала родительскій авторитетъ и нарушила чисто патріархальныя отношенія между родителями и дѣтьми, окончилась, однако же, миромъ. Послѣ отъѣзда Ренне самъ Александръ Михайловичъ призвалъ къ себѣ дочерей и сказалъ имъ, по словамъ Мишеля, чтобы онѣ впредь обращались къ нему во всѣхъ случаяхъ безъ всякаго смущенія и чтобы не боялись говорить съ нимъ откровенно. И хотя радость, которую онѣ при этомъ почувствовали, по словамъ же Мишеля, вскорѣ опять омрачилась, когда онѣ увидѣли, что Александръ Михайловичъ не оставилъ еще намѣренія выдать Любашу замужъ за одного изъ намѣченныхъ имъ жениховъ, однако, все же миръ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, водворился. По письмамъ 1834 г. мы видимъ, что даже и у Мишеля отношенія съ отцомъ вновь установились хорошія. Изъ письма же Татьяны Александровны къ Беерамъ, на которое мы уже разъ ссылались, писаннаго въ моментъ переѣзда изъ Премухина на зиму въ Тверь, мы видимъ, что дочери вмѣстѣ съ отцомъ сочиняютъ прощальный гимнъ Премухину и что любовь къ родному гнѣзду прочно связываетъ ихъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, въ одно гармоническое цѣлое.

Первыя семейныя бури и недоразумѣнія между родителями и дѣтьми поколебали, но не разрушили премухинскую гармонію и если они нарушили прежнія свѣтлыя и патріархальныя отношенія дѣтей къ родителямъ, то все же любовь всѣхъ братьевъ и сестеръ къ премухинскому гнѣзду и другъ къ другу не только осталась непоколебленной, но утвердилась, быть можетъ, еще сознательнѣе.

ГЛАВА VII.

Отчисленіе Михаила Бакунина отъ училища и переводъ его въ провинцію.— Его служба въ западномъ краѣ.—Письма къ роднымъ.—Рѣшеніе его оставить военную службу и стремленіе къ научнымъ занятіямъ.—Знакомство его съ М. Н. Муравьевымъ.—Пріѣздъ въ Тверь.—Отставка.—Попытка Александра Михайловича опредѣлить его въ гражданскую службу.—Неудача этой попытки.

Послѣ первой мѣсячной побывки въ Премухинѣ въ 1833 г. Мишель вернулся въ Петербургъ и тамъ сблизился, какъ мы видѣли, съ семьей Николая Назаровича Муравьева и съ Сергѣемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, младшимъ братомъ Александра и Михаила Муравьевыхъ. Всѣ событія премухинской жизни, описанныя въ двухъ предыдущихъ главахъ, произошли, главнымъ образомъ, въ его отсутствіи, хотя онъ и принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе письмами.

Въ Петербургѣ ему пришлось, однако же, остаться недолго. Въ началѣ 1834 г. съ нимъ случилась первая служебная непріятность, имѣвшая для него довольно большія послѣдствія. Сама по себѣ исторія эта была довольно ничтожна и заключалась въ томъ, что молодой офицеръ какъ-то вышелъ на улицу, одѣтый не по формѣ, и встрѣтился съ начальникомъ артиллерійскаго училища генераломъ Сухазанетомъ, который грубо сказалъ ему: «ужъ если надѣлъ ливрею, то носи ее, какъ полагается», на что Михаилъ Александровичъ отвѣтилъ, что онъ никогда не надѣвалъ ливреи, да и надѣвать таковой не думаетъ. Это было сочтено за дерзость, и его, не ожидая окончанія курса офицерскихъ классовъ, перевели въ одну изъ армейскихъ артиллерійскихъ бригадъ, квартировавшихъ въ западномъ краѣ.

Въ премухинскомъ архивѣ сохранилось письмо Александра Михайловича къ сыну отъ 27 февраля 1834 г., изъ котораго видно, что увѣдомленіе о всей этой исторіи онъ получилъ не

отъ Мишеля, а отъ Николая Назаровича Муравьева и кромѣ того объ отчисленіи Мишеля отъ училища прочелъ въ *Инвалидѣ*. Само собой разумѣется, что онъ остался крайне недоволенъ и самой исторіей, и тѣмъ, что Мишель самъ не написалъ ему объ этомъ. Въ письмѣ своемъ Александръ Михайловичъ предупреждаетъ сына, что ни на знатность, ни на богатство онъ не долженъ разсчитывать въ своей карьерѣ и что болѣе тысячи рублей въ годъ (ассигнаціями, конечно) родители ему давать не въ состояніи [1]). Письмо заключается слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Если невозможно возвратить уже прошедшаго, то, по крайней мѣрѣ, можно загладить проступки свои постояннымъ впредь исполненіемъ обязанностей родства и службы. И такъ, отрекись отъ праздности, пиши къ намъ обо всемъ до тебя касающемся и пиши безъ утайки, безъ отлагательства и пиши обстоятельно. Мысленно тебя обнимаю»...

Въ этомъ письмѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что Александра Михайловича вопросъ объ откровенности и правдивости сына и объ отношеніи его къ семьѣ не менѣе тревожитъ, если не болѣе, нежели афронтъ, который тотъ потерпѣлъ въ своей служебной карьерѣ,—черта въ то время не часто встрѣчавшаяся въ отношеніи отцовъ къ дѣтямъ.

Весну и часть лѣта 1834 г. Михаилу Бакунину пришлось провести въ мѣстечкѣ Молодечнѣ, Минской губерніи, откуда ему, впрочемъ, удалось съѣздить на мѣсяцъ въ отпускъ въ Премухино. Осенью бригаду, въ которой онъ служилъ, перевели на зимнія квартиры въ мѣстечко Картузъ-Березку, Гродненской губерніи. Во время похода Мишелю пришлось быть на смотру, сдѣланномъ Паскевичемъ въ Вильнѣ, куда стянута была

---

[1]) Въ этомъ письмѣ Александръ Михайловичъ сравниваетъ, между прочимъ, матеріальное положеніе своей семьи и семьи Николая Назаровича Муравьева и сообщаетъ данныя о своемъ финансовомъ положеніи: „Положеніе мое и дѣтей моихъ—и положеніе Николая Назаровича и дѣтей его—совершенно разное. Онъ получаетъ пенсіи 15 т. руб. въ годъ (и замѣть—получаетъ за службу), а я плачу 12 т. процентовъ (очевидно, по заложеннымъ имѣніямъ. *А. К.*). Имѣнія за мною 500 душъ, а по вотчинѣ съ Анной Михайловной будетъ 700; васъ же десятеро, то по вотчинѣ нашей достанется душъ по 70 съ домомъ. Вотъ, мой другъ, вся твоя будущность"... Въ концѣ письма упоминается о выкупѣ какого-то крѣпостного человѣка: „Не забудь, что изъ денегъ, которыя внесетъ Иванъ (если откупится), необходимо надобно заплатить 800 руб. г. Петерсону".

масса войскъ. При этомъ онъ побывалъ и на балахъ, изъ которыхъ одинъ былъ данъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Долгоруковымъ, а другой — виленскимъ дворянствомъ. Здѣсь Мишель впервые знакомится съ польскимъ обществомъ. Изъ письма его къ сестрамъ видно, впрочемъ, только одно, что польскія дамы по внѣшности ему очень понравились.

14 сентября онъ оставилъ Вильну и послѣ 19-тидневнаго похода черезъ города Лиду и Слонимъ прибылъ въ составѣ своей части въ Картузъ-Березку. Перечисливъ эти внѣшніе факты своей жизни, онъ пишетъ роднымъ въ письмѣ отъ 4 октября 1834 г.: «Что же касается собственно до меня, то я вамъ скажу, что, поддерживаемый сладкою надеждою скоро возвратиться въ предѣлы святой родины, увидѣть себя снова посреди васъ, для того чтобы ужъ долго не разлучаться, я употребляю всѣ средства, у меня подъ рукой находящіяся и сообразныя съ моей цѣлью, для того чтобы какъ можно полезнѣе провести остальное время нашей разлуки. Огромный кругъ товарищества, представившійся мнѣ подъ Вильною, очень мало способствовалъ къ разсѣянію грусти, которая со времени выѣзда моего изъ Премухина, несмотря на всѣ мои усилія, почти ни на минуту меня не оставляетъ! Не находя въ моихъ сослуживцахъ и ихъ занятіяхъ (картахъ и водкѣ) ничего привлекательнаго, я отъ нихъ совершенно отдалился, такъ что я здѣсь одинъ, совершенно одинъ! Вѣчное молчаніе, вѣчная грусть, вѣчная тоска—вотъ товарищи моего уединенія! И если восторгъ чистой радости блеснетъ и освѣтитъ мгновенно мракъ, царствующій въ душѣ моей, я долженъ подавить его въ груди своей! Никто не услышитъ меня! Я одинъ! И восклицанія умираютъ въ пространствѣ и радость превращается въ горе! Я на опытѣ узналъ, что прелесть совершеннаго уединенія, такъ краснорѣчиво проповѣдуемая женевскимъ философомъ, есть самый нелѣпый софизмъ. Человѣкъ рожденъ для общества. Кругъ родныхъ и друзей, понимающихъ его и дѣлящихъ вмѣстѣ съ нимъ радость и горе, необходимъ для него. Самовольное уединеніе почти всегда тождественно съ эгоизмомъ, а эгоистъ можетъ ли быть счастливъ?...»

Онъ пишетъ тутъ же, что усердно занимается въ уединеніи: «...Повторяю географію вмѣстѣ съ французскимъ путешествіемъ въ пяти частяхъ свѣта, подареннымъ мнѣ сестрою Сашею и

наполненнымъ, впрочемъ, самыми смѣшными несообразностями и промахами; возобновляю свои познанія въ физикѣ вмѣстѣ съ Бедамомъ; имѣя твердое намѣреніе усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, со вниманіемъ разбираю правила его въ грамматикѣ Востокова, и разсуждаю о политикѣ и исторіи съ сочинителемъ de l'histoire de la restauration et des suites qui ont amené la chute des Bourbons, par un homme d'état (M-r de Capefigue). Ограниченный малымъ числомъ этихъ книгъ, я ихъ перечитываю, пересматриваю по сту разъ въ день и такимъ образомъ буду скоро знать ихъ наизусть. Остальное время думаю объ васъ, друзья мои, мечтаю и записываю все, что только придетъ мнѣ въ голову. По причинѣ очень недавняго моего сюда прибытія я еще ни съ кѣмъ не успѣлъ познакомиться. Еврей, хозяинъ мой, говорилъ мнѣ про итальянца графа Мендоза, казеннаго управителя здѣшняго мѣстечка, и про двухъ нѣмцевъ, форштмейстера (лѣсничаго) и доктора, какъ про очень умныхъ людей. Если слова его справедливы, то я, узнавъ ихъ, достану, можетъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ книгъ для усовершенствованія себя въ нѣмецкомъ и для изученія итальянскаго языка. «А служба?» — скажете вы мнѣ. Служба здѣсь для насъ не существуетъ. Она ограничивается лагерями, что же касается до остальнаго времени, то хотя я и ношу почетное званіе взводнаго командира, но такъ какъ у насъ внѣ лагерей фрунтомъ не занимаются, то взводъ мною расположенъ по деревнямъ, а рядовые всѣ находятся въ работѣ по хозяйственной части, въ которую мы не входимъ и которая лежитъ въ рукахъ и на отвѣтственности ротнаго командира»...

Это письмо Мишеля произвело очень благопріятное впечатлѣніе на Александра Михайловича, и онъ отвѣтилъ на него довольно ласковымъ письмомъ отъ 17 декабря 1834 г.

«Пріятно мнѣ было видѣть, любезный другъ Миша, изъ послѣдняго письма твоего, что ты скучаешь въ разлукѣ съ нами, но, успокоившись, и принялся за дѣло: читаешь, учишься нѣмецкому и польскому языкамъ, но и своимъ дѣломъ не пренебрегаешь. Изъ приложенной записки увидишь, что мы о переводѣ твоемъ стараемся. Сестра Прасковья Михайловна писала къ намъ, что нужно бы представленіе по командѣ отъ здѣшняго бригаднаго начальника, полковника Пистолькорса. Я

его просилъ, и вотъ что онъ ко мнѣ пишетъ [1]). Присылай же, мой другъ, какъ можно скорѣе формулярный списокъ. Можетъ быть удастся намъ перевести тебя. Но если нѣтъ, то унывать не должно. Продолжай учиться и проходи усердно, прошу тебя, твою должность, какъ бы ни казалась она тебѣ ничтожной. Дѣльная только жизнь можетъ быть основою поэзіи жизни, и однѣ только вообразительныя *утопіи* не ведутъ ни къ чему доброму. И по ступенямъ дѣльной жизни можно непримѣтно возвыситься до той истинной цѣли, о которой ты часто умствуешь: и цѣль эта — польза семейная, общественная и твоя собственная. Будь по возможности полезенъ, и повѣрь мнѣ, что мучимъ не будешь...»

Мишель нетерпѣливо ждалъ между тѣмъ перевода и, повидимому, сталъ уже отчаиваться въ его осуществимости. По крайней мѣрѣ въ письмѣ отъ 19 декабря, которое, очевидно, разминулось съ вышеприведеннымъ письмомъ отца, онъ полагаетъ уже, что хлопоты эти остались безъ результата и горько на это сѣтуетъ, хотя тутъ же прибавляетъ:

«Но что же дѣлать, плетью обуха не перешибешь, и человѣку съ судьбою бороться невозможно. Всѣ мы идемъ, дѣйствуемъ, движемся по законамъ Провидѣнія; желалъ бы я только знать, какая цѣль моего существованія и какое мѣсто мнѣ предопредѣлено занимать въ общей безпредѣльной машинѣ?...» Въ томъ же письмѣ, упоминая о слухахъ относительно грозившей тогда войны, онъ пишетъ: «Если же они (слухи) справедливы, то я тогда долженъ буду разстаться съ любимою своею мечтою: оставивъ военную службу, посвятить себя наукамъ и службѣ гражданской, ибо почитаю стыдомъ для русскаго оставлять ряды тогда, когда отечество имѣетъ нужду въ воинахъ. На всякій случай я рѣшился заняться чтеніемъ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ, тактическихъ и фортификаціонныхъ книгъ. Во мнѣ нѣтъ того героизма, той отважности, которые заставляютъ искать опасностей, но я знаю также то, что трусость мнѣ несвойственна, и то, что я съ радостью пожертвую жизнью для блага и чести отчизны; отважность же безъ цѣли и безъ пользы я почитаю безразсудностью...»

---

[1]) Вѣроятно, приложенъ былъ отвѣтъ Пистолькорса, но въ архивѣ я его не нашелъ.

О своихъ повседневныхъ занятіяхъ Мишель и въ этомъ письмѣ пишетъ почти то же, что и въ предыдущемъ. Упоминая опять о томъ, что отъ служебныхъ занятій у него остается много досуга, онъ пишетъ: «...Знакомство съ здѣшнимъ управителемъ доставило мнѣ случай пользоваться порядочною библіотекою изъ французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ книгъ составленною. Слѣдовательно скучать мнѣ здѣсь некогда; «бывало грустно имъ, но скучно никогда» — говоритъ Крыловъ — то же самое теперь и со мной. Я еще молодъ, страсти, воздержанностью усиленныя, во мнѣ бушуютъ; силы душевныя кипятъ, требуютъ пищи, и все это должно оставаться въ бездѣйствіи и ограничиваться одними мечтами, которыя не въ состояніи наполнить пустоты сердечной. Неограниченная къ вамъ привязанность, чувство, что я еще могу и долженъ быть полезенъ отечеству, мысль, что исполненіе обязанности есть священный долгъ человѣка и гражданина, поддерживаютъ меня, но не могутъ меня увѣрить въ томъ, что я не могъ бы быть счастливѣе. Все во мнѣ требуетъ дѣятельности, движенія, а всѣ дѣйствія мои ограничиваются одною только работою для будущаго, основываясь на воспоминаніяхъ прошедшаго. Сильныя движенія души, борясь напрасно съ хладными и непреоборимыми препятствіями міра физическаго, приводятъ меня иногда въ изнеможеніе, наводятъ на меня хандру, которой впрочемъ я не много даю воли: возьмусь сперва машинально за книгу, увлекаюсь чтеніемъ и такимъ образомъ исторгаю себя изъ тяжелаго состоянія безчувственности и разочарованія. Переводы съ нѣмецкаго языка на русскій, изученіе польскаго посредствомъ грамматики и переводовъ, физика и математика составляютъ мои практическія занятія. Остальное время читаю и дѣлаю выписки изъ историческихъ, статистическихъ и др. книгъ и — признаться вамъ — читаю иногда философическія сочиненія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а иногда хожу по комнатѣ, думаю объ васъ, друзья мои, мечтаю о святой родинѣ, о томъ счастіи, которое, какъ кажется, мнѣ не суждено, и взгруснусь—вздохну и опять за книги. Такимъ образомъ, валя черезъ пни колоду, перехожу отъ одного дня къ другому...»

Въ бытность Михаила Александровича въ Гродненской губерніи въ 1834 г. онъ познакомился здѣсь со своимъ двоюроднымъ дя-

дею и стариннымъ другомъ своего отца, Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который въ это время былъ гродненскимъ губернаторомъ и занимался во ввѣренной ему губерніи искорененіемъ послѣднихъ остатковъ крамольнаго духа и польскихъ вліяній послѣ возстанія 1831 года. Въ архивѣ объ этомъ не сохранилось почти никакихъ данныхъ, но самъ Михаилъ Александровичъ разсказывалъ впослѣдствіи своему брату Павлу и объ этой встрѣчѣ, и объ усиліяхъ, употребленныхъ тогда М. Н. Муравьевымъ, привить своему племяннику ненависть и презрѣніе къ польской народности [1]).

Въ началѣ слѣдующаго 1835 года Михаилъ Александровичъ успѣлъ таки попасть въ Премухино. Онъ получилъ командировку въ Тверь, откуда ему поручено было привести ремонтъ лошадей для бригады. Прибывъ на родину, онъ сказался больнымъ и рѣшилъ больше не возвращаться на службу. Родные были очень встревожены этимъ, тѣмъ болѣе, что до нихъ дошли слухи о томъ, что начальство собирается вытребовать Мишеля черезъ тверского коменданта, какъ самовольно отлучившагося, и предать его суду. Слухи эти были однако же не совсѣмъ справедливы, какъ видно изъ переписки, сохранившейся въ семейномъ архивѣ, между генераломъ Н. Н. Муравьевымъ (дядей Бакунина) и генераломъ Нейгардтомъ, командиромъ корпуса, въ составъ котораго входила бригада, въ которой служилъ

[1]) М. А. Бакунинъ разсказывалъ, между прочимъ, что Муравьевъ, желая показать ему, какъ фальшивы польскіе патріоты и въ особенности помѣщики, предложилъ ему незримо присутствовать за портьерой при пріемѣ одного польскаго помѣщика. Этого помѣщика онъ затѣмъ намѣренно всячески унижалъ и вызывалъ на унизительныя и явно лживыя увѣренія и изъявленія чувствъ, въ которыхъ тотъ изливался передъ жестокимъ и грознымъ сатрапомъ, въ надеждѣ, конечно, что его никто не слышитъ, кромѣ самого Муравьева.

Въ архивѣ сохранилась одна только небольшая рукопись, писанная рукою М. А. Бакунина, подъ заглавіемъ „Матеріалы до Литвы и до губерній отъ Польши возвращенныхъ касающіеся. Изъ документовъ М. Н. Муравьева. 1835 года 30 января, г. Гродно.“ Рукопись эта заключаетъ въ себѣ переведенный съ польскаго „проектъ, поданный Польскому правительству нѣкоторымъ Іезуитомъ объ уничтоженіи Руси въ областяхъ присоединенныхъ къ Польшѣ“, въ которомъ рекомендуются различнаго рода преслѣдованія и стѣсненія противъ православныхъ, направленныя къ искорененію православія въ Западномъ краѣ. Очевидно, сообщая подобные документы своему молодому родственнику, М. Н. Муравьевъ очень старался сдѣлать изъ него убѣжденнаго ненавистника поляковъ и борца противъ полонизма.

Мишель [1]). Благодаря представленному Бакунинымъ свидѣтельству о болѣзни, онъ не былъ преданъ суду за самовольное неприбытіе къ мѣсту службы, и ему было предоставлено подать въ отставку, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться [2]).

Какъ только Мишель былъ уволенъ въ отставку изъ военной службы, Александръ Михайловичъ сталъ пытаться опредѣлить его въ статскую. Устроить это оказалось, при связяхъ Александра Михайловича, нетрудно, и вскорѣ тверской губернаторъ, графъ Толстой, предложилъ Михаилу Бакунину мѣсто чиновника особыхъ порученій. Но Мишель въ это время уже настолько вошелъ во вкусъ научныхъ занятій и въ особенности изученія философіи, что твердо рѣшилъ, къ досадѣ и негодованію отца, не вступать въ службу, а употребить всѣ усилія на подготовленіе себя къ научной дѣятельности и профессорской карьерѣ.

Поссорившись съ отцомъ изъ-за этого обстоятельства, Мишель уѣхалъ въ Москву, гдѣ надѣялся содержать себя безъ всякихъ субсидій изъ дому «математическими уроками».

Въ этомъ рѣшеніи Мишеля несомнѣнно весьма большую роль сыграли новыя знакомства его съ молодыми членами кружка Николая Владиміровича Станкевича.

---

1) Вотъ текстъ письма корпусного командира генерала Александра Нейгардта къ Ник. Ник. Муравьеву (впослѣдствіи Карскому) отъ 4 августа 1835 г.:

„На письмо ваше отъ 26 іюля поспѣшаю увѣдомить, что родственникъ вашъ, служащій въ 1 артиллерійской дивизіи, прапорщикъ Бакунинъ, не былъ уволенъ въ отпускъ, но былъ командированъ для привода ремонта въ 3-ю пѣшую бригаду и за болѣзнью остался въ Твери, въ чемъ представилъ законное свидѣтельство. Несмотря на сіе, начальникъ дивизіи о высылкѣ его снесся съ тверскимъ комендантомъ, который послѣднимъ отзывомъ увѣдомилъ, что прапорщикъ Бакунинъ, по полученіи облегченія, тотчасъ прибудетъ къ своему мѣсту; къ выключкѣ же, какъ неприбывшій къ своему мѣсту, прапорщикъ Бакунинъ представляемъ не былъ. Изъ сего, ваше превосходительство, усмотрѣть изволите, что г. Бакунинъ въ предстоящемъ сентябрѣ самъ просить можетъ объ увольненіи его за болѣзнью отъ службы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч...“

2) Въ Премухинѣ сохранился указъ объ отставкѣ Михаила Бакунина, изъ котораго видно, что прапорщикъ Бакунинъ уволенъ отъ службы по собственному желанію 18 декабря 1835 г. Аттестатъ безъ всякихъ изъяновъ. Выданъ онъ значительно позднѣе и подписанъ Паскевичемъ въ Варшавѣ 27 ноября 1839 года.

ГЛАВА VIII.

Знакомство Бакуниныхъ съ Н. В. Станкевичемъ черезъ Бееровъ.—Романическая подкладка этого знакомства.—Н. В. Станкевичъ и Бееры.—Романы Станкевича въ 1833—1835 гг.—Его увлеченіе Л. А. Бакуниной.—Поведеніе Натальи Беерь.—Ефремовъ въ Премухинѣ лѣтомъ 1835 г.—Переписка Станкевича съ Невѣровымъ.—Его романъ съ Л. А. Бакуниной.—Пріѣздъ его въ Премухино въ октябрѣ 1835 г. и начало его дружбы съ Михаиломъ Бакунинымъ.

По имѣющимся у меня даннымъ Михаилъ Бакунинъ познакомился съ Николаемъ Владиміровичемъ Станкевичемъ у Бееровъ въ Москвѣ въ мартѣ 1835 года. Въ перепискѣ Станкевича съ Я. М. Невѣровымъ есть одно письмо отъ 14 іюня 1835 г., въ которомъ Станкевичъ сообщаетъ своему другу, что получаетъ письма отъ М. Бакунина и самъ пишетъ къ нему. «Мнѣ эта переписка доставляетъ удовольствіе», прибавляетъ Станкевичъ [1]). Но, судя по тексту самаго письма Станкевича, это «удовольствіе» надо отнести, повидимому, не только къ личности самого Мишеля, но и къ зародившемуся въ то время въ Станкевичѣ чувству къ сестрѣ Мишеля, Любови Александровнѣ. Сестры Бакунины познакомились со Станкевичемъ и съ другомъ его Ефремовымъ значительно раньше Мишеля, черезъ тѣхъ же Бееровъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Москву, и знакомство это имѣло съ самаго же начала романическій оттѣнокъ. Въ премухинскихъ лѣтописяхъ о знакомствѣ съ Станкевичемъ упоминается въ первый разъ еще въ январѣ 1834 г., но очень можетъ быть, что оно произошло и раньше. Въ перепискѣ Станкевича съ Невѣровымъ о Бакуниныхъ упоминается впервые въ маѣ 1834 г. Собираясь съѣздить по

---

1) Переписка и біографія *Н. В. Станкевича*, изданная *П. В. Анненковымъ* въ 1857 г., ч. II, стр. 140. Въ новомъ изданіи 1914 года напечатаны письма, отправленныя въ это время (начиная съ апрѣля 1835 г.) Н. В. Станкевичемъ М. А. Бакунину. Изъ нихъ мы ниже приведемъ нѣсколько выдержекъ.

окончаніи послѣднихъ университетскихъ экзаменовъ (лѣтомъ 1834 г.) въ Петербургѣ. Станкевичъ признается Невѣрову, что по дорогѣ «охотно заѣхалъ бы къ Бакунинымъ». Но его смущаетъ, что онъ недостаточно близко знакомъ съ ними для того, чтобы заѣхать къ нимъ безъ спеціальнаго приглашенія, и тутъ же прибавляетъ: «но мнѣ, другъ мой, пріятно будетъ, если они узнаютъ, что я проѣхалъ и не заѣхалъ къ нимъ, *не имѣя чести* быть знакомымъ короче». Очевидно, онъ былъ бы радъ уже тогда познакомиться съ ними короче [1]).

Съ Беерами Станкевичъ былъ знакомъ, повидимому, съ ранней юности—съ первыхъ лѣтъ своей университетской жизни, а можетъ быть и ранѣе,—и въ перепискѣ съ Невѣровымъ Бееры упоминаются съ первыхъ же писемъ (1831 г.) [2]).

Но прежде чѣмъ переходить къ изложенію отношеній Станкевича къ Натальѣ Андреевнѣ Беeръ и затѣмъ къ Любови Александровнѣ Бакуниной, я постараюсь дать хотя бы краткую характеристику самого Н. В. Станкевича. Въ слѣдующей главѣ мнѣ придется остановиться подробно на изложеніи его философскихъ и религіозныхъ взглядовъ и характеризовать его, какъ главу кружка молодыхъ философовъ-идеалистовъ тридцатыхъ годовъ. Здѣсь же я попытаюсь представить его, какъ героя романа, разыгравшагося въ дѣйствительной жизни [3]).

Николай Владиміровичъ Станкевичъ родился 27 октября 1813 г. и, слѣдовательно, былъ на 7 мѣсяцевъ старше Михаила Бакунина и двумя годами *моложе* его сестры, Любови Александровны. Въ 1835 г. ему было всего 22 года; но онъ успѣлъ уже къ этому времени кончить университетъ, въ которомъ считался однимъ изъ са-

---

[1]) Переписка *Станкевича*, стр. 92, (изд. 1857 г.).

[2]) Въ перепискѣ *Н. В. Станкевича*, изданной *Анненковымъ*, Бееры почти вездѣ обозначены буквами Бр. или Бр—ы, Natalie Беeръ—буквой N, Alexandrine—буквой А или А. А. (Александра Андреевна). Въ новомъ изданіи всѣ инициалы раскрыты.

[3]) Лучшею біографіею Станкевича безспорно остается до сихъ поръ уже указанная выше біографія, написанная *П. В. Анненковымъ* въ 1857 г. Очеркъ *М. О. Гершензона* „Н. В. Станкевичъ“, въ книгѣ г. Гершензона „Исторія молодой Россіи“, не даетъ ничего новаго. Извѣстная статья *П. Н. Милюкова* „Любовь у идеалистовъ 30-хъ гг.“, о которой намъ придется говорить въ этой же главѣ, представляетъ лишь анализъ тѣхъ фактовъ, которые приведены въ книгѣ Анненкова. Блестящая характеристика *Герцена* (во II т. „Былого и Думъ“) относится главнымъ образомъ къ Станкевичу—главѣ философскаго кружка.

мыхъ выдающихся студентовъ, и успѣлъ пережить кое-что умомъ и сердцемъ. Въ высшей степени изящный и благородный романтикъ, поэтъ и философъ, онъ и наружно обращалъ на себя вниманіе своей изящной и граціозной фигурой, своимъ тонкимъ, одухотвореннымъ лицомъ, обрамленнымъ длинными и густыми черными волосами.

Сынъ богатаго воронежскаго помѣщика, Станкевичъ дѣтство свое провелъ въ деревенскомъ привольѣ. Въ дѣтствѣ онъ былъ, благодаря живости своего характера, то, что французы называютъ «enfant terrible», и 7-ми лѣтъ отъ роду изъ шалости сжегъ цѣлую деревню. Лѣтъ 9-ти его посылали въ школу,—въ демократическую школу, въ острогожское уѣздное училище, что было въ богатомъ помѣщичьемъ быту того времени большой рѣдкостью. На-ряду съ этимъ отецъ не жалѣлъ средствъ для его образованія. «Для хорошихъ натуръ,—замѣчаетъ по этому поводу Герценъ,—богатое и даже аристократическое воспитаніе очень хорошо. Довольство даетъ развязную волю и ширь всякому развитію и всякому росту, не стягиваетъ молодой умъ преждевременной заботой, боязнью передъ будущимъ, наконецъ, оставляетъ полную волю заниматься тѣми предметами, къ которымъ влечетъ» [1]).

Станкевичъ дѣйствительно «развивался стройно и широко». «Въ университетской аудиторіи онъ сталъ,—по словамъ его біографа,—центромъ кружка товарищей, равныхъ ему по свѣдѣніямъ, но подчинившихся охотно (какъ способны только подчиняться люди въ молодые годы свои) вліянію свѣтлаго ума, благороднаго сердца и строгихъ нравственныхъ требованій. Станкевичъ — говоритъ Анненковъ — дѣйствовалъ обаятельно всѣмъ своимъ существомъ на сверстниковъ: это былъ живой идеалъ правды и чести, который въ раннюю пору жизни страстно и неутомимо ищется молодостью, живо чувствующею свое призваніе» [2]).

Можно себѣ представить, какъ подобный молодой человѣкъ могъ дѣйствовать на воображеніе пылкихъ и мечтательныхъ дѣвушекъ 30-хъ годовъ, воспитанныхъ на романтической литературѣ.

---

[1]) „Былое и Думы“ *Герцена*, т. II его сочиненій, стр. 330. (Павленковскаго изданія.)

[2]) *Анненковъ*, н. с., стр. 9.

«Станкевичъ, особенно въ первое время своей юности, любилъ общество, танцы, новыя знакомства и людской говоръ... Ему всегда было необходимо — говоритъ Анненковъ — видѣть много людей, такъ же, какъ необходимо много мыслить про себя»...

...«Онъ искалъ жизни и потому что она была незнакома ему, и по требованію природы своей, неспособной заключиться только въ себѣ самой и тѣмъ ограничиться. Онъ былъ чистъ отъ самолюбія и гордости, обыкновенно мѣшающихъ сближенію между людьми, и думалъ, что общество и частное лицо равно нуждаются другъ въ другѣ и равно ищутъ другъ друга»...

«Правда, впослѣдствіи,—замѣчаетъ Анненковъ,—когда жизнь для Станкевича сосредоточилась на небольшомъ числѣ привязанностей, онъ осуждалъ свою прежнюю страсть къ связямъ и знакомствамъ, но сохранилъ уже навсегда свободный взглядъ на общество и способность становиться съ перваго раза въ прямыя, откровенныя и благородныя отношенія къ людямъ» [1]).

У Бееровъ, у которыхъ постоянно толпилась масса молодежи, Станкевичъ бывалъ очень часто. «Молодежь, собиравшаяся у Бееровъ, проводила время не въ однихъ танцахъ и играхъ. Здѣсь были въ большомъ ходу споры и толки по поводу новой европейской литературы, и произведенія Гете, Шиллера, Жанъ Поля Рихтера, Бальзака и Сю, а изъ русскихъ авторовъ Пушкина, Баратынскаго, Кукольника, Полевого, Марлинскаго и только что появившагося Гоголя читались и обсуждались съ жаромъ и паѳосомъ, свойственнымъ молодымъ романтикамъ того времени. Самъ Станкевичъ писалъ очень изящные лирическіе стихи, въ числѣ его друзей были два заправскихъ поэта—Красовъ и Клюшниковъ,—а у Бееровъ часто собирались молодыя дѣвушки, любительницы поэзіи, изъ которыхъ иныя, какъ, напр., младшая дочь М. М. Бакунина Прасковья, и сами были нечужды стихотворческаго дара [2]).

Изъ двухъ сестеръ Бееръ—Natalie и Alexandrine—Станкевичъ былъ особенно близокъ съ Натальей Андреевной, хотя съ его стороны эта близость, какъ видно изъ его писемъ, съ начала и до конца не выходила изъ предѣловъ столь типичной для того времени романтической дружбы. Но не таково было

---

[1]) *Анненковъ*, н. с., стр. 55.

[2]) Срав. въ новомъ изданіи переписки Станкевича, стр. 215 и 231 и др.

отношеніе Натальи Беёръ къ Станкевичу. Впрочемъ, прежде чѣмъ обнаружились настоящія чувства Натальи Андреевны къ Станкевичу, онъ пережилъ кратковременный «деревенскій романъ» во время пребыванія своего лѣтомъ 1833 г. въ своей острогожской деревнѣ. Анненковъ характеризуетъ этотъ юношескій романъ ссылкой на извѣстное пушкинское стихотвореніе:

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?..

И хотя романъ юнаго Станкевича происходилъ, наоборотъ, лѣтомъ, при чемъ онъ вовсе не тяготился деревенскимъ уединеніемъ, однако-жъ кое-что въ этомъ романѣ дѣйствительно напоминаетъ «деревенскій романъ», такъ мастерски охарактеризованный Пушкинымъ. Героиня этого перваго романа Станкевича дѣйствительно очень напоминаетъ «бѣлокурую и стройную» дѣвицу, ту «русскую розу», которую имѣлъ въ виду Пушкинъ.

Но отношеніе къ этому романическому приключенію двадцатилѣтняго Станкевича совсѣмъ не то, которое соотвѣтствовало бы беззаботному пушкинскому эпикуреизму. Станкевичу и въ 20 лѣтъ присущая ему рефлексія и постоянная безпокойная склонность къ внутреннему самоанализу и къ нравственной оцѣнкѣ своихъ поступковъ помѣшали въ этомъ случаѣ зайти слишкомъ далеко. Онъ успѣлъ трезво оцѣнить и настоящій характеръ своего собственнаго чувства и духовный уровень прекрасной дамы своего сердца, который несомнѣнно не соотвѣтствовалъ его идеалу.

Романъ прерывается на полдорогѣ, и юный Станкевичъ гордо утѣшаетъ себя сознаніемъ побѣды, одержанной «высокой и благородной мыслью» надъ «призрачнымъ» чувствомъ.

Едва окончился этотъ довольно обыкновенный романъ, отъ котораго въ душѣ Станкевича остался лишь болѣе опредѣленно и живо сознанный высокій идеалъ женщины, которой стоило бы отдать свою жизнь, какъ онъ узналъ, что его любитъ другая дѣвушка, съ которой онъ давно друженъ и которую отъ души любитъ братской любовью, но не болѣе. Эта дѣвушка и была Наталья Андреевна Беёръ.

Сердечная исторія Станкевича привлекала къ себѣ вниманіе нѣсколькихъ изслѣдователей исторіи русскаго общества и русской литературы. П. Н. Милюковъ въ блестящемъ и остроум-

номъ этюдѣ проанализировалъ весь ходъ сердечныхъ увлеченій Станкевича, и выведенную имъ схему цѣликомъ усвоилъ себѣ и позднѣйшій біографъ Станкевича М. О. Гершензонъ. Но какъ ни блестяща сжатая характеристика, сдѣланная мастерскимъ перомъ Милюкова, я не могу признать ее совершенно вѣрной. На мой взглядъ она грѣшитъ именно схематичностью, которая неизбѣжно лишаетъ картину правильной перспективы. «Съ свѣжей раной въ сердцѣ Станкевичъ не могъ—пишетъ П. Н. Милюковъ—отказать себѣ въ удовольствіи «наслаждаться братской бесѣдой» съ дѣвушкой, которую на этотъ разъ нельзя было обвинить въ неспособности «глубоко чувствовать». Горячая и порывистая, готовая то принести себя въ жертву, то устроить сцену ревности, *новая* поклонница Станкевича скоро показала ему, что дѣло идетъ вовсе не о братской любви» [1].

«Съ осени 1833 г.,—пишетъ г. Гершензонъ,—*начинается сближеніе* Станкевича съ пылкой и восторженной дѣвушкой, имени которой мы не знаемъ. Онъ находитъ ее вполнѣ достойной любви, но, хорошо помня недавній урокъ, принимаетъ строгія мѣры предосторожности. Тѣмъ не менѣе дѣвушка влюбляется въ него. Онъ не любитъ ее, жалѣетъ ее и пугается ея страстности, временно отдаляется, потомъ возвращается—и въ концѣ-концовъ запутывается въ такую исторію, которая способна отравить существованіе: тутъ и бѣшеныя сцены ревности, и собственное раскаяніе, и сплетни, и прямые упреки со стороны знакомыхъ въ желаніи увлечь и обмануть дѣвушку» [2].

По этимъ краткимъ и въ то же время рѣзкимъ характеристикамъ можно, пожалуй, представить себѣ, что Станкевичъ былъ нѣчто вродѣ Онѣгина. Но такое представленіе было бы не вполнѣ справедливо. Станкевичу въ это время было *всего 20 лѣтъ*—у него не было никакого жизненнаго опыта, онъ и самъ отнюдь не считалъ себя человѣкомъ вполнѣ подготовленнымъ къ жизни, а дружескія и братскія отношенія его къ Натальѣ Бееръ начались ранѣе его «деревенскаго романа», и въ домѣ Бееровъ онъ былъ своимъ человѣкомъ прежде, нежели разыгрался этотъ романъ. Что касается Натальи Бееръ, то ея характеристика, сдѣланная Милюковымъ, мнѣ кажется совер-

[1]) *П. Н. Милюковъ*: „Изъ исторіи русской интеллигенціи“, стр. 75.

[2]) *М. Гершензонъ*: „Исторія молодой Россіи“, стр. 187.

шенно вѣрна. Въ сущности весь этотъ романъ былъ довольно односторонній: Станкевичъ ни на минуту не заблуждался въ этомъ случаѣ насчетъ истинной природы своего чувства и несомнѣнно отнюдь не скрывалъ этого и отъ восторженной дѣвушки, которая упорно и страстно «преслѣдовала въ немъ свой идеалъ», по мѣткому выраженію Анненкова.

Хотя самъ Станкевичъ ставилъ Наталью Беeръ на очень возвышенный пьедесталъ [1]) и, отвергая лишь обвиненіе въ волокитствѣ или желаніи увлечь и въ особенности обмануть восторженную дѣвушку, готовъ былъ самъ горько упрекать себя въ неосторожности, однако же изъ одного письма его къ Невѣрову, писаннаго въ декабрѣ 1833 г., ясно видно, что онъ не видѣлъ и въ ней того идеала женщины, который онъ создалъ въ своей душѣ: «Знаешь, что пришло мнѣ въ голову? — писалъ онъ своему другу, — я долженъ благодарить Бога, что не люблю. Почемъ знать? Можетъ быть судьба ведетъ меня, какъ говоритъ Мар. Аф. Я мелкимъ чувствомъ довольствоваться не могу; *для высокаго чувства нужна женщина съ высокими достоинствами. Эти достоинства рождаютъ дѣятельную, зиждущую любовь. Жизнь моя станетъ стремленіемъ къ одной цѣли — быть достойнымъ ея*». Ясно, что Наталья Беeръ не представлялась ему женщиной съ такими возвышенными достоинствами.

Но далѣе онъ и себя не признаетъ готовымъ для такой любви. Онъ пишетъ: «Еслибъ я любилъ теперь, это меня бы преобразило, но оставило (бы) потомъ *одну память счастья.* Вѣдь

---

[1]) Въ стихахъ, написанныхъ имъ въ 1834 году, онъ такъ изображалъ свое отношеніе къ героинѣ своего „деревенскаго романа“ и къ Натальѣ Беeръ:

Я два созданья въ мірѣ зналъ,
Мнѣ въ двухъ созданьяхъ міръ явился:
Одно я пламенно лобзалъ,
Другому пламенно молился.
Двѣ дѣвы чтитъ моя душа,
По нимъ тоскуетъ грудь младая:
Одна роскошна, какъ земля,
Какъ небеса, свята другая.
И мнѣ-ль любить, какъ я любилъ?
Я-ль память счастія разрушу?
Мой другъ, двѣ жизни я отжилъ
И затворилъ для міра душу.

моя половина души должна имѣть не менѣе 15 лѣтъ, а мнѣ 20; черезъ 5 она совершенная дѣвушка, а я не совсѣмъ мужчина, и буду можетъ быть еще далеко. Почему знать? Можетъ быть года черезъ два, черезъ три Христосъ укажетъ мнѣ созданіе любви; вояжъ мой (за границу) будетъ огненнымъ испытаніемъ чувства; нѣсколько лѣтъ и нѣсколько тысячъ верстъ должны упрочить его и поручиться за него, и тогда другъ твой счастливъ!» [1])

Въ 1834 г. Станкевичъ оканчиваетъ курсъ въ университетѣ и уѣзжаетъ домой, въ Воронежскую губернію, гдѣ усиленно занимается древней исторіей (читаетъ Геродота и Ѳукидида въ подлинникѣ) и философіей Шеллинга; въ концѣ 1834 года онъ принимаетъ должность почетнаго смотрителя острогожскаго уѣзднаго училища по выбору дворянства. Но уже къ концѣ января 1835 года онъ опять въ Москвѣ. Наталья Андреевна Бееръ нервничаетъ, не показывается Станкевичу, когда онъ пріѣзжаетъ къ нимъ въ домъ, а затѣмъ, отчаявшись окончательно въ возможности его любви, рѣшаетъ ознаменовать свою любовь къ нему непрошеннымъ великодушнымъ поступкомъ. Въ мартѣ въ Москву пріѣзжаютъ Бакунины: Любовь и Татьяна съ отцомъ на нѣсколько дней, и Наталья Андреевна, полагая, что Любовь Александровна могла бы составить счастье Станкевича, пытается натолкнуть ее на мысль полюбить его. Однако своей великодушной роли Наталья Андреевна не выдерживаетъ и какъ только замѣчаетъ, что подруга ея дѣйствительно можетъ возбудить въ душѣ Станкевича то чувство, котораго она такъ страстно и безуспѣшно добивалась сама, въ душѣ ея вспыхиваетъ отчаяніе и ревность, и дѣло кончается нервными припадками, которые серьезно расшатываютъ ея здоровье.

Между тѣмъ, эпизодъ этотъ произвелъ на Станкевича чрезвычайно сильное впечатлѣніе, о которомъ можно составить себѣ совершенно ясное представленіе по письмамъ его къ Не-

---

[1]) Переписка *Станкевича*, стр. 72. Въ новомъ изданіи „Переписки“ приведены письма Станкевича къ членамъ семьи Бееръ (стр. 436 и слѣд.), но они не даютъ новыхъ данныхъ для разъясненія его романа. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе лишь очень нѣжное, можно сказать сыновнее письмо его къ матери Н. А. и А. А. Бееръ отъ 20 марта 1835 года. Большая же часть этихъ писемъ адресованы къ младшему ихъ брату Константину, и только 2 первыхъ (1833 г.) къ старшему—Алексѣю Андреевичу.

вѣрову. Выше я приводилъ уже выписку изъ письма его отъ 9 марта, гдѣ онъ описываетъ, какъ онъ «безкорыстно любовался этими дѣвушками, какъ прекрасными созданіями Божіими», и какъ ему хотѣлось «схватить и навсегда при себѣ удержать эти ангельскія лица, чтобы глядѣть на нихъ, когда тяжело на душѣ»...

«Бакунины уѣхали, — сообщаетъ онъ въ томъ же письмѣ. — Послѣдній вечеръ мы провели съ ними въ собраніи очень весело. Если бы ты зналъ тысячу разныхъ ощущеній, черезъ которыя мнѣ случалось пройти въ одинъ день! Но это разсказывается только на словахъ. Сдѣлай милость, только не подумай, что я влюбился: ей-Богу, нѣтъ! Безъ надежды, безъ сильной надежды, любви не можетъ быть, по крайней мѣрѣ для человѣка, который привыкъ налагать узду на свои чувства и видѣть настоящія отношенія между людьми»...

Спустя нѣсколько дней, уже послѣ отъѣзда Бакуниныхъ, эта надежда была ему подана, можетъ быть, устами самой Натальи Андреевны, и вотъ что онъ писалъ своему другу 13 марта 1835 г.

«Отъ 9 до 13 — четыре дня, и четыре дня эти могли бы быть эпохою жизни, если бы все то, что я слышалъ въ это время, была правда. Не скажу ни слова — горько будетъ разувѣриться, а я почти разувѣрился... Но, другъ мой, если бы это была правда, если бы это было возможно, новая жизнь началась бы для меня. О, какъ созналъ я Провидѣніе въ ту минуту, когда мнѣ сказали это!» [1])...

Кто сказалъ — неизвѣстно. Можетъ быть, сама Наталья, можетъ быть, Александра Андреевна. Во всякомъ случаѣ сказаннаго Станкевичу было недостаточно. Онъ мучился и волновался, и его другъ, товарищъ и конфидентъ, молодой поэтъ Красовъ, рѣшился узнать все болѣе точно черезъ Беeровъ же. Тутъ-то Наталья и увидала, что планъ ея дѣйствительно можетъ осуществиться, не выдержала до конца своей роли и впала въ отчаяніе и даже въ нервное разстройство [2]). Это разстройство Натальи подѣйствовало на Станкевича тѣмъ сильнѣе, что онъ признавалъ себя все же виновнымъ въ причиненныхъ ей му-

---

[1]) Переписка *Станкевича*, стр. 126—129.
[2]) Тамъ же, стр. 129—130.

ченіяхъ, и 27 марта онъ уже пишетъ Невѣрову: «Ты, я думаю, Богъ знаетъ, чего ожидаешь послѣ послѣдняго письма моего? Мнѣ совѣстно—кажется, я въ порывѣ мечтаній, самыхъ несбыточныхъ, неосновательныхъ, напоролъ тебѣ чортъ знаетъ что! Между тѣмъ здѣсь горе болѣе существенное. Боже мой! въ какія тяжкія обстоятельства я запутанъ! Съ Натальей сдѣлалась страшная перемѣна, когда она узнала, что Л. Бакунина можетъ быть любима мною... она сама не знала до сихъ поръ цѣны той жертвы, которую думала принести. Болѣзнь ея возвратилась и всему причиною моя вѣтренность, мой эгоизмъ, моя неделикатность! [1]). Бееры уѣхали... Ты можешь себѣ представить, каково было съ ними прощанье! Натальи я не видѣлъ: она только писала ко мнѣ. Это — святая дѣвушка. Боже! можетъ быть страшное угрызеніе готовится мнѣ на всю жизнь — но Онъ милостивъ! Она же теперь питается тою мыслью, что первое условіе моего счастья есть ея спокойствіе. Что изъ этого всего выйдетъ?»

Понятно, что при такихъ условіяхъ Станкевичъ рѣшается сдѣлать надъ собой усиліе и искоренить въ сердцѣ своемъ образъ Любови Александровны.

По сохранившимся письмамъ нельзя себѣ ясно представить, что увезла въ душѣ своей Любовь Александровна, но можно во всякомъ случаѣ думать, что и она увидѣла вполнѣ ясно, въ какомъ положеніи находится Наталья, тѣмъ болѣе, что Бееры изъ Москвы уѣхали въ Тверь, гдѣ находились въ это время и Бакунины.

Въ письмѣ къ Невѣрову отъ 22 апрѣля Станкевичъ, отвѣчая на запросы друга, еще разъ касается этой исторіи, говоря однако же, что ему больно описывать все это съ исторической подробностью: «довольно знать, что я въ прежнемъ состояніи, хладнокровенъ, забылъ. Если было что-нибудь, такъ только въ возможности!» Однако о непрошенной жертвѣ Натальи онъ тутъ уже говоритъ съ горечью и проніей: «Ей вообразилось, что я былъ бы счастливъ съ Л.; она стала убѣждать ее любить меня. Забавно! Не правда ли? Какъ будто это все равно, что сказать: «поѣдемъ въ собраніе! сдѣлай милость, поѣдемъ!»

---

[1]) Онъ тутъ имѣетъ въ виду, очевидно, развѣдки Красова, о которыхъ мы упомянули выше.

Можетъ быть она и натрубила въ уши Л., такъ что та пофантазировала немножко кое-что, или мнѣ все это показалось». «Наталья — прибавляетъ онъ въ концѣ письма — старается казаться веселою, но это геройство меня мучитъ... дай Богъ ей спокойствія! Мочи нѣтъ! Въ сторону! Богъ милостивъ!»...

Въ іюнѣ онъ пишетъ своему другу: «ты все ждешь чего-нибудь о прежнемъ? Все прошло, промчалось, какъ сонъ. Отрадное видѣніе мелькнуло было на одну минуту — и стремиться къ нему запрещаетъ долгъ... а Наталья такъ великодушна, такъ свята! Жду всего отъ судьбы — трудно выгнать сладостную мысль, которая запала въ душу среди тысячи непріятностей, ее наполнявшихъ. Но теперь это уже не надежда, а мечта. Иногда хотѣлось бы сохранить твердость стоика, иногда такъ хочется счастья; а гдѣ ангелъ, который рѣшитъ меня?» Вотъ тутъ-то онъ и утѣшается перепиской съ Мишелемъ.

По дорогѣ въ деревню онъ заѣзжаетъ въ іюлѣ 1835 года въ Шашкино къ Беерамъ и къ удовольствію своему видитъ, что здоровье Натальи поправилось.

Въ это время другъ Станкевича Ефремовъ гоститъ въ Премухинѣ и входитъ въ близкую дружбу съ пріѣхавшимъ туда же изъ Западнаго края Мишелемъ. Въ октябрѣ онъ собирается туда вторично и соблазняетъ Станкевича поѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Отъ 28 сентября Станкевичъ пишетъ Невѣрову изъ Москвы: «Здоровье мое лучше (послѣ лѣта, проведеннаго въ деревнѣ). Не знаю, что скажетъ Дядьковскій (докторъ), а мы съ Ефремовымъ собираемся около 15-го отправиться — куда ты думаешь? — въ деревню Бакуниныхъ; тамъ именины... Не принимай вида Минервы, не улыбайся, какъ Мефистофель — мы ѣдемъ просто: Ефремовъ, какъ короткій знакомый и другъ дома, а я — какъ человѣкъ, желающій ближе познакомиться съ этимъ почтеннымъ семействомъ»...

Между тѣмъ Ефремовъ заболѣваетъ; безъ него Станкевичъ ѣхать не рѣшается, его одолѣваетъ непривычная ему робость; 13 октября онъ пишетъ Невѣрову: «онъ (Ефремовъ) предстанетъ туда какъ человѣкъ, хорошо знакомый и прожившій у нихъ почти мѣсяцъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и мнѣ ловчѣе будетъ явиться въ домъ подъ сѣнью его. Иначе дико будетъ при-

шельцу въ чужой землѣ, землѣ прекрасной, цвѣтущей, но гдѣ никто не знаетъ его коротко, никто не отзовется душѣ его. Какъ прибавленіе, я все-таки буду имѣть какой-нибудь смыслъ»... Далѣе онъ выражаетъ надежду, что, быть можетъ, вернется оттуда дѣятельнѣе и какую-нибудь потерянную недѣлю вознаградитъ въ три дня. «Тяжело не имѣть — смущенно прибавляетъ онъ — ни одной отрадной мечты за душою»... 14 октября онъ пишетъ: «Сейчасъ отправляюсь къ Ефремову, гдѣ рѣшится судьба моя: to fare, or not to fare?»

Поѣздка, перспектива которой такъ его волновала, наконецъ, состоялась. Но она не принесла Станкевичу счастья, къ которому онъ стремился. 26 октября, уже на возвратномъ пути въ Москву, онъ пишетъ Невѣрову изъ Торжка: «Другъ Генварь (Невѣрова звали Януарій Михайловичъ), вотъ я на возвратномъ пути изъ Премухина. Мы ѣдемъ вмѣстѣ съ Бакуниными въ Тверь, гдѣ я пробуду у нихъ еще одинъ день и потомъ возвращусь въ Москву. Ефремовъ съ нами. Я подружился съ Мишелемъ — чистая и благородная душа. Зная нашу дружбу, онъ хочетъ съ тобою поближе познакомиться и пишетъ къ тебѣ. Можетъ быть въ генварѣ мы вмѣстѣ съ нимъ пріѣдемъ въ Петербургъ. Все семейство вспоминаетъ тебя, и Любовь Александровна находитъ, что ты соединяешь всѣ условія, чтобы быть любиму женщиной съ душой. Можешь представить, съ какимъ чувствомъ я это слушалъ, — точно благодатную вѣсть ангела. Но, добрый другъ мой, я уношу съ собой такую тяжесть на душѣ, отъ которой ничто больше не можетъ спасти меня. Да, мой ангелъ, я похоронилъ свою послѣднюю надежду въ жизни и съ этихъ поръ принадлежу долгу и дружбѣ. Нѣтъ у меня другихъ чувствъ! Я молилъ бури для тоскующаго сердца, но она прошла по немъ съ такой силой, что могла сокрушить его... Я теперь успокоился: — ты знаешь, что такое успокоиться?... Я возвратился въ прежнюю безотрадную жизнь, могу спокойно спать и шутить, могу заниматься, работать, — но уже безъ надежды на человѣческое счастье. Безъ надежды?... Она остается и въ самомъ печальномъ отказѣ, Resignation; но какая надежда!

«Дай мнѣ руку, добрый другъ! я удвою старанія, я постараюсь сдѣлать все, что позволяютъ мои силы... Но молю небо, чтобы оно равно сохранило меня и отъ отчаянія и отъ той

апатіи, которая отравляетъ безнадежную жизнь. Я составилъ планы, которые сообщу тебѣ при свиданіи; надѣюсь, ты будешь въ нихъ участвовать, а до тѣхъ поръ трудись и пиши твоему другу, я дамъ тебѣ отчетъ въ занятіяхъ и чувствахъ... Я очень радъ, что Мишель выбралъ одни занятія со мною. Мы будемъ переписываться очень серьезно на счетъ ихъ. Прощай пока, Христосъ съ тобой».

Въ Твери онъ сдѣлалъ къ этому письму слѣдующую приписку: «Варвара Александровна въ Твери. Я еще не видалъ ее. Она замужемъ и... навѣрное не слишкомъ счастлива. Ефремовъ тебѣ кланяется. Прибавлю еще нѣсколько словъ, чтобы не оставалось пробѣла: мы въ гостиницѣ; сейчасъ ѣздили къ Александру Михайловичу. Мишелю скоро нужно было возвратиться оттуда и онъ пригласилъ меня. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ тамъ ничего было дѣлать. Ефремовъ остался. Мы съ Мишелемъ дома; онъ оканчиваетъ письмо къ тебѣ. Теперь, когда отчаяніе не бушуетъ въ груди моей, я люблю смотрѣть на ея ангельское лицо, хотя не ко мнѣ обращается оно съ своею небесною улыбкой» [1]).

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 4 ноября Станкевичъ свое душевное состояніе характеризуетъ стихотвореніемъ:

Для призраковъ закрылъ я вѣжды,
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда.

По документамъ архива нельзя выяснить съ точностью, что заставило Любовь Александровну такъ обращаться съ Станкевичемъ, что онъ изъ ея обращенія вывелъ для себя самыя мрачныя заключенія.

Въ архивѣ сохранились два небольшихъ письма Любови Александровны Бакуниной къ Н. А. Бееръ отъ 1 и отъ 3 ноября, изъ которыхъ видно, какое сильное впечатлѣніе сдѣлалъ на нее пріѣздъ Станкевича въ Премухино. Она прямо говоритъ въ этихъ письмахъ, что едва справилась со своимъ сердцемъ.

Чѣмъ вызвано было это стремленіе заставить свое сердце молчать и очевидное опасеніе обнаружить его волненіе? Недо-

---

[1]) Это письмо помѣщено въ перепискѣ *Станкевича*, изданной *Анненковымъ*, на стр. 149, но безъ приписки, сдѣланной въ Твери. Въ новомъ изданіи 1914 г. оно напечатано полностью на стр. 334—335.

вѣріемъ ли къ Станкевичу, которое могло явиться подъ вліяніемъ разсказовъ сестеръ Бееръ, вѣроятно, въ очень субъективномъ освѣщеніи, всей исторіи романа Станкевича съ Натальей Андреевной? Сомнѣніемъ ли въ своемъ правѣ воспользоваться великодушіемъ своей подруги, причемъ Любовь Александровна могла, конечно, замѣтить, чего это великодушіе ей стоило? Просто ли робостью и неувѣренностью въ себѣ?—Я не берусь сказать, но какъ бы то ни было, очевидно, искусственная холодность Любови Александровны была истолкована Станкевичемъ и на этотъ разъ въ томъ смыслѣ, что ему трудно надѣяться на взаимность съ ея стороны.

Во всякомъ случаѣ посѣщеніе Станкевичемъ Премухина не приблизило развязки его романа и имѣло единственнымъ результатомъ его сближеніе съ Михаиломъ Бакунинымъ, который съ этихъ поръ становится его близкимъ другомъ и дѣятельнымъ членомъ его кружка.

ГЛАВА IX.

Кружокъ Станкевича.—Воспитаніе и настроеніе русской интеллигенціи въ первой четверти XIX вѣка.—Положеніе и настроеніе интеллигенціи послѣ расправы съ декабристами.—Развитіе шеллингіанства въ Россіи до начала 30-хъ годовъ.—Любомудры.—„Мнемозина“ и ея боевой характеръ.—Значеніе событія 14 декабря 1825 г. въ исторіи русской мысли и литературы.—*Московскій Вѣстникъ* и его отношеніе къ любомудрамъ. Ив. В. Кирѣевскій и „Европеецъ“.—М. Г. Павловъ въ московскомъ университетѣ.—Н. И. Надеждинъ.—Вліяніе Павлова, Надеждина и любомудровъ 20-хъ годовъ на Станкевича и его товарищей.

О кружкѣ Станкевича мы имѣемъ теперь довольно значительную литературу, но все же намъ необходимо для связи отдѣльныхъ фактовъ въ нашемъ изслѣдованіи и для болѣе отчетливаго выясненія ихъ истиннаго значенія привести здѣсь общія данныя по исторіи этого замѣчательнаго кружка, изложить свой взглядъ на нѣкоторыя стороны этой исторіи и нѣсколько остановиться на ходѣ внутренняго развитія самого Станкевича [1]).

---

[1]) Приводимъ библіографію важнѣйшихъ печатныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся къ исторіи кружка Станкевича: 1) „Николай Владиміровичъ Станкевичъ, переписка его и біографія, составленная *П. В. Анненковымъ*“. М., 1857 г. Въ нынѣшнемъ 1914 году выходитъ второе, гораздо болѣе полное изданіе переписки Н. В. Станкевича подъ ред. племянника его А. И. Станкевича. 2) Сочиненія *Н. В. Станкевича*. М., 1890 г. 3) *А. И. Герценъ*: „Былое и Думы“. Ч. II (въ VII т. заграничнаго изданія, стр. 118 и слѣд.; въ русск. павленковскомъ изд. 1905 г., т. II, стр. 309 и слѣд.). 4) *Анненковъ*: „Замѣчательное десятилѣтіе (1838—1848)“ (въ „Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ“, отд. III, стр. 1—224). 5) *Его же*: „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“ (въ книгѣ „П. В. Анненковъ и его друзья“, стр. 1—110, Спб., 1892 г.). 6) *И. И. Лажечниковъ*: „Замѣтки для біографіи Бѣлинскаго“ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, за 1859 г., № 17 (перепечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, 1859 г. № 134). Срав. также №№ 26, 30, 32, 44 и 49 *Московскаго Вѣстника* за 1859 г. и *Московскихъ Вѣдомостей* № 202—полемика по поводу этихъ „замѣтокъ“. 7) *П. Прозоровъ:* „Бѣлинскій и московскій университетъ въ его время. Изъ студ. восп.“ въ *Библіотекѣ для чтенія* за 1859 г., кн. 12.

Прежде всего намъ необходимо установить мѣсто этого кружка въ общемъ ходѣ развитія русской интеллигенціи въ XIX вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи А. И. Герценъ первый далъ намъ руководящую нить въ своихъ воспоминаніяхъ. «Тридцать лѣтъ тому назадъ,—писалъ онъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,— Россія *будущаго* существовала исключительно между нѣсколь-

---

8) ***А. Н. Пыпинъ***: „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50-хъ годовъ". Спб., 1890 г. 9) ***Его же***: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". 2 т. Спб., 1876 г.; то же изд. 2-ое. 10) „Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго", подъ редакціей *С. А. Венгерова*, т. I—IV, Спб., 1900—1901. 11) ***П. Н. Милюковъ***: „Изъ исторіи русской интеллигенціи". Спб., 1902 г. 12) ***Его же***: „Главныя теченія русской исторической мысли". Т. I, М., 1897 г. (стр. 201—306). 13) ***М. Гершензонъ***: „Исторія молодой Россіи". М., 1908 г. 14) ***М. М. Филипповъ***: „Судьбы русской философіи", въ *Русскомъ Богатствѣ* за 1894 г., №№ 1, 3, 4, 8 и 9. 15) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*: „Матеріалисты 20-хъ гг." въ ***Быломъ*** за 1906 г., № 7, и въ книгѣ „Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в." (стр. 239—288). Спб., 1910 г. 16) ***Р. В. Ивановъ:*** „Исторія русской общественной мысли". Т. I (стр. 242 и слѣд.). 17) ***Его же***: „Общественныя и умственныя теченія 30-хъ гг." въ „Ист. Рус. Лит. XIX в." подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, т. I, стр. 247—275. 18) ***Н. Колюпановъ***: „Біографія А. И. Кошелева". Т. I—III, М., 1889 г., особенно т. II, ч. I и II. 19) Сочиненія *И. В. Кирѣевскаго*, 1-е изданіе (Кошелева). М., 1861 г., 2-е (Гершензона). М., 1910 г. 20) *П. Н. Сакулинъ*: „Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій". Т. I двѣ части М., 1913. 21) ***Н. И. Надеждинъ***: „Автобіографія" съ предисловіемъ и послѣсловіемъ Савельева въ ***Русскомъ Вѣстникѣ***, 1856 г., № 5. 22) *М. К. Лемке*: „Чаадаевъ и Надеждинъ", въ сборникѣ „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.". Стр. 361—467. 23) *Н. П. Барсуковъ*: „Жизнь и труды М. П. Погодина". Т. I—IV, М., 1888—1891. 24) „Изъ бумагъ *кн. В. Ф. Одоевскаго*", въ ***Русскомъ Архивѣ***, за 1875 г., стр. 339—342. 25) Статьи г. *А.* въ ***Русскомъ Вѣстникѣ*** за 1874 г. (№ 8) и за 1875 г. (№ 1) по поводу статей Пыпина о Бѣлинскомъ въ ***Вѣстникѣ Европы***. 26) „Бѣлинскій. Письма". Три тома. Ред. и примѣч. ***Е. А. Ляцкаго***. Спб. 1914. 28) Сочиненія *Бѣлинскаго*, изд. Солдатенкова, т. XII, статьи о Кольцовѣ, Кронебергѣ и Полевомъ. 29) Полное собраніе сочиненій ***А. В. Кольцова***, изд. Академіи Наукъ „А. В. Кольцовъ (біографическій очеркъ)", изд. 1-е—1909 г., изд. 3-е—1911 г. 30) *К. С. Аксаковъ*: „Воспоминанія студентства" (1832—1835 гг.). ***День***, за 1862 г., №№ 39 и 40; въ 1911 г. изданы отдѣльной брошюрой. 31) Письма ***Бѣлинскаго*** къ К. Аксакову съ предисловіемъ Ив. С. Аксакова, въ „Руси" за 1881 г. № 8. 32) Различныя стихотворенія ***Эврипидина*** (К. С. Аксакова) въ *Телескопѣ* за 1835 и 1836 гг. съ примѣчаніями Бѣлинскаго (перепечатаны въ Полн. собр. сочин. Бѣлинскаго, подъ редакціей Венгерова, т. II). 33) Повѣсть—*кс.*—(К. С. Аксакова) „Жизнь въ Мечтѣ" въ *Телескопѣ* за 1836 г., т. XXXIII, стр. 169—209 (имѣетъ автобіографическое значеніе). 34) Стихотворенія ***Кольцова*** и ***Красова*** въ

кими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства, до того ничтожными и незамѣтными, что имъ было достаточно мѣста между ступней самодержавныхъ ботфортъ и землей—а въ нихъ было наслѣдіе 14 декабря, наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто родной Руси. Новая жизнь эта прозябала, какъ трава, пытающаяся расти на губахъ непростывшаго кратера [1])...» Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда эти мальчики выросли и превратились въ юношей, изъ нихъ образовались въ московскомъ университетѣ два замѣчательныхъ студенческихъ кружка, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли самые вліятельные руководители русской общественной мысли и литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Это были кружки Герцена и его друзей, съ одной стороны, Станкевича — съ другой. «...Между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича — писалъ Герценъ въ

Телескопъ за 1835 г., т. XXVII—XXX, *Клюшникова*, подпис. буквой—ѳ,—въ *Моск. Наблюд.* за 1838—39 гг. 35) *Н. Л. Бродскій* „Поэты кружка Станкевича". Въ извѣст. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XVII кн. 4-ая Спб. 1912. 36) Переводы статей (съ нѣмецк. и франц.), сдѣланные членами кружка Станкевича въ *Телескопѣ* за 1835 г.: въ т. XXVI „Лютеръ на Вормскомъ сеймѣ" (приписывается Станкевичу); въ т. XXVIII, стр. 3, 145 и 256, *Вильма* „Опытъ о философіи Гегеля" (неконченный) Станкевича; въ т. XXIX (стр. 1—49) Фихте „О назначеніи ученыхъ"—М. А. Бакунина (переведены первыя четыре лекціи). 37) Некрологъ *Боткина*, написанный *Анненковымъ*, въ кн. „П. В. Анненковъ и его друзья", стр. 577. 38) Некрологи *В. П. Боткина*; въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1869 г., № 227, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, за 1869 г., № 282. 39) Сочиненія *В. П. Боткина*. Спб., 1891 г. 40) „Тимоѳей Николаевичъ Грановскій и его переписка". Т. II (біограф. очеркъ составленъ *А. В. Станкевичемъ*), изд. 2-е. М., 1897 г. 41) Сочиненія *Т. Н. Грановскаго*. М., 1892 г. 41) *С. Невѣдѣнскій*: „Катковъ и его время". Спб., 1888 г. 43) Сочиненія *И. С. Тургенева*: въ т. X—„Литературныя и житейскія воспоминанія", въ т. I—„Гамлетъ Щигровскаго уѣзда", въ т. IV—„Рудинъ". 44) „Одно изъ раннихъ писемъ Тургенева" Русск. М. за 1912 г. кн. 12 и *Л. Н. Майковъ* „Воспоминанія Тургенева о Станкевичѣ" Вѣст. Евр. за 1899 г. № 1. 45) Сочиненія *Ю. Ф. Самарина*, т. V. „Данныя для біографіи Ю. Ф. Самарина", составленныя Д. Ф. Самаринымъ, стр. XXXV—XCII 46) *Я. М. Невѣровъ*. „Воспоминанія" Русск. Стар. за 1883 г. №№ 10 и 11. 47) *Н. Замотинъ*: „Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ гг. XIX столѣтія". Спб., 1908 г. 48) *Е. Бобровъ*: „Изъ исторіи литературы XVIII и XIX ст.", Изв. II отд. Акад. наукъ, 1907 г., т. XII, кн. 2. 49) *Н. Козьминъ*: „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. Н. А. Полевой какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи". Спб., 1903 г.

[1]) Сочиненія Герцена, заграничное изданіе, т. VII, стр. 143. („Былое и Думы").

тѣхъ же воспоминаніяхъ—не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительное политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами и французами, мы ихъ—сентименталистами и нѣмцами». [1])...

Антагонизмъ, который указалъ въ этихъ строкахъ Герценъ, существовалъ въ дѣйствительности. Онъ образовался въ сущности нѣсколько раньше и имѣлъ въ исторіи русской мысли большое значеніе. Изъ тѣхъ двухъ руслъ, по которымъ притекало въ Россію вліяніе европейской мысли,—*французскаго*, матеріалистическаго и въ то же время по преимуществу политическаго, имѣвшаго прямую связь съ доктринами французской философіи XVIII вѣка и идеями великой революціи, и ***нѣмецкаго***, идеалистическаго, исходившаго изъ началъ послѣкантовской критической философіи,—вплоть до 14 декабря 1825 года имѣло огромное, подавляющее преобладаніе первое. Среди членовъ тайныхъ политическихъ обществъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, изъ которыхъ вышли впослѣдствіи декабристы и къ которымъ принадлежалъ весь цвѣтъ русской интеллигентной молодежи этого времени,—считая въ томъ числѣ и Пушкина, и Грибоѣдова, и даже Чаадаева въ первую эпоху его развитія,—господство соціальныхъ и политическихъ интересовъ надъ интересами этическими, философскими и религіозными было распространено не только между воспитанниками французскихъ эмигрантовъ и содержавшихся ими пансіоновъ, но *даже между воспитанниками геттингенскаго университета*, такими, какъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, умственные интересы котораго были всецѣло захвачены изученіемъ исторіи, юриспруденціи и въ особенности политической экономіи и финансовъ. [2]) Среди этой молодежи одинъ только Виль-

---

[1]) Тамъ же, стр. 120.

[2]) Въ настоящее время это легко установить благодаря переданному въ академію наукъ превосходно сохранившемуся архиву Тургеневыхъ. Первый и третій выпуски матеріаловъ архива, заключающіе въ себѣ „Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1816 гг.“ (въ томъ числѣ и за годы пребыванія его въ Геттингенѣ—1808—1811), уже изданы академіей. По дневникамъ, здѣсь напечатаннымъ, можно удобно прослѣдить весь кругъ чтенія молодого Тургенева до поѣздки его въ Геттингенъ и въ Геттингенѣ, причемъ совершенно выясняется, что за все это время, какъ и по окончаніи геттингенскаго университета, при очень усердномъ чтеніи серьезныхъ книгъ политическаго, эко-

гельмъ Кюхельбекеръ является отчасти, и то, впрочемъ, лишь съ начала 20-хъ годовъ, представителемъ противоположныхъ нѣмецкихъ взглядовъ и носителемъ идей кантовской и послѣ-кантовской философіи и основанной на ней эстетики. [1]) Но на ряду съ этимъ господствовавшимъ въ образованномъ обществѣ того времени теченіемъ, въ другомъ болѣе тѣсномъ общественномъ кругу начинаетъ пробиваться, на первыхъ порахъ, правда,

номическаго и историческаго содержанія, онъ не только не прочелъ ни одной книги по философіи, но даже въ дневникахъ и письмахъ своихъ ни разу не употребилъ имени ни одного изъ знаменитыхъ германскихъ философовъ. Хотя онъ слушалъ въ Геттингенѣ лекціи Бутервека по эстетикѣ и хотя Бутервекъ ему и понравился, но и это не вызвало въ немъ охоты знакомиться съ нѣмецкой философіей. Дневники Тургенева за болѣе поздніе годы, еще не изданные, просмотрѣлъ *В. И. Семевскій* и далъ о нихъ краткій отчетъ въ книгѣ своей „Политическія и общественныя идеи декабристовъ", стр. 205, 210 и слѣд., причемъ извлеченныя имъ данныя вполнѣ подтверждаютъ полное отсутствіе у Тургенева интереса къ нѣмецкой философіи. Срав. также *г. Вишницера*: „Геттингенскіе годы Н. И. Тургенева", „Минувшіе годы" за 1808 г., №№ 5—6, гдѣ данъ обстоятельный очеркъ и самого геттингенскаго университета за время пребыванія въ немъ Тургенева.

[1]) Въ сущности, впрочемъ, и *Кюхельбекеръ* проникся не столько идеями философіи Канта и Шеллинга, сколько связанными съ этой философіей эстетическими теоріями, исключавшими прежніе эстетическіе взгляды его, заимствованные у французскихъ писателей XVIII в., такихъ, какъ Буало и Лагарпъ. Срав. статью *Н. П. Павлова-Сильванскаго*: „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ" въ *Быломъ* за 1907 г., № 7 и въ „Очеркахъ по русской исторіи XVIII—XIX в.", стр. 244, гдѣ приведено собственное показаніе Кюхельбекера, а также въ *Колюпановской* „Біографіи А. И. Кошелева", т. I, ч. II, стр. 23 и слѣд., 81 и слѣд. и въ статьяхъ академика *Н. А. Котляревскаго* о Кюхельбекерѣ въ *Русскомъ Богатствѣ* за 1901 г., № 3, стр. 122. *В. И. Семевскій* въ названномъ сочиненіи (стр. 216—219) указываетъ на прикосновенность къ нѣмецкой философіи еще нѣкоторыхъ декабристовъ, напримѣръ, С. М. Семенова, который, по свидѣтельству Д. Н. Свербеева, „глубоко изучилъ энциклопедистовъ XVIII в., а также и нѣмецкихъ философовъ, начиная съ Канта, всею душою преданъ былъ энциклопедистамъ, но въ то же время любимыми его писателями были Спиноза и Гоббсъ". Однако такое сопоставленіе именъ уже дѣлаетъ нѣсколько сомнительною точность указаній Свербеева и во всякомъ случаѣ заставляетъ предположить, что Семеновъ, если и изучалъ нѣмецкую философію, то скорѣе до-кантовскую, а никакъ не послѣ-кантовскую. Другой декабристъ, не чуждый новѣйшей германской философіи и, именно, шеллингіанской—кн. Евг. Пет. Оболенскій (Семевскій, стр. 219) слушалъ въ Петербургѣ лекціи профессора Галича, вѣроятно, послѣ вынужденной отставки послѣдняго изъ университета (срав. „Біографію А. И. Галича", составл. А. В. Никитенкомъ, Спб., 1869 г.). Но не видно, чтобы и на Оболенскаго это знакомство съ но-

незамѣтно и робко, и второе, идеалистическое, теченіе, главнымъ образомъ въ формѣ шеллингіанской философіи.

Первые ученые представители этого теченія явились въ Петербургѣ въ лицѣ профессоровъ Д. М. Велланскаго и А. И. Галича, изъ которыхъ Велланскій началъ свою дѣятельность въ первомъ, а Галичъ въ началѣ второго десятилѣтія XIX вѣка. Однако въ Петербургѣ это теченіе не привилось и не пустило корней. Этому помѣшало, съ одной стороны, прочно укоренившееся въ петербургскомъ обществѣ преобладаніе французскихъ философскихъ и политическихъ началъ, а съ другой—то безсмысленное, но свирѣпое преслѣдованіе, которому подвергся въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ молодой петербургскій университетъ со стороны слѣпой правительственной реакціи, при чемъ именно Галичъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ объектовъ этого гоненія [1]).

вѣйшей германской философіей имѣло большое вліяніе. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Шеллингѣ, благодаря своему двоюродному брату В. Ѳ. Одоевскому, имѣлъ повидимому кн. А. И. Одоевскій. (Срав. *П. Н. Сакулина* „Князь В. Ѳ. Одоевскій, т. I. ч. I“. Наконецъ, мнѣ лично пришлось видѣть неизданныя письма Алекс. Ник. Муравьева, изъ которыхъ видно, что онъ занимался въ 1813 г., временно проживая въ Москвѣ между двумя кампаніями, между прочимъ и нѣмецкими метафизиками, но, повидимому, онъ ограничился, главнымъ образомъ, ознакомленіемъ съ изложеніемъ философіи Вольфа.

Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что вопросъ о томъ, что читали декабристы и другіе образованные люди ихъ поколѣнія, пока еще недостаточно полно разработанъ въ нашей исторической литературѣ. Сверхъ названныхъ выше работъ В. И. Семевскаго и Н. П. Павлова-Сильванскаго и издаваемыхъ теперь академіей наукъ дневниковъ и переписки Н. И. Тургенева имѣетъ въ этомъ отношеніи большое значеніе еще другое академическое изданіе „Пушкинъ, и его современники“, гдѣ между прочимъ (во II выпускѣ) опубликованъ любопытный каталогъ библіотеки с. Тригорскаго, изслѣдованной Б. Л. Модзалевскимъ, а въ выпускахъ IX—X каталогъ библіотеки самого Пушкина. Такой же каталогъ, также весьма любопытный, сохранился у кн. Д. И. Шаховского по библіотекѣ его дѣда—декабриста кн. Ѳ. П. Шаховского, до сихъ поръ не опубликованный. Можетъ быть, сохранились въ частныхъ архивахъ и другіе подобные каталоги. Опубликованіе ихъ или, по крайней мѣрѣ, обнаруженіе было бы крайне желательно.

[1]) О роли профессора Д. М. Велланскаго см. статью ***М. М. Филиппова*** въ ***Русскомъ Богатствѣ*** за 1894 г., „Судьбы русской философіи“ (особенно № 3, стр. 131); также ***Колюпанова***, н. с. т. I, стр. 440—463. О Галичѣ см. тамъ же и кромѣ того обстоятельную біографію его, составленную *А. В. Никитенкомъ*: „Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета“. Спб., 1869 г.

Въ Москвѣ шеллингіанское теченіе проявилось на нѣсколько лѣтъ позднѣе, но зато здѣсь оно укоренилось гораздо прочнѣе. Здѣсь главнымъ провозвѣстникомъ шеллингіанской философіи явился въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ молодой профессоръ московскаго университета М. Г. Павловъ, увлекшій за собой довольно талантливаго, но неустойчиваго старшаго товарища своего И. И. Давыдова, до тѣхъ поръ придерживавшагося въ своихъ чтеніяхъ по исторіи и теоріи словесности идей Локка и Кондильяка, заимствованныхъ имъ, можетъ быть, изъ Лагарпова «Лицея» [1]). Вскорѣ изъ учениковъ Павлова и Давыдова образовалась небольшая школа юныхъ приверженцевъ шеллингіанской философіи, поставившихъ себѣ уже опредѣленную боевую задачу—вытѣснить изъ русской литературы и жизни вредное, по ихъ мнѣнію, вліяніе французскихъ философовъ-матеріалистовъ и замѣнить его вліяніемъ германской идеалистической философіи. Во главѣ этого кружка стали люди совершенно юные, родившіеся въ первыхъ годахъ XIX вѣка. Это были Дм. Влад. Веневитиновъ и кн. Влад. Ѳед. Одоевскій, съ товарищами своими по службѣ въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ: И. В. Кирѣевскимъ, Ѳ. С. Хомяковымъ, А. В. Веневитиновымъ, А. И. Кошелевымъ, В. П. Титовымъ, С. П. Шевыревымъ, И. С. Мальцевымъ и др. Члены этого юнаго кружка именовали себя въ отличіе отъ французскихъ философовъ *«любомудрами»*, и уже въ 1823 г. задумали издавать періодическое изданіе, посвященное борьбѣ съ французскимъ матеріализмомъ и пропагандѣ германскаго идеализма. Въ 1824 г. это намѣреніе осуществилось въ видѣ выходившаго разъ въ 3 мѣсяца сборника *Мнемозина*, издававшагося въ теченіе года подъ редакціей кн. Влад. Одоевскаго и Вильгельма Кюхельбекера, при участіи и самаго наставника юныхъ любомудровъ проф. М. Г. Павлова, помѣстившаго въ первомъ же выпускѣ этого сборника статью «о способахъ изслѣдованія природы», подписанную двумя греческими литерами π. π., въ

---

[1]) Объ И. И. Давыдовѣ см. въ вышеуказанныхъ статьяхъ *М. М. Филиппова*: „Судьбы русской философіи“ въ *Русскомъ Богатствѣ* за 1894 г., № 8 и *Н. П. Павлова-Сильванскаго*: „Очерки по русской исторіи XVIII и XIX в.“, стр. 242, а также въ н. с. *П. Н. Сакулина*, т. I., часть 1. О „Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne“ par L. F. La Harpe, см. въ главѣ VI настоящаго изслѣдованія.

которой онъ съ отличавшей его ясностью излагалъ весьма изящнымъ для того времени слогомъ преимущества умозрительнаго метода изслѣдованія природы надъ эмпирическимъ.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на странный, повидимому, фактъ, что первыми провозвѣстниками германскаго идеализма въ Россіи явились въ Петербургѣ профессоръ *физіологіи* Велланскій, въ Москвѣ профессоръ *физики и минералогіи* Павловъ. Въ этомъ фактѣ однако по существу не было ничего удивительнаго, ибо самой важной и производившей наибольшее впечатлѣніе на современниковъ частью монистическо-идеалистической философіи Шеллинга была его теорія познанія, которая стремилась свести къ единству познающій духъ и внѣшнюю природу. Шеллингъ стремился примирить въ своей теоріи познанія объективность существованія природы съ возможностью умозрительнаго ея изученія. Отсюда произошла его система натурфилософіи, которая имѣла тѣмъ большее вліяніе на тогдашнихъ натуралистовъ, что являлась первой попыткой универсальныхъ обобщеній въ области естествознанія, гдѣ до тѣхъ поръ преобладали лишь разрозненныя дисциплины, построенныя на опытѣ и наблюденіи и не связанныя между собой никакой руководящей и обобщающей мыслью. Между тѣмъ потребность въ такомъ обобщеніи становилась все глубже благодаря великимъ открытіямъ Ньютона, Торичелли, Лавуазье, Гальвани, Франклина и другихъ великихъ естествоиспытателей новаго времени. Понятно поэтому, что ученіе Шеллинга, дававшее именно такую попытку, излагавшееся притомъ въ необыкновенно стройныхъ и увлекательныхъ формахъ и сулившее человѣческому уму всеобъемлющую власть надъ міромъ, увлекало современныхъ естествоиспытателей наравнѣ съ историками и поэтами того времени и совершенно заслонило ученіе великаго предшественника Шеллинга — Канта [1]).

Органъ молодыхъ любомудровъ *Мнемозина* основанъ былъ

---

[1]) Недаромъ одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ молодыхъ любомудровъ И. В. Кирѣевскій, еще до поѣздки своей за границу, писалъ въ 1828 г. другу своему Кошелеву, что читатели Канта относятся къ читателямъ Шеллинга, какъ 5 къ 5000, имѣя при этомъ въ виду, конечно, не малочисленныхъ русскихъ интеллигентовъ того времени, но читателей всего міра. Срав. сочиненія ***Ив. Вас. Кирѣевскаго***, изд. Кошелева, 1861 г., т. I, стр. 15, изд. Гершензона, 1911 г., т. I, стр. 12.

почти наканунѣ декабрьскаго возстанія 1825 года. Онъ повелъ свою линію съ большимъ воодушевленіемъ и задоромъ, и хотя число его подписчиковъ не доходило и до 200, однако-жъ онъ, быть можетъ, завоевалъ бы мало-по-малу извѣстную сферу вліянія, если бы не случилось 14 декабря 1825 года. Въ результатѣ этого рокового событія срѣзанъ былъ, какъ извѣстно, почти весь цвѣтъ русской интеллигенціи и именно того преобладавшаго въ тотъ моментъ направленія, которое напитано было идеями французскихъ философскихъ и политическихъ доктринъ. Противники, съ которыми собирались вести войну московскіе любомудры, оказались въ крѣпости и затѣмъ многіе изъ нихъ на каторгѣ и на поселеніи въ Сибири, а нѣкоторые, какъ извѣстно, поплатились и своей головой. Вести идейную борьбу съ людьми, подвергшимися только что разгрому со стороны грубой торжествующей силы, было разумѣется невозможно. Къ тому же боевое политическое настроеніе, охватившее тогда почти все мыслящее русское общество, захватило на короткій моментъ и самихъ любомудровъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одинъ изъ редакторовъ *Мнемозины* Кюхельбекеръ въ рѣшительный моментъ оказался въ Петербургѣ, присоединился къ своимъ прежнимъ друзьямъ и вышелъ на площадь съ оружіемъ въ рукахъ. Членъ кружка любомудровъ Кошелевъ описываетъ въ своихъ «Запискахъ» то горячее, хотя и неопредѣленное возбужденіе, въ которомъ были тогда и другіе любомудры, находившіеся въ Москвѣ [1]).

Мнемозина, прекратившаяся въ 1825 г. за недостаткомъ средствъ, уже не возобновлялась, а журналы засѣданій кружка любомудровъ были ими торжественно сожжены. Правда, въ 1826 г. членами того же кружка основанъ былъ въ Москвѣ новый журналъ *Московскій Вѣстникъ*, но кружокъ, какъ сплоченная группа, имѣвшая опредѣленныя боевыя общественныя и литературныя цѣли, несмотря на это, все же распался. Стоявшіе во главѣ его люди—Веневитиновъ и Одоевскій—вскорѣ переѣхали въ Петербургъ, и тамъ Веневитиновъ—самый вдохновенный и наиболѣе одаренный членъ этой группы—

---

[1]) „Записки“ *А. И. Кошелева*, Берлинъ, 1884 г., стр. 12. Срав. *Колюпанова* „Біографія А. И. Кошелева“, II, ч. I, стр. 75. Тамъ же объ участіи Кюхельбекера въ возстаніи 14 дек. 1825 г., стр. 84.

черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ 22 лѣтъ отъ роду. Другой еще болѣе юный его товарищъ Ив. Вас. Кирѣевскій, еще не выступавшій на литературное поприще, уѣхалъ въ деревню и тамъ сталъ дѣятельно готовиться къ будущей литературной и общественной дѣятельности. Въ 1830 г. онъ отправился почти одновременно съ братомъ своимъ Петромъ доучиваться за границу, успѣвъ уже проявить крупный критическій талантъ и самостоятельные литературные взгляды въ «Обозрѣніи русской литературы за 1829 г.», напечатанномъ въ альманахѣ проф. М. А. Максимовича *Денница* [1]). Проф. Павловъ попытался въ 1828 г. создать собственный литературный органъ *Атеней*, который просуществовалъ однако всего 2 года и закрылся, такъ какъ редакторъ его, несмотря на свою образованность и наличность популяризаторскаго таланта, не имѣлъ способностей публициста и руководителя журнала.

Московскій Вѣстникъ, основанный любомудрами, не былъ ихъ органомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, ибо съ самаго же начала, за отъѣздомъ главнѣйшихъ членовъ кружка изъ Москвы, во главѣ журнала пришлось поставить человѣка, лишь внѣшнимъ образомъ съ ними соприкасавшагося—молодого профессора Погодина, чуждаго въ сущности и шеллингіанства, и философіи вообще. Приданный ему въ соредакторы одинъ изъ бывшихъ «архивныхъ юношей», Шевыревъ, оказался также для этой роли совсѣмъ неподготовленнымъ и къ тому же въ свою очередь скоро уѣхалъ за границу. Тѣмъ не менѣе вначалѣ, при жизни Веневитинова, успѣвшаго привлечь къ участію въ журналѣ и Пушкина, *Московскому Вѣстнику* предстояла, казалось, выдающаяся и блестящая роль въ русской литературѣ; но скоро Погодинъ обнаружилъ въ достаточной мѣрѣ свою неподготовленность и безтактность; члены редакціи, жившіе въ Петербургѣ, послѣ неоднократныхъ заявленій порицанія его дѣйствіямъ, стали относиться къ журалу равнодушно и въ 1828 году формально заявили Погодину о своемъ устраненіи отъ всякой отвѣтственности за направленіе *Московскаго Вѣстника*. Въ 1829 и 1830 гг. онъ влачилъ довольно печальное существованіе и, наконецъ, къ 1831 г. закрылся.

---

[1]) Сочиненія *Кирѣевскаго*. 1-е изд. (Кошелевское), т. I, стр. 19, 2-е изд. (Гершензона), т. II, стр. 14.

не будучи въ состоянiи выдержать состязанiя съ бойкимъ и искусно управляемымъ журналомъ Н. А. Полевого *Московскимъ Телеграфомъ*, проповѣдывавшемъ, насколько это было въ то время возможно, идеи, завѣщанныя великой французской революцiей и декабристами.

Вернувшись изъ-за границы, И. В. Кирѣевскiй сдѣлалъ попытку поднять знамя, оставленное его товарищами любомудрами, и основалъ въ 1832 г. новый журналъ *Европеецъ*, которому предстояло, судя по первымъ двумъ книжкамъ этого журнала, сдѣлаться не только продолжателемъ направленiя, начатаго издателями *Мнемозины*, но и сыграть въ развитiи русской литературы блестящимъ образомъ ту роль, которую не сумѣлъ сыграть погодинскiй *Московскiй Вѣстникъ*. Самъ Кирѣевскiй взялся за это дѣло послѣ основательной къ нему подготовки и лично обладая всѣми необходимыми данными для вождя опредѣленнаго литературнаго и философскаго направленiя. Послѣ Д. В. Веневитинова онъ былъ, конечно, наиболѣе одареннымъ изъ членовъ этой группы и обладалъ въ высшей мѣрѣ тою философской подготовкой, которой такъ недоставало Погодину. Первое знакомство съ германской идеалистической философiей Кирѣевскiй получилъ еще ранѣе присоединенiя своего къ кружку любомудровъ въ своей семьѣ отъ отчима своего А. А. Елагина, который представлялъ собой рѣдкiй, почти исключительный примѣръ образованнаго русскаго офицера, вывезшаго изъ заграничныхъ походовъ 1813—1815 гг. не увлеченiе новѣйшими политическими и экономическими теорiями, а нѣкоторое знакомство съ Кантовской философiей. Вскорѣ (съ 1819 г.) онъ перешелъ, при помощи приватныхъ лекцiй Велланскаго, отъ Канта къ Шеллингу и свое влеченiе къ нѣмецкой философiи успѣлъ передать и пасынкамъ своимъ, Кирѣевскимъ. Такимъ образомъ, зародившiйся еще дома интересъ къ отвлеченному мышленiю, развитый затѣмъ въ кружкѣ молодыхъ любомудровъ, превратился мало-по-малу у Кирѣевскаго въ основательное знакомство съ германскими философскими системами, завершившееся во время заграничнаго путешествiя личными связями съ Гегелемъ и молодыми гегельянцами въ Берлинѣ и затѣмъ съ Шеллингомъ въ Мюнхенѣ. При этомъ Кирѣевскiй не сдѣлался гегельянцемъ, хотя и одолѣлъ «Энциклопедiю» Гегеля послѣ личнаго съ нимъ знаком-

ства. Онъ стремился образовать свое собственное міровоззрѣніе, болѣе близкое къ Шеллингу, нежели къ Гегелю. Замѣчательныя статьи, помѣщенныя имъ въ первыхъ двухъ книжкахъ *Европейца*, обнаруживали въ немъ выдающійся и вполнѣ зрѣлый литературный талантъ, а умѣлый подборъ другихъ статей и дружеское отношеніе къ Кирѣевскому лучшихъ тогдашнихъ русскихъ писателей съ Жуковскимъ и Пушкинымъ во главѣ давали, казалось, полное основаніе дѣлать *Европейцу* самыя блестящія предсказанія. Но правительство сразу же обнаружило чрезвычайно подозрительное и враждебное отношеніе къ новому органу повременной печати, и онъ былъ прекращенъ на второй книжкѣ. Не помогло ни смѣлое заступничество Жуковскаго, ни остроумно составленная при помощи Чаадаева оправдательная записка, посланная Бенкендорфу. Кирѣевскій въ полномъ унынiи уѣхалъ въ деревню и надолго отказался отъ всякой литературной дѣятельности. Такъ кончилась эта послѣдняя попытка, сдѣланная однимъ изъ самыхъ талантливыхъ членовъ московскаго кружка любомудровъ двадцатыхъ годовъ.

Гораздо спокойнѣе и безъ такихъ возмутительныхъ помѣхъ развивалась въ началѣ 30-хъ годовъ проповѣдь шеллингіанства въ московскомъ университетѣ. Здѣсь къ Павлову, преподававшему физику, а впослѣдствіи минералогію и теорію сельскаго хозяйства, присоединился въ 1830 г. молодой профессоръ словеснаго факультета Н. И. Надеждинъ. Павловъ стоялъ, по выраженію Герцена, «въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія» и останавливалъ вступавшаго въ университетъ студента вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа и что такое знать?» Въ отвѣтъ на эти вопросы онъ излагалъ «съ пластическою ясностью» шеллингіанскую теорію познанія. На ту же тему онъ продолжалъ печатать статьи въ своемъ *Атенеѣ*, а затѣмъ, по его закрытіи, въ *Телескопѣ* Надеждина. Надеждинъ читалъ на словесномъ факультетѣ сперва теорію изящныхъ искусствъ (въ 1832 г.), потомъ исторію искусствъ по памятникамъ (1833 г.), и, наконецъ, логику (1834 г.). Лекціи его производили на студентовъ съ самаго начала огромное впечатлѣніе. Онѣ являлись прямымъ отвѣтомъ на вопросы, интересъ къ которымъ возбужденъ былъ среди молодежи и лекціями Павлова, и литературными выступленіями любомуд-

ровъ двадцатыхъ годовъ. Объ энтузіазмѣ, съ которымъ относились къ этимъ лекціямъ Надеждина, особенно въ самомъ началѣ его профессорской карьеры, студенты, мы имѣемъ живыя свидѣтельства самихъ слушателей Надеждина — такихъ, какъ Прозоровъ, Гончаровъ и К. Аксаковъ, который хотя и даетъ отзывъ гораздо болѣе умѣренный, нежели два предшествующіе, но зато сообщаетъ весьма важный фактъ, что Станкевичъ, бывшій въ числѣ первыхъ слушателей Надеждина, говоря о недостаткахъ его курса, «прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ» [1]).

Вопросъ о вліяніи Надеждина на Бѣлинскаго, на кружокъ Станкевича и на поколѣніе 30-хъ гг. вообще довольно много обсуждался въ нашей литературѣ. Тѣ сомнѣнія, которыя возбуждены были въ этомъ отношеніи почтеннымъ издателемъ сочиненій Бѣлинскаго С. А. Венгеровымъ [2]), были блестящимъ образомъ разъяснены и разсѣяны П. Н. Милюковымъ въ его превосходной статьѣ «Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго» [3]). Если здѣсь можно что-нибудь прибавить къ остроумнымъ соображеніямъ Милюкова, то лишь фактическое указаніе на то непосредственное вліяніе Надеждина, *какъ профессора,* а не какъ журналиста, которое онъ имѣлъ несомнѣнно на своихъ слушателей и на Бѣлинскаго, слушавшаго его въ 1832 г., въ томъ числѣ. По свидѣтельству своихъ слушателей, Надеждинъ читалъ вообще гораздо лучше, нежели писалъ [4]), а о содержаніи его лекцій и вмѣстѣ о познаніяхъ его въ нѣмецкой философіи можно судить и по вступительной его лекціи, напечатанной въ ученыхъ запискахъ московскаго университета, и по такимъ статьямъ его, какъ разборъ перевода

---

[1]) *К. С. Аксаковъ*: „Воспоминаніе студенства 1832—1835 годовъ". Отд. изд. 1911 г., стр. 22. срав. *Прозорова*: „Бѣлинскій и московскій университетъ въ его время", *Библіотека для чтенія* за 1859 г., № 12, стр. 9—11.

[2]) Сочиненія *Бѣлинскаго* изд. *Венгерова*, т. I, стр. 397 и слѣд.

[3]) *П. Н. Милюковъ*: „Изъ исторіи русской интеллигенціи", стр. 188—211.

[4]) Вышеуказанная статья *Прозорова: Библіотека для чтенія*, 1859 г., XII, стр. 11. Срав. *Барсукова*: „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. IV, стр. 79—отзывъ С. С. Уварова (въ его отчетѣ) о проф. Н. И. Надеждинѣ; тамъ же и о другихъ профессорахъ московскаго университета въ 1832 г.

Бахмановой эстетики, сдѣланнаго по его же внушенію въ 1831—32 гг. однимъ изъ его слушателей Чистяковымъ [1]).

Студенческій кружокъ, образовавшійся въ это время (въ 1831—32 гг.) около Николая Владиміровича Станкевича и продолжавшій затѣмъ свое существованіе и развитіе и по выходѣ его членовъ изъ университета, явился въ сущности прямымъ преемникомъ и продолжателемъ того дѣла, которое было начато въ двадцатыхъ годахъ молодыми московскими любомудрами. Если считать «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго своего рода манифестомъ этого новаго молодого кружка, членовъ котораго Погодинъ еще въ 1836 г. презрительно называлъ «рецензентами», и сопоставить содержаніе этой знаменитой статьи Бѣлинскаго съ содержаніемъ «Обозрѣнія русской словесности за 1829 годъ», помѣщеннаго И. В. Кирѣевскимъ въ альманахѣ «Денница», то преемственность не только литературныхъ взглядовъ, но и вообще міросозерцанія обоихъ этихъ кружковъ сдѣлается очевидной. Внутренняго идейнаго сродства между только что названной статьей Кирѣевскаго и «Литературными мечтаніями» Бѣлинскаго неизмѣримо больше, нежели между критическими статьями Надеждина и Бѣлинскаго. Признавая вмѣстѣ съ П. Н. Милюковымъ, что Надеждинъ несомнѣнно являлся учителемъ всѣхъ членовъ кружка Станкевича въ томъ отношеніи, что отъ него, главнымъ образомъ, они получили первыя прочныя научныя основы для своего мышленія и литературнаго творчества, мы должны на-ряду съ этимъ признать, что они являлись въ то же время прямыми и непосредственными преемниками въ своей литературной дѣятельности кружка любомудровъ двадцатыхъ годовъ. Замѣчательно, что и хронологически дѣятельность тѣхъ и другихъ довольно близко подходитъ одна къ другой. Если считать послѣднимъ проявленіемъ дѣятельности любомудровъ попытку изданія *Европейца* въ 1832 г., а первымъ опредѣленнымъ и самостоятельнымъ выступленіемъ членовъ кружка Станкевича появленіе «Литературныхъ мечтаній» Бѣлинскаго, то между тѣмъ и другимъ прошло всего два съ половиной года.

---

[1]) Воспоминанія *Прозорова*, стр. 7 и 8. Срав. въ *Телескопѣ* за 1832 г. (№№ 6 и 8) статью *Надеждина* о „Всеобщемъ начертаніи теоріи изящныхъ искусствъ *Бахмана*". Часть этой статьи перепечатана въ Венгеровскомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго, т. I, стр. 531—542.

ГЛАВА X.

Личный составъ кружка Станкевича и постепенныя перемѣны въ немъ съ 1833 по 1836 годъ.—Каковы были нравственныя проблемы и цѣли, соединявшія членовъ кружка воедино?—Воспоминанія К. С. Аксакова.—Какъ началось знакомство Станкевича съ нѣмецкой философіей?—Первое знакомство съ шеллингіанской философіей по лекціямъ Павлова и Надеждина, журнальнымъ статьямъ и книгѣ Кузена.—Собственные взгляды Станкевича.—Изученіе трактата Шеллинга „System des transcendentalen Idealismus".—Знакомство съ Бакунинымъ черезъ Бееровъ.—Умственный и образовательный багажъ, съ которымъ Бакунинъ вступилъ въ кружокъ Станкевича.—Письмо М. А. Бакунина къ Беерамъ, показывающее уровень его философскихъ понятій и представляющее образецъ его мышленія.—Взаимныя отношенія Бакунина и Станкевича въ моментъ ихъ сближенія.

Кружокъ Станкевича, какъ и всякій товарищескій или дружескій кружокъ такого рода, разумѣется, не имѣлъ никакого устава и трудно даже указать, какъ и съ какого именно времени онъ сложился. Прозоровъ—авторъ товарищескихъ воспоминаній о Бѣлинскомъ, самъ не принадлежавшій къ этому кружку,—говоритъ, что онъ образовался «по разсѣяніи членовъ литературнаго общества въ нашемъ 11-мъ №», т.-е. казенно-коштныхъ студентовъ, слѣдовательно, около 1831 г. [1]). Самъ Станкевичъ въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ къ другу своему Я. М. Невѣрову (отъ 18 мая 1833 г.) пишетъ, что къ нему ходятъ товарищи его: Строевъ (Сергѣй), Бееръ (Алексѣй), Красовъ, Почека [2]) и чаще Ефремовъ. При этомъ

---

1) Прозоровъ. „Воспоминанія". Библіотека для чтенія за 1859 г., кн. XII, стр. 12.

2) Жизнь этого друга Станкевича неизвѣстна, но одинъ эпизодъ изъ его жизни, описанный въ письмѣ къ Невѣрову отъ 14 сент. 1833 г. (стр. 245 новаго изданія „Переписки"), послужилъ темою для одного изъ лучшихъ стихотвореній Станкевича: „На могилѣ Эмиліи". Стихотвореніе это приведено въ его біографіи, составл. Анненковымъ (стр. 51).

онъ прибавляетъ, что несмотря на то, что среди нихъ «много есть людей съ чувствомъ», кружокъ этотъ однако не удовлетворяетъ его и не можетъ замѣнить ему уѣхавшаго въ Петербургъ его интимнаго друга (Невѣрова) [1]. К. С. Аксаковъ въ своемъ «воспоминаніи студенства» указываетъ, что онъ познакомился со Станкевичемъ, бывшимъ старше его на одинъ курсъ, еще будучи на первомъ курсѣ, т.-е. въ 1832—33 академическомъ году, и что у Станкевича собирались тогда каждый день «дружные съ нимъ студенты его курса и, кромѣ ихъ, вышедшіе прежде нѣкоторые его товарищи, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ Клюшниковъ». «Въ первый разъ также,— прибавляетъ Аксаковъ,—видѣлъ я тамъ Петрова (санскритолога) и Бѣлинскаго [2]. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что бывалъ на этихъ собраніяхъ и товарищъ Станкевича Бодянскій [3]. Въ 1833—34 годахъ изъ перечисленныхъ лицъ Станкевичъ считалъ своими наиболѣе интимными друзьями, какъ видно изъ его переписки, Бѣлинскаго и Красова [4]. Тогда же, впрочемъ, онъ очень дружески отзывался въ одномъ письмѣ къ Красову и объ Аксаковѣ [5]. Впослѣдствіи онъ сблизился тѣснѣе съ Клюшниковымъ, съ которымъ вмѣстѣ изучалъ различные философскіе трактаты (Шеллинга, потомъ Канта) [6],

---

[1]) „Переписка Станкевича", изд. Анненковымъ въ 1857 г., стр. 13. Срав. новое изданіе, стр. 218.

[2]) „Воспоминанія студенства 1832—1835 годовъ" *К. С. Аксакова*. Изд. отд. брошюрой въ 1911 г. М. Изд. т-ва Огни, стр. 17.

[3]) Тамъ же, стр. 18 и 27. Бодянскій, извѣстный впослѣдствіи филологъ-славистъ, профессоръ московскаго университета.

[4]) „Переписка", стр. 93. Вас. Ив. Красовъ—поэтъ, писавшій недурные сентиментальныя, а иногда и мистическія стихотворенія, печатавшіяся въ *Телескопѣ*. Онъ былъ на одномъ курсѣ со Станкевичемъ, кончилъ университетъ въ 1834 г. кандидатомъ и служилъ преподавателемъ русской литературы кратковременно въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, а затѣмъ въ Москвѣ; умеръ въ 1856 г., оставивъ большую семью въ нуждѣ. Подробнѣе о немъ см. въ біографіи Станкевича, сост. *Анненковымъ*, и въ упомянутой выше статьѣ г. *Бродскаго*.

[5]) Тамъ же, стр. 103. „Хотѣлось бы узнать что-нибудь,—пишетъ Станкевичъ Красову изъ деревни,—о миломъ Аксаковѣ, которому прошу тебя пожать за меня руку крѣпко, по-славянски, и поклониться въ поясъ, по-русски".

[6]) Тамъ же, стр. 131 и 153. И. П. Клюшниковъ—поэтъ съ болѣе значительнымъ талантомъ, нежели Красовъ, печатавшій преимущественно элегіи, подписанныя буквой—Ѳ—, но писавшій много и юмористическихъ стихотвореній, имѣвшихъ отношеніе къ окружавшей его жизни, и описавшій въ юмо-

и съ Ефремовымъ, черезъ котораго онъ познакомился ближе, какъ мы уже видѣли, съ Бакуниными.

Изъ лицъ, ходившихъ къ Станкевичу въ 1833 г., Строевъ [1]) и Петровъ [2]) скоро переѣхали въ Петербургъ, и связь ихъ съ кружкомъ сперва ослабѣла, а затѣмъ и прекратилась совсѣмъ. Прочными членами кружка, такимъ образомъ, остались: Бѣлинскій, Красовъ, Почека и Ефремовъ; къ нимъ слѣдуетъ присоединить съ 1833 года Клюшникова и К. Аксакова, не считая Я. М. Невѣрова [3]), который хотя и жилъ въ Петербургѣ, но оставался ближайшимъ и интимнѣйшимъ другомъ Станкевича. Въ 1834 г. Станкевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ и уѣхалъ на родину въ Воронежскую губернію, но связь его съ перечисленными членами кружка не прекратилась. Они всѣ остались въ Москвѣ за исключеніемъ Невѣрова и временно

ристическомъ видѣ и современныхъ ему профессоровъ и своихъ товарищей. Любопытное письмо его къ Бѣлинскому, найденное въ архивѣ Бакуниныхъ, я напечаталъ въ *Русской Мысли* за 1911 годъ (кн. VI, стр. 38—40). Срав. „Свѣдѣнія о немъ въ біографіи Станкевича“, сост. *Анненковымъ,* и въ упомянутой ст. г. *Бродскаго.*

1) *Сергѣй Михайловичъ Строевъ* — младшій братъ извѣстнаго археолога П. М. Строева (о немъ въ кн. Н. П. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева“)—кончившій московскій университетъ въ 1834 г. вмѣстѣ со Станкевичемъ и написавшій (подъ псевдонимомъ Сергѣя Скромненко) нѣсколько задорныхъ и ѣдкихъ критическихъ статей въ духѣ скептической школы Каченовскаго, направленныхъ противъ Карамзина и Погодина и отвергавшихъ достовѣрность лѣтописи Нестора. Онъ умеръ въ молодыхъ годахъ въ 1840 г. О немъ см. у *Барсукова* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, IV, стр. 396 и слѣд., т. V, стр. 373 и слѣд.

2) *Павелъ Яковлевичъ Петровъ*—впослѣдствіи извѣстный санскритологъ и знатокъ многихъ восточныхъ языковъ и литературъ, бывшій профессоръ въ казанскомъ университетѣ. О немъ см. у *Барсукова* „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 408—410.

3) *Я. М. Невѣровъ*, извѣстный, главнымъ образомъ, своей дружбой и перепиской въ молодыхъ годахъ съ Н. В. Станкевичемъ и Т. Н. Грановскимъ, впослѣдствіи долго служившій попечителемъ кавказскаго учебнаго округа. О немъ см. въ книгѣ *Анненкова*: „Н. В. Станкевичъ и его переписка“, passim. и въ книгѣ *А. В. Станкевича*: „Т. Н. Грановскій и его переписка“, passim. Три письма его къ М. А. Бакунину отъ 1835 и 1836 гг. имѣются въ архивѣ Бакуниныхъ; одно изъ нихъ (1836) съ припиской Грановскаго, который тогда остановился у него на квартирѣ. Имѣются въ архивѣ также письма его къ А. А. Бееръ. Его собственный архивъ находится въ музеѣ Имп. Александра III въ Москвѣ. Срав. отчетъ музея за 1912 г. стр. 37—38.

Красова, который пытался устроиться учителемъ гимназіи въ Кіевѣ, затѣмъ въ Черниговѣ, но не ужился тамъ и скоро вернулся въ Москву. Самъ Станкевичъ съ января 1835 г. также возвратился въ Москву, и кружокъ въ 1835 и 1836 гг. обогатился новыми весьма замѣчательными членами. Первый къ нему присоединился М. А. Бакунинъ. Онъ вернулся, какъ мы уже знаемъ, съ начала 1835 г. изъ военной службы въ семью [1]), въ мартѣ 1835 г., какъ разъ въ моментъ обостренія отношеній между Станкевичемъ и Натальей Бееръ, близко сошелся съ сестрами Бееръ [2]) и съ середины 1835 г. уже вступилъ въ дружескую переписку со Станкевичемъ, а въ октябрѣ сблизился съ нимъ окончательно [3]). Затѣмъ черезъ Бѣлинскаго около того же времени (въ концѣ 1835 или въ началѣ 1836 г.) присоединился къ кружку Василій Петровичъ Боткинъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ людей того времени, съ которымъ намъ неоднократно придется встрѣчаться по его связямъ съ семействомъ Бакуниныхъ [4]). Наконецъ, съ начала 1836 г. у Станкевича черезъ Невѣрова завязалось знакомство, скоро превратившееся въ самую интимную дружбу, съ Тимофеемъ Николаевичемъ Грановскимъ, который тогда жилъ еще въ Петербургѣ и лишь проѣздомъ побывалъ въ Москвѣ въ самомъ началѣ 1836 года. Собственно вступленіе его въ кружокъ состоялось позднѣе, когда онъ переѣхалъ въ Москву окончательно осенью 1839 г., послѣ совмѣстной заграничной жизни со Станкевичемъ, чтобы начать здѣсь свое знаменитое служеніе московскому университету и обществу [5]).

---

[1]) Срав. гл. VII настоящаго изслѣдованія.

[2]) О нихъ тамъ же, гл. VIII, стр. 21 и слѣд. Съ ними намъ придется встрѣчаться неоднократно.

[3]) Переписка *Н. В. Станкевича*, стр. 140.

[4]) О сближеніи съ кружкомъ Станкевича и въ особенности съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ В. П. Боткина имѣются нѣкоторыя данныя въ письмахъ Бѣлинскаго къ М. А. Бакунину, которыми пользовался А. Н. Пыпинъ и съ которыми намъ придется подробнѣе ознакомиться въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь эти письма изданы г. Ляцкимъ „Бѣлинскій. Письма", т. I, Спб. 1914 г. Тамъ же напечатаны въ примѣчаніяхъ и нѣкоторыя изъ писемъ самого В. П. Боткина.

[5]) Срав. *А. В. Станкевича*: „Т. Н. Грановскій и его переписка" и *П. В. Анненкова*: „Н. В. Станкевичъ и его переписка", въ особенности, т. II, стр. 194 и слѣд. *С. А. Венгеровъ* въ своемъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго (т. I,

Въ своихъ воспоминаніяхъ о студенческой жизни К. С. Аксаковъ даетъ довольно яркое изображеніе этого кружка въ его начальной стадіи развитія. «Въ этомъ кружкѣ—пишетъ Аксаковъ—выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ—воззрѣніе большею частью отрицательное. Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма,—все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи доводило и здѣсь до односторонности; но надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападеніе на претензію, иногда даже и тамъ, гдѣ ея не было, не переходило само въ претензію, какъ это часто бываетъ и какъ это было въ другихъ кружкахъ (намекъ на кружокъ Герцена.—А. К.). Одностороннѣе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами»... Въ послѣднихъ словахъ, кажется, заключается нѣкоторое преувеличеніе, объясняющееся тѣмъ, что на 16-лѣтняго Аксакова, воспитаннаго въ самыхъ патріархальныхъ патріотическихъ чувствахъ, малѣйшая критика россійской дѣйствительности производила болѣзненное и ошеломляющее впе-

---

стр. 420) говоритъ: „через годъ—два послѣ того, какъ кружокъ покончилъ свои университетскія дѣла, къ нему тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ четыре крупнѣйшихъ дѣятеля эпохи: Бакунинъ, ***Катковъ***, Василій Боткинъ и Грановскій. Что касается Каткова, который впослѣдствіи близко соприкоснулся съ личной и общественной жизнью Бакунина, то его вхожденіе въ кружокъ состоялось нѣсколько позже, въ сущности не ранѣе осени 1837 г., т.-е. уже послѣ отъѣзда Станкевича за границу (объ этомъ см. между прочимъ у ***Невѣдѣнскаго***: „Катковъ и его время“, стр. 15 и слѣд.). Бакунинъ, правда, упоминаетъ въ одномъ письмѣ къ Станкевичу (отъ 13 мая 1839 г.), о которомъ рѣчь впереди, о Катковѣ, какъ объ одномъ изъ лицъ, когда-то группировавшихся около Станкевича, но по цѣлому ряду другихъ писемъ видно, что до отъѣзда Станкевича за границу Катковъ, хотя и былъ знакомъ съ нимъ, однако же вовсе съ нимъ не былъ близокъ. Въ университетъ Катковъ вступилъ осенью 1834 г., когда Станкевичъ изъ него уже вышелъ. Объ отношеніяхъ Каткова съ отдѣльными членами кружка и въ особенности съ Бѣлинскимъ, Боткинымъ и Бакунинымъ намъ не мало придется говорить впослѣдствіи.

чатлѣніе. «Я былъ пораженъ такимъ направленіемъ,—пишетъ онъ тутъ же,—и мнѣ оно часто было больно, въ особенности больны мнѣ нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ»... «Кружокъ Станкевича — продолжаетъ онъ дальше — отличался самостоятельностью мнѣнія, свободою отъ всякаго авторитета; позднѣе эта свобода перешла въ буйное отрицаніе авторитета, выразившееся въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго (тогда же Аксаковъ былъ связанъ съ Бѣлинскимъ тѣсною дружбою и находился подъ сильнымъ его вліяніемъ. А. К.), слѣдовательно,—заключаетъ Аксаковъ,—перестала быть свободою, а, напротивъ, стала отрицательнымъ рабствомъ. Но тогда это было не такъ. Односторонность и несправедливость были и тогда, происходя, какъ невольное слѣдствіе, отъ излишества стремленія, но это не было разъ принятою оппозиціею, которая есть дѣло вовсе не мудреное. Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни (въ противоположность кружку Герцена. А. К.), не любилъ ни вина, ни пирушекъ, которыя если случались, то очень рѣдко и, что всего замѣчательнѣе, кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондерства, ни либеральничанія, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которая была ему ненавистнѣе всего; даже вообще политическая сторона занимала его мало, мысль же о какихъ-нибудь кольцахъ, тайныхъ обществахъ и проч. была ему смѣшна, какъ жалкая комедія»... «Станкевичъ самъ— читаемъ мы въ тѣхъ же воспоминаніяхъ—былъ человѣкъ совершенно простой, безъ претензіи и даже нѣсколько боявшійся претензіи (это ярко подтверждается его перепиской. А. К.), человѣкъ необыкновеннаго и глубокаго ума; главный интересъ его была *чистая мысль*. Не бывши собственно діалектикомъ, онъ въ спорахъ такъ строго, логически и ясно говорилъ, что самые щегольскіе діалектики, какъ Надеждинъ и Бакунинъ, должны были ему уступать. Въ существѣ его не было односторонности; искусство, красота, изящество много для него значили. Онъ имѣлъ сильное значеніе въ своемъ кругу, но это значеніе было вполнѣ свободно и законно, и отношеніе

друзей къ Станкевичу, невольно признававшихъ его превосходство, было проникнуто свободною любовью, безъ всякаго чувства зависимости. Скажу еще,—прибавляетъ Аксаковъ,—что Бакунинъ не доходилъ при Станкевичѣ до крайне безжизненныхъ и бездушныхъ выводовъ мысли, а Бѣлинскій еще воздерживалъ при немъ свои буйныя хулы. Хотя значеніе церкви не раскрылось еще Станкевичу, по крайней мѣрѣ до отъѣзда его за границу, но церковь и еще семья были для него святыней, на которую онъ не позволялъ при себѣ кидаться»... [1])

Несомнѣнно, центральнымъ вопросомъ кружка, объединявшимъ его членовъ въ одно цѣлое, былъ вопросъ о назначеніи человѣка, и ради его разрѣшенія члены кружка довольно рано обратились къ изученію философіи. По перепискѣ Станкевича довольно легко прослѣдить, какъ начались и развились его философскія занятія. Въ первомъ изъ напечатанныхъ писемъ. адресованныхъ къ Невѣрову, относящемся къ 1832 г., Станкевичъ проситъ прислать ему № 10 *Телескопа* за 1831 г., чтобы прочесть напечатанную въ немъ статью Надеждина «Объ эстетическомъ образованіи» [2]). Вслѣдъ за тѣмъ Станкевичъ приступаетъ къ ознакомленію съ главными выводами новѣйшей нѣмецкой философіи *по Кузену*, который излагалъ ее, какъ извѣстно, въ довольно искаженномъ видѣ, соединяя воедино усвоенные имъ отрывки изъ системъ Шеллинга и Гегеля [3]). Бѣлинскій приблизительно въ то же время или немного ранѣе получилъ отъ товарища своего Чистякова сдѣланный имъ переводъ Бахмановой эстетики [4]) и несомнѣнно и Бѣлин-

---

[1]) „Воспоминанія студенства". М., 1911 г., стр. 18—20.

[2]) Это письмо, помѣщенное въ „Перепискѣ" Станкевича подъ № 1, ошибочно отнесено Анненковымъ къ 1831 г. Что оно относится къ 1832 г., ясно видно изъ того, что въ немъ сказано: „попроси Н. А. прислать 10 № *Телескопа за прошлый* годъ" (со статьей „Объ эстетическомъ образованіи"). Между тѣмъ *Телескопъ* сталъ издаваться только съ 1831 г. и статья „Объ эстетическомъ образованіи" помѣщена въ № 10 этого года.

[3]) „Переписка", стр. 5 (письмо № 6). Станкевичъ читалъ, вѣроятно, „Fragments philosophiques" par V. Cousin, изданные въ 1826 г. Впослѣдствіи Шеллингъ написалъ къ этой книгѣ предисловіе, переведенное на русскій языкъ (кажется, Межевичемъ) и помѣщенное въ *Телескопѣ* за 1835 г. Объ отношеніи Кузена и его философіи къ Шеллингу и Гегелю срав. „Исторію новой философіи" *Куно Фишера*, т. VII, стр. 234—242 (русское изданіе 1905 года).

[4]) Срав. *Прозорова*, назв. сочин., стр. 8.

скій, и Станкевичъ прочли въ *Телескопѣ* сдѣланный Надеждинымъ разборъ этой книги. Одно изъ первыхъ же писемъ Станкевича къ Невѣрову въ Петербургъ содержитъ въ себѣ указаніе на знакомство его со статьями и взглядами Кирѣевскаго [1]). Слушаніе лекцій Надеждина и Павлова, у котораго Станкевичъ и жилъ въ теченіе почти всего университетскаго курса, обильное чтеніе философскихъ или соприкасающихся съ философіей книгъ и статьей на ряду съ серьезнымъ и разностороннимъ историческимъ чтеніемъ и знакомствомъ съ новѣйшей изящной литературой французской, нѣмецкой и русской довольно скоро помогаетъ Станкевичу и его друзьямъ составить себѣ свое собственное міровоззрѣніе, близкое къ шеллингіанскому, хотя въ то время у нихъ не было еще сколько-нибудь серьезнаго знакомства съ системою Шеллинга и ни одинъ изъ нихъ не приступилъ къ изученію подлинныхъ произведеній великихъ германскихъ мыслителей. Станкевичъ попытался даже изложить свое міровоззрѣніе въ небольшомъ очеркѣ подъ названіемъ «Моя метафизика», который онъ и отправилъ въ видѣ письма другу своему Невѣрову. Первая строка этого очерка, признающая значеніе опыта, напоминаетъ первыя строки трансцендентальной эстетики Канта (въ «Критикѣ чистаго разума»), затѣмъ слѣдуютъ положенія, отзывающіяся пантеистическими взглядами Спинозы, послѣ чего авторъ обнаруживаетъ стремленіе къ монистическому взгляду на «природу» и «разумѣніе» въ духѣ Шеллинга. «Не знаю, почему,— пишетъ онъ,—говорятъ многіе: въ природѣ есть *сила творящая*; не знаю, какъ можно представить природу трупомъ, въ который входитъ нѣчто чуждое и одушевляетъ его; не знаю, почему не сказать: природа есть Сила, Жизнь, Творчество.

«Цѣлое природы составлено изъ недѣлимыхъ: каждое недѣлимое живетъ на основаніи общихъ законовъ, есть часть общей жизни природы. Одна и та же жизнь развивается въ различныхъ видахъ, но одинаково по своимъ законамъ. Въ каждомъ недѣлимомъ жизнь эта дѣйствуетъ независимо отъ него, всегда почти безъ его сознанія и всегда безъ его воли, повинуясь себѣ самой, своимъ законамъ, которые вѣчны и непреложны.

---

[1]) „Переписка", стр. 11, письмо № 11 отъ 3 мая 1833 г. Новое изданіе, стр. 216.

слѣдовательно составляютъ сущность ея. Многія недѣлимыя не сознаютъ себя, но жизнь, во всѣхъ ихъ распространенная, сознаетъ себя, ибо дѣйствуетъ цѣлесообразно (zweckmässig), слѣдовательно, есть разумѣніе. Итакъ, жизнь въ цѣломъ есть Разумѣніе.

«Въ цѣломъ Природа есть Разумѣніе. Съ симъ сознаніемъ заря утѣшенія восходитъ для человѣка; онъ не потерянъ въ безконечности творенія, онъ выполняетъ наравнѣ съ прочими тварями жизнь природы. Но это не одно его назначеніе: онъ можетъ возвышаться надъ видимымъ; онъ можетъ восходить къ Разумѣнію, отождествляться (s'identifier) съ нимъ, онъ можетъ проникнуть его законы, провидѣть его цѣли, чувствовать красоту созданія; онъ можетъ вѣрить, надѣяться, любить. *Вѣрить*, ибо законы его Творца непреложны, земля и небо идутъ мимо, слова же Его (вѣроятно, слова въ смыслѣ Λόγος? А. К.) не идутъ мимо; *надѣяться*, всѣ цѣли его—благо; *любить*, ибо Онъ (Разумъ, творецъ) прекрасенъ въ своемъ созданіи: прекрасенъ въ своемъ образѣ-человѣкѣ»... «Все созданіе есть жизнь, развивающаяся по законамъ Разумѣнія (по своимъ законамъ). Роды существъ составляютъ лѣстницу, по которой жизнь (разумѣющая себя въ цѣломъ) идетъ къ самоуразумѣнію въ недѣлимыхъ. Не менѣе разумно дѣйствуетъ она въ камняхъ, какъ и въ человѣкѣ; но развиваясь въ первыхъ по тѣмъ же законамъ, по какимъ и въ послѣднемъ (съ разною цѣлью), не даетъ первымъ возможности сознать себя *отдѣльно*. Камни живутъ въ массѣ природы; растенію она даетъ уже ощущеніе, животному—произвольное движеніе; наконецъ, съ полною свободою *вся* является въ человѣкѣ. Здѣсь жизнь, сознающая себя въ цѣломъ, разумная и свободная является жизнью, сознающею себя *отдѣльно*—разумною и свободною. Всѣ уже согласились, что человѣкъ, вѣнецъ созданія, есть повтореніе всей природы, онъ есть повтореніе разумной жизни»... [1]).

Въ этой длинной выпискѣ я привелъ лишь большую часть перваго философскаго письма Станкевича. Здѣсь не мѣсто слѣдить подробно за дальнѣйшимъ развитіемъ его мысли. Приведу только изъ второго письма Станкевича слѣдующія слова

---

[1]) „Переписка Н. В. Станкевича“, стр. 17—24.

его: «Въ человѣкѣ жизнь сознала себя отдѣльно. Онъ есть центръ этой жизни въ миніатюрѣ. Какъ жизнь, она имѣетъ стремленіе (по сродству, можетъ быть) усвоять внѣ ея лежащее, *познавать*, и какъ жизнь—развивать себя во внѣшности, *дѣйствовать*. Какъ жизнь, она сознаетъ вліяніе другой жизни, *чувствуетъ*. И вотъ разумъ, воля, чувство—три дѣйствительныя направленія человѣческой жизни, которыя онъ переноситъ въ жизнь всеобщую...

«...Если жизнь есть разумъ, если жизнь есть воля, то она есть чувство по преимуществу. Вся она держится чувствомъ—въ недѣлимыхъ, начавшихъ сознавать себя отдѣльно, чувство это обнаруживается любовью. Она въ нихъ есть чувство инстинктуальное, слѣдовательно, чувство, принадлежащее общей жизни и не покорное волѣ.

«Любовь!... Другъ мой! Для меня съ этимъ словомъ разгадана тайна жизни. Жизнь есть любовь. Вѣчные законы ея и вѣчное ихъ исполненіе—разумъ и воля».

Я хотѣлъ здѣсь дать лишь наглядное представленіе о томъ, какъ мыслилъ 18-тилѣтній Станкевичъ, еще не знакомый въ подлинникахъ ни съ однимъ оригинальнымъ философскимъ произведеніемъ. Приблизительно къ такимъ же построеніямъ пришелъ въ то время и другой замѣчательный членъ этого кружка, В. Г. Бѣлинскій. Но его взгляды изложены въ общеизвѣстной статьѣ его «Литературныя мечтанія» и потому здѣсь нѣтъ нужды на нихъ останавливаться [1]). Вліяніе первыхъ философскихъ познаній, полученныхъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, было чрезвычайно благотворно для Станкевича и Бѣлинскаго и, вѣроятно, и для другихъ членовъ кружка. «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ и радостнымъ чувствомъ, исполнилась жизнь,—пишетъ біографъ Станкевича, Анненковъ,—когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому навсегда, пропасть, раздѣляющую два міра и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношеской и благородной гордостью понималась тогда

---

[1]) См. венгеровское изданіе сочиненій Бѣлинскаго, т. I, стр. 308; солдатенковское—т. I, стр. 1.

часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни! По свойству и праву мышленія онъ переносилъ видимую природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія,—словомъ, становился ея центромъ, судьею и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія»... [1])

Понятенъ тотъ интересъ, который возникалъ отсюда къ основательному изученію подлинныхъ философскихъ системъ. Станкевичъ первоначально, да и впослѣдствіи, не думалъ сдѣлаться спеціалистомъ въ области философіи; онъ хотѣлъ посвятить себя по выходѣ изъ университета научнымъ занятіямъ исторіей и приступилъ къ нимъ чрезвычайно серьезно, начавъ съ изученія Геродота и Ѳукидида въ подлинникахъ. Но изученіе философскихъ системъ и прежде всего той изъ нихъ, къ которой онъ чувствовалъ тогда благодаря «любомудрамъ», Надеждину и Кузену, наибольшее стремленіе, именно системы Шеллинга, было для него насущной потребностью его духа. Онъ приступилъ къ ней тотчасъ же по окончаніи курса въ университетѣ. Незнакомый съ Кантомъ и Фихте, минуя болѣе раннія подготовительныя работы самого Шеллинга, онъ приступилъ прямо къ чтенію его перваго систематическаго трактата «System des transcendentalen Idealismus». Онъ прочелъ его въ деревнѣ дважды, одинъ разъ за другимъ, осенью 1834 г. и хотя въ письмѣ къ Невѣрову сообщалъ, что отложилъ его затѣмъ надолго, очень надолго, однако же чтеніемъ своимъ не былъ удовлетворенъ и считалъ, что уяснилъ себѣ лишь общій ходъ мышленія Шеллинга, но не вполнѣ усвоилъ себѣ подробности его построеній [2]). Вернувшись изъ деревни въ Москву въ началѣ 1835 г., онъ вновь берется за тотъ же самый трактатъ Шеллинга, на этотъ разъ вдвоемъ съ Клюшниковымъ. Но и на этотъ разъ не все для него разъясняется, и онъ естественно приходитъ къ убѣжденію въ необходимости начать изученіе новой философіи съ Канта и Фихте, прямыхъ предшественниковъ Шеллинга. Какъ разъ въ это время завязывается его романъ съ Любовью Александровной Бакуниной и происходитъ знакомство, а затѣмъ и сближеніе съ М. А. Ба-

---

[1]) „Ник. Влад. Станкевичъ", т. I, стр. 38.

[2]) Ibidem. Переписка, стр. 131 и 153.

кунинымъ, который въ концѣ 1835 г. входитъ въ составъ станкевичевскаго кружка.

Изъ переписки Бакуниныхъ съ Беерами видно, что связь Михаила Бакунина со Станкевичемъ и другими членами его кружка (Красовымъ и Ефремовымъ) завязалась черезъ сближеніе съ Беерами, которое началось въ мартѣ 1835 г., когда М. Бакунинъ прожилъ нѣсколько времени въ Москвѣ, пріѣхавъ туда изъ Твери, гдѣ онъ жилъ съ самаго начала 1835 г. (въ бытность свою еще офицеромъ). Возобновивъ знакомство съ Беерами, которыхъ онъ зналъ съ дѣтства, въ тяжелый для нихъ моментъ, когда разыгрывалась послѣдняя стадія романа Натальи Андреевны со Станкевичемъ и происходила ссора съ матерью, особенно тяжело отражавшаяся на Александрѣ Андреевнѣ, Михаилъ Александровичъ успѣлъ очень скоро и коротко съ ними сблизиться и сдѣлаться ихъ конфидентомъ и совѣтникомъ по всѣмъ интимнымъ дѣламъ, при чемъ онъ произвелъ на обѣихъ сестеръ впечатлѣніе необыкновенно возвышеннаго и мудраго человѣка и, несмотря на свои 20 лѣтъ, быстро пріобрѣлъ въ ихъ глазахъ непререкаемый авторитетъ. Дружба съ Беерами повела за собой знакомство, а потомъ и сближеніе со Станкевичемъ, Красовымъ и Ефремовымъ. Романической стороны этихъ отношеній намъ придется коснуться въ одной изъ слѣдующихъ главъ, теперь же посмотримъ, каковъ былъ умственный и образовательный багажъ Михаила Бакунина, когда онъ пріобщился къ кружку Станкевича. Мы уже видѣли, что недостаточное образованіе, полученное въ артиллерійскомъ училищѣ, онъ восполнялъ и въ самомъ училищѣ и по выходѣ оттуда довольно разнообразнымъ чтеніемъ книгъ, которое производилось, впрочемъ, безъ всякой системы и плана. Въ основаніе его философскихъ, этическихъ и эстетическихъ взглядовъ еще въ училищѣ былъ положенъ извѣстный «Лицей» Лагарпа, въ двухъ послѣднихъ томахъ котораго содержится поверхностный обзоръ французской и англійской философіи XVIII вѣка, при чемъ довольно подробно изложены системы Локка и Кондильяка, выводы которыхъ Лагарпъ противопоставляетъ взглядамъ французскихъ энциклопедистовъ, матеріалистовъ и революціонеровъ. Съ нѣмецкой философіей Бакунинъ вовсе не былъ знакомъ до 1835 года и единственный разъ, когда онъ могъ получить къ ней нѣкоторый интересъ, который однако не могъ

имѣть никакого развитія и удовлетворенія до 1835 года, относится къ лѣту 1833 года, когда ему попались въ лагерѣ сочиненія Веневитинова, при чемъ на него произвело, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, сильное впечатлѣніе письмо Веневитинова къ графинѣ N. N. (къ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой, ученицѣ Погодина). Въ этомъ коротенькомъ «письмѣ» Веневитиновъ съ изящной простотой и дѣйствительно пластической ясностью старается дать представленіе о задачахъ и возможности философіи, какъ науки, въ духѣ послѣкантовскаго идеализма [1]). Вѣроятно, Бакунинъ тутъ же прочелъ и другія философскія и критическія статейки Веневитинова [2]), но изъ дальнѣйшей переписки его съ родными можно съ увѣренностью констатировать, что въ слѣдующіе $1^1/_2$ или 2 года ему не пришлось прочесть ни одной серіозной книги по философіи, за исключеніемъ развѣ журнальныхъ статей, при чемъ, во всякомъ случаѣ, не видно, чтобы и статьи эти производили на него сколько-нибудь глубокое впечатлѣніе [3]). Однако, несомнѣнно, все это время голова его дѣятельно работала, и работала главнымъ образомъ надъ выработкой опредѣленнаго міросозерцанія и надъ рѣшеніемъ того же основного жизненнаго вопроса, который занималъ и Станкевича,—вопроса о назначеніи человѣка. И нельзя сказать, чтобы работа эта оставалась безплодной. Что умъ его отнюдь не представлялъ уже въ это время tabulam rasam и что у него были опредѣленные, продуманные и для его возраста довольно глубокіе взгляды на внѣшній міръ и на назначеніе человѣка, мы лучше всего можемъ убѣдиться изъ замѣчательнаго письма его, написаннаго 7 мая 1835 года къ Натальѣ Андреевнѣ Бееръ по поводу переживавшагося ею тогда душевнаго кризиса.

Письмо это, какъ и большая часть писемъ Михаила Александровича того времени къ сестрамъ его и къ друзьямъ его

---

1) Сочиненія *Веневитинова*, смирдинское изданіе 1855 г., стр. 121.

2) Тамъ же: „Анаксагоръ, бесѣды Платона“, стр. 130; „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“, стр. 137 и проч.

3) Хотя въ вышеприведенномъ письмѣ отъ 19 декабря 1834 г. Бакунинъ и писалъ своимъ сестрамъ, что читаетъ иногда книги по философіи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, однако, едва ли можно думать, что книги эти касались новой нѣмецкой философіи. Если бы это было такъ, онъ не преминулъ бы сказать о нихъ болѣе подробно и опредѣленно.

дѣвицамъ Бееръ, писано по-французски. Оно является отвѣтомъ на письмо Natalie и Alexandrine Бееръ и въ началѣ его излагается уже не въ первый разъ взглядъ Мишеля на дружбу вообще и на возможный характеръ его дружескихъ отношеній къ сестрамъ Бееръ. «Сладко найти — пишетъ онъ — прибѣжище въ сердцѣ друга, прекрасно имѣть возможность изливать въ него свои печали и надежды, прекрасно сливаться съ нимъ воедино (s'identifier avec lui) и имѣть возможность по крайней мѣрѣ передъ нимъ проявлять признакъ жизни, когда благоразуміе требуетъ удерживаться отъ участія во внѣшней жизни. Но мнѣ не позволено предаваться этому всецѣло, погружаться въ эту единственную радость. Нѣтъ, мое призваніе совершенно другое. Я человѣкъ обстоятельствъ (je suis l'homme des circonstances), и рука Божія начертала въ моемъ сердцѣ эти священныя слова, которыя обнимаютъ все мое существованіе: «*онъ не будетъ жить для себя!*» Я хочу осуществить это прекрасное будущее, я сдѣлаюсь достоинъ его! Быть въ состояніи всѣмъ пожертвовать для этой священной цѣли — вотъ мое единственное честолюбіе! Не думайте, чтобы я ошибался, когда я сказалъ вамъ, что всякое другое счастье для меня закрыто. Нѣтъ — это истина, которую я чувствую, которую я постигаю, въ которой я убѣдился *познаніемъ собственнаго существа!* Жизнь человѣка, подобно жизни человѣчества, есть послѣдовательное и прогрессивное развитіе всѣхъ чувствъ и всѣхъ идей. Это — вѣчное стремленіе части къ своему Цѣлому, и повторенія здѣсь невозможны. Это только любопытное путешествіе для тѣхъ, которые не имѣютъ собственнаго самосознанія; это масса чудесныхъ вещей (un amas des choses merveilleuses), которыя, не будучи между собой связаны идеей совершенствованія и высшей необходимости, образуютъ безформенное собраніе любопытныхъ фактовъ, которые поражаютъ воображеніе и ласкаютъ чувства слѣпого путешественника. Но для тѣхъ, которые дѣйствительно чувствуютъ жизнь, которые познаютъ ее по біенію ея пульса, это не фантазія; не факты и не обстоятельства ихъ поражаютъ, но идея, которую они выражаютъ! А каковы же главныя идеи жизни? Это — любовь къ людямъ, къ человѣчеству и стремленіе ко Всему, къ совершенствованію. И эти три идеи суть лишь различныя выраженія одной творческой, вѣчной, нетлѣнной Идеи — Бога. Всѣ

другія идеи суть лишь эпизоды несчастной побѣды матеріи надъ идеей (зачеркнуто: матеріализма надъ идеализмомъ). Богъ, проявившись въ природѣ, сотворилъ животное и вдунулъ въ него божественную искру — часть этой высокой идеи, такъ хорошо выраженной гармоніей міра. И это животное сдѣлалось человѣкомъ, который получилъ свою цѣль въ Богѣ и средства въ природѣ. Что же такое человѣчество? Богъ — вложенный въ матерію. Жизнь его — стремленіе къ свободѣ, къ соединенію со всѣмъ; выраженіе его жизни — любовь, этотъ основной элементъ Предвѣчнаго. Это дружественныя частицы, раздѣленныя одна отъ другой, силою матеріи отдѣленныя отъ ихъ высокаго Источника! Вотъ откуда происходитъ симпатія одного человѣка къ другому, человѣка ко всему роду человѣческому, человѣка къ совершенствованію человѣчества. Онѣ даютъ другъ другу руку, чтобы сбросить иго матеріи, онѣ сильны единеніемъ, ибо чѣмъ больше ихъ число, тѣмъ могущественнѣе ихъ идея (значеніе?), тѣмъ болѣе онѣ приближаются къ Богу. Единеніе мужа съ женой даетъ совершенную гармонію. Это единое существо, заключающееся въ двухъ существованіяхъ. Такимъ образомъ, жизнь человѣчества есть вѣрная борьба идеи съ формой, это послѣдовательный, прогрессивный ходъ побѣды Бога надъ матеріей. И могутъ ли повторяться тѣ же побѣды и тѣ же дѣянія, которыя къ нимъ ведутъ и къ чему бы послужили подобныя повторенія? То же относится и къ (отдѣльному) человѣку»...

Остальная часть письма относится къ разбору личныхъ исторій и настроеній самого Мишеля и его корреспондентки, и къ ней мы вернемся впослѣдствіи.

Изъ сдѣланной только что выписки мы можемъ вывести достаточно ясное представленіе о міровоззрѣніи Михаила Бакунина, выработанномъ имъ до знакомства его со Станкевичемъ. Мы видимъ, что онъ самостоятельно не мало успѣлъ продумать и основательно переработалъ въ своей головѣ тотъ сравнительно скудный запасъ идей, которымъ онъ могъ воспользоваться изъ прочитанныхъ имъ до того времени книгъ и статей. Конечно, если мы сравнимъ его взгляды этого времени со взглядами Станкевича, то тотчасъ же бросается въ глаза разница двухъ школъ. Въ юношескихъ взглядахъ Станкевича мы видимъ опредѣленное стремленіе къ монистическому взгляду

на міръ, очевидно, вынесенное имъ изъ знакомства, хотя бы и изъ вторыхъ рукъ, съ шеллингіанской философіей, тогда какъ Бакунинъ всецѣло стоитъ на почвѣ дуализма. Но это не мѣшаетъ ему въ этическихъ выводахъ близко подойти къ Станкевичу, такъ какъ и тотъ и другой одинаково видятъ главное назначеніе человѣка въ Любви, и Бакунинъ, не дойдя до отожествленія Природы съ Идеей, стремится однако же къ полному подчиненію матеріальной природы идеѣ. Это стремленіе къ идеализму и послужило, вмѣстѣ съ одинаковымъ взглядомъ на назначеніе человѣка, основой для быстраго взаимнаго сближенія обоихъ молодыхъ людей.

Герценъ, не бывшій непосредственнымъ свидѣтелемъ сближенія Бакунина со Станкевичемъ и его кругомъ и находившійся въ это время въ ссылкѣ въ Вяткѣ, представляетъ взаимное отношеніе обоихъ будущихъ друзей въ нѣсколько иномъ видѣ. По версіи Герцена выходитъ, что въ моментъ встрѣчи Бакунинъ представлялъ изъ себя человѣка, тяготящагося окружающей обстановкой и не знающаго совершенно, что съ собой дѣлать, и что только Станкевичъ «засадилъ» его за нѣмецкую философію, къ усвоенію которой онъ проявилъ необыкновенный талантъ. Точно также и біографъ Станкевича Анненковъ представляетъ Бакунина молодымъ офицеромъ, лишь скуки ради прочитавшимъ какіе-то «французскіе трактаты о сенсуализмѣ, какъ началѣ всякаго знанія», и котораго Станкевичъ будто бы «засаживаетъ прямо съ Кондильяка за Гегеля» [1]), что уже и потому является не точнымъ, что самъ Станкевичъ въ то время о Гегелѣ еще и не помышлялъ. Такой взглядъ на взаимныя отношенія Станкевича и Бакунина, при началѣ ихъ знакомства, отъ Герцена и Анненкова усвоенъ былъ Пыпинымъ и Драгомановымъ и, благодаря имъ, до того укоренился въ русской литературѣ, что издатель сочиненій Бѣлинскаго С. А. Венгеровъ говоритъ уже прямо, что Бакунинъ занялся философіей «даже не по собственному почину» и что когда онъ познакомился въ 1835 г. со Станкевичемъ, то «онъ ровно ничего собою не представлялъ». «Это — по выраженію г. Венгерова, — просто былъ молоденькій артиллерійскій пору-

---

[1]) *Герценъ*: „Сочиненія“, т. VII, стр. 118; *Анненковъ*: „Н. В. Станкевичъ“, т. I, стр. 101.

чикъ, вышедшій въ отставку, потому что служба его не интересовала, и не знавшій, что съ собою дѣлать. Станкевичъ сразу оцѣнилъ выдающіяся способности Бакунина разбираться въ отвлеченныхъ вопросахъ, и такъ какъ Бакунинъ хорошо зналъ иностранные языки, то и засадилъ его за нѣмецкихъ философовъ» [1])...

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію развитія отношеній Бакунина и Станкевича, я не могу не остановить вниманія читателя на той фразѣ Бакунина въ приведенномъ выше письмѣ, которая многимъ, несомнѣнно, покажется черезчуръ заносчивой и самонадѣянной со стороны безвѣстнаго молодого человѣка. Это то мѣсто, гдѣ Бакунинъ говоритъ о своемъ назначеніи. Разумѣется, утвержденіе, что рука Божія начертала въ его сердцѣ слова о томъ, что «онъ не будетъ жить для себя», нѣсколько напыщенно и отдаетъ самонадѣянностью, какъ, впрочемъ, и весь тонъ письма; но нельзя не признать, что во взглядѣ на свое назначеніе Бакунинъ остался вѣренъ себѣ до конца жизни. Несмотря на всѣ перемѣны своихъ взглядовъ этическихъ, соціальныхъ и политическихъ, несмотря на многократные случаи невыдержанности, легкомыслія, черезчуръ большой самоувѣренности и различные другіе недостатки своего характера, которые ставили его иногда въ положеніе прямо унизительное, онъ неизмѣнно сохранялъ вѣру въ свое назначеніе служить человѣчеству и жилъ не своими личными интересами, а стремленіемъ способствовать такъ или иначе совершенствованію человѣческой жизни вообще. Уже Бѣлинскій, который ближе, чѣмъ кто бы то ни было, былъ знакомъ и съ сильными и съ слабыми сторонами его натуры, высказалъ этотъ взглядъ на Бакунина, послѣ многократныхъ съ нимъ расхожденій: «Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки — это вѣчно движущее начало, лежащее въ глубинѣ его духа» [2]). И русскій біографъ его М. П. Драгомановъ вполнѣ основательно взялъ эти слова эпиграфомъ къ составленной имъ біографіи М. Бакунина [3]). И въ данномъ случаѣ въ моментъ

---

[1]) Венгеровское изданіе сочиненій Бѣлинскаго, т. IV, стр. 551.

[2]) Письмо В. Г. Бѣлинскаго отъ 7 ноября 1842 г.

[3]) „Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“. Введеніе. Біографическій очеркъ М. А. Бакунина, стр. 1.

вступленія Михаила Бакунина въ кружокъ Станкевича это вовсе не былъ молоденькій офицеръ, не знавшій, что съ собой дѣлать, какъ пишетъ С. А. Венгеровъ, а былъ идейно настроенный, очень самонадѣянный и честолюбивый юноша, который сознательно пренебрегалъ всякой обыденной житейской карьерой, при его способностяхъ и связяхъ для него вовсе не трудной, ради выполненія своего назначенія, представлявшагося ему въ чрезвычайно возвышенномъ видѣ. На всѣ же трудности и опасности избраннаго имъ пути, которыя для другихъ были очевидны, онъ не обращалъ никакого вниманія.

Что касается Станкевича, то онъ, конечно, вполнѣ понималъ и оцѣнивалъ не только діалектическія способности новаго своего друга, но и его оригинальный этическій взглядъ и его смѣлые планы. Еще въ первомъ своемъ письмѣ къ Бакунину, въ апрѣлѣ 1835 г., Станкевичъ писалъ ему: ...Если Вы, принявъ добрыя, можетъ быть, безсильныя желанія за настоящія достоинства, цѣните сколько-нибудь мое знакомство, то поймете, какъ мнѣ дорого Ваше. Кромѣ очень натуральнаго желанія сблизиться съ человѣкомъ, котораго образъ мыслей вполнѣ раздѣляешь, желанія быть въ своей сферѣ, слушать и говорить, что хочется,—я имѣю причины считать подобныя сближенія долгомъ для себя. Они поддерживаютъ мою дѣятельность, сохраняютъ во мнѣ энергію...» [1]). Тотчасъ же послѣ своего посѣщенія Премухина осенью 1835 года, Станкевичъ писалъ изъ Торжка другу своему Невѣрову: «Я подружился съ Мишелемъ—чистая и благородная душа! Зная нашу дружбу, онъ хочетъ съ тобой поближе познакомиться и пишетъ тебѣ. Можетъ быть въ январѣ мы вмѣстѣ съ нимъ пріѣдемъ въ Петербургъ» [2])...

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 4 ноября онъ пишетъ Невѣрову: «Пришли мнѣ, другъ, два экземпляра «Критики чистаго разума» Канта — одинъ мнѣ, другой — Клюшникову. Пожалуста, поскорѣе! Свой я отослалъ къ Мишелю» [3]).

---

1) „Переписка" новое изд., стр. 571.
2) „Переписка" Станкевича, стр. 149.
3) Тамъ же, стр. 151.

ГЛАВА XI.

Какъ шло изученіе Канта у Станкевича и Бакунина? — Семейныя и личныя отношенія Бакунина въ моментъ приступа къ изученію нѣмецкой философіи. — Семейный кризисъ и переселеніе Бакунина изъ родительскаго дома въ Москву. — Его планы. — Неудобство изученія Канта при переживавшихся имъ тревожныхъ обстоятельствахъ. — Переходъ отъ Канта къ Фихте. — Изученіе религіознаго ученія Фихте. — „Anweisung zum seligen Leben". — Согласованіе религіозныхъ взглядовъ Фихте съ мыслями и настроеніемъ Бакунина. — Переводъ лекцій „О назначеніи ученыхъ" для *Телескопа* въ началѣ 1836 года. — Вліяніе Фихте на Бакунина и помощь, оказанная ему Фихте для построенія и развитія его жизненныхъ плановъ.

Итакъ, если возможно послѣ всего изложеннаго выше сказать, что Станкевичъ «засадилъ» Бакунина за изученіе нѣмецкой философіи, то изученіе это началось никакъ не съ Гегеля, какъ писалъ по непонятному недоразумѣнію Анненковъ, а съ Канта, приступить къ которому и самъ Станкевичъ какъ разъ въ этотъ моментъ призналъ для себя необходимымъ [1]). Правильнѣе предположить, что оба друга, обмѣнявшись при на-

[1]) Анненковъ „Н. В. Станкевичъ", стр. 101. Въ письмѣ къ Бакунину отъ 2 ноября 1835 г. (стр. 576 новаго изданія „Переписки"), Станкевичъ, вспоминая съ наслажденіемъ о минутахъ, проведенныхъ съ Мишелемъ въ Премухинѣ, пишетъ между прочимъ: „эти минуты всегда дороги, а теперь онѣ кажется рѣшили судьбу мою. Я твердъ въ своемъ планѣ, не отступлю отъ него ни на шагъ, не предвижу даже никакихъ трудностей, вижу въ трудахъ моихъ одно для меня возможное наслажденіе, мою жизнь! Сегодня же, если привезутъ мнѣ Канта, примусь за него". Дальше онъ сообщаетъ о своемъ предположеніи заниматься вмѣстѣ съ Красовымъ, параллельно съ изученіемъ Канта, древней и средней исторіей, которой онъ и раньше занимался немало. И далѣе прибавляетъ: „Такимъ образомъ опытное знаніе пойдетъ рядомъ съ умозрѣніемъ и принесетъ плодъ. Насъ не убьютъ факты безъ жизни, безъ значенія; мы не утратимъ человѣческихъ чувствъ въ отвлеченномъ абсолютѣ, но перенесемъ идеалъ въ жизнь и дадимъ жить идеалу. Увѣряю тебя, Мишель, что это будетъ. Твердо и горячо за дѣло! Не откладывать! Хоть два часа останется сегодня на занятіе, я все-таки начну сегодня"...

чалѣ своей дружбы взаимно своими философскими взглядами и планами на будущее, признавали цѣлесообразнымъ тогда же приступить къ изученію Канта, при чемъ Станкевичъ поспѣшилъ переслать Бакунину свой экземпляръ «Критики чистаго разума». 10 ноября онъ уже сообщаетъ Невѣрову, что принялся за Канта вмѣстѣ съ Клюшниковымъ. «Мы съ нимъ читали Шеллинга, — напоминаетъ другу Станкевичъ, — и если не поняли вполнѣ его хода, его діалектики, то постигнули основныя идеи, сущность системы. Чтобъ возвести свое горячее убѣжденіе на степень знанія, надобно хорошенько изучить основаніе, на которомъ утверждается новая нѣмецкая философія. Это основаніе — система Канта [1]). Это было совершенно правильно; но чтобы читать и понимать Канта требовалось въ свою очередь основательно знать исторію новой философіи и усвоить себѣ своеобразную терминологію Канта [2]). И вотъ,

---

[1]) „Переписка" Станкевича, стр. 153 (1-ое изд.).

[2]) Въ письмѣ отъ 4 ноября 1835 года Станкевичъ пишетъ Бакунину: „Вѣрно ты не разъ задумаешься надъ Кантомъ. Читая его, я думалъ сегодня, какъ бы облегчить тебѣ эти труды, я боюсь, что недоразумѣніе взбѣситъ тебя и ты бросишь его, или слишкомъ будешь ломать голову. Я пришлю тебѣ его систему по-французски, если достану. Не спѣши его читать. Ты говорилъ мнѣ, что мало знакомъ съ языкомъ философскимъ и отвлеченностями вообще. Въ такомъ случаѣ Канта надобно изучать медленно и основательно. Подвигайся потихоньку впередъ, не оставляя ничего непонятымъ. Я буду отвѣчать, что могу на всѣ вопросы, которые ты мнѣ предложишь (по установленной формѣ: М. Г. Мих. Алек.! такъ какъ вы по глупости вашей и проч.). Это тоже математика. Употребляй на него 2—3 часа въ день, не больше, чтобы онъ не мѣшалъ тебѣ заниматься другимъ. Прежде всего хорошенько разбери введеніе, потомъ трансцендентальную эстетику. Дальше идетъ, кажется, и веселѣе и легче. Я прочелъ до § 9 (стр. 70)..." и т. д.

Отъ 12 ноября онъ уже пишетъ: „Ты пишешь мнѣ, что не можешь успокоиться, пока не войдешь въ духъ Канта. Для этого я тебѣ въ короткихъ словахъ разскажу, какъ знаю, его систему. А читая его наскоро и гоняясь за одними результатами, ты собьешься съ толку и не получишь пользы. Надо его изучать, надобно привыкнуть на немъ къ методу новой философіи, надобно твердо убѣдиться въ его положеніяхъ, которыя послужили основаніемъ системѣ Шеллинга и въ трансцендентальной и въ натуральной философіи. Этотъ твердый методическій умъ разбилъ старые кумиры, развѣялъ призраки, носившіеся въ области ума, и своею сухою критикою приготовилъ поэзію Шеллинга. Я благоговѣю передъ Кантомъ, несмотря на то, что отъ него болитъ у меня голова по временамъ".

Далѣе слѣдуетъ очень кратко, но точно изложенная формулировка связи между основными положеніями Канта, Фихте и Шеллинга.

какъ только началось изученіе Канта. тотчасъ же потребовались комментаріи. и къ Невѣрову въ Петербургъ полетѣли новыя требованія на книги. Московскіе книжные магазины были въ то время крайне скудны. 2 декабря. уже получивъ экземпляры Канта, высланные Невѣровымъ, Станкевичъ проситъ его поискать въ Петербургѣ Villers — «Philosophie de Kant» (2 тома)[1]. Неизвѣстно, нашелъ ли Невѣровъ эту книгу, но изъ дальнѣйшей переписки видно. что онъ послалъ, можетъ быть вмѣсто нея. какое-то сочиненіе Круга, которое Станкевичъ кратко называетъ «Theoretiche Philosophie» (можетъ быть, «Entwurf eines neuen Organons der Philosophie»)[2]. Станкевичъ изучалъ Канта не безъ затрудненій и видимо имъ тяготился, хотя и рѣшилъ одолѣть его во что бы то ни стало. Онъ собирался покончить съ нимъ весной 1836 года, до отъѣзда въ деревню. и въ мартѣ уже выписалъ себѣ изъ Риги сочиненія Гегеля. которыя. однако, долго не приходили[3]. Общій другъ Станкевича и Бакунина А. П. Ефремовъ. собиравшійся также заняться Кантомъ. писалъ въ это время Бакунину, въ письмѣ отъ 8 ноября 1835 г., что онъ приступаетъ на-дняхъ къ чтенію Логики Бахмана. которую думаетъ читать въ видѣ отдыха при изученіи «Критики чистаго разума». «Да кстати, — прибавляетъ онъ. — что, какъ идутъ твои дѣла съ Кантомъ? Кто кого одолѣлъ? Станкевичъ напугалъ меня. онъ говоритъ, что не понимаетъ Канта... Страшно! Но что дѣлать: я боюсь трудности до ея наступленія. а когда придетъ, то увидимъ»... Въ слѣдующемъ письмѣ Ефремовъ сообщаетъ. что онъ обошелъ

1) Philosophie de Kant, ou principes fondamentals de la philosophie transcendentale, par Charles Villers". Metz 1801. 2 v-mes in 8-e.

2) *Тамъ же*, стр. 159, 167. Срав. о сочиненіяхъ *Круга* и отношеніи къ нему Гегеля у *Куно Фишера* „Исторія новой философіи", т. VIII, часть I, стр. 252 и слѣд.

3) Въ письмѣ Невѣрову отъ 16 марта 1836 г. онъ пишетъ: „жду Гегеля изъ Риги". („Переписка", стр. 166). Почему-то однако Гегель изъ Риги не былъ полученъ, и 19 октября 1836 года Станкевичъ напоминаетъ Невѣрову свою просьбу прислать Гегеля; если же его нѣтъ въ Петербургѣ, то замѣнить его „Исторіей философіи" *Рейнгольда* или Hist. de la Philosophie allemande par Penhoen (Barchou de Penhöen), котораго Анненковъ въ другомъ мѣстѣ (въ „Идеалистахъ 30-хъ годовъ") называетъ „первымъ нашимъ посредникомъ по знакомству съ Гегелемъ". Срав. „Переписка" Станкевича, стр. 201; „*П. В. Анненковъ* и его друзья", стр. 37.

всѣ московскіе книжные магазины, но не могъ достать «Критики чистаго разума» ни на нѣмецкомъ, ни на французскомъ языкѣ, ни даже плохонькаго перевода на русскій. Ему обѣщалъ достать Канта какой-то знакомый; но неизвѣстно, было ли исполнено это обѣщаніе и приступилъ ли Ефремовъ въ концѣ-концовъ къ чтенію «Критики чистаго разума». Что касается Станкевича, то уже весной 1836 года, въ письмѣ отъ 16 марта, онъ писалъ Я. М. Невѣрову: «Прочелъ присланнаго тобой Круга, перечиталъ читанное въ «Kritik der reinen Vernunft» и читаю въ ней новое: хочется ее поскорѣе окончить, чтобы заниматься чѣмъ-нибудь болѣе отраднымъ. Эту ступень надо перейти. — Успѣю, думаю, сладить съ Кантомъ до отъѣзда въ деревню» [1])...

У Михаила Бакунина начало изученія нѣмецкой философіи совпало съ труднымъ и бурнымъ моментомъ его жизни. Въ декабрѣ 1835 года состоялось, наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ увольненіе его въ отставку изъ военной службы, при чемъ отецъ его, пустившій въ ходъ всѣ свои связи съ людьми сильными міра сего, для того чтобы увольненіе это состоялось безъ ущерба для будущей карьеры сына, надѣялся, какъ я уже упоминалъ въ главѣ VII, опредѣлить его тотчасъ же, какъ тогда выражались, «къ гражданскимъ дѣламъ». Послѣ долгихъ колебаній и сильнаго разлада съ самимъ собой Михаилъ Бакунинъ далъ на это свое согласіе, единственно изъ желанія угодить отцу, который въ это время сталъ окончательно слѣпнуть и потому былъ особенно раздражителенъ. Самъ Михаилъ Александровичъ уже опредѣленно рѣшилъ въ это время, отчасти можетъ быть подъ вліяніемъ Станкевича, посвятить себя вовсе не службѣ въ какой-нибудь канцеляріи, а серьезнымъ научнымъ занятіямъ, при чемъ мечталъ приготовиться со временемъ къ университетской каѳедрѣ и лучшимъ средствомъ для этого считалъ поступленіе въ университетъ вольнослушателемъ, а затѣмъ заграничную поѣздку [2]). Но отецъ объ

---

[1]) „Переписка“, стр. 167. О Кругѣ, см. выше.

[2]) Въ новомъ изданіи „Переписки“ Станкевича помѣщено замѣчательное письмо его къ Бакунину отъ 25 сентября 1835 года (стр. 572), гдѣ, обращаясь еще къ нему на *вы* и титулуя его милостивымъ государемъ, Станкевичъ между прочимъ писалъ ему по поводу тогдашнихъ предположеній Мишеля перейти въ гражданскую службу подъ начальство М. Н. Муравьева: ..... Я хотѣлъ бы

этомъ и слышать не хотѣлъ, опасаясь, что Мишель, при его непостоянномъ и легкомысленномъ характерѣ и неумѣніи обращаться съ деньгами, окончательно, такъ сказать, свихнется и сдѣлается неспособнымъ ни къ какому постоянному труду. Уступивъ въ этомъ спорѣ отцу, Михаилъ Александровичъ не

вступиться за одностороннюю умственную дѣятельность. Есть обстоятельства, въ которыхъ она должна замѣнить на нѣсколько времени гражданскую. Къ несчастію, теперь утвердилось основательное для человѣка мнѣніе, что государство должно быть машиною. Но машина портится отъ работы и времени; машину ломаютъ, чтобы поправить. Не бѣда полежать дереву, пока люди трудятся надъ нимъ, но каково членамъ государственной машины во время починки? Мы видѣли этому примѣры на Западѣ, который страдаетъ въ примѣръ прочимъ. Состояніе машины не есть образцовое состояніе общества: оно должно быть органическимъ тѣломъ, развиваться, не разрушаясь отъ полноты силъ и внутренней необходимости. Зачѣмъ же не пойти прямо къ этому идеалу общества? Зачѣмъ не содѣйствовать пробужденію этой внутренней необходимости, этихъ силъ органическихъ? При заботахъ объ уничтоженіи частныхъ, вредныхъ явленій эгоизма, почему не подумать о средствахъ ослабить этотъ эгоизмъ въ людяхъ, давъ доброе направленіе, пробудивъ лучшую жизнь въ душахъ ихъ? Правда, какъ орудіе правительства, гражданскій чиновникъ исправляетъ не одно временное зло, онъ имѣетъ вліяніе и на будущность. Но если родятся у него свои добрые замыслы? Если онъ вздумаетъ употреблять на это другія, не механическія средства? У насъ многіе взялись за дѣло. Точно какъ правительство старается охранить народъ отъ гражданскихъ несправедливостей, частные люди заботятся о матеріальномъ его состояніи, объ улучшеніи земледѣлія, промышленности и проч., начинаютъ писать объ этомъ въ журналахъ, дѣлаютъ опыты. Это называется дѣятельность практическая и положительная. Почему же бы не позаботиться о томъ, чтобы народъ самъ сталъ *думать*, самъ искать средствъ къ своему благосостоянію? Во всѣхъ европейскихъ журналахъ пишутъ о средствахъ возстановить нравственность въ простомъ (у насъ не въ одномъ бы простомъ это нужно было) народѣ механически, посредствомъ раздѣленія работъ, а не подумаютъ поднять ее образованіемъ. Нѣсколько святыхъ мыслей бродятъ еще въ Европѣ о воспитаніи народа наукою, искусствомъ, религіею; мысли эти пока не выходятъ еще изъ романовъ — тысячи голосовъ противъ нихъ: это мечты, этого *никогда не было!* Но, во-первыхъ, похожее на это было, а во-вторыхъ, есть ли два совершенно сходныхъ факта въ исторіи? Я очень мало изучалъ ее, а успѣлъ овладѣть однимъ результатомъ, который меня очень радуетъ: въ каждомъ вѣкѣ бываетъ то, чего никогда не бывало, и я увѣренъ, что будетъ то, о чемъ никто и не думаетъ. Простите! Боюсь, чтобы не вышло диссертаціи въ защиту умственной дѣятельности"... Далѣе онъ объясняетъ, что самъ онъ избралъ службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія и началъ съ должности почетнаго смотрителя училищъ, чтобы имѣть больше досуга для пополненія образованія.

Въ архивѣ Бакуниныхъ сохранился отрывокъ одного письма Л. А. Бакуниной къ Беерамъ (конца 1835 г.), на которомъ я нашелъ слѣдующую приписку

могъ однако же устоять на вынужденномъ у него согласіи. Принявъ предложеніе отца, онъ съ горя даже запилъ, какъ самъ впослѣдствіи признавался Станкевичу [1]), и, прокутивъ недѣлю, неожиданно для всей семьи уѣхалъ, вопреки волѣ отца, въ Москву, откуда уже увѣдомилъ встревоженнаго и огорченнаго отца о своемъ рѣшительномъ нежеланіи служить въ гражданской службѣ [2]).

Рѣшившись поселиться въ Москвѣ и тамъ устроить свою

Михаила Александровича: „Вотъ, любезные друзья, какъ судьбы Божіи неисповѣдимы! Сегодня пріѣзжаетъ исправникъ и привозитъ бумагу — отъ кого? и о чемъ бы вы думали? — Отъ дивизіоннаго моего генерала Перенна и о томъ, что если я къ 1 ноября не явлюсь, то меня... выключатъ изъ службы съ тѣмъ, чтобъ никуда не опредѣлять!... Какъ бы вы подумали, на что я рѣшился — ѣхать или не ѣхать? — Разумѣется, что на послѣднее. Если меня выключатъ, то я поселюсь въ Москвѣ вольнымъ слушателемъ въ университетѣ, въ надеждѣ, что въ продолженіе 3 или 2 лѣтъ, которыя я тамъ проведу, обстоятельства перемѣнятся"... Что онъ мечталъ и даже заговаривалъ съ родными о поѣздкѣ за границу въ то же время, видно изъ дальнѣйшихъ писемъ его сестеръ.

[1]) Въ письмѣ отъ 22 марта 1840 года, которое намъ придется цитировать впослѣдствіи.

[2]) Письма этого не сохранилось въ архивѣ, но это видно изъ послѣдующихъ писемъ отца и сестеръ.

Получивъ первое письмо Мишеля изъ Москвы, Александръ Михайловичъ писалъ ему 27 января 1836 года: „Я получилъ письмо изъ Москвы и вижу, что та же горячка въ головѣ твоей продолжается, а сердце молчитъ. Отъѣздъ твой не столько удивилъ, сколько огорчилъ меня. Истинная философія заключается не въ мечтательныхъ теоріяхъ и пустословіи, а въ исполненіи семейныхъ, общественныхъ и гражданскихъ обязанностей нашего быта, а ты, увлекаясь химерами, пренебрегаешь ими и толкуешь о какой-то внутренней жизни, которая все тебѣ замѣняетъ; а между тѣмъ самъ не знаешь, куда отъ себя дѣться. Эта хандра, которая тяготитъ тебя, — необходимое послѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, праздной жизни и безпокойной совѣсти. Я никогда не былъ деспотомъ и тебѣ согласоваться съ моею волею было бы похвально и полезно, а мнѣ сообразоваться съ твоею и твоими непонятными предразсудками было бы и смѣшно и глупо. Одно средство — остается тебѣ доказать, что сердце твое не совсѣмъ еще замерло. Опомнись, образумься и безусловно будь добрымъ и послушнымъ сыномъ. Загладь минувшее твоею покорностью и болѣе вѣрь слѣпому отцу, нежели слѣпому твоему... — какъ хочешь назови. Вотъ послѣднее мое слово".

Объ этомъ бѣгствѣ Мишеля имѣется краткое упоминаніе въ „Воспоминаніяхъ" *графа В. А. Сологуба*, который служилъ тогда въ Твери, часто бывалъ у Бакуниныхъ и былъ свидѣтелемъ этого происшествія. См. „Воспоминанія" гр. В. А. Сологуба, изд. Суворинымъ въ 1887 г. въ Спб., стр. 157.

жизнь по-своему, молодой Бакунинъ не могъ уже, конечно, разсчитывать на матеріальныя пособія изъ дома и надѣялся средства къ жизни зарабатывать «математическими уроками».

Этотъ внезапный отъѣздъ, похожій на бѣгство и впослѣдствіи такъ и называвшійся въ шутку «бѣгствомъ изъ Мекки въ Медину», потрясъ сестеръ Михаила Александровича еще сильнѣе, нежели его родителей. Не говоря о тревогѣ, которую онѣ испытывали, за любимаго брата, онѣ не могли примириться и съ его поступкомъ, который казался имъ оскорбительнымъ и незаслуженнымъ со стороны семьи, окружавшей Михаила Александровича своею любовью [1]). Все это показываетъ достаточно ярко, въ какихъ обстоятельствахъ находился Михаилъ Бакунинъ въ то время, когда имъ и Станкевичемъ начато было изученіе Канта. И, кажется, мы не ошибемся, если признаемъ, что онъ едва ли успѣлъ въ это время проштудировать Канта сколько-нибудь основательно. Въ Москвѣ же, тотчасъ по своемъ тамъ водвореніи, какъ только ему удалось тамъ устроиться и найти кой-какіе уроки математики и физики, на которые онъ возлагалъ, повидимому, преувеличенныя надежды [2]), онъ уже переходитъ отъ Канта къ Фихте. На первый взглядъ это былъ переходъ вполнѣ естественный, какъ и писалъ впослѣдствіи Бѣлинскій, сблизившійся съ Бакунинымъ около этого времени, въ одномъ изъ писемъ своихъ 1838 г. [3]). Но мы имѣемъ основаніе думать, что Михаилъ Александровичъ перешелъ къ Фихте, не успѣвъ основательно изучить Канта. Изучить Канта въ какіе-нибудь два-три мѣсяца, даже при условіи спокойныхъ и усидчивыхъ занятій, для человѣка мало подготовленнаго къ чтенію серьезныхъ умозрительныхъ сочиненій, конечно, далеко не легко; это мы ясно можемъ видѣть между прочимъ и на примѣрѣ Станкевича. Для человѣка же, переживавшаго такія треволненія и кризисы, какіе пришлось пережить въ это время Бакунину, углубленіе въ Канта и сколько-нибудь серьезное изученіе его надо признать просто немыслимымъ. И мы дѣйствительно не встрѣчаемъ во всей обширной

---

[1]) Письма Л. А. и Т. А. Бакуниныхъ безъ датъ, отъ начала 1836 г. (повидимому, писанныя въ серединѣ января 1836 г.). Мы къ нимъ еще возвратимся.

[2]) Письмо М. А. Бакунина къ отцу отъ 29/II 1836 г. и письмо отца къ нему отъ 22/II 1836 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 12 октября 1838 г.

перепискѣ его съ сестрами и друзьями никакихъ указаній на то, чтобы онъ употребилъ въ это время необходимыя усилія на усвоеніе Кантовой «Критики чистаго разума», тогда какъ въ тѣхъ же письмахъ встрѣчается не мало указаній на погруженіе его въ это именно время въ сферу религіозной мысли. Этому послѣднему обстоятельству вполнѣ соотвѣтствуетъ и тотъ фактъ, что отъ Канта онъ перешелъ не къ изученію основного трактата Фихте, его Wissenschaftslehre, т.-е. теоріи знанія, и даже не къ его книгѣ «О назначеніи человѣка», въ которой воспроизводятся основныя черты всей Фихтевой системы, а къ тѣмъ его сочиненіямъ, которыя соотвѣтствовали непосредственнымъ запросамъ и настроенію самого Бакунина. Онъ сталъ читать въ это время сравнительно популярныя лекціи Фихте «О назначеніи ученыхъ», переводъ которыхъ и помѣстилъ въ *Телескопъ* Надеждина по просьбѣ Бѣлинскаго [1], и извѣстный трактатъ Фихте «Die Anweisung zum seligen Leben» — трактатъ по философіи религіи, которымъ онъ прямо зачитывался. Выражаясь языкомъ Фихте, онъ очень мало стремился въ это время упражнять свое *теоретизирующее Я*, т.-е. умозрительно изучать дѣйствительность — *то, что есть*, и, наоборотъ, былъ всецѣло погруженъ въ развитіе своего *практическаго Я*, т.-е. въ созданіе своихъ идей о томъ, *что должно быть*. Въ этомъ отношеніи направленіе его занятій значительно отличалось отъ направленія занятій Станкевича, что не мѣшало обоимъ друзьямъ много времени проводить вмѣстѣ и взаимно вліять другъ на друга, обмѣниваясь своими мыслями и повѣряя другъ другу свои сомнѣнія, мечты и задушевные планы. Вскорѣ между ними не оставалось никакихъ тайнъ, и Бакунинъ могъ свободно обсуждать не только сомнѣнія и недоумѣнія, возникавшія у Станкевича при чтеніи Канта въ области трансцендентальной логики, но и разбирать съ точки зрѣнія этики Фихте самыя сокровенныя и интимныя движенія души своего друга. Очень быть можетъ, что этотъ живой обмѣнъ мыслей помогалъ иногда Станкевичу, благодаря выдающимся діалектическимъ способностямъ Бакунина, яснѣе схватывать трудныя отвлеченности Кантовой системы; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ гораздо большей степени онъ увлекалъ и Станкевича

[1] Т. XXIX за 1835 г., стр. 1—49.

отъ проблемъ чистой мысли къ болѣе живымъ и захватывающимъ проблемамъ религіозной сферы, къ которымъ, какъ мы видѣли, Станкевичъ и безъ того былъ весьма склоненъ. Уже въ апрѣлѣ 1836 г. онъ, отправляясь въ деревню и затѣмъ на Кавказъ, беретъ съ собой трактатъ Фихте «О назначеніи человѣка» и успѣваетъ прочесть его въ дорогѣ—во время остановокъ и даже отчасти въ бричкѣ! Это показываетъ, до какой степени мысль друзей привыкла уже въ это время вращаться въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ [1]).

«Die Anweisung zum seligen Leben»—«наставленіе къ блаженной жизни»,—которымъ въ особенности зачитывался Бакунинъ въ это время, представляетъ собой трактатъ, заключающій въ себѣ систематически изложенные окончательные выводы Фихте, къ которымъ онъ пришелъ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности относительно религіозныхъ міровоззрѣній, основанныхъ на умозрительныхъ данныхъ. Въ свое время Фихте, какъ извѣстно, пришлось испытать нѣкоторыя преслѣдованія и гоненія за свои религіозные взгляды, при чемъ литературные и политическіе враги старались приписать ему атеистическій образъ мыслей. Фихте пришлось защищаться отъ этихъ злокозненныхъ обвиненій, благодаря чему почти всѣ сочиненія его, касавшіяся религіозныхъ воззрѣній, написанныя послѣ знаменитаго спора объ атеизмѣ, носятъ на себѣ нѣкоторый полемическій отпечатокъ [2]). Этотъ же отпечатокъ, несмотря на всю систематичность изложенія, носитъ и «наставленіе къ блаженной жизни». Бакунину, который какъ разъ въ это время переживалъ свой первый семейный и нравственный кризисъ, этотъ тонъ могъ только нравиться. Ученіе Фихте о религіи связано тѣснѣйшимъ образомъ съ основнымъ его ученіемъ, съ его теоріей знанія (Wissenschaftslehre). Самъ онъ считалъ свое ученіе о религіи «завершеніемъ и самой свѣтлой точкой», послѣдовательнымъ развитіемъ своей философской системы. Мы не можемъ здѣсь излагать подробно содержаніе его трактата, но для пониманія хода развитія и дѣятельности Михаила Бакунина въ самомъ

---

[1]) *Анненковъ:* „Н. В. Станкевичъ", ч. I, стр. 136.

[2]) *Куно Фишеръ:* „Исторія новой философіи", т. VI, стр. 612. Споръ объ атеизмѣ изложенъ тамъ же, стр. 180—200. Подробнѣе этотъ споръ и всѣ послѣдствія его для Фихте изложены въ біографіи его, составленной его сыномъ: „I. G. Fichte's Leben und literarischer Briefwechsel", Leipzig, 1862.

началѣ его общественной карьеры намъ необходимо познакомить читателя, по крайней мѣрѣ, съ основными выводами религіозныхъ воззрѣній Фихте. Жизнь, по ученію Фихте, есть именно стремленіе къ блаженству. Гдѣ жизнь, тамъ потребность и влеченіе къ полному ея удовлетворенію. Продолжительное и полное удовлетвореніе этого влеченія Фихте называетъ блаженствомъ и отожествляетъ его съ самой жизнью. Стремленіе къ соединенію съ объектомъ влеченія онъ называетъ любовью, и потому жизнь, блаженство и любовь съ его точки зрѣнія могутъ считаться синонимами. Кто не любитъ, тотъ не живетъ. Вся жизнь состоитъ въ погонѣ за счастьемъ. Но отдѣльные люди гонятся за весьма различными объектами. Иные гонятся за призрачными пустыми объектами въ сферѣ преходящей мірской жизни, другіе стремятся къ достиженію неизмѣннаго, вѣчнаго. Только обладаніе вѣчнымъ, неизмѣннымъ, даетъ истинное блаженство, истинную жизнь. Обладать вѣчнымъ можно лишь черезъ познаваніе его, а познавать его можно лишь разумомъ, мыслью. Но, по Фихте, принципъ всякаго знанія есть самосознаніе, а принципъ всякаго самосознанія есть абсолютное единство бытія и знанія, полное тожество субъекта (познающаго) и объекта (познаваемаго), безъ чего не можетъ существовать и самое сознаніе. Абсолютную тожественность, составляющую основу самосознанія, Фихте называетъ истинно дѣйствительнымъ Бытіемъ, Божественнымъ или Абсолютомъ. Возвращеніе самосознанія къ этой своей основѣ, постиженіе вѣчнаго, выходъ за предѣлы полагаемаго обычнымъ познаніемъ раздѣленія бытія и знанія, «погашеніе раздѣленнаго и раздѣляющаго самосознанія въ вѣчномъ»—это и есть, по Фихте, сущность религіи. Единственная форма, въ которой открывается божественное бытіе—самосознаніе—заключаетъ въ себѣ, однако, и условія, необходимо затемняющія намъ это бытіе. Эти условія заключаются въ стремленіи нашего самосознанія отдѣлить себя отъ познаваемаго. Полное раздѣленіе субъекта и объекта есть состояніе тьмы; полное соединеніе, абсолютное тожество—состояніе свѣта! Между тѣмъ и другимъ состояніемъ можетъ быть безконечное множество ступеней. Столь же безконечны и ступени нашихъ религіозныхъ міровоззрѣній. Но Фихте сводитъ ихъ къ пяти главнымъ. Первая, низшая ступень—это чувственная точка зрѣнія, для которой внѣшній

объектъ, воспринимаемый нашимъ чувствомъ, и вообще чувственный міръ является единымъ дѣйствительнымъ, выше котораго эта точка зрѣнія не хочетъ и признавать. Это ступень чувственнаго (матеріалистическаго) воззрѣнія на міръ. Слѣдующая, болѣе высокая точка зрѣнія признаетъ въ мірѣ обнаруженіе устрояющаго разумнаго закона, обусловливающаго какъ бытіе человѣчества въ качествѣ разумныхъ и свободныхъ существъ, такъ и бытіе чувственнаго міра, какъ арены для человѣческой дѣятельности. Третью ступень составляетъ воззрѣніе, по которому само человѣчество является отображеніемъ божественной идеи, при чемъ устрояющій законъ въ предѣлахъ человѣческаго міра и чувственный міръ, какъ арена для дѣятельности перваго, являются уже послѣдующими звеньями этого міровоззрѣнія. Это воззрѣніе возвышается надъ голой нравственностью (надъ вторымъ догматическимъ міровоззрѣніемъ), но и въ немъ еще начала божеское и человѣческое являются раздѣленными, благодаря чему божественная сущность находится еще въ тѣни, «по ту сторону нашего самосознанія». Четвертое міровоззрѣніе, при которомъ завѣса падаетъ или становится прозрачной, является лишь тогда, когда на самосознаніе начинаютъ смотрѣть, какъ на непосредственное выраженіе божественной жизни. Тогда наша жизнь и жизнь божественная есть уже поистинѣ единая жизнь, и въ сознаніи этого единства и заключается религія или блаженная жизнь. На вопросъ, что такое Богъ, если исходить изъ пустого, призрачнаго понятія Бога, внѣ насъ находящагося, нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта. И лишь при сознаніи единства нашего самосознанія съ Богомъ получается на вопросъ, что такое Богъ, удовлетворительный отвѣтъ: онъ есть то, что творитъ преданный ему и вдохновленный имъ. «Хочешь ты видѣть Бога лицомъ къ лицу, каковъ онъ есть самъ по себѣ? Не ищи его — говоритъ Фихте — за облаками, ты найдешь его всюду, гдѣ ты самъ. Посмотри на жизнь преданныхъ ему, и ты увидишь его; предайся ему самъ, и ты найдешь его въ своемъ сердцѣ».

Однако и это еще не высшая ступень религіознаго міровоззрѣнія, по Фихте. Надъ ней возвышается пятая. Это есть та же, только что описанная точка зрѣнія, но просвѣтленная умозрѣніемъ, наукой. Для религіи единство божественной и чело-

вѣческой жизни есть просто абсолютный фактъ; наука показываетъ генезисъ этого факта. Религія безъ такого познанія есть просто вѣра; религія, проникнутая познаніемъ, есть прозрѣніе.

Изложивъ свою теорію религіи. Фихте старается доказать, что взглядъ его вполнѣ совпадаетъ со взглядомъ Евангелія Іоанна, котораго онъ признаетъ истиннымъ изобразителемъ христіанской вѣры. Одинаковость своего взгляда со взглядомъ евангелиста Іоанна Фихте доказываетъ слѣдующимъ образомъ: изъ признанія единства сознанія и Бога слѣдуетъ вѣчность сознанія. Бытіе и откровеніе Бога столь же вѣчны, какъ и онъ самъ. Откровеніе и есть знаніе. сознаніе; какъ слѣдствіе ихъ возникаютъ объекты, міръ, вещи. Отрицать вѣчность сознанія все равно, что отрицать вѣчность откровенія. Но кто принимаетъ актъ творенія міра. тотъ отрицаетъ вѣчность сознанія. Поэтому принятіе акта творенія (въ іудействѣ, язычествѣ) есть признакъ ложности религіознаго ученія для Фихте. Наоборотъ, Евангеліе Іоанна съ первыхъ же словъ обнаруживаетъ себя, какъ истинное ученіе. Оно не говоритъ: «вначалѣ Богъ сотворилъ небо и землю».... но говоритъ: «въ началѣ было Слово (Λόγος) и Слово было у Бога и Богъ былъ Слово; черезъ Него все было и безъ него ничего не начинало быть изъ того, что нàчало быть». Фихте признаетъ, что личность Іисуса Христа есть временное явленіе Слова; въ немъ сознаніе абсолютнаго единства божественнаго и человѣческаго бытія явилось дѣйствительно впервые въ мірѣ. До него никто не обладалъ этимъ сознаніемъ съ такою ясностью. Послѣ него всѣ сдѣлались возможными участниками этого единенія съ Богомъ, этого блаженства... [1]).

Это совпаденіе Фихтеанскаго религіознаго воззрѣнія съ воззрѣніемъ первобытнаго недогматическаго христіанства было очень существенно, какъ мы ниже увидимъ, для М. А. Бакунина въ его пропагандѣ фихтеанскихъ взглядовъ.

---

[1]) Въ статьяхъ своихъ въ Русской Мысли (1911, кн. X), писанныхъ въ деревнѣ, я излагалъ содержаніе Anweisung zum seligen Leben по Куно Фишеру („Исторія новой философіи“, т. VI, стр. 612—629 русск. изданія 1909 г.), такъ какъ у меня не было тогда подъ руками полнаго собранія сочиненій Фихте, а въ Рекламовскія изданія „Anweisung zum seligen Leben“ не вошло. Теперь я провѣрилъ свое изложеніе по послѣднему изданію Anweisung въ *Fichtes Werke*, (Leipzig 1910), B. V, s. 105—279 и не нашелъ нужнымъ его измѣнять.

Прежде чѣмъ оставить изложеніе главнѣйшихъ выводовъ фихтеанской философіи религіи, слѣдуетъ указать еще на ученіе Фихте о различныхъ точкахъ зрѣнія на блаженную жизнь. Онъ указываетъ, что на низшей ступени человѣческаго міровоззрѣнія человѣкъ ищетъ блаженства въ удовлетвореніи какихъ-либо матеріальныхъ потребностей и стремленій. Второй ступени міровоззрѣнія, именно признанію господства устрояющаго закона, соотвѣтствуетъ точка зрѣнія догматическо-аскетической морали, блаженство усматривается въ исполненіи формальнаго долга. И только на высшей ступени религіознаго воззрѣнія блаженство дается религіозной любовью къ людямъ. «Любовь — говоритъ Фихте — выше всякаго разума, она сама источникъ разума, она основа реальности и единственный творецъ жизни и времени; этимъ я ясно выражаю самую высшую точку зрѣнія ученія о бытіи, о жизни и о блаженствѣ» [1]).

Таковы были религіозные взгляды, найденные М. А. Бакунинымъ въ «Наставленіи къ блаженной жизни» Фихте. Нельзя не видѣть, что взгляды эти во многомъ совпадали съ его собственными и во всякомъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствовали его настроенію.

Что касается лекцій «О назначеніи ученыхъ», то переводъ этихъ лекцій предпринятъ былъ, какъ уже сказано, для *Телескопа*, редактировавшагося въ 1835 г. въ отсутствіе Надеждина Бѣлинскимъ, съ которымъ М. А. сблизился въ это время черезъ Станкевича [2]). Выпускъ книжекъ *Телескопа* производился тогда съ большимъ запаздываніемъ, такъ что Бакунинъ въ февралѣ и мартѣ 1836 г. переводилъ эти лекціи для недоданныхъ №№ *Телескопа* за 1835 годъ. Переводъ его былъ напечатанъ въ XXIX части *Телескопа*, которая вышла отъ цензора 1 мая 1836 г. Изъ пяти лекцій, прочитанныхъ Фихте въ 1794 г., переведены были первыя четыре [3]). Первая изъ этихъ лекцій разсматриваетъ назначеніе человѣка самого по себѣ,

---

[1]) J. G. Fichtes Werke, V, 254—255.

[2]) Ср. статью мою „Къ біографіи Бѣлинскаго“ въ *Русской Мысли* за 1911 г., кн. VI, стр. 34.

[3]) Ср. „Ueber die Bestimung des Gelehrten“ въ Рекламовскомъ изданіи №№ 526-527. Фихте читалъ на ту же тему лекціи еще въ 1811 г., которыя и были изданы подъ названіемъ „Fünf Vorlesungen über die Bestimung des Gelehrten“. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ переведенными Бакунинымъ.

человѣка, взятаго отдѣльно отъ общества, съ точки зрѣнія общихъ положеній Фихтевой системы; во второй тѣмъ же умозрительнымъ путемъ выводится, каково должно быть назначеніе человѣка въ обществѣ; въ третьей разсматриваются тѣ классы, профессіи и сословія, на которые человѣческое общество раздѣляется и, наконецъ, въ четвертой разъясняется назначеніе ученыхъ, людей науки, учителей общества, причемъ подъ наукой Фихте разумѣетъ умозрительную науку, философію въ обширномъ смыслѣ этого слова, благодаря чему и ученый въ его пониманіи представляется проповѣдникомъ истины, воспитателемъ общества, почти пророкомъ. Пятая лекція, не переведенная Бакунинымъ, посвящена разбору ученія Руссо о вліяніи искусствъ и наукъ на благосостояніе человѣчества. Лекціи эти Фихте читалъ почти совершенно неподготовленнымъ слушателямъ безъ изложенія имъ общихъ основъ своей системы. Поэтому въ исходныхъ пунктахъ ему приходилось просить ихъ иногда принять кое-что на вѣру со ссылкою лишь на доказательства, приведенныя въ другомъ мѣстѣ, или обращаться къ непосредственному свидѣтельству ихъ собственнаго сознанія. Но, именно, потому что онъ имѣлъ въ виду неподготовленность своихъ слушателей, онъ старался излагать свои взгляды въ возможно доступной и популярной формѣ. Въ этомъ отношеніи выборъ этихъ именно лекцій для популяризаціи идей Фихте среди русской публики можетъ быть признанъ довольно удачнымъ. Что касается перевода, то онъ сдѣланъ вполнѣ литературно, хотя мѣстами и не совсѣмъ точно, при чемъ Бакунинъ дозволилъ себѣ даже небольшія сокращенія и измѣненія текста въ тѣхъ случаяхъ, когда Фихте дѣлаетъ указанія и ссылки, весьма полезныя и доступныя для его слушателей, но совершенно безполезныя для читателей русскаго журнала [1]).

Убѣжденія, почерпнутыя Бакунинымъ изъ сочиненій Фихте, близко подошедшія къ его собственному настроенію и къ прежнимъ его взглядамъ, дали ему богатый арсеналъ для пропаганды своихъ идей и чрезвычайно удобную для него опору для построенія и развитія уже отчасти построенныхъ имъ плановъ относительно будущей своей дѣятельности. И религіозные взгляды Фихте и идея учительства въ той или другой обще-

---

[1]) Я сравниваю съ нѣмецкимъ текстомъ по Рекламовскому изданію (№ 526).

ственной средѣ вполнѣ совпадали съ самыми задушевными стремленіями и вкусами молодого Бакунина. И онъ тотчасъ же началъ дѣлать попытки примѣненія ихъ и къ самому себѣ, и къ окружающей его средѣ, на первый разъ довольно тѣсной, состоявшей изъ его семейнаго круга и ближайшихъ друзей. Онъ почувствовалъ въ себѣ глубокое призваніе къ преобразованію окружающей его человѣческой жизни. Чтобы слѣдить за развитіемъ этой его дѣятельности, намъ надо вернуться немного назадъ и подробнѣе освѣтить тѣ отношенія, которыя сложились у него въ тотъ моментъ съ его близкими.

ГЛАВА XII.

Стремленіе Михаила Бакунина построить на философскихъ началахъ свою жизнь и жизнь близкихъ.—Пребываніе его въ Москвѣ въ мартѣ 1835 года и сближеніе съ сестрами Бееръ.—Семья Бееръ.—Natalie и Alexandrine.—Дружба съ ними Михаила Бакунина и письмо Натальи Бееръ о немъ къ его сестрамъ.—Недоумѣніе сестеръ Бакунина.—Переписка Бакуниныхъ съ Беерами въ 1835 г.—Отношенія Михаила Бакунина съ сестрами и родителями въ 1835 г. въ Премухинѣ и Твери.—Переписка его съ отцомъ по поводу бѣгства его изъ Твери въ Москву въ январѣ 1836 г.—Переписка съ сестрами и временная порча ихъ отношеній.

Мы видѣли, что стремленіе Михаила Бакунина составить себѣ самостоятельное религіозное міровоззрѣніе проявилось довольно рано—приблизительно съ средины 1833 года, когда ему было не болѣе 19 лѣтъ. Стремленіе это сопровождалось раскаяніемъ въ своихъ юношескихъ грѣхахъ и проступкахъ и попытками такъ или иначе пропагандировать свои новые взгляды и примѣнять ихъ на дѣлѣ хотя бы въ сферѣ своего собственнаго семейства, между своими сестрами. Сестры Михаила Бакунина были, какъ мы видѣли, съ дѣтства наклонны къ религіознымъ мыслямъ и чувствамъ и даже къ религіозной экзальтаціи. Однако, новые взгляды Мишеля, начинавшіе съ отрицанія установившагося церковнаго преданія и съ пренебреженія ритуальной стороной положительной религіи, не сразу могли быть ими восприняты и даже отпугивали и огорчали ихъ вначалѣ, что видно въ особенности по письмамъ старшей сестры Любови Александровны, которая была особенно склонна держаться за внѣшнюю сторону религіозныхъ вѣрованій и церковныхъ обычаевъ [1]. Поэтому, когда Мишель пріѣхалъ въ

[1]) Нѣсколько позднѣе, именно въ 1836 году, по поводу примиренія съ братомъ послѣ первой ссоры его съ сестрами, Любовь Александровна въ дружескомъ письмѣ къ Мишелю просила его не лишать ихъ религіи, которая является самымъ драгоцѣннымъ ихъ благомъ на землѣ.

началѣ 1835 г. изъ Западнаго края въ родительскій домъ, то вліяніе его на сестеръ въ началѣ его пребыванія дома не шло особенно далеко. Варвара и Татьяна, въ особенности, признавали возвышенность его стремленій, но не раздѣляли его свободомыслія.

Впервые ему удалось произвести глубокое и сильное впечатлѣніе своими философско-религіозными взглядами не на сестеръ, а на ихъ подругъ, Наталью Андреевну и Александру Андреевну Бееръ. Зная семью Бееровъ съ дѣтства, Мишель навѣстилъ ихъ въ Москвѣ во время первой же своей поѣздки туда изъ Твери въ мартѣ 1835 года, тотчасъ послѣ отъѣзда оттуда своихъ сестеръ Любови и Татьяны, когда только что завязался первый узелъ романа Любови Александровны со Станкевичемъ, послужившій въ то же время рѣшительнымъ финаломъ романической дружбы Станкевича съ Натальей Бееръ. Сестры Бееръ переживали въ это время одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ своей жизни, такъ какъ въ это же время и у Александры произошла какая-то романическая исторія, повидимому, состоявшая въ томъ, что мать ихъ, дама весьма своенравная и рѣзкая, заподозрѣла свою вторую дочь въ слишкомъ большой склонности къ ея двоюродному брату Ѳедору Константиновичу Ржевскому, и предположила ее выдать замужъ за человѣка, къ которому Alexandrine не питала ни малѣйшаго расположенія. На этой почвѣ между матерью и дочерьми создались отношенія настолько тяжелыя, что Александра, дѣвушка весьма склонная къ религіозной экзальтаціи, стала подумывать объ уходѣ изъ дому въ монастырь.

Въ такой-то тяжелый моментъ только что пережитыхъ и еще продолжавшихся глубокихъ сердечныхъ потрясеній и тяжелыхъ семейныхъ сценъ явился къ Беерамъ юный Бакунинъ. Сближеніе между нимъ и обѣими сестрами Бееръ произошло съ такой головокружительной быстротой, что трудно себѣ представить. 6 марта 1835 г. Любовь и Татьяна Бакунины уѣхали изъ Москвы, послѣ двухнедѣльнаго тамъ пребыванія, въ Тверь, оставивъ, какъ мы видѣли [1]) Наталью и Александру въ самомъ отчаянномъ настроеніи, и уже черезъ нѣсколько дней онѣ начинаютъ получать отъ обѣихъ своихъ подругъ письма,

---

[1]) Срав. главу VIII.

наполненныя самыми восторженными впечатлѣніями отъ знакомства ихъ съ какимъ-то новымъ таинственнымъ лицомъ, которое сразу и въ изобиліи доставило имъ столь необходимый для нихъ бальзамъ на ихъ глубокія душевныя раны. Получая эти восторженныя письма, Любовь и Татьяна ломали себѣ головы и не понимали, что бы это могло значить, и то склонялись къ предположенію, что романъ Натальи со Станкевичемъ принялъ неожиданно благопріятный для нея оборотъ, то начинали подозрѣвать въ письмахъ подругъ просто мистификацію, съ ихъ точки зрѣнія, конечно, весьма странную и даже возмутительную. 14 марта Мишель вернулся домой и привезъ письмо Натальи, которое должно было все объяснить. Оказалось, что это онъ-то и есть этотъ новый благодѣтельный другъ, которому удалось въ такой короткій срокъ если не залѣчить, то во всякомъ случаѣ сдѣлать почти нечувствительными ихъ глубокія раны. Замѣчательно, что это скоропостижное сближеніе Мишеля съ обѣими сестрами Бееръ произошло въ тотъ самый моментъ, когда въ воспаленной головѣ Натальи, отчаявшейся въ любви Станкевича, созрѣлъ внезапный планъ сосватать его съ Любовью Александровной. Письмо Натальи Андреевны Бееръ отъ 14 марта настолько характерно, что я позволю себѣ привести его здѣсь въ переводѣ [1]).

«Вотъ разрѣшеніе загадки (voici donc le mot de l'énigme),— писала Наталья Андреевна Любови Александровнѣ,—вотъ то интересное лицо, которое занимало исключительно всѣ мои мысли въ эти дни. Я не буду говорить вамъ, какъ мы ихъ провели съ нимъ; въ этомъ, надѣюсь, вамъ отдастъ точный отчетъ онъ самъ. Но я хочу въ свою очередь отдать вамъ точный отчетъ въ томъ, что́ его присутствіе заставило меня перечувствовать, передумать, разсудить и открыть (inventer). Дорогіе друзья, ни одна изъ васъ не знаетъ Мишеля. Я хорошо знаю любовь всѣхъ васъ къ нему, но скажите по совѣсти, эта любовь даетъ ли ему утѣшеніе въ его печаляхъ? Его ли вы любите? Вы до сихъ поръ упорствуете въ своемъ взглядѣ на него, какъ на ребенка. (О, это ребенокъ, который уже многое можетъ и котораго трудно водить на помочахъ; онъ эти помочи

[1]) Почти всѣ письма Нат. и Алекс. Андр. Бееръ къ Бакунинымъ, какъ и письма М. А. Бакунина къ его сестрамъ и къ барышнямъ Бееръ, писаны по-французски.

разорветъ съ силой и, пожалуй, сломаетъ себѣ при этомъ голову, но отъ этого родные его не должны ли страдать вдвойнѣ?) Какъ не постараться серьезно узнать, нѣтъ ли какихъ-нибудь другихъ средствъ руководить имъ, если вы считаете его слишкомъ слабымъ, чтобы предоставить его самому себѣ. Я думаю, дорогіе друзья, что единственныя помочи, которыми можно бы было руководить это дитя,—это ваша дружба къ нему; но разумѣйте ее въ болѣе пространномъ (etendu) смыслѣ. Дружба не можетъ быть истинной, искренней, крѣпкой, когда любятъ по инстинкту безъ совершеннаго пониманія другъ друга, безъ истиннаго взаимнаго познанія. Можно создать себѣ идеалъ и воспылать къ нему страстью...

Пятница вечеръ, 15 марта.

«Я была прервана вчера въ самомъ разгарѣ моихъ философскихъ размышленій приходомъ Мишеля въ сопровожденіи всѣхъ этихъ господъ [1]), такъ что пришлось остановиться. Вечеръ протекъ въ ихъ любезномъ сообществѣ, половина ночи также; сегодняшнее утро въ грустномъ прощаніи, день въ тягостномъ отдыхѣ—и вотъ я опять принимаюсь за философствованіе. Ибо вѣдь это хватаетъ меня за сердце, я истинная мученица, когда переливаю изъ одной его части въ другую то, что его давитъ... Нашъ милый Мишель теперь съ вами. Дорогіе друзья, постарайтесь его узнать, отбросьте всѣ ваши ложные взгляды на него; вѣрьте мнѣ, мы болѣе васъ въ состояніи видѣть его такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Это уже не ребенокъ. О, далеко отъ этого! Всѣ его взгляды, всѣ его принципы, если и могутъ измѣниться, сдѣлаться еще глубже, стать устойчивѣе, то они и теперь справедливы и истинны. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ сила характера и пылъ души могутъ многое, и эти свойства тѣмъ для него опаснѣе, что долго были подъ гнетомъ. Подумайте же серьезно о томъ непоправимомъ вредѣ, который вы можете ему причинить при всей той любви къ нему, какою вы его любите. Если вы будете долѣе упорствовать видѣть въ немъ то существо, которое вы себѣ создали (вашимъ воображеніемъ), вы не узнаете дѣйствительнаго Мишеля, который можетъ годы прожить съ вами безъ того, чтобы вы его узнали такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ

---

[1]) Т.-е. Станкевича, Красова, Ефремова и друг.

дѣлѣ; ибо я васъ предупреждаю: *заслуга прячется, надо ее найти*. Вы, можетъ быть, скажете: вотъ эта экзальтированная Наталья проповѣдуетъ намъ мораль, какъ будто мы не знаемъ нашего брата лучше, чѣмъ она. Нѣтъ, нѣтъ дорогіе друзья, рѣшительно нѣтъ! вы его вовсе не знаете, и я слишкомъ люблю васъ, я слишкомъ люблю его, чтобы не употребить всѣ возможныя усилія для предупрежденія зла, которое можетъ отсюда произойти. Восемь дней, которые мы провели съ нимъ [1]), откровенные разговоры, которые мы съ нимъ имѣли положительно намъ доказали, что вы его не знаете. Не подумайте, что онъ на васъ жаловался: нѣтъ,—вы и не представляете себѣ, какъ онъ васъ любитъ. Но—позволите ли мнѣ быть вполнѣ откровенной?—эта любовь, эта дружба между вами и имъ, дорогіе друзья, только внѣшняя. Могутъ ли онѣ существовать безъ полной сознательности съ обѣихъ сторонъ? А съ вашей стороны развѣ она есть?

Не знаю, почему и какъ, но его присутствіе произвело на меня дѣйствіе, въ которомъ я никогда не буду въ состояніи отдать вамъ полный отчетъ. Это былъ хаосъ, пропасть чувствъ, идей, которыя меня совершенно потрясли. Тысячу разъ я принималась обдумывать, углублять эти вещи и всякій разъ я терялась въ ихъ лабиринтѣ. О, это потому, что сердце и голова Мишеля это такіе лабиринты, въ которыхъ не скоро найдешь руководящую нить, а искры, которыя вспыхиваютъ время отъ времени (ибо его сердце и голова полны огня), такъ же незамѣтно воспламеняютъ и вамъ сердце и голову. Ты скажешь, дорогой другъ, она съ ума сошла, она влюбилась въ него! Первое, можетъ быть, вѣрно—я въ этомъ сознаюсь,—но ты знаешь, возможно ли второе. О, я отъ тебя не прячусь, все мое сердце открыто, и такъ какъ ты видишь его, какъ я сама, то и суди объ этомъ, какъ хочешь. Да, Мишель—это одно изъ тѣхъ существъ, кому женщина съ душой хотѣла бы всѣмъ пожертвовать. Смѣйся, если хочешь, надъ моей экстравагантной экзальтированностью, но я хочу тебѣ передать всѣ мои безумныя мысли этихъ дней. Изъ всѣхъ моихъ наблюденій надъ Мишелемъ, изъ всѣхъ чувствъ, которыя онъ обнаружилъ, я заключаю, что не только ради его счастья, но ради

[1]) Отъ 6 до 14 марта 1835 г.

его безопасности, можетъ быть, ради сохраненія его жизни, нужно, чтобы какое-нибудь существо, способное его совершенно понимать, любить его такъ, какъ онъ заслуживаетъ быть любимымъ, привязалось бы къ нему всѣми способностями своей души и никогда его не оставляло. Повѣришь ли, бывали минуты (о, эти минуты были для меня истинно адскія), когда я желала купить, если бы это было возможно, всѣми самыми ужасными несчастіями власть возродить его или уничтожиться самой, дать своею смертью новую жизнь новой женщинѣ,— женщинѣ, которая могла бы дать ему счастье, заботиться о немъ, быть его ангеломъ-хранителемъ. Въ эти минуты я хотѣла бы обладать могуществомъ Бога, я хотѣла устроить...»

Къ сожалѣнію, окончаніе письма утеряно; но и сохранившагося достаточно, чтобы дать наглядное представленіе о силѣ впечатлѣнія, которое могъ производить Михаилъ Бакунинъ въ то время на экзальтированныхъ женщинъ, подобныхъ Натальѣ Бееръ. Ниже мы увидимъ, что его вліяніе простиралось тогда почти съ такою же силою и на людей болѣе уравновѣшенныхъ и съ неизмѣримо болѣе сильнымъ духомъ, нежели у Натальи Андреевны Бееръ, притомъ на людей обоего пола.

На сестеръ Михаила Бакунина письмо Натальи Андреевны произвело непріятное впечатлѣніе, и Татьяна Александровна даже высказала въ письмѣ къ Александрѣ Андреевнѣ то самое подозрѣніе, которое предвидѣла сама Наталья, имѣя въ виду страстный тонъ своего письма. Сестрамъ Бакунина естественно показалось, что Наталья начинаетъ увлекаться Мишелемъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ она только что была увлечена Станкевичемъ. Беерамъ это подозрѣніе было обидно, потому что оно было равносильно сомнѣнію въ постоянствѣ и глубинѣ чувствъ Натальи вообще. Наталью оно задѣло за живое, и она написала нѣсколько времени спустя (1 мая 1835 г.) ироническое письмо къ Татьянѣ по поводу этихъ подозрѣній. Алексндра Андреевна съ своей стороны писала Татьянѣ, что ея предположеніе о страсти Natalie къ Мишелю причинило Натальѣ вредъ, тѣмъ что заставило ее крѣпче держаться за свое чувство къ Станкевичу, такъ какъ отказъ отъ него доказалъ бы ея слабость, ея безхарактерность. «Ты ее такъ напугала,—писала Александра Андреевна,—что она боится сама себя, не довѣряетъ святости своего чувства къ Michel и думаетъ, что послѣ того, какъ

страсть къ Станкевичу будетъ гибнуть, чувство къ Michel будетъ возрастать; итакъ, она вывела изъ этого ясный силлогизмъ: чтобы олицетворить дружбу къ Michel, надо поддерживать въ себѣ страсть къ Станкевичу»...

Быть можетъ, именно вслѣдствіе этого силлогизма Натальи Андреевны Станкевичу и пришлось вынести цѣлый рядъ потрясшихъ его сценъ, о которыхъ можно догадываться по письмамъ его къ Невѣрову. Какъ бы то ни было, вскорѣ послѣ отъѣзда Бакунина изъ Москвы Наталья, благодаря неосторожнымъ распросамъ Красова, догадалась о зарождавшемся въ душѣ Станкевича чувствѣ къ Любови Александровнѣ, ею же самою вызванномъ, и тутъ послѣдовали тѣ нервные припадки, выходки и сцены, о которыхъ мы упоминали въ главѣ VIII.

Въ концѣ марта Беeры уѣхали изъ Москвы въ Тверь и пробыли тамъ вмѣстѣ съ Бакуниными около трехъ недѣль. Наталья Андреевна, повидимому, и здѣсь не мало нервничала, такъ что вызвала своими ламентаціями даже со стороны Александра Михайловича Бакунина посвященіе ей шутливаго стихотворенія подъ заглавіемъ «Хандра» [1]). Но это не помѣшало закрѣпленію дружескихъ отношеній между сестрами Беeръ, съ одной стороны, и Михаиломъ Бакунинымъ—съ другой. Дорогой, на возвратномъ пути изъ Твери въ Москву, Наталья Андреевна записывала свои мысли и чувства въ дневникъ, листки изъ котораго она затѣмъ вырвала и послала своимъ друзьямъ въ Тверь. Листки эти сохранились въ архивѣ Бакуниныхъ, и изъ нихъ можно видѣть, какъ колебались чувства и настроенія этой экзальтированной дѣвушки. Она то прощаетъ Станкевичу его «измѣну», то готова ему мстить самымъ жестокимъ образомъ, даже вызвать на месть ему своего брата и друзей. Новая дружба съ Мишелемъ то представляется ей огромнымъ и неожиданнымъ счастьемъ, незаслуженнымъ даромъ небесъ, то

---

[1]) Это стихотвореніе, начинающееся строфами:

Приди, хандра, мой геній мощный,
Восторгъ изношенной души,
И тьмы чернѣе полунощной
Плачевную мнѣ пѣснь внуши...

приведено цѣликомъ въ главѣ III.

она сомнѣвается въ глубинѣ и искренности привязанности къ себѣ и къ сестрѣ друзей своихъ Бакуниныхъ, съ которыми только что простилась—въ томъ числѣ и Мишеля. На эти отрывки изъ дневника Натальи Мишель отвѣчалъ откровеннымъ и довольно суровымъ письмомъ отъ 7 мая 1835 г., часть котораго, съ изложеніемъ религіознаго міровоззрѣнія его автора, мы уже привели въ главѣ X. Въ остальной части письма Мишель сильно упрекаетъ Наталью за ея несправедливое отношеніе къ Станкевичу и за легкомысленную попытку ея сосватать его съ Любинькой, въ чемъ усматриваетъ со стороны Натальи даже презрительное отношеніе къ своей прежней подругѣ. Все это однако же не мѣшаетъ Бакунину подтвердить тутъ же въ очень горячихъ выраженіяхъ свою дружбу къ обѣимъ сестрамъ Бееръ. «Будьте справедливы, Натали,—пишетъ здѣсь между прочимъ Бакунинъ,—углубитесь въ себя самое и скажите себѣ совершенно серьезно, что подняться можно не униженіемъ другихъ, а лишь возвышеніемъ себя. Будьте вновь женщиной, мой добрый другъ, изливайте ваши горести въ мою душу, ищите тамъ силъ и совѣтовъ, въ которыхъ вы нуждаетесь, такъ какъ я тоже страдалъ, такъ какъ мнѣ тоже знакомы страданія любви. Мнѣ пришла въ голову мысль, не разсердитъ ли васъ это письмо; но я ее оттолкнулъ тотчасъ же; эта мысль недостойна ни васъ, ни меня, она насъ обоихъ унизила бы. Пишите же мнѣ, дорогой другъ, пишите откровенно и будьте увѣрены, что чувства мои къ вамъ не преходящи. А вы, моя добрая, моя прелестная Александринъ, вы не удостоили меня ни однимъ словцомъ, вы какъ будто забыли, что дружба моя относится не къ одной Натали, что я васъ люблю такъ же сильно, какъ и ее. Неужели вы не удѣлите мнѣ мѣстечка въ вашемъ сердцѣ, такомъ обширномъ и страстномъ. Будьте увѣрены, что я того достоинъ и что сумѣю отплатить вамъ вдвойнѣ за то немногое, что вы захотите мнѣ удѣлить»... Письмо это произвело большое впечатлѣніе.

Обѣ сестры отвѣчали на него нѣсколькими длинными письмами, наполненными горячими изліяніями дружбы и исповѣданіемъ своихъ сокровенныхъ мыслей и чувствъ. Въ письмѣ отъ 11 мая 1835 г. Наталья Андреевна, отвѣчая на упреки Мишеля, увѣряетъ въ искренности своего стремленія принести свое чувство къ Станкевичу въ жертву своей старинной подругѣ

Любинькѣ и тутъ же признается, что страстные упреки Станкевичу въ ея дневникѣ были просто слѣдствіемъ ея разбитыхъ надеждъ и неуравновѣшенности ея натуры.

Въ серединѣ мая 1835 г. Бееры уѣзжаютъ въ свое орловское имѣніе Шашкино и тамъ остаются до глубокой осени (до середины ноября). Все это время поддерживается довольно дѣятельная переписка между Бакуниными и Беерами, при чемъ Наталья Бееръ въ значительной мѣрѣ успокаивается, хотя иногда и донимаетъ своихъ друзей пространными ламентаціями, сомнѣніями и изліяніями. Съ матерью, по совѣту Мишеля, обѣ сестры старательно поддерживаютъ миръ. Жизнь въ Шашкинѣ течетъ чрезвычайно однообразно и скучно: варка варенья, посѣщенія сосѣдей, чтеніе романовъ и писаніе писемъ къ друзьямъ наполняютъ все время тоскующихъ его обитательницъ. Впрочемъ, Станкевичъ, заѣзжавшій къ Беерамъ въ срединѣ іюля по дорогѣ въ свою воронежскую деревню, нашелъ что Шашкино «премиленькая деревушка» и что Наталья Андреевна, къ его удовольствію и успокоенію, значительно поправилась здоровьемъ [1]).

Михаилъ Бакунинъ проводилъ это время въ кругу своихъ домашнихъ и родныхъ частью въ Твери, частью въ Премухинѣ, откуда дѣлалъ иногда экскурсіи и къ ближнимъ и къ дальнимъ сосѣдямъ—родственникамъ и знакомымъ. Дружба его съ сестрами росла и углублялась, въ особенности съ Татьяной, къ которой онъ относился съ особой нѣжностью, и съ Варварой, которая въ это время готовилась стать матерью. Въ Премухинѣ и въ разъѣздахъ онъ чувствовалъ себя, повидимому, хорошо. Въ серединѣ лѣта въ Премухинѣ провелъ около мѣсяца одинъ изъ новыхъ друзей Мишеля Ефремовъ, а затѣмъ въ октябрѣ, въ самомъ концѣ пребыванія Бакуниныхъ въ деревнѣ, ихъ посѣтилъ и Станкевичъ въ сопровожденіи того же Ефремова, о чемъ мы говорили подробнѣе въ главѣ VIII.

Хотя сестры Бакунина не могли вполнѣ раздѣлить всѣхъ воззрѣній своего брата, однако же своими отношеніями къ нимъ Мишель, повидимому, былъ въ это время доволенъ и въ письмахъ къ Беерамъ ставилъ ихъ иногда въ примѣръ Натальѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она не могла справиться со своимъ

---

[1]) „Переписка Станкевича“, стр. 142. (1-ое изд.).

темпераментомъ и со своими «земными» стремленіями и запросами.

«Мои сестры счастливы,—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ,— и ихъ счастье вѣчно, ибо источникъ его въ нихъ самихъ. Вотъ, Натали, чего, какъ мнѣ думается, я еще не нахожу въ достаточной степени въ васъ. Это то счастье, та внутренняя вѣра, которую я назвалъ религіей»...

Но когда въ концѣ октября Бакунины переѣхали всѣмъ домомъ въ Тверь и когда здѣсь начались постоянные выѣзды въ свѣтъ и пріемы гостей, то Мишель пришелъ въ отчаяніе и заперся въ своей комнатѣ съ трубкой и книгами, чѣмъ въ свою очередь вызывалъ досаду и негодованіе родителей, которые видѣли въ этомъ недостатокъ любви и деликатности по отношенію къ нимъ и особенно къ сестрамъ Мишеля, ибо для нихъ-то главнымъ образомъ и велась эта «свѣтская жизнь». Дочери ихъ, впрочемъ, не особенно увлекались удовольствіями этой жизни, но подчинялись ей безпрекословно, не желая огорчать родителей. Мишеля это бѣсило и раздражало тѣмъ болѣе, что онъ ревновалъ сестеръ къ пустымъ молодымъ людямъ, съ которыми онѣ встрѣчались въ этомъ обществѣ, опасаясь, что онѣ могутъ здѣсь столь же легкомысленно выдти замужъ и загубить свою жизнь, какъ загубила ее, по его понятіямъ, сестра его Варвара Александровна, выйдя замужъ за добраго, но мало развитого офицера Дьякова. Особенно ревниво онъ относился, какъ намъ неоднократно придется констатировать, къ судьбѣ сестры своей Татьяны, къ которой онъ питалъ такое нѣжное чувство, что ему самому иногда казалось, что онъ любитъ ее не братскою только любовью. Это тревожное и ревнивое чувство заставляло его иногда терять равновѣсіе и преувеличивать нелѣпость и суетность времяпрепровожденія своего семейства въ Твери. И онъ проявилъ это въ рѣзкой формѣ въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ къ отцу послѣ своего бѣгства изъ Твери въ Москву. Письмо это (отъ февраля 1836 г.) не сохранилось въ архивѣ, но о содержаніи его можно судить по отвѣтному письму Александра Михайловича, которое краснорѣчиво обрисовываетъ отношенія, образовавшіяся тогда между отцомъ и сыномъ, и по содержанію своему заслуживаетъ быть здѣсь приведеннымъ полностью.

Какъ мы уже знаемъ, Михаилъ Александровичъ внезапно

уѣхалъ, вопреки волѣ отца, изъ дома родительскаго въ Москву въ концѣ января 1836 года, вызвавъ этимъ большой переполохъ среди членовъ своей семьи. Послѣ оживленной переписки между нимъ и сестрами (о которой рѣчь впереди), а затѣмъ между нимъ и родителями, когда Мишель рѣшилъ уже окончательно остаться въ Москвѣ, вотъ что писалъ ему Александръ Михайловичъ, какъ бы подводя итоги всей этой перепискѣ: «Послѣ писаннаго мною тебѣ въ Твери и полученнаго отъ тебя отвѣта и послѣ писаннаго тебѣ въ Москву мнѣ писать болѣе нечего. Совѣсть твоя со временемъ все тебѣ доскажетъ. Но будь спокоенъ, я на тебя не сержусь, а скажу тебѣ, что не мы тебя, а ты ни насъ, ни самого себя не понимаешь и самъ себя обманываешь софизмами.

«*Ты не можешь больше оставаться въ домѣ родителей, потому что не имѣлъ полнаго ихъ довѣрія, не можешь быть душою семейства и положительно въ пользу его дѣйствовать, умереть же духовно и ограничиться пріемомъ гостей, шарканьемъ въ гостиныхъ и проводомъ сестеръ твоихъ на балы ты не можешь*. (Очевидно, это все болѣе или менѣе точныя цитаты изъ письма Мишеля. А. К.). Иной, прочитавъ твое письмо, подумалъ бы,—продолжаетъ Александръ Михайловичъ,—что мы совершенно предались свѣтскому круженію и на балахъ помѣшались. Довѣрія нашего ты не имѣлъ, потому что заслужить его никогда не старался. Что значитъ быть душою семейства и положительно въ пользу его дѣйствовать? Я переведу тебѣ это по-русски: быть душою значитъ господствовать, и тебѣ обидно, что не согласились вступить въ твое подданство; положительно же дѣйствовать въ пользу семейства могъ бы ты, исполняя волю нашу, а не твою собственную. *Чти отца твоего и матерь твою да благо ти будетъ*. Но ты этому худо вѣришь, и я не стану тратить словъ понапрасну.

«Никогда мы отъ тебя не требовали, чтобы ты кружился въ свѣтѣ; а напоминали тебѣ, когда ты, запершись, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ съ трубкою и книгами, о приличіяхъ, которыя всѣми благовоспитанными людьми соблюдаются и безъ которыхъ никакое общество существовать не можетъ. Я уже не говорю тебѣ о мелочныхъ семейныхъ обязанностяхъ, которыя не тяготятъ, а сладостны тому, кто любить умѣетъ.

«Провожать сестеръ на балы? Чувствуешь ли ты всю без-

душность и клевету этого выраженія? О дай Богъ, дай Богъ, чтобы сестры послѣ насъ никогда не имѣли нужды въ твоемъ пособіи.

«Никто и никогда твоимъ духовнымъ занятіямъ не препятствовалъ; напротивъ, я часто совѣтовалъ тебѣ учиться, для пріобрѣтенія недостающихъ тебѣ положительныхъ познаній. Ты во все продолженіе твоего у насъ пребыванія собственно мнѣ не посвятилъ ни одного дня, и я принужденъ былъ обращаться къ постороннимъ для прочтенія мнѣ газетъ или книги; и я никогда этого отъ тебя не требовалъ, предпочитая занятія твои моему удовольствію, хотя зналъ, что ты находишь свободное время и многіе часы проводишь съ трубкою въ философическихъ—по мнѣнію вашему,—а въ сущности въ пустыхъ бесѣдахъ. Итакъ, я требовалъ отъ тебя, и какъ еще требовалъ—только совѣтами—соблюденія необходимыхъ въ семейной жизни приличій. Немудрено, повѣрь мнѣ, и вовсе неумно діогенствовать. И тайной—можетъ быть, безъ вѣдома твоего—побудительной причиной возникшаго между нами несогласія было желаніе господствовать въ семействѣ. И малѣйшее противорѣчіе волѣ твоей тебя оскорбляло. Пріятели твои снискали дружбу твою, всегда и во всемъ съ тобой соглашаясь и тебѣ потакая; отецъ же не могъ потворствовать слѣпому твоему самолюбію.

«Ты нѣсколько разъ повторилъ, что хотѣлъ собою пожертвовать. Но я никогда и никакихъ отъ тебя пожертвованій не просилъ, не ждалъ и не принялъ бы—гдѣ есть слово пожертвованіе, тамъ уже нѣтъ любви, а я отъ дѣтей ничего, кромѣ любви, не желаю.

«Когда я хлопоталъ, чтобы тебя изъ службы не выключали—тутъ твоего пожертвованія съ твоей стороны не было. Когда графъ предложилъ тебѣ стараніемъ моимъ хорошее мѣсто, я думалъ о личной твоей пользѣ—и почти увѣренъ былъ въ твоей благодарности,—а ты еще воображаешь, что для насъ дѣлалъ пожертвованіе твоей духовной жизнью. Я не могу себѣ растолковать такого ослѣпленія и не сообщилъ графу твоего отказа, и приличнѣе тебѣ самому написать графу съ изъявленіемъ твоей благодарности [1]).

---

[1]) Графъ Толстой, тверской губернаторъ. Мѣсто, предлагавшееся Михаилу Бакунину, было мѣсто чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ.

«О предположеніяхъ твоихъ о содержаніи себя математическими уроками и проч. я ни говорить, ни совѣтовать тебѣ не стану. Ты никогда совѣтовъ моихъ не слушалъ. Слѣдуй собственному твоему произволу и дѣлай, что хочешь; но будь остороженъ—на друзей твоихъ не слишкомъ полагайся, потому что вашу философическую дружбу малѣйшее несогласіе во мнѣніяхъ, неосторожное слово не только разрушить можетъ, но даже превратить въ ненависть, а вѣчно другъ другу потакать, вѣчно остерегаться невозможно. Сомнѣваюсь, чтобъ ты уроками могъ получить безбѣдное себѣ содержаніе, но дай Богъ тебѣ полнаго въ этомъ успѣха. Ты хочешь доказать намъ, что для матеріальной твоей жизни немного тебѣ надобно—и въ этомъ желаю тебѣ для собственнаго твоего спокойствія совершеннаго успѣха, но худо этому вѣрю: ты не бережешь и легко занимаешь деньги, не зная, чѣмъ и когда платить будешь, а куда какъ тяжки проценты денежной зависимости! Ты даже надѣешься, что въ состояніи будешь помочь и брату Николаю, когда офицерскій чинъ получитъ. Дай Богъ въ этомъ успѣха; взаимная ваша дружба всегда меня радовать будетъ, но требую отъ тебя—если ты дорожишь моимъ спокойствіемъ—не просвѣщать ихъ твоими совѣтами и предоставить мнѣ, по крайней мѣрѣ, моральное ихъ управленіе. Богатые могутъ философствовать, а небогатые должны быть дѣятельными по службѣ людьми, а по закоренѣлымъ во мнѣ предразсудкамъ всякій изъ насъ долженъ по званію своему служить вѣрою и правдою государю и отечеству. Дорога эта если не блистательная, то безопасная, а на той, которую ты избираешь, много кочекъ и ухабовъ. Я не запрещаю тебѣ ей слѣдовать, но усердно прошу тебя не сбивать, по крайней мѣрѣ, съ толку Николая и меньшихъ братьевъ.

«Пишешь ты, наконецъ, что рѣшеніе твое давно было обдумано и что ты благопріятнаго только ждалъ случая его обнаружить. Зачѣмъ же ты хитрилъ, зачѣмъ притворялся и обманывалъ меня, когда ѣхалъ со мною къ Муравьеву, просилъ, чтобъ я похлопоталъ объ отпускѣ Беера? Но я все предвидѣлъ и, скрѣпя сердце, все тебѣ прощаю. Отецъ твой *А. Бакунинъ*».

Въ этомъ письмѣ многое изъ того, въ особенности, что относилось къ матеріальной сторонѣ вопроса и къ внѣшней судьбѣ

11*

Михаила Бакунина въ ближайшемъ будущемъ, оказалось пророчески вѣрнымъ, и многія изъ опасеній, волновавшихъ старика Бакунина, сбылись, какъ увидимъ, довольно скоро. Сбылось многое изъ того, что говорилъ и писалъ Александръ Михайловичъ относительно прочности «философической дружбы», внутренняго содержанія которой, онъ, конечно, не понималъ и не хотѣлъ понимать и которую оцѣнивалъ съ внѣшней стороны. Переводъ его «по-русски» словъ Мишеля о томъ, что онъ хотѣлъ быть душою семейства, былъ также по существу вѣренъ. Старикъ справедливо призналъ это желаніемъ полнаго господства и нравственнаго верховенства въ семействѣ, ибо сынъ его дѣйствительно хотѣлъ стать въ это время преобразователемъ всего внутренняго быта семьи и несомнѣнно стремился сдѣлаться своего рода первосвященникомъ въ томъ тѣсномъ семейномъ кругу, который онъ мечталъ создать изъ своихъ сестеръ, братьевъ и двухъ дѣвицъ Бееръ. Справедливо также указывалъ Александръ Михайловичъ, что малѣйшее несогласіе въ мнѣніяхъ и малѣйшее противорѣчіе волѣ молодого новатора глубоко его оскорбляло. Происходило это отъ того, что весь новый строй жизни, о которомъ Мишель мечталъ въ это время, покоился на отвлеченной, логически построенной системѣ взглядовъ, изъ которой не должно было выпасть ни одно звено, такъ какъ выпадъ каждаго изъ звеньевъ такой системы нарушалъ равновѣсіе цѣлаго. Поэтому-то малѣйшее отступленіе со стороны членовъ этого братства отъ правилъ, вытекавшихъ изъ этой системы, всегда разсматривалось въ это время какъ нравственное паденіе и требовало чуть ли не полнаго возрожденія лица, совершившаго такое отступленіе. Мы увидимъ впослѣдствіи не мало примѣровъ такихъ «паденій» и «возстаній» и самого Мишеля и друзей его.

Къ моменту внезапнаго отъѣзда Мишеля изъ родительскаго дома сестры его, несмотря на всю ихъ любовь и дружбу къ брату, не были еще приготовлены въ достаточной мѣрѣ, чтобы вполнѣ и во всемъ подчиниться его воззрѣніямъ и взглядамъ. Поэтому отъѣздъ Мишеля сначала показался имъ вовсе не обоснованнымъ и въ первую минуту вызвалъ съ ихъ стороны горячій протестъ. Горячѣе и искреннѣе всего отозвалась та изъ нихъ, которая ближе всего была духовно связана съ братомъ и которую поэтому рѣзкость его поступка поразила осо-

бенно сильно. «Что ты сдѣлалъ, Мишель?—писала ему Татьяна Александровна.—Охладить чувство къ тебѣ нашего стараго отца, разорвать сердце матери такой, какъ наша мать,—это для тебя ничего! Ты не подумалъ о той горести, которую они будутъ испытывать, видя себя обманувшимися въ своемъ сынѣ,—сынѣ, который имъ такъ дорогъ, для котораго они сдѣлали столько! Ты уѣхалъ вопреки ихъ запрещенію. А откуда происходило это запрещеніе? Изъ невозможности въ ихъ теперешнемъ положеніи доставить тебѣ средства, необходимыя для задуманнаго тобою путешествія. Могли ли они согласиться, чтобы ихъ сынъ жилъ на счетъ постороннихъ? Мишель, Мишель, твоя видимая безчувственность раздираетъ мнѣ сердце. Я знаю что это письмо навлечетъ на меня твое негодованіе и презрѣніе; я на это себя обрекаю. Ты считаешь меня неспособной понять тебя. Увы! Я поняла тебя больше, нежели хотѣла бы. Я должна была бы (по-твоему) прочувствовать важность того, что подвигло тебя на этотъ послѣдній шагъ; я должна бы была вѣрить, что ты принужденъ къ нему чувствомъ черезчуръ сильнымъ, черезчуръ страстнымъ, чтобы можно было съ нимъ бороться, а я не вижу въ твоемъ поступкѣ ничего этого, я въ немъ вижу лишь проявленіе твоего эгоизма, твоего равнодушія къ твоей семьѣ... Я предвижу, что моя откровенность тебѣ не понравится, что она, можетъ быть, лишитъ меня твоей дружбы, но я тебя слишкомъ люблю, чтобы молчать, и для меня невозможно не сказать тебѣ всего, что у меня на сердцѣ... Меня заставляетъ страдать не только огорченіе родителей, печаль моей матери, я огорчена болѣе всего за тебя самого»...

Татьяна Александровна не можетъ постичь, какъ Мишель «съ его добрымъ сердцемъ» могъ поступить такимъ образомъ. Указывая на старость и слабость отца и на трудность, съ которой онъ мѣняетъ разъ составленное мнѣніе свое о человѣкѣ, Т. А. продолжаетъ: «можешь ли ты быть счастливъ, Мишель, если отецъ нашъ сойдетъ въ могилу безъ увѣренности и утѣшенія, что оставилъ послѣ себя своему семейству покровителя въ лицѣ сына? А вѣдь онъ увѣренъ, что ты эгоистъ, что ты считаешь себя геніемъ и любишь только льстецовъ, что у тебя никогда не будетъ друзей, потому что ты не переносишь людей, которые рѣшаются говорить тебѣ правду... Мишель, до сихъ поръ мы всегда тебя защищали, можетъ быть, мы даже слишкомъ

горячились, говоря въ твою пользу, но я не могла слушать, какъ тебѣ приписывали холодное эгоистическое сердце, и забывала, что говорю съ моими родителями. И вчера, — вчера, когда отецъ сказалъ мнѣ: я тебѣ повторяю, что Мишель не способенъ любить,—я не находила словъ, чтобы оспорить его мысли о тебѣ. Мишель, если бы ты зналъ, въ какомъ ужасномъ положеніи я себя чувствовала. Возможно ли, чтобы то, что говоритъ отецъ, была правда! Эта мысль для меня несносна. Ради самого неба заставь нашихъ родителей судить о тебѣ иначе; неужели ты можешь быть равнодушенъ къ ихъ мнѣнію о тебѣ?...

«...Мишель, я открыла тебѣ мое сердце, — пишетъ она въ концѣ письма.—Я знаю напередъ, что́ ты подумаешь, что́ ты, можетъ быть, скажешь, прочитавъ мое письмо. Я не могла съ тобой быть не искренней. Лучше потерять твою дружбу, нежели молчать и таить что-либо противъ тебя на сердцѣ. Не пишу ничего Беерамъ, потому что не знаю, что ты имъ скажешь. Какъ бы я радовалась, что ты съ ними, если бы это произошло иначе... Прощай, цѣлую тебя тысячу разъ; умоляю тебя на меня не сердиться и видѣть въ моей откровенности доказательство живости моей дружбы, которая не прекратится, пока я жива. Если въ теченіе года проведеннаго нами вмѣстѣ, ты успѣлъ узнать меня нѣсколько, то ты меня поймешь, и мое письмо, хотя, можетъ быть, и слишкомъ откровенное, не вызоветъ въ тебѣ дурного чувства.

Татьяна».

Михаилъ Александровичъ былъ видимо тронутъ горячей защитой его Татьяной Александровной передъ родителями, но не могъ послѣдовать увѣщаніямъ сестры. 27 января 1836 г. онъ отвѣчалъ ей довольно ласковымъ, но не вполнѣ искреннимъ письмомъ, которое ее совсѣмъ не удовлетворило. Въ письмѣ этомъ онъ ничего не писалъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, хотя и говорилъ, что разъ ужъ они обнаружены, онъ будетъ вполнѣ откровененъ и покажетъ себя такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности. Въ письмѣ, написанномъ тотчасъ по полученіи отвѣта Мишеля, Татьяна Александровна выражала откровенно это свое недоумѣніе и недовольство: «Дорогой другъ, что скажу я тебѣ о впечатлѣніи, произведенномъ твоимъ пись-

момъ? Оно мнѣ показалось холоднымъ. Мишель. Несмотря на увѣренія въ дружбѣ, которыми оно наполнено, я даже какъ будто замѣтила въ немъ иронію. Заслужила ли я это, Мишель? Ты жалѣешь, что недостаточно разсчитывалъ на мою дружбу. Но если бы это было такъ въ дѣйствительности, ты показалъ бы мнѣ больше довѣрія. Твое письмо не говоритъ мнѣ ничего о твоихъ намѣреніяхъ. Что ты думаешь предпринять? «Будучи разоблаченъ, ты болѣе не хочешь маскироваться». Что ты понимаешь подъ этимъ? Мишель, дорогой мой Мишель! Прояви же нѣсколько больше истинной откровенности. Ты хорошо знаешь, что ничто не можетъ меня оторвать отъ тебя. Если бы даже наши родители подъ давленіемъ своего гнѣва перестали любить тебя, моя дружба отъ этого стала бы только еще живѣе, еще сильнѣе. Я не побоялась бы остаться одна противъ всего свѣта. Но, Мишель, это же чувство даетъ мнѣ смѣлость сказать тебѣ правду»... Послѣ такого трогательнаго вступленія Татьяна Александровна указываетъ нѣсколько неискреннихъ мѣстъ, отзывающихся фразой, въ полученномъ ею письмѣ брата и затѣмъ предостерегаетъ его противъ слишкомъ крайнихъ поступковъ и уклоненій отъ обычнаго пути, которымъ идутъ всѣ. Она убѣждаетъ его отказаться отъ мысли о заграничной поѣздкѣ въ ближайшемъ будущемъ и совѣтуетъ ему согласоваться по возможности со взглядами и желаніями отца. Между прочимъ, она спрашиваетъ брата, былъ ли онъ въ Москвѣ у дядюшекъ и у какого-то графа (повидимому, у гр. С. Г. Строганова, попечителя московскаго учебнаго округа, отъ котораго зависѣло, вѣроятно, разрѣшеніе ему давать уроки математики въ Москвѣ). Эти послѣдніе совѣты Мишель принялъ къ свѣдѣнію. Онъ побывалъ у гр. Строганова и, кромѣ разрѣшенія давать частные уроки математики и физики, получилъ отъ него предложеніе взяться за переводъ нѣмецкаго учебника исторіи Шмидта.

Получивъ разрѣшеніе давать уроки, Мишель заказалъ себѣ визитныя карточки съ обозначеніемъ своей профессіи (учитель математики) и занесъ по экземпляру своимъ аристократически настроеннымъ дядюшкамъ, какъ бы бравируя впередъ ихъ вѣроятнымъ неодобреніемъ, чѣмъ заслужилъ большое одобреніе со стороны одного изъ новыхъ друзей своихъ—Бѣлинскаго. [1])

---

[1]) Бѣлинскій впослѣдствіи вспоминалъ объ этомъ въ письмѣ своемъ отъ 12 октября 1838 г. Срав. *Бѣлинскій* „Письма“ подъ ред. Е. А. Ляцкаго, т. I, стр. 284.

Но вообще письмо Татьяны Александровны и ея совѣты не отступать слишкомъ въ сторону отъ обыденнаго пути, должно быть, ему не понравились. Онъ двѣ недѣли не отвѣчалъ на это письмо, а затѣмъ, обиженный, повидимому, дошедшими до него слухами, что въ Твери послѣ его отъѣзда ничто не перемѣнилось и что сестры попрежнему много выѣзжаютъ и веселятся, какъ будто ничего не случилось, Михаилъ Александровичъ написалъ Татьянѣ ѣдкое, саркастическое письмо, начинавшееся ироническими извиненіями за долгое молчаніе, «если только опьяненіе отъ тверскихъ увеселеній, слухъ о которыхъ долетѣлъ до меня, оставило тебѣ время подумать о моемъ молчаніи»... [1]) Это злое письмо потрясло Татьяну Александровну больше, чѣмъ самый отъѣздъ Мишеля. По крайней мѣрѣ, Любовь Александровна прямо писала брату, что если онъ не хочетъ повредить здоровью и даже, можетъ быть, поставить въ опасность самую жизнь Татьяны, то лучше бы не писалъ ей вовсе, чѣмъ писать такія нехорошія письма. Сама Татьяна, еще до полученія этого письма Михаила, писала ему 12 февраля: «Напрасно ждала я отвѣта на мои письма; болѣе двухъ недѣль нѣтъ о тебѣ никакого извѣстія. Можетъ быть, говоря правду, я слишкомъ много себѣ позволила, прости меня, Миша. Я думала, что дружба твоя все извинитъ. Грустно, ежели ошиблась, но повѣрь, что я тебя не виню: довѣренность надо заслужить; я этого не умѣла, несмотря на истинную къ тебѣ привязанность. Я тебя понимаю, всегда понимала, но ты не можешь быть со мною откровеннымъ. Жаловаться можно на одну судьбу. Она раздѣляетъ насъ. Да будетъ воля Божія». Но не успѣла она кончить этого письма (начатаго противъ обыкновенія по-русски), какъ пришло вышеупомянутое злое и ироническое письмо Мишеля, совершенно ее сразившее. Только черезъ два дня (14 февраля) она собралась съ силами продолжать. «Если ты хотѣлъ,—писала Татьяна Александровна (уже по-французски),—чтобы письмо твое произвело большой эффектъ, то ты можешь поздравить себя съ полнымъ успѣхомъ. Не скрою отъ тебя, что при чтеніи его я почувствовала такую тоску, отъ которой чуть не заболѣла. Я такъ мало могла ожидать эту

---

[1]) Письмо М. А. Бакунина къ Т. А. Бакуниной отъ 10 февраля 1836 г., писанное по-французски.

жестокую иронію, я вылила всю мою душу въ твою, я старалась подняться надъ самой собой, надъ страхомъ потерять твою дружбу, твое уваженіе, чтобы отвратить отъ тебя ужасное несчастіе—утрату любви старика-отца, котораго дни, можетъ быть, сочтены,—и вотъ что я на себя навлекла! Мишель, Мишель, развѣ я это заслужила? Что я тебѣ сдѣлала? Я знаю твое сердце, я помню еще, какъ видъ нашей печали вызвалъ у тебя слезы, а теперь тебѣ ничего не стоитъ раздирать мое сердце»... Въ концѣ письма было сказано: «Прощай, Мишель, мнѣ нечего тебѣ больше сказать. Тверскія удовольствія не представляютъ ничего интереснаго и не заслуживаютъ описанія. Они насъ утомили, наскучили намъ; великій постъ насъ обратилъ къ нашимъ обычнымъ занятіямъ, къ удовольствіямъ болѣе истиннымъ, нежели то, которое можно найти въ свѣтскомъ круженіи. Прощай же, пиши намъ, когда будешь въ лучшемъ настроеніи; то, которымъ проникнуто твое послѣднее письмо, невыносимо. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Татьяна».

Въ припискѣ къ этому письму и младшая изъ сестеръ Михаила Бакунина, Александра Александровна приписывала: «Мишель, ты хотѣлъ насъ оскорбить (tu as voulu nous blesser), ты сумѣлъ затронуть самую чувствительную струну—да проститъ тебѣ Богъ. Твои несправедливости никогда не смогутъ уничтожить нашу привязанность къ тебѣ. Я никогда не сомнѣвалась въ твоемъ сердцѣ, но твое послѣднее письмо—я отъ тебя этого не скрываю—заставило меня сомнѣваться во всемъ».

Написавъ свое злое письмо, Бакунинъ однако же самъ почувствовалъ его жестокость и внутреннюю несправедливость и поспѣшилъ исправить сдѣланное зло другимъ письмомъ, нѣсколько примирившимъ съ нимъ сестеръ и давшимъ возможность продолжать сношенія, которыя къ концу февраля становятся опять дружескими.

ГЛАВА XIII.

Жизнь Михаила Бакунина въ Москвѣ въ началѣ 1836 года.—Образъ жизни.—Занятія со Станкевичемъ.—Чтеніе Фихте и впечатлѣніе, произведенное на Бакунина Фихте.—Настроеніе Бакунина.—Письмо его къ сестрамъ отъ 28 февраля 1836 г.—Письмо къ отцу.—Его дружба съ Беерами.—Почему онъ въ это время дружбу свою съ Беерами ставилъ выше дружбы съ сестрами?—Попытки обращенія сестеръ въ новую вѣру.—Переписка его съ Татьяной и Варварой Александровнами въ февралѣ и мартѣ 1836 г.—Первыя попытки разрушить отношенія Варвары Александровны съ ея мужемъ.

Въ Москвѣ Михаилъ Бакунинъ поселился, какъ видно изъ писемъ его къ сестрамъ, съ Ефремовымъ и Красовымъ. Вотъ какъ описываетъ онъ свой образъ жизни въ письмѣ къ Татьянѣ Александровнѣ отъ 8 марта 1836 г.:

«Я началъ вести трудовую жизнь. Я много работаю, я дѣлаю большіе успѣхи, я въ своей сферѣ, я живу!

«Я провожу большую часть моего времени у Станкевича, мы вмѣстѣ занимаемся исторіей и философіей. Я перевожу теперь по вечерамъ отъ десяти до часу или до двухъ нѣсколько лекцій Фихте о назначеніи ученыхъ, — лекцій, исполненныхъ жизни, жара и святого энтузіазма. Эти лекціи будутъ напечатаны въ *Телескопѣ*. Вотъ какъ будетъ раздѣлено мое время: я встаю въ пять часовъ и работаю до полдня, отъ двѣнадцати до четырехъ даю уроки, затѣмъ я опять свободенъ. Я напишу отцу, когда начну давать уроки. Многіе стараются мнѣ ихъ достать, и успѣхъ обезпеченъ»...

На дѣлѣ это было не совсѣмъ точно: первый урокъ ему удалось достать, какъ видно изъ его же письма (къ А. А. Бееръ), только въ апрѣлѣ. Онъ сталъ его давать съ 7 апрѣля. Бакунинъ подготовлялъ къ экзамену, вѣроятно, въ университетъ какого-то молодого человѣка, нѣкоего Пономарева, по математикѣ, физикѣ и исторіи и на первыхъ порахъ самъ употреблялъ не мало времени, чтобы подготовляться къ этимъ уро-

камъ. Въ маѣ, какъ видно изъ одного письма Натальи Андреевны Беерь, у него было уже два урока: одинъ въ 11 часовъ утра, другой въ 4 часа дня.

Что касается настроенія его въ это время, то оно довольно рельефно отразилось въ слѣдующемъ письмѣ къ сестрамъ:

28 февраля 1836 г. Москва. 12 часовъ ночи [1]).

«Друзья мои, Танюша и Варенька! Ефремовъ и Красовъ ложатся спать; мы только что пріѣхали отъ Беровыхъ, и я одинъ въ комнатѣ сижу и пишу. Пишу не по обязанности, нѣтъ, а по необходимости, по невозможности не писать вамъ. Долго я силился, долго таилъ чувства свои — я полагалъ, что человѣческое достоинство требовало отъ меня этого молчанія. Можетъ быть, я и не ошибался, но теперь я не могу больше молчать, чувство поневолѣ вырывается изъ груди моей. Я перешелъ за полосу жизни, для меня настало поприще дѣятельности; душа моя, бывшая доселѣ въ какомъ-то усыпленіи, проснулась, взволновалась, всѣ струны издали звуки — я много перечувствовалъ, много передумалъ и много, много пережилъ въ это время. Такъ, для меня настала новая жизнь; будущее мрачно, таинственно... мало утѣшительныхъ надеждъ! Но на душѣ свѣтло, ясно; я сознал себя, я никогда еще не сознавалъ себя такъ вѣрно, такъ опредѣленно, какъ теперь. Человѣкъ, который не страдалъ, — не жилъ; одно только страданіе можетъ привести къ сознанію жизни, и если счастье есть полное сознаніе жизни, то страданіе есть также необходимое условіе счастья. Не страданіе безотвѣтное, безсознательное, апатическое — нѣтъ! Но страданіе съ сознаніемъ своей человѣческости (sic), страданіе, происходящее отъ безпредѣльности цѣлей и желаній и конечности способовъ къ удовлетворенію и достиженію ихъ. Въ это время во мнѣ происходило сильное бореніе; я начиналъ удостовѣряться, что жизнь внѣшняя не должна быть цѣлью даже практической дѣятельности человѣка, но не такъ легко отъ нея отречься. Душа иногда такъ слаба, что не умѣетъ довольствоваться внутреннимъ сознаніемъ своего достоинства, такъ слаба, что иногда требуетъ наградъ отъ внѣшняго міра. Трудно, тяжело разбивать другъ

[1]) Въ противность обыкновенію большая часть этого письма написана по-русски.

за другомъ всѣ эти фантастическіе образы, которые составляютъ поэтическую сторону жизни, въ которые такъ прекрасно, такъ гармонически слились оба элемента всеобщей жизни: духовная и внѣшняя. Но, наконецъ, я дошелъ до этого, я созналъ всю пустоту этихъ желаній, я созналъ, что внѣ духовнаго міра нѣтъ истинной жизни, что душа должна быть собственною своею цѣлью, что она не должна имѣть другой цѣли. Путь, можетъ быть, безотрадный, но за(то) достойный человѣка! О, я много выстрадалъ за это время, много потерялъ очарованій — тѣмъ лучше: чѣмъ менѣе ихъ, тѣмъ путь вѣрнѣе, чѣмъ менѣе человѣкъ зависитъ отъ внѣшняго міра, тѣмъ болѣе ему доступенъ внутренній. Все, что я сказалъ, можетъ выразиться очень простой формулой: не ждать чудесъ отъ внѣшняго міра. О, это необходимо, необходимо для усовершенствованія духовной жизни. Должно оторвать себя отъ законовъ свѣта, и я начинаю тѣмъ, что рѣшился не дѣлать шагу для успѣха въ своей политической жизни, а жить покамѣстъ преподаваніемъ математики. Итакъ, я для свѣта ничтожное твореніе, нуль, учитель математики, а для себя собственно, для друзей, меня понимающихъ, я сталъ гораздо выше прежняго, я убилъ мелкій эгоизмъ самосохраненія, я стряхнулъ съ себя иго предразсудковъ, я человѣкъ!»...

Суббота, 29 февраля. Утро.

«Вчера вечеромъ я расфантазировался — схватилъ Фихте «Die Anweisung (въ подлинномъ письмѣ die Beweisung) zum seligen (въ подлинникѣ seeligen) Leben» и читалъ часовъ до трехъ. Вотъ его основная мысль: Das Leben ist Liebe, und die ganze Form und Kraft des Lebens besteht in der Liebe und entsteht aus der Liebe. Offenbare mir, was du wahrhaftig liebst, was du mit deinem ganzen Sehnen suchest und anstrebest, wenn du den wahren Genutz deiner selbst zu finden hoffest und du hast mir dadurch dein Leben gedeutet. Was du liebest—das lebest du [1]).

---

[1]) „Жизнь есть любовь, и вся форма и сила жизни состоитъ изъ любви и вытекаетъ изъ любви. Открой мнѣ, что ты истинно любишь, чего ты со всѣмъ своимъ пыломъ ищешь и домогаешься, когда ты хочешь найти истинное наслажденіе для самаго себя. Ты обозначишь мнѣ этимъ, въ чемъ заключается смыслъ твоей жизни. Что ты любишь — тѣмъ ты живешь". Anweisung zum seligen Leben, Erste Vorlesung. Fichtes Werke. Auswabe in VI Bänden, herausgegeben von Fitz Medicus. Leipzig, 1910. Band. V, S. 115.

Онъ говоритъ, что есть много людей, которые затруднятся отвѣчать на этотъ вопросъ, которые сами не знаютъ, что они любятъ. Это оттого, прибавляетъ онъ, что они ничего (не) любятъ, что они не живутъ. Итакъ, любить, дѣйствовать подъ вліяніемъ какой-нибудь мысли, согрѣтой чувствомъ, — вотъ задача жизни. Но что любить и какъ любить, что значитъ любить? Какъ часто употребляется это слово и какъ часто профанируется тѣмъ мелкимъ значеніемъ, которое ему даютъ. Что такое любовь въ свѣтѣ? — Чувство взаимной пользы, облеченное въ тридцать двѣ китайскихъ учтивости. Что значитъ у насъ любовь къ отечеству? — Холодная, затверженная изъ Карамзина фраза безъ всякаго настоящаго значенія. Что значитъ любовь къ человѣчеству? — Затверженныя слова Евангелія: любите другъ друга, какъ самихъ себя. Любовь къ наукѣ? — Желаніе прослыть ученымъ. Любовь семейная? — Привычки и обязанности. Любовь къ Богу? — Боязнь ада и желаніе рая. Вотъ вамъ любовь нашего общества, вотъ вамъ жизнь его. И ему-то, по мнѣнію Батюшки, я долженъ жертвовать собой! Вотъ слова его (изъ вышеприведеннаго письма отъ 22 февраля 1836 г.): «Я написалъ тебѣ, когда ты запирался по цѣлымъ днямъ съ трубкой и книгами, о приличіяхъ, которыя всѣми *благовоспитанными* людьми наблюдаются и безъ которыхъ никакое общество существовать не можетъ». А что мнѣ до его существованія? О, пусть оно падаетъ, я ни шагу не сдѣлаю, чтобы поддержать его. Вы читали письмо отца? — Оно меня навсегда отрѣзало отъ семейства. И тутъ, повѣрьте, не самолюбіе дѣйствуетъ, нѣтъ, а оскорбленное чувство. И моя ли вина, что я не могъ обрѣзать свою душу условіями привычки, приличій и обязанности? Моя ли вина, что я въ семействѣ искалъ истиннаго чувства, а нашелъ только чувство, задавленное догматизмомъ, чувство, подведенное подъ правила риторики? Я того и жду, что у насъ въ семействѣ издадутъ огромное сочиненіе о законахъ любви, примѣненныхъ къ обязанностямъ, объ уравновѣшиваніи дѣйствій чувства посредствомъ приличій... И скоро, скоро — повѣрьте мнѣ — оно умретъ подъ вашимъ догматизмомъ, и вмѣсто горячаго чувства останутся холодныя формулы и правила, какъ дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ! Я не сержусь, я не горячусь болѣе — нѣтъ! Но я глубоко оскорбленъ: одно только

семейство соединяло меня съ внѣшнимъ міромъ, и эта послѣдняя точка соединенія разрушилась. Такъ, я навсегда оторвался отъ свѣта, отъ общества — я, простой математическій учитель. Пора домой, пора сосредоточиться! Итакъ, цѣль жизни, предметъ истинной любви — Богъ. Не тотъ Богъ, которому молятся въ церквахъ; не тотъ, которому думаютъ нравиться униженіемъ передъ нимъ; не тотъ, который отдѣльно отъ міра судитъ живыхъ и мертвыхъ, — нѣтъ! Но тотъ, который живетъ въ человѣчествѣ; тотъ, который возвышается съ возвышеніемъ человѣка; тотъ, который языкомъ Іисуса Христа произнесъ священныя слова Евангелія; тотъ, который говоритъ въ поэтѣ. Повѣрьте мнѣ, друзья мои, я не скептикъ, вѣра моя не слабѣе вашей. Но мой Богъ выше вашего — и онъ-то составляетъ теперь единственную цѣль мою. Поймете ли вы меня — не знаю. Но не стану болѣе распространяться объ этомъ. Что же такое послѣ этого дружба? Чувство любви къ женщинѣ? — Это соединеніе душъ, это сліяніе чувствъ, выстраданныхъ. Кто не страдалъ, тотъ не можетъ любить, тотъ не можетъ быть счастливъ. Еще разъ, поймете ли вы меня — не знаю. Я много сказалъ, если вы меня поймете, и очень мало въ противномъ случаѣ.

«J'ai voulu vous faire ma confession de foi avant de nous séparer, car nous (ne) nous reverrons de longtemps. Je ne puis plus vivre en famille. Ceci est impossible. Il me faut ma liberté individuelle. Et avant de nous séparer j'ai voulu vous donner une idée plus juste de moi, que vous n'en avez pu avoir jusqu'à presant. Adieu donc, mes bonnes amies, soyez heureuses et n'oubliez pas un frère qui, croyez le moi, sait aimer et vous aime bien tendrement» [1]).

Въ этомъ же настроеніи въ тотъ же день онъ написалъ и отцу отвѣтъ на то большое письмо его, которое мы привели въ предыдущей главѣ:

---

[1]) Я хотѣлъ высказать вамъ свои убѣжденія, прежде чѣмъ намъ разстаться, ибо мы долго не увидимся. Я не могу болѣе жить въ семьѣ. Это невозможно. Мнѣ нужна моя личная свобода. И вотъ, прежде чѣмъ разстаться, я хотѣлъ дать вамъ о себѣ болѣе вѣрное представленіе, нежели то, какое вы могли имѣть до сихъ поръ. Прощайте же, дорогіе друзья мои, будьте счастливы и не забывайте брата, который — вѣрьте мнѣ въ этомъ — умѣетъ любить и любитъ васъ очень нѣжно.

«Любезный батюшка. — писалъ Михаилъ Александровичъ 29 февраля 1836 года. — Почти недѣля прошла съ тѣхъ поръ. какъ я получилъ ваши письма. Я долго не отвѣчалъ. Они меня разстроили, и я долго не рѣшался браться за перо, боясь сказать слишкомъ много. Теперь я немного успокоился и хладнокровнѣе могу писать вамъ. Сердце мое слишкомъ глубоко ранено для того, чтобы оно могло успокоиться совершенно, но ко всему можно привыкнуть, и я также немного привыкъ къ непріятному своему отношенію къ семейству. Вы правы, любезный батюшка, слова ничего не доказываютъ, — одно только истинное чувство, не закованное еще въ догматическія формы, можетъ дать имъ цѣну; разсудокъ требуетъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ довѣріе не есть уже чувство, понимающее другое чувство, прямо, безъ фактическихъ доказательствъ, нѣтъ; довѣріе разсудка—другого рода: оно требуетъ фактовъ. Я думалъ, что говорилъ чувству, а говорилъ разсудку — вотъ въ чемъ моя ошибка. Одно только время можетъ оправдать меня, и я долженъ оставить всѣ попытки до перваго удобнаго случая.

«Все письмо ваше мнѣ показалось несправедливымъ, но двѣ вещи особенно остались для меня непонятными: 1) нападки ваши на моихъ друзей, 2) упрекъ въ неискренности и гнѣвъ вашъ на Беера.

«Я не знаю, что вы называете философической дружбой и почему вамъ кажется такъ подозрительна дружба молодыхъ людей, соединенныхъ общимъ чувствомъ. Правда, дружба эта не основана на привычкѣ; но мнѣ кажется, что связь привычки не можетъ быть такъ прочна, такъ благородна, какъ связь чувства. Вы, можетъ быть, отвергаете въ насъ и чувство; тогда мнѣ остается только молчать — доказательства мои были бы излишни. Особыхъ философическихъ системъ у насъ нѣтъ, а слѣдовательно и ссориться, и ненавидѣть другъ друга намъ не изъ чего.

«Что же касается моей хитрости, то я до сихъ поръ не понимаю, въ чемъ она состояла. Не понимаю, какое вліяніе могъ имѣть отъѣздъ Беера на мой отъѣздъ. Можетъ быть, вы думали, что я о немъ хлопоталъ для того, чтобы послѣ занять у него денегъ? Ваше мнѣніе обо мнѣ такъ худо, что и это предположеніе могло казаться вамъ справедливымъ. Сомнѣніе

это я разрушу однимъ словомъ: деньги [1]) я бралъ не у него, а у другого. Его я назвалъ, чтобы не называть другого. Если же вы сердитесь на Беера за то, что онъ меня не удержалъ въ Твери, то и это несправедливо: Бееръ слишкомъ хорошо знаетъ, что трудно меня отговорить отъ того, на что я разъ уже рѣшился. Несмотря на это, онъ сдѣлалъ попытку и, разумѣется, безполезную [2]).

«Теперь мнѣ остается поблагодарить васъ, любезный батюшка, за позволеніе, вами мнѣ данное, давать здѣсь уроки. Черезъ день или два я начну свое новое поприще и, какъ кажется, подъ предзнаменованіемъ довольно счастливымъ. Графу Толстому я написалъ и благодарилъ за предложеніе.

Цѣлую ваши и маменькины ручки и остаюсь сынъ вашъ

М. Бакунинъ.

Письмо это, и въ особенности предшествующее письмо къ сестрамъ, достаточно ярко рисуютъ настроеніе, въ которомъ находился Мишель. Очевидно, онъ былъ весь подъ вліяніемъ только что прочитаннаго трактата Фихте «Anweisung zum seligen Leben» и насквозь проникнутъ его идеями. Мы видѣли, что его уже и раньше міръ внутренній интересовалъ гораздо больше, нежели міръ внѣшній. Теперь, подъ вліяніемъ Фихте, послѣдній былъ совершенно поглощенъ первымъ. Едва прочитавъ «Anweisung», онъ уже вполнѣ схватилъ основную мысль Фихте и сразу принялъ то религіозное воззрѣніе, которое у Фихте составляетъ четвертую ступень въ ряду человѣческихъ религіозныхъ воззрѣній и, будучи просвѣтлено научною, т.-е. философскою, мыслью, безъ труда превращается въ пятую высшую ступень, до которой только можетъ достигнуть познаваніе и созерцаніе человѣкомъ Бога. Достигнуть этого блаженства и жить въ немъ, очевидно, составляло отнынѣ сознательную жизненную цѣль Михаила Бакунина. Въ этомъ видѣлъ онъ свое назначеніе, а осуществленіе этого назначенія внѣшнимъ образомъ должно было выражаться въ достиженіи необходи-

---

[1]) Деньги, нужныя ему для поѣздки въ Москву. Ихъ далъ вѣроятно Станкевичъ.

[2]) Объ Алексѣѣ Андреевичѣ Бееръ см. въ гл. V. Михаилъ Бакунинъ тогда былъ съ нимъ въ дружбѣ, но вскорѣ совершенно съ нимъ разошелся и даже разссорился.

мыхъ научныхъ знанiй, и впослѣдствiи въ передачѣ ихъ другимъ людямъ. Для этого удобнѣйшимъ средствомъ являлось достиженiе профессуры, къ чему Михаилъ Александровичъ и начинаетъ съ этого времени стремиться. Занимался онъ въ это время и одинъ, и со Станкевичемъ, при чемъ дружба его съ послѣднимъ все крѣпла. Въ письмѣ отъ 8 марта (къ Татьянѣ) онъ сообщалъ, какъ мы видѣли, что занимается со Станкевичемъ ежедневно; въ письмѣ отъ 11 марта (къ Варварѣ Александровнѣ) онъ пишетъ уже, что живетъ у Станкевича и что не только занимается съ нимъ исторiей и философiей, но читаетъ съ нимъ вмѣстѣ различныхъ нѣмецкихъ писателей: Гёте, Шиллера, Жанъ-Поля-Рихтера, Гофмана и др. «Я почти не выхожу изъ дому, — прибавляетъ онъ, — кромѣ вечеровъ, которые я провожу у Бееровъ. Я занимаюсь много. У Станкевича такая *прекрасная душа* [1]). Мы все больше и больше съ нимъ сходимся, все больше и больше становимся друзьями»...

Въ письмахъ Станкевича къ Невѣрову отъ этого времени сохранились также нѣкоторые слѣды этихъ отношенiй Станкевича съ Бакунинымъ. Уже въ письмѣ отъ 24 января 1836 г. Станкевичъ пишетъ: «Теперь здѣсь Бакунинъ. Мы видимся съ нимъ часто». Въ письмѣ отъ 15 февраля, недовольный своимъ духовнымъ состоянiемъ, онъ пишетъ между прочимъ: «Мы чудно̀ созданы. Дѣйствительность безпрестанно даетъ намъ знать, что она дѣйствительность, а мы все ждемъ чудесъ... Я стыдился этого направленiя, я думалъ, что это слѣдствiе нашей неестественной жизни, убитаго организма и убитой души... но люди молодые (sic! — Бакунинъ былъ моложе его меньше чѣмъ на годъ. А. К.), свѣжiе, въ которыхъ поселилась искра Божiя, страждутъ тѣмъ же недугомъ. М. Бакунинъ говоритъ мнѣ, что каждый разъ, когда онъ возвращается откуда-нибудь домой, ждетъ у себя чего-нибудь необыкновеннаго» [2])... Этому настроенiю вполнѣ соотвѣтствовало чтенiе Жанъ-Поля-Рихтера и въ особенности Гофмана, къ которымъ вскорѣ присоединилась, въ качествѣ одной изъ любимыхъ книгъ

[1]) Выраженiе „прекрасная душа", заимствованное изъ эстетики Шиллера и примѣненное здѣсь къ Станкевичу, впослѣдствiи будетъ часто встрѣчаться въ перепискѣ Бакунина съ друзьями и съ сестрами, и намъ придется еще на немъ остановиться.

[2]) „Переписка" Станкевича, стр. 165 (1-ое изд.).

Бакунина, «Goethes Briefwechsel mit einem Kinde» von Bettina von Arnim.

Совершенно понятно, что проникнутый идеями Фихте Бакунинъ подчеркивалъ свое презрѣніе ко всѣмъ человѣческимъ отношеніямъ, «закованнымъ въ догматическую форму». Поэтому и въ отношеніяхъ своихъ съ сестрами онъ не только не придавалъ положительнаго значенія родству и привычкѣ, но прямо считалъ и то и другое условіями отрицательными, мѣшающими образованію истинной дружбы. Только этимъ можно объяснить то предпочтеніе, которое онъ отдавалъ въ это время своей дружбѣ съ Беерами передъ старою дружбою съ сестрами, которыхъ въ сущности онъ не переставалъ однако горячо любить. Если, благодаря своей «закованности въ догматическія формы», воззрѣнія и вѣрованія его сестеръ представлялись ему, съ точки зрѣнія Фихтевой лѣстницы религіозныхъ воззрѣній, стоящими на низкой ступени безсознательнаго подчиненія догматическимъ велѣніямъ «устрояющаго закона», то воззрѣнія и стремленія Бееровъ были въ сущности еще ниже и очень сбивались въ дѣйствительности на подчиненіе просто презрѣнной «чувственности» (по фразеологіи фихтеанцевъ). И если Мишель не замѣчалъ этого, то только благодаря тому ослѣпленію, въ которое его приводила готовность этихъ наивныхъ и въ то же время экзальтированныхъ дѣвушекъ признать его за пророка и вѣрить каждому слову его поученій. Впрочемъ, на развитіи отношеній Мишеля съ сестрами Бееръ мы остановимся ниже подробно, такъ какъ эти отношенія поглотили у него не мало и времени и нравственныхъ силъ. Теперь же обратимся къ развитію отношеній его съ собственными его сестрами. Хотя онъ писалъ имъ, что считаетъ дружбу свою съ ними какъ бы не существующею, однако же на самомъ дѣлѣ онъ не переставалъ ни на минуту стремиться обратить ихъ въ свою новую вѣру. Съ особеннымъ упорствомъ и даже страстью стремился онъ подчинить себѣ души самыхъ любимыхъ своихъ сестеръ Танюши и Вареньки, и къ нимъ обращались и самыя рѣзкія и самыя краснорѣчивыя изъ его посланій. Танюшу и Вареньку онъ любилъ больше, нежели двухъ другихъ сестеръ; чувство его къ Танюшѣ имѣло характеръ непосредственнаго сильнаго влеченія, болѣе сильнаго, нежели обыкновенная любовь къ сестрѣ или къ другу, и потому сопровождалось иногда припадками

ревности, съ которыми Мишель боролся, считая ихъ проявленіемъ эгоизма и низменнымъ чувствомъ. Любовь къ Варварѣ въ немъ была сильна съ дѣтства, и затѣмъ отношенія къ ней осложнились послѣ ея замужества, которое Мишель съ самаго же начала считалъ плодомъ несчастнаго недоразумѣнія. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ ея выхода замужъ не только для Мишеля, но и для Татьяны, которая не была такъ предубѣждена противъ замужества Вареньки, какъ Мишель, но которая нѣжно и страстно любила сестру, стало довольно ясно, что между Варварой и ея мужемъ, въ сущности, нѣтъ ничего общаго и что Варвара не можетъ быть счастлива съ Дьяковымъ. Для Татьяны это сдѣлалось ясно, какъ только она погостила у Дьяковыхъ нѣсколько недѣль. Единственной надеждой на счастье для Вареньки была надежда стать матерью, и она стала ею довольно скоро: уже въ ноябрѣ 1835 г. у нея родился сынъ, котораго назвали въ честь дѣда Александромъ. Но и тутъ отношенія съ мужемъ не улучшились и не могли улучшиться, потому что Дьяковъ совершенно не былъ способенъ раздѣлять духовные и идейные интересы своей жены. Для Мишеля, а черезъ него и для Татьяны, это становилось тѣмъ яснѣе, чѣмъ сильнѣе въ глазахъ Мишеля брала верхъ духовная сторона жизни надъ матеріальной, и когда Варенька призналась ему однажды въ одномъ откровенномъ разговорѣ, что тяготится своими отношеніями къ мужу, хотя и считаетъ себя не въ правѣ разрушать ихъ, то Мишель счелъ своей задачей такъ или иначе добиться освобожденія Вареньки отъ ея супружеской жизни. Задача эта не могла осуществиться безъ тяжелой и сложной борьбы, ибо, не говоря о сопротивленіи самого Дьякова, который по-своему горячо и страстно любилъ жену и былъ, съ обыденной точки зрѣнія, добрымъ и корректнымъ мужемъ, не говоря о противодѣйствіи, котораго слѣдовало ожидать со стороны родителей, приходилось еще бороться съ предразсудками и догматическими вѣрованіями и взглядами самой Варвары на обязанности супружеской жизни. Но чѣмъ труднѣе представлялась эта борьба, тѣмъ съ большею страстью и вѣрою въ свою миссію принимался за нее Мишель. Догматическія вѣрованія и обыденные религіозные взгляды здѣсь, какъ и въ другихъ сторонахъ его семейныхъ отношеній, являлись главнымъ препятствіемъ, и на нихъ-то и направилъ

Мишель, послѣ своего переселенія въ Москву, самые сильные удары. Здѣсь проявилъ онъ ту же рѣзкость и страстность, что и въ нападеніяхъ своихъ на свѣтскую жизнь своего семейства въ Твери. Вотъ что онъ писалъ Варварѣ Александровнѣ во второй половинѣ февраля 1836 г., послѣ прочтенія ея письма къ Беерамъ, въ которомъ она выражала свой взглядъ на отъѣздъ Мишеля изъ дому: «Добрая моя Варенька! Я только что прочелъ твое письмо [1]) къ нашимъ друзьямъ. Одна вещь показалась мнѣ въ ней странной: это что ты боишься потерять мою дружбу, позволяя себѣ имѣть мнѣніе, противоположное моему. Свобода мнѣній всегда была моимъ правиломъ; но поэтому же и ты не разсердишься на меня, если я позволю себѣ также имѣть свое мнѣніе, совершенно противное твоему. Ты предоставляешь себѣ слѣдовать своему чувству, ты въ немъ надѣешься найти все, въ чемъ нуждаешься. Можешь быть увѣрена, дорогой другъ, что я горячо желаю тебѣ исполненія твоихъ надеждъ. Но мнѣ нѣтъ нужды тебѣ говорить, что я не только этому не вѣрю, но, наоборотъ, совершенно увѣренъ въ противномъ. Не буду говорить тебѣ о твоемъ мужѣ. Можетъ быть, ты уже раскаялась въ томъ, что была со мной откровенна на его счетъ, и конечно не я захочу воспользоваться минутой откровенныхъ изліяній, я запрещаю себѣ всякое сужденіе о немъ; но позволь мнѣ въ послѣдній разъ напомнить тебѣ о судьбѣ сына твоего Александра. Ты хотѣла сдѣлать изъ него человѣка; что же хочешь ты сдѣлать изъ него теперь? Не приносишь ли ты въ жертву спокойствію твоей совѣсти въ данную минуту, можетъ быть, все его будущее? Ибо я говорю тебѣ рѣшительно, ты не въ состояніи измѣнить твоего мужа; онъ всегда останется такимъ, какъ онъ есть. Прости мнѣ эти разсужденія, мой добрый другъ, прости мнѣ, что я и въ этихъ немногихъ словахъ слишкомъ обнаружилъ свое невыгодное мнѣніе о твоемъ мужѣ. Но увѣряю тебя, что это въ послѣдній разъ. Я не хочу отнынѣ ста-

---

[1]) Письмо Варвары Александровны, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ архивѣ Бееровъ. Въ немъ В. А. оказывается по существу солидарной съ отцомъ и защищаетъ его точку зрѣнія. За нѣсколько дней до того она писала Александрѣ Андреевнѣ Беeръ, что Мишель надѣлалъ по молодости лѣтъ много глупостей, и совѣтовала ей любить его, но не всему тому вѣрить, что онъ въ своемъ увлеченіи проповѣдуетъ.

новиться между тобой и твоей совѣстью. Слушайся ея голоса. Можетъ быть, она дастъ тебѣ то счастье, которое не призвана дать тебѣ истина, истина, какъ я ее понимаю, абсолютная и безъ исключеній. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ существуютъ разныя организаціи, и то, что истина и религія для одного, вовсе не то для другого. Итакъ, мой добрый другъ, безъ упрековъ и негодованія я отрекаюсь отъ всѣхъ правъ на твое неограниченное довѣріе, которыя я думалъ, что пріобрѣлъ. Я возвращаю тебѣ твое слово, ибо теперь оно простое слово, которое чувство твое измѣнило. Но что касается совѣтовъ, которые вы даете нашимъ друзьямъ, то я громко объявляю вамъ всѣмъ, что они не будутъ исполнены [1], что я не позволю имъ унизить свое достоинство изъ угожденія матери-лицемѣркѣ и брату... Лишь моральное родство можетъ быть человѣчественно. Вѣрьте мнѣ, мои добрые друзья, не эгоизмъ заставляетъ меня поступать такимъ образомъ, не онъ заставляетъ меня ихъ удерживать, нѣтъ, это совершенно иная вещь, это дружба моя къ нимъ, это любовь къ достоинству говорятъ во мнѣ. Нѣтъ правъ, нѣтъ обязанностей, есть лишь любовь, абсолютная, и когда есть любовь, нѣтъ обязанностей. Обязанность исключаетъ любовь, а все, что исключаетъ любовь, — преступно, безчестно. Съ моей точки зрѣнія нѣтъ родителей, я отрицаю своихъ, я не нуждаюсь въ ихъ любви, я не пойду выпрашивать ихъ любовь цѣною униженія моего достоинства, я всегда назову низкимъ (bas) то, что низко, презрѣннымъ (vil) то, что презрѣнно, я не признаю за ними никакого права на меня и я отнюдь не нахожу себя обязаннымъ валяться у нихъ въ ногахъ, чтобы выпросить у нихъ позволеніе быть человѣкомъ; я *уже* человѣкъ, потому что хочу имъ быть, потому что я призванъ имъ быть. У меня нѣтъ другой цѣли, какъ быть человѣкомъ, и я разбиваю все, что мѣшаетъ мнѣ итти къ ней. Да будутъ прокляты всѣ эти условія, выкованныя униженіемъ человѣка; да будутъ прокляты всѣ эти относительныя идеи, которыя не имѣютъ смысла и тѣмъ не менѣе ограничиваютъ волю. Нужно разбивать все фальшивое безъ жалости и безъ исключенія, чтобы истина торжествовала, и

---

[1]) Бакунины совѣтовали Беерамъ подчиниться желаніямъ ихъ матери и не ссориться съ нею. Объ этомъ подробнѣе ниже.

она восторжествуетъ. Ея царство придетъ, и всѣ тѣ, кто были слабы, и всѣ тѣ, кто испугались несчастныхъ призраковъ, которые ихъ опутываютъ, и всѣ тѣ, кто не имѣли смѣлости ими пренебречь, и всѣ тѣ, кто остановились на полпути, и всѣ тѣ, кто торговались съ истиной, не будутъ пріобщены къ ея торжеству; они будутъ содрогаться отъ своихъ ошибокъ, они будутъ оплакивать свою слабость.

«Нѣтъ, добрые друзья мои, я болѣе не дѣлаю уступокъ, онѣ едва не убили меня, онѣ приводятъ меня въ апатію, а моя внутренняя жизнь — все мое счастье; это центръ, отъ котораго я никогда не отойду. Истина безусловная, а не примѣненная къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ — вотъ мой девизъ. Поступайте вы, какъ считаете нужнымъ, я буду поступать, какъ я хочу. Вы не откажете мнѣ, надѣюсь, въ вашемъ уваженіи, несмотря на различіе во взглядахъ; что касается меня, то я явлюсь всегда, когда будетъ во мнѣ нужда. Что же касается нашей дружбы, добрые друзья мои, то я не считаю ее особенно цѣнной (je ne la crois pas grande chose), она лишь слово, лишенное смысла и которое съ каждымъ днемъ будетъ все безсмысленнѣе. Вы возвратитесь къ прежнимъ своимъ взглядамъ, я же, далекій отъ того, чтобы отказаться отъ моихъ, буду примѣнять ихъ во всѣхъ ихъ приложеніяхъ, во всей ихъ строгости. Наши дороги соприкасались между собою въ теченіе нѣкотораго времени, но онѣ не совпали, онѣ лишь скрестились и удаляются одна отъ другой все далѣе и далѣе. Прощайте же, сохранимъ всѣ память о быломъ, ибо въ прошедшемъ были святыя минуты, и забудемъ то, что ихъ нарушало. Добрые друзья мои, не дѣлайте себѣ иллюзій о вашихъ чувствахъ по отношенію ко мнѣ. Это было результатомъ стеченія обстоятельствъ, я искалъ то, чего не умѣлъ найти, и давно отказался отъ всѣхъ этихъ глупыхъ предубѣжденій. Прощайте же.

Вашъ братъ *М. Бакунинъ.*

Написавъ это сердитое и рѣшительное письмо, Мишель, однако же, тотчасъ одумался. Одновременно съ этимъ письмомъ сестры получили другое, почти совершенно его отрицавшее.

«Дорогая Варенька!—писалъ онъ,—всего часъ тому назадъ я написалъ тебѣ мое первое письмо и хочу написать другое. Нѣтъ, добрый другъ мой, я ничего не проклинаю, я отъ тебя

не отступаюсь. я знаю, что, что бы ты ни говорила, ты еще нуждаешься во мнѣ. Слова, которыя твое письмо у меня вырвало, не были словами гнѣва—это было глубоко уязвленное чувство, которое заставило меня такъ говорить. Теперь оно успокоилось и другое его замѣнило. Варенька, ты убиваешь свое будущее, ты хочешь убить будущее твоего сына, и я ничего не могу съ тобой подѣлать, ибо я лишился твоей вѣры въ меня, а я вовсе не изъ самолюбія хотѣлъ этой вѣры; нѣтъ, Варенька, я ее хотѣлъ ради тебя, изъ любви къ тебѣ. Знаешь ли, Варенька, ты никогда не могла понять всей горячности моей дружбы къ тебѣ. Я говорю это не для того, чтобы взять верхъ надъ тобою теперь, о, нѣтъ, Варенька, я научился, я привыкъ забывать себя. Я для себя ничего не прошу, съ меня достаточно моей внутренней жизни, того назначенія, которое я полагаю своимъ. Знаешь, Варенька, если бы я зналъ, что расхожденіе мое съ тобой могло бы дать тебѣ то счастье, котораго ты достоіна, которымъ ты сумѣла бы такъ возвышенно пользоваться, я бы не колеблясь разстался съ тобой; но это расхожденіе не только не принесетъ тебѣ счастья, но, напротивъ, будетъ для тебя несчастьемъ. Оно послужитъ сигналомъ для твоего возвращенія къ прежнимъ взглядамъ, а съ прежними взглядами вернутся и прежнія горести, прежнія страданія. Ибо только истина можетъ дать тебѣ то счастье, которое можетъ удовлетворить всѣ запросы твоей пылкой души. Но истина—одна. Это та истина, которую я понимаю, которую я такъ хорошо ощущаю; но истина эта ревнива, она хочетъ царить одна безъ раздѣла. Варенька, эта истина высока, и если я еще не сумѣлъ показать тебѣ ее такою, какъ она есть, такою, какая она охватываетъ меня всего, то я это сдѣлаю, Варенька; дай же мнѣ твою руку, верни мнѣ твою дружбу, всю твою любовь, всю твою вѣру, все твое довѣріе; прочь всѣ условія, прочь всѣ ложные призраки: единая истина, чистая истина да будетъ нашей религіей. Нужны ли ей украшенія, не свята ли она, не высока ли она сама по себѣ? Благословимъ же весь міръ, и Верховное существо благословитъ насъ и мы никогда не покинемъ другъ друга. Неужели союзъ нашъ есть лишь обольщеніе, лишь пустой призракъ?—Онъ не болѣе, какъ обольщеніе, если ты, Варенька, можешь пойти назадъ. Не обвиняй меня въ томъ, что я удерживаю нашихъ

друзей [1]), я дѣлаю это по убѣжденію, я чистъ и святъ въ эту минуту, я вижу теперь такъ далеко и такъ ясно, что душа моя снова такъ горяча, такъ могущественна своею любовью. Возлюбимъ другъ друга, дорогіе друзья мои, станемъ выше всѣхъ недоразумѣній, осуществимъ ту гармонію, которую мы чувствуемъ иногда такой полной, такой совершенной въ нашихъ душахъ»...

Между тѣмъ Михаилъ Александровичъ, въ свою очередь, едва отправивъ эти письма, получилъ отъ Варвары Александровны письмо, которое она написала ему еще до полученія послѣднихъ двухъ писемъ, въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ шла рѣчь о его отъѣздѣ изъ дому.

«Дорогой мой Мишель,—писала ему Варвара Александровна [2]),—я не совсѣмъ здорова и потому замедлила мой отвѣтъ. Мнѣ немногое приходится тебѣ сказать и это такъ просто, такъ старо, что едва ли заслужитъ вниманія съ твоей стороны. Прежде всего это, что мы любимъ тебя со всею горячностью, со всею искренностью, которыя Богъ вложилъ въ наши сердца, и въ сущности ты самъ слишкомъ насъ любишь, ты слишкомъ хорошо насъ знаешь, чтобы быть въ состояніи когда-либо сомнѣваться въ этомъ, несмотря на то, что иногда это можетъ казаться. Эти сомнѣнія—ошибка твоего ума, но не твоего сердца... Ты знаешь также, какъ цѣнимъ мы твои идеи нравственнаго совершенствованія, твою пылкость къ добру и ко всему благородному въ человѣческой природѣ. Единственный пунктъ, гдѣ наши взгляды расходятся, это—что ты отрицаешь долгъ, а мы въ него вѣримъ. Мы думаемъ, что существуютъ тяжкія обязанности, которыя тѣмъ не менѣе должно исполнять. Но это въ сторону, дорогой Мишель. Это спорный вопросъ между нами; не будемъ его болѣе касаться. Можетъ быть, когда-нибудь мы придемъ къ соглашенію на этотъ счетъ»...

Остальная часть письма посвящена разбору отношеній Мишеля къ родителямъ, поведеніе которыхъ Варвара Александровна старается оправдать.

---

[1]) Онъ удерживалъ ихъ отъ поѣздки въ Шашкино (Орловск. губ.), куда хотѣла увезти ихъ мать, и убѣждалъ провести лѣто въ другомъ имѣніи—Попово, близъ Премухина.

[2]) Письмо это написано по-французски.

Но Мишель вовсе не хотѣлъ оставить въ сторонѣ основного спорнаго пункта и въ письмѣ отъ 9 марта 1836 г. онъ вновь писалъ Варварѣ Александровнѣ [1]):

«Я получилъ твое письмо. Оно произвело на меня смѣшанное впечатлѣніе. Оно заставило меня много думать и утвердило меня въ моемъ взглядѣ на характеръ той дружбы, которую вы можете ко мнѣ имѣть. Да, вы меня любите, добрые друзья мои: въ этомъ я болѣе не сомнѣваюсь. Я возвратился къ тому довѣрію, которое питалъ къ вамъ раньше, къ тому прежнему довѣрію, которое, признаюсь, не удовлетворяло меня вполнѣ. И, что покажется вамъ еще болѣе страннымъ, это то, что сомнѣніе, которое овладѣло мною въ послѣднее время, было гораздо болѣе утѣшительно, нежели нынѣшняя моя увѣренность. Мое сердце такъ мало создано для скептицизма, что даже въ тѣ минуты, когда вся видимость должна была убѣдить меня въ вашей холодности, являлся всегда тайный голосъ, который мнѣ говорилъ, что это сомнѣніе, мучившее меня въ тотъ моментъ, не замедлитъ превратиться въ увѣренность и въ совершенную вѣру въ васъ. Этотъ голосъ мнѣ говорилъ, что обстоятельства, которыя, казалось, поколебали дружбу, насъ связывавшую, были нужны, чтобы очистить наши чувства отъ грязной пыли, именуемой привычкою, которая къ нимъ привязывалась незамѣтно для насъ. Я вѣрилъ, что эти обстоятельства, потрясши весь нравственный міръ моей семьи, освободятъ его отъ той ржавчины, которая въ немъ накопилась отъ черезчуръ долгаго благополучія, что они вернутъ ему ту нравственную крѣпость, которой такъ щедро одаренъ каждый изъ членовъ нашей семьи, взятый отдѣльно, и которая разрушилась у насъ мало-по-малу, благодаря *догматизму*, вовсе не христіанскому, съ присоединеніемъ къ нему еще несчастнаго *здраваго смысла*, столь мало осмысленнаго. И что же получилось? Ничего изъ того, на что я надѣялся, когда мой разсудокъ подвергалъ сомнѣнію дружбу моей семьи ко мнѣ,—не ту дружбу по обязанности и по привычкѣ, дружбу по приказу, которую на основаніи десяти заповѣдей долженъ чувствовать каждый благовоспитанный человѣкъ,—нѣтъ, но дружбу, какъ я ее понимаю, эту симпатію, этотъ союзъ сердецъ, это сліяніе стра-

[1]) Письмо это также писано по-французски.

даній, надеждъ безконечныхъ въ одну единую нравственную жизнь. И вотъ, когда мой разсудокъ логически доказывалъ мнѣ отсутствіе такого чувства въ моей семьѣ, сердце мое всегда было тутъ какъ тутъ, чтобы ему противорѣчить. Бывали минуты, когда я обвинялъ себя даже въ созданіи призраковъ, чтобы пополнить мою бѣдную и неудавшуюся жизнь. Я себѣ говорилъ, что только сердце не ошибается, что логика ничего не можетъ рѣшать о чувствѣ, а между тѣмъ разсудокъ то былъ правъ,—приложенный къ нравственнымъ законамъ, онъ не ошибается. Понимаете вы теперь характеръ той увѣренности, въ которой я теперь нахожусь? Не думай, милая Варенька, что я хочу жаловаться, интересничать. Не думайте, что это уловка, чтобы заставить васъ говорить болѣе нѣжно. Нѣтъ, моя милая, я очень вамъ благодаренъ за вашу дружбу, ибо та дружба, о которой я говорю, должна быть заслужена дѣйствіями и я ее еще ничѣмъ не заслужилъ. Хотите вы знать, какъ вы меня любите? Мои выводы будутъ очень послѣдовательны, вамъ не придется ничего возразить. У васъ два существованія (existances): одно человѣческое и божественное вмѣстѣ, это состояніе любви, священнаго огня; въ немъ заключены всѣ ваши лучшія упованія, всѣ ваши поэтическія видѣнія и всѣ фантазіи вашей души. Это существованіе, говорите вы, не отъ міра сего. У васъ есть еще другое существованіе, — существованіе обыденной жизни (sorte de vie factice): это всѣ догмы, всѣ формулы искусства жить въ свѣтѣ; это—антихристіанскіе трактаты объ обязанностяхъ, о высокомъ и прекрасномъ, въ приложеніи къ практической жизни. Они къ услугамъ всѣхъ и каждаго, каждый можетъ извлекать изъ нихъ наставленіе для всевозможныхъ случаевъ, это магазинъ практической морали за сходную цѣну, это грошовая мораль. Эта жизнь, говорите вы, принадлежитъ землѣ. Она должна быть основой всѣхъ земныхъ чувствъ—любви, дружбы, но долгъ тутъ прежде всего. Надо признать, что это очень дѣйствительное средство заставить гармонировать чувства съ долгомъ. Признайтесь, однако, что это очень бѣдное изобрѣтеніе—всѣ эти несчастныя формулки добродѣтели á la m-me de Genlis, что это очень бѣдная дружба, которая опирается лишь на привычку и на догматизмъ... Нѣтъ, милый другъ, это чувства не земныя, они происхожденія небеснаго! Основа-

ніемъ имъ служитъ безконечное: вѣчная и божественная любовь—ихъ источникъ. Назначеніе человѣка вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы страдать, сложа руки, на землѣ, въ надеждѣ заслужить миѳологическій рай. Его назначеніе скорѣй—перенести это небо, этого Бога, котораго онъ заключаетъ въ себѣ, на землю, возвысить практическую жизнь, поднять землю до неба—вотъ его высокая миссія. Пусть же онъ будетъ ея достоинъ, пусть онъ одушевляется ея священнымъ характеромъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ малѣйшихъ своихъ отношеніяхъ, пусть онъ изгонитъ изъ своего существованія все, что не согласуется съ его священнымъ происхожденіемъ! Понимаете вы, что всякая связь, основанная на такомъ фундаментѣ, никогда не можетъ быть пассивной, что она будетъ во всякій моментъ одушевлена, что тогда не найдется для нея ничего такого устарѣлаго, чтобы она не могла одушевить новой жизнью. Понимаешь ли меня, Варенька»...

Это письмо получено было въ Премухинѣ почти одновременно съ ласковымъ и дружескимъ письмомъ на имя Татьяны Александровны отъ 8 марта, и Татьяна очень была смущена тою нервозностью и неустойчивостью, которая проявлялась въ этихъ письмахъ Мишеля. Она не скрыла отъ него этого впечатлѣнія.

«Третьяго дня ты мнѣ писалъ,—писала она (по-французски),—что отнынѣ ничто не можетъ поколебать твою увѣренность въ насъ, а письмо, которое мы получили сегодня, говоритъ совершенно противное. Боже мой! Мишель, какъ ты быстро мѣняешь свое настроеніе и какъ ты несправедливъ къ твоимъ бѣднымъ сестрамъ. Что говоришь ты тутъ о догмѣ, о заповѣдяхъ! Любовь, дружба не являются по приказу, и вовсе не чувство долга возбуждаетъ ихъ въ нашихъ сердцахъ. Да, мы христіанки, мы уважаемъ обязанности, которыя налагаетъ на насъ Богъ, налагаетъ природа; онѣ для насъ священны. Но чувство долга нисколько не уменьшаетъ горячности нашихъ сердецъ; оно не можетъ погасить небеснаго огня, зажженнаго въ нашихъ душахъ рукой самого Бога. Если ты теперь этому не вѣришь, то время тебя убѣдитъ и ты долженъ будешь признать, что ты худо судилъ о твоихъ сестрахъ, которыя любятъ тебя и до смерти будутъ любить съ той же горячностью, съ той же живостью. Напиши мнѣ скорѣй, доро-

гой другъ, увѣрь насъ, скажи намъ, что твое сомнѣніе въ насъ продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и что эти минуты прошли, чтобы никогда болѣе не возвращаться»...

При той искренней и глубокой любви, которую питали къ Михаилу Бакунину его сестры и въ особенности Татьяна, при той наклонности къ духовной жизни въ сферѣ высокихъ чувствъ и возвышенныхъ мыслей, которая была имъ присуща, отношенія между ними и братомъ, несомнѣнно, скоро выяснились бы и упрочились бы въ благопріятную сторону, если бы они не осложнились отношеніями Мишеля и ихъ самихъ съ подругами ихъ Бееръ. На развитіи этихъ отношеній намъ и придется теперь остановиться, такъ какъ они сыграли въ этотъ моментъ крупную роль въ разрѣшеніи того душевнаго кризиса, который переживалъ въ это время Михаилъ Бакунинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его близкіе.

ГЛАВА XIV.

Семья Беерь въ 1836 г.—Характеръ отношеній Бакунина къ сестрамъ Беерь.—Его письмо отъ 22 апрѣля 1835 г.—Первые его планы образованія особаго братскаго кружка въ концѣ 1835 г. до знакомства съ философіей Фихте.—Посвященіе сестеръ Беерь въ философію религіи Фихте въ 1836 г.—Смуты въ семьѣ Беерь.—Планъ Александры Андреевны Беерь итти въ монастырь.—Вмѣшательство Михаила Бакунина. Переписка его объ этомъ съ В. А. Дьяковой.—Отъѣздъ А. А. Беерь въ Тверь. -Недоразумѣнія и ссоры сестеръ Беерь съ сестрами Бакунина въ 1836 г.—Переписка Михаила Бакунина съ сестрами въ апрѣлѣ 1836 г.—Любовь Натальи Андреевны Беерь къ М. А. Бакунину и отъѣздъ ея въ Тверскую губернію.—Покаянное письмо Михаила Бакунина къ В. А. Дьяковой въ концѣ апрѣля 1836 г.

Семейство Беерь или «Беёровыхъ», личный составъ котораго мы уже обрисовали, въ началѣ и серединѣ тридцатыхъ годовъ проводило зиму обыкновенно въ Москвѣ. Старшій сынъ этого семейства, Алексѣй, товарищъ Станкевича по университету, въ это время служилъ въ военной службѣ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, квартировавшихъ въ Тверской губерніи, а мать жила съ двумя дочерьми, читателю уже извѣстными, Натальей и Александрой, и младшимъ сыномъ Константиномъ, юношей лѣтъ 18. Въ X главѣ мы разсказали о сближеніи весной 1835 г. Михаила Бакунина съ сестрами Беерь и объ отъѣздѣ ихъ затѣмъ въ имѣніе Шашкино, Орловской губерніи. Изъ деревни они вернулись въ этомъ году поздно, въ концѣ ноября, и наняли квартиру въ большемъ особнякѣ, у Красныхъ воротъ, гдѣ до нихъ жили Аксаковы, помѣстившись въ немъ вмѣстѣ съ племянницей m-me Беерь Анной Ржевской и племянниками Владиміромъ и Ѳедоромъ Ржевскими, которые всѣ также были старыми знакомыми Бакуниныхъ. Анна или Аннетъ Ржевская была въ это время еще совершенно молоденькой, весьма наивной дѣвушкой. Она состояла въ дружеской перепискѣ съ Татьяной Александровной Бакуниной, и изъ писемъ ея многія сохрани-

лись въ бакунинскомъ архивѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, и сами по себѣ небезынтересныя по своей живости и безыскусственности, помогаютъ въ то же время установить кое-какія подробности и даты въ развитіи отношеній Бакуниныхъ съ Беерами. Старшій изъ Ржевскихъ, Владиміръ Константиновичъ, впослѣдствіи небезызвѣстный публицистъ (много писавшій въ 50 и 60-хъ годахъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Каткова) и общественный дѣятель (бывшій членомъ орловскаго дворянскаго комитета по крестьянскому дѣлу въ 1859 г.), въ то время былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и служилъ при попечителѣ московскаго округа гр. Строгановѣ. Младшій братъ его, Ѳедоръ, повидимому еще не служившій, былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ своей двоюродной сестрой Александрой Андреевной, чѣмъ была очень недовольна m-me Бееръ, придерживавшаяся пословицы «cousinage—dangereux voisinage» и опасавшаяся, что дружба эта приметъ слишкомъ интимный характеръ.

Послѣ переѣзда своего въ Москву Михаилъ Бакунинъ, уже ранѣе такъ близко подружившійся съ обѣими барышнями Бееръ, сталъ бывать у нихъ нихъ почти ежедневно. Посѣщенія его не вызывали никакихъ неудобствъ и не обращали на себя ничьего особеннаго вниманія, такъ какъ у Беровъ и безъ него постоянно толклась масса молодежи; и Станкевичъ, и Красовъ, и Ефремовъ, и Бѣлинскій, и другіе члены кружка Станкевича тоже постоянно проводили вечера, а иногда и цѣлые дни въ этомъ домѣ. Характеръ дружбы Мишеля съ обѣими сестрами Бееръ ярко выражается въ многочисленныхъ письмахъ его того времени, изъ которыхъ мы нѣкоторыя уже цитировали. Чтобы нагляднѣе показать, какъ складывались эти отношенія, приведемъ содержаніе еще одного изъ раннихъ писемъ Михаила Александровича отъ 22 апрѣля 1835 г., тотчасъ послѣ возвращенія обѣихъ сестеръ изъ Твери, гдѣ онѣ провели три недѣли съ Бакуниными, въ Москву, чтобы оттуда ѣхать черезъ нѣсколько времени въ Шашкино.

«Дорогіе друзья,—писалъ Мишель,—два письма отъ васъ, полученныя здѣсь со времени вашего отъѣзда (а уѣхали онѣ 18 апрѣля. А. К.), даютъ представленіе о состояніи вашихъ душъ. Вы печальны, мои добрые, мои прелестные друзья; вы смотрите на будущее со страхомъ; вы повидимому сомнѣваетесь

въ дружбѣ моей и моихъ сестеръ. Справедливо ли это сомнѣнье? Скажите, не подкапываете ли вы сами основы этой дружбы, не выполняя главнаго ея условія—довѣренности?—Вы не вѣрите въ постоянство моего чувства къ вамъ, вы опасаетесь перемѣны въ моемъ образѣ мыслей и чувствъ. Да, если бы у меня была страсть къ одной изъ васъ, страсть, коренящаяся въ чувствѣ, а не въ душѣ, страсть кипучая, экзальтированная, которая, застилая мнѣ глаза, скрыла бы отъ меня всѣ ваши недостатки и заставила бы видѣть въ васъ одни совершенства, короче—если бы я влюбился въ одну изъ васъ,—да, я тогда бы могъ измѣниться, ибо всякая сила истощается собственнымъ напряженіемъ и образумленіе есть естественное послѣдствіе иллюзіи. Но если я люблю васъ за васъ самихъ, за ваши прекрасныя души, за прекрасныя чувства, которыми вы полны; если, несмотря на мою горячую дружбу къ вамъ, я вижу всѣ ваши недостатки, всѣ ваши слабости, то гдѣ же основаніе для измѣненія моего отношенія къ вамъ? Простыя, тихія (douces) отношенія, отношенія, питаемыя взаимнымъ довѣріемъ и снисходительностью, отношенія, оживляющія мою душу и дающія ей новую силу: «есть на свѣтѣ люди, которые меня понимаютъ, которые любятъ меня такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, а не за какой-нибудь призракъ, который имъ во мнѣ видится»—ахъ, какъ эта мысль утѣшительна для того, чье сердце такъ мало понято! Да, дорогіе друзья, вы можете разсчитывать на мою дружбу; вы можете открыть мнѣ ваши сердца: любить васъ, утѣшать васъ, лить въ ваши израненныя души цѣлительный бальзамъ, вкушать отъ вашей привязанности кроткія утѣшенія дружбы, этого единственнаго личнаго чувства, мнѣ позволеннаго,—развѣ это не великое счастье? Какъ мужчина, я первый дамъ проявленіе этой дружбы, для меня столь желанной, подавъ вамъ нѣсколько совѣтовъ относительно вашего поведенія внутри вашего семейства. Внутреннее спокойствіе есть главное условіе нашего моральнаго возрожденія. Вамъ необходимо погрузиться въ созерцаніе вашихъ душъ; вы должны стараться узнать ихъ природу, изучить всѣ ея элементы. Дѣятельность и созерцаніе, изученіе никогда не могутъ итти вмѣстѣ; когда дѣятельность сильна и энергична, она все собой поглощаетъ. Дѣятельность вашихъ душъ была болѣе чѣмъ сильна, но, направленная по ложному пути, она завела васъ въ сѣти;

она сдѣлала васъ несчастными; она потрясла васъ черезчуръ сильно. Чувство истинно прекраснаго и истинно высокаго въ борьбѣ съ ужасными воспоминаніями о вашихъ страданіяхъ— вотъ ваше нынѣшнее состояніе. Вы сами его не сознаете, но повѣрьте мнѣ, я знаю васъ и не ошибаюсь въ его опредѣленіи. Вы слишкомъ много жили во внѣшнемъ (мірѣ), вы слишкомъ расточали ваши нравственныя способности, эти драгоцѣнные дары, которые должны бы сообщаться лишь тѣмъ, кто того достоинъ. Вы говорите о внутренней жизни, но сладости ея вы никогда не испытали, ибо всѣ ваши мысли, всѣ ваши чувства были привязаны къ внѣшнимъ предметамъ;—и вотъ причина этого унынія, этого отчаянія. Ибо тотъ, кто живетъ внутреннею жизнью, всегда найдетъ друга въ своемъ собственномъ сердцѣ,—друга, который щедро вознаграждаетъ за всѣ страданія, перенесенныя въ мірѣ. Вернитесь же къ самимъ себѣ, истребите всѣ чуждые элементы, которые, такъ сказать, привились къ вашему существу (homogénisés avec vos êtres). Отдайте себѣ совѣстливый отчетъ въ вашихъ взглядахъ, въ вашихъ истинныхъ чувствахъ; отдайте себѣ отчетъ, наконецъ, въ томъ, что такое вы сами. И тогда вы увидите, что вамъ дѣлать. Но теперь ничего не предпринимайте. Еще одинъ неблагоразумный шагъ—и вы потеряны для жизни. Я уже говорилъ вамъ однажды, что самоотреченіе прекрасно, лишь когда оно полезно; если же оно не достигаетъ этой цѣли, то оно можетъ быть опасно даже и для другихъ. Вы меня нѣсколько разъ спрашивали, что вы такое, и теперь вы меня спросите, что надо дѣлать, чтобы узнать, что вы такое. Отвѣтъ на это не труденъ. Если, напримѣръ, вамъ приходитъ какая-нибудь мысль, если васъ встревожитъ какое-нибудь чувство, доходите до ихъ источника; отдѣлите то, что принадлежитъ собственно вамъ, отъ того, что зависитъ отъ окружающихъ васъ внѣшнихъ вліяній; мало-по-малу вы пріучитесь находить выходъ изъ этого лабиринта, съ перваго взгляда ужаснаго; но будьте добросовѣстны, не обманывайте себя, особенно не дѣлайте себѣ иллюзій, и во всякомъ случаѣ не сомнѣвайтесь, что источникъ всякаго чувства всегда хорошъ и что лишь послѣдствія, когда они направляются внѣшними вліяніями, могутъ быть опасны. Но что нужно сдѣлать, чтобы имѣть душевное спокойствіе, необходимое для этого самоизученія?—

спросите вы меня.—Надо возстановить спокойствіе въ вашемъ домѣ; надо устранить смуты; нужны маленькія уступки съ вашей стороны: не слѣдуетъ слишкомъ высокомѣрно относиться къ предразсудкамъ;—это позволительно женщинѣ, лишь когда она увѣрена, что можетъ сдѣлать что-либо полезное и утѣшительное для того, кого она любитъ. Надо соблюдать нѣкоторую политику въ отношеніи тѣхъ, кого провидѣніе и природа намъ приказываетъ любить. Если нѣтъ чувства, то надо все же соблюдать внѣшнія формы для тѣхъ, кто не можетъ понять внутренней жизни. Не приносите никогда лишь вашей внутренней жизни въ жертву капризамъ этихъ лицъ; это уступка, которая, убивая васъ совершенно, не поведетъ къ добру... Надо заставить себя уважать и надо незамѣтно руководить лицъ, которыя сами не умѣютъ себя вести»...

Характеръ чувства и отношенія Михаила Бакунина къ сестрамъ Бееръ, такъ ясно очерченный и подчеркнутый въ началѣ этого письма, сохранялся неизмѣннымъ и въ дальнѣйшихъ его отношеніяхъ съ ними. Онъ неоднократно подчеркиваетъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ, что чувство его—нѣжная, глубокая дружба, основанная на взаимномъ пониманіи и довѣренности, но не любовь, не страсть къ одной изъ этихъ двухъ дѣвушекъ. Поучительный и авторитетный тонъ, который позволилъ себѣ, особенно во второй части письма, этотъ двадцатилѣтній наставникъ, нисколько не коробилъ его корреспондентокъ, хотя обѣ онѣ были старше его лѣтами. Наставническія права были ему даны безпрекословно съ первыхъ же дней этой дружбы. Обѣ дѣвушки съ наслажденіемъ выслушивали его слова и поученія, касавшіяся не только отвлеченныхъ матерій, но и практическихъ вопросовъ, которые рѣшались Мишелемъ съ перваго взгляда не только авторитетно, но и чрезвычайно удачно. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось барышнямъ Бееръ, когда онѣ попробовали осуществить его практическій совѣтъ упразднить смуты и водворить миръ въ домѣ. Успѣшное выполненіе этого совѣта должно было, разумѣется, еще болѣе укрѣпить авторитетъ молодого Бакунина. Этотъ успѣхъ и такое полное признаніе его авторитета чрезвычайно льстили самолюбію молодого философа и застилали ему глаза на многое,—не хуже личнаго страстнаго чувства. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи правъ былъ его отецъ, когда

говорилъ о склонности Мишеля поддаваться дѣйствію лести, особенно, когда она выражалась въ искреннемъ и простодушномъ признаніи его достоинствъ и въ особенности безусловной истинности проповѣдуемыхъ имъ взглядовъ. Если бы онъ не поддавался этому чувству, онъ долженъ былъ бы быстро понять, съ его проницательностью, на какомъ поверхностномъ и непрочномъ фундаментѣ покоятся его отношенія съ его новыми друзьями. Обѣ сестры съ чрезвычайной готовностью подчинялись руководству Мишеля и съ восхищеніемъ слушали его рѣчи, но онѣ очень плохо понимали тѣ выводы, которые слѣдовали изъ его религіозно-нравственныхъ взглядовъ, и между ними и имъ, въ сущности, не было ни глубокаго взаимнаго пониманія, ни даже полнаго довѣрія, ибо онѣ съ самаго же начала сомнѣвались въ прочности и искренности его чувства, особенно по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе выяснялось, что со стороны Мишеля чувство это ни въ какомъ случаѣ не можетъ перейти въ чувство влюбленія и страсти къ одной изъ нихъ. Сомнѣнія для нихъ начались, какъ только онѣ убѣдились, что Мишель стремится создать такія же отношенія, какъ съ ними, и со своими сестрами, съ которыми онѣ сами, какъ мы видѣли, состояли съ давнихъ поръ въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Ослѣпленный этой, повидимому безусловной, готовностью обѣихъ сестеръ Бееръ слѣпо слѣдовать за нимъ, какъ за наставникомъ и пророкомъ, готовностью, такъ ярко и страстно выражавшеюся съ самаго же начала особенно со стороны Натальи, образчикъ чего мы уже видѣли въ письмѣ ея къ сестрамъ Бакунина, приведенномъ нами въ главѣ XII, Михаилъ Бакунинъ сравнивалъ эту готовность и безусловную преданность съ той твердостью и упорствомъ, съ которыми его собственныя сестры защищали передъ нимъ свои религіозныя воззрѣнія и этическіе взгляды, и невольно отдавалъ предпочтеніе этимъ новымъ своимъ сестрамъ по духу передъ своими кровными сестрами, не замѣчая, что самая эта готовность принять безъ сопротивленія его убѣжденія основывалась у барышень Бееръ прежде всего на томъ, что у нихъ—особенно у Натальи, которая не была религіозна,—не было собственныхъ глубокихъ и продуманныхъ убѣжденій и взглядовъ и что, слѣдовательно, принять убѣжденія и взгляды новоявленнаго пророка онѣ могли безъ всякой внутренней борьбы и нравственной ломки.

Къ этому непосредственному чувству Мишеля присоединялся принципіальный презрительный взглядъ на отношенія, порожденныя кровнымъ родствомъ, привычкой и обязанностями. основанными на религіозномъ догматизмѣ. Этотъ взглядъ пошелъ навстрѣчу темному непосредственному чувству, основанному на польщенномъ самолюбіи, подкрѣпилъ его и далъ ему въ глазахъ молодого проповѣдника прочное теоретическое обоснованіе. Какъ бы то ни было, сестры Беeръ явились первыми послѣдовательницами и прозелитками Михаила Бакунина уже въ то время, когда родныя сестры его проявляли еще много скептицизма по отношенію къ его новымъ религіознымъ воззрѣніямъ.

Впрочемъ, Мишель отнюдь не разсчитывалъ ограничивать кругъ своихъ ближайшихъ послѣдователей этими двумя прозелитками. Уже осенью 1835 г., когда онъ жилъ въ Твери и не читалъ еще «Anweisung zum seligen Leben» Фихте, у него составился уже планъ образованія своеобразнаго замкнутаго религіознаго братства, въ составъ котораго онъ предполагалъ ввести вмѣстѣ съ сестрами Беeръ своихъ собственныхъ сестеръ и братьевъ. Планъ этотъ онъ уже тогда сообщилъ въ самыхъ общихъ чертахъ сестрѣ своей Татьянѣ во время кратковременнаго пребыванія одновременно съ ней въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ изъ Твери въ 1835 г. нѣсколько разъ. Въ архивѣ сохранилась записка безъ даты, которую слѣдуетъ отнести, кажется, къ декабрю 1835 г. По содержанію этой записки видно, что она написана въ Москвѣ во время пребыванія тамъ Татьяны, которая останавливалась у своихъ родственниковъ, тогда какъ Мишель останавливался у одного изъ своихъ друзей (у Станкевича или у Ефремова), и на ней же рукой Татьяны написана приписка. при которой эта записка была тогда же переслана Натальѣ Беeръ, изъ чего и можно заключить, что она была писана *по* возвращеніи Беeровъ изъ Шашкина въ Москву, т.-е. послѣ конца ноября 1835 г., и *до* ихъ поѣздки въ Попово весной 1836 г., такъ какъ въ запискѣ Мишеля объ этой поѣздкѣ говорится, какъ о желанномъ предположеніи на будущее лѣто.

Вотъ эта записка:

«Милая дѣвочка! Позволь мнѣ сегодня посидѣть дома [1]).

---

[1]) Очевидно Татьяна звала его куда-то ѣхать съ ней вмѣстѣ.

Право, мнѣ хочется немного поработать, а я здѣсь веду такую бездѣятельную жизнь. Знаешь ли, мнѣ необходимо нужно быть въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ своимъ внутреннимъ духовнымъ міромъ для того, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ. Я уже порываюсь къ своему тихому премухинскому уголку, гдѣ, удаленный отъ всякой суеты, отъ всякихъ житейскихъ треволненій, я весь погруженъ въ религіозную мысль. У меня теперь только одно желаніе—это сблизиться, слиться съ вами, друзьями моими, положить крѣпкое, незыблемое основаніе нашему маленькому кружку, связанному святою любовью, святымъ единствомъ чувства и мысли. Наталья и Александрина должны непремѣнно провести весну и лѣто въ Поповѣ. И этотъ маленькій кружокъ, составленный изъ васъ, моихъ милыхъ сестрицъ, изъ нихъ и изъ братьевъ, долженъ быть для насъ всѣхъ общимъ Hinterhalt'омъ, общимъ вѣрнымъ убѣжищемъ отъ всѣхъ тяжелыхъ и непріятныхъ внѣшностей. Варенька скоро возвратится къ намъ, я это чувствую и знаю. Какъ только я пріѣду въ Премухино, я направлю всю свою дѣятельность, всѣ свои усилія для того, чтобы ускорить ея пріѣздъ. Братъ Николай будетъ мнѣ живымъ помощникомъ. И мы загородимъ этотъ святой кружокъ отъ всякаго другого человѣка. Намъ не нужно другихъ людей, потому что онъ и безъ того полонъ. Итакъ, дѣвочка, до свиданія. Твой М. Бакунинъ».

На этой же запискѣ рукой Татьяны написано: «Дѣвочки, вотъ записка, которую сейчасъ получила отъ Миши. Видно надо мнѣ своей силой дѣйствовать. Я предчувствовала, что онъ не пріѣдетъ ко мнѣ, и почти не ждала его. Наталья, погода такъ прекрасна сегодня, приди за мной zu Fuss—вѣдь, право, тебѣ весело будетъ, а мнѣ такъ не хочется просить лошадей здѣсь, они же всѣ ѣздятъ сегодня. Или пришли человѣка [1])—я одна прибѣгу скоро, скоро къ вамъ, знаешь, какъ я всегда бѣгаю. Небо такое свѣтлое, солнце такъ чудно блещетъ. Мнѣ весело будетъ летѣть къ вамъ. Одной веселѣе, чѣмъ съ вами. Пожалуйста, сдѣлай такъ. Здѣсь я скажу, что сани пріѣхали.

«Constantin [2]), не удаляйтесь отъ этого, такого свѣтлаго

---

[1]) Т.-е. лакея: черта тогдашняго быта—пѣшкомъ ходить одной по городу барышнѣ не полагалось.

[2]) Это обращеніе къ Константину Бееру, младшему брату Натальи и Александрины, юному студенту.

кружка, объ которомъ говоритъ Миша. Вы не знаете, какъ мы любимъ васъ. Вы не знаете, какъ необходимо видѣть васъ спокойнымъ, счастливымъ. Милый, добрый Constantin, зачѣмъ вы не чувствуете, съ какою любовью я сжимаю вашу руку, какъ хочется глубоко, глубоко проникнуть въ ваше сердце? Вамъ кажется все это одной церемоніей. Стыдно, Constantin, не понимать, не чувствовать того, (что) вытекаетъ прямо изъ души» [1]).

Когда въ 1836 г. Михаилъ Бакунинъ переселился въ Москву и здѣсь воспринялъ фихтеанскіе взгляды, придавшіе законченность и стройность тому религіозному воззрѣнію, къ которому онъ давно уже подходилъ собственными силами своего ума, то онъ тотчасъ же передалъ это воззрѣніе, насколько это оказалось возможнымъ, и барышнямъ Бееръ, которымъ читалъ и старался растолковать «Anweisung zum seligen Leben» Фихте. Конечно, этимъ восторженнымъ барышнямъ, ничего не читавшимъ, кромѣ стиховъ и романовъ, показалось, что онѣ овладѣли Богъ знаетъ какою премудростью, и потому въ нихъ замѣтно,но вполнѣ естественно сталъ развиваться духъ нѣкотораго высокомѣрія, отражавшійся и въ письмахъ къ ихъ старымъ друзьямъ, сестрамъ Мишеля. Михаилъ Бакунинъ не скрывалъ отъ нихъ тѣхъ недоразумѣній, которыя выходили у него въ это время въ перепискѣ съ сестрами, дѣлился со своими поклонницами тѣмъ негодованіемъ, которое ему внушало упорство сестеръ въ защитѣ ихъ привычныхъ вѣрованій и предразсудковъ, и тѣмъ еще болѣе подкрѣплялъ въ дѣвицахъ Бееръ сознаніе ихъ нравственнаго превосходства надъ сестрами Мишеля.

Между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что имъ скоро пришлось увидѣться и пожить вмѣстѣ, а при этомъ провѣрить и свои взаимныя отношенія и чувства.

Въ февралѣ 1836 г., когда Бакунинъ посвящалъ Наталью и Александру Бееръ въ истины фихтеанской философіи религіи, въ ихъ домѣ опять стали усиливаться прежнія смуты, благодаря капризному нраву ихъ матери и тѣмъ мѣрамъ, которыя она пустила въ ходъ, чтобы воспрепятствовать усиливающе-

---

[1]) На 4-ой страницѣ этой записочки адресъ рукой Мих. Бакунина: „Mademoiselle, Mademoiselle Tatiana de Bacounine“.

муся, по ея мнѣнію, сближенію между Александрой Андреевной и ея кузеномъ Ѳедоромъ Ржевскимъ. Организовано было домашнее шпіонство за Александриной при помощи крѣпостныхъ горничныхъ, а чтобы воздѣйствовать на дочерей, становившихся теперь все болѣе и болѣе непокорными, пускались въ ходъ даже обмороки, истерическіе припадки и т. п. Мишель теперь уже не рекомендовалъ своимъ прозелиткамъ систему домашняго оппортюнизма, а считалъ наоборотъ принципіальнымъ дѣломъ безпощадную борьбу противъ всякихъ привычекъ, догматическихъ правилъ и внѣшнихъ декорумовъ, и самъ рѣшился принять серьезныя мѣры къ защитѣ своихъ друзей отъ деспотизма и самодурства ихъ матери. Мы видѣли, что онъ и раньше уже проектировалъ убѣдить Бееровъ провести весну и лѣто 1836 г. въ Поповѣ, которое находилось въ 3-хъ верстахъ отъ Премухина. Но отношенія между Александрой Андреевной и матерью сдѣлались совершенно нестерпимыми уже въ началѣ марта, когда мать вознамѣрилась выдать ее замужъ за человѣка, ей совершенно чуждаго, и доведенная до отчаянія дѣвушка стала сорьезно готовиться къ вступленію въ монастырь. Въ такихъ обстоятельствахъ Мишель рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи сестры своей Варвары, которая раньше, до своего замужества, была особенно близка именно съ Александрой Андреевной Бееръ. Онъ въ яркихъ чертахъ обрисовалъ Варварѣ Александровнѣ (въ письмѣ отъ 11 марта 1836 г.) положеніе, въ которомъ находятся сестры Бееръ, и просилъ Вареньку помочь ему уговорить Alexandrine отказаться отъ плана итти въ монастырь и дать ей у себя временное убѣжище до переѣзда сестеръ въ деревню. Онъ проектировалъ при этомъ, чтобы за Александрой Андреевной пріѣхалъ братъ ея Алексѣй, который пользовался наибольшимъ расположеніемъ матери, а слѣдовательно, могъ помочь уговорить ее мирно отпустить дочь къ Варварѣ Александровнѣ Дьяковой. Если же пріѣздъ Алексѣя оказался бы невозможнымъ, то Мишель надѣялся уговорить m-me Бееръ отпустить дочь съ Владиміромъ Ржевскимъ, который также пользовался довѣріемъ старухи. Если же и этотъ проектъ оказался бы неосуществимымъ, то, какъ pis aller, Мишель считалъ возможнымъ организовать побѣгъ. При этомъ важно было убѣдить Варвару Александровну, съ одной стороны, принять участіе въ этой борьбѣ противъ родительской власти,

и потому Мишель не пожалѣлъ красокъ, чтобы обрисовать и характеръ m-me Бееръ и описать (въ письмѣ отъ 17 марта 1836 г.) тѣ возмутительныя сцены, которыя она устраивала и одну изъ которыхъ ему самому случайно удалось видѣть. Съ другой стороны, надо было убѣдить Варвару Александровну помочь Мишелю отговорить Александрину отъ ея намѣренія итти въ монастырь. Поэтому Мишель старался въ яркихъ чертахъ представить Варварѣ Александровнѣ, которая сама питала раньше, какъ мы знаемъ, склонность къ монастырямъ, весь ужасъ и всю безнравственность быта русскихъ монастырей того времени.

Высказывая Варварѣ Александровнѣ свои соображенія о томъ, почему Александра Андреевна не можетъ найти успокоенія въ монастырѣ, Мишель писалъ между прочимъ: «у нея не та религія формальностей и обрядовъ, которая требуется для монастырской жизни, ей нужна религія болѣе возвышенная и никакого отголоска такой религіи она не найдетъ за монастырской оградой, въ которой собирается запереться. Нѣтъ Бога въ рабствѣ, Богъ только въ свободѣ, а монастырь—рабство, хотя и добровольное вначалѣ, но потомъ недобровольное и непреодолимое. Я знаю Александринъ, у нея слишкомъ прекрасная, слишкомъ пламенная душа, чтобы найти успокоеніе въ вертепѣ притворнаго покаянія, сплетень и всякихъ мерзостей, которыхъ ты, можетъ быть, не можешь и вообразить...»

«Не думай, Варенька, что меня заставляетъ такъ говорить чувство безвѣрія; ты знаешь, Варенька, что я не невѣрующій; я понимаю, что уединеніе въ Богѣ есть вѣрное убѣжище для всѣхъ несчастныхъ, и если бы было возможно найти въ Россіи монастырь, гдѣ бы религіозное чувство не подавлялось несчастными формами, гдѣ спокойствіе, котораго ищутъ, не разрушалось бы смутами, откуда добродѣтель и нравственность, которыя должны бы тамъ царить, не были бы вытѣснены самою жалкою испорченностью; если бы существовалъ такой монастырь и если бы онъ былъ свободнымъ убѣжищемъ, а не рабствомъ, тогда бы я понялъ, что женщина, которая потеряла надежду дѣйствовать въ мірѣ и доставлять счастіе другимъ въ качествѣ друга, или супруги или матери, удалится отъ свѣта, чтобы отдаться истинной религіи, истинной молитвѣ, истинному созерцанію...»

«Варенька,—такъ заканчивалъ онъ это письмо,—я тебя знаю, ты умѣешь любить и ты любишь Александринъ, спаси ее; монастырь будетъ для нея адомъ, и если у тебя сохранилось еще твое пристрастіе къ монастырямъ, то вспомни, что твои монастыри—монастыри идеальные, которыхъ у насъ не найдешь, а что Александринъ собирается итти въ монастырь реальный. Ты имѣешь на нее большое вліяніе; возьми ее къ себѣ, покажи ей, что она можетъ быть полезна, что ея дружба тебѣ нужна, что она можетъ помогать тебѣ въ воспитаніи твоего сына, въ перенесеніи твоихъ собственныхъ страданій. Еще разъ — спаси ее!...»

Надежда на Варвару Александровну оправдалась. Она согласилась пригласить къ себѣ Александринъ; мать отпустила ее къ Дьяковымъ. Но въ предположеніяхъ своихъ, что между обѣими подругами возстановятся при этомъ прежнія дружескія отношеніе, Михаилъ Александровичъ на первый разъ глубоко ошибся. Отношенія между ними установились, какъ скоро оказалось, на этотъ разъ вовсе не дружескія, и нельзя не видѣть, что въ значительной мѣрѣ виноватъ въ этомъ былъ самъ Мишель. Онъ такъ откровенно выражалъ передъ Беерами свое недовольство сестрами и въ частности такъ осуждалъ супружескія отношенія Вареньки, что это видимо отразилось на отношеніи къ ней ея прежней подруги, которая въ прежнее время привыкла ставить Варвару Александровну очень высоко, видѣть въ ней чуть ли не идеалъ женщины, а теперь, благодаря взглядамъ Мишеля, которыми она просвѣтилась, стала смотрѣть на нее и на другихъ сестеръ Бакунина сверху внизъ, какъ смотрятъ вѣрные на оглашенныхъ.

Отъѣздъ Александринъ къ Варенькѣ произошелъ около 1 апрѣля, и, едва дождавшись Александринъ, Варенька переѣхала съ ней вмѣстѣ изъ имѣнія своего мужа Ивановскаго (Луганово тожъ) въ Премухино, куда скоро пріѣхали и остальныя ея сестры, кромѣ Любови Александровны, оставшейся нѣсколько дольше въ Твери вмѣстѣ съ родителями.

Давно не видавшіяся между собою подруги съ интересомъ ожидали этого свиданія, но какъ только оно состоялось, оказалось, что онѣ довольно плохо понимаютъ другъ друга и что съ обѣихъ сторонъ накопилось много недоумѣній и полусознательнаго недовольства. Сестры Бакунина, привыкнувъ въ пре-

жнее время довольно откровенно высказывать свои мнѣнія подругамъ, стали и на этотъ разъ высказывать свои сужденія и взгляды на поведеніе Натальи, которое имъ казалось и черезчуръ экзальтированнымъ, и несдержаннымъ по отношенію къ Мишелю, и неискреннимъ по отношенію къ нимъ. Александра Андреевна обидѣлась за сестру и, раздувъ эти замѣчанія въ своемъ воображеніи до размѣровъ враждебныхъ и пристрастныхъ нападокъ, написала, наконецъ, Натальѣ, чтобы та не писала Бакунинымъ, такъ какъ онѣ относятся къ ней не справедливо и не по-дружески, а Мишелю писала въ такомъ духѣ, что тотъ вообразилъ, что она терпитъ въ его семьѣ стѣсненія и нападки, чуть ли не худшія, чѣмъ въ своей собственной. Это вызвало со стороны Мишеля рядъ писемъ къ Александрѣ Андреевнѣ, въ которыхъ, утѣшая ее, онъ не щадилъ словъ для выраженія своего негодованія по адресу своихъ сестеръ. Въ то же время сама Александра Андреевна вела себя съ сестрами Мишеля такъ высокомѣрно и неискренно, что онѣ невольно почувствовали въ ея обращеніи прямую къ себѣ враждебность. Въ концѣ-концовъ, она имѣла безтактность сказать старой гувернанткѣ Бакуниныхъ m-elle Julie Nindel, съ которой Варвара Александровна была въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, что она «болѣе не понимаетъ Варвару, съ тѣхъ поръ какъ она, выйдя безъ любви замужъ, проявляетъ достаточно холодности, чтобъ покориться своей судьбѣ и находить все свое счастье, всю свою радость въ своемъ ребенкѣ». Такъ, по крайней мѣрѣ, писала Варвара Александровна брату, утверждая при этомъ, что Александра Андреевна ее «ненавидитъ» (déteste).

Михаилъ Бакунинъ былъ тѣмъ болѣе въ отчаяніи отъ всѣхъ этихъ исторій, которыя грозили разрушить его завѣтные планы, что и ему самому пришлось въ это время переживать тяжелые дни въ Москвѣ, гдѣ Наталья Андреевна, оставшись безъ сестры, опредѣленно дала ему почувствовать, что она не можетъ удовлетвориться тѣми братскими отношеніями чистой платонической дружбы, которыя онъ ей давалъ, и что жизнь ея будетъ окончательно разбита, если она не найдетъ въ немъ взаимности своей пылкой и страстной любви къ нему. Тутъ повторились, повидимому, такіе же припадки и сцены, какіе пришлось переживать отъ нея годомъ раньше Станкевичу, и

бѣдный Мишель оказался въ довольно тяжеломъ положеніи. Станкевичъ въ это время уѣхалъ въ деревню, а затѣмъ на Кавказъ; съ другими своими друзьями Мишель не былъ достаточно близокъ, чтобы искать въ нихъ поддержки, и ему пришлось пережить одному лицомъ къ лицу съ пылкой и экзальтированной Натальей, съ которой онъ видѣлся ежедневно, нѣсколько трудныхъ недѣль. Нельзя не признать, что онъ вышелъ, въ концѣ-концовъ, съ честью изъ этого тяжелаго испытанія, успѣвъ, по крайней мѣрѣ, на время смирить и успокоить Наталью, не измѣнивъ въ то же время самому себѣ.

Отношенія его съ сестрами вслѣдствіе всѣхъ этихъ смутъ и недоразумѣній сдѣлались такими натянутыми, что однажды дѣло дошло почти до полнаго разрыва.

Въ письмѣ, о которомъ мы только что упомянули, Варвара Александровна сообщала брату о внезапной болѣзни отца, очень напугавшей домашнихъ, но въ тотъ моментъ уже миновавшей, и тутъ же съ горечью жаловалась на странное поведеніе Александры. Въ началѣ письма она писала о своей радости по поводу установившихся наконецъ хорошихъ отношеній съ братомъ: «благодарю тебя, Мишель,— писала она,—за то счастье, которое ты намъ доставляешь (очевидно, дружескимъ тономъ послѣднихъ писемъ); извини меня, если я тебя иногда оскорбляла; мысль о томъ, что ты меня не понимаешь, дѣлала меня можетъ быть несправедливой. Если бы ты зналъ, какъ мы тебя любимъ, Мишель, о, никто, никто не можетъ любить тебя такъ, какъ мы». Но непосредственно вслѣдъ за этимъ она продолжала: «Скажи мнѣ, Мишель, откуда происходитъ ужасное мнѣніе о насъ Бееровъ. Боже мой, какъ далека я была отъ мысли, что Александринъ можетъ быть такъ неоткровенна. Я приняла ее съ такой теплотой, я такъ рада была ее видѣть, а она меня ненавидитъ.

«Ты думаешь, что я, можетъ быть, дала ей замѣтить, что я ревную тебя къ нимъ. Нѣтъ, дорогой другъ, въ началѣ у меня даже не было ревности, я такъ вѣрила ей, такъ любила ее; невзирая на кажущійся разладъ съ тобой, въ глубинѣ души я такъ была убѣждена въ твоей любви къ намъ, что никогда не пришла бы мнѣ въ голову мысль ревновать тебя къ нимъ. Это она вызвала во мнѣ это чувство. Она говорила съ нами съ такимъ высокомѣріемъ, съ такою холодностью принимала

наши ласки... Я была съ ней очень откровенна... Мы говорили съ ней о тебѣ. Я говорила съ ней, какъ съ другомъ, какъ съ человѣкомъ, который отвѣчаетъ на нашу любовь равной и глубокой нѣжностью. Она молчала. Она принимала твою сторону противъ насъ, какъ противъ людей, которые не могутъ ни понимать тебя, ни любить. Я тебѣ сообщила ея слова въ моемъ послѣднемъ письмѣ, слова, которыя оскорбили меня до глубины души. Именно это, эта ея холодность, ея убѣжденіе, что мы съ тобой не подходимъ другъ къ другу, вызвало мою ревность... А наше первое свиданіе... что же послѣ этого называется дружбой, не пустое ли это слово, не одна ли «ловкая политика», какъ выражается Александринъ!

«Мишель, если ты думаешь, что можно сказать все это Натальѣ, не слишкомъ ее разстраивая, покажи ей, пожалуйста, это мое письмо. Онѣ обвиняютъ насъ въ фальшивости; пусть же онѣ будутъ справедливѣе. Кто изъ насъ былъ фальшивъ?...» Далѣе сообщается та фраза Александрины насчетъ Вареньки, сказанная m-lle Nindel, которую мы уже привели.

Несмотря на рѣзкія жалобы на Александринъ, письмо заканчивалось увѣреніемъ, что за спокойствіе Александрины Мишель, несмотря на все это, можетъ не опасаться, «ибо,—писала Варенька,—несмотря на все, мы не перестанемъ любить ихъ отъ всего сердца. Мы прощаемъ ей ея несправедливость».

Это письмо страшно разсердило Мишеля, и онъ отвѣчалъ на него чрезвычайно жесткимъ письмомъ, едва не вызвавшимъ полнаго разрыва между нимъ и сестрами, не смотря на то, что какъ разъ передъ этимъ онъ только что начисто объяснился съ Татьяной и отправилъ ей письмо съ нѣжными изъявленіями любви и дружбы, которое мы приведемъ ниже.

Вотъ что писалъ онъ, получивъ письмо Вареньки:

«Дорогія Танюша и Варенька, какъ здоровье отца? Ему лучше, не правда ли? Напишите мнѣ поскорѣе, поспѣшите сообщить мнѣ о немъ послѣднія новости. Ему было уже лучше, когда вы мнѣ писали. Надѣюсь, что теперь онъ поправился совсѣмъ.

«Посылаю вамъ письмо Натальи. Я показалъ ей твое письмо, Варенька. Она ничего въ немъ не понимаетъ, такъ же какъ и я. Всѣ правы, каждый съ своей точки зрѣнія. Очень досадно, что подобныя вещи могутъ случаться между друзьями, такими истинными, такими преданными, какими вы были прежде. Но

это иначе и не можетъ быть и никогда не будетъ иначе, пока вы не поймете другъ друга вполнѣ. Каждая изъ васъ упрекаетъ одна другую въ одномъ и томъ же: въ холодности съ обѣихъ сторонъ, въ недовѣріи, въ сомнѣніяхъ. Не знаю, угодилъ ли я тебѣ моимъ письмомъ, въ которомъ я тебѣ писалъ, что необходима самая горячая дружба, самая безграничная преданность къ Александринъ, чтобъ имѣть возможность сдѣлать ей добро въ данныхъ обстоятельствахъ. Это письмо не было ли причиной слишкомъ большого благоразумія со стороны моихъ сестеръ и даже съ твоей? И это благоразуміе не было ли смѣшано съ маленькимъ чувствомъ досады и оскорбленнаго самолюбія съ вашей стороны? Ну, не сердитесь, дорогіе друзья! Это только возможности, о которыхъ я говорю, а вовсе не предположенія. Признаюсь, дорогіе друзья, я совершенно потерялъ нить всей исторіи. Я очень хорошо вижу причины всего этого; но тѣ, которыя я вижу, такія несчастныя, такія жалкія, что мнѣ больно даже на нихъ глядѣть. Сплетни, дипломатическіе переговоры, и ни одного шага откровеннаго поведенія, ни одного слова, которое бы шло прямо изъ сердца! Я не извиняю также и Александринъ, но нужно же видѣть, въ какомъ состояніи ея душа, все, что она перенесла, нравственное раздраженіе, въ которомъ она должна находиться,—и позволила ли она себѣ, при всемъ томъ, какую-нибудь насмѣшку, хоть одинъ сарказмъ? А вы—вы высказали передъ ней ваше недоброжелательство къ Натальѣ, къ ея сестрѣ, которую она любитъ больше всего на свѣтѣ. Скажите, какое чувство должна была она испытывать, выслушивая все это, въ чужомъ домѣ, одна, совершенно одна, страдая и морально и физически! Она пришла искать убѣжища въ вашихъ сердцахъ, она вѣдь и вѣрила въ васъ, ибо безъ этого она не поѣхала бы къ вамъ... И если даже она оскорбила васъ внѣшней холодностью въ первый моментъ встрѣчи, то вы, которыя ее знаете, вы, которыя знаете ея пламенную душу, ея любящую душу, ея самоотреченіе, какъ могли вы подумать, что это дѣйствительная холодность? Если вы это подумали, значитъ, вы ее и до сихъ поръ не знали хорошо. Нѣтъ, дорогіе друзья, признаюсь, я ожидалъ отъ васъ чего-либо лучшаго; а ты говоришь, Танечка, что ты ихъ любишь. Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но признайся, что твоя дружба очень слѣпа и очень странна. Александринъ молчала; я бы на ея

мѣстѣ дѣлалъ то же. Ты еще ихъ прощаешь по-христіански. Признаюсь, я тебя не понимаю. Объ обязанности прощать говоришь ты, или о чувствѣ прощенія? Чувство всегда одно и то же, оно не мѣняется, и значитъ тутъ нѣтъ мѣста прощенію. Если же ты ихъ прощаешь по-христіански, это доказываетъ, что ты ихъ не любишь, или я не понимаю, что ты этимъ хотѣла сказать. Обнимаю васъ, добрые друзья мои.

Вашъ братъ *М. Бакунинъ*».

«Ты пишешь, Варенька,—прибавляетъ онъ въ припискѣ,—что Александринъ тебя ненавидитъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ горько смѣялся я надъ этой фразой! Ты, Варенька, которая обвиняла меня въ претензіяхъ и аффектаціи, когда я говорилъ вамъ, что ваша дружба для меня не существуетъ, что это созданіе вашего воображенія, а вовсе не необходимость, лежащая въ вашихъ сердцахъ—и у меня было основаніе такъ думать—и что же ты говоришь теперь? Александринъ тебя ненавидитъ. А если она тебя ненавидитъ, для чего же она къ тебѣ пріѣхала? Варенька, съ такими предположеніями ты не далеко уйдешь въ твоей дружбѣ, тебѣ легко будетъ ее вовсе разрушить. Повѣрь мнѣ, Варенька, что она тебя любитъ гораздо больше, нежели ты ее; ты не можешь любить ее, какъ она тебя, твое сердце слишкомъ раздѣлено; а ты для нея была до сихъ поръ ея единымъ прибѣжищемъ, ея единственнымъ идеаломъ. Видѣть тебя было для нея счастьемъ, и ты его у нея отнимаешь? А что же ты дашь ей взамѣнъ? Жалкія сплетни иного счастья—не правда ли?»

Сестры были страшно оскорблены этимъ жесткимъ и обиднымъ письмомъ. И Варвара Александровна, и Татьяна, съ которой у Мишеля происходила только что самая нѣжная переписка, обѣ написали ему, что такъ какъ Бееры очевидно совершенно вытѣснили ихъ изъ его сердца, то онѣ предпочитаютъ прекратить съ нимъ всѣ сношенія и просятъ его не писать имъ больше. Это очень смутило Мишеля, и онъ написалъ имъ большое покаянное письмо, въ которомъ описывалъ свое положеніе и старался оправдать Бееровъ. Послѣднее онъ предпослалъ первому. «Вспомните,—писалъ онъ Татьянѣ и Варенькѣ,—всѣ обстоятельства ихъ жизни, вліявшія на образованіе ихъ характеровъ и ихъ страстныхъ сердецъ, вспомните всѣ эти разоча-

рованія, которыя дали имъ столько страданій; вообразите себѣ эту жажду любви, которая ихъ мучитъ и не находитъ отклика во внѣшнемъ мірѣ, это существованіе ничтожное и богатое въ то же время, ибо оно ни съ кѣмъ не раздѣлено, въ особенности эту потребность любви и невозможность ее найти. Онѣ не обладаютъ красотой, онѣ даже прямо дурны. Мы не будемъ здѣсь обсуждать пустоты мужчинъ, которая заставляетъ отдавать предпочтеніе хорошенькому личку передъ красотой души. Какъ бы то ни было, имъ не удалось найти человѣка, который бы ихъ любилъ, который бы ихъ понималъ, который бы могъ отплатить такой же безграничной любовью, такимъ же полнымъ самоотверженіемъ, на какое онѣ способны, которое онѣ хотѣли бы подарить тому, кого онѣ полюбятъ. Это фактъ. Прибавьте къ этому, что все ихъ существованіе было до сихъ поръ исключительно внѣшнимъ, что всѣ ихъ упованія, всѣ ихъ надежды были основаны на одномъ внѣшнемъ мірѣ, что онѣ еще не жили внутренней жизнью. Ихъ религія была также внѣшней, она состояла въ однѣхъ обрядностяхъ. Въ нихъ нѣтъ еще той истинной религіи, той религіи души, чувствующей своего Бога въ себѣ самой и познающей его лишь въ себѣ, лишь въ стремленіи своемъ ко всему, что истинно прекрасно и велико. У нихъ нѣтъ еще этой религіи, которая ставитъ человѣка выше всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которая заставляетъ искать счастія внутри самого себя, въ своемъ совершенствованіи, въ своемъ родствѣ съ Богомъ, той религіи, наконецъ, которая даетъ спокойствіе, полное силы и энергію. Ихъ религія, будучи внѣшней, не даетъ имъ ничего, кромѣ жалкой идеи безполезнаго самопожертвованія. Страсть—ихъ сфера, и когда страсть эта встрѣчаетъ откликъ, она превращается въ любовь, и дѣлаетъ человѣка счастливымъ, но когда эта страсть остается не раздѣленной, когда она никому не нужна, тогда она становится источникомъ жесточайшихъ страданій — вотъ положеніе Беровъ»...

Затѣмъ онъ рѣзкими штрихами очерчиваетъ семейную обстановку молодыхъ дѣвушекъ, ихъ одиночество; указываетъ, что единственными друзьями онѣ могли считать лишь его сестеръ, но что и онѣ ихъ совершенно не поняли и отнеслись къ нимъ безъ всякаго снисхожденія. Наконецъ, Мишель переходитъ къ описанію своихъ собственныхъ отношеній къ этимъ

дѣвушкамъ. «Не буду ничего говорить вамъ,—писалъ онъ,—обо всѣхъ обстоятельствахъ, случившихся со времени моего сближенія съ ними до отъѣзда Александринъ. Этотъ отъѣздъ былъ единственною ея надеждою, жить съ тобою, съ твоимъ сыномъ—это было для нея идеаломъ счастья... Послѣ ея отъѣзда я не могъ оставить ихъ домъ ни на минуту; я долженъ былъ ухаживать за Натали, удерживать (отъ выходокъ) ея мать, я собирался отправить ихъ въ Попово. Я занятъ былъ всѣмъ этимъ, когда вдругъ узнаю, что Натали любитъ меня, что она любитъ меня со всею страстью, свойственною ея характеру. Ахъ, дорогіе друзья мои, вы не знаете, что перенесъ я за это время! Видѣть себя дурно понятымъ Танюшей и тобой, Варенька, двумя людьми, которыхъ я всегда любилъ и люблю болѣе всего на свѣтѣ; видѣть себя непризнаннымъ своими родителями; видѣть себя невольной причиной страданій дѣвушки, которую я люблю отъ всего сердца, и не имѣть возможности умѣрить ея мученья; видѣть, что вы сердитесь на Бееровъ!... Натали въ мученьяхъ, сомнѣвающаяся во всемъ на свѣтѣ, Александринъ въ тревогѣ, мать ихъ съ новыми выходками, Ржевскій съ новыми хитростями!... И при всемъ этомъ быть вынужденнымъ молчать, скрывать все въ самомъ себѣ, не имѣть никого, кому бы я могъ повѣрить ужасныя мученья, которыя я испытывалъ; и еще думать при этомъ объ урокахъ, которые я долженъ давать. Ахъ, дорогіе мои друзья, адъ у меня былъ въ сердцѣ; я чуть было не схватилъ горячку; я не зналъ что дѣлать!... Мнѣ было немыслимо покинуть ихъ домъ, это было бы подло, недостойно меня. Я не спалъ ночей, я не имѣлъ минуты спокойной днемъ, и я не могъ всего этого повѣрить даже вамъ, потому что не зналъ, какъ вы все это примете...

«Варенька, дай же мнѣ твою руку, обними меня; ты теперь понимаешь меня, ибо невозможно, чтобы ты меня не поняла. Люби меня, Варенька, верни мнѣ твою любовь, Варенька, верни мнѣ все, что я потерялъ. Ахъ, заставьте меня забыть, мои обожаемые друзья, все, что я перенесъ, откройте мнѣ ваши сердца вполнѣ, я въ нихъ нуждаюсь! Я до того дошелъ, что даже рѣшился было жениться на Натальѣ; я писалъ объ этомъ Александринъ... Посылаю вамъ всѣ ея письма, я не хочу болѣе говорить о различныхъ мелочахъ, которыя еще заставляютъ

меня страдать. Потомъ я увидѣлъ, что этотъ бракъ не могъ бы составить счастье Натали, ибо ей нужна любовь, а я не могу ей дать этой любви, потому что я ее къ ней не чувствую.

«Наконецъ я дожилъ до вчерашняго дня. Третьяго дня я получилъ, Танюша, твое письмо [1]) и не показалъ его Натальѣ. Она вообразила, что у меня было особое основаніе ей его не давать и что это основаніе заключалось въ совѣтахъ благоразумія со стороны Танечки... И вотъ тотчасъ пошли головныя боли, мученья, сомнѣнья, намѣренье ѣхать въ Шашкино [2]), обмѣнъ записочками съ той и другой стороны... Наконецъ, она получаетъ вчера письмо Александринъ, гдѣ та проситъ ее больше вамъ не писать, гдѣ она говоритъ о вашей неблагосклонности къ Натальѣ. Она описываетъ тамъ одинъ разговоръ— впрочемъ, вы все это прочтете въ подлинникѣ, который я вамъ пересылаю. Снова отчаяніе со стороны Натальи. Это меня даже разсердило на минуту. Затѣмъ рѣшеніе ея ѣхать въ Шашкино. Это было мученіе! Я снова убѣдилъ ее ѣхать въ Попово; я досталъ имъ 1,000 рублей, которые передамъ имъ сегодня. Черезъ 3—4 дня онѣ выѣдутъ, а Константинъ остается съ нами.

«Сдѣлайте же, дорогіе друзья, все, чтобы сблизиться съ ними, чтобы доказать имъ вашу дружбу, которая вѣдь существуетъ же въ дѣйствительности. Онѣ очень нуждаются въ утѣшеніи, и вы имъ въ немъ не откажите. Не говорите ничего ни Натали, ни Александринъ о моемъ письмѣ, ни о его содержаніи, но сблизьтесь съ ними, будьте съ ними болѣе откровенны, не будьте такъ строги, войдите въ ихъ положеніе и дѣйствуйте сообразно съ этимъ. Прощайте, добрые друзья мои, да благословитъ васъ Богъ. Пишите мнѣ скорѣе.

Вашъ братъ и другъ *М. Бакунинъ*».

Варвара и Татьяна Александровны отнеслись ко всему со свойственной имъ любовью и благодушіемъ. Между Мишелемъ и Татьяной возобновилась та нѣжная переписка, о которой я упоминалъ мимоходомъ.

[1]) Письмо это приводится въ слѣдующей главѣ.

[2]) Намѣреніе ѣхать въ Шашкино Орловской губерніи вмѣсто Попова (близъ Премухина) могло означать со стороны Натальи Андреевны, очевидно, лишь нежеланіе проводить лѣто вмѣстѣ съ Бакуниными.

ГЛАВА XV.

Отношенія Михаила Бакунина къ сестрѣ его Татьянѣ Александровнѣ.—Письмо его объ этомъ къ Беерамъ.—Переписка его съ Т. А. Бакуниной въ апрѣлѣ 1836 года.—Примиреніе съ сестрами, какъ слѣдствіе этой переписки.—Колебаніе отношеній съ сестрами изъ-за ссоръ ихъ съ Беерами.—Пріѣздъ Михаила Бакунина въ Премухино въ маѣ 1836 г. и полный успѣхъ его плановъ лѣтомъ 1836 г.—Письма къ нему объ этомъ сестеръ его, Татьяны, Любови и Варвары.—Торжество М. А. Бакунина и большое письмо его къ сестрамъ отъ 10 августа 1836 г.—Нѣсколько замѣчаній о взглядахъ Михаила Бакунина въ 1838 г.

Къ сестрѣ своей Татьянѣ Александровнѣ М. А. Бакунинъ относился, какъ я уже упоминалъ, съ гораздо большею нѣжностью, нежели къ остальнымъ сестрамъ. Чувство его къ Татьянѣ было гораздо болѣе горячимъ и исключительнымъ чувствомъ, нежели бываетъ обыкновенно чувство самаго любящаго брата къ сестрѣ. По своей исключительности и страстности чувство это сопровождалось иногда приступами ревности ко всякому постороннему человѣку, способному, по мнѣнію Мишеля, вызвать къ себѣ любовь со стороны Татьяны. Эти припадки ревности самъ онъ, конечно, признавалъ совершенно незаконными и испытывалъ отъ нихъ не мало мученій. Забѣгая нѣсколько впередъ, мы приведемъ здѣсь выписку изъ одного позднѣйшаго письма его къ Беерамъ, въ которомъ онъ, желая доказать имъ полноту и глубину своей дружбы, повѣряетъ имъ тайну своего чувства къ Татьянѣ [1]).

«Не знаю,—писалъ онъ тамъ,—какъ назвать мое чувство къ Танюшѣ, знаю только, что оно породило во мнѣ ревность, и ревность эта изглодала всю мою душу; она привела меня къ почти полному крушенію. О если бы вы знали, если бы вы могли понять всѣ ужасныя униженія, которымъ я подвергался,

[1]) Письмо это относится къ 1837 году.

если бы вы знали, какъ чувствовалъ я свое крушеніе, какъ чувствовалъ я свое безсиліе! Я, который чувствовалъ въ себѣ такое высокое призваніе, такое возвышенное назначеніе, я унизился до чувства столь низменнаго, столь недостойнаго меня (это онъ говоритъ, конечно о чувствѣ ревности. *А. К.*), и это чувство овладѣло всѣмъ моимъ существомъ, и я сдѣлался жалкимъ рабомъ и не имѣлъ достаточно силы, чтобъ отъ него освободиться; я сдѣлался предметомъ сострадания моихъ сестеръ и даже для васъ. О, это былъ адъ; адъ со всѣми его ужасами. Я утратилъ эту абсолютную любовь, которая составляла мое существованіе, я сдѣлался существомъ эгоистическимъ, жалкимъ. О, какъ желалъ я смерти! Но наконецъ я отъ этого освободился, я чувствую себя снова самимъ собой, я снова силенъ. Это испытаніе было необходимо, я долженъ былъ или окончательно подпасть этому чувству, или я долженъ былъ достигать своего назначенія. Я не палъ, я одержалъ побѣду. И вотъ я снова силенъ и святъ, болѣе чѣмъ когда-либо, и вотъ я снова подаю вамъ руку и говорю: друзья мои, я снова вашъ, я хочу дать вамъ небо, опирайтесь на меня, изливайте ваши души въ мою; она болѣе чиста, болѣе широка, чѣмъ когда-либо; она освятилась въ страданіяхъ, она болѣе чѣмъ когда-либо достойна вашей дружбы»...

Это письмо писано послѣ пережитыхъ имъ припадковъ ревнованія Татьяны къ Бѣлинскому, въ чемъ онъ признался впослѣдствіи и ему, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ. Эти припадки были не первые; онъ ревновалъ ее раньше къ простымъ свѣтскимъ кавалерамъ въ Твери: къ гр. Соллогубу [1]), къ кн. Козловскому [2]), безъ всякаго основанія. И эта ревность была, несомнѣнно, одной изъ главныхъ причинъ, вызывавшихъ такую страстность нападокъ на тверскія увеселенія и такую неровность въ отношеніи къ сестрамъ, образцы которой мы уже ви-

[1]) Будущій писатель, въ то время чиновникъ особыхъ порученій при тверскомъ губернаторѣ.

[2]) Должно быть, тотъ самый кн. П. Э. Козловскій, который былъ въ 1837 г. инспекторомъ межевого института въ Москвѣ и у котораго тогда жилъ Бѣлинскій, бывшій съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Ему принадлежалъ извѣстный портретъ Бѣлинскаго акварельными красками, сдѣланный по его желанію однимъ изъ воспитанниковъ константиновскаго межевого института. (См. снимокъ съ него въ настоящемъ изданіи.)

дѣли не разъ. Чувство къ Татьянѣ, развитія котораго Мишель, конечно, не могъ въ себѣ допустить, быть можетъ, даже служило для него отчасти безсознательнымъ импульсомъ къ изобрѣтенію и культивированію своеобразныхъ отношеній съ Беерами; эти отношенія, быть можетъ, могли до извѣстной степени заглушать то острое и болѣзненное чувство, которое онъ не могъ допустить въ себѣ свободно развиваться.

По временамъ, однако же, чувство любви и сердечной нѣжности къ Татьянѣ прорывалось наружу и даже встрѣчало почти равносильный, хотя и другого характера, откликъ въ чистой и высокой душѣ Татьяны, и тогда Мишель, видимо, испытывалъ минуты настоящаго счастія. Объ этихъ минутахъ отчасти можно судить по нѣсколькимъ письмамъ, сохранившимся въ архивѣ.

Въ началѣ апрѣля 1836 года, какъ разъ когда только что уѣхала Александринъ къ Варенькѣ и когда Мишель испытывалъ всѣ неудобства и трудности своихъ отношеній къ Натальѣ, онъ получилъ отъ Татьяны въ отвѣтъ на одно изъ ласковыхъ и нѣжныхъ своихъ писемъ къ сестрамъ письмо, въ которомъ было выражено столько искренней любви и нѣжности къ нему, что оно привело его въ совершенный восторгъ. Татьяна, не желая, чтобы это письмо читала Наталья Бееръ, просила Мишеля сжечь его. Мишель его не уничтожилъ, но тѣмъ не менѣе въ архивѣ оно не сохранилось. Вотъ отвѣтъ на него Мишеля писанный по французски, какъ и всѣ тогдашнія его письма къ сестрамъ.

«Нѣтъ, очаровательный другъ мой, никто не видѣлъ твоего письма; но я не сжегъ его. О, я сохраню его навсегда, оно никогда не покинетъ меня ни на минуту! Далеко отъ меня отбросила ты всѣ сомнѣнія, моя обожаемая сестра, ничто не можетъ теперь разъединить насъ съ тобою. О, если бы ты знала, если бы только могла почувствовать хоть наполовину то счастье, которое мнѣ дало твое письмо! И я его разорву? Я его покажу кому бы то ни было? О, ни одинъ чужой взглядъ его не профанировалъ, оно чисто отъ всѣхъ холодныхъ толкованій, оно дошло до пламеннаго сердца, которое оно переполнило счастіемъ. Ты пишешь Аннетѣ (Ржевской, кузинѣ Беровъ. *А. К.*) замѣтить, какое оно произведетъ на меня впечатлѣніе. Напрасно она старалась бы это замѣтить, ибо ни од-

нимъ жестомъ, ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не выдалъ я того, что почувствовалъ. Моя душа была такъ исполнена счастіемъ, счастіе мое было такъ чисто, что даже самое живое и горячее участіе къ нему кого бы то ни было его профанировало бы. И я не хотѣлъ и не смѣлъ подѣлиться этимъ счастіемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ; я ревниво хранилъ про себя всѣ малѣйшія мои чувствованія, происходившія отъ него. Тебѣ обязанъ я этимъ счастіемъ, очаровательная, обожаемая моя Танечка. Ахъ, съ нетерпѣніемъ жду я свиданія съ тобою, когда можно будетъ прижать тебя къ моему сердцу крѣпко, крѣпко! Сказать тебѣ все, что нельзя выразить на бумагѣ, выразить тебѣ взглядомъ то, что не можетъ быть выражено словами. Ахъ, какъ чувствую я теперь, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ, что ты мой единый, единственный кумиръ на землѣ. А ты хотѣла, чтобы я тебѣ не писалъ! Но ты хотѣла невозможнаго, сумасшедшая ты! И какъ я могъ это сдѣлать? Какъ, узнать, что ты меня любишь, почувствовать всю свою душу возрожденной къ новой жизни—и молчать? Это было свыше моихъ силъ. Нѣтъ, моя прелесть, я нарушилъ это запрещеніе, я не могъ, мнѣ было невозможно ему слѣдовать. Ты меня любишь— я счастливъ вполнѣ. Знаешь ли, что я это чувствую и не вѣрю этому, сердце мое? Не могу тебѣ сказать, чего мнѣ стоило пріучить себя къ мысли о твоемъ равнодушіи, какими жестокими страданіями были продиктованы всѣ мои письма; но хорошо или худо—я къ этому, наконецъ, привыкъ. И страданія эти превратились въ грусть, которая иногда была мнѣ даже полезна: я начиналъ, такимъ образомъ, привыкать къ моему новому положенію; я рѣшился жить, не выпрашивая чувствъ, если требовалось, чтобы я еще ихъ заслужилъ хорошимъ поведеніемъ; я свыкся съ мыслью и рѣшилъ долго не видѣть васъ. И вотъ теперь письмо твое произвело во мнѣ полную революцію. Я вновь вижу себя любимымъ той, кого я люблю больше всего на свѣтѣ, я вижу, что она больше меня не игнорируетъ... что ты меня, наконецъ, понимаешь. Я вижу, что теперь отъ меня самого зависитъ дать тебѣ понять меня совершенно. И я это сдѣлаю, мой очаровательный, мой обожаемый другъ, я перелью всю мою душу въ твою, я изолью всю мою любовь на тебя; ты узнаешь, наконецъ, какъ я всегда тебя любилъ. Не будемъ больше объ этомъ говорить; воспоминанія гонятся за

мной, а я не хочу, чтобы они портили мое счастье сегодня. Но о чемъ же я стану говорить, что смогу я сказать теперь тебѣ, если не повторять тебѣ еще и еще разъ, что я тебя люблю, что я тебя обожаю... Нѣтъ, надо намъ увидѣться, ибо только тогда мы поймемъ другъ друга вполнѣ. Что я говорю? Я тебя и теперь вполнѣ понимаю. Танюша, одинъ только вопросъ. Онъ не можетъ показаться нескромнымъ, потому что не изъ любопытства я тебѣ его дѣлаю. Это не теплая дружба, это самая преданная душа тебя спрашиваетъ. Любишь ли ты кого-нибудь? Будетъ ли то Сологубъ, или князь Козловскій, не сердись, скажи мнѣ откровенно: не бойся признаться въ этомъ человѣку равнодушному. О, какъ мало я равнодушенъ ко всякому пустячку, тебя касающемуся! Открой мнѣ твое сердце; я тебя пойму, я такъ полно ему сочувствую. Отвѣчай мнѣ скорѣе, скажи мнѣ правду, заклинаю тебя, умоляю тебя Ты сдѣлаешь это, добрая моя Танечка, ты увѣрена во мнѣ, въ моей преданности, не правда ли? Ты понимаешь, какъ способенъ я забывать самого себя, когда дѣло идетъ о твоемъ счастьи. О, перелей твое сердце въ мое, а то я опять сталъ печаленъ.

«Прощай, милый другъ мой. Пиши скорѣе. Твой преданный другъ М. Бакунинъ».

О Беерахъ тутъ говорилось только въ припискѣ:

«Не сердись на Александринъ и на Натали, ты къ нимъ несправедлива: онѣ тебя любятъ, а ты ихъ не знаешь. Напиши Натальѣ, напиши откровенно, безъ ироніи. Ей нужны утѣшеніе и дружба.

«Не показывай никому моего письма, заклинаю тебя! Оно написано единственно для тебя.

«Иду давать мой четвертый урокъ [1]. Пиши мнѣ скорѣе».

Татьяна отвѣчала ему на это слѣдующимъ письмомъ:

«Дорогой другъ, я хорошо знала, что ты не могъ не любить насъ, не любить меня. Нѣтъ, нѣтъ, ни твои письма, ни твое кажущееся равнодушіе не могли оторвать отъ меня этого убѣжденія, столь дорогого моему сердцу,—убѣжденія, что мы для тебя именно такіе друзья, какіе тебѣ нужны, которые тебя пони-

[1]) Изъ этого видно, что письмо писано въ первой половинѣ апрѣля 1836 г., такъ какъ онъ началъ давать уроки 7 апрѣля.

маютъ и которыхъ ты любишь. Мишель, какую сладкую радость влило твое письмо въ мою душу и въ души сестеръ, потому что я не могла скрыть отъ нихъ моего счастія и не показать имъ твоего письма, отъ котораго мы всѣ ожили; ты вѣдь на меня не разсердишься за это, не правда ли, милый другъ? Вотъ ты опять нашъ, ты опять принадлежишь твоимъ сестрамъ, которыя тебя обожаютъ, которыя тебя понимаютъ; ты не отталкиваешь больше нашу любовь, ты возвращаешь намъ твое довѣріе. О, спасибо, тысячу разъ спосибо! Если бы у меня были крылья, я бы полетѣла въ твои объятія, чтобы прижать тебя къ моему сердцу. Мишель, ты вернулъ намъ радость и счастіе, ты больше не игнорируешь твоихъ истинныхъ, твоихъ единственныхъ друзей. Я тебѣ говорю отъ имени всѣхъ. О, Мишель, никогда больше не сомнѣвайся въ насъ! Если бы ты зналъ, сколько горькихъ слезъ заставилъ ты насъ пролить. Какъ могъ ты думать, что мы тебя не любимъ, что мы подозрѣваемъ тебя въ недобросовѣстности и еще Богъ знаетъ въ чемъ? Итакъ, ты опять нашъ, но навсегда ли это, не вырвешься ли ты опять изъ нашихъ объятій? Новыя сомнѣнія и сопровождающее ихъ равнодушіе не явятся ли опять разбить наши бѣдныя сердца, мало пріученныя переносить бури и выдерживать горе? Мишель, поклянемся другъ другу въ дружбѣ и довѣріи ненарушимыхъ! Забудемъ огорченія, которыя мы взаимно причиняли другъ другу, и отнынѣ будемъ безупречны по отношенію другъ къ другу!

«Что за безуміе, дорогой другъ, предлагать мнѣ такіе вопросы? Кто могъ тебѣ внушить предположеніе, что я могу любить одного изъ этихъ господъ? Неужели (ты это подумалъ), потому что я отдавала имъ справедливость, потому что мнѣ не нравилось твое презрительное отношеніе къ графу, вовсе имъ не заслуженное, потому что я признавала за нимъ его хорошія качества?

«Мишель, но могла ли я относиться безразлично къ твоей несправедливости? Видишь ли, какъ я храбра, я не боюсь вызвать твое неудовольствіе и не перестану утверждать, что ты не имѣешь основанія презирать и ненавидѣть графа, какъ ты это дѣлалъ. Что онъ тебѣ сдѣлалъ? Если онъ вмѣшался въ твои дѣла, то это потому что онъ думалъ, что твоя дружба даетъ ему это право. Ну, довольно объ этомъ! Я не хочу ис-

пытывать твоего терпѣнія. Нѣтъ, Мишель, ни графъ, ни князь не возбудили во мнѣ любви. Ты хорошо знаешь, что человѣкъ, котораго я могла бы полюбить, который долженъ наполнить все мое сердце, все мое существо, существуетъ лишь въ моемъ воображеніи. Можетъ быть, я встрѣчу его лишь на небѣ. И если бы я его встрѣтила, неужели ты и мои сестры не знали бы этого? Могла ли бы я это скрыть отъ своихъ дорогихъ друзей?

«Мишель, я люблю Натали и Александринъ и я не несправедлива къ нимъ: я ревновала къ нимъ тебя за твою дружбу къ нимъ: мнѣ казалось также, что онѣ обращаются съ нами нѣсколько презрительно, считая насъ ниже ихъ и тебя. Мое сердце было оскорблено и надорвано, но я ни на минуту не переставала ихъ любить. Мишель, я дрожу за Натали: о, не оставляй ее никогда, пусть никогда не увидитъ она перемѣны въ твоемъ отношеніи къ ней, охлажденія въ твоей любви къ ней. Александринъ никогда не показываетъ намъ ея писемъ; но я сужу по полученному мною сегодня отъ Анны, которая сообщаетъ, что Натали находится въ тоскѣ и тревогѣ. Мишель, ей нужна поддержка твоей дружбы.

«Я тебѣ писала уже, что мы уѣзжаемъ изъ Твери черезъ нѣсколько дней. Ты пріѣдешь въ Премухино, и друзья наши будутъ тамъ также: итакъ, ничего не будетъ недоставать для нашего счастія. Отецъ давно отвѣтилъ на твое письмо, но маменька еще его не отправила. Дорогой другъ, если тебѣ отвѣтъ его покажется холоднымъ, не огорчайся. Отецъ любитъ тебя, каждый день я въ этомъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе; но такова уже его манера писать. Ты хорошо знаешь, что любовь его не показная [1]). Прощай, дорогой, нѣжно любимый братъ.

---

[1]) Вотъ это письмо Александра Михайловича къ сыну отъ 14 апрѣля 1836 года: „Письмо твое (его нѣтъ въ архивѣ), другъ мой Михаилъ Александровичъ, на счетъ твой меня нѣсколько успокоило. Мысль, что ты живешь на чужой счетъ и, занимая деньги, вступаешь въ подданство и кабалишь самъ себя, чрезвычайно меня тяготила. Пишешь ты, что далъ первый урокъ математики и физики, что много охотниковъ на твои лекціи, но ты не болѣе двѣнадцати уроковъ въ недѣлю предполагаешь и будешь имѣть еженедѣльно 120 руб. доходу. Дай Богъ, чтобы достало на это умѣнія твоего и терпѣнія. И то, и другое учителю необходимо нужно. Если бы предположеніе твое и состоялось, то, за вычетомъ расходовъ на квартиру, столъ, экипажъ и туалетъ, не много тебѣ останется. Переводъ всеобщей исторіи Шмидта по выбору гр. Строганова—предпріятіе полезное, и дай Богъ, чтобъ увѣнчалось желаемымъ успѣ-

обнимаю тебя милліонъ разъ. Пиши мнѣ скорѣе ради Бога, я буду безпокоиться и все время бояться, не разсердитъ ли тебя что-нибудь въ моемъ письмѣ. Прощай, да хранитъ тебя Богъ.

Сестра твоя *Татьяна*».

Мы видимъ, что Татьяна не исполнила просьбы Мишеля. Можно думать, что ее смутилъ слишкомъ страстный характеръ

хомъ. Я бы совѣтовалъ тебѣ сблизиться или, точнѣе сказать, приблизиться къ графу Строганову. Онъ человѣкъ истинно благородный, благонамѣренный, и покровительство его принесло бы тебѣ не малую пользу. Но совѣты мои могутъ тебѣ показаться раболѣпными: свой умъ—царь въ головѣ.

„Ты пишешь, что жизнь твоя съ матеріальной стороны совершенно обезпечена. Не хочу лишать тебя нужной бодрости духа для прохожденія избраннаго тобою пути. Вѣрю нѣсколько итальянской пословицѣ, что хорошее начало—половина дѣла; но посылка твоя отъ одного урока къ 12-ти и отъ одной недѣли ко всѣмъ послѣдующимъ кажется мнѣ не совсѣмъ основательною.

„Я никогда не сомнѣвался въ добротѣ твоего сердца, но умственная горячка всегда брала надъ тобою верхъ. Увидимъ, возьметъ ли, наконецъ, доброе начало верхъ надъ Ариманомъ.

„Пишешь ты, что, можетъ быть, обстоятельства позволятъ тебѣ быть у насъ лѣтомъ; но какъ же согласить это съ недѣльными уроками, которыхъ временное пресѣченіе, вѣроятно, будетъ и концомъ.

„Оправданіе твое, что не былъ у родныхъ по случаю какихъ-то глупыхъ намековъ или какой-то аристократической гордости,—недостаточно. Глупые намеки не могутъ или, по крайней мѣрѣ, не должны оскорблять. Аристократическая гордость у мѣста—достойна уваженія. Дающій уроки—разумѣется дѣльные—нехотя самъ вступаетъ въ число аристократовъ. Значеніе учителя—почетное; но требуетъ обширныхъ познаній и неизмѣннаго постоянства.

„Отъ души желаю тебѣ успѣха. Мы еще въ Твери, и мнѣ бы хотѣлось знать, когда будетъ къ намъ графъ Строгановъ. Мысленно тебя обнимаю.

Отецъ твой *А. Бакунинъ*.

Все письмо писано подъ диктовку отца Татьяной, и только послѣднія слова „отецъ твой А. Бакунинъ" подписаны имъ самимъ.

На немъ же приписка матери: „Я не въ состояніи была долго тебѣ писать. Слишкомъ много было на сердцѣ. Упрековъ тебѣ не стану дѣлать; но ежели тебѣ не совсѣмъ еще чужды чувства и обязанности сына къ родителямъ и любовь родителей, которые все счастіе свое въ любви дѣтей своихъ находили, то ты самъ себѣ сознаешься, какъ ты передъ нами виноватъ. И что поступки твои и оскорбительныя письма твои не могли насъ ни въ любви твоей къ намъ, ни въ почтеніи твоемъ насъ увѣрить. Но Богъ съ тобою. Я тебѣ все прощаю. *Не любить тебя я не могу*. Чувство это сопряжено съ жизнью моею, и каковъ бы ты противъ меня ни былъ, тебѣ всегда путь къ сердцу моему открытый. Благословляю тебя и обнимаю. Варвара Бакунина".

его письма, и она показала его сестрамъ, вопреки запрещенію Мишеля, чтобы не выдѣлять себя изъ среды ихъ, чтобы раздѣлить съ ними ту страстность и нѣжность, которая въ его письмѣ относилась собственно къ ней одной. Она, повидимому, намѣренно подчеркиваетъ въ своемъ отвѣтѣ, что говоритъ отъ имени всѣхъ. Это, однако, не разсердило Мишеля, и онъ остался доволенъ этимъ письмомъ, въ которомъ было столько искренняго и глубокаго чувства и гдѣ съ такой силой и искренностью выражалась нѣжная преданность и любовь къ брату его милыхъ сестеръ. Къ тому же его, несомнѣнно, успокоилъ отрицательный отвѣтъ Татьяны относительно ея чувствъ къ Сологубу, Козловскому и всѣмъ прочимъ кавалерамъ, съ которыми она встрѣчалась въ свѣтѣ. Въ словахъ Татьяны, относящихся къ Беерамъ, несмотря на все миролюбіе и дружелюбность этихъ словъ, чувствуется много подавленной горечи, и можно даже предположить, что для того, чтобы сохранить и выразить то чувство дружбы къ нимъ, которое было теперь, несомнѣнно, сильно подорвано, Татьянѣ пришлось сдѣлать надъ собой нѣкоторое насиліе. Но Мишель былъ удовлетворенъ и этой частью письма.

Вотъ что онъ отвѣчалъ ей въ письмѣ отъ 20 апрѣля 1836 г.:

«Дорогая Танюша, третьяго дня я получилъ твое письмо, и оно меня переполнило радостью. Да, я счастливъ и доволенъ теперь; все у меня есть. Есть у меня друзья, которые понимаютъ меня и не сомнѣваются во мнѣ, я на своемъ пути и ни въ чемъ нѣтъ у меня недостатка. Я работаю за десятерыхъ и нахожу жизнь въ этой работѣ. Я не созданъ для жизни внѣшней, для внѣшняго счастья, и я его не желаю. Я доволенъ своей судьбой. Вся жизнь моя сосредоточена внутри меня. Я не выхожу наружу, я весь сосредоточенъ въ себѣ, и лишь это мое «я» связываетъ меня съ Богомъ, и лишь Богъ связываетъ меня съ остальными людьми; вся моя религія, всѣ мои обязанности внутри меня; у меня нѣтъ религіи, нѣтъ обязанностей внѣшнихъ; я признаю ихъ за ничто.

«Станкевичъ уѣхалъ на Кавказъ, на воды; онъ тамъ останется три-четыре мѣсяца. Это для меня большая потеря. Этотъ человѣкъ сдѣлалъ мнѣ много добра; онъ много помогъ мнѣ на моемъ уединенномъ пути. Но мы разстались съ нимъ ненадолго; мы зиму проведемъ вмѣстѣ, и я надѣюсь, что буду

имѣть возможность отправиться съ нимъ въ Берлинъ на два года. Онъ ѣдетъ туда будущей весной. Моя поѣздка будетъ зависѣть только отъ моихъ денежныхъ обстоятельствъ, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что она осуществится. Ибо столько имѣется средствъ для крѣпкой воли, а теперь я имѣю почти неограниченную вѣру въ мою силу воли. Ибо до сихъ поръ я сражался лишь съ внѣшними затрудненіями, а теперь я сталъ побивать враговъ внутреннихъ, что гораздо труднѣе. Я нахожусь въ состояніи духа мрачномъ и вмѣстѣ спокойномъ. Я отказался отъ многихъ вещей, я убилъ много иллюзій, я очень сузилъ горизонтъ моихъ былыхъ упованій. Я ушелъ въ реальное, которое одно истинно, одно справедливо; я сочувствую только реальному, и это реальное во мнѣ и въ моихъ отношеніяхъ, которыя тоже очень ограничены и которыя вовсе не зависятъ отъ обстоятельствъ, а отъ меня самаго. Ты назовешь меня эгоистомъ; да, милый другъ, я эгоистъ, ибо я убѣжденъ, что такой эгоизмъ есть единственное благо, единственная возможная религія. Не надо его смѣшивать съ обыденнымъ эгоизмомъ, съ матеріальномъ эгоизмомъ, который раздѣляетъ людей. Въ наше время у насъ эгоизмъ, о которомъ я говорю, есть единственное возможное условіе истинной любви къ человѣчеству, истинной религіи. Итакъ, я эгоистъ, ибо я, милый другъ, не признаю ничего, кромѣ того, что понимаетъ и чувствуетъ мое «я», что принадлежитъ моему «я». Мое «я» есть «я» всѣхъ людей, поскольку они не животныя, поскольку они не убиваютъ въ себѣ этого «я» другимъ «я»—матеріальнымъ.

«Я нашелъ 600 рублей для m-me Бееръ и передалъ ихъ ей; сегодня надѣюсь достать остальные 400. Думаю, что она уѣдетъ въ пятницу [1]). Если бы вы могли дождаться ея въ Твери, вы сдѣлали бы очень хорошо. Александринъ могла бы съ ними переѣхать въ Попово. Я думаю, что она гораздо лучше чувствовала бы себя возлѣ своей сестры, нежели въ Козицинѣ и въ Никольскомъ, гдѣ въ ея теперешнемъ положеніи она можетъ только страдать и скучать. Впрочемъ, поступите, какъ вы сами находите лучше. Не бойся, дорогая моя Танечка, что я когда-нибудь покину Натали. Я ее слишкомъ люблю, чтобы

---

[1]) Т.-е. 24 апрѣля 1836 г., такъ какъ это письмо писано въ понедѣльникъ 20 апрѣля.

это было возможно. Разлука же не имѣетъ вліянія на людей, которые любятъ истинно,—можно понимать другъ друга издали не хуже, чѣмъ вблизи, если только люди понимаютъ другъ друга вѣрно. Она ѣдетъ въ Попово; я надѣюсь, дорогой другъ, что твоя дружба утѣшитъ ее въ ея страданіяхъ. Прощай, мой прелестный другъ. Твой братъ и другъ М. Бакунинъ».

Тотчасъ же послѣ написанія этого письма между Мишелемъ и Варенькой пробѣжала та черная кошка изъ-за Беэровъ, которая чуть не повела къ полному разладу между нимъ и сестрами, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Уже послѣ своего покаяннаго письма къ Варенькѣ и послѣ отъѣзда Беэровъ въ Попово Мишель писалъ Татьянѣ 28 апрѣля:

«Прости, добрый другъ мой, я тебя огорчилъ, я снова оскорбилъ твое сердце. Прости это, прелестная моя Танечка, мнѣ одинокому, оставшемуся здѣсь въ полномъ одиночествѣ. Я здѣсь одинъ теперь: мнѣ необходимо любить и быть любимымъ, понимать и быть понятымъ. Я такъ нуждаюсь въ сочувствіи сильномъ, неограниченномъ, независимомъ отъ всякаго внѣшняго обстоятельства и основанномъ единственно на душѣ, что малѣйшая тѣнь равнодушія, несправедливости въ людяхъ, которыхъ я люблю, причиняетъ мнѣ огорченіе, угнетаетъ меня. Я сдѣлался совершенно дикимъ, я навсегда уничтожилъ всѣ мои отношенія, которыя основывались на различныхъ условностяхъ (convenances) [1]: но я ищу въ васъ этой гармоніи, этой полноты любви и мыслей, которыя я хорошо понимаю, которыя нахожу въ себѣ. Я хотѣлъ бы передать вамъ тотъ рай, который даетъ мнѣ минуты такого высокаго счастья, дающаго мнѣ силу на все,—счастья совершенно нравственнаго, совершенно божественнаго, которое наполняетъ иногда все мое существо, которое даетъ мнѣ 'непоколебимую вѣру, такую могущественную вѣру въ Бога, въ могущество и силу человѣка,—счастья, которое заставляетъ меня относиться съ такимъ пре-

---

[1]) Это не мѣшало ему бывать въ это время въ нѣкоторыхъ московскихъ домахъ, гдѣ онъ встрѣчалъ всѣхъ представителей московскаго образованнаго общества того времени. Изъ одного письма его къ Н. А. Беэръ, писаннаго въ самомъ началѣ мая 1836 г., видно, что онъ хорошо принятъ въ семьѣ Аксаковыхъ, у которыхъ обѣдалъ каждое воскресенье, и въ домѣ Ек. Г. Левашовой, извѣстной пріятельницы Чаадаева, гдѣ онъ обѣдалъ каждую субботу.

зрѣніемъ ко всему матеріальному, ко всѣмъ нелѣпымъ свѣтскимъ условностямъ, ко всѣмъ этимъ правиламъ здраваго смысла, которыя годятся лишь для самыхъ низкихъ ступеней жизни и которыя враждебны разуму и любви. Мой добрый, мой прелестный другъ, я найду все это въ тебѣ, твоя дружба дастъ мнѣ, наконецъ, счастье. Не будемъ же убивать это прекрасное будущее недоразумѣніями. Если даже намъ случится посердиться другъ на друга, не будемъ скрывать нашего настроенія, не будемъ прикрывать его вынужденными фразами. Привыкни немного къ моему характеру, прости мнѣ мои вспышки, иногда и несправедливыя. Я не налагаю на тебя это, какъ обязательство, я не имѣю на это никакого права, но я прошу тебя объ этомъ, мой добрый другъ. Я такъ держусь за твою дружбу, я такъ боюсь ее потерять, а между тѣмъ мнѣ такъ невозможно иной разъ не сказать того, что я чувствую въ данный моментъ, что ты примешь мою просьбу, я въ этомъ увѣренъ, ты ее поймешь, твое сердце приметъ ее такой, какой мое ее выразило. И я такъ люблю тебя, мой прелестный другъ, я такъ нетерпѣливо жду свиданья, когда я прижму тебя къ своему сердцу. Ахъ, сколько я имѣю тебѣ высказать, какъ буду я счастливъ излить всю мою душу въ твою, передать тебѣ мое счастье, раздѣлить съ тобой мои страданья. И ты меня поймешь. Не правда ли, моя прелесть, что ты меня поймешь? О, разумѣется, я пріѣду лѣтомъ. Я приготовлю къ тому времени Понамарева къ экзамену, который начнется у него въ началѣ іюля. Черезъ два мѣсяца мы увидимся въ Премухинѣ, и я проведу тамъ цѣлый мѣсяцъ и, можетъ быть, даже больше съ вами. Да, ты права, мой прелестный другъ, мое положеніе мнѣ нравится. Я самъ его избралъ: у меня нѣтъ минуты, прожитой безъ сознанія, моя печаль даже—крѣпка, достойна человѣка. Я болѣе не боюсь внѣшняго, ибо у меня есть убѣжище, столь вѣрное, столь утѣшительное во мнѣ самомъ. Знаете, добрые друзья мои, я не прошу другого счастья сверхъ того, какимъ я пользуюсь. Одной вещи недоставало—это вашей дружбы; но она у меня будетъ во что бы то ни стало; зачатки ея я уже предвкушаю. А любовь?—скажете вы. Я не хочу этой любви, ибо у меня есть любовь къ Богу, любовь къ человѣчеству. И къ тому же я еще не встрѣчалъ любви; я видѣлъ только влюбленныхъ, а

влюбленный—жалкое существо! Нѣтъ, добрые друзья мои, человѣкъ, способный къ любви, не унизится никогда до состоянія влюбленности, а влюбляющійся никогда не поднимется до любви.

«Знаешь ли, добрый другъ мой, начало твоего письма, гдѣ ты говоришь о болѣзни отца, меня испугало, я хотѣлъ было тотчасъ отправиться въ Тверь, но конецъ письма меня успокоилъ, и я остался.

«Прощай, добрый другъ мой. Бееры уѣхали вчера утромъ, онѣ пріѣдутъ къ вамъ черезъ нѣсколько дней. Адресуйте ваши письма къ Ефремову. Прощай. Обнимаю тебя. Твой другъ М. Бакунинъ.

«Поцѣлуй за меня Вареньку.

«Кварт. Станк. 1836 г. 28 апрѣля. Москва».

Но какъ только Бееры явились въ Попово, а Бакунины въ Премухино, т.-е. въ началѣ мая 1836 г., недоразумѣнія между ними возобновились опять. И хотя Мишель писалъ сестрамъ, что онъ не желаетъ возобновленія войны съ ними, однако же въ письмахъ къ Беерамъ онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о поведеніи своихъ сестеръ по отношенію къ Натали и Александринъ, которыя продолжали на нихъ жаловаться, и даже о Татьянѣ писалъ, что совершенно не понимаетъ ея поведенія. Въ остальномъ письма его къ Беерамъ (отъ начала мая безъ даты, отъ 7 мая и затѣмъ отъ 9 мая) содержатъ въ себѣ тѣ же увѣренія въ любви и дружбѣ, тѣ же увѣщанія, тѣ же изложенія его теоріи блаженной внутренней жизни, что и раньше. Поэтому мы не будемъ ихъ приводить здѣсь. На Беeровъ они не производили однако прежняго впечатлѣнія, и Мишель, видя, что отношенія между членами будущаго идеальнаго братства, которое онъ замыслилъ, продолжаютъ портиться и грозятъ окончательно оборваться, не усидѣлъ въ Москвѣ, не дождался экзаменовъ своего ученика Понамарева и вмѣсто начала іюля прикатилъ въ Премухино во второй половинѣ мая. По крайней мѣрѣ уже 24 мая онъ писалъ Беерамъ оттуда и уже, какъ видно, не первое по пріѣздѣ письмо.

Здѣсь отношенія съ сестрами у него установились наилучшія и, повидимому, сестры его начали проникаться тѣми фихтеанскими взглядами, которые онъ съ такимъ упорствомъ стремился въ нихъ вложить. Удалось, повидимому, именно въ

это время возстановить свой престижъ и авторитетъ и у Бееровъ. Удалось, наконецъ, упрочить свое вліяніе на младшихъ братьевъ, начало чему было положено еще въ концѣ 1835 года и о чемъ намъ ниже придется говорить подробнѣе.

Отношеніе къ нему сестеръ видно по ихъ восторженнымъ письмамъ. Вотъ письмо къ нему Татьяны отъ 9 августа 1836 г., когда Мишель на время уѣхалъ изъ Премухина въ Тверь:

«Не могу противиться, дорогой другъ, непомѣрному желанію говорить съ тобой, вылить всю свою душу въ твою. Я чувствую себя такой счастливой въ эту минуту. Божественная гармонія распространилась во всемъ моемъ существѣ. Сама не знаю, откуда это, ибо я очень далека отъ того, чтобы заслужить это. Всѣ эти дни я была такъ недовольна собой, даже не зная хорошо, почему. Я занималась столько, сколько могла, но безъ всякой горячности, съ какой-то вялостью, и потому не вынесла никакого плода, никакого наслажденія отъ этихъ занятій, такихъ безплодныхъ и лишенныхъ смысла, когда они не оживлены чувствомъ и когда ихъ не сопровождаетъ и не одушевляетъ никакая идея. Въ то же время я чувствовала себя нездоровой, и не знаю, происходило ли это дурное настроеніе отъ моего нездоровья или наоборотъ. Слава Богу, все это уступило мѣсто ощущенію безконечнаго счастья, которое возвращаетъ мнѣ всю мою энергію. Мое сердце такъ полно пламенной любви къ этому Богу, котораго ты учишь насъ постигать, къ тебѣ, ко всѣмъ моимъ друзьямъ, наконецъ, ко всѣмъ созданіямъ, которыя стремятся къ общей съ нами цѣли— къ этой возвышенной цѣли, къ этой божественной любви, которую безъ тебя я не скоро могла бы понять, какъ ни сознаю ее въ настоящее время. Видишь ли ты, дорогой другъ, чѣмъ мы тебѣ обязаны и сколько у тебя правъ на нашу дружбу. О, Мишель, никогда въ ней не сомнѣвайся, будь увѣренъ, что безъ нея мы не въ состояніи были бы жить, что для насъ она такъ же необходима, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, какъ эта дорогая и святая религія, которая всю меня поглощаетъ и которую ничто не можетъ у меня похитить. Итакъ, дорогой другъ, моя дружба къ тебѣ несокрушима, она не пройдетъ, пока я не утрачу послѣдней искры чувства къ прекрасному, къ безконечному... И это чувство слишкомъ глубоко запечатлѣно въ моемъ сердцѣ, чтобы оно могло когда-нибудь

быть стерто. Мой дорогой другъ, ничто никогда не можетъ насъ раздѣлить. Скажи откровенно, не такъ ли и для тебя необходима наша любовь, не составляетъ ли она по крайней мѣрѣ нѣкоторой части твоего счастья, твоей жизни? Нужно было намъ только вполнѣ понять другъ друга, чтобы составить одну цѣльную жизнь. Мы поняли другъ друга, дорогой другъ, мы взаимно проникли въ наши чувства, мы прочли все до самаго дна въ нашихъ сердцахъ, и сердца наши, дорогой другъ, отдались тебѣ съ безконечной вѣрой. Ты долженъ рѣшить, можемъ ли мы составить въ свою очередь твое счастье, достойны ли мы равной довѣренности съ твоей стороны.

«У насъ все идетъ хорошо, дорогой другъ. Натали и Александринъ дѣйствительно очень благоразумны, ихъ мать вполнѣ довольна. Я имѣла сегодня вечеромъ очень откровенный разговоръ съ Натальей. Да, Мишель, она будетъ такой, какой ты желаешь, чтобы она стала. Она такъ хорошо сознаетъ эту внутреннюю жизнь, которую ты столько ей проповѣдуешь, она хочетъ стремиться къ этой небесной гармоніи, которую находишь, лишь развивая свои умственныя способности. То, что теперь она будетъ дѣлать изъ любви къ тебѣ, то она научится, я надѣюсь, дѣлать впослѣдствіи изъ любви къ Богу. Это будетъ прекрасное дѣло, дорогой другъ, которымъ ты въ правѣ будешь гордиться. Эти дни, совершенно сблизившіе насъ всѣхъ между собой, показали мнѣ, что твои заботы увѣнчались успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы твоя дружба къ нимъ становилась съ каждымъ днемъ крѣпче и горячѣе, чтобы ты могъ принести имъ все то добро, которое ты въ состояніи имъ сдѣлать. Да, Мишель, все отъ тебя зависитъ, твоя дружба можетъ очень высоко ихъ поднять. Всѣ элементы прекраснаго скрыты на днѣ ихъ золотыхъ сердецъ. Горькая жизнь задавила ихъ. Ты можешь, ты долженъ воскресить ихъ прекрасныя души. Дружба твоя возвыситъ ихъ, сдѣлаетъ *настоящими* женщинами. Онѣ понимаютъ истинное назначеніе женщины... Я хотѣла бы отдать тебѣ отчетъ въ нашемъ разговорѣ съ Натальей, но я сдѣлаю это при личномъ свиданіи. Радуйся, дорогой другъ, полная довѣренность была плодомъ нашей послѣдней ссоры: я чувствую, что люблю ихъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ любила ихъ прежде. Нельзя любить другъ друга истинно, когда довѣріе имѣетъ границы, пока боятся перейти эти гра-

ницы, сказать слишкомъ много и оскорбить какимъ-нибудь необдуманнымъ словомъ. Преграда, которую воздвигли между нами непредвидѣнныя обстоятельства, разбита, и я надѣюсь, я почти увѣрена, что отнынѣ ничто не будетъ въ состояніи смутить миръ, который установился между нами...»

Другое письмо Тятьяны, написанное за три дня до приведеннаго только что, показываетъ документально и орудіе, которымъ Мишель оперировалъ въ этотъ пріѣздъ свой въ Премухино.

«Миша, ради Бога,—пишетъ въ немъ между прочимъ Татьяна Александровна,—переведи «Anweisung zum seligen Leben» и подари намъ. Я не буду покойна, пока у меня не будетъ этой книги. Хочется ее тысячу разъ перечесть, особенно послѣднія лекціи. Надобно прочесть ее вмѣстѣ съ Бееровыми,—онѣ хорошо поймутъ всѣ прекрасныя, божественныя мысли Фихте. Миша, пожалуйста, переведи, я до тѣхъ поръ не дамъ тебѣ покоя...»

Сохранилось также письмо Любови Александровны отъ 6 августа, въ которомъ она, уговаривая Мишеля скорѣе вернуться въ Премухино, писала ему между прочимъ: «ты намъ далъ новую жизнь, ты помогъ намъ увидѣть цѣль нашего существованія и тебя-то нѣтъ здѣсь, чтобы порадоваться на плоды твоего труда, чтобы раздѣлить съ нами наше счастье, чтобы придать намъ силы и храбрости, потому что, по правдѣ сказать, не мало препятствій предстоитъ намъ побѣдить...»

На томъ же листкѣ есть шутливая приписка Варвары Александровны, написанная въ минуту, когда она боролась съ одолѣвавшимъ ее сномъ, послѣ дневныхъ заботъ о своемъ маленькомъ сынѣ:

«Послушай, Миша, я пишу только въ минуты вдохновенья, а теперь 11 часовъ вечера, итакъ, до вдохновенія ли мнѣ. Прощай же, другъ, лучше ничего, чѣмъ сонное письмо. Намъ теперь славно, вотъ и все. Прощай.»

Но сестры подняли ее на смѣхъ, и ей пришлось продолжать:

«Не хочу глупостями кончить. Мы все хохотали надъ моимъ письмомъ; но теперь—je prends une mine serieuse pour te dire que je suis vraiment incapable d'écrire dans cet instant; comme il arrive toujours que la secheresse suit l'extase. Je viens d'écrire une lettre très chaude à Julie et maintenant je suis anéantie.

Au surplus j'espère que tu ne tarderas pas à venir. Ton petit troupeau t'attend. Vraiment, Michel, je ne sais comment tu a fait pour te rendre si indispensable. Que le ciel te bénisse.

Ta Varinka» [1]).

Можно себѣ представить, въ какой восторгъ должны были привести Михаила Бакунина эти письма сестеръ и въ особенности приведенное выше письмо Татьяны отъ 9 августа 1836 года. Онъ отвѣчалъ на эти письма огромнымъ письмомъ изъ Твери отъ 10 августа. Письмо это писано отчасти по-французски, отчасти по-русски. Мы приведемъ его съ переводомъ французскихъ частей на русскій языкъ.

«Танюша, мой превосходный, мой прелестный другъ, ты не знаешь, какое впечатлѣніе произвело на меня письмо твое; ты не знаешь, конечно, какое сладкое, какое гармоническое счастье ощутилъ я, читая его. Ты еще спрашиваешь, необходима ли мнѣ твоя дружба, дружба васъ всѣхъ! Могутъ ли онѣ составлять мое счастье? Но не чувствуешь ли ты сама, не видишь ли ты, что для меня теперь отдѣлиться отъ васъ значитъ отдѣлиться отъ единственнаго и единаго выраженія моей внутренней жизни? Наконецъ-то нашелъ я эту небесную гармонію въ своемъ собственномъ семействѣ. Я нашелъ это чистое и святое спокойствіе, столь полное энергіи, столь полное любви, это спокойствіе, столь полное будущаго, которое я въ немъ искалъ. Вы теперь мои, вы—мои сестры не только по инстинктивнымъ законамъ природы, но и по жизни душъ нашихъ, ибо онѣ родственны между собою, по тожественности нашихъ цѣлей, которыя вѣчны!

«О, я не боюсь теперь внѣшняго міра! Я въ немъ нашелъ то, что было для меня необходимо; я въ немъ нашелъ болѣе, чѣмъ онъ обыкновенно даетъ: отголосокъ сердецъ вашихъ, любовь безкорыстную, святую; я нашелъ въ немъ души золотыя, которыя также не отъ міра сего, которыя принадлежатъ вѣчности. О,

---

[1]) Я принимаю серьезную мину, чтобы сказать тебѣ, что я дѣйствительно неспособна писать въ эту минуту. Какъ всегда бываетъ, истощеніе слѣдуетъ за экстазомъ. Я только что написала очень горячее письмо къ Julie и теперь истощилась. Кромѣ того, я надѣюсь, что ты самъ очень скоро пріѣдешь. Твое малое стадо тебя ожидаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Миша, я не знаю, какъ успѣлъ ты сдѣлаться такимъ незамѣнимымъ. Да благословитъ тебя небо. Твоя Варенька.

пусть испытаютъ теперь всѣ внѣшнія злополучія, всѣ внѣшнія препятствія, собранныя въ одно, пусть испытаютъ они свою силу надо мною. Они не разрушатъ моего блаженства: блаженство мое внѣ ихъ вліянія, оно не отъ міра сего! Внутренняя жизнь моя тверда, потому что она основана не на конечныхъ ожиданіяхъ, не на внѣшнихъ надеждахъ на внѣшнее благополучіе. Нѣтъ! Основа ея—вѣчное назначеніе человѣка, божественная его природа. Внѣшняя моя жизнь также не боится ихъ—она заключается въ вашей любви, а любовь ваша такъ же вѣчна, какъ и наше назначеніе. О, я не боюсь теперь внѣшняго міра; я найду средства для исполненія предположеній, плановъ своихъ; теперь я не одинъ; душа моя увеличилась вашими, жизнь моя расширилась вашею; любовь моя освѣтилась вашею святою, безкорыстною любовью. И ты меня спрашиваешь еще, необходима ли для меня ваша любовь! Она меня освятила, вознесла, она сдѣлала меня достойнѣе моего назначенія, она могущественно подвинула меня къ безконечной цѣли... Любовь эта тотъ могущественный жезлъ, который извлекаетъ живую воду изъ скалы. — Да я счастливъ болѣе, чѣмъ я это заслужилъ. Тѣмъ болѣе я обязанъ, болѣе, чѣмъ когда-нибудь: я наслаждаюсь незаслуженнымъ и я долженъ заслужить блаженство, уже данное мнѣ Провидѣніемъ. Да, я понимаю святую обязанность, на меня наложенную, я исполню ее; я сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь; я подкрѣпленъ вашею любовью!

«Друзья мои, земля уже не есть наше отечество, — счастье наше — небесное; жизнь наша небесная; движенія душъ нашихъ не ищутъ земли, не ищутъ ея наслажденій. Нѣтъ! Они уже сдружились съ истинными наслажденіями и потому равнодушны ко всему земному. Друзья мои, религія наша — безконечна. Она включаетъ въ себя все прекрасное, все благородное, она не симпатизируетъ только съ животнымъ, съ мертвымъ. Религія наша даетъ жизнь всему; всѣ горячія чувства, всѣ высокія помышленія освящаются ею: искусства, науки — все, что есть благороднаго въ человѣкѣ, все, что способно взволновать душу его —все это происходитъ изъ нея; все это, освященное святымъ крещеніемъ любви неземной, божественной, должно проявлять безконечное приближеніе божественнаго человѣчества къ божественной цѣли, къ безконечному и безначальному, концу и началу всего существующаго. Друзья

мои, религія сдѣлала безконечными сердца наши; она намъ дала любовь, любовь ко всему человѣчеству — нашу частную любовь, нашу частную жизнь, стремящихся влиться въ абсолютную любовь, въ безконечную жизнь. Въ эту минуту я никого не ненавижу, я всѣхъ благословляю. Будемъ жалѣть о тѣхъ, которые не достигли еще нашего блаженства; будемъ ненавидѣть только зло, а не несчастныя жертвы зла. Они люди, хотя еще и не развившіеся; они также имѣютъ право на божественное наслѣдство; они сами себя лишили его, они несчастливы — будемъ жалѣть ихъ, будемъ напрягать всѣ силы свои, чтобы вырвать ихъ изъ этой сферы смерти и апатіи. Неудачи не должны приводить насъ въ отчаяніе: воля, когда она нравственна, — всемогуща: нравственная воля человѣка есть воля Божія; и ничто не можетъ остановить исполненіе ея плановъ. Итакъ, друзья мои, овладѣвъ нравственнымъ міромъ, мы вмѣстѣ овладѣли и Всемогуществомъ. Мы хотимъ Доброе, Доброе и должно исполниться, несмотря на всѣ препятствія Злого.

«Расширять болѣе и болѣе сферу нашей дѣятельности и съ нею вмѣстѣ и сферу нашей любви и нашего блаженства; очищать души свои отъ всего земного, и безпрерывно облагораживать ихъ, дѣлать ихъ достойными быть жертвенниками любви безконечной; переносить безконечное небо душъ своихъ во внѣшность и возвышать такимъ образомъ землю до неба; вѣчно осуществлять во внѣшнемъ мірѣ идеи прекраснаго, высокаго и благороднаго; вѣчно приближаться къ святой гармоніи міра внутренняго съ внѣшнимъ и связываться общею цѣлью, общими надеждами, общею святою любовью; вѣчно усиливать, вѣчно очищать частную любовь нашу, частное земное блаженство — вотъ наше назначеніе, друзья мои!

«Что можетъ остановить насъ, что можетъ привести насъ въ отчаяніе? Внѣшнія, временныя страданія не могутъ подавить души сознательной; напротивъ, они очищаютъ, облагораживаютъ ее: никогда человѣкъ не дѣлается такъ способенъ къ принятію истины, какъ въ грустномъ, страдательномъ расположеніи духа. Въ грусти отзывается вѣчность, закованная въ конечное; въ грусти самое высокое проявленіе божественности человѣка. Но грусть должна быть сознательная, и тогда она превратится въ блаженство. Она только для того страшна, кто не жилъ духовно, кто не знакомъ еще съ не-

бомъ. Кто не страдалъ, тотъ не можетъ истинно любить, потому что страданіе есть актъ освобожденія человѣка отъ всѣхъ внѣшнихъ ожиданій, отъ привязанности своей къ инстиктивнымъ безсознательнымъ наслажденіямъ. Итакъ, кто не страдалъ, тотъ не свободенъ, а безъ свободы нѣтъ любви, а безъ любви нѣтъ блаженства»...

Этими разсужденіями Мишель подошелъ къ тому несчастному съ внѣшней стороны положенію, въ которомъ находилась въ то время, по крайней мѣрѣ по его убѣжденію, его сестра Варвара Александровна Дьякова, и въ послѣдующей части письма [1]), онъ уже прямо обращается къ ней:

«Такимъ образомъ, добрая моя Варенька,—писалъ Мишель,—пусть твое внѣшнее несчастіе не приводитъ тебя въ отчаяніе. Напротивъ, оно должно быть основой твоего счастія, твоего истиннаго, божественнаго счастія — счастія, недоступнаго никакой профанаціи. Твое несчастіе тебя освящаетъ, мой добрый другъ; оно возвыситъ, освятитъ тебя, если ты проведешь его черезъ сознаніе. Пусть религія сдѣлается основой и сущностью твоей жизни и твоихъ дѣйствій, — но религія чистая, единственная истинная религія разума и божественной любви, а не та религія, которую ты имѣла прежде, не та религія, которая хотѣла устранить тебя отъ всего того, что составляетъ содержаніе и жизнь истинно нравственнаго существованія; не та ограниченная идея какого-то капризнаго Бога, не то узкое и холодное чувство, которое отрицало все, что есть прекраснаго въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, и которое грозило погрузить тебя въ жалкую сферу дѣйствія безъ идей и чувствъ безъ любви; не та, наконецъ, религія, которая могла лишь убить душу столь пламенную и столь жаждущую любви и всего высокаго, какъ твоя душа, не та, которую не могла оживить никакая нравственная сила и которая была безусловно непримирима съ истинной любовью. Нѣтъ, добрый другъ мой, проникнись истинной религіей Христа, еще чистой отъ профанирующаго ее прикосновенія всѣхъ тѣхъ, которые неизбѣжно должны были, чтобы понять ее, принизить ее до себя. Посмотри на Христа, мой добрый другъ, онъ сколько выстрадалъ, онъ даже не вкусилъ радости быть вполнѣ понятымъ окружавшими его, и тѣмъ не менѣе онъ былъ блаженъ, ибо онъ

[1]) Писаннаго, начиная съ этого мѣста, по-французски.

былъ сынъ Божій, ибо его жизнь была вполнѣ божественная — вся самоотреченіе, ибо онъ все отдалъ человѣчеству и нашелъ свой эгоизмъ, свою радость въ разрушеніи своего матеріальнаго я и въ спасеніи всего человѣчества. Онъ сынъ Божій, ибо онъ принадлежитъ всему человѣчеству. Онъ сынъ человѣческій (l'homme de l'humanité), онъ типъ человѣка. И если бы мы могли возвыситься до него, или, скорѣе, если бы мы имѣли достаточно вѣры, достаточно силы, достаточно нравственнаго и умственнаго простора, чтобы этого хотѣть, — ибо мы это можемъ, потому что мы должны, — а такъ какъ мы должны все, то нѣтъ ничего невозможнаго, если бы, наконецъ, мы могли увидѣть только блаженство и божественную любовь, который онъ вкусилъ, мы поступали бы, какъ онъ, ибо страданія его — блаженство. Вотъ что дѣлаетъ религія. Внѣшнія страданія приходятъ къ намъ въ міръ независимо отъ нашей воли, и если мы не имѣемъ самосознанія, если мы не живемъ внутренней жизнью, — мы дѣлаемся ихъ жертвой, — мы страдаемъ, и никакое внѣшнее чудо не можетъ насъ отъ этого избавить. Появляются въ насъ религія, жизнь внутренняя, и мы чувствуемъ себя сильными, ибо мы чувствуемъ въ себѣ Бога, Бога, создающаго новый міръ, — міръ абсолютной свободы и абсолютной любви, и, крещеные въ этомъ мірѣ и проникнутые этой божественной любовью, мы чувствуемъ себя существами божественными и свободными, предназначенными для освобожденія человѣчества, еще порабощеннаго, вселенной, являющейся еще жертвой инстинктивныхъ законовъ безсознательнаго существованія. Все, что живетъ, что есть, что прозябаетъ, что только существуетъ, — должно быть свободно, должно доходить до своего собственнаго сознанія, возвышаться до этого божественнаго центра, который одушевляетъ все сущее. Абсолютная свобода и абсолютная любовь — вотъ наша цѣль; освобожденіе человѣчества и всего міра — вотъ наше назначеніе.

«Языческій стоицизмъ былъ стоическимъ и сильнымъ только по инстинкту человѣческой природы; мы же—мы будемъ сильны сознаніемъ божественности нашей природы и нашего назначенія. Наша сила оживлена любовью и вѣчнымъ блаженствомъ!

«Проникни же глубже въ эту религію, убѣдись, что все, что есть прекраснаго въ человѣкѣ — искусства, науки, чувства, мысли — ей принадлежитъ, что всѣ эти различныя выра-

женія жизни человѣчества суть лишь ея различныя формы. Пойми же, что всѣ моменты жизни человѣчества суть откровенія Святого Духа, единаго и абсолютнаго Духа, который говоритъ въ человѣкѣ и образуетъ его сознаніе, что, наконецъ, Евангеліе есть откровеніе по преимуществу и что Іисусъ Христосъ — по преимуществу Сынъ Божій. Пойми хорошо все это, и твоя жизнь изъ бѣдной и ограниченной, какой она была, сдѣлается богатой, безконечной, — жизнь цѣлаго человѣчества, прошедшая и будущая, будетъ твоею. Ты найдешь родственныя тебѣ души, которыя не могутъ оставаться чуждыми тебѣ, разъ у нихъ одно происхожденіе съ твоею душой. Ихъ цѣль, ихъ страданія, ихъ надежды, минуты высокой радости, которыя они вкушали, — твои; они принадлежатъ столько же тебѣ, сколько и имъ. Это единое все, недѣлимое, гармоническое, стремящееся къ абсолютной гармоніи и абсолютной любви. Вотъ чувства, вотъ мысли, которыя ты должна развить въ себѣ. Пусть всѣ твои дѣйствія, ничтожнѣйшія твои занятія находятся подъ ихъ вѣчнымъ вліяніемъ, или, скорѣе, пусть они вѣчно воспроизводятъ эту абсолютную идею. И тогда ты будешь счастлива, будешь могущественна; маленькая воля твоего мужа, его ограниченные взгляды должны будутъ склониться передъ этимъ величіемъ, даже не понимая тебя. И ты воспроизведешь себя въ своемъ сынѣ, и сынъ твой будетъ тебѣ обязанъ своимъ вторымъ рожденіемъ, новой жизнью, и давая ему эту новую жизнь, ты его сдѣлаешь своимъ навѣки: ибо божественная жизнь не умираетъ, и такъ какъ божественная жизнь есть не что иное, какъ вѣчное сознаніе, и такъ какъ всякое сознаніе имѣетъ свое начало въ томъ сознаніи, отъ котораго оно происходитъ, то сынъ твой будетъ вѣчно сознавать тебя своею матерью, и ваша связь, прогрессивно обожествляемая, будетъ источникомъ неувядающаго блаженства. И мы тоже, добрые друзья мои, мы никогда не разстанемся, ибо все, что принадлежитъ сознанію, — вѣчно; и добро, которое мы взаимно другъ другу сдѣлали, составляя органическую и жизненую часть нашей божественной жизни, не допуститъ насъ никогда разлучиться, ибо все, что входитъ въ божественную жизнь, — вѣчно, какъ она сама. Но что говорю я — разстаться? Какъ все въ человѣкѣ развивается прогрессивно, такъ и наша взаимная любовь будетъ расти; ибо

всѣ тѣ, кто братья и сестры въ Богѣ, будутъ ими вѣчно, и связи ихъ будутъ становиться все болѣе и болѣе святы. Наша жизнь, такимъ образомъ, не есть и никогда не будетъ единственно внутренняя, мы имѣемъ и мы будемъ имѣть всегда наше собственное выраженіе (во внѣшнемъ мірѣ). Не вполнѣ ли мы счастливы, насколько только можно быть счастливыми на столь несовершенной землѣ, какъ та, на которой мы живемъ, и съ тѣмъ несовершеннымъ развитіемъ, какого мы достигли? Но, вѣдь, цѣль наша — совершенствованіе, наша взаимная любовь и съ нею наше общее счастіе будутъ совершенствоваться также.

«Но несмотря на все это, камъ мнѣ не терпится вернуться въ Премухино, какъ мнѣ не терпится упиться этой гармоніей, которой вы такъ сильно дали уже мнѣ отвѣдать, несмотря на разлуку; какъ мнѣ не терпится васъ обнять, задушить васъ всѣхъ въ моихъ объятіяхъ. Задушить — слишкомъ сильно сказано, ибо это все равно, что съѣсть въ одинъ часъ все свое богатство. Ты видишь, что я начинаю болтать. Итакъ, отложимъ лучше до нашего свиданія выраженіе моей нѣжности къ вамъ. Теперь я хочу еще поговорить съ вами о братьяхъ»...

Но конецъ этого письма, къ сожалѣнію, утраченъ.

Что касается Варвары Александровны, то проповѣдь брата подѣйствовала на нее столь же могущественно, какъ и на другихъ сестеръ. Она приняла его нравственно-религіозное воззрѣніе со всею страстностью, свойственной ея глубокой и сильной натурѣ. Изъ писемъ ея, съ которыми намъ придется ниже познакомить читателя, онъ увидитъ, какъ сильно подѣйствовало на нее это ученіе.

Приводя письма, извлеченныя изъ бакунинскаго архива, я стараюсь воздерживаться отъ всякихъ излишнихъ комментаріевъ; ибо приведенные документы достаточно ясно и краснорѣчиво сами возсоздаютъ передъ нами духовную жизнь этого замѣчательнаго кружка людей 30-хъ годовъ. Но по поводу только что приведеннаго письма я позволю себѣ высказать нѣсколько краткихъ соображеній.

Прежде всего мнѣ хочется обратить вниманіе читателя на тотъ прогрессъ, который совершился въ умѣ самого Михаила Бакунина подъ вліяніемъ Фихте со времени того письма къ Татьянѣ, писаннаго въ декабрѣ 1835 года, гдѣ онъ говоритъ о желаніи своемъ создать *замкнутый* братскій кружокъ и за-

городить его даже отъ взгляда всякаго посторонняго человѣка. Въ то время, и еще нѣсколько времени спустя, онъ мечталъ исключительно о своей внутренней жизни и о полномъ уничтоженіи жизни внѣшней. Эта внутренняя жизнь, хотя главный ея элементъ и была любовь, носила у него, однако же, характеръ исключительно созерцательный, и сама любовь къ человѣчеству представлялась туманной и бездѣятельной. Теперь для него дѣло идетъ уже о созданіи гармоніи между внутренней и внѣшней жизнью: внѣшняя жизнь поглощается внутренней не для того, чтобы въ ней раствориться и уничтожиться, но чтобы въ ней возродиться и вновь получить свое внѣшнее выраженіе. Любовь къ человѣчеству принимаетъ болѣе опредѣленный и дѣятельный характеръ, и передъ образованнымъ имъ братскимъ кружкомъ ставится великая задача преобразованія внѣшней жизни, освобожденія всего человѣчества и даже всего міра отъ всякаго рабства.

Здѣсь можно замѣтить, что въ сущности логическое развитіе мыслей, которыя возникли въ умѣ Бакунина подъ вліяніемъ Фихте, если бы оно совершалось послѣдовательно и безпрепятственно, должно было бы привести къ идеямъ христіанскаго анархизма, основаннаго на любви, аналогичнаго тому, который въ наши дни выразился въ ученіи Льва Толстого.

Этому воспрепятствовали, какъ мы ниже увидимъ, различныя обстоятельства, частью коренившіяся въ характерѣ самого Михаила Бакунина, частью въ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, которымъ онъ подвергался.

Нельзя, однако же, не видѣть, что, несмотря на то, что во второй половинѣ своей жизни онъ отрицательно относился ко всякой религіи и ко всякой метафизикѣ, въ сущности не такъ трудно было бы создать соединительный мостъ между его фихтеанскими взглядами конца 30-хъ годовъ и анархическимъ ученіемъ конца его жизни.

Въ 30-хъ годахъ его проповѣдь дала ему страстныхъ послѣдователей не только въ нѣдрахъ его семейства. Ея могущественное вліяніе испытали на себѣ въ бóльшей или меньшей степени всѣ его замѣчательные друзья той эпохи. Сильнѣе другихъ она отразилась на взглядахъ и развитіи В. Г. Бѣлинскаго, и къ его отношеніямъ съ Бакунинымъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XVI.

Знакомство Михаила Бакунина съ Бѣлинскимъ.—Первыя впечатлѣнія Бѣлинскаго отъ этого знакомства.—Настроеніе Бѣлинскаго лѣтомъ 1836 года и приглашеніе его въ Премухино.—Значеніе Бѣлинскаго въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ.—Воздѣйствіе Бакунина и премухинской обстановки на Бѣлинскаго.—Статья Бѣлинскаго о книжкѣ Дроздова „Опытъ системы нравственной философіи", какъ единственный сохранившійся образецъ его произведеній фихтеанскаго періода его развитія.—Вліяніе статей Бѣлинскаго на сестеръ Бакунина и въ особенности на Татьяну Александровну.—Письмо ея къ братьямъ.

Бѣлинскій былъ, какъ мы уже упоминали, кость отъ костей кружка Станкевича съ самаго его возникновенія. Поэтому каждый новый другъ Станкевича не могъ не стать тѣмъ самымъ въ то или иное отношеніе къ Бѣлинскому. И Бакунинъ, познакомившись и сблизившись весной 1835 года съ кружкомъ Станкевича черезъ Бееровъ, тогда же познакомился и съ Бѣлинскимъ [1]).

Слѣдуетъ однако же сказать, что на первый разъ Бакунинъ произвелъ на Бѣлинскаго не особенно хорошее впечатлѣніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Михаилу Александровичу 1838 года [2]).

---

[1]) Срав. письма Станкевича къ М. Бакунину въ новомъ изданіи переписки Станкевича, стр. 571 и слѣд.

[2]) Эти письма, точныя копіи которыхъ сохранились въ архивѣ Бакуниныхъ, имѣютъ огромную важность дгя біографіи обоихъ корреспондентовъ. Подлинныя письма хранятся теперь въ Московскомъ Историч. музеѣ Александра III-го. Ими воспользовался впервые А. Н. Пыпинъ, когда писалъ біографію Бѣлинскаго въ 1874 году. Въ то время однако-жъ обо многомъ упоминать въ печати признавалось еще несвоевременнымъ, и потому выписки, сдѣланныя Пыпинымъ, страдаютъ пропусками весьма существенныхъ частей этихъ писемъ. Притомъ необходимость (по цензурнымъ условіямъ) сокрытія имени одного изъ корреспондентовъ лишила автора возможности освѣтить, какъ слѣдуетъ, ту обстановку, въ которой эти письма писались, и объяснить понятнымъ для читателя образомъ многія черты этой замѣчательной переписки. Самъ А. Н. Пыпинъ

Въ огромномъ письмѣ, начатомъ 12 и конченномъ 24 октября 1838 г., Бѣлинскій о первомъ своемъ знакомствѣ съ Бакунинымъ вспоминалъ такъ:

«Я познакомился съ тобою въ 36 году [1]). Твоя непосредственность не привлекла меня къ тебѣ—она даже рѣшительно не нравилась мнѣ; но меня плѣнило кипѣніе жизни, безпокойный духъ, живое стремленіе къ истинѣ, отчасти и *идеальное* [2]) твое положеніе къ твоему семейству,—и ты былъ для меня явленіемъ интереснымъ и прекраснымъ. Но задушевнаго, непосредственнаго, инстинктуальнаго влеченія, повторяю, у меня къ тебѣ не было. Двѣ другія причины завязали еще болѣе нашу дружбу. Тогда я думалъ, что не личность, не непосредственность человѣка завязываютъ узелъ дружбы: я стремился къ высокому, ты также, слѣдовательно — ты мнѣ другъ: вотъ тогдашнія (недавно, очень недавно сдѣлались они для меня прошедшими) мои понятія о дружбѣ. Сверхъ того имя твоихъ сестеръ глухо и таинственно носилось въ нашемъ кружкѣ, какъ осуществленіе таинства жизни, — и я, увидѣвъ тебя въ первый разъ, съ трепетомъ пожалъ тебѣ руку, *какъ ихъ брату* [3]). До отъѣзда твоего въ Премухино ты былъ занятъ Беерами, и обстоятельства не сближали насъ. Ты сталъ давать уроки, — послалъ къ дядюшкѣ билетъ визитный «maître de

---

вынесъ изъ нея несомнѣнно правильное представленіе о личныхъ настроеніяхъ героя своего изслѣдованія В. Г. Бѣлинскаго; но кое въ чемъ незнакомство съ подробной біографіей Бакунина и съ условіями его развитія мѣшало и Пыпину вывести изъ этого матеріала вполнѣ вѣрныя заключенія. Въ концѣ 90-хъ годовъ этими же письмами пользовался П. Н. Милюковъ для статей своихъ „Идеалисты тридцатыхъ годовъ", но и онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ лишь выясненіе личности Бѣлинскаго, и потому, хотя онъ уже не былъ стѣсненъ въ пользованіи этимъ матеріаломъ, какъ Пыпинъ, однако и для него кое-что осталось не вполнѣ яснымъ вслѣдствіе незнакомства съ условіями развитія Михаила Бакунина и съ подробностями его біографіи. Теперь эти письма напечатаны полностью Е. А. Ляцкимъ, съ самыми небольшими лишь пропусками, по копіямъ, сдѣланнымъ А. Н. Пыпинымъ, въ 3-хъ томахъ. Спб. 1914 г.

[1]) На самомъ дѣлѣ въ 1835 г. Уже лѣтомъ 1835 г. Ефремовъ въ письмахъ къ М. А. Бакунину передаетъ ему между прочими поклонами общихъ пріятелей и поклонъ отъ Бѣлинскаго. Такъ же и Станкевичъ. Срав. его переписку въ новомъ изданіи 1914 г.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

mathématique M. Bacounine»,—такъ какъ я тогда любилъ идеальность, а не простоту [1])—этотъ поступокъ восхитилъ меня. Въ исторіи твоей съ В. К. Р—ъ мое чутье чуяло больше шуму, чѣмъ сущности, но понятіе восторжествовало надъ непосредственнымъ чувствомъ,—и ты еще выше сталъ въ моихъ глазахъ [2]). Я видѣлъ, что ты пристально читалъ Фихте и былъ отъ него въ восторгѣ: это еще болѣе подняло тебя въ моихъ глазахъ. Ты перевелъ нѣсколько лекцій Фихте для *Телескопа*, и въ этомъ переводѣ я увидѣлъ какое-то инстинктуальное знаніе языка русскаго, которому ты никогда не учился, увидѣлъ жизнь, силу, энергію, способность передавать другимъ свои глубокія впечатлѣнія. Я сталъ смотрѣть на тебя, какъ на спутника по одной дорогѣ со мною, хотя ты шелъ своею. Все это еще болѣе возвысило тебя въ моихъ глазахъ,—и должно было возвысить,—и я все болѣе и болѣе смотрѣлъ на тебя, какъ на друга.

Станкевичъ уѣхалъ. Вскорѣ послѣ него и ты умчался въ Премухино. Прощаясь со мною, ты звалъ меня къ себѣ: отъ этого приглашенія (какъ теперь помню) у меня потемнѣло въ глазахъ и земля загорѣлась подъ ногами. Но я не умѣлъ представить себя въ этомъ обществѣ, въ этой святой и таинственной атмосферѣ; но тѣмъ не менѣе твое приглашеніе было до-

---

[1]) Значеніе этихъ словъ выяснится впослѣдствіи, когда мы изложимъ исторію перехода Бѣлинскаго и Бакунина отъ фихтеанскихъ взглядовъ къ гегеліанскимъ; впрочемъ, переходъ этотъ выясненъ уже и въ Пыпинской біографіи Бѣлинскаго (см. главу IV части I).

[2]) Съ Владиміромъ Константиновичемъ Ржевскимъ, двоюроднымъ братомъ Н. А. и А. А. Бееръ, впослѣдствіи — черезъ много лѣтъ — женившимся на Н. А. Бееръ. Исторія состояла въ томъ, что М. А. Бакунинъ вызвалъ въ февралѣ 1836 г. Ржевскаго на дуэль за болтовню послѣдняго насчетъ Станкевича и его отношеній къ Н. А. Бееръ и Л. А. Бакуниной. Вызовъ этотъ кончился примиреніемъ и вообще имѣлъ дѣйствительно характеръ фарса, какъ это видно отчасти изъ тогдашняго описанія самого Мишеля, въ письмѣ къ В. А. Дьяковой, гдѣ онъ видимо рисуется этимъ своимъ поступкомъ, несмотря на то, что самый поступокъ отнюдь не гармонировалъ съ тогдашнимъ его настроеніемъ (это было время перваго знакомства съ идеями Фихте). Тутъ, очевидно, сказались тѣ офицерскія замашки, которыя Бакунинъ вынесъ изъ своей кратковременной военной службы и которыя тогда еще не изгладились. Спустя самое короткое время послѣ этого инцидента Бакунинъ уже встрѣчался съ Ржевскимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, хотя не симпатизировалъ ему и впослѣдствіи.

казательствомъ твоей любви и уваженія ко мнѣ. *Это* [1]) я умѣлъ оцѣнить. Ты уѣхалъ. У меня уже въ то время давно завязалась исторія съ гризеткою, дорого стоившая мнѣ [2]). Финансовыя обстоятельства мои были гадки донельзя. Ты прислалъ мнѣ *семьдесятъ пять рублей* своихъ денегъ [3])...

...Итакъ, въ то время у меня кипѣла исторія съ гризеткою. Я открылъ тебѣ ее, и ты принялъ въ ней искреннее участіе [4]). Станкевичъ тогда былъ на Кавказѣ и переписка съ нимъ шла бы медленно, а мои раны требовали скораго лѣченія. И ты лѣчилъ меня, лилъ на нихъ отрадный бальзамъ (сравненіе старое, но вѣрное). Ты смотрѣлъ на мою исторію, какъ на паденіе, но иначе тогда ты и не могъ смотрѣть на нее; *ты призывалъ меня къ возстанію, говоря, что видишь во мнѣ зародышъ великаго* [5]). Несмотря на то, что ты не понималъ дѣла [6]), твой кликъ былъ мнѣ полезенъ по ходу и развязкѣ моей исторіи; тяжело было бы мнѣ безъ твоихъ писемъ, и если я не впалъ или въ бѣшенное изступленное отчаяніе, или въ мертвую апатію—этимъ тебѣ я былъ обязанъ. Ты началъ настоятельно звать меня въ Премухино [7]); отъ этого зову у меня

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) У *Пыпина* (въ примѣчаніи къ стр. 168, части I въ первомъ изд. 1876 г.) есть коротенькое разъясненіе, заимствованное изъ „Путевыхъ записокъ“ *Погодина* (въ журн. *Русскій* за 1868 г., № 15), относительно этой исторіи. „Бѣлинскій, сказано тамъ, увлекся въ это время страстью къ одной молоденькой мастерицѣ, взялся было за ея умственное развитіе съ помощью чтенія избранныхъ поэтическихъ произведеній; но она скоро разбила созданный имъ идеалъ. Вообще ему часто приходилось ослѣпляться и разочаровываться въ этомъ отношеніи“... Разсказъ этотъ записанъ Погодинымъ со словъ родственницы Бѣлинскаго г-жи Щетининой.

[3]) Далѣе слѣдуетъ большое отступленіе полемическаго характера по вопросу о долгахъ и денежныхъ одолженіяхъ, о которомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

[4]) Бѣлинскій открылъ эту исторію всѣмъ членамъ кружка, и о ней, между прочимъ, сохранилось нѣсколько дружескихъ сарказмовъ и шутокъ въ сатирическихъ стихахъ Клюшникова.

[5]) Курсивъ мой.

[6]) Вѣроятно, Бакунинъ не зналъ тѣхъ мечтательныхъ плановъ Бѣлинскаго относительно героини этого несложнаго романа, на которые указывала родственница Бѣлинскаго г-жа Щ. въ разсказѣ своемъ Погодину.

[7]) Не получая отъ Бѣлинскаго отвѣта на свое второе—письменное—приглашеніе, Бакунинъ сталъ было писать ему новое письмо (отъ 12 августа 1836 г.), которое не было послано и сохранилось въ неоконченномъ видѣ въ

В. Г. Бѣлинскій.
(1837—1838.)

мучительно и сладостно содрогалась душа — она что-то предчувствовала...

Я пріѣхалъ [1])...

Бѣлинскому было тогда ровно 25 лѣтъ отъ роду [2]). Его имя было уже извѣстно въ литературѣ. Кромѣ «Литературныхъ мечтаній», съ которыхъ началась его извѣстность, онъ уже успѣлъ напечатать въ это время [3]), не считая множества мелкихъ рецензій, свою знаменитую статью «О повѣстяхъ Гоголя и о русской повѣсти вообще», въ которой съ особенной силой сказался и его несравненный талантъ и самостоятельность, глубина и проницательность его взгляда, напечаталъ и свои небольшія, но также въ высшей степени живыя и оригинальныя критическія статьи о стихотвореніяхъ Бенедиктова, Баратынскаго и Кольцова, которыя вызвали немалую сенсацію и въ писательскихъ сферахъ и среди читающей публики [4]). За годъ передъ этимъ Надеждинъ, уѣзжая на 7 мѣсяцевъ за границу, довѣрилъ его руководству свой журналъ *Телескопъ*, и Бѣлинскій успѣлъ пріобщить къ веденію этого дѣла весь кружокъ Станкевича, въ томъ числѣ и Михаила Бакунина [5]).

Какъ критикъ, съ рѣзкими и вѣскими сужденіями котораго уже въ то время приходилось считаться самымъ крупнымъ современнымъ дѣятелямъ литературы, Бѣлинскій заявилъ себя въ извѣстной статьѣ своей «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ *Московскаго Наблюдателя*», статьѣ, которая была въ

бакунинскомъ архивѣ. „Любезный Виссаріонъ!—писалъ Бакунинъ.—Ни слова на мое грозное посланіе!—видно мнѣ придется, отложивъ въ сторону оскорбленное самолюбіе, снова приняться за перо, снова завлечь тебя въ переписку, новыми путями достигнуть своего желанія: *убѣдить тебя исполнить твое обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ въ деревню.* Кстати къ моимъ просьбамъ, къ моимъ угрозамъ присоединяются просьбы и угрозы Ивана Ивановича Лажечникова, у котораго я все это время жилъ въ ожиданіи безчестныхъ гостей..„.

[1]) Во второй половинѣ августа, какъ это устанавливается справкою, наведенною М. К. Лемке въ архивѣ III отд. собств. его величества канцеляріи. Срав. *Лемке* „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“, стр. 423.

[2]) Онъ родился 1 іюня 1811 года и былъ такимъ образомъ на три года старше М. А. Бакунина.

[3]) Срав. венгеровское изданіе сочиненій Бѣлинскаго, т. I, II и III.

[4]) Срав. *А. Н. Пыпина*: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, ч. I, гл. III.

[5]) Срав. мою статью въ *Русской Мысли* за 1911 г., № 6, стр. 33—35.

буквальномъ смыслѣ убійственна для репутаціи этого журнала и его главнаго критика проф. Шевырева.

Но хотя такимъ образомъ Бѣлинскій былъ въ это время весьма замѣтною фигурою въ тогдашней литературѣ и журналистикѣ, однако же онъ далеко еще не достигъ окончательнаго завершенія своего міровоззрѣнія, надъ выработкой котораго ему еще не мало пришлось работать и страдать, при близкомъ участіи Михаила Бакунина.

До знакомства съ Бакунинымъ Бѣлинскій считалъ себя шеллингіанцемъ. Онъ почерпнулъ свое первое знакомство съ философіей и эстетикой частью отъ Надеждина, котораго ученикомъ онъ несомнѣнно и самъ себя почиталъ тогда, частью отъ Станкевича, который имѣлъ на него огромное непосредственное вліяніе и къ которому Бѣлинскій всегда относился не только дружески, но и съ особымъ благоговѣніемъ. Шеллингіанскіе взгляды Бѣлинскаго ярко сказались въ извѣстныхъ строкахъ его «Литературныхъ мечтаній», строкахъ, отмѣченныхъ въ свое время еще Анненковымъ и затѣмъ неоднократно отмѣчавшихся въ различныхъ статьяхъ о русской литературѣ 30-хъ гг. и въ біографіяхъ Бѣлинскаго. Однако-жъ, усвоивъ себѣ шеллингіанскій взглядъ на жизнь и на роль и значеніе въ ней человѣка, Бѣлинскій, до встрѣчи съ Бакунинымъ или даже, вѣрнѣе, до пріѣзда своего въ Премухино, не отдавалъ себѣ яснаго отчета относительно той теоріи познанія, которой онъ самъ, въ качествѣ шеллингіанца, придерживался. Съ пріѣздомъ въ Премухино онъ сразу подвергся усиленному воздѣйствію Бакунина и сразу попалъ въ сферу его умственнаго и нравственнаго вліянія, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вліяніе это на окружающихъ было особенно сильно, и когда самъ М. Бакунинъ находился, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ особенно бодромъ и дѣятельномъ настроеніи.

«До моего пріѣзда въ Премухино ты былъ для меня—писалъ въ 1837 г. Бѣлинскій Бакунину—какимъ-то призракомъ, какимъ-то добрымъ малымъ, котораго я любилъ за то, что онъ добрый малый; но когда я пріѣхалъ въ Премухино и когда, при помощи другого вліянія, ты открылъ мнѣ новый міръ—міръ мысли—я былъ изумленъ подобно Мольерову «Мѣщанину въ дворянствѣ», который удивился, когда онъ узналъ отъ учителя, что онъ говоритъ прозою. Я написалъ нѣсколько ста-

тей, обратившихъ на меня вниманіе, и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы развитыя въ нихъ идеи—были идеи à priori. Ты первый показалъ и доказалъ мнѣ, что мышленіе есть нѣчто цѣлое, нѣчто одно, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и случайнаго, но все выходитъ изъ одного общаго лона, которое есть богъ, самъ себѣ открывающійся въ твореніи. Тогда я самъ собою отбросилъ въ моихъ понятіяхъ многое, что не вязалось съ цѣлымъ и потому было ложнымъ, было остаткомъ прежнихъ убѣжденій, сдѣлавшихся теперь предубѣжденіями»... [1])

Таковъ былъ тотъ толчокъ мысли, который былъ данъ Бѣлинскому Бакунинымъ въ 1836 году. Этотъ толчокъ былъ весьма плодотворенъ, и Бѣлинскій подъ вліяніемъ его немедленно же почувствовалъ позывъ къ работѣ, за которую и засѣлъ, едва водворившись въ Премухинѣ. Первымъ плодомъ этой работы была большая статья о книжкѣ *Дроздова* «Опытъ системы нравственной философіи»,—статья, о которой мы ниже будемъ говорить подробнѣе. (Статья эта была закончена Бѣлинскимъ уже 13 сентября 1836 года [2]).

Но для энергіи, съ которой Бѣлинскій воспрянулъ изъ того угнетеннаго состоянія духа, въ которомъ онъ находился до поѣздки въ Премухино, была и другая причина—не менѣе, если не болѣе, важная по силѣ своего дѣйствія, нежели толчокъ, данный мысли Бѣлинскаго философскими бесѣдами съ Мишелемъ. По крайней мѣрѣ, самъ Бѣлинскій считалъ впослѣдствіи, что главная роль тутъ принадлежала той атмосферѣ нравственной гармоніи, въ которую онъ попалъ въ Премухинѣ и которой до того времени ему никогда не приходилось испытывать въ его унылой и суровой, исполненной всевозможныхъ лишеній жизни. Самымъ существеннымъ элементомъ этой гармоніи Бѣлинскій считалъ, какъ видно изъ его писемъ, участіе въ ней возвышенныхъ и идеально настроенныхъ дѣвушекъ, съ какими раньше ему никогда не приходилось встрѣчаться и которыя произвели на него впечатлѣніе воплощенія самыхъ возвышенныхъ его идеаловъ.

«Ты говоришь,—писалъ Бѣлинскій Бакунину въ томъ же 1837 году,—что однажды тебѣ удалось пробудить меня отъ

---

[1]) Письмо къ М. А. Бакунину отъ 21 ноября 1837 г. изъ Москвы.

[2]) Срав. венгеровское изданіе сочиненій Бѣлинскаго, т. III.

моего постыднаго усыпленія и указать мнѣ на новый для меня міръ идей: правда, я этого никогда не забуду, ты много, много сдѣлалъ для меня. Но не новыми утѣшительными идеями, а тѣмъ, что вызвалъ меня въ Премухино,—воскресилъ ты меня! Душа моя смягчилась, ея ожесточеніе миновало и она сдѣлалась способною къ воспріятію благихъ впечатлѣній, благихъ истинъ. *Премухинская гармонія не помогала тебѣ въ моемъ пробужденіи, но была его главною причиною* [1]). Я ощутилъ себя въ новой сферѣ, увидѣлъ себя въ новомъ мірѣ; окрестъ меня все дышало гармоніей и блаженствомъ, и эти гармонія и блаженство частію проникли и въ мою душу. Я увидѣлъ осуществленіе моихъ понятій о женщинѣ: опытъ утвердилъ мою вѣру»... [2])

Этого именно ожидалъ отъ поѣздки Бѣлинскаго въ Премухино и Станкевичъ. Въ письмѣ къ Невѣрову изъ Удеревки отъ 21 сентября 1836 г. онъ писалъ между прочимъ: ...«Я получилъ письмо отъ М. Бакунина. Бѣлинскій отдыхаетъ у нихъ отъ своей скучной, одинокой жизни. Я увѣренъ, что эта поѣздка будетъ имѣть на него благодѣтельное вліяніе. Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ только: въ опытѣ не по однимъ понятіямъ увидѣть *жизнь* въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ; узнать нравственное счастіе, возможность гармоніи внутренняго міра съ внѣшнимъ,—гармоніи, которая для него казалась недоступной до сихъ поръ, но которой онъ теперь вѣритъ. Какъ смягчаетъ душу эта чистая сфера кроткой, христіанской семейной жизни!.. Семейство Бакуниныхъ—идеалъ семейства. Можешь себѣ представить, какъ оно должно дѣйствовать на душу, которая не чужда искры Божіей! Намъ надо туда ѣздить исправляться»... [3])

И Бѣлинскій, какъ видно изъ вышеприведеннаго отрывка его письма, и ощутилъ на себѣ именно это вліяніе премухинской гармоніи тотчасъ же послѣ своего пріѣзда въ Премухино.

Къ сожалѣнію, этому возвышенному и блаженному настроенію суждено было недолго удержаться въ душѣ Бѣлинскаго. Вскорѣ, какъ мы увидимъ, оно было нарушено цѣлымъ рядомъ

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.*

[2]) Письмо къ М. А. Бакунину отъ 16 августа 1837 года (изъ Пятигорска).

[3]) „Н. В. Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная *П. В. Анненковымъ*“, ч. II, стр. 189. Въ новомъ изд. стр. 363.

осложненій и обстоятельствъ—внѣшнихъ и внутреннихъ—тяжело на немъ отозвавшихся.

Статья о незамысловатой философской книжкѣ Дроздова, придравшись къ которой Бѣлинскій спѣшилъ въ обычной ему изящной и вдохновенной формѣ изложить тѣ новыя мысли и взгляды на жизнь, которые онъ только что воспринялъ отъ Бакунина, послужила въ то же время средствомъ быстраго и глубокаго сближенія съ членами столь плѣнившаго его премухинскаго міра, жившаго въ это время тѣми же идеями, почерпнутыми изъ Фихте и внесенными въ этотъ тѣсный семейный кружокъ Михаиломъ Бакунинымъ.

Статья Бѣлинскаго, начинавшаяся нѣсколькими выходками противъ «свѣтскихъ» писателей, т.-е. противъ аристократическихъ, барскихъ притязаній нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей литературы, главнымъ выразителемъ которыхъ былъ Шевыревъ, давала сперва бѣглый и не особенно интересный отчетъ о содержаніи разбираемой книги, написанной и изданной представителями духовной «семинарской» науки; но затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній, всецѣло проникнутыхъ субъективно-идеалистическимъ взглядомъ фихтеанской теоріи познанія, статья эта переходила незамѣтно въ страстное и захватывающее изложеніе новыхъ религіозныхъ понятій и взглядовъ самого критика, успѣвшаго, очевидно, довольно хорошо усвоить себѣ, со словъ Мишеля, содержаніе «Anweisung zum seligen Leben» Фихте.

Къ сожалѣнію, частью страхъ передъ духовною цензурою, частью весьма прозаическіе расчеты редактора *Телескопа* Надеждина о размѣрахъ статьи, которые ему показались чрезмѣрными, побудили его сократить на двѣ трети это вдохновенное произведеніе Бѣлинскаго, лишивъ насъ, повидимому навсегда, возможности возстановить полный его текстъ. Въ другомъ мѣстѣ я привелъ подлинное письмо самого Н. И. Надеждина, въ которомъ онъ это указываетъ. Въ напечатанномъ видѣ лишь нѣсколько послѣднихъ страницъ этой статьи даютъ представленіе о томъ, каково было все ея содержаніе.

«Человѣкъ,—писалъ здѣсь между прочимъ Бѣлинскій,—долженъ стремиться къ своему совершенству и поставлять свое блаженство только въ томъ, что сообразно съ его долгомъ: вотъ основной законъ нравственности. Причина этого закона заклю-

чается въ немъ же самомъ, т.-е. въ томъ, что человѣкъ—есть человѣкъ,—органъ сознанія природы, сосудъ духа Божія,—и еще въ томъ, что человѣкъ есть членъ великаго семейства, которое называется «человѣчествомъ»...

...«Симпатія человѣка къ людямъ—писалъ онъ далѣе—происходитъ отъ его родственности съ ними, отъ тождественности его стремленія и цѣли съ ихъ стремленіями и цѣлью, такъ что въ нихъ онъ любитъ себя, а ихъ любитъ въ себѣ; другими словами: его сознаніе любитъ ихъ сознаніе, т.-е. онъ любитъ сознаніе самого себя въ другомъ субъектѣ, *потому что любовь есть сознаніе, сознающее само себя и въ актѣ сознанія самого себя ощущающее блаженство»* [1])...

...«Взаимныя отношенія людей—сказано ниже—устанавливаются разностью степеней и разносторонностью сознанія, посредствомъ которыхъ люди взаимно дѣйствуютъ другъ на друга. Каждый человѣкъ развиваетъ собою одну сторону сознанія и развиваетъ ее до извѣстной степени; а возможно-конечное и возможно-всеобщее сознаніе должно произойти не иначе, какъ вслѣдствіе этихъ разностороннихъ и разнообразныхъ сознаній. И поэтому одному человѣку невозможно достигнуть полнаго и совершеннаго развитія своего сознанія, которое возможно только для цѣлаго человѣчества и которое будетъ результатомъ соединенныхъ трудовъ, вѣковой жизни и историческаго развитія человѣческаго духа. Слѣдовательно всякій индивидъ есть членъ, есть часть этого великаго цѣлаго, есть сотрудникъ и споспѣшествователь его къ достиженію его цѣли, потому что, развивая свое собственное сознаніе, онъ необходимо отдаетъ, завѣщаваетъ его въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Каждый человѣкъ долженъ любить человѣчество, какъ идею полнаго развитія сознанія, которое составляетъ и его собственную цѣль, слѣдовательно, каждый человѣкъ долженъ любить въ человѣчествѣ свое собственное сознаніе въ будущемъ, а любя это сознаніе, долженъ споспѣшествовать ему»...

...«Нѣтъ еще разъ! вѣчность не мечта—пишетъ Бѣлинскій далѣе,—не мечта и жизнь, которая служитъ къ ней ступенью! Много въ ней дурного, но еще больше прекраснаго; есть въ

---

[1]) Венгеровское изданіе сочиненій Бѣлинскаго, т. III, стр. 59.

ней слабости, пороки и злодѣянія, но есть и слезы раскаянія, жгучія и вмѣстѣ отрадныя, слезы раскаянія въ глухую полночь, передъ престоломъ Распятаго за насъ; есть паденіе, но есть и возстаніе; есть стремленіе, но есть и достиженіе; есть минуты горькія, убійственныя, минуты сомнѣнія и отчаянія, минуты разрушительной дисгармоніи съ самимъ собою, отвращенія отъ жизни, но есть и упоительныя минуты вѣры, когда въ груди бываетъ такъ тепло, на душѣ такъ свѣтло, жизнь становится такъ прекрасна, такъ полна, такъ тождественна съ блаженствомъ; есть страданія глубокія, невыносимыя, есть бѣдствія, переполняющія мѣру терпѣнія и превращающія для насъ землю въ адъ, гдѣ слышенъ скрежетъ зубовный, откуда вѣетъ холодною могильною сыростью, гдѣ ни исхода, ни конца, но изъ этого міра разрушенія и смерти слышится душѣ отрадный голосъ: «*пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и азъ упокою вы; возьмите иго Мое на себя и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*». Тогда душа снова наполняется блаженствомъ неизъяснимымъ, и смрадное кладбище гніющей жизни превращается для нея въ тихую долину успокоенія, гдѣ могилы покрыты травою и цвѣтами, осѣнены печальными кипарисами, гдѣ журчаніе свѣтлаго ручья сливается съ унылымъ ропотомъ вѣтерка,—а вдали, за горою, виднѣется край вечерѣющаго неба, осѣяннаго, облитаго багровыми лучами заходящаго солнца,—и ей мнится, что въ этой торжественной тишинѣ она созерцаетъ тайну вѣчности, что она видитъ новую землю, новое небо!» [1])

Конецъ этой статьи былъ, какъ уже сказано, отрѣзанъ рукою Надеждина, который писалъ Бѣлинскому въ свое оправданіе: ...«я выпустилъ больше половины собственныхъ вашихъ мнѣній, которыя напечатать нѣтъ никакой возможности. Вы, почтеннѣйшій, удаляясь въ царство идей, совсѣмъ забыли объ *условіяхъ* дѣйствительности (т.-е., очевидно, цензуры! *А. К.*). Притомъ же и время теперь самое неблагопріятное. Я нахожусь въ большомъ страхѣ. Письмо Ч. (аадаева), помѣщенное въ 15 книжкѣ, возбудило ужасный гвалтъ въ Москвѣ, благодаря

[1]) Тамъ же, стр. 75—79.

подлецамъ-наблюдателямъ» (т.-е. издателямъ *Московскаго Наблюдателя. А. К.*) и т. д. [1]).

Урѣзаніе этой статьи Бѣлинскаго—фактъ тѣмъ болѣе печальный, что статья эта, если бы она сохранилась полностью, была бы *единственнымъ* образчикомъ произведеній Бѣлинскаго, всецѣло отразившимъ на себѣ настроеніе его за время того краткаго фихтеанскаго періода его развитія, который начался осенью 1836 года и продолжался едва годъ съ небольшимъ. За время пребыванія въ деревнѣ Бакуниныхъ Бѣлинскій написалъ, правда, еще одну большую статью, которой самъ онъ дорожилъ не меньше, чѣмъ первой; но этой статьѣ вовсе не суждено было попасть въ печать, такъ какъ въ сентябрѣ 1836 годъ былъ, какъ извѣстно, закрытъ *Телескопъ* [2]), и Бѣлинскій остался вовсе безъ органа для помѣщенія своихъ статей вплоть до 1838 года, когда настроеніе его уже кореннымъ образомъ перемѣнилось, частью подъ вліяніемъ знакомства съ Гегелевой философіей, частью подъ дѣйствіемъ различныхъ другихъ чисто личныхъ причинъ, о чемъ намъ придется говоритъ въ своемъ мѣстѣ [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ писемъ Бѣлинскаго отъ 1836 года, которыя бы ярко представили его тогдашніе взгляды и чувства; позднѣйшія же письма 1837 и 38 годовъ, въ которыхъ онъ не разъ вспоминаетъ эпоху пребыванія своего въ Премухинѣ, проникнуты уже опредѣленнымъ критическимъ взглядомъ на тогдашнее его настроеніе,—взглядомъ, слагавшимся постепенно въ зависимости отъ последующаго развитія мыслей и чувствъ «неистоваго Виссаріона».

Тѣмъ цѣннѣе для насъ сохранившееся въ архивѣ Бакуниныхъ современное (отъ октября 1836 г.) письмо Т. А. Бакуниной къ младшимъ братьямъ въ Тверь,—письмо, въ которомъ она не только касается этой статьи Бѣлинскаго, но указываетъ и на ея содержаніе, а также и на то впечатлѣніе, которое статья эта произвела на нее лично и которое, вѣроятно, дѣ-

---

1) Срав. въ моей статьѣ „Къ біографіи Бѣлинскаго“ въ *Русской Мысли* за 1911 г., кн. 6, стр. 41—42.

2) Срав. тамъ же, стр. 35 и слѣд.

3) Срав. у *А. Н. Пыпина*, назв. сочин. I, гл. IV и V и у *П. Н. Милюкова*: „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“ въ книгѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“, стр. 87—106.

лили и другіе слушатели статьи, т.-е. остальныя сестры Бакунины и подруги ихъ «Бееровы».

Вотъ это письмо [1]):

«Я очень раскаиваюсь и очень огорчена, что не писала вамъ такъ давно, мои дорогіе и добрые друзья; умоляю васъ меня извинить и не думать, что я васъ забыла, или даже, что мало о васъ думала. Нѣтъ, добрые братья, вы постоянно у меня въ памяти. Мое сердце летитъ къ вамъ сто разъ въ день. О, какъ бы я хотѣла васъ видѣть, крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, которое такъ полно вами! Каждый день я хочу вамъ писать, все вамъ разсказать, излить въ ваши души всѣ мои чувства, всѣ мои мысли (idées). И каждый разъ что-нибудь мнѣ мѣшаетъ. Всю эту недѣлю я была занята переписываніемъ статьи г. Бѣлинскаго, которая меня восхитила. Онъ прочелъ ее намъ нѣсколько дней тому назадъ. То, что я чувствовала, слушая ее, невыразимо. Я ее вамъ прочту, когда вы пріѣдете сюда, и вы раздѣлите наше восхищеніе, дорогіе друзья. Онъ говоритъ такъ хорошо объ истинной, святой религіи. Онъ представляетъ вамъ эту религію во всей ея возвышенной простотѣ: онъ вамъ представляетъ Бога любви, наполняющаго всю вселенную и выражающагося въ поэзіи, въ музыкѣ, въ каждой благородной душѣ, вообще во всякой красотѣ природы. Такъ превосходно опредѣленъ человѣкъ, человѣкъ, какимъ онъ долженъ быть во всемъ своемъ достоинствѣ... Ахъ, дорогіе друзья, поднимемся же до этого идеала человѣка великаго и добродѣтельнаго, пойдемъ по слѣдамъ Христа, этого человѣка-Бога, этого сына Предвѣчнаго Отца, который васъ назвалъ своими братьями—дѣтьми своего Отца. Мы можемъ этого достигнуть, потому что должны возвыситься до Него, потому что Онъ сказалъ: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ совершенъ—небесный! Пусть лѣность и слабость не остановятъ насъ на серединѣ пути—будемъ стремиться (volons) по стопамъ нашего божественнаго руководителя. Его страданія, Его святыя слова да будутъ свѣтящими звѣздами, которыя освѣтятъ нашъ путь; воспоминаніе о Его смерти, запечатлѣнное въ нашихъ сердцахъ, подниметъ насъ надъ нами самими; пламя Его любви

[1]) Письмо это писано по-французски, мы приводимъ его здѣсь въ переводѣ.

пріобщится къ нашимъ душамъ, и искра, теплящаяся въ глубинѣ ихъ, разрастется въ пламя и распространитъ живой свѣтъ на темный путь жизни. Мнѣ кажется, дорогіе друзья, что теперь я могла бы перенести большое горе безъ слишкомъ большого страданья: эта религія, которую я всегда чувствовала, хотя и скрытою, въ моей душѣ и которая, наконецъ, явилась мнѣ во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей чистотѣ, со всѣмъ своимъ жаромъ,—меня совершенно перееродила. Я живу новою жизнью; всѣ предметы, меня окружающіе, представляются мнѣ въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ; жаръ моей души оживляетъ и согрѣваетъ все. Куда дѣвалась эта сухость, этотъ холодъ смерти, которые проникли и леденили все внутри меня, и эти страшные призраки, которые мучили мое воображеніе? И эти грозныя картины міра и затѣмъ смерти, которыя рѣдко меня покидали... Міръ, населенный созданіями, которыя всѣ одарены искрой Божіей, но которыя позволяютъ ей гаснуть, которыя какъ бы произвольно ее тушатъ,—какую высокую, какую огромную задачу представляетъ этотъ міръ для всѣхъ тѣхъ, которые призваны просвѣщать, двигать впередъ человѣчество! Какъ прекрасно, какъ славно призваніе тѣхъ, кто проповѣдуетъ Бога любви и Его святую религію существамъ, заключающимъ въ себѣ частицу божественности, которая однако замираетъ въ нихъ, не будучи ими сознанной, не будучи ими почувствованной. Дорогіе друзья, вы всѣ будете когда-нибудь апостолами Іисуса Христа; вы будете распространять Его святое слово въ обществѣ, испорченномъ ложными принципами, ложными идеями, погруженномъ во мракъ, въ несчастія жизни. Вы извлечете его оттуда, и очистивъ его, вы поставите его на высоту, съ которой оно уже не можетъ упасть, съ которой оно будетъ съ ужасомъ смотрѣть на паденіе, изъ котораго вы его подняли, и на страшную бездну, въ которую оно могло быть вовлечено. Оно съ испугомъ отвратитъ (отъ этого зрѣлища) свои взоры и обратитъ ихъ къ небу и одна божественная цѣль привлечетъ его восхищенные взгляды и оно не будетъ въ силахъ оторвать ихъ отъ этой цѣли. И это общество, котораго вы будете членами, а можетъ быть даже и центромъ, будетъ возвышаться все выше и выше. Смерть сдѣлается для насъ лишь переходомъ къ новой жизни, болѣе прекрасной и болѣе святой. Она откроетъ передъ вами болѣе обширный горизонтъ, сфера вашихъ дѣй-

ствій расширится еще, душа не будетъ болѣе заключена въ эту смертную оболочку, она приметъ болѣе чистую форму, средства не будутъ уже столь ограниченными, потребность дѣйствованія будетъ развиваться свободно: не будетъ болѣе внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя могли бы васъ отвратить отъ вашей цѣли хотя бы на одну минуту... Но надо много работать, прежде чѣмъ достигнешь этого счастья, этой свободы, прежде чѣмъ дойдешь до этой степени совершенства, съ которой уже нельзя упасть. Будемте же работать, дорогіе друзья, не будемъ вовсе терять храбрости, не позволимъ вліять на насъ различнымъ обстоятельствамъ, которыя могутъ случиться. Я предвижу, что намъ придется много бороться. Мнѣнія нашихъ родителей очень часто расходятся съ нашими. Мы должны взаимно поддерживать другъ друга въ этомъ столкновеніи нашихъ взглядовъ, нашей религіи съ родительской властью. Мы должны быть тверды, никогда не теряя уваженія и нѣжности, которыя мы должны оказывать родителямъ, посвятившимъ намъ всю свою жизнь. Ихъ взглядъ на вещи часто бываетъ ложенъ, они считаютъ себя обязанными принуждать насъ къ выполненію обязанностей, которыя они признаютъ священными, хотя обязанности эти вовсе не таковы для насъ. Что же, какъ бы ни была ложна ихъ мысль, будемъ ее уважать, будемъ подчиняться ихъ приказаніямъ, если эти приказанія не противорѣчатъ идеямъ, которыя мы составили себѣ о нашихъ истинныхъ обязанностяхъ, если они не заключаютъ въ себѣ покушенія на интимное убѣжденіе нашего сердца. Будемъ искать способовъ угождать имъ, но безъ противорѣчія требованіямъ еще болѣе священнымъ,—тѣмъ, которыя повелительно предъявляетъ намъ внутренній голосъ, тѣмъ, которыя предписаны намъ божественною религіей. Ахъ, все покажется вамъ легкимъ и пріятнымъ, если вы проникнетесь наконецъ любовью къ Богу, если духъ Божій проникнетъ все ваше существо, ибо это онъ тогда будетъ говорить и дѣйствовать въ васъ. И средства тогда сами найдутся, и намъ останется только слѣдовать влеченію нашего сердца, освобожденнаго отъ всякаго эгоизма, руководимаго и одушевляемаго одной любовью,—той любовью, которую Іисусъ Христосъ скрѣпилъ своими страданіями»...

Далѣе слѣдуетъ приписка по-русски:

«Сейчасъ прочли мы повѣсть, которую уже читали въ *Телескопѣ*, и которая такъ восхитила насъ, что мы ее списали. Боже мой, какъ хорошо, какъ чудесно. Холодъ пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ всякій разъ, какъ читаешь ее, и каждый разъ она производитъ глубокое впечатлѣніе. Она вылилась прямо изъ души и оттого находитъ отзывъ въ сердцѣ, оттого такъ сильно потрясаетъ душу каждаго, кто способенъ чувствовать и понимать прекрасное. [1]) Мы когда-нибудь прочтемъ ее вмѣстѣ, милые друзья. О, намъ въ Твери теперь будетъ хорошо. Павелъ и Илья, надѣюсь, будутъ съ Мишей въ Москвѣ, а мы, мои милые, постараемся жить тихо, весело—и безъ нихъ. Не унывайте, милые друзья, и вы имъ послѣдуете. Они намъ часто писать будутъ, станемъ вмѣстѣ заниматься,—и, право, не такъ пусто и не такъ ужасно покажется вамъ въ Твери, какъ прошлую зиму... Не довольно ли того, что мы другъ друга понимаемъ, любимъ и поэтому не можемъ сомнѣваться въ общемъ нашемъ желаніи возвышаться и въ стремленіи къ небесной, святой цѣли. Да, друзья мои, наша дружба будетъ нашимъ утѣшеніемъ. Прощайте, крѣпко васъ обнимаю—надо итти въ гостиную, гдѣ не была цѣлое утро. Прощайте, Христосъ съ вами. Ваша Татьяна».

Письмо это показываетъ намъ то состояніе энтузіазма, въ которое пришли молодые члены премухинской семьи отъ статьи Бѣлинскаго, попавшей на почву, приготовленную Мишелемъ, и представлявшей собою въ значительной мѣрѣ также отраженіе идей, проповѣдовавшихся тѣмъ же Мишелемъ. И въ то же время оно показываетъ стремленіе Татьяны Александровны подчинить тому же настроенію, которое переживали въ тотъ моментъ сестры Бакунины и ихъ подруги Беeръ, и младшихъ братьевъ, учившихся тогда въ тверской гимназіи. Читатель помнитъ, быть можетъ, что Михаилъ Бакунинъ еще въ 1835 году, когда онъ носился съ мыслью создать свой замкнутый и обособленный отъ внѣшняго міра кружокъ, предполагалъ ввести въ этотъ священный кружокъ и младшихъ братьевъ. Онъ не упускалъ изъ виду эту цѣль и впослѣдствіи,

---

[1]) Я полагаю, что это была одна изъ повѣстей Гофмана, которыми тогда восхищались члены кружка Станкевича.

и въ теченіе 1836 года успѣлъ сдѣлать въ этомъ направленіи довольно много.

Такъ какъ младшіе братья Михаила Бакунина съ этого времени входятъ въ общую жизнь его кружка и такъ какъ вхожденіе ихъ ознаменовалось тотчасъ же нѣкоторыми послѣдствіями, то намъ необходимо, прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ о пребываніи Бѣлинскаго въ Премухинѣ, остановиться нѣсколько на личныхъ характерахъ и развитіи этихъ младшихъ членовъ бакунинской семьи.

ГЛАВА XVII.

Младшіе братья Михаила Бакунина.—Тверская гимназія въ тридцатыхъ годахъ.—Томленіе юныхъ Бакуниныхъ въ гимназіи.—Пропаганда Михаила Бакунина братьямъ своихъ религіозныхъ идей.—Чтеніе гимназистовъ Бакуниныхъ.—Письма Александра Бакунина.—Отвѣтъ Павла на письмо Татьяны Александровны по поводу статьи Бѣлинскаго.—Письмо Алексѣя Бакунина.—Планы переѣхать изъ Твери въ Москву подъ руководство Мишеля.—Крушеніе этихъ плановъ.—Письмо Татьяны Александровны по этому поводу.—Письмо Николая Бакунина.—Попытка побѣга гимназистовъ изъ Твери въ Премухино.—Впечатлѣніе этой исторіи на домашнихъ.—Героическое настроеніе юныхъ Бакуниныхъ.—Письма Александра и Павла.—Гнѣвъ Александра Михайловича.—Непріязненное отношеніе его къ Бѣлинскому.

Въ главѣ III мы упоминали, что второй сынъ А. М. Бакунина Николай былъ отправленъ, такъ же какъ и Михаилъ, по достиженіи имъ въ 1833 году 15-тилѣтняго возраста, въ Петербургъ для поступленія въ артиллерійское училище, а младшіе четыре сына—Илья, Павелъ, Александръ и Алексѣй—поступили въ 1835 году въ тверскую губернскую гимназію. Хотя Илья достигъ уже въ это время 16-тилѣтняго возраста, а младшему Алексѣю едва исполнилось 12 лѣтъ, тѣмъ не менѣе всѣ четыре опредѣлены были въ одинъ и тотъ же IV-й классъ.

Тверская гимназія, незадолго передъ тѣмъ преобразованная, какъ и всѣ наши гимназіи того времени, по уставу 28 декабря 1828 года, сильно подтягивалась при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровѣ, при дѣятельномъ участіи просвѣщеннаго попечителя московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строганова, тогда еще не только не бывшаго реакціонеромъ, но энергично стремившагося къ улучшенію постановки учебнаго дѣла во всѣхъ школахъ его округа. Директоромъ тверской гимназіи былъ извѣстный писатель И. И. Лажечниковъ, человѣкъ гуманный и очень отзывчивый, а почетнымъ попе-

чителемъ гимназіи по выбору тверского дворянства былъ назначенъ самъ А. М. Бакунинъ. Съ поступленіемъ сыновей въ гимназію онъ рѣшился, какъ мы уже видѣли, переѣхать на зиму изъ Премухина въ Тверь со всѣмъ семействомъ. Несмотря на все это, молодые Бакунины, привыкшіе къ вольному деревенскому житью, почувствовали себя въ казенной гимназіи непріятно и отнеслись къ ней сразу довольно враждебно. Въ то же время Михаилъ Александровичъ успѣлъ заинтересовать ихъ своимъ образомъ мыслей и своими планами, благодаря которымъ сухія школьныя занятія и казенный, хотя и не особенно суровый, формализмъ гимназіи показались имъ еще болѣе непріятными. Первый годъ однако же прошелъ для нихъ болѣе или менѣе благополучно, и только старшій изъ нихъ, Илья, показавшій болѣе другихъ неохоты къ гимназическому ученію, по окончаніи четвертаго класса взятъ былъ отцомъ изъ гимназіи и опредѣленъ юнкеромъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, стоявшихъ въ тверской губерніи.

Но когда на слѣдующій годъ семья Бакуниныхъ осталась на зиму въ Премухинѣ, а мальчики поселены были въ Твери на частной квартирѣ подъ надзоромъ бабушки ихъ Варвары Михайловны Полторацкой, то они почувствовали себя въ Твери особенно безпріютно и дико, а гимназическіе порядки стали казаться имъ окончательно нестерпимыми. Мишель успѣлъ уже имъ преподать въ это время основы своихъ новыхъ религіозныхъ взглядовъ, причемъ они, разумѣется, съ особенною охотою восприняли его отрицательное отношеніе къ догматизму и формализму и съ гордостью читали доставлявшіяся имъ старшимъ братомъ книги, въ числѣ которыхъ, на-ряду съ Шиллеромъ, которымъ они зачитывались, были и Гердеръ [1]) и даже проповѣди Иннокентія (по-нѣмецки). Старшій изъ нихъ, Павелъ, которому шелъ уже 16-й годъ, былъ въ отношеніи ученія наиболѣе изъ нихъ исправный и въ то же время отличался уже тогда значительной вдумчивостью и наклонностью къ отвлеченному мышленію. Второй, Александръ, былъ пылкій 14-тилѣтній мальчикъ, очень неуравновѣшенный и склонный къ тому «абстрактному героизму» [2]), который такъ легко при-

---

1) „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“.

2) Выраженіе Бѣлинскаго.

вивался подъ вліяніемъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» къ юношамъ той эпохи. Младшій, Алексѣй, которому было всего 13 лѣтъ, былъ не по лѣтамъ развитой мальчикъ, и въ немъ уже видна была богато одаренная и тонкая, изящная артистическая натура, особенно ярко проявлявшаяся въ музыкальной сферѣ. Въ письмахъ ихъ, сохранившихся отъ того времени, основныя черты ихъ характера сказываются довольно ясно.

Вотъ одно изъ первыхъ писемъ Александра Бакунина, писанное, повидимому, въ августѣ 1836 года. Оно бросаетъ яркій свѣтъ и на тѣ отношенія, которыя успѣлъ въ это время завязать съ ними Михаилъ Александровичъ:

«Милыя сестры, вотъ уже мы въ Твери! Грустно намъ было разставаться съ Премухинымъ; но это не могло быть иначе, ибо сего требовало наше образованіе. Скучно намъ было сначала; занятія не шли намъ въ голову, мы только и думали о васъ, о Премухинѣ, о будушемъ. Думая о немъ, мы отдыхали отъ настоящаго и прошедшаго (т.-е. отъ впечатлѣній прошедшаго года. *А. К.*). Но, наконецъ, бездѣятельность намъ наскучила, мы схватились за занятія и въ нихъ мы нашли утѣшеніе. По вечерамъ мы приходили къ Мишѣ (который провелъ недѣли двѣ въ Твери до пріѣзда Бѣлинскаго. *А. К.*) и съ нимъ мы забывали, что мы въ Твери. Далеко мы улетали за нее, мы были съ вами въ Премухинѣ. Онъ намъ читалъ, мы разсуждали вмѣстѣ съ нимъ, и чего мы не могли понятьо—нъ намъ толковалъ, говорилъ о истинной религіи и о великомъ назначеніи человѣка и что въ одной религіи можно найти истинное счастіе.

«Чѣмъ болѣе мы узнаемъ Мишу, тѣмъ болѣе чувствуемъ нашу въ немъ необходимость; высоко онъ насъ поднялъ надъ нашимъ прежнимъ положеніемъ, и мы въ первый разъ насладились тѣмъ счастіемъ, котораго прежде мы не знали. Откровенность насъ еще болѣе соединяетъ, такъ что мы составляемъ одно тѣло, коему каждый членъ служитъ подпорою. Теперь мы истинно поняли великое назначеніе человѣка. Васъ только недостаетъ для совершеннаго нашего счастья. Но долго еще до этого. Итакъ, милыя сестры, пишите къ намъ чаще, и ваши письма замѣнятъ, хотя и не совсѣмъ, ваше отсутствіе. Прощайте, милыя сестры, остаюсь любящій вашъ братъ Александръ.

«Миша недавно получилъ проповѣдь Иннокентія, переведенную на нѣмецкій языкъ, о истинной свободѣ и гдѣ онъ основывается на словахъ апостола: гдѣ Духъ Божій, ту свобода. Вы увидите, какое это высокое твореніе».

По отъѣздѣ Мишеля тотъ же Александръ писалъ уже въ другомъ, болѣе минорномъ тонѣ (начало письма по-французски):

«Дорогія сестры, вы не можете себѣ представить, съ какою радостью получили мы ваши письма, вѣдь, это единственный ресурсъ для насъ, пока мы въ Твери. Ахъ, Сашенька, какая радость была бы для насъ вернуться въ Премухино и остаться тамъ всю зиму. Миша, пришли намъ, пожалуйста, если можешь, какихъ-нибудь книгъ, чтобы намъ читать ихъ вмѣстѣ. Ты можешь себѣ представить, какъ намъ здѣсь скучно. Въ письмахъ мы могли бы дѣлать о томъ, что прочли, свои замѣчанія, и если они фальшивы, ты бы могъ ихъ поправлять. Итакъ, мы бы могли замѣнить твое отсутствіе хотя нѣкоторымъ образомъ и намъ не такъ было бы скучно»...

Михаилъ Александровичъ послалъ имъ Гердера.

30 сентября они получили то, приведенное выше, письмо Татьяны Александровны, гдѣ она писала о впечатлѣніи, произведенномъ на нее статьей Бѣлинскаго. Вотъ какъ отвѣчалъ на это письмо старшій изъ гимназистовъ Бакуниныхъ Павелъ:

«Милая Таничка, только что получили мы твое письмо. Мы всѣ тебѣ очень благодарны за твою съ нами откровенность. Ты намъ пишешь о маленькихъ непріятностяхъ, ожидающихъ насъ; но что значатъ они передъ тою высокою, благородною цѣлью, къ которой мы стремимся. Неужели ты думаешь, что мы такъ малодушны, что мы не можемъ спокойно выслушать и исполнить приказаніе не ходить безъ спросу въ садъ или куда-нибудь и проч. Нѣтъ, Таничка, я чувствую, что мы можемъ снести всѣ маленькія непріятности. Онѣ не унизятъ насъ; мы будемъ вмѣстѣ, мы будемъ другъ другу помогать не впадать въ эти непріятности. Вы, милыя сестры, вы также станете предохранять насъ отъ впаденія въ нихъ, и тогда что можетъ встать между нами и той цѣлью, которая должна сдѣлать насъ всѣхъ счастливыми? Эти непріятности, милая Таничка, не только не въ состояніи совратить насъ съ пути, назначеннаго человѣку, но еще поддержатъ насъ, будутъ требовать отъ насъ болѣе дѣятельности. Но эта дѣятельность самая не дѣлаетъ ли

она насъ счастливыми? И могъ ли я думать, Таничка, когда-нибудь, что мы можемъ достичь ту цѣль, сложивъ руки. Я чувствовалъ, что намъ должно дѣйствовать болѣе, чѣмъ когда-нибудь, но чувствовалъ также, что безъ этой дѣятельности мы не могли бы быть счастливыми. Я думаю, Таничка, что для того именно цѣль наша безконечна, чтобъ мы безпрестанно дѣйствовали, чтобы мы всегда могли быть счастливыми. Я, право, говорю тебѣ, Таничка, что когда я прочелъ апокалипсисъ и нашелъ тамъ, что мы будемъ стоять передъ лицомъ Бога въ бѣлыхъ ризахъ и пѣть безпрестанно: святъ, святъ, святъ и проч., то *я предпочелъ бы тогда остаться здѣсь на землѣ, чѣмъ быть тамъ на небѣ въ бѣлой ризѣ и пѣть съ арфою въ рукахъ. Я думалъ, что мнѣ непремѣнно тамъ когда-нибудь наскучитъ, потому что я и тогда чувствовалъ, что нельзя остаться ни на сколько безъ труда, безъ обязанностей.* [1]) Но теперь, когда я знаю свою обязанность, когда я знаю для чего я на землѣ, то неужели ты думаешь, что эти мелкія непріятности, связывающія насъ съ міромъ симъ, въ состояніи поколебать насъ? Да и кромѣ того, мы уже привыкли переносить ихъ;—дѣтское съ нами обращеніе, недовѣрчивость и проч., правда, иногда насъ очень обижали, но мы всегда скрывали это чувство, недостойное насъ, потому что мы должны быть выше его... Илинька одинъ—онъ всѣхъ насъ горячѣе—ему всѣхъ труднѣе перенести эти непріятности, но я знаю, я твердо увѣренъ, онъ перенесетъ ихъ, онъ уже выше ихъ. А мы будемъ вмѣстѣ съ нимъ, мы будемъ работать, помогать другъ другу и тогда пускай все на насъ двигается—мы устоимъ!...»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого они были обрадованы свиданіемъ съ сестрами, Любинькой и Таничкой, которыя проѣздомъ въ Москву провели съ ними нѣсколько часовъ въ Твери. Однако свиданіе съ сестрами еще болѣе давало имъ поводъ мечтать о поѣздкѣ въ Премухино, куда имъ было обѣщано взять ихъ на нѣсколько дней (въ октябрѣ) на освященіе новой церкви. Пребываніе въ Премухинѣ Бѣлинскаго, а отчасти и самые взгляды, которыми увлеклись тогда Бѣлинскій и Михаилъ Бакунинъ, были, повидимому, довольно извѣстны въ кругу гимназическаго начальства и учительскаго персонала,

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.*

благодаря личному знакомству Лажечникова и съ Бакуниными, и съ Бѣлинскимъ. Взгляды эти становились иногда даже предметами разговоровъ и пересудовъ въ гимназіи, причемъ учитель русскаго языка и логики дѣлалъ попытки сдержать черезчуръ сильное, съ точки зрѣнія гимназическаго начальства, увлеченіе юныхъ Бакуниныхъ германской идеалистической философіей. Все это ярко отразилось въ слѣдующемъ письмѣ младшаго изъ братьевъ Бакуниныхъ, Алексѣя, отъ 5 октября 1836 г. Вотъ что писалъ Алеша:

«Милыя сестры, какъ мы обрадовались, увидавъ Таничку и Любиньку! Минуты, проведенныя съ ними, никогда не выйдутъ изъ памяти моей! Онѣ вчера отправились въ Москву; скоро онѣ опять пріѣдутъ и тогда мы вмѣстѣ отправимся въ Премухино (на нѣсколько дней, на освященіе церкви. *А. К.*). О, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю этого дня. Я никогда не ѣхалъ съ такою радостью въ Премухино, какъ теперь. Мы будемъ съ сестрами. Таничка намъ разсказала о всемъ, что ожидаетъ насъ на пути, по которому мы идемъ: но это не только не ослабитъ нашего рвенія, но еще усилитъ оное. Тогда намъ не будетъ ни одной свободной минуты. Мы будемъ всѣ вмѣстѣ стараться о преодолѣніи всѣхъ препятствій, могущихъ встрѣтиться намъ. Я увѣренъ, что мы останемся побѣдителями, и тогда откроется намъ обширное поприще дѣятельности; тогда никакое препятствіе не остановитъ насъ и мы радостно потечемъ къ цѣли нашей!...

«...Когда-то—пишетъ онъ дальше—мы выступимъ изъ этой гимназіи, въ которую только можно ходить, чтобъ позѣвать, когда-то мы освободимся отъ нея! Все время, которое мы тутъ провели, было намъ такъ скучно, что нельзя сказать—*дѣлать нечего: только одинъ Гердеръ.* [1]) Самому себя совѣстно. Часто приходило мнѣ на мысль, что многіе проводятъ всегда такъ время, какъ мы теперь. Я не понимаю, какъ они не умрутъ со скуки. Право, если бы мнѣ непремѣнно должно бы жить, ничего не дѣлая, я бы зарѣзался. Не знаю, какъ я прожилъ тутъ цѣлый мѣсяцъ! Одна только мысль скоро съ вами увидѣться разсѣивала всѣ наши скуки. Дружба ваша намъ необходима. Ахъ, да, позабылъ я сказать: объ васъ носится слухъ,

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.*

что будто бы г. Бѣлинскій такъ вамъ нахвалилъ «Ревизора», что вы отъ него съ ума сходите. Вотъ какъ было дѣло: разъ, когда мы были въ гимназіи и у насъ преподавалъ лекцію Кирилла Васильевичъ (учитель русскаго языка. *А. К.*), приходитъ вдругъ директоръ (И. И. Лажечниковъ. *А. К.*), разспрашиваетъ Кир. Вас—ча о какихъ-то книгахъ и вдругъ обращается къ намъ: «Я слышалъ, что къ вамъ въ Премухино пріѣхалъ г. Бѣлинскій». Мы отвѣчали, что да. Онъ вдругъ говоритъ Кир. Вас—чу: «вообразите себѣ, что Бѣлинскій такъ нахвалилъ барышнямъ «Ревизора», что онѣ не иначе говорятъ, какъ выраженіями его!» Я чуть-чуть не захохоталъ во все горло. Да вотъ еще: скажите, чтобъ Миша не слишкомъ вѣрилъ Канту и др. нѣмецкимъ философамъ—вотъ почему. Надо вамъ сказать, что Кир. Вас. весьма важничаетъ у насъ въ классѣ, особливо же во время логики и весьма часто намекаетъ на Мишу. Разъ онъ читалъ намъ Бахмана [1]), вдругъ сталъ критиковать ихъ (очевидно, нѣмецкихъ философовъ. *А. К.*)—не знаю, по книгѣ читалъ онъ или самъ выдумывалъ, а вотъ вамъ собственныя слова его: «Кантъ ошибается въ томъ, Фихте—въ томъ, Шеллингъ—въ этомъ, Гегель—въ другомъ», и, такимъ образомъ, каждому нѣмецкому философу онъ далъ по ошибкѣ—«вообще же нужно вамъ замѣтить, что новѣйшіе философы, какъ ни писали, ничего новаго не прибавили къ тому, что сказали древніе философы, и что они, дабы никто этого не замѣтилъ, напыщенными словами стараются затмить смыслъ, и нѣкоторые люди, прибавилъ онъ, съ усмѣшкою поглядывая на насъ, ничего не понимая, восхищаются напыщенными этими словами и превозносятъ ихъ похвалами»... Я тогда на него такъ разсердился, что самъ не знаю... Какъ человѣкъ ничего не понимающій, можетъ судить о другихъ! Прощайте милыя сестры, отвѣчайте намъ поскорѣе. Братъ вашъ и другъ Алексѣй Бакунинъ».

Вскорѣ послѣ этого мальчики дѣйствительно побывали въ Премухинѣ и провели тамъ нѣсколько дней въ обществѣ сестеръ, старшаго брата и Бѣлинскаго, къ которому они относились съ великимъ интересомъ и уваженіемъ, такимъ же, какъ и къ

---

[1]) Вѣроятно, „Логику" Бахмана въ русскомъ переводѣ, незадолго передъ тѣмъ изданномъ.

старшему своему брату Михаилу Александровичу. Изъ переписки не видно, происходило ли при нихъ какое-либо чтеніе произведеній Бѣлинскаго; но отъ Александра Михайловича не укрылось вліяніе, которое производили на его дочерей и сыновей Бѣлинскій и Мишель съ ихъ философіей, и старикъ смотрѣлъ на это съ возрастающимъ безпокойствомъ. Между тѣмъ въ разговорахъ младшихъ братьевъ съ Мишелемъ и съ сестрами, повидимому, рѣшено было сдѣлать попытку перевести ихъ изъ тверской гимназіи, которую они такъ возненавидѣли, въ Москву—подъ опеку къ Мишелю, который долженъ былъ пристальнѣе заняться ихъ развитіемъ. Планъ этотъ до времени рѣшено было хранить въ тайнѣ и потому во время пребыванія гимназистовъ въ Премухинѣ никакихъ разговоровъ объ этомъ со старшими не было; но вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда была сдѣлана попытка получить на это согласіе отца,—попытка, какъ и слѣдовало ожидать, не увѣнчавшаяся успѣхомъ. При первомъ же разговорѣ объ этомъ Александръ Михайловичъ отказалъ наотрѣзъ въ своемъ согласіи.

Вотъ какъ извѣщала объ этомъ братьевъ Татьяна Александровна въ письмѣ отъ 30 октября 1836 г. (писано по-французски):

«Мои добрые, мои дорогіе друзья, мы только что имѣли съ родителями разговоръ, который очень меня опечалилъ, потому что разговоръ этотъ отнялъ у меня всякую надежду видѣть васъ подъ руководствомъ Мишеля. Друзья, примите съ мужествомъ эту непріятную новость. Папенька сказалъ намъ прямо, что онъ скорѣе умретъ, нежели отпуститъ васъ въ Москву съ Мишелемъ, котораго взгляды и совѣты уже и такъ имѣли на васъ самое пагубное вліяніе, что ни за что на свѣтѣ онъ не подвергнетъ васъ тѣмъ опасностямъ, которыя грозили бы вамъ въ обществѣ друзей Мишеля. Онъ прибавилъ, что взгляды ихъ на многое приводятъ его въ ужасъ, что онъ надѣется, что Мишель, съ его добрымъ сердцемъ, избавится со временемъ отъ своихъ заблужденій, но что въ ожиданіи этого времени онъ не согласится довѣрить ему другихъ своихъ дѣтей. Онъ видитъ, какъ онъ говоритъ, съ жестокой тоской, что вамъ и такъ уже внушили много ложныхъ взглядовъ, презрительное отношеніе къ заведенію, въ которомъ вамъ приходится учиться, и отвращеніе къ методамъ, по которымъ васъ обучаютъ. Онъ замѣчаетъ, по его словамъ, что вы утратили ревность, которую вы

ранѣе выказывали къ ученію и пріобрѣтенію знаній, что вы только и думаете объ университетѣ, въ который онъ низачто не согласится васъ помѣстить [1]). Онъ замѣтилъ это изъ разговоровъ съ тобою, Павелъ. Это неблагоразумно съ твоей стороны, добрый другъ мой,—не надо было тебѣ ничего такого говорить, что навело его на эти мысли; не слѣдовало давать ему повода безпокоиться относительно будущихъ вашихъ плановъ. Мишель сумѣлъ бы выбрать благопріятный моментъ, чтобы сообщить ихъ ему. Впрочемъ, успокойся, это не ты ихъ разрушилъ. Увы, я была слишкомъ увѣрена, что онъ не отпуститъ васъ къ Мишелю. Хорошее мнѣніе о немъ, уваженіе, въ которомъ онъ не можетъ ему отказать, все же недостаточны для того, чтобы онъ ввѣрилъ ему заботу о вашемъ воспитаніи. У него мало къ нему довѣрія, и его взглядъ на вещи представляется ему экстравагантнымъ. Особенно же онъ сердитъ на Б. (ѣлинскаго), который никогда не умѣетъ себя сдержать. Два или три раза онъ забывался и говорилъ вещи черезчуръ сильныя, которыя дали папенькѣ совершенно ложный взглядъ на его характеръ. Я увѣрена, что папенька понялъ бы его, если бъ онъ объяснился, если бы онъ высказывалъ свои чувства и свои взгляды съ большимъ спокойствіемъ и болѣе ясно, чего онъ не могъ достичь въ минуту страстнаго возбужденія. Теперь поздно: разъ предубѣжденный противъ кого-нибудь, папенька не поступается уже съ своимъ мнѣніемъ, какъ бы несправедливо оно ни было, а если поступается, то съ большимъ трудомъ. Мы не смѣемъ почти ничего сказать въ пользу Б. (ѣлинскаго). Это было бы для отца еще лишнимъ поводомъ укрѣпиться въ своемъ взглядѣ на него. Все, что мы можемъ сдѣлать, это—не соглашаться съ нимъ, когда онъ самъ объ этомъ заговариваетъ. Но и это мнѣ дорого обходится, потому что я знаю, что мы наносимъ ему жестокую обиду, выражая по этому предмету мнѣніе, противное его мнѣнію, но не могу же я дѣйствовать и говорить противъ совѣсти; вѣдь это было бы непростительной слабостью—подавлять голосъ справедливости и насиловать совѣсть, чтобы устранить непріятность для папеньки. Я молчу, когда можно, но я никогда не скажу

---

[1]) Тутъ рѣчь идетъ о помѣщеніи въ университетъ до окончанія гимназіи, что тогда было возможно, такъ какъ въ университетъ вступали не на основаніи гимназическихъ аттестатовъ, а по особому экзамену.

того, что я не думаю. Папенька безусловно не желаетъ, чтобы вы были въ обществѣ этого молодого человѣка, потому что онъ опасается, чтобы онъ не взвинтилъ ваше воображенiе. Онъ думаетъ, что и намъ онъ совершенно вскружилъ головы, что онъ отдалилъ насъ отъ него и отъ маменьки. Мы пробовали его въ этомъ разувѣрить, но этого не легко достигнуть. Ну, довольно объ этомъ. Я все это вамъ написала, чтобы вы лучше знали расположенiе отца. Теперь обращаюсь къ вамъ, дорогiе друзья, съ горячей просьбой, которую вы непремѣнно должны исполнить, если только вы таковы, какими я васъ считаю. Братья мои, горячо любимые! ради Бога не позволяйте себѣ убиваться изъ-за этого непредвидѣннаго удара, изъ-за потери дорогихъ вашихъ надеждъ, будьте мужчинами, будьте христiанами, не падайте съ той высоты, на которую Мишель васъ уже поставилъ, и несмотря на всѣ препятствiя, несмотря на всѣ трудности, которыя будутъ вамъ загораживать дорогу, которыя будутъ мѣшать вашему движенiю впередъ, идите безостановочно, не отрывая вашихъ взоровъ отъ высокой цѣли, которую назначилъ вамъ Богъ. Друзья мои, что же такое, что вы останетесь въ Твери, не съ вами и не въ васъ ли Богъ все равно? Неужели есть человѣческая сила, которая можетъ вытѣснить этого всемогущаго Бога, котораго я такъ живо чувствую въ своемъ сердцѣ, не сильнѣе ли онъ всѣхъ соединенныхъ силъ земныхъ? Друзья мои, дорогiе друзья мои, во имя любви къ этому Богу, укрѣпите ваше мужество, не гнитесь передъ желѣзной рукой, которая занесена надъ вами! Вы такъ еще молоды и вы должны уже бороться и вотъ тысячи препятствiй, которыя вамъ предстоитъ побѣждать, и которыя, я увѣрена, вы побѣдите. Ваша твердость и ваша сила должны расти вмѣстѣ съ препятствiями! Ваши послѣднiя письма къ Мишелю раздирали мнѣ сердце. Неужели же вы поддадитесь этому несчастному настроенiю ума, дорогiе друзья? Оно недостойно васъ. О, не допускайте этой усталости, этой лѣни взять верхъ надъ вами—онѣ васъ погубятъ. Подчинитесь необходимости, посвящайте нѣсколько часовъ въ день непрiятнымъ обязанностямъ и старайтесь, поскольку это возможно, воспользоваться остальной частью дня, которая вамъ принадлежитъ. Неужели же вы будете ее проводить въ отчаянiи изъ-за того, что вы не можете съ пользою провести весь день? Дорогiе друзья, это худо, это

недостойно. Неужели вамъ нечего дѣлать въ тѣ драгоцѣнные часы, которые вы теряете на ламентаціи по поводу зла, которое отъ того не измѣнится? Оттолкните всѣ эти мысли, васъ мучающія, и занимайтесь съ горячностью, съ любовью,— тогда вы забудете весь свѣтъ и всѣ непріятности, которыя ожидаютъ васъ завтра. Нѣтъ, Павелъ, жизнь, которую вы теперь ведете, не должна убивать, какъ ты говоришь въ твоемъ письмѣ къ Мишелю, твою моральную жизнь, твои способности и эти порывы къ великому и прекрасному, которые такъ сильны въ тебѣ и которые должны сдѣлаться еще сильнѣе, которые должны поднять тебя надъ тобою самимъ и надъ всѣми внѣшними обстоятельствами. Вставайте рано, дорогіе друзья, читайте по вечерамъ передъ тѣмъ, какъ итти спать, посмотрите, сколько окажется времени въ вашемъ распоряженіи, ну, а время, которое вы проводите въ гимназіи, пусть будетъ для васъ временемъ отдыха, когда вашъ умъ будетъ отдыхать отъ дневныхъ трудовъ. Думайте о томъ, что вы сдѣлаете еще—вѣдь это удовольствіе предаться своимъ мечтамъ, дать свободу своему воображенію. О, я сумѣла бы всѣмъ воспользоваться на вашемъ мѣстѣ. Слушайте учителей, когда они говорятъ, вы всегда можете извлечь что-нибудь изъ ихъ уроковъ, но вамъ нѣтъ нужды слушать отвѣты учениковъ, вѣдь, васъ не заставятъ же ихъ повторять, слѣдовательно, во время ихъ отвѣтовъ вы можете думать, размышлять о вещахъ гораздо болѣе полезныхъ, гораздо болѣе пріятныхъ. Или, если вы обязаны прислушиваться ко всякому отвѣту вашихъ товарищей, то въ такомъ случаѣ, дорогіе друзья, повторяю вамъ, покоритесь необходимости, съ тѣмъ благороднымъ мужествомъ, которое свойственно истинно великому человѣку, а не съ отчаяніемъ, не съ униженіемъ мелкихъ и слабыхъ душъ. А затѣмъ, дорогіе друзья, когда мы будемъ съ вами, не найдете ли вы утѣшенія въ нашей дружбѣ? Дорогіе братья, вы знаете, что мы также часто нуждаемся въ утѣшеніи и въ твердости, что мы не можемъ дѣйствовать всегда, какъ хотѣли бы, итакъ, мы будемъ поддерживать и утѣшать другъ друга взаимно. Не будетъ ли это для васъ удовольствіемъ— смягчать наши горести. Мы будемъ читать вмѣстѣ, вести разговоры... А черезъ нѣсколько времени вы перейдете изъ гимназіи въ университетъ, отъ васъ же, пожалуй, зависитъ ускорить наступленіе этого столь желаннаго момента. Старайтесь

получше изучать латинскій и греческій языки, говорятъ, это необходимо для университета. Третьяго дня Мишель получилъ письмо отъ Николая по секрету отъ родителей, оно всѣхъ насъ исполнило радости. Душа его очень горяча. Онъ поглощенъ стремленіями, въ которыхъ онъ еще самъ себѣ не можетъ дать отчета; онъ живо чувствуетъ потребность интеллектуальной жизни, которой еще у него нѣтъ до сихъ поръ; онъ хочетъ дѣйствовать въ болѣе обширной сферѣ, нежели та, которая была его удѣломъ до настоящаго времени: Богъ говоритъ его сердцу, онъ ищетъ истины и не находитъ ея; онъ проситъ Мишеля руководить имъ, научить его, что дѣлать, уяснить ему великую цѣль жизни, о которой у него есть лишь неопредѣленное предчувствіе; проситъ, наконецъ, показать ему истину, помочь развить его нравственныя способности, которыя были у него подавлены до сихъ поръ. Слава Богу, потребность познанія истины, возвышенія себя до нея, потребность познанія всей ея красоты, всего ея величія, потребность выйти, наконецъ, изъ горестнаго состоянія, въ которое поставили его обстоятельства,—въ немъ не убита, и теперь, разъ это чувство пробудилось въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, оно подвинетъ его быстрыми шагами къ божественной цѣли, которая обща намъ всѣмъ, познаніе которой дѣлаетъ меня столь счастливой. Нѣтъ, нельзя быть счастливымъ, когда не стремишься къ этой цѣли, когда ищешь счастья на землѣ, а не въ Богѣ, не въ вѣчности [1]). Прощайте, дорогіе друзья, представьте себѣ, что уже половина четвертаго, я, такимъ образомъ, провела всю ночь за письмомъ къ вамъ, хотя мнѣ и не хочется спать»...

Письмо заканчивалось трогательными заклинаніями: ради дружбы сестеръ перенести съ честью ударъ, который приходилось имъ нанести братьямъ разрушеніемъ ихъ любимыхъ надеждъ и мечтаній.

Письмо это я привелъ почти цѣликомъ, потому что оно ярко характеризуетъ ту трогательную и гармоническую дружбу, которая установилась между всѣми молодыми членами бакунинской семьи въ это время на почвѣ этическихъ и религіозныхъ

---

[1]) Это письмо Николая Александровича Бакунина сохранилось въ архивѣ, но мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ Татьяна Александровна довольно точно передала его содержаніе.

началъ, внесенныхъ Мишелемъ. Ниже я остановлюсь подробнѣе на выясненіи того враждебнаго отношенія къ Бѣлинскому, которое образовалось у А. М. Бакунина и о которомъ Татьяна Александровна упоминаетъ въ этомъ письмѣ.

Но прежде необходимо докончить разсказъ о томъ, какъ разрѣшилось напряженное настроеніе, до котораго дошли младшіе братья Бакунины въ своемъ нетерпѣливомъ стремленіи вырваться изъ тверской гимназіи. Въ своемъ нетерпѣніи они придумали выходъ, который могъ привести ихъ въ очень затруднительное положеніе. Имъ представилось, что, если они самовольно уѣдутъ изъ Твери, то этотъ поступокъ сдѣлаетъ самъ по себѣ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе ихъ въ тверской гимназіи, и что тогда отцу ихъ волей-неволей придется перевести ихъ въ Москву, о чемъ они мечтали. И вотъ въ одинъ прекрасный день они наняли возницу, который взялся было доставить ихъ въ Премухино. Но въ послѣдній моментъ, когда все уже было готово къ выѣзду, возница усомнился, можно ли положиться на такихъ юныхъ нанимателей, и отказался везти ихъ. Въ то же время вѣсть о предпринятомъ ими побѣгѣ дошла до бабушки, В. М. Полторацкой, которой ввѣренъ былъ верховный надзоръ за ними. Она вытребовала къ себѣ юныхъ бѣглецовъ и накинулась на нихъ довольно рѣзко и грозно. Но мальчики ей нагрубили и ушли отъ нея съ полнымъ разрывомъ отношеній. Тотчасъ же полетѣли въ Премухино письма и отъ нихъ и отъ бабушки съ описаніемъ этого чрезвычайнаго происшествія, всѣхъ переполошившаго и вызвавшаго сильный припадокъ гнѣва со стороны Александра Михайловича.

Не успѣла Татьяна Александровна отправить приведенное выше большое письмо къ братьямъ, какъ въ Премухинѣ эти письма были получены.

Въ письмахъ всѣхъ трехъ виновниковъ этого переполоха къ сестрамъ (отъ 30 октября) сказывалось одинаковое настроеніе, всѣ они чувствовали себя, несмотря на неудачу предпринятаго побѣга, героями, впервые выступившими на борьбу, и всѣ еще въ тотъ моментъ надѣялись, въ концѣ-концовъ, на побѣду. Ярче всѣхъ это настроеніе выразилось въ письмѣ Александра, а потому мы и приводимъ его здѣсь.

«Милыя сестры, хочу вамъ разсказать о вчерашнемъ про-

шествіи. Вы уже знаете (изъ писемъ другихъ двухъ братьевъ. *А. К.*), что причиною вчерашняго случая были безпрестанныя гимназическія подлости, коими мы окружены и на кои невольно должны смотрѣть. Это не давало намъ долго покою и, наконецъ, мы рѣшились нанять извозчика и ѣхать къ вамъ. Отъѣздъ отложили мы до воскресенья и хотѣли подождать до тѣхъ поръ, и если бы не получили ничего рѣшительнаго на счетъ нашего отъѣзда въ Москву, тогда бы уѣхали въ Премухино. Мало-по-малу назначили мы отъѣздъ нашъ въ субботу, въ пятницу и, наконецъ, рѣшились ѣхать вчера ночью. Извозчикъ уже былъ готовъ, чемоданъ уложенъ и уже мы были въ телѣгѣ, какъ вдругъ выбѣгаетъ Александра Михайловна, дворникъ, начинается суматоха. Испугавшійся ямщикъ проситъ лишняго, мы ему отказываемъ, и онъ уѣзжаетъ. Не стану вамъ описывать, въ какое отчаяніе пришли мы, когда нужно было отказаться отъ нашей поѣздки, къ которой мы такъ радостно приготовились. Душа хотѣла вырваться, когда мы составляли планъ нашего отъѣзда! И вдругъ все рушилось, о это ужасно! Но послушайте, что съ нами сегодня случилось. Александра Михайловна разсказала обо всемъ бабушкѣ, и вотъ мы сегодня, прочитавши папенькино письмо (оно не сохранилось. *А. К.*), хотѣли отвѣчать ему, какъ вдругъ приходитъ посланный отъ бабушки съ запискою: приказываю Павлу, Александру и Алексѣю тотчасъ явиться ко мнѣ. Это насъ взорвало. Какъ, она приказываетъ къ ней явиться, чтобы насъ, какъ дѣтей побранить, она думаетъ, что мы, какъ прежде, будемъ стоять, потупя глаза въ землю, да слушать ея рацеи! Нѣтъ! Этому не бывать! Послушайте далѣе: мы одѣлись, идемъ къ ней, входимъ, весьма учтиво кланяемся и ожидаемъ, что будетъ далѣе и для чего она позвала насъ. Заперши всѣ двери, бабушка вмѣстѣ съ тетенькой Надеждой Павловной начинаетъ бранить Мишу, насъ: что это вы надѣлали, да какъ вы смѣли уѣхать безъ спросу? Щенки этакіе, а ужъ тоже берутъ свою волю! Да знаете ли, что я напишу полицеймейстеру, чтобы васъ не выпускали за заставу! Тутъ она замолчала, не находя словъ для выраженія своего праведнаго гнѣва.—Если вы насъ позвали, бабушка, только для того, чтобы бранить, то мы сейчасъ уйдемъ отсюда! И съ сими словами хотѣли мы уйти. Какъ,—вскричала она,—вы уйдете? Да пущу ли я васъ! Чего вы это взду-

мали грубить мнѣ!.. Но уже было поздно; мы уже были на лѣстницѣ и выходили на улицу. Какъ вдругъ она закричала: послушайте-ка письмо, которое я къ Михайлѣ Александровичу пишу. Мы воротились. Она принесла письмо, надѣла очки и стала читать: Милостивый государь Михаилъ Александровичъ, прекрасный вы подаете примѣръ господамъ вашимъ братьямъ, послушайте, что они изволили сдѣлать. Тутъ она описала вчерашнее происшествіе съ прикрасами, съ добавленіями, однимъ словомъ исковеркала его; потомъ начала свои увѣщанія, говорила, что она поставлена надъ нами матерью, что мы должны ей повиноваться; но мы заставили ее отказаться отъ этого притязанія и, наконецъ, ушли съ запрещеніемъ когда-либо входить въ домъ ея. Итакъ, первая легчайшая препона разорвана, но сколько трудовъ предстоитъ впереди! Такъ теперь началось поприще дѣятельности нашей и бореній, изъ коего мы должны выйти побѣдителями. О, какъ подняли насъ вчерашнее и сегодняшнее происшествія; мы соединились неразрывными узами и вмѣстѣ пойдемъ мы противъ всѣхъ препятствій, вмѣстѣ сразимся съ ними, и вмѣстѣ выйдемъ побѣдителями. О, какъ сладостна эта мысль, какая экзальтація овладѣваетъ душою, когда думаемъ объ этомъ! Прощайте, милыя сестры. Братъ вашъ и другъ Александръ Бакунинъ».

Получивъ эти письма, Татьяна Александровна писала (1 ноября) въ припискѣ къ своему длинному письму:

«Милые братья, какъ безразсудно вы поступили? Чего ожидали вы отъ вашего предпріятія? Неужели вы думали освободиться этимъ отъ гимназіи? Поступокъ вашъ навлекъ на Мишу множество непріятностей и лишитъ его совершенно и безъ того уже слабой довѣренности родителей. Онъ подастъ поводъ къ новымъ нападкамъ на мысли, на религію Миши. Милые друзья, вы поступили, какъ дѣти, необдуманно. Папенька и маменька во всемъ будутъ винить Мишу. Онъ вскружилъ вамъ головы, воспламенилъ ваше воображеніе и отвлекъ васъ отъ настоящихъ обязанностей вашихъ—скажутъ они. И на себя навлекли вы грозу. Папенька, увидя ваше неблагоразуміе, будетъ обращаться съ вами, какъ съ дѣтьми. Не будетъ уже болѣе довѣрять вамъ и менѣе, нежели когда-либо, согласится отпустить васъ въ Москву. Но и самъ Миша, кажется, увѣрился въ невозможности взять васъ съ собою—онъ это самъ говорилъ намъ.

Весною онъ ѣдетъ въ Берлинъ,—съ кѣмъ же вы остались бы? Милые друзья мои, ради Бога, старайтесь поправить свою ошибку. Помиритесь съ бабушкой, занимайтесь сколько возможно въ гимназіи и не браните ее больше. Послѣдуйте Мишиному совѣту».

Михаилъ Александровичъ, нѣсколько дней спустя, писалъ братьямъ:

«Любезные друзья, грустно мнѣ видѣть неоправданнымъ то хорошее мнѣніе, которое я объ васъ составилъ. Я говорилъ вамъ о свободѣ нравственной, о той свободѣ, которая состоитъ въ искорененіи всѣхъ дурныхъ привычекъ, всѣхъ худыхъ наклонностей силою духа,—а вы задумали о другой свободѣ, которая по вашимъ лѣтамъ, по вашимъ занятіямъ, по бѣдности вашихъ средствъ, еще для васъ существовать не можетъ. Кромѣ этого я думалъ, что, получивъ мое письмо (это первое письмо не сохранилось. *А. К.*), вы сейчасъ же образумитесь, поправите все зло, вами сдѣланное,—и услышалъ, что вы даже и теперь еще не ходите въ гимназію. Папенька и маменька полагаютъ, что вы дѣйствуете по моимъ совѣтамъ, по моимъ идеямъ... (тутъ кусокъ письма оторванъ. *А. К.*)... Что поступокъ вашъ произошелъ отъ вѣтренности,—также знаю; но простительна ли эта вѣтренность, эта легкомысленность? Гдѣ та внутренняя жизнь, которая въ васъ такъ усилилась, которая васъ возродила, которая должна была облегчить вамъ всѣ мелкія непріятности, случающіяся со всякимъ? Стыдно, господа, горько, очень горько.

«Напишите же папенькѣ и маменькѣ письма, не браните больше гимназію и просите у нихъ прощенія, утройте ваше прилежаніе, приготовляйтесь ко всякому гимназическому уроку. Не говорите всякому встрѣчному и поперечному о правахъ человѣка»... (опять оторвано. А. К.)... «въ противномъ случаѣ вы раскаетесь, но уже поздно, въ вашемъ ослѣпленіи и совершенно потеряете мое уваженіе и мою дружбу.

«Не сердитесь, друзья, за рѣзкій тонъ моего письма, я не могъ выразиться иначе.

Вашъ братъ М. Бакунинъ».

«У бабушки—сказано было въ припискѣ—цѣлую руку, у тетушки Надежды Павловны—также».

Получивъ такія нравоученія, гимназисты должны были, ко-

нечно, повѣсить носъ. Но со стороны разсерженнаго до послѣдней степени отца имъ грозило и худшее...

На письмо Татьяны Александровны старшій изъ провинившихся Павелъ отвѣчалъ весьма характернымъ письмомъ (отъ 3 ноября 1836 г.):

«Милыя сестры, только что получили мы ваши письма, въ которыхъ ясно выражается вся ваша дружба къ намъ. Я не слишкомъ былъ въ расположеніи покориться обстоятельствамъ, потому что только что читалъ въ Шиллерѣ: «Ueber das Erhabene»: «Alle andere Dinge—müssen; der Mensch ist Wesen, welches will».

«Eben deswegen ist des Menschen nichts so unwürdig als Gewalt zu erleiden; denn Gewalt hebt ihn auf. Wer sie uns anthut, macht uns nichts geringeres als die Menschheit streitig; wer sie feigerweise erleidet, wirft seine Menschheit hinweg»... [1]) ...Но я увидѣлъ необходимость имъ покориться,—бываютъ же случаи, dass der Mensch muss! Милая Таничка, ты намъ пишешь, чтобы мы ходили въ гимназію, хотя для отдыха отъ дневныхъ трудовъ нашихъ. Правильнѣе было бы наоборотъ. Но, впрочемъ, милая Таничка, повѣрь, мы нимало не упали духомъ, все, что мы писали, было только для папеньки. Никакая гимназическая подлость не въ состояніи намъ сообщиться или уронить насъ духомъ. Ты намъ пишешь, Таничка, чтобъ мы не отчаивались, потому что лучшія наши идеи не сбудутся. Но мы и не отчаиваемся. Таничка, мы ожидали такого отвѣта, слѣдовательно, мы къ нему были приготовлены. ***Но сдѣлай милость, Таничка, не почитай нашъ поступокъ дѣтскимъ.*** Онъ глупъ, безразсуденъ, но не *дѣтскій* [2])—онъ имѣлъ свою цѣль, хотя невѣрную. Согласись лучше съ Сашенькой, которая великодушно пишетъ, что мы покутили. Мы хотѣли все вдругъ сдѣ-

---

[1]) „Всѣ другія вещи—должны; человѣкъ же есть существо, которое—хочетъ.

„Поэтому ничего нѣтъ болѣе недостойнаго человѣка, какъ подчиняться насилію; ибо насиліе его уничтожаетъ. Кто намъ его причиняетъ, тотъ не болѣе не менѣе, какъ покушается на наше человѣчество; кто трусливо этому подчиняется, тотъ сбрасываетъ съ себя свое человѣческое достоинство...“ Цитата приведена совершенно точно. Срав. *Schillers* „Sämtliche Werke“ in zehn Bänden, zehnter Band, s. 359. (Ueber das Erhabene).

[2]) Курсивъ мой. *А. К.*

лать; намъ наскучило понемногу, ощупью доходить до нашей цѣли. Что же дѣлать, если мы уже слишкомъ разгорячились и не въ попадъ попали. Другъ и братъ Павелъ Бакунинъ».

Александръ Михайловичъ пришелъ въ страшное негодованіе отъ попытки побѣга, и отъ того отношенія, которое мальчики проявили въ сношеніяхъ своихъ съ бабушкой. Все это показалось ему прямымъ возмущеніемъ противъ всѣхъ авторитетовъ, и онъ рѣшилъ дѣйствовать самыми энергичными и рѣзкими мѣрами. Онъ тотчасъ же послалъ письмо къ зятю своему Н. Н. Дьякову, имѣніе котораго Ивановское находилось въ тверскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Твери, прося его немедленно отправиться въ Тверь и водворить тамъ среди его сыновей порядокъ, заставивъ ихъ подчиниться всѣмъ условіямъ гимназической жизни и выпросить извиненіе у бабушки, причемъ поручилъ ему, въ случаѣ, если онъ признаетъ это необходимымъ, пустить въ ходъ даже тѣлесное наказаніе.

Эта «карательная экспедиція» произвела сильное возмущеніе и тревогу среди премухинской семьи, возстановивъ всѣхъ младшихъ ея членовъ очень сильно противъ отца: а когда смутные слухи объ этомъ достигли самихъ виновныхъ, то они рѣшили сопротивляться до конца, если Дьяковъ дѣйствительно отнесется къ нимъ враждебно и попробуетъ пустить въ ходъ данныя ему Александромъ Михайловичемъ полномочія. Наиболѣе горячій и наиболѣе «героически» настроенный Александръ Александровичъ, запасся даже, какъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи, на случай рѣшительнаго столкновенія съ Дьяковымъ большимъ кухоннымъ ножомъ.

Но экспедиція Дьякова оказалась, къ счастью, весьма мирнаго и добродушнаго характера; онъ и не думалъ пускать въ ходъ никакихъ карательныхъ средствъ и увезъ на нѣкоторое время взбунтовавшихся мальчиковъ въ свою деревню, чтобы дать имъ тамъ успокоиться, а затѣмъ благополучно помирилъ ихъ съ бабушкой и съ необходимостью подчиниться гимназическимъ порядкамъ. Такъ кончилась эта исторія.

Александръ Михайловичъ упорно и, конечно, не безъ основанія главную отвѣтственность за нее возлагалъ на Мишеля, примѣшивая къ этому и вліяніе его друзей, въ особенности Бѣлинскаго, котораго онъ считалъ, повидимому, чуть ли не главнымъ запѣвалой и внѣдрителемъ въ его семьѣ революці-

оннаго духа. Выступить противъ Бѣлинскаго болѣе рѣзко ему мѣшали, очевидно, лишь укоренившіеся въ немъ взгляды на обязанности гостепріимства [1]).

---

[1]) А. М. Бакунинъ, несомнѣнно, заранѣе былъ предубѣжденъ противъ Бѣлинскаго и независимо отъ его поведенія въ Премухинѣ, какъ противъ главнаго критика и рецензента *Молвы и Телескопа*, направленію которыхъ онъ, разумѣется, нимало не сочувствовалъ со своей консервативной дворянской точки зрѣнія. Онъ не могъ сочувствовать ни нападкамъ Бѣлинскаго на литературные салоны, на „свѣтскихъ“ писателей,—которыхъ органами являлись въ Москвѣ *Московскій Наблюдатель*, а въ Петербургѣ—*Современникъ* Пушкина, — ни развѣнчанію старыхъ литературныхъ авторитетовъ, такихъ, какъ Херасковъ, Капнистъ и Богдановичъ. Не могъ онъ остаться равнодушенъ и къ рѣзкой, уничтожающей критикѣ Бѣлинскаго произведеній Дормедонта Прутикова, подъ псевдонимомъ котораго скрывался его близкій пріятель и родственникъ Александръ Марковичъ Полторацкій, женатый на его родной сестрѣ Татьянѣ Михайловнѣ. Недаромъ въ это именно время онъ включилъ въ свою „Осугу“ новые стихи, въ которыхъ пытался унизить современную журналистику, давая краткія и рѣзкія характеристики современныхъ журналовъ.

Тутъ между прочимъ и о *Молвѣ* было сказано:

Молва, катаясь въ одноколкѣ,
Амуровъ давитъ и Харитъ:
Хемницеръ не оригиналенъ,
И Глинка часто безтолковъ,
А Батюшковъ—сантименталенъ—
Кондитеръ сладенькихъ стишковъ.

О старыхъ авторитетахъ, забракованныхъ новой критикой, онъ съ грустной ироніей писалъ:

Херасковъ подъ сукномъ таится
И показать не смѣетъ глазъ
Съ тѣхъ поръ, какъ вовсе не годится
Все то, что писано до насъ!
Творецъ Эдипа, Поликсены,
Восторговъ публики предметъ
—Французской чванной Мельпомены
Былъ ученикъ,—а не поэтъ!
Какая нужда до покроя?
—Святой огонь въ душѣ горитъ
И въ Дмитріи Донскомъ героя
По-русски сердце говоритъ.
Капнистъ валяется на полкѣ
И Богдановичъ позабытъ—
Молва, катаясь въ одноколкѣ,
Амуровъ давитъ и Харитъ...

Любопытно, какъ спустя годъ смотрѣлъ самъ Бѣлинскій на всю эту исторію. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1837 года онъ писалъ Мишелю, что «ожесточеніе» Александра Михайловича «за дѣтскій поступокъ тверскихъ юношей» объяснялось «ожесточеніемъ его противъ Мишеля, которое Бѣлинскій въ тотъ моментъ, если не оправдывалъ въ буквальномъ смыслѣ слова, то вполнѣ понималъ, и виновникомъ котораго признавалъ самого Мишеля. «Александръ Михайловичъ,—писалъ въ этомъ письмѣ Бѣлинскій,—человѣкъ практическій и его невозможно убѣдить въ истинѣ, которая не въ ладу съ жизнью убѣждающаго, но оправдай на дѣлѣ свое убѣжденіе и онъ одобритъ его, хотя и не приметъ его»...

...«Онъ,—писалъ дальше Бѣлинскій,—не понималъ твоей высшей жизни и не понималъ, что ты передаешь ее своимъ братьямъ; онъ понималъ, что (ты) передаешь имъ свою безалаберную жизнь, и потому твое вліяніе на нихъ огорчало его до глубины души. Разумѣется, онъ былъ не правъ, но не ты ли заставилъ его быть неправымъ?...» И далѣе слѣдуетъ обвинительный актъ противъ внѣшней жизни Мишеля, о чемъ у насъ будетъ еще рѣчь впереди. Такъ истолковывалъ Бѣлинскій тогдашнія премухинскія отношенія *черезъ годъ*, глядя на нихъ ретроспективно и подъ вліяніемъ того новаго примирительнаго по отношенію къ внѣшней жизни настроенія, въ которомъ онъ находился въ это время; но въ 1836 году, во время пребыванія своего въ Премухинѣ, онъ думалъ и чувствовалъ совершенно иначе.

О запрещеніи *Молвы* и *Телескопа* А. М. говоритъ съ явнымъ злорадствомъ, пуская въ ходъ не совсѣмъ удачный каламбуръ (изъ имени Чаадаева и Надеждина):

Молва глумиться перестала.
Въ *чаду* задохся Телескопъ—
Надежда въ западню попала
И современный стихъ галопъ!

ГЛАВА XVIII.

Пребываніе Бѣлинскаго въ Премухинѣ.—Что мѣшало ему безмятежно наслаждаться премухинской гармоніей?—Его „внѣшнія“ обстоятельства того времени.—Его самобичеваніе и мученія отъ сознанія своего внутренняго „недостоинства“.—Противорѣчія непосредственнаго чувства и абстрактнаго разума.—Нѣмецкій языкъ.—Шутки Мишеля.—Увлеченіе Бѣлинскаго А. А. Бакуниной.—Самообвиненія Бѣлинскаго въ недостаткѣ у него простоты и здраваго смысла.—Отношеніе его къ отвлеченной мысли.—Какъ понялъ онъ ученіе Фихте?—Революціонная фраза, „отпущенная“ имъ за столомъ.—Отношенія его къ А. М. Бакунину.—Отношенія къ сестрамъ Бакунина.—Роль фихтеанства въ душевной драмѣ Бѣлинскаго.—Отношеніе Бѣлинскаго къ Мишелю.—Мишель ревнуетъ Бѣлинскаго къ Татьянѣ Александровнѣ.—Связанные съ этимъ инциденты, отравлявшіе пребываніе Бѣлинскаго въ Премухинѣ, и позднѣйшее отношеніе къ нимъ Бѣлинскаго.—Вынесенный Бѣлинскимъ изъ Премухина свѣтлый образъ сестеръ Бакунина.—Ретроспективный взглядъ Бѣлинскаго на А. М. Бакунина и письмо къ нему отъ 1 августа 1838 года.

Мы видѣли, что ощущеніе блаженства повѣяло на Бѣлинскаго отъ перваго знакомства съ премухинской гармоніей. Но ощущеніе это, какъ я уже сказалъ, было скоро нарушено. Что же помѣшало Бѣлинскому безмятежно имъ наслаждаться? Прежде всего его собственныя внѣшнія обстоятельства, отъ которыхъ онъ могъ только на время забыться, но не избавиться своей поѣздкой въ Премухино, и которыя, дѣйствительно, были тяжелы и гнетущи; затѣмъ постоянный самоанализъ, сравненіе себя и своихъ внутреннихъ качествъ,—которыя онъ постоянно склоненъ былъ осуждать и принижать,—съ идеализируемыми имъ членами Бакунинской семьи: чѣмъ святѣе и возвышеннѣе казался ему тотъ семейный кругъ, въ который попалъ онъ на время, тѣмъ самъ себѣ онъ представлялся чернѣе и недостойнѣе находиться даже и въ простомъ общеніи съ нимъ, а между тѣмъ общество сестеръ Бакунина магически привлекало его къ себѣ, и ему страстно хотѣлось быть или, по крайней мѣрѣ, въ ихъ глазахъ казаться лучше, чѣмъ онъ самъ считалъ себя

въ дѣйствительности. Наконецъ, явились осложненія и шероховатости, происходившія отъ столкновенія взглядовъ и стремленій Бѣлинскаго со взглядами и убѣжденіями старика Бакунина, а затѣмъ и отъ непонятнаго тогда Бѣлинскому и объяснившагося только гораздо позднѣе враждебнаго отношенія къ нему со стороны Мишеля, отношенія, проявлявшагося внезапно какими-то странными припадками и причинявшаго чуткой и нѣжной душѣ Бѣлинскаго сильную боль...

Но предоставимъ лучше самому Бѣлинскому изобразить тогдашнее его настроеніе и обусловливавшія его явленія и обстоятельства. Изобразивъ въ яркихъ чертахъ благодатное дѣйствіе на него премухинской гармоніи въ письмѣ, выписку изъ котораго мы уже привели, Бѣлинскій писалъ:

«Я хотѣлъ въ Премухинѣ успокоиться, забыться—и до нѣкоторой степени успѣлъ въ этомъ; но грозный призракъ моей внѣшней жизни отравлялъ мои лучшія минуты. Я не хотѣлъ думать о будущемъ; отъѣздъ мой мнѣ представлялся въ какомъ-то туманѣ, какъ будто въ Премухинѣ я долженъ былъ провести всю жизнь мою. Всѣ житейскія попеченія, всѣ тревоги внѣшней жизни я старался давить въ моей душѣ, и хотя, повидимому, успѣвалъ въ этомъ, но мое спокойствіе было обманчиво; въ душѣ моей была страшная борьба. Во-первыхъ, мысль о братѣ и племянникѣ [1]), о томъ, что я для нихъ ничего не сдѣлалъ, что въ то время, когда я живу такою прекрасною жизнью, они оставлены безъ призора и борются съ нуждою; потомъ и мысль о томъ, что ожидаетъ меня по возвращеніи въ Москву, гдѣ всѣ мои способы были уже истощены, и гдѣ якоремъ спасенія оставался одинъ *Телескопъ* и тотъ ненадежный... Во-вторыхъ, мои недостатки нравственные терзали меня: сравнивая свои мгновенные порывы восторга съ этою жизнью ровною, гармоническою, безъ пробѣловъ, безъ пустотъ, безъ паденій и возстанія, (съ) этимъ прогрессивнымъ ходомъ впередъ къ безконечному совершенству,—я ужасался своего ничтожества. Иногда было истиннымъ бальзамомъ больной душѣ моей то уваженіе, которое доставляли мнѣ мои мгновенные, но энергическіе порывы къ любви, къ истинѣ, эти

---

[1]) Онъ какъ разъ передъ этимъ взялъ къ себѣ своего брата и племянника на воспитаніе. Срав. А. Н. Пыпина, назв. соч., ч. I, стр. 209.

рѣдкія, но сильныя вспышки чувства; но иногда я видѣлъ во всемъ этомъ слишкомъ большое участіе самолюбія, видѣлъ во всемъ этомъ какую-то одежду блестящую, но безъ подкладки, какое-то зданіе великолѣпное, но безъ фундамента, какое-то дерево вѣтвистое и пышное, но безъ корня,—и я становился гадокъ самому себѣ. Не видя твоихъ сестеръ, я чувствовалъ внутри себя пожирающую лихорадку и думалъ, что ихъ присутствіе успокоитъ мою душу; но когда сходилъ внизъ и снова видѣлъ ихъ, то снова увѣрялся, что видъ ангеловъ возбуждаетъ въ чертяхъ только сознаніе ихъ паденія. И такимъ образомъ случалось цѣлые дни, когда я перебѣгалъ сверху внизъ и снизу вверхъ, искалъ общества и, находя его, бѣгалъ отъ него. И вотъ причина тѣхъ порывовъ отчаянія, съ которыми я бросался на кровать, что тебѣ такъ не нравилось, на что ты жаловался Ефремову и даже говорилъ мнѣ самому. Конечно, это были дни—но нерѣдкіе—хотя и смѣняемые прекрасными днями. Полною жизнью я жилъ только въ тѣ минуты, когда увлекался сильнымъ жаромъ въ спорахъ и, забывая себя, видѣлъ одну истину, которая меня занимала; еще тогда, когда всѣ собирались въ гостиной, толпились около рояля и пѣли хоромъ. Въ этихъ хорахъ я думалъ слышать гимнъ восторга и блаженства усовершенствованнаго человѣчества, и душа моя замирала, можно сказать, въ мукахъ блаженства, потому что въ моемъ блаженствѣ—отъ непривычки ли къ нему, отъ недостатка ли гармоніи въ душѣ,—было что-то тяжелое, невыносимое, такъ что я боялся моими дикими движеніями обратить на себя общее вниманіе и потому не могъ долго стоять или сидѣть на одномъ мѣстѣ. Еще были для меня минуты блаженства, уже вполнѣ чистаго и гармоническаго, когда, забывая вполнѣ самого себя, оставляя всѣ сравненія съ собою, я созерцалъ и постигалъ въ умиленіи все совершенство этихъ чистыхъ, высокихъ созданій; да, въ эти минуты—очень нерѣдкія—я былъ вполнѣ блаженъ тѣмъ, что вѣрилъ въ существованіе на землѣ безконечно-прекраснаго и высокаго, потому что видѣлъ своими глазами, видѣлъ передъ собою то, что доселѣ почиталъ мечтою, что давно почиталъ долженствовавшимъ существовать, но къ чему доселѣ не имѣлъ живой и чистой вѣры.

Жизнь идеальная и жизнь дѣйствительная всегда двоились въ моихъ понятіяхъ. Премухинская гармонія и знакомство съ

идеями Фихте, благодаря тебѣ, въ первый разъ убѣдили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная: а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота. И я узналъ о существованіи этой конкретной жизни для того, чтобы узнать свое безсиліе усвоить ее себѣ, я узналъ рай для того, чтобы удостовѣриться, что только приближеніе къ его вратамъ, не наслажденіе, но только предощущеніе его гармоніи и его ароматовъ—есть единственно-возможная моя жизнь.

Но самыя лютыя мои минуты были, когда ты читалъ съ ними по-нѣмецки: тутъ уже не лихорадку, но цѣлый адъ ощущалъ я въ себѣ, особенно, когда ты имѣлъ армейскую неделикатность еще подтрунивать надо мною при всѣхъ, нимало не догадываясь о состояніи моей души. Какая-то подлая злоба на всѣхъ и даже на невинный нѣмецкій языкъ давала мнѣ знать о моемъ глубокомъ униженіи, о глубокомъ паденіи. И вслѣдъ за этимъ я иногда долженъ былъ шутить и говорить о любви, которой во мнѣ не было, о блаженствѣ жизни, когда въ душѣ моей были одинъ холодъ, досада, ненависть къ жизни, презрѣніе къ себѣ...

Я принялся было за нѣмецкій языкъ, и не успѣлъ, потому что, какъ и во всемъ, хотѣлъ усовершенствовать себя не для себя, а какъ будто для выставки къ извѣстному дню. Гнилое зерно не принесло плода...

И вотъ въ какомъ состояніи борьбы и гармоніи, отчаянія и блаженства былъ я въ Премухинѣ.

Я видѣлъ, что ты обманывался на мой счетъ, что ты предполагалъ во мнѣ больше, нежели во мнѣ было,—и не могъ, не имѣлъ силы открыться тебѣ. Твои неделикатныя шутки и намеки довершали мое мученіе: я очень хорошо понималъ, на что ты намекаешь (онъ въ это время начиналъ явно для окружающихъ увлекаться младшею изъ сестеръ Бакунина, Александрой Александровной. *А. К.*), и то, что бы должно было заставить гордиться собою, то унижало меня, какъ человѣка, который вздумалъ бы надѣть царскую порфиру, тогда какъ настоящее и достойное его одѣяніе было одинъ развѣ рогожечный куль. Вотъ причина, отчего и по пріѣздѣ въ Москву я такъ смущался, когда слышалъ извѣстное имя: чувство моего недостоинства было слишкомъ глубоко во мнѣ и

мнѣ казалось, что смѣхъ и презрѣніе всѣхъ и каждаго ожидали меня за мою дерзость!!»

Такова была общая картина душевнаго состоянія Бѣлинскаго въ Премухинѣ, ярко начерченная имъ самимъ въ письмѣ отъ 16 августа 1837 года. Въ другомъ письмѣ—отъ 12—24 октября 1838 г.—возвращаясь къ тому же предмету, Бѣлинскій старался возстановить хронологически, какъ развивались отдѣльные эпизоды его душевной драмы во время пребыванія его въ гостяхъ у Бакуниныхъ. Онъ говоритъ здѣсь, что сначала все шло хорошо, вплоть до одного эпизода съ рѣзкой фразой о французской революціи. Онъ «отпустилъ», какъ онъ выражается, эту фразу за столомъ въ присутствіи Александра Михайловича; онъ выразилъ въ ней свое одобреніе террористамъ временъ конвента, что привело въ ужасъ старика Бакунина. Бѣлинскій говоритъ, что фразу эту онъ произнесъ черезъ недѣлю послѣ прочтенія своей первой статьи, а первая статья его (О книжкѣ Дроздова) помѣчена 13 сентября 1836 г. и чтеніе ея происходило, вѣроятно, около этого времени. Установленіе этой даты даетъ намъ возможность установить, что Бѣлинскій вполнѣ хорошо себя чувствовалъ въ Премухинѣ приблизительно до середины сентября, т.-е. лишь въ первый мѣсяцъ своего тамъ пребыванія,—когда въ немъ не зарождалось еще чувство наполовину воображаемой,—какъ онъ самъ впослѣдствіи думалъ—любви къ Александрѣ Александровнѣ.

Но съ этого времени, т.-е. со времени произнесенія злополучной фразы, хотя и безъ всякой съ ней связи, начались, какъ писалъ онъ Мишелю (12 октября 1838 г.)—«диссонансы» въ ихъ отношеніяхъ. «Я сталъ замѣчать въ тебѣ и любовь, и ненависть ко мнѣ. Первая казалась мнѣ естественною, потому что я самъ искренно любилъ тебя; второй я не подозрѣвалъ по простотѣ моей, а видѣлъ въ ней не больше, какъ *дурныя манеры вслѣдствіе дурныхъ привычекъ и легкомыслія.* Это было ужасное время, Мишель. Тутъ вмѣшалась и моя собственная пошлость, грубая, дикая и чисто животная непосредственность, фразерство, ходули, хлестаковство,—словомъ, натянутая идеальность, вслѣдствіе внутренней пустоты и стремленія замѣнить ее мишурною внѣшностью,—отсутствіе нормальности, естественности и простоты. Но и этимъ не все кончилось: тутъ еще вмѣшалась ложность положенія произвольно (или почти

произвольно) себѣ данная, т.-е. *ложное чувство*, въ которомъ истинна была только потребность чувства, наконецъ (что грѣха таить?)—*чувство, которое часто, очень часто я насильственно развивалъ въ себѣ, насильственно отвлекаясь отъ всего прочаго, чтобы дать призраку видъ дѣйствительности*. Не виню себя за это: что было—должно было быть, и кромѣ того потребность-то была все-таки и сильна, и истинна. Да, чувство это не развилось безсознательно, не закрадывалось въ сердце украдкою, *непосредственно, нормально и просто*. За то я и поплатился—и по дѣламъ: будь, дуракъ, простѣе и добросовѣстнѣе съ собою и самовольно не дѣлай себѣ того, въ чемъ судьба отказываетъ. A force de forger on devient forgeron—правда! И потому жаль, что правда; но изъ кузнецовъ-то выходить тяжело—и то правда. Но не шали бритвою—обрѣжешься, а иногда и зарѣжешься, а коли ужъ обрѣзался или зарѣзался, не жалуйся,—не чортъ виноватъ»... «Но несмотря на все—прибавлялъ Бѣлинскій—эти три мѣсяца тридцать шестого года, всѣ до одного дня и часа,—хотя они и были для меня адомъ,—но и теперь отъ одного воспоминанія о нихъ я чувствую вѣяніе рая... Что дѣлать? Такова натура человѣка: *есть*—проклинаетъ, *было*—жалѣетъ, зачѣмъ *не есть*»!

Въ то же время и процессъ переживанія и усвоенія новыхъ взглядовъ на міръ и на жизнь, новаго религіознаго міровоззрѣнія, въ которое ввелъ въ это время Бѣлинскаго Михаилъ Бакунинъ и которое связано было съ фихтеанской теоріей познанія,—процессъ, совершавшійся необыкновенно быстро и энергично, въ свою очередь потрясъ впечатлительную и пылкую душу Бѣлинскаго.

Въ письмѣ отъ 20 іюня 1838 г. къ Михаилу Бакунину Бѣлинскій такъ вспоминалъ про эту умственную и душевную ломку:

«По моей природѣ я противоположенъ тебѣ,—потому-то ты и необходимъ для меня. Для меня истина существуетъ, какъ созерцаніе, или совсѣмъ не существуетъ. Ты, ты сдѣлалъ ее для меня представленіемъ, подъ которымъ я разумѣю выговоренное созерцаніе. Ты внесъ въ мою жизнь мысль, которой я не люблю, но безъ которой нельзя жить, безъ которой чувство переходитъ въ хаосъ противорѣчій, пожираетъ само себя. У меня всегда была потребность выговариванія и бѣшенство на себя за эту

потребность. Результатомъ этой борьбы должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни въ проблескахъ, въ восторгахъ мгновенныхъ и дняхъ, недѣляхъ апатіи смертельной. Такъ и было со мною въ Премухинѣ. Тамъ я лицомъ къ лицу въ первый разъ столкнулся съ мыслію—и ужаснулся своей пустотѣ. Это былъ ужасный періодъ моей жизни, но я теперь понимаю его необходимость и начинаю мириться даже съ моими статьями, въ которыхъ выразилась моя тогдашняя отвлеченность. Я страдалъ, потому что былъ благороденъ, я принесъ въ жертву моимъ конечнымъ опредѣленіямъ всѣ мои чувства, вѣрованія, надежды, свое самолюбіе, свою личность. Это было нужно: тотъ не любитъ истины, кто не хочетъ для нея заблуждаться и приносить ей въ жертву, какъ Молоху, все, чѣмъ живешь и радуешься»...

Въ томъ же письмѣ, писавшемся нѣсколько дней, онъ черезъ нѣсколько страницъ опять обращался къ тому же предмету:

«Тебя удивитъ или раздосадуетъ, можетъ быть,—писалъ онъ Мишелю,—то, что я сказалъ, что ненавижу мысль. Да, я ненавижу (ее), какъ отвлеченіе. Но развѣ можетъ она пріобрѣтаться, не будучи отвлеченною, развѣ мыслить можно всегда только въ минуты откровенія и все остальное время ни о чемъ не мыслить. Я понимаю всю нелѣпость подобнаго предположенія, но моя природа враждебна мышленію, и только ты какъ-то могъ овладѣть мною и заставить меня обо многомъ подумать и подумать. Это было для меня и необходимо и благодѣтельно. Вотъ твое на меня вліяніе, вотъ чѣмъ ты вошелъ въ мою жизнь. Нѣтъ, Мишель, ты не навязалъ на меня свой авторитетъ, его наложило на меня могущество твоей мысли, безконечность твоего созерцанія. Много я теперь понимаю глубоко и понимаю черезъ тебя»...

Для Бѣлинскаго этотъ процессъ усвоенія новаго міровоззрѣнія былъ такъ мучителенъ, что ему казалось даже, что «его природа враждебна мышленію»,—тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ постоянно всю свою жизнь проводилъ въ сферѣ мысли,—потому что всѣ выводы отвлеченной абсолютной философской системы онъ тотчасъ же примѣнялъ къ себѣ и примѣнялъ со всею безпощадностью фанатика и энтузіаста, какимъ онъ былъ по природѣ, и видя, что въ дѣйствительности многое почти

невозможно осуществить даже при всей той безпощадной ломкѣ, къ которой онъ тотчасъ же приступилъ, онъ впадалъ въ отчаяніе и изнеможеніе, такъ какъ все это приписывалъ несовершенству и низменности своей индивидуальной природы [1]).

Приложивъ прямолинейные выводы изъ отвлеченной системы Фихте къ практической жизни и политикѣ, онъ пришелъ тогда къ самому крайнему абстрактному революціонизму, что и привело его къ той злополучной фразѣ, которая такъ подѣйствовала на Александра Михайловича. Его самого и впослѣдствіи мучило однако не то, что онъ пришелъ къ такому крайнему выводу, а то, что онъ въ увлеченіи своемъ рѣзко и высокомѣрно отнесся къ чужимъ взглядамъ, взглядамъ людей, которые сами по себѣ заслуживали полнаго уваженія вѣрностью своимъ собственнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ въ 1838 году:

«Ты помнишь, какую фразу отпустилъ я за столомъ и какъ подѣйствовала она на Александра Михайловича; но знаешь ли что? Я нисколько не раскаиваюсь въ этой фразѣ, нисколько не смущаюсь воспоминаніемъ о ней: ею выразилъ я совершенно добросовѣстно и со всею полнотою моей неистовой натуры тогдашнее состояніе моего духа. Да—я такъ думалъ тогда, потому что фихтеанизмъ понялъ, какъ робеспьеризмъ и въ новой теоріи чуялъ запахъ крови. Что было,—то должно было быть, и, если было необходимо, то было и хорошо, и благо. Повторяю: искренно и добросовѣстно выразилъ я этою фразою напряженное состояніе моего духа, черезъ которое необходимо долженъ былъ пройти. Но когда я забылъ приличіе, за ласку и вниманіе почтеннаго и благороднаго старца началъ платить дерзкимъ и оскорбительнымъ презрѣніемъ убѣжденій и вѣрованій, не почелъ нужнымъ, живя въ его домѣ и пользуясь его хлѣбомъ-солью, предложеннымъ мнѣ со всѣмъ радушіемъ, не почелъ нужнымъ, *ради приличія и здраваго смысла*, прибѣгнуть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ нейтралитету и внѣшностью прикрыть мои внѣшнія отношенія къ нему, когда *учительскимъ тономъ и съ нѣкоторою ироническою улыбкою* говорилъ съ твоими сестрами, которыя безъ мыслей и разсужденій

---

[1]) Срав. *А. Н. Пыпина* „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, ч. I, глава IV.

своимъ глубокимъ и святымъ чувствомъ жили въ той истинѣ, которой я въ то время даже и не предчувствовалъ,—тогда я былъ недобросовѣстенъ, пошлъ. гадокъ. Но и это еще ничего бы, если бы все это проявлялось непосредственно и безсознательно,—тогда это показало бы пошлое состояніе духа; но худо то, что я чувствовалъ, понималъ свои продѣлки и фигурки; совѣсть и здравый смыслъ (а это было одно изъ такихъ обстоятельствъ, гдѣ почтенный здравый смыслъ—все) совѣсть и и здравый смыслъ громко кричали мнѣ въ оба уха, что я фразёръ, фразёръ, шутъ, но я собственноручно затыкалъ свои уши хлопчатой бумагой гаернаго величія. Боже мой! Какъ живо, какъ глубоко чувствовалъ я, что чтеніе второй статьи было бы самымъ пошлымъ, дикимъ, шутовскимъ и мерзкимъ поступкомъ, но... мнѣ надо было блеснуть своимъ умѣніемъ *пописать* и *почитать*... Я бы могъ прочесть эту статью однимъ имъ (т.-е. сестрамъ Бакунина. *А. К.*), такъ что кромѣ тебя и ихъ никто о ней и не зналъ (бы), или еще лучше—дать имъ самимъ прочесть. И что же? Я въ другой разъ читалъ ее особенно для Татьяны Александровны и Любови Александровны, воротившихся изъ Москвы... Я видѣлъ, какъ трудно было выбрать время для этого *проклятаго* чтенія, видѣлъ ихъ нерѣшительность, чуть ли даже и неохоту, понималъ причину всего этого... Но мнѣ надо было поддержать мою глупую роль, надо было идти наперекоръ моему непосредственному чувству и здравому смыслу, чтобы не измѣнить *теоріи, созданной не Фихте, а моимъ фразерствомъ, моею недобросовѣстностью, моею охотою рисоваться*... Роль была противна моей природѣ, моей непосредственности, но я почелъ долгомъ *натянуться*, изнасиловать себя...

И вотъ я читаю второй разъ мою статью—старикъ ходитъ изъ залы въ спальню черезъ гостиную (гдѣ я ораторствую съ *напряженнымъ* восторгомъ за отсутствіемъ свободнаго, вслѣдствіе сознанія пошлости своего поступка)—ходитъ и покрякиваетъ,—и потомъ самымъ деликатнымъ, самымъ кроткимъ образомъ намекнулъ мнѣ, что это ему непріятно...

Мнѣ было гадко отъ самого себя,—но я былъ философъ и даже совѣсть и здравый смыслъ принесъ въ жертву философіи фразерства (потому что истинная мыслительность тутъ была невиновата). Итакъ, видишь ли, Мишель, я не упрекаю себя за

кровожадный образъ мыслей, потому что онъ былъ дѣйствительно моимъ убѣжденіемъ въ то время, былъ необходимымъ моментомъ моего развитія; я прощаю себѣ много пошлостей и съ другой стороны... *тамъ* по крайней мѣрѣ важна была причина (т.-е. очевидно потребность любви, которая заставила его, по его словамъ, раздувать свое чувство къ Александрѣ Александровнѣ. *А. К.*) и могла свести съ ума, хотя при большей добросовѣстности я избѣгъ бы большей части пошлостей и съ этой стороны. Но многое я не могу простить себѣ, потому что это многое отнюдь не было моментомъ, а было просто недобросовѣстностью, которая оправдывалась логическими натяжками, а этого *многаго* легко было совсѣмъ избѣжать, слѣдуя внушеніямъ непосредственнаго чувства и здраваго смысла. Представь себѣ человѣка, который имѣетъ душу живу, чувство, умъ, понимаетъ пошлость громкихъ фразъ и живописныхъ положеній,— вдругъ (онъ) полюбитъ дѣвушку и, не позаботясь справиться о ея взаимности, при всѣхъ людяхъ подошелъ бы къ ней съ пошлымъ жанъ-полевскимъ объясненіемъ и клятвами въ вѣчной любви— и все это отъ презрѣнія къ обыкновеніямъ и приличію: не похожъ ли бы онъ былъ на Хлестакова, который говоритъ о себѣ, что хочетъ заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, а свѣтская чернь его не понимаетъ?—Это я, Мишель, это моя исторія того времени и причина тогдашнихъ моихъ мученій.

А все отчего? Оттого, что чувство говорило одно, а логика—другое, и еще потому что, льстя своему самолюбію, я насильно *отвлекался* отъ всего, въ чемъ видѣлъ себѣ щелкушку, и заставлялъ себя осуществлять пошлыя идеи. Неужели это моментъ? (т.-е. моментъ его развитія. *А. К.*). Если хочешь—моментъ, но вѣдь и пьяное состояніе есть тоже моментъ въ этомъ смыслѣ. Когда я говорилъ о *головахъ*—(очевидно, о головахъ, подлежащихъ отсѣченію на гильотинѣ. *А. К.*)—у меня чувство и умъ были согласны въ чудовищномъ убѣжденіи, и отвлеченная мысль была потому конкретною,—и я въ этомъ не раскаиваюсь. Но *натягиваться*, вѣрить тому, чему не вѣрится, отдаться мысли, которой нѣтъ въ созерцаніи и которая въ противорѣчіи съ созерцаніемъ—это значитъ предаваться *логическимъ хитросплетеніямъ*. Отсюдова до недобросовѣстности, фразерства и ходулей—одинъ шагъ, потому что сдѣлавши разъ опытъ вертѣть по волѣ своими убѣ-

жденіями, вѣрованіями черезъ логическія выкладки, послѣ уже нипочемъ играть истиною, какъ воланомъ. Я нисколько не смущаюсь нашею общею охотою обращать на путь истины и Вульфовъ, и Дьякова—это даже достолюбезно и именно потому, что было моментомъ. Воспоминаніе объ этомъ забавляетъ меня... Но, чувствуя въ душѣ отсутствіе истины, благодати, любви и ощущая въ ней пустоту и убожество, говорить съ учительскимъ (видомъ) и съ чувствомъ своего превосходства съ такими существами, которыя были полны любовью и благодатью, и своею святою непосредственностію жили въ истинѣ,—это не моментъ, а пошлость, шутовство; потомъ дойти до забвенія приличій, до самыхъ смѣшныхъ глупостей, ораторствовать въ чужомъ домѣ и за пріязнь, ласку и хлѣбъ-соль платить дерзостями—это тоже не моментъ, а чортъ знаетъ что—только наплевать да бросить...

«...Моментъ условливается необходимостью, а призрачность—случайностью, и въ этомъ большая разница»...

Про эти страстныя, безпощадныя и несомнѣнно несправедливыя обвиненія самого себя можно сказать съ не меньшимъ правомъ, нежели это сказалъ Тургеневъ про нѣкоторыя главы *Былого и Думъ* Герцена, что они писаны слезами и кровью. И едва ли нужно передъ сколько-нибудь вдумчивымъ читателемъ защищать Бѣлинскаго 1836 года противъ его собственныхъ неумѣренныхъ филиппикъ 1838-го. Я увѣренъ, что сердце читателя, съ участіемъ слѣдившаго за этими самобичеваніями благородной и чистой души «неистоваго Виссаріона», уже и безъ того его оправдало и поняло, какъ слѣдуетъ относиться къ этимъ самобичеваніямъ. И такъ какъ мы не пишемъ здѣсь біографіи Бѣлинскаго, то намъ нѣтъ нужды на этомъ подробно останавливаться; для насъ достаточно оговориться, что Бѣлинскій писалъ все это въ тотъ моментъ своего развитія, когда онъ уже всецѣло былъ погруженъ въ своеобразно понятое имъ гегеліанство, когда, усвоивъ себѣ извѣстную формулу «все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно», онъ въ ней усмотрѣлъ основаніе къ эмансипаціи чувства отъ деспотическаго гнета абстрактнаго разсудка. Въ этотъ моментъ онъ съ особенной безпощадностью обрушивался на прежнія свои попытки подчинить чувство абстрактной мысли. Но факты, приведенные въ этомъ письмѣ, во всякомъ случаѣ,

приведены вѣрно и для насъ они драгоцѣнны, потому что и сквозь призму новаго настроенія Бѣлинскаго разсказъ его ярко рисуетъ намъ картину его пребыванія въ Премухинѣ и даетъ возможность ясно представить себѣ весь ходъ дальнѣйшихъ событій и тотъ «моментъ» его собственнаго душевнаго развитія, въ которомъ онъ находился тогда благодаря философіи Фихте, усвоенной при посредствѣ Мишеля.

«Фихтеанизмъ—писалъ въ томъ же письмѣ Бѣлинскій—принесъ мнѣ великую пользу, но и много сдѣлалъ зла, можетъ быть, отъ того, что я не такъ его понялъ: онъ возбудилъ во мнѣ святотатственное покушеніе къ насилованію дѣвственной святости чувства и вѣру въ мертвую абстрактную мысль. Кто понимаетъ дѣйствительность отвлеченно, но въ то же время и живо—тому еще нечего пенять своему прошедшему и даже можно благословлять (его); но кто, не понимая мысли, увлекается *только* ея логическою необходимостью безъ внутренняго *чувственнаго* убѣжденія ея истинности—тому есть за что сердиться на себя. И опять-таки скажу: твой фихтеанизмъ имѣлъ другое значеніе, нежели мой: ты и понималъ его глубже и онъ для тебя былъ послѣдовательнымъ переходомъ изъ одного момента въ другой, а я прогулялся по немъ больше для компаніи, чтобъ тебѣ не было скучно одному»...

Позднѣе Бѣлинскій упрекалъ Бакунина въ нѣкоторомъ нравственномъ насиліи, при помощи котораго онъ старался подчинить или, точнѣе говоря, удержать въ своемъ подчиненіи его и Боткина; но эти обвиненія не относятся къ моменту перваго усвоенія фихтеанскихъ идей въ Премухинѣ. Несомнѣнно, что первоначально Бѣлинскій принялъ эти идеи, безъ всякаго сопротивленія и даже поспѣшилъ тотчасъ же выразить ихъ въ своихъ статьяхъ. Лишь позднѣе, уже принявъ эти идеи, онъ сталъ замѣчать, что фихтеанизмъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ его себѣ представилъ, не мирится во многомъ съ его непосредственнымъ чувствомъ, и борьба съ этимъ непосредственнымъ чувствомъ и составила основное содержаніе его душевной драмы въ Премухинѣ. Въ то время онъ былъ несомнѣнно весьма далекъ отъ возмущенія противъ авторитета своего друга. Съ другой стороны и Мишель, конечно, не могъ ставить ему въ вину тѣхъ рѣзкостей и шероховатостей въ проявленіи его взглядовъ, которыя вызывали враждебное отно-

шеніе къ нему лишь со стороны отца и матери Бакунина и, какъ мы видѣли изъ письма Татьяны къ братьямъ, не шокировали даже женской половины молодого премухинскаго общества, а заставляли его лишь иногда сожалѣть, что, благодаря неосторожности своихъ рѣчей, Бѣлинскій самъ создаетъ себѣ различныя трудности и непріятности въ жизни.

Что касается чувства Бѣлинскаго къ младшей сестрѣ Бакунина Александрѣ Александровнѣ, то хотя это нераздѣленное чувство не мало заставляло его мучиться, однако же въ глубинѣ души онъ самъ, какъ мы видѣли, сознавалъ, что чувство это въ значительной мѣрѣ являлось продуктомъ воображенія. Такъ же, повидимому, смотрѣли на него и сестры Бакунина.

Отношенія съ Михаиломъ Бакунинымъ стали у него портиться отъ причины, которой онъ въ то время вовсе не предполагалъ и о которой узналъ отъ самого Мишеля лишь черезъ годъ—въ концѣ 1837 г. Причина эта была ревность; но не къ Александрѣ Александровнѣ, относительно которой Мишель съ самаго начала не сомнѣвался, повидимому, что съ ея стороны нѣтъ никакого чувства къ Бѣлинскому, — а къ Татьянѣ Александровнѣ, которую, какъ мы видѣли, Мишель и раньше неоднократно безъ всякаго существеннаго основанія ревновалъ къ разнымъ лицамъ. Ему и тутъ вообразилось, что Татьяна неравнодушна къ Бѣлинскому. Поводомъ послужило, конечно, ея восторженное отношеніе къ взглядамъ Бѣлинскаго, которые были взглядами и ея самой и самого Мишеля, но которые Бѣлинскому удалось выразить въ особенно блестящей и краснорѣчивой формѣ. На самомъ дѣлѣ никакого другого болѣе интимнаго и непосредственнаго чувства къ самому Виссаріону Григорьевичу Татьяна, навѣрное, не питала, и на этотъ счетъ ни у Бѣлинскаго, ни у нея самой не возникало даже и подозрѣній. Но тѣмъ не менѣе увлеченіе Татьяны статьями Бѣлинскаго доставило, несомнѣнно, много мученій Михаилу Бакунину, въ чемъ онъ признался впослѣдствіи и самому Бѣлинскому, къ немалому изумленію послѣдняго.

Благодаря этому тяжелому чувству Бакунинъ и продѣлывалъ въ свои дурныя минуты тѣ выходки и фарсы противъ Бѣлинскаго, которые Бѣлинскій такъ принималъ къ сердцу и которые въ невѣдѣніи своемъ онъ приписывалъ дурному воспи-

танію и офицерскимъ привычкамъ Мишеля. Позднѣе, когда Мишель признался ему въ истинной причинѣ своего поведенія (въ письмѣ, писанномъ въ концѣ октября 1837 г.), Бѣлинскій отъ души простилъ ему всѣ эти выходки и тутъ же вспомнилъ нѣсколько загадочныхъ ранѣе для него происшествій, которыя только съ того момента сдѣлались для него понятны. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1837 г. онъ вспоминаетъ нѣсколько случаевъ, когда Мишель «рѣзалъ» его, какъ онъ выражается, очевидно, благодаря этой причинѣ.

«Когда у васъ было освященіе (церкви),—вспоминаетъ Бѣлинскій,—вечеромъ, когда всѣ ужинали на разныхъ столикахъ и представляли собою отдѣльныя группы, сливавшіяся во что-то фантастическое цѣлое, я былъ веселъ, былъ счастливъ. Какъ-то подошелъ къ Т. А. и началъ отъ избытка сердца болтать вздоры, которые были довольно пошлой формой истиннаго чувства. Подходишь ты, и—какъ вѣрно чувство симпатій и антипатій!—я смѣшался. «Что это такое—говоришь ты,—новый способъ дѣлать комплименты, говоря дерзости?» [1]). Я чувствовалъ, что по всему моему тѣлу, ото лба до пятокъ, запрыгали острыя иглы, что бѣлье взмокло на мнѣ и прилипло къ тѣлу, и понялъ, что есть оскорбленія, которыя могутъ засыпать, притаиваться, но не исчезать. Мнѣ было непонятно только то, что глупая шутка и кадетское мальчишество могли такъ сильно оскорблять меня, и я обвинялъ себя въ самомъ мелочномъ самолюбіи. Въ другое время меня ужасно срѣзалъ за столомъ, по простотѣ своей, Илья: онъ срѣзалъ, а ты дорѣзалъ. Не буду говорить, какое дѣйствіе производило (это) на меня. Въ первое мгновеніе это было страданіемъ, бѣшенствомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то (почему не сказать правды?) удовольствіемъ, и за всѣмъ этимъ слѣдовала апатія, отупѣніе, отвращеніе отъ жизни и самого себя. И каждый разъ, когда ты унижалъ меня передъ всѣми ними своими грубыми выходками, я чувствовалъ къ тебѣ болѣе, нежели досаду, болѣе, нежели негодованіе,—что-то похожее на ненависть...

«Я писалъ вторую мою статью, оканчивалъ ее, не могъ

---

[1]) Я тогда же замѣтилъ, что Т. А. была какъ-то странно сконфужена этимъ; теперь я понимаю—это оттого, что она лучше моего знала причину твоего поступка (примѣчаніе Бѣлинскаго).

себѣ хорошо уяснить идеи любви къ женщинѣ, начало которой чувствовалъ въ самомъ себѣ. Два дня жилъ я въ себѣ, сосредоточенный, съ сладкою болью въ груди, съ сладкимъ страданіемъ въ душѣ—я чувствовалъ, мыслилъ, я ощущалъ въ себѣ присутствіе внутренней жизни; два дня, Мишель, два дня я съ неохотою, съ досадою отрывался отъ пера, даже для того, чтобы итти *туда*. И что же?—въ эти дни ты нарочно преслѣдовалъ меня кощунствомъ, смѣхомъ, пошлыми шутками... По пріѣздѣ (въ Москву. *А. К.*), какъ только я остался наединѣ со Станкевичемъ, то, при всемъ моемъ желаніи утаить отъ него мое новое чувство, я, ничего не высказывая, высказалъ ему все, увлекшись моимъ негодованіемъ противъ тебя и жалобами на тебя. Онъ принялъ мою сторону, осуждалъ тебя, и это было для меня цѣлебнымъ бальзамомъ. Помнишь ли, какъ у Бееровыхъ я назвалъ тебя Александромъ Ивановичемъ (по ошибкѣ, вмѣсто «Иванъ Александровичъ», какъ звали Хлестакова. *А. К.*) и ты, чтобы отомстить мнѣ за это, сказалъ: «Что? Александръ? нѣтъ, я не Александръ, а у меня сестра—такъ Александра!» или подобную пошлость? Помнишь ли, какъ у Боткина я назвалъ тебя Хлестаковымъ, а ты мнѣ сказалъ, что ты знаешь кое-что за мною и можешь меня срѣзать еще хуже?..

«Боже мой,—думалъ я,—что же такое этотъ человѣкъ? Зачѣмъ въ немъ такъ много добраго, прекраснаго, зачѣмъ его дружба такъ много сдѣлала для моего развитія, и зачѣмъ онъ въ то же время мальчишка, глупецъ, пошлый, словомъ—Иванъ Александровичъ Хлестаковъ?

«Изъ этого ты можешь замѣтить, что я твою деликатность со мною объяснялъ офицерствомъ, мальчишествомъ—и это-то меня бѣсило, оскорбляло больше всего. Для меня снoснѣе было бы думать, что твои такіе поступки имѣютъ основаніемъ скрытую ненависть, зависть или что-нибудь подобное; для меня снoснѣе было думать (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось), что ты подлецъ, нежели, что ты мальчишка.

«Послѣднее письмо твое сняло гору съ души моей. Поступки твои со мною дурны, но источникъ ихъ, Мишель,—тотъ подлецъ, негодяй, черствая душа, кто бы осудилъ тебя за него. Ты ненавидѣлъ меня (и, разумѣется, любилъ въ то же время: въ твоемъ положеніи я понимаю возможность двухъ та-

кихъ противоположныхъ чувствъ къ одному и тому же лицу); моя статья была для тебя—ножъ вострый! О, Мишель, какъ я понимаю это, какъ я теперь сострадаю тебѣ въ прошедшемъ, какъ я теперь люблю тебя, какъ мнѣ хочется обнять тебя, плакать на груди твоей! Не могу рѣшить, естественно ли твое чувство: *это могъ бы рѣшить только одинъ Гегель*, а не мы, находящіеся подъ вліяніемъ внѣшности и даже преданія»... [1])

Тутъ, коснувшись ревности Мишеля, Бѣлинскій вспоминаетъ и тѣ жестокіе приступы ревности, которые самъ онъ испытывалъ, не имѣя на то никакого въ сущности повода, къ предмету своей любви, А. А. Бакуниной. Онъ вспоминаетъ, какъ онъ ревновалъ ее даже къ брату, къ Мишелю. «Потомъ я помню,—пишетъ онъ,—какое непріязненное чувство питалъ я къ фамиліи Вульфовъ, какую жгучую ненависть ощутилъ я въ себѣ къ кн. К.(озловскому), а вѣдь оба были для меня совершенные призраки, люди невинные и безопасные... А я, Мишель,—прибавляетъ онъ далѣе,—очень хорошо зналъ, что не имѣю никакого права ревновать: даже скажу болѣе—я очень хорошо чувствовалъ, что мое чувство ложно или, по крайней мѣрѣ, такъ слабо и ничтожно, что не достойно ни меня, ни особенно того предмета, на который устремлено...

«...Твое чувство и его проявленіе я уважаю, то и другое, не изслѣдуя ни ихъ причинъ, ни ихъ законности. Ты былъ страдальцемъ, и если бы въ этомъ положеніи, въ минуту паденія, ты оклеветалъ меня—и тогда бы я простилъ тебя искренно. Но ты обнаруживалъ гигантскую силу духа въ самомъ паденіи. Мои статьи были для тебя—ножъ вострый, и ты хвалилъ ихъ, ты давалъ всѣ способы торжествовать мнѣ на твое мученіе. Ты подозрѣвалъ, что Т. А. меня любитъ и зная, что мои статьи есть лучшая, блестящая и самая сильная моя сторона, что только тутъ-то могу высказать мой энтузіазмъ, мою *прекрасную душу* и что только этимъ я въ состояніи увлечь женщину,—и ты хвалилъ мои статьи, ты улаживалъ ихъ чтеніе. Ты, Мишель, просто великъ.

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.* Если бы Бѣлинскій зналъ въ это время „Феноменологію духа“ *Гегеля*, онъ могъ бы оттуда извлечь взглядъ Гегеля на отношенія, какія должны существовать между сестрою и братомъ. Идеальнымъ образцомъ сестры для Гегеля была Антигона, образъ которой близко подходитъ къ личности Татьяны Александровны.

«Не прими моихъ словъ за фразу, я пишу все это, что называется, сплеча, пишу тебѣ со слезами на глазахъ. Не самоотверженію твоему удивляюсь, не долгу: нѣтъ, то и другое есть призракъ, потому что только любовь реальна; но силѣ духа твоего дивлюсь я. Стоицизмъ—призракъ самъ по себѣ, но какъ выраженіе великихъ элементовъ въ душѣ человѣка,—онъ есть нѣчто высокое и реальное. И имъ-то ты подавляешь: я чувствую себя ничтожнымъ передъ тобою и подъ ногами твоими; говорю тебѣ, что люблю и уважаю тебя теперь болѣе, нежели когда-нибудь. Помню я, что (ты) не присутствовалъ при второмъ чтеніи моей второй статьи (по случаю возвращенія изъ Москвы Л. А. и Т. А.), что ты сошелъ къ намъ къ концу чтенія и сошелъ въ апатіи, которая обдала меня холодомъ. Помню, что ты не присутствовалъ съ нами, когда я читалъ поэмы Пушкина, и въ тоскѣ и апатіи сошелъ къ концу чтенія. Эту апатію ты приписывалъ въ себѣ отсутствію эстетическаго чувства—и я повѣрилъ тебѣ. Другъ Мишель, если теперь, въ рѣдкія минуты дисгармоніи, ты съ досадою на самого себя вспоминаешь о своемъ враждебномъ чувствѣ ко мнѣ и обвиняешь себя въ немъ,—брось это, какъ призракъ, а я прощаю и благословляю тебя, какъ человѣкъ, какъ христіанинъ и твой другъ, я,—повторяю тебѣ,—еще болѣе люблю и уважаю тебя за твое непріязненное чувство ко мнѣ, и мнѣ отъ этого самому будетъ легче и лучше»...

Далѣе онъ въ этомъ письмѣ старался оправдать Мишеля въ его собственныхъ глазахъ, если онъ все еще чувствуетъ любовь къ Татьянѣ, на томъ основаніи, что онъ не накликалъ этого чувства, а оно явилось само, незванное, и затѣмъ доказываетъ, что чувство это не можетъ считаться истиннымъ и должно миновать, если Татьяна на него не отвѣчаетъ. Доказываетъ онъ это извѣстной теоріей любви, которую приводили изъ его письма и Пыпинъ [1]), и Милюковъ [2]) и которой мы поэтому здѣсь приводить не будемъ.

Несмотря на всѣ мученія, которыя Бѣлинскій испытывалъ

---

[1]) *А. Н. Пыпинъ*: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, ч. I, стр. 187 (изд. 1-ое).

[2]) *П. Н. Милюковъ*: „Любовь идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“, въ сбор. „Изъ ист. русск. интеллигенціи“, стр. 83.

въ Премухинѣ по своей и не по своей винѣ, онъ еще, можетъ быть, долго остался бы тамъ, если бы не внезапно обрушившаяся на *Телескопъ* катастрофа, которая зацѣпила отчасти и Бѣлинскаго и заставила его въ серединѣ ноября почти внезапно уѣхать въ Москву, гдѣ начались для него новыя мытарства и испытанія, которыя, впрочемъ, нисколько не мѣшали поступательному развитію его мощнаго духа [1]).

Изъ Премухина Бѣлинскій, кромѣ фихтеанскаго міровоззрѣнія, которое вызывало въ немъ безпокойную внутреннюю борьбу съ самимъ собой, увезъ нераздѣленную любовь, которая порядкомъ его мучила, хоть онъ и утверждалъ впослѣдствіи, что она была «призрачная», а не «дѣйствительная», и вмѣстѣ съ тѣмъ увезъ оставшійся въ его душѣ навсегда свѣтлый образъ четырехъ сестеръ Бакунина, которыя всѣ четыре, независимо отъ чувства, возбужденнаго въ немъ Александрой Александровной, запечатлѣли въ его душѣ самое чистое, возвышенное и благоговѣйное къ себѣ отношеніе.

Онъ неоднократно подчеркивалъ и впослѣдствіи въ своихъ письмахъ то нравственное превосходство, которое онѣ имѣли, по его понятіямъ,—всѣ четыре—и передъ всѣми извѣстными ему мужчинами, не исключая ихъ братьевъ и даже Станкевича, и передъ другими женщинами, въ томъ числѣ и передъ подругами ихъ, Натальей Андреевной и Александрой Андреевной Бееръ. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1837 г., проводя параллель между собой и Мишелемъ, какъ человѣкомъ другой, на его взглядъ, болѣе совершенной организаціи, нежели онъ самъ, Бѣлинскій писалъ о его сестрахъ: ...«проведи параллель между ними и Беерoвыми,—и ты увидишь повтореніе того же явленія: Беерoвы могутъ быть святы, но путемъ борьбы и постороннихъ на нихъ вліяній; твои сестры родились святыми»...

Въ другой разъ, сравнивая себя съ Мишелемъ, когда Мишель сталъ черезчуръ возноситься передъ друзьями обладаніемъ благодати, которую утратили, по его мнѣнію, его друзья (Станкевичъ и Бѣлинскій), находившіеся тогда, по его опредѣленію, въ моментѣ паденія,—Бѣлинскій писалъ ему:

---

[1]) Срав. объ этой катастрофѣ и ея отношеніи къ Бѣлинскому въ моей статьѣ „Къ біографіи Бѣлинскаго“ (***Русская Мысль*** за 1911 г., кн. VI, стр. 40—45), а также у ***М. К. Лемке*** „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“, стр. 423.

«Посмотри на своихъ сестеръ: онѣ въ тысячу разъ лучше тебя; онѣ уже давно живутъ въ царствѣ любви, въ царствѣ Божіемъ, къ которому ты пріобщился *навсегда* (это онъ говоритъ иронически. *А. К.*) такъ недавно. Для нихъ паденіе трудно, хотя и не невозможно (какъ для тебя—опять иронія); онѣ уже давно наслаждаются этимъ миромъ и гармоніей души, этимъ счастіемъ, тихимъ, кроткимъ и яснымъ, но глубокимъ и вѣрнымъ, этою ясностію и спокойствіемъ духа, которыя даетъ человѣку только одна любовь и которыя одни составляютъ на землѣ царство Божіе. И что же? Онѣ-то именно тѣ, которыя менѣе всѣхъ цѣнятъ себя и менѣе всѣхъ думаютъ о себѣ. И это потому, что онѣ видятъ впереди себя совершенство, котораго онѣ еще не достигли, и измѣряютъ свое достоинство не своимъ прошедшимъ и настоящимъ совершенствомъ, а будущимъ,—и только его почитаютъ совершенствомъ. Настоящее же ихъ достоинство кажется имъ обыкновеннымъ и естественнымъ состояніемъ человѣка и онѣ никакъ не могутъ понять, чтобы можно было человѣку жить внѣ этого состоянія. И потому-то, будучи строгими къ себѣ, онѣ снисходительны къ другимъ. И если бы которая-нибудь изъ твоихъ сестеръ писала къ подругѣ, впавшей въ душевное уныніе и бездѣйствіе, то вѣрно бы нашла для ея ободренія другіе способы, а не стала бы показывать съ торжествомъ на себя. Всѣ онѣ простираютъ свою снисходительность къ другимъ до слабости; но въ нихъ это не есть слабость, а любовь, потому что, слава Богу, онѣ еще не знаютъ такъ хорошо людей, какъ мы съ тобою, и не могутъ понять, чтобы могли существовать люди безъ зародыша благодати Божіей»...

Такое отношеніе къ сестрамъ Бакунина Бѣлинскій сохранилъ навсегда, несмотря на то, что однажды онъ рѣшился, какъ мы увидимъ, отнестись критически къ направленію, по его мнѣнію, нежелательному, которое онѣ усвоили отъ Мишеля спустя нѣкоторое время.

Что касается Александра Михайловича и Варвары Александровны-старшей, то съ ними Бѣлинскій разстался, какъ и слѣдовало ожидать, весьма холодно, даже почти враждебно. Но взглядъ свой на Александра Михайловича онъ вскорѣ измѣнилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ въ его пользу и впослѣдствіи очень каялся, что не сумѣлъ воздать ему должное въ свой

первый пріѣздъ въ Премухино. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1837 года онъ такъ его характеризуетъ:

«Александръ Михайловичъ—одинъ изъ тѣхъ людей, благословенныхъ Богомъ при ихъ рожденіи, которые родятся со всѣмъ, что составляетъ высшаго, духовнаго человѣка. Несчастный вѣкъ, въ который онъ родился, и главное и важнѣйшее событіе его жизни,—вотъ, что развило его такъ неестественно, такъ ложно, вопреки его прекрасной натурѣ. Онъ ошибочно, ложно мыслитъ, но вѣрно чувствуетъ и дѣлаетъ. Если въ послѣднее время, особенно въ мое пребываніе въ Премухинѣ, онъ уже и поступалъ ложно, то въ этомъ много виноваты и мы съ тобою: мы не разочли того, что этотъ человѣкъ уже прожилъ много, уже освоился со своими идеями и привычку къ нимъ счелъ за убѣжденіе, что, наконецъ, мы дѣйствовали не всегда такъ, какъ проповѣдники истины, но часто въ духѣ полемическомъ, желчномъ, который ожесточаетъ противника, но не убѣждаетъ его. Я и теперь (годъ спустя. *А. К.*) не могу безъ досады на самого себя вспомнить о томъ, что я рѣшился прочесть ему свою вторую статью,—статью, въ которой много хорошаго, высказаннаго съ жаромъ и убѣжденіемъ, но которой полемическій тонъ былъ совершенно въ разладѣ съ обстоятельствами...

«Когда я кончилъ мою вторую статью, тогда обстоятельства требовали тишины, успокоенія, примиренія: тогда мы должны были окружить старика всѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживала его старая почтенная жизнь. Онъ былъ неправъ—это такъ, мы не должны были подлаживаться подъ его образъ мыслей—и это правда: но мы должны были показать ему, что, почитая ложными его убѣжденія, мы умѣемъ уважать всякое убѣжденіе, особливо, если оно оправдано цѣлою жизнью, добровольными лишеніями и страданіями. Да, каково бы ни было, но у твоего отца есть убѣжденіе, есть правила, которыя онъ перенесъ въ жизнь—и этого слишкомъ достаточно, чтобы высоко уважать его самого и щадить его образъ мыслей, даже опровергая его».

Бѣлинскій долго не могъ примириться съ тою несправедливостью, которую онъ выказалъ въ первый пріѣздъ свой въ Премухино по отношенію къ Александру Михайловичу. Въ концѣ-концовъ, послѣ вторичной поѣздки туда лѣтомъ 1838 года,

онъ таки сдѣлалъ попытку письменно оправдаться передъ старикомъ. 1 августа 1838 г. онъ отправилъ А. М. Бакунину слѣдующее характерное письмо:

«М. г., Александръ Михайловичъ!

«За мною вамъ старый долгъ, который тяготилъ меня: два раза былъ я у васъ въ домѣ и только теперь собрался высказать вамъ, какъ много обязанъ я вашему знакомству и какъ благодаренъ я вамъ за него. Это была бы еще небольшая бѣда, если бы дѣло шло только о соблюденіи приличія: приличіе должно уважать, но есть нѣчто и выше и лучше его.

«Давно уже знаю, что я худо зарекомендовалъ себя вамъ въ мой первый пріѣздъ въ Премухино и что несовсѣмъ пріятное воспоминаніе о себѣ оставилъ я вамъ, и только недавно узналъ, что многое, очень многое оправдывало ваше обо мнѣ понятіе и ваше ко мнѣ чувство.

«Прошедшаго не воротишь, и я не буду говорить о немъ. Жизнь есть великая школа, и благо тѣмъ, которые умѣютъ понимать ея мудрые, хотя иногда и жестокіе, уроки!

«Старецъ живетъ опытомъ цѣлой жизни и потому его завтрашній день есть повтореніе вчерашняго,—и одинъ годъ похожъ на другой. Не такова жизнь молодого человѣка: цѣлые вѣка изживаетъ онъ въ одинъ годъ и съ каждымъ годомъ измѣняется. Не удивляйтесь же, почтенный старецъ, если и во мнѣ вы нашли значительную перемѣну, не видавши меня почти два года. Вѣрьте моей искренности: я не умѣю притворяться. Въ эти два года я узналъ много такого, что прежде и не подозрѣвалъ.

«У меня есть убѣжденія, за которыя я готовъ отдать жизнь мою, но чужой образъ мыслей возбуждаетъ уже во мнѣ не досаду, а любопытство, и я уже умѣю уважать чужія убѣжденія и любить людей каждаго на его мѣстѣ и въ его сферѣ. Но довольно объ этомъ: вамъ не надо много словъ, чтобъ понять меня.

«Благодарю васъ за вашъ ласковый, радушный пріемъ; я вполнѣ оцѣнилъ его. Даю полную волю рукѣ моей писать то, чего никогда не сказалъ бы вамъ мой языкъ, потому что я чувствую, что мнѣ такъ же бы трудно было хвалить васъ въ глаза, какъ и оскорбить; но epistola non rubescit—слыхалъ я отъ латинистовъ, и потому спѣшу вамъ сказать, что безконечно и глубоко люблю и уважаю я васъ.

«Въ мою послѣднюю поѣздку въ Премухино вы предстали мнѣ во всемъ своемъ свѣтѣ, и я проникъ въ вашъ духъ всею силою пониманія, которая есть тоже сила любви. Я видѣлъ вашъ духъ во всемъ и вездѣ: и въ этомъ простомъ и прекрасномъ саду съ его аллеями, дорожками и лугами, его величественными огромными деревьями, его прозрачными бассейнами и ручьями, и въ этой простой и прекрасной церкви, этомъ свѣтломъ храмѣ, гдѣ душа радостно трепешетъ присутствіемъ Божества, и въ тишинѣ этого мирнаго сельскаго кладбища съ его поэтичною, полуразвалившеюся часовнею и унылыми ёлками,—и во всемъ этомъ раѣ, который создала ваша живая и возвышенная любовь и природа и который вы назвали Премухинымъ... Я понялъ эту ясную самодовольную улыбку, съ которой вы, сидя въ уголку, прислушиваетесь къ говору другихъ; эту снисходительность, съ которою вы всякаго выслушиваете, это удовольствіе, съ которымъ бесѣдуете съ молодымъ поколѣніемъ, подаете ваше мнѣніе, никому не навязывая его и не дѣлая изъ него закона; это ободряющее и лестное любопытство и вниманіе, съ какимъ вы выслушиваете мнѣніе всѣхъ и каждаго. Но довольно, простите за откровенность, она отъ души и сердца.

«Я не думаю скоро увидѣться съ вами, но увижусь или нѣтъ, скоро или нескоро, во всякомъ случаѣ воспоминаніе о васъ будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ даровъ жизни.

«Прошу васъ засвидѣтельствовать мое душевное уваженіе, мою искреннюю преданность милостивой государынѣ Варварѣ Александровнѣ и прошу васъ передать ей мою благодарность за ласковое приглашеніе въ Премухино и радушный пріемъ въ немъ.

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанныхъ вами записокъ о Кавказѣ и вашихъ стиховъ объ Осугѣ.

«Прощайте и не забывайте преданнаго вамъ всей душой и готоваго къ услугамъ вашимъ

Виссаріона Бѣлинскаго.

Москва, 1838 г., августа 1 дня“.

ГЛАВА XIX.

Продолженіе романа Станкевича и Л. А. Бакуниной.—23 ноября 1836 г.—Письмо М. А. Бакунина отъ 31 декабря 1836 г.—Тревога родителей и сестеръ Л. А. Бакуниной.—Анализъ чувства Станкевича имъ самимъ и его друзьями, въ особенности Мишелемъ.—Зависимость Станкевича отъ отца и его нерѣшительность.—Переписка Л. А. Бакуниной со Станкевичемъ.—Согласіе отца Станкевича и формальное предложеніе.—Любинька—невѣста Станкевича.—Сомнѣнія Станкевича въ истинности своего чувства.—Его болѣзнь.—Рѣшеніе ѣхать за границу.—Протесты родителей и сестеръ Любови Александровны.—Любовь Александровна его защищаетъ и совершенно покоряется своей участи.—Сужденія Бѣлинскаго о романѣ Станкевича и о самомъ Станкевичѣ по поводу его романа. — Отъѣздъ Станкевича за границу и переписка его съ невѣстой.—Болѣзнь Любиньки.—Собственныя сужденія Станкевича о своемъ чувствѣ въ письмахъ къ Бакунину и къ Грановскому.—Послѣднее письмо Любови Александровны къ Станкевичу.

Едва уѣхалъ Бѣлинскій изъ Премухина съ зародившимся, но нераздѣленнымъ чувствомъ къ А. А. Бакуниной, какъ возобновился и старый романъ Станкевича съ Любовью Александровной,—романъ, начало котораго было разсказано въ главѣ VIII настоящей хроники.

Въ цитированномъ уже мною письмѣ къ Невѣрову отъ 21 сентября 1836 г. изъ деревни своей Удеревки Станкевичъ, распространившись по поводу пребыванія въ Премухинѣ Бѣлинскаго о благодатномъ вліяніи на молодыхъ людей ихъ круга премухинской гармоніи и атмосферы бакунинской семьи, писалъ о себѣ: «...Мишель зоветъ меня съ своимъ обыкновеннымъ прямодушіемъ, добротою: не знаю, поѣду ли? Во мнѣ другой недостатокъ, противоположный недостатку Бѣлинскаго: я слишкомъ вѣрю въ семейное счастье, а иногда съ сердечною болью думаю, что это одно возможное... Мнѣ надобно больше твердости, больше жесткости».

Онъ собирался, по возвращеніи изъ деревни въ Москву, заняться приготовленіемъ къ заграничному путешествію, заду-

манному еще въ концѣ 1835 г., послѣ первой неудачной завязки его романа. Онъ хотѣлъ теперь «сблизиться болѣе съ искусствомъ», прочесть Винкельмана, «получше заняться исторіей», а ужъ тамъ, за границей, «заняться вполнѣ» «главнымъ дѣломъ»—изученіемъ философіи... [1]) Ѣхать онъ предполагалъ весной 1837 г. съ Невѣровымъ и Грановскимъ (оба они жили тогда въ Петербургѣ), а къ нимъ мечталъ присоединиться и М. А. Бакунинъ, если бы ему удалось достать для этой поѣздки денегъ.

Планъ этотъ самъ Станкевичъ назвалъ въ одномъ изъ писемъ къ другу—«enfant du désespoir», потому что онъ родился въ минуту неудачи въ любви и затѣмъ уже «выросъ понемногу и принялъ болѣе стройную форму» [2]).

Изъ имѣющагося въ моемъ распоряженіи матеріала не видно, рѣшился ли Станкевичъ поѣхать еще разъ въ Премухино. Въ краткой лѣтописи Премухина, составленной Н. С. Бакуниной, есть помѣтка: «23 ноября 1836—Станкевичъ и Любинька». Вѣроятно, въ этотъ день послѣдовала новая встрѣча и объясненіе между молодыми людьми. Но вѣроятнѣе, что встрѣча эта произошла въ Москвѣ, куда Любинька ѣздила около этого времени лѣчить зубы, такъ какъ ни въ архивѣ, ни въ перепискѣ Станкевича, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Станкевичъ ѣздилъ въ это время въ Премухино.

Объясненіе было, повидимому, нерѣшительное. Съ той и съ другой стороны оно вызвало усиленную душевную тревогу, которая тотчасъ же сообщилась съ одной стороны сестрамъ Любови Александровны, съ другой—ближайшимъ друзьямъ Станкевича, въ томъ числѣ и Мишелю, которые всѣ были посвящены въ эту исторію.

Между Станкевичемъ и Любинькой началась переписка. Переписка эта вовсе не имѣла характера обыкновенной любовной переписки, тонъ писемъ съ той и съ другой стороны былъ до крайности сдержанъ и холоденъ; но уже одинъ фактъ такой переписки между молодой дѣвушкой и неравнодушнымъ къ ней молодымъ человѣкомъ по тогдашнимъ понятіямъ представлялся событіемъ большой важности и знаменовалъ большой

---

[1]) Переписка Н. В. Станкевича (изд. Анненкова), стр. 189—191.

[2]) Тамъ же, стр. 170.

шагъ въ сближеніи между ними. Событіе это сдѣлалось предметомъ постоянныхъ толковъ и самаго тонкаго и подробнаго анализа какъ между сестрами Любиньки, такъ и между близкими друзьями Станкевича. Пріобщены были къ этому, конечно, и Беернь. Теперь Наталья Андреевна уже не имѣла никакого основанія ревновать Станкевича къ Любинькѣ, такъ какъ сама она была совершенно поглощена въ это время своей страстью къ Мишелю, и если страсть эта не приводила къ желанному для нея результату, т.-е. къ выходу ея замужъ за Мишеля, то вина въ этомъ была не съ ея стороны, а со стороны Мишеля, который упорно оставался при своей «братской» любви и горячей романтической дружбѣ къ Натальѣ, но вовсе не находилъ въ своемъ чувствѣ къ ней элементовъ обыкновенной любви мужчины къ женщинѣ.

Замѣчательно, что въ романѣ Станкевича и Любови Александровны Мишель, посвященный въ дѣло съ обѣихъ сторонъ, являлся, однако, гораздо болѣе адвокатомъ Станкевича, нежели представителемъ интересовъ своей сестры. Онъ не только обсуждалъ на всѣ лады вопросъ этотъ съ самимъ Станкевичемъ по инициативѣ послѣдняго, но и самъ постоянно начиналъ такія обсужденія, стараясь выяснить и проанализировать чувство Станкевича при помощи подведенія его подъ различныя философскія категоріи. Едва ли, конечно, этотъ философскій анализъ полезенъ былъ естественному развитію самого чувства, и во всякомъ случаѣ онъ вызывалъ естественную и справедливую тревогу со стороны сестеръ Любиньки, которая отражалась на письмахъ послѣднихъ къ Мишелю, особенно на письмахъ Варвары Александровны,—такъ какъ она откровеннѣе другихъ высказывала свои сомнѣнія по этому поводу Мишелю; а Мишель, не стѣсняясь этимъ, давалъ читать письма сестеръ Станкевичу.

31 декабря 1836 года Мишель писалъ изъ Москвы сестрамъ (по французски):

«Напрасно вы обвиняете Станкевича; его любовь—любовь истинная, это любовь святая, возвышенная (sublime). Она составляетъ теперь все его существованіе, она согрѣла, освѣтила яркимъ свѣтомъ всю его нравственную и умственную жизнь. Надо слышать его, какъ онъ самъ говоритъ: есть что-то святое, сверхчеловѣческое, что говоритъ въ немъ. Въ одномъ изъ на-

шихъ разговоровъ онъ мнѣ однажды сказалъ, что тотъ, кто любитъ, гораздо лучше того, кто не любитъ. И я ему вѣрю, потому что онъ произнесъ эти слова съ такимъ святымъ и высокимъ убѣжденіемъ, съ такой простотой... Эта любовь дѣлаетъ его совершенно счастливымъ. Въ ней онъ нашелъ индивидуальное выраженіе своей внутренней жизни во внѣшнемъ мірѣ. Любовь совершенно переродила индивидуальную жизнь этого человѣка въ жизнь абсолютную. Я это зналъ въ теоріи, теперь я это вижу на практикѣ».

Таковъ былъ масштабъ, провѣрку котораго должна была постоянно выдерживать любовь Станкевича въ глазахъ его философскихъ друзей: любовь должна была перерождать ихъ индивидуальную жизнь въ жизнь абсолютную! Масштабъ—высокій! И не легко было, вѣроятно, бѣдному Станкевичу постоянно поддерживать себя на такой высотѣ. По усвоенной имъ и его друзьями теоріи, малѣйшее сомнѣніе въ соотвѣтствіи его чувствъ этой возвышенной мѣркѣ неизбѣжно влекло къ сомнѣнію въ истинности, подлинности самого чувства.

Между тѣмъ чувству Станкевича приходилось подвергаться и другому испытанію. Онъ былъ послушный и нѣжный сынъ своего отца, и для него было бы большимъ несчастіемъ жениться противъ его воли, не говоря уже о томъ, что въ матеріальномъ отношеніи онъ совершенно зависѣлъ отъ отца. Понятно поэтому, что онъ съ волненіемъ ожидалъ пріѣзда своего отца въ Москву, и ему тѣмъ тяжелѣе было въ это время выдерживать тотъ постоянный анализъ его чувства, которому подвергалъ его безпрестанно Мишель. Немудрено, что онъ впадалъ въ это время въ уныніе и иногда подолгу не писалъ въ Премухино.

«Если онъ вамъ не пишетъ,—оправдывалъ своего друга Мишель [1]),—то тутъ другая причина. Онъ ждалъ пріѣзда своего отца и былъ занятъ составленіемъ денежнаго отчета въ значительной суммѣ отцовскихъ денегъ, бывшихъ у него на рукахъ. Занятіе, какъ вы видите, весьма прозаическое и поглощавшее у него все время, благодаря чему легко могла остаться отъ него нѣкоторая сухость (une petite secheresse), и писать въ такомъ состояніи значило бы профанировать свою любовь, по-

[1]) Письмо отъ 31 декабря 1836 г. къ сестрамъ.

тому что это значило бы писать по обязанности. Но вотъ, дорогая Любаша, письмо, которое мнѣ передалъ для тебя Станкевичъ, оно лучше меня защититъ его дѣло»...

Письмо это, къ сожалѣнію, не сохранилось; объясненія же Мишеля, приведенныя выше, не могли не произвести впечатлѣнія нѣсколько искусственныхъ и натянутыхъ на его сестеръ, что и не замедлило выразиться въ ихъ письмахъ, сердившихъ и раздражавшихъ Мишеля... Изъ того же письма Мишеля видно, что Станкевичъ не очень спѣшилъ разсказать все отцу, очевидно, не будучи увѣренъ въ томъ, какъ отецъ отнесется къ его роману.

«Не говорите ничего нашимъ родителямъ,—писалъ Мишель,—пока я вамъ не напишу это сдѣлать. Пусть они узнаютъ объ этомъ, когда все уже будетъ рѣшено. Николай ничего еще не говорилъ своему отцу, онъ хочетъ дать ему отдохнуть нѣсколько дней съ дороги. Все разрѣшится полюбовно и очень скоро, не тревожьтесь же слишкомъ и будьте спокойны»...

Между тѣмъ, пока Станкевичъ не рѣшался разсказать отцу о своихъ сердечныхъ дѣлахъ, фактъ его переписки съ Любинькой какимъ-то образомъ сдѣлался извѣстенъ ея родителямъ. По тогдашнимъ условіямъ и правиламъ жизни, фактъ этотъ не могъ ихъ не обезпокоить. Они прочли одно изъ писемъ Станкевича, и хотя самое содержаніе этого письма и имъ показалось вполнѣ невиннымъ, однако же они не могли успокоиться, тѣмъ болѣе, что Станкевичъ не только ничего не сказалъ имъ о своихъ чувствахъ къ Любинькѣ и о своихъ ближайшихъ намѣреніяхъ, но, какъ они скоро узнали, заговорилъ и съ Любинькой о своихъ чувствахъ, не выяснивъ предварительно, какъ отнесется къ этому его отецъ, отъ котораго онъ вполнѣ зависѣлъ. Мишель старался ихъ успокоить, обѣщая, что отецъ Станкевича имъ самъ скоро напишетъ, и даже назначая для этого опредѣленные сроки. Но сроки эти проходили, а письмо отъ отца Станкевича не приходило, и тревога Александра Михайловича росла со дня на день.

21 марта 1837 г. онъ писалъ: «Вотъ уже, другъ мой Мишель, прошла не одна пятница, и ничего рѣшительнаго нѣтъ. Я увѣренъ въ Николаѣ Владиміровичѣ; но полагаю, что вы оба насчетъ его родныхъ ошиблись—иначе объяснить ихъ молчаніе невозможно. Дай Богъ для счастія Любиньки, чтобы мнѣніе

мое было ошибочно... Нельзя Николаю Владиміровичу съ родными своими не переписываться; нельзя тебѣ не знать сущности ихъ переписки — и не должно бы таить отъ меня истины, хотя бы даже (она) была и непріятная. Нетерпѣливо ожидать буду твоего отвѣта»...

Сестры Любови Александровны также выражали свои сомнѣнія въ истинности чувства Станкевича. Мишель напротивъ рѣзко вступился за своего друга и написалъ сестрамъ письмо, въ которомъ упрекалъ ихъ за недостатокъ довѣрія къ Станкевичу, и находилъ, что Любинька недостаточно его любитъ. Письмо это не сохранилось, но объ этихъ упрекахъ Мишеля Татьяна упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ нему отъ 6 марта 1837 г. «Милый другъ,—пишетъ она,—будь же справедливъ и не говори, что Любинька мало любитъ Станкевича: она дышитъ однимъ этимъ чувствомъ. Вспомни, что она стала выше всѣхъ предразсудковъ и укоризнъ маменьки—съ ея правилами, съ ея характеромъ! Миша, развѣ это не много? Нѣтъ! Любинька горячо, свято любитъ. О, ежели бы онъ вознаградилъ ее такою же любовью! Но полно объ этомъ. Ты опять разсердишься»...

Варвара писала въ то же время въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Еще одинъ вопросъ, дорогой Мишель, хотя я и не хотѣла уже говорить объ этомъ: любовь твоего друга къ Любашѣ—дѣйствительная ли это любовь? Любаша—да, она его любитъ, въ этомъ я увѣрена; но онъ, не ошибается ли онъ самъ относительно характера своего чувства? О, Боже, сохрани ее отъ этого несчастія!...»

Въ другомъ письмѣ того времени Варвара Александровна поручаетъ Мишелю благодарить Станкевича за его добрыя чувства къ ней и тутъ же выражаетъ предположеніе, что ему, можетъ быть, не нравится, что сестры читаютъ его письма къ Любашѣ и что, можетъ быть, этимъ объясняется сухость и натянутость его писемъ. Она обѣщаетъ на будущее время не читать его писемъ; но впослѣдствіи обѣщаніе это не выдерживается.

Тревога родителей по поводу отношеній Любиньки къ Станкевичу особенно видна изъ слѣдующаго письма Варвары Александровны къ брату [1]):

---

[1]) Писано по-французски.

«...Маменька и папенька тронули меня любовью ихъ къ Любашѣ. Они дѣйствительно испуганы, встревожены за нее, они приготовляются уже къ полученію оскорбительнаго отказа и боятся, чтобъ онъ ее не убилъ. Невозможно измѣнить ихъ взгляды, Мишель, но каковы бы они не были, они любятъ Любашу, они любятъ ее горячо, на нее перенесли они всю свою нѣжность, всю свою заботливость. Любаша можетъ говорить имъ все, можетъ даже пренебречь ихъ мнѣніями, и они все же не сердятся на нее. Маменька не переставая плачетъ, и слезы ея искренни, потому что она всячески старается ихъ скрыть. Папенька старается казаться спокойнымъ, принимаетъ на себя безоблачный видъ, чтобъ подкрѣпить Любашу, но какъ только думаетъ, что на него не смотрятъ, онъ тотчасъ же становится печальнымъ, тревожнымъ, хмурымъ... Признаюсь тебѣ, Мишель, что ихъ видъ разбиваетъ мнѣ сердце, потому что ихъ печаль совершенно искренняя и не имѣетъ другого источника, кромѣ любви ихъ къ Любашѣ. Маменька сейчасъ умоляла меня съ видомъ совершенно раздирающимъ сердце написать тебѣ и просить тебя, чтобы ты сказалъ имъ все безъ обиняковъ (tout sans ménagement). Она упрекала себя за то, что дѣйствовала неосмотрительно, за то, что дозволила Станкевичу обращаться съ Любашей, какъ съ невѣстой, прежде чѣмъ убѣдилась въ согласіи его отца. Если бы не это—говоритъ она—она могла бы его забыть съ теченіемъ времени, да и репутація ея осталась бы неприкосновенной, теперь же это можетъ ее убить. Она себя упрекаетъ въ несчастіи, въ униженіи Любаши; она разорвала мнѣ сердце, такъ какъ говорила съ полной откровенностью и я видѣла очень ясно, какъ дорога ей Любаша. Скажи это Станкевичу, умоляю тебя... Мишель, Любаша больна и, хотя она не хочетъ признаться, она встревожена до глубины сердца»...

Далѣе она упрекала Станкевича въ слабости, нерѣшительности и недостаткѣ любви къ Любашѣ и сообщала, что отношенія его къ Любашѣ уже сдѣлались извѣстными въ Твери, въ Торжкѣ и даже въ Петербургѣ среди ихъ родныхъ и знакомыхъ, и что тѣ говорятъ о ихъ свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ.

«Папенька велитъ тебѣ сказать, что его дѣла и его служба давно требуютъ его поѣздки въ Тверь, а онъ долженъ задер-

живаться. Умоляю тебя, дорогой Мишель, поговорить со Станкевичемъ и открыть ему глаза на истинное состояніе Любаши, которое достаточно тяжело, не въ отношеніи ея репутаціи, потому что съ этимъ она считается только ради родителей, но въ отношеніи неизвѣстности ея собственной судьбы».

Повидимому, весь ходъ этой исторіи порядочно расхолаживалъ чувства Станкевича. Постоянный разборъ и философскій анализъ его чувства со стороны Мишеля сдѣлался, наконецъ, невыносимымъ для живой натуры Станкевича, и онъ сталъ испытывать припадки сомнѣній, которые его чрезвычайно мучили. Бѣлинскій утверждалъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ, что именно въ это время въ душѣ Станкевича стало развиваться злое и раздражительное чувство противъ Мишеля [1]).

17 января 1837 г. Станкевичъ писалъ Любинькѣ: «...Ради Бога, забудьте думать, что между нами можетъ быть какаянибудь преграда: повторяю вамъ, что я знаю отца моего и дядю (съ которымъ отецъ обо всемъ совѣтовался. *А. К.*), какъ самого себя, знаю ихъ любовь ко мнѣ. Для нихъ выше всего на свѣтѣ мое счастье. Какъ ни неожиданно было для моего отца первое мое объясненіе съ нимъ, онъ не показалъ мнѣ никакого сопротивленія, но не хотѣлъ мнѣ сказать ничего рѣшительнаго, не посовѣтовавшись съ дядей. Теперь эта мысль нисколько не безпокоитъ его и хоть онъ ни за что не скажетъ мнѣ ничего прямо, не узнавши мнѣнія дяди, но нѣкоторые его намеки показываютъ мнѣ, что онъ на моей сторонѣ. Будьте же совершенно покойны, берегите себя для моего счастья и будьте откровеннѣе со мною. Я увѣренъ даже, что васъ больше всего мучитъ непріятное положеніе вашихъ родителей—васъ я могу завѣрить, мы легко понимаемъ другъ друга, но они... имъ можно доказать только дѣломъ, другого права на ихъ довѣренность я не имѣю. Провидѣніе поможетъ намъ окончить все скорѣе»...

Далѣе онъ обращается къ разбору тѣхъ недостатковъ, за которые Любинька упрекаетъ себя въ своемъ письмѣ.

«Вы пишете, что я представляю себѣ васъ ангеломъ; что же дѣлать? Ей Богу, не могу представить иначе. Мнѣ право

---

[1]) Въ письмѣ отъ 12—24 октября 1838 г.

немножко смѣшно читать признаніе въ вашихъ слабостяхъ: въ чемъ онѣ? Вы неохотно принимаете лѣкарство. Впрочемъ, когда я буду имѣть право наливать вамъ его въ ложечку—дай только Богъ, чтобы въ этомъ не было надобности—вы, вѣрно, послушаете моихъ убѣжденій и примете его. Или вамъ не хочется наказывать Вариньку [2]), когда она проштрафится? Богъ съ ней! Бѣлинскій говоритъ, что ее не исправишь, и въ настоящее воспитаніе наказаніе не входитъ. Съ первыхъ минутъ жизни надобно воспитывать дитя любовью,—тогда для него не нужно будетъ наказаній, а всякая маленькая забывчивость накажетъ стыдомъ передъ самимъ собою. Итакъ это не слабость, а невольное движеніе вашего вѣрнаго чувства. Что же еще? Вы слишкомъ вѣрите людямъ, слишкомъ любите даже и тѣхъ, которые едва стоятъ вашего вниманія? Но эта слабость достойна ангеловъ... и какъ вы себя ни браните, но если я могу еще молиться, такъ это... положимъ, не вамъ, по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ вами».

«Нѣтъ, я не смѣюсь молитвѣ,—продолжаетъ онъ дальше. Мнѣ жалка, досадна, немощная и суевѣрная молитва о земномъ благѣ, факирство и труженичество, земные поклоны и путешествіе по святымъ мѣстамъ съ какой-нибудь опредѣленною просьбою къ угоднику. Но молитва, какъ порывъ души къ своему вѣчному чистому началу, какъ стремленіе отдохнуть въ вѣчной любви,—эта молитва для меня священна, и тотъ подлъ, кто ея не уважаетъ. Эта молитва очищаетъ человѣка, освящаетъ его мысли, разрѣшаетъ въ гармонію его горе и радость: это жизнь въ высшей сферѣ, куда нельзя перенестись произвольно, живое ощущеніе Бога въ сердцѣ, соединеніе съ Нимъ; и весь нашъ подвигъ въ томъ, чтобы всю жизнь сдѣлать молитвою—молитвою безъ словъ, но съ полнымъ ощущеніемъ божества. Пока мы этого не достигли, будемъ благодарны и къ рѣдкимъ минутамъ, въ которыя намъ бываетъ доступна эта лучшая жизнь.

«Вы видите, что и я не безбожникъ, хотя Кантъ и убилъ въ насъ съ Мишелемъ все прекрасное, по вашему мнѣнію. Требовали ли вы отъ Алексѣя Беера объясненій на Bestimmung

[2]) Варинька Имбергъ—сирота, воспитывавшаяся у Бакуниныхъ и отличавшаяся упрямымъ и капризнымъ характеромъ.

des Menschen? Жаль, если нѣтъ. Вы бы многимъ воспользовались и доставили бы ему большое удовольствіе»...

Въ концѣ Станкевичъ пишетъ: «Прощайте! Въ добрую минуту, когда душа ваша настроится къ молитвѣ, пожелайте, чтобы скорѣе наступила для насъ минута полнаго счастья, чтобы оно было истинно и долго и... чтобъ никто изъ насъ не пережилъ другъ друга... Объ этомъ, въ святую минуту, готовъ молиться и я по-своему: у меня молитва можетъ быть простымъ, сильнымъ желаніемъ, которое соединено съ вѣрою въ благость Провидѣнія! Прощайте! Христосъ съ вами. Вашъ Станкевичъ».

Переписка ихъ не составляла секрета для ихъ ближайшихъ друзей. «Вчера Мишель отослалъ къ вамъ мое письмо,—пишетъ Станкевичъ 20 января:—несмотря на мои просьбы, онъ прочелъ его Бееровымъ. Мнѣ было досадно! Я тамъ разбранилъ ихъ мать, какъ она этого заслуживала, по моимъ понятіямъ, но я никогда не хотѣлъ бы, чтобъ они слышали эту брань,—что дѣлать?..»

Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ: «Сейчасъ Alexandrine Beer передала мнѣ письмо Татьяны Александровны къ Анетѣ Ржевской!.. Итакъ, всѣ мои завѣренія напрасны. У васъ явились новые планы, новыя мечты, и, вдобавокъ, я не получаю больше писемъ; вы безъ особеннаго волненія предаетесь мысли объ одинокой жизни... Я хотѣлъ бы, чтобы вы были спокойны, но отъ увѣренности въ томъ, что насъ никто не разлучитъ, что отецъ мой не тиранъ и не станетъ противиться моему счастью,—а спокойствіе этого рода меня пугаетъ: повѣрьте себя, прошу васъ: если жизнь со мною не есть необходимость для васъ, если она не можетъ искупить для васъ тѣхъ пожертвованій, на которыя вы должны будете рѣшиться и о которыхъ вы, можетъ быть, мало думали, что тогда будетъ со мной? Скажите, молю васъ, пока есть еще время...»

«Хорошо, что я не писалъ къ вамъ вчера,—пишетъ Станкевичъ 24 января.—Письмо ваше внушило мнѣ такія грустныя мысли... но теперь все прошло. Сейчасъ я говорилъ еще съ моимъ отцомъ. Я уже сказалъ вамъ, что онъ не скажетъ мнѣ ничего рѣшительнаго, не поговоривши напередъ съ дядею, но онъ самъ теперь ужъ на моей сторонѣ. Онъ присовѣтовалъ ужъ мнѣ просить о возвращеніи моей просьбы объ отставкѣ, потому что я заграницу не ѣду...»

Отецъ Станкевича уѣхалъ 2 февраля, и неопредѣленное положеніе продолжалось. Отъ 6 февраля Станкевичъ писалъ: «...но я еще не такъ скоро ожидаю отъ него рѣшительнаго отвѣта. Они долго будутъ еще разсуждать съ дядею, что имъ предпринять въ семъ важномъ дѣлѣ...»

Про самого себя Станкевичъ писалъ невѣстѣ (отъ 15 февраля): ...мнѣ кажется, что я живу на какомъ-то постояломъ дворѣ, ѣду въ какой-то дальній путь, а куда,—не знаю...»

Въ томъ же письмѣ онъ подвергъ критикѣ попытки Любови Александровны работать надъ исправленіемъ различныхъ мелочныхъ своихъ недостатковъ. Это чрезмѣрное уваженіе къ мелочамъ въ любимой дѣвушкѣ, вѣроятно, сильно его смущало. Вотъ, что писалъ онъ ей:

«Вы хотите работать надъ собою. Знаете ли что? Работа по канвѣ полезнѣе. Къ чему работать надъ своимъ самоусовершенствованіемъ? Въ этомъ успѣть невозможно. Замѣчать въ себѣ какіе-нибудь недостатки, давить ихъ по одиночкѣ, для этого нужно вниманіе, борьба, осторожность—и это ли жизнь? Нѣтъ, не частности долженъ исправлять въ себѣ человѣкъ. Если онъ замѣтилъ ихъ въ себѣ, то долженъ замѣтить и общій источникъ, изъ котораго онѣ выходятъ. А всѣмъ нашимъ слабостямъ одинъ источникъ: недостатокъ любви. Можно любить сильно, ото всей души,—и при всемъ томъ любить еще недостаточно, тѣсно. Пусть растетъ, расширяется эта любовь (я говорю не про одну любовь женщины къ мужчинѣ и наоборотъ, хотя человѣкъ, неспособный къ этой любви, не можетъ питать и никакой). Дайте просторъ душѣ—есть минуты, когда музыка, поэзія необходимы для нея—не отказывайте ей въ этой пищѣ; поменьше думайте о своемъ несовершенствѣ, подольше обо всемъ, что есть прекраснаго въ мірѣ; только не старайтесь искать его съ намѣреніемъ и особенно тамъ, гдѣ его быть не можетъ,—вотъ одинъ путь сдѣлаться лучше, кому нужно. А вамъ, право, такъ лучше. Подумайте, что мнѣ будетъ совѣстно, когда вы далеко уйдете впередъ...» И дальше онъ переходитъ въ шутливый тонъ.

Но содержаніе приведенныхъ строкъ было, конечно, очень серьезно. Можетъ быть, самъ Станкевичъ не отдавалъ еще себѣ полнаго отчета въ опасности тѣхъ сомнѣній относительно недостаточной глубины души любимой имъ дѣвушки, которыя

проскальзываютъ въ этихъ возвышенныхъ и справедливыхъ строкахъ его письма...

Отцу своему онъ писалъ и просилъ рѣшительнаго отвѣта.

Отецъ его долго не отвѣчалъ и наконецъ отвѣтилъ, что, не отказывая въ своемъ согласіи на бракъ его съ Любашей, онъ желалъ бы прежде всего, чтобы Николай Владиміровичъ пріѣхалъ къ нему въ деревню, приглядѣлся къ хозяйству и свадьбу отложилъ бы до сентября. Это письмо отправлено было къ Александру Михайловичу вмѣстѣ съ формальнымъ письменнымъ предложеніемъ Станкевича.

Предложеніе было принято, и Любинька была объявлена невѣстой Станкевича. Казалось, все наконецъ пошло на ладъ; и старики, и сестры Любиньки могли наконецъ успокоиться. Но въ это именно время Станкевичъ почувствовалъ рѣшительное сомнѣніе въ истинности своего чувства. Это совпало съ его серьезной болѣзнью, которая была, повидимому, рѣзкимъ обостреніемъ чахотки, давно уже въ немъ развивавшейся. Докторъ Дядьковскій, лѣчившій Станкевича, настоятельно совѣтовалъ ему ѣхать за границу (въ Карлсбадъ). И 25 марта Станкевичъ уже сообщаетъ своему другу Невѣрову, что онъ уже приступилъ къ нужнымъ для этой поѣздки приготовленіямъ. «Мнѣ надобно—писалъ онъ тутъ же—сказать тебѣ многое, что у меня на душѣ, *но чего пока еще не должна терпѣть бумага*» [1]).

«Не безпокойся о моей болѣзни,—писалъ онъ ему въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1 апрѣля:—причины ея болѣе физическія, а если участвовало тутъ сердце, то совсѣмъ иначе, нежели ты думаешь; но объ этомъ мы поговоримъ за границей»... [2])

Такъ какъ Станкевичъ числился въ службѣ—почетнымъ смотрителемъ училищъ въ Острогожскомъ уѣздѣ по выбору дворянства,—то ему нужно было для заграничной поѣздки получить отпускъ; онъ отправилъ объ этомъ прошеніе, но вслѣдъ затѣмъ рѣшилъ вовсе выйти въ отставку, а пока шли эти бумаги и совершалась тогдашняя медленная процедура разрѣшенія и выдачи заграничнаго паспорта, онъ рѣшилъ по зову отца ѣхать къ нему въ деревню [3]).

---

[1]) Переписка Н. В. Станкевича, стр. 206 (изд. Анненкова).

[2]) Тамъ же, стр. 207.

[3]) Переписка Н. В. Станкевича, стр. 208.

Любинькѣ онъ написалъ о своей болѣзни и о томъ, что докторъ отправляетъ его за границу еще 15 марта. Вотъ это письмо:

«Я давно получилъ письмо ваше, но мнѣ хотѣлось отвѣчать, собравшись съ силами. Я этого напрасно дожидался, и такъ напишу вамъ нѣсколько строкъ. Послѣднее письмо ваше (его, къ сожалѣнію, нѣтъ въ моемъ матеріалѣ. *А. К.*) успокоило меня на счетъ всѣхъ вашихъ сомнѣній; но я, можетъ быть, встревожу васъ извѣстіемъ болѣе основательнымъ: мнѣ велятъ неизбѣжно ѣхать въ Карлсбадъ—вотъ уже двѣ недѣли, какъ я боленъ непостижимою для меня болѣзнью, хотя она и ясна доктору. У меня заболѣла шея, затылокъ, сдѣлался жаръ и теперь, хоть первыя мучительныя боли прошли, но какое-то лихорадочное состояніе продолжается до сихъ поръ. Вы представить себѣ не можете, что изъ меня сдѣлалось: восковая фигура. Кто ни взглянетъ,—всѣ смѣются! Это вещь не опасная, но докторъ говоритъ, что корень всѣхъ этихъ глупостей въ организмѣ, и что одно для меня спасеніе—Карлсбадъ, а здѣшнія воды (т.-е., вѣроятно, искусственныя. *А. К.*)—вредны. Не знаю, какъ я успѣю выпросить отпускъ у министра и какъ поѣду при такой слабости! Но болѣе всего мучитъ меня то, что, можетъ быть, это сдѣлаетъ дурное впечатлѣніе на вашихъ родителей, и они васъ будутъ тревожить; что вы будете снова безпокоиться—все это не выходитъ у меня изъ головы. На дняхъ я долженъ получить письмо отъ отца (—то, о которомъ уже была рѣчь выше. *А. К.*), гдѣ будетъ что-нибудь рѣшительное, а между тѣмъ намѣренъ посовѣтоваться съ докторомъ, не называя ему лицъ—пусть онъ скажетъ прямо и смѣло, что мнѣ дѣлать, и скоро ли могу я придти въ силы? Будьте тверды,—прошу васъ въ свою очередь. Я далекъ отъ опасности, но не совсѣмъ близокъ и къ тому состоянію, которое бы позволило мнѣ исполнить мое намѣреніе. Авось эта поѣздка поправитъ меня—мы увѣрены другъ въ другѣ—остальное возложимъ на судьбу. Я надѣюсь, что по возвращеніи буду совершенно здоровъ. Прощайте! Голова моя утомилась! Я переглядывалъ письмо—кажется, напоролъ вздоръ. Пусть не производитъ это письмо на васъ дурного дѣйствія: въ душѣ моей опять становится немножко свѣтлѣе, и я вѣрю всему хорошему. Прощайте!

Вашъ *Станкевичъ*».

Дальше рукой М. А. Бакунина:

«Nicolas ne se porte pas tout à fait bien, chère amie. Ecris lui plus souvent—tes lettres rendront l'harmonie et le calme à son âme.

Adieu. Ton ami et frère *M. Bacounine*».

На оборотѣ, рядомъ съ адресомъ, сдѣлана слѣдующая приписка, обращенная къ В. А. Дьяковой: «Chère Barbe, lis cette lettre, avant de la rendre à Lubinka», и затѣмъ другими чернилами приписано (очевидно, нѣсколько позже), что Станкевичу лучше, что онъ хорошо провелъ двѣ послѣднія ночи и что на душѣ у него стало спокойнѣе.

Это письмо сильно потрясло бѣдную дѣвушку; изъ отвѣта ея Мишелю видно, что любовь дѣйствительно вполнѣ овладѣла ея сердцемъ и что, несмотря на жестокость потрясшаго ее удара, всѣ ея мысли направлены на то, чтобы облегчить состояніе своего жениха. Вотъ это трогательное письмо въ переводѣ (оно писано по-французски):

«Мишель, добрый другъ мой, твое письмо разорвало мнѣ сердце—сестры прочли мнѣ его и онѣ должны были это сдѣлать. Не опасайся ничего на мой счетъ—Богъ далъ мнѣ силы, и я не упаду подъ тяжестью испытаній, которыя онъ судилъ мнѣ ниспослать. Мишель, моя единственная надежда, единственная утѣшительная мысль, которая мнѣ остается, это, что ты съ нимъ, что ты сумѣешь утѣшить его, поддержать его духъ, который долженъ быть теперь подавленъ всѣмъ, что ему пришлось претерпѣть. Будь его ангеломъ-хранителемъ, Мишель! Не оставляй его; успокой его на мой счетъ. Родители очень добры ко мнѣ—поэтому чего же бояться; да если бы даже они и были недовольны, я этого не боюсь, и они слишкомъ меня любятъ, чтобы недовольство ихъ могло долго длиться. Ради Бога, пусть онъ выполняетъ всѣ предписанія врача, пусть ѣдетъ въ Карлсбадъ и пусть возвращается оттуда лишь послѣ полнаго выздоровленія. Если бы ты зналъ, Мишель, какъ хотѣла бы я быть теперь въ Москвѣ, но, я чувствую, это невозможно. Родители никогда этого не дозволятъ...

«Ради Бога, Мишель, пиши намъ чаще и не позволяй ему это дѣлать, если это можетъ ему повредить. Прощай, цѣлую тебя тысячу разъ.

Твоя сестра *Любовь Бакунина*».

Такъ отнеслась она къ извѣстію о неизбѣжности долгой разлуки и о болѣзни своего жениха. Но не такъ покорно приняли это извѣстіе родители Любиньки съ одной стороны, сестры ея—съ другой.

Александръ Михайловичъ сгоряча заподозрилъ, что и тутъ всему виной является его сынъ Мишель и что это онъ уговорилъ Станкевича отправиться на неопредѣленный срокъ за границу, желая къ нему присосѣдиться и съѣздить на его счетъ. Онъ написалъ въ такомъ смыслѣ письмо къ Станкевичу, наполненное ѣдкими намеками на вредное вліяніе Мишеля. Письмо это очень обидѣло Станкевича. Онъ отвѣчалъ на него слѣдующимъ письмомъ отъ 6 апрѣля 1837 г.:

«Милостивый Государь Александръ Михайловичъ. Сію минуту получилъ я письмо ваше отъ 5 апрѣля и спѣшу на него отвѣчать. До сихъ поръ я думалъ что вы обо мнѣ лучшаго мнѣнія — я имѣлъ отчасти право такъ думать: это не было самолюбіе. Ваше вниманіе ко мнѣ, доброта ваша, наконецъ, послѣднее письмо, изъ котораго я видѣлъ согласіе ваше довѣрить мнѣ счастіе Вашей дочери, дочери, которая для васъ всего дороже на свѣтѣ, — не должны ли убѣдить меня въ этомъ? Эта твердая увѣренность, эта надежда на ваше неизмѣнное расположеніе были однимъ изъ утѣшеній въ моемъ самомъ непріятномъ положеніи. Но это не первое горе въ моей жизни; при томъ, если я не могу питать прежней увѣренности, если у меня будетъ еще однимъ безпокойствомъ больше, все таки моя святая обязанность вывести васъ изъ недоразумѣнія, успокоить васъ. Воля моего отца для меня такъ же свята, какъ для него мое счастіе. Вотъ все, что я могу сказать вамъ о моихъ съ нимъ отношеніяхъ. Касательно моихъ намѣреній не было у насъ переписки. Я сказалъ ему, потомъ написалъ, и, переговорившн съ дядею, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ прислалъ отвѣтъ, вамъ извѣстный. О моей болѣзни онъ еще ничего не зналъ. Вчера я получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ съ живѣйшимъ участіемъ пишетъ, что отослалъ мои бумаги объ отпускѣ, прибавивъ къ нимъ свои письма. Я никогда не думалъ противорѣчить его волѣ да это было бы и безумно послѣ того, что я писалъ вамъ объ нашихъ отношеніяхъ. Что касается до пріятелей, которымъ угодно прокатиться на мой счетъ, то я не считаю нужнымъ

говорить о томъ, какихъ людей я могу имѣть пріятелями: чтобъ повѣрить словамъ моимъ, надо быть сперва увѣреннымъ во мнѣ—и такъ, оставляя въ сторонѣ защиту моихъ пріятелей и догадки, кого изъ нихъ вы разумѣете (—а А. М. разумѣлъ Мишеля. А. К.), спѣшу сказать вамъ, что я ѣду съ однимъ своимъ человѣкомъ (т.-е. крѣпостнымъ лакеемъ. А. К.), который будетъ мнѣ нуженъ *до границы* и котораго я поспѣшу отослать назадъ. Наконецъ, какое же вы имѣете понятіе обо мнѣ, объ моихъ къ вамъ отношеніяхъ, полагая, что я готовъ забыть все, чтобы катать моихъ пріятелей. Если вы не сомнѣваетесь въ чистотѣ моихъ намѣреній, то я не считаю себя въ правѣ оскорбляться мнѣніемъ о степени моей самостоятельности и догадливости, которая не умѣетъ понять хитростей, которыя вы сами называете глупыми. Я перечитываю письмо и едва вѣрю глазамъ моимъ; мнѣ становится грустно—я такъ полагался на васъ, такъ вѣрилъ вашему доброму ко мнѣ расположенію и вдругъ... признаюсь, я не понимаю васъ, позвольте сказать вамъ откровенно. Особенно эта странная догадка о пріятеляхъ, когда я ѣду совершенно одинъ, для меня непостижима.

Что касается до моей болѣзни, то жалѣю, если моя слабость не позволитъ мнѣ указать вамъ островъ, который вы обвиняете, не знаю, въ хитрости, или въ... довѣрчивости, которой можно дать другое имя. Постараюсь скорѣе доставить вамъ письмо моего отца, какъ только позволитъ состояніе нынѣшнихъ дорогъ. Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Николай Станкевичъ».

Александръ Михайловичъ былъ очень смущенъ и поспѣшилъ отвѣтить, что онъ вполнѣ удовлетворенъ объясненіями Станкевича.

Варвара Александровна Дьякова протестовала не менѣе горячо, хотя и въ другой формѣ, противъ рѣшенія Станкевича ѣхать безъ Любиньки.

«Дорогой, добрый другъ,—писала она брату (по-французски),—ты не разсердишься, не правда ли, если я скажу тебѣ, что я нашла нѣсколько легкомысленнымъ твое послѣднее письмо? Вѣдь дали же мы слово другъ другу взаимно не имѣть ничего скрытаго, да и возможна ли дѣйствительная любовь безъ до-

вѣрія. безъ совершенной искренности? Ты говоришь объ отъѣздѣ и о такомъ долгомъ отсутствіи Станкевича, какъ о вещи совершенно естественной. Дорогой Мишель, нѣтъ ли какого-нибудь скрытаго (отъ насъ) побужденія, которое заставляетъ его такъ поступать? Извини эти подозрѣнія, дорогой другъ, я не могу быть такъ спокойна, какъ ты хотѣлъ бы, и твоя собственная искренность кажется мнѣ немного натянутой... Тутъ есть что-то такое, что вы хотите отъ насъ скрыть: со стороны ли его здоровья, или со стороны его отца, или—и это то, чего я боюсь всего больше,—не ошибся ли онъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ? О, Боже, избавь насъ отъ этого новаго несчастія! Большая часть его писемъ, которыя я читала, кажутся мнѣ натянутыми, мало естественными. Можетъ ли онъ считать Любашу такой слабой, столь мало способной къ истинной любви? Неужели же она будетъ спокойнѣе, зная, что онъ боленъ, печаленъ и далеко отъ нея, потому только, что она не жена его? Будетъ ли ей легче примириться съ утратой его, лишь потому, что она не принадлежала ему вполнѣ, что она не носила еще его имени, что она не была признана женой его въ глазахъ свѣта? Мишель, Мишель, не жена ли она его передъ лицомъ неба? Чего же онъ боится? Какое же побужденіе заставляетъ его разстаться съ ней на цѣлый годъ? Я вынуждена говорить, наконецъ, яснѣе, отбросивъ всякій ложный стыдъ, ради спокойствія дорогой моей Любаши. Если даже Станкевичу запрещенъ бракъ въ томъ, что въ немъ есть земного, можетъ ли это служить поводомъ къ ихъ разлученію? Любаша будетъ его другомъ, его сестрой—пусть они вмѣстѣ ѣдутъ въ Карлсбадъ. Любаша также слаба, воды Карлсбадскія и ей будутъ на пользу, я въ этомъ увѣрена. Если небо отказываетъ имъ въ счастіи, которымъ я пользуюсь (т.-е. въ счастіи имѣть сына. *А. К.*), то не будутъ ли они вознаграждены другимъ, которое не менѣе цѣнно и котораго мнѣ никогда не придется узнать?... Не слѣдуетъ быть неблагодарнымъ къ небу. Все, что происходитъ, не къ нашему ли добру? И самыя горести наши не возносятъ ли насъ къ Богу? Надо, чтобы вы подумали тоже, добрые друзья мои, и о затруднительномъ положеніи Любаши (т.-е. о положеніи внѣшнемъ. *А. К.*) Это иногда вовсе не пустяки, какъ вы думаете: эти любопытные и злорадные взгляды иногда бываютъ очень непріятны

для женщины. Но этимъ можно было бы еще поступиться, если бы она была спокойна въ глубинѣ сердца; тогда она держалась бы твердо противъ всѣхъ этихъ нападковъ внѣшняго міра. Но собственное ея сердце и огорченіе родителей... А она такая хрупкая... Дорогой другъ, ради Бога, если еще возможно перемѣнить, перемѣните, перемѣните! Мы еще ничего не сказали родителямъ—дай Богъ, чтобы они хорошо приняли эту новость! Мнѣ кажется, Мишель,—не сердись на это, умоляю тебя,—что подозрѣнія ихъ на этотъ разъ были бы извинительны, потому что я сама, зная его лучше, съ трудомъ могу отъ нихъ освободиться.—Будешь бояться, когда дѣло идетъ о судьбѣ любимаго существа»...

Станкевичъ попалъ такимъ образомъ въ тяжелое, можно сказать, невыносимое положеніе, изъ котораго трудно было найти удовлетворительный выходъ. Жениться, сомнѣваясь въ истинности своего чувства, онъ не могъ. Этого не допускали и его искреннее и горячее сердце, и положенія того философскаго нравственнаго кодекса, который былъ принятъ въ его кружкѣ. А между тѣмъ онъ ясно долженъ былъ видѣть и понимать, что отказъ его теперь долженъ былъ дѣйствительно разбить сердце Любиньки и, можетъ быть, погубить это нѣжное и кроткое существо, отдавшее именно теперь, послѣ большихъ колебаній, но уже безвозвратно, ему свое сердце.

Внѣшнее рѣшеніе, призрачность и непрочность котораго была очевидна, было придумано Станкевичемъ сообща съ Мишелемъ. Пользуясь своей дѣйствительно серьезной болѣзнью, Станкевичъ рѣшилъ ѣхать или, вѣрнѣе, бѣжать отъ предмета своей любви за границу, формально не разрывая своихъ отношеній,—бѣжать, не простившись, не повидавшись передъ разлукой, потому что при личномъ свиданіи онъ не могъ бы скрыть того, что происходило въ его сердцѣ. Но и это рѣшеніе нельзя было привести въ исполненіе немедленно, потому что приходилось выждать отпуска или отставки, безъ чего нельзя было получить и заграничнаго паспорта. Въ ожиданіи Станкевичъ, слѣдуя зову отца, поѣхалъ къ себѣ въ Воронежскую губернію, гдѣ и пробылъ до августа; а въ августѣ отправился за границу, оправившись физически, но въ состояніи душевной тоски и полнаго нравственнаго упадка—въ состояніи *паденія*, какъ выражались тогда въ ихъ кружкѣ.

Еще 30 апрѣля 1837 г., передъ самымъ выѣздомъ изъ Москвы, онъ писалъ своему другу Невѣрову:

«Ты не можешь себѣ представить, въ какомъ я тяжеломъ положеніи, но надобно нести всю *Negativität des Lebens*. Ничто такъ не опустошаетъ, не сушитъ души, какъ опасенія, заботы, планы—но какъ быть? Авось пройдетъ эта смутная пора и на душѣ станетъ опять тепло» [1]).

Въ своемъ уныніи и разочарованіи въ возможности для него истиннаго счастія онъ чувствовалъ себя опустившимся нравственно и пытался, повидимому, забыться, отдавшись пошлой внѣшней обыденной жизни. Въ такомъ же приниженномъ настроеніи духа, въ такомъ же «моментѣ паденія» находился въ то время и Бѣлинскій. Да и самъ Мишель впалъ, повидимому, въ полосу упадка и разочарованія. «Очарованіе нашего круга—писалъ объ этомъ моментѣ Бѣлинскій [2])—исчезло.— Мы... сходясь вмѣстѣ, боялись расшевелить раны одинъ другого. По крайней мѣрѣ, ты согласишься, что ты по необходимости былъ связанъ въ присутствіи Станкевича, такъ же какъ онъ въ твоемъ, и я въ его» [3])...

---

[1]) Переписка Н. В. Станкевича, стр. 209.

[2]) Въ письмѣ отъ 16 августа 1837 г. изъ Пятигорска.

[3]) Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ М. Бакунину, напечатанномъ въ новомъ изданіи „Переписки" (отъ 31 мая 1837 г.), Станкевичъ такъ изобразилъ свое душевное состояніе (по-нѣмецки): „Пустою или опустошенною—не знаю, какъ назвать мою душу? Опустошенною? Но что же было въ ней? Пустою? Но совершенно пустою она можетъ быть лишь у глупца, а я себя не считаю таковымъ. Надѣюсь и ты также. Милый другъ, въ ней было что то и что то еще осталось; но оно такъ мало и бѣдно. А я надѣялся на такую богатую, такую полную жизнь. Въ этомъ — моя ошибка, моя вина. Я хотѣлъ быть счастливымъ, но получить это счастье извнѣ, и у меня не оказалось способности наслаждаться этимъ счастьемъ. Любовь—религія, единственно возможная религія, а религія должна наполнять каждый моментъ, каждую точку въ жизни; иначе любить не можетъ человѣкъ, мало-мальски сознающій себя; но для того, чтобы быть способнымъ къ такой любви, надо быть болѣе развитымъ, надо быть духомъ, я же былъ лишь душою и, притомъ, болѣлъ прекраснодушіемъ. Во мнѣ не было этой возвышенной, дѣятельной жизни; я имѣлъ объ ней лишь понятія, которыхъ я не сдѣлалъ еще своимъ собственнымъ существомъ, я питалъ уваженіе къ этой жизни; да, конечно, въ душѣ моей уже зарождалась любовь къ ней, но я не могъ еще объять всю эту высшую жизнь во всемъ ея объемѣ; у меня передъ глазами стоялъ все еще какой-то средній путь, къ которому мы всѣ съ дѣтства болѣе или менѣе привыкли. Въ этомъ заключалось все наше несчастіе, и эта ужас-

Но когда Мишель, успѣвши уже выбраться изъ этого состоянія душевной прострацiи, «возставшій» изъ своего «паденія», какъ они выражались, сталъ въ августѣ 1837 года рѣзко упрекать Бѣлинскаго и Станкевича за то, что они все еще продолжали находиться въ моментѣ «паденія», и съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ противополагать себя имъ, то Бѣлинскій, охотно признавая справедливость всѣхъ укоризнъ, направлявшихся по его адресу, и даже дополняя ихъ со своей стороны, возмутился высокомѣрнымъ отношеніемъ Мишеля къ Станкевичу.

«Итакъ,—писалъ онъ послѣ ряда рѣзкихъ опредѣленій своей собственной особы,—ни слова обо мнѣ: на мой счетъ ты, можетъ быть, очень и очень правъ. Но я не могу понять этого презрительнаго сожалѣнія, этого обиднаго состраданія, съ которымъ ты смотришь на паденіе Станкевича. Дай Богъ, чтобы онъ возсталъ скорѣе, чтобы онъ скорѣе вышелъ изъ этой ужасной борьбы; но я бы первый презрѣлъ его, какъ подлеца и эгоиста, если бы онъ не палъ, не палъ ужасно. Перебирая въ умѣ всѣ возможныя несчастія: непризнанную любовь, лишеніе всего милаго въ жизни, ссылку, заточеніе, пытку, я еще въ иную минуту вижу духъ мой наравнѣ или еще и выше этихъ несчастій. Но пусть они всѣ обрушатся на мою голову, только избавь меня, Боже, отъ такого несчастія (въ какое впалъ Станкевичъ)! Какъ?—быть виною несчастія цѣлой жизни совершеннѣйшаго и прекраснѣйшаго Божьяго созданія, посулить ему рай на землѣ, осуществить его святѣйшія мечты о жизни и потомъ сказать: я обманулся въ своемъ чувствѣ, прощайте! Этого мало: не смѣть даже и этого сказать, но играть роль лжеца, обманщика, увѣрять въ... Боже мой!... Да, ты—пошлый человѣкъ, Мишель, если не понимаешь необходимости его па-

---

ная катастрофа была, быть можетъ, необходима, чтобы спасти мою душу отъ болѣзненнаго прекраснодушія, вялости, разрушить воображаемую, призрачную жизнь, поселить меня въ дѣйствительный міръ, дабы я могъ существовать въ немъ конкретно, какъ человѣкъ, какъ дѣйствительный разумъ, или же познать мое ничтожество во всей наготѣ его и тогда... что же осталось бы мнѣ? Самоубійство? Нѣтъ! я не способенъ на это; это—низость, я никогда, до послѣдняго часа не утрачу надежды стать человѣкомъ; но эти мѣры рока къ нашему исправленію—ужасны, и потому скажу я—это печальный примѣръ"!... И далѣе онъ противополагаетъ себя Мишелю, какъ человѣку во всѣхъ отношеніяхъ „болѣе его сильному" и „болѣе нормальному".

„Переписка Станкевича" изд. 1914 г., стр. 625 и слѣд.

денія! Твое положеніе къ извѣстнымъ лицамъ (т.-е. къ сестрамъ, передъ которыми онъ скрывалъ истину. *А. К.*) есть счастіе, блаженство, въ сравненіи съ его положеніемъ къ нимъ, а твое положеніе все-таки ужасно, и одно то, что ты еще держишься, свидѣтельствуетъ о желѣзной силѣ твоего духа. Нѣтъ, Мишель, я лучше тебя понимаю этого человѣка: онъ не нашъ и его нельзя мѣрить на нашу мѣрку. Я и теперь, такъ же какъ и прежде, объясняю странный феноменъ, который непонятенъ. Этотъ человѣкъ любилъ истинно, и когда *она* узнаетъ все, и онъ послѣ этого оживетъ, то онъ снова будетъ любить ее, но уже никому не скажетъ объ этомъ. Всякое личное счастіе онъ считаетъ похищеніемъ у его назначенія, на всякія человѣческія оковы онъ смотритъ, какъ на задержку въ своемъ ходѣ. Идеалъ его жизни—блаженство въ отреченіи отъ себя, блаженство въ страданіи. Онъ не сознаетъ, но чувствуетъ, что не принадлежитъ самому себѣ и не имѣетъ права располагать собою. Я знаю его давно, и никогда, самъ не знаю почему,—никогда не могъ примириться съ мыслью о возможности для него того счастія, которое такъ свойственно, такъ естественно человѣку и въ которомъ ему завидуютъ сами ангелы. Знаю, что онъ разсердился бы, если бы я это сказалъ ему въ глаза, но я увѣренъ, что понимаю его лучше, нежели онъ самъ себя. Мнѣ понятно, почему онъ не можетъ примириться съ мыслью о безсмертіи, котораго, впрочемъ, жаждетъ душа его: въ безсмертіи онъ видитъ конецъ страданія, видитъ награду... И этого-то человѣка ты обвиняешь за паденіе, не зная того, что если ему суждено встать, то намъ надо будетъ смотрѣть на него, высоко поднявъ голову: иначе мы не разсмотримъ и не узнаемъ его»!

(Письмо отъ 16 августа 1837 г.).

Такое преклоненіе передъ Станкевичемъ нисколько не мѣшало, однако жъ, «неистовому Виссаріону» отчетливо видѣть всю тяжесть его вины, какъ это видно изъ начала только что приведеннаго отрывка. Къ своему же объясненію сущности чувства и поведенія Станкевича во всей этой исторіи онъ возвращается и въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 1 ноября 1837 г. онъ писалъ тому же Мишелю:

«Ты и въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ, соглашаясь со мною, что Станкевичъ человѣкъ геніальный, что онъ всег-

да будетъ показывать намъ дорогу и проч., не говоришь мнѣ: правъ ли я, утверждая, что паденіе его было неизбѣжно и что онъ былъ бы величайшій эгоистъ и подлецъ, если бы не палъ, не палъ глубоко, хотя и на время. Что же касается до моей будто бы ошибки насчетъ того, что назначеніе Станкевича есть страданіе,—то ты не понялъ меня. Его цѣль, какъ и всѣхъ, есть блаженство, но только путемъ отреченія отъ всякаго личнаго счастія, какъ похищенія у цѣли назначенія: вотъ какъ я понимаю Станкевича, можетъ быть и ложно, но, по крайней мѣрѣ, безъ противорѣчія истинѣ. Возможность такого характера въ человѣкѣ геніальномъ, призванномъ на великое дѣло, для меня не непонятна, хотя въ самомъ себѣ, въ отношеніи къ самому себѣ я ее и не понимаю»...

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ [1]) Бѣлинскій опять повторяетъ:

«Ты знаешь, что я по-своему толкую исторію Станкевича, я вѣрю, что не любовь была его фантазіей, а, напротивъ, увѣренность въ ложности этого чувства была фантазіею *вслѣдствіе спертой воли, чему причиною твое прекраснодушіе*»...

Это послѣднее выраженіе, означавшее не что иное, какъ указаніе на стремленіе Мишеля въ 1836—37 годахъ сводить всякое чувство къ опредѣленной отвлеченной теоріи, довольно удачно характеризовало роль Мишеля во всей этой исторіи; но что касается взгляда на сущность самаго чувства Станкевича къ Любинькѣ, то едва ли Бѣлинскій былъ правъ въ этомъ случаѣ. По крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ письмамъ Станкевича, писаннымъ уже въ 1838 г., можно вывести объ этомъ совершенно иное заключеніе.

Такъ, въ письмѣ отъ 9 января 1838 г., онъ писалъ Мишелю:

«Не думай также, чтобы я возвращался къ тѣмъ чувствамъ, которыя родились у меня фальшиво, а вновь родиться и родиться истинно никакъ не могли: такое возвращеніе была бы новая фантазія, новая прихоть воображенія. Нѣтъ,—у меня родилось сомнѣніе, которое въ здоровой свободной натурѣ или не могло бы вовсе родиться, или скоро перешло бы въ убѣжденіе. Дѣло идетъ о самой любви и ея значеніи. Въ сторону осторожности и деликатности: изъ нихъ тысячи недоразумѣній и глупостей! Я никогда не любилъ. Любовь у меня всегда

---

[1]) Между 1 и 15 ноября 1837 г.

была прихоть воображенія, потѣха праздности, игра самолюбія, опора слабодушія, интересъ, который одинъ могъ наполнить душу, чуждую подлыхъ потребностей, но чуждую и всякаго истиннаго субстанціальнаго (говоря языкомъ философскимъ) содержанія. Дѣйствительность есть поприще настоящаго сильнаго человѣка — слабая душа живетъ въ Jenseits, въ стремленіи, и въ стремленіи неопредѣленномъ; ей нужно что-то (потому что въ ней самой нѣтъ ничего опредѣленнаго, что бы составляло ея натуру и потребность). Какъ скоро это неопредѣленное сдѣлалось *etwas*, опредѣленнымъ, душа опять выбирается за предѣлы дѣйствительности. Это моя исторія; вотъ явная причина всей бѣды; то, что Бѣлинскому кажется геніальностію,—мерзость просто...» Дальше онъ сообщаетъ свой новый философскій взглядъ на любовь [1]).

Въ маѣ 1838 г. въ одномъ изъ писемъ къ Грановскому Станкевичъ писалъ:

«Вчера получилъ письмо отъ Мишеля... Не знаю, какъ прошелъ слухъ о возвращеніи моемъ осенью. Тамъ едва ли что остается мнѣ дѣлать»... [2])

Наконецъ въ письмѣ отъ 25 іюля того же года (также къ Грановскому) онъ писалъ еще яснѣе: «...нѣтъ, бракъ не по любви есть лицемѣрство. Пожертвованіе прекрасно, но оно должно быть истинно. Сколько святости, прекраснаго душевнаго развитія имѣетъ Любинька Бакунина! Я въ правѣ спрашивать себя: *почему* ты ее не любишь? Не есть ли это слѣдствіе твоей испорченности? Трудно отвѣчать на такой вопросъ; но отъ этого не больше любви въ моемъ сердцѣ, и я остаюсь при прежнемъ рѣшеніи, закрывая глаза передъ слѣдствіями. Ахъ, Тимоѳей! Въ жизни на каждомъ шагу collision. Счастливъ тотъ, кто еще до самобытнаго вступленія на ея поприще получилъ гармоническое духовное воспитаніе; а мы на волнахъ занимаемся изобрѣтеніемъ компаса (остроумное сравненіе!). Не рефлектируй, братъ, много. Какъ начинаешь путаться въ антиноміяхъ, давай себѣ скорѣе отдыхъ. Помни, что *созерцаніе* необходимо для развитія *мышленія*» [3]).

---

[1]) „Переписка" новое изд., стр. 650.

[2]) „Переписка Н. В. Станкевича", стр. 249 (старое изд.).

[3]) „Переписка Н. В. Станкевича", стр. 263—264 (старое изд.).

Въ сущности въ душѣ Станкевича, несмотря на тягостное его положеніе, началось стремленіе къ пробужденію и дѣятельности еще до отъѣзда за границу. Еще въ августѣ 1837 г. Бѣлинскій получилъ отъ него письмо, содержаніе котораго онъ такъ передаетъ Мишелю (въ письмѣ отъ 16 августа 1837 года):

«Недавно я получилъ письмо отъ Станкевича. Бѣдный тяжело страдаетъ; *но привычка, такъ сказать, къ жизни идеи* видна во всемъ. Попрежнему онъ пишетъ о томъ, что занимаетъ его душу, попрежнему даже паясничаетъ, и между выраженіями души убитой и растерзанной у него попрежнему вырываются шутки, отъ которыхъ нельзя не хохотать. Но эти шутки и фарсы у него вырываются сквозь слезы. Онъ пишетъ ко мнѣ, что ты все открылъ всѣмъ, кромѣ *ея*. Fiat voluntas tua!—вотъ все, что онъ говоритъ объ этомъ. Впрочемъ, замѣтно, что онъ доволенъ твоимъ поступкомъ. Я съ своей стороны тоже доволенъ, что къ развязкѣ, какова бы она ни была, уже сдѣланъ одинъ шагъ. Роль ваша ужасна... Очень радуетъ его твое извѣстіе, что В. А. хочетъ писать къ нему. «Можетъ быть, это только утѣшеніе, говоритъ онъ, но спасибо ему—оно, ей-ей, утѣшило меня. Если Богъ вывезетъ меня изъ нравственнаго ничтожества, я опять буду не одинъ на свѣтѣ—я такъ высоко цѣнилъ это семейство. О, тяжело жить безъ кумира! Если не любовь,—сочувствіе необходимо въ этой жизни» [1]).

Итакъ, Любинька осталась формально невѣстой Станкевича до самой своей смерти (въ августѣ 1838 г.), хотя для самого Станкевича невозможность брака съ ней, вслѣдствіе отсутствія у него истиннаго чувства любви, была ясна уже весной 1837 г., когда онъ едва лишь успѣлъ сдѣлать свое формальное предложеніе. Онъ находилъ въ себѣ силу переписываться съ ней, не открывая ей истины, чтобы не убить ее [2]). Что касается родныхъ ея, то хотя въ только что приведенномъ письмѣ Бѣлинскаго и сказано, что Мишель открылъ всѣмъ *все*, но на самомъ дѣлѣ онъ открылъ, вѣроятно, далеко не все, и до самой смерти Любови Александровны, какъ видно изъ ея писемъ къ

---

[1]) Жизнерадостность Станкевича проскальзываетъ и въ самыхъ тяжелыхъ письмахъ его этого времени къ Мишелю. См. стр. 627 и слѣд. въ новомъ изданіи „Переписки“.

[2]) „Переписка“ (новое изданіе), стр. 522 и далѣе.

Мишелю и къ Станкевичу, у нихъ не пропадала надежда, что въ концѣ-концовъ Любинька и Станкевичъ соединятся, хотя, конечно. они не могли не видѣть и не чувствовать, что дѣло идетъ далеко не благополучно.

Можно сказать, что послѣдніе полтора года своей короткой жизни Любинька жила между надеждой и мучительными сомнѣніями. Здоровье ея все ухудшалось, и она, видимо, таяла на глазахъ у всѣхъ, оживляясь лишь въ рѣдкіе моменты полученія писемъ отъ Станкевича.

«У насъ давно нѣтъ никакихъ извѣстій отъ Станкевича,— писала она (по-французски) Беерамъ 15 іюля 1837 г.—Боже, не боленъ ли онъ опять! Что ждетъ меня въ будущемъ? Я вижу, что родители мои въ большой тревогѣ, хоть они и стараются скрыть это отъ меня. По внѣшности у насъ все спокойно; но если бы посмотрѣть, что дѣлается внутри каждаго изъ насъ!..»

«Вотъ я въ Твери,—писала она сестрамъ 26 августа,—печальная, но спокойная и покорная—полная довѣренности къ Богу. Я прочла письмо Станкевича къ Мишелю, и онъ сказалъ мнѣ сказать все папенькѣ. Его обвиняютъ. Я одна его защищаю. О, если онъ меня любитъ, то ничто болѣе не можетъ отдѣлить его отъ меня. Я не боюсь препятствій, упрековъ. Мишель тоже противъ него. Я же убѣждена, что иначе онъ поступить не могъ» (то-есть не могъ не ѣхать за границу. *А. К.*).

Наконецъ, въ сентябрѣ 1837 г. получено было первое письмо Станкевича съ дороги, еще изъ Россіи—изъ Кіева.

«Ваше письмо—писала ему Любинька 16 сентября 1837 г.— дало мнѣ новую жизнь. Мѣсяцъ неизвѣстности заставилъ меня опять бояться. Съ какою радостью получу первое письмо ваше изъ-за границы. Тогда только я буду нѣсколько покойнѣе. Я также увѣрена, что перемѣна тяжелаго нашего климата на теплый, здоровый климатъ чужихъ краевъ возобновитъ ваши силы. Одно только пугаетъ меня: по газетамъ видно, что холера ужасно тамъ свирѣпствуетъ. Ради Бога, будьте осторожны не шутите жизнью. Видъ Кіева не сдѣлалъ надъ вами никакого особеннаго впечатлѣнія; это меня не удивляетъ—въ какомъ расположеніи оставили вы Россію! Я думаю, что посторонніе предметы, особливо памятники древности, тогда

только могутъ надъ нами дѣйствовать, когда въ душѣ царствуетъ совершенная гармонія; а вы сами говорите, что все это время тоска овладѣвала вами. Что-то вы напишете изъ чужихъ краевъ? Впрочемъ, какъ сравнить бѣдную нашу Россію съ мѣстами, которыя такъ богаты воспоминаніями.

«У насъ тихо, покойно, по крайней мѣрѣ такъ кажется по наружности. Подивитесь моей храбрости: я прожила около трехъ недѣль въ Твери, была даже на балѣ, можете посудить, весело ли мнѣ было»...

Далѣе она пишетъ, что сдѣлала это изъ угожденія родителямъ и чтобы способствовать водворенію мира въ семьѣ и что Мишель старается о томъ же и уже достигъ установленія очень хорошихъ отношеній съ отцомъ, который съ нимъ даже вмѣстѣ читаетъ и охотно разговариваетъ о вещахъ, о которыхъ раньше всегда избѣгалъ говорить съ ними.

Къ письму этому Татьяна сдѣлала слѣдующую приписку по-нѣмецки:

«Да, вѣчный миръ заключенъ между нами. Можете ли вы насъ любить, какъ мы любимъ васъ? Воспоминаніе о васъ не только дорого намъ, но оно навѣваетъ въ наши сердца вѣру въ истинное и прекрасное. Да не оставитъ васъ никогда Господь и да покоится на васъ благословеніе неба.

Татьяна».

Въ письмѣ, начатомъ 27 ноября, прерванномъ серьезной болѣзнью Любиньки и конченномъ 19 и 20 декабря 1837 г., Любинька пишетъ:

«Сегодня уѣхалъ отъ насъ Миша. Никогда еще не жили мы такъ хорошо вмѣстѣ, какъ въ этотъ разъ. Мы еще болѣе узнали, полюбили другъ друга. Я уже не боюсь говорить съ нимъ,—онъ сдѣлался такъ кротокъ, такъ снисходителенъ. Признаюсь, что прежде я невольно удалялась отъ него: въ немъ было все такъ бурно, и это производило на меня страшное дѣйствіе. Хотя и тогда я уже во многомъ соглашалась съ нимъ, но старалась избѣгать разговоровъ. Мнѣ тяжело было послѣ нихъ. Теперь же какая разница: я нахожу такую отраду говорить съ нимъ, какъ грустно, что онъ уѣхалъ. Мы опять останемся совершенно однѣ: папенька и маменька ѣдутъ въ Тверь. Саша (маленькій сынъ Варвары Александровны Дьяковой.

А. К.), который день ото дня становится милѣе,—утѣшеніе для насъ всѣхъ. Когда у него спросишь, кто Станкевичъ? Онъ отвѣчаетъ: Любинькинъ другъ. Вы видите, что онъ васъ теперь уже знаетъ»...

20 декабря (въ томъ же письмѣ) она писала:

«Тотчасъ получила письмо ваше—такъ весело, такъ свѣтло сдѣлалось на душѣ. Оно придало мнѣ силъ, здоровья—это лучшее лѣкарство. Вы говорите, что васъ что-то безпокоитъ. Мишель ничего намъ объ этомъ не пишетъ, да я не знаю, получилъ ли онъ отъ васъ письмо,—можетъ быть, зная, что я больна, онъ секретничаетъ. Рука дрожитъ, а не хочется оставить пера... Какъ полюбили мы всѣ Вердера (берлинскій профессоръ и другъ Станкевича. *А. К.*). Но зачѣмъ же вы себя мучаете? Гдѣ же упованіе, гдѣ же надежда на Бога? Просите и дастся вамъ! Я такъ въ этомъ убѣждена. Молю Бога, чтобы онъ удалилъ отъ васъ всѣ черныя мысли и послалъ въ вашу душу тишину и спокойствіе. У насъ все по старому—то совершенная тишина, то опять найдутъ тучи... Варенькино путешествіе въ Карлсбадъ еще не вѣрно. Одному Богу извѣстно, чѣмъ кончится грустное ея положеніе (объ этомъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. *А. К.*). Саша милъ какъ нельзя больше—такъ смѣшно васъ называетъ. Сестры вамъ кланяются. Прощайте. Боюсь, что не разберете письма моего—болѣзнь моя совершенно миновалась, но осталась еще слабость. Прощайте, да сохранитъ васъ Богъ.

Л. Б.».

На письмѣ этомъ сдѣлана приписка рукою Татьяны:

«Elle a été bien malade—le Ciel l'a rendue à votre amour» [1]).

Это письмо произвело очень тревожное впечатлѣніе на Станкевича. Онъ отвѣчалъ на него тотчасъ же по полученіи, 1/13 января 1838 г.

«Вы были больны,—писалъ онъ,—больны опасно,—и я ничего не зналъ объ этомъ! Ни Мишель, ни сестры ваши не хотѣли меня извѣстить! Въ послѣднемъ письмѣ своемъ сказалъ только Мишель, что вы *не такъ здоровы*, а я по рукѣ вашей вижу, что вы и теперь еще не освободились отъ слабости—и не сказать мнѣ ни слова! Это ужасно! Я пишу вамъ, когда у

[1]) Она была очень больна. Небо вернуло ее вашей любви.

меня болятъ пальцы, а вы молчали, когда жизнь ваша была небезопасна... Но теперь все миновалось, если можно вѣрить вашему письму. Дай Богъ, чтобъ болѣзнь могла имѣть такія благодѣтельныя слѣдствія, какъ вы обѣщаете. Однако, это страшно! Не знать ничего, когда вы были въ такомъ положеніи—мои безпокойства были не даромъ. Остерегайтесь, ради Бога! Теперь настаютъ самые дурные мѣсяцы для здоровья въ Россіи: перемѣна, сырость, дождь, холодъ—надо быть какъ можно осторожнѣе! Но ни вы, ни Татьяна Александровна не пишете мнѣ, чѣмъ, отчего вы были нездоровы? Напишите мнѣ, ради Бога: я не буду покоенъ, пока не получу извѣстія»...

Въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ портрета онъ писалъ своей невѣстѣ:

«...Я спрошу Грановскаго, можно ли переслать портретъ и, если можно, постараюсь. Не знаю только, какъ это сдѣлать. Впрочемъ, признаюсь вамъ, мнѣ бы этого не хотѣлось, потому что носъ мой прибавился на вершокъ въ длину, и это мнѣ совсѣмъ не къ лицу. Здѣсь одинъ русскій медикъ никакъ не найдетъ себѣ живописца, который бы могъ списать съ него похожій портретъ,—съ однимъ онъ имѣлъ за это процессъ. Прощайте, да сохранитъ васъ Богъ! Благодарите Татьяну Александровну за приписку и поклонитесь Варварѣ и Александрѣ Александровнамъ. Спѣшу отправить письмо. Благодарю васъ за любовь къ моему Вердеру—онъ очень расположенъ, какъ кажется, ко мнѣ. Сегодня рекомендовалъ мнѣ доктора Ашерсона и говоритъ, что содѣйствовать сбереженію моего здоровья, сколько онъ можетъ, есть его обязанность. Впрочемъ, меня безпокоятъ только руки, прочее исправно. Прощайте еще разъ! Поцѣлуйте Сашу, если онъ не уѣхалъ; я радъ, что онъ помнитъ меня и такъ хорошо опредѣляетъ. Прощайте, спѣшу отправить.

Вашъ *Станкевичъ*».

Въ припискѣ стояло: «Ради Бога не откладывайте написать ко мнѣ, чѣмъ вы были нездоровы и каковы теперь? Я не могу быть покоенъ безъ этого. Да сдѣлайте одолженіе, говорите правду».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ получено было еще другое письмо Станкевича, въ которомъ, повидимому, были какія-то горькія, пессимистическія сужденія о себѣ самомъ и о состояніи своего внутренняго міра. Это письмо было увезено Мишелемъ въ

Москву и тамъ читалось и обсуждалось имъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ. Къ сожалѣнію, его нѣтъ въ нашемъ матеріалѣ; но на Мишеля оно произвело, видимо, большое впечатлѣніе; онъ и Бѣлинскій усмотрѣли въ немъ поводъ къ надеждѣ на измѣненіе чувства Станкевича въ благопріятную для Любиньки сторону [1]). Мишель даже хотѣлъ было писать объ этомъ Станкевичу, но не кончилъ письма и не послалъ его. Оно сохранилось, однако, въ архивѣ и, какъ любопытный образецъ тогдашнихъ разсужденій друзей Станкевича о сущности и истинности его чувствъ, мы приведемъ его здѣсь. На немъ дата: Москва, 18 8/III 38.

«Другъ Николай! — писалъ Бакунинъ, — вчера мы прочли вмѣстѣ съ Виссаріономъ твое письмо къ Любашѣ и разсуждали уже не объ томъ, была ли въ тебѣ любовь, или нѣтъ, исчезла ли она въ тебѣ, или только стѣснена ложностью, неопредѣленностью и прекраснодушіемъ (въ нелестномъ гегелевскомъ смыслѣ этого слова, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди. *А. К.*), твоего настоящаго состоянія Духа, — объ этомъ мы также иногда разсуждаемъ, и всѣ разсужденія наши кончаются какъ-то неопредѣленно; — въ старину, судя по нѣкоторымъ изъ твоихъ писемъ, мы непремѣнно рѣшили бы, что ты любишь и самъ не знаешь этого; но теперь мы стали осторожнѣе въ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ. Опытъ, показавшій намъ, что мы легко можемъ ошибаться въ своихъ исчисленіяхъ вѣроятностей, но еще болѣе сознаніе своего недостаточно разумнаго знанія сердца человѣческаго останавливаютъ насъ отъ опрометчивыхъ сужденій. — Нѣтъ, мы говоримъ о болѣзненности твоего Духа и о твоемъ прекраснодушіи вообще. Въ письмѣ твоемъ къ сестрѣ кроются: какая-то тоска, какая-то безнадежность на выходъ, на совершенное примиреніе съ собою. Кромѣ того, ты, который такъ ясно и глубоко созналь вредъ вникания въ самого себя, ты безпрестанно вникаешь въ себя; говоришь о призрачности своего хорошаго расположенія»...

На этомъ письмо и обрывается. Вмѣсто него Мишель написалъ Станкевичу около этого времени другое письмо, которое

---

[1]) Въ новомъ изданіи „Переписки" Станкевича на стр. 558 напечатано письмо его къ Л. А. Бакуниной отъ 18/6 февраля 1838 г., но изъ этого письма едва ли можно было сдѣлать выводы, подобные тѣмъ, къ какимъ пришли Бакунинъ и Бѣлинскій.

не сохранилось и въ которомъ, какъ видно изъ письма Станкевича къ Грановскому, приведеннаго выше [1]), онъ сообщалъ распространившійся среди московскихъ друзей Станкевича слухъ о возвращеніи его осенью 1838 года. Мы видѣли уже, однако, съ какою опредѣленностью отрицалъ въ это время Станкевичъ наличность въ себѣ истинной любви къ Любинькѣ.

Послѣднее (изъ сохранившихся, по крайней мѣрѣ) письмо Любови Александровны, писанное 13 іюня 1838 г.—за два мѣсяца до ея смерти,—полно тою же любовью, покорностью и грустью, какъ и всѣ остальныя. Вотъ оно:

«Пишу, а сама не знаю, куда адресовать мои письма: Миша не привезъ его (вѣроятно, письма Станкевича. *А. К.*) изъ Москвы, и я принуждена ждать, покуда пришлютъ его оттуда. Въ Премухинѣ теперь совершенная пустыня. Вчера маменька съ сестрами поѣхали въ Москву. Танюша все страдаетъ зубами и рѣшилась прибѣгнуть къ дантисту. Итакъ, насъ осталось четверо: папенька, Миша и Варинька (Имбергъ—сирота-воспитанница. *А. К.*). Сестра Варинька только послѣ-завтра оставляетъ Петербургъ, который ей ужасно надоѣлъ (чтобъ ѣхать за границу. См. слѣд. главу. *А. К.*). Саша (маленькій сынъ В. А. Дьяковой. *А. К.*) также скучаетъ, но не долго будетъ онъ помнить Премухино. Увидите ли вы ихъ? Когда-то я получу отъ васъ письмо?—Богъ знаетъ, что я передумала въ эти два мѣсяца вашего молчанія.—Наконецъ, Миша пріѣхалъ изъ Москвы и сказалъ, что есть письмо, но что оно не у него, а ѣдетъ съ Егоромъ, который отправился съ обозомъ (sic!). Я всякій день ѣздила ему навстрѣчу—это продолжалось около недѣли. Одинъ разъ, катаясь съ Сашею, мы его издалека увидали и узнали. Тутъ я невольно вспомнила Наталью—она во время ихъ пребыванія въ Бобровѣ ожидала черезъ него записку изъ Премухина (вѣроятно, отъ Мишеля. *А. К.*). Lorsqu'elle l'a vu paraître le billet à la main, elle prètend avoir trouvé sa figure sublime. Voila justement que j'ai trouvé aussi en le voyant arriver et en pensant qu'il m'apportait de vos nouvelles [2]).

---

[1]) Стр. 314. Срав. „Переписку Н. В. Станкевича“, стр. 249.

[2]) „Когда она увидѣла, что онъ появляется съ письмомъ въ рукѣ, то лицо его, какъ она увѣряетъ, ей начало казаться прекраснымъ. Вотъ это-то именно и я нашла, когда увидала, что онъ ѣдетъ, и подумала, что онъ везетъ мнѣ вѣсти объ васъ“.

«Какой добрый Януарій Михайловичъ (Невѣровъ), какъ благодарна я ему за попеченія его объ Васъ. Я еще съ перваго знакомства полюбила его. Это очень хорошо, что вы его боитесь, но стыдно обманывать. Совѣтую ему быть построже. Vous êtes un enfant gâté—il faut donc un peu de sévérité avec vous.

«Nous n'avons présque pas d'été, il n'y ai que bien peu de journées chaudes. Vous êtes plus heureux que nous, vous jouissez d'un bon climat. Vous voyez continuellement de beaux cytes. Vous admirez la nature dans toute sa sublime beauté. Les bords du Rhin doivent être magnifiques.—Mais que tout cela ne vous fasse pas oublier et mépriser nous autres pauvres habitants de climat plus rigoureux. Quoiqu' elevés au milieu des neiges, nos coeurs sont chauds—ils demandent à être aimés. Mais je suis vraiment folle de plaider ainsi la cause des habitants de notre froide et chère Russie, en m'adressant à vous, qui pouvez vous glorifier aussi d'être né parmi ses glaces et ses neiges»... [1])

Вслѣдъ за отъѣздомъ Станкевича въ семьѣ Бакуниныхъ возникъ и развился новый поводъ для смуты и борьбы между старымъ и молодымъ поколѣніемъ,—борьбы за освобожденіе Варвары Александровны Дьяковой отъ власти ея мужа и за отъѣздъ ея за границу. Къ исторіи этой борьбы, иниціаторомъ и главнымъ вождемъ которой былъ все тотъ же Мишель, намъ и предстоитъ теперь обратиться.

---

[1]) „Вы балованное дитя, надо поэтому быть съ вами немного строгимъ.

„У насъ почти нѣтъ лѣта; было очень мало теплыхъ дней. Вы счастливѣе насъ—вы наслаждаетесь хорошимъ климатомъ, вы постоянно видите живописныя мѣстности; вы дивитесь природѣ во всей ея возвышенной красотѣ. Берега Рейна должны быть великолѣпны. Пусть только все это не побудитъ васъ забывать и презирать насъ, бѣдныхъ жителей болѣе суроваго климата. Наши сердца, хотя и воспитанныя среди снѣговъ,—горячи, они требуютъ, чтобъ ихъ любили. Впрочемъ, я съ ума сошла, ходатайствуя такимъ образомъ за интересы нашей холодной и дорогой Россіи, обращаясь къ вамъ, который также можетъ гордиться своимъ рожденіемъ среди льдовъ и снѣговъ ея“...

ГЛАВА XX.

Выходъ Варвары Александровны замужъ за Дьякова и сомнѣнія Мишеля по этому поводу.—Расхожденіе В. А. съ мужемъ во взглядахъ на жизнь.—Рожденіе сына и разрывъ супружескихъ отношеній.—Борьба Мишеля „за освобожденіе Вариньки", какъ эпизодъ изъ исторіи русскаго романтизма.—Документы этой борьбы.—Письмо Бѣлинскаго со взглядомъ на исторію В. А. Дьяковой.—Материнскія чувства Варвары Александровны и ихъ роль въ борьбѣ за ея освобожденіе.—Жизнь В. А. Дьяковой въ Премухинѣ въ 1836 и 1837 годахъ.—Борьба Мишеля съ ней самой.—Письмо В. А. Дьяковой къ мужу съ изложеніемъ своей вѣры.—Опасенія М. А. Бакунина и его жестокое письмо къ сестрѣ.—Попытки Варвары Александровны обратить мужа въ свою вѣру.—Поведеніе Н. Н. Дьякова.—Письмо В. А. Дьяковой къ А. А. Бееръ.—Болѣзнь Саши Дьякова.—Мученія В. А. Дьяковой и крушеніе ея надежды измѣнить взгляды мужа.—Отношенія В. А. Дьяковой къ Мишелю.—Обсужденія Мишелемъ положенія Вариньки съ философской точки зрѣнія со своими друзьями и съ другими лицами.

Вторая сестра Михаила Бакунина—Варвара,—какъ мы уже знаемъ, вышла замужъ въ январѣ 1835 года, какъ-то почти внезапно и даже для самой себя какъ будто бы неожиданно.

Мы видѣли, что Мишель съ самаго начала относился къ ея замужеству, если не прямо враждебно, то во всякомъ случаѣ очень скептически и тревожно. Онъ приписывалъ—и, повидимому, не безъ основанія—ея рѣшимость выйти замужъ особому экзальтированному настроенію, въ которое она пришла въ 1834 г., отчасти подъ вліяніемъ своего собственнаго ненормальнаго душевнаго состоянія, вызваннаго тяжелой религіозной драмой, въ ней передъ тѣмъ разыгравшейся, отчасти подъ вліяніемъ тяжелыхъ исторій съ Любашей, которую Александръ Михайловичъ непремѣнно хотѣлъ тогда выдать замужъ за барона Ренне.

Еще въ то время, именно лѣтомъ 1834 года, когда Мишель пріѣзжалъ въ Премухино въ отпускъ изъ сѣверо-западнаго края, онъ обратилъ вниманіе на одну фразу, сказаннуюВаренькой мимолетно, но показавшуюся ему загадочной и не предвѣщавшую

ничего добраго по своему смыслу. Во время одной изъ прогулокъ Варвара Александровна въ разговорѣ по поводу недавнихъ семейныхъ непріятностей изъ-за помолвки и разрыва Любиньки съ барономъ Ренне сказала тогда, что «если она сдѣлается невѣстой, то будетъ просить, чтобы свадьба была какъ можно скорѣе, потому что въ противномъ случаѣ она будетъ бояться измѣниться и быть вынужденной взять свое слово обратно». Эти слова врѣзались въ память Мишеля, и онъ ссылался на нихъ, когда въ октябрѣ того же 1834 г. Варвара дѣйствительно сдѣлалась невѣстой Дьякова. Мишель тогда предостерегалъ въ письмахъ и ее, и родныхъ отъ опрометчиваго и быстраго рѣшенія этого дѣла. Тѣмъ не менѣе свадьба состоялась очень быстро, Мишель же остался при своихъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ, несмотря на то, что и отецъ, и сестры (особенно Татьяна) увѣряли его въ своихъ письмахъ, что Варенька любитъ Дьякова и будетъ съ нимъ счастлива.

Дурныя предчувствія Мишеля оказались правильными. Варенька скоро почувствовала къ ужасу своему, что хотя мужъ ея добрый, честный и благородный человѣкъ въ простомъ, общепринятомъ смыслѣ этихъ словъ, но что между ею и имъ въ сущности нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго въ ихъ взглядахъ и въ тѣхъ умственныхъ интересахъ и духовныхъ стремленіяхъ, которыми она сама жила въ это время.

Къ счастью для нея, она очень скоро сдѣлалась матерью: уже въ ноябрѣ 1835 года—черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ свадьбы—у нея родился сынъ Александръ, и она глубоко испытывала всѣ радости и счастіе материнства. Однако же мужъ ея вовсе не былъ утѣшенъ ея стремленіемъ сосредоточить всю свою жизнь и всю свою любовь на одномъ сынѣ. Онъ любилъ маленькаго сына, но совсѣмъ не могъ серьезно сосредоточиваться надъ вопросами о его воспитаніи и его будущемъ назначеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ жены къ себѣ и къ своимъ собственнымъ интересамъ нѣсколько больше вниманія, чѣмъ сколько она желала ему удѣлять. На этой почвѣ начались довольно рѣзкія размолвки и ссоры. Варинька начала упадать въ здоровьѣ, и скоро уже не одинъ Мишель, но и сестры стали понимать натянутость и опасность ея положенія, а сама она все больше и больше удалялась отъ своего мужа и тяготилась даже его присутствіемъ. Вначалѣ она стремилась однако пере-

ломить себя и, считая себя обязанной быть доброй и послушной женой согласно требованіямъ обыденной морали, боролась съ собственнымъ своимъ расположеніемъ и не хотѣла слушать совѣтовъ и наставленій, съ которыми къ ней тогда же обратился Мишель. Но Мишель, какъ мы уже увидѣли, не ограничивался проповѣдью взгляда, что бракъ безъ истинной любви есть профанація брака и самой религіи, а напиралъ и на болѣе чувствительныя струны въ тогдашнемъ настроеніи Варенькиной души, доказывая ей, что въ бракѣ съ Дьяковымъ, подчиняясь его волѣ и его требованіямъ, Варенька не будетъ въ состояніи воспитать какъ слѣдуетъ своего сына, не будетъ въ состояніи сдѣлать его человѣкомъ, достойнымъ своего назначенія. Противъ такихъ аргументовъ Варвара Александровна устоять не могла. Разъ усвоивъ вмѣстѣ съ другими сестрами религіозные взгляды Мишеля на назначеніе человѣка, она не могла примириться ни съ тѣмъ «паденіемъ», какимъ ей самой сталъ казаться ея опрометчивый бракъ съ чуждымъ по духу ей человѣкомъ, ни въ особенности съ тѣми опасностями, которыя могли отсюда возникать для ея ребенка, для ея страстно любимаго Саши.

Мишель одержалъ надъ нею частичную побѣду въ этомъ отношеніи уже осенью 1836 года, и тогда же началась упорная и длительная борьба «за Варинькино освобожденіе». Въ этой борьбѣ съ мужемъ и съ родителями Вариньки, принимали, кромѣ самого Мишеля, самое ревностное участіе и его сестры—вначалѣ, впрочемъ, кромѣ Любиньки, которой разрушеніе семейнаго очага, хотя бы и неудачно возникшаго, казалось дѣломъ слишкомъ жестокимъ,—и друзья (Станкевичъ и Бѣлинскій), и младшіе братья, и Бееры, и родственники, а въ концѣ концовъ даже и вполнѣ посторонния лица.

Въ этой борьбѣ сама Варинька, отдавшаяся ей со всею страстью своей сильной натуры, иногда все же ослабѣвала—частью изъ жалости къ своему, въ сущности ни въ чемъ неповинному, мужу, частью невольно уступая передъ мольбами и горемъ своихъ родителей. И тогда съ особою страстностью выступалъ ей на подмогу Мишель, который потратилъ на эту борьбу массу энергіи, силъ и времени, нисколько о томъ не жалѣя, считая, очевидно, достиженіе полной побѣды въ этой борьбѣ необходимымъ не только для счастья Вареньки, но и для торжества

тѣхъ абсолютныхъ принциповъ нравственности, которые онъ считалъ тогда истинными. Вся эта борьба представляется чрезвычайно яркимъ и характернымъ эпизодомъ въ исторіи русскаго романтизма,—романтизма, который и въ Россіи овладѣлъ тогда мыслью передовыхъ представителей молодого поколѣнія тридцатыхъ годовъ и былъ несомнѣнно предтечею той борьбы за полную эмансипацію человѣка, той «борьбы за индивидуальность», которая началась у насъ въ шестидесятыхъ годахъ. Поэтому мы постараемся воспроизвести здѣсь эту исторію съ тою живостью и яркостью, съ какими она выразилась въ современной перепискѣ между ея ближайшими участниками.

Самыми важными и самыми яркими документами, безъ сомнѣнія, являются въ этомъ случаѣ письма самой Варвары Александровны и ея брата Михаила, но не лишены значенія и письма остальныхъ ихъ сестеръ, а также нѣкоторыя письма друзей ихъ: Станкевича, Бѣлинскаго, Бееровъ, которыми мы и воспользуемся въ этой главѣ.

Читатель помнитъ, вѣроятно, что еще въ октябрѣ 1835 г.—за мѣсяцъ до рожденія сына Варвары Александровны—Станкевичъ писалъ своему другу Невѣрову, что В. А. замужемъ и что хоть онъ ее не видалъ въ Твери, но знаетъ, что она «навѣрное не слишкомъ счастлива». [1]) Онъ зналъ это, разумѣется, со словъ Мишеля. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—въ самомъ началѣ 1836 года,—Alexandrine Beer пріѣхала къ Варварѣ Александровнѣ въ Тверь, чтобы укрыться у ней отъ деспотизма и самодурства своей матери. Она, какъ помнитъ читатель, отнеслась къ В. А. сдержанно и даже высокомѣрно, сожалѣя, что Варенька можетъ жить съ мужемъ, котораго не любитъ, утѣшаясь лишь своими материнскими радостями. [2]) Позднѣе—осенью 1836 года—и Бѣлинскій, находившійся тогда всецѣло подъ вліяніемъ Мишеля, тоже осуждалъ В. А. за ея неспособность расторгнуть бракъ, который не былъ основанъ на «истинной» любви. Впослѣдствіи—въ 1838 году—Бѣлинскій рѣзко раскаивался въ этомъ своемъ заблужденіи и, по обыкновенію неумѣренно бичуя себя, такъ писалъ объ этомъ Мишелю: [3])

---

[1]) Глава VIII.

[2]) Глава XIV.

[3]) Письмо отъ 10 сентября 1838 года.

«В. А. была особенно камнемъ преткновенія для моей пошлой мудрости: я холодно удивлялся ей, когда думалъ о ней, и глубоко любилъ ее, когда смотрѣлъ на нее, не думая, въ нѣмомъ созерцаніи. Да, и у меня бывали минуты *простоты*,—пояснялъ онъ,—но я упрекалъ себя за нихъ, какъ за паденіе, начиналъ мыслить и дѣлался осломъ. Болѣе всего смущало меня ея замужество. Теперь я понимаю ясно, что такая ошибка можетъ быть удѣломъ только двухъ крайностей—или пошлой женщины, или великой женщины. Да, В. А.—великая женщина, и въ этомъ я уже никогда не перемѣню своего образа мыслей. Ея ошибка теперь не смущаетъ меня и не только не унижаетъ ее въ моихъ глазахъ, но безконечно возвышаетъ. Не умѣю отдать отчета въ моей мысли, но для меня она ясна. Ея письмо ко мнѣ изумило меня: что-то пахнуло на меня великимъ и непонятнымъ мнѣ, а я имѣлъ похвальное обыкновеніе не уважать, чего не понимаю—поэтому я много святого и великаго въ жизни не умѣлъ оцѣнить. Я взиралъ на В. А. съ высоты моего паяснического, шутовского величія и осмѣлился осуждать ее за слабость въ дѣлѣ развода съ мужемъ. Ей попалась моя записка. Вотъ начало ея письма ко мнѣ: «она (записка) дала мнѣ то спокойствіе, котораго (я) давно искала тщетно. Вы отдали мнѣ справедливость—я благодарю васъ за это—вы не знаете и не можете знать, какое добро вы сдѣлали мнѣ этимъ. *Давно уваженіе людей тяготитъ мнѣ душу*. Да, Бѣлинскій, я *слабое, падшее твореніе*». [1]) Надо списать все письмо отъ слова до слова,—продолжаетъ Бѣлинскій,—чтобы дать понятіе о безконечномъ величіи, безконечной глубинѣ этой громадной души, отрицающей въ себѣ

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Мишелю весной 1837 г. В. А. сама упоминаетъ объ этой перепискѣ съ Бѣлинскимъ. Она разсказываетъ тутъ, какъ она распечатала пакетъ писемъ, адресованныхъ Мишелю и присланныхъ въ Премухино. „Тутъ было—пишетъ она между прочимъ—нѣсколько словъ Бѣлинскаго къ тебѣ. Онъ прочелъ наши письма и ужасно сердится на меня за мою слабость. Это меня обрадовало и успокоило теперь. Мое главное мученіе состояло въ томъ, что я думала стоять въ ихъ мнѣніи (т.-е. во мнѣніи друзей Мишеля. *А. К.*) на высшей степени, чѣмъ заслуживала. Увидя противное, мнѣ стало весело и покойно. Хоть они видятъ ошибку не тамъ, гдѣ она есть, но все равно—они видятъ ошибку, малодушіе. Мнѣ только того и хотѣлось. Тебѣ смѣшно, Миша,—ты скажешь: это глупости! А если и глупости, то онѣ меня безпокоили, мучили—теперь я свободна отъ нихъ“...

всякую истинную сущность. Это письмо тогда (въ 1836 г. *А. К.*) только *удивило* меня; чудилось мнѣ въ немъ что-то таинственное, но я не былъ въ состояніи понять: дѣло было слишкомъ *просто* и потому казалось мнѣ мудрено. Чтобъ понять его, надо было пройти черезъ длинный рядъ мученій, пережить цѣлую бурную эпоху страданія и столкнуться съ дѣйствительностью. Теперь мнѣ понятно это сомнѣніе въ себѣ, эта скромность: это есть мучительное стремленіе къ дѣйствительности души, еще чувствующей себя внѣ дѣйствительности. Ей не дали силы твои мысли, она была ими запугана, но не приняла ихъ въ себя — отъ этого ее спасла ея крѣпкая, самобытная натура и невольное пребываніе въ дѣйствительности, а не въ мечтахъ и фантазіяхъ о дѣйствительности. Она мать и созерцала многое такое, о чемъ еще и не мечтала наша пошлая мудрость. Она чувствовала, что есть узы, которыя развязать совсѣмъ не то, что сбросить башмакъ съ ноги. Я понимаю, почему она чувствовала такое состраданіе къ Дьякову и почитала себя виноватою передъ нимъ. Я теперь многое понялъ. «Огородникъ» Крылова точно умнѣе философа. Прочти эту басню—въ ней глубокій смыслъ. Я хочу сказать—кто чего не испыталъ, тотъ можетъ объ этомъ прекрасно разсуждать, но понять—это другое дѣло. Передо мной теперь носится образъ В. А., я вижу это робкое выраженіе лица, слышу этотъ робкій голосъ—когда она выговаривала о чемъ-нибудь свое мнѣніе или спрашивала чужого мнѣнія—даже моего. Это было дитя, скромное дитя, которое всѣхъ почитало умнѣе себя, даже меня, Бѣлинскаго тридцать шестого года. Я всегда буду знать мое мѣсто при ней, но тогда я былъ при ней просто пошлякъ въ буквальномъ значеніи этого слова—И. А. Хлестаковъ, который самому Загоскину готовъ сказать, что Юрій Милославскій его сочиненіе. Но я понимаю это дѣтство, эту дѣтскую робость. Тогда она была принадлежностью всѣхъ ихъ, но въ ней выражалась рѣзче, потому что она всѣхъ ихъ выше. Змѣиная мудрость и голубиная простота есть удѣлъ величія. Нѣчто подобное есть и въ Николаѣ (Станкевичѣ. *А. К.*), сколько это можетъ быть въ мужчинѣ»...

Эта выписка изъ письма Бѣлинскаго 1838 г. можетъ служить превосходнымъ предисловіемъ къ исторіи «Варинькинаго освобожденія», несмотря на то, что въ словахъ Бѣлинскаго

1838 г. съ чрезвычайною рѣзкостью выразилось его новое субъективное настроеніе—настроеніе гегеліанскаго періода, о которомъ рѣчь впереди.

Въ 1836 году Варвара Александровна, дѣйствительно, находилась всецѣло подъ властью своего материнскаго чувства, и оно, съ одной стороны, уменьшало въ ней сознаніе неудовлетворенности своей семейной жизнью съ человѣкомъ, который былъ совершенно чуждъ ея внутреннему міру, съ другой стороны, заставляло ее съ особенной бережностью и мнительностью относиться ко всему, что могло грозить ея связи съ ребенкомъ и правильному развитію его въ будущемъ. Но Мишель, который возмущался попрежнему ея супружеской жизнью, на этотъ-то пунктъ и направилъ тогда, какъ мы уже видѣли, главные свои аргументы.

Супружеская жизнь Варвары Александровны съ рожденіемъ Саши, въ сущности, фактически прекратилась. Родился Саша въ Твери, когда вся семья Бакуниныхъ жила тамъ, а затѣмъ очень скоро, весной 1836 года, В. А. переѣхала съ нимъ въ Премухино и здѣсь жила безвыѣздно до іюня 1837 г., когда она согласилась поѣхать съ мужемъ *на недѣлю* въ его имѣніе Луганово-Ивановское тверского уѣзда, куда въ это время вызвался пріѣхать самъ Александръ Михайловичъ, якобы для осмотра имѣнія своего зятя, а въ сущности, чтобы побудить дочь отправиться къ своему мужу. На время этой поѣздки сына своего Сашу, которому было тогда полтора года, В. А. оставляла въ Премухинѣ на попеченіи Татьяны Александровны. Поѣздка эта отнюдь не послужила средствомъ примиренія Варвары Александровны съ мужемъ, какъ надѣялись, повидимому, ея родители. Возвратившись послѣ этого кратковременнаго отсутствія въ Премухино, В. А. опять водворилась въ немъ до конца весны 1838 года, т.-е. до отъѣзда своего за границу.

Во время пребыванія ея въ Премухинѣ въ концѣ 1836 и въ началѣ 1837 года разыгрался романъ Любови Александровны и Станкевича, и тогда всѣ были поглощены его перипетіями вплоть до отъѣзда Станкевича за границу. Съ этого же момента отношенія Варвары Александровны съ мужемъ выступаютъ *на первый планъ*, и около нихъ сосредоточивается и развивается новая борьба дѣтей съ родителями въ премухинскомъ гнѣздѣ.

Но борьба собственно Михаила Бакунина «за освобожденіе Вариньки» началась раньше. Прежде чѣмъ начать, такъ сказать, внѣшнюю борьбу за это освобожденіе — съ мужемъ Вариньки и со своими родителями — ему нужно было окончательно побѣдить самое Вариньку. И къ этой задачѣ онъ приступилъ, какъ мы отчасти уже видѣли, еще въ началѣ 1836 года. Въ августѣ онъ, казалось, могъ торжествовать и дѣйствительно торжествовалъ свою побѣду надъ сестрами и надъ Варинькой въ томъ числѣ [1]). Но, несмотря на всю искренность и пламенность своего обращенія въ новую вѣру, Варинька и послѣ того продолжала испытывать колебанія, какъ только дѣло касалось примѣненія принциповъ этой вѣры къ ея собственному семейному положенію. Бѣлинскій превосходно понялъ впослѣдствіи, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго отрывка его письма 1838 года, источникъ этихъ сомнѣній и мученій, которыя испытывала Варинька. Мишель понималъ ихъ не хуже Бѣлинскаго, быть можетъ, уже и въ 1836 году, потому что онъ зналъ свою сестру лучше Бѣлинскаго; но Мишель добивался слишкомъ опредѣленной и слишкомъ великой въ его глазахъ цѣли, чтобы можно было отступить или уклониться отъ ея осуществленія изъ уваженія къ Варинькинымъ чувствамъ состраданія и снисхожденія къ ея мужу. Онъ понималъ иногда необходимость подождать, дать Варинькѣ лучше вдуматься въ его слова, провѣрить ихъ на опытѣ, и велъ свою линію съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, но велъ ее неотступно и все время съ одинаковымъ напряженіемъ и страстью. Проводя въ сотый разъ съ неослабѣвающимъ краснорѣчіемъ свою идею о единствѣ человѣка съ Богомъ, о необходимости и блаженствѣ абсолютной жизни и выводя отсюда основную задачу воспитанія—развивать въ человѣкѣ абсолютную жизнь, стремиться обратить человѣка въ Бога, онъ писалъ 15 декабря 1836 г. Варинькѣ: «Воспитаніе твоего сына—вотъ твоя святая миссія. Кто знаетъ, не призванъ ли твой сынъ къ открытію одной изъ тѣхъ великихъ истинъ, которыя перерождаютъ человѣчество; пусть будетъ онъ въ твоихъ глазахъ прежде всего человѣкомъ и пусть будетъ для тебя сыномъ лишь потому, что онъ человѣкъ. Че-

---

[1]) См. главу VIII наст. соч.

ловѣкъ!—но сознаешь ли ты все величіе, всю возвышенность этого слова? Ничего нѣтъ выше его, ибо человѣкъ совершенный есть Богъ; и человѣка призвана ты развить въ своемъ сынѣ—человѣка, который, можетъ быть, будетъ однимъ изъ высочайшихъ проявленій Абсолютнаго. Что касается твоего мужа, то вотъ что я тебѣ скажу: я не вѣрю въ возможность въ немъ перемѣны. Анализируй его, дѣлай всѣ возможные опыты (его обращенія); но помни, что это все будутъ попытки обмануть себя на его счетъ,—попытки, предпринятыя изъ своего рода слѣпого эгоизма—ради спокойствія своей совѣсти. Твоя миссія быть матерью»...

Но Варвара Александровна не могла отказаться отъ этого рода «слѣпого эгоизма», она не могла пренебречь «спокойствіемъ своей совѣсти» и она дѣлала эти попытки, какъ ни тяжелы онѣ были для нея самой. Вотъ что писала она мужу 18 января 1837 г. въ письмѣ, бросающемъ яркій свѣтъ на ея къ нему отношенія:

«Говори яснѣе, Николай, умоляю тебя! Ты сердишься на меня, я только что узнала объ этомъ отъ подругъ (отъ Бееровъ?), ты печаленъ, что же я сдѣлала, въ чемъ моя вина, прости меня, дорогой, добрый другъ, прошу тебя! О, ради Бога, не держи меня въ неизвѣстности (en suspend)—неужели визитъ къ нашимъ друзьямъ повергъ тебя въ это настроеніе? Или не мое ли первое письмо, которое ты долженъ былъ получить еще въ Ивановскомъ, оскорбило тебя? Я говорила тебѣ въ немъ о моей религіи; я знаю, что она тебѣ не нравится, что она кажется тебѣ экзальтированной, и особенно то, что ты приписываешь ее Мишелю...

«Я не хочу болѣе разубѣждать тебя въ этомъ, потому что я знаю, что это будетъ тщетно. Дорогой Николай, я могу всѣмъ тебѣ пожертвовать, всѣмъ кромѣ религіи; время и мои дѣйствія тебѣ доказываютъ, что это не экзальтація. О, увѣряю тебя, Николай, что это не экзальтація; эта религія, которую ты считаешь ложной, мнѣ такъ необходима, она такъ крѣпка, такъ истинна, что я умерла бы за нее.—Это не пустыя слова, дорогой Николай,—я говорю то, что чувствую. Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель! Я бы не могла жить безъ этой религіи, потому что она составляетъ мою жизнь: она даетъ опредѣленное выраженіе моимъ радостямъ, она смягчаетъ мои горести, она

дѣлаетъ меня и болѣе кроткой, и болѣе сильной, и болѣе любящей, потому что Богъ, которому я поклоняюсь, есть Богъ любви и милосердія. Я обращаюсь къ Нему, какъ къ отцу, какъ къ другу, и хоть я и очень еще слаба, и очень недостойна Его милостей, я такъ надѣюсь на Его божественную помощь. Съ Нимъ я буду становиться все болѣе и болѣе сильной, съ Нимъ я сброшу съ себя иго этихъ дурныхъ страстей, которыя держатъ меня привязанной къ землѣ, и я возвышусь и соединюсь съ нимъ. Я знаю, что ты мнѣ скажешь тотчасъ же, что женщина, такъ говорящая, не можетъ любить мужа, что это (въ ней говоритъ) гордость, предвзятость. Нѣтъ, дорогой другъ, это не гордость, это не недостатокъ любви: думая такъ, я еще больше люблю. Эта цѣль не общая ли у насъ, не пойдемъ ли мы къ ней вмѣстѣ, взаимно поддерживая другъ друга, соединенные въ святомъ объятіи другъ друга? О! прошу тебя, дорогой Николай, не сердись на меня больше за мою религію, она такъ кротка, такъ утѣшительна. Неужели ты хотѣлъ бы видѣть меня снова простертою, холодною и дрожащею отъ ужаса въ ногахъ этого католическаго Бога, этого ревниваго тирана, который намъ ставитъ въ грѣхъ наши чувства, самыя законныя, который хочетъ, чтобы ему холодно жертвовали отцы, матери, мужья, жены, дѣти своими самыми дорогими, самыми святыми чувствами... Что же касается нашей обычной религіи, которая такъ легко приспособляется къ обстоятельствамъ, къ страстямъ, къ желаніямъ каждаго, этой религіи, которая есть лишь средство, способъ, удобство жизни, а не цѣль всего существованія, которую можно переворачивать такъ и сякъ, на всѣ лады, по волѣ каждаго и которая въ концѣ-концовъ удобна (какъ говорятъ) лишь для стариковъ, когда они уже вполнѣ готовы сойти въ могилу, то вѣдь эта религія или вѣрнѣе этотъ призракъ, этотъ фантомъ религіи не что иное, какъ атеизмъ... Я же готова скорѣе видѣть величіе въ человѣкѣ, который ужъ прямо сомнѣвается во всемъ и который одинъ среди столькихъ живыхъ существъ, спокойно созерцая развалины, остающіяся ему отъ отрицанія всего сущаго, безъ надежды, безъ желаній, не имѣетъ другой опоры, кромѣ своей собственной силы... Въ немъ, Николай, я нахожу величіе, ибо онъ добросовѣстенъ и его несчастіе внушаетъ мнѣ къ нему уваженіе. Но сдѣлать себѣ игрушку изъ всего, что

есть самаго святого въ человѣчествѣ, пользоваться религіей, какъ средствомъ для достиженія благъ земныхъ, сгибая ее, сообразно обстоятельствамъ, тогда какъ все должно было бы наоборотъ передъ ней склоняться,—вотъ чего я никогда не могу понять! Религія составляетъ мою жизнь; она никогда не переставала быть для меня всѣмъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что та, которая теперь наполняетъ все мое сердце—даетъ мнѣ блаженство, спокойствіе, позволяетъ мнѣ представлять даже смерть, какъ сладкій переходъ изъ несовершеннаго міра въ міръ болѣе прекрасный, болѣе чистый, болѣе святой; она превращаетъ въ блага даже самыя жертвы, которыхъ она отъ меня требуетъ; она даетъ мнѣ блаженство, независимое отъ всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ этой жизни... Папенька говорилъ мнѣ нѣсколько разъ, что моя прежняя религія была гораздо болѣе чиста, болѣе дѣйствительна, нежели та, которая у меня теперь. Я знаю, что ты того же мнѣнія,—и ты, и папенька, вы думаете такъ, потому что вы не знаете, что я испытывала тогда! Если бы ты зналъ, сколько я выстрадала, ты бы поспѣшилъ измѣнить свой взглядъ. Если ты меня любишь, то долженъ за меня страшиться, чтобы я не возвратилась къ своимъ прежнимъ взглядамъ,—въ твоихъ собственныхъ интересахъ, какъ и въ моихъ—потому что вмѣсто любящей жены у тебя былъ бы лишь призракъ, мученица, которая считала бы грѣхомъ каждую свою радость, которая бы дрожала ежеминутно отъ страха измѣнить этому ужасному Богу, который создалъ ее лишь для мученій. Во всякомъ случаѣ, еслибъ я рѣшилась когда-нибудь вновь сдѣлаться твоею женою (то не съ моими прежними взглядами), ибо съ прежними моими взглядами монастырь долженъ былъ бы давно оторвать меня отъ всѣхъ земныхъ наслажденій, да и отъ небесныхъ—тоже. Нѣтъ, Николай, ты не можешь хотѣть, чтобы я снова начала всѣ мои муки—если бы ты зналъ только, какъ они были ужасны!—Одна мысль о нихъ заставляетъ меня содрагаться.—И чѣмъ болѣе душа моя была горяча, чѣмъ болѣе жаждала она любви, счастія,—тѣмъ болѣе была я несчастна... Религія никогда не можетъ быть для меня дѣломъ безразличнымъ, и (я не могу выразить это по-французски), какъ говорятъ нѣмцы—eine Nebensache. Я всегда чувствовала потребность предаться ей всецѣло и безъ остатка. Я поглотила когда-то съ тѣмъ пыломъ,

который мнѣ свойственъ, нѣсколько благочестивыхъ сочиненій (католическихъ. *А. К.*); они взвинтили мое воображеніе, и я считала себя призванной стать невѣстой Христовой. Ребенкомъ я тоже думала только о Богѣ, но въ то время моя вѣра была проста, чиста, какой она и должна быть у ребенка, я перечитывала безпрестанно жизнь и страданія Іисуса Христа и всегда съ горькими слезами. Даже во время игръ мысль эта не оставляла меня; я представляла себѣ, что Онъ подлѣ меня и на меня смотритъ. Съ лѣтами это настроеніе во мнѣ крѣпло. Священникъ, которому родители имѣли неблагоразуміе насъ ввѣрить, и особенно благочестивыя сочиненія, которыя я поглощала, извратили эту простую вѣру, которая, при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, могла бы остаться у меня на всю жизнь. Я вообразила въ себѣ призваніе сдѣлаться мученицей, невѣстой Христовой, я бредила Іерусалимомъ, мученичествомъ, монастыремъ, я оставила мои дѣтскія игры, мое ученіе, хотѣла бѣжать; любовь къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ меня удерживала—и я стала считать ее преступной. Моя пылкая натура, которая толкала меня ко всѣмъ святымъ наслажденіямъ любви и счастія, а отчасти (надо въ этомъ признаться) и къ земнымъ,—часто брала верхъ надъ моими религіозными идеями; я отъ этого впадала въ полное отчаяніе, я дрожала отъ страха и ужаса послѣ всякаго болѣе свободнаго движенія моего сердца, я считала себя погибшей для жизни вѣчной, холодный потъ покрывалъ мой лобъ, я не знала уже, что дѣлать, потому что я не могла подавить этихъ взрывовъ любви, этихъ стремленій, которыя тревожили мою душу и которыя слишкомъ громко говорили мнѣ о счастьѣ, а оно было преступнымъ въ моихъ глазахъ, такъ какъ я думала, что Богъ хотѣлъ, чтобы я пожертвовала ему всѣми своими чувствами, всѣми своими надеждами, всѣми своими вкусами, всѣми своими наклонностями, всѣмъ, что я любила наконецъ,—чтобъ господствовать нераздѣльно въ моемъ сердцѣ. Я не знала, что, подавляя все это, я подавляла въ то же время и ту любовь, которую я питала къ Нему, и что во мнѣ оставался одинъ страхъ, что вмѣсто отца, вмѣсто друга я начинала видѣть въ немъ лишь деспота, лишь тирана, жестокаго и ревниваго. Эта непрестанная борьба, далеко не давая мнѣ спокойствія, служила только къ тому, чтобы придать еще болѣе страстности моему характеру. Это

бездѣйствіе при постоянномъ возбужденіи, это полное одиночество, къ которому я себя принуждала, повели лишь къ раздраженію, къ обостренію моихъ страстей, и я чувствовала, что мои силы меня оставляютъ. Тщетно бросалась я на колѣни передъ распятіемъ, тщетно я прижимала его къ губамъ, къ сердцу,—сердце мое не хотѣло молчать и билось лишь съ большею силою. Я прибѣгала тогда къ другимъ средствамъ: лишала себя пищи по примѣру св. Франциска Сальскаго и другихъ святыхъ, которыхъ житія я читала. Я валялась на полу по цѣлымъ днямъ и принимала лишь нѣсколько капель воды, я доходила до такой слабости, что едва держалась на ногахъ,— и все это для того, чтобы подавить чувства, самыя благородныя, самыя святыя, самыя сладкія движенія моего сердца, эти желанія, эти неопредѣленныя стремленія къ счастью, которое я лишь предчувствовала, къ этой любви, которая соединяетъ два существа, созданныя другъ для друга. Сколько горькихъ слезъ, сколько жгучихъ слезъ я пролила у ногъ этого маленькаго распятія, которое ты знаешь, и въ часовнѣ, гдѣ покоится моя бабушка; я упиралась лбомъ о камень ея могилы, ослабленная, истощенная этой борьбой, этими постоянными мученіями. Я надѣялась, что мраморъ можетъ охладить жгучій и почти лихорадочный жаръ моей головы и моего сердца. Я просила Бога взять меня изъ этого міра, чувствуя себя слишкомъ слабой, чтобы противостать его соблазнамъ. Но всѣ мои мольбы, всѣ мои усилія не могли затушить это пламя, которое самъ Богъ зажегъ въ моей душѣ. И я впала въ такое омертвеніе, въ такое отчаяніе, отъ котораго поколебалось мое здоровье. Я утратила свою вѣру, я не молилась больше, я впала въ мрачную апатію; міръ облекся въ моихъ глазахъ въ еще болѣе черный цвѣтъ, я видѣла передъ собой лишь зіяющую пропасть... Я видѣла въ мірѣ одно зло»...

На этомъ сохранившаяся часть письма обрывается. Можно представить себѣ, что дальше она излагала исторію своего выхода замужъ, а затѣмъ и исторію своего обращенія въ новую вѣру.

Мишель узналъ, повидимому, объ этомъ письмѣ къ Дьякову стороной и представилъ себѣ его содержаніе совершенно въ иномъ свѣтѣ. Ему представилось, что Варинька рѣшилась покаяться и безпрекословно вернуться къ мужу, пожертвовавъ

именно своей религіей. Онъ пришелъ въ большое волненіе и поспѣшилъ обратиться къ Варинькѣ съ грознымъ и краснорѣчивымъ посланіемъ. Оно такъ характерно, что мы считаемъ необходимымъ привести и его здѣсь полностью;

«Варинька, Варинька, — писалъ онъ ей 23 января 1837 г. (по обыкновенію по-французски),—ты себя губишь. Мнѣ сказали, что Николай только что получилъ отъ тебя письмо, въ которомъ ты ему клянешься жить только имъ и для него, отдѣлиться ради него отъ всего міра. Возможно ли это? Дѣйствительно ли ты это сдѣлала и какимъ же образомъ сдержишь ты свое слово? Варинька, человѣкъ живетъ только для любви и любовью. Внѣ ея нѣтъ жизни и человѣческаго достоинства, нѣтъ болѣе Бога, нѣтъ болѣе добродѣтели. А ты, въ чемъ же ты будешь жить?—Въ Дьяковѣ? Ну, скажи же мнѣ, какъ свяжешь ты эту новую жизнь съ возвышенной жизнью, которую ты такъ хорошо поняла нѣкогда? Покажи мнѣ ихъ точки соприкосновенія. Ты будешь жить въ Дьяковѣ—говоришь ты. Есть ли у тебя любовь къ нему, или ты хочешь себѣ создать ее? Будетъ интересно, любопытно посмотрѣть, какъ ты этого достигнешь. Я тебѣ не совѣтую дѣлать этотъ несчастный опытъ. Этотъ опытъ тебя убьетъ. Нѣтъ, ты не можешь имѣть столь абсурдной мысли. Это должно быть что-нибудь другое. Можетъ быть, ты желаешь жить съ нимъ въ абсолютной любви. Что же, это тоже интересно. Скажи же мнѣ, ты нашла, что мужъ твой живетъ въ Абсолютномъ? Чѣмъ же онъ держится въ немъ? Не картошками ли, не глупостями ли, которыя онъ выкидываетъ? Нѣтъ, Варинька, онъ внѣ Абсолютнаго; онъ и Абсолютное—двѣ крайности, которыя никогда не соприкоснутся. Никогда не пойметъ онъ тебя, никогда не раздѣлитъ онъ твоего чувства. Это—совершенная нелѣпость...

«Но можетъ быть вы соединитесь въ любви къ сыну? Ну, проанализируемъ и эту идею. Посмотримъ, есть ли что-нибудь общее въ вашей любви къ сыну. Ты любишь его какъ человѣка, какъ служителя Бога и человѣчества. Онъ любитъ его какъ своего сына, какъ существо, которое онъ считаетъ подчиненнымъ ему душой и тѣломъ по волѣ деспотическаго Бога. Ты будешь воспитывать въ немъ человѣка, существо предназначеное понимать Бога, принять въ свою душу все твореніе, весь рай, предназначенное воспроизвести все это во внѣшнемъ

мірѣ. А твой мужъ будетъ стараться внушить ему свои собственные взгляды, взгляды животные, недостойные принадлежать человѣку: онъ будетъ считать дозволенными и законными всѣ средства, чтобы достигнуть своей цѣли. Цѣль твоего воспитанія - сдѣлать изъ него человѣка, а цѣль твоего мужа—сдѣлать изъ него животное. Ну, что же общаго между вами двумя и въ этомъ случаѣ?

«Итакъ, живя съ нимъ, ты не будешь жить въ Любви. Ты будешь. слѣдовательно, жить въ долгѣ. Варинька, повѣрь мнѣ, ты ошибаешься ужасно: ты будешь проливать жгучія слезы въ раскаяніи, но будетъ уже поздно. Зло будетъ уже сдѣлано. Повѣрь мнѣ, Варинька, твоя миссія—миссія матери: мало дать жизнь своему сыну, надо ему дать жизнь нравственную, жизнь вѣчную, надо связать себя съ нимъ связями неразрывными, вѣчными. Не всѣ матери въ здѣшнемъ мірѣ будутъ ими—тамъ, наверху; все, что относится къ этому конечному міру, будетъ кончено для вѣчности, и только Любовь можетъ быть вѣчной. Это—основаніе христіанской религіи, и горе тому, кто попятится передъ опасностями, горе тому, кто побоится освободить себя отъ всѣхъ проклятыхъ предразсудковъ. Онъ не живетъ, онъ не человѣкъ.

«Варинька, отречься отъ Любви — преступленіе, и ты хочешь его совершить, и ты хочешь отдѣлить себя отъ всякой человѣческой жизни, чтобы жить съ животнымъ—прости мнѣ это выраженіе: ты можешь мнѣ сказать лишь, что мои письма огорчаютъ тебя, и я замолчу, я сдержу въ себѣ всѣ свои чувства.

«Варинька, скажи мнѣ, что надо мнѣ сдѣлать, чтобы доказать тебѣ истинность моихъ словъ, скажи мнѣ, мой другъ, нѣтъ ничего, чего бы я не сдѣлалъ, я ни передъ чѣмъ не отступлю. Ты не знаешь, сколько у меня любви къ тебѣ, ты не знаешь, что могъ бы я сдѣлать, если бы ты захотѣла меня послушать. О, Варинька, Варинька, во имя Неба, не губи себя.

Прощай. Твой другъ *М. Бакунинъ*».

Варвара Александровна была страшно огорчена этимъ письмомъ; оно показалось ей—и конечно, не безъ основанія—очень несправедливымъ по отношенію къ ея намѣреніямъ и черезчуръ жестокимъ по отношенію къ ея мужу. Она горько пла-

кала цѣлую ночь и затѣмъ отвѣчала Мишелю кроткимъ и дружескимъ письмомъ, но въ которомъ, разъяснивъ свои истинныя намѣренія по отношенію къ мужу и истинный смыслъ своего письма къ нему, она съ твердостью заявляла брату, что такъ какъ мужъ ея передъ нею ни въ чемъ не виноватъ, то она не можетъ его совершенно оставить, не сдѣлавъ попытки возбудить въ немъ ту же вѣру и внушить ему тѣ же убѣжденія, которыя исповѣдовала она сама и которыми она всецѣло была обязана Мишелю.

Получивъ кроткій, но твердый отвѣтъ сестры, Мишель увидѣлъ необходимость перемѣнить тактику и съ своей стороны не мѣшать Варинькѣ сдѣлать попытку обращенія Дьякова, даже помогать ей въ этомъ, хотя самъ онъ и смотрѣлъ на это предпріятіе вполнѣ безнадежно. Онъ ясно увидѣлъ, что Варинька безъ этого обойтись не можетъ. Въ большомъ письмѣ отъ 4 февраля 1837 онъ ей писалъ между прочимъ:

«Ты не поняла меня, милая Варинька, я никогда не имѣлъ намѣренія рѣзко и безъ всякаго повода разлучать тебя съ Николаемъ. Напротивъ, я тебѣ всегда говорилъ, что для твоего собственнаго счастья и для счастья твоего сына ты должна испробовать всѣ средства обратить его къ взглядамъ болѣе симпатичнымъ и человѣчественнымъ. Но замѣтивъ въ твоихъ письмахъ возвратъ къ православію, я сталъ бояться, чтобъ ты не признала себя обязанной подчинить себя своему мужу. Ты не имѣла этого намѣренія—я ошибся и искренно прошу у тебя прощенія. Чтобы доказать тебѣ, что я совершенно съ тобой согласенъ, я здѣсь прилагаю письмо къ Николаю и хочу завести съ нимъ постоянную корреспонденцію. Помни только, что главная цѣль всей твоей жизни, всѣхъ твоихъ дѣйствій—это твой сынъ; поэтому ты должна быть готовой на все, если ты убѣдишься, что нынѣшнія обстоятельства могутъ оказаться препятствіемъ къ его развитію»...

И вотъ начались со стороны Вариньки страстныя попытки духовнаго сближенія съ мужемъ и обращенія его на истинный путь. Мужъ ея былъ человѣкъ честный въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, но слабый и вовсе не религіозный. Увидавъ однако изъ постоянныхъ разговоровъ и писемъ жены, что религіозный вопросъ для нея дѣйствительно является вопросомъ жизни и смерти, онъ сталъ видимо уступать ея влія-

нію, стараясь внѣшнимъ образомъ вести себя такъ, чтобы не противорѣчить ея взглядамъ. Онъ подчинился, по крайней мѣрѣ наружно, ея рѣшенію жить съ ней, какъ братъ съ сестрой, питая въ то же время надежду, что это мучительное для него настроеніе жены кончится, наконецъ, и что они вновь сойдутся, какъ мужъ съ женой. При этомъ онъ трогательно и наивно ухаживалъ за ней, стараясь доставить ей всякія матеріальныя удобства и удовольствія, отъ которыхъ она большею частію отказывалась. Однако, наивно и откровенно признавая ея превосходство въ духовной и умственной сферѣ, онъ не терялъ, очевидно, надежды привлечь и вернуть ее къ себѣ кротостью и добротою своего обращенія съ ней. Очень скоро онъ попалъ въ положеніе большого ребенка, который кротостью и исполнительностью старается заслужить одобреніе старшихъ, не понимая въ то же время сущности и разумности того, что они отъ него требуютъ. Варвару Александровну такое его поведеніе и трогало и обезкураживало въ одно и то же время. Она не разъ выражаетъ въ своихъ письмахъ къ Мишелю и умиленіе добротою и кротостью своего мужа, и отчаяніе въ возможности дѣйствительнаго его обращенія, и сожалѣніе, что она не можетъ сдѣлать изъ него второго сына, который согласился бы навсегда остаться въ этомъ положеніи взрослаго ребенка. Однако съ теченіемъ времени мужъ ея, наоборотъ, становился все нетерпѣливѣе, ему начинало казаться, что онъ достаточно уже заслужилъ ея расположеніе своимъ подчиненіемъ всѣмъ ея желаніямъ, и онъ начиналъ настойчивѣе выражать свое затаенное стремленіе къ возстановленію нормальныхъ супружескихъ отношеній съ женой. Положеніе Вариньки становилось все затруднительнѣе и ей дѣлалось все труднѣе сохранять свои добрыя съ нимъ отношенія и выносить постоянное его присутствіе, его ласки и наивное и кроткое, но постоянное проявленіе съ его стороны надежды, что настанетъ же, наконецъ, на его улицѣ праздникъ и что тяжелый испытательный періодъ, который онъ, не скрывая этого, считалъ переходнымъ, кончится, и у него возстановятся нормальныя супружескія отношенія съ женой.

Между тѣмъ упорство, съ которымъ Варвара Александровна, особенно въ началѣ этого періода, стремилась къ своей цѣли, ея ласковое и кроткое обращеніе съ мужемъ и похвалы,

которыя Варинька расточала въ письмахъ къ Мишелю и Беерамъ его усиліямъ передѣлать и себя и свои убѣжденія въ угоду женѣ. вызывали со стороны въ особенности Бееровъ подозрѣніе. что Варинька въ сущности любитъ своего мужа и что все это кончится дѣйствительно ихъ полнымъ соединеніемъ. Вотъ что отвѣчала Варвара Александровна подругѣ своей Alexandrine Beer на высказанныя ею подозрѣнія подобнаго рода:

«...Ты любишь Николая» — пишешь ты мнѣ, милая Alexandrine, — о да, пусть весь свѣтъ думаетъ, что я его люблю, — этого я и хочу, — но не вы, не вы, мои добрые друзья. Вы должны знать всю мою душу. Да, я его люблю, я люблю его несомнѣнно и всегда буду любить за то, что я буду въ состояніи для него сдѣлать: чѣмъ болѣе онъ возвысится, тѣмъ болѣе я его буду любить, и эта любовь тоже очень горяча. Но будемъ ли мы когда-либо въ состояніи итти съ нимъ въ ногу, будетъ ли онъ въ состояніи понимать меня, какъ я его понимаю? Ты, добрая моя Alexandrine, развѣ можешь не понимать меня? Съ нимъ же мы находимся въ разныхъ плоскостяхъ и никогда не будемъ въ состояніи совершенно объединиться (развѣ случится чудо!).

«Итакъ, я его люблю, Alexandrine, люблю, какъ любятъ существо, которому дѣлаютъ добро, люблю очень горячо, очень искренно, и если мнѣ мое предпріятіе удастся. эта связь будетъ вѣчной, какъ та истина, которую я стараюсь заставить его познать, но никогда не будетъ она совершенной, никогда не будетъ интимной. И онъ. какъ и я, также желаетъ чего-нибудь болѣе сильнаго, чего-нибудь большаго, болѣе совершеннаго, болѣе интимнаго. Онъ желаетъ существа, съ которымъ онъ могъ бы отождествиться (s'identifier), съ которымъ онъ могъ бы слиться, которое составило бы съ нимъ одно цѣлое. И онъ его найдетъ; но до сихъ поръ онъ не былъ его достоинъ, и это назначило мнѣ Небо привести его къ счастью, къ жизни, открыть его сердце для истины. и я это сдѣлаю, дорогіе друзья: я сдѣлаю это съ такою нѣжностью, съ такою кротостью, съ такимъ терпѣніемъ. что онъ не будетъ замѣчать разстоянія. которое насъ раздѣляетъ, до той минуты, когда онъ найдетъ, наконецъ, это свое другое «я» и сольется съ нимъ. Тогда моя миссія при немъ кончится, но и тогда не прекратится моральная связь. которая насъ будетъ соединять. ибо

всякая истинная связь, всякая связь, ставящая себѣ цѣлью Бога,—безсмертна. Понимаешь ли ты меня теперь, дорогая, добрая, милая Alexandrine? О, дорогіе друзья, я хочу, чтобы вы меня знали, но вы одни, тогда какъ объ остальномъ свѣтѣ я не забочусь, пусть онъ вѣритъ (по-своему) моей любви, моему счастью. Но вы, друзья мои,—вы, другое дѣло! О, не сомнѣвайтесь же во мнѣ больше, потому что вѣдь вы единственное мое убѣжище на землѣ. А ты, Мишель, не краснѣешь ли ты теперь за то, что такъ легкомысленно отзывался о святой, горячей дружбѣ, которая насъ съ нимъ соединяетъ? О, еще разъ, если бы ты могъ читать въ моемъ сердцѣ, ты бы больше ужъ такъ не говорилъ»...

Однако довольно скоро Варвара Александровна должна была убѣдиться въ иллюзорности этихъ своихъ надеждъ. Какъ ни кротокъ, какъ ни добръ былъ съ ней ея мужъ, однако-жъ она должна была вскорѣ увидѣть, что перемѣна въ его поведеніи вовсе не знаменовала какого-нибудь внутренняго перерожденія. Сокровенныя намѣренія и стремленія его, которыя онъ продолжалъ отъ времени до времени наивно обнаруживать передъ женой, оставались прежнія, и внутренно онъ нимало не приближался къ дѣйствительному усвоенію и пониманію ея духовныхъ стремленій и интересовъ. Однажды онъ даже самъ ей съ грустью сказалъ: «что же ты хочешь, не могу я перемѣнить свою голову на другую».

Варвара Александровна изнемогала въ этой трудной борьбѣ и стала, видимо, упадать въ здоровьѣ. Въ это же время серьезно заболѣлъ и ея Саша, который былъ вообще слабый ребенокъ: у него физическое развитіе сильно отставало отъ духовнаго, успѣхи котораго постоянно составляли неистощимый источникъ радости для матери и ея сестеръ. Въ январѣ 1837 г. болѣзнь Саши, связанная, кажется, съ прорѣзываніемъ зубовъ, сильно испугала Варвару Александровну. Ея письма этого времени почти сплошь наполнены страстными моленіями, обращенными къ Богу, о сохраненіи ей ея единственнаго ребенка. Болѣзнь Саши продолжалась не долго, опасность миновала, но слѣды потрясенія, испытаннаго Варварой Александровной, и постоянная тревога за жизнь ребенка остались. Сознаніе упадка своего собственнаго здоровья, сознаніе необходимости подкрѣпить его ради сына и стремленіе поставить и Сашу хоть

на время въ болѣе благопріятныя климатическія условія,—все это въ связи съ разочарованіемъ въ возможности дѣйствительнаго духовнаго перерожденія мужа заставило Варвару Александровну ухватиться съ новой силой за совѣтъ Мишеля уѣхать за границу.

Мишель, какъ мы знаемъ, и самъ усиленно стремился къ заграничному путешествію съ образовательными цѣлями. Теперь эта цѣль соединилась у него съ стремленіемъ освободить Вариньку отъ совмѣстной жизни съ Дьяковымъ, которая становилась для нея, видимо, непосильной.

Въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1837 г. Варвара Александровна уже писала Мишелю:

«Миша, ты получилъ мое послѣднее письмо (повидимому, то, въ которомъ она вспоминала о прежнихъ своихъ страданіяхъ и выписку изъ котораго мы приводили въ главѣ V. *А. К.*), и неужели побранишь меня за него? Нѣтъ, другъ, ты не можешь быть несправедливъ противъ меня, ты видѣлъ, боюсь ли я страданій, отклоняюсь ли я отъ нихъ. Нѣтъ, ты знаешь, что нѣтъ. Мнѣ нужны были эти страданія, и я полюбила ихъ, потому что они помирили меня съ небомъ и съ собою. Но это униженіе, Миша, оно убиваетъ меня, и я не хочу и не могу ему покориться. Нѣтъ! сердце не можетъ обманывать: мнѣ должно ѣхать. Еще разъ повторяю: я не ошиблась въ Николаѣ; онъ все тотъ же; сердиться на него я не могу; мнѣ жаль его не менѣе прежняго; но жить съ нимъ долѣе невозможно. Я благодарна ему и за эту минутную побѣду, которую онъ одержалъ надъ собою изъ любви ко мнѣ, или можетъ быть (и я извиняю это въ немъ) изъ другихъ болѣе эгоистическихъ причинъ... Теперь плотина лопнула, и нечего болѣе мѣшкать. Мы должны скорѣй ѣхать отсюда, если не хочу погибнуть. И не столько для самой себя, сколько для Саши—для него здѣсь нѣтъ спасенія. Ты это знаешь, Миша, не бойся за меня: я не погибну—любовь даетъ силу и твердость и слабаго дѣлаетъ сильнымъ. Весь мой міръ, все мое земное счастье заключается въ Сашѣ. Итакъ, для меня нѣтъ невозможности, я буду работать для него, и Богъ не оставитъ насъ. Не думай, чтобъ привычка къ изнѣженной жизни сдѣлала меня неспособной къ другой. Я все предвижу, я все вынесу, меня ничто не пугаетъ—я боюсь только остаться здѣсь. Не называй это поры-

вомъ экзальтаціи; во мнѣ уже нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, остается очень мало этихъ старыхъ безплодныхъ порывовъ. Я не могу здѣсь оставаться, я хочу спасти Сашу во что бы то ни стало—вотъ одно чувство, одна мысль, которая наполняетъ меня и управляетъ моими дѣйствіями. Да, я это вижу теперь, что феноменовъ (очевидно, въ смыслѣ исключительнаго, почти чудеснаго явленія. *А. К.*) въ человѣческой природѣ не бываетъ, и я рада этому не потому только, что это освобождаетъ меня отъ всякаго страха, отъ всякой заботы впередъ,—меня бы испугалъ такой феноменъ»...

Изнеможеніе и тревога, которыя овладѣли Варварой Александровной послѣ нѣсколькихъ недѣль упорныхъ и вначалѣ какъ будто успѣшныхъ попытокъ обращенія мужа, зависѣли не только отъ того, что Н. Н. Дьяковъ сталъ все настойчивѣе проявлять свое нетерпѣніе и желаніе получить, наконецъ, искомую и желаемую награду за свою покорность и кротость, но и отъ того въ особенности, что родители Варвары Александровны, узнавъ, можетъ быть, отъ самого же Дьякова объ оборотѣ, который приняла семейная жизнь Дьяковыхъ, признали съ своей стороны такое положеніе совершенно ненормальнымъ и опаснымъ для будущаго спокойствія и счастья своей дочери и стали въ свою очередь всячески поддерживать Дьякова въ его притязаніяхъ, которыя имъ казались, конечно, совершенно законными и нормальными. Премухинскій міръ вновь раскололся на два враждебные стана, какъ во времена исторіи Ре́нне и Любиньки; и въ одномъ изъ этихъ двухъ становъ были родители и Дьяковъ, а въ другомъ—все молодое поколѣніе съ Мишелемъ во главѣ.

Самъ Мишель жилъ въ это время въ Москвѣ и для поддержанія своихъ сестеръ въ томъ повышенномъ и твердомъ настроеніи, которое требовалось для борьбы съ родителями, писалъ имъ часто, иногда ежедневно, и снабжалъ ихъ книгами, способными поддержать въ нихъ эту приподнятость настроенія. Выборъ книгъ былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно удаченъ—это были все нѣмцы-романтики: Новалисъ, Жанъ-Поль Рихтеръ и, наконецъ, Беттина фонъ Арнимъ—ея «Tagebücher» и «Göthes Briefwechsel mit einem Kinde».

«Я только что получила,—пишетъ Варвара Александровна въ февралѣ 1837 г.,—Жанъ-Поля, мой дорогой, мой добрый

Мишель. Благодарю тебя, что ты написалъ на немъ свое имя, я его цѣловала, какъ будто бы это былъ ты самъ. Папенька, маменька и бабушка (пріѣхавшая изъ Твери мать В. А. Бакуниной, В. М. Полторацкая. *А. К.*)—въ Премухинѣ; мы не можемъ быть болѣе такъ спокойны, такъ счастливы, какъ были безъ нихъ. Боже мой, Боже мой, ихъ присутствіе насъ страшитъ и стѣсняетъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать насъ счастливыми. О, если бъ они могли почувствовать хоть на минуту, чтó происходитъ въ глубинѣ нашихъ сердецъ,—папенька въ особенности: столько жара, столько любви въ его душѣ, несмотря на всѣ эти взгляды, всѣ эти правила, такіе холодные, которые онъ усвоилъ, или которые онъ хочетъ по крайней мѣрѣ, чтобы казались его взглядами. Но онъ поднимется, онъ выйдетъ изъ этого заблужденія, Мишель, я увѣрена въ этомъ. О да, не можетъ онъ въ немъ оставаться, онъ былъ бы совсѣмъ другой, если бъ онъ былъ одинъ... Маменька—то же, Мишель, и на нее невозможно сердиться, она такъ несчастна, столько занозъ въ глубинѣ ея сердца, она тревожится, она мечется и не можетъ найти единственнаго вѣрнаго выхода, чтобъ выйти изъ этого ада. Нѣтъ, дорогой Мишель, нельзя на нее сердиться. Я страдаю за нее. Да благословитъ и да просвѣтитъ ихъ Богъ, Онъ одинъ это можетъ и Онъ ихъ не оставитъ...

«Дорогой другъ, что скажу я тебѣ о себѣ самой? Я не буду тебя увѣрять, что вполнѣ достигла блаженства, что у меня нѣтъ болѣе сожалѣній, желаній—ты слишкомъ хорошо меня знаешь, мой милый братъ, чтобы я могла тебя обмануть и не съ тобой буду я скрытничать—никогда не хватитъ у меня для этого силы, я думаю, что съ тобой всегда буду эгоистична: я никогда не въ состояніи буду отъ тебя что-либо скрыть—мнѣ нужна твоя любовь, твои утѣшенія, мнѣ нужна твоя поддержка, Мишель. Сердце мое разрывается еще иногда, оно конвульсивно сжимается отъ ранъ и онѣ еще сочатся кровью, онѣ такъ глубоки, онѣ мнѣ причиняютъ сильную боль,—но въ нихъ я нашла удовлетвореніе страданіемъ, страсть къ страданію, которыя заставляютъ меня ихъ любить. Страдать—есть любить, по крайней мѣрѣ здѣсь на землѣ. Ну, не будемъ больше объ этомъ говорить: это меня заведетъ слишкомъ далеко... Николай укрѣпляется мало-по-малу въ своихъ добрыхъ мысляхъ. Онъ выслушиваетъ меня съ меньшимъ нетерпѣніемъ, когда я про-

тиворѣчу его старымъ правиламъ, онъ гораздо деликатнѣе съ моими сестрами и со мной—небо поможетъ мнѣ. Заботы мои о немъ искренни и чисты, я желаю видѣть его счастливымъ... Онъ будетъ имъ, о Боже, онъ будетъ имъ, потому что Ты поможешь мнѣ Твоею силою, Твоею любовью»...

Говоря въ томъ же письмѣ о Беерахъ и о назначеніи женщины, она опять обращается къ себѣ и своему ненормальному семейному положенію. «Я,—пишетъ она,—я уклонилась отъ своего назначенія, я позволила человѣку, чуждому мнѣ, профанировать меня своими ласками; но Богъ, который видѣлъ мое сердце, пощадилъ меня въ моей слабости, я омыла свой грѣхъ моими страданіями. И новая жизнь сошла въ мое сердце съ рожденіемъ моего ребенка. Можетъ быть, я узаконила нѣсколько этотъ союзъ, создавъ между мной и Николаемъ новую связь совершенно нравственную, очищенную моими страданіями; но все же я останусь покрытою униженіемъ и стыдомъ въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто любятъ и сохранили чистоту сокровища, довѣреннаго имъ Небомъ. Я заслужила это униженіе и не хочу поднимать надъ нимъ свою голову; но я избавлюсь отъ него въ глазахъ Неба, я смою его моими страданіями и выйду чистой и святой изъ этого печальнаго крещенія.

«Да, Мишель, я хочу укрыться отъ людей со своимъ ребенкомъ, онъ *мнѣ* будетъ обязанъ второй своей жизнью, совершенно иной, чѣмъ та, которую я уже дала ему. Я хочу быть его матерью въ вѣчности, его матерью въ полномъ высокомъ смыслѣ этого слова—передъ лицомъ Предвѣчнаго. О, этотъ подъемъ духа заставляетъ трепетать всѣ мои жилы, цѣлое небо любви и свѣта сошло въ мое сердце; оно обнимаетъ все мое существо. Боже мой, Боже мой, благодарю Тебя, благослови же того, кто привелъ меня къ Тебѣ, того, кто спасъ меня отъ отчаянія, того, кто съ такою любовью указалъ мнѣ эту новую жизнь, которую я могу дать моему ребенку. О, да покоятся на немъ всѣ благословенія. Дай мнѣ твою руку, Мишель, о, скажи мнѣ еще разъ, что ты никогда меня не оставишь, я чувствую потребность вѣрить этому, я нуждаюсь въ твоей силѣ, я нуждаюсь въ твоей дружбѣ, не правда ли, ты не отнимешь ихъ у меня,—никогда, никогда, дорогой Мишель... Вдали отъ всѣхъ, я хочу знать одного тебя, однихъ васъ, мои дорогіе друзья... Но довольно. Будетъ, что должно быть. Того, что у меня въ

сердцѣ, никто ни отниметъ, и ты тоже, Мишель, ты не можешь измѣниться—дружба наша вѣчна»...

Къ этому письму есть характерная приписка:

«Для того, чтобы быть совершенно спокойной, Мишель, мнѣ нужно быть увѣренной, что письма мои къ тебѣ, къ нашимъ друзьямъ (т.-е. къ Беерамъ. *А. К.*) извѣстны вамъ однимъ. Я знаю, что вы ихъ никому не читаете, но этого недостаточно, надо, другъ, скрывать отъ всѣхъ безъ всякаго исключенія и то впечатлѣніе, которое они на васъ производятъ и вообще ихъ содержаніе—я хочу сказать то, что относится въ нихъ ко мнѣ и къ Николаю,—я знаю, что то, что касается нашихъ отношеній къ родителямъ, ты не можешь скрыть отъ Станкевича».

Эта приписка свидѣтельствуетъ о томъ, что до Варвары Александровны дошли слухи, что Мишель обсуждаетъ ея семейное положеніе передъ широкой публикой. Мишель же, считая это дѣло однимъ изъ священныхъ вопросовъ Духа, полагалъ, очевидно, возможнымъ говорить о немъ со всякимъ, кого онъ находилъ въ тотъ моментъ достойнымъ обсуждать вообще всѣ великіе вопросы Духа. И исторія Варинькиной семейной жизни и задача ея освобожденія дѣлалась мало-по-малу достояніемъ многихъ. О ней не только идетъ совершенно свободно рѣчь въ перепискѣ между Станкевичемъ и Невѣровымъ, между Бѣлинскимъ, Боткинымъ, Мишелемъ и Беерами, но Мишель обсуждаетъ ее и съ дядей своимъ А. Н. Муравьевымъ, съ которымъ онъ только что познакомился, и съ К. С. Аксаковымъ, и съ младшими братьями Станкевича и съ К. Г. Левашовой, и съ Н. Х. Кетчеромъ, за что его сурово отчитываетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему. И замѣчательно, что почти всѣмъ этимъ лицамъ (за исключеніемъ Станкевича, Бѣлинскаго, Бееровъ и, можетъ быть, Боткина) казалось, несмотря на то, что они отъ самого Мишеля узнавали обстоятельства этого дѣла, что Варинька вовсе не была несчастна съ Дьяковымъ, что она любитъ его и что не было никакой надобности освобождать ее отъ него, что вся затѣя этого развода есть исключительно плодъ фантазіи самого Мишеля. Впечатлѣніе это происходило, вѣроятно, именно отъ того, что Мишель всю эту исторію личной жизни двухъ людей облекалъ въ форму одного изъ великихъ вопросовъ Духа, т.-е. дѣлалъ ее вопросомъ человѣческой жизни вообще.

ГЛАВА XXI.

Настроеніе сестеръ Бакунина въ 1837 году.—Ихъ увлеченіе идеями нѣмецкаго романтизма.—Письма Т. А. Бакуниной о Ж.-П. Рихтерѣ.—Пріѣздъ Михаила Бакунина въ Премухино весной 1837 года.—Продолженіе борьбы за освобожденіе В. А. Дьяковой.—Относительное затишье лѣтомъ 1837 года и улучшеніе отношеній съ родителями.—Упадокъ здоровья Варвары Александровны и стремленіе ея уѣхать съ сыномъ за границу.—Колебанія Дьякова.—Его разговоры съ женой и отношеніе къ нему Варвары Александровны.—Отъѣздъ Мишеля въ Москву въ концѣ ноября 1837 г. и обостреніе борьбы съ родителями.—Отчаяніе В. А. Дьяковой.—Приподнятое настроеніе на святкахъ въ присутствіи братьевъ.—Поэтическое письмо Варвары Александровны къ Мишелю.—Новое отчаяніе.—Поѣздка Мишеля въ Козицыно.—Письмо А. А. Бееръ къ Бѣлинскому и его отвѣтъ ей.—Письмо В. А. Дьяковой къ деверю В. Н. Дьякову.—Рѣшеніе родителей уступить желанію Варвары.—Ея отъѣздъ за границу въ іюнѣ 1838 года.—Тяжелое положеніе Л. А. Бакуниной.—Письмо Т. А. Бакуниной о состояніи Любиньки за два мѣсяца до смерти. — Смерть Л. А. Бакуниной.—Письмо Станкевича къ брату.

Сестры Мишеля находились въ это время всецѣло подъ обаяніемъ старой нѣмецкой романтической литературы. Чтеніе романовъ Новалиса и въ особенности Жанъ-Поля Рихтера, а потомъ Беттины, можно сказать, совершенно вскружило имъ головы на нѣкоторое время. Лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ— и то при помощи самого Мишеля—онѣ возвратили себѣ способность относиться къ этой литературѣ критически и въ романахъ Жанъ-Поля отличать возвышенныя и новыя для нихъ идеи отъ фальшиваго и искусственнаго сантиментализма, котораго у Жана-Поля такъ много. Беттина же надолго осталась властительницей ихъ думъ, отчасти въ зависимости отъ того культа Гёте, который въ концѣ тридцатыхъ годовъ сдѣлался одной изъ отличительныхъ чертъ нашихъ гегеліанцевъ.

«Жанъ-Поль овладѣлъ нами совершенно,—пишетъ въ февралѣ 1837 г. Татьяна Александровна,—мы думаемъ только объ немъ, радуемся, восхищаемся однимъ имъ. Я вездѣ вижу его образъ—въ каждомъ звукѣ слышу его голосъ»...

«Жанъ-Поль божественъ, Миша!—пишетъ она же въ письмѣ отъ 9 марта,—читая его, переносишься въ міръ чудесный, въ міръ блаженства. Какъ глубоко проникъ онъ въ душу, какъ выразилъ свѣтлыя чувства ея и всѣ темныя ощущенія и всѣ надежды ея. Сердце рвется за нимъ, въ его прекрасное свѣтлое небо. О, Боже мой! какое наслажденіе понимать высокую святую душу, возвышаться до нея въ свѣтлыя минуты восторга, благоговѣть передъ нею, любить, обожать ее.—Мнѣ хотѣлось отдѣлиться отъ земли—летѣть въ тотъ прекрасный міръ, куда онъ переселился—броситься на грудь къ нему, показать ему чудное небо, которое онъ открылъ въ душѣ моей. Ежели бы можно, я бы все читала его. Цѣлый день преслѣдуетъ меня мысль о немъ. И когда книга въ моихъ рукахъ, то я счастлива прежде, нежели раскрываю ее. Ничего еще я не читала съ такимъ наслажденіемъ, ничто не потрясало такъ сильно, такъ глубоко души моей. О какъ легко, какъ тепло мнѣ! Жанъ-Поль—это другое евангеліе; въ немъ почерпаешь новыя силы, новую чистую любовь и горячее убѣжденіе. Все перемѣняется вокругъ, все дышитъ полною, святою жизнью, все привѣтствуетъ ясною улыбкою. Идти, идти за нимъ,—любить, вѣрить, какъ онъ вѣрилъ и любилъ! Нѣтъ, человѣкъ не для страданія созданъ: можетъ ли онъ мучиться, когда въ душѣ его сіяетъ безоблачное небо, когда въ этомъ небѣ отражается вся чудная природа, когда оно освѣщено вѣчнымъ солнцемъ—Богомъ! Любовь—источникъ всѣхъ наслажденій; въ эгоизмѣ скрываются всѣ мученія, всѣ терзанія—его должно вырвать съ корнемъ изъ сердца, и оно радостно, тихо забьется—бурные порывы утихнутъ, для него взойдетъ чистый, свѣтлый, свѣтлый день, полный надеждъ и свѣтлыхъ наслажденій!»...

Замѣчательно, что этотъ восторгъ передъ Жанъ-Полемъ охватилъ женское молодое поколѣніе Бакуниныхъ въ то трудное для нихъ время, когда такъ тяжело и печально разрѣшался романъ Станкевича и Любаши, когда Варинька напрягала свои послѣднія силы и дѣлала послѣднія, въ сущности почти безнадежныя, попытки обратить мужа въ свою вѣру. Александръ Михайловичъ какъ разъ въ это время сталъ настаивать, чтобы Варинька ѣхала съ мужемъ въ Ивановское, и Татьяна Александровна приготовлялась съ ней вмѣстѣ покинуть Премухино, чтобы служить ей поддержкой въ Ивановскомъ. Въ томъ

же письмѣ, гдѣ заключается только что приведенный восторженный диөирамбъ Жанъ-Полю, она пишетъ Мишелю:

«...Не могу безъ содроганія подумать о нашей жизни въ Ивановскомъ—и природа тамъ такъ суха, такъ безжизненна, такъ холодна. Бѣднаго Сашу повеземъ въ это скучное мѣсто— тамъ разовьется его умъ и сердце. Богъ насъ не оставитъ— волѣ Его предаюсь совершенно»...

Варвара Александровна выражала свое внутреннее состояніе музыкой. Она не только играла и пѣла гармонирующія съ ея настроеніемъ пьесы, но и сама сочиняла, повидимому, довольно сильныя и выразительныя мелодіи. «Варинькина пѣснь—писала Татьяна еще въ февралѣ 1837 г. — раздираетъ мнѣ всю душу, наполняетъ ее какимъ-то сладостнымъ, тоскливымъ чувствомъ—сердце рвется въ это чудное небо, къ этимъ звѣздамъ, которыя горятъ лучами надежды для насъ, къ этому тихому мѣсяцу, проливающему отрадный свѣтъ свой на землю—такъ сладко, такъ легко дышать, когда глядишь на небо, когда забываешь земныя оковы свои и свободною душою летишь въ объятія Бога»... Въ концѣ письма она пишетъ: «Варинька зоветъ написать ея музыку (т.-е. написать ноты къ ней, чтобъ послать ее Мишелю и Беерамъ. *А. К.*)—иду, иду!—чудесная музыка! Ты услышишь—пусть Наталья поетъ ее. Эта музыка— прибавляетъ она по-французски—носитъ характеръ глубокой грусти, но кроткой и покорной—она выражаетъ Варинькину душу—и лучше, чѣмъ она могла бы это высказать—расположеніе духа, въ которомъ она теперь находится»...

Въ началѣ апрѣля Мишель пріѣзжалъ на короткое время въ Премухино, чтобы присутствіемъ своимъ поддержать и ободрить сестеръ, и онѣ, видимо, отвели съ нимъ душу; но зато старшіе не были довольны этимъ его пріѣздомъ и даже обнаруживали свое удовольствіе по поводу его отъѣзда. Послѣ его отъѣзда отношенія съ Дьяковымъ стали еще болѣе натянутыми, хотя Варинька и продолжала пытаться побѣдить его кротостью и спокойствіемъ. Кроткая Татьяна пишетъ о немъ съ негодованіемъ и даже осуждаетъ излишнюю кротость Вариньки. «Надо, чтобы онъ чувствовалъ преимущество ея надъ собою—тогда онъ будетъ самъ счастливѣе и перестанетъ ее мучить. Она опять нездорова съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ. Нѣтъ, ты не можешь себѣ представить, какую тоску наводитъ онъ своимъ

присутствіемъ»... 15 апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенія, она пишетъ опять: «Грустно встрѣтили, грустно провели этотъ день. Нѣтъ, не воротиться безпечной, дѣтской радости—теперь такъ много горькаго. Не знаю—меня что-то мутятъ ужасныя предчувствія. Боже мой, да будетъ воля твоя! Варинька помирилась съ Николаемъ. Были у нихъ большіе разговоры, но она не просила прощенія. Ничто въ свѣтѣ не разлучитъ меня съ нею, если она сама этого не захочетъ... Короткое время, которое мы провели съ тобою, не изгладится изъ моей памяти. Я была такъ счастлива—про все забыла, и съ кѣмъ живу, и съ кѣмъ назначено провести всю жизнь. Только Варинька была бы спокойна. Зачѣмъ Саша принадлежитъ не ей одной?—вѣдь его могутъ отнять у нея, ежели она не будетъ исполнять волю мужа»...

Это опасеніе, какъ ниже увидимъ, играло не малую роль въ настроеніи духа Варвары Александровны и значительно отражалось и на ея поведеніи съ Дьяковымъ уже тогда, когда она потеряла всякую надежду на его обращеніе.

Лѣто 1837 года прошло болѣе свѣтло и спокойно, чѣмъ можно было ожидать. Въ іюнѣ пріѣхалъ въ Премухино Мишель и привезъ съ собой двухъ новыхъ пріятелей, Лангера и Поля—музыкантовъ идеалистовъ-нѣмцевъ, съ которыми онъ познакомился въ Москвѣ черезъ Боткина. Лангеръ былъ не простымъ учителемъ музыки, но талантливымъ музыкантомъ-композиторомъ. Онъ сочинялъ превосходныя сонаты въ романтическомъ стилѣ, которыя очень нравились сестрамъ Мишеля. Варвара Александровна особенно съ нимъ подружилась и очень полюбила его музыку. Бетховенъ, Моцартъ, Шубертъ заняли въ это лѣто огромное мѣсто въ премухинской жизни, и старый премухинскій домъ постоянно оглашался обаятельными и душу возвышающими звуками этихъ геніальныхъ произведеній.

Въ концѣ лѣта Лангеръ и Поль уѣхали; но Мишель остался. Онъ вплотную взялся въ Премухинѣ за изученіе Гегеля [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ во что бы то ни стало убѣдить и родителей и мужа Вариньки въ необходимости отъѣзда ея за границу. Онъ надѣялся сперва устроить это дѣло полюбовно и потому рѣшилъ попытаться водворить въ Премухинѣ миръ,

---

[1]) Объ этихъ его занятіяхъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

старался сблизиться съ отцомъ и улучшить свои разстроенныя съ нимъ отношенія: читалъ вмѣстѣ съ нимъ, всячески за нимъ ухаживалъ и, повидимому, въ значительной мѣрѣ достигъ своей цѣли. Къ тому же сильно пошатнувшееся здоровье Варвары Александровны заставило и мужа, и родителей обратить на себя серьезное вниманіе и мало-по-малу склонило ихъ къ признанію необходимости или, по крайней мѣрѣ, полезности ея поѣздки въ принципѣ. Однако до осуществленія ея на практикѣ было еще далеко.

Путешествіе въ Карлсбадъ или Маріенбадъ, какъ совѣтовалъ докторъ, требовало по тогдашнему времени значительныхъ средствъ. У Вариньки своихъ денегъ не было, на счетъ Дьякова она ѣхать не хотѣла, тѣмъ болѣе, что и дѣла его были тогда въ довольно плохомъ состояніи. Высчитано было (Мишелемъ по даннымъ, сообщеннымъ ему Боткинымъ), что поѣздка и двухлѣтнее пребываніе въ чужихъ краяхъ Варвары Александровны съ сыномъ въ самой скромной обстановкѣ потребуетъ все же не менѣе 6,000 рублей ассигн. Одна плата на пароходѣ изъ Петербурга до Любека составляла 700 руб. въ отдѣльной каютѣ второго класса. Путешествіе сухимъ путемъ въ коляскѣ обошлось бы еще гораздо дороже. Варвара Александровна передала Мишелю всѣ свои драгоцѣнности (бриллiанты и проч.) для обращенія ихъ въ деньги. Отъ продажи ихъ можно было выручить отъ 1,500—2,000 руб. Приходилось обратиться къ помощи родителей, матеріальныя дѣла которыхъ были тоже не въ особенно блестящемъ положеніи. Въ концѣ-концовъ выяснилось, что родители могутъ дать изъ невыдѣленной части Варвары отъ 1,000—2,000 руб. въ годъ. Варвара Александровна мечтала зарабатывать литературнымъ трудомъ (писаніемъ дѣтскихъ разсказовъ) и уроками музыки; но состояніе ея здоровья и непривычка къ такой работѣ дѣлали этотъ источникъ дохода весьма сомнительнымъ даже въ глазахъ такого мечтателя и оптимиста въ практическихъ дѣлахъ, какимъ былъ Мишель.

Таковы были матеріальныя затрудненія, но не они были главными. Необходимо было согласіе Дьякова, безъ котораго и Александръ Михайловичъ не только не давалъ своего, но прямо грозилъ препятствовать. Дьяковъ колебался. Варинька не скрывала отъ него, что лѣченіе водами и климатомъ чужихъ краевъ вовсе не главная цѣль ея путешествія; она не скрывала отъ

него, что для нея важнѣе всего пожить отдѣльно отъ него и отдохнуть отъ его присутствія. Она даже опредѣленно высказывала, что, только проживъ годъ или два на свободѣ, она будетъ въ состояніи рѣшить, можетъ ли она жить съ нимъ вмѣстѣ, и обѣщалась по возвращеніи жить съ нимъ на положеніи сестры, вернуться же къ нему, въ качествѣ жены, лишь въ томъ случаѣ, если чувства ея перемѣнятся, на что она не давала никакихъ надеждъ. Но бѣдный Дьяковъ не переставалъ надѣяться: самая кротость и ласковость обращенія съ нимъ со стороны Вариньки, повидимому, поддерживала въ немъ эти надежды, наперекоръ стремленію ея внушить ему идею возможности иного человѣческаго счастья, основаннаго на болѣе чистой и безкорыстной любви къ людямъ. Благодаря слабости своего характера и полному непониманію идей и стремленій жены, Дьяковъ поминутно мѣнялъ свои намѣренія: то великодушно обѣщался отпустить ее за границу съ Мишелемъ или одну, то просилъ и умолялъ, чтобы она взяла его съ собою, то грозилъ совсѣмъ отказать ей въ своемъ разрѣшеніи ѣхать и везти съ собой сына. Къ чести его надо однако же сказать, что самъ онъ вовсе не пробовалъ серьезно пустить въ ходъ ту угрозу, которая была бы въ данномъ случаѣ самой дѣйствительной,—угрозу вовсе отнять у нея сына. Зато Александръ Михайловичъ постоянно выдвигалъ эту угрозу передъ Варинькой, какъ только хотѣлъ доказать ей необходимость считаться съ волею мужа. Мишель, чтобы ослабить дѣйствіе этой угрозы на Вариньку, наводилъ даже справки въ законахъ о правахъ мужа и отца на жену и сына и о способахъ осуществленія этихъ правъ и старался доказать Варинькѣ, что процессъ осуществленія этихъ правъ таковъ, что Дьяковъ никогда не рѣшится прибѣгнуть къ нему въ дѣйствительности. Главное, однако же, что мучило Варвару Александровну во время этой тяжелой борьбы—это жалость къ Дьякову, который проявлялъ все бо́льшую страстность и все болѣе сильные припадки отчаянія и устраивалъ ей все болѣе и болѣе тяжелыя сцены—тѣмъ болѣе тяжелыя, что онѣ были совершенно безыскусственны и Варинька не могла сомнѣваться ни въ силѣ и искренности его любви, ни въ добротѣ и честности этого человѣка, котораго жизнь была испорчена по ея винѣ.

Вотъ одно изъ писемъ Варвары Александровны къ Мишелю,

писанное, кажется, еще въ апрѣлѣ 1837 г.; оно ярко обрисовываетъ чувства Варвары Александровны и ея отношенія къ къ мужу въ этотъ трудный періодъ ея жизни [1]):

«Николай уѣхалъ, дорогой другъ. Бѣдное дитя! почему не могу я ему дать то счастье, которымъ онъ могъ бы пользоваться, если бы онъ не былъ такъ привязанъ къ земнымъ наслажденіямъ? Нѣтъ, Мишель, тщетны будутъ мои попытки отвратить его отъ этого. Ты самъ сказалъ: любовь, которая не освящена (sanctifié) мыслью, остается и всегда останется лишь чувственнымъ ощущеніемъ. Сердце у него такое доброе—но это и все—природа, кажется, отказала ему во всемъ, что касается мысли. Ты слышалъ или ты навѣрное читалъ гдѣ-нибудь разсказъ объ этой раздирающей душу чертѣ собаки, которая позволяетъ себя убить своему господину, вслѣдствіе чрезмѣрной вѣрности и привязанности къ нему, которая еще лижетъ ему руку, прежде чѣмъ умереть. О, Богъ мнѣ свидѣтель, что не съ тѣмъ, чтобы его унизить, не съ тѣмъ, чтобы его оскорбить, но помимо моей воли напоминаетъ онъ мнѣ эту исторію, которую я такъ часто читала въ дѣтствѣ и которая столько разъ заставляла меня плакать. Какъ бы дурно я съ нимъ ни обращалась, хоть бы даже стала его убивать, онъ и тутъ еще сталъ бы цѣловать подолъ моего платья... У него нѣтъ этого достоинства мужчины, котораго состраданіе оскорбляетъ, у него кротость, приниженность, преданность животнаго, любящаго своего господина, несмотря на побои, которые тотъ ему наноситъ, которое ходитъ за нимъ слѣдомъ, защищаетъ его до послѣдняго своего вздоха... Ахъ, Мишель, могу ли я не чувствовать всей этой доброты, всей этой любви! Могла ли бы я дурно обходиться даже и съ животнымъ, которое было бы ко мнѣ такъ привязано? Нѣтъ, Мишель, я увѣрена, что ты извинишь эту раздирающую жалость, которую я къ нему чувствую, потому что она вѣдь не можетъ поколебать моего рѣшенія. Я могла бы все вспомнить, описать тебѣ всѣ наши разговоры, изобразить тебѣ всѣ малѣйшіе оттѣнки, которые показываютъ сердце въ обнаженномъ видѣ. Ты бы самъ оцѣнилъ въ немъ эту деликатность, этотъ страхъ оскорбить меня, наскучить мнѣ. Онъ больше уже меня не ласкаетъ, очень рѣдко

[1]) Оно писано по-французски.

входитъ въ мою комнату—и никогда не входитъ безъ спросу—и никогда тамъ долго не остается... «Ну, я пойду теперь,—говоритъ онъ всегда, проведя нѣсколько времени со мной,—благодарю тебя за твою доброту, я не хочу тебѣ надоѣдать, скажи мнѣ, когда я могу опять притти»... Сегодня утромъ, послѣ небольшого разговора со мной, онъ вдругъ говоритъ мнѣ: «нѣтъ! ты поѣдешь въ Маріенбадъ, и если даже мнѣ не оставалось бы никакой надежды (ѣхать съ тобой), ты поѣдешь съ Мишелемъ, съ кѣмъ хочешь; не бери только денегъ у Станкевича, этого я не могу перенести, обѣщай мнѣ ничѣмъ у него не одолжаться». (Очевидно, онъ зналъ, что въ числѣ обсуждавшихся способовъ достать денегъ на поѣздку былъ проектъ взять деньги взаймы у Станкевича. *А. К.*). Не знаю почему, онъ не любитъ Станкевича онъ считаетъ его гордымъ... «О, позволь мнѣ самому проводить тебя! Я тотчасъ же оттуда уѣду».—Я отказала ему въ этомъ съ твердостью, но съ разбитымъ сердцемъ. Я не смѣю даже показать ему жалости, которую онъ мнѣ внушаетъ, изъ опасенія причинить ему этимъ большее зло. Бѣдное дитя! Отецъ небесный—Тотъ, который всѣхъ насъ зоветъ своими дѣтьми,—возьметъ тебя подъ свое покровительство. Онъ не оставитъ тебя! О, если бы я могла не отдѣляться отъ тебя,—если бы ты видѣлъ во мнѣ мать, а не жену—какое счастье было бы это для меня! О, я не оставила бы тебя, я не мучила бы тебя, какъ мучаютъ тебя здѣсь, я нашла бы для тебя въ себѣ снисходительность и заботливость матери! Если любовь его ко мнѣ не пройдетъ, Мишель, можетъ быть мнѣ можно будетъ впослѣдствіи вернуть его къ себѣ, если онъ будетъ въ состояніи привыкнуть видѣть во мнѣ только сестру. Я-то никогда уже не вернусь сюда, къ этимъ людямъ; но онъ могъ бы пріѣхать ко мнѣ... Не пугайся, Мишель, я ничего не предприму безъ тебя, я буду во всемъ тебя слушаться, чего бы это мнѣ ни стоило, ты мой избавитель, и вѣра моя въ тебя безгранична. Я сдѣлаю это все только въ томъ случаѣ, если ты это одобришь... Не бойся же, что я сдѣлаю какую-нибудь новую глупость, я научилась недовѣрять себѣ самой, эти приступы жалости заставили меня уже сдѣлать не мало безумствъ, они причинили слишкомъ много зла и другимъ, и мнѣ самой, чтобы я допустила еще разъ имъ овладѣть собою время все откроетъ!—Только, Мишель, не позволяй его

оскорблять, возьми на себя его защиту,—онъ заслуживаетъ больше, чѣмъ жалости»...

Когда въ самомъ концѣ ноября 1837 года Мишель уѣхалъ изъ Премухина въ Москву, сестры почувствовали себя особенно осиротѣлыми. Онѣ писали ему почти ежедневно, и замѣчательно, что безъ него и то примиреніе съ родителями, котораго онъ достигъ, оказалось непрочнымъ. Родители, уже понявшіе, что Варенькино путешествіе предпринимается не ради одного лишь здоровья, но является прямымъ шагомъ къ разводу ея съ мужемъ, именно въ это время рѣшили, повидимому, употребить всѣ старанія, чтобы образумить ее и убѣдить вернуться къ мужу. Они предприняли съ этой цѣлью цѣлую кампанію, и такъ какъ Александръ Михайловичъ во всѣхъ Варенькиныхъ планахъ видѣлъ руку Мишеля, то и противъ него и особенно противъ его вліянія на сестеръ воздвигнуто было новое гоненіе. Противъ Вареньки и ея плановъ были возстановлены всѣ въ домѣ, кромѣ сестеръ—даже приживалки, различные домочадцы и прислуга,—и ея положеніе сдѣлалось въ Премухинѣ настолько нестерпимымъ, что она стала даже серьезно подумывать, не лучше ли ей будетъ уѣхать въ Ивановское съ Татьяной и съ сыномъ. Письма Варвары Александровны къ Мишелю отражаютъ то нервное, болѣзненное состояніе духа, до котораго она дошла въ это время. Надежда въ ней смѣнялась отчаяніемъ, сознаніемъ полнаго упадка силъ, такъ что Мишель сталъ опасаться за исходъ всего дѣла. Раздраженный въ высшей степени слухами о томъ, что Александръ Михайловичъ самъ совѣтовалъ Дьякову не отпускать съ Варенькой сына, если она не захочетъ ѣхать за границу съ нимъ, своимъ мужемъ, Мишель писалъ сестрѣ:

«Варенька, я, до сихъ поръ удерживавшійся отъ всякаго рѣшительнаго совѣта и предоставлявшій дѣйствія твои рѣшеніямъ твоей собственной воли, отдаюсь тебѣ совершенно. Варенька, всѣ силы, всѣ средства, вся жизнь моя—все отдаю я тебѣ. Варенька, я буду теперь давать тебѣ совѣты и совѣты рѣшительные, потому что намъ медлить нельзя. Противъ насъ всѣ отъ малаго до великаго, за насъ только одна правость дѣла, и повѣрьте, милыя сестры, что мы имѣемъ огромное преимущество передъ ними. Наша совѣсть покойна, души наши согрѣты любовью, тогда какъ имъ страшно должно быть или

будетъ страшно заглянуть въ свои души, потому что въ нихъ живая ложь и ненависть. Варенька, отвѣчай Дьякову, что ты за границу теперь не поѣдешь, потому что у тебя нѣтъ для этого ни средствъ, ни позволенія, а безъ средствъ и безъ позволенія твоя поѣздка въ Маріенбадъ невозможна. Скажи ему рѣшительно, что ты съ нимъ ѣхать и жить не хочешь; что если онъ можетъ отнять у тебя сына, то пусть дѣлаетъ это законами черезъ судъ. Ты черезъ это ничего не потеряешь, тебя по жалобамъ ихъ ужъ безъ того всѣ бранятъ и ругаютъ, такъ пусть же они и сами себя обезславятъ. Непремѣнно сдѣлай это, Варенька, я требую этого! Повѣрь мнѣ, хуже быть не можетъ. Будь тверда, обопрись на правость твоего дѣла, а будущее предоставь волѣ Божіей, которая устроитъ все къ лучшему. Да, милыя сестры,—такъ кончалъ онъ это письмо,—настало время, гдѣ мы не должны болѣе молчать, гдѣ мы не должны уступать ни одного шагу, что бы тамъ потомъ ни было» [1])...

Передъ этимъ Мишель получилъ письмо отъ Александра Михайловича, которое онъ такъ излагалъ сестрамъ въ письмѣ отъ 20 декабря 1837 года:

«Милые друзья, ваши предчувствія сбылись: какъ только я уѣхалъ, на меня снова поднялось гоненіе. Вчера я получилъ письмо отъ папеньки, написанное маменькой, въ которомъ онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я разъединилъ васъ съ нимъ, въ томъ, что я развратилъ ваши души, наполнивъ ихъ преступными софизмами St. Simonisme'а, скрытыми подъ личиною христіанства; въ томъ, что я убилъ въ Варенькѣ любовь къ мужу, начинавшую разгораться сильнымъ огнемъ прежде моего пріѣзда весной нынѣшняго года; въ томъ, что вы съ ними неоткровенны; въ томъ, что вы имъ болѣе не вѣрите; въ томъ, что братья бѣжали изъ гимназіи, и имъ насилу удалось образумить ихъ... Все это кончается увѣщаніемъ сдѣлаться, наконецъ, истинно христіанскимъ сыномъ или прекратить свои философскія посѣщенія въ Премухино. Батюшка повторяетъ, что онъ безъ мужа рѣшительно не отпуститъ тебя, милая Варенька, въ Карлсбадъ; что ты самовольно и безъ всякаго принужденія вышла замужъ и что ты поступаешь подло и свято-

---

[1]) Письмо отъ 24 декабря 1837 г.

татствуешь, оставляя своего мужа,—что все это плодъ совѣтовъ нашихъ пріятельницъ Бееровыхъ и моего ученія; что мнѣ хочется непремѣнно съѣздить за границу на чей бы счетъ то ни было, etc., etc., etc.

«Итакъ, все, что мы строили съ такой любовью, съ такой святою надеждою найти истиннаго отца въ папенькѣ,—все это разрушилось. Не унывайте только, милые друзья, будьте тверды, вы знаете очень хорошо, что не пустыми правилами St. Simonism'а я возвратилъ (вамъ) силу и спокойствіе духа».

«Нѣтъ, Миша,—отвѣчала на это письмо Варвара Александровна,—построенное тобою никогда не разрушится. Но я слишкомъ слаба еще, чтобъ эта жизнь, эти страшныя бури могли проходить по душѣ моей, не касаясь ея, не оставляя на ней никакихъ слѣдовъ. Они уже не могутъ убить ее, они не могутъ вырвать зерна, брошеннаго въ нее Небомъ,—нѣтъ, Миша, не бойся,—зерно укоренилось и пустило сильные ростки: они устоятъ бурямъ, бури укрѣпятъ ихъ корень. Но они вымещаютъ свое безсиліе минутнымъ безпорядкомъ поверхности—вотъ все, что они могутъ—тогда они вольютъ въ меня безплодное раскаяніе; но и это пройдетъ: deine einzige Busse sei eine schönere That [1]), говоритъ Жанъ-Поль. Будь же покоенъ, другъ. Я знаю, мое послѣднее письмо взволнуетъ тебя—это еще необходимое послѣдствіе моей слабости: но она уже не опасна: она не можетъ поколебать моей рѣшимости: усилить на минуту мои страданія—вотъ все, что остается ей, но и эти страданія укрѣпляютъ меня...

«Миша я не могу не жалѣть его, я не могу не страдать съ нимъ. Я не могу не видѣть, не чувствовать, что его несчастіе отъ меня. Но, что разъ сдѣлано, того не перемѣнишь—я заслужила эти страданія и съ любовью принимаю ихъ. Богъ не оставитъ его, Миша; Онъ одинъ можетъ поправить, что я испортила; Онъ возвратитъ ему, что я отняла отъ него! Я вѣрю, Миша, я опять спокойна, будь же и ты спокоенъ. Поверхность иногда взволнована, на днѣ тихо, и ничто не можетъ возмутить его.

«Я сама еще не знаю, что будетъ со мною. Оставаться здѣсь мнѣ нельзя—это самое невѣрное для меня пристанище. Мнѣ

---

[1]) Твоимъ единственнымъ раскаяніемъ пусть будетъ болѣе прекрасное дѣло.

кажется, придется ѣхать скоро въ Ивановское. Все равно, Миша, здѣсь или тамъ: тамъ, по крайней мѣрѣ, будетъ одинъ онъ. Танюша меня не оставитъ, а съ Богомъ и съ вами, друзья, я нигдѣ не погибну. Можетъ быть, весною меня отпустятъ въ Москву, а оттуда можно будетъ какъ-нибудь уѣхать дальше... Николай ни на что еще не рѣшился и никогда не рѣшится. Il faut que tout soit prêt, Michel,—et puis le premier moment favorable il faudra en profiter»... [1])

Иногда, однако же, ея письма звучали настоящимъ отчаяніемъ:

«Мишель, Мишель,—писала она 29 декабря 1837 года,—освободи меня отъ этого мученія или дай силу его вынести! Мишель, что̀ наши собственныя мученія въ сравненіи съ этой ужасной тоской въ сердцѣ, которая происходитъ, когда обвиняешь себя въ томъ, что разбилъ, разодралъ другое сердце, обрекъ его на страданія, которыя, можетъ быть, кончатся для него только съ жизнью! Ахъ, не обвиняй меня, Мишель, въ экзальтаціи; если бы ты былъ здѣсь сегодня вечеромъ, если бы ты видѣлъ его съ этими ввалившимися щеками, съ цвѣтомъ лица, какъ у мертвеца, и если бы ты видѣлъ его слезы...»

Но вотъ на Рождество подъѣхали братья-гимназисты изъ Твери и внесли съ собой свѣжую, живую струю, которая не могла не подѣйствовать живительно и на сестеръ, подавленныхъ Варенькинымъ горемъ. Пошли катанья, прогулки въ саняхъ, задушевные разговоры съ братьями, и даже сама Варвара Александровна почувствовала приливъ жизни.

Вотъ одно изъ писемъ ея этого періода, свидѣтельствующее, что и она могла въ этой юной, милой и дружной компаніи забывать свое горе и свои тревоги, по крайней мѣрѣ на время:

«Ахъ, Миша, Миша, чувствуешь ли ты, какъ сильно, какъ порывисто бьется сердце? Какъ бы хотѣлось броситься тебѣ на шею, крѣпко прижаться къ тебѣ и прочесть въ твоихъ глазахъ тотъ самый восторгъ, который волнуетъ душу! Ахъ, зачѣмъ ты не здѣсь, другъ, зачѣмъ ты не съ нами! Зачѣмъ ты не видѣлъ все, что мы видѣли, зачѣмъ мы не могли въ эти минуты слиться съ тобою! А гдѣ же ты теперь, чувствуешь ли ты, что мы чувствуемъ?

---

[1]) Нужно, чтобы все было готово, Мишель, и затѣмъ надо будетъ воспользоваться первой благопріятной минутой.

«Мы только что возвратились домой. Ахъ, Миша, Миша, какой вечеръ!—солнышко заходило, когда мы поѣхали... Свѣтло, тихо и на душѣ весело, весело... Мы говорили о тебѣ, ты слился съ каждою минуткою нашей жизни; все святое, все прекрасное неразрывно связано съ тобой! О, какое блаженство любить, какъ мы тебя любимъ! Миша, Миша, какое блаженство знать, что и ты насъ любишь, что мы твои и что ничто не оторветъ тебя отъ насъ! О, другъ, милый, добрый другъ, броситься къ тебѣ на шею, прижаться къ груди твоей, чувствовать, какъ бьется твое сердце въ такую минуту,—о, это было бы верхъ блаженства! Миша, и ты насъ такъ же любишь, какъ и мы тебя, не правда ли, другъ?..

«Мы ѣхали скоро, скоро, [1]) свѣтъ постепенно угасалъ, ты какъ будто былъ между нами... О, ты не знаешь, ты не можешь знать, какъ весело думать, говорить о тебѣ... Почти незамѣтно мы очутились у самаго Славихинскаго лѣса. Нѣтъ, этого зрѣлища нельзя описать, Миша! Лѣсъ вдругъ облекся въ какую-то фантастическую серебряную одежду; высокія ели гордо поднимались къ небу, покрытыя пушистымъ инеемъ, между тѣмъ какъ березы склонили свои вѣтви подъ тяжестью своего наряда,—это было что-то такое волшебное, Миша, что-то странное, и все было облито какимъ-то таинственнымъ полусвѣтомъ... Я посмотрѣла наверхъ: бѣлыя, волнистыя облака кое-гдѣ стелились надъ нами по синему небу, а мѣсяцъ въ широкомъ золотомъ сіяніи просвѣчивалъ между блестящими вершинами деревьевъ; все окружное небо позолотилось его свѣтомъ... Мнѣ казалось, какъ будто перенесли меня въ волшебную страну—eine phantastische Träumenwelt regte sich in miener Brust... Hättest du gesehen wie schön und wunderlich sich das glänzende Gold mit dem Silber der Bäume und dem reinen Matte des Schnees vereinigte! [2])

«Когда мы повернули, звѣздочка ужъ ярко горѣла на западѣ. Лицо Алеши, который сидѣлъ противъ меня на козлахъ, все болѣе и болѣе озарялось мѣсяцемъ и принимало какое-то святое, небесное выраженіе, мнѣ такъ хотѣлось обнять его! Ка-

---

[1]) Они ѣхали въ саняхъ. Это было на святкахъ 1837—1838 г.

[2]) Фантастическій сказочный міръ представлялся моему воображенію. Посмотрѣлъ бы ты, какъ прекрасно, какъ чудесно соединялся золотой блескъ съ серебромъ деревьевъ и съ чистымъ снѣжнымъ покровомъ!

кая чистая, младенческая радость горѣла въ его глазахъ! Но мы сидѣли такъ узко, что нельзя было пошевелиться. Ахъ, Миша, какъ намъ хорошо, весело съ ними!

«Между тѣмъ какъ мы ѣхали, все становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе, все тише и тише: природа какъ будто готовилась къ священнослуженію и, чувствуя свое величіе и присутствіе вѣчнаго Духа, вся погрузилась въ созерцаніе самой себя. Мы молчали, боясь прервать однимъ словомъ торжественное спокойствіе, а между тѣмъ наверху все готовилось: мы видѣли, какъ постепенно она зажигала свои безчисленныя свѣтила, какъ они искрились и разгорались на темносинемъ сводѣ безконечнаго храма. И этотъ прелестный голубой блескъ, который лился отъ нихъ, и это спокойствіе вокругъ, и эта церковь, [1]) которая стояла передъ нами въ чудномъ таинственномъ блескѣ!

«Миша, Миша, я не умѣю выразить всего, что происходило во мнѣ—эту живую, пламенную, безконечную любовь, которая наполняла мою грудь! Слова замираютъ на губахъ моихъ, когда я хочу говорить,—и это безсиліе, эта невозможность совершенно вылить себя,—ахъ, если бы ты зналъ, какъ они отравляютъ самыя святыя минуты восторга, какъ они сжимаютъ, ограничиваютъ меня!

«О, какъ счастливъ тотъ, котораго всѣ чувства проникнуты, просвѣтлены вѣчнымъ разумомъ, для кого нѣтъ ничего темнаго, а все свѣтло! Его восторгамъ нѣтъ конца, онъ не боится измѣрить ихъ, для него нѣтъ той ограниченности, которая такъ холодно сжимаетъ душу. О, дай намъ это блаженство, Миша, просвѣти насъ свѣтомъ разума и истины, дай намъ безсмертную, сознательную жизнь! Мысль—это жизнь Духа,—о, я чувствую теперь, какъ она необходима, какъ чувство темно, недостаточно безъ нея! До сихъ поръ мы жили имъ однимъ, и что же была наша жинзь? Какъ мало еще въ насъ того, что дѣлаетъ человѣка—этотъ живой образъ Бога! Какъ много еще темнаго, неопредѣленнаго, непонятнаго! Но вѣдь Онъ сказалъ: «толцыте и отверзится, просите и дастся вамъ!» Ты, другъ, знаешь, какъ пламенно наше желаніе, ты знаешь, какъ жаждетъ душа истины.

«О, Миша, ты самъ сказалъ: нѣтъ ничего потеряннаго, все, что было—было необходимо—и вотъ мы проснулись. Миша, ты

[1]) Это премухинская каменная бѣлая церковь, которую они видѣли передъ собой, подъѣзжая къ дому.

посланъ намъ Богомъ, ты разбудилъ насъ для вѣчной жизни, и наша вѣра въ тебя полна, неограниченна, какъ эта жизнь! О, веди же насъ, Миша, ты неразрывно связалъ насъ съ собою! Нѣтъ, ты не можешь оставить насъ, ты не забудешь своего обѣщанія: ты сказалъ мнѣ, что будешь отцомъ моего сына—и сдержишь свое слово. Моя довѣренность къ тебѣ неограниченна. О, если бы ты могъ перемѣниться,—я чувствую, что все было бы потеряно; но это невозможно! До тѣхъ поръ, пока я буду вѣрить въ высшее, вѣчное я буду вѣрить въ тебя! Когда я перестану вѣрить въ тебя, я перестану вѣрить въ высшее, потому что ты показалъ намъ его, ты влилъ въ насъ свою любовь, и если бы она могла простыть въ тебѣ, Миша, на что же бы могли опереться мы, слабыя творенія! Да, Миша, теперь, по крайней мѣрѣ, я бы погибла безъ тебя. Вотъ видишь ли, у тебя не одна жизнь—ты живешь для насъ всѣхъ! О, другъ, такая любовь, такая вѣра не могутъ быть отвергнуты... Въ самыя трудныя минуты одна мысль о тебѣ даетъ мнѣ силу. Что удержало меня отъ второго паденія въ первыя минуты раздирающей жалости?—вѣра въ тебя! Да, Миша, теперь моя вѣра уже больше независима отъ тебя, теперь и далеко отъ тебя я могу быть сильна, теперь я уже начинаю понимать сама собою, но тогда дѣйствовала во мнѣ одна инстинктивная вѣра въ твою силу. Я, какъ ребенокъ, покорилась ей и вѣрила, что она спасетъ меня. Когда я была съ тобою, когда ты говорилъ, мой духъ былъ увлеченъ твоимъ: я понимала все, но далеко отъ тебя я опять вся подпала подъ власть чувства, и чувство завлекло бы меня, если бы не эта вѣра въ тебя. Теперь уже не такъ. Но если бы ты пересталъ любить насъ, если бы ты могъ упасть, Миша,—знаешь что было бы съ нами?.. Но зачѣмъ же я говорю такія глупости? Вѣдь это невозможно! Зачѣмъ же придумывать невозможное? Я сказала тебѣ все это только для того, чтобы ты зналъ, какъ необходимъ ты для насъ, какъ необходима намъ любовь твоя. Знаешь, Миша, когда во мнѣ пройдетъ дурное чувство, я покраснѣю, какъ будто ты видишь его, и не смѣю поднимать глазъ...

«Есть еще другой,—неожиданно прибавляетъ она, — который производитъ во мнѣ почти то же, что и ты, хоть я его и мало знаю...—но это останется глубоко, глубоко въ твоемъ сердцѣ и никогда не выйдетъ изъ него, этотъ другой—Станке-

вичъ... Можетъ быть, это воображеніе. Я его знаю почти только черезъ тебя и люблю его оттого, что ты его любишь. Я увѣрена въ этомъ, и между тѣмъ, когда я думаю, что скоро, можетъ быть, увижу его тамъ, сердце такъ сильно забьется отъ страха и радости—и въ ту же минуту мнѣ станетъ гадко себя... О, Миша, Миша, сколько эгоизма еще во мнѣ — вотъ видишь ли, я не напрасно обвиняла себя—мнѣ иногда страшно самой себя—послѣ всего, что было со мною»...

Но вслѣдъ за этимъ поэтически-прекраснымъ и бодрымъ письмомъ Мишель опять получалъ отъ Вареньки письма, исполненныя тоски и отчаянія. Братья уѣхали въ Тверь, и родители усилили свои упорныя старанія вернуть Вареньку къ мужу. Они дѣйствовали и на нее, и на самого Н. Н. Дьякова, слабая воля котораго постоянно колебалась между вліяніемъ Вареньки, любовь къ которой въ немъ все усиливалась, и воздѣйствіемъ Александра Михайловича, который опирался на понятныя Дьякову правила «свѣтской морали» и «здраваго смысла», а отчасти, можетъ быть, дѣйствовалъ и на его самолюбіе мужчины. Въ письмахъ къ Мишелю Варенька описывала то трогательныя, то драматическія сцены, происходившія между нею и мужемъ: жаловалась сама на свою «Schönseeligkeit» и называла себя иногда «чувствительной безсильной душонкой».

Вмѣстѣ съ тѣмъ она все чаще заговаривала о томъ, что лучше ей ѣхать въ Ивановское, чѣмъ оставаться въ такихъ условіяхъ въ Премухинѣ.

Мишель изобрѣталъ всякіе способы воздѣйствія на родителей: привлекъ на свою сторону любимую сестру Александра Михайловича Т. М. Полторацкую (ту самую, которая когда-то устроила бракъ Александра Михайловича съ Варварой Александровной-старшей): пытался привлечь Александра Николаевича Муравьева, который чрезвычайно его полюбилъ, обвороженный глубиной его религіозныхъ стремленій и взглядовъ, что и высказывалъ прямо въ своихъ письмахъ къ самому Мишелю и къ его сестрамъ. [1]) Наконецъ, увидѣвъ по письмамъ

[1]) Въ письмѣ отъ 5 мая 1838 г. А. Н. Муравьевъ писалъ, между прочимъ своимъ племянницамъ: „Восхищаюсь, что братъ вашъ Миша такой высокой души человѣкъ. Онъ меня совершенно плѣнилъ и въѣхалъ, такъ сказать, въ душу мою". Самому Михаилу Александровичу онъ писалъ: „Люблю, уважаю и обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ".

Вареньки, что она не на шутку собралась ѣхать въ Ивановское, спасаясь отъ родительскаго давленія. Мишель рѣшился самъ ѣхать въ новоторжскій уѣздъ и тамъ вновь попытаться, дѣйствуя на умъ и сердце отца и матери и на самого Дьякова, такъ или иначе добиться окончательнаго согласія ихъ на поѣздку Вареньки за границу.

Въ архивѣ сохранились любопытныя письма А. А. Беeръ и В. Г. Бѣлинскаго по этому поводу,— письма, показывающія до какой степени ближайшіе друзья Мишеля принимали всю эту исторію къ сердцу.

Беeры жили въ это время въ Шашкинѣ (Орловской губ.), и вотъ что писала оттуда Александра Андреевна Бѣлинскому 3 января 1838 г.:

«Не дивитесь этому письму и не смѣйтесь надъ нимъ. Вы знаете хорошо наши отношенія съ Бакуниными и это ужасное разстояніе, которое разъединяетъ насъ. Вы легко можете представить положеніе наше. Скажите, Бѣлинскій, съ какими средствами поѣхалъ туда Мишель и намѣренъ ли онъ предпринять что-либо рѣшительное? Варенька можетъ умереть, если ее оставить долго въ этомъ варварскомъ положеніи... Я не смѣю писать къ Мишелю, онъ имѣетъ болѣе довѣренности къ вамъ или лучше вѣры въ васъ... Знаете ли, что власть родителей у насъ безгранична? Александръ Михайловичъ не пощадитъ сына, если ужъ война идетъ открыто, и онъ запретилъ ему являться въ домъ. Онъ можетъ его лишить свободы— у нихъ въ Петербургѣ сильная протекція. Что же будетъ съ сестрами, если это случится? Не говоря ужъ о ихъ внутреннихъ страданіяхъ, что онѣ будутъ выносить наружно, лишаясь защиты брата? Умоляю васъ, скажите намъ, съ какими намѣреніями поѣхалъ Мишель—дѣйствовать, или тамъ еще обдумывать, какъ дѣйствовать? Послѣднее врядъ ли ему удастся. Онъ не хочетъ, чтобы Варенька ѣхала въ Ивановское. Мнѣ кажется, что съ Николаемъ (Дьяковымъ) бороться не трудно: его легко можно заставить согласиться на отъѣздъ ея. Имѣя согласіе мужа, какое право имѣлъ бы на нее отецъ?

«Но какъ мнѣ сказать все это Мишелю? Онъ не повѣритъ мнѣ; подумаетъ, что я, какъ женщина, боюсь выйти изъ этого тѣснаго, душнаго міра свѣтскихъ условій и желаю Варенькинаго примиренія съ мужемъ. Нѣтъ, Бѣлинскій, со всею моею

любовью къ Варенькѣ, я охотнѣе бы узнала о смерти ея, чѣмъ о нравственномъ паденіи, а возвратиться теперь къ Николаю—это уже будетъ по волѣ своей соединиться съ нимъ. Съ прежнимъ фанатизмомъ мы могли быть жертвами родителей и жертвами чистыми; но сознавая всю безнравственность требованій родителей, мы въ нашей покорности къ волѣ ихъ стали бы сами столько же безнравственны. Итакъ, Варенька не можетъ болѣе покоряться имъ. Довольно она вынесла—они могли бы уже удовлетвориться послушаніемъ ея... Пишите къ Мишелю, заставьте его скорѣе и осмотрительнѣе дѣйствовать. Варенька ужъ такъ слаба, а что же будетъ съ сыномъ ея, если она умретъ: онъ по всѣмъ законамъ будетъ принадлежать Николаю; Мишель будетъ безсиленъ, и что будутъ чувствовать бѣдныя сестры его, видя Сашу во власти Николая. Пишите къ Мишелю на имя Ѳедора Ржевскаго; иначе ваши письма не будутъ доходить. Или, быть можетъ, вы уже сами продумали всѣ средства—въ такомъ случаѣ извините меня. Вы поймете, что заставляетъ меня такъ смѣло дѣйствовать, и если посмѣетесь надо мной, то не зло—я знаю васъ, Бѣлинскій, и потому пишу съ полной увѣренностью, что если вы найдете что-либо дѣльное въ моихъ предположеніяхъ или описаніяхъ насчетъ Мишеля и всѣхъ ихъ, то вы сообщите это ему отъ себя или забудете про письмо мое»...

Бѣлинскій былъ очень тронутъ этимъ письмомъ Александры Андреевны, но страннымъ образомъ не совсѣмъ понялъ, повидимому, ея мысль. «Благодарю васъ за довѣренность,—писалъ онъ отъ 13 января 1838 г.,—которой вы меня удостоили и которой я знаю и побужденіе и цѣну. Я совершенно согласенъ (?) съ вами насчетъ того, что В. А. не должна ѣхать въ Ивановское (а А. А. Бееръ думала какъ разъ обратное. *А. К.*). Это-то ея неосторожное и необдуманное намѣреніе и заставило Мишеля ѣхать въ Козицыно. Письмо отца, о которомъ вы уже знаете, было второю важною причиною, побудившею его окончательно уяснить всѣ эти отношенія, сколько запутанныя, столько и пошлыя. Уѣзжая, онъ далъ мнѣ слово писать каждый день, и, по обыкновенію, не сдержалъ его, почему я насчетъ его семейства и его самого нахожусь въ такой же мучительной неизвѣстности, какъ и вы.

«Почтеннѣйшій А. М. является человѣкомъ очень двусмыс-

леннымъ, такъ что многое, что мы всѣ приписывали извѣстной особѣ (вѣроятно матери Бакуниныхъ, Варварѣ Александровнѣ-старшей. *А. К.*), должно теперь отнести къ его итальянской политикѣ. Ужасный человѣкъ! (Читатель уже знаетъ, что Бѣлинскій не остался при этомъ прискорбномъ мнѣніи насчетъ Александра Михайловича. *А. К.*) Я теперь принялъ за правило вѣрить только тѣмъ людямъ, которыхъ могу почитать родными себѣ по чувству и взгляду на вещи. Бога ради, не увидьте здѣсь скептицизма: люблю людей, но презираю пошляковъ, а между тѣми и другими большая разница, хотя тѣ и другіе равно необходимыя звенья въ цѣпи жизни».

«Впрочемъ, — прибавляетъ Бѣлинскій въ соотвѣтствіи съ тогдашнимъ своимъ настроеніемъ,—я со дня на день болѣе и болѣе мирюсь съ прекраснымъ божіимъ міромъ и увѣряюсь, что въ немъ все благо и истинно, даже и то, что прежде я почиталъ зломъ. Но съ собою я еще не могу помириться, почему все еще живу въ пошлой области *прекраснодушія*. Извините за эти подробности о себѣ самомъ, которыхъ вы не требовали: я потому рѣшился говорить о нихъ, что ваше письмо пристыдило меня, показавъ мнѣ, что вы лучше меня успѣли понять жизнь, хотя я, и еще недавно, почиталъ себя ближе къ истинѣ»...

Въ виду полученія того грознаго письма Александра Михайловича, въ которомъ старикъ предлагалъ сыну одно изъ двухъ — или сдѣлаться послушнымъ «истинно-христіанскимъ сыномъ», или прекратить свои «философскія посѣщенія Премухина», Мишель поѣхалъ 1 января 1838 г. не въ Премухино, а въ Козицыно, имѣніе своихъ тетушекъ, въ томъ же новоторжскомъ уѣздѣ. Оттуда онъ написалъ 2 января родителямъ покорное и «нѣжное», какъ онъ выражался, письмо, въ которомъ просилъ ихъ возвратить своимъ дѣтямъ сердца свои и возстановить гармонію между ними, необходимую для спасенія Вареньки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обезпечилъ Варенькѣ, на случай окончательнаго разрыва съ родителями, пріютъ въ Козицынѣ у тетушки Анны Михайловны, которая сама взялась написать Александру Михайловичу и приглашала къ себѣ погостить Вареньку съ Сашей и Танюшу.

Въ то же время Мишелю и Варенькѣ удалось, повидимому, перетянуть на свою сторону Н. Н. Дьякова, который оконча-

тельно согласился отпустить жену съ Сашей за границу съ условіемъ лишь, чтобы ему было предоставлено проводить ихъ до Маріенбада, обѣщая оттуда тотчасъ же вернуться назадъ. Предположено было сперва, что они поѣдутъ съ Мишелемъ; но скоро выяснилось, что Мишель ниоткуда не можетъ достать себѣ средствъ на эту поѣздку, и такимъ образомъ имъ предстояло, къ глубокому огорченію Варвары Александровны, ѣхать пока безъ него.

Въ числѣ лицъ, принявшихъ участіе въ окончательномъ разрѣшеніи этого дѣла, былъ и старшій братъ Н. Н. Дьякова, Валеріанъ Николаевичъ Дьяковъ, которому Варвара Александровна написала трогательное и весьма характерное письмо, гдѣ съ благородной простотой и искренностью изложила все свое дѣло, прося его участія въ этомъ дѣлѣ. И не напрасно: В. Н. Дьяковъ показалъ себя человѣкомъ деликатнымъ и благороднымъ, и, несмотря на недавнюю ссору съ братомъ, много содѣйствовалъ благополучному окончанію дѣла.

Вотъ это письмо Варвары Александровны:

«Не можетъ быть, — писала она (по-французски),—чтобъ вы не знали, что происходитъ между мною и вашимъ братомъ. Николай должно быть говорилъ вамъ объ этомъ, а если не онъ, то свѣтъ слишкомъ старается распространять слухи подобнаго рода, чтобы они могли до васъ не достигнуть. Послѣ Бога, вамъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, я обязана дать отчетъ въ томъ злѣ, которое я причинила вашему брату. Увѣренія, которыя я могла бы дать, что я сдѣлала его невольно, были бы очень жалкимъ оправданіемъ для женщины моихъ лѣтъ. Вѣдь мнѣ 25 лѣтъ, мнѣ было 22, когда я вышла замужъ за вашего брата. Въ эти годы человѣкъ уже не ребенокъ, и проступки, которые въ этомъ возрастѣ совершаютъ, уже неизвинительны. И не для того, чтобы оправдать себя, я вамъ пишу.

«Три года, которые я провела съ Николаемъ и въ теченіе которыхъ я не щадила усилій, чтобы установить между нами то единство вкусовъ и взглядовъ, которое одно устраиваетъ счастье семейной жизни, мнѣ слишкомъ хорошо доказали всю непростительную непослѣдовательность моихъ дѣйствій. Я не могла доставить ему счастья и я связала его, быть можетъ, на всю жизнь. Мнѣ же, слѣдовательно, нужно и поправить

зло, которое я причинила. Я не могу принять мнѣнія, которое предписываетъ женѣ жертвовать для счастья своего мужа и своими вкусами, и своими взглядами, и всѣмъ, однимъ словомъ, что составляетъ ея нравственную жизнь и ея физическое существованіе. Это мнѣніе слишкомъ противорѣчитъ моимъ принципамъ и самой религіи, какъ я ее понимаю: я не могу думать такъ, а дѣйствовать иначе, только чтобы угодить мужу. Моя внѣшняя жизнь должна необходимо соотвѣтствовать моей внутренней жизни. И въ этомъ-то именно и заключается пунктъ разногласія между мной и Николаемъ. Онъ хочетъ вполнѣ основательно имѣть жену, которая составляла бы съ нимъ одно существо во всѣхъ отношеніяхъ, которая не имѣла бы взглядовъ, отличныхъ отъ его взглядовъ. Онъ въ этомъ совершенно правъ. Въ этомъ единствѣ духа заключается вся святость и вся прочность супружеской связи. Я не знаю, буду ли я когда-либо въ состояніи дать ему то счастье, котораго онъ заслуживаетъ. Вотъ почему, Валеріанъ, я васъ умоляю присоединиться ко мнѣ, чтобы убѣдить его предоставить мнѣ одной сдѣлать это путешествіе, не безпокоясь о моихъ средствахъ существованія. Родители мои слишкомъ меня любятъ, слишкомъ любятъ моего ребенка, чтобы оставить насъ безъ помощи, жизнь же, которую я буду вести, и не потребуетъ большихъ расходовъ, а затѣмъ, даже если онъ пожелаетъ прибавить что-нибудь для своего сына, то не легче ли ему будетъ это сдѣлать, оставаясь самому здѣсь, нежели послѣ того, какъ онъ истратитъ такую большую сумму на свое путешествіе и возвращеніе въ Россію?

«Мое болѣзненное состояніе и слабость Саши хотя и являются главнымъ поводомъ этой поѣздки, для меня однако-же не единственные. Если въ теченіе этого года или двухъ лѣтъ моего отсутствія Николай захочетъ отъ меня отвязаться, я даю вамъ слово, Валеріанъ, найти средство сдѣлать его совершенно свободнымъ и не возвращаться въ Россію, пока я хорошо не увѣрюсь въ томъ, что ни въ чемъ не буду вредить ему своимъ присутствіемъ. Если онъ будетъ продолжать меня любить, я возвращусь къ нему или для того, чтобы снова стать его женой, если мои чувства мнѣ это позволятъ, или чтобы быть ему сестрой, если чувства мои останутся тѣ же, что теперь. Я не могу не чувствовать, Валеріанъ, благородства и великодушія

вашего поведенія по отношенію ко мнѣ, и именно это-то ваше великодушіе даетъ мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ вамъ въ положеніи столь тягостномъ и щекотливомъ, каково мое положеніе теперь. Издержки, которыя Николай хочетъ для меня сдѣлать, меня обижаютъ и унижаютъ: я могла бы отъ него что-либо принять, лишь вновь сдѣлавшись его женой, и я обращаюсь къ вамъ, Валеріанъ, чтобъ вы избавили меня отъ этого униженія. Я ввѣряю себя вашей скромности. Разорвите это письмо, прочитавъ его, чтобы оно не могло попасть въ руки Николая; не говорите ему о немъ никогда, ради Бога.

«Вы имѣете большое вліяніе на Николая, онъ любитъ васъ, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ меня, потому что любовь его ко мнѣ болѣе въ воображеніи, нежели въ сердцѣ: ее вдругъ воспламенили препятствія, тогда какъ мои старанія и моя нѣжность тщетно призывали это чувство въ теченіе трехъ лѣтъ. Поэтому я очень сомнѣваюсь, чтобы черезъ годъ, черезъ два онъ чувствовалъ еще нужду звать меня къ себѣ. Убѣдите же его позволить мнѣ уѣхать съ Мишелемъ: ваше общее съ нимъ состояніе могло бы пострадать отъ этого путешествія, тогда какъ у меня всегда будутъ средства къ жизни моей и моего ребенка. Я чувствую себя еще достаточно молодой и сильной, чтобы работать, и какъ только возстановится мое здоровье и если я буду свободна отъ безпокойствъ насчетъ этого бѣднаго друга (libre de mes inquiètudes au sujet de ce pauvre ami), я стану еще сильнѣе и отдамся всецѣло заботамъ о благополучіи моего ребенка.

«Валеріанъ, можетъ ли быть, чтобы вы отвергли мои просьбы, можете ли вы сомнѣваться въ искренности моего сердца? Да и какой интересъ побудилъ бы меня васъ обманывать? Нѣтъ, нельзя не узнать голоса истины, и вы не останетесь къ нему равнодушны, я въ этомъ увѣрена. Я причинила вамъ зло, позвольте же мнѣ его исправить. Мой сынъ нуждается во мнѣ, а оставаясь здѣсь, я недолго проживу, — я уже была близка къ смерти, — верните же меня моему сыну, верните же счастье вашему брату, — вы это можете, я знаю, какъ онъ васъ любитъ. Это письмо, можетъ быть, васъ удивитъ немного, но мнѣ хочется вѣрить, что вы отдадите справедливость чувствамъ, которыя побудили меня вамъ писать.

«Послѣ моего отъѣзда, если вамъ удастся удержать Нико-

лая, не оставляйте его, будьте его другомъ, его руководителемъ, какъ вы обѣщали это матери вашей. Не обвиняйте его ни въ чемъ,—вина вся во мнѣ, и я сумѣю ее исправить» [1])...

Въ концѣ-концовъ и родители, убѣдившись, что намѣреніе Варвары Александровны непреклонно и что заставить ее вернуться къ Дьякову они не могутъ, прекратили свои преслѣдованія и настоянія и, какъ бы желая вознаградить бѣдную дочь свою за всѣ мученія, которыя она претерпѣла, разомъ вернули ей всю свою нѣжность. Въ апрѣлѣ уже вопросъ о Варенькиномъ отъѣздѣ считался рѣшеннымъ. Николаю Бакунину поручено было пріобрѣсти для Дьяковыхъ каюту на первомъ же пароходѣ, который отправлялся изъ Петербурга въ Любекъ. Случайно однако тотъ пароходъ, съ которымъ Дьяковы хотѣли отправиться, сгорѣлъ; пришлось отложить отъѣздъ до середины іюня и прожить въ ожиданіи отхода другого парохода нѣсколько томительныхъ недѣль въ Петербургѣ. Здѣсь большая часть родственниковъ смотрѣли на Варенькино путешествіе очень косо и непріязненно, и только сестра Александра Михайловича, Прасковья Михайловна Нилова, встрѣтила и проводила ее радушно и ласково. Н. Н. Дьяковъ, проводивъ жену съ сыномъ до Петербурга, здѣсь измѣнилъ свое намѣреніе ѣхать дальше и возвратился въ Тверь. Варенька отправилась за границу съ Сашей и молодой бонной-нѣмкой.

Мишель никакъ не могъ достать денегъ на свое путешествіе за границу. Ему пришлось отложить его на цѣлыхъ два года. Но какъ бы то ни было, главная цѣль упорной и страстной борьбы, которая велась въ Премухинѣ, была достигнута: «Варенькино освобожденіе» свершилось.

Черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ ея отъѣзда рѣшилась и судьба бѣдной Любеньки. 6 августа 1838 года она тихо угасла въ Премухинѣ, окончивъ на 27 году отъ роду свое земное существованіе.

Смерть Любеньки, въ сущности, не была неожиданной. Уже съ зимы 1837—38 года она явно для окружающихъ угасала. Доктора въ то время совершенно не умѣли бороться съ чахот-

[1]) Въ архивѣ, повидимому, сохранилось не подлинное письмо, а копія съ него, сдѣланная рукой самой Варвары Александровны.

кой. Своими мѣрами они скорѣе способствовали развитію болѣзни, нежели могли ее сдержать и ослабить: больныхъ лишали здоровой питательной пищи и держали взаперти, лишая ихъ и свѣжаго воздуха. Такъ лѣчили Любеньку, такъ пользовали тогдашніе лучшіе московскіе врачи и Станкевича[1]).

Еще 15 апрѣля 1838 года Татьяна Александровна писала Мишелю:

«Другъ, мнѣ весело было, когда я начала это письмо, — когда говорила тебѣ о Кутузовой горѣ, объ Осугѣ,—но взглянула на Любеньку, и радость отлетѣла отъ сердца. Это страдальческое, блѣдное, прозрачное лицо и внезапная краска, показывающаяся на щекахъ, эти померкшіе глаза съ тихимъ, кроткимъ выраженіемъ покорности волѣ Божіей и мгновенный, странный блескъ въ нихъ, эта грустная улыбка на синихъ губахъ, тяжелое дыханіе, слабость и безпрестанный кашель — все говоритъ о приближеніи страшной минуты, — не для нея, а для насъ страшной!.. Все сердце разрывается, Миша; она быстро приближается, эта минута: смерть ужъ держитъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ и хочетъ вырвать у насъ этого ангела. Еще одно усиліе, и духъ отлетитъ отъ земли: расправлены уже легкія крылья его—новый міръ готовъ принять его...

«Другъ, другъ, а мы съ Сашей однѣ здѣсь останемся, однѣ встрѣтимъ, однѣ переживемъ минуту разлуки... Но я рада, что васъ не будетъ. Свобода Вареньки, ея новая, прекрасная жизнь, ея чистыя радости перейдутъ въ насъ, сдѣлаются нашимъ блаженствомъ. Боязни за нее, за ея Сашу, не будетъ, — а это главное. О, лишь бы она была свободна, и я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы много, много пережить.

«Но мнѣ за васъ грустно, васъ жаль — вы ее (т.-е. Любеньку) больше не найдете на землѣ. Станкевичъ не увидитъ ее... А если бы онъ могъ своимъ присутствіемъ укрѣпить ее въ послѣднія минуты и облегчить ей переходъ въ новый неизвѣстный міръ — вѣдь онъ не можетъ быть безъ страданія, этотъ переходъ! Нѣсколько словъ отъ того, кто владѣетъ всѣмъ ея сердцемъ, его участіе, его спокойствіе, его вѣра, влили бы въ нее такую же вѣру, такую же силу... Но онъ этого не сдѣлаетъ — я знаю, въ немъ самомъ недостало бы силы —

[1]) Срав. письмо Н. В. Станкевича къ Я. М. Невѣрову отъ 20 марта 1837 г. „Переписка", стр. 205.

онъ не ты! Онъ высокій, святой человѣкъ, но слабѣе тебя, а въ силѣ всего болѣе является могущество Божіе — зачѣмъ же въ немъ, передъ кѣмъ мы съ благоговѣніемъ преклоняемъ свои головы — зачѣмъ нѣтъ ея въ немъ? Ты бы былъ при послѣдней минутѣ Натальи или Сашн. — ты бы благословилъ ихъ на новую жизнь — и онѣ съ тихою радостью, съ свѣтлыми надеждами въ сердцѣ отлетѣли бы туда. Но Любенька безъ утѣшенія, безъ послѣдняго свиданія съ нимъ оставитъ землю, которая ей такъ много обѣщала въ юности и гдѣ она знала одни страданія, тяжкія страданія... Она не вынесла ихъ, они убили ее: бѣдный, слабый цвѣточекъ склонилъ свою прекрасную голову. Буря разразилась надъ нимъ, никто не отстранилъ отъ него страшнаго удара! Когда блеснуло солнце, когда разсѣялись тучи, цвѣтокъ безъ жизни лежалъ на землѣ. Золотые лучи напрасно касаются его, напрасно льютъ теплоту на землю — его не оживитъ она... Но духъ воскреснетъ при блескѣ новаго солнца — не для новыхъ страданій, но для блаженства. Онъ здѣсь уже полонъ гармоніи: боренія не существуютъ для него, а тамъ, другъ, тамъ уже не будетъ внѣшнихъ страданій, внѣшнихъ препятствій — тамъ быстро разовьется она подъ теплымъ дыханіемъ любви и встрѣтитъ насъ чистымъ, свѣтлымъ ангеломъ — вмѣстѣ съ нашей Сонички, съ тетенькой Варварой Михайловной... О, другъ, сильно порывается душа туда! Неужели это худо, неужели оно преступно—желаніе соединиться на вѣкъ съ тѣми, кого любишь?..»

Любенька однако-же дожила до лѣта и повидалась еще разъ и съ Мишелемъ, и съ Бѣлинскимъ, и съ Ефремовымъ, которые провели нѣсколько недѣль лѣтомъ 1838 г. въ Премухинѣ.— только жениха своего Станкевича не пришлось ей уже видѣть! Скончалась она въ присутствіи Мишеля 6 августа 1838 г.— вскорѣ послѣ отъѣзда Бѣлинскаго. Именно Бѣлинскаго извѣстіе о ея смерти потрясло съ особенной силой [1]).

---

[1]) Сохранилось огромное письмо Бѣлинскаго, писанное имъ съ 13 по 15 августа 1838 г., спеціально посвященное Любенькѣ и выраженію тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя охватили Бѣлинскаго при полученіи имъ извѣстія о ея смерти. Письмо это напечатано г. Ляцкимъ въ т. I переписки Бѣлинскаго (стр. 213—226), но безъ конца, который не былъ почему-то переписанъ А. Н. Пыпинымъ и считался г. Ляцкимъ не сохранившимся. Конецъ этотъ мы даемъ въ приложеніяхъ къ этому тому.

До Варвары Александровны вѣсть о смерти сестры достигла лишь въ сентябрѣ. Станкевичъ получилъ это печальное извѣстіе еще позднѣе.

Получивъ его, онъ писалъ 1 ноября 1838 г. своему брату: [1])

«Я сегодня не могу писать тебѣ много. Благодарю тебя, мой милый! Теперь смѣло можешь писать и говорить мнѣ обо всемъ. Не бойся никогда поразить меня: въ ней я потерялъ не ту, которую любилъ, но которой жизнь, можетъ быть, сдѣлалъ бы безотрадною. Судьба кончила все, какъ обыкновенно кончаетъ: она разложила вину. Ея память освѣщаетъ душу мою, которую сушила неестественность положенія. Я хотѣлъ бы долѣе удержать образъ ея, который потускнѣлъ въ моей памяти»...

«Милый братъ, — прибавляетъ онъ далѣе — намъ осталось итти впередъ. Горькимъ опытомъ ты навсегда освободишься отъ несчастныхъ ошибокъ. Жизнь твоя въ тебѣ, — въ твоей безконечной и безстрашной дѣятельности, въ твоей любви, и, только сознавая въ себѣ такую жизнь, можно быть увѣрену, что любишь!»

Бѣлинскому въ отвѣтъ на его извѣщеніе [2]) о смерти Любови Александровны Станкевичъ писалъ:

«...смерть ея наполнила меня грустью, но не отчаяніемъ. Она оживила во мнѣ образъ, сдѣлавшійся страшнымъ сномъ. Я представляю себѣ всѣ обстоятельства, все, что сопровождало ее въ жизни, и мысль, что она не существуетъ, заставляетъ меня плакать. Я не снимаю вины съ себя, хоть слова: «тайна осталась тайною» сняли половину горя съ души. Нашъ добрый другъ Вердеръ говоритъ мнѣ: «если разумъ оправдаетъ васъ, сердце не можетъ разстаться съ сознаніемъ вины — иначе въ немъ нѣтъ любви», и я сознаю ее [3])...»

---

[1]) „Переписка Н. В. Станкевича“, стр. 292.

[2]) Это письмо Бѣлинскаго напечатано въ перепискѣ Бѣлинскаго, изд. г. Ляцкимъ, т. I, стр. 257.

[3]) Переписка Станкевича, новое изданіе, стр. 417—418. Въ этомъ изданіи напечатано также на стр. 722 письмо Станкевича къ В. А. Дьяковой (отъ 3 ноября 1837 года), изъ котораго видно, какъ глубоко сознавалъ Станкевичъ свою вину.

ГЛАВА XXII.

Настроеніе М. А. Бакунина въ 1837 году.—Письма его къ сестрамъ въ январѣ и февралѣ 1837 года.—„Возстаніе" Мишеля.—Начало знакомства съ Гегелевой философіей и переходъ отъ Фихте къ Гегелю.—Взгляды М. Бакунина на задачи воспитанія, выраженные въ письмѣ отъ 20 февраля 1837 года.—Разстройство матеріальныхъ дѣлъ Мишеля и полемическая переписка о „гривенникахъ" и „объ аккуратности" съ Бѣлинскимъ.—Исторія съ переводомъ учебника Шмита, порученнымъ М. Бакунину гр. Строгановымъ.—Отношеніе Бакунина къ деньгамъ и къ денежнымъ долгамъ и взглядъ на это Бѣлинскаго.—Параллель между самимъ собою и Бакунинымъ, проведенная Бѣлинскимъ въ письмѣ отъ 12—24 октября 1838 года.—Неудача предполагавшейся въ 1837 г. заграничной поѣздки Бакунина.

Мы видѣли, въ какое радостное, повышенное и торжествующее настроеніе пришелъ Михаилъ Бакунинъ въ августѣ 1836 г., когда ему удалось вполнѣ овладѣть душами своихъ сестеръ, которыя совершенно прониклись его міровоззрѣніемъ, его религіозными взглядами, вполнѣ примирились съ Беерами и образовали съ ними одинъ тѣсный, дружескій, братскій кружокъ съ Мишелемъ во главѣ. Настроеніе, въ которое пришелъ Мишель отъ этого перваго крупнаго успѣха своей пропаганды, изображено имъ самимъ яркими чертами въ письмѣ отъ 10 августа 1836 года, приведенномъ нами въ концѣ XV главы настоящей хроники. За этимъ слѣдовалъ пріѣздъ Бѣлинскаго въ Премухино, причемъ и Бѣлинскій, какъ мы видѣли, всецѣло вошелъ тогда въ сферу вліянія Бакунина, будучи «втащенъ» имъ, какъ самъ Бѣлинскій выражался впослѣдствіи, въ сферу отвлеченной мысли, въ сферу фихтеанскихъ идей, воспринятыхъ имъ довольно своеобразно [1]).

Но настроеніе самого Мишеля отъ этого новаго успѣха пропаганды его идей уже не повышалось и даже не удержалось на той высотѣ, которой оно достигло въ августѣ 1836 г. На-

[1]) Главы XVI и XVIII.

оборотъ. Мишель въ это время впалъ въ ту тоску и апатію, о которой Бѣлинскій вспоминалъ потомъ въ своихъ письмахъ и которую самъ Мишель такъ рѣзко охарактеризовалъ въ письмѣ къ Беерамъ, приведенномъ нами въ главѣ XV.

Судя по этому письму, Мишель переживалъ тогда моментъ или, вѣрнѣе сказать, полосу глубокаго паденія и даже отчаянія.

«О это былъ адъ, адъ со всѣми его ужасами,—писалъ онъ.— Я утратилъ эту абсолютную любовь, которая составляла все мое существованіе, я сдѣлался существомъ эгоистическимъ, жалкимъ»... Онъ даже желалъ смерти и впалъ въ совершенное малодушіе. Причиною такого состоянія его было, какъ мы видѣли, недостойное его чувство ревности, которое онъ допустилъ овладѣть всѣмъ своимъ существомъ, всѣми своими помыслами, безъ всякаго притомъ серьезнаго основанія.

Это состояніе «паденія», лишившее его возможности правильно заниматься наукою и совершенно выбившее его изъ привычной уже для него сферы духовныхъ интересовъ, продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ—повидимому, до января 1837 г. Наталья Бееръ въ это время успѣла еще разъ поставить передъ нимъ вопросъ объ измѣненіи ихъ отношеній, которыми она не могла удовлетвориться, требуя для себя болѣе интимной и болѣе исключительной близости съ нимъ, и отношенія съ Беерами стали опять натянутыми. Отношеніями своими съ сестрами Мишель тоже не былъ тогда доволенъ, вполнѣ сознавая, впрочемъ, что ослабленіе связи съ ними зависѣло именно отъ его собственнаго внутренняго состоянія. Въ письмѣ къ В. А. Дьяковой отъ 10 января 1837 г., жалуясь на свое одиночество и тяжелое состояніе своего духа въ Москвѣ, онъ писалъ и объ отношеніяхъ съ сестрами, что они «приняли характеръ, который онъ считалъ невозможнымъ, приняли форму слишкомъ обыденную, слишкомъ плоскую, слишкомъ неопредѣленную»... «Безконечное, — писалъ онъ, — не живетъ въ узкомъ, а надо признаться, что наша дружба приняла форму очень узкую. Вина въ этомъ не въ васъ, она всецѣло была во мнѣ. Я въ эти отношенія вложилъ черезчуръ много эгоизма, я забылъ, что всякое внѣшнее отношеніе должно быть лишь выраженіемъ внутренней жизни въ Абсолютномъ, а я эти внѣшнія отношенія сдѣлалъ основаніемъ моей индивидуальной жизни,

моего собственнаго счастья. Это была ошибка, это было противно моей природѣ, это меня ослабляло — и вотъ источникъ всего этого апатическаго страданія, которому я предавался въ Премухинѣ и съ которымъ мнѣ такъ трудно было раздѣлаться здѣсь въ Москвѣ. И лишь при помощи сосредоточенія, при помощи возвращенія къ себѣ я наконецъ этого достигъ...

«Варенька, я такъ часто тебѣ повторялъ, что я могу существовать лишь при одномъ изъ двухъ противоположныхъ условій: или подъ условіемъ дружбы, какъ я ее понимаю, — безграничной, независимой отъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ, крѣпкой самой собой, черпающей въ себѣ самой свою жизнь, — или подъ условіемъ полнаго уединенія, жизни внѣшней абсолютной, но не индивидуальной. Золотая середина меня давитъ, у меня къ ней отвращеніе, и воспоминаніе о послѣднихъ мѣсяцахъ, проведенныхъ въ Премухинѣ, ввергаетъ меня въ апатію. Возвратиться въ Премухино мнѣ теперь самому невозможно. Содроганіе, ужасъ охватываютъ меня при одной мысли объ этомъ. Я былъ въ немъ такимъ мелкимъ, такимъ недостойнымъ самого себя: то, что я чувствовалъ такъ глубоко вначалѣ (т.-е. въ первой половинѣ августа, до пріѣзда Бѣлинскаго. *А. К.*), обратилось въ концѣ въ пустую фразу. Это было такое гнетущее состояніе, это былъ кошмаръ, который душилъ меня ежеминутно.

«Теперь я вернулся къ самому себѣ, я снова чувствую, снова люблю глубоко. Въ чемъ же причина? Причина въ томъ, что я опять сталъ самимъ собою: я снова понялъ,—и лучше, чѣмъ когда-либо — что я ничего не долженъ искать для себя внѣ себя, что я долженъ вполнѣ погрузиться въ Абсолютное.

«Дорогіе друзья, у меня пламенная натура, чувства мои кипучи, это доказываетъ, что лишь абсолютная жизнь можетъ дать мнѣ счастье, которое можетъ спасти мое достоинство. Ибо, какъ только я выхожу изъ нея, я становлюсь способенъ на всякое преступленіе: я подчиняюсь страстямъ, становлюсь эгоистомъ, ревнивцемъ. У меня нѣтъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ другихъ столь способными къ общежитію (qui rendent si sociables les autres)—лишь въ уединеніи могу я быть счастливъ. О, я способенъ къ большимъ дѣламъ—я это чувствую; но для этого мнѣ нужно забыть самого себя, ибо въ противномъ случаѣ мой эгоизмъ убьетъ мою миссію.

«Добрые друзья мои, я вамъ высказалъ истину откровенно и добросовѣстно: обдумайте это и отвѣчайте мнѣ тѣмъ же».

Однако скоро онъ самъ убѣдился въ истинности своей дружбы съ сестрами, какъ только его затронули за живое дошедшіе до него тогда слухи (невѣрные, какъ мы знаемъ) о намѣреніи В. А. Дьяковой пожертвовать ради примиренія съ мужемъ своими религіозными убѣжденіями. Непосредственно вслѣдъ за страстнымъ письмомъ къ Варенькѣ [1]), намъ уже извѣстнымъ, Мишель писалъ сестрамъ 4 февраля 1837 года:

«Да, мои добрые, мои превосходные друзья, наша дружба истинна и недоступна никакому измѣненію — я знаю это по опыту, я чувствую это по своему собственному сердцу. Я пробовалъ ее ограничить съ своей стороны — свести ее къ простымъ дружескимъ отношеніямъ, но это оказалось для меня невозможнымъ. Мнѣ нужна ваша дружба во всей ея цѣльности, во всей ея полнотѣ: я вновь имѣю неограниченную вѣру въ ваши чувства ко мнѣ, я не могу болѣе сомнѣваться въ ихъ вѣчности, и они будутъ вѣчны, какъ мы сами, они будутъ расти вмѣстѣ съ нами. Единственное препятствіе, которое могло имѣть мѣсто, совершенно исчезло—это былъ мой эгоизмъ, который требовалъ того, что не должно было быть дано, который думалъ о себѣ болѣе, нежели о васъ. Ну вотъ я его совершенно убилъ, этотъ эгоизмъ. Онъ не станетъ болѣе вмѣшиваться въ наши отношенія. Онъ заставилъ меня много страдать, борьба съ нимъ была очень жестока. Но эта ужасная борьба, разразившаяся во мнѣ, дала мнѣ вторую жизнь, жизнь еще болѣе горячую и плодотворную, нежели была прежняя моя жизнь. Я думаю, что мое *личное я* совершенно убито, оно ничего болѣе не ищетъ для себя, его жизнь отнынѣ будетъ жизнью въ Абсолютномъ; но, въ сущности, мое *личное я* выиграло болѣе, нежели утратило: оно утратило лишь надежды, основанныя на обстоятельствахъ внѣшнихъ, по природѣ своей измѣнчивыхъ, и оно нашло Абсолютное, всегда незыблемое, всегда полное возвышенной красоты, всегда богатое небесными наслажденіями. Моя жизнь теперь — жизнь истинная: она утратила свою фантастическую сторону, она утратила, правда, все, что питало еще надежды, стремленія,

[1]) Отъ 23 января 1837 г., (глава XX.)

столь свойственныя человѣку. Но она завоевала свой истинный удѣлъ,—она отожествилась въ нѣкоторомъ смыслѣ съ жизнью абсолютной, и я удовлетворенъ, и я не требую ничего большаго для себя. Итакъ, подадимъ другъ-другу руки и изгонимъ навсегда всякія недоразумѣнія, всякія ссоры»...

Это «возстаніе» Мишеля совпадало, по крайней мѣрѣ по времени, съ началомъ его знакомства съ Гегелевой философіей. Впрочемъ, вначалѣ знакомство это было очень поверхностное, и Фихте продолжалъ еще господствовать въ немъ, создавая импульсы къ приподнятымъ и восторженнымъ декламаціямъ, которыя Гегель несомнѣнно призналъ бы прекраснодушными и образецъ которыхъ мы только что привели въ письмахъ Мишеля отъ 10 янв. и 4 февр. 1837 года. Та же фихтеанская экзальтація прорывается и въ слѣдующемъ письмѣ отъ 11 февраля 1837 г., хотя отдѣльныя выраженія, какъ въ немъ, такъ и въ предыдущемъ письмѣ, и указываютъ на начавшееся знакомство съ Гегелемъ.

«Вы счастливы, добрые друзья мои,—пишетъ онъ сестрамъ,—и вы должны быть счастливы,—тѣмъ болѣе, что ваше счастье теперь основано не на одномъ лишь неопредѣленномъ чувствѣ истиннаго и прекраснаго; нѣтъ, основой ему служатъ Идеи, истинныя и незыблемыя. Съ другой стороны ваше счастье не есть продуктъ обстоятельствъ: оно освобождено отъ нихъ навсегда — оно само отнынѣ будетъ создавать обстоятельства. Ваша гармонія—внутренняя гармонія, божественная гармонія: слѣдовательно, ваше счастье незыблемо, какъ самъ Богъ. Да, добрые друзья мои, внѣшній міръ — ничто самъ по себѣ, онъ есть лишь отраженіе нашей души, которая, бывая иногда въ расположеніи мрачномъ и апатическомъ, набрасываетъ этотъ темный цвѣтъ на свой внѣшній міръ и сама пугается, боясь быть имъ задушенной, а на самомъ дѣлѣ удушая сама себя. Итакъ, это она источникъ всего во внѣшнемъ мірѣ—какъ хорошаго, такъ и дурного. Это она источникъ и своего счастья, и своего несчастья: теряетъ она свою чистоту, свою гармонію— и нѣтъ для нея болѣе чистоты и гармоніи и во внѣшнемъ мірѣ. Итакъ, надо сохранять эту чистоту, надо создавать эту гармонію въ себѣ самомъ — и все будетъ хорошо, и счастье должно притти. Но что же надо дѣлать, чтобы достигнуть этой гармоніи, этой силы, этой незыблемости своей души? — Надо

удалить изъ нея все, что привязываетъ ее къ конечному, къ внѣшнему міру, къ эгоизму. И здѣсь, когда я говорю о внѣшнемъ мірѣ, надо, чтобы вы хорошо поняли, что̀ я хочу этимъ выразить. Ибо есть два внѣшнихъ для человѣка міра: одинъ, будучи произведеніемъ души, еще не пришедшей къ самосознанію, подавляетъ ее, мѣшаетъ ея свободному ходу. Этотъ внѣшній міръ, хотя и произведенный душою, отъ нея независимъ, онъ подчиняется своимъ собственнымъ законамъ, которые въ дѣйствительности тѣ же, что и законы разума, но еще не пришедшіе къ сознанію. Душа должна сбросить съ себя иго этого міра, она должна создать другой внѣшній міръ, свободно, сообразно съ законами разума человѣческаго, который есть и божественный въ то же время. И этотъ второй внѣшній міръ уже не составляетъ препятствія къ ея развитію; напротивъ, онъ самъ продуктъ этого развитія. Первый изъ этихъ двухъ міровъ человѣкъ долженъ разрушить, а во-второмъ онъ долженъ жить, ибо второй есть жизнь самого Бога. И человѣкъ становится человѣкомъ, лишь погружаясь въ Бога, и чѣмъ болѣе онъ становится человѣкомъ, тѣмъ болѣе онъ отожествляетъ свою волю съ волей Божьей и тѣмъ болѣе онъ свободенъ. Человѣкъ вѣдь достигаетъ свободы лишь въ Богѣ, ибо внѣ Бога онъ лишь животное, а животное несвободно, ибо оно подчинено деспотическимъ законамъ природы.

Но что же такое этотъ божественный внѣшній міръ, въ чемъ заключается различіе его отъ животнаго внѣшняго міра? Основаніе перваго есть Идея, Любовь, абсолютно единая и нераздѣльная, абсолютное Единство, основаніе второго есть безконечное множество, любовь къ самому себѣ, къ конечному существованію, эгоизмъ, инстинктъ. Человѣкъ исходитъ изъ этого второго, чтобы притти къ первому. Онъ начинаетъ животнымъ и стремится сдѣлаться Богомъ. Его цѣль недостижима, его назначеніе — приближаться къ вѣчности. Это абсолютная любовь, которая, развившись въ безконечномъ внѣшняго міра, въ природѣ, стремится возвратиться къ себѣ, къ своему единству, стремится снова сосредоточиться. Природа, до тѣхъ поръ мертвая, начинаетъ съ этого момента сознавать себя: человѣкъ — органъ этого самосознанія природы. Она начинаетъ жить въ немъ, начинаетъ идеализироваться: ранѣе она была заключена въ пространствѣ, въ человѣкѣ она стано-

вится безконечной во времени, становится вѣчной. Первый шагъ человѣка въ самосознаніи раздѣляетъ природу на двѣ части: первый элементъ есть его существованіе, еще не сознанное, природа; второй есть его сознаніе, Богъ, принципъ Единства. Богъ также цѣликомъ заключается въ природѣ, но Онъ въ ней существуетъ для себя, а не для нея, ибо она не сознаетъ его присутствія въ ней. Это любовь, которая реализуется лишь въ человѣкѣ, и Любовь есть основа жизни. Зло, несчастіе для человѣка — это инстинктивные законы природы. Добро, счастье — это законы Разума, верховнаго и Божественнаго, которые его освобождаютъ.

«Любовь есть жизнь. Человѣкъ имѣетъ себѣ цѣлью свое собственное счастье: но такъ какъ его счастье можетъ быть только въ любви и такъ какъ его цѣль такимъ образомъ заключается въ абсолютной Любви, то онъ выходитъ изъ самого себя, изъ своей животной индивидуальности, чтобы соединиться съ другими людьми, которые имѣютъ того же Бога, ту же абсолютную Любовь цѣлью. Все, что принадлежитъ къ этому движенію — прекрасно, возвышенно; все, что ему мѣшаетъ — худо. Это движеніе человѣка, выходящаго изъ самого себя, чтобы соединиться съ другими людьми въ Богѣ, выражается въ разныхъ формахъ, столь же абсолютныхъ, какъ Богъ: это дружба, любовь, искусство, творчество, наука, наконецъ, религія, которая объединяетъ, которая сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ эти различные элементы, которая есть постоянное чувство присутствія Бога въ человѣкѣ. Всѣ эти формы, которыя я перечислилъ, такъ же вѣчны, какъ человѣкъ. Онѣ будутъ всегда формами его совершенствованія, его приближенія къ Богу. И это объединеніе людей въ Богѣ подъ всѣми этими различными формами,—вотъ что составляетъ божественный внѣшній міръ, святую общину, святую церковь, въ которой человѣкъ долженъ жить, чтобы быть человѣкомъ. И все, что однажды вошло въ эту общину, никогда изъ нея не выйдетъ, и все, что было объединено однажды въ ней, не разъединится никогда; ибо она имѣетъ принципомъ абсолютную Любовь, вѣчную Жизнь»...

Въ письмѣ отъ 20 февраля 1837 г., говоря о своихъ младшихъ братьяхъ и обѣщая, что самъ онъ займется ближе ихъ воспитаніемъ, когда они поступятъ въ университетъ, а онъ

вернется изъ своего предполагавшагося тогда трехлѣтняго путешествія за границей, Мишель писалъ, что до тѣхъ поръ главнымъ образомъ на сестрахъ лежитъ обязанность создавать въ душахъ братьевъ ту гармонію, которая присуща самимъ сестрамъ, и развивать въ нихъ эстетическія чувства—любовь къ прекрасному и возвышенному. Онъ излагаетъ затѣмъ свой взглядъ на задачи воспитанія вообще и обнаруживаетъ при этомъ знакомство съ классификаціей возрастовъ, изложенной Гегелемъ въ антропологіи (въ I ч. его ученія о субъективномъ духѣ). Онъ даже прямо ссылается на Гегеля въ одномъ мѣстѣ. «Чтобы знать и понимать—пишетъ онъ тутъ,—надо имѣть, что знать и что понимать: человѣкъ же не имѣетъ другого объекта (познанія) кромѣ самого себя. И если этотъ объектъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ для развитія элементовъ, то и развитіе для него невозможно. Въ жизни человѣка три періода: инстинктивная жизнь разума—привычка; жизнь интеллекта, не пришедшаго къ самосознанію,—чувство; и жизнь интеллекта, пришедшаго къ самосознанію,—мысль, любовь абсолютная. Въ первомъ періодѣ интеллектъ не имѣетъ еще самостоятельности (spontanéité); онъ не воздѣйствуетъ на самого себя; онъ получаетъ всѣ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, онъ не имѣетъ еще ни силы, ни воли удалять отъ себя все противное природѣ. Таково дѣтство. Воспитаніе должно восполнять этотъ недостатокъ силы; оно должно окружить ребенка любовью, гармоніей, оно должно отвращать отъ него всѣ диссонансы, все, что противно гармоніи. Это необходимо, потому что при пассивной воспріимчивости натуры ребенка дисгармонія и диссонансы входятъ въ его существо, претворяются, такъ сказать, въ его существо и мѣшаютъ гармоническому развитію его и во второмъ періодѣ, періодѣ чувства. Въ этомъ первомъ періодѣ воспитаніе принадлежитъ почти исключительно женщинѣ, ибо она сама по преимуществу существо гармоническое. Второй періодъ—періодъ чувства—принадлежитъ также женщинѣ. Это эпоха, когда человѣкъ, поднимаясь надъ ощущеніями, надъ привычками, надъ пассивной воспріимчивостью, начинаетъ проявлять чувство, волю, самостоятельность. Это эпоха, когда онъ сбрасываетъ иго животныхъ инстинктовъ, чтобы подчинить ихъ инстинкту божественному. Ощущенія привычки и воспріимчивость остаются, но онп не одни, они уступаютъ первенство

новымъ элементамъ, которые вошли въ жизнь человѣка. Истина начинаетъ существовать для человѣка, но исключительно въ формѣ чувства. И еще надо различать двѣ формы чувства: во-первыхъ, чувство индивидуальное, относительное—любовь къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ: во-вторыхъ, абсолютная истина въ формѣ эстетическаго чувства: это—красота въ природѣ. Поэзія, вообще искусство должны воспитать это чувство. Они должны создать въ душѣ эту гармонію, это предчувствіе болѣе прекрасной гармоніи, создаваемой мыслью. Здѣсь воспитательная роль женщины, внѣшнее воспитаніе (l'éducation extérieure) оканчивается. Человѣкъ долженъ быть пущенъ въ свѣтъ, онъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ. Надо, чтобы эта гармонія была разбита прикосновеніемъ свѣта. Ибо, какъ говоритъ Гегель, гармонія, которую выносятъ съ собой изъ дому, не есть еще истинная гармонія: надо, чтобы она испытала противорѣчія, бури, ужасную борьбу, чтобы разрушить ее, чтобы заставить человѣка страдать и принудить его возстановлять ее при помощи мысли. Разъ мысль вступитъ въ свои права, разъ она подумаетъ о разрушеніи прежней гармоніи, прежняго счастья, человѣкъ становится истиннымъ человѣкомъ, онъ вновь выстроитъ теперь болѣе прекраснымъ и болѣе возвышеннымъ божественный храмъ, разрушенный бурями. Этотъ храмъ абсолютной любви не будетъ болѣе бояться бурь, ибо онъ прошелъ черезъ всѣ степени развитія. Инстинктивная гармонія, чувственная гармонія возстанавливается въ гармоніи мысли. И человѣку тогда нечего бояться, ибо онъ живетъ мыслью, абсолютной любовью, которая всемогуща и вѣчна. Вотъ, мои добрые друзья, высокая цѣль, къ которой мы всѣ должны стремиться, цѣль, которую мы все болѣе и болѣе достигаемъ и которая является въ вѣчности незыблемымъ залогомъ незыблемаго блаженства»...

Заняться Гегелемъ болѣе усидчиво и систематически весной 1837 г. Михаилу Бакунину мѣшали тѣ практическія проблемы, которыя возникали передъ нимъ то въ формѣ романа Любиньки и Станкевича, то въ формѣ претензій Натальи Андреевны Бееръ на него самого, то въ формѣ «борьбы за освобожденіе Вареньки». Кромѣ того ему мѣшали и тѣ денежныя и матеріальныя обстоятельства, къ которымъ онъ всегда относился презрительно и легкомысленно и въ которыхъ весной 1837 г. онъ запутался особенно сильно.

Еще въ самомъ началѣ 1836 года, уѣхавъ противъ воли отца въ Москву и тамъ водворившись, Мишель, какъ помнитъ читатель, надѣялся жить уроками. И хотя въ письмахъ къ отцу онъ постоянно утверждалъ, что уроки эти даютъ ему достаточныя средства для жизни, однако же на самомъ дѣлѣ доходы отъ уроковъ были невелики, да и въ преподаваніи уроковъ Мишель былъ видимо крайне неаккуратенъ; денегъ же онъ считать не привыкъ, и хотя жилъ въ сущности весьма скромно, но тратилъ всегда деньги безъ счета и потому постоянно въ нихъ нуждался. При этомъ онъ нисколько не стѣснялся брать взаймы у кого попало и сколько попало, что и смущало въ особенности его отца. Въ февралѣ 1836 г. попечитель московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгановъ, старавшійся тогда снабдить учебныя заведенія своего округа хорошими учебниками и узнавшій о Бакунинѣ и его неприложенныхъ ни къ какому дѣлу способностяхъ, вѣроятно, отъ служившаго при немъ В. К. Ржевскаго, весьма кстати предложилъ ему перевести на русскій языкъ учебникъ всеобщей исторіи Шмита. Мишель съ радостью ухватился за это предложеніе и немедленно сталъ строить на немъ испанскіе замки о средствахъ для заграничной поѣздки, заранѣе разсчитывая получить отъ этого предпріятія 10, а можетъ быть и 12 тысячъ рублей. Но за самый переводъ онъ и не думалъ приниматься. Между тѣмъ прошелъ годъ, и графъ Строгановъ сталъ обнаруживать нетерпѣніе. Запрошенный о ходѣ своей работы, Бакунинъ просилъ у графа отсрочки и получилъ ее; но и тутъ вмѣсто того, чтобы приняться энергично за дѣло, онъ предпочелъ усадить за него своихъ пріятелей и родныхъ. Раздѣливъ книгу на части, онъ роздалъ эти части для перевода Каткову, Боткину, Клюшникову, Лангеру, Аксакову, сестрамъ, братьямъ, можетъ быть и еще кому-нибудь, а самъ преспокойно уѣхалъ на лѣто въ Премухино, гдѣ и занялся усиленно изученіемъ философіи Гегеля. Въ результатѣ изъ перевода Шмита, конечно, ничего не вышло, и Строгановъ не безъ основанія жаловался на неаккуратность и недобросовѣстность Мишеля. Бѣлинскій впослѣдствіи сурово упрекалъ его за эту практическую несостоятельность и неустойчивость, такъ же, какъ и за легкость, съ которой Мишель относился къ денежнымъ займамъ. Бакунинъ отмахивался отъ этихъ отчитываній Бѣлинскаго, какъ отъ назойли-

вой мухи, и съ раздраженіемъ просилъ не докучать ему своими «гривенниками» и «аккуратностью», но Бѣлинскій, по опыту знавшій, какъ сильно могло разстраивать жизнь легкомысленное отношеніе къ этимъ прозаическимъ предметамъ, и не мало успѣвшій наслышаться нелестныхъ для Бакунина отзывовъ отъ его довѣрчивыхъ кредиторовъ, не унимался, и предметъ этотъ занялъ въ концѣ-концовъ немалое мѣсто въ ихъ полемической перепискѣ того времени. Въ письмахъ Бѣлинскаго ярко обрисовывается эта сторона жизни Бакунина, и потому мы сдѣлаемъ здѣсь изъ нихъ нѣсколько выписокъ.

Говоря о себѣ и о своихъ собственныхъ неудачахъ, Бѣлинскій въ письмѣ отъ 16 августа 1837 г. пишетъ: «...Что̀ же, спрашиваю я тебя, что̀ же причиною безплодности моихъ порывовъ, моего душевнаго жару и многихъ прекрасныхъ даровъ, въ которыхъ не отказала мнѣ природа?

— «Безпорядокъ жизни и *гривенники*, которые ты такъ презираешь, что не велишь даже писать о нихъ, чтобъ не разрушать твоего блаженства. Бѣдный Мишель! Какъ нетвердо, какъ непрочно твое блаженство!

«...Ты въ долгахъ по уши: надежныхъ средствъ къ жизни у тебя нѣтъ никакихъ. Ты взялся для графа переводить книгу,—книгу, назначенную для учебныхъ заведеній, слѣдовательно, требующую труда честнаго, добросовѣстнаго, отчетливаго, труда собственнаго, безъ всякаго вмѣшательства и помощи со стороны другихъ,—словомъ, труда съ любовью. А ты, какъ ты поступилъ съ нимъ? Ты зналъ, что такого рода труды не твое дѣло, и взялся за нихъ. Честно ли это? Взялся же ты изъ расчета, хотя и очень благороднаго. Потомъ ты роздалъ эту книгу твоимъ друзьямъ, сестрамъ, братьямъ, изъ чего долженъ былъ выйти переводъ самый разнохарактерный и потому самый безхарактерный: благородно ли это? Не значитъ ли это подражать Погодину и подобнымъ ему спекулянтамъ?.. [1])

«...Кстати уѣзжая въ Премухино вслѣдствіе самой святой

[1]) Объ издательской дѣятельности Погодина въ это время, въ которой дѣйствительно было много чисто коммерческой предпріимчивости, см. въ его біографіи, составленной *Н. П. Барсуковымъ*: „Жизнь и труды М. П. Погодина", особенно кн. V, гл. II, III, IV, VII, VIII, X, XII, XVIII, LX, LXII, LXX—LXXIII.

потребности твоей души (какъ то особенно было передъ Пасхой), [1]) ты бросаешься то къ тому, то къ другому, чтобы достать нужную для поѣздки сумму; пріѣзжаешь оттуда также на заемъ— и эти займы ростутъ, ростутъ, ростутъ... Теперь, Мишель, я прошу тебя быть добросовѣстнымъ (твое письмо ко мнѣ сдѣлало необходимою эту просьбу): неужели все это не имѣетъ никакого вліянія на твой духъ и не мѣшаетъ нисколько твоей внутренней жизни? Если *нѣтъ*, то ты слишкомъ высокъ для меня, и я не въ состояніи понять тебя: если *да*, то ты напрасно увидѣлъ признаки конечнаго паденія въ письмѣ объ аккуратности и гривенникахъ. Ты пишешь ко мнѣ, что уже болѣе не тратишь по пяти и болѣе рублей въ день для переѣздовъ, на которые достаточно трехъ гривенниковъ, что ты уже не лакомишься у Печкина вареньями и сладенькими водицами;—вѣрно: въ Премухинѣ нѣтъ ни извозчиковъ, ни Печкина. Ты не хочешь и слышать о гривенникахъ, но хочешь имѣть ихъ—это безсмысленно. Ты говоришь объ одной внутренной жизни, а самъ платишь значительную дань внѣшней—это нелогично. Ты не одѣнешь сюртука съ разорванными локтями, ты не одѣнешься такъ, чтобы какой-нибудь квартальный могъ принять тебя за простолюдина и дать тебѣ толчокъ или оплеуху. [2]) Не только квартальному, ты дорого заплатишь за пощечину и генералу. Ты не скажешь ему съ кротостью, какъ Христосъ воину, ударившему его по щекѣ: а если я сдѣлалъ худо, скажи мнѣ это, если хорошо, то за что же ты меня бьешь? О нѣтъ, за такую обиду ты потребуешь крови своего обидчика, его предсмертныхъ содроганій, его предсмертныхъ стоновъ; чтобы отомстить ему, ты поставишь на карту рѣзни свою жизнь, свою будущность, свое человѣческое назначеніе. И за что же все это? За пощечину, которая безчеститъ не тебя, а обидчика. Видишь ли, какъ еще мало въ тебѣ любви, какъ еще велика зависимость твоя отъ внѣшней жизни—и отъ *гривенниковъ*, которыми ты живешь и презираешь»...

Мишель однако же отнюдь не былъ подавленъ этими основательными и тяжеловѣсными упреками своего друга. Онъ дѣй-

---

1) Объ этой поѣздкѣ, предпринятой вслѣдствіе „борьбы за освобожденіе Вареньки", мы говорили въ гл. XXI.

2) Тогда дать оплеуху простолюдину ничего не стоило.

ствительно и искренно считалъ все это пустяками, и послѣ его возраженій и самъ Бѣлинскій призналъ, какъ будто, что къ Мишелю нельзя прилагать общую мѣрку.

Въ письмѣ отъ 1 ноября 1837 г. онъ пишетъ:

«Ты вѣрно помнишь, что, и, числивъ всѣ дурныя обстоятельства, въ которыя ты ввергъ себя своею безалаберною жизнью, т.-е. обязательствомъ перевести Шмита безъ убѣжденія въ возможности исполненія, потомъ долгами, я спрашивалъ тебя: имѣетъ ли все это вліяніе на твою внутреннюю жизнь, и мысль о долгахъ, о своей несостоятельности всякаго рода угнетаетъ ли твою душу до апатіи, уничтожаетъ ли твои прекрасныя минуты? Повторяю теперь этотъ вопросъ. Ты отвѣчаешь на него: «нѣтъ!»—Хорошо!—Это значитъ, что въ тебѣ избытокъ внутренней жизни такъ великъ, пламя чувства такъ ярко и сильно, что внѣшнія обстоятельства не могутъ мѣшать первой и гасить и второго. Любезный Мишель, я говорю это не шутя, потому что понимаю возможность этого именно въ тебѣ болѣе, нежели въ комъ-либо изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, не исключая и Станкевича»...

«...Въ обоихъ письмахъ все, что ты говоришь,—пишетъ Бѣлинскій въ томъ же письмѣ отъ 1 ноября 1837 г..—прямо противъ моей мысли объ аккуратности. Но чѣмъ ты меня задавилъ, уничтожилъ, втопталъ въ грязь, показалъ мнѣ всю мою пошлость—это твои идеи объ абсолютной жизни, которую ты такъ прекрасно изслѣдуешь въ религіозномъ развитіи народовъ. Изъ этихъ разсужденій я понялъ, какъ огроменъ запасъ твоей внутренней жизни, какъ занимаютъ тебя интересы духа,—понялъ и оглянулся на себя,—и мнѣ стало грустно. Прекрасная душа, неразумное и легкомысленное дитя, часто совсѣмъ пустой малый въ своей внѣшней жизни, ты, Мишель, высокая душа, олицетворенная мощь въ своей внутренней жизни». «...И тѣмъ болѣе обязанъ ты,—прибавляетъ тутъ же Бѣлинскій,—хранить, беречь силы твоего духа и не подвергать ихъ пустой, но тѣмъ не менѣе изнурительной борьбѣ съ призраками внѣшности. Ты *благородный* не въ гражданскомъ, но въ этимологическомъ смыслѣ этихъ словъ, потому что ты получилъ отъ природы *благую* организацію, цѣны которой ты не можешь знать хорошо,—но я, я знаю ей цѣну! Все ваше семейство—феноменъ въ этомъ отношеніи, и хотя «его благородіе,

ангелъ мой» немножко и срѣзался въ этомъ. но и у него хоть горячая кровь и крѣпкое сложеніе есть».[1])

Впрочемъ, разъ заговоривъ о внѣшнихъ обстоятельствахъ и внѣшнемъ поведеніи Мишеля, слѣдуетъ сказать, что Бѣлинскій впослѣдствіи, даже совершенно поссорившись съ нимъ, оправдывалъ его не однимъ избыткомъ внутренней жизни, но и въ самыхъ обстоятельствахъ его внѣшней жизни умѣлъ подыскать и отмѣтить такія ея черты, которыя при всей ея безалаберности и ей сообщаютъ гораздо болѣе симпатичный характеръ, нежели можно вообразить себѣ по вышеприведеннымъ образцамъ.

Въ письмѣ отъ 12—24 октября 1838 года, проводя опять параллель между собою и Бакунинымъ въ отношеніяхъ ихъ обоихъ къ внѣшнимъ матеріальнымъ условіямъ жизни, Бѣлинскій писалъ:

«...Ты, Мишель, составилъ себѣ громкую извѣстность попрошайки и человѣка, живущаго на чужой счетъ. Въ самомъ дѣлѣ ты много перебралъ и перепросилъ денегъ. Но я,—развѣ я меньше тебя дѣлалъ того и другого? Думаю, что *рѣшительно больше*. Я долженъ даже Марьѣ Аѳанасьевнѣ, князю Голицыну, Н. Ф. Павлову, Аксакову-отцу — сыну тоже, да эта особая статья, которая однако-же тѣмъ пріятна, что извѣстна Аксакову-отцу! И что же, на меня никто не смотритъ, какъ на попрошайку, какъ на человѣка, живущаго на чужой счетъ,—никто: даже тѣ, на чей счетъ я дѣйствительно живу. А на тебя это обвиненіе пало, какъ проклятіе,—даже со стороны твоихъ друзей. Отчего это? Тутъ есть двѣ причины. Первая—ты просишь и берешь легко и легкомысленно: всѣ видятъ, какихъ мученій стоитъ *мнѣ* это и какую важность придаю я всякому гривеннику, который беру у другихъ. Второя—я тружусь и тружусь, какъ волъ, съ самоотверженіемъ, съ презрѣніемъ собственныхъ выгодъ, а между тѣмъ бѣдствую совсѣмъ незаслуженно—это всѣмъ извѣстно, и зато никто не ставитъ мнѣ въ вину того, что въ самомъ дѣлѣ вина, потому что съ большею разсчетливостью, строгостью къ себѣ, ограниченіемъ себя, я бы вполовину могъ избѣжать *ужасной* необходимости

[1]) „Его благородіе, ангелъ мой"—повидимому, Илья Александровичъ Бакунинъ, только что произведенный тогда въ корнеты.

быть попрошайкою и жить на чужой счетъ. Ты, напротивъ, палецъ о палецъ не ударилъ для снисканія себѣ денегъ, твои труды неизвѣстны обществу, — ты о нихъ только трубилъ и провозглашалъ. Но я понимаю твое легкомысліе и легкость въ попрошайствѣ—ихъ источникъ твое *идеальное прекраснодушіе*. Для тебя спросить у другого, «нѣтъ ли у тебя денегъ?»— все равно, что спросить, «нѣтъ ли у тебя щепокъ?» и ты берешь деньги, какъ щепки: *но зато ты и отдаешь ихъ, какъ щепки* (курсивъ мой. А. К.). Я не помню, чтобы когда-нибудь, имѣя въ карманѣ десять рублей, ты не готовъ былъ мнѣ отдать пяти, а если я представлялъ *крайнюю* нужду, то и всѣхъ, за исключеніемъ полтины на четвертку табаку и двугривеннаго на извозчика. *Семьдесятъ пять* рублей были не первыми и не послѣдними, какъ о томъ ниже слѣдуетъ. Этого мало: имѣя деньги, ты и не дожидался, чтобъ я у тебя попросилъ, а спрашивалъ: «Висяша, не нужно ли тебѣ денегъ?» И ты давалъ и тѣ, которыя бралъ у другихъ, и тѣ, которыя получалъ съ уроковъ. Это я помню и умѣю этому дать настоящій смыслъ, прямое значеніе. И потому, когда я говорю о тебѣ съ друзьями, съ *нашими*, со стороны *попрошайства*, то моему краснорѣчію нѣтъ предѣловъ, — въ немъ и филиппики и ватиканскіе громы: а когда *чужой* человѣкъ нападаетъ на тебя съ этой стороны, то я очень понимаю возможность оправдать тебя, то мнѣ и досадно, и больно, и этотъ чужой человѣкъ въ моихъ глазахъ— *гадкій человѣкъ*. Часто, бывало, видя, съ какою легкостью отдавалъ ты мнѣ послѣднія деньги, я спрашивалъ себя, — *такъ ли* я готовъ отдавать тебѣ свои, и находилъ, что *нѣтъ*—и въ этомъ видѣлъ свою гадость, а твое величіе. Теперь я смотрю на это истиннѣе, потому что смотрю *простѣе*: все дѣло и вся разница была въ томъ, что я понималъ цѣну этого проклятаго металла, трудность доставать его, а ты — нѣтъ: другими словами, безсознательно я былъ дѣйствителенъ въ этомъ отношеніи, а ты былъ олицетворенное прекраснодушіе»...

Весной 1837 года Бакунинъ особенно много хлопоталъ о томъ, чтобы раздобыть денегъ на поѣздку свою за границу вмѣстѣ со Станкевичемъ. Сперва ему улыбалась надежда получить нужныя средства отъ самого Станкевича, отецъ котораго былъ довольно богатъ и не жалѣлъ денегъ, чтобы снабдить сына всѣмъ необходимымъ во время его пребыванія за границей съ

лѣчебными и учебными цѣлями. Однако, разсчитавъ свои средства и предстоящіе расходы за границей, особенно въ виду необходимости жить тамъ въ различныхъ курортахъ, указанныхъ ему врачами, Н. В. Станкевичъ долженъ былъ признаться Мишелю, что онъ можетъ взять на себя лишь въ нѣкоторой части издержки по содержанію его за границей, но не можетъ достать ему денегъ на самое путешествіе. Мишелю пришлось, какъ мы уже упоминали, помириться съ необходимостью отложить свое путешествіе—какъ онъ почему-то разсчитывалъ въ маѣ 1837 г.,—на два года [1]). Повидимому, онъ не очень грустилъ отъ этой существенной для него неудачи, и рѣшился, не предаваясь унынію и не теряя болѣе времени, сосредоточиться на изученіи Гегеля и на пополненіи разныхъ другихъ пробѣловъ своего образованія. Съ этимъ намѣреніемъ онъ и явился въ Премухино въ началѣ лѣта 1837 года.

---

[1]) На самомъ дѣлѣ ему довелось отправиться за границу, какъ мы увидимъ, лишь черезъ 3 года,—въ іюнѣ 1840 г.

ГЛАВА XXIII.

Изученіе философіи Гегеля Михаиломъ Бакунинымъ лѣтомъ и осенью 1837 года.— Конспекты М. А. Бакунина.—Способъ ихъ составленія и ихъ содержаніе.—Первый приступъ къ изученію „Феноменологіи духа“.—Конспектъ по введенію къ „Энциклопедіи“.—Конспектъ по „Философіи религіи“.—Общій характеръ и отдѣлы системы Гегелевой философіи.—Трудности, испытанныя Бакунинымъ при ея изученіи.—Новая неудачная попытка усвоенія „Феноменологіи“.—Послѣдовательное изученіе „Энциклопедіи“ и знакомство главнымъ образомъ по ней съ „Логикой“ и остальными частями Гегелевой философіи.—„Записки“ Мишеля, начатыя 4 сентября 1837 г.—Проповѣдь новыхъ гегельянскихъ идей братьямъ (въ письмѣ отъ 1 октября 1837 г.).—Продолженіе „Записокъ“.—Переѣздъ въ Москву.—Письма оттуда сестрамъ.—Поѣздка къ Беерамъ въ Орловскую губернію.—Разсужденіе объ „истинной“ и „призрачной“ „дѣйствительности“.—Встрѣча въ Москвѣ съ А. Н. Муравьевымъ и увлеченіе его дочерью.—Разсужденія Мишеля по поводу этого своего увлеченія.

Насколько усидчиво занимался Мишель своими научными занятіями въ Премухинѣ лѣтомъ и осенью 1837 г., видно изъ сохранившихся въ архивѣ составленныхъ имъ тогда конспектовъ по всѣмъ штудировавшимся имъ сочиненіямъ. Слѣдить за ходомъ его занятій по этимъ конспектамъ тѣмъ легче, что онъ имѣлъ обыкновеніе помѣчать на первой заглавной страницѣ каждаго такого конспекта дату перваго приступа къ данному сочиненію; а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ конспектовъ онъ ставилъ эти даты на поляхъ, иногда почти ежедневно, такъ что конспектъ превращался и въ дневникъ занятій.

Первый по времени конспектъ изъ составленныхъ лѣтомъ 1837 г. начатъ 28 іюня. Конспектъ этотъ составленъ по сочиненію одного изъ современныхъ Гегелю противниковъ идеализма Фихте и Шеллинга В. Траутгота Круга, — того самаго Круга, котораго Гегель такъ безпощадно разнесъ въ «Критическомъ журналѣ» 1802 г., признавъ его за типичнаго пред-

ставителя философскаго эклектизма, идущаго объ руку съ такъ называемымъ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ[1]).

Бакунинъ составлялъ въ 1837 г. по Кругу конспектъ по логикѣ, причемъ, видимо, хотѣлъ главнымъ образомъ хорошенько познакомиться съ терминами такъ называемой «школьной» логики. Конспектъ этотъ, какъ и большая часть другихъ его конспектовъ, остался неконченнымъ. Въ немъ изложены основныя подраздѣленія «чистой логики», какъ науки, занимающейся формами мышленія; перечислены основные логическіе законы; затѣмъ изложены отдѣлы логики «о понятіяхъ» и «о сужденіи», причемъ приведены двѣнадцать «первоначальныхъ формъ сужденія à priori». На этомъ конспектъ прекращается. Повидимому, Кругъ былъ брошенъ, и Мишель рѣшилъ приняться за Гегеля. Съ начала іюля онъ уже приступаетъ къ чтенію «Феноменологіи Духа». Первый составленный Мишелемъ конспектъ по феноменологіи начинается по-нѣмецки, но со второй страницы переходитъ на русскій языкъ. Опуская предисловіе и введеніе къ феноменологіи, Мишель здѣсь прямо приступаетъ къ I книгѣ этого основного произведенія Гегеля,—къ главѣ «Чувственная достовѣрность, или это и мнѣніе». Онъ излагаетъ ее сперва по-нѣмецки, потомъ *въ этомъ же конспектѣ* дважды по-русски. При началѣ третьяго изложенія выставлена дата 10 іюля 1837 г. Въ слѣдующіе затѣмъ дни, 11, 12, 13 и 14 іюля, онъ продолжаетъ излагать эту главу и доходитъ такимъ образомъ до второй главы «Восприятіе, или вещь и обманъ»; но вмѣсто того, чтобы перейти 15 іюля къ этой второй главѣ, онъ возвращается опять къ первой, и 15 числа начинаетъ изложеніе первой главы въ *четвертый* разъ съ начала, продолжая то же самое и 16 числа. 17-го и 18-го онъ, повидимому, рѣшилъ дать себѣ отдыхъ отъ феноменологіи, а 19-го принялся за вторую главу («Восприятіе, или вещь и обманъ»), причемъ слово «Wahrnehmung» онъ переводитъ не «восприятіе», а «наблюденіе» или «замѣчаніе», что, конечно, затрудняло ему пониманіе и безъ того труднаго текста Гегеля. 20-го онъ продолжалъ конспектированіе этой главы и затѣмъ прекратилъ вовсе этотъ первый свой приступъ къ усвоенію феноменологіи Гегеля.

---

[1]) Срав. *Куно Фишера:* „Исторія новой философіи“, т. VIII, ч. I, стр. 255 русскаго изданія (Спб., 1901 г.).

Я нарочно подробно остановился здѣсь на этомъ первомъ конспектѣ Мишеля по изученію Гегеля, чтобы показать, съ какимъ трудомъ ему приходилось усваивать Гегеля. Въ настоящее время, какъ справедливо выражается переводчикъ Куно-Фишерова изложенія Гегелевой философіи [1]), философія эта, бывшая для не-спеціалистовъ «книгою за семью печатями», сдѣлалась для насъ гораздо доступнѣе. Но и теперь даже для весьма интеллигентнаго читателя одолѣть эти два тома Куно-Фишерова изложенія системы Гегеля составляетъ не малый трудъ и требуетъ значительнаго напряженія и сосредоточенія мысли. Для нашихъ же піонеровъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда и въ самой Германіи мало кто понималъ Гегеля вполнѣ вѣрно, трудъ усвоенія Гегелевой системы представлялся дѣйствительнымъ подвигомъ, тѣмъ болѣе что эти русскіе ученики Гегеля не располагали ни сколько-нибудь основательной подготовкой, въ видѣ хорошаго знанія исторіи древней и новой философіи, ни такими надежными комментаторами, какъ Куно Фишеръ. Тогда наиболѣе доступными для нихъ руководствами были сочиненія Кузена или какого-нибудь Баршу де Феноена, которые могли скорѣе сбить съ вѣрнаго пути, нежели направить на него при изученіи Гегеля.

Основательно испытавъ всю трудность овладѣнія феноменологіей Гегеля, Мишель «отступилъ—говоря языкомъ военныхъ реляцій — отъ этой твердыни въ порядкѣ», и съ 21 іюля принялся за энциклопедію, начавъ тутъ уже съ предисловія. «Гегель говоритъ,—такъ начинается его первый конспектъ по энциклопедіи [2]),—что главнымъ предметомъ его философскихъ занятій всегда было *наукообразное познаніе истины,* что это самый трудный путь, но зато единственный для достиженія Истины; что *метода* есть не что иное, какъ возстановленіе Абсолютнаго содержанія въ свойственномъ ему свободнѣйшемъ элементѣ Духа». Изложивъ всѣ три предисловія — къ тремъ послѣдовательнымъ изданіямъ энциклопедіи,—Бакунинъ переходитъ къ «Введенію» и подробно излагаетъ его по параграфамъ, весьма точно воспроизводя на русскомъ языкѣ изысканныя и замысловатыя нѣмецкія выраженія Гегеля. Этотъ кон-

[1]) *Проф. Н. О. Лосскій*—въ предисловіи къ VIII тому Куно Фишера.

[2]) Конспектъ этотъ мы перепечатываемъ здѣсь полностью въ приложеніяхъ.

спектъ изложенъ такъ, что его и сейчасъ можно читать съ удовольствіемъ, какъ хорошую, ясно написанную статью о трудномъ философскомъ предметѣ. Введеніе въ энциклопедію Гегеля имѣетъ задачей дать ясное представленіе о задачахъ и содержаніи философіи, какъ науки или отвлеченной научной системы. При этомъ попутно Гегель, выясняя свою точку зрѣнія, полемизируетъ съ распространенными въ обществѣ представленіями о философіи и между прочимъ (въ § 6) указываетъ, что хотя содержаніемъ философіи является развитіе Идеи, Духа, но что философія въ сущности не имѣетъ другого предмета, кромѣ дѣйствительности. При этомъ онъ повторяетъ ту формулу, которая впервые была имъ приведена во введеніи къ философіи права:

что разумно, то дѣйствительно, и
что дѣйствительно, то разумно.

Указывая здѣсь на нападки, которымъ эта формула подвергалась, и на недоразумѣнія, которыя она вызывала, Гегель тутъ именно замѣчаетъ, что подъ дѣйствительностью не можетъ быть понимаема всякая повседневная дѣйствительность, которую онъ признаетъ призрачною, а лишь такая дѣйствительность, въ которой исключены всѣ призрачныя преходящія явленія, причемъ ссылается на опытъ и чувственное созерцаніе, которое отличаетъ преходящія явленія отъ истинной дѣйствительности. Замѣчательно, что Бакунинъ уже въ этомъ конспектѣ вполнѣ точно передалъ содержаніе этого важнаго для правильнаго пониманія гегелевской философіи параграфа.

Конспектъ этотъ составлялся съ 21 по 31 іюля включительно и затѣмъ по окончаніи «Введенія» прерванъ на первомъ параграфѣ «Логики» (§ 19).

Параллельно съ этими двумя конспектами по «Феноменологіи» и «Энциклопедіи» Мишель составлялъ и третій конспектъ по той части Гегелевой системы, къ которой у него былъ самый непосредственный интересъ,—по философіи религіи. Онъ началъ чтеніе лекцій Гегеля о философіи религіи, составленныхъ ученикомъ Гегеля Маргейнике, почти одновременно съ приступомъ къ «Феноменологіи», и конспектъ составлялъ 13, 14, 15, 18, 19 и 21 іюля; затѣмъ пріостановилъ конспектированіе философіи религіи болѣе чѣмъ на мѣсяцъ и возобновилъ его уже по прочтеніи введенія къ энциклопедіи, 30 и 31

августа, причемъ въ этомъ конспектѣ подробно излагалъ «Введеніе въ философію религіи», а затѣмъ кратко суммировалъ содержаніе каждой изъ трехъ частей этого отдѣла Гегелевой системы. Изъ конспекта получается впечатлѣніе, что чтеніе этой книги имъ было доведено до конца.

Послѣ этихъ первыхъ приступовъ къ ознакомленію съ содержаніемъ отдѣльныхъ частей Гегелевой философіи, имѣвшихъ во всякомъ случаѣ рекогносцировочный характеръ, Бакунинъ рѣшилъ, повидимому, приступить къ изученію Гегеля вплотную. Рѣшеніе это созрѣло у него къ началу сентября 1837 г., и вотъ 3 сентября онъ сразу приступилъ къ составленію новыхъ конспектовъ по «Феноменологіи духа» и по «Энциклопедіи», которыя опять сталъ читать параллельно.

Нельзя не подивиться этому пріему изученія Гегеля. Гегель опредѣленно указывалъ, что философія имѣетъ значеніе науки лишь въ томъ случаѣ, когда она изложена систематически [1]); и дѣйствительно, ему удалось создать стройную философскую систему, въ которой расположеніе частей имѣетъ характеръ не произвола, а, какъ онъ выражается, свободной необходимости. Общее содержаніе всѣхъ частей этой системы составляетъ саморазвитіе абсолюта, такъ какъ вся жизнь, какъ духовная, такъ и физическая, является съ точки зрѣнія Гегеля не чѣмъ инымъ, какъ саморазвитіемъ и проявленіемъ единой, вѣчной, абсолютной Идеи. При этомъ самъ Гегель въ своей Логикѣ (т. VI его сочиненій, § 237) дѣлаетъ очень характерное предостереженіе противъ всякой попытки поверхностнаго и отрывочнаго изученія отдѣльныхъ частей его системы. «Когда идетъ рѣчь объ абсолютной идеѣ, — говоритъ онъ, — то можно вообразить, что здѣсь впервые явится правда, что здѣсь все должно открыться. Безъ сомнѣнія, можно заняться безсодержательными и широковѣщательными декламаціями по поводу абсолютной идеи, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ истиннымъ содержаніемъ служитъ не что иное, какъ вся система, развитіе которой мы разсматривали до сихъ поръ».

Въ первой части его системы — въ «Феноменологіи Духа» — методически (какъ говоритъ Куно Фишеръ) [2]) описаны ступени

---

[1]) Указаніе это имѣется, между прочимъ, и во введеніи къ энциклопедіи, которое такъ подробно было конспектировано Бакунинымъ.

[2]) Куно Фишеръ, т. VIII, ч. I, стр. 660.

развитія сознанія, ведущія отъ чувственной достовѣрности вплоть до высшей ступени, на которой начинается абсолютное знаніе. Вторая часть составляетъ систему абсолютнаго знанія, которая распадается на три большихъ отдѣла, причемъ каждый изъ нихъ послѣдовательно вытекаетъ изъ предыдущаго. Первый отдѣлъ — логика — наука объ абсолютной идеѣ; второй — философія природы — наука объ идеѣ въ ея «инобытіи»; третій — философія духа — наука объ идеѣ въ ея для-себя-бытіи (наука о самосознающей идеѣ). Она въ свою очередь раздѣляется на три части: на науки о субъективномъ, объективномъ и абсолютномъ духѣ. Въ составъ науки о субъективномъ духѣ (психологіи въ широкомъ смыслѣ) входятъ, употребляя терминологію Гегеля, антропологія, феноменологія и психологія въ собственномъ смыслѣ. Въ составъ науки объ объективномъ духѣ входятъ философія права (тутъ же и ученіе о государствѣ) и философія исторіи. Въ составъ науки объ абсолютномъ духѣ входятъ философія искусства (эстетика), философія религіи и философія исторіи философіи.

Несомнѣнно, что человѣку, желающему овладѣть Гегелевой системой, именно въ этомъ порядкѣ и слѣдуетъ изучать сочиненія Гегеля (изданныя частью имъ, частью его учениками). Но намъ нетрудно это сказать, когда у насъ имѣется подъ руками Куно Фишеръ; Бакунину же приходилось овладѣвать философской системой Гегеля безъ всякаго руководителя.

Если судить по сохранившимся конспектамъ, то въ 1837-1838 годахъ онъ «Феноменологіи духа» такъ и не осилилъ. На этотъ разъ, приступивъ къ изученію феноменологіи, Бакунинъ подробно остановился на введеніи, дважды составилъ конспектъ по этой важной для пониманія всего трактата части и съ особымъ вниманіемъ сосредоточился на методѣ феноменологіи,—знаменитомъ діалектическомъ методѣ, который подробнѣе освѣщенъ въ логикѣ Гегеля и который составляетъ существенную оригинальную черту всей его системы. Но затѣмъ, перейдя къ первой книгѣ феноменологіи, онъ въ шестой разъ составилъ конспектъ по первой главѣ ея и дальше этого опять не пошелъ.

Энциклопедію онъ читалъ параллельно и продолжалъ ее читать и тогда, когда оставилъ феноменологію. Однако полнаго конспекта энциклопедіи или даже первой ея части — логики —

въ архивѣ не сохранилось. Сохранились лишь отрывочныя замѣтки и конспекты отдѣльныхъ главъ, причемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ — особенно къ нѣкоторымъ главамъ логики — Мишель опять возвращался по нѣскольку разъ. Такъ, напримѣръ, онъ три раза составлялъ конспектъ того параграфа краткой логики Гегеля (§ 213), въ которомъ изложено понятіе Идеи, какъ абсолютнаго единства понятія и объективности. Окончивъ, повидимому, чтеніе краткой логики, изложенной въ первой части энциклопедіи, онъ перешелъ къ чтенію философіи природы — къ изученію развитія идеи въ ея «инобытіи», конспектируя при этомъ не всѣ параграфы подъ-рядъ, а лишь нѣкоторые изъ нихъ, останавливавшіе на себѣ почему-либо его вниманіе.

Окончивъ философію природы, онъ перешелъ къ философіи духа въ мартѣ 1838 года (въ Москвѣ): но отъ этого чтенія сохранилось лишь нѣсколько разрозненныхъ листовъ конспекта, который, можетъ быть, и не былъ составленъ, а можетъ быть, утерялся (можетъ быть, оттого именно, что составлялся уже не въ Премухинѣ, а въ Москвѣ).

Бѣлинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) свидѣтельствуетъ, что Мишель лѣтомъ или осенью 1837 г. въ Премухинѣ «просмотрѣлъ», какъ выражается Бѣлинскій, философію религіи и права Гегеля и явился въ Москву съ идеями, заимствованными именно оттуда. Но среди сохранившихся конспектовъ и замѣтокъ никакихъ слѣдовъ просмотра философіи права не осталось. Возможно, что Бѣлинскій ошибался, имѣя въ виду лишь основное положеніе Гегеля «все разумное дѣйствительно и все дѣйствительное разумно», которое произвело на него, Бѣлинскаго, особое сильное впечатлѣніе и о которомъ Мишель могъ ему, конечно, сказать и не читая «Философіи права», что оно впервые было выражено Гегелемъ во введеніи къ философіи права. На основаніи же сохранившихся конспектовъ Бакунина, найденныхъ лишь въ прошломъ 1912 году въ Премухинѣ (нынѣшнимъ владѣльцемъ Премухина, Михаиломъ Алексѣевичемъ Бакунинымъ), можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что самъ Мишель впервые познакомился съ этимъ

---

[1]) Приведено и у *А. Н. Пыпина:* „Жизнь и переписка Бѣлинскаго", I, стр. 225 (1-ое изд.).

положеніемъ во введеніи къ энциклопедіи, гдѣ оно сопровождено, какъ я уже указывалъ, соотвѣтствующими поясненіями о томъ, что̀ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ разумѣть подъ словомъ «дѣйствительность».

На Михаила Бакунина это положеніе также произвело сразу же огромное впечатлѣніе, что̀ видно и по его письмамъ того времени и по «запискамъ», которыя онъ сталъ было вести одновременно съ конспектами — 4 сентября 1837 г., — но потомъ вскорѣ бросилъ.

Эти записки показываютъ, что чтеніе Гегеля не вызвало въ немъ, восторженномъ фихтеанцѣ, той реакціи, которой можно было отъ него ожидать и которая произошла нѣсколько позднѣе. По крайней мѣрѣ, у него остается еще прежній восторженный и оптимистическій тонъ, гармонировавшій съ «Anweisung zum seligen Leben» Фихте, но мало гармонировавшій съ содержаніемъ отрезвляющей философіи Гегеля. Онъ и изъ Гегеля на первый разъ сумѣлъ схватить наиболѣе оптимистическіе выводы, воспользовавшись такими мѣстами, какъ, напримѣръ, поясненіями Гегеля къ этикѣ Спинозы, помѣщенными мимоходомъ во введеніи къ энциклопедіи.

«Да,—писалъ онъ въ своихъ «запискахъ» 4 сентября 1837 года,—жизнь есть блаженство; жить значитъ понимать,—понимать жизнь. *Нѣтъ зла, все благо;* только ограниченіе есть зло,—ограниченіе духовнаго глаза. Все сущее есть жизнь Духа; все проникнуто Духомъ; нѣтъ ничего внѣ Духа. Духъ есть абсолютное знаніе, абсолютная свобода, абсолютная Любовь, а слѣдовательно, абсолютное блаженство. Естественный человѣкъ, какъ все естественное, есть конечный и ограниченный моментъ этой абсолютной жизни. Онъ еще не свободенъ, но въ немъ лежитъ возможность безграничной свободы, безграничнаго блаженства. Возможность эта лежитъ въ сознаніи. Человѣкъ есть сознательное существо. Сознаніе есть освобожденіе, возвращеніе духа изъ конечности и ограниченнаго опредѣленія въ свою безконечную сущность. Степень сознанія человѣка есть степень его свободы, степень его человѣческости, любви, а слѣдовательно, степень его блаженства. Сторона его свободы, его сознанія есть благо, блаженство. Ограниченная, безсознательная его сторона — зло, несчастіе. Только для конечнаго, ограниченнаго сознанія существуютъ зло и несчастія, но въ

этомъ же сознаніи лежитъ возможность и необходимость освобожденія. Итакъ, нѣтъ зла, все благо—жизнь есть блаженство.

«Гегель говоритъ, что одна только мысль отличаетъ человѣка отъ животнаго. Различіе это безконечно, оно дѣлаетъ человѣка самостоятельнымъ, вѣчнымъ существомъ. Естественный индивидъ, онъ подлежитъ той же желѣзной необходимости, тому же рабству, которому подлежитъ все естественное. Онъ смертное существо, онъ рабъ, онъ даже ничто, какъ индивидъ. Онъ имѣетъ дѣйствительность только, какъ родъ, и покоренъ необходимымъ законамъ этого рода [1]). Но сознаніе освобождаетъ его отъ этой необходимости, дѣлаетъ его самостоятельнымъ, свободнымъ, вѣчнымъ существомъ. Человѣкъ по себѣ [2]) всегда свободенъ и вѣченъ, — какъ сознаніе, какъ понятіе того Духа, который разовьется въ его жизни. Но для себя онъ можетъ быть отчасти рабомъ, онъ можетъ быть конечнымъ человѣкомъ. Конечный человѣкъ тотъ, который не весь еще проникнутъ самосознательнымъ духомъ, въ которомъ есть еще стороны непосредственныя, еще не просвѣтленныя Духомъ. Эти стороны дѣлаютъ его конечнымъ, ограничивая горизонтъ его духовнаго глаза: а всякое ограниченіе есть зло, несчастіе, раздѣленіе съ Богомъ.

«Непросвѣтленныя стороны человѣка оковываютъ его, мѣшаютъ ему слиться съ Богомъ, дѣлаютъ его рабомъ случайности. Случай есть ложь, призракъ. Въ истинной, дѣйствительной жизни нѣтъ случая, тамъ все — святая необходимость, благодать Божья. Случай безсиленъ противъ истинной дѣйствительности; только призрачные интересы и желанія чело-

---

[1]) При этомъ надо сказать, что Бакунинъ хорошо усвоилъ себѣ уже тогда, какъ видно изъ его конспектовъ, что̀ такое *Родъ* въ гегелевскомъ смыслѣ, въ абсолютномъ мышленіи, въ сферѣ Духа. Въ обыденной жизни понятіе рода есть производное понятіе, абстрагируемое отъ единичныхъ особей, единицъ, его составляющихъ; въ абсолютномъ мышленіи родъ есть *конкретное,* всеобщее понятіе, изъ діалектическаго развитія котораго, дифференцируясь изъ него, получаются особи, индивиды, какъ результаты діалектическаго процесса, дифференціаціи рода.

[2]) Т.-е. человѣкъ въ понятіи, въ идеѣ. *А. К.* Понятіе о свободѣ, здѣсь изложенное, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, которое изложено въ краткой логикѣ ***Гегеля*** (въ 1-ой части энциклопедіи) въ т. IV его сочиненій. Срав. ***Куно Фишера***, VIII, стр. 541. Срав. также въ русск. переводѣ ***В. Чижова***: „Логика Гегеля“ (съ примѣч. Геннинга), стр. 260—267.

вѣка подлежатъ случаю. Случай оковываетъ свободу конечнаго человѣка: случай есть темная, непросвѣтленная сторона его жизни. Сознаніе есть освобожденіе отъ непосредственности, просвѣтленіе природы человѣка Духомъ. Чѣмъ менѣе сознателенъ человѣкъ, тѣмъ болѣе подлежитъ онъ случаю; чѣмъ болѣе онъ сознателенъ, тѣмъ болѣе онъ отъ него независимъ. Только призрачное погибаетъ отъ случая, а призрачное должно погибать. Призракъ уничтожается призракомъ, — въ этомъ заключается освобожденіе человѣка.

«Все живетъ, все оживлено Духомъ. Только для мертваго глаза дѣйствительность мертва. Дѣйствительность есть вѣчная жизнь Бога. Безсознательный человѣкъ также живетъ въ этой дѣйствительности, но онъ не сознаетъ ея, для него все мертво, онъ вездѣ видитъ смерть, потому что его сознаніе не вступило еще въ жизнь. Чѣмъ живѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ проникнутъ самосознательнымъ Духомъ, тѣмъ живѣе для него дѣйствительность, тѣмъ ближе она къ нему. *Что дѣйствительно, то разумно.* Духъ есть абсолютное могущество, источникъ всякаго могущества. Дѣйствительность — его жизнь, а слѣдовательно, дѣйствительность всемогуща, какъ воля и дѣло Духа. Конечный человѣкъ отдѣленъ отъ Бога, отдѣленъ отъ дѣйствительности призраками, своею непосредственностью. Для него дѣйствительность и благо нетождественны. Для него существуетъ раздѣленіе добра и зла. Онъ можетъ быть нравственнымъ, а не религіознымъ человѣкомъ, а потому онъ рабъ дѣйствительности; онъ боится, онъ ненавидитъ ее. Кто ненавидитъ и не знаетъ Дѣйствительности, тотъ ненавидитъ и не знаетъ Бога (поэтому въ этомъ мѣстѣ у него Дѣйствительность пишется даже съ большой буквы. *А. К.*). Дѣйствительность есть воля Божья. Въ поэзіи, въ религіи и, наконецъ, въ философіи совершается великій актъ примиренія человѣка съ Богомъ. Религіозный человѣкъ чувствуетъ, вѣритъ, что воля Божья есть абсолютное, единственное Благо, — онъ говоритъ: да будетъ воля Твоя. Онъ говоритъ это, хотя и *не понимаетъ разумомъ* [1]), что воля Божья есть въ самомъ дѣлѣ

---

[1]) Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать — ***разсудкомъ***, т.-е. конечнымъ, человѣческимъ разсудкомъ, ибо разумомъ, т.-е. Духомъ, онъ понимаетъ, если вѣритъ, потому что эта вѣра и есть проявленіе въ немъ Разума по терминологіи Гегеля. *А. К.*

дѣйствительное блаженство и что только въ немъ конечное удовлетвореніе. *Нравственная* точка зрѣнія[1]) есть раздѣленіе добра и зла, отдѣленіе человѣка отъ Бога, а слѣдовательно, и отъ дѣйствительности. Для него зло такъ же существенно, какъ и добро. Онъ боится зла, онъ непокоенъ, въ немъ происходитъ безпрестанная борьба добра и зла, блаженства и несчастія. Для *религіознаго*[2]) человѣка нѣтъ зла. Онъ видитъ въ немъ призракъ, смерть, ограниченность, побѣжденную откровеніемъ Христа. Религіозный человѣкъ чувствуетъ свое индивидуальное безсиліе, зная, что все могущество отъ Бога, и ждетъ отъ него просвѣтленія, благодати. Благодать очищаетъ человѣка отъ призрачности, разсѣиваетъ туманъ, отдѣлявшій его отъ солнца.

«Философія, какъ самостоятельное развитіе и очищеніе мысли, есть человѣческая наука, какъ происходящая прямо отъ него, и Божественная, потому что она содержитъ въ себѣ могущество Благодати: очищеніе человѣка отъ призрака и соединеніе его съ Богомъ. Человѣкъ, перешедшій черезъ всѣ эти три сферы развитія и воспитанія[3]), — совершенный, всемогущій человѣкъ: — дѣйствительность для него абсолютное благо, воля Божія — его сознательная воля.

«Геній есть живое сознаніе современной дѣйствительности...

На этомъ «записки» Мишеля, написанныя, повидимому, въ одинъ день (4 сентября 1837 г.), прерываются до 2 ноября, и затѣмъ въ этотъ день и 9 ноября онъ заноситъ въ нихъ двѣ коротенькія замѣтки, о которыхъ рѣчь впереди. На второй изъ этихъ замѣтокъ писаніе «записокъ» прекращено навсегда.

Сдѣланная выписка имѣетъ, по моему мнѣнію, очень большое значеніе, потому что она совершенно точно фиксируетъ то впечатлѣніе, тѣ взгляды, которые Михаилъ Бакунинъ вынесъ изъ перваго непосредственнаго знакомства съ сочиненіями Гегеля. Эти взгляды, сообщенные тотчасъ же ближайшимъ друзьямъ Мишеля и въ томъ числѣ Бѣлинскому сыграли, какъ извѣстно, въ исторіи русской литературы и русской жизни не малую роль, и потому мнѣ кажется, что приведен-

[1]) Которая по Гегелю есть одна изъ низкихъ ступеней развитія Духа. Курсивъ мой. *А. К.*

[2]) Курсивъ мой. *А. К.*

[3]) Т.-е. черезъ искусство, религію и философію.

ныя «записки» и такіе конспекты, какъ составленный Бакунинымъ и, вѣроятно, прочитанный, можетъ быть, и не разъ, Бѣлинскимъ конспектъ по введенію въ энциклопедію Гегеля, имѣютъ значеніе существенно важныхъ документовъ для исторіи русской литературы и русской общественной мысли тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX столѣтія.

Едва проникшись ими, точнѣе сказать, лишь проникаясь новыми взглядами Гегелевой системы, Мишель, по свойству своей натуры, уже спѣшилъ сообщить ихъ близкимъ своимъ. Такъ, въ письмѣ отъ 1 октября 1837 г. къ братьямъ, сообщая имъ о томъ, что онъ очень доволенъ своими занятіями, успѣхи въ которыхъ приписывалъ введенію извѣстнаго порядка въ своей умственной жизни, онъ просилъ братьевъ не приписывать его долгаго молчанія ослабленію связи съ ними.

«Что разъ связано въ Истинѣ,—писалъ онъ имъ,—связано навсегда и никто и ничто не въ силахъ разорвать нашего святого союза,—святого потому, что основаніе и содержаніе его святы. Насъ соединяетъ наша общая человѣческость, наше общее стремленіе жить въ истинѣ и быть живыми членами живой и истинной дѣйствительности. Друзья мои, жизнь прекрасна для того, кто освободился отъ призраковъ и кто знаетъ, что остальные призраки, застилающіе горизонтъ его, не что иное, какъ призраки, отъ которыхъ онъ можетъ и долженъ освободиться. Главное, должно быть здоровымъ, свѣжимъ и дѣятельнымъ человѣкомъ,—каждая минута его должна быть наполнена общимъ содержаніемъ его жизни. И вы, друзья мои, должны воспитать въ себѣ эту энергію души, которая переноситъ всѣ обстоятельства, которая удерживаетъ себя вездѣ и всегда. Это необходимое условіе жизни. Это главное опредѣленіе индивидуальности, это вся сила ея,—въ этомъ заключается ея безконечность. Смерть естественнаго существа—растенія, животнаго—заключается уже въ условіяхъ его существованія, въ томъ, что оно имѣетъ дѣйствительность только какъ родъ, а не какъ индивидъ. Индивидъ же заключаетъ въ себѣ безконечность. Безконечность есть его сущность, безконечность, которая выноситъ его изъ всѣхъ бурь жизни и которая рано или поздно должна наполниться истиннымъ содержаніемъ»...

Однако трудности, встрѣченныя Мишелемъ при чтеніи Ге-

геля,—и въ особенности, можетъ быть, неудача съ усвоеніемъ феноменологіи,—не остались, повидимому, безъ вліянія на расположеніе его духа, которое въ октябрѣ 1837 г. сильно испортилось, несмотря на то, что въ семейныхъ дѣлахъ ему удалось тогда временно многое уладить и даже поправить свои отношенія съ отцомъ. 2 ноября онъ записалъ въ своихъ «запискахъ»:

«Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ я вздумалъ записывать здѣсь внутреннюю жизнь мою. Много вынесла потрясеній душа моя,—чуть было я опять не упалъ. Нѣтъ, я еще недостаточно просвѣтленъ истиною, во мнѣ нѣтъ еще довольно любви для того, чтобы мнѣ можно было не наблюдать за собою, предаваться безвыборно всѣмъ впечатлѣніямъ. Во мнѣ много еще непросвѣтленныхъ сторонъ, и эти стороны дѣлаютъ еще невозможною для меня непрерывную гармонію. Во мнѣ есть минуты сухія, холодныя, и въ эти минуты я долженъ быть твердъ. Я долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на болѣзненныя, преходящія минуты, долженъ изучать средства для уничтоженія ихъ.

«На будущій (годъ) я поѣду за границу весною. Это необходимо, пора выйти изъ неопредѣленности и опредѣлиться. Для этого я долженъ приготовиться: 1) умственно и 2) матеріально: 1-ое теперь я читаю феноменологію»...

Въ самомъ концѣ ноября онъ уѣхалъ, какъ мы уже знаемъ, изъ Премухина и 1 декабря былъ уже въ Москвѣ, гдѣ сперва поселился у Левашевыхъ (друзей Чаадаева), у которыхъ долженъ былъ давать уроки мальчику; но прожилъ у нихъ только недѣлю и, находя для себя невозможнымъ жить вдали отъ своихъ друзей въ тотъ моментъ, когда душа его была полна новыми идеями и новыми настроеніями, полученными отъ знакомства съ Гегелемъ, онъ рѣшилъ перебраться къ Бѣлинскому, съ которымъ и поселился съ 7 декабря 1837 г.

Проникшись новыми своими идеями, онъ и на дружбу свою съ сестрами сталъ смотрѣть съ новой точки зрѣнія, утверждая даже, что прежде дружба эта не могла быть дѣйствительной.

«Вотъ уже болѣе недѣли, какъ мы разлучены,—писалъ онъ сестрамъ 7 декабря 1837 года,—и я до сихъ поръ не могу совершенно опомниться. Я до сихъ поръ не зналъ, до какой степени я васъ люблю, до какой степени я привязался къ

вамъ нынѣшнее лѣто. Да, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія,— оно положило истинное крѣпкое основаніе нашей дружбѣ, которая вмѣстѣ съ нами перешла въ *дѣйствительный міръ* [1]). Въ прошедшемъ году въ насъ была сильная потребность любви, но не было возможности любить (?!), по крайней мѣрѣ, во мнѣ было совершенное отсутствіе этой возможности: я жилъ въ какомъ-то призрачномъ мірѣ прекраснодушія и по необходимымъ законамъ Духа былъ отрѣшенъ отъ всякой дѣйствительности; любовь же есть высшая дѣйствительность и не терпитъ призрачности. Любовь только тамъ, гдѣ человѣкъ чувствуетъ дѣйствительное присутствіе Бога въ себѣ и дѣйствительное движеніе свое въ общей міровой жизни. Мы всѣ страдали по степени грѣховъ своихъ, и такъ какъ мои грѣхи, мое паденіе были безконечно болѣе вашихъ, то и страданія мои были сильнѣе, но эти страданія очистили и приготовили насъ къ истинно-блаженной жизни. Въ насъ осталось еще много призрачностей, но мы сдѣлали уже большой шагъ, сознавъ ихъ призрачную сущность и увѣрившись въ томъ, что все ложное должно разрушиться и уступить мѣсто истинному».

Въ концѣ декабря Мишель пережилъ, какъ мы уже знаемъ, новое обостреніе своихъ отношеній съ родителями на почвѣ «борьбы за освобожденіе Вареньки», и самая борьба эта приняла въ это время особенно тревожный и страстный характеръ. Въ январѣ 1838 года онъ ѣздилъ въ Козицыно и оттуда въ Премухино. Затѣмъ, едва вернувшись въ Москву, онъ снова уѣхалъ оттуда къ Беерамъ въ имѣніе ихъ Шашкино, гдѣ онѣ проводили всю зиму. Въ промежуткахъ между этими разъѣздами, живя у Бѣлинскаго и находясь въ самыхъ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ, а черезъ него тѣснѣе сдружившись и съ Боткинымъ, Мишель продолжалъ и въ Москвѣ углубляться въ Гегеля, вновь перечитывая энциклопедію, толкуя прочитанное съ друзьями своими и въ особенности внутренно продумывая и по-своему перетолковывая и переживая вычитанныя у Гегеля идеи, стараясь глубже постигнуть самый духъ и методъ его системы. Это вниканіе въ Гегеля отражалось замѣтнымъ образомъ на его письмахъ.

Въ мартѣ 1838 г., вернувшись отъ Бееровъ и описавъ въ

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.*

общихъ чертахъ свое тамъ пребываніе (о чемъ рѣчь впереди), Мишель писалъ сестрамъ:

«Что же скажу вамъ о себѣ? Со времени моего пріѣзда въ Москву въ началѣ зимы въ жизни моей пробудилось множество новыхъ элементовъ, и я сталъ жить тройною, четверною жизнью. Я сознаалъ въ себѣ множество самыхъ разнородныхъ потребностей, я лучше чувствую, вижу и понимаю многое. Это хорошо, я этому радуюсь. Но эти новые элементы и потребности, какъ недавно вступившіе въ жизнь мою, еще не подчинились моему субъективному единству [1], еще не пришли другъ съ другомъ въ гармонію, и необходимое слѣдствіе этого—внутреннее страданіе, внутренняя борьба посѣщаютъ меня чаще, чѣмъ когда-нибудь. Но я не боюсь этихъ страданій,—чѣмъ болѣе страданіе жизни, перенесенное человѣкомъ, тѣмъ должно быть выше его примиреніе въ благодати. Страданіе есть признакъ движенія впередъ, а движеніе есть признакъ живого источника жизни, а гдѣ есть жизнь, тамъ и любовь, и блаженство, и все прекрасное и истинное. Теперь я стремлюсь къ *самообладанію*,—не къ холодному и призрачному покоренію себя со внѣ призрачною силою разсудительнаго долга, нѣтъ, а къ субъективному единству того, что гармонично и едино въ моей субстанціи и что еще разнородно и дисгармонично въ моемъ субъективномъ опредѣленіи [2]. Повѣрьте мнѣ, жизнь—прекрасная вещь, глядите только впередъ и не оглядывайтесь назадъ, или оглядывайтесь назадъ только тогда, когда, находясь въ истинѣ и, слѣдовательно, и въ гармоніи, вы дѣлаетесь способными смотрѣть на прошедшее безстрастными, т.-е. разумными глазами, и когда вы дѣлаетесь способными понять прошедшее, какъ необходимый путь, приведшій васъ къ настоящему.

«Вы слишкомъ много разсуждаете о себѣ и браните себя. Это нехорошо, это признакъ прекраснодушія. Помните, что въ васъ живутъ два «я». Одно безсознательно истинное, безконечное,—это ваша субстанція, и другое ваше сознательное, конечное «я»—это ваше субъективное опредѣленіе. Вся жизнь состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать субъективнымъ то, что въ васъ

[1]) Это чисто гегелевскій способъ выраженія. Срав. о *субъективности* у Гегеля въ его логикѣ (въ ученіи о понятіи).

[2]) И это, и вся послѣдующая часть этого письма вполнѣ соотвѣтствуютъ ученію Гегелевой логики.

субстанціонально, т.-е. возвысить свою субъективность до своей субстанціональности и сдѣлать ее безконечною. Вы славныя дѣвочки, въ васъ лежитъ безконечность, и потому не бойтесь за себя, а вѣрьте, любите, мыслите и идите смѣло впередъ»...

Далѣе онъ сообщаетъ въ этомъ письмѣ, что познакомился съ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, и говоритъ, что онъ чудный человѣкъ и что въ немъ «также лежитъ безконечность».

Въ концѣ письма онъ сообщаетъ шутя: «Виссаріонъ и Василій Боткинъ вамъ присѣдаютъ», и тутъ же прибавляетъ: «Виссаріонъ мой ожилъ, чудный человѣкъ, огромная душа. И Боткинъ также хорошъ».

Въ другомъ письмѣ, писанномъ около того же времени, онъ, упоминая опять объ укрѣпленіи и усиленіи своей дружбы съ сестрами, пишетъ:

«...Чѣмъ ближе мы къ дѣйствительности, тѣмъ ближе мы къ истинѣ и тѣмъ истиннѣе, тѣмъ пламеннѣе взаимная любовь наша. Да, друзья, жизнь есть великое таинство, безпрерывное откровеніе. Я безпрестанно повторяю это себѣ и здѣшнимъ друзьямъ моимъ, и эта мысль радуетъ меня. Все святое, все великое лежитъ въ этомъ таинствѣ, и если мы, при малой степени нашего просвѣтленія, были уже такъ блаженны, что жъ будетъ, когда истина сдѣлается нашею дѣйствительною собственностью!

«Друзья мои, будемъ говорить другъ другу все, что происходитъ въ насъ, всѣ движенія, всѣ новыя явленія нашей жизни. Любить значитъ понимать, любить человѣка — значитъ понимать его,—не разсуждать о немъ, не вникать въ него умерщвляющимъ взглядомъ мертваго разсудка, — нѣтъ, а проникать въ него просвѣтленными, разумными глазами духа. Понять человѣка—значитъ разрушить, силою разумнаго пониманія, естественную преграду, отдѣляющую одного отъ другого, и въ этомъ свѣтломъ пониманіи слиться съ нимъ въ одно и составить одно—третье благодатное и блаженное существо, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть грѣха, потому что, гдѣ любовь—тамъ все свято и истинно, и въ которомъ не можетъ быть страданія, потому что въ любви нѣтъ страха,—боящійся несовершененъ въ любви [1]). Мы всѣ вышли изъ области одного

1) Подъ ***понятіемъ*** въ логикѣ Гегеля разумѣются не абстрактныя представленія, получаемыя разсудкомъ изъ наглядныхъ представленій, а всегда нѣчто конкретное и единое, которое, развиваясь и диффенцируясь, раскрываетъ

и того же разсудка, только въ различныхъ формахъ, и потому наша общая жизнь есть стремленіе къ таинству и въ этомъ таинствѣ, друзья мои, найдемъ мы все, чего искала, чего жаждала душа, и это таинство лежитъ не внѣ дѣйствительнаго міра, но въ немъ самомъ, потому что дѣйствительность есть жизнь Бога и отдѣляющійся отъ дѣйствительности—отдѣляется отъ Бога. Понять и полюбить дѣйствительность—вотъ все назначеніе человѣка. *Я говорю здѣсь не объ томъ, что обыкновенно понимаютъ подъ словомъ дѣйствительность: стулъ, столъ, собака, Варвара Дмитріевна, Александра Ивановна* [1], *— все это мертвая, призрачная, а не живая и не истинная дѣйствительность* [2]. И въ насъ также есть призрачная дѣйствительность—это разсудокъ, когда, выйдя изъ своей законной сферы — изъ сферы познаванія конечныхъ предметовъ,—онъ заходитъ въ сферу безконечнаго. Мы всѣ воспитаны въ этомъ призракѣ—въ разсудкѣ—и потому всѣ должны освободиться отъ него. Освобожденіе отъ разсудка есть мысль, основанная на откровеніи. Не разсужденія, всегда основанныя на призрачномъ и конечномъ созерцаніи разсудка, нѣтъ,—мысль, основанная на откровеніи. Въ насъ всѣхъ теперь живутъ и борются два противоположные элемента: откровеніе и разсудокъ. Есть минуты, часы, иногда цѣлые дни откровенія, гдѣ все такъ ясно, такъ свѣтло, такъ понятно, гдѣ чувствуешь въ себѣ безконечную любовь. Есть также и другія минуты—минуты разсудка,—и, къ сожалѣнію, эти минуты бываютъ иногда очень долги,—гдѣ все темно, все гадко, безсмысленно, и душу тяготитъ какое-то сухое равнодушіе ко всему. *Посредница между этими двумя противоположными элементами нашей жизни есть мысль, которая вырываетъ умъ нашъ изъ конечнаго опредѣленія разсудка и преображаетъ его въ разумъ, для котораго*

свои свойства. Подъ понятіемъ по Гегелю „слѣдуетъ разумѣть, — говоритъ Куно Фишеръ,—„я", самосознаніе или субъективность, которая обосновываетъ и создаетъ познаніе, истинное или объективное мышленіе и *отмѣняетъ* необходимость, проясняя ее, т.-е. дѣлая очевидною или познаваемою". VIII, стр. 544.

[1]) Варвара Дмитріевна, Александра Ивановна — это премухинскія приживалки, которыя были тогда во враждебныхъ отношеніяхъ съ молодымъ поколѣніемъ бакунинской семьи изъ-за „борьбы за Варенькино освобожденіе",—борьбы, которая въ этотъ моментъ уже приходила къ своему концу.

[2]) Курсивъ мой. *А. К.*

нѣтъ противорѣчій и для котораго все благо и все прекрасно. И потому, друзья мои, мыслите, а не разсуждайте [1])...

Въ обоихъ послѣднихъ письмахъ Мишель сообщалъ сестрамъ, что познакомился въ Москвѣ съ ихъ двоюроднымъ дядей (по матери) Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ (тѣмъ самымъ, который былъ первымъ основателемъ Союза Спасенія въ 1816 году, а впослѣдствіи сильно измѣнилъ свои радикальные взгляды на умѣренный либерализмъ съ мистической и христіанской подкладкой) [2]). Мишель и А. Н. Муравьевъ взаимно произвели другъ на друга, какъ мы уже упоминали, очень хорошее впечатлѣніе, и Мишель писалъ, какъ мы видѣли, сестрамъ, что въ А. Н. Муравьевѣ онъ нашелъ душу, въ которой «лежитъ безконечность». Связь съ Муравьевымъ для Мишеля становилась въ тотъ моментъ еще привлекательнѣе потому, что ему, видимо, чрезвычайно понравилась дочь Муравьева, Софья Александровна,—молодая дѣвушка, которая вновь возбудила въ немъ стремленіе къ обыкновенной, а не философской любви къ женщинѣ, дремавшее въ немъ со времени его дѣтскаго романа съ Мари Воейковой.

Въ письмѣ, писанномъ сестрамъ по возвращеніи отъ Бееровъ, онъ признается въ этомъ полушутя.

«Софья Александровна,—писалъ онъ,—прекрасная дѣвушка, и—смотрите, только не смѣйтесь—во мнѣ что-то расшевелилось и расшевелилось не въ шутку... Что, удивились? Ничего, ничего—молчаніе! Я объ этомъ напишу больше, когда самъ пойму все яснѣе. Только, смотрите, ни слова Беевымъ, а то замутятъ!...»

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 4 апрѣля 1838 г. онъ писалъ объ этомъ подробнѣе, комбинируя свои новыя чувства со своими философскими идеями.

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.* Подчеркнутыя мѣста показываютъ, какъ глубоко проникся въ это время Мишель духомъ гегелевской философіи, особенно его логики (краткій очеркъ которой составляетъ первую часть „Энциклопедіи"). Все это изложено у *Гегеля* именно въ краткой его логикѣ, составляющей часть энциклопедіи, въ т. IV, отд. III, гл. II. A., стр. 195—206. Срав. ***Куно Фишера***, т. VIII, ч. I, стр. 533 и слѣд. русскаго перевода.

[2]) О немъ срав., между прочимъ, у ***В. И. Семевскаго:*** „Политическія и общественн. идеи декабристовъ", стр. 289 и въ другихъ мѣстахъ этой книги, а также у *М. В. Довнара-Запольскаго:* „Тайное общество декабристовъ", стр. 2 и слѣд.

«Давно [1]) не бесѣдовалъ я съ вами,—писалъ онъ тутъ же.— Впрочемъ, вы не заключайте изъ этого молчанія и изъ краткости моихъ послѣднихъ писемъ, чтобъ я былъ въ апатіи или въ худомъ расположеніи. Нѣтъ, не въ худомъ расположеніи, а въ состояніи духа, совершенно противоположномъ тому, въ которомъ я писалъ о новомъ чувствѣ, проснувшемся во мнѣ. Во мнѣ теперь два сознанія или, лучше сказать, одно главное сознаніе, изъ котораго вытекаетъ другое, а именно, что жизнь есть таинство, вѣчный источникъ любви и блаженства. Изъ этого непосредственно вытекаетъ другое сознаніе, сознаніе того, какъ мало я еще дѣйствителенъ, какъ мало во мнѣ истиннаго содержанія и какъ необходимо для меня дѣйствительное наполненіе. Не думайте, чтобъ это было то призрачное и отвлеченное вниканіе въ самого себя, которое всегда безплодно, потому что въ немъ нѣтъ живого движенія мыслей, и которое имѣетъ всегда результатомъ неподвижное и мертвое созерцаніе своей призрачности и своей пустоты,—созерцаніе, изъ котораго нѣтъ выхода и за которымъ всегда слѣдуетъ апатія. Такое созерцаніе происходитъ только отъ конечнаго, ограниченнаго вниканія въ себя, когда теряешь чувство безконечнаго и не помнишь, что есть всемогущая и благодатная сила любви, имѣющая безграничную власть надъ всякою борьбою и надъ всякимъ распаденіемъ. Теперешнее мое вникаше въ самого себя сопряжено съ созерцаніемъ вѣчнаго и дѣйствительнаго, и потому оно не призрачно и не отвлеченно, и не можетъ произвести апатіи, но приноситъ, напротивъ, прекрасные плоды. Я чувствую въ себѣ много, очень много силъ и элементовъ. Я знаю, я сдѣлаю что-нибудь: но мнѣ предлежитъ еще долгій тяжелый путь до достиженія моей дѣйствительности; и я не боюсь этого. Чѣмъ болѣе отрицаній, чѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ глубже гармонія и примиреніе. Вы спрашиваете меня, милыя друзья, о развитіи моего чувства. Его пробужденіе было только доказательствомъ, что во мнѣ есть сильная возможность и потребность любви: но для меня еще не наступила пора любви и долго еще не наступитъ. Нѣтъ! Мнѣ еще нужно глубже сосредоточиться въ самомъ себѣ, мнѣ нужно передѣлать, преобразить себя, мнѣ должно стать новымъ просвѣтленнымъ чело-

[1]) Въ сущности не болѣе двухъ недѣль. *А. К.*

вѣкомъ, наполнить себя истиною и проникнуть жизнь свою этою истиною. И тогда, если судьба захочетъ свести меня съ *барышней,*—тогда, пожалуй, отчего же нѣтъ! А теперь еще долго, долго мнѣ до дѣйствительной любви...

«Не думайте однако-же, чтобы во мнѣ совершенно исчезло это чувство. О, нѣтъ! Оно бываетъ иногда содержаніемъ очень милыхъ фантазій. Но, во-первыхъ, я не даю слишкомъ много воли своей фантазіи, потому что она не должна преобладать въ жизни человѣка, и, во-вторыхъ, я смотрю на нее, какъ на невинную забаву; потому что для развитія любви необходимы удобныя и благопріятныя обстоятельства, а мои теперешнія внѣшнія и внутреннія обстоятельства нисколько не благопріятны. Нѣтъ! У меня есть интересы важнѣе всѣхъ другихъ частныхъ интересовъ, и прежде удовлетворенія главныхъ потребностей моего духа, для меня невозможно удовлетвореніе другихъ второстепенныхъ потребностей.

«Что же касается до описаній, то вы знаете, что я до нихъ не охотникъ, а потому и не мастеръ... Впрочемъ, я разскажу вамъ одно обстоятельство. Я пріѣхалъ проститься съ Александромъ Николаевичемъ, которому я послалъ ваши письма, вмѣстѣ съ своимъ — веселымъ, краснорѣчивымъ и разумнымъ. Итакъ, я пріѣхалъ проститься съ нимъ. Онъ былъ чѣмъ-то занятъ. Къ нему пріѣзжали гости, и княжна Шаховская (сестра его жены, занимающаяся воспитаніемъ его дѣтей, очень умная и добрая женщина, раздѣляющая совершенно образъ мыслей Александра Николаевича и потому такъ же полюбившая меня, какъ и онъ) вышла въ залу для того, чтобы принять ихъ, а вмѣстѣ съ нею вышла и Софья Александровна (примѣтьте, что я всегда называю ее по имени, для того чтобъ избѣгнуть опошленное слово *она*), которая сперва не примѣтила меня, но потомъ, увидавши меня, поклонилась съ ангельскою улыбкою (справьтесь, нѣтъ ли точно такого выраженія въ моемъ письмѣ о Марьѣ Алексѣевнѣ, которое мы сочинили вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ [?]) и въ продолженіи разговора съ гостями (я сидѣлъ далеко отъ нея въ углу) глаза наши встрѣтились раза два какъ-то случайно. И я почувствовалъ въ груди своей «цѣлый рай блаженства и цѣлый адъ наслажденій»... Впрочемъ, послушайте, сестрицы, вы не совсѣмъ вѣрьте тому, что я написалъ въ началѣ этого письма—вѣдь человѣкъ странное и

неуловимое существо, и себя знать очень трудно... Иногда кажется, что я люблю, а въ другой разъ, что нѣтъ. Мы еще слишкомъ мало знакомы, наши жизни не слились еще въ одномъ изъ тѣхъ мгновеній, въ которыя люди чувствуютъ и сознаютъ, что они другъ другу родные, что ихъ жизни составляютъ одну жизнь. На-дняхъ я буду читать имъ Гоголя, «Тараса Бульбу». Посмотримъ, что-то будетъ?

«Впрочемъ, я не прочь и отъ любви, только чтобъ она не мѣшала главному и заняла свое законное мѣсто, а если она захочетъ овладѣть всѣмъ существомъ моимъ, такъ ее въ сторону!

«Я знаю, что вы мнѣ на это скажете: «истинная любовь не можетъ мѣшать развитію человѣка, а, напротивъ, должна способствовать ему, возвышая его на седьмое небо и показывая ему такія вещи, которыхъ бы онъ безъ нея никогда не увидалъ».

«Такъ, милыя сестрицы, я съ вами совершенно согласенъ, но вы говорите про истинную любовь, про такую любовь, которая уже осуществилась въ двухъ людяхъ, какъ дѣйствительное взаимное пребываніе и движеніе въ истинѣ. Но въ началѣ своемъ всякая любовь еще не истина, всякая любовь есть нѣчто отвлеченное, одностороннее, вступающее въ борьбу съ другими элементами жизни. И въ этой-то борьбѣ ее и должно умѣрять и взнуздывать.

«Ничто не должно выходить изъ границъ умѣренности и здраваго смысла, не правда ли, милыя сестрицы?—шутитъ Мишель.

«Впрочемъ, пріѣзжайте сами и тогда все увидите своими собственными очами, а теперь объ этомъ довольно. Пріѣзжайте поскорѣе, мои милыя, мнѣ такъ хочется васъ видѣть и говорить съ вами. Мы будемъ васъ потчевать музыкою, театромъ. Я познакомлю васъ со своимъ другомъ Боткинымъ, съ которымъ я теперь живу, потому что Бѣлинскій перемѣнилъ квартиру. И кстати, вы знаете, что онъ опять взялъ въ руки журналъ [1]). Первый номеръ выйдетъ на-дняхъ, и я пришлю его вамъ тотчасъ же. Тамъ будетъ моя статья, подъ которой я преважно подписалъ «Михаилъ Бакунинъ». Хорошая статья! Въ

---

[1]) *Московскій Наблюдатель*, купленный тогда у его прежнихъ издателей Степановымъ. Объ этомъ подробнѣе рѣчь впереди. Срав. А. Н. *Пыпина*: „Жизнь и переписка Бѣлинскаго“, т. I, стр. 243 и слѣд.

третьемъ номерѣ будетъ другая моя статья о томъ, какъ у насъ понимаютъ философію. и въ четвертомъ еще статья о Гегелѣ. да другая статья о Гете. А потомъ прощайте: уѣду далеко, далеко. Теперь сочиняю предисловіе къ Беттинѣ, которое будетъ такъ хорошо, что вы будете всѣ плакать.—сестры и братья! [1])

«Братья, послушайте, изучайте хорошенько древніе языки—безъ нихъ нѣтъ спасенія. Не думайте, чтобы они были необходимы только для внѣшней жизни. Нѣтъ! изученіе древнихъ языковъ и древности необходимо для дѣйствительности внутренняго образованія. а потому и для дѣйствительности внутренней жизни, потому что внѣ знанія нѣтъ жизни. [2]) Разумѣется, что это относится къ Павлу. Александру и Алексѣю, потому что Илья пошелъ своею геройской дорогой, а Николая я слишкомъ мало знаю или, лучше сказать, совсѣмъ не знаю, чтобы давать ему совѣты. Я не знаю, каковъ его образъ мыслей, къ чему онъ себя назначаетъ и до какой степени онъ принадлежитъ къ нашему святому союзу. Вы мнѣ объ этомъ напишите, милые друзья. [3])

«Только пріѣзжайте поскорѣе. Развязка нашей драмы близка [4]). Смѣлѣе только впередъ! Богъ съ нами, кто же противъ насъ? Бѣсы и черти? Да вѣдь мы ихъ не боимся, они не имѣютъ власти надъ нами.

«Любаша, посылаю тебѣ письмо Николая (Станкевича). Я надѣюсь скоро увидѣть его и осенью пришлю его къ тебѣ, моя милая Калипсо».

Однако изъ того, что тутъ было обѣщано, сбылось далеко не все. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* появилась только одна статья Бакунина—предисловіе къ гимназическимъ рѣчамъ Гегеля. Романъ его съ С. А. Муравьевой не имѣлъ продолженія. Заграничная поѣздка его, какъ мы уже знаемъ, и на этотъ

---

[1]) Одинъ изъ набросковъ этого предисловія—отнюдь не краснорѣчивый—сохранился въ бумагахъ Бакунина.

[2]) Тутъ сказывается впечатлѣніе, произведенное „Гимназическими рѣчами" Гегеля, которыя Бакунинъ переводилъ тогда для *Московскаго Наблюдателя*.

[3]) Николай Бакунинъ весною 1838 года пріѣзжалъ въ Премухино въ отпускъ на недѣлю,—впервые послѣ пятилѣтняго отсутствія изъ дому.

[4]) „Наша драма"—„борьба за освобожденіе Вареньки", которая завершилась, какъ уже знаетъ читатель, ея отъѣздомъ за границу въ іюнѣ 1838 г.

разъ не состоялась. Пріѣздъ сестеръ въ Москву тоже былъ отложенъ, и ему самому пришлось раньше поѣхать въ Прямухино и увидѣть ихъ тамъ въ маѣ 1838 г., чтобы проститься съ Варварой Александровной передъ отъѣздомъ ея за границу. Любаша не дождалась до осени 1838 г. и умерла, какъ мы знаемъ, 6 августа этого года, не видавшись со Станкевичемъ.

Жизнь Мишеля омрачилась рѣзкимъ расхожденіемъ съ его ближайшими друзьями Бѣлинскимъ и Боткинымъ, о чемъ мы подробно разскажемъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА XXIV.

Полемическая переписка Бѣлинскаго съ Бакунинымъ.—Періодъ дружбы и совмѣстнаго житья.—Размолвка и ссора изъ-за веденія журнала *Московскій Наблюдатель*, который Бѣлинскій въ маѣ 1838 г. получилъ въ свои руки.—Примиреніе послѣ личныхъ объясненій.—Натянутыя отношенія.—Претензіи Бакунина и неподатливость Бѣлинскаго.—Отъѣздъ Бакунина въ Премухино и пріѣздъ его матери съ дочерьми Татьяной и Александрой Александровнами въ Москву.—Продолженіе романа Бѣлинскаго, имъ самимъ описанное въ письмѣ къ Мишелю.—Примиреніе Бѣлинскаго съ Бакунинымъ.—Поѣздка его въ Премухино въ 1838 г.—Впечатлѣніе, произведенное на него болѣзнью и смертью Любови Александровны.—Возвращеніе Бѣлинскаго въ Москву.—Его письма-диссертаціи къ Бакунину и новая ссора.—Теорія Бѣлинскаго о разумной дѣйствительности.—Взгляды на эту теорію П. Н. Милюкова и С. А. Венгерова.—Статья Бакунина „Предисловіе къ Гимназическимъ рѣчамъ Гегеля“ и неправильное толкованіе, приданное ей С. А. Венгеровымъ.—Истинный смыслъ статьи Бакунина и несогласіе его съ выводами, къ которымъ пришелъ въ тотъ моментъ Бѣлинскій.

Пріѣхавъ въ ноябрѣ 1836 года въ Москву, послѣ своего перваго трехмѣсячнаго пребыванія въ Премухинѣ [1]), прямо къ разгрому и закрытію *Телескопа*, Бѣлинскій пришелъ въ очень подавленное состояніе духа. Зима и весна 1837 г. прошли для него въ непрерывныхъ мученіяхъ—въ переживаніи своего неудавшагося романа и въ борьбѣ съ суровыми внѣшними условіями жизни. Отношенія его со старыми друзьями, Станкевичемъ и Бакунинымъ, какъ онъ выражался, «опошлились». Только новая дружба съ Василіемъ Петровичемъ Боткинымъ отчасти поддерживала и утѣшала его [2]).

Здоровье его серьезно разстроилось, и онъ, наконецъ, уѣхалъ лѣчиться на Кавказъ съ Ефремовымъ, на средства, данныя ему друзьями—тѣми же Ефремовымъ и Боткинымъ. Онъ «холодно» простился со Станкевичемъ, который собирался тогда

---

1) См. главу XVIII.

2) Срав. А. Н. *Пыпина*: „Жизнь и переписка Бѣлинскаго“, ч. I, гл. IV.

за границу, «холодно» простился съ Мишелемъ, который вскорѣ уѣхалъ въ Премухино, и внутренно обзывая себя за это «подлецомъ», отправился на Кавказъ въ концѣ апрѣля 1837 г. [1]).

На Кавказѣ завязалась у него съ Мишелемъ та переписка о значеніи *гривенниковъ* и *аккуратности* въ жизни, изъ которой мы приводили уже обширныя выписки и которую самъ Бѣлинскій называлъ впослѣдствіи «нравственной» перепиской, употребляя этотъ терминъ въ томъ нелестномъ значеніи, которое онъ получилъ у гегельянцевъ.

Въ концѣ 1838 г. Бѣлинскій такъ вспоминалъ о своихъ тогдашнихъ сношеніяхъ съ Бакунинымъ:

«...Сѣрныя ванны (на Кавказѣ) истощили мою жизненность, и я сталъ живой трупъ: чувство умерло и душа болѣла только сознаніемъ гадости прошедшей жизни. Безотрадная будущность, стѣсненность положенія представляли мнѣ возвращеніе въ Москву путешествіемъ въ гробъ. Хотѣлось умереть. Чужіе гривенники жгли мнѣ руки и душу. Это была раздѣлка за прошлое.

«Я пишу тебѣ о моихъ мученіяхъ, въ чаяніи утѣшенія отъ тебя, приписываю наши страданія дурной жизни, неаккуратности... Знаешь ли, Мишель, что эта нравственная переписка была началомъ нынѣшней, и что нынѣшняя есть ея продолженіе или окончаніе. Да, это такъ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя отвѣта,—и получаю его. Съ полученіемъ этого отвѣта началась новая эпоха нашей дружбы. Ты вырвался изъ душной атмосферы конечнаго разсудка, конечнаго произвола и конечной воли—и перешелъ въ свободный элементъ благодати и былъ гордъ своею новою жизнью. Но этотъ переходъ былъ неполонъ и ты не расчелся съ прошедшимъ, потому что впослѣдствіи много (хотя и меньше) повторялось прошедшаго, и сверхъ того въ тонѣ письма твоего мнѣ показалось много со-

---

[1]) Въ числѣ записочекъ Ефремова къ Бѣлинскому и обратно, помѣщенныхъ въ собраніи писемъ Бѣлинскаго, издан. Е. А. Ляцкимъ (т.I, стр. 377) есть слѣдующая, относящаяся какъ разъ къ моменту его выѣзда на Кавказъ:

„Бѣлинскій! когда ты будешь у Бееровыхъ, спроси у нихъ Histoire de la révolution francaise Mignet, да напиши мнѣ, когда, въ которомъ часу мы выѣзжаемъ, потому что сегодня послѣ обѣда я долженъ нанять вольныхъ лошадей до Тулы. Не забудь квартальнаго. А. Еф.".

Отвѣтъ Бѣлинскаго:

„Выѣзжаемъ въ 3 часа ночи. Зачѣмъ вольныхъ лошадей до Тулы? Короче: нельзя ли тебѣ сію же минуту забѣжать ко мнѣ?"

всѣмъ неблагодатнаго. Особенно поразила меня легкость, съ которою ты говорилъ въ немъ о своемъ намѣреніи разстаться съ нами передъ нашимъ разъѣздомъ и намекалъ, что это и всегда будетъ тебѣ легко сдѣлать, если мы не будемъ понимать другъ друга, а это у тебя значило: если не будемъ думать одно.

«Меня обдало холодомъ, и тутъ *въ первый разъ* проникло въ мою душу сомнѣніе въ дѣйствительности нашей дружбы. Я вспомнилъ, что за разность убѣжденія ты очень легко разрывалъ и не *такія* связи... вспомнилъ одно письмо... обморокъ... удовольствіе, съ какимъ ты писалъ это письмо и читалъ мнѣ... и проч... [1]). Въ первый разъ ясно представилось мнѣ, что *идея для тебя дороже человѣка*. На словахъ я и самъ *часто* думалъ то же: но на дѣлѣ всегда поступалъ иначе. Я началъ свои нравственныя письма къ тебѣ, и, по случаю болѣзни Клюшникова, выразилъ мои понятія о томъ, что человѣкъ дороже идеи, и что основаніемъ дружбы, какъ и всякой любви, должна быть безсознательная симпатія, *влеченіе*, родъ недуга. Я возвратился въ Москву. Переписка моя съ тобою продолжалась. Наконецъ, я получилъ отъ тебя письмо, изъ котораго увидѣлъ ясно, что и ты умѣешь сознавать и признавать въ себѣ свои темныя и черныя стороны. Изъ него же я узналъ и причину твоей враждебности ко мнѣ,—и простилъ тебя [2]). Ты сталъ великъ въ глазахъ моихъ своимъ признаніемъ, и я только тогда убѣдился, что ты въ *самомъ дѣлѣ* находишься въ состояніи благодати. Благодатное состояніе духа родитъ и благодатныя дѣйствія. Кромѣ того я услышалъ отъ тебя признанія, которыя выговариваются *только друзьямъ*. Я заплатилъ тебѣ такимъ же признаніемъ [3]). Отношенія наши опять пошли хорошо, и лучше, чѣмъ когда-либо, потому что я узналъ о твоей ко мнѣ дружбѣ по *фактамъ*, а не по *разсужденіямъ*, а вѣдь эти вещи часто разногласятъ. Въ своей же дружбѣ къ тебѣ я никогда не сомнѣвался...

---

[1]) Вѣроятно одно изъ писемъ къ Нат. Андр. Беeръ.

[2]) Читатель помнитъ, что причина эта заключалась въ безосновательномъ ревнованіи Мишелемъ Татьяны Александровны къ Бѣлинскому.

[3]) Они исповѣдывались въ этихъ письмахъ другъ другу во всѣхъ порокахъ юности своей, дѣйствительно ничего не скрывая. Часть этихъ признаній напечатана въ перепискѣ Бѣлинскаго, изд. Е. А. Ляцкимъ, въ 1914 г. (т. I, стр. 157).

«Ты пріѣхалъ, переѣхалъ ко мнѣ, раздѣлилъ со мною все, что у тебя было, и еще такъ, что большую часть предоставилъ мнѣ. Я тратилъ твои деньги—и это было для меня пыткою, но не потому, чтобы меня тяготило твое одолженіе, а потому, что меня тяготило твое положеніе, будущность котораго была очень плоха со стороны внѣшней жизни, въ которой безъ денегъ плохо.

«Ты предвидѣлъ поѣздку въ Премухино и хотѣлъ уберечь нужную для нея сумму денегъ. Я тебѣ сказалъ, что ихъ нѣтъ, что намъ нечѣмъ жить—и ты вмѣсто того, чтобы сдѣлать хоть какую-нибудь гримасу, въ грустномъ раздумьи сталъ ходить по комнатѣ и пѣть «безъ разуму люди», что я очень любилъ слышать.

«Никогда я не видалъ отъ тебя столько любви ко мнѣ, въ твоей непосредственности столько благородства, въ твоей душѣ такого широкаго размета, во всей твоей индивидуальности, и внутренней и внѣшней, такой поэзіи, такой *львообразности,*—какъ въ этотъ день. Воспоминаніе о немъ всегда будетъ живо во мнѣ и подъ этою формою ты всегда будешь существовать для меня. Еще передъ этимъ у меня были съ тобою нѣкоторыя объясненія, въ которыхъ ты принялъ такое участіе, что я еще больше убѣдился въ твоей любви ко мнѣ. Словомъ, наша дружба никогда не была въ лучшемъ состояніи, какъ тогда. *Не говорю уже о томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое ты имѣлъ на меня уничтоженіемъ нравственной точки зрѣнія во имя благодати, сообщеніемъ идей, которыхъ я безъ тебя и теперь бы не зналъ* [1]).

«Повѣрь, Мишель, что мнѣ не только не тяжело и не трудно, но даже легко и пріятно признаваться въ этомъ.

«Одно только подгадило наши тогдашнія отношенія: это твоя шутка, въ которой высказалась вполнѣ вся дурная и грязная сторона твоей непосредственности и отъ которой меня и теперь тошнитъ—это нахожденіе большого сходства одной особы съ Беттиной и никакого во мнѣ съ Гете. Конечно, это правда, но зачѣмъ же было это говорить, зная мои отношенія къ этой особѣ, какъ будто бы оно и безъ того такъ не стояло?..»

Предѣлъ этому періоду расцвѣта дружбы Бѣлинскаго съ

---

[1]) Въ послѣдней фразѣ курсивъ принадлежитъ мнѣ. *А. К.*

Мишелемъ, во время котораго Бакунинъ, несомнѣнно, успѣлъ сообщить Бѣлинскому всѣ свои идеи, почерпнутыя имъ изъ первоначальнаго знакомства своего съ Гегелемъ, — положенъ былъ вступленіемъ Бѣлинскаго на службу въ Константиновскій межевой институтъ преподавателемъ русскаго языка и словесности, къ чему Бѣлинскій принужденъ былъ крайней степенью нужды, до которой онъ дошелъ въ это время, и чего совершенно не могъ переварить Бакунинъ [1]).

Впрочемъ, кажется, не это обстоятельство послужило тогда *главною* причиною ихъ расхожденія. Главная причина заключалась, повидимому, въ спорахъ изъ-за руководительства журналомъ, который въ это именно время Бѣлинскому удалось получить въ свое завѣдываніе. Это былъ *Московскій Наблюдатель*, который былъ въ то время пріобрѣтенъ типографомъ Степановымъ отъ прежнихъ его издателей. Взять мѣсто преподавателя въ институтѣ принудила Бѣлинскаго нужда въ матеріальныхъ средствахъ; приглашеніе же въ руководители *Московскаго Наблюдателя* давало Бѣлинскому ту арену для приложенія его литературныхъ дарованій, по которой онъ такъ тосковалъ со времени закрытія *Телескопа* Надеждина.

Вначалѣ Бакунинъ, повидимому, не относился враждебно къ этому новому литературному предпріятію своего друга. Напротивъ, онъ самъ собирался дѣятельно въ немъ участвовать, какъ это видно изъ письма его къ сестрамъ, приведеннаго въ предшествующей главѣ. То же самое видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ Беерамъ отъ 13 марта 1838 года.

«Добрые друзья, — писалъ онъ тутъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Шашкина, — я вамъ не писалъ прошедшій вторникъ [2]); у меня теперь такъ много различныхъ хлопотъ и заботъ: хлопоты о поѣздкѣ за границу, хлопоты о Бетинѣ [3]), не говоря уже о многихъ главныхъ задушевныхъ занятіяхъ, и кромѣ этого хлопоты о *Наблюдателѣ*. Это васъ удивляетъ, не правда ли! *Наблюдатель* и мы — странно!

Шевыревъ изъ него изгнанъ нашими единомышленниками и

---

[1]) Сравн. *А. Н. Пыпина*: „Жизнь и переписка Бѣлинскаго“, ч. I, стр. 228 и слѣд. (1-ое изд.).

[2]) Вѣроятно, вторникъ былъ почтовый день для писемъ въ Шашкино.

[3]) Т.-е. о переводѣ Бетины (Tagebücher), который онъ собирался тогда издать со своимъ предисловіемъ.

мы вступаемъ во владѣніе его. Онъ (т.-е. Шевыревъ. А. К.) слишкомъ много вралъ, пора было замолчать. Теперь-то запоютъ соловьи: Виссаріонъ написалъ уже длинную и краснорѣчивую пѣснь и я также. Моя статья будетъ первая и подъ нею написано: «Михаилъ Бакунинъ». Мое имя будетъ въ первый разъ напечатано [1]). Это мое первое вступленіе на литературное поприще. Es ist Zeit zu sprechen, ich habe auch meine gute Anfang gemacht. Мы вамъ пришлемъ *Наблюдателя*. Онъ будетъ въ зеленой обверткѣ въ *надеждѣ* на будущія блага».

Тогда же Мишель писалъ и брату своему Николаю, чтобъ онъ непремѣнно досталъ себѣ первую книжку *Наблюдателя* въ зеленой обложкѣ [2]).

О Бѣлинскомъ онъ въ это именно время писалъ сестрамъ: «Виссаріонъ вамъ кланяется, у него теперь есть дѣло и онъ совершенно ожилъ и лицо его сіяетъ, какъ майское солнце».

Но въ маѣ отношеніе Бакунина къ журналу Бѣлинскаго рѣшительно измѣнилось въ неблагопріятную для Бѣлинскаго сторону. Что тутъ подѣйствовало на Мишеля—по имѣющимся у меня матеріаламъ невозможно рѣшить. Можетъ быть, занимаясь писаніемъ предположенныхъ имъ для *Наблюдателя* статей, онъ сознал свою неподготовленность и перенесъ это сознаніе и на Бѣлинскаго. Можетъ быть, онъ разошелся въ чемъ-нибудь съ Бѣлинскимъ во взглядахъ на содержаніе журнала, хотя на это нѣтъ никакого намека въ сохранившихся письмахъ Бѣлинскаго.

Какъ бы то ни было, онъ вдругъ объявилъ Бѣлинскому, что признаетъ его совершенно неподготовленнымъ къ редактированію журнала по недостатку въ немъ «объективнаго наполненія», и, кажется, убѣдилъ въ этомъ и другихъ общихъ друзей, по крайней мѣрѣ Боткина.

Вотъ какъ описываетъ это самъ Бѣлинскій въ письмѣ своемъ отъ 12 октября 1838 г.:

«...я *почувствовалъ*, что противъ меня образуется сепаративная коалиція, что обо мнѣ начинаются толки и пересуды, что моя особа подвергается анализу. Мѣсяцемъ раньше это меня

---

[1]) Это не точно. Имя его было напечатано и подъ переводомъ лекцій Фихте „О назначеніи ученыхъ“ въ *Телескопѣ* за 1835 г., т. XXX. Но съ собственной оригинальной статьей онъ выступилъ, дѣйствительно, впервые.

[2]) Старый Шевыревскій *Наблюдатель* выходилъ въ желтой обложкѣ.

зарѣзало бы: но во мнѣ уже совершился великій прогрессъ духа, и я въ первый разъ созналъ свою силу, самобытность и *дѣйствительность* (*свою*, Мишель). Ты приходишь ко мнѣ и объясняешь, что не имѣемъ права писать и печататься по недостатку объективнаго наполненія и дѣйствительности, а главное, потому что ни одинъ изъ насъ не можетъ опредѣлить ни музыки, ни поэзіи такъ, чтобы послѣ насъ никому не осталось объ этомъ сказать ни слова.

«Но ты поздно пришелъ ко мнѣ съ этими идеями и не разсчелъ, что онѣ могли быть истинны только для тебя, какъ выраженіе твоего моментальнаго состоянія. Моя діалектика была слаба передъ твоею, но во мнѣ были уже слишкомъ сильны, глубоки и *дѣйствительны* нѣкоторыя убѣжденія—и я дѣлалъ свое безъ помѣхи, съ жаромъ и энергіей, нимало не чувствуя вліянія твоихъ построеній.

«Тутъ я сдѣлалъ одну ошибку: мнѣ бы, зная превосходство твоей діалектики надъ моею, не надо было входить съ тобою въ споры, но я не остерегся и часто невольно предавался досадѣ и выходилъ изъ себя, приведенный въ бѣшенство твоими парадоксами и безсиліемъ поколотить тебя на нихъ. Ты дошелъ до того, что сталъ наказывать меня явнымъ презрѣніемъ и присоединилъ къ коалиціи Аксакова. Я все видѣлъ,—грустилъ, но уже не унывалъ, не предавался апатіи, потому что нашелъ силу опереться на самого себя. Тутъ я написалъ письмо къ Станкевичу, изъ котораго ты увидѣлъ, что немножко поспѣшилъ своимъ заключеніемъ обо мнѣ, что я не такой пошлякъ, какимъ ты меня хотѣлъ сдѣлать и для тебя и для другихъ, и что, наконецъ, мое чувство было не такъ гадко и отвратительно, чтобы на него можно было только плевать. Ты въ этомъ сознался. Сказалъ мнѣ, что въ послѣднее время нашей жизни съ тобою отношенія наши опошлились. Я далъ тебѣ замѣтить, что вольно же было тебѣ ихъ опошливать».

Повидимому, именно къ этому моменту относится слѣдующее письмо Бѣлинскаго, на которомъ нѣтъ даты:

«Любезный Мишель, съ удивленіемъ и радостью узналъ я, что ты съ Боткинымъ объяснялся, почему же ты не хочешь объясниться со мною! Ты боишься, что я пущусь въ мелочи? Стыдно, Мишель, тебѣ такъ грубо не понимать меня: не я ли

писалъ къ тебѣ (въ томъ письмѣ, изъ котораго ты увидалъ, что я люблю тебя истинно), что «съ тѣхъ поръ, какъ ты сознался въ своей непросвѣтленной непосредственности, я уже не почитаю себя въ правѣ говорить тебѣ объ ней, потому что всякія съ моей стороны повторенія на этотъ предметъ показали бы не любовь къ истинѣ и не желаніе добра тебѣ, а желаніе оскорблять и мучить тебя»? Ясно ли? Ежели я тебѣ высчитывалъ по мелочамъ факты твоей непосредственности— я дѣлалъ это съ цѣлью: я хотѣлъ подать такое зеркало, въ которомъ ты бы увидѣлъ не только пятна, но и едва замѣтныя крапинки души своей. И я достигъ моей цѣли: ты написалъ ко мнѣ, что все, въ чемъ я ни обвинялъ тебя, правда, что твоя непосредственность гадка, но что все это я высказалъ тебѣ съ любовію, почему ты ничѣмъ этимъ и не оскорбился. Нынче ты Боткину сказалъ, что твоя непосредственность была точно гадка. Но что ты это созналъ глубоко въ самомъ дѣлѣ, это доказывается твоею благородною рѣшимостью исправиться, что очень видно. Не правъ ли же я? А между тѣмъ повторяю тебѣ: если я въ письмѣ не повторялъ тебѣ однажды высказаннаго (потому что ты въ этомъ согласился со мною), то за какого же ты скота почитаешь меня, думая, что я буду столько неделикатенъ, грязенъ, чтобы говорить тебѣ въ глаза о такихъ мелочахъ, которыя совершенно пусты и ничтожны, но только потому важны, что принадлежали *тебѣ*. Что я не отвергалъ въ тебѣ ни глубокой души, ни глубокаго ума, однимъ словомъ какого-то глубокаго основанія—это также ясно, и если ты утверждаешь противное, значитъ ты не читалъ моихъ писемъ или не понялъ ихъ. Что я тебя любилъ—этому лучшимъ доказательствомъ служитъ мое противъ тебя возстаніе: изъ чего я стану ссориться и говорить рѣзкія истины (т.-е. то, что мнѣ кажется истиною) такому человѣку, который мнѣ чуждъ? Нѣтъ, Мишель, ты не понялъ меня. Не хочу изслѣдовать, кто въ этомъ виноватъ—время обнаружитъ это; но мнѣ больно, обидно встрѣчаться съ тобою pour sauver les apparences, и я теперь еще слишкомъ люблю и уважаю тебя, чтобы выдерживать съ тобою такую пошлую, *свѣтскую* роль. Загляни къ себѣ въ сердце, спроси себя—значу ли я что-нибудь для тебя: если получишь отрицательный отвѣтъ, то скажи или напиши мнѣ, что между нами *все кончено*; если же наша прежняя

дружба имѣла истинную основу, хотя и нелѣпую форму, и если я для тебя что-нибудь значу, то не ребячься со мною, поступи какъ взрослый человѣкъ. Прежняго не воротишь, да и не нужно: но и для насъ предстоитъ лучшее новое. Наша ссора для насъ имѣла благодѣтельныя послѣдствія: мы теперь можемъ жить вмѣстѣ, не мѣшая другъ другу, мы оглянулись на себя, много съ себя свергли дрянного, лучше поняли и себя и жизнь. Знаю, что отношенія не устраиваются людьми, а возникаютъ сами собою, и потому не хочу условливаться съ тобою въ нашихъ отношеніяхъ: смотри на меня, какъ на добраго малаго, у котораго есть общія съ тобою стороны, въ которыхъ онъ можетъ съ тобою дѣлиться. Я буду смотрѣть на тебя такъ же. Выйдутъ изъ этихъ отношеній новыя, лучшія, или мы останемся все при нихъ—что намъ до этого? Пусть все будетъ такъ, какъ будетъ. По крайней мѣрѣ, мы оба поступимъ не какъ дѣти, но какъ взрослые. Ты говоришь, что мнѣ необходимо объективное наполненіе, я говорю, что необходимо только то, что является какъ потребность, необходимо условливающее собою удовлетвореніе: останемся каждый при своемъ мнѣніи. Я нападалъ на тебя не за твой образъ мыслей объ этомъ предметѣ, а за то, что ты не позволялъ мнѣ имѣть своего и презиралъ меня за него. Но теперь это кончено: я могу съ тобою даже говорить объ этомъ, и буду съ уваженіемъ слушать твои доводы, только требуя отъ тебя того же. Трудно было первое мое свиданіе съ тобою, трудно по двумъ причинамъ, очень хорошо тебѣ извѣстнымъ. Когда ты ушелъ отъ Боткина, я былъ радъ, съ меня спала тяжесть. Это отъ того, что я увидѣлъ, что ты пришелъ къ намъ для *аппарансовъ*, которые я ненавижу больше явной и безстыдной подлости, когда они употребляются съ людьми, а не со скотами. Но второе свиданіе (въ паркѣ) было для меня лучше: ты былъ проще. Но когда ты былъ у меня, когда ты сказалъ мнѣ, что твои пріѣдутъ въ Москву послѣ отъѣзда Варвары Александровны, то у меня вся душа встрепенулась отъ какого-то сладкаго, дружелюбнаго чувства къ тебѣ: мнѣ показалось, что ты спѣшишь меня обрадовать извѣстіемъ, что они остановятся не у Полторацкихъ, что освобождало меня отъ адской муки [1]). Не знаю,

---

[1]) Тутъ рѣчь идетъ о домѣ того самаго А. М. Полторацкаго, женатаго на сестрѣ А. М. Бакунина Татьянѣ Михайловнѣ, который писалъ подъ псевдо-

вѣрно ли было мое чувство и не обманулся ли я въ значеніи твоихъ словъ и намѣренія, съ какимъ они были сказаны; но вотъ тебѣ фактъ: мое сердце быстро повернулось къ тебѣ. Но твои отношенія съ Аксаковымъ набрасывали ужасную тѣнь на тебя: намъ всѣмъ казалось, что ты его ненавидишь. Теперь я узналъ, что ты и съ нимъ хочешь объясниться—и мнѣ стало легче.

«Мишель, полно ребячиться.—приходи ко мнѣ завтра пораньше. Я буду одинъ, а встаю я рано. Объяснимся. Увѣряю тебя, что если бъ ты самъ заговорилъ о мелочахъ, то я остановилъ бы тебя. А намъ есть въ чемъ объясниться: ты во многомъ меня и всѣхъ насъ не понялъ. Я не буду нападать на тебя—я буду защищаться. Но главное не въ вопросахъ—кто правъ и кто виноватъ: вопросъ этотъ рѣшитъ время. Все ложное и призрачное исчезнетъ, а истинное останется и войдетъ въ жизнь. Знаю, что и мы передъ тобою были неправы (иначе и быть не могло), я написалъ къ тебѣ два оскорбительныя письма,—оскорбительныя и по содержанію и по формѣ: ты знаешь причину этого—она извинительна, Мишель; но отъ этого тебѣ не легче. Итакъ, мы всѣ еще находимся подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого событія, все еще больны ранами, которыя оно нанесло намъ—поэтому мы всѣ не можемъ еще быть судьями въ этомъ дѣлѣ: судъ требуетъ безпристрастія, а больные всегда пристрастны. Итакъ, къ чорту всѣ разбирательства правоты и неправоты; объяснить кое-что непонятное съ той или другой стороны—это другое дѣло. И въ такомъ случаѣ я тебѣ предоставляю роль обвинителя, а на себя беру роль отвѣтчика, и не позволю себѣ говорить ни о чемъ, что тебя оскорбляетъ. Не прошедшихъ, но настоящихъ отношеній уясненіе—вотъ что всего важнѣе. Э, Мишель, право, мы всѣ не такъ худы, какъ думаемъ другъ о другѣ; мы всѣ другъ друга любимъ и уважаемъ—такъ къ чему же пустымъ ребячествомъ ставить между собою преграды. Все хорошо, все благо,—и наша ссора—хвала ей. Ты уже входишь въ истинную дѣйствительность, ты себя перерабатываешь дѣятельно и

нимомъ Дормидонта Прутикова и котораго Бѣлинскій жестоко раскритиковалъ, а потому не хотѣлъ съ нимъ встрѣчаться и, тѣмъ болѣе, бывать у него въ домѣ.

сильно; а вслѣдствіе чего? Будь наши письма тихи, кротки— и что бы вышло? Длинная, безконечная и безплодная переписка. Но довольно: можетъ быть, завтра переговоримъ больше. Жду тебя часовъ въ 7 утра и увѣренъ, что ты пріѣдешь.

Твой *В. Б.*»

Свиданіе это, повидимому, произошло, и перемиріе было заключено. Но послѣ этого внѣшняго примиренія натянутость отношеній Бакунина съ Бѣлинскимъ продолжалась, продолжались и пересуды о Бѣлинскомъ между друзьями.

«Послѣ ораторіи Paulus,—пишетъ Бѣлинскій въ письмѣ отъ 12 октября 1838 г.,—были толки о томъ, что бы значило, что музыка не производитъ на меня никакого впечатлѣнія; а такъ какъ впечатлѣніе отъ всякаго произведенія искусства есть не что иное, какъ музыкальное состояніе, то и должно быть, что у меня нѣтъ эстетическаго чувства. Я видѣлъ, что ужъ подбираются къ моей сущности и хотятъ ее понемножку распечатать...

«...Попрежнему стихи Гете

Лишь тотъ и жизни и любви достоинъ
Кто каждый день ихъ съ бою достаетъ,

читались съ припѣвомъ: «Бѣлинскому это не нравится», и вообще съ нѣкоторою ироническою улыбкою на мой счетъ.

«Но я былъ въ новомъ для меня состояніи, — я торжествовалъ свѣтлый праздникъ воскресенья, въ которомъ не было ни тѣни горя и грусти, но одна чистая, безграничная и святая радость, — словомъ, это было лучшее время моей жизни, цвѣтъ моего бытія — и я былъ слишкомъ далекъ (отъ того), чтобы обращать вниманіе на подобныя выходки и смущаться ими.

«Только ложное положеніе и мучительное состояніе Боткина минутами огорчали меня, но такъ какъ я слишкомъ хорошо понималъ источникъ его страданій и никогда не сомнѣвался въ его дружбѣ ко мнѣ, то и сидѣлъ у моря дожидая погоды. Предчувствія и ожиданія не обманули меня: съ грустью объявилъ ты мнѣ, что и съ Боткинымъ твои отношенія опошлились, что онъ питаетъ къ тебѣ какую-то враждебность. Я не обрадовался этому, но мнѣ стало тебя искренно жаль. Пришелъ

Боткинъ, — и на его лицѣ я прочелъ невыразимое страданіе духа—вслѣдствіе ложнаго положенія. Я подошелъ и сказалъ. что вылѣчу его. Я сдѣлалъ это съ такимъ движеніемъ, которое произвело на тебя эффектъ. Боткинъ послалъ къ тебѣ свое желчное письмо, въ которомъ довольно удачно и вѣрно объективировалъ для тебя нѣкоторыя твои стороны. Я послалъ комментаріи къ этому письму. То и другое было для тебя неожиданно; въ томъ и другомъ было много правды: но то и другое не испугало тебя за себя, а только взбѣсило. Ты сталъ доказывать, что со мной твоя дружба была основана на сродствѣ нашихъ сущностей. а Боткинъ къ тебѣ присталъ.—«Я его хвалилъ. а онъ меня»—писалъ ты.—Какъ мнѣ было понимать тебя? Какъ мнѣ было понимать твою дружбу къ кому бы то ни было? Тогда я принялъ этотъ поступокъ за подлость: теперь въ немъ вижу доказательство, что у тебя съ Боткинымъ въ самомъ дѣлѣ никогда не было дружбы. и что онъ тебя, а не ты его любилъ: жаль только, что эту истину ты выговорилъ въ самой пошлой формѣ. Это обстоятельство накинуло тѣнь на твои ко мнѣ дружескія отношенія и значительно посбавило съ нихъ цѣну. Кому легко развязаться съ однимъ, тому не трудно раздѣлаться и съ другимъ. Кто играетъ такимъ словомъ, какъ дружба, тому ничего не стоитъ играть и друзьями, а согласись, что быть игрушкою очень не лестно.

«Наконецъ, ты пріѣхалъ въ Москву. По трепету, съ какимъ я встрѣчался съ тобою, я видѣлъ, что еще люблю тебя. но ты только узналъ, что нисколько меня не любишь. Въ этотъ-то пріѣздъ ты отпустилъ Боткину свою знаменитую фразу: «*Васинька съ Висяшей вздумали меня учить*» — фраза, которая обнаруживала, въ какихъ отношеніяхъ ты всегда почиталъ себя съ нами.—А почему же не поучить, Мишель. если есть чему поучить? Вѣдь мы охотно учились у тебя. Авторитетъ и дружба—вода и огонь, вещи разнородныя и враждебныя. Равенство—условіе дружбы. Пока мнѣ нуженъ былъ твой авторитетъ, я несъ его и не почиталъ авторитетомъ, а возставалъ только противъ непосредственности. когда она была несносна. Когда же авторитетъ болѣе сталъ не нуженъ,—тогда онъ сдѣлался тяжкимъ. обиднымъ и унизительнымъ игомъ, и я сбросилъ, стряхнулъ его. Авторитетъ налагается непосредственно. безсознательно: когда же съ нимъ лѣзутъ, то становятся не-

сносны и смѣшны. Станкевичъ никогда и ни на кого не накладывалъ авторитета, а всегда и для всѣхъ былъ авторитетомъ, потому что всѣ *добровольно* и *невольно* признавали превосходство его натуры надъ своею [1]). Въ этомъ смыслѣ авторитетъ — *иго благое и бремя легкое.* Вообще дѣло въ томъ, чтобы его признали другіе сами; когда же онъ навязывается, то лопается самъ собою. Равнымъ образомъ и превосходство человѣка признается другими, а ему самому (часто, если не всегда) менѣе всѣхъ бываетъ извѣстно.

«Ты уѣхалъ, сталъ писать къ Боткину, ко мнѣ—нѣтъ. Наконецъ пріѣхало въ Москву твое семейство (въ серединѣ іюня 1838 г. *А. К.*). Увидѣвшись съ ними, я сейчасъ отправился къ Боткину и прочелъ у него письмо о небесной дружбѣ (это письмо не сохранилось. *А. К.*), изъ которой я былъ выключенъ. Я имѣю причины и нераздѣленную любовь не почитать дѣйствительною, но нераздѣленная дружба, гдѣ *одинъ страдаетъ, другой не понимаетъ*, показалась мнѣ чѣмъ-то смѣшнымъ и комическимъ. Но потому ли, что я все искренно любилъ тебя, или потому, что мнѣ (вслѣдствіе моей натуры) труднѣе, нежели кому-нибудь разрывать связи, которыя я почиталъ кровными, или по оскорбленному самолюбію, или, наконецъ, по всему этому вмѣстѣ взятому, — только выключеніе тобою меня изъ числа твоихъ друзей такъ живо тронуло и оскорбило меня, что Боткинъ сталъ меня утѣшать всѣми доводами логики. Можетъ быть, меня особенно оскорбило твое мнѣніе, что со мною можно имѣть только *земную* дружбу, какъ есть женщины, къ которымъ можно чувствовать только земную любовь,—и это тѣмъ болѣе могло оскорбить меня, что я чувствовалъ въ этихъ словахъ выговариваніе твоего истиннаго мнѣнія обо мнѣ, какъ о явленіи...

«Но, проснувшись на другое утро, я вдругъ ощутилъ себя въ свободномъ элементѣ жизни, гдѣ исчезаютъ всѣ мелочности, случайности, гдѣ все понимаешь, все любишь. Не знаю, было ли то пробужденіе моей прежней любви къ тебѣ, или объективное созерцаніе тебя, какъ чуднаго и прекраснаго явленія жизни, внѣ всякихъ отношеній ко мнѣ,—только сердце мое забилось живою, трепетною любовью къ тебѣ, которая вполнѣ

---

[1]) Сравн. аналогическое свидѣтельство о Станкевичѣ *К. С. Аксакова* въ его „Воспоминаніяхъ студентства".

и выразилась въ моемъ письмѣ къ тебѣ, которое ты получилъ черезъ нихъ»...

Письмо, о которомъ здѣсь упоминаетъ Бѣлинскій, являлось въ сущности изображеніемъ второй части его неудачнаго романа съ сестрой Мишеля Александрой Александровной, или, точнѣе говоря, той душевной драмы, которую Бѣлинскій переживалъ въ это время.

Это письмо чрезвычайно любопытно въ психологическомъ отношеніи, потому что по письму этому можно превосходно прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ проснувшагося вновь чувства Бѣлинскаго къ Александрѣ Александровнѣ у него совершенно измѣняется отношеніе и къ Мишелю, причемъ самъ Бѣлинскій въ этой причинѣ измѣненія своихъ чувствъ къ Мишелю едва ли могъ тогда дать себѣ точный отчетъ.

Бакунины — Варвара Александровна-старшая съ двумя дочерьми Татьяной и Александрой Александровнами—вскорѣ послѣ отъѣзда за границу Варвары Александровны-младшей, въ іюнѣ 1838 года, поѣхали въ Москву и тамъ провели болѣе двухъ недѣль. Бѣлинскій почти ежедневно все это время видѣлся съ ними. Письмо его, начатое 20 іюня, столько же касается отношеній его къ Мишелю, сколько и отношенія его къ сестрамъ Мишеля и, въ частности, къ предмету его любви—Александрѣ Александровнѣ: оно проникнуто глубокимъ, за душу хватающимъ лиризмомъ и въ высшей степени художественно по формѣ,—какъ всѣ письма Бѣлинскаго. Но предоставимъ слово самому Бѣлинскому.

«Чудная вещь жизнь человѣческая, любезный Мишель!—такъ начинается это письмо.—Никогда такъ не стремилась къ ней душа моя и никогда такъ не ужасалась ея. Въ одно и то же время я вижу въ ней и очаровательную дѣвушку и отвратительный скелетъ. И хочется жить и страшно жить, и хочется умереть и страшно умереть. Могила то манитъ меня къ себѣ прелестью своего безпробуднаго покоя, то леденитъ ужасомъ своей могильной сырости, своихъ гробовыхъ червей, ужаснымъ запахомъ тлѣнія.

«Тебя удивляетъ, Мишель, эта прелюдія? Она и меня удивляетъ. И не знаю, съумѣю ли высказать тебѣ все, что занимаетъ теперь мою душу. Не думай, чтобы это относилось только къ пріѣзду твоихъ въ Москву давно ожидаемыхъ пре-

мухинскихъ гостей: нѣтъ, въ моей душѣ теперь большая сложная исторія. Она такъ запутана, что я не знаю, какъ и распутать ее. Но начало ея скрывается въ моихъ къ тебѣ отношеніяхъ, въ нашей недавней размолвкѣ. Съ нея и начну я.

«Не думай, Мишель, что я захотѣлъ завести снова старые споры и счеты. Нѣтъ, это будетъ новое, хотя и о старомъ, потому что все старое только теперь предстало мнѣ объективно. Мишель, я былъ, я стоналъ подъ твоимъ авторитетомъ. Онъ былъ тяжелъ для меня, но и необходимъ. Я освободился отъ него только 16 числа этого мѣсяца, т.-е. почувствовалъ мое освобожденіе. Въ полемическихъ письмахъ моихъ къ тебѣ я гордо, съ наслажденіемъ, съ похвальбою повторялъ, что твой авторитетъ свергнутъ съ меня: я обманывался. Я походилъ на мальчишку, который не можетъ безъ ненависти вспомнить о своемъ учителѣ, хотя уже и знаетъ, что этотъ учитель не смѣетъ болѣе драть его за уши. Я сердился, и потому былъ не правъ.

«Мишель, мы оба были не правы другъ къ другу. Мы нападали другъ въ другѣ не на опредѣленіе, не на тѣ недостатки и пошлости, которыя сбрасываются и стряхиваются, какъ пыль, но на наши субстанціи: мы заглянули въ таинственное святилище сокровенной внутренней жизни одинъ другого и заглянули съ тѣмъ, чтобы плюнуть туда, на этотъ святой алтарь. Ты отрицалъ во мнѣ святость моего чувства: взбѣшенный этимъ, я безсознательно, не замѣчая этого самъ, отрицалъ въ тебѣ всякую основу достоинства.

«Это была болѣзнь. Теперь я здоровъ. Это письмо пишу къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы узнать, здоровъ ли и ты.

«Мишель, ты исключилъ меня изъ круга твоихъ друзей, ты увѣрилъ себя, что у тебя со мною все кончено, что мы разошлись навсегда. Ты обманываешься, Мишель, ты несправедливъ къ себѣ. О, повѣрь мнѣ, что ты лучше, нежели ты о себѣ думаешь, что ты любишь меня, любишь глубоко и горячо...

«И я люблю тебя, Мишель, люблю тебя глубоко и горячо.

«Не надо говорить тебѣ, какое впечатлѣніе произвело на меня первое письмо твое къ Боткину. Сначала я взбѣсился, потомъ успокоился. Второе письмо твое, посланное съ Егоромъ, попалось ко мнѣ: я читалъ его блѣдный, трепеща всѣми членами. Но не письмо, а видъ Егора привелъ меня въ такое

состояніе. Письмо не могло произвести новаго впечатлѣнія, но еще болѣе укрѣпило старое. Это было въ Середу (15), я поѣхалъ къ твоимъ; безумный, воротился я къ Боткину и сказалъ ему: «Теперь то я вижу, что моя дружба съ Мишелемъ была—мечта, отрывокъ изъ фантастической повѣсти Гофмана, дьявольское навожденіе; теперь-то я вижу, что между нами все кончено—и очень этому радъ—мнѣ легче».

«Проснувшись на другое утро, я увидѣлъ въ новомъ свѣтѣ и себя, и тебя, и все прошедшее. Но некогда. Пріѣхалъ Ефремовъ. Сейчасъ идемъ къ твоимъ, чтобы съ ними идти въ Кремль, въ оружейную палату.

«Чудное дѣло письмо, Мишель: его надо или кончить за одинъ разъ, или совсѣмъ за него не приниматься. Теперь надо мнѣ продолжать начало, а начало-то и не годится...

«Сейчасъ воротился я съ прогулки. Были въ оружейной палатѣ и на Иванѣ Великомъ. Я былъ и счастливъ, и несчастливъ, и все отъ одной и той же причины. Нѣтъ, братъ,

Недоступно свята для людскихъ вождѣленій
Дорога для земли и ея наслажденій!

Грустно!...

«Нѣтъ, никакую женщину въ мірѣ нестрашно любить, кромѣ ея. Всякая женщина, какъ бы ни была она высока, есть женщина: въ ней и небеса, и земля, и адъ, а это чистый, свѣтлый херувимъ Бога живаго, это небо, далекое, глубокое, безпредѣльное небо, безъ малѣйшаго облачка, одна лазурь, осіянная солнцемъ.

«Но буду продолжать, что началъ. Да, Мишель, я теперь совершенно освободился отъ твоего вліянія — и снова люблю тебя, только люблю глубже, горячѣе прежняго. Любовь есть пониманіе: это я недавно постигъ. Простая истина, а я не зналъ ее!

«Наша ссора была благотворна. Причина ея заключалась въ нашемъ взаимномъ требованіи истинной дружбы и неспособности удовлетвориться призрачною. Взаимныя наши призрачности производили ревущіе, болѣзненные диссонансы въ прекрасной гармоніи, которую мы образовали взаимнымъ влече-

ніемъ другъ къ другу, взаимною потребностью другъ въ другѣ. Надо было чтобы все ложное, такъ долго скоплявшееся, прорвалось, какъ чирей. Я и теперь предвижу возможность такихъ переломовъ и потрясеній въ нашей дружбѣ, но уже въ другихъ формахъ. Нѣтъ, никогда не позволю я себѣ теперь сказать правды моему другу, если мнѣ пріятно или весело будетъ ее сказать. Кромѣ любви все призракъ и ложь, а любовь страдаетъ за недостоинство своего предмета и, плача, съ кротостью произноситъ свои приговоры. Кто не уважаетъ чужой личности, чужого самолюбія, тотъ можетъ только осуждать, а не исправлять. Ложно всякое слово, всякій звукъ, вырывающійся изъ страсти, а любовь не есть страсть: ея упрекъ есть жалоба, ея обвиненіе есть увѣщаніе, ея совѣтъ есть мольба. Да, Мишель, я чувствую, что я глубоко оскорбилъ тебя. Я не щадилъ твоихъ ранъ, я выбиралъ изъ нихъ самыя глубокія; я высказывалъ то, о чемъ достаточно было намекнуть; я съ подробностію высчитывалъ то, о чемъ самый намекъ горекъ. Но я не раскаиваюсь въ прошедшемъ: оно было выраженіемъ момента моего духа. Мнѣ надо было перейти черезъ этотъ моментъ, чтобы достичь до того, въ которомъ нахожусь теперь. Мы оба были въ ложномъ состояніи и потому не понимали другъ друга; хотѣли рѣшить вопросъ, а только больше запутывали его. Въ тебѣ было много пошлаго и гадкаго—правда: но ограниченность есть условіе всякой силы — это сказалъ нашъ добрый, нашъ святой Василій и сказалъ великую истину. Что такое Германія? съ одной стороны Фаустъ, Гете, Беттина, а съ другой—Вагнеръ, Менцель, Ретшеръ, съ одной—Вертеръ, а съ другой —Monsieur Пикаръ Либерофонкъ. Что такое Россія? Съ одной стороны богатырь, которому море по колѣно, а съ другой—пьяный мужикъ, который валяется въ лужѣ. Такъ и человѣкъ: его достоинство есть условіе его недостатковъ, его недостатки есть условіе его достоинствъ. Меня оскорбляло твое безграничное самолюбіе, а теперь оно для меня залогъ твоего высокаго назначенія, доказательство глубокости твоей субстанціи. Ты никогда не былъ доволенъ своимъ настоящимъ опредѣленіемъ, ты всегда его ненавидѣлъ и въ себѣ и въ другихъ. Переходя въ новый моментъ, ты требовалъ, чтобы и мы переходили въ него и ненавидѣлъ насъ, видя, что мы въ своемъ моментѣ, а не въ твоемъ. Это субъективность, ограниченность съ твоей

стороны, но сколько прекраснаго, святого, великаго въ этой субъективности, въ этой ограниченности. Въ моихъ глазахъ ты есть теперь ничто иное, какъ выраженіе хаотическаго броженія элементовъ. Твое я силится выработаться, но какъ ему суждено выработаться въ огромныхъ формахъ, то, естественно, что эта разработка для тебя болѣзненна: въ ней разрушеніе дѣлается для созданія; гніеніе для новой производительности. Твои странности, дѣтство, легкомысліе, пошлость—все это теперь для меня понятно. Ты былъ во многомъ неправъ ко мнѣ, но не къ личности, какъ я думалъ прежде, а вслѣдствіе моментальнаго состоянія твоего духа. Теперь я глубоко понимаю тебя и потому глубоко люблю тебя: любовь есть пониманіе, то святое и *органическое* пониманіе, гдѣ одно чувство безъ выговариванія, а если выговариваніе, то уже не отвлеченное, а такое, которое есть къ то же время и ощущеніе. Да, я теперь люблю тебя такимъ, каковъ ты есть, люблю тебя съ твоими недостатками, съ твоею ограниченностью, люблю тебя съ твоими длинными руками, которыми ты такъ граціозно загребаешь въ минуты восторга и изъ которыхъ одною (не помню — правою или лѣвою) ты такъ картинно, такъ образно, сложивши два длиннѣйшихъ перста, показываешь и доказываешь мнѣ, что во мнѣ спекулятивности нѣтъ «вотъ на столько»; люблю тебя съ твоею кудрявою головою, этимъ кладеземъ мудрости, и дымящимся чубукомъ у рта. Мишель, люби и ты меня такимъ, какъ я есть. Желай мнѣ безконечнаго совершенствованія, помогай мнѣ идти къ моей высокой цѣли, но не наказывай меня гордымъ презрѣніемъ за отступленія отъ нея, уважай мою индивидуальность, мою субъективность, будь снисходителенъ къ самой моей непросвѣтленности. Люби меня въ моей сферѣ, на моемъ поприщѣ, въ моемъ призваніи, каковы бы они ни были. Другъ Мишель, мы оба не знали, что такое уваженіе къ чужой личности, что такое деликатность, въ высшемъ, святомъ значеніи этого слова. Я теперь понимаю, какъ грубы, грязны, неделикатны были мои письма, какъ должны были они оскорблять тебя. Прости меня за нихъ — я умоляю тебя именемъ твоей святой любви, которая теперь такъ сладостно потрясаетъ и волнуетъ все существо мое. Въ благодатномъ царствѣ любви нѣтъ памяти оскорбленія — въ ней она замѣняется сладостью прощенія. Я простилъ тебя за все, потому

что понялъ необходимость всего, что было. Мое сердце горитъ любовію къ тебѣ. и съ какимъ бы упоеніемъ обнялъ я тебя въ эту минуту, я хотѣлъ бы опереться на твою мощь, попросить тебя, чтобы ты объяснилъ мнѣ самого меня, поддержалъ бы меня. Я боленъ, я страдаю — и чувствую въ тебѣ всю нужду и понимаю всю безконечность твоего значенія въ отношеніи ко мнѣ. Послѣ Станкевича я тебѣ больше всѣхъ обязанъ. По моей природѣ я противоположенъ тебѣ, но потому-то ты и необходимъ для меня. Для меня истина существуетъ какъ созерцаніе въ минуту вдохновенія, или совсѣмъ не существуетъ. *Ты*, ты сдѣлалъ ее для меня представленіемъ, подъ которымъ я разумѣю выговоренное созерцаніе. Ты внесъ въ мою жизнь мысль, которой я не люблю, но безъ которой нельзя жить, безъ которой чувство переходитъ въ хаосъ противорѣчій, пожираетъ само себя. У меня всегда была потребность выговариванія и бѣшенство на себя за эту потребность. Результатомъ этой борьбы должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни въ проблескахъ, восторгахъ мгновенныхъ и дняхъ, недѣляхъ апатіи смертельной. Такъ и было со мною въ Премухинѣ. Тамъ я лицомъ къ лицу, въ первый разъ, столкнулся съ мыслію—и ужаснулся своей пустотѣ. Это былъ ужасный періодъ моей жизни, но я теперь понимаю его необходимость и начинаю мириться даже съ моими статьями, въ которыхъ выразилась моя тогдашняя отвлеченность. Я страдалъ, потому что былъ благороденъ, я принесъ въ жертву моимъ конечнымъ опредѣленіямъ всѣ мои чувства, вѣрованія, надежды, свое самолюбіе, свою личность. Это было нужно: тотъ не любитъ истины, кто не хочетъ для нея заблуждаться и приносить ей въ жертву, какъ молоху все, чѣмъ живешь и радуешься...

«Прощай, Мишель. Шесть часовъ. Иду къ Лангеру. У него концертъ. Всѣ будутъ слушать слышимую музыку, а я буду созерцать видимую...»

«И я созерцалъ ее—но чтожъ? Вотъ уже половина перваго—все спитъ, а я не хочу и не могу спать. Мнѣ грустно — я хотѣлъ бы плакать, рыдать, да нѣтъ слезъ. Мишель, зачѣмъ я не могу поговорить съ нею хоть четверть часа, хоть десять минутъ, о чемъ-нибудь, хоть о пустякахъ, лишь бы слова мои

были выраженіемъ состоянія духа, а не наоборотъ. лишь бы они шли отъ души, а не прибирались мною. Съ нею говорилъ Ефремовъ и много другихъ, всѣ, кромѣ меня. Грустно, Мишель. Хочется умереть. Для меня существуетъ гармонія, есть своя доля, свой участокъ жизни, данный мнѣ добрымъ Богомъ, но только не тогда, когда я ее вижу... Боже мой, какъ я былъ счастливъ, блаженъ съ четверга Пасхи до твоего отъѣзда, сколько жизни, могучей жизни кипѣло во мнѣ во время бранной переписки съ тобою, а теперь?—То вниканіе, то смертельная тоска. Каждый день ее вижу, и для чего?... Я не могу выдти изъ созерцанія моего я, я не могу любоваться ею объективно, какъ чуднымъ, прекраснымъ созданіемъ Божіимъ: я могу или смотрѣть на нее безчувственно, апатически, или съ смертельною тоскою. Неужели не видѣть ее—есть условіе того небольшого счастья, которое еще дано на мою долю?...

«Я скоро заснулъ, но сонъ мой былъ тревоженъ. Ничего не видалъ во снѣ, но что-то безпрестанно безпокоило воображеніе. Я рѣшительно въ ложномъ положеніи: или въ состояніи равнодушія, очень похожемъ на бездушіе, или въ тоскѣ безотрадной, въ какомъ-то плаксивомъ созерцаніи своего дрянного я. Надо выдти изъ этого состоянія—но какъ?

Соловьемъ залетнымъ
Молодецъ засвищетъ
Безъ *пути*, безъ *свѣта*,
Свою долю сыщетъ.

«Хорошо бы такъ! Истинное блаженство состоитъ въ умѣніи все имѣть, всѣмъ обладать, ничего не имѣя, ничѣмъ не обладая. Какъ ничѣмъ? А развѣ не мое — это прекрасное небо, это лучезарное солнце, эта живая природа? Развѣ не мое все, что ни написалъ Пушкинъ, развѣ не мой Гамлетъ? Только надо умѣть сдѣлать это все своимъ. Вотъ тутъ-то и запятая. Вчера, напримѣръ, я, варваръ и профанъ въ музыкѣ, слушалъ Septuor Бетховена со слезами восторга на глазахъ, трепеталъ отъ звуковъ, которые такъ неожиданно и такъ сильно заговорили моей душѣ; а въ иное время я въ Пушкинѣ и Гамлетѣ вижу однѣ буквы—и больше ничего: охъ эти проклятые интервалы! Минуты созерцанія и промежутки одервененія! Долго ли

еще продолжится это? Да, Мишель, хочу попробовать опытомъ, тяжкимъ опытомъ рѣшить нашъ споръ: возстань моя воля и возьми сама собою то, что не дается, какъ благодать! Буду работать, — примусь за *объективное наполненіе*, какъ другіе принимаются за пьянство, ..., чтобы найти какой-нибудь выходъ. Если это будетъ безплодно, если я въ *послѣдній разъ* удостовѣрюсь, что воля—призракъ, то буду жить какъ-нибудь, утѣшая себя мыслію, что когда-нибудь не буду же жить.

«Обращаюсь, Мишель, къ прерванной матеріи—къ моимъ отношеніямъ къ тебѣ. Тебя удивитъ или раздосадуетъ, можетъ быть, то, что я сказалъ, что ненавижу мысль. Да, я ненавижу (ее), какъ отвлеченіе. Но развѣ можетъ она пріобрѣтаться, не будучи отвлеченною, развѣ мыслить должно всегда только въ минуты откровенія и въ остальное время ни о чемъ не мыслить. Я понимаю всю нелѣпость подобнаго предположенія, но моя природа враждебна мышленію, и только ты какъ-то могъ овладѣть мною и заставить меня обо многомъ подумать и подумать. Это было для меня и необходимо и благодѣтельно. Вотъ твое на меня вліяніе, вотъ чѣмъ (ты) вошелъ въ мою жизнь. Нѣтъ, Мишель, ты не навязалъ на меня свой авторитетъ: его наложило на меня могущество твоей мысли, безконечность твоего созерцанія. Многое понимаю я теперь глубоко и понимаю черезъ тебя. Теперь это мнѣ ясно Мое ожесточеніе противъ тебя произошло частію отъ личности, а частію отъ того, что я не хотѣлъ видѣть въ нихъ достоинства. Незаслуженное уваженіе ненадежно и ломко. Это и случилось. Конечно, въ этомъ виноватъ только одинъ я. Твоя вина состояла только въ излишней субъективности, въ излишней сосредоточенности въ себѣ и въ желаніи видѣть въ другихъ то, что происходило въ тебѣ. Теперь я знаю твои достоинства, знаю и твои недостатки: на первыя смотрю съ любовію и уваженіемъ, на вторые съ снисхожденіемъ, какъ на зло необходимое и—я вѣрю этому—преходящее. Мало того: ты достолюбезенъ для меня во многихъ изъ твоихъ недостатковъ, и то, что въ тебѣ такъ недавно приводило меня въ бѣшенство, теперь восхищаетъ меня своею достолюбезностью.

«Мишель, любить можно только субстанцію—я понимаю это:

но вѣдь субстанція сама по себѣ—призракъ: она узнается черезъ опредѣленіе. Въ человѣкѣ можно любить только его опредѣленіе, какъ выраженіе субстанціи. Какъ бы ни было пошло опредѣленіе человѣка, но если въ немъ хоть проблесками высказывается глубокая и могучая субстанція, — оно и любезно и достолюбезно. Знаешь ли отчего я обнаруживаю такое сильное ожесточеніе ко всѣмъ пошлымъ людямъ? Отъ того, что не могу говорить съ ними о пустякахъ, о вздорахъ. Съ человѣкомъ, котораго я почитаю человѣкомъ, я готовъ цѣлый день врать глупости, потому что знаю, что отъ глупостей могу перейти съ нимъ къ высшимъ интересамъ жизни, а отъ нихъ опять къ чему угодно—и во всемъ у меня съ нимъ будетъ интересъ. Я это говорю къ тому, чтобы показать тебѣ, что требую отъ человѣка не идеальности, а существенности, чтобы любить его Если я люблю его—его форма мнѣ мила и она заслоняетъ въ немъ содержаніе, какъ въ художественномъ произведеніи. Когда я былъ на Кавказѣ и съ грустью вспоминалъ о Б—нѣ [1], онъ всегда представлялся мнѣ съ своею лысиною, въ своемъ бархатномъ камзолѣ, съ своимъ веселымъ и добрымъ смѣхомъ, даже съ своимъ заносчивымъ «извинитесь». Въ его лысинѣ для меня тьма прелестей — я влюбленъ въ его лысину и его достолюбезность. Ты знаешь меня, знаешь, какъ много во мнѣ пошлаго и гадкаго. Но въ чемъ оно заключается? Подумай хорошенько и увидишь, что въ пустякахъ. Моя непосредственность гадка отъ того, что имѣю привычку говорить, когда ни о чемъ не хочется говорить, и потому прибѣгаю къ остроумію, котораго мнѣ не далъ Богъ и которое у меня является въ плоскостяхъ. Теперь это у меня исчезаетъ и скоро совсѣмъ исчезнетъ, потому что я учусь молчать, когда надо молчать, учусь дорожить словами, какъ выраженіемъ разума, и не смотрѣть на нихъ, какъ на празднословіе (?). Но когда, одушевленный негодованіемъ, я, съ обычною моею энергіею, выражаюсь сравненіями, которыя беру гдѣ ни попало и которыя не пропустила бы никакая общественная цензура, то Боткинъ отъ меня въ восторгѣ и видитъ въ этомъ мою достолюбезность и любитъ меня за нее. То же и Станкевичъ. Я понимаю это: оно такъ и должно быть. Только выраженіе пустоты въ чело-

---

[1]) о Боткинѣ.

вѣкѣ оскорбительно, и то по своей не эстетической формѣ. Да, Мишель, ты правду сказалъ, что мы всѣ славные ребята. Между нами не было той дружбы, которой намъ нужно, но всегда была сильная потребность ея—и она-то соединила насъ. Кого соединитъ Богъ, того никто и ничто не разлучитъ,—а насъ соединилъ Богъ. Въ біографіи Гофмана я вычиталъ, что Гофманъ не читалъ критикъ и рецензій на свои сочиненія и былъ къ нимъ совершенно равнодушенъ. Написавъ сочиненіе, онъ читалъ его своимъ друзьямъ; если оно нравилось имъ, его весь міръ не могъ переувѣрить, что оно дурно. Не то же ли и въ нашемъ кругу? У насъ нѣтъ пристрастія другъ къ другу— мы говоримъ другъ о другѣ, что чувствуемъ, и потому цѣнимъ взаимнымъ судомъ и мало заботимся, что о насъ думаютъ другіе. Когда я вамъ читаю мои статьи, мнѣ бываетъ страшно— я трепещу за участь написаннаго мною; вы хвалите—я въ восторгѣ; вамъ не нравится, и я преспокойно отношу мое сочиненіе къ неудавшейся попыткѣ. Вы ко мнѣ находитесь въ такомъ же отношеніи. Конечно, у меня есть ареопагъ пострашнѣе вашего, но — молчаніе, молчаніе! Да, Мишель, еще разъ: мы любимъ другъ друга на зло намъ самимъ, на зло нашей конечности, нашей ограниченности. Есть нѣчто существенное, что связываетъ насъ. Раздѣляютъ насъ призраки. Надо имѣть силу тотчасъ сознать ихъ и убивать. Я вѣрю твоему прекрасному призванію, вѣрю, что ты достигнешь своей высокой цѣли. Въ тебѣ играетъ глубокая, могучая жизнь; твое созерцаніе безконечно; твоя сила громадна. Я всѣхъ васъ хуже, я даже не знаю, что я такое. Есть много такого, что увѣряетъ меня въ моей дѣйствительности; но какъ-же еще много и такого, что увѣряетъ меня, что я—дрянь, такъ поплевать только, да бросить.

«Вчера я сказалъ Татьянѣ Александровнѣ, что посылаю съ ними огромное посланіе къ тебѣ, вродѣ посланій Св. Павла. «Стало быть, грозное, отвѣчала она мнѣ: въ такомъ случаѣ мы не повеземъ его». Чистыя, святыя созданія, какъ онѣ любятъ тебя! Нѣтъ, не любятъ, онѣ боготворятъ тебя! И я понимаю это—оно такъ и должно быть—ты много для нихъ сдѣлалъ. Я и теперь думаю то же, что нѣкогда сказалъ тебѣ: въ твоихъ отношеніяхъ къ нимъ есть примѣсь лжи и призрачности, но

теперь это не смущаетъ меня, потому что я увѣрился, что это необходимо, неизбѣжно (вспомни сравненіе Марбаха съ киноварью) и что это преходяще. Истина должна побѣдить ложь, и это уже дѣлается. Опытъ — великое дѣло: жизнь — великая школа.

«Мишель, ты злодѣй, счастливецъ, каналья! Тебѣ есть кого любить всѣми силами твоей сильной, могучей души, у тебя есть золотая связь съ жизнію, тебѣ есть кому отдать все — и душу, и жизнь, и кровь. Люби ихъ—это счастье, блаженство. Я знаю тебѣ цѣну — она велика: но имъ я не знаю цѣны. Я никого не знаю выше Станкевича—но что онъ передъ ними— ничто, меньше, въ тысячу разъ меньше, нежели ничто.

«Въ пятницу я провелъ часа два съ Татьяной Александровной. (Мы пріѣхали съ Ефремовымъ и не застали ни Варвары Александровны, ни Александры Александровны). Что за чудное, что за прекрасное созданіе Т. А. Въ первый еще разъ предстала она передъ моимъ созерцаніемъ, понимающимъ и любящимъ внутреннимъ я во всей безпредѣльности своего значенія, со всѣмъ ароматомъ букета своей души. Я смотрѣлъ на нее, говорилъ съ ней и сердился на себя, что говорилъ—надо было смотрѣть, любить и молиться. Эти глаза темно-голубые и глубокіе, какъ море, этотъ взглядъ внезапный, молніеносный, *долгій какъ вѣчность*, по выраженію Гоголя, это лицо кроткое, святое, на которомъ еще какъ будто не изгладились слѣды жаркихъ моленій къ Небу—нѣтъ, обо всемъ этомъ не должно говорить, не должно смѣть говорить.

«Ты хорошо сдѣлалъ, что не пріѣхалъ, хорошо для меня. Дѣло по внѣшности обошлось лучше, нежели я думалъ. Пріѣхавъ въ середу ввечеру, я встрѣтилъ въ первой комнатѣ А. А., срѣзался ужасно, но теперь утѣшаюсь тѣмъ, что она одна видѣла пошлое мое смущеніе, потому что я уже нѣсколько оправившись вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла madame съ Т. А. Однако я все таки былъ еще такъ смущенъ, что препочтительно поклонился двумъ горничнымъ, принявши ихъ за гостьевъ, и не знаю, какъ не подошелъ къ нимъ къ рукѣ. Но этимъ и кончилось мое рѣзаніе: я даже все это время не покраснѣлъ хорошенько, а только слегка, и то разъ или два. Все вышло не такъ, какъ думалъ. Въ середу я былъ въ волненіи, въ четвергъ тоже, тутъ замерла вся моя жизнь, вмѣсто того,

чтобъ разыграться. Напало вниканіе, сухость, апатія, словомъ почти премухинское состояніе. Если-бы, подъѣзжая къ ихъ дому или дожидаясь ихъ у Лангера, я не чувствовалъ замиранія сердца, если-бы иногда, взглянувъ, не чувствовалъ какого-то волненія, то не зналъ-бы, что и подумать, по крайней мѣрѣ рѣшилъ-бы вопросъ. Въ понедѣльникъ сухость моя разрѣшилась въ тоску—мнѣ стало легче. Вниканіе убило было меня, но я утѣшился мыслію, что, можетъ быть, ты и правъ, говоря, что вниканіе можетъ быть благодѣтельно. Смотря на нее, постигая всю гармонію, всю свѣтлость и ясность этой чистой, глубокой, младенческой души, я обернулся на себя: мнѣ стало гадко. Оставалось бы наслаждаться объективнымъ созерцаніемъ и блаженствовать имъ; оставалось бы читать про себя эти чудные стихи—

Ужель не можно мнѣ
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье
И сердцемъ ей желать все счастье жизни сей:
Веселый миръ души, безпечные досуги,
Все,—*даже счастіе того, кто избранъ ей,*
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

«Но—увы! Мнѣ приходили на память другіе стихи, вотъ эти—

Я не могу скитаться одинокимъ,
Въ страданьяхъ жить надеждою одной,
Духъ обольщать наградъ вѣнцомъ далекимъ
Я не могу... Увы! Я весь земной!
Мнѣ грудь нужна, мнѣ надобны объятья,
Мнѣ надо сердца вѣрнаго отвѣтъ,
Чтобъ темные разсчеты, предпріятья
Грѣлъ, освѣщалъ души невинной свѣтъ!

«Это думалъ я—животное, пошлякъ! Грустно, Мишель,—хочется умереть.

«Скажи мнѣ: затѣмъ такія противорѣчія въ жизни: зачѣмъ мнѣ дано понять достоинство того, чего я не стою, чѣмъ бы я могъ быть счастливъ, но чему я не могу дать счастія, а слѣдовательно чѣмъ и самъ не могу быть счастливъ. Вѣдь счастіе-то жизни для меня навсегда убито. Гдѣ вы, золотыя мечты о жизни вдвоемъ, хоть какой-нибудь, только вдвоемъ! Простите навсегда. Чувствую, какъ я вралъ, фантазируя о возможности

для меня какого-нибудь счастія — помнишь, въ тотъ вечеръ, когда на мой счетъ такъ мило фантазировалъ Боткинъ. Счастливое время, тогда въ мечтѣ существовало хоть какое-нибудь счастіе, представлялся хоть какой-нибудь выходъ!..

«Въ четвергъ вечеромъ онѣ были у Лангера, пошли въ садъ, гдѣ Лангеръ представилъ имъ Боткина. Потомъ опять пошли въ комнаты; уже смерклось, а А. А. исчезла. Я понялъ, гдѣ она,—она убѣжала въ садъ и упивалась имъ. Боже мой! Что значитъ, какъ, по какимъ законамъ бытія возможенъ этотъ безпрестанный отзывъ на призывъ природы и жизни; это безпрестанное, кроткое, безмятежное волнованіе такой глубокой, такой прекрасной жизни? И столько прелести, очарованія, святости.

«Оставалось бы безкорыстно, ничего не желая, созерцать, молиться и блаженствовать,—но

Увы! я весь земной!

«Читалъ я имъ сцены изъ Ромео и Юліи, но прочелъ такъ пошло, безжизненно, что теперь досадно, зачѣмъ я испортилъ въ ихъ глазахъ это дивное созданіе. Читалъ я имъ «Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ», но лучше бы у меня отсохнулъ языкъ, нежели такъ гадко читать. Только нѣкоторыя пѣсни Кольцова я прочелъ, какъ должно. Приписываю мою неудачу тому, что при чтеніи я долженъ былъ обращаться къ Madame votre mère. Кстати: она очень любезна со мною—приглашала въ Премухино—я сконфузился и отказался или почти отказался, и она на другой день при всѣхъ (и при мнѣ) изъявила свое удовольствіе отъ моего отказа, разумѣется, въ видѣ сожалѣнія. Приглашала Лангера, Боткина, особенно Ефремова. Весь этотъ народъ волнуется, собирается, фантазируетъ, зоветъ меня, а я... да чортъ знаетъ, что такое я.

«Прощай, мой милый, крѣпко, крѣпко обнимаю тебя. Утѣшь меня хорошенькимъ письмецомъ. Подъ словомъ *хорошенькое* я разумѣю такое, въ которомъ ты занялся бы преимущественно мною и попробовалъ бы объяснить мнѣ самого себя. Не знаю, стоитъ ли это труда.

Твой *В. Б.*».

«Вотъ тебѣ, Мишель, еще—не письмо, а приписка.—Чудесная вещь душа человѣческая! Было мнѣ тяжко, грустно. Кон-

чивши письмо, поѣхалъ я обѣдать къ Боткину. Онъ теперь *блаженствуетъ* — и на столѣ у него стоитъ бутылка рейнвейну, а лицо такъ и сіяетъ. Нынче опять музыка, такъ удивительно ли, что гармонія заранѣе посѣтила его. Я далъ ему прочесть мое письмо, оно ему понравилось, мы толковали и мнѣ стало легче.—Пришелъ Лангеръ, и Боткинъ началъ объясняться въ любви къ нему. У Лангера также чудное лицо—оно такъ и сіяетъ удовольствіемъ. Печаль спала у меня съ сердца, и я возликовалъ. Теперь пять часовъ, черезъ полчаса надо ѣхать за Москворѣцкій мостъ. Ты, чай, думаешь,—не поѣду, нѣтъ поѣду, ей Богу же поѣду, такъ таки и поѣду. Право, какъ славно стало на душѣ, и свѣтло и размашисто—море по колѣно. Я ужъ не рефлектирую, но живу органическою, духовною жизнію. Славная минута! Отчего не всѣ минуты въ жизни такія. Мнѣ остается полчаса до выхода, а свѣтлое небо покрывается облаками, какъ будто гроза хочетъ разыграться. Вотъ тебѣ и разъ! Въ восемь часовъ онѣ хотѣли быть у Лангера, а въ шесть В. А. имѣла благосклонность пригласить меня къ себѣ. Если Богъ пошлетъ грозу—то не хорошо: нарочно съѣзжу на Стоженку объясниться съ нимъ [1]). Кстати: Иванъ Петровичъ сказалъ Ефремову, когда тотъ говорилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Премухино съ Петромъ Петровичемъ: «Вы все хлопочете о человѣческой помощи, а меня и не думаете попросить».

«Кольцовъ вчера познакомился съ твоими. В. А. осыпала его комплиментами и ласками, была съ нимъ любезна, какъ нельзя больше.

«Васинька Боткинъ—славный малый: блаженствуетъ и пьетъ рейн-вейнъ. Мишель, поклонись отъ меня Александру Михайловичу и Любови Александровнѣ. Что она? О, какъ я люблю ее, какъ желаю ей здоровья и счастья!

«Прощай!»

Бѣлинскій воспользовался приглашеніемъ Варвары Александровны-старшей и вслѣдъ за отъѣздомъ Бакуниныхъ изъ Москвы пріѣхалъ въ Премухино въ іюлѣ 1838 г. вмѣстѣ съ Боткинымъ и Лангеромъ.

[1]) На Стоженкѣ (Остоженка) жилъ И. П. Клюшниковъ, котораго въ кружкѣ Станкевича почему-то въ шутку звали „Богомъ".

Съ Мишелемъ онъ находился въ это время, послѣ только что приведеннаго большого письма, посланнаго Мишелю съ сестрами, въ мирныхъ по внѣшности, но и довольно равнодушныхъ отношеніяхъ. Премухинская семья переживала въ это время тяжелые дни: Любинькина жизнь угасала на глазахъ у всѣхъ, хотя далеко не всѣ смотрѣли такъ прямо въ глаза приближавшейся смерти, какъ смотрѣла Татьяна Александровна въ письмѣ, посланномъ Мишелю еще въ маѣ, которое мы привели въ концѣ XXI главы. Дѣлались еще послѣднія тщетныя попытки спасти Любашу при помощи врачей. Кромѣ постоянно лѣчившаго Любовь Александровну доктора Цирга, изъ Москвы приглашенъ былъ, по совѣту Мишеля и Бѣлинскаго, братъ ихъ общаго друга И. П. Клюшникова, Петръ Петровичъ Клюшниковъ, но, разумѣется, пріѣздъ его не могъ ни устранить, ни отдалить катастрофы.... [1]) Бѣлинскій уѣхалъ изъ Премухина въ самомъ концѣ іюля, за недѣлю до роковой развязки.

Вотъ какъ вспоминалъ онъ (въ письмѣ отъ 12 октября 1838 г.) объ этомъ своемъ пребываніи въ Премухинѣ и въ особенности о ходѣ своихъ отношеній съ Мишелемъ:

«Я, пріѣхавъ въ Премухино, не чувствовалъ въ тебѣ враждебности, но не ощущалъ и любви: твое присутствіе сжимало, стѣсняло и смущало меня какъ-то странно... Вдругъ ты уѣзжаешь въ Торжокъ дожидаться тамъ Петра (доктора П. П. Клюшникова. *А. К.*). Поѣздка эта была въ тебѣ порывомъ и порывомъ благороднымъ, святымъ. Мы съ Боткинымъ получили отъ тебя по запискѣ. Ко мнѣ ты писалъ просто, но многозначительно, энергически и съ любовью. Ты избавилъ меня отъ утѣшеній, понялъ, что для человѣка въ моемъ положеніи и съ моею душою онѣ излишни: ты избавилъ меня и отъ разсужденій, потому что былъ въ моментѣ глубокаго созерцанія жизни. Ты писалъ, что, сидя въ комнатѣ трактира, обдумываешь

[1]) Вотъ записка, которую послалъ въ это время П. П. Клюшникову Бѣлинскій: „Любезный Петръ Петровичъ, дѣло идетъ о жизни или смерти сестры Мишеля Бакунина. У нея открылась водяная, и Мишель убѣжденъ, какъ и всѣ мы, что только вы можете спасти ее. Петръ Петровичъ, ради Бога и всего святого, если вамъ есть какая-нибудь возможность, не кончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ѣхать,—то не медлите ни часа, ни минуты, ни секунды. Мы получили отъ Мишеля эстафету и къ вамъ послали эстафету—видите, какъ важно дѣло.

В. Бѣлинскій“.

свое предисловіе къ Беттинѣ, поешь, грустишь, понимаешь всю затруднительность дѣлъ, весь ужасъ будущаго—и счастливъ. Я это понялъ и оцѣнилъ, и ты предсталъ мнѣ во всей своей глубокой сущности, во всемъ свѣтѣ своего значенія, могучій, просвѣтленный, львообразный. Твою записку я берегу, какъ святыню, и такою она останется для меня навсегда. Ты пріѣхалъ, и въ тотъ же день я имѣлъ съ тобою разговоръ, примѣчательный для меня по его содержанію и еще потому, что въ немъ ты *проговорился* своимъ истиннымъ мнѣніемъ о насъ обоихъ. Мои чувства и понятія въ то время были такъ смѣшаны и находились въ такомъ хаотическомъ броженіи, что я былъ далеко не въ состояніи опредѣлить впечатлѣнія, произведеннаго на меня твоею обмолвкою, и вообще мои отношенія къ тебѣ превратились въ инфузорій (?). Помню только, что мнѣ были крайне не по сердцу твои похвалы и особенно проявленіе твоихъ восторговъ при видѣ силы, съ которою я терпѣлъ то, что не всѣ терпятъ съ силою. Я чувствовалъ (но еще смутно), что любовь къ человѣку въ общемъ—еще не есть любовь, что сливаться въ общемъ—можно со всякимъ, для кого только существуетъ общее, но любить можно только нѣкоторыхъ,—словомъ, что истинная любовь есть что-то мистическое, таинственное, и есть любовь къ индивиду, а не его достоинству, къ частности, а не къ общему, отвлеченно представляемому отъ частнаго. Это вѣрно и понятно. Ты знаешь Боткина: я до сихъ поръ не знаю, что составляетъ сущность жизни этого человѣка, въ чемъ его *общее*, но горячо люблю его чортъ знаетъ за что, и увѣренъ, что для нашей дружбы, для того, чтобы я не скрылъ отъ него никакой задушевной тайны, не достаетъ только вліянія обстоятельствъ внѣшнихъ, т.-е. привычки, жизни вмѣстѣ и т. п. Но я очень хорошо понимаю, что могъ бы не сойтись и съ самимъ Пушкинымъ, какъ съ человѣкомъ, боготворя его, какъ поэта. Это такъ, а почему—не знаю и не имѣю потребности знать. Думаю, что этого нельзя, да и не нужно знать. Это таинство, мистерія духа...

«Наконецъ и мы стали собираться въ дорогу. Въ этотъ день я провелъ съ тобою нѣсколько сладкихъ минутъ, которыя навсегда останутся для меня памятны. Но простился съ тобою холодно, хотя ты прощался со мною и горячо. Можетъ быть въ этомъ ты увидишь противорѣчіе,—но мнѣ что до этого? Я

вижу въ этомъ факты и хочу представить тебѣ ихъ добросовѣстно, не искажая; а что этимъ можетъ быть подамъ тебѣ оружіе на самого себя—и до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Я хочу добраться до истины, а не торжествовать побѣду—это-то есть теперешняя моя *дѣйствительность съ желѣзными когтями* [1]).

«Передъ прощаніемъ ты какъ-то странно и загадочно говорилъ со мною о Боткинѣ, какъ бы удивляясь тому, что онъ все еще дилетантъ, тогда какъ мы съ тобою уже опредѣлились въ своемъ назначеніи. А съ нимъ говорилъ, что любишь меня объективно. Я понимаю цѣну всякой объективной любви—твоей особенно. Замѣчу только, что во всемъ этомъ бездна противорѣчій, странностей и недоразумѣній, которыя всѣ вышли изъ ложности взаимныхъ нашихъ отношеній.

«По возвращеніи въ Москву я писалъ тебѣ много и часто, и эти письма были дифирамбами любви. Но въ нихъ я былъ весь въ себѣ, или въ той бурѣ, которая еще была въ самомъ сильномъ разгарѣ своемъ, а потому уясненіе моихъ отношеній не могло быть ихъ содержаніемъ. Но первая (которую я считаю *второю* и продолженіемъ нравственной) наша полемическая переписка была не кончена, а только прервана внѣшнимъ образомъ. Мира не было, а только перемиріе, наскоро сдѣланное. Поэтому въ первыхъ письмахъ—до смерти Любови Александровны—уже скоплялась та буря, которая разразилась въ *длинныхъ диссертаціяхъ*. Уже и тамъ я безсознательно, въ видѣ вопросовъ, выговаривалъ многія сомнѣнія, тогда еще не ясныя для меня, и письмо *неистощимой любви* скоро бы превратилось въ *длинныя диссертаціи*. Но смерть Любови Александровны, которая глубоко и религіозно потрясла меня, снова отвлекла меня и отъ самого себя, и отъ тебя, и отъ всего прочаго.

«Утихла и эта буря, и вдругъ во мнѣ выговорилось то, что только прежде чувствовалось. Сухость твоихъ писемъ, выразившаяся въ обиліи разсужденій; возвращеніе Боткина изъ Нижняго [2]) и Петра [3]) изъ Премухина помогли процессу совершиться окончательно.

---

[1]) Значеніе этого выраженія уяснится ниже.

[2]) Онъ ѣздилъ туда на ярмарку по дѣламъ отца.

[3]) П. П. Клюшникова (доктора).

«Я написалъ тебѣ первую мою *длинную диссертацію* и получилъ на нее въ отвѣтъ слѣдующія строки: «Любезный Виссаріонъ, сейчасъ получилъ твое письмо. Повѣрь мнѣ, оно меня не оскорбило: я принялъ его, какъ письмо человѣка, любящаго меня и *неимѣющаго отъ меня никакихъ тайнъ*. Отвѣтъ мой будетъ доказательствомъ истины моихъ словъ... Письмо твое требуетъ длиннаго отчетливаго отвѣта—и я отвѣчать тебѣ буду, буду говорить съ тобой, какъ съ самимъ собою. Выскажу все, что сумѣю высказать. Между нами явился новый предметъ для полемики:—да, для *полемики*,—будемъ называть вещи ихъ именами».

«Предчувствуя темноложность нашихъ отношеній,—продолжаетъ Бѣлинскій,—я еще въ первой *длинной диссертаціи* намекалъ, что ты мнѣ другъ не во всемъ, что у тебя есть стороны жизни, закрытыя для меня, что ты не примешь моей правды, оскорбишься ею и проч., но несмотря на то, послалъ тебѣ *вторую длинную диссертацію*, которую скорѣй можно назвать импровизаціей, мгновенно и безъ перерывовъ вырвавшеюся изъ взволнованной, потрясенной души. Благодаря неистовству моей натуры, я весь сидѣлъ въ предметѣ моихъ диссертацій, забылъ все остальное, какъ чуждое мнѣ, отрѣшившись отъ всѣхъ интересовъ, составляющихъ сущность моей жизни,—и мои диссертаціи были написаны, какъ бы безъ моего вѣдома, по какому-то вдохновенію... И вдругъ я получаю отъ тебя увѣренія, что ты понимаешь источникъ и побудительныя причины моего поступка, что ты видишь въ немъ человѣка, который не имѣетъ отъ тебя никакихъ тайнъ. Тогда я написалъ *третью длинную диссертацію*, которую и началъ похвалами тебѣ, что *второе* отрицаніе ты выдерживаешь тверже, благороднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ прочихъ и многихъ причинъ, побуждавшихъ меня на подобную откровенность, было еще и желаніе узнать,—сдѣлать послѣдній и удовлетворительный опытъ: друзья ли мы, или только играемъ комедію и фразами замѣняемъ дѣло, а комедіи и фразы мнѣ уже крайне надоѣли и опротивѣли.

«И что же? Вдругъ я получаю ругательную, насмѣшливую записку, написанную вмѣсто чернилъ слюною бѣшеной собаки, упитанную желчью, злостью, всѣми гадостями, до которыхъ въ состояніи унизиться духъ человѣческій. Въ этой запискѣ все прошедшее было отринуто, сознано комедіей, фарсомъ, обманомъ...»

Къ сожалѣнію, изъ трехъ большихъ «диссертацій», на которыя здѣсь ссылается Бѣлинскій, сохранилась, сколько мнѣ извѣстно, только одна, повидимому, третья—и то безъ конца. И въ сохранившемся видѣ это огромное письмо (отъ 10 сентября 1838 г.) размѣромъ своимъ достигаетъ печатнаго листа въ 40,000 буквъ. Первой его половиной, гдѣ изложена очень подробно теорія разумной дѣйствительности, какъ она была усвоена В. Г. Бѣлинскимъ, воспользовался весьма обильно А. Н. Пыпинъ [1]); вторую его часть, гдѣ идетъ рѣчь о сестрахъ Мишеля и которая и вызвала, повидимому, ругательную записку Мишеля, использовалъ довольно значительно, хотя и не вполнѣ, П. Н. Милюковъ [2]). Я также уже приводилъ въ предшествующихъ главахъ нѣсколько выписокъ изъ этого замѣчательнаго письма. Поэтому, какъ ни интересно это письмо, невозможно перепечатать его здѣсь полностью; но невозможно, конечно, и не остановиться на немъ. Мы изложимъ здѣсь содержаніе его, по возможности не повторяя тѣхъ цитатъ, которыя приведены у Пыпина и у Милюкова.

«Много, много мыслей услышалъ я отъ тебя *перваго*,—писалъ здѣсь въ началѣ письма Бѣлинскій.—Одна изъ нихъ—«жизнь—великая школа» [3]),—и ее-то теперь повторяю я каждый день съ грустнымъ раздумьемъ. Ты первый уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности [4]) и ты же первый былъ для меня благовѣстникомъ этихъ двухъ великихъ словъ [5]). Сначала я ихъ услышалъ отъ тебя съ удивленіемъ и остался только при нижайшемъ почтеніи къ нимъ, смутно подозрѣвая

---

1) „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, г. I, глава IV, стр. 227 и слѣд. Теперь письмо это напечатано цѣликомъ въ изд. *Е. А. Ляцкаго* „Переписка“ Бѣлинскаго, т. I, стр. 227.

2) „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“ въ сборникѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“, стр. 98 и слѣд.

3) Собственно Мишель говорилъ: „жизнь есть великое таинство“, и эту фразу повторялъ, какъ мы видѣли, очень часто въ письмахъ своихъ того времени. Бѣлинскій и тутъ характерно передѣлалъ слова эти по-своему, преобразивъ ихъ въ болѣе простую фразу: „жизнь есть великая школа“, которую потомъ онъ упорно приписываетъ Мишелю.

4) Уничтожилъ, „втащивъ его въ 1836 г. въ фихтеанскую отвлеченность“, какъ выражался потомъ Бѣлинскій.

5) Срав. отрывокъ изъ письма 1839 г. Бѣлинскаго къ Станкевичу, приведенный у Пыпина въ I ч., стр. 225 и въ перепискѣ, изд. *Ляцкимъ*, т. I, стр. 337.

въ нихъ какой-то таинственный и важный смыслъ, но не сознавая его. Такова моя натура: съ напряженіемъ, *горестно и трудно*, принимаетъ мой духъ въ себя и любовь и вражду, и знаніе, и всякую мысль, и всякое чувство, но принявъ, весь проникается имъ до сокровенныхъ и глубокихъ изгибовъ своихъ. Такъ въ горнилѣ моего духа выработалось самобытно значеніе великаго слова „*дѣйствительность*“ [1]).

Далѣе слѣдуетъ подробное изложеніе этого самобытнаго взгляда на значеніе дѣйствительности, сущность котораго сводится къ убѣжденію, что дѣйствительность, съ одной стороны, есть великая и благая сила, которая при разумномъ, сознательномъ къ ней отношеніи, сводящемся къ полному, безпрекословному подчиненію ей, все устраиваетъ наилучшимъ образомъ въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, а съ другой стороны— для людей, ей непокорныхъ, она есть „*чудовище, вооруженное желѣзными когтями и желѣзными челюстями*“ [2]). Въ результатѣ такого представленія о дѣйствительности является теорія необходимости безропотнаго повиновенія существующему строю и порядкамъ жизни.

При этомъ Бѣлинскій утверждаетъ, что, попробовавъ лично примѣнять эту теорію къ своей собственной жизни, онъ нашелъ то успокоеніе и истинное примиреніе съ жизнью, отъ недостатка котораго его прежняя жизнь казалась ему такою нелѣпою и безразсудною. Онъ пишетъ тутъ, что поступленіе на службу въ межевой институтъ и сближеніе съ княземъ Козловскимъ, инспекторомъ института, который его въ немъ и устроилъ, имѣло для него «безконечныя слѣдствія въ постиженіи дѣйствительности».

«Съ ненасытимымъ любопытствомъ вглядываюсь я,—писалъ Бѣлинскій,—въ эти пружины, въ эти средства, по наружности столь грубыя, пошлыя и *прозаическія,* которыми созидается эта польза, неблестящая, незамѣтная, если не слѣдить за ея развитіемъ во времени, неуловимая для поверхностнаго взгляда, но великая и благодатная своими слѣдствіями для общества. Пока есть сила, я самъ рѣшаюсь на все, чтобы принести на

---

[1]) Этотъ отрывокъ и его непосредственное продолженіе, которое я опускаю, приведены у ***Пыпина*** (ч. I, стр. 227).

[2]) Курсивъ мой. *А. К.*

алтарь общественнаго блага и свою лепту». Далѣе, описывая какъ пріѣхалъ попечитель (гр. Строгановъ) на экзаменъ въ институтъ, какъ у него удачно сошелъ этотъ экзаменъ и проч. (это все приведено у Пыпина), Бѣлинскій прибавляетъ: «онъ просилъ меня, чтобы я въ моихъ ученикахъ больше видѣлъ людей практическихъ и преподавалъ бы имъ мою науку, примѣняя ее къ жизни, т.-е. уча ихъ складно и ловко писать дѣловыя бумаги по межевой части, приготовившись для этого самъ. Я все обѣщалъ искренно и выполню добросовѣстно. Да, дѣйствительность вводитъ въ дѣйствительность»...

Въ такомъ упрощенномъ видѣ представлялась тогда теорія разумной дѣйствительности Бѣлинскому. Извѣстно, что этотъ взглядъ привелъ его къ статьямъ о Бородинской годовщинѣ и о критикѣ Гете Менцелѣ, статьямъ, которыхъ онъ самъ впослѣдствіи видѣть безъ отвращенія не могъ.

Весьма любопытнымъ, конечно, представляется вопросъ, насколько же Бакунинъ повиненъ былъ въ этомъ взглядѣ Бѣлинскаго на существующую дѣйствительность. П. Н. Милюковъ, въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ «о любви идеалистовъ 30-хъ годовъ», на которыя мы неоднократно ссылались, выразилъ мнѣніе, что Бѣлинскій своимъ увлеченіемъ теоріей разумной дѣйствительности не только не обязанъ своимъ друзьямъ, но что въ дѣйствительности «онъ выработалъ свою теорію *въ противоположность воззрѣніямъ друзей*, однихъ склонилъ на свою сторону, съ другими поссорился по поводу этой теоріи. А «философскій другъ» (Бакунинъ), внушившій, по общему мнѣнію, свою теорію Бѣлинскому, на дѣлѣ считалъ ее, въ обработкѣ Бѣлинскаго, „*искаженіемъ* своей подлинной мысли и доказательствомъ низменности натуры Бѣлинскаго»...

Обыкновенно считаютъ, — писалъ Милюковъ, — «...увлеченіе Бѣлинскаго теоріей «разумной дѣйствительности» высшимъ проявленіемъ отвлеченности идей кружка, апогеемъ господствовавшаго въ кружкѣ преклоненія передъ нѣмецкой абстрактной философіей. На дѣлѣ «разумная дѣйствительность» Бѣлинскаго сохранила очень мало философскаго и была, наоборотъ, реакціей его натуры *противъ отвлеченности* кружковыхъ теорій—ближайшимъ средствомъ выхода изъ этой отвлеченности, за которое онъ и ухватился со свойственнымъ ему жаромъ. Важно было изъ «фихтеанской» метафизической дѣй-

ствительности выбраться на широкое поле «конкретной» дѣйствительности—хотя бы подъ знаменемъ Гегеля».

«Оріентироваться въ этой конкретной дѣйствительности,—справедливо замѣчаетъ Милюковъ,—было уже не такъ трудно, какъ совершить этотъ первый теоретическій скачокъ», и затѣмъ онъ приводитъ слѣдующее характерное мѣсто изъ письма Бѣлинскаго 10 сентября 1838 г.: «разумѣется, кто къ инстинктуальному проникновенію присоединитъ сознательное, черезъ мысль,—тотъ вдвойнѣ овладѣетъ дѣйствительностью; но главное—знать ее, какъ бы ни знать, и этого знанія нельзя достигнуть одною мыслью—надо жить, надо двигаться въ живой дѣйствительности, быть естественну, *просту*". И дѣйствительно, для Бѣлинскаго вопросъ о простотѣ, объ опрощеніи — не въ смыслѣ современнаго намъ толстовства, а въ смыслѣ освобожденія себя отъ всякой рисовки, отъ всякой претензіи, отъ всякой фразы и всякой искусственности и лжи—является кореннымъ вопросомъ въ его стремленіи сдѣлаться дѣйствительнымъ. Въ этомъ стремленіи онъ готовъ ради простоты и естественности «плюнуть» и на философію и на науку, хотя это и не значило, чтобы онъ отрекся отъ всякой мысли. «Напрасно ты твердишь,—писалъ онъ Бакунину въ другомъ письмѣ отъ 12 октября 1838 г.,—что я отложилъ мысль въ сторону, отрекся отъ нея навсегда и пр., и пр... Ты создалъ себѣ призракъ и колотишь по немъ, въ полной увѣренности, что бьешь меня. Это, наконецъ, смѣшно и скучно. Повторяю тебѣ: уважаю мысль и цѣню ее, но только мысль конкретную, а не отвлеченную».

«Этотъ результатъ, — говоритъ П. Н. Милюковъ, — остался навсегда прочнымъ пріобрѣтеніемъ Бѣлинскаго, тогда какъ фаталистическое толкованіе ученія о необходимости всего существующаго очень скоро было имъ брошено».

П. Н. Милюковъ утверждаетъ даже, что невѣрно и общее представленіе, господствующее въ нашей литературѣ, о фатализмѣ Бѣлинскаго, какъ объ особомъ фазисѣ, пережитомъ развитіемъ русскаго общества подъ вліяніемъ гегельянства и его господства у насъ въ извѣстные годы. «На дѣлѣ,—говоритъ Милюковъ,—фатализмъ Бѣлинскаго не вытекаетъ самъ собой изъ гегеліанства, не былъ изъ него выведенъ даже ближайшими друзьями Бѣлинскаго». По мнѣнію Милюкова, «мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ неизбѣжной данью, отданной

нашимъ обществомъ нѣмецкой литературѣ, сколько просто съ *чертой изъ біографіи* Бѣлинскаго, объясняемой особенностями его *личной* исторіи».

Съ этимъ послѣднимъ выводомъ П. Н. Милюкова едва ли однако же можно согласиться. Я полагаю, что здѣсь онъ слишкомъ «перегнулъ палку въ другую сторону». Но прежде чѣмъ высказать по этому вопросу свое собственное мнѣніе, я приведу взглядъ на эти отношенія, прямо противоположный только что изложенному,—взглядъ, принадлежащій издателю и знатоку сочиненій Бѣлинскаго, С. А. Венгерову.

Венгеровъ склоненъ не только считать, вмѣстѣ со многими другими, что фатализмъ Бѣлинскаго составляетъ особый эпизодъ въ исторіи русской литературы, и не только ставить этотъ фатализмъ въ ближайшую связь съ гегеліанствомъ, но и считаетъ первымъ виновникомъ и родоначальникомъ этого самостоятельнаго русскаго гегеліанства М. А. Бакунина, какъ автора той самой статьи въ новомъ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1838 г., о которой самъ Мишель упоминалъ въ своихъ письмахъ того времени къ сестрамъ и Беерамъ [1]).

С. А. Венгеровъ даже перепечаталъ эту статью изъ *Московскаго Наблюдателя* 1838 г., который теперь представляетъ большую библіографическую рѣдкость, въ IV томѣ собранія сочиненій Бѣлинскаго, чѣмъ оказалъ, конечно, русскому обществу большую услугу. Однако, перепечатавъ эту интересную статью Михаила Бакунина, самъ онъ въ своихъ разъясненіяхъ придалъ ей, по моему мнѣнію, совершенно невѣрное толкованіе, какъ и всему «русскому гегеліанству» того времени.

С. А. Венгеровъ признаетъ это гегеліанство совершенно оригинальнымъ, специфически русскимъ явленіемъ, даже не искаженіемъ Гегеля, а самостоятельнымъ русскимъ ученіемъ, въ виду того, что въ немъ такое выдающееся значеніе придано было извѣстной формулѣ Гегеля: «что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно». Онъ утверждаетъ, что положеніе это въ гегелевой философіи занимало «второстепенное» мѣсто и лишь мимоходомъ высказано было въ пре-

---

[1]) Статья эта—предисловіе *Бакунина* къ „Гимназическимъ рѣчамъ“ *Гегеля*, три изъ которыхъ были имъ переведены для *Московскаго Наблюдателя*.

дисловіи къ «Философіи права». Это утвержденіе, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что С. А. Венгеровъ содержаніе гегелевой системы представляетъ себѣ довольно произвольно. Теорія разумной дѣйствительности проходитъ красной нитью по всему Гегелю, если можно такъ выразиться. И хотя вышеприведенная формула дѣйствительно была наиболѣе рѣзко формулирована Гегелемъ въ предисловіи къ «Философіи права», однако же сущность этого положенія изложена и въ «Феноменологіи духа» и въ особенности въ «Логикѣ» Гегеля, гдѣ оно разъяснено съ особенной обстоятельностью. Оно имѣетъ во всякомъ случаѣ прямую, необходимую связь съ метафизическимъ ученіемъ Гегеля и составляетъ въ немъ одно изъ важнѣйшихъ звеньевъ.

Фаталистическое толкованіе, приданное этому положенію Бѣлинскимъ, конечно, должно считаться полнымъ искаженіемъ дѣйствительнаго смысла этой формулы. Но оно не можетъ считаться ни особенно оригинальнымъ, *ни специфически русскимъ*, потому что ему придавался неоднократно именно этотъ смыслъ и многими нѣмцами, поверхностно ознакомившимися и невѣрно понявшими общій смыслъ Гегелевой системы, что заставило Гегеля сдѣлать особое подробное разъясненіе въ 3-мъ изданіи его краткой логики о томъ, какой смыслъ долженъ быть въ этомъ случаѣ, какъ, впрочемъ, и вездѣ въ его системѣ, придаваемъ слову «дѣйствительность».

Смыслъ этотъ былъ съ самаго начала вполнѣ ясенъ Михаилу Бакунину, какъ это можно видѣть изъ его конспектовъ и нѣкоторыхъ писемъ [1]), и потому онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ впасть въ толкованіи этой формулы въ то недоразумѣніе, въ которое впалъ по своей неподготовленности и по субъективности своего мышленія Бѣлинскій.

Нельзя однако же отрицать, что блестящая статья Мишеля, при внимательномъ чтеніи обнаруживающая въ немъ во всякомъ случаѣ вполнѣ правильное усвоеніе гегеліанской системы и гегеліанскихъ идей, именно благодаря своей чрезвычайной краткости при чрезвычайной широтѣ и многозначительности содержанія, легко могла людей, плохо усвоившихъ или совершенно не знавшихъ ученіе Гегеля, ввести во многія недора-

---

[1]) Срав. предыдущую главу.

зумѣнія, что повторилось между прочимъ и съ самимъ С. А. Венгеровымъ. Такъ, напримѣръ, Бакунинъ въ своей статьѣ писалъ, что реформація являлась исходнымъ пунктомъ освобожденія разума отъ ферулы католической церкви и что когда авторитетъ католической церкви былъ свергнутъ, то разумъ не хотѣлъ уже признавать надъ собой никакого авторитета. Отсюда произошелъ потомъ и французскій матеріализмъ вмѣстѣ со всѣми своими послѣдствіями, составлявшій, по понятіямъ Бакунина, прямое *зло*, и новѣйшая германская философія, завершившаяся системой Гегеля, которая, разумѣется, представлялась ему величайшимъ благомъ. С. А. Венгеровъ, обратившій вниманіе лишь на фразу «начало этого зла скрывается въ реформаціи», приписалъ Бакунину мысль, что реформація есть начало всякаго зла, и серьезно опровергаетъ отрицательный будто бы взглядъ Бакунина на реформацію ссылкой на анекдотъ о Гегелѣ, взятый г. Венгеровымъ изъ статьи кн. С. Н. Трубецкого.

«Личную собственность Бакунина,—по мнѣнію Венгерова,—составляетъ и короткая расправа съ Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ, Шиллеромъ». Въ статьѣ Бакунина никакой «расправы» съ ними на самомъ дѣлѣ нѣтъ: онъ, совершенно вѣрно въ общемъ слѣдуя Гегелю, разсматриваетъ, дѣйствительно только черезчуръ кратко, всѣхъ ихъ, какъ ступени развитія философской мысли въ новѣйшее время. Терминъ «прекраснодушіе», который онъ тутъ употребляетъ по поводу раннихъ произведеній Шиллера, хотя терминъ этотъ пущенъ былъ въ ходъ въ германской литературѣ именно Шиллеромъ (въ его эстетикѣ), употребленъ здѣсь Бакунинымъ дѣйствительно въ гегелевскомъ смыслѣ, въ которомъ онъ и перешелъ въ кружокъ Станкевича и Бакунина. Что касается собственно Шиллера, то замѣчательно, что отзывъ о немъ Бакунина отнюдь не грѣшитъ уже и въ этой статьѣ, писанной въ мартѣ 1838 года, тою односторонностью, съ какою смотрѣлъ на Шиллера въ это время Бѣлинскій. Венгерова поражаетъ въ статьѣ Бакунина даже графическое начертаніе формулы:

„что разумно, то дѣйствительно и
что дѣйствительно, то разумно“,

причемъ онъ сопоставляетъ это особое начертаніе съ тѣмъ, что у Гегеля формула эта «скромно спряталась гдѣ-то въ преди-

словіи». Мы уже говорили, что у Гегеля формула эта имѣетъ совершенно то же первоклассное значеніе, какое придавалъ ей и Бакунинъ, и все дѣло сводилось лишь къ тому, какъ понимать слово «дѣйствительность».

Мы выше видѣли, что Бакунинъ понималъ это слово правильно и очень подробно разъяснялъ это и въ своихъ конспектахъ и въ своихъ письмахъ; но, конечно, было бы гораздо лучше, если бы онъ разъяснилъ это en toutes lettres и въ этой своей статьѣ.

Этого онъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ и тѣмъ, несомнѣнно, подалъ поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ, отсюда возникшимъ. Недоразумѣнія эти тѣмъ легче могли возникнуть и дѣйствительно возникли, что общій тонъ бакунинской статьи имѣлъ очень консервативный характеръ, хотя и С. А. Венгеровъ признаетъ, что въ этомъ консерватизмѣ не было ничего общаго съ сервилизмомъ и т. п. Статья была направлена, какъ и всѣ политическія статьи и трактаты Гегеля, противъ легкомысленнаго и дешеваго либерализма, противъ французскаго фрондерства и въ особенности противъ либеральныхъ крикуновъ-Репетиловыхъ. Она требовала, совершенно въ духѣ Гегеля, не подслуживанія къ властямъ предержащимъ, но серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ историческимъ и національнымъ условіямъ развитія русской жизни. Именно въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и заключительныя строки этой статьи:

«Да, счастье не въ призракѣ, не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой дѣйствительности; возставать противъ дѣйствительности и убивать въ себѣ всякій живой источникъ жизни—одно и то же: примиреніе съ дѣйствительностью во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни—есть великая задача нашего времени. И Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти въ жизнь. Будемъ надѣяться, что наше новое поколѣніе также выйдетъ изъ призрачности, что оно оставитъ пустую и безсмысленную болтовню, что оно сознаетъ, что истинное знаніе и анархія умовъ и произвольность въ мнѣніяхъ совершенно противоположны, что въ знаніи царствуетъ строгая дисциплина и что безъ этой дисциплины нѣтъ знанія. Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится наконецъ съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ, на-

конецъ, въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми».

Читая этотъ призывъ въ настоящее время, быть можетъ, слѣдуетъ предостеречь читателя отъ смѣшенія термина «дѣйствительные русскіе люди» съ современнымъ намъ пресловутымъ терминомъ «истинно-русскіе люди», въ связи съ которымъ невольно возникаетъ столь знакомое намъ представленіе о «союзѣ русскаго народа»... Едва-ли нужно говорить здѣсь, что Бакунину невозможно было представить, какой смыслъ пріобрѣтутъ эти термины въ началѣ XX вѣка!

Но нельзя отрицать, что статья Бакунина, хотя она и была безукоризненно гегеліанская статья, была чревата и въ его время многими недоразумѣніями, и прежде всего, вопреки П. Н. Милюкову, я думаю, что нельзя отрицать прямого вліянія какъ этой статьи, такъ и всей совокупности гегеліанскихъ идей Бакунина на сформированіе искаженнаго фаталистическаго гегеліанства Бѣлинскаго. Это вліяніе, мнѣ кажется, доказывается всѣмъ развитіемъ взаимныхъ отношеній между обоими друзьями, начиная съ 1836 года и до окончательнаго разрыва, происшедшаго между ними въ концѣ 1838 года.

У Бѣлинскаго, правда, кромѣ Бакунина былъ, какъ извѣстно, и другой источникъ знакомства съ гегелевой философіей—это Катковъ, отъ котораго онъ заимствовалъ, повидимому, нѣкоторыя гегеліанскія идеи еще до возвращенія Мишеля изъ Премухина въ декабрѣ 1837 года. Но Катковъ, по странному совѣту, полученному имъ отъ Станкевича черезъ Боткина, началъ свое знакомство съ Гегелемъ съ «Эстетики», совершенно не зная ни «Феноменологіи», ни «Логики» Гегеля. [1] Отсюда уже можно судить, насколько поверхностны и даже превратны могли быть тѣ идеи, которыя удалось Бѣлинскому осенью 1837 года получить отъ Каткова. Во всякомъ случаѣ, по его собственному позднѣйшему удостовѣренію въ письмѣ къ Станкевичу 1839 года, видно, что какъ только явился въ Москву въ декабрѣ 1837 г. Мишель, онъ тотчасъ же оттѣснилъ Каткова на второй планъ, и Бѣлинскій, съ которымъ онъ къ тому же поселился на одной квартирѣ, отъ него сталъ черпать, быть можетъ при помощи тѣхъ самыхъ конспектовъ и замѣтокъ,

---

[1] *А. Н. Пыпинъ*, I, 225, примѣчаніе 1-ое.

содержаніе которыхъ мы изложили въ предшествующей главѣ, свое болѣе обстоятельное знакомство съ Гегелемъ. Это знакомство пало на благодарную почву, и тутъ несомнѣннно сыграло значительную роль и то настроеніе, которое создалось у Бѣлинскаго на Кавказѣ. Но вѣдь и это настроеніе, при томъ тѣсномъ общеніи, въ какомъ онъ находился съ Бакунинымъ съ осени 1836 года, образовалось у него не безъ воздѣйствія идей и взглядовъ послѣдняго, а взгляды Бакунина стали подвергаться вліянію гегеліанскихъ идей и до ближайшаго знакомства его съ Гегелемъ—еще съ начала 1837 года, т.-е. до отъѣзда Бѣлинскаго на Кавказъ.

Но когда взгляды Бѣлинскаго окончательно опредѣлились къ осени 1838 года, то Мишель рѣшительно отказался признать ихъ правильность. Въ отвѣтѣ своемъ на письмо Бѣлинскаго отъ 10 сентября онъ прямо возстаетъ и противъ «дѣйствительности» Бѣлинскаго съ ея «желѣзными когтями и желѣзными челюстями», и противъ его новаго взгляда на Шиллера, какъ бездушнаго, отвлеченнаго фразера.

ГЛАВА XXV.

Вторая часть письма Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 10 сентября 1838 г., посвященная оцѣнкѣ и критикѣ настроенія и взглядовъ, заимствованныхъ сестрами Мишеля изъ его поученій.—Безотрадныя заключенія Бѣлинскаго относительно чувствъ къ нему Александры Александровны. Горькія размышленія его о самомъ себѣ.—Восторженная характеристика „субстанцій" сестеръ Бакунина и рѣзкая критика стремленія къ сознательности, охватившаго ихъ въ 1838 г. подъ вліяніемъ идей Мишеля.—Вредъ сознательности и важность сохраненія „непосредственности" и „простоты" для всѣхъ вообще и для женщины въ особенности, по мнѣнію Бѣлинскаго. — Стремленіе его самого къ непосредственности и простотѣ и надежда на постепенное достиженіе этого идеала.—Впечатлѣніе, произведенное этимъ письмомъ на М. Бакунина, выраженное имъ въ письмѣ къ братьямъ.—Впечатлѣніе отъ писемъ и взглядовъ Бѣлинскаго на Александру Александровну, выраженное ею въ различныхъ письмахъ того времени.—Отношеніе Татьяны Александровны къ полемикѣ между Бѣлинскимъ и Михаиломъ Бакунинымъ.

Въ біографіи Бѣлинскаго, составленной Пыпинымъ, довольно полно воспроизведена та часть письма Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 10 сентября 1838 г., въ которой Бѣлинскій излагаетъ свой новый взглядъ на значеніе гегеліанской разумной дѣйствительности, о чемъ мы говорили въ предшествующей главѣ; но А. Н. Пыпинъ совсѣмъ не излагаетъ второй части этого письма, въ которой Бѣлинскій подвергъ критикѣ то настроеніе, въ которое пришли подъ вліяніемъ Мишеля сестры его въ 1838 г.[1]). А между тѣмъ, эта именно часть письма Бѣлинскаго и послужила главной причиной разрыва его съ Бакунинымъ. Довольно подробно на ней остановился П. Н. Милюковъ въ статьѣ своей «Любовь у идеалистовъ 30-хъ годовъ» [2]), но и въ его статьѣ она изложена все же далеко не полно, а такъ какъ эта часть письма заключаетъ въ себѣ важные матеріалы

---

[1]) Теперь это письмо напечатано полностью въ собраніи писемъ Бѣлинскаго, изд. *Е. А. Ляцкимъ*.

[2]) „Изъ исторіи русской интеллигенціи", стр. 97 и слѣд.

для освѣщенія взглядовъ и взаимныхъ отношеній обоихъ друзей, то мы позволимъ себѣ теперь привести изъ нея довольно обширныя выписки.

Эта часть письма Бѣлинскаго состоитъ главнымъ образомъ изъ иллюстрацій къ изложенной имъ въ первой части теоріи *«дѣйствительности съ желѣзными когтями и желѣзными челюстями»*.—иллюстрацій, взятыхъ Бѣлинскимъ изъ окружавшей его жизни; здѣсь же изложены и взгляды, усвоенные имъ въ тотъ тяжелый моментъ его развитія на женскій вопросъ, причемъ взгляды эти онъ излагаетъ въ связи съ оцѣнкой и критикой того настроенія, въ какомъ находились тогда подъ вліяніемъ Мишеля младшія сестры послѣдняго Татьяна и Александра Александровны.

Обрисовавъ различнаго рода разочарованія, какія неизбѣжно осужденъ испытывать въ дѣйствительной жизни «идеальный человѣкъ» (фихтеанецъ)—это отчасти приведено у Пыпина[1]),—Бѣлинскій обращается къ личному своему положенію въ отношеніи сестеръ Мишеля:

«Чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ, говоритъ мудрая пословица русская. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Мои отношенія къ *ней* и къ нимъ съ часу на часъ проявляются все болѣе и болѣе. Я давно все почувствовалъ и ощутилъ, а теперь сознаю—ходъ естественный, и тутъ ошибка, конечно, возможна, потому что невозможнаго ничего нѣтъ, но болѣе невозможна, нежели возможна. Чувствую, что въ прошедшемъ письмѣ я слишкомъ жестоко напалъ на тебя за твое молчаніе о томъ, о чемъ бы мнѣ хотѣлось знать и о чемъ ты нѣсколько разъ обѣщалъ меня подробно увѣдомить. Можетъ быть, ты и въ самомъ дѣлѣ хочешь быть моимъ *другомъ во всемъ, кромѣ* одной стороны моей жизни, не почитая меня достойнымъ посвященія въ ея таинства, даже уже извѣстныя мнѣ и имѣющія ко мнѣ прямое отношеніе; но еще скорѣе можетъ быть, что я и ошибаюсь, но что тебѣ просто-напросто *нечего* было писать ко мнѣ объ этомъ предметѣ. Что касается до моихъ вопросовъ о нихъ, *внѣ* отношеній ко мнѣ, то я подозрѣваю, что ты не могъ потому отвѣчать на нихъ, что самъ растерялся, видя во всѣхъ отношеніяхъ противные твоимъ идеямъ и дѣйствіямъ результаты,

[1]) Т. I, стр. 230 и слѣд.

видя, что дѣйствительность не лошадь, которою можно управлять по волѣ, но кучеръ, который правитъ нами и преисправно нахлестываетъ насъ своимъ бичомъ. Это должно быть такъ и не можетъ быть иначе, и если еще не было, то будетъ — и очень скоро, — что ты съ ужасомъ остановишься передъ развязкою, которую присочинитъ оскорбленная тобою дѣйствительность къ сочиненной тобою завязкѣ. Отвѣчать же на вопросы о *нихъ* и о *ней* по отношенію ко мнѣ ты не могъ потому, что нечего было отвѣчать, и ты, чтобы не остаться въ неизвѣстности насчетъ дѣйствительности, сочинилъ, или вывелъ изъ разума, — свою, увѣряя меня, что «я *имъ* родной по духу, и духъ мой сталъ ближе къ ихъ духу, и онѣ замѣтили и почувствовали это приближеніе». Можетъ быть, это и такъ, только я ничего этого не замѣтилъ и не почувствовалъ. Слитіе духомъ, какого бы рода оно ни было, всегда найдетъ себѣ форму, въ которой и выразится. Для этого довольно слова, взгляда, движенія; но я ничего этого не видѣлъ, а что видѣлъ, то и теперь заставляетъ меня глубоко и тяжело страдать. Люди въ моемъ положеніи часто говорятъ: «я не хочу состраданія, оно оскорбило бы меня». Это вопль души, стонъ отъ тяжкой раны, и въ этомъ имъ никто не долженъ вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ этомъ они и сами себѣ не вѣрятъ. Нѣтъ! есть безконечно-мучительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно-отрадное блаженство узнать, что насъ не любятъ, но, тѣмъ не менѣе, цѣнятъ, намъ сострадаютъ, признаютъ насъ достойными любви и, можетъ быть, въ иныя минуты, живо созерцая глубину и святость нашего чувства, горько страдаютъ отъ мысли, что не въ ихъ волѣ его раздѣлять. Да, есть, есть упоеніе, вмѣстѣ горькое и сладкое, грустное и радостное, есть безграничный Wollust узнать, что, не имѣя значенія любимаго человѣка, мы *тѣмъ больше* противъ прежняго имѣемъ значеніе просто человѣка, что къ намъ питаютъ не холодное уваженіе, которое хуже, обиднѣе презрѣнія, но уваженіе, въ которомъ есть своего рода живая, трепетная любовь, вслѣдствіе живого слитія съ нашимъ духомъ, живого проникновенія въ нашу сущность и даже чувства эгоизма, столь понятнаго въ такомъ случаѣ. Такое къ намъ отношеніе трепетно, свято боготворимаго нами предмета особенно важно для насъ и для того, чтобы, переживая эпоху испытанія, успокоивши и уравнявши порывы мучительной

страсти, мы могли бы, какъ магометане въ Меккѣ, обращать на этотъ боготворимый предметъ взоры нашего духа съ грустнымъ, но сладостнымъ чувствомъ и въ святилищѣ своего духа носить его образъ свѣтлымъ, безъ потемнѣнія, всегда достойнымъ обожанія, во всемъ лучезарномъ, поэтическомъ блескѣ его святого значенія: чтобы при воспоминаніи объ немъ въ минуту грустнаго раздумья у насъ въ душѣ было свѣтло, легко, блаженно, а не возстало какое-то жгучее чувство обиды, оскорбленія... Это, Мишель, понятно и безъ объясненій.

«И что же? Мое чувство?

— «Мое чувство, возбужденное во мнѣ впечатлѣніемъ *ея* непосредственности, въ отношеніи ко мнѣ, говоритъ мнѣ, что не мой удѣлъ даже и эта печальная радость, и это грустное утѣшеніе. Какъ нарочно Б(откинъ) подкрѣпилъ во мнѣ это чувство фактомъ. Ты сказалъ ему, что *она* писала тебѣ изъ Москвы, что мой приходъ смутилъ *ее* и что, зная о моемъ къ ней чувствѣ, ей *непріятно* (или тяжело, можетъ быть) было меня видѣть. Понятно! непріятно видѣть человѣку собаку, которую онъ изуродовалъ пулею, подстрѣливъ ее по ошибкѣ вмѣсто зайца. Б(откинъ) утѣшалъ меня, говоря, что изъ этого факта еще ничего нельзя вывести положительнаго, что онъ могъ переврать слова, которыя и ты самъ могъ сообщить ему невѣрно. Все это такъ: но мое чувство... я вѣрю ему; притомъ же если-бъ это было не такъ, еслибъ тебѣ было писано и говорено что-нибудь такое, въ чемъ бы высказалось ко мнѣ это уваженіе, въ которомъ есть своего рода живая любовь, это святое небесное чувство состраданія женщины, которая *имѣла несчастіе* внушить *достойному* человѣку чувство, которое не можетъ раздѣлить; если бы все это было, то неужели, Мишель, ты, имѣя человѣческую душу, понимая все человѣческое, любя и уважая меня, не поспѣшилъ бы *тотчасъ же*, даже не дожидаясь моихъ вопросовъ, полувопросовъ и намековъ, сообщить мнѣ все и тѣмъ оживить минутою горькаго счастія бѣдное, разбитое и одинокое въ своихъ страданіяхъ сердце, и влить въ его зіяющія раны этого жгучаго и вмѣстѣ прохлаждающаго бальзама? Ты бы это и сдѣлалъ: уважая тебя я не могу въ этомъ сомнѣваться; но тебѣ нельзя было этого сдѣлать *по недостатку* фактовъ, и, чтобы потѣшить *себя* и *меня*, ты вывелъ изъ разума слитіе духа, какъ прежде вывелъ возстаніе Л(ан-

гера) и небесную дружбу его къ тебѣ. Знаю, Мишель, что это выраженіе покажется тебѣ горько, ядовито, обидно, и что я долженъ бы сказать *то же*, да *не такъ*: но вѣдь это выраженіе сказалъ не я, а глубокія, зіяющія раны избитаго, истерзаннаго, на тысячи кусковъ разорваннаго сердца. Это вопль души, тяжко страдающей. Помню, мой приходъ жестоко смутилъ ее, такъ жестоко, что я не могъ не замѣтить этого, хотя мое смущеніе было еще больше, такъ что я едва держался на ногахъ и мнѣ казалось, что полъ подо мною колеблется и домъ валится на бокъ. Это смущеніе я принялъ въ хорошую сторону: но чувство всегда вѣрно, никогда не обманываетъ въ дѣлахъ сердца: во мнѣ было только смутное движеніе радости, какое-то невытанцовывающееся ощущеніе, какъ будто мысль недоговоренная, прекрасные стихи безъ конца. На другой день я вспоминалъ объ этомъ смущеніи уже безъ всякаго движенія, какъ о встрѣчѣ съ знакомымъ, не больше, и выводилъ изъ этого, что моя любовь мелка, пошла и недостойна даже меня самого. А, дѣйствительность, ты мудра и премудра, ты знаешь, что дѣлаешь!

«На четвертый день были онѣ у Л(ангера): сидимъ мы всѣ въ гостиной, кто-то, вошедши изъ залы, сказалъ, что пріѣхалъ Поль,—и я очень хорошо замѣтилъ смущеніе, какъ будто бы краску въ лицѣ: она вышла въ другую комнату, откуда явилась черезъ минуту, но уже безъ смущенія. Съ этой минуты я все понялъ, и съ этой минуты началась моя пытка. Да, человѣку нельзя видѣть безъ смущенія кошки, собаки, которую онъ ненарочно поранилъ. Вѣдь это тоже состраданіе! Смѣшно жаловаться, но я не жалуюсь: я только хочу обогатить тебя фактомъ дѣйствительности: смѣшно просить, чего не хотятъ дать, но я ничего не прошу: я только хочу показать тебѣ, что не все то бываетъ, что бы, казалось, должно быть по всѣмъ законамъ необходимости. Всякій чувствуетъ, мыслитъ и поступаетъ, какъ знаетъ и какъ хочетъ: смѣшное на сторонѣ того, кто этимъ огорчается и кто хочетъ для себя перевернуть дѣйствительность. Но я ничего этого не хочу. Я не плакса,—я умѣю стерпѣть и не падать, я много могу вынести, и въ страданіи мнѣ измѣнитъ скорѣе организмъ, нежели духъ. Въ самомъ теперешнемъ безотрадномъ моемъ положеніи у меня бываютъ минуты свѣтлыя, минуты разгула души, и я *субъективно* умѣю читать эти стихи:

Я пилъ—и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.
Меня смѣшила ихъ измѣна,—
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Предъ зашипѣвшею струей!

«Я умѣю субъективно читать еще другіе стихи:

Когда король комедій не полюбитъ,
Такъ онъ—да просто—онъ комедіи не любитъ.

«Но я худо бы отрекомендовалъ себя, если бы умѣлъ только съ жгучимъ чувствомъ оскорбленія и ненависти читать эти два стиха, и если бы я умѣлъ видѣть *ее* только съ одной стороны. Нѣтъ, благодарность *ей*, благодарность *имъ*: *она* и *онъ* возбудили всѣ силы моего духа, открыли самому мнѣ все богатство моей природы, привели въ движеніе всѣ тайные, сокровенные родники заключенной во мнѣ безконечной силы, безконечной любви, и заставили ихъ бить и разливаться обильными волнами. *Она* и *онъ* открыли глазамъ моимъ таинство жизни, просвѣтлили, освятили храмъ духа моего; черезъ *нее* и черезъ *нихъ* я прозрѣлъ и узналъ жизнь, и возобновилъ жизнь, узналъ истину и возобновилъ истину. Пусть онѣ меня забудутъ, вычеркнутъ мое имя и мой образъ изъ списка своихъ воспоминаній,—что нужды?

Оно во мнѣ, хотя и не со мной!

«Таинство совершено, великій актъ духа свершился—остальное не такъ важно. *Моего* у меня никто не отниметъ, потому что *мое* въ духѣ. Да, въ моемъ духѣ, въ его недосягаемыхъ, сокровенныхъ глубинахъ и *она* и *онъ*, и я буду носить ихъ въ душѣ моей, доколѣ буду жить, доколѣ будетъ биться и трепетать и пламенѣть огнемъ жизни горячее сердце. Но, Мишель, я страдаю не за себя, хотя въ то же время и за себя: я хотѣлъ бы, чтобы тотъ образъ, который для меня имѣетъ большое значеніе, сохранился въ душѣ моей во всей своей просвѣтленности, во всей безконечности своего глубокаго значенія, безъ потемнѣнія, безъ малѣйшаго пятнышка, и чтобы его божественное, святое достоинство ослѣпляло мои взоры, какъ сверкающая одежда серафима. Я могу о себѣ думать и меньше,

чѣмъ стою, и больше, чѣмъ стою, но какъ бы то ни было, но у меня душа человѣческая, и она стоила бы лучшаго отзыва, большаго вниманія. Вѣдь онѣ всѣ для меня—какіе-то образы, подсмотрѣнные мною на небѣ, въ пророческомъ снѣ. Все, что я высказалъ тебѣ о нихъ *противъ нихъ*,—все это я высказалъ по праву, потому что купилъ это право дорогою цѣною... А *она*—она имѣетъ для меня двойное значеніе, я вижу въ ней два предмета: одинъ изъ нихъ я называю *она*, а другой включаю въ слово *онъ*—не умѣю лучше выразить моей мысли. Да, пусть она *уважаетъ* меня—что мнѣ за дѣло до этого?—

Оно во мнѣ, хотя и не со мной!

«Этотъ образъ, для изображенія котораго нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ, нѣтъ образовъ, это созданіе, очаровательное и небесное въ самыхъ уклоненіяхъ своихъ отъ дѣйствительности, это лицо, этотъ голосъ, эти волны темныхъ локоновъ—и все, и все,—все это *никогда* не оставитъ меня, потому что я могу еще представить себя счастливымъ или несчастнымъ новымъ чувствомъ, но встрѣтить въ жизни что-нибудь не выше, не равное, но подобное,—нѣтъ, это невозможно! Это было откровеніе тайнъ бытія, озарившее меня въ живомъ поэтическомъ образѣ, и это относится не къ одной ней, но и къ нимъ. Да, нельзя, невозможно больше, выше цѣнить ихъ. Но цѣнить значитъ понимать, а понимать значитъ видѣть не призракъ, отвлеченный отъ живого образа, а самый живой образъ. Тебя, вѣрно, изумило мое прошлое письмо и не менѣе изумитъ это: мой языкъ покажется тебѣ новъ, неожиданъ, смѣлъ. Ты слышалъ отъ меня однѣ восторженныя похвалы, видѣлъ одно восторженное удивленіе—сочувствовалъ моему восторгу и раздѣлялъ его, не видя лжи въ самой его истинности. Да, теперь-то я вижу и сознаю, что нераздѣленная любовь есть чувство истинное и въ то же время ложное. Любить значитъ понимать конкретно, дѣйствительно, видѣть *всѣ* стороны любимаго предмета, не отдѣляя ихъ и не дѣлая изъ каждой изъ нихъ отдѣльнаго образа, но во всѣхъ нихъ видя одинъ образъ. Я боготворилъ въ нихъ ихъ субстанціи, глубокія, геніальныя, ихъ могучія природы, которыя и теперь буду боготворить до тѣхъ поръ, пока сохраню мое человѣческое достоинство, мою способность понимать и чувствовать прекрасное жизни. Но я

забылъ, что кромѣ субстанціи еще нужно опредѣленіе, что это опредѣленіе, особенно у женщинъ, формируется жизнію, и что чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ безконечнѣе въ немъ возможность совершенствованія и искаженія. Я принималъ на вѣру каждое ихъ слово, каждый поступокъ. Я не смѣлъ судить—я смѣлъ только удивляться. Моя идеальность и призрачность видѣли великое въ ихъ идеальности и призрачности, и поэтому меня часто смущало и мнѣ не нравилось то, что дѣйствительно было въ нихъ просто, нормально и велико. Варвара Александровна была особенно камнемъ преткновенія для моей пошлой мудрости»...

Но все, сказанное здѣсь о Варварѣ Александровнѣ, мы уже выписали въ главѣ XX, когда разсказывали исторію «Варенькинаго освобожденія» и поэтому не будемъ вторично выписывать этого мѣста письма здѣсь.

Окончивъ характеристику Варвары Александровны обращеніемъ къ Н. В. Станкевичу, которое мы тоже привели въ своемъ мѣстѣ, Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующее лирическое отступленіе:

...«36 годъ зачѣмъ прошелъ и никогда уже не воротится! Нѣтъ, я вѣрю, что воротится не только 36 годъ, но и 34, который былъ еще лучше (я имѣю важныя причины такъ думать)—я вѣрю этому. Если я не увижу его, то услышу о немъ, можетъ быть, и его гармоническое, благоухающее, *простое* вѣянье прольетъ блаженство въ мою душу!

«Ложь не прочна, и истина должна восторжествовать. Спасеніе только въ сферѣ истины,

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой“.

А затѣмъ онъ опять обращается къ сестрамъ Мишеля:

«*Ихъ* души сильны и могучи. Но если это, съ одной стороны, есть ручательство за выходъ въ дѣйствительность, то съ другой, это же можетъ грозить и ужасною коллизіею: сильныя души, по недостатку упругости, иногда ломаются и находятъ свой выходъ *тамъ*. Сильная душа имѣетъ свойство желѣза—закаляться и дѣлаться булатомъ: хорошо, если форма истинна, но, получивши ложную, онъ ломается, а не измѣняется. Свинецъ можно въ день перемѣнить во сто различныхъ

формъ. Да, чѣмъ глубже душа, тѣмъ безконечнѣе въ ней возможность и совершенствованія, и искаженія.

«Петръ [1]) мнѣ говорилъ, что ощущеніе запаха ладана есть признакъ дурной: дѣло можетъ кончиться *ужасною* и *скорою* катастрофою. Возьми свои мѣры, Мишель. Ты ихъ ввелъ въ царство мысли и далъ имъ новую жизнь, но я имѣю сильныя причины думать, что имъ сильно, сильно хочется *туда*. Когда еще онѣ не знали достоинства мысли, ихъ спасало отъ этого желанія *простое чувство* покорности Провидѣнію. Послѣднее мнѣ лучше нравится. Такой ужъ у меня образъ мыслей теперь.

«Т. А. писала въ Москвѣ къ Л(ангер)у письмо, въ которомъ съ грустію жаловалась, что ей не дано понимать музыку, потому что она (по ея мнѣнію) не такъ поняла одно мѣсто изъ квартета. Это сомнѣніе въ себѣ, выраженное со всѣмъ *простодушіемъ* и всею силою глубокой души, живо и глубоко тронуло меня и Б(откин)а. Однажды въ Премухинѣ онъ сказалъ ей, что она напрасно не довѣряетъ своему чувству, что мѣсто въ квартетѣ нельзя было понять вѣрнѣе и глубже, какъ поняла она. (Боткинъ забылъ, что онъ не такъ далекъ въ мысли, чтобы вѣрить своему чувству въ дѣлѣ музыки и оправдывать чужое чувство.) Т. А. отвѣчала ему: «Что я знаю?—Надо все знать не чувствомъ, а мыслію». Они оба замолчали. Я бы сдѣлалъ то же. По крайней мѣрѣ я радъ, что не слышалъ этого самъ, и жалѣю, что Б. разсказалъ мнѣ это. Не сердись на меня, Мишель: это мое *субъективное* мнѣніе—плюнь на него. Можетъ быть (чего не можетъ быть?—Я *всего* ожидаю), можетъ быть, ты скажешь мнѣ, что я могъ бы поберечь свои мнѣнія про себя. Не могу, видитъ Богъ—не могу! Для меня любить значитъ имѣть право высказывать всякую мою задушевную мысль. Всѣ отношенія должны основываться на истинѣ. Кто мнѣ не скажетъ правды, тотъ мнѣ не другъ, а кто обидится ею отъ меня, называя меня другомъ, тому я буду въ состояніи простить это, не сердясь на него, а рѣшась впредь не подавать ему никакихъ поводовъ оскорбляться мною.

«Великій Боже! дѣвушка, такая глубокая, въ такой степени доступная изящному, отказывается добровольно отъ того, что составляетъ ея сущность—отъ своего чувства—и для чего же?

[1]) П. П. Клюшниковъ, докторъ, братъ Ивана Петровича.

для какой-то мысли, которая никогда не будетъ ея удѣломъ, если она не захочетъ промѣнять своего значенія прекраснаго, поэтическаго небеснаго созданія на значеніе femme savante! Стало быть, онѣ увѣрены, что для нихъ теперь не существуетъ наслажденія искусствомъ, потому что онѣ еще далеко не проникли его мыслію, для чего нужно огромное изученіе многихъ сочиненій? Для женщины искусство не существуетъ во всей полнотѣ и сущности своего значенія: въ этомъ согласны всѣ великіе люди: и я, и Гегель. Этихъ двухъ авторитетовъ и для тебя должно быть достаточно. Но женщина можетъ многое въ искусствѣ глубоко понимать непосредственно, особенно такія произведенія, которыхъ субъективное пониманіе есть въ то же время и объективное. Музыка для женщины доступнѣе всѣхъ искусствъ, потому что менѣе прочихъ уловима мыслію, и я понимаю, отчего *онѣ* музыку любятъ больше поэзіи. Онѣ, Мишель, многія произведенія, особенно музыкальныя, могутъ чувствовать такъ, что ихъ ощущеніе можетъ перевести на понятіе развѣ какой-нибудь Ретшеръ. И онѣ отрекаются отъ своего пониманія, отъ своей глубокой, безконечной способности наслаждаться тѣмъ, что должно составлять высочайшее ихъ наслажденіе!.. Да это значитъ отрекаться отъ самого себя, отъ своей сущности, отъ своей дѣйствительности!.. Непонятно!.. Или это блужданіе въ пустыхъ пространствахъ, населенныхъ образами безъ лицъ, или я поглупѣлъ, опошлился. Не знаю, голова кружится... Если онѣ правы, то, видно, истина не для меня, и я не для истины, и мнѣ надо съ нею раскланяться, мудрено, не *просто*... Я помню, какъ онѣ шутили надъ словами *субъективный* и *объективный*, почитая ихъ *невыговариваемыми* для себя и странными даже въ нашемъ мужскомъ разговорѣ; я помню, какъ онѣ шутили надъ Н. А., [1]) которая въ своихъ письмахъ часто употребляла слово *абсолютъ;* въ этихъ шуткахъ, въ этомъ отчужденіи отъ подобныхъ терминовъ высказалась глубокая нормальная природа, вѣрное женственное чувство, и, между тѣмъ, онѣ вздыхаютъ о *знаніи*, о *мысли!* Въ ложномъ положеніи человѣкъ всегда противорѣчитъ себѣ.

«Въ прошедшемъ письмѣ я намекалъ тебѣ объ одномъ фактѣ, доказывающемъ ихъ *рѣзкую* перемѣну: я не хотѣлъ говорить

[1]) Натальей Андреевной Бееръ.

о немъ, потому что больно мнѣ вспоминать его; но теперь разскажу и его, чтобы уже не осталось ничего разсказывать и повторять одного и того же, если мы еще будемъ продолжать переписываться объ этомъ предметѣ, и чтобы я не могъ упрекнуть себя въ недосказанности, если это письмо будетъ послѣднимъ объ этомъ предметѣ. Ты былъ въ Торжкѣ, мы гуляли. Пропускаю хожденіе по доскамъ и бревнамъ, хожденіе, оправдываемое авторитетами Беттины и Гете, слѣдовательно, не оригинальное и потому, какъ думаю я, неумѣстное. Зашелъ разговоръ о порывѣ, который увлекаетъ летать по звѣздамъ.

Какъ-то, не помню, замѣчено было, что смерть удовлетворитъ вполнѣ этому порыву. Я замѣтилъ Александрѣ Александровнѣ, что *нельзя опредѣлить, какъ* мы будемъ безсмертны, хотя и можно вѣрить, что будемъ безсмертны, и что будемъ безсмертны въ тѣлѣ, при условіи пространства и времени, и что, слѣдовательно, летаніе по звѣздамъ есть—*мечта,* но не *мысль.* Вдругъ отвѣчаютъ на мое замѣчаніе, но отвѣчаютъ не мнѣ и никому, а всякому и каждому, кто бы ни почелъ это отвѣтомъ себѣ. Отвѣтъ или возраженіе состояло въ томъ, что ничего *нельзя* и *не должно опредѣлять*, потому что, когда что-нибудь опредѣлишь, то станетъ самому гадко и пошло, *какъ говоритъ Мишель.* Этотъ отвѣтъ мнѣ, адресованный безлично, былъ совсѣмъ не возраженіемъ, потому что я именно *это-то* и замѣтилъ,—но что нужды, отвѣтъ или возраженіе было тѣмъ не менѣе сказано такимъ тономъ, въ которомъ высказывались и совершенное уничтоженіе моей мысли, безъ всякаго уваженія къ ней, и совершенное убѣжденіе въ справедливости своей мысли, какая-то жалость, какое-то сострадание къ моей слѣпотѣ, и что-то вродѣ наставленія мнѣ, и что-то такое, какъ будто нелѣпость моего мнѣнія оскорбительна для слуха другихъ. Но я никогда не сумѣю выразить всего, что было лестнаго для меня, моей личности и моего самолюбія въ этомъ тонѣ, а въ немъ было много, много... И говоря все это, были такъ прекрасны, такъ очаровательны, что тяжелое и непріятное впечатлѣніе, смутившее и поразившее меня всею своею силою, было тѣмъ тяжелѣе и непріятнѣе. Я обвинялъ себя въ мелкомъ самолюбіи и даже согласился, что моя мысль была нелѣпа, хотя моя мысль именно была *та же* самая, которою мнѣ и возразили такъ *сильно.* Я еще тогда только чув-

ствовалъ перемѣну, но не сознавалъ ее: сознаніе озарило меня въ Москвѣ, и уже давно, но смерть Любови Александровны на время закрыла отъ меня совершенно эту сторону моей жизни, которая теперь тѣмъ въ большемъ свѣтѣ снова предстала мнѣ. Да, теперь ясно вижу несомнѣнную пользу въ развитіи, въ мысли: оно даетъ, особенно женщинѣ, самобытность и увѣренность въ себѣ. Прогрессъ очень очевиденъ: *простыя* дѣвушки, которыхъ вся жизнь была любовь и вѣра, но любовь и вѣра *простыя*, вытекавшія изъ *простыхъ*, святыхъ и глубокихъ непосредственностей, уже не только *чувствуютъ*, но и *знаютъ*. Конечно, краеугольный камень этого знанія есть два магическія слова: «Мишель говоритъ», но женщины иначе и не могутъ знать. Для нихъ слова любимаго мужчины не потому истинны, что въ самомъ дѣлѣ истинны, но потому, что они *его*; для нихъ поступокъ любимаго человѣка не потому прекрасенъ, но потому, что онъ *его* поступокъ. Прежде я презиралъ *такую* любовь и съ состраданіемъ говорилъ, что Л. А. не можетъ любить другою любовію, и что ея любовь никогда бы не удовлетворила меня; а *теперь* я чувствую и знаю, что только такая любовь женщины могла бы меня удовлетворить, и что всякая другая любовь, основанная на сознательномъ пониманіи любимаго субъекта, есть порожденіе логическихъ хитросплетеній и самолюбивыхъ, эгоистическихъ потребностей. Женщина не мужчина, и чтобы понимать и любить ее, надо понимать и любить ее, какъ женщину, *просто*, а не какъ идеалъ или героиню. Кто видѣлъ въ любимой женщинѣ идеалъ, того любовь могла заключать въ себѣ много глубоко-истинныхъ элементовъ, но въ своей цѣлости была что-то уродливое, неестественное. Впрочемъ, въ моей природѣ много нормальности, и мое состраданіе къ Л. А. было въ мысли, а (мое чувство) къ величайшему моему огорченію, восхищалось ея любовію, простою, тихою, но глубокою и сильною, какъ это лучше всего доказала трагическая катастрофа... Да, мысль много глупостей заставляла меня говорить, и теперь, вспоминая прошедшее, я часто восклицаю:

О, философія! ты срѣзала меня!

И иначе не могло быть, потому что всѣ ощущенія были искажены воспитаніемъ. Еще не чувствуя потребности любви, я, будучи мальчишкою, уже составилъ себѣ идеалъ любви и лю-

былъ сообразно инструкціи, данной этимъ идеаломъ. Прочтя біографію Александра Македонскаго, я готовъ былъ три дня ходить, скривя шею, чтобы походить на македонскаго героя. Прочтя «Разбойниковъ», я готовъ былъ заткнуть за жилетъ деревянный кинжалъ. Все это естественно, но ничего бы этого не было, если бы мое отрочество и часть юности были проведены въ ученіи, за грамматиками и словарями, а не за романами, и если бъ я прочелъ все въ свое время. Натура, предоставленная самой себѣ, должна исказиться. Воспитаніе—великое дѣло. Теперь, разбирая мои чувства, самыя святыя, самыя истинныя, и которыя есть признакъ и доказательство, что у меня есть истинная и глубокая сущность, что природа была мнѣ не злою мачехою, но доброю, нѣжною матерью,—я нахожу въ нихъ еще такъ много ложнаго, натянутаго, пошлаго, оставшагося отъ чтенія даже первыхъ романовъ, прочтенныхъ мною, и отъ ощущеній, сформированныхъ еще въ дѣтствѣ и, безсознательно, по преданію живущихъ во мнѣ. Идеальность есть моя хроническая болѣзнь, которая глубже засѣла въ мой организмъ, чѣмъ геморрой. Простота во мнѣ была, когда я забывался, переставалъ мыслить, или когда даже и мыслилъ, но самъ собою, безъ вліянія авторитетовъ, или подъ вліяніемъ бунтовъ противъ авторитетовъ. Теперь вдругъ настало время раздѣлки за старые грѣхи. Я какъ будто спалъ и проснулся отъ удара грома. Значитъ—зерно принесло свой плодъ, и плодъ созрѣлъ—настало время жатвы. Все вышло и выработалось изъ жизни. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую свою недѣйствительность и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую свою къ ней близость [1]). Надо хорошенько расчесться съ прошедшимъ и совершенно разрушить его для будущаго, и совершенно освободить будущее отъ прошедшаго. Надо начать новую жизнь,—жизнь *простоты*, жизнь не необыкновеннаго существа, рожденнаго на диво міру, а простого добраго малаго, который живетъ, какъ живется, и думаетъ, и мыслитъ, и сознаетъ, какъ умѣетъ, жизнь, но въ то же время знаетъ, *гдѣ* надо послѣдовать простому (инстинктивному побужденію)»...

На этихъ словахъ обрывается сохранившаяся рукопись.

Это письмо Бѣлинскаго произвело огромное впечатлѣніе на

---

[1]) Т.-е. близость къ дѣйствительности. *А. К.*

Мишеля, что видно, между прочимъ, изъ сохранившагося въ архивѣ письма Мишеля къ братьямъ отъ 11 октября 1838 г., гдѣ онъ упоминаетъ о «3-ей жестокой войнѣ съ Виссаріономъ Григорьевичемъ», «который,—пишетъ онъ тамъ—собравъ всѣ свои силы, напалъ не только на меня, но даже и на нашихъ милыхъ и прекрасныхъ сестрицъ. Меня обвиняетъ въ томъ, что во мнѣ нѣтъ ни жизни, ни горячей крови, этого необходимаго условія всякой жизни: говоритъ, что я не болѣе, какъ сухая, холодная, логическая отвлеченность, и что моя мысль, замораживающая всякое чувство, распространила свое пагубное вліяніе и на сестеръ, которыя, оставивши гармоническую сферу женщины, кинулись въ чуждую имъ область мысли и сдѣлались вслѣдствіе этого гордыми, холодными, человѣконенавистными!»

Такъ формулируетъ раздраженный Бакунинъ горячія, но задушевныя, написанныя «кровью и сокомъ сердца», обвиненія Бѣлинскаго. Изъ этого можно видѣть, до какой степени Бакунинъ былъ ими задѣтъ за живое.

«Вы легко поймете, любезные братцы,—продолжаетъ онъ тутъ же, уже въ полушутливомъ тонѣ,—что я не могъ оставить такой обиды безъ строгаго наказанія, и я написалъ Виссаріону Григорьевичу отвѣтъ въ 21 листокъ, гдѣ я такъ нахлопалъ его по спинѣ и по прочему, что онъ долго еще будетъ почесывать свои шаровары»...

Письмо Бѣлинскаго было, очевидно, показано и сестрамъ. Первое впечатлѣніе, которое оно произвело на Александру Александровну, вылилось въ слѣдующемъ (неотосланномъ) письмѣ ея къ Виссаріону Григорьевичу, которое также сохранилось въ архивѣ.

„Премухино. 11 сентября 1838 года“.

«Виссаріонъ Григорьевичъ, слезы невольно катились изъ глазъ моихъ, когда я читала письмо ваше:—вы мало знаете или, лучше, совсѣмъ не знаете меня. Повѣрьте, не презрѣніе, не сожалѣніе питаю я къ вамъ, но мое чувство, если и не то, которое бы вамъ могла дать другая женщина, истинно, свято. Всегда желала я сблизиться, говорить откровеннѣе съ вами,—мнѣ казалось, что вы не поймете горячаго, живого моего участія, что вы примете его за насмѣшку, за жалость, и я останавливала себя, даже осуждала, не понимала въ себѣ эту

потребность сблизиться съ человѣкомъ, котораго надежды, желанія я не могу исполнить. Часто говорила себѣ, что вы не меня любите, но особенное прекрасное существо;—я далека отъ него, подъ моимъ именемъ вы мечтаете о другой, и я молю Бога, чтобы вы ее встрѣтили въ этомъ мірѣ, чтобъ она дала вамъ то, что я не могла дать, чтобъ искупила страданія ваши любовью своею, и вы простите, забудете тогда невольныя мои оскорбленія противъ васъ.—Нѣтъ, я не равнодушно смотрѣла на страданія ваши, сердце обливалось кровью, когда переносилась въ положеніе ваше,—блѣдное, страдальческое лицо ваше носилось передо мною, и я горько, горько плакала и просила Бога помочь мнѣ, внушить, что я должна дѣлать: мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы лучше узнали, чтобъ вы проще, какъ сестру, любили меня, видѣли бы и дурное и хорошее во мнѣ. Знаете, тяжело, грустно думать, что мы не то, что другіе создаютъ себѣ изъ насъ, и что очарованіе пройдетъ, когда узнаютъ истину.—Осужденіе и нападки ваши насчетъ *мысли* и *высокаго мнѣнія* о себѣ несправедливы, но, обвиняя, вы лучше узнаете насъ, и все ложное, призрачное останется въ сторонѣ. Душно, тяжело стало на сердцѣ, когда я прочла границы, опредѣленія, въ которыя вы заключаете женщину. Развѣ мы не свободныя существа, развѣ мы не достойны къ соединенію, слитію съ вѣчнымъ духомъ, развѣ мы не должны умирать, страдать всю жизнь нашу? Вы меня видѣли это лѣто въ болѣзненномъ состояніи, я вся предана была темному, непросвѣтленному чувству, хотѣла убѣжать отъ себя, отъ другихъ, и страшно было оставаться одной, страшно было войти во внутреннюю жизнь свою; всѣ окружающіе меня казались мнѣ скушны, я не была въ состояніи исполнить внѣшнія обязанности въ домѣ, въ семействѣ, которыя такъ необходимы для женщины, не могла дать счастія никому и только мучила другихъ собою: сердце стремилось въ тотъ безвѣстный міръ, гдѣ думала найти разрѣшеніе, конецъ всѣмъ этимъ ужаснымъ страданіямъ, и смерть была моя любимая мечта, и я жила только въ тѣ свѣтлыя, невыразимыя минуты, когда безсознательно все существо сливается съ Богомъ, когда забываешь и горе и страданія въ немъ, когда все такъ легко, ясно; но и эти минуты отравлялись мыслью, что онѣ не мои, что нѣтъ силъ остановить, удержать ихъ, — и опять тоска, опять страданія...

«Нѣтъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, только чувство, просвѣтленное мыслію, миритъ съ жизнью, даетъ намъ то спокойствіе, ту гармонію, которыя проявляются въ движеніяхъ, словахъ, дѣйствіяхъ, которыя просвѣтляютъ всѣ минуты жизни и дѣлаютъ то легко, что прежде казалось невозможнымъ, невыносимымъ.—Міръ Божій такъ прекрасенъ, жизнь въ радостяхъ, страданіяхъ такъ полна,—и жить, и умереть хорошо: все ведетъ, все приближаетъ къ источнику вѣчной истины. Благословимъ Небеснаго Отца нашего за жизнь и за смерть, за горе и радость,—все отъ него и все ведетъ къ нему.—Передо мной возвышается бѣлая церковь, возлѣ нея могила сестры, убранная цвѣтами, горе посѣтило насъ, смерть ея какъ будто оторвала что-то отъ сердца, но болѣе чѣмъ когда-нибудь соединила съ нею, соединила съ жизнію не въ призракахъ, мечтахъ и фантазіяхъ, но съ святой, дѣйствительной жизнію.—Вы правы, я еще не достигла истиннаго осуществленія внутренней жизни моей, часто увлекаюсь призраками, но вѣра и любовь не тщетны: онѣ выведутъ меня изъ всего ложнаго и приведутъ къ цѣли.—Христосъ сказалъ:—*просите, и дастся вамъ.*

Александра Бакунина."

Но письмо это не было отослано адресату, быть можетъ, не безъ вліянія Мишеля, который въ это время особенно враждебно относился къ Бѣлинскому. 6 октября на немъ рукой самой Александры Александровны сдѣлана слѣдущая надпись, носящая на себѣ явные слѣды знакомства съ романами Жанъ-Поля Рихтера и дневниками Беттины:

«Это письмо останется у меня,—я не пошлю его. Я высказала все, что было на душѣ, и теперь я покойна, совершенно покойна. Несправедливости его противъ сестры, противъ меня не помѣшали-бы мнѣ послать письмо, но развѣ женщина можетъ говорить изъ глубины сердца человѣку, который не вѣритъ самому святому ея назначенію, самымъ святымъ минутамъ ея жизни. Онъ проводитъ черту вокругъ нея и страшно, страшно угрожаетъ той, которая преступитъ эту черту. Но горе *ей*, если, испугавшись угрозъ, она останется въ этомъ мертвомъ кругу,—она видитъ синее далекое пространство, видитъ блестящія звѣзды, лучи ихъ трепещутъ, переливаются, какъ будто манятъ ее къ себѣ:—одна звѣзда вдругъ отдѣлилась,

летитъ, приближается, — она зоветъ ее, — но звѣзда не долго горѣла, — она угасла, и Богъ знаетъ, когда загорится опять. Чудныя видѣнія, чудныя тѣни возникаютъ изъ тумановъ и мелькаютъ вдали, они находятъ отголосокъ въ сердцѣ,—но все, какъ сонъ,—все исчезаетъ,—и она плачетъ, тоскуетъ и умретъ, наконецъ, призывая эти сны, эти видѣнія, не смерть ей будетъ тогда небесною посланницею,—но жизнь, воскресеніе той, которая, не смущаясь человѣческихъ угрозъ, съ вѣрою и любовію, идетъ впередъ.—Она не боится страданій, она вѣритъ, что они приближаютъ ее къ Богу,—знаетъ, что не напрасно живетъ, и благословляетъ землю, на которой узнала жизнь и блаженство.»

Однако, Александра Александровна и послѣ того не разъ перечитывала хранившіяся въ Премухинѣ письма Бѣлинскаго. 27 декабря 1838 года вотъ что писала она Александрѣ Андреевнѣ Бееръ, подъ вліяніемъ перечитаннаго ею стараго письма Виссаріона Григорьевича отъ 13—17 августа 1838 года, написаннаго имъ тогда подъ живымъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Любови Александровны:

«Сейчасъ читала старое письмо Бѣлинскаго, гдѣ онъ такъ много, съ такою любовью говоритъ про нашу Любашу;—это письмо я тогда же взяла къ себѣ. Да, вѣрю, онъ любилъ ее, любилъ болѣе, истиннѣе, чѣмъ которую нибудь изъ насъ. Но развѣ можно было не любить ее, развѣ можно было смотрѣть равнодушно на ея свѣтлое, ангельское личико. Мнѣ грустно думать, что Бѣлинскій не знаетъ насъ и, не зная, обвиняетъ. Грустно, но, видно, такъ надобно. Придетъ время—все откроется, все прояснится. Письмо его—святое, я никогда не разстанусь съ нимъ. Его фантазія ко мнѣ прошла, Alexandrine: Богъ услышалъ молитвы мои. Онъ теперь покоенъ, счастливъ, и Богъ пошлетъ ему ангела, который утѣшитъ, успокоитъ его въ этомъ мірѣ. Я страдала, я глубоко страдала съ нимъ за него. Богъ позволитъ мнѣ и радоваться, смотря на его счастье. *«Душа рвется къ тебѣ, къ вамъ. Вѣдь я твой, вашъ, родной всѣмъ вамъ.»*—Вотъ что онъ писалъ Мишѣ въ этомъ письмѣ, и эти слова истиннѣе всѣхъ тѣхъ, которыя онъ выговаривалъ послѣ. Да, я вѣрю, все разрѣшится, темное будетъ свѣтлымъ, и придетъ время гармоніи любви»...

Такъ закончился неудачный романъ «Неистоваго Виссаріона» съ А. А. Бакуниной.

Татьяна Александровна въ тотъ моментъ была, повидимому, также всецѣло на сторонѣ брата въ спорахъ его съ Бѣлинскимъ. Вотъ что писала она, между прочимъ, 7 октября 1838 г. второму брату своему Николаю:

...«Мишель не писалъ тебѣ, потому что мы ѣздили все это время, а теперь онъ занятъ страшными спорами съ Бѣлинскимъ. Я бы хотѣла прочесть тебѣ его письмо. Ты бы узналъ его. Но весною вы будете вмѣстѣ и вѣрно полюбите другъ друга, а ты убѣдишься, что непоколебимая вѣра наша въ него не безъ основанія»...

ГЛАВА XXVI.

Большое письмо Бѣлинскаго отъ 12 - 24 октября 1838 г. въ отвѣтъ на язвительное письмо Михаила Бакунина.—Оправданіе во взведенномъ на него Бакунинымъ обвиненіи въ совмѣстномъ съ П. П. Клюшниковымъ нападеніи на направленіе, усвоенное сестрами Мишеля.—Споръ съ Мишелемъ относительно построенной Бѣлинскимъ теоріи дѣйствительности съ желѣзными когтями и желѣзными челюстями.—Полемика относительно настроенія самого Бѣлинскаго и предсказанной ему Мишелемъ печальной будущности.—Заключительная часть письма 12 - 24 октября 1838 г.

Огромный отвѣтъ Бѣлинскаго на послѣднее ядовитое письмо Михаила Бакунина писался цѣлыхъ двѣнадцать дней, причемъ Бѣлинскій такъ волновался, что даже сдѣлался боленъ, какъ самъ онъ сообщаетъ въ концѣ письма.

Письмо это начинается знаменательнымъ эпиграфомъ: «*Еще одно послѣднее сказанье,—и лѣтопись окончена моя!*»

Въ самомъ началѣ письма Бѣлинскій указываетъ, что онъ не отвѣчалъ бы вовсе на этотъ разъ Мишелю, если бы въ письмѣ его не было ничего, кромѣ ядовитыхъ и раздражительныхъ диссертацій, которыми наполнена была вся его первая часть; но во второй части его Бѣлинскій усмотрѣлъ горячій и прочувствованный призывъ друга, на который не могъ не отозваться, и отвѣтомъ на этотъ призывъ и послужила та подробная исторія взаимныхъ ихъ отношеній, которую мы использовали въ своемъ мѣстѣ.

Бѣлинскій посвящаетъ здѣсь также нѣсколько страницъ защитѣ отъ взведеннаго на него Мишелемъ обвиненія въ томъ, что онъ будто бы предпринялъ свое нападеніе на непонравившееся ему новое направленіе премухинской женской молодежи не одинъ, а въ союзѣ и по предварительному уговору съ докторомъ П. П. Клюшниковымъ. Этотъ послѣдній прожилъ въ

Премухинѣ нѣсколько недѣль, когда умирала Любовь Александровна, и на него, повидимому, также произвели отрицательное впечатлѣніе та умственная экзальтація и приподнятость, которыя господствовали въ это время въ Премухинѣ, благодаря Мишелю. Впечатлѣніе, произведенное на Клюшникова направленіемъ сестеръ Мишеля, подмѣтила Варвара Александровна-старшая и, почувствовавъ въ немъ, такимъ образомъ, человѣка, могущаго ей сочувствовать, она, какъ сообщаетъ Бѣлинскій, жаловалась Клюшникову со слезами на глазахъ на Мишеля, что онъ «лишилъ ее и Александра Михайловича любви дочерей». Это и подало поводъ Клюшникову войти въ обсужденіе самыхъ интимныхъ сторонъ премухинской жизни въ особомъ письмѣ, которое онъ написалъ Варварѣ Александровнѣ по возвращеніи своемъ въ Москву. Это письмо, въ которомъ Клюшниковъ коснулся настроенія и жизни молодыхъ дѣвушекъ, даже съ медицинской точки зрѣнія, взбѣсило Мишеля тѣмъ болѣе, что оно пришло почти одновременно съ письмомъ Бѣлинскаго отъ 10 сентября, что и дало поводъ Мишелю заподозрить обоихъ пріятелей въ стачкѣ, а Бѣлинскаго обвинить въ томъ, что онъ обсуждалъ интимный бытъ премухинской семьи съ человѣкомъ, лишь случайно вошедшимъ съ нею въ соприкосновеніе. Бакунинъ, какъ видно изъ письма Бѣлинскаго, написалъ и Клюшникову довольно рѣзкое письмо, въ которомъ Клюшниковъ увидѣлъ, какъ свидѣтельствуетъ Бѣлинскій, «не дружественное письмо, котораго ожидалъ, а *короткую* диссертацію о жизни», и все собирался отвѣтить Бакунину, «что ни въ чьихъ совѣтахъ не нуждается и хочетъ *жить просто, чтобъ прожить лѣтъ со сто*». Бѣлинскому же пришлось подробно оправдываться во взведенномъ на него подозрѣніи и доказывать, что и онъ, и Клюшниковъ писали и отправляли свои письма совершенно независимо одинъ отъ другого.

Затѣмъ, увлекшись при перечитываніи письма Мишеля гнѣвомъ противъ различныхъ несправедливостей и искаженій его собственныхъ взглядовъ, Бѣлинскій не выдержалъ и далъ, вопреки первоначальному намѣренію, нѣсколько весьма раздражительныхъ и въ то же время и весьма любопытныхъ репликъ на язвительныя диссертаціи, которыя были направлены Бакунинымъ преимущественно противъ стремленія Бѣлинскаго сдѣлаться «простымъ добрымъ малымъ» и противъ возстанія его

на философскій идеализмъ. Эта часть письма была, правда, изложена А. Н. Пыпинымъ [1]); но хотя Пыпинъ изложилъ вполнѣ вѣрно всѣ главныя мысли и сужденія Бѣлинскаго, однако же, мысли эти такъ важны для пониманія тогдашняго настроенія и Бѣлинскаго, и самого Михаила Бакунина, что мы считаемъ не лишнимъ выписать здѣсь эту часть послѣдняго «полемическаго» посланія «Неистоваго Виссаріона», ибо это существенно важно для пониманія дальнѣйшихъ обстоятельствъ.

«Совершенно согласенъ съ тобою — писалъ Бѣлинскій — въ опредѣленіи значенія и достоинства дѣйствительности: оно такъ хорошо, что я теперь лучше понимаю то, что чувствовалъ и предчувствовалъ на этотъ предметъ.

«Напрасно ты выводишь изъ моихъ словъ заключеніе, что «дѣйствительность легко понять,— стоитъ только смотрѣть на нее безъ всякихъ предубѣжденій». Оно и такъ, да не такъ. Я разумѣлъ дѣйствительность не въ ея общемъ и абсолютномъ значеніи, а въ отношеніяхъ людей между собой. Справься съ моими письмами и увидишь, что ты не такъ понялъ меня. Разумѣется, всякій понимаетъ дѣйствительность потолику, поколику понимаетъ ее, ни больше, ни меньше; но много есть задачъ и поступковъ, къ которымъ идетъ стихъ Крылова «А ларчикъ просто открывался», и ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ Хемницера «Метафизикъ», разсуждающій въ ямѣ о времени и веревкѣ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться тѣмъ и другимъ для своего спасенія. Много есть вещей, на которыя стоитъ только взглянуть попростѣе, чтобы понять ихъ, и особенно много такихъ вещей въ житейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Здѣсь должны бы слѣдовать факты, но я уже писалъ тебѣ о нихъ; но такъ какъ ты объ этомъ умолчалъ, то и не почитаю себя въ правѣ возобновлять некончившійся споръ, который сверхъ того никогда не окончится. Безъ руля и компаса не годится пускаться въ море; но по моему мнѣнію лучше пуститься въ него совсѣмъ безъ руля и компаса, нежели, по невѣдѣнію, вмѣсто руля взять въ руки утиное перо, а вмѣсто компаса — оловянные часы. Я уважаю мысль и знаю ей цѣну, но только отвлеченная мысль въ моихъ глазахъ ниже, безполезнѣе, дряннѣе эмпирическаго опыта, а недопеченный философъ хуже

[1]) „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“. Спб., 1876 г., т. I, стр. 234 и слѣд.

добраго малаго. Надо развиваться въ мысли, учиться; но, не доучившись, не надо перестраивать на свой ладъ дѣйствительность и другихъ людей. Здѣсь опять должны бы слѣдовать факты—да ты уже слышалъ объ нихъ отъ меня.

«Напрасно ты твердишь безпрестанно, что я отложилъ мысль въ сторону, отрекся отъ нея навсегда и проч., и проч. Это доказываетъ, что ты невнимательно читалъ мои письма, создалъ себѣ призракъ и колотишь себѣ по немъ, въ полной увѣренности, что бьешь меня. Это, наконецъ, смѣшно и скучно. Повторяю тебѣ: уважаю мысль и цѣню ее, но только мысль конкретную, а не отвлеченную, и уважаю *мысль*, а не *мою* мысль; но чувство *мое* вполнѣ уважаю и вотъ почему: мое созерцаніе было всегда огромнѣе, истиннѣе, мое предощущеніе и мое непосредственное ощущеніе всегда были вѣрнѣе *моей* мысли. Однажды навсегда: *человѣкъ, который живетъ чувствомъ въ дѣйствительности, выше того, кто живетъ мыслію въ призрачности (т.-е. внѣ дѣйствительности); но человѣкъ, который живетъ мыслію (конкретною мыслію) въ дѣйствительности, выше того, который живетъ въ ней только своею непосредственностію.* Понятно-ли? Ясно-ли? Еще поясненіе примѣромъ (безъ примѣровъ и фактовъ у меня ничего не дѣлается, потому что безъ нихъ я ровно ничего не понимаю). Петръ Великій (который былъ очень плохой философъ) понималъ дѣйствительность больше и лучше, нежели Фихте. Всякій историческій дѣятель понимаетъ ее лучше его. По моему мнѣнію, если понимать дѣйствительность сознательно, такъ понимать ее, какъ понималъ Гегель; но многіе ли *такъ* понимаютъ ее? Пять, десять человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ; такъ неужели всѣ остальные не люди? Мой эмпирическій опытъ, Мишель, не совсѣмъ эмпирическій: ты поторопился немного своимъ приговоромъ. А все оттого, что не понялъ меня. Я мыслю (сколько въ силахъ), но если моя мысль не подходитъ подъ мое созерцаніе или стукается о факты—я велю ее мальчику выметать вмѣстѣ съ соромъ. Объясню это фактомъ: нѣкогда я думалъ, что поэтъ не можетъ перемѣнить ни стиха, ни слова; мнѣ говорили, что черновыя тетради Пушкина доказываютъ противное, а я отвѣчалъ: если-бъ самъ Пушкинъ увѣрялъ меня въ этомъ—я бы не повѣрилъ. Такой мысли я теперь не хочу и не ставлю ее ни въ грошъ.

«Напрасно ты также отрицаешь во мнѣ всякое движеніе: желаю всякому такъ подвигаться, какъ я двигался отъ масляницы (за день или два до твоего отъѣзда къ Беерамъ) прошлаго года до минуты, въ которую пишу тебѣ это письмо. Мои письма къ тебѣ, которыя тебя такъ восхитили, *мой* журналъ, въ которомъ ты также многимъ (собственно *моимъ*) восхищаешься,— показываютъ, что моего движенія *довольно съ меня.* Да, Мишель, меня не станетъ, не хватитъ для большаго движенія, и если впередъ пойдетъ такъ же—я доволенъ. Не бойся, что я сдѣлаюсь Шевыревымъ или Погодинымъ: твое опасеніе, конечно, внушенное тебѣ любовію ко мнѣ, совершенно излишне. Для меня это совершенно невозможно, и вотъ почему: эти люди опошлились оттого, что вышли изъ безконечной сферы благодатнаго созерцанія въ конечную сферу этой мысли. Нѣтъ, Мишель, я не буду ни любителемъ буквы, ни книжнымъ спекулянтомъ. Повторяю: оставь свою мысль, какъ ложную и несправедливую, что во мнѣ оканчивается или когда-нибудь окончится движеніе: я слишкомъ безпокоенъ для этого. Не боюсь за мою будущую участь, потому что знаю, что буду тѣмъ, чѣмъ буду, а не тѣмъ, совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ бы *самъ* захотѣлъ быть. Есть *простая* мысль, принадлежащая безсмысленной толпѣ: «все въ волѣ Божіей». Я вѣрю этой мысли, она догматъ моей религіи. «Воля Божія» есть *предопредѣленіе* Востока, *fatum* древнихъ, *провидѣніе* христіанства, *необходимость* философіи, наконецъ, *дѣйствительность.* Я признаю личную, самостоятельную свободу, но признаю и высшую волю. *Коллизія* есть результатъ враждебнаго столкновенія этихъ двухъ воль. Поэтому все бываетъ и будетъ такъ, какъ бываетъ и будетъ. Устою—хорошо, паду—дѣлать нечего. Я солдатъ у Бога: онъ командуетъ, я марширую. У меня есть свои желанія, свои стремленія, которыхъ онъ не хочетъ удовлетворить, какъ ни кажутся они мнѣ законными. Я ропщу, клянусь, что не буду его слушаться, а между тѣмъ слушаюсь, и часто не понимаю, какъ все это дѣлается. У меня нѣтъ охоты смотрѣть на будущее; вся моя забота — *что-нибудь дѣлать, быть полезнымъ членомъ общества.* А я дѣлаю, что могу. Я много принесъ жертвъ этой потребности дѣлать. Для нея я хожу въ рубищѣ, терплю нужду, тогда какъ всегда въ моей возможности имѣть десять тысячъ годового дохода съ моей деревни—неутомимаго

пера. Говорю это не для хвастовства, а потому что ты задѣлъ меня за слишкомъ живую струну, не отдалъ мнѣ справедливости въ томъ, въ чемъ я имѣю несомнѣнное и не совсѣмъ незначительное значеніе. Я уже не кандидатъ въ члены общества, а членъ его, чувствую себя въ немъ и его въ себѣ, приросъ къ его интересамъ, впился въ его жизнь, слилъ съ нею мою жизнь и принесъ ей въ дань всего самого себя. У меня *тоже* есть дѣло, которое не ниже и не хуже всякаго другого. Я знаю, что будетъ со мною, добрымъ, *несноснымъ и смѣшнымъ малымъ*, если Богъ не дастъ мнѣ ни хорошей и доброй жены, ни милыхъ дѣтей, ни порядочнаго состоянія (почетнаго имени въ гражданствѣ я не желаю, потому что не сомнѣваюсь его имѣть и даже теперь имѣю его въ извѣстной степени); да, я знаю, что будетъ со мною, *добрымъ несноснымъ и смѣшнымъ малымъ*: для меня не будетъ въ жизни блаженства, и жизнь не будетъ блаженствомъ, но всегда будутъ минуты блаженства— ложка меду да бочка дегтю. И это оттого, что я есть я, что мимо этихъ смѣшныхъ *идиллическихъ* и непонятныхъ для великихъ людей условій я не понимаю и не *желаю* никакого блаженства. Да, я по-прежнему буду *дѣлать,* буду жить, *чтобъ мыслить и страдать*, многимъ, можетъ быть, укажу на возможность блаженства, многимъ помогу дойти до него, многихъ заставлю, не зная меня лично, любить, уважать себя и признавать ихъ обязанными мнѣ своимъ развитіемъ, минутами своего блаженства: но самъ, кромѣ минутъ, буду знать одно страданіе. *Такъ, видно, Богу угодно.* Не всѣмъ одна дорога, не всѣмъ одна участь: я позволю себѣ сдѣлать тебѣ указаніе на собственное твое семейство, потому что это указаніе не можетъ быть оскорбительно ни для него, ни для тебя. У тебя четыре сестры; всѣ онѣ, или каждая изъ нихъ, представляетъ собою *особое* прекрасное явленіе, но одна отдѣлилась отъ всѣхъ и отдѣлилась рѣзко. Это та, которой уже нѣтъ, и которую вы всѣ такъ справедливо называете *святою.* Она пользовалась блаженствомъ женщины, какъ своею собственностью: благодать, гармонія, миръ, любовь были не качествами, украшавшими ее, но, вмѣстѣ взятыя, представляли собою живое явленіе, которое вы всѣ называли *сестрою своею.* Страданіе, вслѣдствіе внутренней разорванности и томительныхъ порыванiй, было чуждо ея натурѣ; но *другія*: имъ хорошо знакомо страданіе, оно есть

необходимое условіе ихъ индивидуальностей. Видишь ли,—не всѣ люди на одинъ покрой, и часто—то, чѣмъ одинъ пользуется ежедневно, какъ пищей и воздухомъ, другому дается, какъ праздничное блюдо—про воскресный день.

«Я знаю, что тебя это не приведетъ въ смущеніе, ты скажешь, что для всякаго есть выходъ въ мысли и всякій можетъ достигнуть абсолютнаго, полнаго, безъ перерывовъ, блаженства посредствомъ мысли. На это я не возражаю тебѣ, потому что это выше моего понятія, моего созерцанія. У меня надежда на выходъ не въ *мысли* (исключительно), а въ *жизни*, какъ въ большемъ или меньшемъ участіи въ дѣйствительности не *созерцательно*, а *дѣятельно*. Но не объ этомъ дѣло: обращаюсь къ моему сравненію:—но на землѣ блаженство есть исключеніе, и эта *святая*, этотъ чистый, небесный ангелъ долженъ былъ расплатиться дорогою цѣною за свое блаженство: то, что должно было упрочить его блаженство, осуществить его таинственныя предчувствія, то и погубило его, и онъ въ страданіяхъ оставилъ эту *прекрасную*, но *бѣдную землю*, какъ прекрасно и вѣрно ты выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ,— и улетѣлъ *туда*, гдѣ лучше, чѣмъ *здѣсь*. Теперь другое сравненіе, которое еще ближе идетъ къ дѣлу. Вотъ два характера— Боткинъ и я. Онъ—всегда въ гармоніи и всегда въ интересахъ духа: ко всѣмъ внимателенъ, со всѣми ласковъ, всѣми интересуется; читаетъ Шекспира, нѣмецкія книги, хлопочетъ о судьбѣ и положеніи книжекъ *Наблюдателя* часто больше меня, покупаетъ очерки къ драмамъ Шекспира, по субботамъ и воскресеньямъ задаетъ квартеты, въ которыхъ участвуетъ собственною персоною, со скрипкою подъ подбородкомъ,—ѣздитъ въ театръ, русскій и французскій, словомъ, живетъ рѣшительно внѣ своего конечнаго *я*, въ свободномъ элементѣ бытія, всегда веселый, ясный, свѣтлый, доступный мысли, чувству, и ежели грустенъ временемъ, то все-таки безъ подавляющаго духъ страданія. Смотрю на него—и дивлюсь. А я?—не только мое страданіе, самое блаженство мое *тяжело*, *трудно* и *горестно:* любовь и вражда, новая мысль, новое обстоятельство—все это во мнѣ *тяжело*, и *трудно*, и *горестно*. Только въ немногія минуты и часы, когда я бываю *добрымъ малымъ* и, чуждый всякой мысли, безъ *видимой* причины бываю веселъ, въ какомъ-то музыкальномъ состояніи, — только тогда и дышу свободно и

весело. Недавно сказалъ онъ мнѣ, что грустно было бы ему стоять надъ моею могилою, потому что въ ней было бы схоронено бѣдное, разбитое сердце, жаждавшее жадно блаженства и никогда не знавшее его. Что-жъ съ этимъ дѣлать? Ему Богъ далъ—мнѣ нѣтъ. *Его воля!* Ты скажешь: надо мыслью достигнуть... а я отвѣчу... да нѣтъ—я ничего не отвѣчу тебѣ. Драма жизни такъ устроена, что въ ней нужны персонажи всѣхъ родовъ: видно, и моя роль нужна. Если-бъ зависѣло отъ меня, я попросилъ бы другой, да видишь—этихъ просьбъ не уважаютъ,—велятъ быть, чѣмъ *имъ*, а не *мнѣ* хотѣлось бы быть. Итакъ, буду играть роль, которая мнѣ дана, и буду подвигаться къ той развязкѣ, которая мнѣ предназначена.

«Что же касается до моего развитія,—если оно было до сихъ поръ, то будетъ и послѣ, и ты ошибаешься, думая, что оно остановилось. Нѣтъ, оно идетъ, какъ шло, и *такъ же* будетъ итти, если ты не лжешь, что *оно шло*. Мои отношенія къ *мысли* останутся тѣми же, какими были всегда. По-прежнему меня будетъ интересовать всякое явленіе жизни — и въ исторіи, и въ искусствѣ, и въ дѣйствительности; по-прежнему буду я обо всемъ этомъ *разсуждать, судить, спорить* и *хлопотать*, какъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Только ужъ никогда не буду предпочитать конечной логики своей своему безконечному созерцанію, выводовъ своей конечной логики безконечнымъ явленіямъ дѣйствительности. *Есть* для меня всегда будетъ выше *знаю*, а премудрыя слова премудраго Шевырева: *по логикѣ-то такъ, да на дѣлѣ-то иначе*, всегда будутъ для меня премудры. Только дурное расположеніе духа, яснѣе—злость, пробудившаяся вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, могла тебя заставить сказать *bon vivant* и *bon camarade* и религію Беранже дѣлать моею религіею. Противъ этого не почитаю за нужное и оправдываться. Не только моими письмами не подалъ я повода къ подобному заключенію, но одной уже инстинктуальной, непосредственной и фактической ненависти къ французамъ и всему французскому достаточно для того, чтобы защитить меня отъ подобныхъ комментарій.

«Ты называешь мой взглядъ на дѣйствительность *механическимъ*. Я этого не думаю, но возражать тебѣ не буду. Въ логикѣ я не силенъ, а фактовъ ты не любишь. Впрочемъ, я понимаю, какъ труденъ и невозможенъ для рѣшенія между нами

подобный вопросъ. Погодимъ, посмотримъ, — пусть теорію каждаго изъ насъ оправдаетъ наша жизнь. По моему ограниченному понятію дѣйствительность человѣка состоитъ въ его пребываніи въ дѣйствительности, которое выражается тождествомъ его слова и дѣла, успѣхомъ его въ томъ, въ чемъ онъ почитаетъ для себя необходимымъ успѣвать. Я видывалъ людей, которые *такимъ* непосредственнымъ образомъ успѣвали не въ однихъ пошлыхъ житейскихъ предпріятіяхъ, но и въ томъ, что составляетъ человѣческую сущность ихъ жизни. Нападая на меня за то, что я будто бы отвергаю необходимость *распаденія* и *отвлеченности,* какъ моментовъ развитія, (ты неправъ: если бы я говорилъ это), я отказался бы отъ здраваго смысла и показалъ бы себя человѣкомъ, съ которымъ нечего толковать и спорить, жалѣя времени, бумаги и чернилъ. Нѣтъ, ты меня не понялъ, или, что вѣрнѣе, — не хотѣлъ понять, потому что это было тебѣ выгоднѣе, нужнѣе, нежели понять меня».

Затѣмъ Бѣлинскій подробно останавливается на исторіи своего собственнаго «распаденія» и «отвлеченности», подъ которыми разумѣетъ свой фихтеанскій періодъ развитія, начавшійся во время его перваго пребыванія въ Премухинѣ. Эту часть письма мы уже использовали въ главѣ XVI и не будемъ здѣсь на ней останавливаться, такъ же, какъ и на исторіи порабощенія Бѣлинскаго авторитетомъ его «философскаго друга».

Дальше слѣдуетъ рядъ весьма любопытныхъ выписокъ изъ подлиннаго письма Михаила Бакунина и послѣдовательныя возраженія на нихъ Бѣлинскаго.

«Я не стану доказывать,—писалъ Бакунинъ Бѣлинскому, — ложности его (Петра Клюшникова) и твоего мнѣнія насчетъ сестеръ и на *мой собственный счетъ;* ты, можетъ быть, скажешь, что это былъ бы лишній трудъ и что трудно и невозможно было бы разувѣрить тебя въ мысли, *основанной на столькихъ данныхъ и на мнѣніи толпы, глупый голосъ которой* по твоей теперешней философіи, *есть святой голосъ истины:* почему знать?—Можетъ быть, я нашелъ бы въ своемъ запасѣ *трансцендентальностей* и *логическихъ* штукъ такія доказательства, которыя могли бы даже потрясти твою страшную дѣйствительность съ ея стальными зубами и когтями».

«Мишель,—отвѣчаетъ на это Бѣлинскій,—это мѣсто въ твоемъ письмѣ такъ понравилось мнѣ, что я почелъ нужнымъ выписать его и на твою лирическую выходку отвѣтить таковою же. Во-первыхъ, въ твоемъ длинномъ письмѣ, первая и большая половина котораго точно богата *трансцендентальностью и логическими шутками*, я не нашелъ рѣшительно ничего, ни слова, ни буквы, что бы могло потрясти *мою желѣзную дѣйствительность съ ея стальными зубами и когтями;* но тамъ очень много такого, что еще болѣе укрѣпило ее. Во-вторыхъ, не хочу и не почитаю себя болѣе въ правѣ подтверждать своего мнѣнія насчетъ того, что я уважаю *не меньше тебя,* но не могу не замѣтить тебѣ, что это было основано мною не на мнѣніи *глупой толпы,* а на мнѣніи и непосредственномъ впечатлѣніи моемъ и такихъ людей, которые, безъ всякаго сомнѣнія, далеко глупѣе и ниже тебя, но которые, *тѣмъ не менѣе*, въ глазахъ моихъ люди достойные всякаго уваженія и не только ничѣмъ ни ниже и не хуже *меня*, а скорѣе можетъ быть, что выше и лучше *меня*. Въ-третьихъ, я никогда и не думалъ (уважать) мнѣнія толпы, которая въ салонахъ и на площадяхъ, и въ кабакахъ, и которая убиваетъ безсмысленнымъ злословіемъ честь женщины, счастіе мужчины, благосостояніе семейства. Нѣтъ, но я всегда глубоко уважалъ и буду уважать тотъ народъ, о которомъ сказано «гласъ Божій — гласъ народа» и который есть живая олицетворенная субстанція, которой образованные люди суть опредѣленія, (который) есть резервуаръ идей, дѣйствій, осуществляемыхъ и сознаваемыхъ индивидами. Есть разница между толпою, обществомъ и народомъ. Кстати, выпишу тебѣ мнѣніе Гейне на этотъ счетъ:

«Масса, народъ, не любитъ насмѣшки. Народъ, какъ геній, какъ любовь, какъ лѣсъ, какъ море, по природѣ важенъ; онъ чуждается остроумнаго злословія гостиныхъ и объясняетъ великія явленія глубокимъ, мистическимъ образомъ»...

«Но добрый малый никакъ не долженъ позабывать,—писалъ Бакунинъ Бѣлинскому,—что *терпимость, добродушіе* и *уваженіе къ чужимъ непосредственностямъ* должны быть его главными свойствами; въ противномъ случаѣ, онъ изъ *добраго* превращается въ *несноснаго* малаго».

«Правда, Мишель,—отвѣчаетъ Бѣлинскій,—истинная правда.

Это самое я уже давно хлопочу растолковать тебѣ. я вижу, наконецъ, что ты начинаешь понимать».

«Добрый малый,—писалъ Бакунинъ,—никакъ не долженъ позабывать, что его непосредственность не болѣе, какъ его *собственная*, частная, ограниченная непосредственность, и потому она не можетъ быть *мѣркою*, закономъ для другихъ непосредственностей, которыя точно такое же право имѣютъ на свободу и самостоятельность, какъ и она».

«И это, Мишель,—отвѣчаетъ Бѣлинскій,—точно такая же непреложная истина, какъ и та, если бы *я* сказалъ: никто (добрый малый или недопеченный философъ — все равно) не долженъ забывать, что его мышленіе есть не болѣе, какъ его *собственное*, субъективное, частное и ограниченное мышленіе, и что онъ не имѣетъ никакого права наказывать кого бы то ни было своимъ презрѣніемъ за право смѣть свое сужденіе имѣть и что, въ противномъ случаѣ, отъ него могутъ отпасть всѣ люди, которые горячо его любили за его прекрасную, глубокую сущность, и сдѣлать ужасную попытку, чтобъ не остаться въ долгу, помѣрить своею непосредственностью его непосредственность, для оправданія пословицы «какъ аукнется, такъ и откликнется», и изъ судьи сдѣлать его подсудимымъ, и изъ судейскихъ креселъ, на которыхъ ему было такъ ловко возсѣдать, ссадить его на скамеечку. Что правда, то правда!...»

«Добрый малый,—писалъ Бакунинъ,—не долженъ забывать, что, отказавшись отъ всякаго *идеализма*, т.-е. отъ всякой претензіи узнать истину и отъ всякой самостоятельной и свободной мысли, онъ выходитъ изъ характера добраго малаго и дѣлается *несноснымъ* и *смѣшнымъ*, когда онъ позволяетъ себѣ пускать анаѳему и посылать ватиканскіе громы на другихъ людей, во имя своей бѣдной, ограниченной непосредственности».

«И это точно такая же святая истина,—отвѣчаетъ Бѣлинскій,—какъ и та, если бы *я* сказалъ: «Никто (то-есть ни добрый, несносный и смѣшной малый, ни недопеченный философъ) не долженъ забывать, что или не должно умышленно приписывать другимъ того, чего они не говорили и не дѣлали, или что должно лучше понимать ихъ слова и поступки, а не мѣрить ихъ на свой аршинъ. Да, онъ (т.-е. добрый малый или недопеченный философъ) не долженъ разумѣть подъ *идеализ-*

момъ стремленіе къ истинѣ, когда этимъ словомъ ему явно и ясно выразили фразерство, ходули, блужданіе внѣ дѣйствительности, рисованіе собою, романическое и философское интересничанье, желаніе своимъ положеніемъ, словами и поступками показывать свое величіе надъ чернію и толпою и каждый день твердить: «хочешь заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ». словомъ, то пошлое прекраснодушіе, которое *воспѣлъ* великій поэтъ Шиллеръ въ «Разбойникахъ», «Коварствѣ и любви», «Фіеско» и во многомъ другомъ и которое Жанъ-Поль выразилъ, какъ клятвы друзей при лунѣ и пр., и пр. Онъ (т.-е. добрый малый и недопеченный философъ) не долженъ обращеніе къ разумной простотѣ и отсутствію прекраснодушныхъ претензій толковать обращеніемъ къ той простотѣ, которая только просто ѣстъ и пьетъ и состоитъ въ невѣжествѣ и отсутствіи духовныхъ интересовъ; но напротивъ, ему бы слѣдовало (по законамъ добросовѣстности) понять эту простоту, какъ желаніе, сознавши (напримѣръ) необходимость знанія нѣмецкаго языка, не кричать о своемъ намѣреніи скоро приняться за него, но приняться въ самомъ дѣлѣ, или не кричать совсѣмъ; взявшись сдѣлать дѣло,—точно сдѣлать его, вмѣсто того, чтобы явиться къ тому, кто далъ дѣло, съ эффектными объясненіями и пр., и пр. Онъ (т.-е. добрый малый или недопеченный философъ) не долженъ забывать, что, давши своему другу право писать обо всемъ, что получивши отъ него первую посылку ватиканскихъ громовъ, сказавши: «между нами является новый предметъ полемики—будемъ *спорить*",—ему бы слѣдовало, хоть изъ уваженія къ самому себѣ, не сердиться и не язвить за эти громы, но, если они ему не нравятся, просто сказать бы, что онъ ихъ не хочетъ больше получать. Итакъ, вотъ тебѣ, Мишель, мои отвѣтные пункты на твои вопросные пункты. Согласись, что отвѣты стоятъ вопросовъ. Что дѣлать?—Говоря со мною *такимъ* языкомъ, надо быть готовымъ услышать языкъ еще рѣзче. Я не люблю уступать, это не въ моей натурѣ. Построеніями и выводами меня не затуманишь и не запугаешь.

«Окончаніе письма твоего, чуждое выводовъ и построеній, но проникнутое силою, жизнію и любовію, гораздо больше озадачило меня: но начавъ писать отвѣтъ, я снова принужденъ былъ перечесть 15 листовъ твоего письма, написанныхъ по

вдохновенію злости, возбужденной обиженнымъ самолюбіемъ, и я самъ *воодушевился*... Твои совѣты *доброму малому* очень хороши, но ты ближе попалъ бы, куда надо, если бы, вмѣсто ихъ, далъ слѣдующій:

«Добрый малый имѣетъ право говорить правду только друзьямъ и *своимъ* людямъ, а съ *чуждыми* и *внѣшними* себѣ, хотя бы то и прекрасными явленіями жизни, долженъ только разсуждать о правахъ дружбы и только отъ нихъ принимать правду».

Далѣе слѣдуетъ подробное изложеніе исторіи отношеній Бѣлинскаго съ Бакунинымъ въ 1837 и 1838 гг., уже использованное нами въ своемъ мѣстѣ [1]).

Затѣмъ, обращаясь снова къ обвиненіямъ его Бакунинымъ въ нападкахъ на его сестеръ въ стачкѣ съ докторомъ П. П. Клюшниковымъ, Бѣлинскій во второй разъ упоминаетъ о какой-то злой «запискѣ съ копіею», которой нѣтъ въ нашемъ матеріалѣ и которая, очевидно, предшествовала тому большому письму Мишеля, въ отвѣтъ на которое Бѣлинскій написалъ это свое «послѣднее сказаніе».

«Въ этой запискѣ,—пишетъ онъ,—все прошедшее было отринуто, сознано комедіей, фарсомъ, обманомъ. Положимъ, что мой поступокъ былъ бы подлъ, если бы я научилъ Петра написать письмо къ В. А. (я не боюсь, какъ ты, словъ *подлый* и *подлецъ:* всѣ люди подлецы, и истинная подлость состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать подлости, а въ томъ, чтобы, дѣлая ихъ, не сознаваться; только нравственно-французская точка зрѣнія можетъ изъ подлеца дѣлать такое ужасное слово, которое навсегда клеймитъ человѣка и не оставляетъ ему выхода ни въ любви, ни въ благодати). Положимъ, говорю я, что мой поступокъ (если-бъ онъ былъ *моимъ*) былъ и подлъ: не долженъ ли бы онъ былъ оскорбить тебя вдвойнѣ, втройнѣ, и за себя, и за меня, и за нашу дружбу, и не должно ли бы въ твоемъ отвѣтѣ быть больше грусти, состраданія, скорби, нежели злости и яду? Нѣтъ, Мишель, если бы ты любилъ меня хоть немного, то никогда не былъ бы въ состояніи сбросить связь со мною, какъ изношенный сапогъ или истасканный галстукъ, нѣтъ, ты написалъ бы мнѣ такъ: «Любезный Виссаріонъ, не ожидалъ я отъ тебя такого поступка: глубоко оскорбилъ онъ меня, я не

---

[1]) Въ гл. XVI—XVIII.

заслужилъ его. Богъ съ тобою. Не могу признать всего прошедшаго за призракъ. не могу легко разстаться съ тобою, но, Бога ради. оставь меня со стороны моего семейства: думая и разсуждая о немъ такъ. ты правъ въ отношенiи къ себѣ, но не къ нему». И что же вмѣсто этого?—Бѣшенство, злоба; толкованiе о томъ, что сестры для тебя слишкомъ святой предметъ. чтобы ты могъ говорить о нихъ со всякимъ. Какъ эти слова гармонирують съ тѣми, которыя выписалъ я изъ прежняго письма!

«Злой человѣкъ. скажи мнѣ: что я сдѣлалъ худого. въ чемъ мое преступленiе? Неужели въ томъ. что я не хотѣлъ отъ тебя имѣть никакихъ тайнъ и почиталъ за подлость не сказать тебѣ и такихъ истинъ, которыя для тебя могли быть жестки, но, какъ *истины* (по крайнему моему разумѣнiю). были для тебя необходимы?

«Не говорю о *нихъ* (т.-е. о сестрахъ А. К.): онѣ никогда не понимали меня, поэтому не удивительно, что не поняли и теперь. Я, можетъ быть, и виноватъ передъ ними тѣмъ, что не понялъ моихъ отношенiй къ нимъ, тѣмъ болѣе, что онѣ никогда не говорили мнѣ, чтобы между мною и ими существовало какое-нибудь родство и дружескiя отношенiя. Онѣ оскорбились—и этимъ открыли мнѣ глаза на дѣйствительныя отношенiя между мною и *ими:* быть такъ!—но я всетаки передъ ними чистъ и правъ и, кромѣ ошибки въ понятiи отношенiй. *ни въ чемъ не виноватъ передъ ними*. Но и эта вина небольшая, если сообразить, что, во-первыхъ, *ты* ввелъ меня въ эту ошибку, а во-вторыхъ, что я писалъ къ тебѣ и говорилъ тебѣ, а не *имъ*. Но ты—куда дѣвалась твоя философiя, твоя вѣра въ могущество истины и мысли? Ты, три года твердившiй намъ, что истинно только то, что дѣйствительно, и дѣйствительно то, что выдерживаетъ всякое отрицанiе и не боится истины, но въ ней находитъ свое оправданiе и опору; что въ дружбѣ должны быть только истинныя отношенiя и *полная откровенность*, что недобросовѣстно и подло намъ имѣть другъ о другѣ затаенныя и скрываемыя понятiя; ты, позволявшiй себѣ говорить намъ всякую правду, всякую истину? И это дружба? И ты еще не догадался, что никогда и никому не былъ ты другомъ, а слѣдовательно, и не имѣлъ друзей? Ты хотѣлъ смотрѣть на насъ сверху внизъ—и называлъ себя нашимъ

другомъ? Вотъ тебѣ полная и подробная исторія нашей дружбы. Даю тебѣ факты, выводи результаты. А я скажу только то, что никогда не былъ ты мнѣ другомъ, но я тебѣ былъ имъ, потому что ничего завѣтнаго не было у меня отъ тебя и ничто не могло оскорбить меня въ тебѣ до желанія разорвать связь, и что если я обвинялъ тебя во многомъ дурномъ, то съ цѣлью открыть тебѣ глаза, а не для того, чтобы наслаждаться созерцаніемъ твоихъ черныхъ сторонъ. Ты пишешь къ Боткину, что я считаю тебя пошлякомъ и только мажу тебя по губамъ твоею субстанціею. Мишель, Мишель! Горько мнѣ слышать это,—горько, какъ новое доказательство, что не было между нами дружбы и что не понималъ и не понимаешь ты меня. Нѣтъ, всегда признавалъ и теперь признаю я въ тебѣ благородную, львиную природу, духъ могучій и глубокій, необыкновенное движеніе духа, превосходныя дарованія, безконечное чувство, огромный умъ; но въ то же время признавалъ и признаю: чудовищное самолюбіе, мелкость въ отношеніяхъ съ друзьями, ребячество, лѣность, недостатокъ задушевности и нѣжности, высокое мнѣніе о себѣ на счетъ другихъ, желаніе покорять, властвовать, охоту говорить другимъ правду и отвращеніе слушать ее отъ другихъ. Для меня эти противорѣчія представляютъ единое цѣлое, одного человѣка. Ты — богатое соединеніе самыхъ прекрасныхъ элементовъ, которые еще находятся въ броженіи и требуютъ большой разработки. Не мертвый абстрактъ, не логическій трупъ, а олицетворенная философія Спинозы: ты пламенѣешь неистощимою любовью къ Богу, но Богу, какъ субстанціи всего сущаго, какъ къ общему, оторванному отъ частныхъ явленій, и еще никогда не любилъ ты субъекты и образы индивидуальные. Какъ въ индійскомъ пантеизмѣ живетъ одинъ Брама, все рождающій и все пожирающій, а частное есть жертва и игрушка Брамы, — такъ и для тебя идея выше человѣка, его образъ мыслей выше его непосредственности, и ты приносишь его на жертву всерождающему и всепожирающему Брамѣ своему.

«Вотъ мое мнѣніе о тебѣ, и мнѣніе искреннее. Не скрою отъ тебя, что не разъ ты глубоко падалъ въ моемъ понятіи, именно во время первой полемической переписки и по полученіи записки съ копіею: но и тогда представлялся ты мнѣ не мелкимъ и ничтожнымъ человѣкомъ, пошлякомъ безъ души, сердца

и силы, а демономъ человѣческой природы, падшимъ ангеломъ, и тогда, въ часы вечера, являлся мнѣ твой образъ, блѣдный, искаженный, въ видѣ вампира, по синимъ устамъ котораго струится теплая кровь, и я чувствовалъ тотъ фантастическій ужасъ, который проникаетъ душу, когда слышишь въ Фрейшюцѣ заклинанія Каспара и адскіе, подземельные хоры, глухо рѣжущими диссонансами вторящіе имъ. Никогда не почту пошлякомъ человѣка, котораго называлъ своимъ другомъ и которому признаю себя много обязаннымъ въ моемъ развитіи; мнѣ дико, странно и больно увѣрять тебя въ этомъ. Эти увѣренія давно бы должны быть лишними между нами. Я вѣрю, что *теперь* и ты высоко меня цѣнишь и глубоко понимаешь (внѣ отношеній къ себѣ), такъ вѣрю, что если бы ты сталъ увѣрять меня въ противномъ самыми оскорбительными словами и поступками, я бы уже не повѣрилъ тебѣ. Я увѣренъ, что мое письмо къ тебѣ послѣднее, потому что если бы ты и сталъ отвѣчать мнѣ (чего я, впрочемъ, не ожидаю), то у меня не достало бы больше ни желанія, ни охоты продолжать споръ, исполненный умышленныхъ недоразумѣній; но несмотря на то, я чувствую, что хоть мы и разстаемся, но ты всегда будешь ко мнѣ близокъ, потому что, такъ или сякъ, но ты глубоко вошелъ въ мою жизнь, и я не могу отрицать какого-то сродства съ тобою, основаннаго не только на сродствѣ субстанцій, но и на какомъ-то сходствѣ индивидуальностей, при всемъ ихъ несходствѣ. Еще замѣчаніе, которое со всякимъ другимъ было бы излишне, но съ тобою необходимо: твое прекраснодушіе, страсть къ авторитету и прозелитизму, словомъ, всѣ твои темныя стороны, не исключая и чудовищнаго самолюбія, въ моихъ глазахъ имѣютъ одинъ источникъ съ твоими человѣческими сторонами, но все дѣло въ томъ, что матеріалы требуютъ еще большой переработки, что и заставило меня говорить тебѣ правду. Кстати, о сродствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, между нами есть что-то общее, это—разрушительный элементъ; и въ то же время въ насъ есть что-то противоположное, враждебное: что для меня составляетъ сущность, значеніе жизни, то для тебя *хорошо между прочимъ;* основа и цѣль твоей жизни для меня *хорошо между прочимъ*. Съ обѣихъ сторонъ—отчаянная субъективность, и много диссонансовъ производила враждебная противоположность нашихъ субъективностей. Сила, дикая мощь, безпокойное, тре-

вожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе вдаль, безъ удовлетворенія настоящимъ моментомъ, даже ненависть и къ настоящему моменту, и къ себѣ самому въ настоящемъ моментѣ, порываніе къ общему внѣ частныхъ явленій,—вотъ твоя характеристика; къ этому надо еще присовокупить недостатокъ *задушевности*, Gemüthlichkeit, нѣжности, если можно такъ выразиться, въ отношеніяхъ съ людьми близкими къ тебѣ. Отъ этого-то тебѣ такъ легко было всегда говорить и повторять: «Ну, разстанемся, такъ разстанемся», или «коли не такъ, такъ и не нужно» и тому подобное; отъ этого-то ты такъ давилъ собою всѣхъ, и любовь къ тебѣ всѣхъ и всякаго была какимъ (то) трудомъ. По крайней мѣрѣ, я не умѣю иначе выразить моего чувства къ тебѣ, какъ *любовью, которая похожа на ненависть*, и *ненавистью, которая похожа на любовь*.

«Такъ какъ ты, *Мишель*, имѣешь необыкновенную способность вкривь и вкось толковать чужія рѣчи и мысли, то почитаю нужною слѣдующую оговорку: не подумай, чтобы я отрицалъ въ тебѣ любовь; нѣтъ, я знаю: въ сокровенной глубинѣ твоего духа скрытъ неизсякаемый источникъ любви; но эта любовь пока еще устремлена на абсолютъ, какъ на субстанцію, а не на явленія. Твоя кровь горяча и жива, но она (если можно употребить такое сравненіе) течетъ у тебя не въ жилахъ, а въ духѣ твоемъ; у меня духъ живетъ въ крови, горячей и кипучей, и онъ тогда дѣйствуетъ во мнѣ, когда кипитъ моя кровь, и моя кровь часто закрываетъ собою отъ глазъ другихъ и меня самого, и мой духъ. Поэтому я или весь—трепетная, страстная, томительная любовь, или просто *ничто*, дрянь такая, что поплевать да и бросить; а такъ какъ любовь живетъ во мнѣ минутами, то, Мишель, я очень хорошо себѣ знаю цѣну въ остальное время... Отъ этого же я ревнивъ и въ дружбѣ, а всякая попытка любить для меня—адъ; отъ этого страстность скрываетъ и закрываетъ мою глубокость, и я понимаю, какъ весною ты могъ ошибаться на мой счетъ съ извѣстной стороны моей жизни. Но дѣло въ дѣлѣ, и всѣ эти параллели между мною и тобою есть не что иное, какъ попытка уяснить странность нашихъ отношеній. Изъ этой же противоположности съ тобою вытекаетъ и то, что отвлеченіе — не моя сфера, и мнѣ душно и гадко въ этой сферѣ, и въ мысли, какъ мысли соб-

ственно, я играю роль слишкомъ неблестящую; моя сфера— огненныя слова и живые образы—тутъ только мнѣ и просторно, и хорошо. Моя сила, мощь—въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому никогда не откажусь я отъ него, потому что не имѣю охоты отказаться отъ самаго себя и объявить себя призракомъ. Но я понимаю достоинство мысли и, сколько могу, служилъ и служу ей. Чувство—огонь, мысль—масло. Знаю, что въ моихъ длинныхъ диссертаціяхъ къ тебѣ есть, и непремѣнно должны быть, свои ложныя стороны, вслѣдствіе быстраго перехода моего въ новый моментъ, въ новую сторону жизни; субъективность тоже должна была взять свое; но въ то же время знаю, что ничего не вышло изъ-подъ моего пера вслѣдствіе пристрастія, умышленнаго и сознательнаго искаженія истины, и, повторяю, мои диссертаціи должны были взволновать, огорчить тебя, но не могли и не должны были оскорбить тебя. Если онѣ произвели такой эффектъ на тебя, этому причина та, что въ нихъ много, много истины, которую тебѣ помѣшало принять и признать только одно изъ двухъ обстоятельствъ: или твое чудовищное самолюбіе, или то, что эта истина услышана тобою отъ человѣка, котораго ты никогда не любилъ и которому никогда не былъ другомъ.

«Ты спросишь, можетъ быть, какъ позволилъ я себѣ, отрицая твою дружбу, написать въ этомъ письмѣ столько злого, оскорбительнаго для тебя? Отвѣчаю: мнѣ надобно бы отвѣчать тебѣ если не съ любовью, то съ хладнокровіемъ, чтобы имѣть совершенный верхъ надъ тобою; но на этотъ разъ у меня недостало ни того, ни другого. На твою ругательную записку съ копіею я отвѣчалъ тебѣ въ началѣ письма съ хладнокровіемъ, а въ концѣ—съ любовью, и точно также отвѣтилъ бы тебѣ и на послѣднее огромное письмо, если бы оно все состояло изъ одной злости, желчи и оскорбленій, но такъ какъ въ остальной половинѣ его я увидѣлъ силу, любовь, благодать, то на злость и отвѣтилъ злостью. На это я имѣю свои причины, которыя скрываются въ моемъ характерѣ: съ кѣмъ я ругаюсь, съ тѣмъ у меня еще не все кончено, но какъ скоро съ кѣмъ у меня все кончено, тотъ не услышитъ отъ меня обиднаго слова. По полученіи твоей записки съ копіею я рѣшилъ, что у меня съ тобою уже все кончено, и твое большое письмо крайне удивило меня. Первая половина его не бѣсила и даже

не сердила меня, а только давала мнѣ какую-то дикую силу—отвѣтить на злость злостью, доказать тебѣ, что въ бѣшенствѣ и ядовитомъ остроуміи я *никому* въ свѣтѣ не уступлю; вторая половина твоего письма привела меня въ умиленіе, и я началъ мой отвѣтъ тебѣ съ любовью; но когда сталъ вновь перечитывать твое письмо, чтобы возразить на главные пункты, я снова вознеистовствовалъ.

«Кончено ли между нами все, или нѣтъ,—суди самъ. Ты легко можешь рѣшить это по дѣйствію, которое произведетъ на тебя это письмо: если, несмотря на него, увидишь возможность дружбы ко мнѣ, истинной, какъ *взаимнаго* права говорить другъ другу все, не спрашивая себя, какъ это подѣйствуетъ и что изъ этого выйдетъ,—давай руку, моя съ тобою. Если увидишь, что *нѣтъ*,—скажи *коротко* и *кротко*, и ты будешь правъ: въ такомъ случаѣ, не забывай меня, а я никогда не забуду тебя, благословляю твой путь и желаю тебѣ всего благого въ жизни...

«Въ обоихъ случаяхъ выполни мою самую искреннюю и задушевную просьбу: пришли мнѣ копію съ письма, которое ты получилъ отъ меня передъ моимъ пріѣздомъ въ Премухино: это мнѣ нужно. Но, Бога ради, не вздумай мнѣ возвращать его: это до глубины души оскорбило бы меня, потому что, если бы ты съ ножемъ въ рукахъ *потребовалъ* отъ меня своихъ писемъ, я бы не отдалъ ихъ тебѣ. Прошедшее свято.

«Слишкомъ двѣ недѣли назадъ я написалъ Станкевичу письмо, въ которомъ увѣдомилъ его о *ея* смерти... Что-то будетъ. Онъ пишетъ къ брату, что его обижаютъ, если хотятъ щадить: впрочемъ, кромѣ болѣзни, онъ ничего не предполагаетъ».

Дальше слѣдуетъ еще нѣсколько приписокъ случайнаго характера, которыя мы здѣсь опускаемъ.

Наконецъ, въ заключеніе этого огромнаго письма, писаннаго въ теченіе двѣнадцати дней, стоятъ слѣдующія строки:

«Прощай. Такъ или сякъ, но *навсегда твой* В. Бѣлинскій.

«Октября 24. Пока писалъ это письмо, сдѣлался боленъ, но начинаю поправляться».

ГЛАВА XXVII.

Отношеніе прочихъ членовъ кружка къ происходившей между Бакунинымъ и Бѣлинскимъ распрѣ.—Обращеніе обѣихъ сторонъ къ Станкевичу.—Письмо Бѣлинскаго къ Станкевичу.—Письмо М. Бакунина къ Станкевичу отъ 13 мая 1839 года. Описаніе въ немъ тяжелаго состоянія Бѣлинскаго и Ив. П. Клюшникова.—Сообщеніе Станкевичу собственныхъ плановъ Бакунина.—Пріѣздъ въ Москву Грановскаго осенью 1839 г. и его переписка со Станкевичемъ.—Впечатлѣніе Грановскаго отъ знакомства съ членами кружка Станкевича.—Отвѣтъ Станкевича на письмо Грановскаго.—Отношенія Бакунина съ Грановскимъ.—Впечатлѣніе Мишеля отъ письма Станкевича Грановскому.—Его замѣчаніе объ этомъ въ письмѣ къ сестрамъ отъ 14 марта 1840 г.—Письмо его къ Станкевичу отъ 11 марта 1840 г. о томъ же.

Всѣ члены кружка знали, конечно, о происходившей между Бакунинымъ и Бѣлинскимъ полемической перепискѣ. Боткинъ зналъ, повидимому, и все ея содержаніе. Другіе знали во всякомъ случаѣ о фактѣ происшедшей между ними ссоры [1]).

---

[1]) Въ архивѣ Бакуниныхъ сохранились отъ этого времени два письма общихъ друзей Бакунина и Бѣлинскаго—Михаила Никифоровича Каткова и Александра Павловича Ефремова—оба отъ 20 января 1839 г. Такъ какъ писемъ перваго изъ нихъ сохранилось немного отъ этого періода и такъ какъ письмо его отъ 20/I 1839 г. имѣетъ значеніе и какъ автобіографическій документъ и какъ характерный документъ для исторіи кружка, то я приведу здѣсь полный его текстъ:

„Любезный Michel!—писалъ двадцатилѣтній Катковъ—Во все продолженіе времени послѣ нашего послѣдняго свиданія—точно какъ будто мы были на противоположныхъ полюсахъ: ни ты ко мнѣ ни словечка, ни я къ тебѣ. Подъ неблагопріятнымъ созвѣздіемъ разстались мы.—Какъ для тебя, такъ и для меня это время было одною изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ жизни, для меня сверхъ того одною изъ самыхъ страшныхъ. Меня терзали мученія, о которыхъ я прежде не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, но—благодареніе Богу!—я побѣдоносно вышелъ изъ борьбы. Плугъ прошелъ по моей душѣ и вспахалъ ея почву: я живу теперь большею частью въ сладкой увѣренности, что скоро взойдетъ и зазеленѣетъ Божья нива.—Да, я познакомился съ собою и, кажется, хорошо—прекрасное знакомство! На лагунахъ Венеціи, говорятъ, выходитъ наружу скрытыя застарѣлыя болѣзни организма; въ передрягу моей апатіи от-

Вскорѣ у Бѣлинскаго произошла ссора и съ двумя другими членами кружка—Боткинымъ и Катковымъ, быстро, впрочемъ,

---

крылось много болѣзней, много ранъ.—Онѣ страшно обезобразили меня и никто такъ глубоко не чувствовалъ тогда своего безобразія, какъ я самъ. Много претензій побито, много бѣсовъ выгнано изъ меня и низвергнуто въ преисподнюю! И какъ легко, какъ свободно вздохнулъ я, когда таинственный голосъ сказалъ мнѣ: встань, возьми одръ свой и ступай. Жизнь!—только теперь начинаю я понимать значеніе этого слова. Блаженство!—Это ужъ теперь не пустой звукъ, который лепеталъ я прежде, когда голова моя кружилась въ какомъ-то вихрѣ ребяческихъ порывовъ, въ чаду какого-то душевнаго опьянѣнія. Теперь бываютъ со мною минуты, когда я, можно сказать, осязательно чувствую въ себѣ присутствіе Бога, чувствую, какъ входитъ въ меня личность Христа. Святыя минуты!.. Въ нихъ я получилъ въ избыткѣ вознагражденіе за всѣ вынесенныя мною страданія, и я уже былъ бы доволенъ ими одиѣми, если бы въ духѣ моемъ не возникла твердая увѣренность, что минуты сольются въ одно цѣлое, что между ними не будетъ темныхъ промежутковъ. Не можетъ быть ничего выше и сладостнѣе того чувства, когда начинаешь себя сознавать законнымъ гражданиномъ въ царствѣ духа, когда начинаешь глубоко уважать свое я, не прежнее, непосредственное, естественное, которое побѣждено (по крайней мѣрѣ въ тѣ минуты), но просвѣтленное, духовное, конкретную форму общей жизни.—Напиши мнѣ нѣсколько строкъ о себѣ, милый Michel. *Кое-что мнѣ извѣстно о передрягѣ въ твоихъ отношеніяхъ съ пріятелями. Съ Боткинымъ, котораго изъ всѣхъ я больше люблю и уважаю, твои отношенія возстановляются и даже возстановились. Я увѣренъ, они будутъ еще лучше, еще прочнѣе. Все ложное вышло наружу и исторгнуто вонъ, какъ плевелы.* Главная ошибка всѣхъ насъ состояла въ томъ, что мы слишкомъ много заботились объ отношеніяхъ: они должны свободно выходить изъ личности человѣка и почитаться дѣйствительными по мѣрѣ дѣйствительности этой личности. Изъ письма твоего къ Ефремову я узналъ, что ты будешь скоро въ Москву. Твое послѣднее предположеніе объ отношеніяхъ къ тебѣ Ал. Павл. (Ефремова) рѣшительно несправедливо; если онъ не писалъ къ тебѣ, то единственно по болѣзни (глаза)—въ этомъ я свидѣтель,—и по дурной Stimmung духа. Мы вмѣстѣ посылаемъ къ тебѣ наши письма. *Главная и самая большая брешь* въ твоихъ отношеніяхъ... но, впрочемъ, что будетъ, то будетъ,—когда пріѣдешь въ Москву. Что же касается до меня, то я не хочу ни устраивать, ни чинить моихъ отношеній къ кому бы то ни было. Какъ они есть, такъ пусть и будутъ и улучшаются вмѣстѣ со мной. Напиши о своихъ занятіяхъ. Я понемногу начинаю работать надъ Кантомъ.

Прощай, любезный Michel. Жму твою руку. *М. Катковъ.*

Перевелъ много изъ Гейне.

У меня теперь въ рукахъ книга Сальвадора Jesus Christ.—Вотъ человѣкъ, который и не предчувствуетъ даже христіанства.

Читаю книгу Эрдмана „Ueber Glaube und Wissen"—превосходная вещь.

Есть книга превосходная, выше всякихъ похвалъ: Der historische Christus—Шаллера. Я началъ было читать ее, да Боткинъ взялъ и увезъ съ собою въ Харьковъ".

окончившаяся примиреніемъ, такъ какъ Боткинъ вообще былъ миролюбивъ по характеру, а Катковъ раздѣлялъ почти совершенно тогдашніе взгляды Бѣлинскаго, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Станкевичу Грановскій.

Поссорившись между собой, Бѣлинскій и Бакунинъ жаловались другъ на друга Станкевичу, котораго оба они готовы были признать своего рода суперарбитромъ въ возникшихъ между ними тяжелыхъ недоразумѣніяхъ. Первый обратился къ нему Бѣлинскій; спустя нѣкоторое время (въ маѣ 1838 г.) написалъ ему и Мишель. Пространныя выписки изъ писемъ Бѣлинскаго (ихъ было всего четыре) приведены у Пыпина, и мы не будемъ поэтому подробно излагать ихъ здѣсь. Мишеля Бѣлинскій и тутъ характеризовалъ въ повышенномъ тонѣ: «Чудесный человѣкъ, глубокая, самобытная, львиная природа—этого у него нельзя отнять; но его претензіи... дѣлаютъ невозможной дружбу съ нимъ. *Онъ* любитъ идеи, а не людей, хочетъ властвовать своимъ авторитетомъ, а не любить»...

«Съ весны (1838 г.)—писалъ тамъ же Бѣлинскій—я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что какимъ бы я ни былъ, но я *самъ по себѣ*, что ругать себя и кланяться другимъ на свой счетъ—глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни и проч. Ему это крайне непонравилось и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну. Началась борьба—перепискою. Онъ былъ израненъ, выслушалъ горькія истины, выраженныя энергическимъ языкомъ. Примирился. Послѣ этого я былъ въ Премухинѣ. Послѣ опять война и опять съ миромъ, а я пишу ему, что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу со всѣми быть, какъ всѣ»...

Далѣе Бѣлинскій обѣщалъ Станкевичу подробно описать всѣ

происходившія сраженія и проч., но исполнилъ это не сразу. Въ слѣдующемъ письмѣ своемъ онъ даже пишетъ, что не можетъ исполнить этого намѣренія. «Я было и думалъ—писалъ онъ—приняться за него, но каково было мое изумленіе, когда, взявшись за перо, увидѣлъ, что ссоры не было, что я не знаю, за что я ссорился и за что сердился на этого человѣка»... (а между тѣмъ въ это время онъ поссорился и съ Боткинымъ и съ Катковымъ).—«Все дѣло—продолжаетъ онъ—было въ томъ, что у насъ никогда не было дружбы, потому что природы наши враждебно противоположны. «Ты стремишься къ высокому—и я стремлюсь къ высокому—будемъ же друзьями»—вотъ начало нашей дружбы... Время есть повѣрка всѣхъ склонностей, всѣхъ чувствъ, всѣхъ связей.—дѣйствительность стала вытанцовываться, и мы принялись грызться, а когда перегрызлись, то увидѣли, что совсѣмъ не изъ чего было грызться, и, какъ умные люди, теперь разошлись мирно»...

«Да, братъ,—заключаетъ Бѣлинскій—наконецъ пришлось расчесться за великую ложь—и въ любви и въ дружбѣ. Діалектика жизни довела до сознанія многихъ истинъ, казавшихся прежде неразрѣшимыми. Я теперь понимаю, что такое любовь и что такое дружба: то и другое есть восприятіе въ себя однимъ существомъ другого существа, вслѣдствіе необъяснимаго, мистическаго сродства ихъ натуръ. То и другое дается человѣку Богомъ, и если человѣкъ, наскучивши ждать, вздумаетъ взять это самъ, то жестоко срѣжется».

Однако, въ концѣ-концовъ, передъ самымъ переѣздомъ своимъ въ Петербургъ, Бѣлинскій написалъ таки Станкевичу обѣщанный полный отчетъ о войнахъ своихъ съ Мишелемъ и объ отношеніяхъ съ прочими друзьями, а также и о новыхъ своихъ взглядахъ, философскихъ и эстетическихъ. Все это приведено у Пыпина [1]). Мы не будемъ теперь на этомъ останавливаться: читатель видитъ, во всякомъ случаѣ, что Бѣлинскій довольно точно и вполнѣ добросовѣстно передавалъ сущность своего спора съ Бакунинымъ и свои обвиненія противъ него.

Что касается Мишеля, то письмо его къ Станкевичу не было нигдѣ напечатано, а между тѣмъ Мишель пытался въ этомъ письмѣ не только освѣдомить, со своей стороны, Станкевича о

[1]) Т. I, стр. 283 и слѣд. Срав. „Письма“ *Бѣлинскаго*, изд. Ляцкаго, I, 337.

сущности происшедшихъ между нимъ и Бѣлинскимъ недоразумѣній и несогласій, но и дать ему, въ свою очередь, нѣкоторый отчетъ о состояніи и настроеніи прочихъ членовъ кружка. И хотя письмо его, особенно въ той части, гдѣ дѣло касается его ссоры съ Бѣлинскимъ, какъ увидитъ читатель, представляетъ все происшедшее въ довольно таки тенденціозномъ видѣ, однако же само по себѣ оно является весьма характернымъ документомъ, и мы поэтому приведемъ его здѣсь безъ всякихъ своихъ комментаріевъ, такъ какъ читатель, послѣ всего вышеизложеннаго, сумѣетъ, конечно, самъ разобраться во всѣхъ содержащихся въ немъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ его автора по отношенію къ Бѣлинскому. Письмо это было написано Бакунинымъ 13 мая 1839 г. и отправлено къ Станкевичу съ отъѣзжавшимъ тогда за границу Ефремовымъ. Упомянувъ объ этомъ въ началѣ письма, Бакунинъ писалъ:

«Боткинъ, Клюшниковъ. Катковъ и я—вотъ все, что осталось отъ многочисленнаго кружка, когда-то собиравшагося вокругъ тебя. Бѣлинскій совсѣмъ оторвался отъ насъ; я. Боткинъ и Катковъ сдѣлались предметами его ненависти; и если вѣрить его словамъ, то онъ даже презираетъ меня и Боткина; я первый подпалъ его гнѣву, онъ упрекаетъ меня, въ услышаніе всѣмъ, въ ужасныхъ преступленіяхъ, въ маккіавелизмѣ, въ подлости и т. д.

«Между нами долго продолжалась полемическая переписка, вслѣдствіе которой я долго и внимательно разсматривалъ себя и съ радостью увидѣлъ, что во мнѣ никогда не было злого намѣренія въ отношеніи къ Виссаріону, что, напротивъ, я всегда и отъ всей души желалъ ему добра и готовъ былъ для него сдѣлать все, что отъ меня зависѣло. Если ограниченность средствъ моихъ не позволила мнѣ что-нибудь для него сдѣлать, то это не моя вина. Кромѣ этого, я могъ быть противъ него безсознательно виноватъ и хотя рѣшительно не зналъ и до сихъ поръ не знаю, въ чемъ состоитъ вина моя, я отъ всей души просилъ его простить мнѣ ее. Вотъ все, что я могъ сдѣлать. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ объявляетъ, что онъ потерялъ даже способность презирать меня и, несмотря на это, предлагаетъ дружбу свою на условіяхъ sine qua non. Это предложеніе было такъ смѣшно и такъ нелѣпо, и, кромѣ того, условія, предлагаемыя имъ, были такъ невозможны, что я не

могъ не замѣтить во всемъ письмѣ его желаніе въ послѣдній разъ оскорбить меня и долженъ быть разстаться съ нимъ. Вся эта ссора, всѣ эти мелкія и недостойныя ни его, ни меня сплетни и, наконецъ, совершенный разрывъ съ нимъ легли мнѣ на душу тяжелымъ камнемъ. Теперь онъ разорвалъ отношенія свои съ Боткинымъ, называя его такъ же, какъ и меня, подлецомъ. Грустно разставаться съ человѣкомъ, котораго любилъ, которому привыкъ повѣрять все, что тяготило и радовало душу, любовь и довѣренность котораго дѣлаешь уже необходимостью, ежедневною привычкою.—Но еще грустнѣе разставаться съ нимъ такимъ грязнымъ образомъ. А Виссаріонъ забросалъ и до сихъ поръ еще забрасываетъ насъ грязью вездѣ и гдѣ только можетъ. Я слышалъ, что онъ недавно ходилъ къ Бееровымъ для того. чтобы объявить имъ нашу подлость. Слышалъ также, что онъ и тебѣ писалъ, милый Николай; можетъ быть. онъ взвелъ на насъ Богъ знаетъ какія нелѣпицы. и я могъ бы, разсказавъ все дѣло, совершенно оправдаться; но я не сдѣлаю этого. во-первыхъ, для того, чтобы не возмущать миръ души твоей мелкими и грязными сплетнями. и во-вторыхъ потому, что я увѣренъ, что безъ всякихъ доказательствъ ты повѣришь, что ни я. ни Боткинъ не подлецы.—Я давно не видалъ Виссаріона. но судя по тому, что объ немъ разсказываютъ. судя по проявленіямъ его ненависти (дѣйствительной или мнимой. не знаю) къ намъ,—онъ долженъ быть въ ужасно тяжеломъ состояніи духа. Онъ, кажется, совершенно отдался движеніямъ и побужденіямъ своей грубой чувственности, въ которой онъ видитъ ту святую дѣйствительность, объ которой говоритъ Гегель. Онъ дошелъ до того, что всякій пошлый, дѣйствительный человѣкъ сталъ для него идеаломъ, и въ одномъ письмѣ ко мнѣ онъ серьезно завидовалъ и совѣтовалъ мнѣ завидовать дѣйствительности какого-то Мосолова. который любитъ лошадей и который выучился англійскому языку. потому что на немъ написано много сочиненій о лошадиныхъ свойствахъ и достоинствахъ: онъ ругаетъ (или по крайней мѣрѣ ругалъ—теперь не знаю какъ) Шиллера дуракомъ за то, будто бы, что онъ принесъ ему большой вредъ своимъ идеальнымъ направленіемъ.

«Главнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ недоразумѣній было то, что сначала я. а потомъ и Боткинъ. стали увѣрять его,

что безъ знанія и безъ познаній нельзя быть дѣльнымъ редакторомъ дѣльнаго журнала; что выводить изъ себя исторію, искусства, религію и т. д. смѣшно и нелѣпо и что, ограничиваясь своими непосредственными впечатлѣніями, не стараясь возвысить ихъ до достовѣрности понятой мысли, онъ можетъ сказать нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, но не болѣе, и что журналъ, не заключающій въ себѣ ничего кромѣ нѣсколькихъ вѣрныхъ замѣчаній, не можетъ имѣть большого достоинства. Онъ очень разсердился на насъ, говоря, что мы, «пигмеи», осмѣлились поднять руку на его субстанцію, которую даже ты глубоко уважалъ. Виссаріонъ въ тяжеломъ состояніи: съ одной стороны, онъ на дѣлѣ безпрестанно долженъ чувствовать справедливость нашихъ словъ; съ другой же стороны, въ немъ нѣтъ силъ приняться за какое бы то ни было серьезное занятіе: какъ-то разъ онъ принялся за ученіе нѣмецкаго языка и черезъ нѣсколько дней кинулъ его, говоря, что должно все дѣлать по внушенію благодати и что учиться нѣмецкому языку безъ внушенія благодати, а по конечному произволу, есть буйство передъ Господомъ; т.-е. разрушающій конечный разсудокъ, а не благодать созидающая. Духъ его по природѣ обширенъ, и потому и потребности его обширныя и до сихъ поръ ни одна изъ этихъ потребностей не нашла удовлетворенія. У насъ былъ еще давнишній споръ о любви женщины. Онъ говорилъ мнѣ, что любовь женщины есть необходимое условіе его счастія, единственная, абсолютная цѣль его стремленія и что внѣ достиженія этой цѣли жизнь не имѣетъ для него никакого смысла. Я всегда говорилъ ему, что любовь, о которой онъ говоритъ, заслуживаетъ и можетъ найти только тотъ, кто имѣетъ всеобщій интересъ, который составлялъ бы сущность его жизни, что любовь есть награда за объективную дѣятельность мужчины и что только наполненіе какимъ бы то ни было объективнымъ содержаніемъ и объективная дѣятельность дѣлаютъ человѣка дѣйствительнымъ человѣкомъ и достойнымъ любви женщины и что любовь человѣка, живущаго внѣ всеобщихъ интересовъ, необходимо должна быть или порывомъ грубой чувственности, или призрачнымъ и болѣзненнымъ чувствомъ призрачнаго человѣка. Я пророчилъ ему, что, оторвавшись отъ всякаго объективнаго интереса и сдѣлавъ любовь женщины условіемъ sine qua non своего

счастія и своей жизни, онъ никогда не найдетъ того, чего онъ ищетъ, и, измученный тяжкой борьбой неудовлетворенной страсти, станетъ искать удовлетворенія въ первомъ попавшемся ему призракѣ. Къ несчастію, мое пророчество сбылось:—въ предпрошедшую зиму я видѣлъ, какъ онъ гонялся за какою-то гризеткою и какъ неудача приводила его въ самое страшное отчаяніе; недавно и въ моемъ отсутствіи случилось съ нимъ еще худшее осуществленіе моего пророчества [1]). Его денежныя обстоятельства все въ томъ же несчастномъ положеніи и ко всему этому въ немъ видимо изсякаетъ вѣра въ жизнь и въ будущность. Онъ знаетъ, что ему тридцать лѣтъ и это мучаетъ его. Однимъ словомъ, положеніе его ужасно. Онъ весь предался своему страстному элементу, и дай Богъ, чтобы это было только переходное состояніе, а то онъ совсѣмъ погибнетъ.

[1]) Между тѣмъ, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, Бѣлинскій писалъ Станкевичу (въ письмѣ отъ 29 сентября до 8 октября 1839 г., которое приводитъ въ обширныхъ выпискахъ Пыпинъ—I, 301. Теперь оно напечатано въ изд. г. Ляцкимъ „Перепискѣ“, т. I, стр. 337): „я не зналъ, что въ любви *дѣйствительное*—есть возможность чувства, лежащая во святая святыхъ духа нашего.... но что осуществленіе возможности любить, встрѣча съ родною душою есть чистѣйшая случайность, и что отъ этой случайности блаженство не только не ниже, но еще выше, потому что въ противномъ случаѣ это была бы мертвящая душу невольническая неизбѣжность. Кто не хочетъ дожидаться свершенія таинства, потому ли, что въ ожиданіи большаго счастія не хочетъ лишиться меньшаго, но вѣрнаго, или потому, что не вѣритъ въ „таинство“, тотъ пусть довольствуется болѣе обыкновеннымъ отношеніемъ къ женщинѣ: если онъ можетъ „безъ рефлексіи“, изъ полноты натуры удовольствоваться этимъ, онъ можетъ вступить въ эти болѣе прозаическія отношенія; если нѣтъ—пусть лучше откажется отъ незаконнаго счастія, которое должно сдѣлаться несчастіемъ и отравить жизнь“. „Такимъ точно образомъ,—продолжаетъ Бѣлинскій,—встрѣтилъ (т.-е. встрѣтилъ „родную душу“ А. К.)—бери, хватай, не упускай, истощи всѣ силы, всю энергію для достиженія блаженства; *барышня* еще не показывается—не трать жизни въ пустыхъ жалобахъ, идеальныхъ ожиданіяхъ при лунѣ и сальныхъ свѣчахъ. Нашелъ—твое; не нашелъ—и не ищи. Вообще я только теперь—странное дѣло! и вѣдь, кажись, малый очень неглупый—понялъ, что только тотъ достоинъ блаженства, кто довольно силенъ духомъ, чтобы отказаться отъ него (resignation), когда его нѣтъ, или когда это велитъ не дѣтскій экстазъ, не идеальная выспренность, не резонерство, но разумность. Я все это и прежде еще и думалъ и даже говорилъ, но не вѣрилъ этому, а повѣрилъ только тогда, когда надѣлалъ тьму глупостей, отъ которыхъ сердце то судорожно сжималось, то хотѣло разорваться, и текли слезы и бѣшенства, и отчаянія, и оскорбленнаго самолюбія, и чортъ знаетъ еще чего. Что дѣлать—у всякаго свой путь къ истинѣ и свое развитіе“...

«Грустно за него. въ немъ такъ много благороднаго, такъ много святыхъ элементовъ:—его душа—широкая душа. Знаешь ли, Николай. страшно смотрѣть на него: да, я живо чувствую, что, несмотря на всѣ его несправедливости ко мнѣ. несмотря на грязное проявленіе этихъ несправедливостей, я не пересталъ любить его. не пересталъ принимать въ немъ самое живое участіе: я знаю. что теперь мнѣ невозможно сойтиться съ нимъ, но я дорого далъ бы. если бы могъ возстановить съ нимъ старыя отношенія.

«Иванъ Петровичъ написалъ стихотвореніе. которое можетъ быть примѣнено къ нему:

„Мнѣ ужъ тридцать лѣтъ,
А меня никто не любитъ;—
Безъ любви мнѣ скученъ свѣтъ,
Жажда счастья—счастье губитъ,—и т. д.

«Иванъ Петровичъ также въ тяжеломъ состояніи, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Старинная мысль его, *что всякій человѣкъ долженъ быть полезенъ обществу и что онъ не приноситъ ему никакой пользы*, достигла въ немъ полнаго развитія и превратилась въ idée fixe. Нынѣшней зимой ему какъ-то удалось вырваться изъ этого вѣчнаго вниканія въ себя; онъ сталъ веселъ, написалъ множество прекрасныхъ стихотвореній, гдѣ ясно выразился его переходъ къ здоровью. Онъ началъ уже мечтать о путешествіи за границу и оставилъ свою службу въ институтѣ, оставилъ пустую претензію быть полезнымъ другимъ. не сдѣлавшись еще для самого себя полезнымъ, и сталъ болѣе прислушиваться къ внутреннему голосу души своей. сталъ вѣрить въ себя и другихъ—и опять впалъ въ старую болѣзнь. Покамѣстъ онъ преподавалъ исторію въ институтѣ. до тѣхъ поръ у него было постоянное дѣло, не зависѣвшее отъ минутнаго состоянія его духа. Это дѣло служило ему балластомъ, и онъ отдыхалъ, наслаждался жизнью въ свободныя минуты. Въ первый разъ въ жизни онъ рѣшился сдѣлать свободный шагъ и оставилъ институтъ только потому, что институтъ былъ ему не по сердцу, противорѣчилъ его внутренней потребности: и этотъ первый шагъ дорого стоилъ ему. Лишившись постоянной обязанности и не имѣя ни постоянной опредѣленной цѣли, ни постоянныхъ занятій, онъ скоро сталъ приходить въ недоумѣніе. не зная. чѣмъ наполнить свой день, и въ

дняхъ его стали оказываться все большіе и большіе пробѣлы. Мѣсяцъ тому назадъ я былъ свидѣтелемъ возобновленія его болѣзни, а теперь, по словамъ Ефремова, она усилилась до такой степени, что мысль о самоубійствѣ сдѣлалась въ немъ постоянной мыслью. Тяжело смотрѣть на него въ эти минуты: онъ становится слабъ, какъ ребенокъ, упрекаетъ себя въ каждой мелочи, безпрестанно погружается въ гадкую и пустую сторону своей жизни и не видитъ за ними своей прекрасной, святой, человѣческой стороны.

«Это безпрестанное созерцаніе своей гадости лишаетъ его послѣднихъ силъ. Въ немъ нѣтъ тогда ни на каплю самостоятельности и воли. И если бъ мужикъ (только старый, потому что онъ въ подобныя минуты вѣритъ только опытности стариковъ)—сказалъ ему, что для счастья своего онъ долженъ всю жизнь пахать землю, мнѣ кажется, что онъ повѣрилъ бы и послушался бы его.

«Боткинъ, Катковъ и я безпрестанно возимся съ нимъ и стараемся пробудить его отъ этого апатическаго безсилія, пробудить въ немъ вѣру и волю, которыя не зависѣли бы отъ минутнаго состоянія, отъ минутной болѣзни духа.—Сегодня я ѣду по дѣламъ въ Москву, пробуду тамъ недѣлю и постараюсь вырвать его изъ этого состоянія. Онъ живетъ съ Оглоблинымъ и братомъ своимъ Петромъ, которые такіе же гипохондрики, какъ и онъ, а особливо Оглоблинъ. И это общество дѣлаетъ ему самый большой вредъ. Лишь только онъ немного повеселѣетъ, они разсужденіями о своей и его болѣзни, о невозможности освободиться отъ нея и т. д. снова втискиваютъ его въ этотъ болѣзненный міръ. Они не могутъ жить вмѣстѣ. Ему нужно теперь женское участіе, нужно, чтобъ его окружали люди, которые бы понимали его безъ словъ, а они такъ погружены въ себя и свою собственную болѣзнь, такъ мало способны понимать его, что безпрестанно оскорбляютъ его и оскорбляются его словами, и всѣ ихъ теперешнія отношенія суть не что иное, какъ длинная болѣзненная вереница недоразумѣній, упрековъ и объясненій. Имъ нужно непремѣнно на нѣкоторое время разстаться, и я постараюсь сдѣлать это; постараюсь вырвать его изъ Москвы, и, если можно, уговорить его ѣхать за границу. Если не за границу, то по крайней мѣрѣ куда-нибудь въ деревню, или къ матери въ Малороссію,

или къ намъ въ Премухино. Главная болѣзнь его есть недостатокъ религіи. Впрочемъ, это наша общая болѣзнь. Мы не христіане и не язычники, а Богъ знаетъ, что такое,—такое, что только наплевать да и бросить.—Другая сторона общей болѣзни нашей состоитъ въ томъ, что мы совершенно оторвались отъ русской дѣйствительности, не имѣемъ съ ней ни одной точки соприкосновенія, не узнаемъ себя въ ней и не построили еще того внутренняго идеальнаго міра, который могъ бы служить намъ прибѣжищемъ отъ ударовъ чуждой и безпрестанно окружающей насъ дѣйствительности. Этимъ идеальнымъ міромъ должна быть, по крайней мѣрѣ для меня, религія и философія, какъ единственно удовлетворяющія формы познанія истины; а я крѣпко вѣрю словамъ Спасителя:

„И познаете истину и
Истина освободитъ васъ".

«Да, я чувствую живую потребность вырваться изъ тѣсной области своей индивидуальности, притти въ живое соотношеніе со всеобщей жизнью, и знаю, что только одно наполненіе всеобщей жизнью можетъ дать мнѣ то счастіе, къ которому я стремлюсь. А всякій человѣкъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ своего счастія. Всякій понимаетъ его почти своимъ особеннымъ образомъ и сообразно съ своимъ особеннымъ понятіемъ стремится къ нему. Кто любитъ лошадей и находитъ удовлетвореніе въ познаніи лошадиныхъ свойствъ, тотъ правъ, тотъ вѣренъ своему назначенію; а назначеніе всякаго лежитъ въ немъ самомъ. Въ природѣ и во внѣшнихъ обстоятельствахъ воспитанія каждаго лежитъ будущая судьба его и стоитъ только слѣдовать своему внутреннему голосу для того, чтобы идти по прямой стезѣ. Правда, что иногда можно ошибиться и принять за внутренній голосъ постороннее, внѣшнее внушеніе; но что-жъ дѣлать:

„Es irrt der Mensch—so lang' er strebt".

— Ошибокъ избѣгнуть нельзя, но онѣ не могутъ вѣчно продолжаться; онѣ необходимы въ цѣломъ развитіи жизни и, рано или поздно, должны принесть и хорошій плодъ свой:

„Ein guter Mensch in seinem Dunkle Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst".

«Лучше ошибаться, подвигаясь впередъ, чѣмъ не ошибаться, оставаясь въ бездѣйствіи. Что жъ до меня касается, то мнѣ

кажется, что я не ошибаюсь, ища удовлетворенія въ вѣрѣ и знаніи. Да, я чувствую, что безъ нихъ я пропаду, что въ нихъ вся жизнь моя и что если во мнѣ есть теперь какая-нибудь сила, какая-нибудь жизнь, то это отъ того, что я вѣрю въ возможность удовлетворенія, въ возможность достиженія своей цѣли. Ты спросишь меня, можетъ быть, что же сдѣлалъ я въ отсутствіи твоемъ для приближенія къ ней? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить. Я не могу сказать, чтобъ я ничего не сдѣлалъ, но не могу также сказать, чтобъ и много сдѣлалъ. Главное пріобрѣтеніе мое состоитъ въ томъ, что я живѣе, чѣмъ когда-нибудь, сознаю въ себѣ потребность знанія, что я лучше понялъ, что такое истинное знаніе, и что я узналъ, наконецъ, что я почти ничего не знаю. Это большой шагъ: должно очиститься отъ всего стараго для того, чтобъ наполниться.

«Но знаешь ли, Николай, мнѣ иногда тяжело, очень тяжело становилось въ эти два года твоего отсутствія. Много перемѣнъ случилось въ семействѣ моемъ.—Смерть Любаши, бурное освобожденіе Вареньки... и наконецъ отъѣздъ ея въ Швейцарію, глубокая горесть отца, болѣзненное, разстроенное состояніе духа и здоровья Танюши и Александрины, потрясенныхъ этими происшествіями, письма Бѣлинскаго, наполненныя пошлыми и даже грязными, да, грязными, замѣчаніями, разсужденіями и совѣтами касательно сестеръ, безпрестанная, внутренняя семейная борьба, необходимая для того, чтобъ освободить сестеръ отъ невыносимыхъ претензій маменьки, увеличившихся со времени кончины нашей святой Любаши,—все это, какъ черная свинцовая туча, налегло на меня. Прибавь ко всему этому сомнѣніе въ себѣ, мысль, что внѣшнія обстоятельства, семейныя обязанности принудятъ меня остаться въ деревнѣ и что я, оторвавшись отъ единственной святой цѣли своей жизни, оторвавшись отъ того, въ чемъ заключается и жизнь, и спасеніе, и вся человѣчность моя—отъ знанія и отъ жизни въ знаніи—мысль, что, отказавшись навсегда отъ знанія, я непремѣнно и мало-по-малу погружусь въ пошлый міръ пошлой дѣйствительности,—все это, Николай, жестоко мучило меня и только непобѣдимая вѣра въ жизнь, въ себя и въ будущность помогла мнѣ вырваться изъ этого состоянія.—Да, я дышу теперь свободнѣе, сестры мои становятся крѣпче и духомъ и тѣломъ:—родители согласны на разводъ сестры Ва-

реньки съ Дьяковымъ, и я надѣюсь, что съ помощью ихъ мнѣ удастся устроить это дѣло. Пробывъ недѣлю въ Москвѣ, я пробуду не болѣе недѣли въ Премухинѣ, и тамъ отправлюсь въ Петербургъ для того, чтобъ хлопотать о разводѣ. А тамъ, удастся ли, или не удастся, будущею весною, а можетъ быть еще и нынѣшнею зимою, я отправлюсь въ Берлинъ. Ты скажешь, можетъ быть, что я не имѣю права оставлять свое семейство въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, оставлять отца, которому остается, можетъ быть, не долго жить на свѣтѣ. Я самъ дѣлалъ себѣ это возраженіе и послѣ долгаго и мучительнаго размышленія рѣшилъ, что, *во-первыхъ*, брату Николаю уже 21 годъ, онъ уже офицеръ,—другіе же братья нынѣшній годъ будутъ студентами, а слѣдовательно скоро могутъ замѣнить меня сестрамъ и отцу. А *во-вторыхъ*, я чувствую—и это не обманчивое чувство,—что если я откажусь отъ своего намѣренія, т.-е. если я откажусь отъ знанія, то я потеряю всѣ силы свои, потеряю возможность быть для кого бы то ни было полезнымъ. Я имѣю право пожертвовать своей физической жизнью и съ радостью пожертвую ею для сестеръ и для отца;—но не имѣю права жертвовать своею духовною жизнью, своимъ спасеніемъ. И потому зимой жди меня, если ты еще будешь въ Берлинѣ. Еще можетъ предстоять одно препятствіе, это недостатокъ финансовъ; но и это не остановитъ меня. Доходы моего семейства въ это время умножились устроеніемъ бумажной фабрики въ Премухинѣ, и отецъ мой, если захочетъ, можетъ дать мнѣ безъ всякой трудности 2000 руб. (Я теперь сошелся съ нимъ и наши отношенія именно такія, какихъ я желалъ.) Кромѣ этого въ Петербургѣ дорого платятъ (?! А. К.) за переводныя и оригинальныя статьи, такъ что можно выработать въ годъ до 2000 р. Будучи въ Петербургѣ, я постараюсь достать себѣ работы. Наконецъ, если отецъ мой ничего не дастъ и если у меня не будетъ болѣе 500 руб. годового дохода, то и это не остановитъ меня. Я поѣду съ пятьюстами рублями и буду ѣсть хлѣбъ да воду, жить на чердакѣ и ходить въ старомъ сюртукѣ, съ тѣмъ только, чтобъ учиться въ Берлинѣ. Я долженъ это сдѣлать, потому что въ успѣхѣ для меня заключается разрѣшеніе вопроса о жизни и смерти.

«Итакъ, Николай, можетъ быть,—или зачѣмъ можетъ быть,—навѣрное мы увидимся съ тобой. О, Николай, ты не знаешь,

какъ радуетъ меня мысль эта, какъ жажду я свиданія съ тобой. А покамѣстъ прощай.

Твой М. Бакунинъ.

«Если ты вздумаешь отвѣчать мнѣ, то адресуй письмо свое къ Боткину въ Москву: на Маросейкѣ въ собственномъ домѣ».

На это письмо Бакунинъ не скоро получилъ отвѣтъ отъ Станкевича: повидимому, и до Станкевича оно дошло только осенью 1839 г., когда Ефремовъ съѣхался съ нимъ въ Базелѣ [1]).

Между тѣмъ въ Москву пріѣхалъ въ концѣ августа 1839 г. Грановскій—въ то время, несомнѣнно, ближайшій другъ Станкевича. Онъ тогда же познакомился въ Москвѣ со всѣми членами кружка Станкевича. (Съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напримѣръ съ Бакунинымъ, онъ былъ, впрочемъ, нѣсколько знакомъ и раньше). Всѣ они знали о его близости къ Станкевичу и потому всѣ сразу же отнеслись и къ Грановскому, какъ къ старому члену кружка. Ближе всего Грановскій сошелся съ Боткинымъ и съ Бѣлинскимъ, хотя съ Бѣлинскимъ ему пришлось прожить въ Москвѣ всего какой-нибудь мѣсяцъ или полтора одновременно, потому что уже въ октябрѣ Бѣлинскій переѣхалъ навсегда въ Петербургъ. Вотъ какъ описывалъ Грановскій въ первомъ письмѣ изъ Москвы къ Станкевичу свои впечатлѣнія отъ знакомства съ его старыми товарищами [2]).

...«Клюшниковъ хандритъ ужасно и не похожъ на себя; отдѣлился отъ всѣхъ. Теперь ему лучше. Изъ прежняго у него, кажется, осталась только любовь къ тебѣ. Петръ [3]) женился и счастливъ. Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ къ Краевскому. Я боюсь за него. Мнѣ даже тяжело писать тебѣ объ немъ: мы сошлись, какъ старые пріятели. Убѣжденія наши рѣшительно противоположны, но это не мѣшаетъ мнѣ любить его за то, что въ немъ есть. Однимъ словомъ, въ жизни, въ частныхъ сношеніяхъ его нельзя не любить, даже предостереженія твои были

[1]) Ср. письмо Станкевича Грановскому отъ 1 февраля 1840 г., приведенное въ изд. Анненковымъ перепискѣ Станкевича, стр. 305. О полученіи письма Мишеля черезъ Ефремова Станкевичъ упоминаетъ въ другомъ большомъ письмѣ своемъ къ Бакунину отъ 19-го мая 1840 г., не вошедшемъ въ это собраніе и сообщенномъ мнѣ въ копіи А. И. Станкевичемъ, за что и приношу ему свою глубокую признательность. Теперь это письмо печатается въ новомъ изданіи „Переписки" Н. В. Станкевича стр. 667.

[2]) Переписка Грановскаго, изд. А. В. Станкевичемъ, стр. 363.

[3]) Петръ Петровичъ Клюшниковъ (медикъ), братъ Ивана Петровича.

напрасны: моя откровенность, шипѣніе и т. д. не оскорбляли его. Но въ литературѣ онъ Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Вообрази, душа моя, что мнѣ вездѣ приходится защищать его отъ упрека въ подлости. Болѣе всего мучитъ меня то, что студенты наши— и лучшіе—стали считать его подлецомъ въ родѣ Булгарина, особливо послѣ послѣдней статьи его. Дѣло все—въ поклоненіи дѣйствительности. Ты знаешь, съ какимъ остервенѣніемъ защищаетъ онъ свои мнѣнія, до какихъ крайностей его доводятъ противныя мнѣнія. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ дичь. Статья дѣйствительно гнусная и глупая. Меня онъ презираетъ за недостатокъ художественности, за уваженіе къ Шиллеру и Уланду и проч. Катковъ (человѣкъ съ большимъ талантомъ) раздѣляетъ эти понятія. Вообще, философія надѣлала имъ много вреда. Ты не повѣришь, какія вещи они говорятъ и пишутъ: «Валленштейнъ жалкое, ничтожное произведеніе, декламація безъ жизни». За то Борисъ Годуновъ равенъ «всему, написанному Шекспиромъ, ничуть не ниже Отелло или Ромео». О французахъ не позволено говорить безъ «съ позволенія сказать»: «народъ безъ чувства, безъ глубины, фигляръ». Не читаютъ ничего почти, кромѣ собственныхъ произведеній. И при всемъ томъ славные, даровитые люди. Но — сказать правду — одинъ только изъ кружка ихъ пришелся мнѣ совершенно по душѣ— Боткинъ. Теплый, чистый и умный безъ умничанія. Мы сошлись съ перваго разу, и видимся часто. Онъ позволилъ мнѣ открыть тебѣ его тайну (о которой не пиши ни къ кому, потому что здѣсь ее еще не знаютъ): онъ любитъ Александру Бакунину и любимъ ею».

На романѣ Боткина мы не будемъ теперь останавливаться, такъ какъ ему будутъ посвящены двѣ слѣдующія главы.

Что же касается Бѣлинскаго, то къ нему и къ его новымъ взглядамъ Грановскій возвращается опять въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ Станкевичу отъ 25 ноября 1839 г. Онъ сообщаетъ здѣсь, что прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Станкевичу, переданное ему Боткинымъ по желанію самого Бѣлинскаго. «Ты самъ, лучше, чѣмъ изъ всѣхъ моихъ разсказовъ—пишетъ онъ далѣе—увидишь изъ этого письма, какъ куролеситъ этотъ народъ и какъ имъ полезно «тереть темя льдомъ». И далѣе онъ высказываетъ серьезныя опасенія за литературную репу-

тацію Бѣлинскаго, въ особенности въ глазахъ молодежи, благодаря тогдашнимъ его выступленіямъ [1]).

«Бѣлинскій — продолжаетъ онъ — видитъ въ общемъ мнѣніи ограниченность, себя считаетъ героемъ и провозвѣстникомъ истины; Катковъ тоже. Въ нихъ нельзя не уважать силы убѣжденія. Но прочно ли это убѣжденіе? На чемъ, какъ не на ожесточенной реакціи противъ прошедшаго момента оно основано? Ты это легко замѣтишь изъ письма. Онъ хотѣлъ прислать и статьи: я увѣренъ, что тебѣ будетъ больно и горько читать ихъ. У Боткина, въ этомъ случаѣ, закрыты глаза отчасти его телячьею терпимостью, отчасти пристрастіемъ»...[2]).

Съ Мишелемъ Грановскій увидѣлся лишь 28 ноября, такъ какъ до тѣхъ поръ его не было въ Москвѣ. «Мнѣ сразу показалось,—сообщаетъ Грановскій на первый разъ—что онъ сталъ смирнѣе и не такъ рѣзокъ и абстрактенъ, какъ прежде» (т.-е. по сравненію съ 1836 годомъ) [3]). 2-го декабря онъ пишетъ подробнѣе: «я видѣлъ уже нѣсколько разъ Мишеля. Признаюсь,

[1]) Статьямъ о Бородинской годовщинѣ и о Менцелѣ, критикѣ Гете, а также о „Горе отъ ума" Грибоѣдова. Венгеровское изд. сочиненій Бѣлинскаго, т. IV. Срав. Пыпина, II, глава VI.

[2]) Самъ Бѣлинскій подробно описывалъ свое знакомство съ Грановскимъ и свои споры съ нимъ въ области эстетики въ письмѣ къ тому же Станкевичу.

„Способъ, какимъ ты рекомендуешь мнѣ Грановскаго—писалъ онъ—заставилъ меня смѣяться до слезъ: ароматъ твоей милой, непостижимо чудной непосредственности такъ и вѣялъ вокругъ меня. Портретъ Грановскаго вѣренъ, какъ нельзя больше; ты великій живописецъ! Но опасеніе, что мы не сойдемся, которое невольно высказывается въ твоихъ словахъ, оказалось совершенно ложнымъ: мы сошлись какъ нельзя лучше и ближе, и безъ всякихъ прекраснодушныхъ восторговъ и натяжекъ, а совершенно свободно. Грановскій есть первый и единственный человѣкъ, котораго я полюбилъ отъ всей души, несмотря на то, что сферы нашей дѣйствительности, наши убѣжденія (самыя кровныя)—діаметрально противоположны, такъ что бѣлое для него—черно для меня и наоборотъ... Да, это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ всегда тепло и свѣтло, и которые никогда не могутъ придти ко мнѣ не во-время, но всегда—дорогіе гости. О, Боже мой! Можно ли быть противоположнѣе въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ *мы* и онъ. Что за сужденія объ искусствѣ, что за вкусъ—верхъ идіотства! Уландъ выше Гейне, Шиллеръ... но погоди..." И тутъ начинается горячая полемика со взглядами Грановскаго, а отчасти и самого Станкевича,—поскольку онъ защищалъ Шиллера,—приведенная у Пыпина въ ч. I, на стр. 291—293 (1-го изд.).

[3]) Переписка Грановскаго, изд. А. В. Станкевичемъ („Т. Н. Грановскій и его переписка", т. II, стр. 371).

въ первый разъ я сошелся съ нимъ какъ-то нерадостно. Онъ обошелся со мной очень мило, на другой день послѣ свиданія у Боткина пришелъ ко мнѣ и былъ очень любезенъ и простъ. Бѣлинскій писалъ, что поѣздка въ Питеръ [1]) его перемѣнила; и въ самомъ дѣлѣ такъ. Меня отталкивала прежде его абстрактная энергія — хоть на разсказы и жалобы прочихъ я не полагался — его героизмъ былъ мнѣ не по душѣ. Послѣ двухъ-трехъ свиданій мнѣ стало совѣстно моихъ предубѣжденій, которыхъ скрыть я не могъ. Я думаю, что мы сойдемся. Въ исторіи Боткина онъ ведетъ себя очень тихо и хорошо»...[2]).

На эти письма Станкевичъ отвѣчалъ Грановскому только 1 февраля 1840 г., какъ только письма Грановскаго дошли до него,—отвѣчалъ обстоятельнымъ, длиннымъ письмомъ, въ которомъ былъ откликъ и на извѣстія о новыхъ взглядахъ и литературныхъ статьяхъ Бѣлинскаго [3]). Вотъ что онъ писалъ:

«Извѣстія о литературныхъ трудахъ и понятіяхъ нашихъ знакомыхъ неутѣшительны. Что имъ дался Шиллеръ? Что за ненависть? Такъ какъ они не понимаютъ, что такое дѣйствительность, то я думаю, что они уважаютъ *слово*, сказанное Гегелемъ. А если авторитетъ его силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ, что онъ говоритъ о Шиллерѣ въ Эстетикѣ въ разныхъ мѣстахъ, также о Валленштейнѣ въ мелкихъ сочиненіяхъ. А о дѣйствительности пусть прочтутъ въ Логикѣ, что дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности, внѣшняго бытія—есть случайность, что дѣйствительность, въ ея истинѣ, есть *Разумъ*, Духъ. А если Шиллеръ, по ихъ мнѣнію, не есть поэтъ дѣйствительности, а туманный, то я предлагаю имъ въ поэты Свѣчина, который описываетъ, какъ въ сраженіи, *иному стегно раздвоило*. Но можешь сказать имъ только аргументы, безъ *яда насмѣшки*,—это только ожесточаетъ, а они люди хорошіе, и я съ ними ссориться не хочу»...

---

[1]) Бакунинъ ѣздилъ въ Петербургъ лѣтомъ 1839 года съ цѣлью хлопотать о разводѣ сестры своей В. А. Дьяковой съ мужемъ,—о чемъ будетъ разсказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ—и пробылъ въ Петербургѣ и осень 1839 г. до конца ноября, вслѣдствіе чего увидѣлся тамъ и съ Бѣлинскимъ, съ которымъ у него возстановились порванныя отношенія, о чемъ рѣчь также впереди.

[2]) Переписка Грановскаго, изд. А. В. Станкевичемъ, стр. 375.

[3]) Переписка Станкевича, изд. П. В. Анненковымъ, стр. 311.

Съ Бакунинымъ Грановскій туго сближался, но все же сближался,—критикуя его характеръ, но отдавая справедливость его уму и таланту. 10-го декабря 1839 г. Грановскій писалъ Станкевичу: «Мишель написалъ очень умную статью для «Отечественныхъ Записокъ». Я читалъ въ рукописи. Умно, дѣльно и просто» [1]).

12-го февраля 1840 г., когда Бакунинъ опять пріѣхалъ въ Москву изъ Премухина, Грановскій писалъ: «Мишель давно здѣсь. Ты могъ замѣтить, что у меня было не совсѣмъ пріязненное чувство къ нему. Онъ платилъ мнѣ тѣмъ же. Мы сошлись въ первый разъ у Боткина и говорили другъ другу на вы [2]). Понемногу эта принужденность исчезла, и мы хороши: сойтись съ нимъ, какъ я сошелся съ Боткинымъ, я не могу, но я высоко цѣню его пріязнь; широкая, полетистая, въ высшей степени благородная и крѣпкая натура. Онъ хотѣлъ, чтобъ я объяснилъ ему кое-что въ Логикѣ: я отказался, потому что въ этихъ вещахъ онъ гораздо далѣе меня ушелъ» [3])...

17 февраля Грановскій писалъ: «Вчера у насъ была схватка съ Бакунинымъ. Онъ далъ мнѣ понять, что я дурно дѣлаю, посѣщая общество Кирѣевскихъ. Странный человѣкъ! Я понимаю теперь, что Боткинъ и Бѣлинскій называютъ его абсолютистомъ»... И далѣе онъ защищалъ свое право поддерживать знакомство съ Кирѣевскими, несмотря на несходство убѣжденій, которое онъ и тогда уже (въ 1840 г.) признаетъ достаточно рѣзко.

На слѣдующій день онъ опять писалъ о Мишелѣ: «Между Мишелемъ и Боткинымъ тайные разлады. Они просто не любятъ другъ друга... Хорошо, что Мишель пересталъ дѣйствовать: въ наукѣ онъ можетъ совершить великое (безъ тебя онъ много сдѣлалъ: истинно спекулятивный талантъ), но въ сферахъ дѣятельной жизни онъ никуда не годится. Для него нѣтъ субъектовъ, а все объекты. Чудная натура! Можетъ быть, безъ этихъ недостатковъ она не была бы такъ сильна. Любить его теплымъ чувствомъ нельзя — но онъ у каждаго вынудитъ удивленіе, уваженіе и участіе. Что изъ него будетъ? Дай Богъ

[1]) Переписка Грановскаго, изд. А. В. Станкевича, стр. 376. Статья эта напечатана въ IV кн. „Отеч. Зап.“ за 1840 г.

[2]) А въ 1836 г. они, едва зная другъ друга черезъ Невѣрова, были на *ты*. (Ср. главу IX. Въ письмѣ отъ 1 января 1840 г. Бакунинъ сообщаетъ сестрамъ, что при встрѣчѣ новаго (1840) года онъ и Боткинъ выпили съ Грановскимъ брудершафтъ и стали говорить другъ другу *ты*.

[3]) „Т. Н. Грановскій и его переписка“, изд. Станкевича, т. I, стр. 378.

ему скорѣе попасть въ Берлинъ, а оттуда въ опредѣленный кругъ дѣятельности—иначе его убьетъ внутренняя работа. Разлады съ собою и съ міромъ у него каждый день сильнѣе»...[1]).

Впослѣдствіи въ письмѣ къ Невѣрову отъ 19 іюля 1840 г. Грановскій отзывается о Бакунинѣ болѣе непріязненно, какъ мы увидимъ это въ своемъ мѣстѣ; но на этотъ отзывъ повліяли несомнѣнно различныя новыя обстоятельства (ссора съ Катковымъ), въ которыхъ отрицательныя стороны характера Бакунина проявились особенно рѣзко.

Между тѣмъ Станкевичъ, не отвѣтивъ еще на большое письмо Мишеля отъ 13 мая 1839 г., которое мы привели выше, упоминалъ о немъ съ любовью и интересомъ въ томъ самомъ письмѣ къ Грановскому, въ которомъ онъ выражалъ свое порицаніе ложнымъ выводамъ, сдѣланнымъ въ Россіи относительно значенія гегельянской «разумной дѣйствительности». Онъ просилъ у Мишеля прощенія за промедленіе въ отвѣтѣ на его письмо. Мишель, видимо, былъ очень тронутъ этими относившимися къ нему строками въ письмѣ къ Грановскому[2]). Въ письмѣ къ сестрамъ отъ 14 марта 1840 г. онъ между прочимъ писалъ: «Вчера Грановскій получилъ письмо отъ Станкевича, гдѣ онъ упоминаетъ и обо мнѣ. Вы не можете себѣ вообразить, какъ это меня порадовало. Я не вѣрю въ возможность возстановленія нашихъ старыхъ отношеній съ нимъ — новыхъ же я не хочу; но онъ для меня останется всегда святымъ человѣкомъ и я никогда не перестану горячо, безконечно любить его. Милая Танюша, Станкевичъ спрашиваетъ меня, можетъ ли онъ написать тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на твою записочку, переданную ему Ефремовымъ. Напиши ему нѣсколько словъ, онъ васъ всѣхъ любитъ, письмо его проникнуто любовью къ вамъ. Пришли мнѣ записочку къ нему, а я отошлю ее Станкевичу черезъ Грановскаго. Онъ непремѣнно увидится съ Варенькой—я такъ этому радуюсь, зная, что для нихъ обоихъ это свиданіе будетъ великимъ счастіемъ».

Станкевичъ дѣйствительно писалъ въ вышеупомянутомъ письмѣ своемъ къ Грановскому между прочимъ слѣдующія

[1]) Ibid., стр. 381 и 383.

[2]) Письмо Станкевича къ Грановскому отъ 1 февраля 1840 г. напечатано въ перепискѣ Станкевича, изд. Анненковымъ (стр. 302 и слѣд.), но тамъ строки, относящіяся къ Бакунину, выпущены.

строки: «Кляняйся друзьямъ и знакомымъ. Я стыдился, былъ въ затрудненіи и не зналъ, что отвѣчать на письмо Татьяны Александровны, которое передалъ мнѣ Ефр(емовъ) съ другимъ отъ покойной Л(юбаши). Я его читалъ у Тунскаго озера вечеромъ; мы долго потомъ бродили по берегу его, меня окружали воспоминанія, я былъ близокъ къ нимъ, я какъ очнулся, образы, звуки лучшаго міра неслись ко мнѣ. Я напишу ей, если она это позволитъ. Я самъ себѣ не могу позволить, развѣ увидѣвшись съ Вар(варой) Але(ксандровной)» [1]...

Станкевичу Мишель тогда же писалъ: «Милый Станкевичъ! Какъ могъ ты подумать, чтобъ я сердился на тебя за твое молчаніе! Повѣрь мнѣ, я глубоко понимаю причину его и никогда не упрекалъ тебя въ немъ. Кромѣ этого, если бы я даже и имѣлъ право сердиться на тебя, то я не могъ бы сердиться, потому что ссориться съ тобою для меня то же, что ссориться съ лучшей стороною моей жизни, которой ты былъ главнымъ источникомъ и съ которой ты неразрывно связанъ. Память о тебѣ всегда будетъ связана во мнѣ съ памятью лучшихъ и священнѣйшихъ минутъ моей жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, много воды утекло. Богатая натура твоя и обстоятельства позволили тебѣ остаться вѣрнымъ самому себѣ и осуществить обширную внутренность свою. А я—вся моя жизнь и все мое достоинство состояли въ какой-то абстрактной силѣ духа,—да и та разбилась о грязныя мелочи моей семейной ежедневности и пустыхъ семейныхъ и дружескихъ междоусобій,—а можетъ быть и о свое собственное ничтожество. Во мнѣ остается по старому сильная, надъ всѣми другими преобладающая потребность живого знанія, но жажда ничѣмъ неудовлетворенная, несмотря на всѣ бѣдныя и тяжкія усилія мои. Все мое знаніе ограничивается тѣмъ, что я ничего не знаю—сознаніе, необходимое, какъ переходъ, какъ начало истиннаго знанія, но вмѣстѣ и весьма бѣдное и неутѣшительное для того, кому суждено на немъ остановиться. До сихъ поръ безусловно вѣрю словамъ Спасителя: «И познаете Истину и Истина освободитъ васъ», но начинаю сомнѣваться въ своей способности знать. Теперь дѣлаю послѣднее усиліе для того, чтобы какъ-нибудь попасть въ Берлинъ, отъ котораго я ожидаю переро-

---

[1]) Переписка Станкевича, стр. 315, (1-ое изд.); въ новомъ изд. стр. 490.

жденія, крещенія отъ воды и духа: но не знаю, удастся ли мнѣ. Если же не удастся, то я не стану много хлопотать о своей внѣшней будущности—я къ ней совершенно равнодушенъ: окончить жизнь свою прапорщикомъ артиллеріи или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ—для меня рѣшительно все равно. Не я первый, не я и послѣдній, срѣзавшійся въ своемъ идеальномъ стремленіи, которое очень часто бываетъ не болѣе, какъ движеніемъ волнующейся юной крови.—Я остался тѣмъ же добрымъ и нелѣпымъ малымъ, какимъ ты меня зналъ—съ тою только разницею, что во мнѣ было тогда болѣе вѣры въ жизнь, чѣмъ теперь, и что тогда мнѣ было 23 года, а теперь 26. Итакъ, ты видишь, милый Станкевичъ, что ни внѣшняя, ни внутренняя жизнь моя не стоятъ большого вниманія и потому перейдемъ къ предмету болѣе интересному. Напиши нѣсколько словъ Танюшѣ—письмо твое принесетъ ей глубокое наслажденіе. Сестры мои любятъ тебя, Станкевичъ, такъ же, какъ и я люблю тебя,—и ты никогда не перестанешь быть имъ роднымъ существомъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ я радъ, что ты увидишься съ Варенькой. Пріѣздъ твой въ Неаполь будетъ для нея такою радостью, какой она, бѣдная, давно не ощущала.—Это глубокая, святая женщина, Станкевичъ,—она много перенесла, много перестрадала, но ее нельзя назвать несчастною, потому что кто соблюлъ чистоту и святость души своей въ такихъ отрицаніяхъ—тотъ не несчастливъ. Я давно не писалъ ей, не по отсутствію любви—она знаетъ, какъ я люблю ее—но потому, что съ нѣкотораго времени я разучился писать письма.

«Прощай, милый Станкевичъ, будь здоровъ и счастливъ и не забывай горячо тебя любящаго М. Бакунина.

P. S. «Состри отъ меня надъ Ефремовымъ и пожми ему руку».

Таково было настроеніе Михаила Бакунина въ началѣ 1840 г., когда онъ готовился сдѣлать свою послѣднюю попытку устроить себѣ поѣздку въ Берлинъ съ учебными цѣлями. Но прежде чѣмъ онъ дошелъ до этого настроенія и прежде чѣмъ реализовалась эта попытка, и въ кругу его друзей и въ семьѣ его произошло нѣсколько событій, которыхъ мы не можемъ оставить безъ вниманія.

Первое изъ этихъ событій было связано съ личностью и съ судьбою одного изъ близкихъ друзей его, В. П. Боткина.

ГЛАВА XXVIII.

Василій Петровичъ Боткинъ.—Біографическія свѣдѣнія о немъ.—Бѣлинскій и Боткинъ.—Первоначальныя отношенія Бакунина и Боткина.—Сотрудничество Боткина въ *Московскомъ Наблюдателѣ*.—Знакомство Боткина съ семьей Бакунина.—Участіе Боткина въ распряхъ Бакунина съ Бѣлинскимъ.—Ссора его съ Бѣлинскимъ и примиреніе.—Тѣсная дружба Боткина съ Мишелемъ и начало его романа съ Александрой Александровной.—Переписка, завязавшаяся между ними.—Большое письмо Боткина изъ Нижняго отъ 31 іюля—1 августа 1839 г.—Другія его письма оттуда и изъ Москвы въ августѣ и сентябрѣ 1839 г.—Общій жанъ-полевскій ихъ характеръ.—Отношенія Боткина съ Бѣлинскимъ въ это время.—Знакомство и сближеніе съ пріѣхавшимъ изъ Берлина Грановскимъ.—Неудовлетворенность Боткина письмами Александры Александровны.—Мучительныя сомнѣнія и „рефлекціи" Боткина.—Книги и музыкальныя новинки, посылавшіяся Боткинымъ Александрѣ Александровнѣ.—Стихи Сарры Толстой.

Василій Петровичъ Боткинъ былъ старшимъ сыномъ извѣстнаго московскаго чаеторговца, богатаго купца, фирма котораго существуетъ и теперь. Онъ родился въ 1810 году и не получилъ университетскаго образованія, которое въ тѣ времена въ средѣ купечества, даже именитаго, считалось излишнимъ. По окончаніи курса въ пансіонѣ Кряжева, едва ли стоявшаго на уровнѣ даже гимназіи, отецъ посадилъ молодого человѣка прямо въ чайный амбаръ, гдѣ онъ и долженъ былъ проводить цѣлые дни, пользуясь лишь вечерами да свободными промежутками отъ торговыхъ дѣлъ въ амбарѣ, чтобы чтеніемъ разнообразныхъ книгъ, на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, пополнить свое недостаточное образованіе. Настойчивость и большія способности помогли ему, несмотря на неблагопріятныя условія, серьезно восполнить этотъ пробѣлъ, а затѣмъ ему удалось, въ возрастѣ 25 лѣтъ, уговорить отца отпустить его за границу, при чемъ онъ основательно объѣздилъ важнѣйшіе центры континентальной Европы; былъ въ Парижѣ, гдѣ, между прочимъ, посѣтилъ, въ качествѣ горячаго поклонника,

Виктора Гюго и старался ознакомиться съ условіями и порядками тамошней общественной и частной жизни, отдавая дань увлеченія модному тогда ученію сенъ-симонизма. Затѣмъ онъ отправился и въ Италію, гдѣ впервые «почувствовалъ», по собственнымъ его словамъ, искусство, разъ навсегда пробудившее въ немъ живые артистическіе интересы, составившіе впослѣдствіи важнѣйшее содержаніе его внутренней жизни и его литературной дѣятельности.

Въ 1835 году Боткинъ вернулся въ Москву изъ этого заграничнаго путешествія не только вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, но и знатокомъ живописи, музыки и европейской изящной литературы, при чемъ въ сферѣ современныхъ литературныхъ направленій онъ былъ тогда, въ прямую противоположность Станкевичу и его друзьямъ, горячимъ почитателемъ *французскаго* романтизма. Такимъ встрѣтилъ его Бѣлинскій на вечерѣ у одного общаго ихъ знакомаго, Н. С. Селивановскаго. Съ первой же встрѣчи, которая произошла, повидимому, въ 1836 году, Бѣлинскій и Боткинъ почувствовали взаимное влеченіе другъ къ другу и черезъ нѣсколько дней были уже на ты, послѣ чего Бѣлинскій не замедлилъ ввести своего новаго друга въ кругъ старыхъ своихъ друзей, принадлежавшихъ къ кружку Станкевича. Бѣлинскій очень любилъ Боткина и гордился, что именно онъ разыскалъ его и пріобщилъ къ общему кругу своихъ друзей [1]). Когда въ 1837 году, уже послѣ отъѣзда Станкевича за границу, Михаилъ Бакунинъ сталъ тѣснѣе сближаться съ Боткинымъ, Бѣлинскій, радуясь этому сближенію, такъ характеризовалъ Боткина въ письмѣ къ Мишелю отъ 16 августа 1837 г.:

«Послѣ твоихъ сестеръ, это первый *святой* человѣкъ, котораго я знаю. Его безконечная доброта, его тихое упоеніе, съ какимъ онъ въ разговорѣ называетъ того, къ кому обращается, его ясное, гармоническое расположеніе души во всякое время, его всегдашняя готовность къ воспріятію впечатлѣній искусства, его совершенное самозабвеніе, отрѣшеніе отъ своего я—даже не производятъ во мнѣ досады на самого себя: я забы-

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія о воспитаніи и молодости Боткина, а равно и о началѣ его знакомства съ Бѣлинскимъ, мы заимствовали изъ книги А. Н. Пыпина „Біографія Бѣлинскаго“ т. I, стр. 135—137 (1-е изд.).

ваюсь, смотря на него. Онъ шелъ по ложному пути [1]; встрѣтилъ людей, которые лучше его понимали истину, и тотчасъ призналъ свои ошибки, не почитая себя нисколько черезъ это униженнымъ. Меня особенно восхищаетъ въ немъ то, что у него внѣшняя жизнь не противорѣчитъ внутренней, что онъ столько же честный, сколько и благородный человѣкъ. Онъ не почитаетъ себя вправѣ воспользоваться самовольно копейкою отца своего и, по дѣламъ его торговли, онъ смотритъ на свои отношенія къ отцу, какъ на отношенія приказчика въ лавкѣ къ своему хозяину. Да, это единственный способъ быть независимымъ отъ внѣшней жизни и людей, быть вполнѣ свободнымъ. Гармонія внѣшней жизни и человѣка съ его внутренней жизнью есть идеалъ жизни, и только въ Васильѣ нашелъ я осуществленіе этого идеала. Онъ умѣетъ отказать себѣ во всемъ, исполненіе чего вовлекло бы его въ обязательство и зависимость отъ людей, онъ не займетъ денегъ для своихъ даже похвальныхъ прихотей и входитъ въ долги для того, чтобы помочь негодяю своему пріятелю»...

Тутъ Бѣлинскій намекаетъ на самого себя.

Вся эта тирада помѣщена была въ томъ самомъ письмѣ о гривенникахъ и аккуратности, въ которомъ Бѣлинскій осуждалъ безалаберное поведеніе Бакунина [2]. «Такъ какъ,—продолжаетъ Бѣлинскій,—Василій читалъ твое письмо ко мнѣ, то я бы очень желалъ, чтобы ты прочелъ ему изъ моего все, что относится къ предмету нашего несогласія, особливо объ аккуратности и гривенникахъ. Я увѣренъ, что онъ возьметъ мою сторону».

Изъ матеріаловъ архива не видно, исполнилъ ли Бакунинъ тогда это требованіе Бѣлинскаго. Вѣроятно, исполнилъ; впрочемъ, Бакунинъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что Боткинъ раздѣляетъ въ этомъ случаѣ точку зрѣнія Бѣлинскаго. Въ архивѣ сохранилось письмо Боткина къ Бакунину отъ 26 іюня 1837 г., изъ котораго хотя и видно, что онъ очень одобрительно относил-

---

1) Очевидно, въ отношеніи міровоззрѣнія, литературныхъ и эстетическихъ взглядовъ.

2) См. главу XXII настоящей хроники. А. Н. Пыпинъ приводитъ съ небольшими сокращеніями какъ эту, такъ и другую характеристику Боткина Бѣлинскимъ, которую мы привели выше (въ главѣ XXVI), гдѣ Бѣлинскій проводитъ параллель между Боткинымъ и самимъ собой.

ся къ письму Мишеля, вызвавшему диссертацію Бѣлинскаго о гривенникахъ, но видно также и то, что на неисполненіе Мишелемъ принятыхъ на себя обязательствъ Боткинъ смотрѣлъ почти такъ же строго, какъ и Бѣлинскій. Онъ писалъ Бакунину: «Я получилъ твое письмо къ Бѣлинскому и, признаюсь, прочелъ его съ наслажденіемъ. Да, такъ, такъ надо было писать къ падающему человѣку. Я увѣренъ, убѣжденъ, что письмо это дастъ Бѣлинскому новыя силы, новую энергію. Бѣдный— сосредоточить на грамматикѣ всю жизнь свою и не найти выхода изъ своего положенія! У меня билось сердце сильнѣе, когда я читалъ письмо твое. Хорошо, прекрасно—спасибо тебѣ. Святая истина вдохновила тебя. Сегодня отсылаю это письмо на почту»...

Но, несмотря на эти горячія похвалы письму Мишеля, Боткинъ въ томъ же самомъ своемъ письмѣ къ нему,—слѣдовательно, до полученія отповѣди Бѣлинскаго съ разсужденіями о гривенникахъ и аккуратности,—очень опредѣленно осуждаетъ поведеніе Мишеля въ извѣстной намъ исторіи съ переводомъ учебника Шмита, заказаннымъ ему Строгановымъ. Описавши, какъ обстоитъ дѣло съ розданнымъ по клочкамъ друзьямъ Мишеля текстомъ этой книги, Боткинъ писалъ: «Сказать правду— ты съ этимъ Шмитомъ сыгралъ передъ Строгановымъ не очень завидную роль—а винить въ этомъ долженъ себя одного. Взявшись за это дѣло, надо было исполнить его—а то лучше совсѣмъ не браться: словомъ, Бакунинъ, ты въ дѣлѣ этомъ поступилъ дурно, недобросовѣстно»...

Подружившись съ Бѣлинскимъ лишь въ концѣ 1836 года, Боткинъ не успѣлъ фактически участвовать въ *Телескопѣ*; но въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, особенно въ 1838 г., его участіе было довольно дѣятельнымъ. Въ 1838 г. онъ перевелъ для *Наблюдателя* повѣсти Гофмана «Крейслеръ» и «Донъ-Жуанъ», передѣлалъ статью о Моцартѣ и написалъ музыкально-критическія статьи по поводу концертовъ Леопольда Мейера, Олебуля и Брейтинга, а въ 1839 г. (№ 1) напечаталъ «Отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ по Италіи».

Лѣтомъ 1838 г. Боткинъ познакомился съ семействомъ Бакуниныхъ во время пребыванія Варвары Александровны-старшей съ дочерьми Татьяной и Александрой въ Москвѣ, когда развивалась вторая часть романа Бѣлинскаго. Тогда же онъ

получилъ приглашеніе—вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, Ефремовымъ и Лангеромъ—погостить въ Премухинѣ и осуществилъ это въ іюлѣ того же года. Вѣроятно, тутъ уже завязался у него первый узелъ романическихъ отношеній съ той же Александрой Александровной Бакуниной и тутъ же возникли и первыя осложненія и недоразумѣнія въ его отношеніяхъ къ Мишелю, о которыхъ писалъ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ отъ 12 октября 1838 года. Отъ этого же времени сохранилось въ архивѣ довольно большое письмо Боткина къ Мишелю (отъ 15 октября 1838 г.), въ которомъ онъ,—чувствуя, что отношенія ихъ колеблются, и упрекая Мишеля, какъ и Бѣлинскій, въ «мелкомъ взглядѣ на близкихъ людей» и въ томъ, что Мишель, даже признавая въ пріятеляхъ своихъ «прекрасную субстанцію и глубину души», въ то же время «презрительно трактовалъ ихъ, почти вовсе не дорожилъ, или весьма мало, дружескими съ ними сношеніями»,—пытается затѣмъ точно опредѣлить свои собственныя отношенія къ Мишелю... «Моя связь съ тобой,—пишетъ онъ,—основана на духѣ, на томъ таинственномъ, святомъ основаніи, которое я могу только предощущать въ мои свѣтлыя минуты. Узы, которыми я привязанъ къ тебѣ, не могутъ разорваться никогда, несмотря на то даже, если бы я совершенно разстался съ тобой и если бы насъ совсѣмъ раздѣлили наши болѣзненныя индивидуальности. Я, Миша, понялъ и сознаяъ въ тебѣ то, что составляетъ святую сущность твоей жизни, внѣ всѣхъ твоихъ наростовъ и дурныхъ субъективностей. И я люблю тебя въ этой таинственной сущности твоего бытія, и съ нею, съ этою сущностью, составляющею твое истинное я, навсегда я чувствую себя соединеннымъ и этого соединенія не можетъ расторгнуть ничто—ничто въ свѣтѣ. Не говорю уже о томъ, что съ тобою слито мое перерожденіе, что черезъ тебя *перваго* узналъ я тѣ идеи, отъ которыхъ спала повязка съ моихъ глазъ и я вошелъ въ свободную сферу бытія, гдѣ въ первый разъ свободно и легко вздохнулъ мой духъ, утомленный скитаніями по темнымъ излучинамъ разсудка и всяческими сомнѣніями. Вотъ чѣмъ (ты) вошелъ въ мою жизнь. Не упоминаю о тѣхъ минутахъ, въ которыя мы вполнѣ принимали въ себя другъ друга, когда моему погруженію въ тебя не было ни конца, ни предѣла, и чѣмъ глубже погружался я въ тебя, тѣмъ величественнѣе и роскошнѣе открывалась мнѣ

организація твоего духа. То были, Миша, прекрасныя минуты. Вотъ сущность моихъ отношеній къ тебѣ. Въ нихъ нѣтъ ни лжи, ни двуличія, ни призрачности.

«Но далеко, далеко отбросили насъ другъ отъ друга наши субъективности, наши обоюдные наросты, наше мелкое самолюбіе и самоосклабленіе. Я знаю, чувство этого отдаленія заставило тебя сомнѣваться въ моей любви къ тебѣ и это же самое чувство заставляетъ теперь меня сказать о моихъ къ тебѣ отношеніяхъ. Да, Миша, мы далеко отброшены одинъ отъ другого и только *разумный опытъ* жизни можетъ соединить насъ конкретно. Но повторяю опять: въ этомъ главную роль играютъ твое невыносимое самолюбіе, мелкій взглядъ на близкихъ къ тебѣ людей и ребяческая опрометчивость. Ты до сихъ поръ не любилъ *примирять*, а только мастеръ былъ разрывать»...

Какъ видитъ читатель, и характеръ связи Боткина съ Бакунинымъ, и причины расхожденія ихъ между собою очень напоминаютъ тѣ, которые существовали между Бѣлинскимъ и Бакунинымъ. Письма Боткина все это выражаютъ гораздо блѣднѣе и слабѣе, нежели письма «Неистоваго Виссаріона», но, очевидно, характеръ отношеній былъ однородный, если не вполнѣ одинаковый. Соотвѣтственно разницѣ въ темпераментахъ Боткина и Бѣлинскаго, у перваго изъ нихъ все это выражалось лишь менѣе рѣзко, нежели у второго, а потому и самый разрывъ отношеній съ Мишелемъ у Боткина не принялъ такой рѣзкой и рѣшительной формы, какую онъ принялъ у Бѣлинскаго.

Въ этомъ же письмѣ самъ Боткинъ нѣсколько разъ упоминаетъ о полемической перепискѣ между Бакунинымъ и Бѣлинскимъ и старается смягчить враждебность ихъ отношеній. Зная главную причину ссоры, онъ признается, что и самъ думалъ о настроеніи сестеръ Бакунина почти то же, что думалъ и высказалъ объ этомъ предметѣ Бѣлинскій. Онъ утверждаетъ, что во время ихъ пребыванія въ Премухинѣ (лѣтомъ 1838 г.) «Татьяна Александровна и Александра Александровна и особенно послѣдняя были... въ такомъ болѣзненномъ фантастическомъ состояніи, что была причина бояться за нихъ...» и что, именно, онъ *первый* началъ высказывать Виссаріону эти опасенія, «а Виссаріона это сначала поразило»... «Правъ ли я или нѣтъ,—продолжаетъ Боткинъ,—рѣшитъ время, мои же мнѣнія объ этомъ оставляю при себѣ»...

«Многому въ этой перепискѣ,—писалъ онъ дальше,—повредила субъективность Виссаріона. Но, Миша, *такая* субъективность простительна, она обрызгана кровью собственнаго сердца и многое уже заранѣе искупила страданіемъ. Вспомни, какую ты роль игралъ передъ нимъ такъ долго относительно его страсти, и пойми то остервененное ожесточеніе, какое вольно и невольно вырывалось въ письмахъ его».

Въ заключеніе онъ опять повторяетъ, что во всякомъ случаѣ союзъ ихъ (т.-е. Бакунина съ Боткинымъ) святъ, и кончаетъ письмо часто употреблявшимся тогда въ ихъ кружкѣ выраженіемъ именно въ примѣненіи къ дружбѣ: «что связано на небеси, то не можетъ быть развязано на землѣ».

Въ декабрѣ 1838 г. у него, наконецъ, произошло личное объясненіе съ Мишелемъ, которое уладило, повидимому, всѣ возникшія между ними недоразумѣнія.

«У меня гора съ души спала,—писалъ послѣ этого Боткинъ,—когда я объяснился съ тобой. Мишель, объясни свои отношенія съ Виссаріономъ. Каковы бы ни были они, они должны быть объяснены. Если не можете быть друзьями—останьтесь добрыми знакомыми, другъ друга любящими и уважающими. Ты самъ теперь видишь, что многое ты не такъ понялъ. Пожалуйста, не уѣзжай безъ этого. Оставимъ все, что было между нами, и начнемъ новую жизнь... Все оскорбительное, что Виссаріонъ писалъ къ тебѣ, не съ тѣмъ было писано, чтобъ такъ оскорбить тебя, какъ ты это принялъ. Скажи, что дѣйствительнѣе: нѣсколько словъ, вырвавшихся въ разорванномъ состояніи, или трехлѣтнія отношенія? И неужели же эти слова могли такъ затемнить все прежнее?..»

Такъ трогательно уговаривалъ Боткинъ Мишеля помириться съ Бѣлинскимъ. Однако въ концѣ того же декабря 1838 г. тонъ его писемъ къ Мишелю по отношенію къ Бѣлинскому неожиданно довольно рѣзко мѣняется. Въ это время его собственныя отношенія съ Виссаріономъ начинаютъ замѣтно портиться.

29 декабря 1838 г. онъ писалъ Бакунину:

«Что же ты вдругъ замолкъ, любезный Мишель? Я получилъ твое письмо, за которое очень благодарю тебя. Право, я въ самомъ дѣлѣ вижу, что ты сталъ о многомъ думать вѣрнѣе и основательнѣе, и теперь мнѣ ясно, какъ день, что глав-

ною помѣхою въ дружбѣ нашей были твои отвлеченныя понятія о многомъ. Я жду свиданія съ тобой, какъ праздника, право, хочется отвести душу. Съ однимъ только Иваномъ Петровичемъ[1]) могу я говорить свободно или, лучше сказать, свободнѣе, нежели со всѣми другими: но ты вѣдь знаешь его безконечную оригинальность и субъективность. Можно сказать, что Иванъ Петровичъ къ душѣ моей ближе всѣхъ»...

Далѣе слѣдуютъ восторженныя похвалы И. П. Клюшникову и тому просвѣтленному состоянію, въ которое онъ пришелъ въ это время. О Бѣлинскомъ же мы читаемъ тутъ слѣдующія, совсѣмъ неожиданныя, строки:

«Ты, мнѣ кажется, весьма ошибаешься, думая, что ты въ Виссаріонѣ много потерялъ. Конечно, тутъ есть потеря, но потеря небольшая, потому что ты съ Виссаріономъ никогда не былъ и не могъ быть другомъ. Того, что составляетъ сущность, таинственную невыговариваемую сущность твоего духа,—онъ никогда не понималъ. Въ моихъ съ нимъ отношеніяхъ дѣйствительность и истина берутъ свое и взаимныя отношенія наши принимаютъ постепенное опредѣленіе истины. Можно любить и уважать человѣка, но быть другомъ—это другое дѣло»...

Далѣе въ письмѣ приводятся, должно быть, изъ Halle'sche Jahrbücher, различныя новости изъ міра гегеліанскихъ отношеній и о нѣкоторыхъ новинкахъ гегеліанской литературы.

Загадочныя слова и сужденія о Бѣлинскомъ, котораго, оказывается, можно любить и уважать, но съ которымъ нельзя быть другомъ, выясняются слѣдующимъ письмомъ Боткина къ Мишелю отъ 3 января 1839 г., въ которомъ онъ писалъ: «Пріѣзжай,—тебя съ уваженіемъ и любовью встрѣтятъ Иванъ Петровичъ и Катковъ. Здѣсь дѣла приняли другой видъ. *Я выговорилъ Виссаріону мое мнѣніе о его мнимомъ журнальномъ призваніи и доказалъ ему, что онъ журналистомъ быть не можетъ рѣшительно* (!), *и многое, многое я выговорилъ ему, опираясь на факты, на его же методъ*[2]). Ну да объ этомъ писать долго,—лучше переговоримъ. Онъ на меня сердитъ. Я ему проповѣдую смиреніе и совѣтую, чѣмъ судить и осуждать другихъ, обратить побол ѣе вниманіе на самого себя и проч...».

[1]) И. П. Клюшниковъ.

[2]) Курсивъ мой. *А. К.*

Послѣ этого начались натянутыя отношенія между Бѣлинскимъ и Боткинымъ, и наконецъ, въ началѣ мая, произошелъ между ними и полный разрывъ. 9 мая 1839 г. Боткинъ писалъ Бакунину:

«Не взыщи, что я до сихъ поръ тебѣ не отвѣчалъ на твое письмо, которое принесло мнѣ много удовольствія, тѣмъ болѣе, что оно пришло ко мнѣ въ такое время, когда на душѣ у меня было очень грустно. Едва ли ты повѣришь, если я скажу тебѣ, что я съ Бѣлинскимъ разстался, или, лучше сказать, не я разстался съ нимъ, а онъ со мной. Поводъ и причины къ этому подала извѣстная тебѣ исторія, въ которой онъ игралъ такую пошлую роль [1]). Онъ обвиняетъ меня въ предательствѣ и еще Богъ знаетъ въ чемъ за то, что я въ рѣшительномъ разговорѣ съ Д. Щ (епкинымъ), и притомъ по просьбѣ его, высказалъ все, что я думалъ о Бѣлинскомъ относительно этого происшествія. Послѣ это Щ. пересказалъ ему.—я не только не бралъ мнѣнія и словъ своихъ назадъ, но говорилъ Аксакову, что я съ Бѣлинскимъ еще теперь не могу свободно говорить объ этой пошлой его исторіи, потому что она слишкомъ раздражаетъ меня. И вотъ Бѣлинскій счелъ себя глубоко оскорбленнымъ, написалъ мнѣ письмо, наполненное оскорбленіями. Словомъ въ этой ссорѣ высказалась вся черствая (?!) натура Бѣлинскаго. Я отвѣчалъ ему прямо и скромно; но мы далеко съ нимъ разошлись, потому что поступокъ, въ которомъ онъ видитъ какое-то предательство, я считаю чистымъ и необходимымъ»...

«Притомъ же, Мишель,—пишетъ далѣе Боткинъ, совершенно забывая свои недавнія увѣщанія Бакунину помириться съ Бѣлинскимъ,—я, право, съ одной стороны радъ измѣнить отношенія мои съ Бѣлинскимъ. О ложности ихъ я говорилъ тебѣ еще прошлаго года, да и давно ихъ чувствовалъ. А все какъ то грустно. Вообще всякій разрывъ дѣйствуетъ на меня болѣзненно. Право, странное требованіе дружбы—называй всѣ мои поступки прекрасными, а иначе я разстанусь съ тобой!!!

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о той новой любовной исторіи Бѣлинскаго, о которой упоминаетъ и Бакунинъ въ своемъ письмѣ къ Станкевичу отъ 13 мая 1839 г.—исторія съ дочерью М. С. Щепкина, въ которую былъ влюбленъ и Катковъ.

Подробнѣе объ этомъ см. въ I томѣ „Писемъ“ Бѣлинскаго, изданныхъ Е. А. Ляцкимъ въ 1914 г., стр. 353 и слѣд.

Эти разставанія, эти разрывы отзываются какимъ то мальчишествомъ. Ефремовъ все дѣло раскажетъ тебѣ съ подробностями. Совѣсть у меня чиста, душа свѣтла и спокойна. Въ Бѣлинскомъ бушуетъ оскорбленное самолюбіе. Онъ напалъ на меня, какъ на человѣка, который, нечаянно вмѣшавшись въ исторію, поставилъ его въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ и принялъ сторону человѣка, имъ ненавидимаго,—и такъ, что вмѣшательство мое совершенно измѣнило и разрушило все. Причина въ самомъ дѣлѣ важная,—хоть Бѣлинскій и не высказываетъ ее... Хоть стыдно, а признаюсь, мнѣ стало легче, какъ будто я избавился отъ томительнаго принужденія. Мнѣ жаль Бѣлинскаго. Онъ идетъ по дурной дорогѣ. Дай Богъ ему счастья, но съ такими претензіями на счастье и любовь ему едва ли найти и любовь и счастье»...

Какъ видно изъ этихъ писемъ, начало расхожденія Бѣлинскаго съ Боткинымъ зависѣло отчасти отъ той же причины, отъ которой началось расхожденіе Бѣлинскаго и съ Бакунинымъ въ 1838 году. И Бакунинъ и Боткинъ больно задѣли Бѣлинскаго, подвергнувъ сомнѣнію тѣ его способности и достоинства, которыми онъ жилъ, благодаря которымъ онъ могъ участвовать въ жизни общей и сознавать себя полезнымъ членомъ общества и человѣчества. Недаромъ Бѣлинскій видѣлъ въ этомъ покушеніе на его «святая святыхъ». Доказывая Бѣлинскому, что онъ не можетъ будто бы быть редакторомъ и журналистомъ, друзья его доказывали ему, что онъ не можетъ дѣлать того самаго дѣла, къ которому единственно онъ считалъ—и, какъ теперь можно признать, вполнѣ справедливо—себя призваннымъ, въ исполненіи котораго онъ видѣлъ для себя возможность быть не только не безполезнымъ, но и цѣннымъ для общества человѣкомъ. Понятно, что онъ не только не могъ съ этимъ согласиться, но и чрезвычайно раздражался настойчивыми попытками друзей доказать ему это. Едва ли надо доказывать, что въ этомъ случаѣ Бѣлинскій былъ вполнѣ правъ, не слушая доказательствъ и увѣщаній обоихъ друзей своихъ... Что же касается исторіи, окончательно поссорившей Бѣлинскаго съ Боткинымъ, то, какъ ни туманны тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть изъ письма Боткина, во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что Боткинъ въ этомъ случаѣ поступилъ по отношенію къ Бѣлинскому отнюдь не по-

дружески. Боткинъ могъ, конечно, какъ угодно рѣзко нападать на него за эту исторію въ глаза... Но, не имѣя силъ, какъ онъ пишетъ, говорить «свободно» объ этой исторіи съ самимъ Бѣлинскимъ, осудить его поведеніе заочно въ разговорѣ съ посторроннимъ лицомъ, не предупредивъ объ этомъ Бѣлинскаго, было, разумѣется, не по-дружески. И намъ понятно, что Бѣлинскій назвалъ этотъ его поступокъ предательствомъ. Въ письмѣ къ Станкевичу отъ того же времени (отъ 19 апрѣля 1839 г.) Бѣлинскій со скорбью упоминалъ объ этомъ: «...Изъ остальныхъ друзей одинъ, на котораго я больше всѣхъ полагался, потому что болѣе всѣхъ любилъ его, поступилъ со мной предательски, но такъ какъ онъ это сдѣлалъ по слабости характера, то я и простилъ его въ душѣ моей»... [1]) И дѣйствительно, если мы вспомнимъ ту особую нѣжность, съ которой Бѣлинскій упоминалъ постоянно о Боткинѣ въ письмахъ своихъ къ Бакунину, и о тѣхъ истинно братскихъ отношеніяхъ, которыя, очевидно, между ними существовали до этого времени, то только слабостью характера и можно объяснить поведеніе Боткина. Мысль, если и не о «предательствѣ», то по крайней мѣрѣ о слабодушіи и неискренности, невольно возникала и у насъ въ головѣ, когда мы читали вышеприведенныя письма Боткина къ Бакунину о его расхожденіи съ Бѣлинскимъ, гдѣ онъ, стараясь доказать возможность *своей* дружбы съ Бакунинымъ, который былъ тогда въ рѣзкой ссорѣ съ Бѣлинскимъ, говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому тономъ, который исключаетъ всякую мысль о дружбѣ съ этимъ послѣднимъ,—между тѣмъ какъ Бѣлинскій и въ это время продолжалъ считать Боткина самымъ близкимъ и искреннимъ своимъ другомъ.

Боткину вообще присуща была, повидимому, нѣкоторая неискренность и уклончивость въ отношеніяхъ къ людямъ, быть можетъ, объяснявшаяся, дѣйствительно, нѣкоторой слабостью и пассивностью его характера.

Впрочемъ, хотя Боткинъ писалъ Бакунину, что по отношенію къ Бѣлинскому «совѣсть у него чиста» и «душа свѣтла и спокойна», однако жъ уже слѣдующее письмо (отъ 13 мая

---

[1]) Приведено у Пыпина, I, 289.

1839 г.) показываетъ, что въ дѣйствительности онъ вовсе не былъ спокоенъ.

«Что, господа,—спрашиваетъ онъ въ этомъ письмѣ Бакунина и Ефремова, находившихся тогда въ Премухинѣ,—вамъ хорошо? Спросили бы вы, каково мнѣ? Если кого Богъ захочетъ наказать порядкомъ, то нашлетъ на него не гладъ, не «врага—гибель живую, мечь обоюдоострый, кой не уснетъ, не сдѣлавъ зла»—какъ выражался покойный пророкъ Давидъ—а пошлетъ на него такъ называемыхъ друзей. Ужъ эти мнѣ друзья, друзья—объ нихъ не даромъ вспомнилъ я. Но, слава Богу, все уладилось и кончилось благополучно. Бѣлинскій прислалъ мнѣ письмо, гдѣ сознается въ гадкихъ поступкахъ противъ меня, сознаетъ, что мы вовсе не друзья, но можемъ быть хорошими пріятелями—и я съ нимъ совершенно согласенъ. Только жаль, что всѣ эти простыя опредѣленія стоятъ всегда такъ много, такъ много... Но все это мнѣ ужасно какъ надоѣло, эта исторія отзывается самымъ пошлымъ, смѣшнымъ мальчишествомъ, и потому извольте, господа, замолчать объ ней, тѣмъ болѣе, что все это очень, очень печалитъ меня. Я своими связями играть не привыкъ и хотя вполнѣ благодарю дѣйствительность за настоящее опредѣленіе моихъ отношеній къ Бѣлинскому, но тѣмъ не менѣе грустно, и подобные уроки въ жизни, хотя и полезны, но тяжелы».

Бѣлинскій, въ письмѣ къ Станкевичу отъ 29 сентября 1839 г., иначе описываетъ окончаніе этой ссоры: «Разъ сижу у Р—а (В. К. Ржевскаго) въ кабинетѣ,—пишетъ онъ,—входитъ Боткинъ и безъ всякихъ вычуръ начинаетъ дружески со мной разговаривать о прочитанной имъ недавно драмѣ Шекспира «Ричардъ II». Несмотря на мое желаніе держать камень за пазухой и быть какъ можно холоднѣе, я съ досадой замѣчалъ, что увлекся разговоромъ до одушевленія и никакъ не могъ удержаться отъ спокойно-дружественнаго тона. Мы пошли ходить. Боткинъ заговорилъ о ссорѣ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто дѣло шло о чьей то чужой ссорѣ; я невольно впалъ въ тотъ же тонъ, и Боткинъ заключилъ, что мы наконецъ такъ поносили другъ друга, что сквернѣе другъ о другѣ говорить уже не можемъ, слѣдовательно, новой ссоры опасаться уже нечего,—и оба начали смѣяться. Вражда пожрала самое себя—и кончилась: все гадкое и дѣтское въ преж-

нихъ отношеніяхъ всплыло на верхъ. Оно то и было причиною вражды»... [1])

Передъ отъѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ отношенія его съ Боткинымъ улучшились настолько, что Бѣлинскій переѣхалъ къ нему въ домъ и прожилъ у него послѣднія 3—4 недѣли своего пребыванія въ Москвѣ; а когда Виссаріонъ Григорьевичъ уѣзжалъ въ Петербургъ — около 20 октября, — то Боткинъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [2]): «Бѣлинскій послѣзавтра ѣдетъ въ Петербургъ. Разстаюсь съ нимъ съ глубокой грустью. Эти послѣднія двѣ недѣли сблизили насъ такъ, какъ не могли сблизить два года»... А въ какой степени возстановились и даже, пожалуй, усилились интимно-дружескія отношенія между Бѣлинскимъ и Боткинымъ послѣ водворенія перваго изъ нихъ въ Петербургѣ — это видно изъ писемъ Бѣлинскаго 1840—1841 гг., въ настоящее время изданныхъ Е. А. Ляцкимъ [3]).

Въ началѣ 1839 г., во время ссоры Бакунина и Боткина съ Бѣлинскимъ, чрезвычайно усилилась дружба между первыми двумя, особенно со стороны Боткина. Получивъ отъ Мишеля въ началѣ апрѣля письмо, въ которомъ Мишель довольно неясно говорилъ о какихъ то своихъ затрудненіяхъ и о тяжеломъ своемъ положеніи, Боткинъ писалъ ему (въ письмѣ отъ

[1]) ***Пыпинъ***. „В. Г. Бѣлинскій", I, стр. 300. Въ письмѣ къ Панаеву того же времени Бѣлинскій писалъ: „Я помирился съ Боткинымъ и Катковымъ. Между нами все опять по прежнему, какъ будто ничего не было. Да, все по прежнему, кромѣ прежнихъ пошлостей. Сперва я сошелся съ Боткинымъ и безъ всякихъ объясненій, прекраснодушныхъ и экстатическихъ выходокъ и порывовъ, но благоразумно, хладнокровно, хотя и тепло, а слѣдовательно и ***дѣйствительно***. Теперь вижу ясно, что ссора была необходима, какъ бываетъ необходима гроза для очищенія воздуха: эта ссора уничтожила бездну пошлаго въ нашихъ отношеніяхъ. Причины ссоры, нѣсколько вамъ извѣстныя, были предлогомъ, а истинныя и внутреннія причины только теперь обозначились и стали ясны. Боткинъ много былъ виноватъ передо мною, но и я въ этомъ случаѣ не уступлю ему... Я радъ безъ памяти, что наши дрязги кончились, и что вы таки увидите ***насъ***, какъ хотѣли и думали увидѣть насъ, отправляясь изъ Питера въ Москву".

Цитирую по ***Пыпину***, н. соч., I, стр. 277—285.

[2]) Къ А. А. Бакуниной отъ 18 октября 1839 г.

[3]) „Бѣлинскій. Письма". Спб., 1914, томы I и II. Ранѣе обширныя цитаты изъ этихъ писемъ помѣщены были въ главѣ VI біографіи Бѣлинскаго, составленной ***А. Н. Пыпинымъ***.

10 апрѣля: «Напрасно просишь ты меня не оставлять тебя въ твоихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ (хотя я и не знаю ихъ, но если они есть, и этого уже довольно). Просьба эта показываетъ, какъ еще мало ты знаешь меня. Какъ мнѣ противны всѣ мнимыя, воображаемыя несчастія, дѣла и необходимости,—такъ все существо мое превращается въ Thatkraft, если я только вижу и сознаю дѣйствительную нужду, дѣйствительную затруднительность близкаго мнѣ человѣка. Тогда снова возвращается ко мнѣ мысль, которая родилась во мнѣ, какъ только я могу себя помнить, мысль, бывшая мнѣ утѣшеніемъ во всѣхъ страданіяхъ моей души, на которой я, бывало, сладко отдыхалъ—это то, что если я не могу ничего совершить достойнаго человѣка и гражданина, то я могу, по крайней мѣрѣ, пожертвовать собой для блага отечества, для счастья и жизни отца, друга моего, дѣвушки, которую любить буду. Долго эта мысль постоянно занимала меня. Впослѣдствіи, когда діалектика жизни много истребила добраго изъ моего сердца, когда другіе интересы вывели меня изъ созерцанія моего я,—эта мысль исчезла. Но и теперь, когда я вижу дѣйствительное несчастіе, дѣйствительную нужду человѣка, мнѣ истинно близкаго, во мнѣ опять оживаетъ моя старая мысль со всей яркостью и силой юношескаго пыла. И такъ—одинъ разъ навсегда—если тебѣ нужна будетъ рука, за которую ухватиться, когда ты будешь въ опасности упасть съ какой-нибудь высокой скалы въ жизни—смѣло протяни мнѣ руку; если твое сердце захочетъ участія, захочетъ отдохнуть на груди другого отъ тяжкой борьбы въ жизни,—ты у меня найдешь эту грудь и въ ней кровное участіе; захочешь ли облегчить себя довѣренностью, я пойму всегда твою довѣренность и благодарно оправдаю ее. Я могу любить очень, очень немного людей,—но мнѣ кажется, что этихъ немногихъ я могу хорошо любить»...

Лѣтомъ 1839 года Боткинъ писалъ довольно часто Мишелю; письма эти наполнены различными новостями изъ заграничной научно-литературной жизни,—въ особенности изъ сферы гегеліанскихъ отношеній и происшествій, за которыми Боткинъ усердно слѣдилъ по Halle'sche Jahrbücher,—а также извѣщеніями о выпискѣ и полученіи различныхъ книгъ по порученію Мишеля и о выполненіи разныхъ другихъ мелкихъ его

порученій. Въ письмѣ отъ 19 іюля Боткинъ посылаетъ Бакунину нѣмецкіе стихи, которые, какъ онъ пишетъ, очень поразили его и заставили много думать. «Въ нихъ есть истина,— пишетъ Боткинъ.—и истина глубокая. Я не могъ ихъ не списать и не послать къ тебѣ. Скажи мнѣ объ нихъ свое мнѣніе. Они изъ книги «Gedanken über den Tod und Unsterblichkeit, aus den Papieren eines Denkers» von Ludwig Feuerbach. Я выписалъ ихъ изъ характеристики Фейербаха, напечатанной въ книгѣ Lehrbuch der Literatur. Замѣчательно, что Фейербахъ самъ принадлежалъ къ піетистамъ, но, проживши нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ, изучилъ философію Гегеля и сдѣлался жаркимъ послѣдователемъ его»...

Сообщая дальше, что въ «Галльскихъ Jahrbücher» кто то защищаетъ Гегеля отъ нападокъ Михеле (въ его исторіи философіи), Боткинъ обѣщаетъ выслать на дняхъ Hallesche Jahrbücher Мишелю: «Тамъ для тебя множество интереснаго».— пишетъ онъ.

Въ другомъ письмѣ, отъ 8 іюня 1839 г., онъ съ шуточнымъ паѳосомъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу присылки Мишелемъ денегъ для уплаты своихъ долговъ.—«Письмо твое,— пишетъ онъ.—но главное, не письмо, а 800 рублей—я съ величайшимъ наслажденіемъ получилъ и распорядился ими, какъ ты пишешь. Клюшникову вчера отвезъ самъ; Северину (это былъ книжный торговецъ, доставлявшій книги изъ-за границы. *А. К.*) отдалъ нынче, хоть книги твои и не получены,— но ничего, это будетъ больше чести. Самъ съ благоговѣніемъ взялъ 60. Эти деньги постараюсь сохранить на память какъ вещь необыкновенную, т.-е. выходящую изъ твоего обыкновенія!!!»

Лѣтомъ 1839 года всѣ Бакунины—родители и дѣти—были въ Москвѣ и прожили здѣсь болѣе мѣсяца. Младшіе сыновья Александра Михайловича въ это время кончили гимназію и держали экзамены въ московскій университетъ. Мать ихъ тяжело захворала и проболѣла около трехъ недѣль, но еще до болѣзни успѣла подыскать и нанять сыновьямъ квартиру на зиму. Останавливались Бакунины въ этотъ разъ у Ржевскихъ и помѣщались, кажется, довольно тѣсно и неудобно. Бѣлинскій, находившійся тогда въ самомъ тяжеломъ состояніи духа, съ ними въ этотъ ихъ пріѣздъ, кажется, не видѣлся вовсе, а

Боткинъ именно въ это время окончательно увлекся Александрой Александровной и успѣлъ ей внушить, повидимому, если не полную взаимность, которой, кажется, не было, то во всякомъ случаѣ значительное расположеніе къ себѣ и склонность принять благосклонно его чувство [1]). Между Боткинымъ и Александрой Александровной возникла романическая переписка, и письма Боткина почти всѣ сохранились въ архивѣ Бакуниныхъ, но, къ сожалѣнію, безъ ея отвѣтовъ, которые были, повидимому, уничтожены самой Александрой Александровной, послѣ возвращенія ей ихъ Боткинымъ.

Было бы скучно приводить здѣсь всѣ эти письма—въ концѣ-концовъ содержаніе ихъ довольно однообразно: большая часть изъ нихъ наполнены длинными, тягучими рефлексіями, ламентаціями, самобичеваніями, такъ что можно даже удивляться, какъ эта канитель, тянувшаяся болѣе года, не надоѣла Але-

[1]) Мишель, находившійся въ это время, какъ мы увидимъ дальше, въ Петербургѣ, но, очевидно, освѣдомленный о начавшемся романѣ между его сестрой и другомъ, имѣлъ, повидимому, съ самаго же начала большое сомнѣніе относительно истинности ихъ чувства, по крайней мѣрѣ со стороны Александры Александровны. Вотъ что писалъ онъ ей въ письмѣ къ сестрамъ изъ Петербурга отъ 21 іюля 1839 года:

„...Что дѣлается съ тобой, милая Ксандра? Ради Бога, не увлекайся фантазіею. Повѣрь мнѣ, другъ, счастье и достоинство человѣка въ реальной духовности, духовности имѣющей въ себѣ свое опредѣленно-безконечное содержаніе и сознающей это содержаніе.

„Неопредѣленная безконечность есть стремленіе, порываніе, а не достиженіе;—неопредѣленная безконечность есть несовершившаяся духовность, духъ, ищущій, но не находящій самого себя, стремленіе къ любви, а не любовь. Кто любитъ, тотъ имѣетъ въ любви своей незыблемую основу. Alexandrine! Ты счастлива, если ты дѣйствительно любишь, потому что любовь есть все— и начало и вѣнецъ жизни: нѣтъ глубины глубже, нѣтъ высоты выше любви, въ любви разрѣшеніе всякой тайны, всякаго противорѣчія, любовь есть откровеніе таинства жизни, совершеніе религіознаго стремленія для того, кто любитъ; любовь есть преображеніе человѣка, возрожденіе его для новаго неба и для новой земли... Alexandrine, ты понимаешь, что такое любовь и потому, ради Бога, не обманывай саму себя и другихъ, если ты еще не такъ любишь, какъ можешь любить. Если въ любви твоей сосредоточилось все бытіе твое, всѣ интересы, всѣ стремленія твоей жизни, и если все это нашло полное осуществленіе, разрѣшеніе въ твоей любви къ Боткину, то тогда съ Богомъ, ступай подъ вѣнецъ, потому что бракъ дѣйствительный, безусловный, а не фантастическій и не произвольный бракъ—есть дѣйствительное осуществленіе любви. Но вспомни, другъ, что чѣмъ святѣе таинство любви, тѣмъ преступнѣе произвольное, фантастическое обхожденіе съ нимъ".

ксандрѣ Александровнѣ ранѣе этого срока. Однако весь этотъ эпизодъ и въ особенности нѣкоторыя его перипетіи настолько характерны и для описываемой эпохи, и для участвовавшихъ въ немъ лицъ, что онъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть разсказаннымъ съ приведеніемъ и нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ, документовъ.

Первое письмо Боткина не сохранилось, но изъ второго сохранившагося посланія видно, въ чемъ заключалось содержаніе перваго и какъ (приблизительно) начался весь романъ. Вскорѣ же послѣ рѣшительнаго объясненія съ Александрой Александровной Боткину пришлось уѣхать по дѣламъ торговаго дома своего отца въ Нижній на ярмарку. Пропустить нижегородскую ярмарку, которая бываетъ только разъ въ году и гдѣ, особенно въ тѣ времена, совершались всѣ крупныя торговыя сдѣлки на цѣлый годъ, чайный торговый домъ, конечно, не могъ ни въ какомъ случаѣ. И Боткину нельзя было не ѣхать. Онъ уѣзжалъ туда, впрочемъ, до извѣстной степени ободренный благосклоннымъ пріемомъ его объясненія со стороны любимой дѣвушки: но тамъ его охватилъ цѣлый рой тяжелыхъ сомнѣній, угрызеній и рефлексій, которыми онъ и наполнилъ это первое изъ сохранившихся писемъ его къ Александрѣ Александровнѣ.

„Весело прощался съ вами,—пишетъ онъ[1]).—весело уѣзжалъ—теперь не то. Но я еще нахожусь подъ какимъ-то очарованіемъ. Что со мной? какъ это сдѣлалось? Не понимаю. Эта быстрота и неожиданность потрясеній, создавшихся одно за другимъ, погрузили меня въ недоумѣніе. Я сомнѣваюсь часто—все ли то дѣйствительно было и существуетъ, о чемъ сохранилось у меня смутное воспоминаніе. Нѣтъ, никогда не смѣлъ я такъ далеко простирать надеждъ своихъ—и потому не упрекайте меня въ дерзости. Мнѣ кажется, этому безконечному содержанію, которое наполняетъ меня, никогда не буду въ состояніи дать опредѣленную, дѣйствительную форму. Надобно, чтобы дѣйствительность, которая васъ должна окружить, была отраженіемъ воздушной поэзіи вашего внутренняго міра, надобно, чтобъ съ вами не разставалось ничто, съ чѣмъ сжилась ваша душа, ничто, что потомъ (составитъ) свя-

1) 31 іюля 1839 г.

щенныя воспоминанія вашей жизни. А какъ я могу дать вамъ все это? Мысль объ этомъ мучитъ меня. Вы мнѣ всегда представляетесь дѣвушкою Оссіана, образомъ, сліяннымъ изъ эѳира и лучей мѣсяца,—образомъ, который улетучится при малѣйшемъ грубомъ прикосновеніи,—и я прикасаюсь къ вамъ съ трепетомъ,—все мнѣ кажется, что я своимъ прикосновеніемъ профанирую васъ.

«Признайтесь, мое безумное письмо, вырвавшееся изъ меня въ минуты тяжкой тоски, вынудило у васъ согласіе? [1]). Да, я это знаю. Забудьте и изорвите это письмо,—оно вышло не изъ чистаго, кроткаго, исполненнаго любви чувства, а изъ гордаго чувства, чуждаго самоотверженія и истинной, святой любви. Всякая другая любовь, какой бы колоритъ она ни принимала на себя,—недостойна васъ и должна оскорблять васъ. Я понимаю, какъ васъ долженъ былъ испугать этотъ дикій голосъ растерзаннаго самимъ собою отчаянія, голосъ сумасшедшаго, который въ своемъ напыщенномъ чувствѣ не нашелъ никакого живого источника свѣта и истины, которымъ долженъ бы былъ успокоить вашу имъ же самимъ измученную душу, не нашелъ въ своей любви, о которой такъ много толковалъ, столько кротости и самоотверженія, чтобы дать полную свободу вашей волѣ, какъ можно дальше отдалить отъ васъ рѣшеніе, такъ для васъ тяжелое (какъ я понимаю эту тяжесть!),—а безумно, въ какомъ-то отчаяніи, началъ говорить вамъ—о глупецъ!—о самоубійствѣ, о своемъ предчувствіи страшнаго,—порожденіи его фантазіи, наполненной пустыми призраками [2]). Больно и стыдно мнѣ! Я васъ оскорбилъ. Состраданіе и жалость заставили васъ выговорить согласіе. Александра Александровна, я отдаю его вамъ назадъ, какъ вынужденное насильно, какъ украденное. Я безчестно поступилъ. Отнынѣ прочь изъ нашихъ отношеній все, что не освящено въ храмѣ

[1]) Сперва было написано „рѣшеніе", потомъ зачеркнуто и замѣнено словомъ „согласіе".

[2]) Къ этому мѣсту приписка: „Добрыя вы! Пораженныя моимъ дикимъ воплемъ, вы уже не думали болѣе о себѣ, вы, можетъ быть, стали уже себя обвинять,—и въ самопожертвованіи нашли подпору и выходъ. Ужасный выходъ! Вы видите, теперь я покоенъ и вамъ нечего бояться моихъ порывовъ. Нѣтъ, прежде узнайте меня, узнайте, каковъ я есть, а потомъ уже подумайте о вашемъ рѣшеніи".

небесной любви, все, что носить на себѣ печать страсти, эгоизма, пожертвованія.

«Видите, я сталъ теперь другимъ человѣкомъ. Въ послѣдній день я почерпнулъ изъ васъ новыя силы, вѣру, благодать: вы обновили меня своимъ чистымъ, дѣвственнымъ дыханіемъ и сняли съ меня прахъ земного, до того тяготившій меня. Не бойтесь же теперь говорить со мной прямо, открыто,—будьте со мной въ самомъ дѣлѣ откровенны. Вѣдь я испугалъ вашу довѣренность, грубый я, естественный человѣкъ! Въ то время, когда я прощался съ вами въ большой залѣ,—мнѣ казалось, что между нами было далекое, далекое пространство и вы стояли словно вдали, въ туманѣ, и что будто вы оставляете меня одного въ этомъ пустомъ пространствѣ, оставляете безъ участія, безъ всякаго чувства, мертво, холодно. Я старался всѣми силами подавить въ себѣ это ощущеніе,—и чѣмъ болѣе я старался его подавить, тѣмъ тяжеле ложилось оно на сердце. Я вѣрю, что каждое движеніе вашего чувства отзывается во мнѣ, и знаю, что въ то время у васъ на душѣ лежало что-то тяжелое. Я спросилъ васъ объ этомъ, вы сказали, что ничего. Это была неправда. Но вамъ нельзя быть со мной откровенными, потому что въ чувствѣ моемъ нѣтъ нѣжности—оно грубо».

На томъ же листѣ:

Августа 1-го.

«Какъ мнѣ передать вамъ, какъ мнѣ высказать все, чѣмъ теперь полонъ я. Что вы мнѣ дали! Только тогда, когда порывы встревоженнаго чувства стихаютъ и я могу свободно въ душѣ моей созерцать вашъ духовный образъ, просвѣтленный, освященный всѣмъ, что есть во мнѣ святого и вѣчнаго, только тогда наслаждаюсь я истиннымъ блаженствомъ и чувствую, что вы такое для меня, какъ для меня необходимо было узнать васъ, знать что вы дѣйствительно существуете. Какъ будто я стою передъ вами и любуюсь вашими граціозными движеніями, дышащими кроткой небесной музыкою души вашей. Когда я бывалъ съ вами, какъ мало могъ говорить того, что лежало у меня на сердцѣ. Я весь теряюсь въ созерцаніи васъ. Теперь, когда я одинъ,—Боже мой, сколько у меня рѣчей съ вами, сколько вопросовъ—и я знаю, я потерялся бы и все бы забылъ, если бы вы вдругъ предстали предо мною.

«А вы теперь со мной. Вотъ здѣсь—я могу указать мѣсто въ моей груди, гдѣ вы. Вотъ здѣсь, гдѣ мнѣ больно, откуда растекается по моему организму чувство жизни,—здѣсь вы. Когда я чувствую васъ въ себѣ, я бываю въ религіозномъ состояніи и грудь моя расширяется и я безконечно счастливъ. Когда васъ нѣтъ со мной—мнѣ тяжко, и все мнѣ представляется смутно, на сердцѣ сухо и все въ мірѣ темно. Тогда, какъ я ни силюсь призвать васъ къ себѣ,—вы не идете, а я все падаю ниже и ниже. Я не могу рѣшить, религіозное ли состояніе моего духа даетъ мнѣ чувствовать васъ или, чувствуя васъ, я прихожу въ религіозное состояніе. Въ такихъ внутреннихъ явленіяхъ я жилъ цѣлый годъ, а особенно прошлую зиму, я тогда долго, очень долго чувствовалъ васъ въ себѣ.

«Вы засмѣетесь, если я скажу, что я часто читаю и перечитываю ваши записки—и задумываюсь долго, долго. Какъ тамъ много есть, что читать. Мнѣ кажется, что я все нахожу въ нихъ новое. Я очень часто чувствую, что я другой жизни не желалъ бы, какъ все только думать о васъ, узнавать васъ болѣе и болѣе, радоваться вами. Всякая другая жизнь могла бы лишить васъ спокойствія и счастія. Но нѣтъ, нѣтъ, видѣть васъ, слышать васъ: теперь я знаю, что для меня не видѣть васъ, не слышать васъ—есть тяжкое несчастіе,—но я ужъ научаюсь пріучать себя къ Entsagung. Что же, и въ этомъ есть блаженное чувство—правда, хоть и горькое. Ваши записки! Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало строчекъ, а какъ много содержанія, понятнаго только для меня, который читаетъ между написанными вами словами и строчками—много, много словъ и строчекъ и научается понимать душу, изъ которой вышли онѣ. Если бы могъ передъ вами раскрыть мою душу, если бы вы могли въ ней читать! Я не умѣю и не могу этого. Впрочемъ, въ моей душѣ вамъ было бы нечего читать—одно gemächtiges Sehnen—больше ничего. Что же! Все мое богатство состоитъ въ томъ, что я знаю васъ,—для меня это великое богатство, какой источникъ жизни!

«Я часто не понимаю, что происходитъ у меня на душѣ. Только съ однимъ Мишелемъ могъ бы я говорить теперь. Какъ живо чувствую я его отсутствіе! Пожалуйста, напишите ему, чтобъ онъ не думалъ ничего дурного, что я не пишу къ нему. Я не могу писать—я могъ бы только говорить съ нимъ, а въ

письмѣ надобно все сосредоточивать въ опредѣленныя мысли и выраженія, я не могу этого.

«Почта ходитъ въ Нижній во вторникъ и пятницу, это экстра-почта. Напишите мнѣ два слова — мнѣ будетъ легче. Пожмите руку Татьянѣ Александровнѣ и Александрѣ Андреевнѣ [1]).

«Татьяна Александровна взяла на себя великую миссію — обратить язычника въ христіанина: всѣ мои истинныя отношенія сосредоточены только въ томъ, что васъ окружаетъ, потому не оставляйте меня. Татьяна Александровна, я знаю, въ васъ есть много силы и много духа, и потому я такъ смѣло обращаюсь къ вамъ. Вы знаете, что христіанство въ большей части странъ было водворено черезъ женщинъ, въ васъ буду я почерпать кротость чувства и крѣпость въ моемъ духовномъ младенчествѣ».

Боткинъ пробылъ въ Нижнемъ до 29 августа, а Бакунины около этого времени уѣхали изъ Москвы. Такимъ образомъ, въ 1839 г. ему уже не пришлось видѣть Александру Александровну. Мы опускаемъ нѣсколько писемъ, которыя онъ написалъ любимой имъ дѣвушкѣ въ теченіе августа изъ Нижняго, такъ какъ письма эти полны такихъ же сомнѣній и самобичеванія, какъ и только что приведенное.

Нѣкоторыя изъ нихъ отзываются чрезвычайной — чисто жанъ-полевской — сантиментальностью: въ одномъ Боткинъ съ восторгомъ пишетъ о какой-то лампадкѣ въ кремлевской часовнѣ, которая понравилась Александрѣ Александровнѣ, а раньше еще нравилась ему, и распространяется съ восхищеніемъ о томъ, какъ онъ теперь будетъ ходить съ умиленіемъ смотрѣть на эту лампадку. По возвращеніи въ Москву онъ опять пишетъ (отъ 31 августа) письмо, наполненное ламентаціями и самобичеваніемъ, въ которомъ сперва разсказываетъ, что ему снился очень печальный сонъ о томъ, какъ онъ навсегда разставался съ Александрой Александровной, а она стояла такая печальная, «какъ будто душа ея была разорвана», и увѣряетъ, что послѣ этого сна ему было «и весело, и грустно, — но грусть такая легкая, такая нѣжная, что онъ не хотѣлъ бы никогда разставаться съ нею».

[1]) Александра Андреевна Бееръ гостила тогда у Бакуниныхъ.

А затѣмъ слѣдуютъ опять самобичеванія и угрызенія: «о, какъ я васъ много оскорбилъ! Вы сами не знаете, какъ много я васъ оскорбилъ. Цѣлой жизни моей не достанетъ искупить мою вину передъ вами». И затѣмъ на двухъ страницахъ упрашиваетъ ее забыть его навсегда, совершенно забыть все, что произошло въ Москвѣ, и при этомъ увѣряетъ, что не хотѣлъ вовсе писать, а это письмо написалъ, чтобы А. А. не думала, «что онъ страдаетъ, что ему тяжко», и утверждаетъ, что «теперь ужъ ему не будетъ тяжко», что теперь будто бы начинается для него «самая счастливая, блаженная жизнь».

Въ письмѣ отъ 13 сентября онъ упоминаетъ о Бѣлинскомъ: «съ Бѣлинскимъ теперь у насъ самыя прекрасныя отношенія, я, какъ будто, съ нимъ и не ссорился. Эта ссора очистила все, что было между нами ложнаго и принужденнаго. Его обстоятельства опять плохи и онъ завтра или послѣ завтра переѣзжаетъ ко мнѣ. Проживемъ вмѣстѣ мѣсяца два (на самомъ дѣлѣ прожили мѣсяцъ), а тамъ и простимся, онъ уѣдетъ въ Петербургъ. Мнѣ грустно думать объ его отъѣздѣ. Многое насъ связываетъ— и внутреннее и внѣшнее—мы часто ссорились, но эти ссоры показывали, что отношенія наши были всегда живы, и если они иногда не были искренни, то въ этомъ виноваты наши дѣтскія понятія о дружбѣ. Свобода и полное сохраненіе своей индивидуальности—безъ этого невозможны дружескія отношенія, а каждый изъ насъ грѣшилъ противъ этого. Другъ долженъ быть другомъ и ничѣмъ больше... Какъ бы тамъ ни было, а отсутствіе Бѣлинскаго будетъ мнѣ незамѣнимо. Но ему непремѣнно должно въ Петербургъ, въ живую журнальную дѣятельность,—это его элементъ, его призваніе».—Вотъ когда Боткинъ сознаъ это! Затѣмъ онъ прибавляетъ о себѣ и о своихъ обстоятельствахъ: «Только такіе безполезные, безсильные люди, какъ я, изживутъ вѣкъ свой въ пустой формальной дѣятельности. Какая трудная задача: добрый отецъ, которому въ дѣлѣ необходима моя помощь и котораго убью, если откажусь заниматься дѣлами, большое семейство, для котораго долженъ быть подпорою, больше всего—любовь ко мнѣ отца: все это дѣлаетъ изъ меня двойственнаго человѣка. Эти дѣла отнимаютъ у меня почти все время. Я бы желалъ, чтобы папенька былъ жестокъ, грубъ со мной, тогда бы мнѣ было легче разрѣшить мое двойственное положеніе. Это судьба, и потому

жизнь моя есть безпрестанная борьба — двѣ силы борются во мнѣ: жажда къ знанію и нравственное чувство. Обѣ онѣ имѣютъ чистый источникъ, и я не въ силахъ отрѣшиться ни отъ той, ни отъ другого! Я съ Мишелемъ много говорилъ объ этомъ— внутренняго разрѣшенія не нашли, а внѣшняго моя натура не можетъ принять».

Далѣе онъ сообщаетъ о знакомствѣ съ Грановскимъ, который за двѣ недѣли передъ этимъ пріѣхалъ въ Москву изъ Берлина, и передаетъ, что «Грановскій много разсказывалъ о Беттинѣ», которая была тогда въ такомъ почетѣ въ Премухинѣ. Но оказывается, что Грановскій «ея не любитъ и говоритъ, что, зная лично, ее нельзя любить». «Я ему во многомъ не вѣрю относительно Беттины, — оговаривается Боткинъ, — хотя и думаю самъ, что при геніальности своей (sic!) ея записки носятъ на себѣ какой-то нервный колоритъ. Впрочемъ, у меня мысль объ Беттинѣ неопредѣленна. Многое непонятно въ ней,—но явленіе геніально, глубоко и таинственно. Марбахъ говорилъ о таинствѣ любви, а о таинствѣ любви Беттины не сказалъ ни слова, между тѣмъ какъ въ этомъ-то и вся тайна»...

На слѣдующій день (15 сентября) онъ пишетъ: «Бѣлинскій переѣхалъ ко мнѣ — онъ сидитъ на верху, а я не могу читать, стремленіе къ вамъ поглощаетъ всю жизнь, всю дѣятельность моей души». Тутъ же, впрочемъ, слѣдуетъ опроверженіе этихъ словъ. «Читаю Штрауса: «Ueber Vergängliches und Bleibendes in Christenthum». Это его послѣднее слово—слово мира его врагамъ. Здѣсь онъ рѣшительно отвлекаетъ личность Христа отъ всего сверхъестественнаго и чудеснаго. Теряетъ ли Христосъ для насъ свое значеніе? Колеблется ли вѣра наша въ него? Нѣтъ, напротивъ. Пусть воскресеніе останется однимъ таинственнымъ глубокимъ миѳомъ, пусть чудеса перейдутъ въ естественное, но необыкновенное, развѣ личность Христа что-нибудь потеряетъ отъ этого? Развѣ для насъ нужно что другое, внѣшнее, кромѣ жизни, одной жизни его?...

«Боже мой,—заключаетъ онъ,—неужели никогда не настанетъ время, когда я буду говорить съ вами обо всемъ, что живетъ во мнѣ, когда я стану дѣлиться съ вами всѣмъ, что я такъ люблю, во что вѣрю! Неужели никогда не настанетъ это время? Напишите мнѣ хоть одно слово. Я каждый день жду отъ васъ письма, день пройдетъ—нѣтъ—я жду завтрашняго дня съ не-

терпѣніемъ, авось онъ дастъ мнѣ письмо отъ васъ! Все нѣтъ—это тяжело.

«Александра Александровна, я люблю васъ.

«Прощайте, писать не могу, потому что сердце полно».

Александра Александровна, повидимому, писала довольно часто, отвѣчала почти на каждое письмо Боткина, но письма ея, къ сожалѣнію до насъ не дошедшія, по большей части не удовлетворяли его.

Ему упорно хотѣлось добиться отъ нея откровенности, чтобы она сообщала ему все, что думаетъ и чувствуетъ, безъ утайки, а она, повидимому, писала чаще всего лишь о внѣшнихъ фактахъ. Но иногда она пыталась утѣшить и успокоить его. И тогда Боткинъ блаженствовалъ:

«Чѣмъ, какъ могу я высказать вамъ,—писалъ онъ 24 сентября,—это кроткое, тихое, глубокое счастье, которое вы мнѣ дали. Да, много счастья даете вы мнѣ. Что онъ—этотъ таинственный чудный эѳиръ, который струится въ меня изъ письма вашего. Я становлюсь благороднѣе, лучше отъ каждаго вашего письма, грубая кора, которая лежитъ на мнѣ,—просвѣтляется, и какая свѣтлая гармонія души! Видите ли, какое счастье вы мнѣ даете. Вы вѣдь не знаете, что такое для меня вы? Но я думаю, вамъ скучно, что я все говорю о своихъ *чувствахъ*—чувствахъ!?! Изношенное слово! Нѣтъ, высказывая вамъ, что происходитъ въ душѣ, я говорю вамъ о себѣ, потому что я только тогда живу, когда вы бываете со мной. Повѣрите ли, въ васъ я потерялъ свою самостоятельность, съ вами я не имѣю воли, величайшимъ моимъ счастьемъ было бы безпрерывно принимать отъ васъ волю. Глубоко сокрытъ въ васъ корень моего организма: отчего вы такія родныя моей душѣ? Чѣмъ больше думаю о васъ, чѣмъ больше погружаюсь въ васъ, тѣмъ больше открывается мнѣ въ васъ что-то такъ давно и таинственно знакомое, родное. Неужели это мечта? А между тѣмъ мнѣ часто приходитъ мысль, что будетъ человѣкъ достойнѣе меня, съ чистою, глубокою, возвышенною душою и отдастъ вамъ всю эту душу и въ васъ западетъ раздумье, и вы почувствуете въ себѣ истинное, всеобъемлющее стремленіе слиться съ этою душою—и тогда не думайте обо мнѣ; я буду тогда вашимъ лучшимъ другомъ, вашимъ добрымъ братомъ. Повѣрьте, я понимаю всю тяжесть, но вмѣстѣ и всю сладость

такого положенія. Правда, въ этомъ чувствѣ есть много эгоизма, и вотъ вамъ доказательство, что во мнѣ самыя лучшія стремленія не чужды эгоистическаго корня»...

Далѣе идутъ разныя фактическія сообщенія, въ томъ числѣ и о музыкальныхъ впечатлѣніяхъ; а потомъ Боткинъ обращается къ вопросу о здоровьѣ Александры Александровны, о томъ, что она мало себя бережетъ, что «мысль о смерти стала ей теперь ближе прежняго», и затѣмъ пишетъ: «Какъ вы ошибаетесь, думая, что на меня тяжело дѣйствуетъ, когда вы говорите о той, къ уединенной могилѣ которой я всегда подходилъ съ кроткимъ благоговѣніемъ. Правда, я не зналъ ея, но вѣрьте, я чувствую, что она была для васъ,—чувствую, что потеря ея никогда и ничѣмъ незамѣнима. Незамѣнима! Что я говорю? Можетъ ли что въ свѣтѣ замѣнить, заставить забыть такія потери? Самое забвеніе мнѣ только дурно бы сказало о человѣкѣ. О, всегда, всю жизнь, да будетъ *она* вашимъ небеснымъ, святымъ геніемъ, Духомъ отъ вѣчнаго Духа, нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ этотъ чистый и святой Духъ звалъ васъ къ себѣ, не вѣрю, потому что земля есть великое и полное царство Божіе— и здѣсь Духъ Божій открывается намъ во всей безконечной полнотѣ своей, и мы призваны имъ исчерпать всю глубину, все блаженство божественнаго бытія Его: исчерпать и насладиться и умереть, чтобы съ обновленными силами въ новой жизни быть сосудами Его вѣчной неисчерпаемой любви»...

Письмо отъ 26 сентября опять наполнено разными сомнѣніями и рефлексіями. 29 сентября онъ сообщаетъ о своихъ семейныхъ тревогахъ—о тяжелой болѣзни зятя—и тутъ же о новомъ интересномъ знакомствѣ, имъ сдѣланномъ, съ Огаревыми, у которыхъ онъ успѣлъ уже провести нѣсколько вечеровъ, и о другихъ вечерахъ, проведенныхъ имъ во французскомъ театрѣ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Александры Александровны, Павломъ [1]. Но тутъ же онъ прибавляетъ: «Всѣ эти дни мнѣ было очень тяжело — внѣшнія непріятности еще болѣе разстраиваютъ меня,—но это пройдетъ». Далѣе слѣдуетъ интересное сообщеніе: «Вчера былъ въ нѣмецкой книжной лавкѣ—искалъ для васъ книгъ — и не нашелъ. Современная литература довольно пуста. Остановился на «Weibliche und män-

[1]) Павелъ Александровичъ вмѣстѣ съ двумя другими младшими братьями своими въ это время вступилъ въ московскій университетъ и жилъ въ Москвѣ.

liche Charakteren» von Kühne. Кажется, недурно. Посылаю ее вамъ. Тутъ особенно интересны характеристики Беттины и Рахель [1]. Читайте и марайте карандашомъ, а я послѣ буду читать—и мнѣ будетъ, знаете, какъ весело видѣть, что особенно обратило ваше вниманіе.

«Во все это время я по себѣ узналъ, какъ много нужно рефлекціи, чтобы получить возможность сказать то, что происходитъ въ душѣ. Душа всегда полна вами — захочется писать—и едва ли есть возможность уловить хоть въ нѣсколькихъ строкахъ что-нибудь изъ полноты души.

«Сегодня тоже послалъ вамъ Шуберта, тамъ есть чудесныя пѣсни и вамъ понравится»...

Къ этому и къ слѣдующему письму приложено нѣсколько переводовъ въ прозѣ мелкихъ стихотвореній, кажется, Сарры Толстой, по крайней мѣрѣ, о ней идетъ рѣчь въ одномъ изъ писемъ, гдѣ разсказана вся ея біографія [2]). Къ одному изъ этихъ стихотвореній, которыя всѣ проникнуты тихой романтической грустью и мыслью о близкой смерти, Боткинъ сдѣлалъ приписку: «это стихотвореніе относится къ вамъ, — не правда ли?». Вотъ его текстъ:

«Я должна улыбаться, казаться веселою, — а сердце мое сгораетъ; въ тайнѣ я должна вздыхать и плакать, а въ то же время казаться радостною и здоровою.

«Сильнѣе сочись кровью моя рана! О! скорѣе изойди кровью: «я спокойна!» — говорятъ тогда уста и уже болѣе не обманываютъ.

«Я спокойна!»—говоритъ тогда взоръ: говоря это, онъ уже не обманываетъ. — И я тогда обрѣту счастье, которое давно сокрылось отъ меня.

«Я спокойна!»—говорятъ уста мои: но какъ сочится кровью моя рана! «Я спокойна!» — говоритъ взоръ, — но еще далѣе убѣгаетъ отъ меня счастье!»

[1]) Беттина и Рахель — выдающіяся женщины въ кругу германскихъ романтиковъ начала XIX вѣка. О нихъ см. у *Гайма*: „Романтическая школа". Есть въ русск. перев., изд. Солдатенкова.

[2]) Стихи ея, писанные по-нѣмецки и по-англійски, хотя и были переведены на русскій языкъ и напечатаны, но, какъ извѣстно, не для продажи, и теперь составляютъ библіографическую рѣдкость (срав. *Пыпина*, наз. соч., II, стр. 61). Въ то время ими заинтересовался Катковъ, который напечаталъ о нихъ и объ этой безвременно скончавшейся юной поэтессѣ статью въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1840 г. (октябрь).

ГЛАВА XXIX.

Отношеніе къ роману Боткина и Александры Александровны ея родныхъ и ихъ общихъ друзей.—Письмо къ Боткину А. А. Беерь и возбужденныя имъ новыя сомнѣнія и рефлексіи.—Письма его по этому поводу къ Александрѣ Александровнѣ.—Перехваченное письмо и вынужденное признаніе родителямъ.—Бурныя объясненія и болѣзнь Александры Александровны.—Дипломатическая переписка между Александромъ Михайловичемъ и Боткинымъ.—Извѣщеніе Мишеля о происшедшемъ.—Отношеніе къ этому инциденту Грановскаго.—Малодушіе Боткина.—Письма его къ Александрѣ Александровнѣ и къ Мишелю.—Новая переписка съ Александромъ Михайловичемъ.—Отсрочка на годъ окончательнаго отвѣта на предложеніе Боткина.—Испытаніе, которому подверглись чувства Александры Александровны.—Письмо къ ней матери.—Участіе Мишеля въ дальнѣйшемъ развитіи романа.—Вліяніе Бееровъ.—Порча отношеній Мишеля съ Боткинымъ.—Письма Боткина къ Мишелю и къ Александру Михайловичу въ апрѣлѣ 1840 г.—Отвѣтъ Александра Михайловича къ Мишелю.—Конецъ романа.—Общее заключеніе о романѣ В. П. Боткина.

Завязавшіяся между Боткинымъ и Александрой Александровной Бакуниной платоническія отношенія, выражавшіяся исключительно въ перепискѣ,—какъ видѣлъ читатель, совершенно невиннаго характера,—тщательно скрывались, однако же, отъ родителей. Родителей не спѣшили освѣдомить, потому что Боткинъ опасался—и, конечно, не безъ основанія—неблагопріятнаго съ ихъ стороны отношенія къ его сватовству ибо онъ понималъ, что старики Бакунины, по понятіямъ того времени, не могли смотрѣть на бракъ своей дочери съ купеческимъ сыномъ иначе какъ на mésalliance. Но зато эти отношенія вовсе не были тайной не только отъ Татьяны Александровны, отъ Мишеля и отъ младшихъ братьевъ Александры Александровны, вступившихъ тогда въ московскій университетъ, но и отъ нѣкоторыхъ друзей обоего пола [1]. Грановскій, едва прі-

[1]) Въ письмѣ, отправленномъ сестрамъ изъ Петербурга въ срединѣ сентября 1839 г., Мишель писалъ между прочимъ: „... Въ этотъ годъ многое должно рѣ-

ѣхалъ въ Москву, посвящется въ эту тайну самимъ Боткинымъ и пишетъ о ней, съ согласія Боткина, Станкевичу. Знаетъ о ней и Бѣлинскій, который въ это время, какъ видѣлъ читатель, примирился съ Боткинымъ и поселился у него на квартирѣ. Знаютъ объ этомъ, наконецъ, и Бееры, которымъ романъ этотъ очень не нравился. Онѣ своимъ женскимъ чутьемъ съ самаго начала рѣшаютъ, что со стороны Александры Александровны нѣтъ дѣйствительной, настоящей любви къ Боткину и Александра Андреевна Бееръ рѣшается даже высказать это самому Боткину въ самой категорической формѣ, прямо называя любовь Alexandrine «вымоленною любовью».

Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало письмо Александры Андреевны, отправленное ею къ Боткину, на этого, и безъ того предававшагося безпрестаннымъ рефлексіямъ, человѣка. Очень характерно письмо его объ этомъ къ Александрѣ Але-

---

шиться для насъ. Ты, милая Alexandrine, ты готовишься къ важному, къ важнѣйшему шагу въ жизни женщины. Ты видишь, я молчалъ все это время, молчалъ для того, чтобы не стѣснять твоего свободнаго рѣшенія, которое въ такомъ великомъ, святомъ дѣлѣ должно вытекать изъ всей полноты духа, которое должно быть здоровымъ, сильнымъ рѣшеніемъ, основаннымъ на нераздѣльномъ сильномъ убѣжденіи. Если твоя любовь къ Боткину дѣйствительна, если ты нашла въ ней осуществленіе всей своей внутренней жизни, совершеніе всѣхъ твоихъ стремленій, надеждъ, вѣрованій—всей святой сущности твоей жизни—если любовь эта открыла тебѣ всю важность и святость ***обязанностей*** жены и матери, и если она сказала тебѣ, что для счастья твоего ***необходимо*** быть именно женою Боткина и матерью дѣтей его, если все это стало въ тебѣ здоровымъ, сильнымъ убѣжденіемъ — въ такомъ случаѣ, Alexandrine, рѣшайся безъ всякой боязни.

„Боткинъ тебя дѣйствительно любитъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Душа его—святая, глубокая душа, жаждущая любви и способная къ любви. Дай Богъ, чтобы вы были счастливы,— вотъ все, что мнѣ остается сказать. Если ты любишь, Alexandrine, то любовь твоя должна была освободить (тебя) отъ твоей прежней болѣзненной рефлексіи. О, милые друзья, бойтесь рефлексіи, не давайте воли этимъ сухимъ, бездѣйственнымъ разсужденіямъ о себѣ: они бываютъ гибельны для мужчины: для женщины же они ядъ, разрушающій весь духовный организмъ и лишающій его той прекрасной, вѣчно-юной жизни, которая составляетъ его истинное, дѣйствительное проявленіе. Дѣйствіе—die That—вотъ единственное осуществленіе жизни".

И далѣе онъ распространяется о той роли женщины, какъ хранительницы святости семейнаго очага, о которой такъ краснорѣчиво писалъ Гегель въ своей „Феноменологіи духа“ и о важности сохраненія ***женственности***, о чемъ намъ придется еще упоминать.

ксандровнѣ (отъ 9 октября 1839 г.).—«Я нахожусь,—писалъ онъ,—въ раздумьѣ писать къ вамъ или нѣтъ? Скажите, когда же наши отношенія станутъ ясны: скажите, когда же примирятся ужасныя, оскорбляющія душу противорѣчія.

«Вчера получилъ я письмо отъ доброй Александры Андреевны, письмо, которое дало мнѣ еще ближе узнать ее и заставило еще больше уважать эту прекрасную, глубокую душу. Прочтя его, я съ часъ ходилъ по комнатѣ въ самомъ мучительномъ состояніи. Константинъ [1]) отдалъ мнѣ его поздно. У меня было нѣсколько человѣкъ, но я забылъ всѣхъ и тутъ же написалъ ей отвѣтъ, который, можетъ быть, она и вамъ перешлетъ. Вмѣсто того, чтобы выписывать изъ письма Александры Андреевны все, что меня въ немъ поразило, все, что заставило взглянуть въ себя,—я посылаю его къ вамъ и тѣ мѣста подчеркиваю. Прочтите и скажите мнѣ. Я передъ вами весь открытъ: но вы—тайна для меня. Александра Александровна!—будьте со мною откровенны—скажите мнѣ живое слово истины, сбросьте съ себя этотъ таинственный покровъ—онъ раздѣляетъ насъ. Да, въ васъ есть что-то, что насъ раздѣляетъ. Я это все вижу и чувствую. Но вы не хотите этого высказать. Когда я уѣзжалъ изъ Москвы [2]) и, прощаясь съ Татьяной Александровной, сказалъ ей, что вы, кажется, вышли изъ тяжкаго состоянія (мнѣ такъ казалось тогда)—стали веселы и покойны—она отвѣчала:—«да, если не притворяется». Не хочу скрыть—это возбудило во мнѣ противъ Татьяны Александровны нѣсколько враждебное чувство—но теперь эти слова горятъ во мнѣ, и враждебное чувство перешло въ благодарность, что она спасла васъ отъ самопожертвованія,—меня отъ вымоленной любви и запуганнаго чувства.

«Татьяна Александровна,—кто же выведетъ меня изъ очарованнаго круга? И неужели внутренній голосъ мой, достовѣрность глубочайшаго внутренняго сродства,—неужели все это призракъ? Прошу васъ, напишите мнѣ все, что вы видите и знаете; а я теперь весь потерянъ и ничего не понимаю.

«Александра Александровна!—скажите, скажите мнѣ правду,

---

[1]) Константинъ Бееръ—младшій братъ Александры и Наталіи.

[2]) Т.-е. когда онъ уѣзжалъ изъ Москвы въ Нижній на ярмарку въ концѣ іюля 1839 г.

скажите. что раздѣляетъ насъ? Не тревожьтесь. ежели не буду писать—я не могу писать...

«О моихъ къ вамъ отношеніяхъ никто не знаетъ. кромѣ братьевъ (т. е. братьевъ Александры Александровны. *А. К.*) и Константина. Сегодня писалъ къ Мишелю—просилъ. чтобы написалъ. когда онъ будетъ. я не знаю. какъ дождаться его»...

Мишелю же онъ писалъ: «Ради Бога. скажи мнѣ. скоро ли ты будешь? Я изнемогаю подъ тысячью ужасныхъ противорѣчій. Мишель. поспѣши. если можно. Войди глубже. глубже въ сердце ея—тамъ какая-то тайна. Другъ Миша. напиши мнѣ хотя слово. скоро ли будешь? И что такъ длитъ твое пребываніе въ Петербургѣ. Я потому не писалъ и не пишу тебѣ. что надо писать цѣлую книгу. а не письмо. Жду.—ради Бога. хоть слово.—иначе я не знаю. что мнѣ думать о тебѣ.

Твой *В. Боткинъ*».

Александра Александровна написала ему. повидимому. успокоительное письмо. и 18 октября онъ ей писалъ:

«Какую тяжесть сняло съ меня письмо ваше. вотъ ужъ который разъ вы приходите ко мнѣ на помощь и вашимъ тихимъ. кроткимъ. религіознымъ духомъ спасаете меня отъ самаго тяжкаго. сухого. унизительнаго состоянія»...

И здѣсь же указываетъ невольно и настоящую причину всѣхъ своихъ сомнѣній и мученій: «Если бы.—пишетъ онъ,—всѣ ваши письма были полны такого свѣтлаго. оживляющаго духа. какъ далеко были бы отъ меня сомнѣнія. какъ бодро. съ какою бы святою увѣренностью глядѣлъ я въ будущее! Иногда ваше письмо до того исполнено томительнаго. фантастическаго тона, покрыто такимъ мрачнымъ колоритомъ. что я теряюсь. не знаю. что писать къ вамъ, и всѣми силами стараюсь отгонять отъ себя рефлекціи и сомнѣнія.—самъ невольно впадаю въ фантастическій экстазъ. который смѣняется невольнымъ вникаціемъ въ наши отношенія. въ которыхъ такъ много загадочнаго. неразрѣшеннаго.—темнаго...

«Правда.—старается онъ себя утѣшить.—въ самой внутренней. сокровенной глубинѣ моего духа этихъ противорѣчій. этой темноты—нѣтъ: тамъ все свѣтло. и если неразрѣшенное и загадочное существуетъ.—только для разсудка.—но что-жъ дѣлать! Во мнѣ столько болѣзненности и душевной слабости. что

когда всѣ, кто знаетъ наши отношенія, говорятъ и пишутъ мнѣ все то, что я вамъ высказалъ въ моихъ глупѣйшихъ письмахъ, то противъ воли дѣлаешься бѣшенымъ человѣкомъ, теряешь всякую точку опоры,—не знаешь, чему вѣрить и чему не вѣрить,—внутренняя достовѣрность кажется однимъ призракомъ; родственность души—пустою фантазіею; нечистый духъ стережетъ въ такія минуты и вполнѣ овладѣваетъ—и теряешь наконецъ все человѣческое и становишься дикимъ звѣремъ... Все это было со мной въ это время. Я ужъ знаю своего чернаго генія и давно написалъ въ своемъ бумажникѣ: durcharbeite dich selbst, gebe keine Wille deiner Naturgewalt und momentane Empfindung,—но, какъ нарочно, въ эти безумные дни и забываешь объ этомъ. Но ужъ теперь непремѣнно вспомню и отгоню своего темнаго генія»...

Однако, тутъ же онъ опять впадаетъ въ свой мрачный тонъ: «Но меня,—пишетъ онъ,—иногда серіозно приводитъ въ безпокойство мысль, что вы мнѣ ничего не говорите о вашемъ внутреннемъ состояніи. Отчего не хотите вы мнѣ сказать, признаться, что въ жизни для васъ уже нѣтъ радости, что впереди все грустно, все безнадежно и вы зовете смерть, какъ ангела утѣшителя. Нѣтъ, не могу я подойти къ вамъ съ кроткимъ спокойствіемъ, съ увѣренностью, что я беру руку обрекшей себя жизни,—невольное, безсознательное чувство говоритъ мнѣ: у тебя рука обрекшей себя не жизни, а смерти. Только (то), что покрыто мерцаніемъ замогильной жизни, надъ чѣмъ цвѣтетъ могильная гряда,—только то даетъ сладостную пищу вашей душѣ»... И далѣе слѣдуетъ цѣлая кладбищенская элегія, а за ней новая сѣть сомнѣній и угрызеній.

Въ концѣ этого письма есть такое сообщеніе: «На дняхъ получилъ я письмо отъ Александра Михайловича. Хорошее, доброе письмо, которое доставило мнѣ живое удовольствіе. Когда я увидалъ адресъ, писанный рукою Варвары Александровны (старшей. *А. К.*), у меня сердце забилось,—но въ письмѣ были просто свѣтскія приличія (вѣроятно, это былъ учтивый отвѣтъ на письмо Боткина. *А. К.*). Онъ желаетъ, чтобы я присылалъ къ нему французскіе романы. Постараюсь выбрать *отличнѣйшихъ*»...

Между тѣмъ одно изъ писемъ, писанныхъ Александрой Александровной къ Мишелю объ отношеніяхъ ея къ Боткину, по-

пало какимъ-то образомъ въ руки дядюшки ея Александра Павловича Полторацкаго, который счелъ своимъ долгомъ передать его Александру Михайловичу. Произошелъ чрезвычайный переполохъ. Родители Александры Александровны были крайне скандализованы этимъ открытіемъ. Александра Александровна вынуждена была во всемъ признаться и повиниться, и послѣ ряда, вѣроятно, довольно бурныхъ объясненій съ родителями дѣло кончилось тѣмъ, что она заболѣла, повидимому, довольно серьезно. Эта болѣзнь напугала родителей и помѣшала Александру Михайловичу отправить Боткину рѣшительный отказъ. Вѣроятно послѣ многихъ сомнѣній и колебаній, онъ отправилъ ему слѣдующее курьезное письмо, въ которомъ говорилъ и объ Александрѣ Александровнѣ и о себѣ самомъ иносказательно, какъ о близкихъ своихъ родственникахъ, являясь самъ какъ бы лишь ихъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ Боткинымъ.

«Милостивый Государь, Василій Петровичъ,—писалъ онъ Боткину.—Близкая *моя родственница* [1]) созналась мнѣ, что вы открылись ей въ любви вашей. Почитая васъ благороднымъ по душѣ человѣкомъ, я къ вамъ самимъ адресуюсь, и никто кромѣ васъ самихъ о письмѣ моемъ не знаетъ и не будетъ знать. Неблагоразумно вы поступили, адресуясь къ дѣвушкѣ безъ вѣдома ея родныхъ и дѣлая ей предложеніе. Все ли вы напередъ обдумали? Дворянство не просто предразсудокъ, а признанное во всѣхъ европейскихъ государствахъ гражданское постановленіе, дающее наслѣдственныя права, отъ которыхъ дѣвушка, выходя за васъ, должна совершенно отречься. И это отреченіе, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ ей современемъ показаться весьма тягостнымъ. Воспитанной въ другомъ кругу, трудно ей будетъ примѣниться къ новому роду жизни, къ новымъ семейнымъ обязанностямъ. Она должна будетъ угождать не только отцу вашему, но и женѣ его [2]), которая хоть вамъ и не родная, но полное имѣетъ право на вашу любовь и почтеніе, потому что жена отца вашего и родная мать вашихъ сестеръ и братьевъ.

---

[1]) Такъ подчеркнуто здѣсь и дальше самимъ авторомъ письма.

[2]) Старикъ Боткинъ былъ женатъ вторично, такъ что у Василія Петровича была въ это время не мать, а мачеха.

«Если же вообразить она (т.-е. Александра Александровна. *А. К.)*, что ей до вашего семейства никакого дѣла нѣтъ, то вы оба подвергнетесь родительскому негодованію и семейные раздоры могутъ погубить васъ обоихъ.

«*Она* должна будетъ отречься отъ всякой связи съ довольно *значительными* родственниками, которые будутъ обходиться съ ней свысока.

«Выходя за васъ, она дожна будетъ во всѣхъ дѣлахъ быть вамъ помощницею, —*заниматься* этими дѣлами и не стыдиться званія, котораго у насъ, по несчастію, многіе не уважаютъ.

«*Дѣвушка сама по себѣ* весьма небогата. Я лично, уважая васъ, никогда не справлялся о вашемъ состояніи. Не знаю, принадлежите ли вы къ родовому, почетному гражданству. Полагаю, что вы въ совершенной зависимости отъ отца вашего, и собственнаго отдѣльнаго состоянія не имѣете, а потребовать его отъ отца было бы несправедливо, несродно вашимъ чувствамъ. Богатство—не добродѣтель, но бѣдность—тяжкое бремя, о которомъ вы теперь и понятія не имѣете. Одинокому человѣку немного надобно, а женатый человѣкъ долженъ представлять будущность, чтобы послѣ не каяться.

«Сообразивъ все это, отвѣчайте мнѣ просто и откровенно; но прошу васъ, чтобы переписка наша никому не была сообщаема.

«Съ искреннимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою *А. Бакунинъ*».

Василій Петровичъ отвѣчалъ на это письмо немедленно и очень почтительно и скромно.

«Милостивый Государь Александръ Михайловичъ,—писалъ онъ 4 ноября 1839 г.—Вы столько показали довѣренности ко мнѣ, столько открыли Вашъ истинно благородный характеръ, что что бы между нами ни было, какъ бы Вы ни рѣшили теперь—мое душевное уваженіе къ Вамъ всегда будетъ жить во мнѣ, тѣмъ болѣе, что оно и началось безъ всякихъ постороннихъ личныхъ причинъ во мнѣ.

«Я оправдаю Вашу благородную довѣренность и отвѣчаю на письмо Ваше открыто и прямо.

«Что я сдѣлалъ предложеніе дѣвушкѣ безъ вѣдома родителей—это, конечно, можно порицать, но Вамъ самимъ хорошо извѣстно, что надо прежде увѣриться въ согласіи ея, а потомъ

уже думать о согласіи родителей. Со всякимъ другимъ мнѣ бы говорить объ этомъ было трудно и тяжело, но съ Вами я говорю свободно, потому что я Васъ понимаю. Относительно же Вашего вопроса, обдумалъ ли я напередъ все,—отвѣчаю:

«Права дворянства я уважаю столько же, сколько и Вы, и совершенно согласенъ съ Вами, что дѣвушка, выходя за меня, дѣлаетъ большое пожертвованіе, и этого не забывалъ я.

«Относительно круга скажу Вамъ, что, живя нѣсколько уже лѣтъ отдѣльно отъ семейства и хотя занимаясь дѣлами отца, но имѣя другія нравственныя требованія,—кругъ моихъ знакомыхъ хотя не можетъ похвалиться знатностью, за то не уступитъ ей образованіемъ, и вступя въ который дѣвушка не встрѣтитъ ничего страннаго.

«Женясь, я буду жить въ рядомъ стоящемъ другомъ нашемъ домѣ, почему живя отдѣльно, имѣя особую услугу и столъ, жена моя не будетъ имѣть надобности угождать прихотямъ отца и матери моихъ:—въ уваженіи же, которое мой отецъ заслуживаетъ по своимъ лѣтамъ и добротѣ, я увѣренъ, она ему не откажетъ.

«А ежели родственники ея будутъ принимать ее, какъ Вы изволите писать, свысока,—то въ этомъ будетъ виноватъ единственно ихъ дворянскій образъ мыслей.

«Относительно же замѣчанія Вашего, что «дѣвушка, выходя за меня, должна будетъ во всѣхъ дѣлахъ быть мнѣ помощницею и заниматься моими дѣлами»,—я не нахожу, что отвѣчать Вамъ, потому что тѣ дѣла, которыми я занимаюсь вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, не только не требуютъ помощи жены, но и никакой другой помощи, хозяйство же въ домѣ есть болѣе или менѣе занятіе, которое не исключаетъ никакое званіе.

«Отдѣльнаго состоянія я, дѣйствительно, не имѣю, но *на первый разъ* батюшка назначилъ мнѣ 50 тысячъ рублей, обращающіеся въ общемъ нашемъ капиталѣ и за которые вмѣстѣ при личныхъ моихъ занятіяхъ дѣлами я буду ежегодно получать *не менѣе* семи тысячъ рублей, которыхъ, при готовыхъ квартирѣ, столѣ, экипажѣ, я полагаю, мнѣ будетъ достаточно. Зависимость же моя отъ отца, съ другой стороны, соединена съ дѣйствительной необходимостью ему во мнѣ и въ этомъ случаѣ мы оба другъ другу необходимы.

«Я принадлежу къ потомственному почетному гражданству.

«Я отвѣчаю Вамъ прямо, откровенно и опредѣлительно на всѣ, сдѣланные Вами вопросы и замѣчанія, и изъ отвѣтовъ моихъ Вы усмотрѣть изволите, что прежде, нежели я объяснился о моихъ намѣреніяхъ, все было мною обдумано и я ожидалъ только благопріятнаго случая просить Вашего согласія. И не скрою отъ Васъ—я боялся просить Васъ, потому что не увѣренъ былъ въ Вашемъ согласіи и хорошо понималъ причины, по которымъ вы въ правѣ отказать мнѣ. Теперь же, когда Вамъ все извѣстно, я отдаю судьбу ея и мою въ Ваши руки и Милостивой Государыни Варвары Александровны и ожидаю Вашего рѣшенія для сообщенія его Батюшкѣ.

«Имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою *Василій Боткинъ*».

Александръ Михайловичъ болѣе недѣли промедлилъ съ отвѣтомъ.

Боткинъ, разумѣется, порядочно волновался, и съ нимъ волновались и друзья его, посвященные въ его дѣло.

Мишелю, который былъ еще ранѣе извѣщенъ о переполохѣ, произведенномъ открытіемъ Полторацкаго [1]), Боткинъ писалъ 3 ноября 1839 г.:

...«Вчера былъ великій для меня день—неожиданно получилъ письмо отъ Александра Михайловича. Я не знаю, какъ думать о письмѣ этомъ. Сколько мнѣ кажется, онъ въ сущности не противъ меня, т.-е. уступаетъ обстоятельствамъ, и въ письмѣ своемъ дѣлаетъ чисто матеріальные вопросы, касающіеся до моихъ отношеній съ моимъ семействомъ, словомъ, вопросы, которые необходимо долженъ сдѣлать всякій отецъ,— и я вижу изъ этого, что онъ не совсѣмъ отказываетъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ пишетъ, чтобы я рѣшительно никому не давалъ знать о письмѣ его—*рѣшительно* никому. И потому ты никоимъ образомъ не долженъ давать ни малѣйшаго вида»... Изъ дальнѣйшаго видно, что при данныхъ условіяхъ и самъ Боткинъ считалъ нежелательнымъ вмѣшательство Мишеля въ это дѣло и боялся, что неловкимъ обращеніемъ къ Александру Михайловичу Мишель можетъ только все испортить.

[1]) Извѣщенъ и самимъ Боткинымъ, и Татьяной Александровной.

Изъ друзей Боткина особенно горячился Грановскій, которому поведеніе стариковъ Бакуниныхъ очень не нравилось. Въ письмѣ къ Станкевичу, которое мы уже цитировали, онъ писалъ: «родители до сихъ поръ водятъ его за носъ (они, впрочемъ, узнали о дѣлѣ не прямо отъ него, а потому что Полторацкій перехватилъ письмо Александры Александровны и заставилъ ее объясниться съ ея отцомъ) и не рѣшаются выдать дочь за купца. Есть надежда, что они согласятся: если нѣтъ, то Боткинъ увезетъ ее. Иначе съ этими людьми нельзя поступать. Я не совѣтовалъ ему этого, но сказалъ, что если ему нуженъ будетъ человѣкъ въ свидѣтели, или для чего другого— я къ его услугамъ. Что, братъ, церемониться съ безхарактернымъ старикомъ»... [1])

Спустя нѣкоторое время Грановскій опять пишетъ о Боткинѣ (въ письмѣ отъ 25 ноября) [2]): ...«На дняхъ онъ ждетъ отвѣта отъ старика Б(акунина). Въ первомъ письмѣ (отвѣтѣ на предложеніе) родители *обѣщаются* согласиться черезъ годъ. Странно! Между тѣмъ они требуютъ, чтобы въ это время онъ къ ней не писалъ и не искалъ случая видѣть. Лысый другъ нашъ отвѣтилъ съ большимъ искусствомъ: почтительно, вѣжливо объявляетъ, что ему невозможно согласиться на такія условія. Копію съ переписки онъ отправилъ къ ней. Развязка будетъ скоро, можетъ быть, до отправленія этого посланія: въ такомъ случаѣ узнаешь все»...

На другой день онъ пишетъ опять (26 ноября): «Вчера вечеромъ былъ Боткинъ; получилъ отъ нея страшное письмо: старики не хотятъ съ нею говорить, но черезъ Татьяну Александровну поручили ей сказать, что она должна на время отказаться отъ всякихъ сношеній съ Боткинымъ; что на зиму они поѣдутъ въ Тверь, гдѣ ей надобно будетъ какъ можно болѣе показываться въ обществѣ, чтобы «разсѣяться и не дать замѣтить стыда и позора своего».—«Отвратительно!—возмущается Грановскій.—Въ добавокъ какой-то сквернавецъ П—ій (тотъже, который прочелъ ея письмо) позволяетъ себѣ наставленія и насмѣшки. Она проситъ не писать о томъ Мишелю, который *долженъ* отдѣлать этого родственника, какъ онъ этого

[1]) „Переписка Т. Н. Грановскаго“, изд. А. В. Станкевичемъ. М., 1897 г., стр. 364.

[2]) Ibid., стр. 365.

заслуживаетъ. Что за люди! Имъ не довольно В(арвары) А(лександровны)... еще нужна жертва. Отказать просто на просто: тутъ еще нѣтъ ничего ужаснаго. У стариковъ могутъ быть дворянскія затѣи и предразсудки, но позволять себѣ мелкія хитрости, унижать дочь самымъ грубымъ образомъ—на что похоже. Б(откинъ) ждетъ теперь возвращенія Мишеля, а тамъ надобно будетъ искать попа. Послѣднее трудно. Ради Бога, не проболтнись объ этомъ въ письмѣ къ кому-нибудь. Въ Москвѣ, кромѣ меня, никто не знаетъ: Мишель знаетъ, Бѣлинскій не все» [1]).

Однако, какъ видно изъ писемъ самого Боткина, онъ вовсе не былъ склоненъ къ тому героическому исходу, который представлялся такимъ естественнымъ Грановскому. Письма его къ Александрѣ Александровнѣ принимаютъ въ это время еще болѣе минорный тонъ и изобличаютъ только большой упадокъ духа.

7 ноября онъ писалъ Александрѣ Александровнѣ: «Часа два назадъ получилъ письмо Ѳ. К. Ржевскаго на имя Павла Александровича. Изъ этого письма узналъ, что вы больны и вамъ ставили піявки. Что мнѣ сказать вамъ? Ничего не могу сказать. Я знаю, что вамъ худо, потому что у меня эти дни какъ-то сжималось сердце. Неужели судьба возьметъ васъ отъ меня? Да, ни у кого судьба столько не отнимаетъ, какъ у меня,—бѣденъ, бѣденъ я тогда буду. Объ одномъ прошу васъ и *вы должны*, слышите-ли,—*должны* выполнить мою просьбу: если вы почувствуете, что вы въ опасности, непремѣнно увѣдомьте меня, скажите Татьянѣ Александровнѣ,—что бы ни было, я пріѣду въ Премухино.—Я хочу хоть разъ взглянуть на васъ.

«Я не знаю, какъ мнѣ просить Васъ, чтобы вы обратили вниманіе на здоровье свое: оно ужасно разстроено. Неужели въ Твери нѣтъ хорошаго медика? Я буду писать Мишелю, чтобы онъ такъ бы сдѣлалъ, чтобъ вамъ можно было лѣчиться ѣхать въ Москву. Здѣсь есть прекрасные доктора.

«Неужели стремленіе къ смерти еще не покинуло васъ? Мнѣ безъ васъ худо будетъ. Сердце сжато—писать не могу. Страшно мнѣ за васъ»...

И въ заключеніе нѣмецкіе стихи.

---

[1]) Оба они были въ это время въ Петербургѣ.

Мишелю онъ писалъ:

«Миша! Съ полученіемъ сего ты просто непремѣнно долженъ выѣхать въ Премухино. Александра Александровна больна— они съ ней не говорятъ. Боже мой! Пойми ея положеніе—сколько она должна переносить. страдать... Одинъ ты остался защитою ея среди этихъ тетокъ и дядей. Татьяна Александровна что можетъ? Будь съ нею, будь съ нею, ты воскресишь ее, ради Бога. умоляю тебя. Брось все. Я послалъ 400 руб. Панаеву.—пусть онъ извѣстить меня, сколько онъ тебѣ еще выдастъ. я тотчасъ же пошлю къ нему. Ступай. ступай—время дорого, можетъ быть, она опасна.

«Я хочу тебѣ предложить: въ Твери могутъ ли ее хорошо лѣчить—нельзя ли переѣхать тебѣ съ нею въ Москву? Здѣсь лучше ее вылѣчатъ. Поговори, основательно поговори объ этомъ съ П (апенькой) и М (аменькой). Ея здоровье глубоко разстроено и необходимо лѣченіе основательное и разумное. Ты представь все, что можешь. Они не должны отказать: одинъ развѣ недостатокъ въ деньгахъ можетъ остановить, —но это можно отстранить. Прошу непремѣнно и серіозно съ ними поговорить объ этомъ. Время терять теперь некогда,—здоровье ея день ото дня становится разстроеннѣе. Темныя страшныя предчувствія томятъ меня. Отвѣтъ пиши мнѣ изъ Премухина.

Твой *Вас. Боткинъ*».

Такъ могъ писать только слабый, растерявшійся человѣкъ. Такія письма едва ли могли укрѣпить и поддержать колеблющееся чувство любимой имъ дѣвушки.

Между тѣмъ отъ Александра Михайловича пришелъ тотъ отвѣтъ на письмо Василія Петровича, о которомъ упоминалъ въ вышеприведенномъ письмѣ Грановскій.

«Письмо Ваше я получилъ,—писалъ въ своемъ прежнемъ тонѣ упрямый старикъ,—и читалъ его отцу и матери моей родственницы (т.-е. самому себѣ и Варварѣ Александровнѣ. *А. К.*). Они, случайно узнавъ о перепискѣ вашей, очень ею огорчились, находя ее во всѣхъ отношеніяхъ совершенно предосудительною. И вотъ какое было ихъ рѣшеніе. Они отлагаютъ на годъ окончательный отвѣтъ, и если въ продолженіе сего времени обоюдное ваше расположеніе не измѣнится, то утвердятъ

его своимъ согласіемъ, но съ условіемъ, чтобы до того никакой переписки не было.

«Честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ быть вашимъ покорнымъ слугою *А. Бакунинъ*».

На это Боткинъ отвѣчалъ слѣдующимъ, «искуснымъ», по выраженію Грановскаго, письмомъ:

«Милостивый Государь Александръ Михайловичъ. У меня не достаетъ словъ высказать вамъ ту душевную благодарность, ту радость, какія чувствовалъ я при чтеніи письма Вашего, въ которомъ передаете Вы мнѣ согласіе родителей Вашей родственницы на наше соединеніе. По горькой необходимости долженъ я покориться назначенной ими отсрочкѣ, думая, что они нашли ее нужною по заботливой родительской любви къ своей дочери, любви, сила которой такъ трогательно видна въ этомъ самомъ согласіи ихъ, несмотря на рѣзкое различіе состоянія и общественное мнѣніе, насъ раздѣляющее. Вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь я, что эта заботливость ихъ не дойдетъ до излишества и не сдѣлается мученіемъ ихъ дочери, объ отвращеніи котораго я прошу Вашего у нихъ заступничества. Что же касается до того, чтобы мнѣ цѣлый годъ не видѣть ее и даже не имѣть объ ней никакого извѣстія, получа уже отъ родителей ея согласіе на наше соединеніе, то я не знаю, достанетъ ли во мнѣ столько твердости, чтобы выполнить такое ихъ требованіе.

«Чувствуя все расположительное участіе, которое Вы въ насъ принимаете, и считая уже себя нѣкоторымъ образомъ Вашимъ родственникомъ, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь Александръ Михайловичъ, съ просьбою о совѣтѣ Вашемъ, не долженъ ли я о согласіи родителей Вашей родственницы на наше соединеніе объявить моему Батюшкѣ и не нужно-ли ему формальнымъ письмомъ объясниться съ ея родителями.

«Я нахожусь въ полной увѣренности, что Вы не откажете мнѣ въ совѣтѣ Вашемъ, тѣмъ болѣе, что форма, соблюдаемая при такихъ случаяхъ, мнѣ совершенно неизвѣстна.

«Вполнѣ понимаю огорченіе родителей Вашей родственницы, которое они должны были чувствовать, узнавъ о перепискѣ нашей, и совершенно согласенъ, что какъ они, такъ и всякій можетъ найти ее предосудительною, если будетъ видѣть въ ней одно только тайное сношеніе двухъ увлекшихся молодыхъ

людей, не вступившихъ еще между собою въ сношенія, при которыхъ согласіемъ родителей и условіями общества переписка эта дозволяется. Но такъ ли они будутъ думать о ней, если узнаютъ, что она вытекла изъ глубокихъ нравственныхъ основаній, изъ внутренняго полнаго сознанія чистоты своей, которая выше всякихъ общественныхъ условій,—наконецъ изъ того, что они считали себя совершенно другъ другу принадлежащими и ожидали только случая испросить родительскаго согласія.

«Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія къ особѣ Вашей и Милостивой Государыни Варвары Александровны имѣю честь быть навсегда Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугой *Василій Боткинъ*».

Удрученная тѣмъ, что родители съ ней не говорили, Александра Александровна написала матери письмо, въ которомъ, повидимому, старалась выяснить ей свои чувства и свои взгляды по поводу всего происшедшаго. Сохранился отвѣтъ на это письмо Варвары Александровны. Мы его приведемъ здѣсь.

«Если уже мы съ вами до того дошли, — писала Варвара Александровна дочери, вѣроятно, съ вѣдома мужа, а можетъ быть даже и подъ его диктовку,—что должны переписываться, то вотъ что я тебѣ скажу. Не хотѣли мы съ тобой говорить о томъ, что насъ такъ огорчаетъ, потому что здоровье твое разстроено. Ты пишешь, что *идешь своею дорогою и что совѣсть твоя чиста и что тебѣ никакой нужды нѣтъ, что скажутъ люди.*—Все наше несчастіе именно отъ того, что каждый изъ васъ идетъ помимо насъ своею дорогой, что вы отъ насъ таитесь, что совѣты наши вамъ ненужны и что, слѣдовательно, мы въ числѣ тѣхъ людей, мнѣніе которыхъ ничего для васъ не значитъ и которыхъ вы презираете, и что для васъ совершенно стали чужими. Братья ваши пишутъ къ намъ тогда только, когда имъ нужны деньги: а вы не совѣтуетесь съ нами, а только объявляете намъ вашу волю, на которую—хотимъ, не хотимъ — должны мы же согласиться... Переписка твоя и Боткина насъ огорчила, потому что благовоспитанная дѣвушка, имѣя отца и мать, не должна, не только съ молодымъ человѣкомъ неравнаго съ ней званія, но ни съ кѣмъ, тайно отъ насъ переписываться. Письма Боткина истреблять не нужно (вѣроятно, Александра Александровна объ этомъ спрашивала

мать. *А. К.*), потому что безъ насъ и до насъ многіе его читали. Мы же по обыкновенію, какъ совершенно посторонніе вамъ люди, послѣ всѣхъ узнали о томъ, что въ домѣ нашемъ происходило къ стыду нашему.

«Если бы Миша былъ добрый сынъ, онъ бы первый долженъ былъ обо всемъ насъ предупредить и не допустить сестру до переписки съ молодымъ человѣкомъ, а онъ зналъ,—молчалъ,—занималъ деньги... Что же должны мы объ немъ думать. Ты пишешь, что тебѣ тяжело. Подумай, каково намъ: не тебя, а насъ обвинять всѣ станутъ, а мы еще дорожимъ мнѣніемъ нашихъ родныхъ и добрыхъ людей. Подумай сама хорошенько. Не обманывай себя страстной мечтой, которая не долго продолжится. Позднее раскаяніе уже не принесетъ тебѣ никакой пользы, а неравенство состоянія, которое теперь кажется тебѣ пустымъ предразсудкомъ,—тебя современемъ угнетать будетъ. (О насъ я уже не говорю,—горе наше—вамъ не горе. Вся жизнь наша была не отрадна и въ старости нашей мы должны все испытать, всѣ горести и всякаго рода униженія). Всѣ вы это ежедневно намъ доказываете, на все помимо насъ рѣшаетесь,—что же остается намъ дѣлать?—Молиться Богу, чтобы онъ насъ подкрѣпилъ до конца»...

Чувству Александры Александровны предстояло, такимъ образомъ, выдержать не мало испытаній. Сперва она очень бодрилась, повидимому, и на письмо Мишеля, въ которомъ онъ спрашивалъ ее, истинна ли ея любовь къ Боткину, и выражалъ сомнѣніе, выдержитъ ли она всѣ препятствія, она отвѣчала такимъ сильнымъ и яркимъ письмомъ (въ январѣ 1840 г.), которое на время совершенно уничтожило всѣ сомнѣнія Мишеля и про которое Грановскій писалъ Станкевичу: «Отвѣтъ такой можетъ вознаградить за долгія страданія!». Впрочемъ Грановскій тутъ же и прибавлялъ: «Я боюсь въ этомъ дѣлѣ рефлекціи:—резонируютъ до безконечности. Между Мишелемъ и Боткинымъ тайные разлады. Они просто не любятъ другъ друга. A(lexandrine) это знаетъ и въ письмѣ обѣщаетъ примирить ихъ, стать посредницею. Съ родителями можно будетъ сладить безъ крутыхъ мѣръ»... [1]) Мишель же такъ отвѣчалъ на письмо: «Милая Саша! Благодарю тебя за твое от-

[1]) Переписка Т. Н. Грановскаго, стр. 383.

кровенное, хорошее и крѣпкое письмо. Теперь сомнѣніе въ любви твоей къ Боткину для меня уже невозможно. А гдѣ любовь, тамъ и жизнь, и счастье, и потому ты будешь счастлива, милый другъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь»...

Однако «рефлекціи», на которыя жаловался Грановскій, дѣлали свое дѣло. Сомнѣнія, повидимому черезъ Бееровъ, перешедшія къ Мишелю, отъ него перешли вновь и къ самой Александрѣ Александровнѣ, не безъ содѣйствія, впрочемъ, и Боткина съ его ноющими письмами, наполненными самобичеваніями. Изъ одного письма Боткина—къ сожалѣнію, безъ даты—видно, что въ письмахъ Александры Александровны къ братьямъ стали все чаще и чаще прокрадываться грустныя и даже мрачныя ноты.

...«Скажите, отчего эти противорѣчія въ васъ,—пишетъ Боткинъ,—они лишаютъ меня всего будущаго. Грустно мнѣ думать о нашихъ настоящихъ отношеніяхъ—правда, они имѣютъ внѣшнюю опредѣленность,—а внутри ихъ? Горько и тяжело думать. Я больше не могу молчать. Что такое большая часть вашихъ писемъ къ братьямъ, какъ не одно томительное опасеніе—страхъ будущности, совершенное отсутствіе внутренняго, самостоятельнаго, опредѣленнаго рѣшенія,—совершенное отсутствіе даже всякой надежды на счастье?»... Онъ упрекаетъ тутъ же братьевъ Александры Александровны — Мишеля и Павла,—что они показывали ему эти письма.

Съ Мишелемъ отношенія у Боткина все болѣе портятся.

Сомнѣнія относительно возможности счастливаго замужества съ Боткинымъ для Александры Александровны все болѣе и болѣе овладѣваютъ и Татьяной Александровной, и братьями.

Здоровье Александры Александровны все болѣе и болѣе разстраивается.

Наконецъ, 27 апрѣля 1840 г. Боткинъ, окончательно приведенный въ отчаяніе, пишетъ Мишелю слѣдующее письмо:

«Мишель — здоровье Александры Александровны очень потрясено и разстроено. Передъ Богомъ, я готовъ отказаться отъ всего, лишь бы возвратить ей спокойствіе. Если ее тяготятъ настоящія отношенія къ папенькѣ и маменькѣ и безпрестанно раздражаютъ ея внутреннее разстройство—средство возвратить все къ миру — отказаться мнѣ отъ своего желанія. Если это дастъ ей спокойствіе—я готовъ, я рѣшилъ. Скрытая непріязнь

станетъ такъ же мучить ее, какъ и явная. И для чего-жъ я отравлю ея жизнь? Неужели для своего счастья? А развѣ тогда оно будетъ для меня? Отдаю тебѣ въ полную и свободную волю все—и клянусь Богомъ, я говорю все обдумавши. Цѣлую недѣлю думалъ объ этомъ предметѣ. Ты выспроси Александру Александровну, не говоря ей ничего объ этомъ письмѣ,—хорошенько вникни въ ея душу,—стороной намекни о моемъ намѣреніи,—и, словомъ, сдѣлай такъ, какъ нужно, чтобъ возвратить ей спокойствіе. Обо мнѣ же въ этомъ всемъ не стоитъ думать. Для меня должна быть одна цѣль—спокойствіе и возможное счастье сестры. Что я говорю—то вѣрно. Это не порывъ, а спокойное рѣшеніе, хоть и безпокойной рукой написанное [1].

Твой *Василій Боткинъ*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку сломить упорство родителей, и 27 же апрѣля 1840 г. написалъ длинное и краснорѣчивое письмо Александру Михайловичу и Варварѣ Александровнѣ, въ которомъ просилъ разрѣшить ему пріѣхать въ Премухино для личнаго объясненія съ ними.

На это письмо Боткина Александръ Михайловичъ отвѣчалъ не ему, а Мишелю (29 апрѣля 1840 г.). Вотъ что писалъ онъ ему:

«Мы получили письмо Боткина. Связь, которая началась, когда Любенька умирала, и скрѣпилась, когда мать въ Москвѣ опасно была больна,—пріятною намъ быть не можетъ. Ты говоришь, что Боткинъ имѣетъ свои недостатки, но честный и благородный человѣкъ. Я худо этому вѣрю. Болѣзненное состояніе сестры твоей вынудило меня написать къ Боткину, что я рѣшительнаго отвѣта дать ему, прежде года, не могу; что, если по прошествіи этого срока взаимная склонность съ обѣихъ сторонъ не измѣнится, то мы ее утвердимъ нашимъ согласіемъ,—съ тѣмъ условіемъ, чтобы между тѣмъ никакой переписки не было. Но условіе это нарушено, и тайная переписка продолжалась. Сестры знали, а братья, къ стыду нашему, передавали письма. Я надѣялся, что въ продолженіи года тотъ или другая образумятся, но обманулся въ моей на-

[1] Письмо написано, дѣйствительно, явно безпокойнымъ почеркомъ.

деждѣ, и полное бы имѣлъ право совсѣмъ отказать господину Боткину, —но какъ вы всѣ противу насъ заодно дѣйствовали, то если по истеченіи срока сестра рѣшительно намъ скажетъ, что хочетъ быть за Боткинымъ, я самъ его о томъ увѣдомлю, и ты уже передашь имъ заочное наше благословеніе и самъ кончишь начатое тобою дѣло въ нашемъ отсутствіи, потому что мы не въ состояніи будемъ сами тутъ присутствовать. Я потому говорю: начатое тобою дѣло, что если бы ты по долгу сыновнему заблаговременно предупредилъ насъ, ничего бы этого не было. Ты можешь Боткину сообщить мое рѣшеніе, а на свиданіе съ нимъ я никакъ не могу согласиться».

Послѣ этого переписка между Александрой Александровной и Василіемъ Петровичемъ тянулась еще нѣкоторое время и затѣмъ порвалась навсегда въ концѣ 1840 года. Когда прошелъ назначенный родителями годовой срокъ испытанія, Александра Александровна не потребовала выполненія своего намѣренія. Василій Петровичъ тоже, повидимому, значительно остылъ къ этому времени [1]).

Любили ли они другъ друга?

Мнѣ кажется, довольно ясно, что со стороны Александры Александровны настоящей любви во всякомъ случаѣ не было

[1]) Срав. переписку Бѣлинскаго съ Боткинымъ у *Пыпина*, назв. соч., т. II, стр. 60, 61 и 74. Еще въ октябрѣ 1840 г., отвѣчая на одно изъ писемъ Боткина, Бѣлинскій писалъ ему: „тебѣ стыдно и больно было признаться мнѣ, что чувство твое убито, умерло.

„О, Боткинъ, ты все еще живешь въ мірѣ героизма и тебѣ трудно увѣриться, что всѣ люди не больше, какъ люди. Для меня такъ человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе — вздоръ, чортъ съ нимъ... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего"... А въ декабрѣ Боткинъ писалъ Бѣлинскому, что преодолѣлъ упадокъ духа, навлеченный неблагопріятнымъ концомъ своей сердечной исторіи, чувствуетъ въ себѣ свѣжесть, потребность дѣятельности... Бѣлинскій, привѣтствуя это „воскресеніе" своего друга, писалъ ему между прочимъ:

„Твоя исторія довершила давно начавшійся во мнѣ переворотъ... Я, наконецъ, сбросилъ съ себя всѣ идиллистическія и буколическія пошлости... Я уже потерялъ всякую охоту толковать (и даже мечтать) о любви къ женщинѣ... Я понимаю теперь любовь очень просто. Ея основа—разность половъ, и причина выбора — гармонія натуры и капризъ субъективности. Черезъ это я нисколько не исключаю ни мистики сердечной, ни лиризма чувства, ни сладкаго и таинственнаго волненія надеждъ, сомнѣній, предчувствій и т. п."...

съ самаго же начала: что касается Боткина, то вопросъ этотъ рѣшить какъ будто труднѣе. Я склоненъ однако же сомнѣваться въ истинности и достовѣрности и его чувства. Очень быть можетъ, что основой его была фантазія, навѣянная господствовавшимъ въ то время въ кружкѣ увлеченіемъ произведеніями Жанъ-Поля Рихтера и другихъ романистовъ германской романтической школы. Это увлеченіе дѣйствовало, вѣроятно, и на Александру Александровну. Не будь въ письмахъ Боткина той болѣзненной неимовѣрной склонности къ рефлексіи, которой они были исполнены, можетъ быть, такъ начавшіяся отношенія и вызвали бы впослѣдствіи и въ немъ и въ ней болѣе здоровое непосредственное чувство; но при данныхъ условіяхъ это было, повидимому, невозможно.

И развязка этого характернаго для той эпохи романа мнѣ представляется вполнѣ естественной и законной.

Боткинъ очень много жаловался на свои страданія во все продолженіе этой исторіи. Этими жалобами наполнена большая часть писемъ его къ Александрѣ Александровнѣ, ихъ же приходилось постоянно выслушивать отъ него и друзьямъ его, Грановскому и Бѣлинскому. Конечно, онъ тутъ не притворялся, и мучилъ себя и другихъ своими «рефлекціями», такъ сказать, добросовѣстно; но все же несомнѣнно, что создавалъ онъ эти мученія для себя самъ. И замѣчательно, что, когда ему эти мученія надоѣдали, онъ очень успѣшно могъ отъ нихъ освобождаться, по крайней мѣрѣ они отнюдь не мѣшали ему принимать дѣятельное участіе во всѣхъ развлеченіяхъ своего кружка и того общества, въ которомъ онъ вращался. Такъ, напримѣръ, въ то время, когда онъ, въ ноябрѣ 1839 г., узналъ о болѣзни Александры Александровны, которая представлялась ему такой опасной, что онъ выражалъ опасеніе потерять ее навѣки,—въ это самое время, какъ видно изъ писемъ Грановскаго, онъ принялъ участіе въ домашнемъ спектаклѣ у Огаревыхъ, съ которыми только что передъ тѣмъ познакомился. Въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ Грановскій пишетъ, что Боткинъ получилъ отъ Александры Александровны «страшное письмо», онъ тотчасъ же сообщилъ и слѣдующій фактъ: «Боткинъ спокоенъ, потому что рѣшился (т. е., какъ думалъ Грановскій, рѣшился на увозъ Александры Александровны. *А. К.*): вчера мы съ нимъ были на вечерѣ у Огаревыхъ. Очень весело было.

Была музыка: играли квинтеты Бетховена и Гебеля... и потомъ играли комедію, въ которой Боткинъ съ достоинствомъ представлялъ сержанта. Въ заключеніе Катковъ прочелъ приличное Gelegenheitsgedicht (праздновался день рожденія Огарева: комедія и пр. были сюрпризомъ, приготовленнымъ m-me Ogareff), въ которомъ говорилось о всѣхъ участникахъ въ этомъ праздникѣ; о Боткинѣ:

Лицо отъ радости блистаетъ,
Но не отъ радости чело;
Оно безрадостно блистаетъ,
Оно безрадостно свѣтло“ [1]).

Разумѣется, нельзя à la lettre принимать это шутливое стихотвореніе, такъ какъ вся соль куплета заключалась въ томъ, чтобы осмѣять боткинскую лысину, и лицо у него отъ радости, можетъ быть, и не сіяло; но всетаки принимать участіе во всемъ этомъ фарсѣ человѣку въ его положеніи едва ли было необходимо.

Въ другой разъ—уже въ февралѣ 1840 г.—Грановскій разсказываетъ, какъ всѣ пріятели, т.-е. онъ, Боткинъ и К°, веселились на какомъ-то балу—«bal masqué et paré au profit des pauvres» въ залѣ благороднаго собранія—и какъ потомъ всѣ вмѣстѣ отправились ужинать. Ужинъ этотъ былъ очень веселый, въ гегеліанскомъ стилѣ: «началось тостомъ за reines Sein, провозглашеннымъ Крюковымъ. Прошли всѣ категоріи (т.-е. категоріи гегелевой логики въ тостахъ. *А. К.*): я удралъ, когда еще стояли въ сферѣ Wesen (1-я часть логики! *А. К.*), но Боткинъ—der hat es bis zu der Idee gebracht. А весело было—кутили какъ-то отъ души. Подъ конецъ... затянули Burschenlied, несмотря на присутствіе публики. Подозрѣваю, что Боткинъ отплясывалъ подъ эту пѣснь, но навѣрное не знаю»... «А хорошо бы—прибавляетъ Грановскій—Александрѣ Александровнѣ взять его поскорѣе въ руки» [2])...

Сохранилось также одно письмо Михаила Бакунина отъ 2 января 1840 г. съ описаніемъ подобныхъ же увеселеній у Боткина по случаю встрѣчи новаго года и затѣмъ на другой

[1]) „Переписка Т. Н. Грановскаго“, стр. 367—368.
[2]) Тамъ же, стр. 378—379.

день—по случаю его именинъ: тутъ ужъ Мишель отплясывалъ и, какъ утверждалъ Боткинъ, «весьма граціозно». У Боткина въ эту зиму происходили постоянные концерты (по субботамъ и по воскресеньямъ), сопровождаемые пріятными и вкусными ужинами, и по нѣскольку разъ въ недѣлю онъ ѣздилъ во французскій и русскій театръ. Такъ тоска и разсѣивалась.

На своихъ отношеніяхъ къ Александрѣ Александровнѣ и на томъ, что̀ было въ нихъ тягостнаго, онъ сосредоточивался лишь, когда оставался одинъ—и тогда писалъ ей свои грустныя и мрачныя письма,—или, когда «вникалъ» въ свои и ея чувства при содѣйствіи Мишеля, а иногда и Грановскаго.

ГЛАВА XXX.

Занятія Михаила Бакунина въ 1838—39 годахъ.—Успѣхи, имъ достигнутые.—Отношеніе его къ сестрамъ.—Замыселъ его добиться формальнаго развода Варвары Александровны съ Дьяковымъ.—Поѣздка въ Петербургъ съ этой цѣлью.—Возобновленіе старыхъ связей.—Неудача его предпріятія.—Ссора съ Сергѣемъ Муравьевымъ.—Письмо Александра Михайловича къ Мишелю съ увѣщаніями и предложеніемъ служить или заниматься хозяйствомъ.—Встрѣча Михаила Бакунина съ Бѣлинскимъ въ Петербургѣ.—Улучшеніе ихъ отношеній.—Знакомство Бѣлинскаго съ Николаемъ Бакунинымъ.—Новая порча отношеній Бѣлинскаго съ Мишелемъ и дружба его съ Николаемъ.—Письмо Бѣлинскаго 26 февраля 1840 г. и отрывокъ другого письма, писаннаго въ апрѣлѣ того же года.

Въ послѣднихъ главахъ мы останавливались съ большою подробностью на взаимныхъ отношеніяхъ между Михаиломъ Бакунинымъ и другими главнѣйшими членами кружка Станкевича, особенно Бѣлинскимъ и Боткинымъ, причемъ удѣлили не мало мѣста и исторіи весьма характерныхъ для той эпохи романовъ двухъ послѣднихъ. Вернемся теперь къ исторіи занятій и философскаго развитія главнаго героя нашей хроники—самого Михаила Бакунина.

Въ главѣ XXIII мы прослѣдили исторію этихъ занятій до весны 1838 года, когда, послѣ перваго серьезнаго приступа къ изученію Гегеля, въ жизни Мишеля, по его собственному выраженію, «пробудилось множество новыхъ элементовъ», и онъ «сталъ жить тройною и четверною жизнью». Мы уже указывали, что при его наклонности къ прозелитизму онъ стремился и въ то время прежде всего пустить въ ходъ пріобрѣтенное имъ духовное богатство и пріобщить къ нему окружающихъ его лицъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, кто хотѣлъ и могъ его слушать... Но въ то же время онъ и самъ отнюдь не былъ склоненъ остановиться въ своихъ поискахъ истины. Себя онъ считалъ отнюдь не обладателемъ полной истины, а

лишь человѣкомъ, находящимся на пути къ ней. Сохранился недурной акварельный портретъ Мишеля того времени—именно начала 1838 г.,—подаренный имъ Беерамъ, съ характерною на немъ надписью: *„портретъ этотъ не конченъ, какъ самъ я не конченъ“*, и другою, заимствованною изъ Фауста, съ замѣной лишь слова «Freiheit» словомъ «Liebe»:

Nur der verdient die *Liebe* und das Leben
Der täglich sie erobern muss [1].

Главной своей задачей онъ считалъ въ это время заботу о своемъ, какъ онъ выражался, «объективномъ наполненіи» и это же рекомендовалъ и ближайшимъ друзьямъ своимъ—Бѣлинскому и Боткину. И чѣмъ больше онъ погружался въ міръ гегеліанской философіи, тѣмъ яснѣе становилась ему недостаточность положительныхъ знаній, которыми онъ обладалъ. Въ письмѣ къ Станкевичу отъ 13 мая 1839 года онъ, какъ мы видѣли, откровенно заявлялъ, что главнымъ практическимъ результатомъ его усидчивыхъ занятій философіею являлось убѣжденіе, что онъ ничего не знаетъ. И вотъ, на ряду съ продолженіемъ штудированія отдѣльныхъ сочиненій Гегеля—такихъ, какъ философія права, философія религіи и исторія философіи,—ревностно принимается онъ за «объективное наполненіе» себя различными положительными знаніями. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ въ 1838 году продолженіе штудированія гегелевой логики (въ краткомъ ея видѣ) и изученіе всемірной исторіи и христіанскаго богословія. На-ряду съ подробными конспектами отдѣльныхъ главъ логики, которые помѣчены 16 іюня, 11 октября и 29 октября 1838 года, сохранились конспекты Мишеля: по христіанской догматикѣ извѣстнаго гегеліанца *Маргейнеке* («Die Grundlehren der Christlichen Dogmatik als Wissenschaft». B. 1827), помѣченный 27 марта 1838 г. (Премухино.) Подробныя «записки» его (въ сущности тоже имѣющія характеръ конспектовъ), составленныя по исторіи христіанской церкви *Неандера* въ пяти тетрадяхъ (in folio), помѣченныя 5 сентября, 20 октября, 22 ноября, 7 декабря 1838 г. и 16 января 1839. Наконецъ, въ январѣ 1839 года

---

[1]) Лишь тотъ заслуживаетъ и любви и жизни, кто каждый день ихъ съ бою достаетъ.

Снимокъ съ этого портрета приложенъ въ началѣ этого тома.

онъ рѣшается приступить вплотную къ изученію греческой грамматики, сознавъ, очевидно, необходимость знанія греческаго языка для изученія исторіи древней философіи. Сохранились двѣ его тетради (in folio), изъ которыхъ видно, что въ теченіе января и февраля 1839 г. онъ успѣлъ одолѣть значительную часть греческой этимологіи — до спряженія неправильныхъ глаголовъ. Кажется, ему помогалъ въ этомъ извѣстный впослѣдствіи филологъ Иг. Андр. Коссовичъ, бывшій тогда учителемъ древнихъ языковъ въ тверской гимназіи.

9 апрѣля 1839 г. Бакунинъ приступаетъ, какъ видно изъ сохранившагося конспекта, къ обзору исторіи новѣйшихъ философскихъ системъ въ Германіи отъ Канта до Гегеля по книгѣ Михеле «Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel» (erster Theil), составляетъ конспектъ по введенію («Состояніе философіи до Канта») и по изложенію «Критическаго идеализма Канта», при чемъ одновременно—въ апрѣлѣ же 1839 г.—приступаетъ и къ штудированію самого Канта, т.-е. его «Критики чистаго разума», и за лѣто (до сентября 1839 г.) успѣваетъ пройти введеніе, трансцендентальную эстетику и трансцендентальную логику до вывода категорій включительно. Изъ другихъ сохранившихся отъ этого времени замѣтокъ и конспектовъ видно, что онъ въ это же время дѣлалъ выписки изъ *Шаллера* (о методѣ) и изучалъ психологію или философію субъективнаго духа (по энциклопедіи Гегеля и по психологіи Розенкранца). Наконецъ въ это же время онъ читалъ Guizot «Histoire de la civilisation en France» [1].

---

[1] Въ архивѣ сохранился между прочимъ слѣдующій, написанный рукою Мишеля „Реестръ книгъ, посланныхъ съ Егоромъ" (въ Премухино изъ Москвы) въ 1839 г., которыя Мишель, очевидно, бралъ съ собою для занятій:

1. Нѣмецкіе лексиконы 2
2. Lois de Manou 1
3. Religions de l'antiquité 2
4. Hegel: Einleit., 1, 3, 4, 5, 8, 11, 12, 13, 14, 16 (у Н. Я.—17-я, у меня: энциклоп. 2, 10) 11
5. Fichte 3
6. Heeren 7
7. Herder 2
8. Salwador 4
9. Roland le Furieux 6

Мы видѣли уже, что когда Грановскій явился въ Москву и встрѣтился здѣсь съ Бакунинымъ въ концѣ 1839 года, то онъ призналъ, что Бакунинъ успѣлъ много сдѣлать съ отъѣзда Станкевича и что у него «истинно спекулятивный талантъ», а когда Мишель сталъ просить его объяснить кое-какія темныя мѣста въ логикѣ Гегеля, то Грановскій отказался, прямо заявляя, что въ этихъ вещахъ Бакунинъ гораздо далѣе ушелъ, чѣмъ онъ самъ, несмотря на его трехлѣтнее пребываніе въ Берлинѣ. Изъ его же письма видно, что у нихъ возникла мысль разработать логику вмѣстѣ съ Рѣдкинымъ, который также вошелъ тогда въ ихъ кружокъ, но это почему-то не состоялось [1]).

Бакунинъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что безъ поѣздки за границу ему скоро сдѣлается почти невозможнымъ двигаться впередъ...

10. Прав. Spedan. 2
11. Sederholm 1
12. Notteck 1
13. Luden 3
14. Kant. Kritik. d. rein. Vernunft. 1
15. „ „ „ practischen 1
16. Kiesewetter. Logik 1
17. Kury 3
18. Kreuzer. 3
19. Повѣсти. 6
20. Reinhold 1
21. Oken 1
22. Scehelling 2
23. J. Paul 1
24. Евангеліе 1
25. Библія 1

Изъ папенькиныхъ книгъ:

26. Locke 4
27. De l'esprit 2
28. Philos. du bon sens 3
29. Connais. analitique de l'homme 1
30. Аль-коранъ 2
31. Calcul differ. Lacroix. 1
32. Эккартсгаузенъ 2
33. Des erreurs et de verité. 2
34. Grammaire Anglaise 1

[1]) Переписка Т. Н. Грановскаго, стр. 378.

Впрочемъ, независимо отъ недостаточности научныхъ средствъ, которыми Бакунинъ могъ въ то время располагать въ Премухинѣ и въ Москвѣ, нельзя не признать, что у него много времени выходило тогда на цѣли, не имѣвшія, въ сущности, ничего общаго съ его задачею собственнаго «объективнаго наполненія» или имѣвшія съ нею лишь косвенную связь. Такъ, въ 1838 году онъ потратилъ немало времени на переводъ Беттины, сдѣланный имъ съ надеждой продать его какому-нибудь издателю и заработать такимъ образомъ «значительную», по его соображенію, сумму денегъ. Предпріятіе это не имѣло однако же успѣха [1]). Рукопись его перевода съ посвященіемъ сестрамъ «въ память Варенькинаго освобожденія» осталась въ премухинскомъ архивѣ, и Александръ Михайловичъ впослѣдствіи не безъ язвительности указывалъ на этотъ фактъ, какъ на доказательство эфемерности литературно-коммерческихъ замысловъ Мишеля.

Затѣмъ, и по завершеніи борьбы за Варенькино освобожденіе отъѣздомъ ея за границу, у Мишеля масса времени уходила на хлопоты и разъѣзды, сопряженные съ имъ же предпринятой и постоянно возобновлявшейся борьбой изъ-за отношеній съ родителями своихъ сестеръ и своихъ друзей Бееровъ, и на пропаганду своихъ новыхъ идей, а также на споры и ссоры, возникавшіе отсюда между нимъ и его друзьями. Во второй половинѣ 1838 года—послѣ отъѣзда Вареньки за границу и смерти Любеньки—Мишель потратилъ, какъ мы видѣли, много нервовъ и времени на полемическую переписку съ Бѣлинскимъ, а въ 1839 г. онъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ и добиться тамъ, пустивъ въ ходъ всѣ связи, какими онъ могъ воспользоваться, формальнаго развода его сестры Варвары Александровны съ мужемъ.

Предпріятіе это было совершенно фантастическое и, разумѣется, не могло имѣть никакихъ практическихъ результатовъ для В. А. Дьяковой, тѣмъ болѣе, что Мишель рѣшился дѣйствовать, не имѣя, повидимому, никакихъ формальныхъ полномочій на хлопоты о разводѣ ни отъ Варвары Александровны, ни отъ ея мужа; но самая поѣздка въ Петербургъ и четырех-

[1]) Бакунинъ перевелъ собственно не „Goethes Briefwechsel mit einem Kinde", а только приложеніе къ ней—„Tagebücher" Беттины, и оно напечатано не было.

мѣсячное пребываніе тамъ Мишеля не остались безъ послѣдствій и для него самого, и для отношеній его съ различными его друзьями и другими лицами.

Передъ самой поѣздкой въ Петербургъ и вскорѣ послѣ своего письма къ Станкевичу, которое мы привели въ главѣ XXVII, вотъ что писалъ Мишель сестрѣ своей Варварѣ Александровнѣ:

«Милая Варенька! Черезъ недѣлю я ѣду въ Петербургъ хлопотать о твоемъ дѣлѣ. Употреблю всѣ свои внутреннія и внѣшнія средства для того, чтобы освободить тебя. А тамъ, другъ, и я полечу туда, гдѣ найду осуществленіе моей, до сихъ поръ не дѣйствительной, жизни. Со времени твоего отъѣзда до сихъ поръ много перемѣнилось въ насъ и внѣ насъ. Для меня это было тяжелое время,—время испытанія, борьбы, изъ которой я, слава Богу, выплылъ здоровъ, силенъ и веселъ. Я чувствую, что во мнѣ осуществилось премудрое изреченіе Фауста, которое я повторялъ такъ часто въ прошломъ году:

Nur der verdient die Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.

Пора, пора мнѣ ѣхать. Мнѣ тяжело бы было еще оставаться здѣсь. Мнѣ надо знанія—въ немъ единственное совершеніе моей жизни, всѣхъ моихъ стремленій, потребностей. Въ немъ мое крещеніе отъ воды и Духа. Варенька, много пережилъ я въ это короткое время. Я лучше узналъ себя—и худого, и хорошаго себя. Я знаю, чѣмъ я болѣлъ, и знаю, чѣмъ мнѣ надо лѣчиться. Мы скоро увидимся съ тобою и, если только я буду въ состояніи говорить о себѣ, то я тебѣ много разскажу, и ты вмѣстѣ со мной порадуешься, что я такъ счастливо выплылъ на чистую воду».

Далѣе, обращаясь къ дѣлу сестры и переходя на французскій языкъ, онъ писалъ:

«Au nom du Ciel, fais comprendre à nos parents de la manière la plus tendre et plus respectueuse, que tu ne retourneras pas, sans que tu ne seras pas totalement libre. Compte sur moi, chère amie, je ferai tout ce que je pourrai faire pour te voir libre [1]).

---

[1]) Ради Бога, дай понять нашимъ родителямъ самымъ нѣжнымъ и самымъ почтительнымъ образомъ, что ты не вернешься назадъ до тѣхъ поръ, пока не будешь совершенно свободна. Разсчитывай на меня, дорогой другъ, я сдѣлаю все, что могу, чтобы видѣть тебя свободной.

Но главное: вѣрь, вѣрь и молись, другъ! Старайся привязать душу твою къ тому, что не проходитъ. Только въ вѣчности истинная опора и истинное счастье человѣка. Все же остальное проходитъ, измѣняется — и горе тому, кто живетъ въ преходящемъ»...

21 іюля 1839 г. онъ уже писалъ сестрамъ изъ Петербурга: «Вотъ я и въ Петербургѣ, милые друзья! Вы не можете вообразить себѣ, какое тяжелое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня. Я долго не могъ отыскать въ немъ самого себя. Наконецъ это тяжелое чувство преобразилось въ глубокую грусть, и въ грусти этой отозвалась радость о томъ, что я человѣкъ и что, какъ человѣкъ, я ношу въ груди своей весь тотъ безконечный міръ, въ осуществленіи котораго въ себѣ и внѣ себя я ищу своего счастія, полнаго осуществленія своей жизни. — Да, друзья, пять дней пребыванія въ Петербургѣ удостовѣрили меня болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, что религіозное стремленіе и знаніе, какъ вѣнецъ его, заключаютъ въ себѣ весь мой внутренній міръ—что внѣшній міръ ограничивается моими *святыми* отношеніями съ вами и что эти два міра неразлучны. Когда я *дѣйствительно* пребываю между васъ, тогда я и въ себѣ, и когда я дѣйствительно въ себѣ,— тогда я и съ вами»...[1])

На утро онъ проснулся однако же веселѣе и продолжалъ такъ:

«22 іюля. Утро.

«Не правда ли я говорю, что вечеръ погружаетъ всегда въ чувствительно-фантастическое расположеніе духа? Если бъ я не прервалъ своей іеремiады вчера вечеромъ, то письмо мое вѣрно привело бы васъ въ восторгъ... Но не тутъ то было: лишь только я замѣтилъ, что чувствительность овладѣваетъ

[1]) Любопытно сопоставить это впечатлѣніе отъ соприкосновенія съ петербургской дѣйствительностью съ подобнымъ же впечатлѣніемъ Бѣлинскаго нѣсколькими мѣсяцами позднѣе. Въ письмѣ къ Боткину отъ 22 ноября того же 1839 г. Бѣлинскій, только что вошедшій тогда въ соприкосновеніе съ петербургской жизнью, такъ резюмировалъ свои впечатлѣнія. „Въ Питерѣ только поймешь, что *религія* есть основа всего и что безъ нея человѣкъ—ничто; ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, получеловѣкъ или скотина". („Бѣлинскій. Письма", изд. Е. А. Ляцкаго, Спб. 1914, т. II, стр. 7.)

мною, я и перестал писать, а теперь, когда разсудокъ взялъ верхъ, могу дать полную свободу перу своему. Я правду говорилъ, что въ Петербургѣ во мнѣ возобновится способность и охота писать письма. Да, милыя дѣвочки, Танюша, Ксандра [1]) и Александра [2]), мнѣ непремѣнно должно быть вдали отъ васъ, для того, чтобы вполнѣ ощутить, какъ я люблю васъ и какъ мнѣ необходимы любовь и участіе ваши. Мѣсячное пребываніе въ Петербургѣ [3]) будетъ для меня во многихъ отношеніяхъ очень полезно. Нигдѣ нельзя такъ хорошо узнать себя и различіе себя отъ другихъ, какъ здѣсь.

«Не думайте однако же, чтобъ я провелъ всѣ эти пять дней въ чувствительныхъ рефлексіяхъ въ себя. Нѣтъ—онѣ приходили сами собою, я же, несмотря на довольно запутанное состояніе духа, занимался дѣйствительными интересами, притащившими меня въ Петербургъ. Во первыхъ я остановился у Сергѣя Муравьева [4]), котораго встрѣтилъ случайно въ самый день моего прибытія—и у Сергѣя видѣлся уже съ Катенькой Менгденъ и Варенькой Муравьевой. Александру Федоровну увижу сегодня въ Царскомъ Селѣ, куда поѣду на паровозѣ [5]). Потомъ видѣлся съ братомъ Николаемъ, который стоитъ подъ Петергофомъ въ лагеряхъ съ учебными заведеніями и который недѣли черезъ двѣ возвратится въ Петербургъ [6]). Потомъ познакомился черезъ Катеньку съ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, который очень радушно пригласилъ меня къ себѣ [7]). Вчера познакомился съ Краевскимъ [8]), у котораго буду обѣ-

[1]) Ксандра — А. А. Бакунина.

[2]) Александра—А. А. Бееръ, которая гостила у Бакуниныхъ.

[3]) Это пребываніе въ Петербургѣ затянулось, и на дѣлѣ онъ пробылъ въ Петербургѣ 4 мѣсяца.

[4]) Сергѣй Муравьевъ—младшій братъ Александра, Николая, Михаила и Андрея Николаевичей Муравьевыхъ; о немъ я уже упоминалъ въ гл. IV настоящей хроники.

[5]) Тогда только что открыта была (1838 г.) первая въ Россіи желѣзная дорога—царскосельская, по которой и собирался проѣхать М. Бакунинъ.

[6]) Н. А. Бакунинъ только что былъ произведенъ въ офицеры и перешелъ въ офицерскіе классы артиллерійскаго училища.

[7]) Л. В. Дубельтъ—извѣстный жандармскій генералъ, занимавшій тогда должность начальника штаба корпуса жандармовъ и начальника канцеляріи III отдѣленія.

[8]) А. А. Краевскій—редакторъ-издатель *Отечественныхъ Записокъ*.

дать послѣ завтра, т.-е. въ понедѣльникъ, и съ которымъ наши литературныя дѣла, повидимому, сладятся. Отыскалъ Савельева, Ефимовича etc. [1]), былъ у Александра Николаевича Мордвинова [2]), который не унываетъ и принялъ меня очень радушно. Былъ также у Николая Назаровича Муравьева, принявшаго меня съ открытыми объятіями и приглашавшаго меня ѣздить къ нему чаще,—но кузины мои всѣ разъѣхались, онъ одинъ, а потому я у него болѣе не буду [3]). У Львовыхъ, у Михаила и Андрея Николаевичей Муравьевыхъ [4]) буду на будущей недѣлѣ. Хорошее начало обѣщаетъ хорошее окончаніе и потому я сильно надѣюсь.

«Вотъ вамъ, милые друзья, краткое описаніе моей петербургской жизни»...

Затѣмъ онъ обращается къ Александрѣ Александровнѣ и пишетъ ей тутъ то наставленіе по поводу начинавшагося ея романа съ Боткинымъ, которое мы привели въ главѣ XXVIII.

Изъ вышеприведеннаго перечня возобновленныхъ и вновь завязанныхъ Михаиломъ Бакунинымъ связей видно, что большую часть изъ нихъ онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду использовать для достиженія главной цѣли своей петербургской поѣздки: развода Варвары Александровны съ мужемъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, могли быть ему весьма полезны всѣ его знакомства и дружескія связи съ вліятельными Муравьевыми, изъ которыхъ Андрей Николаевичъ, напримѣръ, былъ въ это время persona grata въ управленіи оберъ-прокурора синода, а другіе его братья имѣли разнообразныя связи въ средѣ высшей администраціи; особенно же важна въ этомъ отношеніи для него была родственная связь съ А. Н. Мордвиновымъ и новое знакомство съ Л. В. Дубельтомъ, такъ какъ бракоразводныя дѣла въ царствованіе императора Николая—въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они получали ходъ—не миновали обыкновен-

[1]) Товарищи Бакунина по училищу.

[2]) А. Н. Мордвиновъ—двоюродный братъ матери М. А. Бакунина, бывшій начальникъ канцеляріи III отдѣленія, въ то время уже сенаторъ.

[3]) О Ник. Наз. Муравьевѣ и отношеніяхъ къ нему и къ его семейству М. А. Бакунина см. въ главѣ IV настоящей хроники.

[4]) М. Н. Муравьевъ—тогда тов. министра удѣловъ, впослѣдствіи извѣстный виленскій генералъ-губернаторъ; Андрей Николаевичъ—его братъ, авторъ извѣстнаго „Путешествія ко святымъ мѣстамъ“.

но всеобъемлющаго вѣдомства, прямымъ назначеніемъ котораго было проникать во всѣ тайники обывательской и семейной жизни и «утирать слезы» несчастнымъ, гдѣ это признавалось нужнымъ.

Но нѣкоторыя изъ новыхъ знакомствъ молодого Бакунина— особенно знакомство его съ Краевскимъ, а потомъ и съ другими петербургскими литераторами черезъ этого послѣдняго— показывали, что на ряду съ главной цѣлью его петербургской поѣздки у него была и другая, личная цѣль, сообразовавшаяся съ его планами заграничной поѣздки, въ видахъ воспособленія которой онъ хотѣлъ запастись вѣрнымъ мѣстомъ для помѣщенія своихъ будущихъ статей, могущихъ, какъ онъ упорно надѣялся, несмотря на всѣ предшествовавшія разочарованія, дать ему солидный заработокъ.

Оказалось, однако, что въ практическомъ отношеніи только первые шаги Мишеля въ Петербургѣ были удачны. Разумѣется, въ пользу Варвары Александровны и ея «дѣла» онъ сдѣлать въ концѣ-концовъ ничего не могъ и потому, вѣроятно, не желая сообщать домой о своихъ неудачахъ, два мѣсяца никому ничего не писалъ. Изъ одного письма Боткина къ нему (отъ 15 сентября 1839 года) видно, что пріѣхавшій тѣмъ временемъ изъ Петербурга въ Москву Н. И. Надеждинъ разсказывалъ о немъ какія-то сплетни и, между прочимъ, передавалъ, что Сергѣй Муравьевъ, у котораго Бакунинъ остановился, бранитъ его напропалую и увѣряетъ, что не зналъ, какъ его отъ себя выжить. Дѣйствительно, мы видимъ изъ послѣдующихъ писемъ Мишеля, что онъ перемѣнилъ квартиру и съ сентября жилъ уже у какого-то А. Д. Раевскаго—должно быть, своего товарища по училищу. Съ С. Н. Муравьевымъ онъ, повидимому, разссорился на почвѣ философскихъ споровъ и несогласій, причемъ Муравьевъ этотъ—самъ неудачникъ, очень нуждавшійся въ то время—тяготился, быть можетъ, и лишними расходами, вызывавшимися пребываніемъ у него Мишеля. Самъ Мишель работалъ, повидимому, въ это время надъ заказанной ему Краевскимъ статьей о новѣйшей философіи въ Германіи, которая и была впослѣдствіи напечатана въ мартовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* за 1840 г.

Между тѣмъ въ Москвѣ, гдѣ гостили въ это время Бакунины, произошло въ эти два мѣсяца много важныхъ событій въ

ихъ семьѣ: мать Мишеля опасно заболѣла, такъ что даже нѣсколько дней опасались за ея жизнь; братья Мишеля—Павелъ, Александръ и Алексѣй,—кончившіе тверскую гимназію, держали и успѣшно выдержали экзаменъ въ московскій университетъ, и въ это же время произошло въ Москвѣ, какъ мы уже знаемъ, рѣшительное объясненіе Боткина съ Александрой Александровной. Лишь 7 сентября Мишель написалъ изъ Петербурга отцу, а вскорѣ послѣ того и сестрамъ. Письмо къ отцу не сохранилось, но сохранился весьма характерный, какъ всегда, отвѣтъ на него Александра Михайловича. Старикъ былъ очень недоволенъ долгимъ молчаніемъ Мишеля, продолжавшимся и послѣ извѣщенія его объ опасной болѣзни матери. Послѣ упрековъ по этому поводу Александръ Михайловичъ высказалъ здѣсь любопытныя соображенія относительно затѣяннаго Мишелемъ дѣла о разводѣ Дьяковыхъ.

«...Скажу тебѣ, — писалъ онъ, — что мнѣ уже прискорбно было, что ты, отъѣзжая въ Петербургъ, ничего не сказалъ мнѣ о твоихъ планахъ и предположеніяхъ. Я бы могъ, можетъ быть, дать тебѣ полезные совѣты. Я, предугадывая твое намѣреніе, напередъ зналъ, что ты, самъ собою дѣйствуя, ни въ чемъ не успѣешь. Я догадывался, что расторженіе Варенькинаго брака было твоей цѣлью, но зналъ, что по законамъ нашимъ это расторженіе невозможно, особенно же въ ея отсутствіе. Если бы Варенька меня послушалась и осталась въ родительскомъ домѣ, то была бы и здорова и спокойна,— Дьяковъ не могъ бы въ домѣ нашемъ дѣйствовать насильно. Варенька могла бы съ откровенностью прибѣгнуть къ преосвященному Григорію [1]), который меня любитъ, и, вѣроятно, болѣе отъ его совѣтовъ получила бы утѣшенія, нежели отъ путешествія, которое никакой пользы принесть ей не можетъ. Поздно или рано, надобно же будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыхъ польза ея сына необходимо потребуетъ. Надобно дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы бѣдный Саша не былъ наконецъ жертвою ея антипатіи къ отцу и не имѣлъ бы права упрекать ее въ своемъ несчастіи. Варенькѣ для собственной ея пользы не удаляться отъ насъ, а какъ можно скорѣе приблизиться надобно. Твои старанія, твое ходатайство ничего

[1]) Тверской епархіальный архіерей, долго занимавшій эту каѳедру.

сдѣлать не могутъ. Я нѣсколько разъ покушался писать объ этомъ къ Варенькѣ, но изъ опыта знаю, что совѣты мои будутъ совершенно безполезны... Ты въ Петербургѣ могъ бы теперь самъ убѣдиться, что возможное въ Германіи, у насъ въ Россіи невозможно, и что присутствіе Вареньки въ родительскомъ домѣ необходимо нужно для собственнаго ея спокойствія и для пользы ея сына. Она можетъ не любить Дьякова, но сына своего лишать отца не въ правѣ. Ни итальянскій климатъ, ни удаленіе отъ насъ возвратить душевнаго спокойствія и здоровья не могутъ. Одна только не пустая, а христіанская философія и родительское благословеніе утолить ея тревогу и по возможности облегчить ея положеніе могутъ. Она теперь нуждается въ деньгахъ и проситъ, чтобы мы еще тысячу рублей ей послали. Я постараюсь это исполнить, хоть признаюсь тебѣ, что весьма часто при удовлетвореніи необходимыхъ по обстоятельствамъ расходовъ принужденъ я совершенно не забывать и о благосостояніи бѣдныхъ крестьянъ. Варенька пишетъ, что пришлетъ адресъ неаполитанскаго банкира, но для пересылки денегъ къ неаполитанскому банкиру нужно адресоваться къ петербургскому, а къ кому и какъ адресоваться,— право, я не знаю. Прежде дѣлалъ это для насъ братъ Александръ Николаевичъ Мордвиновъ, но гдѣ онъ теперь и можемъ ли мы его просить, я не знаю: ты и въ письмахъ своихъ не пишешь совсѣмъ, бываешь ли ты у него и пр.; а ты, мой другъ, уже теперь самъ по опыту знаешь, что какъ аукнется, такъ и откликнется. Мы въ старину всѣми родственными связями дорожили, а вы по несчастью часто ими пренебрегаете, позабывая старую пословицу, что свой своему поневолѣ другъ...

«Братья твои дѣйствительно выдержали экзаменъ хорошо, но меня (пишетъ онъ, очевидно, въ пику Мишелю) болѣе экзамена порадовала привязанность ихъ къ намъ. Имъ грустно было съ нами разставаться, и дѣтская любовь ихъ полную подаетъ мнѣ надежду на собственную ихъ будущность. Кто искренно любитъ, и самъ вѣрно будетъ любимъ. Мы уже отъ Павла получили письмо, и письмо его много меня утѣшило...

«Объ Сергѣѣ Муравьевѣ, другъ мой, судишь ты слишкомъ строго: онъ эгоистъ наравнѣ со всѣми прочими самозванными философами, — а бѣдность усугубляетъ въ немъ это чувство.

Будь его положеніе другое — и тотъ же Сергѣй показался бы тебѣ совсѣмъ другимъ. Не забывай, мой другъ, никогда молитву: Ей, Господи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего...

«Счастливо, мой другъ, что ты не долго прожилъ въ трактирѣ. Лучше бы гораздо было жить у Сергѣя, какъ ни тягостно это было какъ тебѣ, такъ и ему. И повѣрь мнѣ, что ты рѣшился переѣхать въ трактиръ не столько по тѣснотѣ и бѣдности его, сколько по несходству вашей философіи, что по мнѣнію моему доказываетъ взаимную ея непрочность... А я, мой другъ, въ Москвѣ съ больною женою и съ хворою дочкой въ тѣснотѣ и гдѣ ни я, ни сестры твои не имѣли отдѣльной комнатки, очень хорошо могъ ужиться съ Влад. Конст. [1]) и остался ему благодаренъ, и полную ему отдаю справедливость, хотя характеры наши вовсе несходны... Хорошо, что ты встрѣтился съ добрымъ и старымъ знакомцемъ, которому я, вовсе его не зная, за тебя уже благодаренъ. Но смотри же, не сдѣлайся ему тягостнымъ и не требуй, чтобы онъ съ тобою во всемъ соглашался.

«Очень радъ, что ты познакомился съ г. Краевскимъ, но невольно улыбаюсь, прочитавъ слова твои: «*я подрядился писать ему статьи по части философіи*», и философскимъ твоимъ статьямъ предугадываю участь твоей Беттины»... Извѣстіе это, повидимому, очень встревожило и задѣло старика за живое, и онъ продолжалъ: «Покупныя статьи не могутъ поддержать журнала, и поздно или рано постигнетъ его участь прочихъ журналовъ. Бѣлинскому можно продавать умственныя свои способности, а ты бы гораздо основательнѣе поступилъ, если бы занялся не слегка и кое-какъ домашнимъ дѣломъ и хозяйствомъ, и свободное уже отъ хозяйственныхъ дѣлъ время посвящалъ умственнымъ занятіямъ. Вино — за деньги, а не философскія статьи ставить можно, а сельское хозяйство во всѣхъ отношеніяхъ гораздо важнѣе, нежели литературные вершки, которыми журналы наши надуваясь необходимо должны наконецъ лопнуть»...

«Пора уже, точно пора тебѣ возвратиться домой и дѣятельнымъ образомъ заняться хозяйственными нашими дѣлами, которыя требуютъ неусыпнаго надзора, — хозяйствомъ только,

[1]) В. К. Ржевскій, у котораго останавливались Бакунины въ 1839 г. въ Москвѣ.

какъ и литературой, кое-какъ заниматься невозможно. И повѣрь мнѣ, что гораздо пріятнѣе кланяться своей полосѣ, нежели, летая на восковыхъ крыльяхъ, сломать себѣ шею на той самой полосѣ, которая бы могла прокормить насъ и обезпечить семейное благосостояніе. Денегъ теперь не посылаю къ тебѣ, потому что ихъ нѣтъ; а какъ скоро будутъ, на имя г. Раевскаго вышлю. Мысленно тебя обнимаю. Отецъ твой А. Бакунинъ».

Въ постскриптумѣ старикъ еще добавлялъ:

«Удивляетъ меня, мой другъ, что ты ничего ко мнѣ не пишешь о Михайлѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Казалось мнѣ, что онъ тебя любилъ, и было время, что ты крѣпко на него надѣялся. Обманывать себя, мой другъ, не надобно: если ты не имѣешь твердой рѣшимости заняться настоящимъ образомъ сельскимъ хозяйствомъ, которое требуетъ неусыпнаго надзора и неумолимаго терпѣнія, то надобно тебѣ думать о службѣ, и въ такомъ случаѣ, для вступленія на службу и успѣшнаго служенія, должно дорожить связями съ благорасположенными къ тебѣ аристократами,—а на литературные доходы не полагайся. Какъ ни скучно наше русское въ строгомъ климатѣ хозяйство, но зависимость отъ редактора еще скучнѣе. Итакъ надобно или служить, или дѣятельнымъ образомъ хозяйничать. Но ты мнѣ скажешь, что Карамзины, Крыловы, Пушкины, Жуковскіе пріобрѣли и литературную славу и независимое состояніе. А я на это примѣчу тебѣ, что эти же люди сверхъ *необыкновеннаго таланта* неусыпно трудились и могутъ почитаться исключеніемъ, у тебя же не достаетъ даже терпѣнія тѣмъ же путемъ достигнуть той же цѣли. Германская философія не свойственна ни характеру, ни нуждамъ нашимъ и долго еще будетъ вовсе для насъ безполезна, намъ еще многому прежде выучиться надобно, а потомъ уже философствовать, а между тѣмъ время даромъ проходитъ. Познанія практическія слишкомъ уже поздно пріобрѣтать тебѣ».

Въ Петербургѣ Мишель, какъ мы видимъ, задержался гораздо долѣе, нежели первоначально разсчитывалъ, и здѣсь ему пришлось встрѣтиться и возобновить свою тѣсную дружбу съ В. Г. Бѣлинскимъ, который пріѣхалъ въ Петербургъ въ двадцатыхъ числахъ октября 1839 г., съ Панаевымъ [1]. Бѣлинскій

[1]) Въ біографіи М. А. Бакунина, составленной М. П. Драгомановымъ, приводится (на стр. VI) со ссылкой на литературныя воспоминанія И. И Панаева

и Бакунинъ провели на этотъ разъ вмѣстѣ всего какихъ-нибудь 3—4 недѣли [1]); но встрѣтились съ самаго же начала гораздо дружелюбнѣе, чѣмъ оба ожидали. «Я думалъ увидѣться съ Мишелемъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ,—писалъ Бѣлинскій Боткину въ письмѣ отъ 22 ноября 1839 г., — но разстался, какъ съ другомъ и братомъ души моей: это, Василій, человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова. Въ немъ сущность свята, но процессы ея развитія и опредѣленій дики и нелѣпы: но за это винить его по крайней мѣрѣ не мнѣ»... [2])

Возстановленію хорошихъ отношеній между бывшими друзьями отчасти содѣйствовало и то обстоятельство, что Бѣлинскій былъ тронутъ отзывомъ о немъ Бакунина въ литературныхъ кругахъ, о чемъ ему пришлось узнать тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ въ сѣверную столицу. Тому же способствовало и тягостное впечатлѣніе холода и одиночества, которое Бѣлинскій почувствовалъ на первыхъ порахъ въ Петербургѣ. «Возвращаюсь къ Мишелю,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ.—Это—человѣкъ насквозь теплый, насквозь свѣтлый, въ высшей степени задушевный, любящій, готовый принять въ другомъ все участіе, какого только можно желать. А что онъ умѣлъ любить глубоко и горячо,—этому лучшее доказательство—я: кто больше меня ругалъ и оскорблялъ его, къ кому больше меня бывалъ онъ несправедливѣе,—и что же? Гдѣ бы онъ ни явился, съ кѣмъ бы ни познакомился, тамъ и тотъ уже знаютъ Бѣлинскаго... Погладь его по курчавой головѣ—право, онъ очень не глупъ, какъ я начинаю увѣряться. А сколько глубины, сколько инстинкта истины, какое сильное движеніе духа въ этомъ шутѣ! Я не много побылъ съ нимъ въ Питерѣ, но много узналъ отъ него новаго, много уяснились мнѣ и собственныя мои идеи. Это одинъ человѣкъ, съ которымъ побыть вмѣстѣ значитъ для

разсказъ о томъ, какъ Бѣлинскаго провожали изъ Москвы Бакунинъ, Катковъ и Кетчеръ до Черной Грязи и какъ Бакунинъ „съ нѣжной грустью смотрѣлъ“ на отъѣзжающихъ (Бѣлинскаго и Панаева). Это, очевидно, недоразумѣніе: Бакунинъ въ это время былъ въ Петербургѣ и, слѣдовательно, не могъ провожать Бѣлинскаго изъ Москвы. По всѣмъ вѣроятіямъ это былъ В. П. Боткинъ, который былъ тогда въ Москвѣ и, навѣрное, провожалъ Бѣлинскаго при отъѣздѣ въ Петербургъ.

[1]) Съ 22 или 23 октября по 15 ноября 1839 года,—судя по письмамъ Боткина къ А. А. Бакуниной. Ср. гл. XXVIII.

[2]) *Бѣлинскій.* Письма, II. 2.

меня сдѣлать большой шагъ впередъ въ мысли—дьявольская способность передавать. Да, я вновь познакомился съ Мишелемъ и отъ души, какъ друга и брата, обнимаю его на новую жизнь и новыя отношенія»...[1])

3 февраля 1840 г., сообщая Боткину о томъ, что Петербургъ вновь обратилъ его къ христіанству, Бѣлинскій писалъ: «Мысли мои объ Unsterblichkeit вновь перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству. Мишель много тутъ участвовалъ»...[2])

Въ это время и, вѣроятно, при посредствѣ самого Михаила Бакунина Бѣлинскій познакомился съ братомъ его, Николаемъ Александровичемъ, молодымъ прапорщикомъ артиллеріи, который произвелъ на Бѣлинскаго самое благопріятное впечатлѣніе своею непосредственностью, прямотою и естественностью,—«соединеніемъ, —какъ выражается Пыпинъ, —молодой благородной идеальности съ полной и спокойной естественностью».

Н. А. Бакунинъ былъ по возрасту моложе Мишеля ровно на четыре года—между ними были сестры Татьяна и Александра. Онъ воспитывался въ Петербургѣ, въ томъ же артиллерійскомъ училищѣ, которое окончилъ Мишель, въ отдаленіи отъ семьи, съ которой связь его поддерживалась лишь коротенькими, по большей части мало содержательными письмами. Въ первый разъ онъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Премухино на побывку въ мартѣ 1838 г. въ отсутствіе Мишеля,—произведенный тогда только что въ офицеры,—и пробылъ здѣсь только недѣлю. Сестры старались съ нимъ сблизиться и пріобщить его, какъ умѣли, къ тѣмъ нравственнымъ и религіознымъ идеямъ, въ кругъ которыхъ онѣ тогда были вовлечены Мишелемъ. Онѣ остались довольны знакомствомъ своимъ съ Николаемъ, произвели и на него довольно глубокое впечатлѣніе и поселили въ немъ интересъ къ личности старшаго брата и желаніе пріобщиться, если не теперь, то хоть со временемъ, къ тому тѣсному братскому кружку, который былъ основанъ Мишелемъ. Все это было однако довольно непрочно, поверхностно, слишкомъ скоропостижно и поддерживалось затѣмъ довольно искусственно письмами. Лишь весной 1839 г., передъ путеше-

[1]) Письма, II, 6.
[2]) Письма, II, 30.

ствіемъ Мишеля въ Петербургъ. Николай опять явился въ Премухино и прожилъ здѣсь значительно дольше, чѣмъ въ первый разъ, при томъ на этотъ разъ въ присутствіи Мишеля, съ которымъ и могъ ближе познакомиться и сойтись.

Замѣчательно, что на Мишеля, не видавшаго Николая со времени поступленія его въ корпусъ, онъ въ этотъ пріѣздъ, произвелъ такое же впечатлѣніе, какъ и на Бѣлинскаго при первомъ знакомствѣ съ послѣднимъ. Вотъ какъ писалъ о пріѣздѣ Николая Михаилъ Бакунинъ въ письмѣ къ А. А. Бееръ отъ 30 марта 1839 года:

«Братъ Николай пріѣхалъ, и его пріѣздъ возбудилъ въ темной силѣ нашей премухинской жизни новую надежду на побѣду. Я открылъ глаза Николаю, и завтра начинается новая и послѣдняя война, въ которой все проявится и разрѣшится — и опредѣлится то, что до сихъ поръ оставалось неопредѣленнымъ. Братъ Николай славный человѣкъ — онъ все понялъ, все почувствовалъ. Онъ будетъ сильной внѣшней и внутренней опорой сестрамъ. Я ему сдаю понемногу свою должность, и онъ вполнѣ замѣнитъ меня.—Теперь осталось кончить дѣло Вареньки—и тогда прощай. Премухино, надолго прощай! Я предамся свободному теченію жизни своей, предамся своей судьбѣ... Николай—славный человѣкъ; онъ не зараженъ нашею общею русскою лѣнью и бездѣятельностью, и съ другой стороны не загрязненъ также пошлымъ французскимъ романтизмомъ и либерализмомъ. Онъ весь преданъ Царю и Отечеству—онъ истинный русскій—и вѣрно пойдетъ далеко—въ немъ вѣрный и крѣпкій практическій умъ»...

Во время пребыванія Мишеля въ Петербургѣ онъ, повидимому, мало видѣлся съ братомъ, который сперва былъ въ лагеряхъ, а потомъ сильно занятъ былъ службой; Мишель ничего не писалъ о немъ въ письмахъ къ сестрамъ, а въ письмѣ къ отцу сообщилъ лишь, что Николай любитъ свою службу и на хорошемъ счету у начальства.

Бѣлинскій же настолько сблизился съ Николаемъ Александровичемъ, что Мишель впослѣдствіи, когда отношенія его съ Бѣлинскимъ вновь испортились, опасался, что и Николай будетъ на него смотрѣть глазами Бѣлинскаго. Такъ писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ сестрамъ отъ 9 мая 1840 г. (изъ Москвы). Бѣлинскій очень любилъ Николая Бакунина и относился къ

нему съ нѣжностью старшаго брата. Онъ читалъ съ нимъ Пушкина, которымъ самъ, какъ извѣстно, въ то время особенно увлекался, и другія литературныя произведенія, при чемъ эти чтенія приводили къ глубокимъ и содержательнымъ идейнымъ бесѣдамъ, которыя возбудили и въ Николаѣ Александровичѣ глубокое дружеское чувство къ Бѣлинскому, сохранившееся въ немъ навсегда.

Между тѣмъ отношенія Бѣлинскаго къ Мишелю опять измѣнились въ неблагопріятную сторону послѣ того, какъ стали портиться, въ началѣ 1840 года, отношенія Мишеля съ Боткинымъ. Г. Ивановъ-Разумникъ въ интересной статьѣ, посвященной отношеніямъ Бѣлинскаго съ Бакунинымъ [1], утверждаетъ даже, что отношенія эти испортились тотчасъ же, какъ только Бакунинъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ будто бы «сразу сталъ во враждебныя отношенія къ Боткину, всячески препятствуя счастливой развязкѣ чувства Боткина къ его сестрѣ, А. А. Бакуниной». Читатель знаетъ, однако, что по фактамъ, которые я привелъ въ предшествующей главѣ, мы не можемъ признать этого утвержденія вполнѣ точнымъ. На самомъ дѣлѣ Мишель вначалѣ вовсе не препятствовалъ успѣху Боткина и занялъ враждебную ему позицію лишь послѣ того, какъ убѣдился въ отсутствіи настоящаго чувства къ Боткину въ сестрѣ своей, чему, быть можетъ, нѣсколько способствовали сестры Бееръ, которыя съ самаго начала не вѣрили истинности этого чувства. Изъ писемъ Грановскаго къ Станкевичу мы знаемъ, что «тайные разлады между Бакунинымъ и Боткинымъ начались лишь *въ февралѣ 1840 г.* [2]). Боткинъ, быть можетъ, уже и раньше былъ недоволенъ поведеніемъ Мишеля, потому что возлагалъ на него, какъ на своего заступника и друга, слишкомъ большія надежды. Въ письмахъ Боткина къ Бѣлинскому это недовольство должно было проскальзывать, и Бѣлинскій могъ себѣ представить изъ отзывовъ Боткина поведеніе Мишеля не такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности [3]). Изъ длиннаго

---

[1]) Первоначально эта статья была напечатана въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* за 1911 г., а затѣмъ перепечатана въ книгѣ г. *Иванова-Разумника*: „Великія исканія“, стр. 127 и слѣд.

[2]) „Переписка Т. Н. Грановскаго“, стр. 383.

[3]) Перепиской Бѣлинскаго съ Боткинымъ пользовался *А. Н. Пынинъ* (см. особенно т. II, гл. VI), а затѣмъ г. *Ивановъ-Разумникъ* по архиву А. Н. Пы-

письма Бѣлинскаго къ Боткину, которое онъ началъ 16 декабря 1839 г. и отослалъ лишь въ первыхъ числахъ февраля 1840 г. и которое многократно цитируетъ Пыпинъ, мы видимъ, что Бѣлинскій съ особенной раздражительностью относился тогда къ ненавистнымъ ему «рефлексіямъ», инициативу которыхъ въ московскомъ кружкѣ приписывалъ Бакунину. Поэтому уже въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о Бакунинѣ весьма раздражительно, хотя и въ полушуточной формѣ. Увлекшись самъ въ началѣ этого письма на путь рефлексій въ отношеніи самого себя и поставивъ себѣ вопросъ: «отчего же я никогда не могъ предаться весь и вполнѣ никакому чувству?..» Бѣлинскій вдругъ прерываетъ свои разсужденія слѣдующею выходкою:

...«Я знаю, что, пораженный благородствомъ и *нравственностью* моего слога, Мишель выронитъ изъ длинныхъ рукъ трубку, разсыплетъ на полъ табакъ и, нелѣпо махая и загребая ими, заревѣтъ: «это отъ того, что у Бѣлинскаго глубокая натура, которая можетъ удовлетворяться только истиннымъ чувствомъ и любить только разъ въ жизни!»—Если онъ это сдѣлаетъ, Боткинъ, наплюй ему, пожалуйста, въ рожу и скажи, что онъ дуракъ: оно будетъ и эффектно, и справедливо, и истинно. Нѣтъ, это вздоръ: въ каждомъ моментѣ человѣка есть *современныя* этому моменту потребности и полное ихъ удовлетвореніе:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!
Блаженъ, кто во-время созрѣлъ!

— Я понимаю необходимость, разумность, а слѣдовательно, и достоинство рефлексіи, какъ момента самого разума, какъ двигателя жизни, не дающаго человѣку убаюкаться на какой-нибудь низенькой ступенькѣ жизни, но дѣло въ томъ, что есть двѣ рефлексіи—нормальная и болѣзненная. Первая есть условіе глубокой натуры; вторая результатъ аналитическаго развитія» [1]).

Въ февралѣ 1840 года отношенія между Бакунинымъ и Боткинымъ дѣйствительно портятся, при чемъ дѣло доходитъ даже до того, какъ видно изъ одной маленькой записки Боткина,

пина. Въ настоящее время всѣ эти письма напечатаны въ трехтомномъ изданіи 1914 г. Ляцкаго (срав. т. II, passim).

[1]) *А. Н. Пыпинъ*, назв. сочин., т. II, стр. 12. Письма, II. 12—13.

что Боткинъ обвиняетъ Бакунина въ томъ, что онъ будто бы старался отпугнуть отъ него сестру увѣреніями, что будто бы Боткинъ станетъ ее удалять отъ братьевъ. Всѣ такія обвиненія и подозрѣнія сообщались, конечно, тотчасъ же Бѣлинскому, и «Неистовый Виссаріонъ», бывшій въ то время и безъ того въ нервномъ, болѣзненномъ состояніи, реагировалъ на эти извѣстія гораздо сильнѣе и горячѣе, нежели самъ Боткинъ. Заявляя въ письмѣ, написанномъ въ концѣ февраля 1840 г., что онъ всякое чувство переживаетъ до дна и что его «страстная, дикая натура не умѣетъ любить иначе», онъ пишетъ: «скажу тебѣ прямо, коротко и ясно: я ненавижу Мишеля не для него и не за него, а за нихъ (т.-е. за сестеръ Мишеля *А. К.*), за его къ нимъ отношенія, за искаженіе ихъ божественныхъ натуръ. Я уважаю его, удивляюсь ему, но не какъ солнцу, все оживляющему, все согрѣвающему, все очищающему, а какъ великолѣпному сѣверному сіянію. Бываютъ даже минуты, когда и его индивидуальность бываетъ для меня, если не мила, то достолюбезна; но лишь вспомню о нихъ и я боленъ ненавистью, о которой, не знаю, можно ли кому дать понятіе...» [1]). Въ письмѣ отъ 14 марта 1840 г. (къ Боткину же) онъ опять упоминаетъ объ «олицетворенномъ дьявольскомъ эгоизмѣ» Мишеля; 19-го же марта его бѣшенство противъ Мишеля очевидно, вслѣдствіе извѣстій о его поведеніи, сообщенныхъ ему Боткинымъ доходитъ до того, что онъ «готовъ съ нимъ стрѣляться» («это не фраза») и называетъ его «гнуснымъ, подлымъ эгоистомъ, фразеромъ, діаволомъ въ философскихъ перьяхъ» [2]).

Соотвѣтственно такимъ отзывамъ о Мишелѣ въ письмахъ къ Боткину, Бѣлинскій пишетъ чрезвычайно рѣзкое письмо и къ самому Мишелю отъ 26 февраля 1840 г. Содержаніе этого письма очень напоминаетъ содержаніе послѣднихъ полемическихъ писемъ Бѣлинскаго къ Мишелю 1838 года. Онъ здѣсь также отвѣчаетъ на какое-то несохранившееся письмо Бакунина, которое называетъ «резонерскимъ» и о которомъ пишетъ, что оно усилило въ немъ его «ненависть къ знанію, какъ сушильнѣ жизни», а отношеніе свое къ Мишелю формулируетъ такъ: «я уважаю

---

[1]) Письма, II, стр. 59—60.
[2]) Тамъ же, стр. 87 и слѣд., 94—95.

тебя... но я не люблю тебя, ибо мнѣ *ненавистенъ* образъ твоихъ мыслей и еще *ненавистнѣе* ихъ осуществленіе»...

Въ письмѣ, на которое тогда отвѣчалъ Бѣлинскій, Мишель, вновь нападая на ложное пониманіе Бѣлинскимъ «разумной дѣйствительности», на этотъ разъ по поводу извѣстныхъ статей о бородинской годовщинѣ и о «Горѣ отъ ума», писалъ между прочимъ, что надъ этими статьями подсмѣивается даже его юный братъ Павелъ,—и это сильно укололо Бѣлинскаго.

...«Съ чего ты взялъ,—отвѣчалъ онъ Бакунину,—что моя дѣйствительность—пошлая, повседневная, грязная и до того несчастная, что надъ нею даже мальчики подсмѣиваются? Правда, моя дѣйствительность не твоя, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была такая, какою ты ее описываешь. Раны моего сердца, истекающаго живой, горячей кровью, свидѣтельствуютъ, что ты *лжесвидѣтельствуешь на ближняго*. Ты хоть бы спросилъ у Боткина: онъ сказалъ бы тебѣ, до какой степени я примирился съ повседневной дѣйствительностью»... «Да, продолжаетъ онъ,—пошлой, ходульной «идеальности» я всегда предпочту... самую ограниченную дѣйствительность и полезность въ обществѣ»... И затѣмъ онъ обрушивается на Чацкаго изъ «Горя отъ ума», котораго только что продергивалъ и печатно. «Чацкіе,—заявляетъ онъ,—всегда будутъ смѣшны для меня, и я буду дѣлать ихъ смѣшными для многихъ, не заботясь, что мой пріятель приметъ эти нападки за личность и оскорбится ими. Что такое Чацкій? Человѣкъ, который толкуетъ о высшей любви, а любитъ б—ь, который всѣхъ ругаетъ за бездѣйствіе, а самъ ничего не дѣлаетъ, который сердится на дѣйствительность, которая въ его глазахъ скверна тѣмъ, что русскіе XIX вѣка брѣютъ бороды и ходятъ во фракахъ, что они не подражаютъ китайцамъ въ незнаніи иноземцевъ, который говоритъ о прекрасномъ и высокомъ со скотами и пр., и пр. Какъ же на такихъ шутовъ не нападать? Они—первые враги всякой разумности, всякой истины...» [1]).

Г. Ивановъ-Разумникъ на основаніи этой тирады дѣлаетъ, по моему мнѣнію довольно рискованное, заключеніе, что Бѣлинскій будто бы, когда писалъ о Чацкомъ, мѣтилъ въ Баку-

[1]) Письма, II, 77—78.

нина [1]). Это едва ли такъ, потому что изъ всего, что тутъ говорится о Чацкомъ, лишь немногое могло примѣняться Бѣлинскимъ къ Бакунину.

Въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій, нападая на «ходульность» и «рефлектированность» Мишеля, противопоставляетъ ему брата его Николая, о которомъ отзывается, какъ о «юной, свѣжей, простой, нормальной и могучей натурѣ». И тутъ же описываетъ, какъ онъ читалъ съ Николаемъ Бакунинымъ Пушкина.

Николаю «понравился, — разсказываетъ Бѣлинскій, — парадоксъ Боткина, будто бы недостатокъ образованія и рефлексіи, сохранивъ чистоту и природную цѣломудренность генія Пушкина, сжалъ его міросозерцаніе и лишилъ обилія нравственныхъ идей. Я ему сказалъ, что это, дескать, вздоръ и чепуха. Міросозерцаніе Пушкина трепещетъ въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ стихѣ слышно рыданіе мірового страданія, а обиліе нравственныхъ идей у него безконечно, да не всякому все это дается и трудно открывается, потому что въ міръ пушкинской поэзіи нельзя входить съ готовыми идейками, какъ въ міръ рефлектированной поэзіи, и что, когда Боткинъ будетъ поздоровѣе духомъ, то увидитъ это самъ. Не только Шиллеръ, самъ Гёте доступнѣе и толпѣ и абстрактнымъ головамъ, которыя всегда найдутъ въ нихъ много доступнаго себѣ; но Пушкинъ доступенъ только глубокому чувству конкретной дѣйствительности. И потому петербургскіе чиновники и офицеры еще понимаютъ, почему Шиллеръ и Гете велики, но Шекспира называютъ великимъ только изъ приличія, боясь прослыть невѣждами, а въ Пушкинѣ ровно ничего великаго не видятъ. Для меня въ этомъ фактѣ—глубокая мысль. Чтобы мою проповѣдь сдѣлать дѣйствительной, я схватилъ «Онѣгина» и прочелъ дуэль Ленскаго—начало 7-й и конецъ 8-й главы [2]). Никогда я такъ не читалъ: меня посѣтило откровеніе, и слезы почти мѣшали мнѣ читать. Слушатель понималъ чтеца и оба они понимали Пушкина. Я обратилъ его вниманіе на эту безконечную грусть, какъ основной элементъ поэзіи Пушкина, на этотъ гармоническій вопль мірового страданія, поднятаго

---

1) *Ивановъ-Разумникъ*, н. с., стр. 166.

2) Очевидно, описка: конецъ 7-й и начало 8-й главы.

на себя русскимъ Атлантомъ: потомъ я обратилъ его вниманіе на эти переливы и быстрые переходы ощущеній, на эти безпрестанные и торжественные выходы изъ грусти въ широкіе разметы души могучей, здоровой и *нормальной*, а отъ нихъ снова переходы въ неумолкающее гармоническое рыданіе мірового страданія»... [1]).

Г. Ивановъ-Разумникъ приводитъ эту интересную выписку изъ письма Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 26 февраля 1840 г., справедливо видя въ ней образецъ мѣткой и сильной характеристики поэзіи Пушкина. Мы же позволили себѣ привести ее здѣсь, потому что она превосходно обрисовываетъ тѣ отношенія, которыя установились съ самаго начала знакомства между В. Г. Бѣлинскимъ и юнымъ Н. А. Бакунинымъ.

Въ полемикѣ же съ Мишелемъ Николай Бакунинъ являлся для Бѣлинскаго еще и драгоцѣннымъ живымъ аргументомъ, которымъ онъ могъ сильно импонировать Мишелю. «Чѣмъ больше узнаю я его,—писалъ онъ тутъ же о Николаѣ,—тѣмъ болѣе люблю и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что ты порешь дикій и безсмысленный вздоръ, говоря, что простота, нормальность и полнота натуры свойственны только скотамъ и пошлякамъ. Не худо бы и намъ съ тобой, Мишель, походить на этихъ скотовъ и пошляковъ: право, мы были бы лучше. Меня, Мишель, не умаслишь похвалами моей глубокой субстанціи и прочихъ вздоровъ, меня не увѣришь, что я страдаю отъ того, что теперь все человѣчество страдаетъ: что общаго между мной и человѣчествомъ? Я не сынъ вѣка, а сукинъ сынъ. Я понимаю страданія какого-нибудь Страуса, котораго всякое мгновеніе было жизнью въ общемъ (не въ абстрактномъ и мертвомъ, а въ конкретномъ) и было жизнью дѣятельной; это—человѣкъ великій, геніальный: моей ли рожѣ тянуться до него?—высоко, не достанешь»... [2]).

И далѣе Бѣлинскій съ горечью вспоминаетъ черты своего печальнаго дѣтства и неправильнаго воспитанія, исказившаго, по его мнѣнію, его нормальный ростъ и развитіе.

Читатель, впрочемъ, уже знаетъ, что самъ Михаилъ Баку-

---

[1]) Письма, II, 80.

[2]) Это относится, очевидно, къ Штраусу, автору „Жизни Христа“.

нинъ не только не былъ склоненъ въ чемъ-либо опровергать характеристику его брата, сдѣланную въ этомъ письмѣ Бѣлинскимъ, но что собственное его мнѣніе о братѣ, судя по приведенному выше письму его къ Александрѣ Андреевнѣ Беерь отъ 30 марта 1839 г., въ сущности, совершенно сходилось съ мнѣніемъ Бѣлинскаго.

Приводя рядъ интересныхъ выписокъ изъ превосходнаго письма Бѣлинскаго отъ 26 февраля 1840 г., г. Ивановъ-Разумникъ сопоставляетъ его съ другимъ письмомъ Бѣлинскаго приблизительно той же эпохи, но сохранившимся въ неполномъ видѣ и безъ опредѣленной даты. Отрывокъ этотъ напечатанъ въ собраніи писемъ Бѣлинскаго, изд. г. Ляцкимъ въ т. II, на стр. 95—98. Г. Ивановъ-Разумникъ довольно резонно, на первый взглядъ, относитъ это письмо къ марту 1840 г., опираясь на то обстоятельство, что въ немъ говорится о *напечатаніи* извѣстной статьи Бакунина о философіи, которая была напечатана въ № IX *Отечественныхъ Записокъ* за 1840 г., на которомъ имѣется цензурная помѣтка 14 марта 1840 г. Но затѣмъ страннымъ образомъ, по очевидному недосмотру, письмо это выходитъ у него написаннымъ и отправленнымъ Бакунину ранѣе вышецитированнаго письма отъ 26 февраля 1840 г. Эту несообразность тѣмъ болѣе необходимо исправить, что она помѣшала Р. В. Иванову обратить достаточное вниманіе на то обстоятельство, что письмо это, за исключеніемъ первыхъ вступительныхъ строкъ, исполнено трогательнаго, мѣстами нѣжнаго, дружескаго тона, который былъ бы очень непонятенъ и невозможенъ въ письмѣ Бѣлинскаго къ Бакунину именно въ мартѣ 1840 г., т.-е. какъ разъ въ то время, когда Бѣлинскій честилъ того же Бакунина самыми отборными ругательствами въ письмахъ своихъ къ Боткину. Это соображеніе заставило меня изслѣдовать точнѣе приблизительную дату написанія этого письма. Въ моемъ матеріалѣ нашлось для этого два новыхъ опорныхъ пункта: 1) то обстоятельство, что въ этомъ письмѣ Бѣлинскій говоритъ, какъ о совершившемся фактѣ, объ обращеніи Мишеля за помощью для заграничной поѣздки къ отцу, а у меня имѣется точная дата этого обращенія: 23 марта 1840 г., 2) и то обстоятельство, что Бѣлинскій упоминаетъ въ этомъ письмѣ о томъ, что статья Мишеля привела въ восторгъ Краевскаго, а у меня имѣется письмо А. А. Кра-

евскаго къ Мишелю, относящееся къ этому именно обстоятельству, написанное Краевскимъ 28 мая 1840 г. [1]).

Эти два обстоятельства даютъ основаніе думать, что письмо, о которомъ идетъ рѣчь, было написано Бѣлинскимъ не въ мартѣ, а нѣсколько позднѣе: въ апрѣлѣ или, можетъ быть, въ маѣ, когда отношеніе Бѣлинскаго къ Бакунину значительно смягчилось, благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, которыя изложены самимъ Бѣлинскимъ въ этомъ письмѣ, чтобы затѣмъ опять испортиться, отчасти благодаря вмѣшательству Каткова, передъ самымъ отъѣздомъ Бакунина за границу.

Этими замѣчаніями я здѣсь ограничусь и самое содержаніе этого письма Бѣлинскаго приведу въ своемъ мѣстѣ, при изложеніи обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ отъѣзду Бакунина за границу.

---

[1]) Вотъ это письмо:

„Я давно хотѣлъ писать къ вамъ, мой вселюбезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, и благодарить за прекрасную статью, которая для меня просто *образецъ* философскихъ статей на русскомъ языкѣ. Лучше этого, по предмету философіи, я не желалъ бы ничего ни читать, ни печатать по-русски. Ради Господа, шлите скорѣе, если можно къ 15 іюня (для іюльской книжки) окончаніе этой статьи. Прошу васъ всеусерднѣйше. Полно-те сомнѣваться въ своей способности къ литературному дѣлу, не вамъ судить объ этомъ, предоставьте другимъ, а сами знайте пишите, да и только...

.....Жду нетерпѣливо обнять васъ въ іюнѣ въ Петербургѣ“.

Весь вашъ *Краевскій*“.

28 мая 1840 г. СПБургъ.

ГЛАВА XXXI.

Отношенія Михаила Бакунина съ сестрами и съ Беерами въ послѣдніе годы его московской жизни.—Переписка съ сестрами изъ Петербурга.—Новая теорія назначенія женщины, заимствованная у Гегеля.—Отношеніе сестеръ къ Мишелю.—Письмо Татьяны Александровны.—Отношенія Мишеля къ Беерамъ.—Его поѣздка въ Шашкино въ началѣ 1838 г. и романъ Александры Андреевны.—Письмо ея отъ 17 февраля 1838 г.—Отвѣты Мишеля ей и Натальѣ Андреевнѣ.—Событія, удалившія его отъ нихъ въ 1838 г.—Письмо Мишеля къ Александрѣ Андреевнѣ по поводу поѣздки ея въ Оптину пустынь.—Отвѣтъ Александры Андреевны отъ 19 ноября 1838 г.—Обращеніе Мишеля къ Александрѣ Андреевнѣ 30 марта 1839 г.—Отвѣтъ Александры Андреевны.—Пріѣздъ ея въ Попово и отъѣздъ Мишеля въ Петербургъ.—Умственные запросы и интересы А. А. Беэръ, отразившіеся въ письмѣ ея отъ 4—5 марта 1840 г.—Письмо къ ней Мишеля отъ 15 марта.—Приготовленія его къ отъѣзду за границу, при чемъ онъ не успѣваетъ проститься съ Беерами.—Нѣсколько словъ объ А. А. Бееръ.

Отношенія Мишеля съ сестрами въ два послѣдніе года московскаго періода его жизни оставались, въ сущности, тѣ же, какими они стали съ 1836 г.: между ними происходили иногда мимолетныя ссоры и охлажденія, обыкновенно, вслѣдствіе «разорваннаго состоянія духа» Мишеля или когда ему казалось, что сестры дѣлаютъ слишкомъ много уступокъ родителямъ; но эти временныя недоразумѣнія не нарушали общаго тона ихъ отношеній, и Мишель попрежнему оставался оракуломъ и непререкаемымъ авторитетомъ для сестеръ своихъ почти во всѣхъ случаяхъ жизни. И хотя онъ и утверждалъ иногда, чтоересталъ понимать своихъ сестеръ и что чувствуетъ себя ближе къ Беерамъ, или къ одной изъ нихъ—въ послѣдніе годы обыкновенно къ Александрѣ Андреевнѣ,—однако же, сестры для него не переставали быть, въ сущности, самыми близкими и дорогими существами на землѣ. И въ хорошія минуты, въ минуты гармоніи и внутренняго равновѣсія, онъ самъ неизмѣнно признавалъ это.

Милая Варенька, писалъ онъ В. А. Дьяковой вскорѣ послѣ ея отъѣзда за границу,—отъѣздъ твой напомнилъ мнѣ Immer-Grün der Gefühle Жанъ-Поля-Рихтера. До сихъ поръ я самъ не зналъ, какъ я тебя люблю, и узналъ это только послѣ твоего отъѣзда. Возвратившись въ Премухино, подъѣзжая къ нему, я ощутилъ въ себѣ какое-то странное чувство: все мое существо превратилось въ какой-то темный, странный вопросъ: зачѣмъ я туда ѣду? И тутъ мнѣ сдѣлалось ясно, что ты, Танюша и Саша составляете мой истинный премухинскій міръ, заключенный въ самомъ себѣ и заключающій въ себѣ безконечность. Если бы сестеръ не было въ Премухинѣ, то мнѣ было бы невозможно жить въ немъ.—Или жить въ совершенномъ одиночествѣ, или жить съ сестрами»...

Послѣ отъѣзда Варвары Александровны и смерти Любови Александровны въ Премухинѣ наступилъ довольно продолжительный миръ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ. Смерть Любеньки была общимъ горемъ, примирившимъ на нѣкоторое время родителей съ дѣтьми, и Мишель снова сблизился и съ отцомъ, съ которымъ проводилъ часть времени вмѣстѣ, читалъ ему, писалъ по его порученію дѣловыя бумаги и письма и называлъ его не иначе, какъ «нашимъ святымъ старикомъ». Александръ Михайловичъ съ своей стороны примирился не только съ сыномъ, но и съ друзьями его, особенно съ Бѣлинскимъ, примирительное письмо котораго къ нему мы привели въ своемъ мѣстѣ [1]). Мишелю онъ не мѣшалъ заниматься философіей и «внутреннимъ наполненіемъ», о которомъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. И Мишель мирно и продуктивно прожилъ въ Премухинѣ безвыѣздно до декабря 1838 г., когда онъ отправился ненадолго съ Татьяной Александровной въ Москву. Въ февралѣ 1839 г. онъ опять отправился съ ней туда же и провелъ тамъ уже цѣлый мѣсяцъ, послѣ чего вернулся въ Премухино и прожилъ тамъ до начала лѣта. Но въ это время настроеніе его стало уже замѣтно портиться—и подъ вліяніемъ сознанія необходимости заграничной поѣздки и невозможности ея осуществленія, и подъ вліяніемъ ссоръ и разладовъ со своими друзьями. Охватившее его «разорванное состояніе духа» разрѣшилось поѣздкой въ Петербургъ, где онъ,

[1]) Въ главѣ XVIII.

какъ мы видѣли, очень скоро ощутилъ потребность въ общеніи со своими сестрами. Правда, потерпѣвъ неудачу въ предпринятыхъ имъ хлопотахъ о разводѣ Варвары Александровны съ мужемъ, онъ было пересталъ писать домой; но въ сентябрѣ стремленіе къ общенію съ сестрами возобновилось въ усиленной степени, и мы имѣемъ цѣлый рядъ длинныхъ писемъ, въ которыхъ онъ шлетъ и наставленія той изъ нихъ, которая готовилась тогда вступить въ замужество, и цѣлыя диссертаціи относительно назначенія женщины вообще, при чемъ приходитъ незамѣтно къ тѣмъ самымъ мыслямъ и взглядамъ, которые еще недавно приводили его въ такое раздраженіе въ письмахъ Бѣлинскаго. Отчасти эти взгляды навѣяны мыслями Гегеля насчетъ назначенія женщины, съ которыми Мишель какъ разъ тогда, вѣроятно, познакомился, но отчасти, быть можетъ, и бурныя филиппики Бѣлинскаго не остались безъ вліянія на ходъ мыслей Мишеля относительно его сестеръ. На обнаруженіе же своихъ новыхъ мыслей объ этомъ предметѣ Мишель былъ наведенъ письмомъ, полученнымъ имъ отъ Татьяны Александровны въ августѣ 1839 г., выписку изъ котораго мы приведемъ здѣсь.

Сообщая въ этомъ письмѣ нѣкоторыя мысли и настроенія, возникшія у нея въ связи съ исполнившейся только что годовщиной смерти Любови Александровны, Татьяна Александровна по обыкновенію обращается къ помощи и поддержкѣ Мишеля.

«Миша, милый!—пишетъ она.—Я совсѣмъ не понимаю, что значитъ самостоятельность женщины,—какъ бы ни сильна, ни богата она была собственнымъ содержаніемъ, ей все-таки необходима внѣшняя опора,—ей необходима любовь друзей, живая, горячая любовь,—чтобы почерпать въ ней жизнь: *вѣдь любовь—источникъ, содержаніе и конецъ ея жизни... О, я чувствую, другъ, что вся мои силы въ ней...* (Курсивъ мой. *А. К.*) Не оставляй же меня никогда: мнѣ такъ весело отдавать тебѣ всю волю мою,—тогда она дѣлается какъ будто двойная, тогда свобода моя полнѣе. Нѣтъ, я не теряю ее, когда ищу ее въ васъ, милые, дорогіе друзья. Вся жизнь, все счастье мое въ васъ. Не бросайте же меня собственному произволу моему—только въ любви моей къ вамъ святая воля, полна свобода моя—это вѣрная, тихая пристань моя. Когда я отхожу отъ нея

и пускаюсь по вѣтру въ открытое море, такъ худо мнѣ: слабая лодочка чуть-чуть держится на сердитыхъ волнахъ, онѣ такъ страшно шумятъ, поднимаются надъ нею, какъ будто хотятъ затопить ее,—и я спѣшу поскорѣе къ берегу»...

Читатель видитъ изъ этого письма, что хотя во время страстныхъ споровъ Мишеля съ Бѣлинскимъ Татьяна Александровна какъ будто чувствовала себя все время на сторонѣ брата, однако, собственныя чувства и мысли ея, такъ ярко и искренно выраженныя въ приведенномъ отрывкѣ, въ сущности, совершенно совпадали съ тѣми взглядами на назначеніе женщины и на сущность женской души и женской натуры, которые выражалъ Бѣлинскій въ своихъ бурныхъ и пламенныхъ письмахъ къ Мишелю.

Въ серединѣ сентября 1839 г., оправившись нѣсколько отъ дурного настроенія, въ которое его ввергли неудачи въ хлопотахъ его «по Варенькиному дѣлу», Мишель въ Петербургѣ опять почувствовалъ, наконецъ, потребность писать къ сестрамъ.

«Милыя дѣвочки,—писалъ онъ имъ 14 сентября,—я такъ давно не говорилъ ни слова съ вами, я васъ такъ горячо люблю, милыя дѣвочки, ваша любовь такъ необходима для моего счастія, что мнѣ тяжело, очень тяжело было молчать. Нѣсколько разъ хотѣлъ я прервать это молчаніе, но какая то сила мѣшала мнѣ говорить»...

Затѣмъ, сообщивъ о себѣ, что послѣ временнаго упадка духа онъ вновь пришелъ въ бодрость, Мишель снова обращается къ сестрамъ съ любопытнымъ поученіемъ, явно заимствованнымъ у Гегеля и какъ бы отвѣчавшимъ на тѣ мысли, которыя были высказаны въ приведенномъ письмѣ Татьяны:

«Любовь,—пишетъ здѣсь Мишель,—есть таинство, а женщина есть жрица этого таинства,—жрица, открывающая его, какъ дочь, какъ сестра, какъ жена и какъ мать. Вотъ святое назначеніе женщины: она есть весталка, хранительница священнаго огня семейной жизни»...

Затѣмъ 16 сентября онъ продолжалъ на ту же тему:

«Не знаю, милыя дѣвочки, удастся ли мнѣ выразить вамъ то, что мнѣ давно хотѣлось вамъ сказать, *на счетъ ложной стороны* (въ васъ), *къ развитію которой я много, очень много способствовалъ*.

«Прочтите стихотвореніе Шиллера «Würde der Frauen» [1]) и вы найдете въ немъ полное опредѣленіе женщины. Женщина имѣетъ въ душѣ своей полное откровеніе истины, откровеніе въ конкретномъ нравственномъ чувствѣ (sittliches Gefühl), которое можно назвать ея духовнымъ инстинктомъ и которое должно быть руководителемъ въ ея дальнѣйшемъ развитіи. Это конкретное откровеніе замѣняетъ въ ней отвлеченный путь логическаго убѣжденія, которое есть самостоятельное достояніе мужчины и которое невозможно для женщины. Сущность мужского сознанія есть отвлеченность. Для того, чтобъ достигнуть полнаго развитія, полнаго знанія, онъ долженъ сначала все утратить въ отвлеченной мысли. Онъ не можетъ руководствоваться своимъ внутреннимъ чувствомъ, гармоническое царство котораго должно разрушаться подъ нивелиромъ отвлеченности, которой онъ не долженъ бояться, потому что въ ней же самой заключается зародышъ возстановленія, возвращенія всего утраченнаго силою логической мысли. Женщина же, презирающая голосъ своего внутренняго чувства, лишается единственнаго средства для познанія истины. Отбросивъ свое нравственное чувство, женщина теряетъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчина: она теряетъ все,—потому что нравственное чувство женщины гораздо полнѣе, богаче, чѣмъ нравственное чувство мужчины. Нравственное чувство женщины есть любовь, воплотившаяся въ ея свѣтлой, прекрасной личности—и разставшись съ нимъ, женщина утрачиваетъ безконечный и врожденный ей источникъ любви и истины. Женщина точно такъ же, какъ и мужчина способна къ безконечному развитію, съ той только разницею, что руководителемъ развитія мужчины есть отвлеченная мысль, логическій законъ, самъ на себѣ основанный и въ себѣ оправдывающійся, руководителемъ же женщины можетъ быть только врожденная ей сокровищница внутренняго, нравственнаго чувства, принимающаго мысль только тогда, когда она соотвѣтствуетъ его внутреннему содержанію, когда она не болѣе, какъ выговоренное сознаніе его внутренней, таинственной жизни. Однимъ словомъ, разница между мужчиною и женщиною состоитъ въ томъ, что первый для полнаго развитія своего дол-

[1]) Срав. „Schillers-Werke in zehn Bänden“, Leipzig. Teschen. 1871. Erster Band, 297 s.

жен откинуть мѣрку своего внутренняго чувства,—женщина же, напротивъ, обогащаясь мыслью, познаніями, опытомъ жизни, никогда не должна удаляться отъ своего нравственнаго чувства, которое должно служить ей звѣздою-путеводительницею въ жизни»...

И въ подтвержденіе онъ приводитъ выписку изъ сочиненія какого-то гегеліанца.

Письмо это, какъ и можно было ожидать, судя по вышеприведенному письму Татьяны, не только не вызвало въ сестрахъ какого-нибудь недоумѣнія или отпора, который вызывали въ нихъ въ 1838 году аналогичные взгляды Бѣлинскаго на назначеніе женщины, но, наоборотъ, принято было съ восторгомъ.

Татьяна Александровна такъ отвѣчала на разсужденія Мишеля о назначеніи женщины:

«Миша, милый, добрый, какъ понимаю я все, что ты требуешь отъ женщины, какъ глубоко чувствую всю святость ея истиннаго прекраснаго назначенія.—Другъ, все, объ чемъ говоришь ты, лежитъ глубоко въ душѣ моей, хоть и не развилось, не осуществилось еще въ дѣйствительности... Но вся жизнь моя есть стремленіе къ этому осуществленію»...

Это были глубоко вѣрныя и вполнѣ искреннія слова. И жизнь Татьяны Александровны, дѣйствительно, этому соотвѣтствовала. Роль ея въ премухинской семьѣ всегда была именно роль той женщины-весталки, охраняющей святость семейнаго очага, которая, по Гегелю, являлась идеальнымъ назначеніемъ женщины-сестры.

«Погоди, Миша,—продолжаетъ она,—придетъ, наконецъ, святая минута совершенства. Развѣ каждое слово твое не проникало въ духъ мой, не озаряло всѣ темныя стороны и не вызывало на свѣтъ всего, что таится въ глубинѣ его? О, Миша, всѣ элементы, которые должны составить сущность женщины,—я чувствую ихъ въ груди своей—въ какомъ-то темномъ, страшномъ хаосѣ—погоди, другъ, они отдѣлятся другъ отъ друга и всѣ достигнутъ опредѣленія своего. Тогда ты будешь меня любить—ты найдешь во мнѣ больше, чѣмъ теперь... Миша, милый, только не бросай своихъ дѣвочекъ: какъ ты ни говоришь, какъ ни разсуждаешь объ нашей самостоятельности, но мы, право, безъ твоей помощи, безъ опоры твоей не можемъ жить. Знаешь, другъ, ты позабылъ, что самостоятельность

женщины столь же необходима въ ней, какъ и потребность ввѣриться, опереться на другого сильнѣе ея. Когда я слушаю тебя и гляжу на святое вдохновенное выраженіе лица твоего, мнѣ дѣлается такъ легко, такъ свободно и свѣтло, какъ будто бы черезъ тебя открывается мнѣ воля самого Бога. Тогда я увѣрена, что всѣ дѣйствія мои должны быть святы, прекрасны, что я повинуюсь не влеченію страсти, не ложному, быть можетъ, мелкому чувству какому-нибудь, но святому голосу истины, любви... Милый другъ, въ отношеніи къ намъ ты никогда не можешь ошибаться,—любовь твоя всегда хранила, всегда спасала насъ. Все, черезъ что перешли мы съ тобой, было необходимо. О, вѣрь мнѣ, что во всѣхъ заблужденіяхъ моихъ никогда или рѣдко, очень рѣдко оставляло меня это святое чувство женственности. О, я глубоко понимаю, что теряя его, женщина теряетъ все достоинство свое»...

И дальше она обращается къ положенію своему въ семьѣ:

«Миша, мы не можемъ быть въ семействѣ своемъ тѣмъ, чѣмъ бы должны быть—мы не можемъ быть истинными дочерьми въ отношеніи къ родителямъ,—ты знаешь самъ, что мы должны бы отказаться отъ всего, что составляетъ святую сущность нашей жизни, если бы захотѣли исполнять всѣ обязанности наши противъ родителей. Я люблю ихъ горячо, но не могу отдаться этой любви: ихъ требованія отняли бы у меня всю свободу мою, а безъ свободы, Миша, вѣдь нѣтъ ни любви, ни жизни. Трудно согласовать эти противорѣчія. Судьба поставила насъ на узкой тернистой дорогѣ, но она же сама такъ чудно ведетъ насъ по ней, что мы не можемъ терять бодрости—дойдемъ когда-нибудь до широкого поля, гдѣ никто не будетъ стѣснять нашей свободы, гдѣ мы сильно, быстро пойдемъ къ свѣтлой цѣли. Миша, дорогой, милый, не отнимай у насъ никогда руки твоей—мы за нее такъ крѣпко держимся, мы всѣ твои—съ тобой намъ вездѣ хорошо. Я не стану увѣрять тебя, чтобъ на душѣ у меня было всегда весело, всегда свѣтло—нѣтъ: часто бываетъ и темно и грустно,—но когда я подумаю объ васъ, тогда какъ будто бы все просвѣтляется опять, все тяжелое отпадаетъ и сердце проникается святою горячею любовью, безпредѣльной вѣрой и какой-то чудной увѣренностью, что все стремится къ благому и прекрасному концу...

«Я тебя не спрашиваю,—пишетъ она дальше,—объ успѣхѣ твоего предпріятія,—будетъ, какъ Богъ велитъ. Дьяковъ—у насъ; кажется, очень веселъ и спокоенъ; объ В(аренькѣ) почти не говоритъ, только объ Сашѣ, котораго не хочетъ учить по нѣмецки. Повидимому, онъ не оставляетъ намѣренія взять его къ себѣ, чтобы самому воспитывать его. Но теперь я ужъ привыкла слушать всѣ глупости его и молчать.—Богъ спасетъ Вареньку. Вы всѣ будете хранить ее отъ несчастія, отъ новыхъ страданій. Мы недавно получили еще письмо отъ нея—святое, чудное письмо. Она теперь въ Неаполѣ,—проведетъ тамъ зиму. Ждетъ, зоветъ тебя, чтобы вмѣстѣ съ тобой ѣхать въ Римъ, а тамъ пройти пѣшкомъ по Швейцаріи, по Германіи и оттуда возвратиться къ намъ. Миша, другъ, будетъ-ли это когда-нибудь? Я боюсь тебя (разсердить?)—мнѣ все кажется, что свиданье далеко, далеко еще... это не повергаетъ меня въ прежнее отчаяніе—нѣтъ, я такъ спокойна... Мнѣ только хочется, чтобы ты тоже скорѣе ѣхалъ туда—и для тебя, и для нея... Она провела такое грустное, тяжелое лѣто въ Генуѣ—мало имѣла наслажденій.—Но ты скоро самъ прочтешь ея письмо...

«Миша, Миша, пріѣдешь-ли ты? Какое впечатлѣніе сдѣлало на тебя письмо папеньки? О, я догадываюсь, я знаю, что тебѣ нельзя будетъ остаться съ нами. Ты поѣдешь въ Москву къ братьямъ, вамъ тамъ вмѣстѣ хорошо будетъ—вы не забудете своихъ дѣвочекъ и часто, часто станете оживлять ихъ святыми словами своими. Мы получили отъ Павла два такихъ милыхъ письма. Онъ полонъ новой жизни, новыхъ силъ, новыхъ надеждъ. Мнѣ такъ весело за него, за всѣхъ троихъ. Тяжелое время испытанія кончилось для нихъ—еще вѣрно много другихъ впереди, но ужъ не такихъ»...

Отношенія Мишеля къ Беерамъ оставались попрежнему такими же близкими, какими они были и до 1838 г., но въ началѣ 1838 г. Мишель побывалъ у нихъ въ деревнѣ ихъ Шапкинѣ, и съ этихъ поръ изъ двухъ сестеръ къ нему ближе становится Александра Андреевна, для которой наступилъ свой чередъ пережить такое же страстное увлеченіе личностью Мишеля, какое пережила въ 1836 г. Наталья, только болѣе глубокое, соотвѣтственно ея болѣе глубокой натурѣ. Этотъ романъ и отношенія, которыя сложились затѣмъ между этой романти-

чески настроенной дѣвушкой и Михаиломъ Бакунинымъ, такъ интересны и характерны для той эпохи, что мы не считаемъ возможнымъ оставить ихъ безъ вниманія. Единственнымъ, но и достаточно яркимъ документомъ, изъ котораго мы можемъ представить себѣ, какъ завязался этотъ романъ, является письмо самой Александры Андреевны къ Мишелю, написанное ею тотчасъ же по отъѣздѣ его изъ Шашкина (17 февраля 1838 г.).

Вотъ это письмо:

«Я не разсуждаю въ эту минуту, и вы, прекрасный другъ, безъ разсужденій примите всю любовь мою. Вотъ уже прошло нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда вашего... вы теперь пришли бы въ комнату мою, сѣли бы на этотъ маленькій диванъ... Васъ нѣтъ со мною, но я еще такъ счастлива, все во мнѣ дышитъ жизнью вашей...—и эти звучные, мѣрные шаги такъ торжественно отзываются въ душѣ! Шашкино освятилось присутствіемъ вашимъ...

«Откуда же эта смерть, черезъ которую я прошла при васъ?— О, никогда я такъ безконечно не страдала...

«Прощайте—зовутъ чай пить... Я не встрѣчу васъ болѣе нигдѣ... Я думала, послѣ васъ все мертво станетъ для меня. Нѣтъ, я нахожу новую красоту во всѣхъ комнатахъ нашихъ, мнѣ хочется такъ же скоро, такъ же свободно пробѣгать по нимъ...

«*Пятница. Утро.* Вотъ я давно уже одѣлась, но я не спѣшила въ гостинную, я прошла ее мимо и какъ то невольно растворила дверь въ вашу комнату—мнѣ захотѣлось сѣсть у вашего стола и здѣсь писать къ вамъ... Не смѣшно-ли, что я такъ подробно говорю вамъ о себѣ? Что̀ вамъ всѣ эти мелочи?—вы не можете понять меня въ нихъ, вы не раздѣляете ихъ со мною.—Я долго надоѣдать вамъ не буду: я знаю себя.—Быть можетъ, одно письмо, гдѣ безъ покрова проникнутъ всѣ чувства мои,—а тамъ я опять замолчу. Во мнѣ нѣтъ свободы духа. Я—бѣдное существо, во мнѣ все сжато и узко...

«Сильное предчувствіе, мысль, которая овладѣваетъ всѣми способностями нашими, отъ которой мы отбиться не можемъ,— не можетъ быть совершенно ложна. Когда я предчувствую — я знаю. И я знала, какъ чужды мы будемъ въ первые дни и какъ духъ нашъ сольется въ послѣднюю минуту—въ ту

минуту, гдѣ вы опять оторветесь отъ меня. Счастье полное не можетъ быть мое! Я это всегда предчувствовала—а теперь знаю. Бодрость духа сохранится на нѣкоторое время, долго, долго я буду жить съ вами... Я знаю, вы теперь любите меня,—а тамъ скоро опять я останусь одна... Вы скажете: бѣдненькая,—она опять стала разсуждать!—но что же дѣлать мнѣ—иначе я не живу. Мнѣ не стыдно болѣе, что я такъ глубоко пала при васъ: напротивъ, я рада, что вы узнали всю крайность моего ничтожества.

«Первую ночь сладко послѣ этихъ томительныхъ ночей я заснула. Я въ какомъ то упоеніи легла на диванъ мой, я забылась ненадолго и опять пробудилась, чтобы жить съ вами. Во мнѣ теперь все бьется жизнью, но васъ нѣтъ болѣе...

«Скажите правду,—не страшно-ли это противорѣчіе во мнѣ? О чемъ свидѣтельствуетъ оно? О, вы не вполнѣ поняли дисгармонію мою—не однѣ внѣшнія причины пробудили ее: не письмо ваше отняло у меня всю вѣру въ дружбу, въ святость связи нашей. Нѣтъ, я сама была причиной смерти своей. Я вновь вся холодѣю, всѣ мысли безпорядочно бродятъ,—когда я вспоминаю о этихъ дняхъ. Они уже прошли, я вышла изъ нихъ. Зачѣмъ же смотрѣть сверху внизъ?—надъ черной пропастью кружится голова...

«О, это блаженное утро откровенія, когда мы вмѣстѣ прочли Эгмонта и потомъ сестра играла, а Софья [1]) пѣла, вы ходили по комнатамъ, а я молилась передъ образомъ Божіей Матери... Въ чемъ же была молитва моя?—Вся погруженная въ васъ, я все повѣрила ей, и голосъ вашъ мнѣ слышался, и чудные звуки отзывались во мнѣ, и въ присутствіи Бога я повторяла тихо:

Mein Liebster gewaffnet
Dem Haufen befiehlt,
Die Lanze hoch führet,
Die Leute regieret
Wie schlagt mir das Herze!
Wie wallt mir das Blut! [2])

[1]) Софья Конст. Ржевская, двоюродная сестра Беeровъ, у нихъ тогда постоянно жившая.

[2]) „Goethes Werke. Erste illustrirte Ausgabe“, v. VII, „Egmont“, S. 16. Солдатская пѣсенка. Въ подлинникѣ: Wie *klopft* mir das Herze.

«Я не Клэрхенъ ваша, но вы мой Эгмонтъ. Когда я сѣла подлѣ сестры, я могла бы прямо смотрѣть на васъ и взоръ вашъ не смутилъ бы меня болѣе... Потомъ я стояла передъ вами,—и такъ же безмолвно, какъ передъ Богомъ.—Онъ принялъ всю меня. Вы, быть можетъ, также читали въ душѣ моей, но смотрѣли съ грустью на меня,—вы говорили мнѣ: я не могу принять тебя.

«Я прочла свой приговоръ и тихо отошла прочь—мнѣ не хотѣлось, чтобъ слезы выкатились при васъ, но я не могла быть долго далеко отъ васъ. Я стала еще ближе—у двери—и мнѣ хотѣлось прижаться къ вамъ, взять руку вашу, склонить голову вашу ближе ко мнѣ... Нѣтъ, я никогда не сдѣлаю этого, никогда я не буду держать руки вашей въ своей... Я отдалась вамъ душой и охотно отдаю вамъ руку свою: когда вы держите ее и сожмете крѣпче, я блаженна:—но я никогда не прикоснусь до васъ, самовластіе такъ чуждо мнѣ... Третьяго дня я сама взяла руку вашу—это было какое-то судорожное движеніе,—вы простите меня, я изнемогала, и день и ночь я была одна: никто не подалъ мнѣ руки: мнѣ казалось, я потопала въ какой-то безднѣ: мнѣ нужно было удержаться, и первый звукъ, который вырвался изъ груди послѣ смертнаго молчанія, было имя... такъ глубоко врѣзался въ меня и взволнованный, грустный—потомъ тихій, блаженный—и тотъ святой взглядъ при прощаніи послѣ чтенія Эгмонта, когда вы взглянули на меня, какъ будто оставили на мнѣ благословеніе свое,—какъ будто довольнымъ мною, казалось, ваше (лицо?) было въ эту минуту,—и грустно и жаль покинуть меня, какъ будто любовь ваша лежала на мнѣ, и я приняла ее и сохраню ее...

«Какъ жду я и Беттину и Марбаха,—а особливо журналъ [1]). Вторая часть Фауста плохо читается, а кромѣ (нея) у меня нѣтъ ничего. Скоро-ли сестры кончатъ переписку Беттины?

«*18. Вечеръ. Понедѣльникъ.* Ахъ, Боже мой, какъ хорошъ 118 псаломъ! Я не знаю отчего,—мнѣ все кажется, что вы написали его: «Буду ходить свободно, ибо я взыскалъ повелѣній твоихъ. Буду говорить объ откровеніяхъ Твоихъ передъ

[1]) Здѣсь разумѣется, конечно, *Московскій Наблюдатель*, перешедшій тогда подъ редакцію Бѣлинскаго, въ которомъ Мишель разсчитывалъ, какъ мы видѣли, принимать дѣятельное участіе.

царями и не постыжусь. Руки мои простираю къ заповѣдямъ Твоимъ, которыя люблю, и размышляю объ уставахъ Твоихъ. Благо мнѣ, что я страдаю, дабы научиться уставамъ Твоимъ. Во вѣки не забуду повелѣній Твоихъ. Ими Ты оживляешь меня. Я Твой—спаси меня. Я видѣлъ предѣлъ всего совершеннаго; но заповѣдь Твоя весьма обширна. Какъ я люблю законъ Твой! Весь день помышляю о немъ. Не отнимай никогда отъ устъ моихъ слова Истины. Я Тебя молю, чтобъ эта Истина была мнѣ спутницею высшею»...

«Cher Michel, мнѣ такъ хочется подарить вамъ мой маленькій псалтырь, который такъ давно живетъ со мною. Прощайте, можетъ быть, вы уже будете скоро съ сестрами. Что Николай Дьяковъ? Уладилъ-ли свои дѣла съ братомъ? Быть можетъ, ужъ такъ скоро ѣдете—да благословится вашъ путь! Прощайте, добрый, прекрасный Мишель.

Александра Беэръ».

Наталья тоже написала тогда Мишелю восторженное и нѣжное письмо, но ужъ безъ примѣси всякихъ личныхъ романическихъ чувствъ.

Мишель, съ своей стороны писавшій обѣимъ сестрамъ съ дороги—слѣдовательно, еще до полученія ихъ писемъ—большія дружескія письма съ обычными философскими наставленіями и размышленіями, на полученныя имъ письма обѣихъ сестеръ отвѣчалъ уже изъ Москвы—отъ 1 марта 1838 г.—въ довольно шутливомъ тонѣ, выражая опасеніе, чтобъ онѣ не испортили его своими неумѣренными и восторженными похвалами. Обращаясь спеціально къ Александрѣ Андреевнѣ, онъ тутъ же прибавлялъ: «Моя ревнивая жена (подъ которой подразумѣвалась, вѣроятно, философія. *А. К.*) кланяется вамъ, Alexandrine; она велѣла вамъ сказать, что вы немножко дерзки, позабывая, что она только одна имѣетъ право на мою любовь»...

Все это происходило еще до отъѣзда Варвары Александровны за границу, до смерти Любови Александровны...

Тотчасъ по возвращеніи отъ Бееровъ въ Москву Мишель познакомился съ А. Н. Муравьевымъ и чуть не увлекся его дочерью Софьей Александровной. И, сообщая объ этомъ сестрамъ въ шутливомъ тонѣ, Мишель, —какъ мы уже говорили,—тутъ же

приписывалъ: «Только смотрите, ни слова Беeровымъ, а то замутятъ» [1])!.. Въ слѣдующіе затѣмъ мѣсяцы Мишель пережилъ послѣдніе фазисы борьбы за освобожденіе Вареньки, смерть Любеньки, послѣ чего наступила полоса примиренія съ родителями и тихаго, наполненнаго занятіями и спекулятивными размышленіями, житья въ Премухинѣ, которое возмущалось лишь наступившей тогда «3-ей войной» съ Бѣлинскимъ. О «Беeровыхъ» онъ мало, повидимому, думалъ все это время. Но вотъ въ началѣ ноября 1838 г. въ Премухинѣ было получено письмо Alexandrine Беeръ, въ которомъ она сообщала о намѣреніи своемъ съѣздить въ Оптину пустынь, побесѣдовать съ извѣстнымъ ея настоятелемъ о. Леонидомъ. Письмо это очень смутило Наталью Андреевну, гостившую тогда въ Премухинѣ. Она вспомнила, повидимому, прежніе планы Alexandrine поступить въ монастырь, и вотъ по ея просьбѣ Мишель поспѣшилъ написать Александрѣ Андреевнѣ сильное и краснорѣчивое посланіе, которое мы здѣсь приведемъ полностью.

«Милая Alexandrine,—писалъ онъ,—послѣднее письмо ваше, гдѣ вы говорите о намѣреніи ѣхать къ о. Леониду и въ которомъ выразилось какое-то внутреннее безпокойство, волненіе,—напугало Наталію. Она боится, чтобы вы не увлеклись можетъ быть фантастическими односторонними увѣщаніями монаха и не рѣшились на какое-нибудь крайнее средство для спасенія вашей, *по вашему мнѣнію*, грѣшной души.

«Меня это письмо не испугало: я въ послѣднее время—съ разлуки вашей съ Натальей—узналъ (васъ) еще болѣе—и еще разъ повторяю, я не боюсь за васъ. Въ глубинѣ вашего духа простое безконечное сокровище жизни, и вы не можете найти удовлетвореніе въ мертвомъ формализмѣ искаженнаго христіанства. Только одна благодать можетъ спасти васъ.

«Alexandrine, я имѣю право говорить съ вами откровенно. Я рѣдко пользовался имъ, потому что я имѣю свои понятія объ откровенности. Святое не должно быть профанировано ежедневною болтовнею, не должно принимать участія въ тщеславіи суеты мірской. И потому я не люблю говорить часто о томъ, что для меня свято, о томъ, что составляетъ безпрерывный предметъ моихъ мыслей, моихъ занятій, моей любви...

[1]) Глава XXIII.

Теперь же я воспользуюсь моимъ правомъ, основаннымъ на моей любви къ вамъ и на вашей довѣрчивости ко мнѣ.—Вы, вѣрно, поймете источникъ словъ моихъ.

«Я знаю, васъ мучаетъ мысль *о вашемъ паденіи*, сознаніе *преступленія*. Это сознаніе отрываетъ васъ отъ всего живого міра, отъ всего, что вы любите, и повергаетъ васъ въ вѣчное одиночество, въ вѣчное созерцаніе своей нечистоты. Не правда-ли?

«Вы хотите освободиться отъ этой тяжкой ноши, которая мѣшаетъ вамъ соединиться съ Богомъ и съ міромъ, и не находите въ себѣ средствъ, силъ для освобожденія.—*Богъ оставилъ васъ*, не правда-ли? И вы осуждены на вѣчный адъ конечнаго и грѣшнаго вниканія въ себя, *идѣже плачъ и скрежетъ зубовъ?*

«Alexandrine! не Богъ оставилъ васъ, а вы оставили Его. Раскаяніе, сознаніе своего паденія есть необходимый элементъ христіанской жизни. Должно чувствовать и сознавать грѣхи—для того, чтобы чувствовать и сознавать необходимость освобожденія отъ грѣха. Но раскаяніе есть только одна сторона христіанства и если оно изъ односторонняго захочетъ сдѣлаться полнотою жизни и, оторвавъ себя отъ всего другого, сдѣлаться независимымъ и самостоятельнымъ,—тогда оно само становится грѣхомъ.

«Вѣчное, безпрерывное раскаяніе есть отчаяніе въ спасеніи, есть *сомнѣніе* въ безграничности и всемогуществѣ *благодатной любви* вѣчнаго Бога. Сомнѣніе же въ благодати есть отрицаніе благодати; отрицаніе благодати есть грѣхъ противъ Святого Духа. *Но всякій грѣхъ простится, кромѣ грѣха противъ Святого Духа*. Это есть смертный грѣхъ, и доколѣ человѣкъ въ немъ пребываетъ, *до тѣхъ поръ* нѣтъ для него спасенія; потому что спасеніе въ благодати, а онъ отвергаетъ благодать.

«Unglaube ist die einzige Sünde gegen den Geist der wahren Religion, deren Herz im Himmel, wie ihr Himmel im Herzen ist. Nicht in Diensten, Opfern und Gelübden, die Gott von den Menschen fordert, besteht das Geheimniss der göttlichen Gottseligkeit, sondern vielmehr in Verheissungen, Erfüllungen und Aufopferungen, die Gott zum besten der Menschen gethan und geleistet; nicht im vornehmsten und grössten Gebot, das Er aufgelegt, son-

dern im höchsten Gute, das Er geschenkt habe; nicht im Gesetze, sondern in der göttlichen Gnade» [1].

«Да, Alexandrine, вашъ грѣхъ и источникъ вашего страданія не есть то, что вы называете своимъ грѣхомъ; напротивъ, грѣхъ есть необходимое условіе христіанства. Христосъ воплотился не для праведныхъ, а для грѣшныхъ. Кто не грѣшилъ, тотъ не можетъ быть въ единствѣ съ Богомъ, потому что для того нѣтъ благодати: благодать же—единство человѣка съ Богомъ, пребываніе человѣка въ Богѣ.

«Вашъ грѣхъ заключается въ формѣ вашего раскаянія. Ваше раскаяніе есть грѣхъ противъ Святого Духа, отрицаніе Благодати, отсутствіе вѣры—не той неопредѣленной вѣры, которая не находитъ словъ для выраженія и которая есть поэтому не болѣе какъ чисто субъективное чувство и не имѣетъ никакого содержанія. Такая вѣра есть только стремленіе, а не удовлетвореніе, *не совершеніе*. Я же говорю вамъ теперь о христіанской вѣрѣ, которая есть стремленіе, но вмѣстѣ и совершеніе, въ которой совершилось и вѣчно совершается великое таинство воплощенія Бога живыхъ, а не мертвыхъ, въ которой присутствіе Бога не мнимо, а дѣйствительно. Я вамъ говорю о той вѣрѣ, которая есть *знаніе*: знаніе же Бога есть присутствіе Бога въ человѣкѣ. И только эта вѣра можетъ спасти и освободить человѣка: «И познаете Истину и Истина освободитъ васъ».

«Кто не знаетъ Бога, тотъ никогда не очистится и не освободится, потому что человѣкъ, не знающій Бога—внѣ Бога, и начало смерти и грѣха всемогуще въ немъ. Только одинъ Христосъ могъ побѣдить это начало, и человѣкъ долженъ принять въ себя Христа — не одно только страданіе Христа, которое есть только одинъ моментъ его—это дѣлаютъ католики и потому ихъ религія есть вѣчное стремленіе безъ удовлетворенія—

[1] Невѣріе есть единственный грѣхъ противъ Духа истинной религіи, которой сердце въ небѣ, такъ же какъ небо въ ея сердцѣ. Не въ услугахъ, жертвахъ и обѣтахъ, которые Богъ требуетъ отъ человѣка, состоитъ тайна божественнаго благочестія, но скорѣе въ обѣщаніяхъ, исполненіи ихъ и милостяхъ, которыя Богъ даетъ и предоставляетъ лучшимъ изъ людей; не въ важнѣйшихъ и высочайшихъ заповѣдяхъ, которыя онъ налагаетъ, но въ высочайшихъ благахъ, которыя Онъ даритъ; не въ законахъ, но въ божеской милости.

нѣтъ, должно принять страданіе, увѣнчанное его воскресеніемъ. Христосъ воскресъ, а не остался въ гробу, и смерть, и грѣхъ, ведущій къ ней, и страданіе, ихъ необходимая спутница,—побѣждены *воскресеніемъ Спасителя*. Онъ Спаситель, потому что онъ спасъ насъ отъ всемогущества грѣха, страданія и смерти. Гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ нѣтъ благодати. Кто не страдаетъ, тому не нуженъ Христосъ. Но кто нуждается въ освобожденіи, тотъ долженъ принять Его въ себя силою вѣры, которая есть знаніе.

«И познаете Истину и Истина свободитъ вы».

«Да, Alexandrine, тайна жизни глубока. Не ищите ея разрѣшенія въ утѣшеніяхъ какого-нибудь монаха, который, можетъ быть, прекрасный, умный человѣкъ, но который не знаетъ лѣкарства, необходимаго вамъ. Обратитесь къ самой себѣ, дайте свободное развитіе безконечной полнотѣ вашего духа, не стѣсняйте его въ тѣсныхъ рамкахъ безпрестаннаго и безплоднаго вниканія въ себя, дайте ему распуститься въ святой сферѣ Божіей благодати, Божьяго дыханія, скажите себѣ одинъ разъ навсегда: «*Я не только что не отдѣлена отъ Бога тѣмъ, что я грѣшна, но этотъ грѣхъ именно соединяетъ меня съ Нимъ и безъ грѣха я никогда не узнала бы его*».—Увѣрьтесь только въ этомъ, и эта вѣра разорветъ ваши цѣпи и вы вздохнете свободно и почувствуете въ себѣ тайное присутствіе Бога любви, Бога живыхъ, а не мертвыхъ.

«Послушайте, Alexandrine, я не боюсь, чтобъ вы не поняли меня и потому я не боюсь вамъ предложить еще другое. Напишите мнѣ одно совершенно откровенное письмо; откройте мнѣ все, что лежитъ на вашей душѣ. Мнѣ не нужно говорить о томъ, что письмо ваше будетъ читано только однимъ мною и никѣмъ рѣшительно другимъ. Я требую этого отъ васъ, потому что я сознаю, какъ глубоко мое уваженіе и любовь моя къ вамъ. Эта откровенность освободитъ васъ»...

На это письмо Alexandrine отвѣчала тотчасъ же:

«1838. Шашкино. 19 ноября. Вечеръ.

«Давно, слишкомъ давно я не говорила, и теперь у меня сердце замираетъ при одной мысли говорить откровенно. Я слишкомъ сильно чувствую ваше искреннее участіе, ваше доброе желаніе облегчить меня, и мнѣ хочется жить, наслаждаться блаженствомъ моимъ, мнѣ хотѣлось бы сжать крѣпко руку вашу и тихо, безмолвно плакать передъ вами, какъ

однажды въ Москвѣ, въ маленькой комнаткѣ нашей на диванѣ... Моя исповѣдь передъ вами была полная, вы знаете все. Мнѣ кажется, если бъ я захотѣла повторить ее теперь, я возвратилась бы въ то отчаянное положеніе, гдѣ я потеряла помощь и милосердіе Божіе, гдѣ не было для меня Искусителя... Что было, то прошло, и въ эту минуту я помню одно, я помню вчерашній вечеръ и письмо ваше—и не буду умѣть въ многихъ словахъ высказать вамъ, какъ свято мнѣ все, что принимаю отъ васъ, какъ жарко сокровенно горитъ мой внутренній пламень — и вы, быть можетъ, съ жалостью посмотрите на холодную дѣвочку, которую и святой огонь не можетъ подвигнуть къ жизни.—«Чѣмъ безмолвнѣй,—тѣмъ сильнѣй сердечныя желанія». Gerade wenn die Seele am schönsten spricht und tönt, wird sie Andern unsichtbar, wie die Saite verschwindet, wenn sie tönt [1]. Эти четыре мѣсяца, гдѣ я вамъ казалась совершенно оторванной отъ всего живого свѣта, я въ самомъ дѣлѣ не жила въ немъ дѣйствительно, но имѣла его въ созерцаніи;—все, что дѣлала я, все, что думала, было согрѣто любовью, одушевлено мыслью, и эта мысль обращалась все къ одному: познать глубже начало свое, найти неразрывную нить между мною и этимъ началомъ,—и здѣсь то иногда я вновь погружалась въ непроницаемую тьму. Тамъ я видѣла свѣтъ и красоту, но недолго они озаряли меня—мое *паденіе* становилось между мною и этимъ чистымъ, прозрачнымъ, незатемненнымъ, свѣтлымъ и не пускало меня въ храмъ, я не могла перешагнуть черезъ высокій порогъ. Когда исполнялась мѣра страданія, оно стихало само собой,—я не говорила о немъ никому, никто и не спрашивалъ меня. При всей молчаливости моей, во мнѣ наконецъ явилась потребность говорить. Никого нѣтъ возлѣ меня—и я набрела на мысль ѣхать къ монаху. Я рѣшилась на это именно потому, что была увѣрена въ себѣ, — я чувствовала, что непросвѣтленное, фанатическое не могло болѣе имѣть вліянія на меня, душа требовала не того удушливаго, тлѣннаго міра, черезъ который она прошла уже, — она требовала освобожденія. Не новые обѣты, не новыя вериги я хотѣла надѣвать на себя,— нѣтъ, я хотѣла сбросить съ себя все ветхое, новой одежды

[1]) Именно, когда душа настраивается къ прекрасному, это для другихъ такъ же незамѣтно, какъ струна, которая, прозвучавъ, исчезнетъ.

хотѣлъ духъ мой. Я хотѣла, я просила одного слова Спасителя: иди и больше не грѣши, вѣра твоя спасетъ тебя.

«—Вы скажете: безсмысленно было ждать этого отъ монаха. Я думала, что человѣкъ, который неизмѣнно отдался Богу, хоть онъ и фальшиво понялъ Его—вы согласитесь, что простой мужикъ можетъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ наслажденій только гигантскою силою любви, а любовь уже просвѣтляетъ насъ, вызываетъ благодать на насъ,—итакъ я предположила въ немъ богатое содержаніе, преображенное уже силою любви и просвѣтленное даромъ Божіимъ — благодатью; я думала, онъ пойметъ меня, мы сроднимся—и тогда уже его совѣтъ могъ бы имѣть вліяніе на меня...

«Но какъ бы то ни было, меня ожиданіе не обмануло—поѣздка эта дала мнѣ то, что я не переставала просить—капли живой воды, одного дуновенія чистаго заоблачнаго воздуха. И Богъ принялъ молитву: Онъ внушилъ вамъ желаніе говорить и заставить говорить меня. Я хочу вѣрить вамъ: у меня не отнято начало, я взойду вмѣстѣ съ вами въ царствіе любви, въ область свободы Духа—во мнѣ есть сила любви, что за дѣло, что невыговоренной. Wunderthätig ist die Liebe, die sich im Gebet enthüllet. Was denn dem Mann das Leben nur halb getheilt, soll ganz die Nachwelt geben [1])!

«Мнѣ хотѣлось говорить съ вами, но когда я взглянула на листокъ бумаги, едва я смѣла прикоснуться къ нему, а теперь оторваться не хочется: я какъ будто не переставала говорить съ вами. Прощайте. Миръ и благодать съ вами. *Александра*».

Наталья Андреевна Бееръ гостила въ это время въ Премухинѣ и въ Москвѣ [2]); туда пріѣхала за ней и Александра

[1]) Чудодѣйственна любовь, которая открывается въ молитвѣ. Вѣдь то, что человѣку жизнь даетъ лишь вполовину, должно быть полностью отдано ему потомствомъ.

[2]) Въ одномъ письмѣ Т. А. Бакуниной къ В. А. Дьяковой приложены прекрасные стихи И. П. Клюшникова, написанные именно въ это время подъ музыку Нат. Андр. Бееръ, когда она играла какую-то сонату Бетховена:

Они звучатъ, торжественные звуки,
Въ ночной тиши имъ глухо вторитъ даль.
Душа болитъ, полна завѣтной муки,
Мнѣ грудь тѣснитъ знакомая печаль.

Андреевна, а затѣмъ обѣ онѣ уѣхали въ Шашкино весной 1839 г. Передъ отъѣздомъ ихъ Мишель и Татьяна Александровна были также въ Москвѣ, и они, разумѣется, часто видѣлись. Мишель, который, какъ уже было сказано, какъ разъ въ это время пришелъ въ «разорванное состояніе духа», написалъ по возвращеніи въ Премухино Александрѣ Андреевнѣ слѣдующее, довольно характерное для него, письмо [1]):

«Милая Alexandrine! Двѣ недѣли уже почти прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и я до сихъ поръ не могъ еще исполнить своего обѣщанія, не могъ писать вамъ. Я не могу говорить съ другими, когда я не собранъ, не совершенно сосредоточенъ въ себѣ. Да, я все глубже и глубже сознаю, что человѣкъ (по крайней мѣрѣ я) долженъ умѣть всѣмъ быть и все находить въ себѣ для того, чтобы быть вполнѣ для другого. Мое пребываніе въ Москвѣ было для меня важной эпохой.

И плачу я горячими слезами,
И въ памяти унылой чередой
За днями дни и годы за годами
Погибшіе проходятъ предо мной.
Мигъ счастія, мигъ сладкій сновидѣнья!
Жизнь сердца—жизнь у сердца отняла.
Моя тоска не знала раздѣленья,
Моя любовь отвѣта не нашла.
Ни сладкихъ слезъ свиданья, ни разлуки
Горючихъ слезъ нѣтъ въ памяти моей.
Умру одинъ, какъ сладостные звуки
Печально мрутъ въ безмолвіи ночей.
Зачѣмъ я жилъ?.. Безумное роптанье!
Дитя! О чемъ такъ плачу я?
Все благо здѣсь—и скорби и страданья
Святой залогъ иного бытія!
Востокъ горитъ... Готовься, сердце, къ битвѣ!
Пошли мнѣ, Боже, вѣру чистыхъ дней,
Внемли, Господь, внемли моей молитвѣ,
Благослови тоску души моей.
Благослови души моей страданья,
Святой надеждой оживи мнѣ грудь
И отжени грѣховныя мечтанья
И дай любовь, да озаритъ мой путь!

Эти стихи подписаны: *Өеосъ*, что объясняетъ происхожденіе той Ө, которая служила обычнымъ псевдонимомъ Клюшникову.

[1]) Отъ 30 марта 1839 г.

Съ него начинается новая жизнь.—Въ чемъ она будетъ состоять, какое будетъ главное содержаніе ея и какую она приметъ форму,—я этого не знаю, да и не хочу знать: будетъ то и такъ, какъ будетъ. Въ Москвѣ случилось для меня много важнаго. Во-первыхъ я яснѣе созналъ самого себя—какъ цвѣты, такъ и крапиву моей жизни: лучше созналъ то, что мнѣ нужно внутри и со внѣ [1]). Въ Москвѣ я встрѣтился съ Вами, Alexandrine,—и я съ каждымъ днемъ все глубже и глубже чувствую, какъ важна для меня эта встрѣча. Знаете ли, Alexandrine, я часто былъ и много говорилъ съ вами все это время. Оставивъ Премухино на мѣсяцъ, я кажется оторвалъ отъ него навсегда внутреннѣйшую сторону моей жизни. Никогда Премухино не было для меня такъ внѣшне (не въ худомъ смыслѣ этого слова) и никогда не былъ я въ немъ такъ свободенъ, какъ теперь. Въ моихъ отношеніяхъ съ нимъ я уже не могу переноситься за границу разумной дѣйствительности, потому что я хорошо, крѣпко сознаю и совершенно понимаю эту границу. Сливаясь (?) съ сестрами, никогда не былъ я такъ одинъ, такъ погруженъ и такъ сосредоточенъ въ себѣ, какъ теперь. О, каковъ бы не былъ мой міръ, я не хочу разставаться съ нимъ—онъ мнѣ дорогъ, святъ, въ немъ таинственный источникъ моей жизни, въ немъ вся жизнь моя. Остальное почти не касается его.

«Мой внутренній міръ не нашелъ еще себѣ проявленія. Онъ требовалъ исхода, отголоска. И мнѣ кажется, что я нашелъ его въ васъ, Alexandrine.—Постарайтесь пріѣхать въ Попово весною. Есть такія обстоятельства, которыя могутъ надолго разлучить насъ. На внѣшнемъ горизонтѣ моей жизни появились новыя темненькія тучки, которыя могутъ разрѣшиться въ сильную грозу.—и мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, посмотрѣть на васъ прежде этой грозы. Alexandrine, я чувствую себя свободнымъ (съ вами), потому что я обо всемъ могу говорить съ вами. Но для существованія этой свободы необходимо, чтобъ и вы съ вашей стороны разбили крѣпкую непроницаемую кору сердца вашего и вылили бы его въ мое сердце.—Да, безъ этого я не могу быть свободнымъ... Прощайте, покамѣстъ...

[1]) То же приблизительно онъ писалъ нѣсколько позже и Станкевичу, какъ мы уже видѣли, въ большомъ письмѣ отъ 13 мая 1839 г.

«Милая Alexandrine. сегодня я читалъ ваше письмо къ сестрамъ (я не принимаю его на свой счетъ. потому что я ожидаю непосредственнаго и особенно ко мнѣ написаннаго) — и перенесся въ Москву. вспомнилъ всѣ наши разговоры съ вами. Да. Alexandrine. мы теперь можемъ быть друзьями. Ничто внѣшнее не гнететъ меня. До сихъ поръ я оставался всегда погруженный въ глубокое одиночество. и мнѣ нужно призвать васъ и *построить вамъ маленькую избушку въ своей одинокой пустынѣ*. До сихъ поръ я былъ одинъ и только теперь ясно понялъ это. теперь. когда мое послѣднее пребываніе съ вами открыло мнѣ таинство дружбы.—дружба великая. святая. важная вещь въ жизни. Счастливъ. кто имѣетъ друга. Вы первая. Alexandrine. отдали мнѣ меня самого. Въ васъ я нахожу себя. и потому мнѣ такъ легко. весело говорить съ вами. Вы. вѣроятно. увидите маленькое волненіе въ этомъ письмѣ.—Это потому. что уже близко то время. когда произойдетъ рѣшительный переворотъ въ моей внутренней и внѣшней жизни. Много важнаго узналъ и сознаяъ я. выѣхавъ изъ Москвы. Мои внѣшнія обстоятельства (не денежныя) запутались [1]). Много новыхъ враговъ и препятствій ожидаютъ меня —и я радуюсь этому. Значитъ. что пришло время имъ распутываться. Пріѣзжайте. Alexandrine. мнѣ нужно много. много говорить съ вами. Теперь я занятъ важнымъ дѣломъ»...

И дальше онъ сообщаетъ о пріѣздѣ брата Николая и о своихъ подготовительныхъ дѣйствіяхъ къ тому. чтобы сдать ему понемногу свою «должность» и «предаться свободному теченію жизни своей».—то. что мы уже привели въ своемъ мѣстѣ [2]).

Затѣмъ онъ опять обращается къ Alexandrine:

«— Пріѣзжайте. Alexandrine. и пишите мнѣ чаще черезъ Ефремова. Ваши письма только одни имѣютъ силу разрывать мое одиночество. а мнѣ иногда бываетъ тяжело въ немъ...

«Вы играете на фортепіанахъ—я радъ этому. Давайте себѣ волю—ищите вездѣ: въ религіи. искусствѣ. природѣ—осуществленія души вашей. Ищите вездѣ Бога. и вы вездѣ найдете Его: ищите и обрящете. Но ищите его также и въ нашей

1) Онъ имѣетъ тутъ въ виду. вѣроятно. ссоры свои съ друзьями. а можетъ быть, и сознаніе невозможности двигаться далѣе въ наукѣ безъ заграничной поѣздки.

2) Въ главѣ XXX.

дружбѣ,—и вы найдете Его въ ней болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Идѣ-же Духъ святой—ту свобода. Будьте свободны въ отношеніяхъ вашихъ ко мнѣ, потому что въ нихъ пребываетъ Духъ Божій. Прощайте покамѣстъ. Скоро опять буду писать къ вамъ».

Можно легко представить себѣ, какъ это письмо должно было потрясти любящую и сосредоточенную душу Александры Андреевны. Вѣдь она могла принять его за призывъ раздѣлить съ нимъ всю его жизнь. Но дѣло касалось, конечно, лишь раздѣленія внутренней духовной жизни... при томъ въ ближайшее время. И, какъ ей было это ни тягостно, она поняла это. Отвѣтъ ея, вмѣстѣ съ нѣжностью, любовью и затаенною страстью, заключаетъ въ себѣ много тонкости, ума и самообладанія, и изъ него видно, сколько мученія доставляла ей ея экзальтированная дружба съ Мишелемъ. Отвѣтъ свой она писала два дня—3-го и 4-го апрѣля 1839 года.

«Въ первый разъ я увидѣла письмо ваше,—писала она,—днемъ. Всѣ уѣхали, и я невольно открыла свой ящичекъ и нашла тамъ уже не одинъ пакетъ безъ содержанія,—нѣтъ, я нашла письмо ко мнѣ, ко мнѣ одной! Вы хотите дать мнѣ мѣстечко въ вашихъ огромныхъ владѣніяхъ, еще мало населенныхъ,—построить мнѣ избушку. Смотрите—когда выстроятся палаты,—не ломайте ее! Пусть ветхая, бѣдная, она останется подлѣ великолѣпнаго... Вѣдь вы давно уже ее построили—только давно и покинули... Жили, роскошествовали въ палатахъ, но онѣ посломались, требуютъ поправки,—вы вновь перешли въ забытую хижину... Что за странность—бѣдное зданіе даетъ вѣрный пріютъ въ непогоду, а богатое защитить не умѣетъ? Соломенная крыша держится при самомъ порывистомъ вѣтрѣ, а желѣзная въ куски разлетѣлась! Такъ: то, что любитъ насъ,—вѣрнѣе служитъ, чѣмъ то, что любимъ мы; а вмѣстѣ съ тѣмъ: *не по заслугамъ дается*...

«Вы не сердитесь на меня, что я вижу ясно. Вамъ достаточно знать, что мое убѣжденіе не мѣшаетъ мнѣ любить—помиритесь и вы съ нимъ. Тогда наши отношенія будутъ прочны. Мы оба будемъ знать, что̀ они, и не требовать, не искать того, что не вмѣщается въ нихъ.

«Я не буду требовать вашего здороваго, полнаго сердца. Вы не ищете моего открытаго сердца.

«Вы не знаете?—я на него надѣла схиму: на немъ лежитъ покровъ—много крестовъ, а схимники не говорятъ вслухъ,— вотъ ихъ обѣтъ: вотъ обѣтъ сердца моего.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ вы не хотите понять женщину такъ, какъ она есть? Не хотите видѣть, что не вооруженная каждую минуту противъ себя самой, противъ естественной наклонности своего сердца, она (не) могла бы быть въ моихъ отношеніяхъ съ вами?

«— Если хотите моей дружбы, если она дорога, свята вамъ,— согласитесь быть вполнѣ эгоистомъ со мною: не приподымайте моей ноши; повѣрьте только, что съ нею я счастлива. Если бы я освободилась отъ нея, я ничего бы не была для другихъ, и миновалась бы моя жизнь... Я чувствую себя только въ другихъ, потому что никто не находитъ себя во мнѣ—и такъ и осталась бы одна.

«Alle was einsam ist—ist dunkel und schwer [1]). Теперь мнѣ свѣтло—вы во мнѣ. Но я не расплываюсь въ этомъ свѣтѣ, я пристально смотрю на него. Одна минута слабости—и я все бы потеряла!

«Нѣтъ, повѣрьте, вы всегда найдете меня: мнѣ слишкомъ дорогъ нашъ союзъ, чтобъ я пожертвовала имъ: мнѣ не тяжела борьба съ собою, когда побѣда мнѣ дастъ васъ. Я—ваше созданіе. Вы всегда можете черезъ годъ разлуки, по какой бы то ни было причинѣ, возвратиться ко мнѣ безъ всякихъ объясненій: ну оставили, что дѣлать—иначе не могли,—опять вспомнили, когда невольно сердце проситъ пріюта послѣ бури!— Куда ни унесетъ она васъ!

«— А вы хотите, чтобъ я была свободна, чтобъ я съ вами предавалась просьбамъ своего сердца?—Я не хочу, чтобъ вы ѣхали, я не могу разстаться съ вами, мнѣ присутствіе ваше— условіе жизни; останьтесь, или возьмите меня! Ага! не можете отвѣчать? Не можете дать удовлетворенія?—Зачѣмъ же просите!—Нѣтъ,—вы можете имѣть меня только тихую, молчаливую, безъ просьбъ, безъ жалобъ, безъ слезъ, безъ страданья,— и я даю то, что необходимо вамъ. Не просите же, какъ дитя, того, что оно не въ силахъ принять,—и дадутъ ему, а оно невольно выронитъ изъ рукъ... То—игрушка, и дитя—дитя; разо-

[1]) Все, что уединенно,—темно и тяжко.

бьетъ и тосковать не будетъ и не родится въ душѣ неотвязный упрекъ...

«Прощайте. Мнѣ стало—какъ будто въ морѣ все дно взволновалось—и на верхъ всплыло много и драгоцѣнныхъ и грубыхъ каменьевъ, и прекрасныхъ созданій и отвратительныхъ животныхъ—и все вмѣстѣ бродитъ безъ толку. Пусть вода устоится, и небо обѣлитъ ее. Прощайте—скоро пріѣдутъ.—Чай зовутъ наливать. Полно, нѣтъ времени.

«*4 апрѣля. Ночь.*

«Наконецъ все затихло вокругъ меня. Какъ ждала я этой минуты! Отчего же сердце такъ рвалось сегодня, такъ мучительно занывало, такъ сильно просило живого участія?—Не первый день я сижу одна, тихо пріютясь на своемъ диванѣ.—Отчего же сегодня крупныя слезы катились на него?

«Жива ли я для васъ? О, скажите еще разъ: да! Дайте опять слышать себя,—дайте чувствовать мнѣ, что жизнь моя не пустое бремя, но дѣйствіе. Взойдите въ себя—сознайтесь, какъ тяжело жить отлученнымъ отъ милаго...

«Нѣтъ, вы не знаете этого вполнѣ. У васъ является ваша вѣрная опора—наука.

«Но нѣтъ, я не жалуюсь, я просто прошу: пишите! Ефремовъ не былъ сегодня, я сама отсылаю письмо. Вы не удивитесь, нѣтъ?—этой поспѣшности писать едва вы получили первое?—Что дѣлать,—такая грусть наполнила меня, хотѣлось безъ стыда плакать передъ вами... О, вы были здѣсь, возлѣ меня, я говорила вамъ,—меня пугалъ приходъ каждаго, мнѣ становилось досадно, что мнѣ мѣшаютъ. Рѣдко я выговариваю себя,—зачѣмъ же не даютъ мнѣ минуты свободной?

«Но вѣдь это все пустое?.. Васъ не было, а если бы вы были, я не стала бы такъ говорить. Мой внутренній разговоръ съ вами всегда кончается молитвой—или первая молитва переходитъ въ разговоръ съ вами.

«Горько, ахъ, какъ отъ многого мнѣ было горько,—я сѣла въ уголокъ дивана и звала помощь съ неба. Кто знаетъ, этотъ незамѣтный переходъ отъ молитвы къ вамъ—можетъ былъ моимъ спасеніемъ. Я страдала физически,—все затихло, я заснула—и вотъ, здоровая пришла къ вамъ. Гдѣ вы теперь? О, вѣрно вмѣстѣ, но насъ нѣтъ между вами; ночи опять такъ же свѣтлы, какъ помните, въ Москвѣ, когда вы сидѣли у насъ

на полу—потомъ долго шалили, бѣгали съ Татьяной,—я въ первый разъ еще поняла, какъ лишній третій межъ двухъ.— Зачѣмъ же я хочу быть этимъ лишнимъ?—Да отъ того, что чувствую: я лишней быть не могу, я буду умѣть сдѣлать себя незамѣтной, когда буду ненужной...

«Письма сестеръ много способствовали такому грустному расположенію, которое овладѣло мной за нѣсколько часовъ. Богъ мой, я могла бы теперь усладить ихъ, я могла бы сбросить съ нихъ часть ихъ страданій, ходить за ними, какъ за дѣтьми,— видѣть и васъ безъ страха, безъ смущенія,—жизнь моя полилась бы свѣтлою, широкою струей,—зачѣмъ же этотъ потокъ забросанъ каменьями и нѣтъ ему свободнаго теченія?—Вопросовъ много. Никто не шлетъ отвѣта. Скажите, за что же сердита В. А.[1] на васъ?—Она позволила прожить Танюшѣ мѣсяцъ въ Москвѣ, денегъ она издержала столько, сколько она сама вамъ назначила... Скучно вамъ смотрѣть на это лицо? Ахъ, какъ я это знаю!

«Думаете ли вы ѣхать въ Петербургъ? Вѣрно вамъ не дадутъ средствъ—вотъ ихъ слабое орудіе...

«Зима насъ не пускаетъ ни къ вамъ, ни на Кавказъ, а въ городѣ, въ стѣнахъ такъ тоскливо,—едва видишь голубое небо надъ собою... Вы ждали тоже весны—природа такъ много сулила вамъ. Скажите, держитъ ли она слово?—Она иногда умѣетъ давать тамъ, гдѣ не сулила! Помните Нескучное и его соловья? И эту куртинку, гдѣ межъ толпы мы были всегда одни? Кто думалъ, чтобъ эта весна сохранилась въ вашей памяти? Да, минута освобожденія есть великое торжество—минута наслажденій, оглушающій праздникъ... Наша связь есть торжество Духа, чувствуете ли, что вы принадлежите ей только тогда, когда ищете освобожденія; предаваясь ея наслажденіямъ, вы отрываетесь отъ всякой темницы; вамъ страшно труденъ вашъ мучительный переходъ въ нее. Такъ было всегда,—такъ и будетъ. Сила этой связи знаменуется именно этимъ страданіемъ, которое она одна способна принять и уничтожить. Вотъ—таинство дружбы. Я—другъ вашъ, я это чувствую. Вы не легко забудете меня, всякая любовь ваша, каждая женщина приведетъ вамъ на память меня, и вы будете разсказывать о мнѣ -

[1]) Мать Мишеля.

и въ женщинѣ страстной возбудится ревность, а въ женщинѣ, любящей васъ истинно, родится желаніе узнать меня, и сердце ея невольно полюбитъ меня. Но мы не узнаемъ другъ друга, мы не откликнемся на голосъ одна другой. Каждой—своя цѣль, каждой—свое дѣло.

Прощайте. *Александра*».

Александра Андреевна пріѣхала на лѣто въ Попово; но Мишель вскорѣ послѣ этого уѣхалъ изъ Премухина въ Петербургъ, гдѣ пробылъ четыре мѣсяца—до ноября 1839 г., а Александра Андреевна, вмѣстѣ со всѣми Бакуниными, переѣхала въ Москву и оттуда въ августѣ уѣхала въ Шашкино. Выше мы указывали, какъ отнеслась она съ самаго начала къ разыгравшемуся въ Москвѣ роману Александры Александровны съ Боткинымъ. Въ январѣ 1840 г. Мишель ѣздилъ изъ Москвы къ Беерамъ и оттуда вынесъ первые приступы скептицизма по отношенію къ этому роману, приведшіе его въ концѣ-концовъ къ ссорѣ съ Боткинымъ, а затѣмъ и къ новой ссорѣ съ Бѣлинскимъ.

Чувство Александры Андреевны за это время не охладилось, но успокоилось—ушло еще болѣе въ глубь. Изъ переписки Мишеля съ ней видно, что она много читала и думала въ это время и что это поддерживало ея духовную связь съ Мишелемъ.

Въ концѣ февраля или въ самомъ началѣ марта 1840 г. Мишель писалъ ей и Натальѣ Андреевнѣ, что съ увлеченіемъ читаетъ жизнь Фихте... «Вотъ истинный герой новаго времени,—пишетъ онъ,—я всегда глубоко любилъ его и завидовалъ его изумительной силѣ, его способности отвлекаться и отъ всѣхъ постороннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, и отъ общественнаго мнѣнія, для того, чтобы прямо и неутомимо идти къ предположенной имъ цѣли—къ цѣли, просвѣтленной самосознательною истиною и благословенной Богомъ.

«У меня у самого есть нѣчто въ этомъ родѣ,—но мнѣ нужно еще образовать свою силу, способность спокойно опираться на себя и дѣйствовать независимо и наперекоръ всему внѣшнему. Да, я чувствую, съ глубокой радостью чувствую это—во мнѣ возрождается старое, крѣпкое, вдохновенное состояніе духа,—я возвращаюсь къ своему живому источнику—я снова становлюсь самимъ собою.—Постойте, милая Alexandrine, изъ меня выйдетъ хорошій человѣкъ—дайте мнѣ только немножко по-

работать надъ собою... Но возвратимся къ Фихте. Я непремѣнно пришлю вамъ эту книгу и знаю, что она произведетъ на васъ глубокое впечатлѣніе. Одно выраженіе сильно поразило меня,—тѣмъ сильнѣе, что я другими словами на дняхъ написалъ то же самое Бѣлинскому, который все еще хлопочетъ о счастіи. Я ему написалъ, что не всякій человѣкъ долженъ быть счастливымъ, но всякій долженъ быть человѣкомъ. Фихте же выразился въ одномъ письмѣ къ своей любезной гораздо лучше: «*Glückseligkeit* ist nicht der Zweck unseres Daseyns, sondern nur *Glückswürdigkeit* [1]). Впрочемъ *Glückswürdigkeit*—высшее счастье, и потому счастіе есть все-таки цѣль человѣческой жизни—только не въ смыслѣ Бѣлинскаго, для счастья котораго необходимо счастливое столкновеніе внѣшнихъ обстоятельствъ [2]). Вся жизнь Фихте есть жизнь духовнаго, внутренняго героя,—и я еще болѣе люблю Рахель за то, что она его такъ любила. Я непремѣнно пришлю вамъ эту книгу. Если она произведетъ на васъ хоть половину того впечатлѣнія, которое она произвела на меня, то она вамъ дастъ много прекрасныхъ минутъ и прибавитъ вамъ много вѣры въ жизнь и силы для жизни»...

Отвѣчая на это письмо Мишеля, Alexandrine пишетъ ему 4 марта 1840 г. (изъ деревни).

«...Присылайте намъ Фихте, когда кончите его—мнѣ много должно еще учиться жить. Фихте первый пробудилъ во мнѣ потребность отдаться всей своему внутреннему бытію, возвыситься надъ внѣшнимъ,—смотрѣть на него, какъ на случайность, а уважать одну законность. Дайте мнѣ узнать его короче. На меня, Мишель, чтеніе дѣлаетъ не впечатлѣніе простого чтенія, для меня это—не занятіе, какъ для многихъ,—нѣтъ, это живая встрѣча съ тѣми лицами, съ которыми я встрѣчаюсь въ книгѣ. Поэтому я преимущественно и люблю читать жизни или драмы историческія. Для меня романы Гете не были только вымыслами,—то все были люди для меня, съ которыми я жила и вмѣстѣ страдала. Прощайте, хорошій, умный! Давайте пищу и моему слабому уму»...

---

[1]) Цѣль нашего существованія заключается не въ томъ, чтобы быть блаженнымъ, но въ томъ только, чтобы быть достойнымъ блаженства.

[2]) Письмо Мишеля къ Бѣлинскому, о которомъ здѣсь упоминается, и вызвало, вѣроятно, тотъ рѣзкій отвѣтъ со стороны Бѣлинскаго отъ 26 февраля 1840 г., который мы приводили въ предыдущей главѣ.

5 марта она продолжаетъ:

«...Ваша жизнь такъ проста и однообразна снаружи, вы исключили изъ нея все, что со внѣ прикасалось къ ней—это очень хорошо и даетъ много внутренней силы и спокойствія, но пробуждаетъ столько глубокой грусти въ тѣхъ, кто умѣлъ всегда привязываться искренно и быть съ каждымъ для него самого, а не для иной цѣли,—и потому вамъ не можетъ не быть грустно остаться одному. Но вы имѣете все въ своей Glückswürdigkeit; я постоянно смотрю на эту сторону вашей жизни и отъ этого никогда не перестаю вѣрить въ счастье ваше. Да, вашъ золотой періодъ впереди. Вы до сихъ поръ были въ школѣ,—учились теоретически, теперь станете упражняться. Свиданіе съ Варенькой, потомъ со Станкевичемъ, ваша жизнь въ Берлинѣ—вотъ ваше прекрасное близкое будущее, и за нимъ еще столько! Удастся ли знать его или нѣтъ—не знаю, но пока я буду чувствовать себя, я буду чувствовать и то, что съ вами»...

«... Пишутъ ли къ вамъ сестры?—Мы давно не знаемъ ничего о нихъ. Саша давно прервала всѣ отношенія съ нами [1]). Танюша не можетъ теперь свободно писать—такъ и не мудрено, что переписка такъ вяло идетъ. Вотъ сколько и большихъ и мелочныхъ худыхъ послѣдствій ведетъ за собой худо понятое *отреченіе*. Не всѣмъ одинъ путь! Иные должны быть только счастливы, чтобъ давать счастье другимъ. Другіе тоже должны быть счастливы, потому что пока *отреченіе* носитъ на себѣ хоть самую тѣнь *пожертвованія*, оно только тяготитъ другихъ. Должно одѣться въ него, какъ въ ризу свѣта, какъ въ брачную одежду, и такъ богато убранной являться къ друзьямъ своимъ—съ свѣтлою улыбкою... Да, необходимо должно быть счастливой, чтобъ давать счастье. Свойство [2]) женщины быть чистой и прозрачной, какъ свѣтлый кристаллъ. Какъ скоро она задумаетъ таиться, дѣйствовать для какой-то отдаленной цѣли, она уже дѣлается не совсѣмъ пряма и проста и отдаляется отъ своей прекрасной цѣли проливать свѣтъ вокругъ себя, сдѣлать изъ жизни своей одинъ стройный гармоническій звукъ, которымъ бы упивались, заслушивались проходя-

[1]) Повидимому, вслѣдствіе отрицательнаго отношенія Бееровъ къ роману ея съ Боткинымъ.

[2]) Тутъ „свойство“ употреблено въ смыслѣ „назначенія“.

щіе, отдыхали бы въ немъ и шли съ обновленными силами на новые труды.—Это можетъ каждая женщина съ печатью Божіей на челѣ—какъ ни много страданія носила бы въ груди своей. Есть высокія страдалицы, отъ которыхъ проливается много свѣтлыхъ лучей. Кто же мѣшаетъ намъ учиться у нихъ.

«Прощайте. Здоровы ли вы? [1] Это худое средство лѣчиться усиленными трудами. Вамъ надо учиться нѣсколько баловать себя, а не все строже и строже быть. Какъ не люблю я ваши флюсы и вмѣстѣ какъ люблю ихъ! Вы иногда дѣлаетесь капризнымъ дитятей,—а это такъ весело, когда можно утѣшать. Это правда, я немного струсила, но это былъ такой пріятный страхъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ хотѣлось къ вамъ, больному, какъ мнѣ тяжело было видѣть, что чуждое, не родное существо имѣло такой свободный доступъ къ вамъ, а я со всей сильной потребностью быть съ вами, читать вамъ, развлекать васъ, не могла ничего. Вы вѣрно позвали бы меня къ себѣ. Но нѣтъ—этого не случилось. Вы позвали меня въ другое время. Но что за дѣло и это было счастье для меня. Вы никогда не были виноваты, когда я чувствовала себя неудовлетворенной. Я была виновата, что предавалась съ такимъ возмутительнымъ нетерпѣніемъ тайнымъ желаніямъ своимъ—слишкомъ живо являлась мнѣ возможность невозможнаго! Я жила въ немъ и меня каждый день какъ будто удивляло, что нѣтъ для меня желаннаго призыва. Я ждала и надѣялась.

«—Du hast gehofft — dein Lohn ist abgetragen» [2]—вотъ что было отвѣтомъ на всѣ пламенныя просьбы сердца.

Ja «zwei Blümen bluhen für den weisen Finder—Hoffnung und Genuss.

Wer dieser Blümen eine brach, begehre
Die andre Schwester nicht“ [3]).

«Да, вы во всемъ правы передо мною: все, что страданіе—то отъ меня, что было мнѣ жизнью, наслажденіемъ въ нашихъ

---

[1]) Мишель былъ боленъ тогда флюсомъ, о чемъ онъ упоминалъ въ письмѣ къ сестрѣ В. А. Дьяковой.

[2]) Ты надѣялся,—этимъ ты вознагражденъ.

[3]) Да „Два цвѣтка цвѣтутъ для мудраго находчика: они называются Надежда и Удовлетвореніе. Кто изъ этихъ двухъ цвѣтковъ сорвалъ одинъ,—не требуй другого“.—Изъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера: „Resignation“. Это стихотвореніе часто цитировалось въ кружкѣ Станкевича.

отношеніяхъ—то отъ васъ. Два-три мѣсяца полной безотрадности нераздѣленнаго горя въ присутствіи друга есть моя вина, два-три вечера, гдѣ вы призывали меня, есть прекрасное воспоминаніе счастья, которое вы умѣете давать мнѣ, которымъ я не всегда умѣла пользоваться. Худое *я* не всегда бываетъ покорно хорошему, а мнѣ надо быть очень хорошей, чтобъ быть постоянно счастливой. Мое счастье можетъ быть не иное, какъ *Glückswürdigkeit*,—другого я не узнаю и перестала хлопотать о немъ. Прощайте. *Александра*».

На это письмо Мишель отвѣчалъ 15 марта 1840 г.:

«Милая Alexandrine! Жизнь пережить — не поле перейти — говоритъ пословица (вы видите, какъ заразительны худые примѣры—вотъ и я заговорилъ пословицами по примѣру Натальи). Человѣкъ рожденъ для счастья – въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Это его вообще существенное опредѣленіе. Но оно видоизмѣняется до безконечности органическими и внѣшними условіями, воспитаніемъ, привычками, которыя еще прежде, чѣмъ человѣкъ достигнетъ полнаго самосознанія, уже успѣваютъ дать частное, ограниченное направленіе его всеобщему безграничному человѣческому существу. Потомъ наступаетъ періодъ борьбы, стремленіе къ безконечному, къ отрицанію всякой враждебной внѣшней и внутренней опредѣленности. Въ этомъ періодѣ много прекраснаго, много истиннаго, но вмѣстѣ много и ложнаго, внѣшняго: много ошибокъ, за которыя впослѣдствіи человѣкъ дорого поплачивается. Послѣ него наступаетъ третій періодъ — періодъ крѣпкаго, смѣлаго, но вмѣстѣ и осторожнаго и опытнаго движенія впередъ къ цѣли, къ дѣйствительно безконечному; періодъ, обогащенный прошедшею опытностью. Мы переживаемъ теперь, Alexandrine, этотъ третій періодъ. Въ немъ, повидимому, уже нѣтъ эксцентричной непобѣдимой силы второго періода, но это только *повидимому*, потому что сила не исчезла, но ушла вглубь. Какая-нибудь мелочь, обманчивый призракъ уже не въ силахъ вызвать ее наружу, какъ прежде. Но это только потому, что въ призракахъ она уже не находитъ болѣе жизни. Ей нужна дѣйствительность—не въ смыслѣ Бѣлинскаго, но истинная дѣйствительность, такая, душою которой была бы безконечность. Въ насъ по прежнему кипятъ жизненныя силы, стре-

мящіяся обнять всю безконечность міровой жизни. Но мы не тратимъ ихъ по мелочамъ, не позволяемъ имъ разбрасываться,— зная изъ прошедшаго опыта, что онѣ дѣйствительно сильны только когда онѣ связаны неразрывнымъ единствомъ единаго самообладающаго Духа. *Самообладаніе*, гармоническое теченіе жизни, какъ необходимыя условія человѣческаго достоинства и счастья, какъ вѣрныя средства къ достиженію цѣли—вотъ наша теперешняя девиза.

«Милая Alexandrine,—писалъ Мишель въ заключеніе своего письма,—продолжайте мнѣ писать такъ же свято и откровенно, какъ теперь. Ваша дружба становится мнѣ все болѣе и болѣе необходима. Вѣрьте въ жизнь и въ себя. Вы сами не знаете себя, а вы рождены для человѣческаго счастья и исполните назначеніе свое. Не отчаивайтесь въ своей мнимой неподвижности. Придетъ время, и вы сознаете, что вы прошли огромное пространство—человѣкъ идетъ большею частью безсознательно.

Прощайте. Вашъ *М. Бакунинъ*».

Черезъ три мѣсяца послѣ этого письма Бакунинъ, уже болѣе не видавшійся съ Alexandrine, уѣхалъ за границу, не успѣвъ лично проститься со своими друзьями Беерами [1]).

Изъ-за границы онъ имъ много писалъ въ первые годы своего пребыванія тамъ. Но романы его съ обѣими сестрами съ отъѣздомъ его за границу кончились, а для нихъ началась новая полоса жизни, при чемъ судьба ихъ не разъ еще переплеталась съ судьбою отдѣльныхъ членовъ семьи Бакуниныхъ.

Прежде чѣмъ разстаться надолго съ Александрой Андреевной Беерь, я хотѣлъ бы сказать здѣсь еще нѣсколько словъ по поводу только что описаннаго ея романа съ Мишелемъ. Кто читалъ переписку Беттины съ Гёте и извѣстные «дневники» Беттины, подумаетъ, пожалуй, что письма Александры Андреевны къ Мишелю,—въ особенности письмо ея отъ 17 февраля 1838 г., послѣ перваго посѣщенія Мишелемъ Шашкина,—не

---

[1]) Въ прощальномъ письмѣ, которое Мишель отправилъ къ Беерамъ (двумъ сестрамъ и брату ихъ Константину) за нѣсколько часовъ до посадки своей на пароходъ (29 іюня 1840 г., 6 час. утра), онъ имъ писалъ между прочимъ: „...Все, что только войдетъ въ жизнь мою, будетъ вамъ извѣстно. Могу ли я надѣяться и отъ васъ того же самаго? Не оставляйте же меня, друзья! Это была бы для меня ужасная, невозвратная потеря!..“

болѣе, какъ простыя подражанія письмамъ Беттины къ Гёте. Такое предположеніе будетъ однако невѣрно. Судя по тому, что Александра Андреевна проситъ именно въ этомъ письмѣ Мишеля прислать ей «Беттину», которую онъ переводилъ тогда, можно даже думать, что письмо это было написано прежде, чѣмъ сама Александра Андреевна прочла переписку Беттины. Во всякомъ же случаѣ въ немъ столько искренности и неподдѣльнаго личнаго чувства, что тутъ никакъ нельзя допустить подражанія. И если форма ея письма дѣйствительно напоминаетъ форму писемъ Беттины, а, можетъ быть, и была навѣяна ими, то во всякомъ случаѣ содержаніе ихъ и всѣ чувства этой оригинальной и глубокой дѣвушки были вполнѣ искренни и самобытны.

ГЛАВА XXXII.

Зима 1839—1840 г.—Дружба Мишеля съ братомъ Павломъ.—Плохое настроеніе духа Мишеля и разсѣянный образъ жизни въ Москвѣ.—Московскіе кружки и салоны.—Отношеніе Бакунина къ Чаадаеву и Кирѣевскимъ.—Сближеніе его съ кружкомъ Герцена и Огарева.—Споры Бакунина и Бѣлинскаго съ Герценомъ о „разумной дѣйствительности".—Когда произошло знакомство Герцена съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ?—Рѣшеніе Мишеля не откладывать долѣе свою поѣздку въ Берлинъ.—Обращеніе его къ отцу въ письмѣ отъ 23 марта 1840 г.—Письмо его къ Татьянѣ Александровнѣ.—Отвѣтъ Александра Михайловича.—Предложеніе помощи со стороны Герцена и письмо къ нему Бакунина 20 апрѣля 1840 г.—Отношеніе Бѣлинскаго къ предпріятію Мишеля въ письмѣ безъ даты.—Приглашеніе Бакунина къ болѣе дѣятельному сотрудничеству въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Зиму 1839—1840 года Михаилъ Бакунинъ прожилъ въ Москвѣ, пріѣхавъ туда въ самомъ концѣ ноября 1839 г. (почти прямо изъ Петербурга—съ кратковременнымъ лишь заѣздомъ въ Премухино) и пробывъ тамъ почти безвыѣздно [1]) до апрѣля 1840 года. Эту зиму онъ жилъ преимущественно съ младшими братьями, уже поступившими въ университетъ, и съ ихъ товарищемъ Константиномъ Бееромъ, младшимъ братомъ Натальи и Александры. Изъ братьевъ своихъ Мишель въ это время особенно сблизился съ Павломъ, съ которымъ у него образовались дружескія отношенія еще съ весны 1839 г. Сохранилось въ архивѣ письмо Михаила Бакунина къ Павлу отъ 12 февраля 1839 г. изъ Премухина, которымъ опредѣленно отмѣчается начало интимныхъ отношеній между двумя братьями, развившихся впослѣдствіи и особенно сильно и ярко проявившихся во время заграничной жизни Мишеля. Вотъ это письмо [2]):

---

[1]) За исключеніемъ кратковременной отлучки въ Шашкино въ январѣ 1840 г.

[2]) Письма этого не было въ архивѣ. Оно нашлось впослѣдствіи въ старомъ бумажникѣ Павла Александровича, совершенно порыжѣвшее и полуистлѣвшее. Очевидно, Павелъ Александровичъ, особенно дорожа этимъ письмомъ, носилъ его при себѣ.

«Понедѣльникъ, кажется 12 февраля 1839 г. Премухино.

«Милый Пашенька! Позанявшись немного греческимъ языкомъ, я легъ на диванѣ для того, чтобъ подумать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ; какъ вдругъ вошла ко мнѣ Настасья Константиновна и принесла мнѣ разныя бумажки, оставленныя вами [1]). Между ними я нашелъ твои записки и началъ машинально читать ихъ. Потомъ сталъ мало по малу вчитываться въ нихъ, и вдругъ совершенно очутился въ тебѣ, въ твоихъ вопросахъ, мученіяхъ, сомнѣніяхъ. Нѣтъ, другъ, я до сихъ поръ не зналъ тебя и только что съ тобой познакомился. Я не думалъ, чтобы твои вниканія въ себя могли принять такой важный, разумный характеръ. Это уже не ребячество—въ твоихъ запискахъ выговорена глубокая потребность жизни и глубокое страданіе неудовлетворенной потребности. И, *знаешь*-ли, Паша,—ты съ перваго раза попалъ на то, въ чемъ заключается разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и всѣхъ сомнѣній. Ты требуешь *вѣры* и *любви* и ты не находишь ихъ въ себѣ... Другъ! мы родились въ черное время, гдѣ внѣшній міръ не только что не можетъ дать намъ того, что намъ надобно, но, напротивъ, рождаетъ сомнѣніе, дѣлаетъ смѣшнымъ законность самого вопроса. Другъ! Я не могу еще дать тебѣ совершенно того, что тебѣ надобно, но я много, много пережилъ, перестрадалъ. Я также жажду любви и вѣры;—въ нихъ и въ *надеждѣ* на нихъ вся жизнь моя. Дай же руку, мы поймемъ другъ друга:—когда мы будемъ вмѣстѣ, тогда ты не скажешь: ***я одинъ.***

«Любовь между двумя человѣками есть уже присутствіе Бога въ нихъ, и эта Любовь будетъ предтечею всеобщей любви въ насъ. Другъ, будь откровененъ со мною. Во мнѣ много болѣзней, много тѣни и мало свѣту, но во мнѣ сильна вѣра въ воскресеніе, и я передамъ тебѣ эту вѣру вмѣстѣ съ моею жизнію. Будемъ же любить другъ друга, перестанемъ быть другъ для друга внѣшними и будемъ искать рука объ руку того, что составляетъ сущность жизни, и безъ чего нѣтъ жизни,—Вѣры и Любви просимъ мы! Она дастся намъ—это вѣрно, это несомнѣнно.

«Паша,—и такъ, дай мнѣ руку, братъ и другъ, на истин-

[1]) Мальчики пріѣзжали изъ Твери на масленую.

ную дружбу,—а истинная дружба не терпитъ никакой внѣшности.

«Я написалъ тебѣ, потому что говорить труднѣе. Ты отвѣть мнѣ въ Москву».

Пріѣхавъ изъ Петербурга въ концѣ ноября 1839 г., Мишель, какъ я уже сказалъ, поселился съ братьями студентами и Константиномъ Беером. Сестры переслали ему его книги; но занятія его въ это время шли, повидимому, плохо. Онъ былъ въ дурномъ состояніи духа.

Переѣхавшій въ это время въ Москву съ молодой женой Огаревъ, описывая новыхъ знакомыхъ своихъ, писалъ о Бакунинѣ Герцену: «Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, то погружается въ шахматную игру,—такъ, что уже не слышитъ, что говорятъ»... Это было такъ мало похоже на прежнія привычки Мишеля, что могло свидѣтельствовать, конечно, лишь о «разорванномъ настроеніи», въ которомъ находился его духъ. Игра въ шахматы вмѣсто бесѣдъ и проповѣдей—это для Мишеля было все равно, что запой или кутежи съ отчаянія для другого. Впрочемъ, какъ мы видѣли, если и не кутежи въ прямомъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ веселое и разсѣянное времяпрепровожденіе было тоже въ большомъ ходу въ это время въ московскихъ кружкахъ, въ которыхъ вращался Мишель. Музыкальные вечера съ обильными и вкусными ужинами у Боткина, спектакли и вечера у Огаревыхъ, частое посѣщеніе театровъ—все это мало соотвѣтствовало вкусамъ и взглядамъ Мишеля, и онъ недаромъ писалъ Станкевичу, что боится опошлиться въ этой атмосферѣ московской жизни. Иной характеръ имѣли дневные журфиксы у Чаадаева (по понедѣльникамъ) и вечера у Кирѣевскихъ (по средамъ), гдѣ процвѣтали бесѣды и диспуты на различныя, часто и философскія, темы. Но здѣсь Мишель бывать не любилъ: у Чаадаева была слишкомъ чопорная для него обстановка, гдѣ онъ не могъ себя чувствовать свободно: у Кирѣевскихъ же, на ряду съ друзьями Бакунина—Боткинымъ, Аксаковымъ, Грановскимъ и новыми, только что пріѣхавшими изъ-за границы одновременно съ Грановскимъ, молодыми профессорами Крюковымъ и Рѣдкинымъ,—бывали и старые пріятели Кирѣевскихъ -Погодинъ, Шевыревъ, Хомяковъ и Языковъ, съ которыми у членовъ

кружка Станкевича, особенно же у Бѣлинскаго и Бакунина, давно уже сложились опредѣленно враждебныя отношенія. Бакунинъ и теперь — послѣ прекращенія *Московскаго Наблюдателя* и отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ — не только чувствовалъ къ этому кружку прежнее враждебное отношеніе, но и считалъ необходимымъ поддерживать *принципіально* непримиримое отношеніе къ нему. Въ одномъ письмѣ Грановскій жаловался на эту нетерпимость Мишеля Станкевичу. «Вчера у насъ была, — писалъ онъ 15 февраля 1840 г., — схватка съ Бакунинымъ. Онъ далъ мнѣ понять, что я дурно дѣлаю, посѣщая общество Кирѣевскихъ. Странный человѣкъ! Я понимаю теперь, что Боткинъ и Бѣлинскій называютъ его абсолютистомъ»... И дальше онъ пишетъ: «Я хорошо знаю слабыя стороны Кирѣевскихъ: ихъ убѣжденія не сходны съ моими; я считаю ихъ даже вредными—и въ данномъ мнѣ кругу дѣятельности борюсь съ ними. Какъ преподаватель я всегда буду нападать на подобныя мнѣнія; какъ писатель (если буду писать) также,—но какъ частный человѣкъ я съ удовольствіемъ бываю у нихъ. Что ни говори—они люди образованные, мыслящіе (хотя и вкось), съ глубокими интересами и высокой честности,—не въ пошломъ смыслѣ»... И надо сказать, что въ сущности въ тотъ моментъ дѣло вѣдь шло—въ особенности для Бакунина—вовсе не о разницѣ въ политическихъ взглядахъ. Въ этомъ отношеніи во взглядахъ Мишеля было гораздо меньше разницы съ Кирѣевскими и ихъ кругомъ, нежели у Грановскаго: Грановскій тогда гораздо опредѣленнѣе стоялъ на точкѣ зрѣнія западническаго либерализма, нежели Мишель, который еще очень могъ, наравнѣ съ Кирѣевскимъ, порицать французскій либерализмъ и романтизмъ. Для Бакунина дѣло тутъ шло скорѣе о разницѣ въ философско-религіозныхъ воззрѣніяхъ, а она-то и открывала ему возможность къ самымъ интереснымъ диспутамъ, до которыхъ онъ прежде былъ такой охотникъ и въ которыхъ всегда признавался однимъ изъ самыхъ сильныхъ и мастерскихъ діалектиковъ. Поэтому я думаю, что отрицательное отношеніе его въ 1839—1840 гг. къ диспутамъ на вечерахъ у Кирѣевскихъ наравнѣ съ новымъ пристрастіемъ къ шахматной игрѣ, о которомъ свидѣтельствовалъ Огаревъ, показывали лишь, что онъ пришелъ въ то «разорванное состояніе духа», на которое онъ самъ неоднократно въ то вре-

мя указывалъ. Это состояніе духа происходило въ немъ главнымъ образомъ отъ сознанія необходимости для дальнѣйшаго самостоятельнаго движенія въ сферѣ изученія философіи и достиженія того знанія, къ которому онъ стремился, поѣхать за границу и отсутствія всякихъ средствъ для осуществленія этой поѣздки.

Какъ бы то ни было, отказываясь отъ всякаго общенія съ салонами Кирѣевскихъ и Чаадаева, Бакунинъ гораздо охотнѣе посѣщалъ въ это время кружокъ старинныхъ друзей Герцена, группировавшихся теперь вокругъ Огарева, несмотря на то, что этотъ кружокъ по своимъ воззрѣніямъ, казалось бы, былъ въ тотъ моментъ еще дальше отъ Бѣлинскаго и Бакунина, нежели Кирѣевскіе. Тѣмъ не менѣе здѣсь скоро произошло сближеніе, начавшееся, кажется, черезъ Кетчера, который былъ близокъ въ прежнее время съ Герценомъ и его друзьями, а въ періодъ ихъ ссылки близко сошелся съ Бѣлинскимъ и другими, оставшимися въ Москвѣ, членами кружка Станкевича. Можетъ быть, сближеніе облегчалось тутъ еще тѣмъ, что члены обоихъ этихъ кружковъ были люди одного поколѣнія, тогда какъ въ кружкѣ Кирѣевскихъ тонъ давали лица, принадлежавшія къ болѣе старымъ формаціямъ московской интеллигенціи. Какъ бы то ни было, но уже весной 1840 года Бакунинъ былъ на ты и съ Герценомъ и съ Огаревымъ.

Теперь чрезвычайно трудно установить, гдѣ и какъ состоялось первое знакомство Герцена съ Бакунинымъ и въ особенности съ Бѣлинскимъ. Съ одной стороны, по датамъ, по крайней мѣрѣ, офиціальнаго выѣзда Герцена изъ Владиміра и по перепискѣ Бѣлинскаго съ Боткинымъ [1], выходитъ, что Герценъ могъ встрѣтиться съ Бѣлинскимъ только въ Петербургѣ зимой 1839—1840 г.; съ другой стороны, самъ Герценъ совершенно опредѣленно разсказываетъ, что знакомство съ Бѣлинскимъ и первые горячіе споры между ними о разумной дѣйствительности и существующемъ строѣ, въ которыхъ принималъ участіе и Бакунинъ, происходили въ Москвѣ передъ отъѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ. Разсказывая о своемъ

---

[1]) *Пыпинъ*. „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, II, стр. 15, 41, 79, 80 (I изд.). Сравн. тоже въ новомъ изданіи „Писемъ“ Бѣлинскаго, сдѣланномъ г. Ляцкимъ. Спб., 1914, томъ I и II passim.

знаменитомъ спорѣ съ Бѣлинскимъ о разумной дѣйствительности и русскомъ самодержавіи, который закончился тѣмъ, что Бѣлинскій прочелъ Герцену, какъ бы дразня его, «Бородинскую годовщину» Пушкина, Герценъ писалъ:

...«Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размоловка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ «Бородинская годовщина».

«Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми»...

Всѣ эти сцены, описанныя неподражаемымъ перомъ Герцена, такъ живо встаютъ передъ нами, что не можетъ притти въ голову никакого сомнѣнія относительно вѣрности и точности ихъ изображенія. А между тѣмъ, по точнымъ документальнымъ даннымъ, все это не могло происходить вполнѣ такъ, какъ описываетъ Герценъ. Если даже допустить,—что̀, повидимому, не согласуется съ данными, сообщенными въ письмахъ Бѣлинскаго къ Боткину,—что Герценъ познакомился и вступилъ въ первые споры съ Бѣлинскимъ еще въ Москвѣ, куда онъ могъ наѣзжать (и дѣйствительно наѣзжалъ) изъ Владиміра incognito, еще до офиціальнаго окончанія своей ссылки, — то тогда въ этихъ спорахъ не могъ принимать никакого участія Бакунинъ, ибо мы точно знаемъ, что во время отъѣзда Бѣлинскаго изъ Москвы (20 октября 1839 г.) Бакунинъ находился въ Петербургѣ (съ 16 іюля до 14 ноября 1839 г.).

Эти свои воспоминанія Герценъ писалъ уже въ началѣ 50-хъ годовъ, и, разумѣется, къ тому времени въ памяти его многое могло обобщиться и принять въ значительной мѣрѣ видоизмѣненныя формы. Вѣроятно, такъ было и въ этомъ случаѣ. Споры, которые Герцену пришлось вести, можетъ быть, и порознь съ

Бѣлинскимъ и съ Бакунинымъ, впослѣдствіи соединились у него въ памяти, и онъ представилъ ихъ въ видѣ законченныхъ художественно воспроизведенныхъ сценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій въ декабрѣ 1839 и въ началѣ 1840 г. еще очень враждебно упоминаетъ о Герценѣ [1]) и находитъ встрѣчи съ нимъ даже для себя нежелательными [2]), тогда какъ Бакунинъ сходится именно въ это время и съ Огаревымъ и съ Герценомъ уже по-пріятельски.

Стремленіе Бакунина уѣхать во что бы то ни стало за границу доходитъ въ это время до апогея. Страхъ опошлиться доходитъ въ немъ до того, что онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Татьянѣ Александровнѣ,—которое мы приведемъ ниже,—что если ему не удастся достать средствъ на поѣздку въ Берлинъ и въ этотъ разъ, то онъ твердо рѣшилъ уѣхать изъ Москвы и въ крайнемъ случаѣ надѣть опять военный мундиръ и отправиться на Кавказъ, но не прозябать долѣе въ Москвѣ или Премухинѣ въ бездѣятельномъ состояніи.

Въ такомъ настроеніи онъ рѣшается, несмотря на враждебное отношеніе, въ которомъ онъ вновь находился по возвращеніи изъ Петербурга съ родителями [3]),—обратиться къ отцу съ просьбой дать ему средства на заграничную поѣздку.

Въ огромномъ, весьма обстоятельномъ и обдуманномъ письмѣ къ отцу отъ 23 марта 1840 г., послѣ весьма дипломатическаго вступленія, гдѣ онъ упоминаетъ о всѣхъ ранѣе бывшихъ недоразумѣніяхъ между нимъ и родителями, Мишель превосходно аргументируетъ свою просьбу, видимо стараясь стать на точку зрѣнія, наиболѣе понятную и пріемлемую для его отца:

«...Я болѣе и болѣе сознаю необходимость выйти изъ неопредѣленности своего внѣшняго, а слѣдовательно и внутренняго положенія и выбрать такой родъ дѣятельности, который, давъ мнѣ вѣрный кусокъ хлѣба и званіе въ обществѣ, позволилъ бы мнѣ быть вмѣстѣ и полезнымъ моему отечеству,—полезнымъ по мѣрѣ силъ моихъ. Я уже вышелъ изъ той экзальтаціи, которая меня заставляла думать, что человѣкъ можетъ

---

[1]) ***Пыпинъ***, назв. сочин., II, стр. 15 и 41. „Письма", II, стр. 18, 121 и 162.

[2]) Тамъ же, стр. 15, „Письма", II, стр. 18 и 132. Срав. П. В. Анненковъ и его друзья", Спб., 1892 г. „Идеалисты тридцатыхъ годовъ", стр. 76 и 77.

[3]) Изъ-за вопроса о предстоявшемъ выходѣ замужъ Александры Александровны за Боткина.

безнаказанно оторваться отъ всѣхъ общественныхъ условій и вслѣдствіе которой всякая опредѣленность казалась мнѣ стѣсненіемъ безконечности внутренняго міра человѣка»...

Упомянувъ затѣмъ, что онъ не хочетъ удовольствоваться званіемъ простого учителя, такъ какъ оно очень мало можетъ его обезпечить и не дастъ ему того положенія въ обществѣ, на которое онъ считаетъ себя въ правѣ разсчитывать и по своему званію, и по своему воспитанію, онъ продолжалъ такъ: «Итакъ мнѣ предстоитъ теперь выборъ такого рода дѣятельности, которая бы соотвѣтствовала направленію моего духа и моимъ внутреннимъ и внѣшнимъ средствамъ. Мнѣ предстоитъ выборъ между хозяйствомъ, военною, гражданскою или ученою службою...»

Ставъ, такимъ образомъ, сразу на ту самую точку зрѣнія, на которой стоялъ Александръ Михайловичъ въ своемъ письмѣ къ нему, отправленномъ въ Петербургъ еще въ сентябрѣ 1839 г.[1], Мишель старался и дальше говорить на одномъ языкѣ со своими родителями. Несмотря на это, письмо его не потеряло въ силѣ внутренняго убѣжденія; изъ каждой строчки его видно, что онъ защищаетъ свой кровный, жизненный интересъ:

«...Я знаю, какъ вы желаете, любезные родители,—писалъ онъ дальше, — чтобъ я занялся хозяйствомъ, — я понимаю и чувствую, что единственный источникъ вашего желанія есть благосостояніе дѣтей вашихъ, — благосостояніе, которому вы посвятили большую часть своей жизни. Я чувствую, какъ законно ваше требованіе, любезный Батюшка, и какъ непонятно и странно должно вамъ казаться, что я отстраняюсь отъ исполненія его,— вамъ, которые по требованію вашей матери оставили и свою карьеру и блистательную будущность, для того чтобъ зарыться на всю жизнь въ деревнѣ. Я вполнѣ чувствую, какъ велика была жертва, принесенная вами семейству; — но позвольте мнѣ замѣтить одно, Батюшка: когда вы рѣшились удалиться въ деревню для того, чтобъ исключительно заниматься хозяйствомъ, тогда внутреннее развитіе ваше уже достигло своего дѣйствительнаго совершенія; вы уже много знали, видѣли, испытали и потому имѣли въ своей внутренней

[1] См. главу XXXI.

жизни крѣпкую опору и вѣрное убѣжище отъ всѣхъ суетъ и часто тяжелыхъ отрицаній жизни. Я понимаю, что вамъ тяжело, очень тяжело было оторваться отъ карьеры, которую вы любили, и отъ будущности, на которую вы имѣли полное право надѣяться, и что, сдѣлавъ это, вы принесли огромную жертву семейству, но, съ другой стороны, мнѣ кажется, что жертва эта была для васъ возможна, потому что вы уже были тогда крѣпкимъ, дѣйствительнымъ человѣкомъ, съ широкою и опредѣлившеюся внутреннею жизнію.

«Мое положеніе, любезные Родители, совершенно другое. Въ душѣ моей еще ничто не уложилось, она не достигла еще того крѣпкаго и гармоническаго порядка, который составляетъ необходимое условіе внутренней дѣйствительности; не смотря на мою сильную, надъ всѣмъ другимъ преобладающую потребность знать, я еще очень мало знаю. Вы, можетъ быть, скажете, что я самъ виноватъ въ этомъ; я не стану спорить, любезные Родители, напротивъ, я соглашусь съ вами, что я самъ много виноватъ въ неопредѣленности своего положенія, я знаю это и хочу употребить всевозможныя средства, для того чтобъ возвратить утраченное и поправить испорченное. Я предвижу, что вы мнѣ скажете, что исполненіе обязанностей есть лучшее средство къ достиженію того внутренняго мира, той внутренней дѣйствительности, къ которымъ я стремлюсь, и что обязанности сына и брата принадлежатъ къ священнѣйшимъ обязанностямъ человѣка. Да, любезные Родители, не только холодный и желѣзный долгъ, но и любовь къ вамъ, къ сестрамъ и братьямъ,—любовь, которую вы отрицаете во мнѣ, но которая пребываетъ въ душѣ моей, — должна бы была также заставить меня согласиться на исполненіе вашего желанія. Быть дѣятельнымъ помощникомъ вашимъ въ устроеніи семейнаго благосостоянія, сколько-нибудь вознаградить васъ трудами своими за всѣ пожертвованія, принесенныя вами семейству, и доказать вамъ тѣмъ, что моя любовь къ вамъ не пустыя слова, но живое чувство, быть опорою сестеръ, которыя мнѣ дороже всего въ мірѣ, и братьевъ, съ которыми я также тѣсно связанъ,—о, я понимаю, какъ великъ и какъ благороденъ этотъ подвигъ, сколько въ немъ можетъ быть отрады и внутренняго счастья, неразрывно связаннаго съ чувствомъ исполненнаго долга и доказанной, осуществленной любви. Итакъ, спросите

вы меня, если я такъ хорошо понимаю всю святость семейной обязанности, что жъ удерживаетъ меня отъ исполненія ея?— Любезные Родители, у меня можетъ быть только одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ, который я вамъ часто повторялъ и удовлетворительность котораго вы никогда не хотѣли признать: *меня удерживаетъ и связываетъ моя безграничная потребность знанія—потребность, составляющая коренную основу и внутреннѣйшую сущность всего моего духовнаго существованія.* Я знаю, вы не вѣрите этой потребности, вы видите въ ней фразу, пустую претензію, и если бъ было возможно не упоминать объ ней, то я не сказалъ бы объ ней ни слова. Тяжело, мучительно тяжело открывать свой задушевный внутренній міръ, когда знаешь, что тотъ, передъ кѣмъ обнаруживаешь его, не вѣритъ и видитъ громкія пустыя фразы въ самыхъ искреннихъ движеніяхъ души, — и я постараюсь быть по возможности короче, для того, чтобы не утомить вашего вниманія. Батюшка, неужели потребность, нисколько не уменьшившаяся въ продолженіи четырехъ лѣтъ постоянной и трудной работы, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ усиляющаяся во мнѣ,—не есть дѣйствительная потребность? Неужели пустая, фразерская претензія могла заставить меня отказаться отъ всѣхъ внѣшнихъ наслажденій и удобствъ свѣта, для того чтобъ съ утра до вечера сидѣть за занятіями, которыя бываютъ иногда очень тяжелы, потому что военное воспитаніе и моя прежняя лѣнь оставили огромные пробѣлы въ моихъ познаніяхъ? Откуда же во мнѣ эта несокрушимая сила вѣры въ возможность побѣжденія всѣхъ предстоящихъ мнѣ трудностей и въ достиженіе моей единственной цѣли,—истиннаго и дѣйствительнаго знанія?—Вы мнѣ нѣсколько разъ говорили, любезные Родители, что я не хочу служить и хозяйничать единственно только изъ эгоизма и изъ лѣни. Но эгоизмъ и лѣнь не состоятъ ли именно въ томъ, что, избѣгая всякаго труда и всякаго самоотрицанія, человѣкъ старается пользоваться всѣми внѣшними удобствами и благами жизни? Путь же, избранный мною, требуя безпрерывнаго труда и абсолютнаго самоотрицанія, представляетъ мало внѣшнихъ удобствъ и мало средствъ для наслажденія внѣшними благами жизни.

«Вы, можетъ быть, скажете, что, нисколько не отрицая и не осуждая моей потребности знанія, вы осуждаете ее только,

когда она становится крайностью и заглушаетъ собою всѣ другія, необходимыя движенія души; что наука не должна занимать всего моего времени, что она должна быть соединена съ другими, важнѣйшими занятіями хозяйствомъ или службой, и изъ исключительнаго занятія превратиться въ отдохновеніе отъ ежедневныхъ трудовъ. — Любезные Родители, я не отрицаю возможности такого раздѣленія для другихъ, но чувствую, знаю, что я самъ не могу такимъ образомъ разрываться. Если бъ я сталъ заниматься хозяйствомъ или службою, то это поглотило бы все мое время; я чувствую, что если моя внѣшняя дѣятельность не будетъ соотвѣтствовать моей внутренней жизни, то ни въ первой, ни во второй не будетъ никакого толку. Я долженъ быть весь въ своей дѣятельности, для того чтобы достигнуть дѣйствительнаго результата; заниматься хозяйствомъ или службою только для формы и безъ живого участія въ дѣлѣ я не въ состояніи, потому что считаю такое занятіе въ высшей степени недобросовѣстнымъ и неблагороднымъ; посвятивъ же себя хозяйству или службѣ, я долженъ буду совершенно отказаться отъ науки, потому что, кромѣ того что наука требуетъ всего человѣка, въ моихъ познаніяхъ, какъ я вамъ уже сказалъ выше, такъ много пробѣловъ, что только совершенно исключительныя занятія могутъ пополнить ихъ. — Итакъ, скажете вы, если наука и хозяйство несовмѣстимы, то я долженъ бросить науку для того, чтобъ исключительно посвятить себя хозяйству и исполнить тѣмъ священный долгъ сына и брата. Любезные Родители, я понимаю всю законность вашего требованія и знаю, что признаніе мое еще болѣе укрѣпитъ васъ въ убѣжденіи, что я не болѣе, какъ холодный и своекорыстный эгоистъ; но я долженъ выговорить передъ вами то, что я чувствую; я не могу, не въ силахъ оторваться отъ науки; нисколько не выдавая моей неограниченной привязанности къ ней за добродѣтель и за достоинство, я вамъ говорю просто, что безъ нея жизнь для меня не имѣетъ никакого значенія, что оторвавшись отъ нея, я оторвусь отъ единственнаго источника своей нравственной и духовной жизни и утрачу все, что во мнѣ есть силы жизни и вѣры въ жизнь. Можетъ быть эта безусловная привязанность къ наукѣ не болѣе, какъ болѣзненный запой, но вы знаете, любезные Родители, что прекращеніе пьянства для того, кто ужъ привыкъ пить запоемъ, бываетъ

почти всегда смертельнымъ. Но нѣтъ, моя потребность знанія не есть безсмысленный запой, нѣтъ, она благородная, чистая, святая потребность,—потребность, наполняющая душу мою и любовію, и вѣрою, и силами для перенесенія всевозможныхъ отрицаній и противорѣчій жизни. Она не заглушаетъ во мнѣ другихъ человѣческихъ чувствъ, но, напротивъ, пробуждаетъ ихъ; и если мои поступки бывали иногда не хороши, если я поступалъ иногда безнравственно, то это не вслѣдствіе моей потребности знанія, но вслѣдствіе заглушенія ея другими нечистыми движеніями моей страстной и грубой натуры. Если бы вы знали, любезные Родители, какое было внутреннее состояніе моего духа при выходѣ моемъ изъ училища, тогда бы вы сами убѣдились, что потребность знанія была моимъ спасеніемъ. Въ душѣ моей царствовала тогда абсолютная пустота, совершенный религіозный индифферентизмъ, самые святые нравственные законы были для меня не болѣе, какъ внѣшними условными законами общественной жизни. Не мудрено, что при такомъ положеніи тоска и апатія были моими неразлучными сопутницами. Вслѣдствіе моей собственной вины я былъ посланъ въ Литву и тамъ духъ мой погрузился въ еще худшее состояніе; грязная, бездѣйственная апатія и каменное равнодушіе ко всему его окружающему превратились почти въ его вторую природу, и я бъ совершенно погибъ, если бъ во мнѣ не сохранилась одна святая божественная искра,—и эта искра была: *безсознательная, почти инстинктивная жажда знанія.* Она была моею спасительницею, она долго тлѣла подъ рудою грязной апатической чувственности, но никогда не угасала и постепенно усилялась и разгорѣлась наконецъ цѣлымъ огромнымъ пожаромъ, съ которымъ вмѣстѣ пробудилась во мнѣ и любовь, и вѣра, и всѣ святыя человѣческія чувства. Да, любезные Родители, я вамъ говорю не фразы, но совершенную истину; если бы вы знали, чѣмъ я былъ лѣтъ пять, даже года четыре и три тому назадъ, тогда бы вы не стали такъ строго судить меня, и повѣрили бы, что жажда знанія была дѣйствительно моимъ единственнымъ спасеніемъ и что оторваться отъ нея для меня то же, что оторваться отъ жизни.

«Два раза думалъ я пожертвовать ею для семейства: одинъ разъ въ Твери, когда графъ Толстой предлагалъ мнѣ мѣсто

чиновника по особымъ порученіямъ и когда вы мнѣ написали. Батюшка, что это необходимо для вашего спокойствія. Я не могъ устоять противъ вашей просьбы, я согласился; но вы не знаете, какъ много стоило мнѣ это согласіе, вы не знаете, какое уныніе, отчаяніе овладѣло моимъ духомъ. Я не могъ перенесть этого лишенія и цѣлую недѣлю послѣ моего согласія пьянствовалъ съ утра до вечера, въ точномъ смыслѣ этого слова. Мысль о самоубійствѣ безпрестанно мелькала передо мной, и еслибъ я не уѣхалъ тогда въ Москву, то это состояніе могло бы худо кончиться. Я знаю, это слабость, непростительная слабость, любезные Родители, но слабость, которую побѣдить я рѣшительно не въ силахъ.

«Въ другой разъ, послѣ кончины нашей святой Любаши, когда вы и сестры были погружены въ такую глубокую, безотрадную горесть, вы ничего не говорили мнѣ опредѣленно, но я видѣлъ, что вы желали имѣть во мнѣ дѣятельнаго помощника въ дѣлахъ нашего семейства,—и во второй разъ я не могъ устоять противъ вашей горести, такъ же, какъ въ первый разъ не могъ устоять противъ вашей просьбы,—и во второй разъ рѣшился пожертвовать собою вашему спокойствію и благосостоянію сестеръ и братьевъ. Я ни слова не говорилъ вамъ о своемъ рѣшеніи, потому что прежде хотѣлъ испытать самого себя и узнать навѣрное, дѣйствительно ли я способенъ къ этой жертвѣ? Любезные Родители, я добросовѣстно и строго входилъ въ себя и послѣ долгаго, мучительнаго испытанія убѣдился, что въ случаѣ нужды я готовъ пожертвовать жизнію для семейства, но не могу оторваться для него отъ науки, потому что жить и не знать, для меня въ тысячу разъ хуже, чѣмъ умереть.

«Да, любезные Родители, если бъ вы могли бросить хоть одинъ взглядъ во внутренность души моей, то вы сами не стали бы совѣтовать мнѣ оторваться отъ того, въ чемъ заключается единственное условіе моего внутренняго спокойствія, моей нравственной чистоты и моего человѣческаго достоинства. Вы писали мнѣ, Батюшка, въ Петербургъ, что я долженъ выбрать между *хозяйствомъ* и *службою*. Я самъ убѣжденъ теперь въ необходимости службы, и мнѣ остается только выбрать такой родъ дѣятельности, который бы, соотвѣтствуя внутреннему направленію моего духа, обѣщалъ бы успѣхъ и

дѣйствительную пользу. О военной службѣ и говорить нечего,— во-первыхъ, потому что было бы смѣшно, еслибъ, послѣ четырехъ лѣтъ отставки, я снова опредѣлился прапорщикомъ,—и во-вторыхъ, потому что она менѣе всего соотвѣтствуетъ моимъ внутреннимъ потребностямъ.

«Гражданская служба требуетъ точно такого-же исключительнаго употребленія времени и точно такого же исключительнаго вниманія, какъ и хозяйство, съ тою только разницею, что она не представляетъ того вознагражденія, какое представляетъ мнѣ хозяйство, которое дало бы мнѣ по крайней мѣрѣ отрадное утѣшительное сознаніе, что я полезенъ моему семейству.

«Кромѣ этого, если-бъ я теперь вступилъ въ гражданскую службу, съ моимъ маленькимъ чиномъ и безъ университетскаго диплома,—то это, кромѣ пустой формы, не представило бы мнѣ никакой дѣйствительной пользы.

«Пожертвовать тѣмъ, что составляетъ сущность моей жизни, и посвятить все свое время, всю свою жизнь и всѣ свои силы переписыванію бумагъ, и не имѣть средства быть полезнымъ себѣ и другимъ,—и все это только для того, чтобы кончить жизнь не отставнымъ прапорщикомъ артиллеріи, но титулярнымъ совѣтникомъ, вы согласитесь, любезные родители, что здѣсь совершенно справедливо можно сказать: «le jeu ne vaut pas la chandelle».

«Вотъ причины, по которымъ я не могу посвятить себя ни хозяйству, ни гражданской и ни военной службѣ. Не знаю, покажутся ли онѣ вамъ довольно убѣдительными, но увѣряю васъ, что онѣ не результатъ поверхностной и легкомысленной фантазіи; я ужъ не ребенокъ болѣе,—я вышелъ изъ экзальтированнаго періода своей жизни, изъ той экзальтаціи, которая, смѣшивая всѣ предметы, показывала мнѣ вещи не такъ, какъ слѣдуетъ. Время призраковъ и пустой неопредѣленности для меня прошло, и я жажду опредѣленности и дѣйствительности. Причины, мною изложенныя, любезные Родители, были результатомъ долгаго и строгаго вхожденія въ себя и испытанія силъ своихъ. Я выговариваю ихъ передъ вами искренно и добросовѣстно, какъ передъ единственными законными судьями частныхъ дѣлъ моихъ, и увѣренъ, что если вы отстраните ваши предубѣжденія противъ меня и примете слова мои съ тою же любовію, съ какою я писалъ ихъ, то вы сами убѣди-

тесь въ ихъ искренности и добросовѣстности и увидите, что они не совсѣмъ лишены основанія.

«Но если я не могу заниматься ни хозяйствомъ, ни военной и гражданской службою, то это все-таки не исключаетъ внутренней и внѣшней необходимости внѣшняго опредѣленія, положительной внѣшней дѣятельности. Кромѣ этого, моя потребность знанія, несмотря на всю силу свою, можетъ превратиться въ ничтожный и болѣзненный призракъ, если она не найдетъ положительнаго, дѣйствительнаго осуществленія. Съ 1837-го года и до сихъ поръ, а особливо въ послѣдніе полтора года, я занимался прилежно,—почти съ утра до вечера; но я не доволенъ еще этими занятіями, въ нихъ нѣтъ довольно строгой системы. Для того, чтобъ дѣйствительно достигнуть своей цѣли, мнѣ нужно учиться и всѣми силами стараться пріобрѣсть то *классическое* образованіе, котораго я не имѣю и безъ котораго я останусь *дилетантомъ*, т.-е. пустымъ человѣкомъ, безполезнымъ для себя и для другихъ. Мнѣ скоро будетъ 26 лѣтъ, любезные Родители, и если такъ пройдутъ еще года два или три,—то мое положеніе будетъ безвыходнымъ. Безъ состоянія, безъ мѣста въ обществѣ и съ дилетантизмомъ въ душѣ,—я буду осужденъ на пустую, безполезную и мучительную жизнь. Я вижу ясно свое положеніе и хочу употребить всѣ силы души своей, всѣ во мнѣ заключающіяся средства, для того, чтобъ выйти изъ него,—и прибѣгаю къ вамъ въ надеждѣ, что, несмотря на всѣ мои прошедшіе проступки противъ васъ и противъ самого себя, вы не откажете мнѣ въ своей помощи.

«Есть одно и, мнѣ кажется, единственное вѣрное средство для достиженія моей цѣли: *это стараться достигнуть профессорскаго мѣста*; во первыхъ, оно позволитъ мнѣ соединить мои занятія со службою, во вторыхъ, оно обезпечитъ мнѣ состояніе и въ третьихъ, оно дастъ мнѣ довольно почетное мѣсто въ обществѣ; но для того, чтобъ достигнуть профессорскаго мѣста, должно быть, *во первыхъ*, достойнымъ его, т. е. имѣть дѣйствительныя познанія; во мнѣ слишкомъ много добросовѣстности, благородства души и любви къ истинѣ, для того, чтобъ я рѣшился, для достиженія внѣшнихъ удобствъ жизни, профанировать святость науки и превратить въ простое средство то, что должно быть цѣлію.

«Какимъ же образомъ достигнуть дѣйствительныхъ, положительныхъ и широкихъ познаній? Я узналъ на опытѣ, что домашнія занятія, заключенныя въ самихъ себѣ, не могутъ дать классическаго образованія, во первыхъ, по бѣдности средствъ, во вторыхъ, по недостатку системы въ знаніяхъ, а, въ третьихъ по недостатку внѣшняго, одинъ разъ навсегда установленнаго порядка, по недостатку безпрестаннаго внѣшняго побужденія, и даже можно сказать,—хоть и стыдно признаться,—внѣшняго принужденія.

«Для классическаго образованія слушаніе университетскаго курса необходимо.

«Между всѣми русскими университетами московскій считается лучшимъ и потому, повидимому, онъ и есть самое лучшее средство къ достиженію моей цѣли.

«Но слушаніе курса въ московскомъ университетѣ связано съ большими неудобствами и для меня рѣшительно невозможно. Во первыхъ, потому что будетъ смѣшно, если я, 26 лѣтній мужчина, буду сидѣть на лавкѣ вмѣстѣ съ мальчиками и если я буду курсомъ ниже братьевъ, во вторыхъ, потому что мнѣ надо будетъ начать съ 1-го курса и потерять четыре года на изученіе многихъ такихъ предметовъ, которые мнѣ не будутъ нужны впослѣдствіи и которые полезны только для экзамена. Въ третьихъ, потому что въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ мнѣ надо будетъ оставить свои собственныя, субъективныя занятія для того, чтобъ предаться изученію другихъ, для меня безполезныхъ, предметовъ; и, наконецъ, въ четвертыхъ, потому что по признанію всѣхъ молодыхъ профессоровъ,—и даже самого правительства, которое не довольствуется нашими университетами и посылаетъ за границу для образованія профессоровъ,—ни одинъ изъ русскихъ университетовъ не можетъ еще дать классическаго ученаго образованія, для достиженія котораго мнѣ остается только одно средство—*Берлинъ*. Берлинъ представляетъ мнѣ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ московскій университетъ и ни одного изъ неудобствъ его. Посѣщая берлинскій университетъ, я могъ бы достигнуть положительнаго, классическаго образованія, учиться въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Теперь я прилежно занимаюсь греческимъ языкомъ, тамъ могъ бы я приняться и за латинскій и изучать вмѣстѣ философію, исторію и право; для латинскаго и грече-

скаго языка могъ бы я брать частные уроки, которые, по словамъ профессора Грановскаго, стоятъ тамъ не болѣе 1-го рубля за два часа. Такимъ образомъ, я соединилъ бы тамъ всѣ собственныя любимыя занятія съ пріобрѣтеніемъ тѣхъ познаній, которыя мнѣ необходимы для достиженія моей цѣли. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, не имѣя другой цѣли и другого занятія, кромѣ науки, я бы могъ сдѣлать огромные успѣхи, и успѣхъ зависѣлъ бы ужъ собственно отъ моего старанія.

«Другое необходимое условіе для достиженія профессорскаго мѣста есть *докторская степень*, для пріобрѣтенія которой необходимо должно пріобрѣсть сперва *кандидатскую* и *магистерскую* степени. Въ самомъ началѣ пріѣзда моего въ Москву я думалъ готовиться къ кандидатскому экзамену и сообщилъ это намѣреніе знакомымъ мнѣ молодымъ профессорамъ. Они отсовѣтовали мнѣ, говоря, что кандидатскій экзаменъ самый трудный и самый невѣрный—во первыхъ, потому что онъ требуетъ *отличныхъ* отвѣтовъ по *всѣмъ* предметамъ, проходимымъ *во всѣхъ четырехъ курсахъ* какого-нибудь отдѣленія, отвѣтовъ на самые спеціальные и мелочные вопросы, и во вторыхъ, потому что степень кандидата дается преимущественнѣе и охотнѣе студентамъ, чѣмъ экзаменующимся частнымъ лицамъ. Они же совѣтовали мнѣ, выслушавъ въ продолженіи трехъ лѣтъ курсъ въ берлинскомъ университетѣ, держать тамъ экзаменъ на степень доктора, *степень*, которая даетъ мнѣ право экзаменоваться въ московскомъ университетѣ прямо на *магистра*,—магистерскій же экзаменъ гораздо легче и дѣльнѣе, потому что онъ ограничивается *однимъ главнымъ* и нѣкоторыми другими вспомогательными и подчиненными предметами,—и потомъ на степень доктора, представляющую еще менѣе затрудненія. Выдержавъ же экзаменъ на доктора, я могъ бы занять въ московскомъ или въ другомъ русскомъ университетѣ мѣсто профессора философіи или исторіи или права. Я чувствую, что у меня есть способности, любовь къ знанію никогда не оставляла меня, а въ послѣднее время я узналъ, что во мнѣ есть и возможность трудной, сухой и постоянной работы, въ послѣднее время я сильно развилъ въ себѣ терпѣніе и постоянство,—эти два необходимыя условія успѣшнаго положительнаго образованія. Вы часто упрекали меня, Батюшка, въ томъ, что я считаю себя геніемъ. Но этотъ упрекъ неспра-

ведливъ: я самолюбивъ.—это правда, но самолюбіе мое никогда не доходило до такого уродливаго самообольщенія. Любовь къ истинѣ и потребность жить въ истинѣ были во мнѣ всегда сильнѣе моего самолюбія и вели съ нимъ безпрестанную борьбу и никогда не покорялись ему. Я никогда не считалъ себя геніемъ, но я знаю, что во мнѣ есть умъ, довольно хорошія способности и добрая воля, которыя при постоянномъ трудѣ могутъ принести положительный полезный плодъ. Правда, что я потерялъ много времени и что въ моихъ познаніяхъ огромные пробѣлы, но я чувствую въ себѣ еще такъ много святой, юной силы, такъ много живой потребности знанія, что я вѣрю въ возможность побѣжденія всѣхъ этихъ трудностей, я думаю, что эта вѣра не обманываетъ меня.

«Я знаю, что слово *Берлинъ* пробудитъ въ васъ много непріятныхъ, тяжелыхъ для меня подозрѣній; я знаю, вы не вѣрите моей любви къ наукѣ и думаете, что она служитъ только предлогомъ для того, чтобъ какъ-нибудь съѣздить за границу. Со словомъ *Берлинъ* для меня неразрывно связано воспоминаніе вашихъ ужасныхъ подозрѣній на счетъ моей честности и любви къ сестрамъ, подозрѣній, которыхъ я здѣсь ни называть, ни опровергать не стану, потому что не въ силахъ сдѣлать ни того, ни другого. Вотъ почему мнѣ было тяжело начать говорить съ вами о Берлинѣ. Любезные Родители, я не стану опровергать вашихъ оскорбительныхъ обвиненій, я не могу говорить о нихъ: но увѣренъ, что рано или поздно вы сами убѣдитесь въ ихъ несправедливости.

«Кромѣ этого, вы не вѣрите, чтобъ источникомъ моего желанія ѣхать въ Берлинъ была любовь къ наукѣ. Вы, вѣроятно, думаете, что единственный источникъ этого стремленія за границу есть желаніе погулять и покутить. Любезные Родители, я не понимаю, какимъ образомъ въ васъ родилась мысль, что я расточителенъ и что я охотникъ гулять и кутить. Правда, что во время пребыванія моего въ училищѣ, когда въ душѣ моей не было никакого содержанія и когда я былъ совершенно пустымъ мальчишкою, я надѣлалъ много глупостей, много довольно важныхъ долговъ, которые вы, по добротѣ и снисходительности своей, заплатили. Хотя я не былъ способенъ и тогда къ подлости, но во мнѣ не было ни разсудка, ни нравственнаго содержанія и я былъ, въ полномъ смыслѣ этого

слова, легкомысленнымъ и пустымъ мальчишкою. Впрочемъ и тогда даже, по недостатку ли худого примѣра или удобнаго случая, или по безсознательному остатку нравственнаго чувства, внушеннаго мнѣ вами въ дѣтствѣ,—и тогда даже никогда я не предавался тому, что между молодыми людьми обыкновенно называется *кутежомъ*. Но съ тѣхъ поръ какъ во мнѣ пробудилась сознательная потребность знанія, съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Москвѣ, я ни разу не заслужилъ упрека въ расточительности и безпорядочной жизни: и это уже не безсознательно, любезные Родители, но съ полнымъ совершеннымъ сознаніемъ. Оргіи и безпорядочная жизнь, обыкновенно прощаемыя молодымъ людямъ, какъ необходимый атрибутъ юности, просто противны всему существу моему. Мнѣ необходима тихая, спокойная, умѣренная жизнь, какъ единственное условіе моего внутренняго счастія и моего нравственнаго достоинства, и я неспособенъ находить поэзію и удовольствіе въ грязномъ болотѣ чувственныхъ наслажденій, недостойныхъ человѣка. Мнѣ немного нужно для удовлетворенія моихъ внѣшнихъ и чувственныхъ потребностей: щи и каша составляютъ теперь мою единственную пищу и это нисколько не огорчаетъ меня. Во мнѣ нѣтъ такого пустого самолюбія, которое бы заставило меня жить и одѣваться не по состоянію и стараться играть въ обществѣ роль, не соотвѣтствующую моимъ средствамъ. Разумѣется, что еслибъ у меня были средства, то я сталъ бы и одѣваться и жить лучше и посѣщать чаще общество, потому что это не только что не вредно, но бываетъ даже иногда очень полезно и пріятно. Скорбѣть же о томъ, что состояніе мое не позволяетъ мнѣ этого, я не стану и безъ всякаго унынія покоряюсь этой, еще совсѣмъ не тяжелой, судьбѣ.

«Вся расточительность моя состояла въ неаккуратности и въ неумѣніи считать деньги, но необходимость научила меня и этому искусству, такъ что я считаю теперь каждую копѣйку.

«И такъ, любезные Родители, не любовь кутежа и праздной, безпорядочной жизни заставляетъ меня желать ѣхать за границу. Правда, что, кромѣ науки въ ограниченномъ смыслѣ этого слова, меня привлекаетъ туда и живая духовная жизнь запада, сокровища искусства, природа, но это подчиненное желаніе и, въ случаѣ нужды, я могу обойтиться и безъ его удовлетворенія; главная же и единственная цѣль моя есть

наука. Я желаю ѣхать не за границу вообще, но въ Берлинъ,— и желаю ѣхать туда, не для того чтобъ гулять и забавляться, но для того чтобъ съ утра до вечера учиться, для того чтобъ удовлетворить тамъ своей потребности знанія и вмѣстѣ достигнуть возможности быть не пустымъ, но дѣйствительно полезнымъ человѣкомъ. Я желаю ѣхать въ Берлинъ, потому что онъ есть единственное и рѣшительное средство для выхода изъ затруднительной и тяжелой неопредѣленности моего настоящаго положенія. И я прибѣгаю къ Вамъ съ двумя слѣдующими просьбами:

«1. Я прошу Васъ позволенія ѣхать въ Берлинъ.

«2. Прошу Васъ дать мнѣ средства къ совершенію этой поѣздки. Я прежде думалъ, что мнѣ можно будетъ пріобрѣсть эти средства собственными трудами своими,— переводами, журнальными статьями;—но теперь убѣдился, что это связано съ большими затрудненіями и что если даже мнѣ и удастся скопить достаточную сумму, то не иначе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, а я потерялъ ужъ такъ много времени, и срокъ, оставшійся мнѣ для достиженія моей цѣли, такъ коротокъ, что я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ. Журнальныя статьи и переводы могутъ быть мнѣ помощью при другихъ средствахъ, основнымъ же средствомъ они быть не могутъ, потому что успѣхъ ихъ зависитъ часто отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

«Я говорилъ съ профессоромъ Грановскимъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Берлина, и узналъ отъ него, что, живя умѣренно и ограничивая свои расходы, можно тамъ слушать курсъ и жить съ 2.000 рублями. И потому, любезные Родители, я васъ прошу давать мнѣ по 2.000, а если это вамъ невозможно, то по 1.500 руб. въ годъ,—и это не болѣе, какъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. По возвращеніи же изъ Берлина и выдержавъ экзаменъ на магистра, я бы могъ даже вступить въ гражданскую службу, въ ожиданіи удобнаго случая для занятія профессорскаго мѣста въ какомъ-нибудь изъ русскихъ университетовъ, и жить своими собственными трудами, т. е. службою, уроками и литературными занятіями. Съ моей же стороны я вамъ обѣщаю, даю честное слово, что я въ продолженіи этихъ трехъ лѣтъ буду стараться не потерять ни одной минуты и что по возвращеніи изъ-за границы я не буду васъ болѣе безпокоить просьбами о деньгахъ.

«Любезные Родители, теперь я высказалъ вамъ свою просьбу и мнѣ остается только ожидать вашего рѣшенія: какое бы оно ни было, я безусловно покоряюсь ему. Если, позабывъ всѣ мои прошедшія вины противъ васъ, вы согласитесь на мою просьбу, то я буду смотрѣть на это, какъ на величайшее благодѣяніе и никогда не позабуду, что вы первые освободили меня отъ тяжелаго положенія, которому я самъ много способствовалъ. Если жъ вы не согласитесь, то я съ покорностію, безъ жалобъ и безъ ропота, выслушаю ваше рѣшеніе и собственными средствами буду стараться изъ него вырваться; удастся ли мнѣ или нѣтъ, это только одному Богу извѣстно. Кромѣ того, что сынъ не имѣетъ права ничего требовать отъ родителей, кромѣ этого я сознаю, что я часто и во многомъ былъ виноватъ противъ васъ, и потому менѣе, чѣмъ кто-нибудь, въ правѣ ожидать отъ васъ помощи.

«Теперь, прошу я васъ, любезные Родители, выслушать еще нѣсколько словъ и совершенно отдѣлить ихъ отъ моей просьбы и отъ всего, до нея касающагося, и повѣрить, что они не имѣютъ съ ней ничего общаго.

«Я никогда не переставалъ пламенно любить васъ, но несмотря на это былъ во многомъ виноватъ противъ васъ. Правда, что вы иногда были несправедливы къ сестрамъ и ко мнѣ; но никакая несправедливость не давала мнѣ права оскорблять васъ и переходить за границу сыновней любви и сыновняго почтенія. Я часто позабывалъ это священное правило и вы заключили, и были въ правѣ заключить изъ моихъ оскорбленій, что во мнѣ нѣтъ любви къ вамъ. Если бы можно было возвратить прошедшее, то я дорого заплатилъ бы за возможность исключить изъ прошедшихъ поступковъ моихъ все, что въ нихъ было для васъ оскорбительнаго. Но это невозможно,—и потому мнѣ остается только съ полнымъ и искреннимъ раскаяніемъ просить у васъ прощенія, которое мнѣ необходимо для моего внутренняго спокойствія. Любезные Родители, вы, вѣрно, не откажете мнѣ въ немъ, и повѣрите, что теперь я буду строго блюсти за собой и не буду болѣе допускать себя до преступныхъ крайностей и до забвенія священныхъ обязанностей сына.

«Прошу вашего благословенія и остаюсь преданный вамъ сынъ вашъ

М. Бакунинъ».

Написавъ и отправивъ это письмо, Бакунинъ съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ на него отвѣта и пережилъ въ теченіе недѣли большія мученія, постоянно находясь между надеждой на согласіе родителей и страхомъ получить отрицательный отвѣтъ, который совершенно обезкуражилъ бы его.

Отсылая письмо свое Александру Михайловичу, онъ писалъ и Татьянѣ, при чемъ, сообщая ей о содержаніи своего письма къ отцу, говорилъ между прочимъ:

«Если они согласятся, то для меня начнется новая, чудесная жизнь,—во мнѣ опять пробудится живая, безграничная вѣра въ себя и въ свое назначеніе. Мнѣ хорошо будетъ тогда, Танюша,—и тогда мы скоро увидимся, для того чтобы пробыть съ вами около мѣсяца и потомъ разстаться на 3 или 4 года. Но эта разлука будетъ прекрасна, потому что она поведетъ меня къ моей цѣли... Если же они откажутъ, то я не поѣду, долго не поѣду въ Премухино,—до тѣхъ поръ, пока собственныя средства не позволятъ мнѣ совершить поѣздку за границу. Я не поѣду тогда къ вамъ, потому что мнѣ будетъ очень тяжело, а когда мнѣ тяжело, мнѣ необходимо одиночество,—въ тяжеломъ состояніи духа я буду только стѣснять вашу радость, ваши наслажденія и гармонію душъ вашихъ, а я ни за что на свѣтѣ не хочу дѣлать этого. Въ такомъ случаѣ я постараюсь уѣхать въ Шашкино, для того чтобъ тамъ принять какое-нибудь сильное рѣшеніе. Какъ бы то ни было и куда бы то ни было,—но я долженъ вырваться изъ невыносимой неопредѣленности моего теперешняго положенія. И если бы я убѣдился, что поѣздка въ Берлинъ рѣшительно не можетъ осуществиться и мнѣ предстоитъ тихое и постепенное опошленіе, то, оставивъ всѣ занятія и всѣ книги, я бъ снова надѣлъ военный мундиръ и отправился бы на Кавказъ,—тамъ, по крайней мѣрѣ, нашелъ бы я живую дѣятельность и живое движеніе жизни. Но гнить и опошливаться понемногу—это хуже всего! Au reste il ne faut pas anticiper sur l'avenir; j'ai encore à attendre la reponse de mes parents; après avoir reçu un refus il faudra bien que je me décide à quelque chose [1]. Ты видишь, милая Танюша, почему я мало пишу о себѣ: я легко

[1]) Впрочемъ, не слѣдуетъ упреждать событій; мнѣ надо еще выждать отвѣта родителей; послѣ полученія отказа нужно будетъ непремѣнно рѣшиться на что-нибудь.

попадаю на минорный тонъ и не хочу заражать васъ имъ. Вы будьте здоровыя, умныя дѣвочки,—для васъ начнется скоро новая, прекрасная, широкая жизнь. Разрѣшеніе судьбы Alexandrine, возвращеніе Вареньки и всѣ необходимыя слѣдствія этихъ двухъ счастливыхъ обстоятельствъ вполнѣ вознаградятъ васъ за всѣ претерпѣнныя вами страданія»...

Не получая нѣсколько дней отвѣта на свое письмо къ родителямъ, Мишель написалъ имъ второе, столь же почтительное, въ которомъ, уже мало надѣясь на благопріятное рѣшеніе своей участи, просилъ, если его ожидаетъ отказъ, то прислать его скорѣе, такъ какъ, писалъ онъ, «...и отказъ будетъ мнѣ легче невыносимой неопредѣленности моего настоящаго положенія. Какъ бы то ни было, но оно совершенно объяснится тогда, объяснится во всѣхъ отношеніяхъ. И какъ ни трудно и ни тяжело мнѣ будетъ тогда, я не останусь со сложенными руками, я не предамся праздному и слабодушному унынію, но употреблю всѣ отъ меня зависящія средства для того, чтобы вырваться изъ моего затруднительнаго положенія...»

Дней черезъ десять послѣ отправленія своего письма Мишель получилъ на него отвѣтъ. Родители не отвѣчали отказомъ, но отвѣтъ не былъ достаточно опредѣленнымъ.

Вотъ что писалъ Александръ Михайловичъ (отъ 30 марта 1840 г.).

«Письмо твое, другъ мой Михайло Александровичъ, отъ 22 марта мы получили, и вотъ отвѣтъ нашъ, котораго, по словамъ твоимъ, ожидаешь ты съ какимъ-то новымъ страхомъ, опасаясь, чтобъ просьба твоя о денежномъ пособіи не умножила еще нашего къ тебѣ презрѣнія—*за преступные поступки*, въ которыхъ *мы*, по недостатку любви, тебя обвиняли. Мы по врожденному чувству родительской любви не переставали тебя любить, несмотря на всѣ твои *не преступные*, а совершенно безразсудные поступки. Ты, какъ новый Донъ-Кихотъ, влюбился въ новую Дульцинею и, увлекаясь мечтательными ея прелестями, совершенно позабылъ всѣ твои обязанности. Посторонній человѣкъ сталъ бы только смѣяться, а я, какъ отецъ, не могъ и не долженъ былъ скрывать отъ тебя моего негодованія, тѣмъ болѣе, что ты завлекъ сестеръ и братьевъ, и мы вдоволь вкусили отъ горькихъ плодовъ его. Ты неоднократно повторялъ намъ, что мы тебя не понимаемъ,

(но) я къ сожалѣнію своему вижу, что именно ты не понималъ насъ и не понималъ потому, что не понималъ святой той любви, въ недостаткѣ которой ты насъ упрекаешь. Любовь точно такъ же мертва безъ дѣлъ, какъ и вѣра. Если письмо мое къ Николаю [1]) тебя много оскорбило, то мы невиноваты, что поступки твои впродолженіи многихъ лѣтъ совершенно уничтожили то семейное счастіе, котораго мы вправѣ были надѣяться отъ дѣтей нашихъ. Я боюсь, чтобъ Дульцинея Тобозская — или лучше сказать Ахинея Тобольская—не увлекла за собой и Николая...

«Но какъ прошедшаго воротить уже невозможно, то обращаюсь къ настоящему.

«Мы согласны на твой проектъ, но какъ деньги необходимо нужны для его исполненія, то скажу тебѣ, что мы до сентября мѣсяца ничего еще дать и назначить тебѣ не можемъ. До сентября долженъ я необходимо доплатить болѣе *восьми тысячъ процентовъ, тысячъ до трехъ* партикулярнаго долгу, купить Ильѣ лошадь и обмундировать Николая, который самъ еще не знаетъ, куда поступитъ. Мы сами въ Тверь переѣхали лѣчиться, а не веселиться, и совершенно себѣ во всемъ отказываемъ, чтобы содержать дѣтей нашихъ.

«Итакъ денежное пособіе, которое тебѣ нужно, будетъ зависѣть отъ успѣшнаго хода бумажной фабрики, которая въ отсутствіи нашемъ и по безводію не только не дала намъ никакого доходу, но задолжила еще двумя тысячами на покупку матеріаловъ. По просухѣ мы поѣдемъ домой, и я, при дряхлости моей, соберу всѣ послѣднія мои силы и буду работать въ пользу семейства, которое—въ душевной горести моей скажу— худо или вовсе насъ не понимаетъ».

Въ припискѣ Варвары Александровны нѣсколько яснѣе говорилось о томъ, что въ принципѣ они рѣшили давать Мишелю по 1,500 р. въ годъ, если обстоятельства позволятъ.

Вѣроятно, Герценъ, видя мучительную жажду Мишеля ѣхать въ Берлинъ за наукой и томительную неизвѣстность, въ которую повергло его неполученіе отвѣта отъ отца, намекнулъ ему какъ-нибудь на возможность пособить его горю со своей стороны и со стороны своихъ друзей.

---

[1]) Этого письма нѣтъ въ моемъ матеріалѣ.

И вотъ Мишель, тотчасъ же по полученіи письма Александра Михайловича отправившійся въ Тверь и тамъ не получившій болѣе опредѣленнаго отвѣта, рѣшился обратиться къ Герцену съ просьбой дать ему денегъ въ ссуду. 20 апрѣля 1840 г. онъ написалъ Герцену слѣдующее письмо, которое показываетъ и ту степень сближенія, которая установилась тогда между ними: [1])

«Любезный Герценъ! Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководья, находятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ обѣщанія. Онъ говоритъ, что, если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1500 руб. въ годъ; но это *если* такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко бы могло случиться, что онѣ растаяли бы «яко воскъ отъ лица огня». Можетъ быть, что со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1000 или даже 500 руб. въ годъ; а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать тѣ 5000 руб., о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечитъ. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Все же остальное, что я получу отъ отца или пріобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а, слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копейка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2000 руб., а въ

---

[1]) Письмо это напечатано въ біографіи Бакунина, составленной Драгомановымъ, на стр. VIII.

продолженіи двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1500 руб. въ годъ такъ, какъ ты говорилъ мнѣ въ Москвѣ. Что же касается 2000 руб., то чѣмъ скорѣе вы мнѣ ихъ доставите, тѣмъ будетъ лучше, потому что я ни минуты медлить не стану.

«Я не могу назначить опредѣленнаго срока для уплаты этихъ денегъ, но вы можете быть увѣрены, что, при первой малѣйшей возможности, я поспѣшу заплатить ихъ. Во всякомъ случаѣ, наслѣдство, которое я получу отъ отца, и образованіе, которое я пріобрѣту за границей, дадутъ мнѣ вѣрное средство къ исполненію этой священной обязанности. Въ случаѣ же моей смерти, братья за меня заплатятъ. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, я проживу еще долго,—во первыхъ, потому что было бы глупо умереть, ничего не сдѣлавъ путнаго, а во вторыхъ, потому что я совсѣмъ не намѣренъ умирать.

«Ты видишь, Герценъ, что я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто, безъ всякихъ околичностей и отложивъ въ сторону всѣ 52 китайскія церемоніи. Я дѣлаю это, потому что я беру у васъ деньги не для удовлетворенія какихъ-нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достиженія человѣческой и единственной цѣли моей жизни. Кромѣ того, хоть наше знакомство началось и недавно, но мнѣ нужно было немного времени для того, чтобъ полюбить тебя отъ души, и для того, чтобъ сознать, что въ нашихъ духовныхъ и задушевныхъ направленіяхъ есть много общаго и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній.

«Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что давъ мнѣ средства ѣхать за границу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастія, отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства для того, чтобъ стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству и всѣмъ окружающимъ меня людямъ. Да, я надѣюсь, что со временемъ вы меня лучше узнаете и что тогда вы примете меня

въ тѣснѣйшій кружокъ своихъ друзей. Покамѣстъ же, Герценъ, прощай. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, скоро, потому что мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе уничтожить всякую неопредѣленность въ дѣлахъ своихъ.

«Посылаю тебѣ съ братьями Tagebuch eines Kindes (Bettina) [1]. Пожалуйста только никому не отдавай этой книги, потому что сестра была бы въ отчаяніи, если бы она затерялась.

«Получивъ твой отвѣтъ, я окончательно обо всемъ переговорю съ отцомъ и отправлюсь къ вамъ на другой же день. Прощай.

Твой *М. Бакунинъ*».

Затѣмъ, не ожидая отвѣта Герцена, Бакунинъ вернулся въ Москву и уже оттуда извѣстилъ отца о томъ, что его новый другъ ссужаетъ его 2000 руб. на неопредѣленное время, и просилъ, чтобы старикъ не задерживалъ его отъѣзда своимъ окончательнымъ разрѣшеніемъ.

Александръ Михайловичъ отвѣчалъ сыну 8 мая 1840 г. письмомъ, писаннымъ рукою Татьяны, въ которомъ, соглашаясь на ускореніе его отъѣзда въ Берлинъ, выражалъ однако же сомнѣніе, чтобы «тотъ пріятель, о которомъ ты пишешь, ссудилъ тебя такъ безусловно двумя тысячами». Но пріятель оказался въ этомъ случаѣ человѣкомъ вполнѣ надежнымъ, отъѣздъ Бакунина былъ такимъ образомъ обезпеченъ, и Мишель спокойно отправился въ Премухино, чтобы провести со своею семьей послѣдній мѣсяцъ передъ разлукой, которая оказалась гораздо продолжительнѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ.

О перепискѣ съ отцомъ Мишель поспѣшилъ увѣдомить и Бѣлинскаго, несмотря на новыя распри, которыя произошли между ними тогда изъ-за боткинскаго романа. И тутъ-то Бѣлинскій отвѣчалъ ему тѣмъ письмомъ, о которомъ мы упоминали въ предыдущей главѣ. Начало этого отвѣта Бѣлинскаго дѣйствительно поражаетъ своею враждебностью.

«Любезный Мишель,—писалъ Бѣлинскій,—видъ твоего письма произвелъ во мнѣ такое впечатлѣніе, какъ будто-бы у

---

[1]) Названіе неточно. Это дневникъ Беттины фонъ Арнимъ, приложенный къ ея перепискѣ съ Гёте. Онъ озаглавленъ: „Tagebuch zu Göthes Briefwechsel mit einem Kinde“. Переписка и дневникъ Беттины имѣются теперь въ изданіи „Universal-Bibliotek“ Реклама съ предисловіемъ Франца Брюммера (№№ 2691—2695).

меня по тѣлу поползли мокрицы. Долго я боролся между долгомъ прочесть его и желаніемъ разорвать, не прочтя. Мысль о полемикѣ (онъ, очевидно, думалъ, что это отвѣтъ на его полемическое письмо отъ 26 февраля 1840 г., содержаніе котораго мы передали), о прекраснодушныхъ и москводушныхъ продѣлкахъ, за которыя мало драть за уши и пороть розгами,—эта мысль была для меня кислѣе уксусу, вонючѣе (забылъ по латыни) чортова г. . .а, горше и отвратительнѣе самой гнусной микстуры»...

Но затѣмъ Бѣлинскій продолжалъ уже совершенно въ иномъ духѣ: «Но когда я прочелъ твое письмо, то весьма возрадовался. Спасибо тебѣ за него, сто разъ спасибо тебѣ. Ты поступилъ на этотъ разъ по человѣчески, преодолѣвъ чувство досады и враждебности, которое должно было возбудить въ тебѣ мое письмо (очевидно, письмо отъ 26 февраля. *А. К.*). Въ твоемъ письмѣ нѣтъ ненавистной для меня философіи (т. е. резонерства), но за то есть человѣчность и отъ него вѣетъ духомъ. Знаешь ли, что только одно это письмо еще въ первый разъ убѣдило меня, что твое стремленіе въ Берлинъ не пустая мечта празднаго самолюбія, а дѣйствительная потребность. Прежде я не могъ безъ чувства отвращенія слышать отъ тебя о Берлинѣ (въ который ты—правду сказать—собирался по воздушной почтѣ); но теперь я принимаю это дѣло къ сердцу и,—вѣрь мнѣ—еслибъ я имѣлъ средства, то дѣломъ доказалъ бы мое участіе. Ты подавилъ въ себѣ ложный стыдъ, заглушилъ голосъ одураченнаго самолюбія и обратился къ прямому и единственно истинному и дѣйствительному средству для поѣздки въ Берлинъ—къ отцу. Поздравляю тебя, Мишель, ты одержалъ великую побѣду надъ своимъ лютѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ—надъ самимъ собою, надъ своимъ самолюбіемъ. Искренно и любовно желаю, чтобъ это обращеніе было искренно и дѣйствительно, а не минутный порывъ, и чтобы ты вошелъ съ отцомъ въ прямыя и чистыя отъ всякія скверны отношенія, т. е. для него самаго, а не для Берлина только.

«Николай чуть не плакалъ отъ твоего письма: онъ говоритъ, что это еще первое *человѣческое* письмо, написанное твоею рукою, которое онъ прочелъ. Онъ говоритъ, что отецъ будетъ радъ и охотно дастъ тебѣ не только 1500, но и 2000 руб.;

но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поступитъ тутъ не по дѣтски,— а по старчески—и, чтобы испытать, для него ли самаго, или только для Берлина, ты обращаешься къ нему, потребуетъ, чтобъ ты ѣхалъ въ Премухино и занялся хозяйствомъ, и продержитъ тебя годъ времени. Николай говоритъ еще, что ты поступилъ бы очень дурно и неразумно, если бы со всѣмъ самоотверженіемъ и со всею искренностью не подвергся этому испытанію. Я совершенно съ нимъ согласенъ.—У всякаго есть свои священныя права и безъ взаимныхъ уступокъ нельзя людямъ ладить другъ съ другомъ.

«Также чрезвычайно меня обрадовало, писалъ Бѣлинскій, уже обращаясь къ своимъ старымъ спорамъ съ Мишелемъ,— твое признаніе, что ты, безъ поѣздки въ Берлинъ, обратишься въ ничтожество. Я вспомнилъ твои упреки мнѣ, что я ограничиваю свою жизнь конечными условіями, зависящими отъ слѣпого случая. И такъ, моя несчастная дѣйствительность одержала надъ тобою великую побѣду. Да, Мишель, владычество разумной дѣйствительности не подвержено никакому сомнѣнію, но и случай, въ свою очередь, царитъ надъ людьми самовластно. Безъ владычества случая, жизнь была бы не свободною, а машинальною,—не было-бы въ ней борьбы,— а при борьбѣ паденіе такъ же необходимо, какъ и побѣда. Теперь ты, вѣрно, лучше поймешь, какъ иной можетъ въ сочувствіи женщины видѣть условіе своего искупленія и примиренія, и не станешь давать благоразумныхъ совѣтовъ о необходимости Entsagung [1]. Всякому свое, и дѣло дружбы—участіе въ *своемъ* каждаго, а не совѣты, которые только оскорбляютъ и охлаждаютъ дружескія отношенія. Прекрасно сказалъ ты, что «и жизнь всякаго обусловливается совершенно особенными, чисто индивидуальными обстоятельствами, которыя не могутъ и не должны улетучиваться во всеобщемъ, и которыя доступны только для непосредственно и таинственно созерцающей любви».

«Если ты проживешь годъ въ Премухинѣ, это время не можетъ попусту пропасть и для приготовленій къ Берлину. Мож-

---

[1]) Едва ли для Бакунина это неожиданное сравненіе женщины съ Берлиномъ было убѣдительно. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, отвѣчалъ ли Бакунинъ на это письмо Бѣлинскаго.

но устроить такъ, что оно не будетъ для тебя потеряно и со стороны *хоть какого-нибудь* обезпеченія черезъ О(*течественныя*) З(*аписки*), особенно если ты возьмешься что-нибудь поделать и по части исторіи и что-нибудь переводить съ нѣмецкаго. Я готовъ хлопотать тутъ со всѣмъ усердіемъ и думаю, что мое участіе не будетъ для тебя безполезно.

«Теперь о твоихъ статьяхъ. Начну съ того, что твоя статья уже напечатана и что она привела К(раевскаго) въ восторгъ своею ясностью, послѣдовательностью и простотою. Особенно его восхищаетъ твоя катка эмпиризму. Изъ статьи твоей вышло $1^1/_2$ листа съ небольшимъ, т. е. 150 руб. съ небольшимъ. Ты спрашиваешь, будутъ ли твои статьи считаться за одну или за двѣ:—смѣшной и дѣтскій вопросъ.—Тебѣ до этого нѣтъ дѣла: дѣло въ числѣ листовъ, а не въ числѣ статей. Раздроби цѣлую книгу на сто статей, или считай ее за одну статью,—число листовъ въ ней будетъ одно, а слѣдовательно и одна плата. К(раевскій) не ограничиваетъ твоей дѣятельности двумя статьями,—ихъ можетъ быть и пять и больше, да только съ разными условіями и ограниченіями»...

На этомъ сохранившаяся часть письма обрывается.

Предположеніе Николая Бакунина и Бѣлинскаго о томъ, что Мишелю придется отложить свой отъѣздъ въ Берлинъ на годъ, какъ уже мы знаемъ, оказалось невѣрнымъ. Онъ въ это время получилъ уже окончательное согласіе отца на немедленный отъѣздъ и спѣшно къ нему готовился. Краевскій, по его порученію, взялъ ему билетъ на пароходъ «Александра», отходившій изъ Петербурга въ Любекъ 29 іюня 1840 года.

ГЛАВА XXXIII.

Отношение Бакуниныхъ къ Станкевичу послѣ смерти Любови Александровны.— Печальныя вѣсти о здоровьѣ Станкевича, привезенныя Грановскимъ. — Ухудшеніе его здоровья въ зиму 1839 — 1840 г.—Письмо его къ Грановскому отъ 1 февраля 1840 г.—Пребываніе его въ Римѣ весной 1840 г. по письмамъ его къ Фроловымъ.—Пребываніе Варвары Александровны Дьяковой за границей.— Письма къ ней Мишеля и намѣреніе ея увидѣться со Станкевичемъ въ Неаполѣ. — Опасный оборотъ болѣзни Станкевича и рѣшеніе В. А. Дьяковой ѣхать къ нему въ Римъ. — Тревожныя письма ея домой. — Большое письмо Станкевича къ М. Бакунину отъ 19—21 мая (н. с.) 1840 г.—Отвѣты М. Бакунина В. А. Дьяковой и Станкевичу.—Письма Станкевича Фроловымъ.—Планъ занятій на зиму. — Предсмертное путешествіе Станкевича съ Варварой Александровной изъ Рима въ Генуи.—Письмо В. А. Дьяковой изъ Генуи.—Смерть Н. В. Станкевича. — Дневникъ В. А. Дьяковой послѣ смерти Станкевича. — Впечатлѣніе, произведенное смертью Станкевича на Бѣлинскаго и Грановскаго.— Замѣтка о немъ въ „Москвитянинѣ“ Погодина.

Варвара Александровна Дьякова, уѣзжая за границу, разсчитывала тамъ рано или поздно увидѣться со Станкевичемъ. Въ письмѣ отъ 2 октября 1838 г., уже послѣ смерти Любови Александровны, Мишель писалъ ей между прочимъ:... «скоро пришлю тебѣ адресъ Станкевича. Для меня онъ святой человѣкъ. Я его болѣе, чѣмъ люблю. Онъ меня разлюбилъ, но я его все больше и больше люблю» [1]...

Въ свою очередь Варвара Александровна, въ письмѣ отъ 21 ноября того же 1838 года, спрашивала брата: ...«Миша, писалъ ли ты Станкевичу? Я давно уже объ немъ не знаю»...

---

[1] Въ перепискѣ Грановскаго со Станкевичемъ („Переписка Т. Н. Грановскаго“, стр. 344) есть упоминаніе, въ письмѣ Грановскаго отъ 25 мая 1838 г., о какомъ-то разрывѣ Станкевича съ Мишелемъ, который очень мучилъ Станкевича. Повидимому, это касалось именно той размолвки между Станкевичемъ и Бакунинымъ вскорѣ послѣ отъѣзда за границу перваго изъ нихъ, которую Бакунинъ формулировалъ словами: „онъ меня разлюбилъ“.

Мишель долго не рѣшался сообщить Станкевичу о смерти Любови Александровны, и его увѣдомили о ней Бѣлинскій и братья Станкевича. Вообще послѣ смерти Любови Александровны, не смотря на чувства къ Станкевичу, о которыхъ Мишель писалъ въ письмѣ къ Варварѣ Александровнѣ, сношенія Бакуниныхъ со Станкевичемъ временно прекратились. И только уже весною 1839 года, когда за границу поѣхалъ Ефремовъ, Татьяна Александровна и Александра Александровна рѣшили отправить съ нимъ предсмертное, неоконченное письмо Любеньки къ Николаю Владиміровичу, сопроводивъ его своими коротенькими записочками. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, какъ подѣйствовала на Станкевича эта посылка [1]. Тогда же отправилъ Станкевичу и Мишель свое большое уже извѣстное читателю письмо отъ 13 мая 1839 года съ описаніемъ того состоянія, въ которое пришелъ тогда кружокъ Станкевича въ Москвѣ. Станкевичъ долго не отвѣчалъ на это письмо Мишеля и лишь въ письмѣ къ Грановскому, осенью 1839 г., просилъ передать Мишелю нѣсколько теплыхъ словъ, вызвавшихъ новое письмо Мишеля къ нему отъ 11 марта 1840 г., которое мы тоже привели въ своемъ мѣстѣ [2]).

Между тѣмъ уже Грановскій, пріѣхавшій въ Москву въ концѣ августа 1839 г., привезъ извѣстіе о томъ, что здоровье Станкевича плохо и что болѣзнь его нѣсколько разъ обострялась за границей опаснымъ образомъ. Какъ Грановскій опасался за него въ это время, видно изъ письма его къ Николаю Владиміровичу отъ начала ноября 1839 года [3]), несмотря на шутливый и веселый по наружности тонъ этого письма. Сообщая о полученіи письма Н. В. Станкевича къ младшему брату его Ивану Владиміровичу, Грановскій писалъ:

«... Мнѣ начала приходить въ голову несчастная рожа, съ какою ты пріѣхалъ ко мнѣ въ Зальцбрунъ. Слава Богу, что ты живъ (ей Богу, братъ, сталъ бояться: отъ тебя вѣдь всякая глупость станется)—и здоровъ. Но какъ же не написать ко мнѣ пяти строкъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ?»...

Въ письмѣ отъ 1 февраля 1840 г. Станкевичъ писалъ Грановскому изъ Флоренціи, что тамошній докторъ (англичанинъ)

---

1) Въ главѣ XXVII.

2) Въ главѣ XXVII.

3) Помѣщеннаго въ перепискѣ Т. Н. Грановскаго, на стр. 363.

«ручается за его долгую жизнь и здоровье», если онъ подчинится предписаніямъ доктора и будетъ вести себя осторожно относительно зимы. И тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, Станкевичъ пишетъ: ...«Недѣли за двѣ передъ этимъ, когда термометръ опустился градуса на три ниже точки замерзанія, я прогуливался много по Флоренціи, пообѣдалъ,—все хорошо, пришелъ домой и выпилъ чашку черного кофе. Вдругъ — Kitzel, кашель и раза два-три плюнулъ чистѣйшею кровью. Эта операція продолжалась дня два-три, и все понемножку; потомъ все прошло; но кашель сталъ посильнѣе. Теперь хоть и уменьшился, но всетаки есть порядочный. Докторъ англичанинъ, съ которымъ я совѣтовался, сказалъ мнѣ: «О Россіи теперь и рѣчи нѣтъ. Это раздраженіе случайно, но оно показываетъ, *что* у васъ есть. Эта простуда здѣсь ничтожна, но въ Россіи я ни за что не ручаюсь». Англичанинъ обѣщалъ отпустить его въ Россію черезъ двѣ зимы, послѣ того какъ онъ сдѣлается тогда «здоровъ и крѣпокъ навсегда». И бѣдный Станкевичъ прибавляетъ отъ себя: «*я во всемъ тѣлѣ* чувствую справедливость этихъ словъ и рѣшаюсь написать къ папенькѣ все, что мнѣ сказано, — иначе дѣлать нечего; но авось и слѣдующею весною я могу съѣздить въ Россію и воротиться къ зимѣ» [1])...

Это было послѣднее письмо его къ Грановскому. Затѣмъ, изъ писемъ къ Фроловымъ [2]), которымъ онъ писалъ очень часто изъ Рима и потомъ изъ Альбано и опять изъ Рима,—въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1840 г.,—можно прослѣдить, какъ провелъ онъ эти послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Письма эти—шедевры въ своемъ родѣ: съ необыкновенной живостью, граціей и милымъ кроткимъ юморомъ описываютъ они путешествіе, встрѣчи и времяпрепровожденіе больного русскаго туриста. По нимъ однимъ можно видѣть, что не напрасно любили его всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался. Изъ нихъ же видно, сколько вкуса и глубокаго, тонкаго пониманія по отношенію къ произведеніямъ искусства было у Станкевича.

Судя по этимъ письмамъ, имѣющимъ характеръ почти днев-

---

[1]) Переписка Н. В. Станкевича, изданная *П. В. Анненковымъ*, стр. 310.

[2]) ***Н. Г. Фроловъ***, извѣстный натуралистъ, переводчикъ Гумбольдта, другъ Станкевича и Грановскаго, женатый въ первый разъ на Е. П. Галаховой, одной изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ женщинъ того времени, скончавшейся отъ чахотки въ одинъ годъ со Станкевичемъ.

никовъ, видно, что Станкевичъ относительно недурно чувствовалъ себя въ мартѣ и въ первой половинѣ апрѣля. Онъ проводилъ время довольно весело и безпечно среди небольшой русской колоніи въ Римѣ, въ составѣ которой было нѣсколько интересныхъ и симпатичныхъ художниковъ, а также А. П. Ефремовъ и юный И. С. Тургеневъ [1]). Но вотъ 21 апрѣля хотѣлъ онъ написать письмо, но написалъ только пять словъ:

«21 апрѣля. Я уже почти...», и только черезъ четыре дня—25 апрѣля продолжалъ:... «уѣхалъ въ Неаполь—хотѣлъ я сказать, но судьба судила иначе. Докторъ папскій (Алерцъ) прервалъ фразу своимъ пріѣздомъ и велѣлъ мнѣ поставить піявки къ правой сторонѣ груди, гдѣ у меня сдѣлалась боль, подобная старой берлинской, но сильнѣе.—потомъ жаръ, лихорадка;—я воспротивился однако намѣренію бросить мнѣ кровь; дѣло пошло лучше, и теперь, хотя слабый, я чувствую себя довольно порядочно. Вотъ причина моего молчанія»...

Между тѣмъ, какъ разъ въ это время Станкевичъ собирался вмѣстѣ со спутниками своими, Ефремовымъ и Тургеневымъ, переѣхать въ Неаполь и тамъ разсчитывалъ встрѣтиться съ В. А. Дьяковой.

Варвара Александровна, поселившаяся сначала—осенью 1838 г. — на Рейнѣ, затѣмъ переѣхавшая въ Швейцарію и, наконецъ, на зиму перебравшаяся въ Италію, провела довольно томительную—вслѣдствіе полнаго одиночества—зиму въ Генуѣ; на лѣто она вновь переѣхала въ Швейцарію, а на зиму снова въ Италію. Она очень обрадовалась встрѣчѣ осенью 1839 года съ Ефремовымъ, который привезъ и ей, какъ и Станкевичу, письма изъ дома. Черезъ него у ней установились сношенія со Станкевичемъ, и она съ радостью ожидала свиданія съ нимъ въ Неаполѣ весной 1840 года [2]). Читатель уже знаетъ, что Варвара Александровна давно чувствовала большое расположеніе

[1]) Переписка, стр. 315 и слѣд. Воспоминанія Тургенева о Станкевичѣ въ *Вѣст. Евр.* за 1899 г., № 1.

[2]) Въ новомъ изданіи переписки Н. В. Станкевича, которое выпускаетъ теперь племянникъ его А. И. Станкевичъ, включено нѣсколько писемъ Н. В. къ В. А. Дьяковой. Изъ нихъ 7 послѣднихъ относятся къ 5 февраля—9 мая 1840 г. и очень подробно обрисовываютъ характеръ отношеній Станкевича къ В. А. Дьяковой въ это время. Замѣчательно, что почти всѣ они писаны по нѣмецки. См. это изданіе, стр. 724 — 744.

къ Станкевичу, которое ей самой иногда казалось черезчуръ сильнымъ, которое пробуждало въ ея мужѣ какую-то инстинктивную ревность къ нему и въ которомъ она сама призналась однажды Мишелю [1]. Теперь это едва сознанное чувство, повидимому, снова въ ней вспыхнуло.

Мишель неоднократно писалъ ей въ своихъ письмахъ, что очень хотѣлъ бы, чтобы она встрѣтилась за границей со Станкевичемъ, и что встрѣча навѣрное будетъ радостна для обоихъ. Въ одномъ письмѣ (изъ Москвы отъ 15 марта 1840 г.), которое, къ сожалѣнію, не сохранилось полностью, Мишель писалъ Варварѣ Александровнѣ, что ей и Станкевичу онъ болѣе всѣхъ обязанъ лучшими сторонами своей жизни. Вспоминая здѣсь съ благодарностью дѣтскую дружбу свою съ Варенькой и то благодѣтельное вліяніе, которое она всегда на него имѣла, указывая на то особое уваженіе, которое онъ питаетъ къ ней въ послѣднее время, Мишель переходитъ затѣмъ къ Станкевичу и пишетъ о себѣ, что послѣ того загрязненія, которое произошло съ нимъ во время ученія въ артиллерійскомъ училищѣ и военной службѣ, встрѣча со Станкевичемъ была для него спасеніемъ. «Она составляетъ,—пишетъ онъ,—эпоху, рѣшительный переломъ въ моей жизни. Онъ имѣлъ на меня вліяніе не только глубокимъ умомъ, благороднымъ направленіемъ своимъ, но и прекрасною, совершенно прозрачною непосредственностью всего существа своего. Зима, проведенная съ нимъ, до сихъ поръ самый счастливый періодъ моей жизни»... Далѣе начинается рѣчь о грустныхъ обстоятельствахъ, которыя развели его со Станкевичемъ, но, къ сожалѣнію, на этомъ сохранившаяся часть письма обрывается.

Станкевичъ, въ свою очередь, еще въ письмѣ отъ 1 февраля 1840 г. къ Грановскому упоминалъ, что онъ, можетъ быть, увидится съ Варварой Александровной въ Италіи. И вотъ, наконецъ, встрѣча эта должна была состояться въ апрѣлѣ 1840 г. въ Неаполѣ.

Но судьба не пустила туда Станкевича. Ефремовъ и Тургеневъ прибыли туда безъ него, а черезъ нѣсколько времени одинъ изъ новыхъ пріятелей Станкевича, художникъ Марковъ, извѣстилъ Ефремова объ опасномъ оборотѣ, который приняла

[1] Глава XXI.

хроническая болѣзнь Станкевича. Ефремовъ не скрылъ этого тревожнаго извѣстія отъ Варвары Александровны, и вѣсть эта произвела на нее потрясающее впечатлѣніе.

Получивъ это извѣстіе, Варвара Александровна рѣшилась тотчасъ же, ни минуты не медля, ѣхать къ Станкевичу вмѣстѣ съ Ефремовымъ, оставивъ своего маленькаго Сашу на нѣсколько дней съ компаньонкой (Елизаветой Ивановной), которую она взяла съ собой по настоянію отца и которая вообще, кажется, немало ее обременяла.

14 мая (н. ст.) изъ Неаполя извѣщала она сестеръ, что спѣшно ѣдетъ на другой день съ Ефремовымъ въ Римъ: «Станкевичъ,—писала она (по-нѣмецки),—опасно боленъ... Выживетъ ли онъ? Нѣтъ, мы не хотимъ загадывать... Богъ насъ помилуетъ. Богъ насъ не оставитъ — я много страшнаго перенесла, но я твердо вѣрю въ Него!

«И вы тоже, мои милыя,—о, нѣтъ, никакой смерти, никакого новаго траура не будетъ намъ — о, молитесь, молитесь, чтобъ Онъ не оставилъ насъ!

«Да будетъ воля Его!

«Не говорите ничего папенькѣ и маменькѣ. Для нихъ я въ Неаполѣ, а вы мнѣ пишите туда. Вотъ адресъ»...

И слѣдуетъ адресъ ея неаполитанскихъ знакомыхъ, а затѣмъ просьба—прислать денегъ, съ подробнымъ указаніемъ, какъ ихъ перевести.

Черезъ четыре дня она писала изъ Рима (18 мая 1840 г.):

«Никогда не была я такъ счастлива, но и никогда, никогда счастье не чувствовалось такъ горестно!.. Я ѣду съ нимъ вмѣстѣ, я буду за нимъ ходить, о немъ заботиться, онъ принимаетъ мою любовь. Все остальное пусть рѣшитъ Господь»..!

Въ этомъ же письмѣ она пишетъ, что и Станкевичъ пишетъ съ ней одновременно.

И дѣйствительно, въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней, 19—21 мая (н. ст.), Станкевичъ, воспрянувшій духомъ, вслѣдствіе пріѣзда Варвары Александровны, и почувствовавшій себя чуть ли не выздоровѣвшимъ, написалъ Мишелю огромное письмо, которое мы приведемъ здѣсь полностью [1]).

[1]) Пользуюсь случаемъ принести свою глубокую благодарность Алексѣю Ивановичу Станкевичу за сообщеніе мнѣ полнаго текста этого письма еще до напечатанія его въ новомъ изданіи переписки Н. В. Станкевича. За сообщеніе

«Любезный Мишель,—писалъ въ немъ Станкевичъ. — Ты, разумѣется, удивишься моему письму послѣ такого долгаго молчанія; ну, пока удивляйся,—это не вредно, а между тѣмъ я хочу тебѣ писать и на этотъ разъ не могу не писать.—Прежде всего скажу тебѣ, что Варвара Александровна здѣсь, въ Римѣ. Я собирался ѣхать въ Неаполь, заболѣлъ,—а она, узнавши объ этомъ, пріѣхала нарочно, чтобы меня видѣть. Другъ мой, Мишель! Несмотря на твои несправедливыя предположенія, къ которымъ я, можетъ быть, подалъ поводъ своею безалаберностью, ты повѣришь мнѣ, когда я самъ скажу тебѣ, что каждое лицо Вашего семейства для меня вѣчно свято, что я храню память объ немъ вмѣстѣ съ памятью всего лучшаго и святѣйшаго въ первомъ, юношескомъ періодѣ моей жизни, что я не знаю для себя лучшаго, больше чистаго, больше отраднаго міра. Теперь ты можешь судить, что такое для меня святое, братское участіе сестры твоей—я не умѣю тебѣ сказать ни слова о томъ, что произвелъ пріѣздъ ея, но она это видитъ; я въ этомъ увѣренъ. Я только спрашиваю себя день и ночь: за что? за что это счастье? Оно незаслуженно совсѣмъ. Она окружаетъ меня самою сильною, самою святою братскою любовью, она распространила въ кругъ меня сферу блаженства, я дышу свободнѣе, у меня поднялось и здоровье и сердце, я становлюсь и крѣпче и святѣе. Но довольно объ этомъ:—къ тебѣ. Она показала мнѣ письмо твое, которое она получила на дняхъ. Другъ мой! ты съ одной стороны слишкомъ много даешь мнѣ участія въ твоемъ внутреннемъ процессѣ. Я ли, другой ли, книга ли сдѣлали бы то же; это только внѣшнее побужденіе: внутренняя сила дѣлаетъ все, съ другой—ты горько несправедливъ ко мнѣ, но виноватъ въ этомъ одинъ я. Мишель! Какъ бы много ни было въ насъ недостатковъ, ты долженъ согласиться, что мы давно вышли изъ животной сферы невольныхъ впечатлѣній и что лицо не можетъ для насъ играть роль какой-нибудь вещи, напоминающей то или другое состояніе души—иначе я долженъ бѣжать всѣхъ, кого встрѣчалъ въ минуты моихъ страшныхъ душевныхъ раздоровъ!—Что касается до причинъ, которыя бы могли развести насъ—я не

корректурныхъ листовъ этого послѣдняго изданія я также глубоко обязанъ А. И. Станкевичу.

вижу никакихъ. Ты могъ охладѣть ко мнѣ, это не было бы невольное впечатлѣніе: ты съ упрекомъ могъ оттолкнуть меня — и я не имѣлъ бы права жаловаться. Но ты съ братскими слезами раздѣлялъ мои страданья и мучился за меня столько же, сколько за тѣхъ, которые ближе всего были къ твоему сердцу. Мишель! послѣ всего этого оправданіе, которое ты стараешься дать моему мнимому чувству къ тебѣ—непослѣдовательность и противорѣчіе. Въ моихъ чувствахъ къ тебѣ ничего не перемѣнилось—и если въ иныхъ письмахъ моихъ (ты) видѣлъ гримасы, то это отъ того, что я въ самомъ дѣлѣ былъ въ судорогахъ. Въ одномъ твоемъ письмѣ ты нѣсколько абстрактно судилъ и обвинилъ меня; я былъ *правъ въ душѣ*, но, можетъ быть, могъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Такая вещь также не могла развести насъ; но довольно объясняться—когда-нибудь подробности можно будетъ объяснить изустно. Теперь о моемъ молчаніи. Я не отвѣчалъ тебѣ съ прошлой осени. Мишель! Тутъ разсуждать много нечего. Тутъ все приходитъ на случай и на человѣка. Грановскій спрашивалъ меня тогда, отвѣчалъ ли я тебѣ? «Что-жъ я могу сказать ему?»—это былъ мой отвѣтъ ему—и теперь тебѣ. Я заболѣлъ потомъ сильно въ Берлинѣ простуднымъ кашлемъ, который длился у меня долго, уступилъ было лѣтомъ, но начался съ зимою вновь и мучитъ меня теперь. Во все это время я и безалаберность были одно и то же. Письмо твое, пришедшее съ Ефремовымъ, обрадовало меня. Я собирался отвѣчать—между тѣмъ проѣхалъ поперекъ Европу, сбираясь. Изъ Москвы я не получалъ давно никакихъ извѣстій, кромѣ одного только письма отъ Грановскаго, все это еще больше мѣшаетъ взяться за перо. Это ужъ дѣло повседневное, и ты поймешь его, если оно есть и въ твоей натурѣ.—Наконецъ, я увидѣлся съ Варварой Александровной, и послѣ того, что увидѣлъ въ письмѣ твоемъ къ ней, не могъ не писать тебѣ, не вывести тебя изъ заблужденія, которое для меня тяжеле, нежели для тебя. Нѣтъ, Мишель! Между нами не становилось никакой стѣны, никакихъ перемѣнъ не можетъ быть въ нашихъ отношеніяхъ, не говоря о золотой серединѣ—то, что сдѣлала судьба, должно еще больше сблизить насъ, потому что она сняла съ насъ все накидное, разрушила всѣ призраки,—а мнѣ показала всю силу твоей дружбы. Мишель! Я хочу вѣрить, что это письмо разогнало

твои сомнѣнія; я не люблю объясняться, я всегда надѣюсь на мое слово—зачѣмъ говорить мнѣ тебѣ выдумки—ты долженъ мнѣ вѣрить, дай мнѣ руку и съ этихъ поръ все ясно между нами.

«Теперь я поразскажу о себѣ. Мое пребываніе въ Римѣ было очень безотрадно, здоровье мое было постоянно schwankend. Наконецъ, къ Пасхѣ я схватилъ лихорадку и боль въ боку, послѣдняя прошла, но первая (она тоже прошла) оставила слѣды—я еще слабъ, хотя поправляюсь съ каждымъ днемъ съ пріѣзда сестры твоей. Мой докторъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Эмсъ, но сегодня, на общей консультаціи, положено, чтобъ я ѣхалъ на Lago di Como и тамъ пилъ эмскую воду. Варвара Александровна также намѣрена туда ѣхать, а зиму мы думаемъ провести вмѣстѣ въ Ниццѣ. Эта будущность даетъ мнѣ теперь силы и заставляетъ сердце трепетать отъ радости. Работы я не могъ предпринять никакой весь нынѣшній годъ—и ужасно отсталъ. Зиму мы перебалтывали во Флоренціи логику съ Фроловымъ. У меня въ головѣ много плановъ на счетъ Studieren und Schreiben, но для этого нужно хоть немного здоровья. Зимою хочу приняться за Исторію Философіи. Эта часть у меня не отдѣлана (кромѣ новой), а она важна для Логики. Главный вредъ пребыванія внѣ Германіи въ томъ, что не слѣдишь за новыми успѣхами, и вы въ Россіи можете знать о нихъ больше, чѣмъ я въ Италіи. Но теперь я буду близко къ нѣмецкой границѣ и надѣюсь запастись многимъ. Поитальянски совсѣмъ читать нечего. За Данта лѣнь приняться, чувствую, что больше будетъ труда, нежели удовольствія. Для очистки совѣсти и чтобы фамилизировать съ языкомъ, заглядываю въ Тасса. Изъ новыхъ нечего читать совсѣмъ.—Хотѣлось бы привести съ собой нѣсколько вещей Фейербаха. Er hat eine gewaltige Natur; Etwas volles, ganzes in seinem Wesen, aber dies Feuer, diese Kraft führte ihn manchmal zu weit, so dasz er unconsequent wird und dem Schriftsteller den er recensiert, das vorwirft, was jener grade zu widerlegen sucht [1]). Нельзя не удивиться, какъ глубоко иногда онъ схватитъ понятіе и какъ

---

[1]) У него сильная натура; что-то полное, цѣльное въ его существѣ; но этотъ пылъ, эта сила подчасъ заводили его черезчуръ далеко,—такъ что онъ становился непослѣдовательнымъ и приписывалъ рецензируемому имъ писателю то, что тотъ какъ разъ старался опровергнуть.

въ другомъ дѣтски запутается. Онъ глубокій чтитель Гегеля—называетъ его трезвымъ между пьяными, но требуетъ дальнѣйшаго хода. При всѣхъ его недостаткахъ, его весело читать. Въ немъ есть начало жизни, которое веселитъ. Es ist Etwas vom alten Schelling in ihm, aber ohne Fantasterei. Но я черезчуръ расписался—усталъ. Пора кончать. Ты знаешь Грановскаго: скажи мнѣ, ради Бога два слова объ немъ: что съ нимъ дѣлается? Я получилъ отъ него письмо, въ генварѣ, онъ жаловался на свою слабость и съ тѣхъ поръ отъ него ни слова. Я не пишу къ нему тоже, поджидая отвѣта. Если апатія и карманное страданіе (которое въ опредѣленные сроки находитъ на всякаго ученаго человѣка) мѣшаютъ ему—ну еще Богъ съ нимъ. Но я боюсь, не боленъ-ли онъ? Напиши мнѣ двѣ строчки о немъ. Также о Драшусовѣ, если ты его знаешь.

«Что дѣлается въ Литературѣ? Нѣтъ ли какого-нибудь журнала, гдѣ бы можно было не начкавшись напечатать статью? У меня ихъ много—*въ головѣ*,—журналъ не шарлатанъ и не продажный: вотъ все требованіе—разумѣется, ***читаемый***, а то противное хуже двухъ первыхъ. Лучше же оставить статью въ головѣ.

«Варвара Александровна тоже собирается писать къ тебѣ. Я уже въ письмѣ къ Грановскому объяснилъ, почему не отвѣчалъ на письмо Татьяны и Александры Александр. — *не смѣлъ*. Теперь осмѣлюсь. Но на сегодня для меня довольно. Надѣюсь скоро получить отъ тебя отвѣтъ.

«Bei allen menschlichen Leiden, die ganz natürlich deine Schwester in ihrer ganz einsamen Lage, erdulden musste, ist doch jetzt Etwas Helles Ihren Zügen eingeprägt—sie ist einsam wohl, aber unabhängig, ihr Herz kann sich doch manchmal sich selbst hingeben, der Schreckenschatten steht nicht mehr hinter ihr. Wäre es nur möglich diese Lage zu sichern, dasz Sie auch in Russland, inmitten in der geliebten Familie ebenso frei und sich selbst leben könnte. Auf den kindischen, launischen Willen seines Mannes kann man sich nicht verlassen,—könnte man doch Etwas gesetzlich für sie thun, oder was die Gesetze einigermaszen zulaszen; wenn ihr Vater es wollte, könnte er nicht in Petersburg unter den wohlgesinnten Menschen eine Protection finden? Das Kind muss auf jeden Fall bei ihr bleiben, ohne diesz ist kein Schritt zu thun. Guter Michel! Du hast viel, viel für sie gethan,

du hast ihr sie selbst wiedergegeben—und der Welt. Ich kann unmöglich umhin, dir in meinem Herzen zu dancken. Wollte der Himmel, es geschehe doch am Ende Alles für sie! [1]).

«Не могу больше писать. Прощай и будь здоровъ. Пока не могу дать тебѣ другого адреса, какъ: Станкевичу—à M. Stankewitch, à Florence, Grand Duché de Toscane—aux soins de M-r Fenzi et C°. Не знаю еще, какъ мы устроимся въ Комо. Кланяйся всѣмъ нашимъ друзьямъ и напомни обо мнѣ сестрамъ, которыхъ я всегда одинаково чту и люблю. Будь здоровъ.

Твой *Н. Станкевичъ*".

«Мая 20. Вчера мы не успѣли отослать писемъ, какъ вдругъ — пуфъ! является тетрадь изъ Флоренціи. Слава Богу — Грановскій живъ и если не совсѣмъ здоровъ, то, Богъ дастъ, поправится лѣтомъ. Отъ него получилъ я подробныя извѣстія—и твое письмо. Мой милый Мишель! Какъ можно такъ поддаваться хандрѣ? Неужели не сладить въ два года съ Логикою, значитъ имѣть малыя способности, и неужели двухгодовая — не хочу сказать неудача, потому что ты всетаки много пріобрѣлъ (объ этомъ свидѣтельствуетъ Грановскій).—но не полная удача можетъ заставить отчаяться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ. Шутъ ты! Побывать въ Берлинѣ хоть на *одинъ* семестръ было бы тебѣ *положительно* полезно, ты успѣлъ бы пріобрѣсти кое что; но еще полезнѣе была-бы для тебя увѣренность, какъ *немногимъ* довольствуются тамъ люди, предоставляя времени

---

[1]) Послѣ всѣхъ человѣческихъ страданій, которыя твоя сестра совершенно естественно должна была претерпѣть въ ея совершенно уединенномъ положеніи, теперь на чертахъ ея остался какой-то свѣтлый отпечатокъ. Она въ уединеніи чувствуетъ себя спокойно и независимо, ея сердце можетъ теперь отдаться самому себѣ: страшный призракъ не стоитъ у нея за спиной. Если бы можно было это положеніе упрочить, чтобы и въ Россіи она могла жить среди своего любимаго семейства столь же свободной и самостоятельной? Вѣдь на дѣтскую, капризную волю ея мужа нельзя положиться; нельзя ли поставить ее подъ защиту закона или сдѣлать для нея то, что нѣкоторымъ образомъ законами дозволяется? Не могъ ли бы ея отецъ—если бы онъ этого захотѣлъ—найти для нея въ Петербургѣ защиту у благомыслящихъ людей? Ребенокъ во всякомъ случаѣ долженъ остаться у нея, безъ этого не слѣдуетъ дѣлать никакихъ шаговъ. Добрый Мишель, ты много, очень много для нея сдѣлалъ—ты возвратилъ ее самой себѣ и свѣту. Я не могу достаточно возблагодарить тебя за это въ моемъ сердцѣ. Да поможетъ небо, чтобы все благополучно кончилось для нея.

и дальнѣйшимъ трудамъ объяснить остальное!—Изъ лекцій Вердера я выбралъ обзоръ Логики, схватилъ нить категорій и разучилъ въ каждой что-нибудь: иная мнѣ живѣе, другая нѣсколько loser. все истинно,—но иногда не совсѣмъ ясно: зачѣмъ является еще въ новомъ видѣ старая категорія, когда бы можно идти впередъ? Тутъ еще довольно неоконченнаго. Большой Логики я не изучалъ по совѣту Вердера. Представь себѣ: человѣку нужно объяснить себѣ категорію во всей ея чистотѣ,—а она у него разработана на 50 страницахъ со всѣми мелочами, которыя нужны для примѣненія къ особ. вопросу въ ест. наукахъ и т. п. Какъ изучать? Прежде всего надо выжать цѣлое, прочесть цѣлое, хоть не понимая совсѣмъ.— Это почти необходимо, но это легко сдѣлать въ Энциклопедіи. Каково-жъ читать 50 стр. не понимая? Я писалъ ужъ тебѣ, что намѣренъ поработать надъ Истор. Философіи, это я считаю логическимъ трудомъ. Между тѣмъ надо по возможности слѣдить и за новыми. Философія теперь д. б. разработана и потомъ слита, такъ сказать, въ одну точку. Фейербахъ требуетъ, что, какъ *бытіе* есть мнимое начало, то почему не начать съ Истиннаго, съ *Идеи*. Ходъ Философіи, какъ у Гегеля, необходимъ по его, но только zum Behuf der Erkenntniss, es ist die Wahrheit, wie sie den Andern ausgelegt wird [1]). Теперь надо вывести все изъ идеи. Мысль яркая, но она приводитъ меня къ другой. Философія есть *наука*, и какъ всякая наука, работа, борьба ума съ предметомъ; она—ходъ отъ конечн. къ абсолютному. Какъ скоро найдена идея, такъ въ ней совершилось fusion. Идея, прозрачная себѣ самой, есть жизнь абсолютнаго: какъ мы дошли до Идеи—намъ ненужно больше никакой науки: требуютъ, чтобъ показали *жизнь идеи въ себѣ*, а не поколику она постепенно объясняется еще незнающему. Но ея жизнь въ себѣ есть именно знаніе о себѣ, къ которому она пришла путемъ борьбы—и сама въ себѣ, безъ этой борьбы, она есть самосозерцаніе [2]) блаженствъ. Наука исчезла. Но изъ идеи можно построить жизнь, т. е. Идея непремѣнно становится *дѣломъ* и знаетъ свое дѣло и наслажда-

[1]) Но только для возбужденія стремленія къ познанію, истина такова, какъ она изложена другому.

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ: самозерцаніе.

ется имъ.—Есть брошюрка Цѣшковскаго. Prolegomena zur Historiosophie,— у него три періода въ Исторіи: Kunst, Wissenschaft (мы въ концѣ этого періода) und That. Раздѣленіе не вѣрно, потому что основано не на идеѣ исторіи. Но послѣдняя мысль, что наука должна перейти въ дѣло, исчезнуть въ немъ, справедлива.—Теперь замѣтно это общее требованіе связать скорѣе эти разбросанныя категоріи съ жизнью сердца, слить философію въ одно [1]) ощущеніе, чтобъ она была не въ головѣ, а въ крови, въ тѣлѣ, во всемъ существѣ. Я люблю это законное требованіе: ему удовлетворять постепенно — неосторожно. Ему можно удовлетворить теперь, когда геній Гегеля распуталъ, наконецъ, чувст. представленія и мысли. До него это было бы невозможно, все вышло бы Phantasterei.

«Кромѣ Истор. Философіи я изрѣдка намѣренъ работ. по этой части. Думаю написать нѣсколько популяр. писемъ, если удастся. Филос. Религіи и Исторію Религіи Штура авось прихвачу также. Все это назначается къ сентябрю, къ Ниццѣ, если позволитъ мое здоровье.—«*Богатая натура моя* и обстоятельства позволили мнѣ осуществить свою внутренность» etc. Ге, ге, Пане! Та де жъ вона, отся натура? Какой ты вздоръ говоришь. Я осуществилъ не болѣе тебя, но меньше безпокоюсь. Знаю, что съ этимъ маленькимъ знаніемъ, хоть бы я и не подвинулся, я могу жить, понимая жизнь и наслаждаясь ею,—ну, разумѣется, если только кости мои облекутся немного плотію, а то плохо, а главное, если утихнетъ кашель.

«Если тебѣ будетъ возможность собраться хоть на одинъ семестръ въ Берлинъ, разумѣется, это хорошо. Если ты имѣешь что нибудь въ виду для этого, хлопочи безъ хандры и страха и съ рѣшеніемъ напередъ, что если это не удастся, ты найдешь другой выходъ. Надо будетъ хоть на нѣсколько времени резигнироваться,—уроки едва ли ты можешь. Нельзя ли тебѣ пожить въ семействѣ, числясь гдѣ нибудь (это нужно для спокойствія—разум., если не удастся пока поѣздка въ Берлинъ) и заняться спокойно, понемногу, хоть Истор. Философіи, заглядывая изрѣдка въ Логику. Между тѣмъ можешь работать для какого-нибудь журнала. Я не умѣю тебѣ дать другого совѣта—надо устроить свою внѣшность, по крайней

[1]) Слово это оторвано и вписано здѣсь по догадкѣ.

мѣрѣ. tant bien que mal, безъ того не предашься съ спокойнымъ духомъ наукѣ. Между тѣмъ, у тебя всегда еще можетъ остаться надежда побывать въ Берлинѣ—не надо терять настоящаго и быть устроеннымъ во всякую минуту и жить каждую минуту и не робѣть. Ради Бога, мой другъ, устрой какъ можешь, какъ нибудь свое настоящее, если ужъ не имѣешь явной возможности ѣхать къ нынѣшнему семестру въ Берлинъ. Отставку всегда дадутъ, только заблаговременно похлопотать объ ней.—Не хандри же, а когда придетъ дрянь въ голову, пиши ко мнѣ, тебѣ легче будетъ, а я всегда готовъ отвѣчать все, что внушитъ мнѣ сердце. Не знаю, успѣю-ли что нибудь еще приписать къ тебѣ, утомляюсь скоро, а мнѣ еще предстоятъ письма. Къ сестрамъ твоимъ напишу очень скоро,—теперь не могу—и перешлю черезъ Грановск., которому очень скоро буду отвѣчать. Пойду сейчасъ къ Варв. Александр. Не можешь себѣ представить, какое блаженство далъ мнѣ ея пріѣздъ».

21 мая.

«Сейчасъ заглянулъ еще въ письмо твое. «Если не удастся въ Берлинъ, ты не намѣренъ ни о чемъ хлопотать, не ты первый, не ты послѣдній обманулся въ идеальномъ стремленіи—тебѣ 26 лѣтъ». Полно, Миша! хлопочи о Берлинѣ; если не удастся, хлопочи о другомъ. Но не ложиться! 26—! Эка бѣда! Какъ будто измѣрено, въ какую эпоху духъ перестаетъ дѣйств. въ человѣкѣ. Никогда! хоть 30! Хоть начать въ 30! И чѣмъ же мы разнимся въ нашихъ успѣхахъ—я только покойнѣе на счетъ неуспѣховъ, и кажется яснѣе вижу.—Бодрость, смѣлость, любовь, дѣло! Да пиши ко мнѣ. Прилагаю письма Варвар. Александровны. Мнѣ смѣшно, что я долженъ взывать къ тебѣ такъ, какъ ты нѣкогда ко мнѣ. У всякаго своя очередь—никто не назади и не впереди. Ну, съ Богомъ же!—Прощай—будь здоровъ, свѣтелъ и смотри на все sub specie aeternitatis.

Твой *Н. Станкевичъ*".

На письма сестры и Станкевича Мишель отвѣчалъ каждому изъ нихъ особо.

Варварѣ Александровнѣ онъ писалъ:

«Милая, добрая Варенька,—Станкевичъ боленъ, и ты теперь съ нимъ. Ради Бога, напиши скорѣе, лучше ли ему и попра-

вляется ли онъ. Ты пишешь, что жизнь его въ опасности: Нѣтъ, Варенька, онъ не можетъ умереть,—такіе люди не должны умирать! Не знаю, какъ и почему, но я увѣренъ въ его выздоровленіи... Смерть его отняла бы слишкомъ много у всякаго, хоть сколько нибудь знающаго его. А ты знаешь, чѣмъ онъ всегда былъ и чѣмъ никогда не перестанетъ быть для меня. Ты знаешь, какъ горяча, какъ безконечно глубока моя любовь къ нему и какъ безусловна моя вѣра въ него.

«Да, Варенька, ты счастлива теперь, ты свободна, ты могла дать полную волю влеченію своего сердца.

«Я знаю, твое присутствіе оживляетъ его, я знаю, какъ онъ любитъ тебя, какъ онъ благоговѣетъ передъ тобой—твое присутствіе освѣжитъ его душу.

«Милая Варенька, какъ я люблю тебя за то, что тебя ничто не остановило, что ты, несмотря на всѣ препятствія и внѣшности, рѣшилась поѣхать къ нему.

«Это свиданіе вознаградитъ васъ обоихъ за множество перенесенныхъ вами страданій. Знаешь, Варенька, онъ для меня единственный человѣкъ, а ты единственная женщина въ полномъ смыслѣ этого слова. Я такъ же глубоко люблю его, какъ и тебя, я равно благоговѣю и преклоняюсь передъ вами. Я жаждалъ вашего свиданія — и вотъ наконецъ мое желаніе исполнилось. Вы теперь вмѣстѣ, вы можете, должны быть и будете истинными, святыми друзьями.—Это было необходимо для васъ обоихъ. Ради Бога, напиши мнѣ сейчасъ же по полученіи этого письма о его здоровьи. Адресуй такъ письмо: à Berlin, poste-restante. Вѣроятно, что 29 іюня я выѣду изъ Петербурга на пароходѣ»...

Остальная часть письма посвящена предстоящему его отъѣзду и всему тому, что для него было связано съ этимъ событіемъ. Къ ней мы еще вернемся.

Станкевичу Мишель писалъ (отъ 18 іюня 1840 года изъ Премухина):

«Милый Станкевичъ! Я не стану благодарить тебя за письмо твое. Все, что я сказалъ бы, не выразило бы и половины того глубокаго, святого, радостнаго чувства, которое оно произвело во мнѣ. Благодарю тебя, другъ! Возвративъ мнѣ твою дружбу, или достовѣрность твоей дружбы, ты мнѣ отдалъ лучшую часть моего собственнаго существованія. Тебѣ не нужно было

много объясняться для того, чтобы разсѣять мои сомнѣнія. Одного живого слова твоего было достаточно для того, чтобы пробудить въ душѣ моей старую непоколебимую вѣру въ тебя. Я чувствую, что ты снова сталъ моимъ, и ты не знаешь, какъ много это чувство даетъ мнѣ блаженства.

«Я давно желалъ вашего свиданія съ сестрою, и вотъ, наконецъ, мое желаніе исполнилось. Я знаю, вамъ обоимъ необходимо было встрѣтиться и вамъ хорошо будетъ вмѣстѣ.

«Скажи ей только, чтобы она взяла нужныя предосторожности. Папенька писалъ къ ея знакомому коменданту [1]) и къ своему родственнику Ивану Матвѣевичу Муравьеву [2]), пребывающему во Флоренціи. Wenn sie nicht will, dasz man hier von ihrer Ankunft in Rom erfahren, so muss sie den Comendant bitten, in seiner Antwort vorsischtig zu sein. Übrig überlasse ich alles ihrer Besonnenheit, obgleich sie oft für unbesonnene ist [3]).

«Я не стану тебѣ много писать, потому что теперь я въ сильныхъ хлопотахъ; черезъ три дня я выѣзжаю отсюда, а черезъ 11 дней, т.-е. 29 іюня, сажусь на пароходъ и отправляюсь въ Берлинъ. Итакъ, Любезный Станкевичъ, я наконецъ буду въ Берлинѣ! Мнѣ грустно оставлять сестеръ и родителей—тѣмъ болѣе грустно, что много узловъ осталось еще неразвязанныхъ. Но что-жъ дѣлать,—я наконецъ созналъ, что спѣшить не надо и что многое должно предоставить времени. Мнѣ необходимо было ѣхать, потому что духъ мой дошелъ наконецъ до такой болѣзненности, что на немъ не осталось наконецъ ни одного здороваго мѣста.

«Теперь я уже почти здоровъ,—и готовлюсь посвятить всѣ свои средства и время свое наукѣ. Во мнѣ снова пробудилась вѣра въ возможность достиженія.

«Изъ Берлина буду много писать тебѣ,—а теперь всѣ мои

---

1) Итальянскій генералъ Руберти — комендантъ форта Сентъ-Эльме, съ семьею котораго В. А. Дьякова подружилась въ Неаполѣ.

2) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, извѣстный дипломатъ и писатель, отецъ декабристовъ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ.

3) Если она хочетъ, чтобы здѣсь не знали о ея прибытіи въ Римъ, то пусть она попроситъ коменданта принять это въ соображеніе въ его отвѣтѣ (Александру Михайловичу). Впрочемъ, все остальное я предоставляю ея осмотрительности, хотя часто оказывалась она неосмотрительной.

мысли и чувства въ разбродѣ. И ты также пиши мнѣ и не оставляй меня совѣтами, а особливо касательно моихъ берлинскихъ занятій. Ты теперь человѣкъ опытный, знаешь, какъ за это должно приниматься,—и опытность твоя можетъ мнѣ быть очень полезна. Если будешь писать къ Вердеру, то замолви ему за меня словечко. Грановскій обѣщалъ дать мнѣ къ нему и къ другимъ письма, но до сихъ поръ еще не прислалъ ихъ.—Онъ теперь въ деревнѣ. Онъ славный, милый, теплый и умный человѣкъ. Всю эту зиму я былъ въ гипохондрическомъ состояніи духа и потому не могъ съ нимъ сблизиться. Но это не помѣшало мнѣ искренно полюбить его. Въ университетѣ онъ пробудилъ сильное и живое участіе къ своему предмету. Студенты любятъ и уважаютъ его,—по гуманитатности своей, онъ лучшій изъ всѣхъ профессоровъ, между которыми теперь есть много прекрасныхъ и истинно полезныхъ людей.

«Прощай, Станкевичъ, съ радостью я жму твою руку. Изъ Берлина буду много писать, и ты пиши мнѣ туда poste restante. Поцѣлуй Ефремова въ переносицу и скажи ему (сверху приписано его же рукой: отъ сестеръ), чтобъ не позабывалъ своей должности и каждое утро приносилъ сестрѣ букетъ цвѣтовъ».

Сбоку рукой Татьяны Александровны приписано:

«Пожалуйста, не вѣрьте Мишѣ, онъ всегда выдумываетъ на сестеръ—это старая привычка. Письмо Ваше насъ всѣхъ обрадовало—мы такъ боялись, такъ боялись за васъ! Берегите здоровье—жизнь должна быть дорога вамъ, она такъ полна, такъ богата—эта жизнь. Дольше не возвращайтесь въ Россію—холодъ повредитъ вамъ. Тамъ въ тепломъ, свободномъ краю—лучше, чѣмъ здѣсь. Зачѣмъ же спѣшить?—Удержите и Вареньку. Весело думать, что ей хорошо теперь. Пожалуйста, только говорите съ Сашей по-русски, чтобъ онъ не позабылъ своего языка. Миша тоже уѣзжаетъ, и мы не хотѣли, чтобы Варенька возвратилась безъ него, хоть папенька и маменька очень ждутъ ее. Прощайте, Христосъ съ вами. Александръ Павловичъ [1]) вѣрно не совсѣмъ позабылъ насъ.

Т. Б. ».

[1]) А. П. Ефремовъ.

Александра Александровна тоже приписывала двѣ строчки: «Мишель увидитъ васъ за границей и разскажетъ вамъ много про Россію, про Премухино—вспомните и насъ тогда. Поклонитесь отъ меня Ефремову.

Александра Бакунина».

Увы! Это письмо, которое должно было бы придать новый штрихъ мира и спокойствія Станкевичу и Варварѣ Александровнѣ, уже не застало Станкевича.

21 мая Станкевичъ писалъ своимъ друзьямъ Фроловымъ:

«Судьбы мои удивительно перемѣнчивы, но къ лучшему. Я уже готовился выѣхать во Флоренцію, какъ вдругъ по письму Маркова, который описалъ меня чуть живымъ, пріѣхалъ сюда изъ Неаполя Ефремовъ и съ нимъ Дьякова. Какъ ни досадовалъ я на тревогу, которую имъ надѣлали, но пріѣздъ Дьяковой былъ для меня неожиданной радостью. За нею послѣдовала другая. Мой докторъ, которымъ я очень доволенъ (совѣтовавшій мнѣ Эмсъ), теперь переговорилъ съ нею и со мною еще разъ и рѣшилъ, что я могу получить еще больше пользы, не подвергаясь притомъ перемѣнчивому климату, если проведу лѣто на озерѣ Комо и тамъ буду пить привозную эмскую воду съ сывороткою. Дьякова тоже намѣрена туда ѣхать со мною: она дожидается изъ Неаполя сына и компаньонку, и мы поѣдемъ во Флоренцію. Вы уже знаете ее по моимъ словамъ,—можете судить, что такое для меня ея общество! Я ничего не могъ желать больше и если ужъ въ чемъ можно видѣть Dämonisches,—такъ въ этомъ случаѣ оно является въ полномъ свѣтѣ. Здоровье мое лучше, т.-е. лихорадка пропила или обнаруживается иногда на полчаса, но всякій ужъ порядочный человѣкъ въ Римѣ боленъ теперь лихорадкою... Брынгинскій [1]) по ночамъ, въ бреду, воображаетъ себя папою Львомъ X (онъ читалъ что-то объ немъ), Ефремова—Брамою; а я, когда у меня была лихорадка, командовалъ кораблемъ и вооружался противъ Chien Diable (изъ романа капитана Марріетта)...

«Теперь я ничего не дѣлаю. Вчера и третьяго дня мы взглянули на Петра, Пантеонъ и Колизей—и я благословилъ Небо которое хочетъ, чтобъ образъ Рима дружески покоился въ душѣ

[1]) Одинъ изъ ихъ общихъ знакомыхъ въ Римѣ.

моей: сквозь бредъ лихорадки я не могъ наконецъ подумать ни объ одномъ памятникѣ безъ тошноты.—Колизей заросъ еще болѣе: зелень на немъ очаровательная, а небо, которое стало еще темнѣе, украсило его такъ, что трудно выйти оттуда. Я былъ радъ видѣть все это вмѣстѣ съ Дьяковой. Все дѣйствуетъ на нее прямо, просто и живо»...

1 іюня (н. с.) онъ писалъ имъ же:

«Наконецъ сынъ Дьяковой съ гувернанткой пріѣхали, и мы послѣ-завтра съ веттурино двигаемся съ мѣста; 6-го къ вечеру будемъ во Флоренціи... Мое здоровье незавидно, но на грудь жаловаться не могу. А безсонницу, лихорадочное и какое-то глупое, полусонное состояніе докторъ рѣшительно приписываетъ Риму. Онъ говоритъ, что, несмотря на свою корпуленцію, страдаетъ тѣмъ же. Меня обѣщалъ рекомендовать доктору графини Шварценбергъ, которая должна быть нынѣшнее лѣто тамъ же въ Комо: говоритъ, что онъ отличный лѣкарь и рѣдкій человѣкъ. Все въ порядкѣ.

«Я не въ состояніи почти смотрѣть въ книгу, и, несмотря на это, у меня въ головѣ планы работъ ужасныхъ—не знаю, что изъ этого всего выйдетъ. Поговоримъ при свиданіи. Я вамъ не говорилъ еще, что зиму располагаю провести *рѣшительно* въ Ниццѣ. Правда, что въ иной годъ и тамъ вдругъ поднимется трехнедѣльный трамонтано, но это исключеніе, а надежнѣе нѣтъ города въ Италіи. Хочу серіезно поправиться, а работу привезу туда съ собою» [1])...

Въ первыхъ числахъ іюня (н. с.) Станкевичъ, Ефремовъ и Варвара Александровна съ Сашей выѣхали изъ Рима черезъ Флоренцію,—гдѣ они видѣлись съ Фроловыми,—черезъ Генуя, на Миланъ, откуда должны были попасть на озеро Комо; но имъ не суждено было туда доѣхать.

Ѣхали они медленно, съ постоянными остановками и передышками на нѣсколько дней. 21 іюня (н. с.) они были въ Генуѣ, и Варвара Александровна писала оттуда въ Премухино:

«Друзья милые, коротко и жутко будетъ мое письмо—мало, можетъ быть нѣту надежды къ его выздоровленію. Доктора уже выговорили свой страшный приговоръ... Но нѣтъ,—я еще не вѣрю: я еще какъ будто держусь за что-то... Эта дорога

[1]) Переписка, стр. 351. Новое изд. 714.

его утомила. Ему, казалось, было уже такъ лучше—это не былъ обманъ: всѣ это видѣли. Теперь онъ страшно упалъ—жаръ, утомительная ежедневная дорога... Но можетъ быть, ахъ, можетъ быть—это опять пройдетъ. Теперь только три дня до Милана. Завтра мы выѣзжаемъ,—оттуда до Комо, гдѣ мы проведемъ лѣто, только нѣсколько часовъ ѣзды—и мы наймемъ домъ въ деревнѣ, на берегу озера, по совѣту докторовъ... Нѣтъ, нѣтъ—у меня остается еще искра надежды... Друзья, молитесь!

«Бѣдный его отецъ ничего не знаетъ. Онъ не хочетъ ему писать, боясь за него. Онъ такъ спокойно говоритъ о своей смерти... О нѣтъ, нѣтъ, онъ не умретъ... Милые друзья, больно, тоскливо на душѣ...

«Скажите папенькѣ и маменькѣ, что докторъ послалъ меня въ Комо. Авдотья Михайловна Бакунина, которую я видѣла въ Римѣ, подтвердитъ это. Оно съ одной стороны могло быть въ самомъ дѣлѣ правда, потому что слишкомъ сильный жаръ для меня вреденъ. Пошлите мнѣ деньги, которыя мнѣ очень нужны»... И она даетъ адресъ.

Поперекъ этихъ строчекъ было приписано:

«Больше ничего не могу писать. Саша здоровъ. Л(изавета) И(вановна) [1]) въ Неаполѣ. Не говорите этого Папенькѣ и Маменькѣ. Она, какъ тяжелый камень, свалилась у меня съ души. Въ другой разъ связнѣе и подробнѣе обо всемъ. Милые, прощайте. Саша. Саша (т.-е. сестра Саша, бывшая тогда невѣстой Боткина. *А. К.*) ты у меня безпрестанно передъ глазами. Поклонись Боткину. Пускай онъ меня любитъ, какъ ты меня любишь, какъ я васъ. Танюша, братья, друзья,—Богъ съ вами!

Ваша *Варенька*».

Черезъ четыре дня—въ ночь съ 24 на 25 іюня (н. с.) Станкевича не стало. Онъ умеръ въ городкѣ Нови, въ 40 миляхъ отъ Генуи, по дорогѣ къ Милану, гдѣ когда-то Суворовъ одержалъ одну изъ своихъ громкихъ побѣдъ. Наканунѣ еще Н. В. не чувствовалъ себя слишкомъ дурно. Съ вечера—какъ сообщалъ потомъ Ефремовъ Анненкову—онъ былъ еще веселъ, рано легъ спать, чтобы быть готовымъ къ отъѣзду на завтра; но когда Ефремовъ утромъ 25 числа пришелъ будить его, онъ

[1]) Компаніонка-бонна, съ которой она уѣхала изъ Россіи.

уже спалъ вѣчнымъ сномъ—«и неизмѣнная благородная улыбка еще играла на лицѣ его» [1])...

Страшно тяжело было положеніе Варвары Александровны у его гроба. Но она не потеряла присутствія духа. Она не могла, разумѣется, думать въ этотъ моментъ ни о чемъ, кромѣ разразившагося надъ нею горя. Но въ самомъ горѣ своемъ она не потеряла способности выражать свои мысли и чувства. Сохранился листокъ, написанный ею по-нѣмецки, въ эти тяжелые и вмѣстѣ священные для нея дни. Въ этомъ листкѣ сохранились тѣ скорбныя, но вмѣстѣ свѣтлыя и глубокія чувства и тѣ мучительныя, но также не мрачныя думы, которыя овладѣли тогда ея сильной и глубокой душой. Онѣ не только ярко передаютъ то настроеніе, въ которомъ она находилась тогда, но бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на предсмертные разговоры Станкевича, потому что въ нихъ чувствуется, несомнѣнно, отраженіе этихъ бесѣдъ.

Вотъ точный переводъ того, что содержится въ этомъ листкѣ:

26 іюня, вечеръ. Нови.

«Братъ! Я одна смотрю на нихъ, на эти облака, какъ легко вырисовываются они на безконечной красотѣ далекаго неба, твой взоръ не слѣдитъ болѣе за моимъ взоромъ, они не погружаются болѣе одинъ въ другой... Я остаюсь одинокой въ огромномъ Божіемъ мірѣ... О, братъ, братъ, какъ могъ ты оставить сестру!

«Слышишь ли ты этотъ звонъ колокола? Онъ зоветъ меня къ тебѣ туда (hinüber)—ты также любилъ его, для тебя онъ тоже былъ зовомъ неба, голосомъ безконечности.

«О, я еще вижу ее, твою милую улыбку, которая такъ глубоко проникала въ мое сердце... Братъ, братъ, ты меня любилъ—и только теперь я должна была это узнать. Зачѣмъ ты объ этомъ молчалъ? Ты зналъ вѣдь сестру, зналъ сомнѣнія, которыя нагромоздила въ ея сердцѣ тяжелая жизнь—ты зналъ все это!

«Ахъ, твой собственный взоръ, твой нѣжный, ласкающій взоръ могъ только на мгновеніе разсѣять ихъ, и одного сухого слова было достаточно, чтобы все это снова поднять... Лишь

[1]) *Анненковъ:* „Николай Владиміровичъ Станкевичъ“, I, стр. 232.

благо видѣла я въ твоей любви, лишь нѣжное сочувствіе... Я боялась твоей благодарности и горестно замалчивала муки сердца, которое жаждало твоей любви—ея лишь одной, а все остальное для него умерло. Ахъ, я чувствовала, что только любовью могла я тебя спасти—въ ней была и моя вѣра и вся моя сила. Ахъ, братъ, братъ, лишь мгновеніе опасности уничтожило бы тотъ страхъ, тотъ гнетъ, которые затрудняли радостное проявленіе моей любви, которые подавляли каждое глубоко взволнованное чувство, удерживали его проявленіе и принуждали меня къ окаменѣлой и мертвой неподвижности...

«Братъ, братъ, прости мнѣ это! Возлюбленный мой, гдѣ бы ты ни былъ, мое пламенное стремленіе должно проникнуть къ тебѣ! Зовешь ли ты изъ своей дали сестру? – «Возлюбленная!»—да, позволь мнѣ удержать это имя—я никогда, никогда не получала его въ жизни..., а счастье было такъ близко!—такъ возможно!—и разлетѣлось въ прахъ...

«О нѣтъ, нѣтъ, мой возлюбленный—я не забыла твои слова, мы свидѣлись, мы узнали другъ друга! Мы соединены на вѣки—разлука коротка, и это новое отечество, которое тебѣ ужъ открылось,—будетъ и моимъ: тамъ безконечна любовь, безконечно могущество Духа!

«Да, его всемогущество уничтожаетъ всѣ границы; всякое препятствіе, все случайное должно передъ нимъ отступить. Властный, самодержавный въ своей безконечной силѣ и красотѣ и свободѣ воздымается онъ надъ временемъ и судьбою—къ тому, что онъ самъ себѣ на вѣкъ предназначилъ. Эта вѣра—была твоя!—Она также и моя! Братъ, ты узнаёшь меня, голосъ сестры доходитъ до тебя въ вѣчность? Я узнаю тебя въ твоей новой силѣ, въ твоей красотѣ... И ты узнаёшь тоже, ты угадываешь ее—твою далекую, оставленную сестру!..»

27 іюня.

«Никогда видъ твой не былъ такъ прекрасенъ, какъ теперь, когда ты навѣкъ сбросилъ съ себя все смертное, все худое. Эта святая строгость на челѣ твоемъ, этотъ открытый (offene), спокойный, мыслящій взоръ (Auge), эти полуоткрытыя грустной улыбкой уста... Тихо, постепенно, спокойно проникало божественное въ твою грудь и первымъ его актомъ была смерть, былъ переходъ въ иные края, которые мы здѣсь лишь издалека прозрѣваемъ...»

28 іюня (очень больна).

«...Умереть! Смерть... Бытіе—небытіе! Сегодня трудно мнѣ собрать мои мысли...

«Вчера ночью я долго объ этомъ думала. я не могла спать.— но я буду спокойна. Смерть, небытіе—если бы это было—можно ли человѣчески спокойно вынести эту мысль, ее разъ навсегда обнять и не поднимать!

«Но въ моей мысли о небытіи лежитъ противорѣчіе, противъ котораго мой разумъ возмущается,—нелѣпость!

«Что есть—то такъ же мало можетъ начаться, какъ и исчезнуть. Быть—это безконечность. Я иначе не могу думать.

«Жить, существовать—это Духъ, Богъ. Вся живая природа есть жизнь этого Бога. Это есть постепенное возвращеніе Духа къ самому себѣ,—его самосознаніе.

«Впервые въ человѣкѣ Духъ пришелъ къ познанію самого себя—и вдругъ смерть, отмѣненіе (Aufhebung) его индивидуальности, погруженіе обратно въ Общее, въ Бога! Но эта мысль опять для меня то же, что небытіе!

«Что такое мое я? «Не есть ли оно тотъ самый безконечный Духъ, который принялъ конечную форму матеріи, чтобы проявить себя, чтобы такимъ образомъ понять себя. Матерія сама по себѣ—ничто, но лишь черезъ это внутреннее объединеніе ея съ Духомъ мое существо, мое я получило свою дѣйствительность. Лишь при этомъ непонятномъ для меня соединеніи безконечнаго съ конечнымъ—я становится *я*—живымъ самостоятельнымъ существомъ.

«Когда я говорю: «я»—тогда я сознаю себя, я становлюсь извѣстной себѣ. Черезъ обратное впаденіе въ Общее я должна это сознаніе самой себя утратить—моя индивидуальность исчезаетъ (hört auf)—я уже не я—остается лишь Общее, Духъ для себя; такимъ образомъ я ничто! Такъ вотъ что такое смерть? Это мало утѣшительно.

«Но такая мысль мнѣ не только страшна, она для меня возмутительна, нелѣпа.

«Гдѣ же жизнь Духа, Бога, если не въ этомъ вѣчномъ откровеніи сотвореннаго—природы? Что называемъ мы природой? Что была бы она безъ вѣчно образующаго ее Духа и что былъ бы Духъ безъ этого вѣчнаго откровенія живой природы?

«Человѣкъ!—первое самосознаніе Духа въ природѣ, первая самостоятельная индивидуальность, самостоятельное я,—и что же?—при посредствѣ этого внутренняго объединенія образующей безконечности съ образуемымъ зарождавшіяся формы матеріи должны вновь перейти въ безконечное; ихъ такъ горестно, такъ ужасно достигнутая самостоятельность должна потерять свое самосознаніе, снова раствориться въ Общемъ, чтобы такимъ образомъ снова организовать новую низшую пылинку? И это была бы тоже безконечность? Печальное коловращеніе (Räderwerk)! Небытіе было бы блаженствомъ въ сравненіи съ такимъ бытіемъ!

«Но можетъ ли это быть? Вѣра говоритъ мнѣ: нѣтъ!—и говоритъ мнѣ о новой безконечности»...

Смерть Станкевича не была или, по крайней мѣрѣ, не должна была быть неожиданностью для его друзей. Тѣмъ не менѣе на всѣхъ ихъ она произвела впечатлѣніе тяжелаго удара судьбы. Ударъ этотъ они почувствовали каждый по-своему.

Бѣлинскаго извѣстилъ о кончинѣ Станкевича Ефремовъ, Грановскаго—Тургеневъ; Грановскій увѣдомилъ Невѣрова.

Бѣлинскій, который получилъ письмо Ефремова, будучи въ чрезвычайно подавленномъ настроеніи духа, находилъ, что его скорбь о смерти Станкевича недостаточно глубока. Онъ сравнивалъ ее съ тѣмъ глубокимъ потрясеніемъ, которое испыталъ при вѣсти о смерти Любови Александровны, и удивлялся теперь ничтожности и неглубокости своего чувства. Онъ выражалъ даже зависть къ глубокой скорби Ефремова, который присутствовалъ при смерти Станкевича и долго носилъ въ душѣ своей рану, которая «сочилась,—по выраженію Бѣлинскаго,—теплою кровью». Недостаточность своей скорби Бѣлинскій объяснялъ своимъ состояніемъ, которое можно было—по его словамъ—характеризовать такъ: «вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденіе»... «Что такое Общее (для познанія котораго Станкевичъ жилъ и умеръ вдали отъ насъ)?»—спрашивалъ Бѣлинскій, охваченный своимъ тогдашнимъ настроеніемъ крайняго пессимизма, и отвѣчалъ: «Молохъ, пожирающій собственныя созданія, Сатурнъ, пожирающій собственныхъ чадъ. Зачѣмъ родился, зачѣмъ жилъ Станкевичъ?

Что осталось отъ его жизни, что дала ему она? Нѣтъ, ему надо было умереть, потому что—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И мы, знавшіе его, всѣ умремъ—и тогда даже памяти на землѣ не останется объ немъ... Право, мнѣ кажется, что надо мной уже безсильна всякая утрата и всякое бѣдствіе, кромѣ нужды и физическаго страданія,—но и къ нимъ можно привыкнуть»...

Однако далѣе онъ пишетъ Ефремову:

«Ради Бога, Ефремовъ, увѣдомь меня какъ можно подробнѣе обо всемъ до малѣйшей подробности,—и какъ онъ жилъ, и какъ онъ умиралъ. Не полѣнись, душа моя,—помни, что то, что ты знаешь о немъ, есть общее наше достояніе. О, какъ жажду я видѣться съ тобою! Будетъ ли это когда-нибудь, или и ты скоро же умрешь? Собери всѣ мои письма къ Станкевичу для доставленія ко мнѣ, если воротишься или найдешь случай. Для меня священна собственная моя строка, которую читали его глаза.—Пожалуйста!»

А потомъ, обращаясь къ былымъ недоразумѣніямъ и ссорамъ, слѣдъ которыхъ онъ усмотрѣлъ въ тонѣ письма Ефремова, Бѣлинскій прибавлялъ: «Слушай, Ефремовъ, если ты не считаешь меня тѣмъ, чѣмъ считалъ нѣкогда въ отношеніи къ себѣ,—то Богъ съ тобой,—ребенокъ ты послѣ этого. Но нѣтъ, этого не можетъ быть, особенно теперь, когда чувство общей великой утраты, общаго сиротства должно еще болѣе сблизить и сроднить насъ другъ съ другомъ»...

«...Кланяйся отъ меня,—писалъ онъ въ заключеніе,—В. А. Дьяковой. Мнѣ бы очень хотѣлось написать къ ней,—да останавливаетъ мысль: что же я напишу къ ней, когда у меня и въ головѣ и въ сердцѣ—только и знай посвистываетъ. Поблагодари ее за память обо мнѣ и попроси подольше не умирать, если можно. Она принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которымъ смерть больше всего грозитъ; она то же, что онъ—пусть же спѣшитъ сюда къ намъ, чтобы всѣ знавшіе и любившіе ее еще разъ увидѣли ее. Что ея Саша? Боже мой! Сколько перемѣнъ въ такое малое время! Ефремовъ, помнишь ли осень 1836 г.?—Еще нѣтъ и полныхъ четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ...! Право, мнѣ кажется, что я начинаю умнѣть—и не мудрено: жизнь есть такая школа, которая лучше всѣхъ университетовъ и философіи даетъ знать, что она—«даръ напрасный и случайный»... О пребываніи въ Берлинѣ В. А. никому изъ чу-

жихъ не скажу. Скоро ли она въ Россію—и черезъ Петербургъ ли?—О, Боже мой, какая грустная радость для меня!»

Въ припискѣ стояло: «Долго не отвѣчалъ тебѣ на письмо—не на что было послать» [1]...

Нѣсколько позднѣе Бѣлинскій писалъ Боткину: «Смерть Станкевича поразила меня сухо, мертво: но если бы ты зналъ, какъ это сухое страданіе тяжело!»

Грановскій, котораго о смерти Станкевича увѣдомилъ Тургеневъ, писалъ 8 августа 1840 г. Невѣрову: «Не знаю, какъ и писать къ тебѣ, милый Януарій! боюсь первый сообщить тебѣ страшную вѣсть объ общей утратѣ. Станкевича нашего нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ умеръ въ Генуѣ. Я узналъ это отъ Тургенева. Письма Ефремова ко мнѣ пропали безъ вѣсти... Настоящее горе не трогало меня: боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери. Только иногда сжимается сердце. Ты потерялъ столько же, сколько и я: Тебѣ нечего говорить о немъ. Онъ унесъ съ собою что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ быть, кромѣ меня никто не знаетъ. Страшно подумать о его смерти. Душа отказывается вѣрить» [2]...

Сестрамъ онъ писалъ около того же времени (по-французски):

«Едва нахожу силу писать вамъ, добрые друзья мои. Прощаясь съ вами, я не думалъ встрѣтить ударъ, который ожидалъ меня въ Москвѣ. На другой день моего пріѣзда я получилъ два письма изъ Германіи; открываю первое—въ немъ увѣдомляютъ меня о смерти Станкевича.

«Онъ умеръ уже два мѣсяца тому назадъ, мнѣ не рѣшались сообщить эту роковую вѣсть. Она попала мнѣ въ руки случайно. Здоровье мое не пострадало, я даже не плакалъ; но сердце мое сжато, какъ послѣ смерти матери. Вы знали наши отношенія. Онъ былъ болѣе, чѣмъ братъ для меня. Десять братьевъ не замѣнятъ мнѣ одного Станкевича. Я хожу на экзамены, видаю много народа и видъ имѣю совершенно спокойный. Не знаю, откуда это. Я бы хотѣлъ плакать: не могу.

---

[1] Бѣлинскій, „Письма“, II, 151 и 159.

[2] „Переписка Т. Н. Грановскаго“, стр. 404.

Богъ не даетъ мнѣ слезъ. У меня еще есть друзья. Но что они въ сравненіи съ покойнымъ. Это былъ человѣкъ геніальный и святая душа. Всѣ, кто къ нему приближался, сознавали его превосходство, и никого это не унижало. Онъ могъ бы покрыть славою десять именъ и умеръ 27-ми лѣтъ, оставивъ по себѣ память лишь въ сердцѣ нѣсколькихъ друзей. Его мѣсто среди насъ останется незанятымъ: никто не осмѣлится его занять. И какъ выразить вамъ, что я въ немъ теряю. Это лучшая, благороднѣйшая часть меня самого сошла въ могилу» [1])...

Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ Мишелю (отъ 21 августа 1840 г.) [2]):

«Я получилъ почти въ одно время два письма отъ Тургенева, изъ которыхъ узналъ о смерти Станкевича. Я пріѣхалъ сюда недавно и меня уже ожидало въ Москвѣ это извѣстіе. Теперь прошло уже двѣ недѣли, а я все еще не опомнился послѣ перваго удара и не привыкъ къ страшной мысли.

«Что тутъ говорить о моей печали. Развѣ не всѣ мы равно его потеряли и равно любили. Но онъ унесъ съ собою многое изъ моей будущности. Я мало плакалъ, хожу по прежнему на экзамены, порой даже веселъ, но на душѣ постоянно лежитъ что-то тяжкое. Боюсь того, что ожидаетъ меня впереди: до сихъ поръ я былъ въ какомъ-то забытьи, еще какъ будто не понялъ, что потерялъ, и настоящее горе еще не трогало меня. Не въ состояніи ничего дѣлать. Хотѣлъ привести въ порядокъ его письма—не могу. Изъ книгъ моихъ каждая чѣмъ-нибудь напоминаетъ его. Сталъ читать Евангеліе—безполезно! Только теперь вижу, что во мнѣ нѣтъ вѣры въ жизнь за гробомъ. Вотъ почему мнѣ должна быть тяжелѣй чѣмъ кому либо смерть близкаго человѣка.

«Да, Бакунинъ, вы всѣ потеряли его, а моя потеря болѣе вашей. Я ему обязанъ всѣмъ. Я рѣдко писалъ къ нему; но всякое дѣло мое было освящено мыслію объ немъ. Мысленно я привыкъ отдавать ему отчетъ во всѣхъ дѣлахъ и замыслахъ. Теперь кому? Если бы я еще вѣрилъ въ другую жизнь, въ связь между jenseits и diesseits! Но этой вѣры нельзя пробу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 101.

[2]) Это письмо еще не было напечатано. Оно находится въ архивѣ Бакуниныхъ.

дить въ себѣ искусственнымъ образомъ, а живая замерла во мнѣ такъ, что я и не замѣтилъ.

«Александръ Павловичъ![1]) Не сердитесь на меня. Тургеневъ пишетъ, что Вы отправили ко мнѣ два письма. Когда и какъ? Я не получилъ ни одного. Ради Бога, скажите мнѣ еще нѣсколько словъ объ немъ, о его послѣднихъ дняхъ. Помнилъ ли онъ обо мнѣ? Скверный вопросъ. Но мнѣ хочется отвѣта. Много писать я, ей Богу, не могу: я говорю спокойно со всѣми и обо всемъ,—только объ немъ съ вами еще не привыкъ. Еще одно: когда припоминаю его себѣ, онъ вѣчно является мнѣ веселымъ, съ шутками. Отъ этого мнѣ еще хуже...

«Отдайте записку Вердеру. Тургеневу кланяйтесь, когда пріѣдетъ въ Берлинъ.

«Гдѣ онъ теперь?

«Прощай, Бакунинъ. Твой *Грановскій.*

«Боткина нѣтъ здѣсь».

Черезъ полгода (отъ 1-го февраля 1841 г. изъ Москвы) Грановскій писалъ и къ В. А. Дьяковой въ отвѣтъ на ея письмо[2]):

«Вчера получилъ я письмо Ваше. Отъ всей души глубоко благодарю Васъ за довѣренность.

«Тѣло Николая будетъ перевезено въ деревню отца[3]); для него ужъ готово мѣсто. Въ замедленіи отчасти виноватъ я. Я получилъ отъ старика Станкевича письмо, въ половинѣ декабря. Онъ приложилъ къ нему другое, къ Ефремову, котораго просилъ увѣдомить о мѣрахъ, какія нужно принять для перевоза тѣла въ Россію, кого просить и т. д. У меня тогда не было адреса А. П., и я долженъ былъ переслать письмо это въ Ригу къ Невѣрову, у котораго частыя сношенія съ Берлиномъ. Къ несчастію, Невѣровъ въ это время уѣхалъ въ отпускъ и, слѣдовательно, письмо, пришедшее безъ него, пролежало лишній мѣсяцъ и отправится въ Берлинъ вмѣстѣ съ этимъ.

«Постараюсь исполнить волю вашу относительно метальнаго гроба. Скажу старику, что такова была воля покойника. Боюсь,

[1]) Обращеніе къ А. П. Ефремову, который жилъ тогда въ Берлинѣ вмѣстѣ съ Бакунинымъ.

[2]) Ея письма у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію.

[3]) Н. В. Станкевичъ похороненъ въ Удеревкѣ, воронежской губ., острогожскаго уѣзда, гдѣ протекло его дѣтство.

чтобы его не положили въ церкви, подъ каменный сводъ. Если будетъ малѣйшая возможность, я съѣзжу въ Удеревку, когда его будутъ хоронить. Тогда разскажу вамъ все.

«У меня есть также просьба къ Вамъ. Въ послѣдніе два мѣсяца своей жизни онъ не писалъ ко мнѣ. Но Фроловы писали, что онъ началъ ко мнѣ большое письмо [1]. Оно, вѣроятно, осталось не конченное въ его бумагахъ. Я знаю его привычки—онъ часто оставлялъ неконченныя письма въ ящикѣ и не рвалъ ихъ. Если Вы нашли что-нибудь ко мнѣ относящееся, ради Бога, пришлите. Michel говорилъ о его бумагахъ, которыя должны были отправиться ко мнѣ. Гдѣ онѣ?

«Еще разъ благодарю Васъ. Располагайте мною, какъ угодно, и вѣрьте, что это не фраза!

«Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью

Вашъ *Т. Грановскій*».

Изъ письма И. С. Тургенева къ М. А. Бакунину, напечатаннаго нами въ *Русской Мысли* за 1912 г. (кн. XII), какъ равно и изъ воспоминаній его (въ *Вѣст. Евр.* за 1899 г.), видно, какое значеніе придавалъ онъ встрѣчѣ своей со Станкевичемъ.

Смерть Станкевича отозвалась, впрочемъ, не только въ кругу его близкихъ друзей. Даже такой чуждый ему человѣкъ, какъ М. П. Погодинъ, счелъ долгомъ помянуть его въ *Москвитянинѣ* вмѣстѣ съ умершимъ почти одновременно съ нимъ товарищемъ его по университету, Сергѣемъ Михайловичемъ Строевымъ.

Вспоминая, какъ еще въ 1835 г. въ торжественномъ собраніи въ университетѣ онъ отмѣчалъ, что въ томъ году окончили университетъ нѣсколько талантливыхъ и подающихъ большія надежды юношей, въ числѣ которыхъ онъ прежде всего имѣлъ въ виду Станкевича, Погодинъ писалъ теперь:

«...Станкевичъ, надежда науки, надежда отечества, предался философіи и въ два года пріобрѣлъ такія познанія, что знаменитые берлинскіе профессоры поклонялись его свѣтлой и

[1]) Судя по напечатанной перепискѣ Станкевича, можно думать, что онъ не писалъ Грановскому съ 1 февраля 1840 года. Нашлось ли начатое передъ смертью письмо, мы не знаемъ.

ясной головѣ, его блистательнымъ способностямъ. Злая чахотка низвела его въ Генуѣ въ могилу»... [1])

Друзья и товарищи Станкевича ошибались, конечно, когда думали, что память о немъ исчезнетъ съ ихъ жизнью. Они сами оставили слишкомъ рѣзкій слѣдъ въ русской жизни, чтобы память о томъ, кто имѣлъ такое вліяніе на образованіе и развитіе ихъ идей, могла когда-нибудь исчезнуть. Роль Станкевича въ исторіи русскаго общества и русской литературы получила уже давно полное признаніе и справедливую оцѣнку.

[1]) *Москвитянинъ* за 1840 г., № 6, стр. 490. Цитирую по *Барсукову*: „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. V, стр. 376.

ГЛАВА XXXIV.

Послѣдній мѣсяцъ М. Бакунина въ Премухинѣ передъ отъѣздомъ его за границу. — Письмо его къ Беерамъ отъ 13 іюня 1840 г. — Пріѣздъ Мишеля въ Петербургъ и встрѣча съ Катковымъ. — Ссора съ нимъ въ квартирѣ Бѣлинскаго и вызовъ на дуэль.—Отношеніе друзей Бакунина къ этому инциденту.—Прощальное письмо Мишеля сестрамъ и братьямъ въ день отъѣзда изъ Петербурга 29 іюня 1840 года.—Распаденіе кружка Станкевича.

Въ началѣ мая 1840 г. отъѣздъ Михаила Бакунина былъ рѣшенъ окончательно. 9 мая онъ писалъ сестрамъ, что пріѣдетъ въ Премухино недѣли черезъ двѣ, пробудетъ съ ними около мѣсяца и затѣмъ отправится въ Петербургъ, а оттуда и за границу.

«Въ Премухинѣ,—писалъ онъ,—съ вами и съ братьями мы еще сильнѣе скрѣпимъ нашъ святой глубокій союзъ,—скрѣпимъ его такъ, чтобы постороннее и враждебное не смѣло бы болѣе и не имѣло бы болѣе силы нарушать его,—и разстанемся надолго.

«Мнѣ предстоитъ теперь широкій путь, новая жизнь, и я возвращусь къ вамъ черезъ нѣсколько лѣтъ обновленный, истинно-дѣйствительный и вполнѣ достойный любви вашей братъ и другъ»...

Однако, 23 мая, когда старики Бакунины и ихъ дочери уже водворились въ своемъ премухинскомъ гнѣздѣ, переѣхавъ туда изъ Твери, Мишеля все еще не было, и въ письмѣ отъ 23 мая Александра Александровна старается ускорить его пріѣздъ, соблазняя его прелестями премухинской весны: «если скоро не пріѣдешь, сирени, яблони, вишни отцвѣтутъ»... Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ и пробылъ въ Премухинѣ до 22 или 23 іюня. Этотъ послѣдній передъ долгой разлукой мѣсяцъ онъ прожилъ душа въ душу не только съ сестрами и братьями, но и съ родителями, съ которыми передъ отъѣздомъ примирился совершенно.

Гармоническое настроеніе духа Мишеля нарушалось лишь нѣсколько тѣмъ, что онъ не успѣлъ какъ слѣдуетъ проститься съ Беерами. Изъ одного письма Константина Беера (отъ 14 іюня 1840 г.) изъ Москвы видно, что Мишель пытался убѣдить ихъ пріѣхать передъ его отъѣздомъ въ Премухино; но приглашеніе его пришло такъ поздно, что Константинъ по расчету времени, не говоря о финансовыхъ затрудненіяхъ, не могъ успѣть съѣздить изъ Москвы за сестрами въ Шашкино (орловской губ.) и привезти ихъ въ Премухино до отъѣзда оттуда Мишеля. Бееры между тѣмъ писали ему скорбныя письма, наполненныя грустными упреками и сомнѣніями въ истинности его дружбы. Мишель въ свою очередь упрекалъ ихъ за это. Пересылая имъ большую выписку изъ послѣдняго письма къ нему Станкевича (изъ Рима, отъ 19 мая), онъ ставилъ имъ въ примѣръ *свое* отношеніе къ Станкевичу, несмотря на долгое молчаніе послѣдняго.

«Вѣдь я не таковъ, какъ вы,—писалъ онъ (13 іюня 1840 года);—вотъ хоть, напримѣръ, избалованная мною (а не судьбою) малютка Alexandrine пишетъ предлинную диссертацію о томъ, какъ нѣкоторые люди въ радости позабываютъ грустныхъ друзей своихъ. Нехорошо, стыдно, друзья, — неужели это тѣ благословенія, о которыхъ я васъ просилъ и безъ которыхъ я не хочу и не могу ѣхать за границу?..» «...Ради Бога, оставьте эту тѣсную и неблагодарную сферу сомнѣній... Будемъ жить вмѣстѣ въ широкомъ и привольномъ царствѣ безсмертной любви,—въ которой святое братство наше освящено благословеніемъ Духа, въ которомъ мы всѣ составляемъ одно неразрывное и блаженное существо, проникнутое одною мыслію и однимъ чувствомъ. Друзья, мнѣ не нужно увѣрять васъ—вы сами знаете, что вы имѣете и всегда будете имѣть во мнѣ вѣрнаго и горячаго друга и что духъ мой вѣчно будетъ присутствовать съ вами и любовью своею обнимать васъ. А потому всѣ сомнѣнія въ сторону! Дайте руки, друзья, на прощанье. Прощай, Константинъ, — если ты такъ же полюбилъ меня, какъ я тебя,—то мы крѣпкіе, дѣйствительные друзья»...

Въ Петербургъ Мишель пріѣхалъ всего за три дня до отхода парохода, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать за границу. Въ день своего пріѣзда онъ былъ у Панаева, въ квартирѣ котораго, какъ оказалось, остановился только что пріѣхавшій

изъ Москвы Катковъ, бывшій въ то время въ открытой ссорѣ съ Мишелемъ. Причины этой ссоры до сихъ поръ не вполнѣ выяснены. Извѣстно только, что тутъ дѣло заключалось не въ философскихъ разномысліяхъ, а въ какой-то сплетнѣ, которую, по словамъ Каткова, распустилъ о немъ Бакунинъ въ средѣ московскихъ знакомыхъ, повидимому, въ связи съ тѣми черезчуръ близкими отношеніями, въ которыя Катковъ сталъ въ это время къ первой женѣ Огарева Маріи Львовнѣ. Мы не знаемъ, что именно говорилъ по этому поводу Бакунинъ [1]). Но извѣстенъ тотъ болѣзненно самолюбивый и мстительный характеръ, которымъ отличался Катковъ во всѣ періоды своей жизни.

Однако въ тяжелой и безобразной исторіи, которая произошла тогда у Бакунина съ Катковымъ, на сторонѣ послѣдняго были всѣ общіе ихъ друзья и пріятели: и Бѣлинскій, и Боткинъ, и Огаревъ, и Панаевъ, и, кажется, одинъ только Герценъ пытался удержать нейтралитетъ. При нравственной чуткости Герцена это послѣднее обстоятельство весьма знаменательно. Несомнѣнно, что если бы въ этомъ случаѣ со стороны Бакунина дѣйствительно проявилась та подлость и низость, о которой говорили тогда въ пылу азарта нѣкоторые изъ бывшихъ друзей его, Герценъ не могъ бы отъ него не отвернуться вполнѣ.

Самая исторія заключалась въ слѣдующемъ безобразномъ происшествіи.

На слѣдующій день послѣ своего пріѣзда Бакунинъ отправился къ Бѣлинскому, о чемъ заранѣе зналъ Катковъ, такъ какъ наканунѣ Бакунинъ самъ сказалъ Панаеву, что собирается на другой день утромъ къ Бѣлинскому. Катковъ отправился туда же съ ранняго утра съ явнымъ намѣреніемъ затѣять ссору.

Бѣлинскій въ это время, подъ вліяніемъ Боткина и Каткова, сталъ вновь гораздо враждебнѣе относиться къ Мишелю. Мы видѣли уже, какъ въ эти послѣдніе мѣсяцы колебались отношенія его къ Мишелю. Послѣ временнаго смягченія, вызваннаго апрѣльскимъ письмомъ Мишеля,—смягченія, которое

---

[1]) Что тутъ дѣло касалось именно отношеній Каткова къ Огаревымъ,—объ этомъ можно догадываться по письмамъ Бѣлинскаго къ Боткину, напечатаннымъ теперь во II томѣ новаго изданія переписки Бѣлинскаго, сдѣланнаго въ нынѣшнемъ году г. Ляцкимъ.

выразилось, какъ мы видѣли, въ письмѣ Бѣлинскаго къ Мишелю, приведенномъ нами въ главѣ XXXII, отрицательныя чувства его къ Мишелю опять обострились [1]). Мишель зналъ объ этомъ, такъ какъ въ письмѣ къ сестрамъ отъ 9 мая, о которомъ мы уже упоминали, онъ выражалъ даже опасеніе, чтобы и братъ Николай не заразился отъ Бѣлинскаго отрицательнымъ отношеніемъ къ нему, Мишелю. Но, очевидно, не предполагая еще черезчуръ рѣзкаго развитія этого отрицательнаго отношенія, онъ вошелъ къ Бѣлинскому, какъ другъ, и даже поцѣловалъ его, отъ чего Бѣлинскій, какъ сообщалъ онъ самъ позднѣе въ письмѣ къ Боткину, хотѣлъ, но не успѣлъ уклониться. Катковъ же тотчасъ же началъ иронически-злобно благодарить Мишеля за тѣ слухи, которые онъ о немъ распространялъ. Смущенный Бакунинъ ретировался въ спальню Бѣлинскаго и, сѣвъ тамъ на диванѣ, сталъ говорить съ дѣланнымъ равнодушіемъ: «фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь»! — «Какіе тутъ факты!— закричалъ на это взбѣшенный Катковъ.—Вы продавали меня по мелочи, вы—подлецъ, сударь!» Бакунинъ вскочилъ и закричалъ: «Самъ ты подлецъ!» а Катковъ отвѣчалъ: «Скопецъ!»

«Это,—по словамъ Бѣлинскаго,—подѣйствовало на Бакунина хуже подлеца: онъ вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго удара». И тутъ произошла та безобразная сцена, которая впервые описана въ печати въ книжкѣ г. Иванова-Разумника по неизданному письму Бѣлинскаго къ Боткину отъ 12—16 августа 1840 г. [2]).

Бакунинъ схватилъ палку, Катковъ бросился на него, при чемъ Бакунинъ ударилъ Каткова по спинѣ бамбуковой палкой, а Катковъ дважды ударилъ его по лицу, послѣ чего Бакунинъ вызвалъ Каткова на дуэль. Уходя черезъ нѣсколько минутъ отъ Бѣлинскаго, Катковъ въ свою очередь сказалъ Мишелю: «Послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть

[1]) Въ письмѣ къ Боткину отъ 16 мая Бѣлинскій писалъ про Бакунина: .....Онъ для меня—рѣшенная загадка. Абстрактный герой, рожденный на свою и на чужую гибель, человѣкъ съ чудесною головою, но рѣшительно безъ сердца и притомъ съ кровью протухшей соленой трески“... „Бѣлинскій. Письма.“ Т. II. (1839—1843 гг.) Спб., 1914 г., стр. 124.

[2]) Теперь это письмо напечатано г. Ляцкимъ въ новомъ собраніи писемъ Бѣлинскаго полностью: т. II, стр. 145—149.

капля теплой крови,—не забудьте, что вы сказали»... Потомъ онъ просилъ Бѣлинскаго быть его секундантомъ. Бѣлинскій сначала отказался, ссылаясь на то, что онъ вовсе неподходящій для этого человѣкъ, но затѣмъ, когда Катковъ пригласилъ вмѣсто него Панаева, человѣка женатаго и, слѣдовательно, на котораго отвѣтственность за участіе въ дуэли ложилась тяжелѣе, согласился. Однако дуэль не состоялась. Уже на слѣдующій день Бакунинъ письменно извинился передъ Катковымъ и, считая тѣмъ не менѣе тогда дуэль всетаки необходимою, просилъ только отложить ее до Берлина, куда и Катковъ долженъ былъ прибыть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ Берлинѣ Мишель узналъ о смерти Станкевича, къ нему пріѣхала туда осиротѣвшая Варвара Александровна, смотрѣвшая на него въ тотъ моментъ, какъ на единственную опору въ жизни, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ научныхъ интересовъ, совершенно захватившихъ его тамъ въ первое время, Мишель ясно представилъ себѣ всю нелѣпость дуэли, и рѣшилъ окончательно примириться съ Катковымъ, съ которымъ у него затѣмъ даже вновь возобновились пріятельскія отношенія.

Но, конечно, передъ отъѣздомъ Мишеля изъ Петербурга положеніе его, вслѣдствіе этой исторіи, было крайне тяжелое. Бѣлинскій, Боткинъ, петербургскіе пріятели Панаевъ и Языковъ—всѣ были на сторонѣ Каткова. Огаревъ, по поводу этой исторіи, въ крайне рѣзкомъ (по отношенію къ Мишелю) письмѣ къ Герцену, выражалъ тогда даже сожалѣніе, что они оказали Бакунину денежное пособіе, и называлъ его тоже подлецомъ, негодуя на него, впрочемъ, не за Каткова, къ которому онъ тутъ тоже обнаружилъ отрицательное отношеніе, а за Боткина, въ сердечной исторіи котораго Огаревъ приписывалъ Мишелю, конечно, со словъ Боткина, низкую предательскую роль [1]).

Только Герценъ, какъ мы уже сказали, сохранилъ нѣкоторый нейтралитетъ.

«Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга за границу, — писалъ въ вышецитированномъ письмѣ Бѣлинскій Боткину о Мишелѣ,— его провожалъ: не я, не Катковъ, даже не Языковъ и Па-

---

[1]) Письмо это приведено у *Драгоманова* въ предисловіи его къ „Письмамъ М. А. Бакунина“, стр. XI.

наевъ, но Герценъ, произведенный имъ за 1000 руб. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. Но этимъ не кончилось: оная натура (т.-е. Герценъ. А. К.) говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ-то его» [1]).

Послѣднія слова указываютъ, должно быть, на впечатлѣніе, произведенное на Герцена письмомъ Огарева, которое было, вѣроятно, получено Герценомъ уже послѣ отъѣзда Мишеля въ отвѣтъ на письмо Герцена, упоминавшаго объ исторіи Бакунина съ Катковымъ. Однако впечатлѣніе это прочно залегло въ душѣ Герцена и отразилось впослѣдствіи въ его дневникѣ, веденномъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ отзывался о Бакунинѣ, какъ о человѣкѣ съ огромнымъ умомъ, но съ дряннымъ характеромъ [2]).

Эта исторія, происшедшая передъ самымъ отъѣздомъ Мишеля за границу, не могла, конечно, не отравить того блаженнаго состоянія духа, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Премухина. Но несмотря на это, онъ садился на пароходъ, отнюдь не утративъ своихъ надеждъ и упованій на близкое достиженіе главной и основной цѣли своей жизни, къ которой онъ стремился тогда. Объ этомъ и свидѣтельствуютъ письма, отправленныя имъ въ день отъѣзда къ Беерамъ и къ сестрамъ. Первое изъ нихъ мы уже цитировали отчасти [3]); вотъ второе, гораздо болѣе задушевное и краснорѣчивое.

«Милые, добрые друзья! Прощайте, прощайте, благословите меня на дальній путь! Въ продолженіе всей дороги (отъ Премухина до Петербурга. А. К.) и трехъ дней, проведенныхъ мною здѣсь, я безпрестанно думалъ о васъ,—и въ первый разъ въ жизни сознаъ и почувствовалъ такъ ясно неразрывность и святость узъ, привязывающихъ меня къ вамъ,

«Не забывайте, любите меня, друзья,—у меня никого нѣтъ кромѣ васъ, кромѣ вашего маленькаго міра, въ которомъ я пережилъ такъ много человѣческихъ и глубоко блаженныхъ минутъ. Въ короткое пребываніе мое въ Петербургѣ я созналъ, наконецъ, что старый кружокъ моихъ милыхъ друзей не существуетъ для меня болѣе.

---

1) „*Бѣлинскій*. Письма“, т. II, стр. 162.

2) ***Герценъ***. Сочиненія, Женева, 1875, т. I, стр. 81 и 88.

3) Въ главѣ XXXI.

«Arrivé ici, j'ai eu de grandes et sérieuses explications avec M-r Katkoff, qui est à Pétérsbourg depuis deux semaines. Belynsky m'a rencontré avec beaucoup de froideur,—je lui ai repondu de même. Il est clair maintenant, que nous ne sommes plus rien l'un pour l'autre. J'en ai fini avec tout ces messieurs, excepté Stankèwitch, que j'ai toujours séparé d'eux [1]).

«Я вашъ, друзья. весь вашъ и никому болѣе не принадлежу кромѣ васъ и Истины, которая составляетъ общую цѣль нашей жизни. Дайте же руки, сожмите ихъ крѣпче, и ни пространство, ни время не разожмутъ ихъ. Единство, царствующее въ нашихъ существованіяхъ, есть вѣрный, священный залогъ нашей взаимной любви. Каждый изъ насъ можетъ быть увѣренъ, что ничто не можетъ въ немъ произойти такого, что бы не нашло живого отголоска и участія въ другихъ. Съ этою достовѣрностью весело жить на свѣтѣ.

«Прощай, Николай, люби меня такъ же, какъ я люблю тебя. Прилѣпись хорошенько и крѣпче къ нашему маленькому кружку и пойми, что никакіе Бѣлинскіе и Боткины не будутъ въ состояніи замѣнить его.

«Бѣлинскій хорошій, но только не нашъ, не родной намъ человѣкъ.—Будь другомъ и покровителемъ сестеръ, учи ихъ и учись отъ нихъ: система взаимнаго обученія лучшая въ свѣтѣ.— А отъ нихъ можно многому научиться, — я узналъ это на опытѣ.

«Милая Саша, никогда не позабывай, что ты имѣешь во мнѣ искренняго, горячаго друга, которому необходима твоя откровенность и который можетъ быть полезенъ тебѣ, потому что онъ любитъ тебя. Komme mit dir selbst in Klarheit und mache alles, was für deiner wahren menschlichen Gluck nothwendig ist.—Sey nur um Gottes Willen aufrichtig mit mir und schreibe mir öfter [2]).

---

[1]) Пріѣхавъ сюда, я имѣлъ большія и серьезныя объясненія съ г. Катковымъ, который въ Петербургѣ уже двѣ недѣли. Бѣлинскій встрѣтилъ меня съ большой холодностью, я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Теперь ясно, что мы ничто другъ для друга. Я съ ними покончилъ,—со всѣми этими господами, исключая Станкевича, котораго я всегда отъ нихъ отдѣлялъ.

[2]) Приведи себя въ ясность сама съ собой и сдѣлай все, что необходимо для твоего истиннаго человѣческаго счастья. Будь только, ради Бога, откровенна со мной и пиши мнѣ чаще.

«Паша и Алеша, помните всѣ обѣщанія ваши, касающіяся Папеньки, сестеръ и васъ самихъ,—исполните ихъ всѣ.

«Прощайте, милые братья—«лейтесь слезы изъ очей!» Алеша,—ха, ха, ха!

«Прощайте, друзья!

«Александръ! и ты также пиши иногда ко мнѣ, учись рисовать, старайся пріобрѣсти дѣйствительное, опредѣленное содержаніе для твоей духовной жизни, и тогда дѣйствительность твоя будетъ соотвѣтствовать твоей богатой натурѣ.

«Милая, прекрасная, умная Танюша, прощай, мой добрый, святой другъ,—будь счастлива, по возможности—и никогда не отнимай у меня любви своей. Она мнѣ болѣе, чѣмъ (моя) тебѣ необходима.

«Все, что хоть нѣсколько входитъ въ твою жизнь, должно быть мнѣ извѣстно. Пишите чаще.

«Паша и Алеша. Герценъ и жена его кланяются вамъ—славные люди, я отвелъ съ ними душу...

«Сейчасъ буду писать Бееровымъ.

«Прощайте—до Любека. Прощайте, друзья!

Вашъ другъ и братъ *М. Бакунинъ*».

Родителямъ онъ писалъ уже изъ Любека.

Со смертью Станкевича, съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ и съ отъѣздомъ за границу Михаила Бакунина кружокъ Станкевича, какъ таковой, прекратилъ свое существованіе.

Конечно, память Станкевича продолжала жить въ душахъ друзей его и всѣхъ идейныхъ людей, къ нему приближавшихся такъ или иначе при его жизни. Эта свѣтлая память дошла и до насъ, не потерявъ ничего въ своемъ свѣтѣ и блескѣ. Но послѣ его смерти она уже не соединяла членовъ его кружка въ одно *цѣлое*. Кружокъ этотъ разбился на свои составныя части, при чемъ многіе изъ людей, его составлявшихъ, не только заняли рано или поздно выдающееся мѣсто въ исторіи русской жизни и русскаго общества, но нѣкоторые изъ

нихъ сами сдѣлались источниками цѣлыхъ направленій и школъ въ русской литературѣ и въ развитіи русской общественности.

Для Бѣлинскаго съ момента его пріѣзда въ Петербургъ начался новый періодъ развитія, въ которомъ онъ развернулся во весь свой ростъ и занялъ окончательно то мѣсто, которое останется за нимъ навсегда въ исторіи русской литературы и русской интеллигенціи. Вѣрный своей «неистовой натурѣ», онъ совершилъ этотъ переворотъ такъ же «горестно и трудно», какъ и всѣ предыдущіе. Въ моментъ кризиса съ ненавистью относясь къ отрицательнымъ сторонамъ своего прошлаго и прошлаго своего кружка, которыя онъ объединялъ тогда въ презрительныхъ терминахъ «прекраснодушіе» и «москводушіе», онъ писалъ Боткину, что онъ радъ, что этотъ кружокъ уже не существуетъ. Но придя опять въ равновѣсіе съ самимъ собою и обративъ всѣ силы своей боевой натуры на борьбу съ темными сторонами русской дѣйствительности, которыя онъ особенно ясно почувствовалъ, проживъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, Бѣлинскій такъ выражалъ свое отношеніе къ своему прежнему московскому кружку въ письмѣ къ тому же Боткину въ ноябрѣ или декабрѣ 1840 г.) [1]:

«Да, Боткинъ, только въ Питерѣ... созналъ я, что я человѣкъ и чего-нибудь да стою: — только въ Питерѣ узналъ я цѣну нашему человѣческому, святому кружку. Мнѣ милы теперь и самыя ссоры наши: онѣ выходили изъ того, что мы возмущались гадкими сторонами одинъ другого. Нѣтъ, я еще не встрѣчалъ людей, передъ которыми мы могли бы скромно сознаться въ своей незначительности. Многихъ людей я отъ души люблю въ Петербургѣ, многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня!..»

Спустя лишь нѣкоторое время онъ нашелъ для себя нѣкоторую замѣну московскаго кружка въ обществѣ Герцена, съ которымъ началъ въ Петербургѣ сближаться,—но не надолго, потому что Герценъ вскорѣ же послѣ того былъ высланъ въ Новгородъ.

[1]) „Письма“, II, 190—191.

Бакунинъ уѣхалъ за границу, разорвавъ, какъ мы видѣли, почти всѣ свои дружескія связи въ Россіи, а затѣмъ онъ оторвался и отъ самой Россіи, погрузившись съ головой въ общеевропейскіе интересы и въ общеевропейскую идейную борьбу, тогда развивавшуюся. Лишь спустя нѣсколько лѣтъ по отъѣздѣ возобновились его связи съ русскими друзьями, причемъ къ нимъ присоединились и новыя лица.

Исторія этого періода жизни Михаила Бакунина и его близкихъ должна составить вторую часть нашей монографіи.

Конецъ письма В. Г. Бѣлинскаго къ М. А. Бакунину отъ 14—15 августа 1838 г., ненапечатанный въ полномъ собранiи писемъ Бѣлинскаго, изд. Е. А. Ляцкимъ.

Въ томѣ I изданныхъ въ 1914 г. Е. А. Ляцкимъ писемъ Бѣлинскаго на стр. 213—221 помѣщено письмо В. Г. Бѣлинскаго къ М. А. Бакунину отъ 13—14 августа 1914 г. Письмо это напечатано безъ конца, считавшагося издателемъ утеряннымъ. Оно обрывается на словахъ: «Такiя исторiи съ тобою въ отношенiи ко мнѣ, думаю, не...» Но въ подлинникѣ, съ котораго я снялъ копiю съ разрѣшенiя Н. С. Бакуниной еще въ 1898 г., письмо это сохранилось полностью и конецъ его датированъ былъ 15 августа 1838 г. Привожу здѣсь этотъ конецъ по сдѣланной мною копiи, начиная съ той фразы, на которой письмо это обрывается въ изданiи Е. А. Ляцкаго. (Въ настоящее время подлинники писемъ Бѣлинскаго къ Бакунину хранятся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ).

«Такiя исторiи съ тобою въ отношенiи ко мнѣ, думаю, не разъ уже случались: одно письмо тебя охлаждало ко мнѣ, оподозривало въ твоихъ глазахъ всю мою сущность, а слѣдующее затѣмъ возбуждало ко мнѣ бо́льшую любовь, бо́льшее уваженiе. О человѣкѣ нельзя заключать скоро, и я—могу сказать это безъ гордости—я именно изъ такихъ людей, которые не поддаются скорымъ заключенiямъ. Въ нашу полемическую переписку я получилъ хорошiй урокъ въ отношенiи къ тебѣ: я хотѣлъ сдѣлать тебѣ рѣшительное опредѣленiе, рѣшительный приговоръ—и жестоко срѣзался, какъ во всю жизнь не рѣзался и какъ никогда уже не срѣжусь. Я не стыжусь объ этомъ вспомнить, потому что этотъ урокъ мнѣ былъ нуженъ.

Вчера вечеромъ, какъ нарочно, сдѣлалась дурная погода послѣ прекраснаго дня. Весь день нынче небо сѣро и дождь

капаетъ мелкими каплями. Я радъ этой погодѣ: она гармонируетъ съ состояніемъ моего духа, и я желалъ бы, чтобъ вся природа являлась въ траурѣ и сѣтовала вмѣстѣ со мною.

Да! вспомнилъ!

Я знаю, на чемъ мы разошлись. Послушай: знаніе всякой дѣйствительности, чтобы быть истиннымъ, должно быть конкретно: конкретность состоитъ въ единствѣ всѣхъ сторонъ, всѣхъ элементовъ предмета, въ примиреніи всѣхъ его противоположностей, такъ чтобы одна противоположность условливала другую и гармонировала съ нею *необходимо*. *То*, на *чемъ* мы разошлись, кромѣ нормальности, о которой рѣчь впереди, того я не понимаю конкретно. Мнѣ вдругъ представились новыя стороны, которыхъ я прежде не видѣлъ. Эти стороны *выдались*, *отдѣлились* отъ цѣлаго и одно ужъ это показываетъ, что я впалъ въ отвлеченность. Я тѣмъ живѣе понимаю это, что тутъ вмѣшалась моя личность, что тутъ говорили раны, глубокія раны моей души. Все это я знаю, но въ то же время *новыя стороны* дѣйствительны: надо примирить ихъ съ прочими, слить, а этого то я пока не могу сдѣлать. Я уже переходилъ и къ старому понятію, но вижу, что оно уже не годится, и что къ старому не возвращаются, но старое дѣлаютъ новымъ. Это я понимаю: но въ то же время я глубоко убѣжденъ, что и ты въ противорѣчіи, въ отвлеченіи, что и ты не схватилъ дѣйствительности и колеблешься. Когда нибудь мы объ этомъ поговоримъ побольше.

Предметъ нашихъ разсужденій для меня святъ, и ты не можешь опасаться чтобы я оскорбилъ твое чувство. Я не почитаю себя обязаннымъ во имя дружбы, выговаривать то, чего не хочется выговаривать; но когда это потребность души—то намъ стыдно и грѣшно молчать.

Нынче я вспомнилъ о билетцѣ ея руки и посмотрѣлъ на него. Отыщу завтра письмо твое, въ которомъ есть приписка ея руки—все это было для меня святынею, но теперь получаетъ бóльшее значеніе.

Вспомнилъ я многое—всѣ разговоры ея со мною, все, что было въ 36 году. Вспомнилъ я эти тонкія посинѣлыя уста, которыя пѣли:

Не жилица я
На бѣломъ свѣту.

Вспомнилъ я этотъ грустный голосъ, въ которомъ слышно было такое тихое, глубокое Sensucht и который, бывало, раздавался изъ круглой комнаты,—

Полетѣла бъ я до тебе,
Да крылецъ не маю,
Чахну, сохну—все горюю,
Всякъ часъ умираю.

Да, много воспоминаній, но они не рвутъ души, а грустно услаждаютъ ее. Одно въ нихъ мучительно: хотѣлось бы еще разъ хоть на минуту возвратить прошедшее. Оно такъ живо, какъ будто вчера было, а уже невозвратимо. Не умѣю высказать тебѣ моего ощущенія. Странное дѣло, Мишель, когда я распространился о себѣ, на меня напалъ суевѣрный страхъ: я съ волненіемъ и боязнью осматривался, какъ бы страшась увидѣть ее... шорохъ... шумъ дождя—все пугало меня. Теперь я возвратился къ ней—и страхъ оставляетъ меня.

Скоро полночь. Прощай! Завтра допишу и отошлю письмо. О, Мишель, если мое письмо подаритъ тебя хоть какимъ-нибудь пріятнымъ воспоминаніемъ—скажи мнѣ: ты сдѣлаешь меня счастливымъ.

Я боюсь, чтобы мое слово не охладило моего чувства. Это было бы оскорбленіемъ ея святой тѣни.

Мишель, ты правъ: она жива, если жизнь не призракъ, а жизнь не призракъ!

15-го августа.

Погода разгуливается, небо проясняется—утро чудесное, но для меня оно не измѣнило своего грустнаго, траурнаго характера. Всѣ мои занятія прерваны, и если у меня въ душѣ гармонія, то внѣшнимъ образомъ я въ разорванности. Ни за что не хочется приняться—все бы думалъ о ней, или писалъ къ тебѣ. Только вчера вечеромъ догадался я, что она умерла 6 числа, въ прошлую субботу, и я нѣсколько разъ читалъ записку Петра [1]).

Теперь мнѣ другое пришло на умъ: мнѣ представились похороны: она лежала въ гробу, какъ живая, и на ея умершемъ

[1]) Петра Петровича Клюшникова.

лицѣ выражалась та же гармонія, то же спокойствіе, та же грація, которыя были ея отличительными свойствами при жизни; но вы всѣ, оставшіеся въ живыхъ—твои сестры, Мишель,—онѣ женщины—у нихъ способность любить такъ сильна—мнѣ страшно подумать. Когда опустили гробъ въ могилу и начали засыпать его землею и вамъ всѣмъ представилось, что у васъ насильно отнимаютъ милое, кровное... Да, все это мнѣ представилось теперь въ первый разъ и очень живо, и изо всѣхъ А. А. выдалась—и что же?

Тамъ, гдѣ я поставилъ черточку, тамъ остановился, чтобы прочесть письмо Ефремова, которое вотъ сію минуту получилъ. Изъ него я узналъ, что не ошибся, за кого надо было бояться больше всѣхъ. Но время лучшій лѣкарь душевныхъ болѣзней—тихая грусть смѣнитъ душевное страданіе, а свободный духъ восторжествуетъ надъ разстроенностью организма.

Теперь пиши чаще—всякое твое письмо будетъ пугать меня, но молчаніе будетъ убивать медленною смертію. Посылаю письмо на почту».

———

Дальше слѣдуетъ то письмо отъ 16 августа, которое напечатано въ изданіи г. Ляцкаго на стр. 221.

Одинъ изъ конспектовъ М. А. Бакунина.

ЕНЦИКЛОПЕДIЯ ГЕГЕЛЯ.

Предисловiе ко второму изданiю. (III—XXXII стр.)

1837. Iюля 21-го. Середа.

1. Гегель говоритъ, что главнымъ предметомъ его философскихъ занятiй, всегда было *Наукообразное Познанiе Истины*: что это самый трудный путь, но зато единственный для достиженiя Истины: что *Метода* есть ничто иное какъ возстановленiе Абсолютнаго содержанiя, въ свойственномъ ему, свободнѣйшемъ Элементѣ Духа.

2. Опровергаетъ мысль, что будто бы философiя противустоитъ всякому чувственному, опытному знанiю, разумной дѣйствительности, Праву, чистой Религiи и Благочестiю; говоритъ, что, напротивъ, всѣ эти образы принимаются философiею и доказываются ею.—Потому что все это содержанiе, перешедшее въ область мысли, есть сама Спекулативная Идея. Философiя возстаетъ противъ него только тогда, когда, вышедши изъ свойственнаго ему характера, оно облекается въ конечныя формы категорiй и подчиняется имъ.

3. Важный Результатъ, отрицающiй всякое посредство между конечнымъ понятiемъ и Истиною, имѣетъ слѣдствiе совершенно противоположное тому, которое въ (немъ) лежитъ непосредственно: а именно, онъ долженъ бы сдѣлать осторожнѣе въ употребленьи и примѣненьи конечныхъ категорiй, а напротивъ теперь употребляютъ ихъ, говоря о безконечномъ, безъ всякой критики.

4. Отсюда слѣдуетъ, что обсуживая какой нибудь философскiй Результатъ, не смотрятъ на образъ происхожденiя его, а основываясь на конечныхъ категорiяхъ разсудка, находятъ въ

немъ противурѣчіе — *Идея* есть *Духовное, конкретное Единство*: Разсудокъ, по свойству своему, не можетъ иначе понять этого опредѣленія, какъ *отвлеченно*, а слѣд. въ его односторонности и конечности, такъ что это *Единство*, превратится въ отвлеченное, бездушное *Тождество*, въ которомъ исчезаетъ Разница, и все дѣлается однимъ, равнымъ: Добро и зло, безконечное и конечное, какъ будто бы, въ этомъ духовномъ и конкретномъ единствѣ эта разница не существуетъ.

5. Многіе смѣшиваютъ новѣйшую философію съ Пантеизмомъ Спинозы и называютъ ихъ общимъ именемъ *Философіи Тождества*: хотя между ними огромная разница: а именно: у Спинозы *Богъ* есть *Субстанція*; у Гегеля *Богъ* есть *Духъ* и *Субъектъ*: Разница эта касается до опредѣленія Единства. Противъ системы Спинозы возстаютъ также, говоря что изъ нея такъ же вытекаетъ равенство добра и зла. Если эта философія въ себѣ въ сущности непризнаетъ Разницы добра и зла, и противъ этого возстаютъ, то что значитъ это возстаніе?

Въ *Субстанціи*, въ *Богѣ* не можетъ быть зла, и слѣдовательно не можетъ быть и разницы добра и зла: Богъ, Субстанціальное Единство есть Благо; зло есть раздвоеніе; а слѣдовательно только въ этомъ раздвоеньи и можетъ быть разница добра и зла: только въ человѣкѣ, какъ въ раздвоеньи, лежитъ эта разница и существуетъ для него: и это ясно выражено въ Этикѣ Спинозы, гдѣ онъ говоритъ объ человѣкѣ и объ отношеньи его къ Субстанціи, и гдѣ такъ ясно изложены разница добра и зла, и Афекты человѣческой свободы и человѣческаго Рабства.

24-го суббота.

6. Исторія философіи есть Исторія открытія мыслей объ Абсолютѣ: Брунера Исторія философіи даетъ совершенно ложное понятіе объ древнихъ философахъ: изъ Началъ древнихъ философовъ, онъ выводитъ Результаты, по своей худой, современной Метафизикѣ: вся Исторія философіи состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, до какой степени довелъ углубленіе и открытіе мыслей такой то философъ: переходъ отъ однаго начала къ глубочайшему Началу составляетъ все исторіи философіи, и потому несправедливо приписывать какому нибудь философу то, что можетъ быть и лежало въ его Началѣ, но что не было имъ выговорено: во вторыхъ, еще несправедливѣе

и ложнѣе выводъ конечныхъ результатовъ, руководствуясь конечными категоріями: это тѣмъ болѣе ложно, что конечные результаты совершенно противуположны Спекулативному Духу, и Спекулативнымъ идеямъ, которыя ими обезображиваются. Для новѣйшей философіи, которая основана на критикѣ и на оцѣнкѣ конечныхъ категорій, это руководство конечными категоріями еще невозможнѣе и нелѣпѣе. Для того чтобъ вѣрно схватить философскій фактъ, должно развить въ себѣ знаніе отношеній мыслей (Gedanken Verhältnisse), но эта дикость и необразованность мысли требуется именно началомъ непосредственности, которое такъ сильно преобладаетъ въ общемъ убѣжденьи. Познаніе Мыслей или, что все равно, развитіе субъективнаго мышленія, также мало непосредственно, какъ и всякая другая наука, Искусство или Ремесло.

7. Религія есть та форма сознанія, чрезъ которую Истина дѣлается для всякаго человѣка, для людей всякаго образованія — Философія, наукообразная форма познаванія Истины, есть особенная форма сознанія, особенный трудъ, которому не всѣ, а напротивъ малое число подчиняются.—Содержаніе Религіи и философіи одно; но, какъ говоритъ Гомеръ объ нѣкоторыхъ предметахъ, что они имѣютъ два названія: одно на языкѣ Боговъ, другое на обыкновенномъ: такъ и для этого содержанія есть два языка, двѣ формы—одна форма есть форма чувства, представленія и разсудительнаго мышленія, погруженнаго въ отвлеченныхъ, одностороннихъ и конечныхъ категоріяхъ—другая же форма есть конкретное понятіе; основа философіи есть Внутреннее Содержаніе, Идея въ Духѣ пребывающая и живая: также и Религія есть развитое сознаніе, пробужденный Духъ, развитое и полное Содержаніе; теперь религія болѣе и болѣе отвлекается отъ содержанія, отъ догмовъ и обращается въ Религіозное чувство. Покамѣстъ Религія имѣла положительный Символъ вѣры, догмы, до тѣхъ поръ въ ней было то, чѣмъ занимается философія, то въ чемъ философія соединялась съ Религіею—и это отношенье не внѣшнее, какъ понимаетъ его раздвояющій Разсудокъ: Религія можетъ быть безъ философіи, но философія безъ Религіи рѣшительно быть не можетъ и необходимо заключаетъ ее въ себѣ. Истинная Религія, Религія Духа должна необходимо имѣть такое содержаніе—какъ чувство, онъ (?) есть самъ безпредмет-

ное содержаніе, низшая степень сознанія, въ общей съ животными формѣ души: только одно мышленіе возвышаетъ душу до духа, а душа есть также и у животныхъ.

Въ этомъ настоящемъ положеньи религіи, основанной на непосредственности и до такой степени лишенной всякаго содержанія, лежитъ высокое начало въ зародышѣ; начало, общее съ философіею. Это начало непосредственности, не признающее внѣшняго Авторитета, но требующее свидѣтельства духа и вѣрующее только по непосредственному откровенью Духа для Духа.—Кромѣ этого теперь пробудились глубочайшіе, высшіе, внутреннѣйшіе интересы, которые удовлетворяются въ философіи, въ Религіи, въ Искусствѣ, иногда въ свѣтлыхъ, а иногда и въ самыхъ темныхъ и мистическихъ образахъ,—къ этому числу принадлежитъ Бадеръ, представитель современныхъ Гностиковъ, который возстановляетъ все богатое содержаніе Христіанства въ мистической догматической формѣ; но теперь настало время откровенія этого содержанія для Мышленія, возстановленіе его въ свободной, въ Абсолютной и единственно ему совершенно соотвѣтствующей формѣ необходимаго мышленія.

25-го Воскресенье.

Предисловіе къ Первому Изданію (XXXIII—XXXVIII).

Въ философію вошло два злоупотребленія: съ одной стороны, смѣшивая необходимость съ случайностью, перепутывали и связывали совершенно произвольно содержаніе. Съ другой стороны виденъ совершенный недостатокъ мыслей, руководствуемый и произведенный критическимъ (?) направленія на основаніи категоріи разсудка.—Первое явленіе можетъ быть понято, какъ первое, еще безсознательное, движеніе новой эпохи, движеніе, которое необходимо приметъ истинное направленіе;—другое же явленіе свидѣтельствуетъ о совершенномъ безсиліи и истощенности нѣкоторыхъ умовъ.

Предисловіе къ третьему изданію.

Духовное содержаніе, необходимое согласіе этого содержанія составляютъ Истину вѣры, которая есть только введеніе въ Истину—основываясь на 7 главѣ стихахъ 38 и 39 Іоаннова Евангелія; гдѣ сказано, что ученики, вѣровавшіе въ Христа,

имѣли вѣру, но не имѣли еще Духа (наукообразнаго сознанія Откровенія), потому что Христосъ не былъ еще просвѣтленъ, прославленъ.

Введеніе (1—26 стр.).

26-го Понедѣльникъ.

1.

Философія имѣетъ, въ сравненіи съ другими науками, тотъ кажущійся недостатокъ, что другія Науки имѣютъ уже извѣстное содержаніе и извѣстную форму для познаванія его, а философія не имѣетъ ни того, ни другого. Правда, что такъ какъ она имѣетъ общій предметъ съ Религіею,—Бога или истину вообще, природу, человѣческій духъ и отношеніе его къ Богу,—то ей предшествуетъ представленіе этого содержанія: она съ нимъ знакома, но знакомство не есть знаніе и потому удовлетворить ее не можетъ: ей нужно узнать необходимость содержанія, необходимость его связи: для этого нужно начало, начало непосредственное, на которомъ можно бы было основываться въ дальнѣйшемъ развитіи, а это то и трудно.

2.

Философія можетъ быть для перваго раза опредѣлена какъ *мыслительное наблюденіе* предметовъ: но мышленіе есть именно то, что единственно только отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ: слѣдующее мышленіе заключается во всемъ человѣческомъ,—философія же есть особенная форма мышленія, та форма, въ которой мышленіе дѣлается понимающимъ познаваніемъ: общая сторона обыкновеннаго и философскаго мышленія та, что оба суть мышленія *въ себѣ*: разница ихъ въ формѣ—форма обыкновеннаго мышленія есть чувство, созерцаніе, представленіе—форма философскаго мышленія есть мысль, т. е. содержаніе человѣческаго сознанія проявляется въ формѣ мысли.—Тѣ, которые утверждаютъ несовмѣстность и враждебное взаимное отношеніе Религіи и философіи, позабываютъ, что у животныхъ нѣтъ ни религіи, ни нравовъ, ни права и что только одна мыслительная способность даетъ все это человѣку.

Допустивъ это мнимое раздвоеніе философіи съ Религіею, должно всетаки допустить и *послѣдующее мышленіе* (Nachden-

кеn: рефлектирующее мышленіе, имѣющее предметомъ самыя мысли.—Такъ какъ человѣкъ имѣетъ религію, нравы, право только потому, что онъ есть мыслящее существо, то *мышленіе* должно присутствовать во всемъ религіозномъ, нравственномъ, правовомъ и слѣд. во всякомъ чувствѣ и представленіи. Только между чувствами и представленіями, проникнутыми и опредѣленными мышленіемъ, и между мыслями объ этихъ чувствахъ и представленіяхъ есть разница: послѣднее, т. е. мысли, произведенныя Размышленіемъ (Nachdenken), суть именно то, къ чему принадлежитъ, вмѣстѣ съ Рефлексіею (Reflexion), Разсужденіемъ, и философія.—

Мысль, что до этого разсужденія не можетъ быть убѣжденія въ Вѣчномъ и въ Истинѣ, нелѣпа: все равно еслибъ сказали, что нельзя, не зная законовъ пищеваренія, ѣсть и пить.—

3.

Содержаніе сознанія, какое бы оно ни было, опредѣляетъ всѣ чувства, созерцанія, образы, представленія, цѣли, долги, мысли и понятія: созерцаніе, чувство, представленіе суть не что иное, какъ различныя формы проявленія одного и того же содержанія.—Содержаніе это, въ чистыхъ или смѣшанныхъ между собою формахъ, есть предметъ сознанія: но въ этой предметности (?) самыя опредѣленія формъ дѣлаются содержаніемъ, такъ что одно содержаніе раздѣляется призрачно на нѣсколько различныхъ содержаній.—Различныя опредѣленія чувства, созерцанія, желанія, воли носятъ общее названіе представленій: философія замѣняетъ ихъ категоріями, мыслями и наконецъ понятіями: изъ этого однако не слѣдуетъ то, что имѣя представленіе о чемъ нибудь, имѣли бы необходимо соотвѣтствующую мысль или соотвѣтствующее понятіе, и обратно, имѣя мысль или понятіе, не всегда имѣешь представленіе.—На этомъ частію основана непонятность, въ которой упрекаютъ философію: трудность заключается въ неспособности, или, лучше сказать, въ непривычкѣ схватить въ отвлеченьи въ чистой мысли то, что имѣетъ представленіе. Съ другой стороны, сознаніе привыкнувшее къ образному, чувственному мышленію—не понимаетъ значенія чистаго понятія и отыскиваетъ соотвѣтствующее ему представленіе, въ то время, какъ чистое понятіе должно понимать, какъ чистое понятіе.

4.

Философія должна въ отношеніи къ обыкновенному сознанію возбудить интересъ къ философскому познаванію: доказать свое право и свою способность заниматься религіозными предметами или вообще Истиною и объяснить кажущіяся противорѣчія своихъ опредѣленій Религіознымъ представленіямъ.

5. *27-го Вторникъ.*

Для того чтобъ объяснить еще болѣе показанную разницу можетъ быть указанъ (?) *старый предразсудокъ* [(Vorurtheil): Здѣсь это слово употреблено не въ смыслѣ нелѣпости и означаетъ мысль, вкравшуюся безсознательно въ сознаніе], что для того, чтобъ понять истинное въ какомъ нибудь предметѣ, въ какомъ нибудь происшествіи, чувствѣ, созерцаніи, мнѣніи, представленіи необходимо послѣдующее мышленіе, размышленіе (Nachdenken). Такъ какъ философія есть мышленіе, а мышленіе есть общая принадлежность всѣхъ людей, то основывая на этомъ отвлеченномъ тождествѣ и отвлекая отъ существенной разницы формъ естественное сознаніе, позволяемъ себѣ разсуждать, безъ всякаго пріуготовительнаго развитія, объ философіи, допуская, что для того даже, чтобъ шить башмаки необходимо пріуготовленіе. Отсюда происходятъ всѣ кривые толки и нелѣпыя примѣненія философскихъ изложеній.

6.

Съ другой стороны, хотя естественное сознаніе и неспособно разсуждать объ философіи, должно замѣтить, что философія не имѣетъ другого предмета, кромѣ *дѣйствительности*: первое и ближайшее сознаніе этого содержанія есть *Опытъ* (Erfahrung).—Даже чувственное сознаніе отличаетъ мгновенное явленіе отъ истинно дѣйствительнаго,—а такъ какъ философія имѣетъ съ естественнымъ сознаніемъ одинъ и тотъ же общій предметъ и различается отъ него только формою познаванія и пониманія его, то согласованіе ея съ дѣйствительностью и и опытомъ необходимо. Это согласованіе можетъ служить хотя внѣшнимъ доказательствомъ истины философіи, —но, что еще важнѣе, согласованіе это необходимо, какъ высшій, конечный результатъ философіи, какъ примиреніе *самопознавательнаго Разума съ Сущимъ Разумомъ* (Seyende Vernunft).

Что Разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно то Разумно.

Противъ этого положенія, выговореннаго въ первый разъ въ введеніи Философіи Права, нападали и нападаютъ со всѣхъ сторонъ: сперва должно условиться въ томъ, что такое дѣйствительность и отличить ее отъ случайности, имѣющей возможность быть не такъ и иначе:—въ Религіи это положеніе выговорено очень ясно въ представленьи, что Богъ управляетъ міромъ.—Положенью этому противорѣчитъ мысль, что Идеи—Химеры и вся философія система подобныхъ Химеръ, и другая, что Идеалы слишкомъ совершенны для того чтобъ осуществиться въ дѣйствительности.—Но раздѣленіе Дѣйствительности и Идеи всего болѣе производится разсудкомъ, который считаетъ свои отвлеченныя мечты за нѣчто истинное и предписываетъ *Долгъ*.—Если бъ міръ былъ таковъ, какимъ по мнѣнію его долженъ быть, то куда бъ дѣвалось его пресловутое *долженъ*, а если онъ не таковъ, то не слаба ли та истина, которая не имѣетъ силы покорить себѣ дѣйствительность. Разсудокъ этотъ можетъ быть и правъ, когда онъ съ своимъ *долженъ* обращается къ внѣшнимъ, случайнымъ, пошлымъ предметамъ, постановленіямъ, положеніямъ и т. д., которые могутъ въ извѣстномъ частномъ кругѣ и въ извѣстномъ времени имѣть большую относительную дѣйствительность: но въ сферѣ философіи это нелѣпо, потому что философія имѣетъ предметомъ Идею, слишкомъ сильную для того, чтобъ не мочь проявиться въ дѣйствительности.

7. *28-го Среда.*

Такъ какъ философія имѣетъ свое Начало (по происхожденью) въ Размышленьи, а размышленіе есть рефлектирующее мышленіе объ чувствахъ, созерцаніяхъ, представленіяхъ, дѣйствіяхъ и т. д.,—то послѣ Реформаціи, когда свобода была возвращена размышленью, философіею называли всякую теорію, схватывающую общіе, постоянные законы въ безконечномъ морѣ эмпирическихъ, преходящихъ единичностей; а потому и содержаніе философіи было взято изъ эмпирическихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ созерцаній и наблюденій.—

Опытность заключаетъ въ себѣ безконечно важное опредѣленіе необходимости непосредственной достовѣрности самого себя,

для того, чтобъ принять что-нибудь за истинное,—необходимость соединенія (Einigkeit) содержанія съ Достовѣрностью самаго себя; присутствіе Индивида, чувственныхъ ли его орудій или его духовнаго Самопознанія, въ знаніи.—Начало Непосредственности Откровенія, сдѣлавшееся убѣжденіемъ настоящаго времени, то же самое начало.

8.

Опытное знаніе, сначала удовлетворительное, не заключаетъ однако же въ себѣ другой сферы предметовъ: Свободы, Духа, Бога. Не то чтобъ опытъ объ нихъ не зналъ, нѣтъ, онъ знаетъ объ нихъ, потому что они входятъ въ сознаніе въ формѣ чувства, но потому что они проявляются по содержанію своему безконечными. Это было недоразумѣніе, когда Спекулативная философія опровергала древнее положеніе, напрасно приписываемое Аристотелю: nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu,—но къ этому должно прибавить: nihil est in sensu, quod non fuerit in intellectu; то есть въ общемъ смыслѣ, что Духъ есть начало міра, а въ ближайшемъ смыслѣ, что Религіозное, нравственное право и чувство права и т. д. суть чувства, а потому и опытность содержанія основаннаго на мышленіи и заключающагося въ мышленіи.

9.

Кромѣ этого, субъективное сознаніе требуетъ другой формы для своего удовлетворенія—формы необходимости; размышленіе, удовлетворяющее этому требованію есть собственно философское, спекулативное мышленіе; философское размышленіе, какъ Размышленіе, имѣетъ общую сторону съ естественнымъ размышленіемъ, но различается отъ него формами, которыхъ общая форма есть понятіе.—

Отношеніе спекулативной науки къ прочимъ наукамъ состоитъ въ томъ, что первая принимаетъ въ себя все содержаніе вторыхъ, признаетъ ихъ общіе законы и раздѣленія, но не остается при ихъ конечныхъ категоріяхъ и переобразовываетъ ихъ: Спекулативная Логика содержитъ въ себѣ Простую Логику, сохраняетъ тѣ же самыя формы мыслей, но не остается при нихъ и развиваетъ ихъ новыми категоріями.

Изъ нелѣпаго смѣшиванія Спекулативнаго понятія съ простымъ понятіемъ происходитъ этотъ общій предразсудокъ, что безконечное не доступно для Понятія.

10.

Оправданіе Необходимости философскаго мышленія и права его познавать объ Абсолютныхъ предметахъ должно искать въ самой философіи: главное основаніе критической философіи есть изслѣдованіе. *Познаніе* Познавательной способности, прежде приступленія къ Познаванію. Мысль эта, долго увлекавшая всѣхъ, противорѣчитъ сама себѣ—для того, чтобы *познать* познавательную способность должно употреблять не изслѣдованную познавательную способность. Рейнгольдъ чувствовалъ это и потому предлагалъ доходить до Истиннаго Основанія посредствомъ предыдущаго гипотетическаго и проблематическаго Мышленія, посредствомъ предположеній дойти до Перво-Истины (aus Urwahre),—но и эта мысль, хотя и справедливо сознала Естественный ходъ Естественнаго Сознанія за Гипотетическій, также нисколько не поможетъ.

11. *29-го четвергъ.*

Интересъ философіи можно еще выразить слѣдующимъ образомъ: когда Духъ чувствуетъ или созерцаетъ чувственное, то онъ имѣетъ предметами образы фантазіи, цѣли воли (Willenzwecke), - кромѣ этого, въ противоположность этимъ формамъ, или различно отъ нихъ, онъ удовлетворяетъ свою высшую Внутренность (внутреннюю потребность?) Мышленія, дѣлая предметомъ его мышленіе: такимъ образомъ приходитъ *онъ къ себѣ,* въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова; потому что мышленіе есть начало, чистый элементъ его *Самости*; но тутъ онъ не достигаетъ себя, и напротивъ впадаетъ въ противорѣчіе, теряется въ крѣпкой нетождественности мыслей.—Высшая потребность прямо направлена противъ этого Результата только разсудительнаго мышленія, и требуетъ, чтобы оно въ этой сознательной потерѣ своего пребыванія въ себѣ побѣдило бы ее и въ самомъ себѣ разрѣшило бы свои собственныя противорѣчія.

Эта мысль, что Естество мышленія есть Діалектика, что оно какъ разсудокъ должно впасть въ отрицанье самого себя, въ противорѣчіе, есть главная сторона Логики.

12.

И такъ происхожденіе философіи имѣетъ *выходомъ* опытность, непосредственное и размышляющее сознаніе, — возбужденное

этимъ сознаніемъ мышленіе входитъ въ чистый элементъ самого себя, удаляется отъ Начала и входитъ въ *Отрицательное Отношеніе* къ нему. Такимъ образомъ, оно находитъ въ себѣ, въ Идеѣ общаго Существа всѣхъ этихъ явленій, удовлетвореніе.—Идея эта (Богъ, Абсолютъ) можетъ быть, болѣе или менѣе, отвлечена—Съ другой же стороны опытныя науки возбуж(д)аютъ это мышленіе къ уничтоженію непосредственной формы, въ которой богатое ихъ содержаніе представляется какъ *случайное* и къ замѣненію ея формою необходимости– Это выводитъ Мышленіе изъ Пребыванія и удовлетворенія *въ Себѣ* и принуждаетъ его къ Развитію *изъ Себя*.

Что жъ касается до отношенія посредства и *непосредственности въ сознаніи*, то эти формы сознанія неразрывно въ немъ связаны, если онѣ являются даже какъ различныя.

Такъ напримѣръ въ знаньи о Богѣ есть возвышеніе надъ первою степенью сознанія, и содержится къ нему *отрицательно*—вотъ *Посредство*; но знаніе это не менѣе самостоятельно, и даетъ себѣ эту Самостоятельность черезъ Посредство и Возвышеніе. Если смотрѣть только на одно Посредство, то, разумѣется, что философія выходитъ изъ Опытности (A posteriori), но только отрицательно, какъ отрицаніе опытности.

Собственная же, въ себѣ рефлектированная, а потому въ себѣ посредствуемая, Непосредственность мышленія (apriori) есть *Всеобщность*, пребываніе въ себѣ.

30 пятница.

Оно удовлетворено въ себѣ, а потому и равнодушно ко всѣмъ частностямъ, а вмѣстѣ и къ своему развитію; точно такъ же, какъ Религія, независимо отъ большаго или меньшаго развитія своего содержанія, заключаетъ въ себѣ тотъ же самый интенсивный характеръ удовлетворенія или Блаженства. Когда мышленіе остается при общности Идей, такъ какъ это необходимо должно было быть въ первыхъ философіяхъ, то его справедливо упрекаютъ въ формализмѣ.—Также можетъ случиться, что и въ развитой философіи повторяются только отвлеченныя положенія и Опредѣленія,—какъ то Тождество Субъекта и Объекта, что въ Абсолютѣ все одно,—которые прилагаются также и къ частностямъ. Въ отношеньи къ этой отвлеченной Всеобщности мышленія можно сказать, что опытъ принуждаетъ философію къ конкретному развитію. Опытъ не остается при чувствен-

ныхъ единичностяхъ, возвышается до общихъ законовъ, родовъ и опредѣленій: такимъ образомъ, онъ приготовляетъ содержаніе для философіи, содержаніе частностей, и побуждаетъ ее выйти изъ своей общности, принять это содержаніе въ себя и переобразовать его—такимъ образомъ философія принуждена выйти изъ самой себя и развиваться. А содержаніе освобождается отъ случайной формы и облекается въ свободную форму необходимости.

13.

Происхожденіе и развитіе философіи представляется въ формѣ свойственной *внѣшней Исторіи*, какъ *Исторія Философіи*: но сущность этой формы есть *Случайность*, а потому въ единой исторіи Философіи видно только случайное послѣдованіе разныхъ, другъ отъ друга различныхъ, Началъ и ихъ Развитій. Философія одна; одинъ и тотъ же Единый Духъ, мыслящая природа котораго есть сознаніе того, *что онъ въ себѣ есть*, развивается во всѣхъ этихъ, повидимому различныхъ, но въ сущности согласныхъ и другъ изъ друга вытекающихъ, философіяхъ. Исторія философіи показываетъ поэтому въ различныхъ философіяхъ одну и ту же философію на различныхъ степеняхъ развитія и частныя начала суть ничто иное, какъ отрасли одного и того же Цѣлаго. Дѣлая себя самого своимъ Предметомъ, Духъ возвышается надъ своимъ конечнымъ пребываніемъ въ какомъ нибудь моментѣ и сознавъ эту конечность, переходитъ въ высшую степень, такъ что послѣдняя философія есть необходимо самая полная, самая конкретная и содержитъ въ себѣ всѣ предыдущія.

14.

То же самое развитіе мышленія, только очищенное отъ историческихъ внѣшностей, представляется въ философіи, въ *чистомъ Элементѣ мышленія*. Истинная и свободная мысль конкретна. Идея и во всей своей всеобщности—Идея или Абсолютъ. А потому Наука Мысли, Философія, необходимо – Система, потому что истина, какъ конкретность есть только какъ Тотальность, какъ развивающаяся въ самой себѣ и удерживающая свое Единство. Философія безъ системы не есть Наука, и частное содержаніе можетъ получить свое оправданіе только какъ моментъ цѣлаго.

15.

Каждая часть философіи есть философское цѣлое, кругъ въ себѣ самомъ заключающійся, въ которомъ философская Идея находится въ частномъ опредѣленіи или въ частномъ элементѣ. Но именно потому-то, что этотъ частный кругъ есть въ себѣ тотальность, именно потому-то онъ и разрушаетъ границы своего элемента и основываетъ дальнѣйшій кругъ.—Такимъ образомъ Цѣлое есть кругъ, составленный изъ круговъ, изъ которыхъ каждый есть необходимый моментъ и въ каждомъ изъ нихъ, точно такъ же, какъ и въ цѣлой системѣ, заключается одна Идея.

16.

Въ Енциклопедіи не можетъ быть показано подробное развитіе Цѣлой Науки въ частностяхъ, а только начала и основныя понятія частныхъ Наукъ. Сколько частныхъ частей могутъ составить особенныя Науки неопредѣлено, и опредѣлено только тѣмъ, что Единичный Моментъ долженъ быть Тотальностью для того чтобы быть Истиною. А потому Цѣлое философіи составляетъ истинно одну Науку или Цѣлое Частныхъ Наукъ. Философская Енциклопедія различается отъ обыкновенной тѣмъ, что въ ней послѣдовательность и порядокъ необходимый, а въ обыкновенной случайный Агрегатъ, и тѣмъ, что исключаетъ изъ себя всякую науку, состоящую изъ агрегата познаній, или основанную на произволѣ, и всѣ положительныя науки.

17.

Кажется, что *начало* философіи точно такъ же предположительно, какъ и начала другихъ наукъ, когда она дѣлаетъ особенный предметъ, какъ то: пространство, число и т. д.,—а здѣсь мышленіе,—предметомъ мышленія. Но это свободный актъ мышленія, которое становится на точку и начинаетъ съ точки, на которой онъ самъ для себя и себѣ свой предметъ даетъ и производитъ. Эта точка отправленія, являющаяся сперва непосредств(енно), должна впасть въ самую философію и быть конечнымъ результатомъ ея, въ которомъ она достигаетъ своего начала, такъ что въ сущности философія есть Наука безъ начала и безъ конца, кругъ, который имѣетъ начало только въ отношеньи къ точкѣ отправленія философствующаго субъекта.

Все дѣйствіе, вся цѣль философіи состоитъ въ томъ чтобъ достигнуть до понятія своего понятія и такимъ образомъ достигнуть до своего возвращенія къ началу и до своего удовлетворенія.

18.

Такъ какъ объ философіи нельзя дать послѣдовательнаго представленія. потому что только цѣлое есть представленіе Идеи, то и *раздѣленіе* можетъ быть здѣсь только показано. а доказано только въ самой наукѣ. Идея же можетъ быть опредѣлена какъ мышленіе съ собою тождественное и какъ дѣятельность, состоящая въ поставленьи себя для того, чтобъ быть для себя и для того чтобъ въ этомъ другомъ быть при себѣ.—Такимъ образомъ Наука раздѣляется на три части:

1. Логика, Наука Идеи въ себѣ.

2. Натуральная философія, Наука Идеи въ ея пребываньи въ другомъ.

3. Философія Духа, Наука Идеи, возвратившейся къ себѣ изъ пребыванья въ другомъ.

Въ параграфѣ 15 сказано, что различья частныхъ философскихъ наукъ суть только различныя опредѣленія одной и той же Идеи, совершающей свой кругъ въ различныхъ элементахъ; въ природѣ узнается та же самая Идея, только въ ея внѣшнемъ Проявленьи (Entausserung); также и въ духѣ познается Идея для себя сущая и въ себѣ и для себя дѣлающаяся; подобное опредѣленіе, въ которомъ проявляется Идея, есть текучій моментъ: и потому особенная Наука есть познаваніе Содержанія. какъ сущаго предмета, а вмѣстѣ познаваніе перехода въ высшій кругъ: Представленіе Раздѣленія заключаетъ въ себѣ ту ложь, что оно ставитъ особенныя части или науки, одну подлѣ другой. какъ будто онѣ въ различьи своемъ субстанціональны, какъ виды.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

Стр.

Стр.

Стр.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 03 15 11 013 0